СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Д. ГРАДОВСКАГО

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1899.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Д. ГРАДОВСКАГО

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1899.

УНИВЕР. ... МЕН. ЗАП.
№
...БИНЕТ Л...НИНИЗМА

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

2837

125033

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ составъ третьяго тома собранія сочиненій А. Д. Градовскаго вошли статьи и этюды, касающіеся преимущественно вопросовъ, затронутыхъ иностранною политическою литературою. Бо́льшая часть этихъ работъ была напечатана въ повременныхъ изданіяхъ 1869—1884 гг., причемъ нѣкоторые изъ нихъ были повторены самимъ авторомъ въ сборникахъ *Политика, исторія и администрація* (1871 г.) и *Трудные годы* (1880 г.). Очеркъ „Общество и Государство", найденный въ бумагахъ покойнаго, появляется здѣсь впервые.

Содержаніе настоящаго тома составили:

I. и II. „Политическія теоріи XIX столѣтія. I. Государство и Прогрессъ. Buchez. *Traité de Politique et de Science sociale*. 2 vol. in 8°. Paris 1866" [1]), и „II. Парламентаризмъ во Франціи. Б. Констанъ (*Cours de Politique constitutionnelle*, p. B. Constant. Avec une introduction et des notes par M. Edouard Laboulaye. II t., Paris 1861)" [2]). Не лишне привести здѣсь то мѣсто изъ предисловія къ сборнику *Политика, исторія и администрація*, гдѣ А. Д. Градовскій объясняетъ происхожденіе и причину появленія обоихъ названныхъ этюдовъ.

---

[1]) Эта статья напечатана сначала въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 годъ подъ заглавіемъ: „Политическія теоріи XIX столѣтія. I. Бюшезъ. Traité de Politique et de Science sociale. 2 vol. in 8°. Paris. 1866". Статья первая: ноябрь, стр. 507—577.—Статья вторая: декабрь, стр. 965—1031. Затѣмъ, подъ заглавіемъ „Государство и прогрессъ", она перепечатана въ сборникѣ *Политика, исторія и администрація*.

[2]) Напечатана сначала въ журналѣ *Заря* за 1869 годъ подъ заглавіемъ: „Политическія теоріи XIX вѣка. II. Бенжаменъ Констанъ. (Cours de Politique constitutionelle p. B. Constant. Avec introduction et des notes par M. Edouard Laboulaye, II t., Paris. 1861)". Гл. I—III: январь, стр. 57—116. Гл. IV—VI: мартъ, стр. 128—176. Гл. VII—IX: апрѣль, стр. 1—52". Подъ заглавіемъ: „Парламентаризмъ во Франціи", она перепечатана въ сборникѣ *Политика, исторія и администрація*.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ

XIX СТОЛѢТІЯ.

I. ГОСУДАРСТВО и ПРОГРЕССЪ [1]).

Buchez. *Traité de Politique et de Science sociale.* 2 vol. in 8⁰. Paris. 1866.

Nul n'a droit qu'à faire son devoir.
A. Comte.

Въ области соціальныхъ наукъ нѣтъ понятій, поставленныхъ въ болѣе враждебное отношеніе, особенно въ послѣднее время, какъ идеи, развитіе которыхъ должно бы идти рука объ руку—идеи порядка и прогресса. Каждый безпристрастный наблюдатель согласится, что государственный строй, не заключающій въ себѣ элементовъ дальнѣйшаго развитія, обреченъ на неподвижность и разложеніе, и что, съ другой стороны, движеніе впередъ невозможно безъ прочнаго общественнаго порядка, твердо установленнаго на историческихъ основахъ каждой національности. Между тѣмъ оба эти слова получили какое-то странное значеніе въ государствахъ Западной Европы: партія движенія, прогресса, является врагомъ всякаго порядка, всякой организаціи; такъ называемые защитники порядка отреклись отъ прогресса и ищутъ идеала государственнаго устройства въ отжившихъ преданіяхъ, стараются возстанавливать искусственно давно отжившіе институты. Понятно, какъ мало выигрываетъ отъ этого и порядокъ, и движеніе, и наконецъ самое общество.

Отъ чего зависитъ это печальное явленіе? Вопросъ чрезвычайно любопытный не только для западнаго ученаго, но и для русскаго, и для послѣдняго, можетъ быть, больше, чѣмъ для кого-нибудь. На глазахъ у насъ происходитъ нѣчто подобное западнымъ недоразумѣніямъ. Порядокъ и прогрессъ и въ нашемъ обществѣ начинаютъ представляться чѣмъ-то враждебнымъ другъ другу, хотя эпоха переживаемыхъ нами мирныхъ преобразованій должна бы всѣхъ убѣдить въ противномъ. Нѣтъ тѣхъ обвиненій, которыхъ „партія порядка"

---

[1]) Написана въ 1867 г.

не взводила бы на тѣхъ, кого она называетъ прогрессистами, и нѣтъ того зла, котораго причины „партія прогресса" не искала бы въ консерваторахъ. Все это можетъ имѣть нѣкоторый интересъ и даже нѣкоторую привлекательность въ области политики, гдѣ открывается просторъ борьбѣ партій, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ сказать *свое слово* и всегда найдетъ охотниковъ его выслушать. Но съ научной точки зрѣнія всѣ эти недоразумѣнія, вся эта борьба, борьба ожесточенная, но,—должно сознаться,—безъ всякой опредѣленной цѣли и плана, прежде всего вызываетъ самый простой вопросъ: *знаютъ ли* обѣ партіи другъ друга? *Знаютъ ли* онѣ общество, за интересы котораго онѣ такъ громко говорятъ? Что такое порядокъ? Гдѣ отличіе его отъ прогресса?

Нельзя сказать, чтобъ эти капитальные вопросы хоть сколько-нибудь были уяснены въ истинномъ, научномъ смыслѣ. А пока вопросы эти не получатъ подобнаго разрѣшенія, нельзя ожидать, чтобы общество, присутствующее при борьбѣ этихъ двухъ партій, могло сознать ея цѣль и направленіе; нельзя ожидать, чтобы самыя партіи пришли къ какимъ-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Остается одно: удалиться въ область науки, стать въ сторонѣ отъ всякихъ партій и съ научными, историческими фактами въ рукахъ изучить эти вопросы, слишкомъ долго остающіеся въ рукахъ людей, руководимыхъ больше страстью, чѣмъ разсудкомъ и опытомъ.

Мы рѣшаемся предпринять здѣсь нѣчто подобное, съ помощью указаній, добытыхъ людьми, которыхъ воззрѣнія развились внѣ всякихъ партій, а слѣдовательно и увлеченій. На первый разъ мы разсмотримъ жизнь и сочиненія человѣка, который много сдѣлалъ для разъясненія этихъ идей.

15-го мая 1848 года французское учредительное собраніе представляло печальное зрѣлище. Буйная толпа народа, пользуясь поддержкой префекта полиціи, Коссидьера, и двусмысленнымъ поведеніемъ начальника національной гвардіи Курте, ворвалась въ засѣданіе, гдѣ обсуждалась конституція новой республики. Соціалистическіе возгласы, полонофильскія заявленія, выходки противъ членовъ правительства,—вотъ чѣмъ наполнилось собраніе, отъ котораго должно было выйти рѣшеніе самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ политическаго и экономическаго быта Франціи. Во всей этой сумятицѣ уже виднѣлись іюльскіе дни, временная диктатура Кавеньяка, замаскированный абсолютизмъ Наполеона III, подавленіе свободы, упадокъ умственной жизни, извращеніе нравственности, демократы, превращенные въ безполезныхъ говоруновъ, консерваторы, апплодирующіе

революціоннымъ мѣрамъ правительства, цѣлый народъ, превращенный въ софиста, софисты, превращенные въ руководителей политическаго движенія, апатія, застой, быть можетъ, предшествующіе такому же безпорядочному взрыву въ будущемъ. Въ средѣ самого собранія были люди, ясно видѣвшіе не только всю эту неурядицу, но и причины, ее вызвавшія. Они ясно видѣли, что классы, бывшіе до тѣхъ поръ руководителями страны, давно потеряли сознаніе національной идеи, одушевлявшей Францію съ 1789 года, что буржуазія, выставившая Верньо и Барнава, превратилась въ представительницу своекорыстныхъ стремленій, что идеи рабочаго класса еще не доросли до высоты общенаціональнаго сознанія, что церковь глядитъ врозь съ государствомъ и что *la grande nation* перестаетъ быть для человѣчества тѣмъ, чѣмъ была прежде.

Быть можетъ, потому что они видѣли все это, они сознавали себя совершенно безполезными и отчасти чуждыми въ средѣ собранія, хотя и содѣйствовали его работамъ по мѣрѣ силъ. Но главная причина ихъ изолированнаго положенія заключалась въ томъ, что они слишкомъ ясно сознавали условія будущаго порядка и ни одной минуты не могли остановиться на мысли объ осуществленіи его такими банальными средствами, какъ организація труда, фаланстеріи, икаріи, коммунистическія мѣры. По словамъ Прудона, все это пушки, взятыя изъ стараго лагеря и обращенныя противъ него же. Не такими средствами осуществляются новыя идеи.

Къ числу такихъ личностей принадлежалъ и человѣкъ, занимавшій президентское кресло учредительнаго собранія въ самый день 15-го мая. Это былъ Бюше. Спокойно принялъ онъ дикія выходки толпы,—даже, по мнѣнію многихъ, слишкомъ спокойно. Это ставятъ ему въ вину. Противники проводятъ невыгодную для него параллель—его поведеніе съ поведеніемъ Буасси-д'Англа въ подобномъ же случаѣ, именно при вторженіи клубистовъ въ залу собранія 1-го преріаля. Но, кромѣ внѣшней обстановки, оба эти случая не представляютъ ничего общаго. Конечно, и тамъ, и здѣсь дѣло шло о поддержаніи только-что начавшихъ складываться государственныхъ началъ, противъ эгоистическихъ стремленій, имѣвшихъ въ виду удовлетвореніе минутныхъ потребностей. Но за Буасси-д'Англа стояла непреклонная фаланга людей, изъ которой вышли мужественныя арміи республики и первой имперіи, съ своими генералами и маршалами,—эти великіе обновители Европы. Они ясно сознавали свою цѣль, они знали, за что умирали они сами, ихъ братья и отцы во всѣхъ частяхъ свѣта. Знали ли люди 1848 года, чего они хотѣли?

Отчего революція 1848 года имѣла такъ мало успѣха? Отвѣтомъ

на это могутъ отчасти служить два лежащіе передъ нами тома. Мы постараемся изложить ихъ въ связи съ ученіями, которыя, подобно имъ, имѣютъ въ виду изслѣдованіе законовъ нормальнаго развитія человѣческихъ обществъ и ищутъ его условій въ организаціи человѣческихъ знаній, нравственныхъ понятій и въ правильной дисциплинѣ человѣческаго труда.

Только съ этой стороны намъ и будетъ понятно значеніе Бюше. Его политическая роль слишкомъ блѣдна, чтобъ останавливаться на ней долго,—блѣдна не потому, чтобъ у него не было способностей, нравственной силы и убѣжденій: его труды, его воззрѣнія, его жизнь служатъ доказательствомъ противнаго; блѣдность эта зависѣла отъ того, что ему пришлось говорить о порядкѣ, когда рѣчь шла объ анархіи, и о свободѣ, когда ловкіе люди уже отождествили ее съ анархіею. Для самодержавной толпы 15-го мая его теоріи казались остаткомъ разрушенной монархіи; для наступившаго абсолютизма—отраженіемъ революціонныхъ идей. Учредительное собраніе со смѣхомъ отвергло его предисловіе къ конституціи, гдѣ онъ говоритъ объ обязанностяхъ, наложенныхъ Богомъ на націю,—обязанностяхъ, которыя служатъ единственнымъ источникомъ всякихъ коллективныхъ и личныхъ правъ. Наполеонъ поспѣшилъ нарушить 48-ю ст. конституціи, заключавшую въ себѣ постановленіе, предложенное Бюше, о томъ, чтобы президентъ присягалъ республикѣ. Что ему было здѣсь дѣлать? Послѣ кратковременной политической карьеры, онъ возвратился къ занятіямъ, поглотившимъ всю его жизнь,—къ разработкѣ соціальныхъ вопросовъ. Въ этомъ его главная и даже единственная заслуга, здѣсь все его значеніе. Онъ раздѣляетъ его вмѣстѣ съ другими лицами, посвятившими себя тому же предмету, то-есть устраненію умственной и нравственной анархіи, подготовленію будущей организаціи общества, выясненію истинныхъ началъ общежитія. Бо̀льшая часть истинно-самостоятельныхъ французскихъ умовъ посвятили себя этой цѣли. Сюда ушла бо̀льшая часть жизни и относятся лучшіе труды Конта. Прудонъ, покончивъ практическую часть своей работы, то-есть, выполнивъ по своему убѣжденію первую часть своего гордаго девиза—*destruam*, принялся за его вторую часть—*aedificabo*. За критикой собственности послѣдовала теорія собственности, за экономическими противорѣчіями—теорія новаго общества. Мы увидимъ, что̀ сдѣлано въ этомъ направленіи Бюше. Онъ, очевидно, стремился къ одной цѣли со всѣми лицами, вышедшими изъ школы С.-Симона; однакоже, онъ отличается отъ большей части изъ нихъ. Онъ остался въ кругу христіанской цивилизаціи—вотъ рѣзкая черта, отдѣляющая его отъ Конта. Точкой отправленія для него служитъ нравственная и умственная свобода человѣка—

вотъ пропасть, отдѣляющая его отъ соціализма и коммунизма. Онъ дѣлаетъ нравственность критеріемъ всякаго сознанія и даже знанія, матеріализмъ чуждъ ему. Но, расходясь въ этихъ общихъ основаніяхъ, онъ, очевидно, идетъ къ одной и той же цѣли и даже по одной дорогѣ съ этими писателями. Построеніе дѣйствительной соціальной науки, которая своими прочно постановленными истинами положила бы конецъ умственной и нравственной анархіи, этому продукту революціонной метафизики XVIII столѣтія; установленіе связи положительнаго законодательства съ этими научными, разумными, а потому необходимыми началами соціологіи; подчиненіе ихъ общей идеѣ прогресса и устраненіе человѣчества съ пути революцій—вотъ задача, которой была посвящена жизнь Бюше. Такимъ людямъ не было мѣста въ современной политической жизни, колебавшейся между революціонно-метафизическими мечтами и военно-теократическою реакціею; но за то въ скромной, незамѣтной закладкѣ новаго зданія имъ принадлежитъ первое мѣсто. Мы считаемъ особенно полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ идеями Бюше, такъ какъ онѣ до нѣкоторой степени подходятъ къ началамъ религіозной нравственности,—къ которымъ, по счастію, возвращается наше общество,—во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ часто крайнія воззрѣнія Конта. Тѣмъ не менѣе, общность цѣли, одинаковая научная подготовка и часто поразительно тождественные выводы обоихъ писателей побуждаютъ насъ сравнивать ихъ между собою, равно какъ и съ другими авторами, на которыхъ отразилось вліяніе сенъ-симонизма и позитивизма. Мы постараемся не столько выставлять наши собственные взгляды, сколько познакомить читающую публику съ этими теоріями, къ сожалѣнію, или мало, или невѣрно ей представленными. Наши субъективные взгляды будутъ проведены только тамъ, гдѣ это необходимо для выясненія или лучшей связи отдѣльныхъ частей излагаемаго ученія.

I.

Необходимость соціальной науки никогда не заявляла себя съ такою силою, какъ въ XIX столѣтіи. Умственная и отчасти политическая диктатура католицизма, военно-феодальная организація старыхъ монархій, нѣкоторая умственная дисциплина, установленная этими великими силами, съ дальнѣйшимъ развитіемъ западно-европейскихъ народовъ, въ особенности послѣ французской революціи, оставили широкое поле для всевозможныхъ политическихъ системъ, для отсутствія системъ и вообще для попытокъ разнаго рода содѣйствовать благосостоянію человѣчества. Не смотря на такую свободу дѣйствія и мысли, до настоящаго времени нѣтъ системы, которая

хотя сколько-нибудь удовлетворяла бы потребности общества достигнуть дѣйствительной организации всѣхъ своихъ силъ и элементовъ. До настоящаго времени всякое прогрессивное движенiе есть прежде всего разрушенiе прежняго, всякая попытка организацiи есть возвращенiе къ старому порядку. Революцiя и реакцiя, разрушенiе старыхъ идоловъ и возстановленiе ихъ — вотъ между какими крайностями колеблется Западная Европа въ теченiе цѣлаго столѣтiя. Мы не вполнѣ разрушили старую систему, говорятъ революцiонеры, когда ихъ пышныя обѣщанiя терпятъ крушенiе; мы не вполнѣ возстановили старину, говоритъ реакцiя, когда, не смотря на предупредительныя и карательныя ея мѣры, чувствуются судороги соцiальнаго организма. Когда же эти люди займутся постройкою новаго зданiя взамѣнъ жалкой работы ломки и переборки стараго?

Нельзя сказать, конечно, чтобы та и другая школа не выставляли образцовъ, типовъ общества, сообразныхъ съ ихъ ученiемъ. Напротивъ, ихъ, можетъ быть, слишкомъ много; они разнообразны и многочисленны, какъ разнообразны фантазiи, ихъ породившiя. Но всѣ они имѣютъ одно общее имъ свойство: ни одинъ изъ нихъ не рацiоналенъ на столько, чтобы могъ всегда оставаться вѣренъ своимъ собственнымъ началамъ. Внутреннее противорѣчiе какъ бы присуще всѣмъ этимъ системамъ. Не говоря уже о революцiонно-метафизическихъ теорiяхъ, которыя вошли въ поговорку въ этомъ отношенiи, сами реакцiонныя системы грѣшатъ крайнею непослѣдовательностью. Во-первыхъ, ни одна изъ нихъ уже не рѣшается явно преслѣдовать и подавлять успѣхи науки и промышленности, которыя каждый день все болѣе и болѣе подрываютъ главныя основы стараго порядка: низкiй уровень образованiя, монополiи и привилегiи. Напротивъ, поощренiе этихъ очевидныхъ враговъ стараго порядка вмѣняется въ обязанность даже ретрограднымъ правительствамъ. Далѣе, въ борьбѣ со школой революцiонною ретроградная школа сражается одинаковымъ съ нею оружiемъ, и вмѣсто преданiя и авторитета, единственно свойственныхъ ей способовъ доказательства, пускается на несвойственную ей почву научныхъ и историческихъ доводовъ, слѣдовательно сама подчиняетъ преданiе и авторитетъ критикѣ собственнаго разума. Такимъ образомъ, она подрываетъ самыя существенныя свои начала и открываетъ широкую дорогу разрушительнымъ теорiямъ. Съ большею еще силою обнаруживается эта непослѣдовательность въ практической дѣятельности ретроградной партiи. Раздвоенiе и часто борьба элементовъ, составляющихъ ея поддержку, ненацiональная политика въ видахъ поддержанiя личнаго влiянiя, разрывъ аристократической партiи съ монархическою, провозглашенiе революцiонныхъ началъ въ политикѣ одною партiею и тѣхъ же на-

чалъ въ сферѣ экономическихъ отношеній другою партіею,—все это вещи, очень знакомыя каждому, кто всматривался въ бытъ новѣйшихъ государствъ. Даже на литературѣ отражается эта крайняя непослѣдовательность двухъ политическихъ партій. Ог. Контъ очень удачно указываетъ, какимъ образомъ романтизмъ, этотъ революціонеръ въ сферѣ прежнихъ строгихъ эстетическихъ формъ, сталъ подъ защиту реакціонной партіи на томъ только основаніи, что главнымъ предметомъ его пѣснопѣній была феодально-католическая Европа, а революціонная школа взяла подъ свое покровительство раздушенный псевдо-классицизмъ, бравшій своихъ героевъ изъ языческо-республиканской древности. И къ такимъ-то мелочамъ привязывались лица, серьезно думавшія взять на себя трудное дѣло общественной организаціи!

Если, такимъ образомъ, ретроградная партія, имѣющая за собою вѣковой опытъ и рутину, не въ силахъ создать прочную систему человѣческаго общежитія, то тѣмъ менѣе можетъ исполнить эту задачу масса революціонныхъ метафизиковъ. Ея задача—чисто критическая. Она принадлежитъ эпохѣ, раздѣляющей старую и новую систему; она разрушаетъ одну, чтобъ очистить мѣсто для другой. Но отъ разрушенія до созданія новаго — разстояніе большое. Изъ собственныхъ своихъ элементовъ она не въ силахъ создать ничего органическаго, не въ силахъ установить никакой положительной цѣли. Вслѣдствіе этого каждая изъ ея теорій общественной организаціи носитъ на себѣ отпечатокъ переходной эпохи, временныхъ задачъ, и въ большинствѣ случаевъ эти теоріи, очевидно, соотвѣтствуютъ цѣли разрушенія, болѣе имѣютъ въ виду ненавистную имъ политическую систему прежняго времени, чѣмъ истинныя условія развитія человѣчества въ будущемъ. Теоріи непреклонныхъ революціонеровъ возводятъ въ идеалъ такую организацію общества, которая имѣетъ значеніе только какъ противодѣйствіе какой-нибудь положительной государственной и соціальной системѣ, обыкновенно современной автору теоріи. Задача *умѣренныхъ* заключается въ искусствѣ сохранить большее или меньшее количество старыхъ началъ, въ стараніи *примирить* то, что прошло, съ тѣмъ, что должно быть. Слѣдовательно, революціонная партія или положительно заимствуетъ начала своихъ противниковъ для собственной системы, или, по крайней мѣрѣ, создаетъ ихъ подъ такимъ неотразимымъ вліяніемъ отживающаго порядка, что безъ него они не имѣютъ смысла. Возможно ли, напримѣръ, понять теоріи, которыя проповѣдывались въ 1848 году въ Люксембургскомъ дворцѣ, помимо идей того порядка вещей, который былъ созданъ буржуазіею? Авторамъ этихъ теорій кажется, что переходная эпоха, въ которую они дѣйствуютъ, есть нѣчто не-

измѣнное, вѣчное, что враждебный имъ порядокъ также вѣченъ, и что система ихъ должна имѣть одно назначеніе—вѣчное противодѣйствіе этому вѣчному врагу. По всѣмъ этимъ причинамъ революціонная метафизика доходила до невообразимыхъ противорѣчій. Имѣя сама разрушительное назначеніе, она дѣлала его главною задачею человѣчества, а потому вообще не любила всего, что не ладило съ этими цѣлями. Всякое правительство являлось у нея естественнымъ врагомъ общества и его развитія: противъ него необходимо держаться на сторожѣ, стѣснять сколь возможно сферу его дѣятельности, такъ чтобы въ заключеніе оставить ему однѣ полицейскія охранительныя обязанности, устранивъ его отъ руководящей роли въ дѣлѣ общественнаго развитія. Сказать такую вещь—значитъ прямо объявить себя неспособнымъ создать какую бы то ни было прочную политическую систему. И дѣйствительно, если мы разсмотримъ коренныя начала, провозглашенныя революціонною школою, намъ ясно будетъ, что они выражаютъ переходную, разрушительную задачу школы. Основнымъ догматомъ ея,—догматомъ, дѣйствительно опредѣляющимъ ея свойство,—является безусловная свобода изслѣдованія во всѣхъ сферахъ нравственной и умственной жизни человѣчества. Нѣтъ сомнѣнія, что провозглашеніе этого начала дало ей возможность оказать человѣчеству тѣ услуги, которыя отражаются на быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ отраслей знанія. Нѣтъ сомнѣнія, что это великое начало въ обществахъ цивилизованныхъ до такой степени проникло въ нравы, что даже реакціонная партія, по своимъ пріемамъ и смѣлости обращенія съ наиболѣе важными предметами, напоминаетъ своихъ противниковъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что такая свобода ясно указываетъ на такое состояніе общества, гдѣ лучшія силы направлены на разрушеніе, гдѣ нѣтъ никакого дѣйствительнаго организующаго начала.

Мы должны оговориться. Свобода, въ томъ смыслѣ, какъ мы принимаемъ ее здѣсь, состоитъ не въ той необходимой возможности для каждаго лица изслѣдовать самостоятельно каждый научный вопросъ и издавать въ свѣтъ выводы своихъ научныхъ изслѣдованій, не подчиняя ихъ оффиціальнымъ взглядамъ и образцамъ мышленія. Это—необходимое право каждой развивающейся личности, каждаго сознающаго себя духа. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ печальномъ фактѣ, что каждый, начинающій разсуждать о политическихъ и нравственныхъ вопросахъ, считаетъ своею обязанностью подвергать критикѣ самыя основы общежитія и пытается вывести изъ своего ума то, что устанавливается долгимъ процессомъ человѣческаго развитія. Въ этомъ отношеніи соціальныя науки стоятъ ниже всѣхъ остальныхъ. Послѣднія обладаютъ нѣкоторыми общими началами, не подвергающимися

цовому пересмотру при выходѣ въ свѣтъ каждой новой книги. Человѣческая мысль въ области астрономіи, физики, химіи и даже въ области филологіи и исторіи задерживается нѣкоторыми несомнѣнными истинами, фактами, которые препятствуютъ принять ту отвлеченно-произвольную форму, въ какой щеголяютъ произведенія политическихъ метафизиковъ. Писатель, который рѣшился бы высказать мысль объ обращеніи солнца около земли, навлекъ бы на себя подозрѣніе въ умопомѣшательствѣ; лица, высказавшія совершенно аналогическія нелѣпости въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ, часто увѣнчиваются лаврами. Это печальное положеніе продлится до тѣхъ поръ, пока по отношенію къ политическимъ наукамъ въ самомъ сознаніи людей не установится нѣсколько прочно постановленныхъ началъ, отсутствіе которыхъ ведетъ къ тому, что люди отвлекаются отъ трезвой политической дѣятельности изслѣдованіемъ высшихъ законовъ общежитія. Это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что общество, завоевавшее себѣ и ревниво охраняющее свободу мысли по отношенію къ теоретическимъ вопросамъ и непризнающее здѣсь никакихъ авторитетовъ, на практикѣ терпѣливо выноситъ гнетъ рутинной администраціи, которая предъ обществомъ имѣетъ то важное преимущество, что вся отдалась дѣлу, хотя часто не слыхала ни о какихъ теоретическихъ соображеніяхъ. И такъ, анархія, вслѣдствіе отсутствія общихъ началъ, осуществленію которыхъ могло бы отдаться успокоенное общество, ведетъ къ сильнѣйшему и безграничному господству „будничныхъ людей и идей", составляющихъ бюрократію. Важною и великою побѣдою было освобожденіе мысли отъ внѣшнихъ стѣсненій; но еще важнѣйшихъ результатовъ достигла бы эта освобожденная мысль, когда бы она сама подчинила себя необходимой дисциплинѣ, которая удерживала бы ее отъ безполезныхъ теорій, но за то направляла бы всѣ ея силы къ дѣйствительной общеполезной дѣятельности. До сихъ поръ новоевропейское общество тратило свои силы на построеніе *началъ* общежитія; пусть оно обратится къ необходимымъ *законамъ* его и имъ подчинитъ свою политическую жизнь.

Странное дѣло! Всѣ заявленія, начиная съ „Объявленія правъ человѣка и гражданина", были, повидимому, направлены къ тому, чтобъ открыть обществу доступъ къ политическимъ дѣламъ; но на дѣлѣ выходитъ, что оно устранено отъ этой дѣятельности болѣе чѣмъ когда-нибудь, и нѣтъ сомнѣнія, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ этого есть несовершенное состояніе политическихъ и соціальныхъ наукъ. Отчасти вслѣдствіе вражды къ отжившей системѣ, отчасти вслѣдствіе дѣйствительной несостоятельности прежнихъ началъ, новое общество до настоящаго времени занимается переборкою

и критикою ихъ, то-есть, остается въ моментѣ *изслѣдованія*, которое всегда и во всемъ предшествуетъ дѣйствію. До дѣйствія оно еще не дошло. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что одна часть революціонной массы называетъ себя партіей *дѣйствія*, какъ будто это какая-нибудь удивительная особенность; это значитъ только, что вся остальная масса такъ-называемыхъ либераловъ еще весьма далека отъ способности дѣйствовать. Призывая каждаго къ новому пересмотру началъ общества, либеральная часть общества приводитъ къ тому, что во всѣхъ сферахъ дѣятельности сочли бы безуміемъ,—заставляетъ всѣхъ разсуждать, но только разсуждать, и устраняетъ ихъ отъ всякой дѣятельности, какъ бы не сознавая, что дѣятельность, а не простое и безплодное резонерство, есть задача человѣка. Гдѣ бездѣйствіе съ одной, а свобода резонерства съ другой стороны, тамъ и анархія. Нѣтъ умственной дисциплины,—нѣтъ плодотворной дѣятельности, нѣтъ прочно поставленной цѣли,—все идетъ на удачу. Между тѣмъ какъ каждый спѣшитъ въ дѣлѣ своего здоровья исполнять совѣты медика, въ мануфактурномъ дѣлѣ—совѣты техника, и т. д., каждый считаетъ себя въ правѣ обсуждать труднѣйшіе вопросы политики—этой самой сложной изъ наукъ.

Ясно, что тутъ дѣло идетъ о чемъ-то переходномъ, не установившемся. Не можетъ быть прочной организаціи тамъ, гдѣ каждый считаетъ себя въ правѣ подвергать постоянной критикѣ самыя основы общежитія. Еще менѣе можетъ она установиться при полномъ отсутствіи соціальной іерархіи, приноровленной къ потребностямъ даннаго общества. Революція провозгласила полное равенство всѣхъ членовъ общества, въ смыслѣ полнаго уничтоженія внѣшнихъ и наслѣдственныхъ отличій одного класса отъ другого. Но не успѣла она закончить своего дѣла, какъ изъ рядовъ промышленныхъ классовъ, подготовлявшихъ паденіе феодализма еще съ XIII столѣтія, вышла французская буржуазія, занявшая мѣсто низверженныхъ высшихъ классовъ. Правда, она заимствовала свой складъ отъ старыхъ временъ. Это, какъ мы видѣли, бываетъ всегда, когда революція желаетъ дать организацію своимъ элементамъ. Разрушена монархія, и узурпаторъ, устанавливая свою власть, до мельчайшихъ подробностей копируетъ своихъ предшественниковъ. Кромвель такъ подробно опредѣлилъ церемоніалъ своего вступленія въ должность, какъ будто писалъ подъ диктовку Людовика XIV или Карла I. Буржуазія, занявъ мѣсто старой аристократіи, немедленно приняла ея тонъ и отчасти идеи. Наполеонъ I только докончилъ ея дѣло, увѣсивъ ее крестами и украсивъ титулами. Доктринеры и Гизо даже пустили въ ходъ начало наслѣдственности, создавъ палату пэровъ—эту жалкую копію съ палаты лордовъ. Дальше идти было некуда: нельзя въ самомъ

дѣлѣ до такой степени реставрировать въ то время, когда вся жизнь строилась на началахъ совершенно противоположныхъ, когда народъ и правительство тщились примѣнить къ дѣлу „les grands principes de 1789“. Но такая реставрація указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что равенство, въ смыслѣ полнаго отсутствія всякой іерархіи, есть такая безформенность общества, которая необходимо предшествуетъ всякому строенію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принята за нормальное и окончательное его положеніе.

Провозглашеніе права безконечной критики и равнаго права всѣхъ гражданъ во всякое время передѣлывать общество повело за собою другое ученіе, которое также совершенно характеризуетъ революціонную эпоху. Это — ученіе о самодержавіи народа. Подобно первымъ двумъ началамъ, и это ученіе было только протестомъ противъ стараго порядка, орудіемъ разрушенія отжившей организаціи. Еслибы за обществомъ не было признано право мѣнять свое политическое устройство, и самое это устройство не было бы признано за продуктъ его воли, дѣло разрушенія никогда не было бы доведено до конца. Но когда дѣло зашло о дѣйствительной организаціи общества, „самодержавный“ народъ мало помогъ разрѣшенію вопроса. Въ ожиданіи же этого разрѣшенія, самыя политическія ученія остались въ состояніи полной анархіи. Притомъ самая идея народнаго полновластія не есть что-либо самостоятельное; это та же идея абсолютной государственной власти, которая была осуждена революціею въ лицѣ Людовика XVI и которая въ рукахъ толпы можетъ только принять болѣе опасный и вредный характеръ. Нѣтъ на землѣ власти, которая могла бы безнаказанно перешагнуть за предѣлы, напримѣръ, нравственнаго закона, позволить себѣ полное уничтоженіе личности, разрушать духовную жизнь человѣчества. Поступая такъ, она уничтожаетъ элементы народнаго самосознанія, то-есть сильнѣйшую опору своего собственнаго существованія. Правительство крѣпко только тогда, когда живетъ въ умѣ и сердцѣ народа. Идея полновластія народа, доведенная до конца, можетъ имѣть своимъ результатомъ только массу безличныхъ людей; что́ же другое представляла монархія Филиппа II? Подобно двумъ предыдущимъ идеямъ, и ученіе о полновластіи народа имѣетъ только отрицательный характеръ; но, разъ освобожденное отъ внѣшнихъ стѣсненій, общество должно подумать о внутреннемъ ограниченіи своей свободы, называемой его полновластіемъ, подобно тому, какъ мы уже это высказали по отношенію къ свободѣ индивидуальной [1]).

---

[1]) Мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть замѣчательную теорію Бюше по этому вопросу, хотя и не вполнѣ соглашаемся съ нею. Кромѣ того, нельзя не указать

Въ большей еще степени вредные результаты этихъ началъ отразились на международномъ союзѣ, въ которомъ начало самостоятельности государствъ и принципъ невмѣшательства, очевидно, соотвѣтствуютъ началу равенства и народнаго полновластія въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ. Нигдѣ, быть можетъ, начала эти не получили такого развитія, нигдѣ они не высказаны съ большею наглядностью и нигдѣ анархія не приняла такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ принципъ далъ возможность установиться началамъ 1789 года внутри каждаго изъ западно-европейскихъ государствъ, что до настоящаго времени развитіе невмѣшательства тѣсно связано было съ развитіемъ политической свободы, что Италія, Греція и раньше ихъ Франція обязаны ему своимъ освобожденіемъ. Но если развитіе народовъ обезпечено устраненіемъ вредныхъ постороннихъ вліяній,—вліяній, обыкновенно основанныхъ на силѣ и стремившихся къ деспотизму,—если новый шагъ на этомъ пути—отождествленіе государства и національности, и слѣдовательно, освобожденіе дѣйствительныхъ національностей — есть новое торжество идей 1789 года, то, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что истинная цѣль человѣчества есть не разрозненность, а общеніе, соединеніе. А въ этомъ отношеніи революціонная эпоха сдѣлала мало, не смотря на провозглашеніе „братства народовъ". Никогда народы не поклонялись больше силѣ, какъ теперь. Европа, сбросившая духовную власть папы, объединявшую средневѣковое человѣчество, выдумала систему первоклассныхъ державъ, причемъ классификація, конечно, основана не на умственномъ первенствѣ. Средніе вѣка не выходили изъ мелкихъ войнъ; новая Европа не выходитъ изъ вооруженнаго мира, этого чудовищнаго порожденія Наполеоновской системы. Притомъ она знаетъ и войны, и какія войны! Вся злоба, накипѣвшая въ сердцѣ націи во время вооруженнаго мира, не знаетъ границъ. Правда, намъ говорятъ, что торговля должна объединить міръ, что промышленные интересы свяжутъ человѣчество сильнѣе всякихъ нравственныхъ узъ. Средневѣковый человѣкъ постыдился бы говорить это. Онъ сознавалъ, что онъ связанъ съ другими націями духовными узами, и связь эта была едва ли не крѣпче, чѣмъ всѣ торговые трактаты, которыми такъ гордится наше время.

Таковы начала, которыя революціонная партія кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ теорій. Имѣя въ виду разрушеніе стараго порядка, выставляя начала своей дѣятельности, приноровленныя къ этой цѣли,

---

на превосходную главу: „*La souveraineté du peuple*", въ „*Politique Constitutionnelle*" par B. Constant.

она не имѣла ни силъ, ни средствъ направить общественное сознаніе къ опредѣленной цѣли въ будущемъ. Она сама не только не сознавала ясно этой цѣли, но даже не искала своего идеала въ будущемъ. Напротивъ, подобно реакціонной школѣ, она упорно смотрѣла назадъ, и въ отдаленныхъ, часто вовсе не изслѣдованныхъ періодахъ человѣчества искала образцовъ политическаго и общественнаго совершенства. У обѣихъ школъ цѣли были различны, но въ пріемахъ господствовало полное тождество. Реакція искала въ прошедшемъ образцовъ полнаго подчиненія преданію и авторитету; въ томъ же прошедшемъ революція искала типовъ свободы и равенства. Ученіе о такъ-называемомъ *естественномъ состояніи*, пущенное въ ходъ Гроціемъ и Гоббесомъ и имѣвшее зерно научной идеи въ томъ смыслѣ, что политическій строй долженъ быть продуктомъ свойствъ человѣка и окружающихъ его условій,—подъ вліяніемъ революціонной школы, превратилось въ орудіе разрушенія всякой организаціи. Если Гоббесъ и Гроцій говорили объ естественномъ состояніи, для того чтобы вывести изъ него необходимость общежитія, то Руссо и его послѣдователи и поклонники говорили о немъ для того, чтобъ осудить существующій порядокъ. Первые говорили: вотъ почему теперь существуютъ тѣ или другія учрежденія; вторые повторяли: такихъ-то учрежденій не было въ естественномъ состояніи, слѣдовательно, они не нужны и нелѣпы; все, слѣдовательно, должно быть приноровлено къ этому естественному состоянію; только тогда человѣкъ достигнетъ блаженства. Еслибъ идеи истины и добра были продуктомъ индивидуальной дѣятельности человѣка, то, конечно, наилучшее средство установить правильныя начала общежитія было бы обратиться къ личному сознанію человѣка, не испорченнаго общежитіемъ. Но дѣло въ томъ, что,—какъ мы увидимъ ниже, излагая теорію прогресса,—всѣ улучшенія міра умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго суть произведенія именно этого общежитія, отъ постепеннаго развитія котораго и зависитъ всесторонній прогрессъ человѣчества.

Разъ повернувшись назадъ, революція только въ прошедшемъ искала образцовъ политической организаціи. Забывая, что классическая древность навсегда отрѣзана отъ насъ христіанствомъ и дальнѣйшими успѣхами цивилизаціи, она не задумывалась воскрешать республики Рима и Аѳинъ. Изъ ненависти къ католицизму она придумала *естественную религію* и едва не дошла до политеизма обожаемой классической древности.

Какъ ни велики вообще несообразности исключительно-критическаго направленія, нельзя, однакоже, не признать, что оно имѣетъ и свою хорошую сторону: широкая свобода критики, данная всему

народу, дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе эфемерныхъ плановъ и частныхъ затѣй тѣхъ преобразователей человѣчества, которые привыкли только за собою признавать свободу мысли и дѣйствія, и въ концѣ концовъ она можетъ привести къ установленію прочной политической организаціи и выяснить національныя и общечеловѣческія цѣли, послѣ чего настанетъ новый періодъ прогрессивнаго развитія человѣчества, переживающаго теперь эпоху разрушенія и чисто формальной организаціи, прикрывающей бѣдность дѣйствительнаго содержанія.

Но пока это печальное состояніе вредно отражается на умственномъ и нравственномъ строѣ Западной Европы. Хотя теорія Руссо не проповѣдывается всѣми открыто, даже многихъ приводитъ въ негодованіе, но въ сущности за всѣми современными теоріями скрывается тотъ же пріемъ, то же стремленіе—обратиться къ непосредственному человѣческому сознанію и возстановить первобытнаго человѣка, не испорченнаго цивилизаціею. Съ другой стороны, реакція неудержимо стремится къ средневѣковому строю и хочетъ забыть всѣ успѣхи, совершонные современнымъ обществомъ. Въ сущности обѣ партіи держатся отрицательнаго направленія въ томъ смыслѣ, что ни одна не хочетъ привести въ надлежащую систему массу неудержимо развивающихся общественныхъ элементовъ. Парламентаризмъ, этотъ компромиссъ двухъ партій, хотя и поддерживаетъ коекакъ общественныя формы, но далеко не проникаетъ въ глубь общества. Можетъ быть, ему суждена блестящая будущность, но въ настоящее время онъ составляетъ достояніе однихъ верхнихъ слоевъ общества, и то за неимѣніемъ лучшаго. Достаточно взглянуть на исторію XIX ст., чтобъ убѣдиться, что каждое дѣйствительное движеніе общества и націи не имѣло ничего общаго съ этою системою, а напротивъ сопровождалось ея ослабленіемъ или даже паденіемъ. Истинно видную роль въ такія минуты имѣли или силы прежняго порядка, какъ въ теперешней Пруссіи, или масса народа, какъ во Франціи 1789 года. Не осуждая конституціонализма въ принципѣ, нельзя, однакоже, не согласиться, что организація общества дѣйствительная, а не внѣшняя, ждетъ другихъ руководителей, чѣмъ пресловутыя палаты. Онѣ, употребляя выраженіе Наполеона, могутъ быть завершеніемъ зданія, но никакъ не первымъ камнемъ новой организаціи. Снаружи государства Запада представляютъ однообразное и даже прочное строеніе. Но если мы обратимся къ дѣйствительному критеріуму устойчивости общества, къ его умственному и нравственному строю, то полная анархія этихъ элементовъ докажетъ намъ всю шаткость этихъ обществъ. Нѣтъ той теоріи, которая бы не нашла себѣ заступниковъ, и, что всего замѣчательнѣе, люди съ

здравымъ смысломъ весьма часто пускаются въ грубѣйшіе парадоксы, это чадо умственной анархіи. Если бы общество обладало истинами, которыя въ данное время представляются необходимыми условіями общежитія, то, конечно, о нихъ сами собой разбились бы всѣ эти теоріи-парадоксы. Но при отсутствіи такихъ началъ и фактовъ, задерживающихъ разгулъ человѣческой мысли, конечно, наиболѣе долженъ выигрывать въ общественномъ мнѣніи тотъ, кто зайдетъ дальше всѣхъ. Но эпоха, въ которую господство парадоксовъ—нормальное явленіе, въ свою очередь ненормальна. Разумѣется, эта анархія наиболѣе отражается на политическихъ ученіяхъ, такъ какъ сюда болѣе всего направлена дѣятельность свободныхъ умовъ со времени революціи. По отношенію къ этой отрасли знанія всѣ считаютъ себя свободными. Никто не рѣшится безъ предварительной подготовки разрѣшать вопросы естествознанія, и всѣ считаютъ себя въ правѣ „сказать свое слово" объ этой самой сложной изъ наукъ. Не свободны отъ этого недостатка даже лица, посвятившія себя серьезнымъ занятіямъ: химики, математики, натуралисты. Они, вѣроятно, поспѣшили бы остановить невѣжду, взявшагося рѣшать какой-нибудь физическій вопросъ, но сами они считаютъ себя въ правѣ рубить съ плеча по самымъ сложнымъ соціальнымъ вопросамъ. Все это происходитъ, конечно, отъ того, что соціологія не выработала еще прочныхъ началъ, знаніе которыхъ было бы необходимо для обсужденія всѣхъ общественныхъ явленій; но это нисколько не уменьшаетъ самой трудности предмета, ни сложности его вопросовъ. Между тѣмъ лица, сами знакомыя съ умственнымъ трудомъ, не задумываются подавать примѣръ самаго легкомысленнаго обращенія съ чуждою для нихъ наукою.

За умственною анархіею слѣдуетъ нравственная: рѣдкая изъ эпохъ знала такую деморализацію, какъ наша. Ни одна сфера не нуждается такъ въ правилахъ, *не созданныхъ* личною дѣятельностью каждаго человѣка, какъ именно сфера нравственности. Оставленная на произволъ личности, нравственность никогда не достигаетъ той общности, которая дѣлаетъ ее необходимымъ условіемъ общежитія. Характеръ нравственныхъ вопросовъ такого свойства, что въ нихъ доказательства за и противъ возможны до безконечности. Предоставленная личному усмотрѣнію, то-есть тому же духу критики, нравственность невольно извращается, прилаживается ко вкусу всѣхъ и каждаго, и въ заключеніе совершенно исчезаетъ изъ общества, оставляя за собою пустоту и разслабленіе всѣхъ связей. Болѣе чѣмъ какое-нибудь ученіе, нравственность нуждается въ категорическихъ предписаніяхъ, непоколебимыхъ началахъ, установленныхъ помимо всякаго индивидуальнаго вмѣшательства. Здѣсь великое значеніе реви-

гіи, къ сожалѣнію, мало или ложно понятое позитивизмомъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, къ которому мы возвратимся ниже, нельзя не замѣтить, что не одному духу безконечной критики возбужденному революціею, должно приписать этотъ упадокъ нравственнаго уровня. Напротивъ, революція явилась какъ бы возстановительницею нравственности, въ сравненіи съ тѣмъ безпримѣрнымъ разложеніемъ стараго общества, которое видѣло XVIII-ое столѣтіе. Нѣкоторое время революція стремилась подавить личный эгоизмъ и направить всѣ силы человѣческаго духа къ одной великой цѣли. Трудно найти болѣе примѣровъ самоотверженія, высокихъ порывовъ, скромнаго мужества, какъ въ исторіи первыхъ 6—7 лѣтъ французской республики. Но критическій духъ, конечно, не могъ остановиться на этой *государственной* нравственности, и продолжалъ свое дѣло, какъ только исчезла иллюзія конвента и его героевъ. На этой дорогѣ онъ не могъ остановиться ни передъ какими нравственными началами. Католицизмъ, съ его вдавшеюся во всевозможныя политическія интриги іерархіею, протестантство съ его раціональнымъ догматизмомъ, конечно, не способны были остановить зло. Притомъ они сами давно разсуждали и критиковали, а на этой почвѣ они врядъ-ли могли соперничать съ революціею. Вотъ почему въ воспитаніи молодого поколѣнія играетъ роль не нравственность, а тяжеловатая мораль, построенная на условныхъ понятіяхъ, за неимѣніемъ безусловныхъ догматовъ, способныхъ поднять нравственное сознаніе человѣчества. Какъ всегда бываетъ въ такія эпохи, единственныя нравственныя понятія, кое-гдѣ мелькающія въ общемъ хаосѣ идей, принадлежатъ движенію личнаго чувства. Но, конечно, эти понятія, или лучше, зародыши понятій пригодны только для сферы частныхъ отношеній, но они не могутъ возстановить нравственность какъ систему общественнаго сознанія. Впрочемъ, можетъ быть, было бы еще хуже, если бы общество успокоилось на этой формальной морали и приняло ее за систему чистой нравственности. Оно доказало бы тѣмъ свою неспособность къ обновленію, которое теперь, при этомъ не умирающемъ индивидуальномъ чувствѣ, быть можетъ, ближе, чѣмъ думаютъ многіе пессимисты.

Но одно это чувство само по себѣ, конечно, неспособно сдержать тѣхъ размаховъ критицизма и стремленія къ парадоксамъ, о которыхъ мы говорили по отношенію къ умственной анархіи. Не находя нигдѣ устойчивыхъ принциповъ, критицизмъ дошелъ до отрицанія всякой прочной нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до отрицанія тѣхъ институтовъ, въ которыхъ начиналось нравственное воспитаніе человѣка, и которые, по общему сознанію, служили зародышемъ

нравственныхъ понятій и соціальнаго чувства, какъ, напримѣръ, брака и семьи.

Понятно, какой характеръ должна была принять правительственная система въ западно-европейскихъ государствахъ на подобной почвѣ. Не будучи въ состояніи дѣйствовать во имя дѣйствительно великихъ идей и прочныхъ началъ, не поддерживаемыя общественнымъ сознаніемъ, распавшимся на массу противорѣчивыхъ мнѣній, западно-европейскія правительства невольно остановились единственно на поддержаніи своего существованія, причемъ главнымъ средствомъ къ этому является поощреніе самыхъ грубыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ общества. Эти послѣдніе являются единственною поддержкою правительствъ, которыя сами не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ своихъ эгоистическихъ цѣлей. Отсюда систематическая порча общества, ставшая необходимымъ нравственнымъ средствомъ. Она была невозможна, когда человѣчество двигалось къ великимъ цѣлямъ, побуждаемое великими идеями. Она стала необходимостью при отсутствіи убѣжденій, шаткости мнѣній и господствѣ эгоистическихъ инстинктовъ. Подкупы, соблазны, запугиванія стали почти невозможны въ чисто научной сферѣ, гдѣ установились уже прочныя истины, но вполнѣ идутъ къ политической дѣятельности. Очевидно, это происходитъ отъ того, что люди въ области физики могутъ имѣть убѣжденія и не могутъ повѣрить никакимъ софизмамъ, а потому, въ виду этого твердаго убѣжденія легко могутъ заглушить мелкіе свои интересы. Но во имя чего будутъ они подавлять свои эгоистическіе инстинкты въ сферѣ политики? Гдѣ прочныя начала, требующія послушанія независимо отъ всякихъ своекорыстныхъ побужденій и даже въ противность всякимъ софизмамъ? Не апплодируетъ ли само общество наиболѣе смѣлымъ софизмамъ и парадоксамъ? Если такимъ образомъ нѣтъ ни въ правительственной, ни въ общественной сферѣ дѣйствительно сознанныхъ цѣлей, способныхъ направить дѣятельность той и другой и подавить своекорыстіе и мелкія страсти, то почему же не руководиться въ этомъ дѣлѣ своимъ личнымъ интересомъ, хотя бы и возбужденнымъ со стороны самыхъ грубыхъ инстинктовъ? Оно даже и вѣрнѣе, потому что чѣмъ грубѣе инстинктъ, которому льстишь, тѣмъ на бо́льшую массу людей можно расчитывать.

Это печальное явленіе будетъ существовать, конечно, до тѣхъ поръ, пока твердыя понятія и убѣжденія не подчинятъ себѣ снова всей массы противорѣчивыхъ мнѣній и разрозненныхъ интересовъ. До тѣхъ поръ система, указанная здѣсь, не измѣнится и не можетъ измѣниться и останется на отвѣтственности управляющихъ и управляемыхъ одинаково. Пока идея общаго блага будетъ заслонена

2*

этими двумя видами эгоизма, до тѣхъ поръ деморализація въ нравственныхъ и общественныхъ сферахъ будетъ неизмѣннымъ фактомъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы правительства не могли ничего сдѣлать для прекращенія этого зла. Они сами много способствовали къ усиленію этихъ естественныхъ послѣдствій анархіи въ управляемомъ ими обществѣ. Тупая и непримиримая вражда ко всякой теоріи, къ общимъ началамъ, стремленіе продлить то состояніе, когда люди только говорятъ и ни на чемъ не могутъ установиться, систематическое устраненіе всякихъ случаевъ и возможности сближенія разрозненныхъ членовъ общества, искусственное поддерживаніе ненависти и отчужденія между разными классами,—все это слишкомъ извѣстные факты. Но есть и другіе факты, которые какъ будто согласны съ общимъ настроеніемъ общества, но въ сущности зависятъ отъ тѣхъ же эгоистическихъ стремленій. Вся правительственная система Западной Европы какъ будто служитъ выраженіемъ идей, завѣщанныхъ революціею. Принципъ равенства нашелъ себѣ примѣненіе въ равномъ правѣ участія всѣхъ лицъ въ администраціи, причемъ даже степень образованія не всегда принимается во вниманіе. Такимъ образомъ, въ то время, какъ умственная анархія убѣдила всѣхъ въ возможности безъ приготовленія участвовать въ разрѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ и административныхъ вопросовъ, а полное разложеніе всей прежней общественной іерархіи открыло путь всѣмъ большимъ и мелкимъ честолюбіямъ, правительства, которыя сами во многомъ способствовали этой общественной нивеллировкѣ, построили цѣлую систему управленія, гдѣ этотъ наплывъ лицъ, *желающихъ управлять*, могъ найти себѣ исходъ. Это была выработанная на Западѣ система бюрократіи, приспособленная къ низкому умственному уровню, къ шаткости убѣжденій, къ нравственной анархіи, о которыхъ мы только-что говорили, и вызванная постепенною нивеллировкою общества, паденіемъ мѣстныхъ учрежденій и централизаціей. Бюрократическія установленія дали возможность западно-европейскимъ правительствамъ заманивать въ свою среду массы людей, жаждущихъ власти, безъ серьезнаго къ ней приготовленія и отвѣтственности. Они создали тотъ міръ узкой спеціальности, мелкой посредственности, отдѣленный отъ всякаго живого и глубокаго общественнаго сознанія и чувства, въ которомъ широкое пониманіе общихъ національныхъ задачъ извращается и, наконецъ, дѣлается невозможнымъ подъ вліяніемъ формальной рутины, въ которомъ личная иниціатива мельчаетъ и чахнетъ, и громадная сумма власти уходитъ на мелкія распоряженія и оказывается безсильною предъ дѣйствительно сложными и трудными задачами. Общность національнаго сознанія уступаетъ здѣсь мѣсто лишь эгоистическимъ

стремленіямъ и узкимъ, личнымъ интересамъ. Дѣлая расчетъ и личный интересъ главнымъ двигателемъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ самоотверженіе и сознаніе высшихъ національныхъ цѣлей должны быть главною пружиною всякой дѣятельности, то или другое правительство можетъ временно заинтересовать всѣ эти лица своимъ существованіемъ, но лишь настолько, насколько удовлетворены ихъ мелкія самолюбія. Малѣйшее нарушеніе этихъ интересовъ, неудовлетворенное тщеславіе, обманутыя надежды,—обыкновенно непомѣрныя тамъ, гдѣ достиженіе важнѣйшихъ должностей не сдержано никакими условіями образованія, гдѣ отправленіе ихъ не связано съ дѣйствительною отвѣтственностью,—все это легко можетъ обратить въ непримиримыхъ враговъ вчерашнихъ друзей. Гдѣ національное самосознаніе не достигло истинной силы, гдѣ эгоизмъ руководитъ дѣйствіями высшихъ и низшихъ, тамъ нечего ждать настоящаго сочувствія и преданности правительству. И дѣйствительно, глубокое сознаніе національныхъ цѣлей, безкорыстное служеніе интересамъ общества, дѣйствительная, самоотверженная преданность высшимъ представителямъ націи все болѣе и болѣе уходятъ въ область преданія, уступая мѣсто наружному, формальному исполненію обязанностей, слѣдовательно систематическому лицемѣрію, которымъ приходится довольствоваться, за отсутствіемъ искреннихъ, твердыхъ убѣжденій.

Предѣлы нашего труда не позволяютъ намъ долѣе остановиться на пагубномъ вліяніи такого общественнаго состоянія на самый характеръ политическихъ воззрѣній, господствующихъ въ наше время. Впрочемъ, его можно уже предвидѣть изъ общихъ, сдѣланныхъ нами, замѣчаній. Неспособность возвыситься до общихъ началъ не только науки, но и своей національной политики, господство воззрѣній, сложившихся подъ вліяніемъ мелкихъ практическихъ соображеній, постоянно отклоняютъ человѣческій умъ отъ изслѣдованія дѣйствительно научныхъ началъ соціологіи и политики. Лишенный этой существенной поддержки, онъ естественно останавливается на изслѣдованіи формальной стороны вопросовъ и глядитъ на форму больше чѣмъ на содержаніе. Такъ, въ политикѣ изученіе формъ правленія и организаціи различныхъ установленій давно взяло перевѣсъ надъ болѣе существенными вопросами, надъ изслѣдованіемъ тѣхъ элементовъ, которыхъ эти формы и установленія служатъ только выраженіемъ. Форма сдѣлалась главнымъ центромъ полемики; отъ нея привыкли ожидать разрѣшенія всевозможныхъ политическихъ затрудненій; отъ измѣненія ея, и только отъ этого, ждутъ всего хорошаго или опасаются всего дурного. Ей привыкли приписывать все, что̀ ни происходитъ въ обществѣ. Она одна отвѣчаетъ за каждый непріятный для общества случай; она несетъ на себѣ всѣ грѣхи людей, ко-

торые въ ней дѣйствуютъ и которые сами, въ свою очередь, сваливаютъ на нее всѣ свои заблужденія. Если такимъ образомъ задачи изслѣдователей касаются не содержанія, не сущности, а формы, то понятно, что и за самое изслѣдованіе главнымъ образомъ берутся люди, сами болѣе способные къ формѣ, чѣмъ къ содержанію, и что главнымъ ихъ орудіемъ явилось также совершенство формы, развитое на счетъ достоинства содержанія. Краснорѣчіе заступило мѣсто глубины и силы мысли, изящное изложеніе соотвѣтствуетъ весьма скудному запасу сколько-нибудь плодотворныхъ началъ. Вотъ почему и люди, посвященные въ тайны декламаціи больше чѣмъ въ научныя истины, заняли видное мѣсто руководителей и воспитателей общественнаго мнѣнія. Адвокаты и журналисты,—два класса, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ защитѣ частныхъ интересовъ въ сферѣ будничныхъ вопросовъ, и въ сообщеніи свѣдѣній о новостяхъ общественной жизни,—вдругъ возвысились на степень руководителей общества по самымъ серьезнымъ вопросамъ политики. Держась на поверхности вопросовъ, декламируя на тему высшихъ идей, смыслъ которыхъ постоянно утрачивается, вслѣдствіе чисто-формальнаго примѣненія ихъ къ жизни, люди эти, конечно, не могутъ установить тѣхъ прочныхъ началъ, въ которыхъ такъ нуждается соціологія.

Между тѣмъ необходимость подобныхъ началъ очевидна. Они одни могутъ положить конецъ только-что разсмотрѣнному нами анархическому состоянію общества. Откуда явятся эти начала? Можно ли ихъ найти въ условіяхъ современной цивилизаціи, и будетъ ли дѣломъ новой науки дальнѣйшее разъясненіе христіанскихъ истинъ и стремленіе къ великимъ цѣлямъ, указаннымъ 1800 лѣтъ тому назадъ, или изъ немногихъ, отрывочныхъ идей, выработанныхъ уже человѣчествомъ, начиная съ XII ст., должна сложиться новая наука и новое общество? Контъ выступилъ изъ *теологической* сферы, но не въ силахъ былъ отказаться отъ религіознаго чувства, которое громко заявило свои права въ самомъ великомъ позитивистѣ. Бюше ищетъ началъ новой науки только въ сферѣ понятій, установленныхъ ученіемъ Христа. Мы увидимъ ниже, какъ это обстоятельство отразилось на вѣрности и богатствѣ его выводовъ.

II.

Филиппъ-Іосифъ-Веніаминъ Бюше родился въ 1796 году въ небольшой деревнѣ Mattaigne-la-Petite, между Живе и Маріенбургомъ, въ землѣ Валлоновъ. Впрочемъ, онъ мало зналъ свою родину, потому что его отецъ и даже дѣдъ постоянно жили въ Парижѣ, такъ что онъ воспитывался, дѣйствовалъ и умеръ въ этомъ городѣ, гдѣ

столько иностранцевъ находили второе отечество, которому служили съ полнымъ самоотверженіемъ. Притомъ онъ былъ тѣсно связанъ съ преданіями и интересами французской націи, такъ какъ отецъ его, весьма умный и дѣятельный человѣкъ, занималъ разныя административныя должности при республиканскомъ и императорскомъ правительствахъ. Реставрація лишила его мѣста, и онъ отдался воспитанію сына. Молодой Бюше былъ обязанъ его руководству гораздо больше, нежели школьнымъ урокамъ, которые къ тому же прекратились рано, вслѣдствіе необходимости поступить куда-нибудь на службу. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ финансовое управленіе и пересталъ посѣщать школу. Но наука привлекала его попрежнему. Въ свободныя минуты онъ съ жадностью читалъ сочиненія по географіи, исторіи и различныя путешествія. Въ 1812 году ему удалось, сохраняя за собою мѣсто, начать правильное изученіе естественныхъ наукъ. Эту отрасль знаній онъ избралъ по совѣту своего отца. Это было именно въ ту эпоху, когда естественныя науки имѣли всю прелесть новизны и дѣлали быстрые успѣхи подъ вліяніемъ трудовъ такихъ людей, какъ Ламаркъ, Кювье, Ж. С.-Илеръ. Толпы слушателей окружали ихъ въ *Jardin des Plantes*. Бюше съ увлеченіемъ отдался новымъ занятіямъ и скоро обратилъ на себя вниманіе, такъ что былъ допущенъ къ работамъ въ зоологическомъ кабинетѣ. Здѣсь проявилась въ немъ та сила, которую Бэконъ называлъ силою изобрѣтенія и которая всегда отличала дѣятельность Бюше по всѣмъ вопросамъ, подпадавшимъ его разрѣшенію. Не прошло двухъ лѣтъ его занятій естественными науками, какъ онъ уже представилъ Кювье, подготовлявшему тогда новое изданіе „Discours sur les révolutions du globe“, свою гипотезу о періодическихъ измѣненіяхъ земной оси. Кювье упомянулъ о ней въ своей книгѣ.

Имперія задерживала много умовъ въ области естествознанія. Политическая идеологія была совершенно покинута. Но реставрація и начавшееся при ней политическое движеніе отразились на всей молодежи, въ томъ числѣ и на Бюше. Онъ лишился отца въ 1816 году, и затѣмъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Не желая служить правительству, къ которому онъ не былъ расположенъ, онъ подалъ въ отставку и началъ заниматься медициной. Эти серьезныя занятія не помѣшали ему, впрочемъ, отдать дань политическому броженію, котораго онъ впослѣдствіи вообще чуждался. Въ числѣ его товарищей по службѣ находился извѣстный Базаръ, съ которымъ онъ не замедлилъ сблизиться и даже основать общество, собиравшееся въ улицѣ *Quatre-Vents*. Оно носило чисто юношеское названіе „Общества чертовски-философскаго“ (Société diablement philosophique). Не смотря на эту грозную кличку, оно, кажется, ограничивалось

словопреніями, такъ что о его дѣятельности, въ особенности же о дѣятельности въ немъ Бюше, ничего нельзя сказать особеннаго. Можетъ быть, это происходило отъ того, что онъ усердно занимался изученіемъ медицины, которая должна была обезпечить его существованіе, но вообще не только о его жизни, но и о мнѣніяхъ въ теченіе этого періода можно сказать очень мало. Извѣстно только, что онъ одинаково не любилъ и Бурбоновъ, и бонапартистовъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на молодежь, что онъ съ чисто политическими цѣлями попалъ въ масонскую ложу, гдѣ и достигъ скоро высшихъ степеней.

Наконецъ, въ 1821 году два его друга, Дюжье и Жуберъ, участвовавшіе въ Неаполитанской революціи, привезли въ Парижъ правила карбонаріевъ [1]). Они были прочитаны въ кружкѣ пріятелей въ комнатѣ Бюше, которому тотчасъ, вмѣстѣ съ Базаромъ и Флоттаромъ, было поручено примѣнить эти статуты къ французскимъ нравамъ. Такъ было основано во Франціи общество, къ концу года насчитывавшее уже до 80.000 членовъ. Скоро во главѣ его появились лица, извѣстныя въ политическомъ мірѣ—Лафайетъ, Д'Аржансонъ, и наконецъ съ нимъ слились всѣ тайныя общества, существовавшія до тѣхъ поръ во Франціи. Но истиннымъ двигателемъ этихъ обществъ попрежнему былъ кружокъ Бюше. Члены его раздѣлили между собой Францію, и Бюше было поручено организовать восточные департаменты, для чего онъ объѣхалъ Эльзасъ и Лотарингію. Впрочемъ, изъ этой организаціи не вышло ничего основательнаго. Возстаніе 1821 года не удалось; зачинщики, въ томъ числѣ и Бюше, были арестованы и отданы подъ судъ. Но, за недостаткомъ доказательствъ, Бюше, не смотря на всѣ усилія прокуратуры, былъ оправданъ и возвратился въ Парижъ, гдѣ съ жаромъ возобновилъ свои медицинскія занятія. Рекамье, одна изъ первыхъ знаменитостей тогдашняго медицинскаго міра, руководилъ его занятіями, и въ 1825 г. онъ получилъ степень доктора медицины. Практика его, впрочемъ, никогда не была обширна. Онъ смотрѣлъ на медицину только какъ на средство заниматься другими вопросами. Притомъ болѣе важные мотивы побуждали его не останавливаться на одной медицинѣ. Умъ его, развитый и укрѣпленный серьезными трудами по геологіи и біологіи, долженъ былъ перейти къ болѣе сложнымъ вопросамъ. Предъ нимъ открывалась широкая область соціальныхъ наукъ, гдѣ ученіе С.-Симона произвело уже сильнѣйшій переворотъ.

Несчастный исходъ возстанія, въ которомъ онъ принималъ уча-

---

[1]) См. объ этомъ предметѣ L. Stein — *Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs*, стр. 267.

стіе, убѣдилъ его въ невозможности подобныхъ попытокъ при правительствѣ, какимъ было правительство Людовика XVIII-го. Съ этого времени онъ навсегда оставилъ революціонную дорогу, въ томъ смыслѣ, что дѣло простого разрушенія изъ простого желанія играть въ революціи сдѣлалось ему чуждо. Его умъ былъ слишкомъ серьезенъ для того, чтобъ остановиться на такой жалкой работѣ. Притомъ онъ основательно началъ считать революцію не единственнымъ путемъ къ политической свободѣ. Съ другой стороны, онъ былъ пораженъ узостью такъ-называемыхъ либеральныхъ доктринъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ. Онъ положительно считалъ ихъ неспособными не только завершить, но даже продолжать дѣло, начатое въ 1789 году. Базаръ вполнѣ раздѣлялъ его мнѣнія въ этомъ отношеніи. Оба они рѣшились искать идей болѣе широкихъ, болѣе доступныхъ, болѣе способныхъ продолжать дѣло освобожденія человѣчества. Такимъ образомъ революція, выродившаяся въ буржуазный либерализмъ, не могла болѣе останавливать на себѣ ихъ вниманіе. Они искали организаціи, какъ главнаго условія возможности дальнѣйшаго развитія общества. Мы уже сказали, кому принадлежатъ организаціи въ революціонную эпоху. Въ особенности вѣрно это замѣчаніе въ отношеніи къ 20-мъ годамъ, когда общество, только-что вышедшее изъ революціи, не представляло никакихъ зародышей будущаго строенія, которое до настоящаго времени есть еще дѣло будущаго. Буржуазія, прокричавъ о правахъ человѣка, скоро съѣхала на болѣе близкіе къ ней интересы, называющіеся монополіею и капиталомъ. Вмѣстѣ съ либеральною частью дворянства она успокоилась на палатахъ и даже на наслѣдственномъ пэрствѣ. Либеральная оппозиція, резонерство и доктринерство,—сюда ушли всѣ ея силы. Разумѣется, людямъ со сколько-нибудь развитою головою плохо вѣрилось, чтобы королевская власть была усилена палатами, чтобы король, который только царствуетъ, но не управляетъ, былъ болѣе король, чѣмъ короли стараго времени, что члены палаты въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою націю, что въ парламентаризмѣ примирились старыя преданія съ требованіями, завѣщанными революціею. Разумѣется, что этотъ тепловатый либерализмъ не могъ увлечь людей такого закала, какъ Базаръ и Бюше. По ихъ убѣжденію, Де-Местръ имѣлъ гораздо больше права на общее вниманіе, чѣмъ его противники. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ этого человѣка раздавался громче, чѣмъ безсвязное лепетанье либеральныхъ доктринеровъ и недоразвившихся революціонеровъ. Прошедшее, казалось, воплотилось въ немъ со всею силою, какую только могутъ имѣть послѣдніе порывы умирающаго порядка. Полное отрицаніе началъ 1789 г., возстановленіе преданія во всей силѣ и воплощеніе его въ лицѣ папы, подчиненіе ему и,

слѣдовательно, папѣ, всѣхъ народовъ,—словомъ, средніе вѣка до XIV столѣтія,—вотъ что постоянно рисуетъ его пламенное воображеніе. Онъ отрицаетъ все, что сдѣлано человѣчествомъ съ тѣхъ поръ, какъ оно начало сбрасывать съ себя автюритетъ Ватикана. Съ XIII столѣтія начинается рядъ ошибокъ, которыя привели человѣчество къ крайности. Еретическія попытки XIII и XIV столѣтій были началомъ скандала, котораго XV-ое и XVI-ое служатъ продолженіемъ, а XVIII-ое—преступнымъ завершеніемъ. Еще одинъ шагъ, и человѣчество стремглавъ бросится въ эту пропасть, вырытую сомнѣніемъ и отрицаніемъ. Для проповѣдника этого довольно, для ученаго—мало. Въ самомъ дѣлѣ, не отрицаетъ ли онъ въ свою очередь пять столѣтій, и какихъ столѣтій, и для чего же? Для того, чтобы возстановить порядокъ, созданный имъ самимъ по историческимъ документамъ, и въ которомъ историческая критика найдетъ не одну ложную черту. Неужели католицизмъ—единственная форма христіанства, неужели исторія Европы съ XIII по XVIII вѣкъ есть уклоненіе, а не дальнѣйшее развитіе этого ученія? Впрочемъ, не общая теорія способна возбудить удивленіе къ этому геніальному человѣку. Онъ великъ особенно въ критикѣ тѣхъ формъ, тѣхъ ничтожныхъ ученій, въ которыхъ, по мнѣнію либераловъ, выразились начала 1789 года. Его критика писанныхъ конституцій и хартій до настоящаго времени представляетъ глубокій интересъ. Ни одна нація, говоритъ онъ, не можетъ дать себѣ свободы, если она уже не имѣетъ ея; она имѣетъ ее тогда, когда начинаетъ сознавать себя, и въ этомъ случаѣ конституціи совершенно безполезны. Чѣмъ больше пишутъ, тѣмъ слабѣе самыя учрежденія. Это понятно. Законы суть только объявленія правъ, а права объявляются только тогда, когда ихъ отрицаютъ, когда имъ грозитъ опасность, такъ что чѣмъ пространнѣе конституція, тѣмъ больше основаній опасаться за ея прочность. Никакой конституціи нельзя выдумать. Права народа нигдѣ не записаны, а записанныя права обязаны своимъ существованіемъ вовсе не торжественному внесенію ихъ въ конституцію (см. его *Considérations sur la France*). Дѣйствительно, его слова какъ нельзя лучше шли къ тогдашнему положенію Франціи и мѣтко характеризовали эфемерную конституцію 1814 года. Но, съ другой стороны, его пламенное краснорѣчіе никого уже не могло увлечь. Неизбѣжный ходъ событій довершилъ дѣло французской революціи. За два года до своей смерти, Де-Местръ съ горестью долженъ былъ признать ея успѣхи. Въ будущемъ онъ видѣлъ полное разрушеніе своихъ идеаловъ. „Можно сказать, говорилъ онъ, что всѣ государи сводятся съ престола, въ томъ смыслѣ, что ни одинъ изъ нихъ не царствуетъ настолько, насколько царствовалъ его отецъ и дѣдъ; священный

характеръ власти ослабѣваетъ по мѣрѣ распространенія невѣрія, и никто не можетъ предвидѣть всѣхъ бѣдствій, готовящихся Европѣ..." Этотъ страхъ передъ будущимъ, конечно, не могъ привлечь къ нему Бюше, хотя онъ и предпочиталъ его могущественную діалектику декламаціи его противниковъ.

Около этого же времени явился человѣкъ, около котораго группировалась большая часть талантливой молодежи тогдашней Франціи. До настоящаго времени въ различныхъ сферахъ знанія можно встрѣтить дѣятелей, получившихъ первый толчокъ отъ С.-Симона. Онъ смотрѣлъ на разрушеніе стараго порядка, какъ на совершившійся фактъ, освященный всею силой исторической необходимости. Онъ не желалъ брать на себя легкую работу добивать немногіе его остатки. Даже во время самаго разгара революціи онъ оставался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. „Революція уже началась, когда я прибылъ во Францію, писалъ онъ самъ про себя:—я не хотѣлъ принимать въ ней никакого участія, такъ какъ, съ одной стороны, я имѣлъ убѣжденіе, что прежній порядокъ не можетъ болѣе держаться, а съ другой — разрушительныя стремленія отталкивали меня". Въ первый разъ послѣ Кондорсе онъ взялся за трудное дѣло указать человѣчеству новую дорогу. Идеи Кондорсе, это духовное завѣщаніе XVIII столѣтія, нашли въ немъ истолкователя и проповѣдника. Снова повторилъ онъ формулу этого человѣка, умѣвшаго уловить общій законъ развитія человѣчества, въ эпоху страшнѣйшей анархіи, когда гильотина уже готова была покончить его существованіе. Онъ формулировалъ этотъ законъ такимъ образомъ: „Золотой вѣкъ не позади насъ, а впереди. Онъ состоитъ въ совершенствованіи соціальнаго порядка. Наши отцы его не видѣли, наши дѣти достигнутъ его когда-нибудь. Намъ должно проложить имъ дорогу".

Въ чемъ же состоитъ это совершенствованіе? Прежде всего необходимо покончить съ умственною анархіею. Это сдѣлаетъ реформа науки. Она дастъ людямъ правильное понятіе объ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Выясненіе этихъ понятій повлечетъ за собою организацію общества, которое должно построиться на идеѣ труда, освобожденнаго революціею отъ привилегій и монополій, причемъ качество и достоинство труда будутъ единственнымъ критеріумомъ оцѣнки человѣческаго достоинства и главнымъ условіемъ его соціальнаго положенія. Наконецъ, общество, выведенное изъ состоянія умственной и политической анархіи, сдѣлается способнымъ къ осуществленію высшаго нравственнаго порядка, къ созданію новой религіи, соотвѣтствующей такой общественной организаціи. „Мы приглашаемъ всѣхъ сочувствующихъ общему благу,—писалъ С.-Симонъ,—

и знающихъ существующія отношенія между общими интересами и интересами промышленности (l'industrie), не терпѣть болѣе названія *либераловъ*, которое имъ даютъ до настоящаго времени. Мы приглашаемъ ихъ водрузить новое знамя и написать на своихъ значкахъ девизъ: индустріализмъ. Слово *либерализмъ* было выбрано, принято и провозглашено остатками партіи патріотовъ [1]) и бонапартистовъ; оно неудобно для людей, которыхъ задача состоитъ въ основаніи прочнаго порядка мирными средствами. Мы не хотимъ сказать, что патріоты и бонапартисты не оказали услугъ обществу; ихъ энергія была полезна: нужно было разрушить, прежде чѣмъ явилась возможность строить. Но теперь революціонный духъ, оживляющій ихъ, прямо противорѣчитъ общественному благу; теперь лица просвѣщенныя и благонамѣренныя не могутъ носить другого названія, кромѣ такого, которое бы совершенно противорѣчило революціоннымъ понятіямъ".

Итакъ, провозглашеніе безконечнаго прогресса человѣчества, и умственная, экономическая и нравственная организація, какъ необходимыя его условія—вотъ два положенія, которыя характеризуютъ всѣ труды С.-Симона. Они же послужили исходною точкою для всѣхъ его учениковъ. Въ сферѣ соціальной науки это и есть главная заслуга с.-симонизма. Всѣ они вмѣстѣ съ нимъ желали, чтобы общество вышло изъ состоянія сомнѣнія, невѣрія и эгоизма, въ которомъ оно находится въ теченіе трехъ столѣтій, и возвратилось къ идеямъ религіознымъ и синтетическимъ, какъ онъ ихъ называлъ. Но, кромѣ этой общей исходной точки, всѣ многочисленныя направленія, порожденныя с.-симонизмомъ, имѣютъ мало сходства. Подобно многимъ геніальнымъ и оригинальнымъ мыслителямъ, С.-Симонъ установилъ нѣсколько прочныхъ положеній, высказалъ массу отдѣльныхъ замѣчаній, но не изложилъ своего ученія въ стройномъ, систематическомъ видѣ. Отсюда два важныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, онъ спѣшилъ дать своимъ идеямъ слишкомъ конкретную форму въ то время, когда еще теоретическая ихъ отдѣлка была не совсѣмъ окончена; во-вторыхъ, неясность и несистематичность его идей повели къ самымъ произвольнымъ ихъ искаженіямъ, которыя, однако, продолжали носить его имя и тѣмъ вводили общество въ заблужденіе относительно настоящихъ его идей. Кто не знаетъ, какую роль въ понятіи „с.-симонизмъ" играетъ Анфантенъ и его школа?

Конечно, С.-Симонъ отчасти виноватъ въ этомъ послѣдующемъ искаженіи его ученія. Излагать ученіе объ экономической и религіозной организаціи общества, въ то время какъ умственная анархія

---

[1]) Т. е. революціонеровъ.

далеко не была устранена, - предпріятіе слишкомъ преждевременное. Контъ рѣшился на него только послѣ нѣсколькихъ припадковъ умопомѣшательства. До тѣхъ поръ установленіе прочной связи между всѣми отраслями знанія и подчиненіе ихъ одной идеѣ составляли его единственную задачу. Впрочемъ, и здѣсь С.-Симонъ не дошелъ до нелѣпостей отца Анфантена. Для религіозной организаціи онъ требовалъ обновленія христіанства, на основаніи началъ первыхъ его вѣковъ, извращенныхъ католицизмомъ и лютеранствомъ. Другого смысла, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ его „Nouveau Christianisme". Но достаточно было нѣсколькихъ идей, брошенныхъ на удачу и не поставленныхъ въ прочное соотношеніе съ общимъ его ученіемъ, чтобы породить тѣ чудовищныя явленія, которыя, главнымъ образомъ, извѣстны публикѣ подъ именемъ „с.-симонизма". Къ счастію, Анфантенъ—не единственный и даже не главный представитель этого ученія. Сенъ-симонисты въ узкомъ смыслѣ (то-есть тѣ, которыхъ публика считаетъ за такихъ) отдались второй части плана своего учителя, то-есть экономической и религіозной организаціи, забывъ, что дисциплина ума и организація знанія есть первый шагъ ко всякой организаціи. Вотъ почему ихъ организаціи явились продолженіемъ той же анархіи, противъ которой писалъ С.-Симонъ. Эти попытки прошли и забыты, какъ все преждевременное и фантастическое. Но первая часть программы, попавшая на здравомыслящихъ людей, какъ Бюше и Контъ до его послѣдняго помѣшательства, послужила основаніемъ серьезныхъ работъ по соціологіи и другимъ сферамъ знанія, которыя должны были постепенно выходить изъ состоянія разрозненности и узкой спеціальности, препятствующей имъ быть дѣйствительнымъ факторомъ организаціи умственной жизни человѣчества. Ни Бюше, ни Базаръ не знали лично С.-Симона. Но черезъ Анфантена они вошли въ сношенія съ его школой и стали участвовать въ журналѣ *Производитель*. Первыя статьи Бюше имѣли въ виду осуществленіе одной изъ задачъ, указанныхъ еще С.-Симономъ для передѣланія соціальной науки. С.-Симонъ во многихъ своихъ трудахъ сильно настаивалъ на необходимости индивидуальной физіологіи, которая бы впослѣдствіи могла служить основаніемъ физіологіи общественной. Изъ этого видно, что С.-Симонъ имѣлъ въ виду не столько физіологію, сколько то, что̀ теперь называютъ антропологіею, въ связи съ психологіею. По его мнѣнію, успѣхи историческихъ и политическихъ наукъ зависѣли отъ опредѣленія законовъ индивидуальной и соціальной физіологіи. Бюше предпринялъ по этому поводу рядъ статей, которыя, восемь лѣтъ спустя, получили обширное развитіе. Впрочемъ, въ этихъ статьяхъ не проглядываетъ еще никакихъ прочныхъ убѣжденій. Онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому

неопредѣленному состоянію, въ которомъ находился самъ авторъ ихъ. Не смотря на начавшуюся реформу его нравственныхъ убѣжденій, онъ былъ еще материалистъ. Неотразимое вліяніе революціонной эпохи и занятій въ *Jardin des Plantes* чувствовалось еще на его умственномъ складѣ. Но его сильный и послѣдовательный умъ не могъ остановиться на поверхностномъ сенсуализмѣ, какъ не могъ удовлетвориться поверхностнымъ либерализмомъ, и потому онъ потребовалъ отъ своего ученія и своихъ убѣжденій строгой научной системы. Онъ старался провести до конца убѣжденія, вложенныя въ него прежними обстоятельствами. Это и помогло ему впослѣдствіи покончить съ своими матеріалистическими убѣжденіями.

Онъ не долго работалъ въ *Производителѣ*, котораго изданіе кончилось въ 1826 году. Онъ возвратился къ своимъ медицинскимъ занятіямъ и основалъ журналъ, извѣстный подъ именемъ *Journal des progrès des sciences et institutions médicales*. Его вышло 21 томъ, а въ IX т. его появился трудъ издателя по физіологіи нервной системы, которая легла въ основаніе его теоріи человѣческихъ способностей. Съ 1829 г. въ этомъ журналѣ появляются статьи, гдѣ уже замѣтенъ нравственный переворотъ, совершившійся въ немъ,—переворотъ, который вывелъ его на самостоятельную дорогу и окончательно порвалъ его связи съ прежними его товарищами. Одно обстоятельство особенно способствовало къ этому разрыву. „Въ 1828 г. школа С.-Симона рѣшилась возобновить изданіе *Производителя*. Бюше было предложено принять въ немъ сотрудничество. Это вполнѣ соотвѣтствовало его собственнымъ планамъ. Уже давно задумалъ онъ написать планъ энциклопедіи человѣческихъ знаній. Собственно мысль эта принадлежала С.-Симону, нѣсколько разъ указывавшему на необходимость такой энциклопедіи. Бюше приготовилъ статью объ этомъ предметѣ для перваго нумера *Производителя*. Рукопись эта сохранилась. Изъ нея видно, что авторъ признаетъ невозможность положить матеріализмъ въ основаніе такой энциклопедіи. Матеріализмъ не удовлетворялъ существенной цѣли такой энциклопедіи—выясненію міровой гармоніи. Матеріализмъ умѣлъ выказать только отдѣльныя и враждебныя силы, находящіяся въ состояніи вѣчной борьбы. Онъ не способенъ дать формулу для разрѣшенія вопроса о трехъ великихъ неизвѣстныхъ, представляемыхъ каждымъ рядомъ фактовъ: началѣ, субстратѣ и цѣли. Бюше утверждалъ, что эти великія *неизвѣстныя* не только были одни и тѣ же для каждой науки, но что они составляли предметъ общей или энциклопедической науки, тогда какъ законы, свойственные частнымъ явленіямъ, составляютъ задачу спеціальныхъ наукъ. Отсюда онъ заключалъ, что матеріализмъ не можетъ дать формулу для всеобщей энциклопедіи. Это не значило,

чтобъ онъ требовалъ возвращенія къ среднимъ вѣкамъ и теологическимъ пріемамъ этой эпохи, но онъ утверждалъ необходимость догмата, утверждалъ, что будущая эпоха человѣческаго развитія будетъ религіозная. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разъясненіи этихъ мыслей,—это будетъ сдѣлано ниже. Здѣсь достаточно сказать, что рукопись Бюше вызвала сильнѣйшій раздоръ въ редакціи *Производителя*. Сотрудники наотрѣзъ отказались напечатать ее въ своемъ журналѣ; полемика продолжалась въ теченіе 1829 г., пока, наконецъ, Базаръ и Анфантенъ не дошли до пантеизма и другихъ выводовъ—того, что̀ публика называетъ с.-симонизмомъ, а Бюше не сталъ окончательно на сторону христіанства. Отсюда можно видѣть, что споръ шелъ вовсе не о необходимости или безполезности догмата. Базаръ и Анфантенъ скоро доказали, что они не прочь и отъ догмата, и отъ религіи; но этотъ догматъ былъ пантеизмъ, отождествленіе духа и матеріи. Бюше не выносилъ пантеизма и основательно считалъ его несовмѣстимымъ съ нравственными началами. Онъ думалъ о возстановленіи христіанства въ томъ видѣ, какъ это предлагалъ уже С.-Симонъ, который, вѣроятно, не ожидалъ, что ученики его свяжутъ его имя съ основанною ими новою quasi-религіею. Подобно своимъ противникамъ, Бюше высоко ставилъ ученіе своего учителя; подобно имъ, онъ признавалъ необходимость основать великую школу, которая бы обновила всю совокупность наукъ. Но онъ не выносилъ фантастическихъ увлеченій, театральной обстановки, шутовскихъ обрядовъ этихъ „братьевъ". Онъ думалъ только о философіи, онъ увлекался только наукою, но философіею и наукою, основанными на вѣчныхъ истинахъ христіанства. Онъ не сразу призналъ догматическое значеніе этой религіи, но тотчасъ оцѣнилъ ея нравственное значеніе. Еще С.-Симонъ научилъ его видѣть въ нравственности не только правила личной дѣятельности, но совокупность началъ, *вліяющихъ* на общественную организацію и прогрессивное движеніе обществъ. Съ этой точки зрѣнія изучалъ онъ христіанскую нравственность и призналъ, что на всѣхъ общественныхъ преобразованіяхъ, совершившихся въ теченіе восемнадцати столѣтій, отразились эти великія начала, которыя въ то же время составляютъ зародышъ всѣхъ будущихъ успѣховъ человѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы должны изучать труды Бюше. Намъ нѣтъ необходимости пускаться въ подробности относительно его внутренняго религіознаго настроенія. Для насъ достаточно знать, что условіе человѣческаго прогресса онъ видѣлъ только въ успѣхахъ христіанскихъ началъ".

Такимъ образомъ, онъ и его послѣдователи, одни изъ всѣхъ учениковъ С.-Симона, продолжали дѣло своего учителя, не пускаясь въ фантастическія нелѣпости разныхъ новыхъ религій. Умственное,

философское обновленіе общества — длинная и трудная задача, безъ осуществленія которой нельзя думать ни о какой прочной организаціи. Въ этомъ отношеніи они исполняли по мѣрѣ силъ завѣщаніе учителя. Разорвавъ связи съ Базаромъ и с.-симонистами [1]), онъ всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ памяти основателя этого ученія, которое, по его понятію, въ то время должно было ограничиться одними научными и философскими трудами.

„Революція 1830 г. открыла широкое поле для дѣятельности Бюше. Онъ многаго надѣялся отъ этой революціи, но былъ обманутъ подобно всѣмъ республиканцамъ. Вотъ почему на другой день послѣ революціи онъ явился жаркимъ сторонникомъ республиканской оппозиціи. Впрочемъ, ему нечего было дѣлать съ политическимъ движеніемъ. Подлѣ него группировалось много талантливыхъ людей, при содѣйствіи которыхъ ему возможно было продолжать дѣло научной и философской пропаганды. Общество, извѣстное подъ названіемъ *Amis du peuple*, въ которомъ участвовалъ и Бюше съ цѣлью развитія своихъ идей, было закрыто. Но вмѣсто того стали открывать публичные курсы, конференціи, собранія. Въ 1831 г. съ этою цѣлью основанъ былъ журналъ *Европеецъ*, сдѣлавшійся органомъ партіи Бюше. Нужно ли говорить, съ какимъ жаромъ работалъ здѣсь самъ Бюше? Статьи о національности, о значеніи Франціи, о суверенитетѣ, объ организаціи представительнаго правленія, объ улучшеніи судьбы рабочаго класса, о кредитѣ, смѣнялись превосходными изслѣдованіями объ искусствѣ и литературѣ, о текущихъ политическихъ вопросахъ, о постоянныхъ успѣхахъ каждой науки. Подобно с.-симонистамъ, *Европеецъ* боролся противъ индивидуализма либеральной школы и настаивалъ, — даже, быть можетъ, слишкомъ, — на необходимости сильнаго, руководящаго правительства. Но между тѣмъ какъ іерархическій коммунизмъ Анфантена велъ къ порабощенію личности, Бюше, какъ средство реформы, выставлялъ рабочую ассоціацію, цѣликомъ основанную на личной иниціативѣ. *Европеецъ* выходилъ не долго. Въ 1832 г. онъ прекратился, но дѣятельность Бюше не прекращалась. Напротивъ, въ 1833 году онъ издалъ свой первый капитальный трудъ: „Введеніе въ науку исторіи“ [2]), гдѣ изложено его ученіе о прогрессѣ, которое мы разсмотримъ ниже. Замѣтимъ только, что здѣсь онъ возвелъ прогрессъ на степень міроваго закона, которому одинаково подчинены всѣ стороны жизни человѣчества: науки, искусства, политическія и общественныя учрежденія. Рядомъ съ

---

[1]) Отъ которыхъ, впрочемъ, и Базаръ отсталъ впослѣдствіи.

[2]) *Introduction à la science de l'histoire*. Paris. 1833. 2-е изданіе того же труда сдѣлано Guillaumin'омъ въ 1842 году.

этимъ онъ вмѣстѣ съ Ру-Лавернемъ (Roux-Lavergne) началъ изданіе громаднаго сборника подъ именемъ Парламентской исторіи французской революціи [1]). Этому изданію предпослано введеніе, написанное Бюше, гдѣ онъ высказываетъ весьма много оригинальныхъ мыслей, въ особенности относительно первоначальной исторіи Франціи. Онъ доказывалъ, что французская національность образовалась не завоеваніемъ, а свободнымъ союзомъ между католическимъ населеніемъ Галліи и франками,—союзомъ, составленнымъ съ цѣлью противодѣйствія аріанству. Если религія явилась первымъ объединяющимъ началомъ новаго общества, она же кладетъ неизгладимый отпечатокъ на все его будущее развитіе. Введеніе это оканчивается выводомъ, который въ 1833 г. произвелъ не малый скандалъ, именно, что „французская революція есть окончательный результатъ новой цивилизаціи, которая, въ свою очередь, вся вышла изъ Евангелія".

Независимо отъ этого обширнаго труда, Бюше постоянно читалъ публичные курсы, а въ 1835 г. возобновилъ изданіе *Европейца*. Между прочимъ, онъ читалъ курсъ философіи, который былъ собранъ и изданъ подъ его редакціей однимъ изъ его учениковъ подъ заглавіемъ *Introduction à l'étude des sciences médicales*. Впослѣдствіи, по окончаніи его „Парламентской исторіи", этотъ курсъ разроссе въ обширный трактатъ философіи [2]). Года черезъ два онъ выпустилъ второе, совершенно передѣланное изданіе своего *Введенія въ науку исторіи* и „Парламентской исторіи" (послѣднее не было окончено).

Такимъ образомъ, бо̀льшая часть идей Бюше получила развитіе въ многотомныхъ и добросовѣстныхъ трудахъ. Философская часть была кончена; оставалось сдѣлать приложеніе ея къ соціальной наукѣ. Дѣйствительно, онъ задумалъ эту работу. Но время было крайне неблагопріятно для спокойныхъ научныхъ занятій. Это было уже наканунѣ 1848 года. Бюше, отвлеченный отъ своихъ трудовъ сначала болѣзнью, а послѣ политическимъ броженіемъ, увидѣлъ, что для него снова необходима журнальная дѣятельность. Мало того, условія времени требовали журнала менѣе серьезнаго, чѣмъ *Европеецъ*, который подъ конецъ принялъ совершенно философское направленіе. Результатомъ всего этого было основаніе *Revue Nationale*, одного изъ извѣстнѣйшихъ журналовъ въ 1847 г. Но въ 1848 революція снова вывела Бюше на политическое поприще.

Мы не будемъ останавливаться на этой кратковременной, хотя и лихорадочной дѣятельности. Мы видѣли, что истинное значеніе

---

[1]) *Histoire parlementaire de la révolution française*. Paris. 1833—1838. 40 vol. in 8. Объ этомъ изданіи см. Mohl—*Gesch. und Lit. der Staatswiss.* т. III.

[2]) *Essai d'un traité complet de philosophie, au point de vue du catholicisme et du progrès*. 3 v. in 8.

Бюше далеко не здѣсь. Грустно слѣдить за неловкими движеніями честнаго человѣка среди интригъ и происковъ глубоко эгоистической толпы или плохо сознающаго себя рабочаго класса. Демократическое движеніе подняло красное знамя, испуганная буржуазія искала спасенія во второй имперіи. Бюше не могъ быть ни тамъ, ни здѣсь. Притомъ всего два года участвовалъ онъ въ трудахъ республиканскаго правительства. Въ 1850 г. онъ вышелъ въ отставку, 2-го декабря 1851 г. былъ арестованъ, но освобожденъ черезъ два дня, благодаря заступничеству одного изъ своихъ старыхъ друзей, маршала Бараге-д'Илье. Съ этого времени онъ опять посвятилъ себя наукѣ. Не имѣя возможности возобновить изданіе *Revue Nationale*, онъ рѣшился осуществить свой давнишній планъ, докончить свой философскій трактатъ изложеніемъ соціальной науки. Это и есть то сочиненіе, которое мы намѣрены изучить въ настоящей статьѣ. Онъ началъ его въ 1852 г. Работа двигалась медленно, отчасти потому, что авторъ считалъ переживаемую имъ эпоху неудобною для изданія политическихъ трактатовъ, отчасти потому, что онъ возобновилъ свои занятія геологіей и другими естественными науками. Въ 1862 г. онъ продержалъ первую редакцію своей книги. Исправленія и перемѣны продолжались до 1865 г. Въ этомъ году онъ хотѣлъ уже приступить къ печатанію, какъ смерть прекратила это сильное и богатое существованіе. Книга издана, согласно завѣщанію автора, двумя его талантливыми учениками: докторомъ Серизомъ и Оттомъ, который пріобрѣлъ себѣ уже извѣстность своими историческими и экономическими трудами [1].

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о личныхъ свойствахъ Бюше. Послѣ перечисленія его трудовъ, его неутомимая дѣятельность не можетъ подлежать сомнѣнію. Притомъ здѣсь приведены только главнѣйшие его труды и вовсе не упомянуто о множествѣ статей, разсѣянныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Сила, широта и дѣятельность отличали его умъ. Однимъ взглядомъ обнималъ онъ самыя разнообразныя и сложныя отношенія и умѣлъ придти къ свѣтлому и плодотворному выводу. Онъ дѣйствительно былъ испеченъ изъ того тѣста, которое нужно было для *науки* С.-Симона. Но способность анализа была въ немъ гораздо слабѣе. Онъ часто терялся въ подробностяхъ; тонкія различія легко ускользали отъ него. Но за то рѣдкій умъ оставался такъ вѣренъ себѣ во всѣхъ послѣдствіяхъ разъ принятаго начала—иногда онъ доходилъ до парадок-

---

[1]) Изъ статьи, приложенной гг. Серизомъ и Оттомъ къ книгѣ Бюше, мы заимствовали бо̀льшую часть біографическихъ данныхъ относительно жизни мыслителя. Наиболѣе близкія заимствованія означены ковычками.

совъ. Можно сказать, что онъ представлялъ сочетаніе необыкновенной силы изобрѣтенія идей, неумолимой логики и удивительной памяти. Все это давало ему видное положеніе въ литературѣ.

Необыкновенная скромность и преданность своей идеѣ присоединялись къ этимъ качествамъ. Все въ немъ было просто, начиная со вкусовъ. Онъ умѣлъ не только жить на 2.800 фр. дохода, но еще и помогать другимъ. Убѣжденный, что онъ одинъ изъ каменщиковъ будущаго великаго зданія науки, онъ этой цѣли приносилъ въ жертву всѣ свои личные интересы, которые могли бы помѣшать его работѣ. Онъ не былъ женатъ, пренебрегалъ практикой, хотя считался хорошимъ медикомъ; не искалъ политической карьеры, хотя она улыбалась ему съ 1830 г. Онъ имѣетъ полное право на вниманіе каждаго, кто умѣетъ цѣнить тождество слова и дѣла.

III.

Ученіе Бюше, какъ мы уже сказали, составляетъ одну изъ немногихъ попытокъ возвести соціальныя науки на степень реальныхъ, положительныхъ наукъ. Вотъ почему, прежде чѣмъ мы приступимъ къ изложенію его теоріи, намъ необходимо указать, въ чемъ, по нашему мнѣнію, состоятъ главныя условія этой *положительности* соціальныхъ наукъ. Два свойства отличаютъ каждую положительную науку: прочно установленные законы и основанное на этихъ законахъ предвидѣніе. Понятно, почему именно эти два факта отличаютъ научную систему отъ всего ненаучнаго. Нѣтъ факта, не имѣющаго въ общемъ строѣ природы причины, доступной наблюденію; нѣтъ ничего такого, чего нельзя было бы объяснить при внимательномъ изученіи условій, окружающихъ наблюдаемый фактъ. Каждому явленію въ природѣ соотвѣтствуетъ совокупность породившихъ его условій; каждая сумма условій должна выразиться въ какомъ-нибудь явленіи. Объясненія каждаго явленія должно искать въ окружающихъ его условіяхъ и только въ этихъ условіяхъ; изученіе даннаго количества условій ведетъ къ предугадыванію того явленія, которое должно быть результатомъ подобной комбинаціи силъ. Вотъ почему не научна всякая попытка изслѣдовать какое-либо явленіе внѣ положительныхъ условій, силъ, фактовъ. Не научно, далѣе, также изслѣдованіе, которое ограничивается наблюденіемъ и записываніемъ фактовъ безъ умѣнья ихъ сочетать, усмотрѣть ихъ взаимную связь и изъ нея вывести вѣроятность и даже необходимость извѣстнаго послѣдствія. Изъ этихъ двухъ свойствъ каждой науки можно вывести нѣсколько результатовъ, которые могутъ пригодиться намъ въ

теченіе нашего изслѣдованія. Если для объясненія факта, то-есть, для *открытія закона* необходимо изученіе извѣстныхъ условій, съ которыми наблюдаемый фактъ долженъ находиться въ необходимой связи, то-есть, такой—, что онъ могъ выйти *только* изъ нихъ и они *необходимо* должны были выразиться въ немъ, то, во-первыхъ, нельзя вводить въ науку идею произвола, нельзя давать дѣятельной роли причинамъ неестественнымъ; во-вторыхъ, необходимо какъ можно больше расширить сферу наблюденія и искать причины извѣстнаго явленія не только въ ряду фактовъ, имѣющихъ къ нему непосредственное отношеніе, но во всей совокупности ихъ условій, которыми вообще опредѣляется характеръ *даннаго момента* въ жизни умственной, матеріальной, нравственной, въ жизни органической и неорганической. Другими словами, истинно научнымъ можно назвать только изложеніе, которое извѣстный фактъ выводитъ изъ цѣлаго *состоянія, строя*; научна только система, гдѣ каждый фактъ является необходимою и неразрывною частью цѣлаго, и гдѣ, наоборотъ, зная характеръ цѣлаго, можно предвидѣть цѣлый рядъ фактовъ. Эти аксіомы давно установились въ естественныхъ наукахъ и особенно въ геологіи, гдѣ историческое изученіе послѣдовательныхъ преобразованій земли привело именно къ этимъ результатамъ. Никому не придетъ въ голову отнести какой-нибудь классъ животныхъ въ несоотвѣтствующую эпоху формаціи, и каждый знаетъ, что данной эпохѣ должно было соотвѣтствовать извѣстное строеніе органическаго міра. Можно сказать, что Кювье, Агассизъ, Лейель и Форбесъ сдѣлали больше для выработки истинно исторической методы, чѣмъ бо́льшая часть такъ-называемыхъ историковъ. Въ соціальныхъ наукахъ (какъ историческихъ, такъ и догматическихъ) есть нѣкоторыя понятія, препятствующія имъ обратиться въ реальное знаніе. Во-первыхъ, въ нихъ продолжаетъ господствовать *идея воли*, какъ важнѣйшаго фактора соціальныхъ явленій. Это естественно заслоняетъ изученіе истинныхъ законовъ и лишаетъ возможности истинно научнаго предвидѣнія. Вмѣсто идеи послѣдовательнаго развитія, правильной смѣны одного состоянія общества и соотвѣтствующихъ ему частныхъ фактовъ другимъ строемъ и другими фактами, на первомъ планѣ стоитъ идея искусственныхъ комбинацій, произвольно созданныхъ тою или другою частною волею. Отсюда вытекаетъ понятіе о возможности по произволу замѣнять одну комбинацію другою, для чего стоитъ только разрушить старое. Отсюда, далѣе, идея безконечной борьбы, наполняющая собою страницы исторіи. Между тѣмъ какъ идея правильной смѣны одного строя другимъ ведетъ къ сознанію необходимости изучить характеръ окружающаго строя, предусмотрѣть строй будущей эпохи и сдѣлать какъ можно больше для полнаго осуществле-

нія этихъ задачъ въ будущемъ, идея воли естественно ведетъ къ фантастическому созданію идеаловъ, составленныхъ обыкновенно путемъ отрицанія настоящаго, и къ стремленію немедленно осуществить эти идеалы, хотя бы путемъ насилія. Первый путь вноситъ въ насъ сознаніе невозможности произвольной передѣлки данныхъ общественныхъ отношеній, на мѣсто произвольнаго идеала ставитъ серьезную цѣль, выработанную историческою жизнью общества, осуществленіе этой цѣли переноситъ въ далекое будущее, которому мы должны служить во имя сознанной нами цѣли. Здѣсь развивается *идея долга*. Ясно, что второй путь приводитъ къ произволу и ставитъ кумиръ одной свободѣ, которая безъ серьезной цѣли и идеи долга не имѣетъ никакого значенія.

Далѣе, признавая волю главнѣйшимъ факторомъ общественныхъ явленій, соціальныя науки вмѣстѣ съ этимъ преувеличиваютъ *значеніе личности*, такъ какъ идея воли истинное свое значеніе получаетъ въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преимущественно же *великихъ*. Не отрицая значенія послѣднихъ въ общемъ ходѣ исторіи, нельзя, однако, не признать, что, обращая на нихъ исключительное вниманіе, наука тѣмъ самымъ до крайности съуживаетъ предѣлы своего изслѣдованія, оставляетъ въ сторонѣ массу условій, фактовъ и отношеній, и, слѣдовательно, лишаетъ себя средствъ вывести дѣйствительно прочные законы общежитія. Освѣщая извѣстную эпоху только характеромъ извѣстнаго лица, по ея мнѣнію вліявшаго на всю совокупность отдѣльныхъ явленій этой эпохи, наука никогда не пойметъ даже того, почему эта личность имѣла такое значеніе, ни того, что должна была сдѣлать слѣдующая эпоха. Тѣмъ менѣе возможно установленіе связи между постепенно смѣнявшимися состояніями общества, ибо связь научная, дѣйствительная можетъ быть установлена только между всею совокупностью условій предыдущаго и последующаго строя общества, а не между отдѣльными личностями, взятыми сами по себѣ. Мы здѣсь далеки отъ мысли рѣшать вопросъ о степени вліянія единичной воли на историческую судьбу человѣчества. Мы желаемъ только выставить то общественное и мало понимаемое положеніе, что каждый фактъ соціальнаго міра есть произведеніе множества причинъ и условій, а не одной движущей силы. *Организмъ* и его жизнь отличается отъ *механизма* тѣмъ, что въ немъ менѣе видно господство единства цѣли и единства причинъ, чѣмъ въ послѣднемъ. Всѣ публицисты, напримѣръ, установлявшіе единство цѣли для государства, не достигали никакихъ результатовъ, между прочимъ, потому, что рядомъ съ ними другой мыслитель выставлялъ другую цѣль и т. д. *Развитіе*—эта цѣль всякаго организма, въ томъ числѣ и соціальнаго—не можетъ быть прикрѣплено на вѣки

къ одной цѣли, равно какъ явленія его не могутъ быть объяснены какою-либо одною причиною.

Не менѣе шатокъ и другой пріемъ, хотя болѣе широкій, чѣмъ предыдущій, тотъ пріемъ, по которому характеръ и значеніе общества изучаютъ на основаніи природы человѣка вообще, то-есть отождествляютъ законы общественнаго развитія съ законами развитія индивидуальнаго. Въ силу этого ученія соціальныя науки имѣютъ одинъ предметъ съ антропологіею и психологіею, при чемъ изслѣдованіе производится только въ болѣе обширной сферѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что природа эта необходима для разъясненія разныхъ практическихъ вопросовъ, преимущественно же тѣхъ дѣяній, которыя не выходятъ изъ сферы личныхъ отношеній человѣка. Но сдѣлать законы индивидуальной природы человѣка законами общества—болѣе, чѣмъ неосновательно. Значеніе человѣка, какъ члена общества, характеръ его, какъ соціальнаго существа, можетъ раскрыться только при изученіи законовъ общества, а не наоборотъ. Далѣе, самый характеръ человѣка, не только какъ члена общества, но и какъ недѣлимаго, взятаго въ сферѣ его частныхъ отношеній, до такой степени образуется и видоизмѣняется подъ вліяніемъ общества и его законовъ, что глубочайшій психологъ врядъ-ли возьмется разъяснить, что̀ въ человѣкѣ есть произведеніе его непосредственной природы и что̀ создано обществомъ. Если взвѣсить, что̀ въ суммѣ нравственнаго и умственнаго богатства общества есть произведеніе непосредственныхъ свойствъ индивидуальности, то результатъ, конечно, будетъ не блестящій. Теорія индивидуалистовъ выводитъ общество изъ потребностей человѣка и дѣлаетъ его продолженіемъ индивидуальной жизни человѣка. Никто не будетъ оспаривать перваго положенія на столько, на сколько рой есть произведеніе потребностей пчелъ, или лучше сказать, притяженіе—*потребность* атомовъ. Нельзя назвать простою потребностью то, отъ чего человѣкъ не можетъ отказаться, не рискуя быть исключеніемъ и весьма печальнымъ. Представьте себѣ существо, которое иначе не можетъ даже поддерживать свою породу, какъ соединяясь въ общество—и выводите потомъ отвлеченный appetitus societatis изъ любви къ діалектикѣ. Что касается второго положенія, что соціальная жизнь есть только продолженіе индивидуальной, то оно болѣе чѣмъ сомнительно. Если принять это положеніе индивидуалистовъ, то ясно, что соціальная жизнь есть только совокупность частныхъ существованій, а общество—простая ассоціація недѣлимыхъ. Такъ, дѣйствительно, индивидуалисты и смотрятъ на общество; таково было коренное основаніе такъ-называемаго естественнаго права—всѣ эти *соединенія* liberorum hominum Гроція, Пуфендорфа и Вольфа. Таковъ смыслъ соціальныхъ контрак-

товъ. Таково было это ученіе, для удержанія порывовъ котораго историческая школа должна была освятить всю средневѣковую гниль, для того, чтобы сколько-нибудь противопоставить идеѣ воли идею историческаго закона. Еслибъ индивидуалисты были правы, то нельзя было бы найти ни одной способности общественной, которая бы не была присуща природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ какъ ассоціація можетъ только увеличить силы посредствомъ ихъ соединенія, но не можетъ измѣнить ихъ характера и даже создать что-нибудь новое. Напротивъ, общество обладаетъ такими силами, которыхъ отдѣльный человѣкъ или вовсе не имѣетъ, или имѣетъ въ зародышѣ, подобно тому, какъ нервные узлы имѣютъ *in posse* способности мозга, простыя тѣла—свойства сложныхъ. Для того, чтобъ эти скрытыя свойства выказались, необходима химическая или органическая комбинація. Человѣкъ, напримѣръ, родится съ способностью къ рѣчи, но не съ самою рѣчью: въ противномъ случаѣ во всемъ свѣтѣ былъ бы одинъ языкъ, или каждая порода могла бы изучить только свой языкъ. Человѣкъ, предоставленный самъ себѣ, не можетъ сложить изъ звуковъ, которые онъ издаетъ, даже самаго простого сочетанія, похожаго на рѣчь. Общество, напротивъ, получаетъ языкъ вовсе не отъ условія, заключеннаго между людьми, называть такъ или иначе ту или другую вещь. То же должно сказать и про простую ассоціацію отдѣльныхъ лицъ [1]). Съ давнихъ поръ замѣчательные филологи стремились создать языкъ, которымъ могло бы говорить все человѣчество. „Кажется, всѣ нужныя средства находились въ ихъ распоряженіи—формы и законы всѣхъ языковъ и нарѣчій, выработанная грамматика, сильное умственное развитіе, и однакожъ, не только они не создали ничего подобнаго, но даже не въ силахъ были произвести какую-нибудь перемѣну въ языкѣ своего народа. То же самое должно сказать и о другихъ силахъ общества. Личный опытъ и способности безъ общества никогда не создали бы науки; личный интересъ только въ обществѣ могъ сдѣлать изъ промышленности орудіе цивилизаціи; личное вдохновеніе превратилось въ обществѣ въ искусство. Природа вещей такова, что никогда личныя способности, взятыя отдѣльно или въ ассоціаціи, не могутъ измѣнить и побѣдить силъ общественныхъ, и нельзя не благодарить за это Творца, потому что иначе все, что́ есть святого и благороднаго въ человѣчествѣ, зависѣло бы отъ стремленій лица или группы,—стремленій, нерѣдко узкихъ и эгоистическихъ“.

Далѣе можно привести отрицательныя доказательства того, что об-

---

[1]) Относит. этого см. Clavel—*Critique et conséquence des principes de 1789*. Paris, 1866.

щественныя силы не суть простое продолженіе индивидуальныхъ. Вырожденіе и смерть общества сопровождается смертью его языка, науки, искусства, промышленности, политическаго строя. Общества египетское, греческое, римское умерли, ихъ цивилизаціи отошли въ разрядъ мертвыхъ, а личности, ихъ составлявшія, продолжали жить и составлять ассоціаціи для защиты себя отъ внѣшнихъ бѣдствій. Возрожденіе древней цивилизаціи нуждалось въ новыхъ организмахъ. Только послѣ того, какъ сложилось новое европейское общество, начинаетъ появляться серьезная наука и развивается промышленность.

Человѣкъ не только способенъ создать готовое общество, но самъ дѣлается способенъ къ общежитію только постепенно, подъ вліяніемъ вѣкового воспитанія и разныхъ потрясеній, сглаживающихъ его эгоистическія наклонности. По мѣрѣ подавленія его личныхъ стремленій предварительно въ семьѣ [1]), а послѣ въ другихъ формахъ общежитія, дѣлается онъ тѣмъ общественнымъ животнымъ, какимъ выставляетъ его Аристотель. Въ семьѣ человѣкъ теряетъ часть своей личности, а вмѣстѣ, и эгоизма; въ общинѣ у него является уже способность самопожертвованія; въ государствѣ онъ доходитъ до героизма. Другими словами, *идея долга и цѣли* есть произведеніе общества, *эгоизмъ и произволъ*—удѣлъ личности.

Это нисколько не противорѣчитъ тому обстоятельству, что общество является представителемъ прогресса въ человѣчествѣ, а личность въ массѣ является элементомъ консервативнымъ. Прогрессивныя стремленія — всегда произведеніе сознанія возвышенной цѣли, общаго блага, чувства долга и нѣкотораго самоотверженія, то-есть всего того, что создается обществомъ или можетъ осуществляться только въ обществѣ, религіи, наукѣ, нравственности. Консерваторство есть нерѣдко замаскированный эгоизмъ, слѣдовательно наиболѣе индивидуальное стремленіе, или болѣе приближающее ко внѣ-общественному состоянію человѣка. Индивидуализмъ, дѣлая изъ общества ассоціацію, скомбинированную по общимъ началамъ человѣческаго ума, естественно стремится найти общую форму для общества всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, не спрашивая условій времени и мѣста. Положительное знаніе ничего не ищетъ, но утверждаетъ, что каждой эпохѣ общественнаго развитія должна соотвѣтствовать своя государственная и общественная форма.

Кромѣ того, положительная наука, выводя свои законы изъ наибольшаго количества факторовъ и условій, даетъ названіе законовъ только тѣмъ началамъ, которыя вліяютъ на всю совокупность об-

---

[1]) О значеніе семьи см. Ог. Контъ. t. IV, p. 398, seq.

щественныхъ элементовъ, слѣдовательно на жизнь преимущественно народныхъ массъ. Напротивъ, школа индивидуалистовъ любитъ возводить въ идеалъ начала, выработанныя небольшимъ кружкомъ людей, и, не смотря на свои возгласы объ общемъ благѣ, нерѣдко остается чужда истинныхъ началъ своего общества. Изслѣдуя законы общества на болѣе широкомъ полѣ, чѣмъ индивидуалисты, положительная наука направляетъ свое предвидѣніе къ такимъ же широкимъ выводамъ. Этотъ выводъ по своей общности всегда долженъ соотвѣтствовать самому закону. Если законъ долженъ соотвѣтствовать всей совокупности общественныхъ элементовъ, то и самая цѣль должна соотвѣтствовать той же совокупности. Только тѣ стремленія считаетъ она здравыми, которыя одинаково общи всѣмъ классамъ общества, потому что они одни соотвѣтствуютъ общности ея законовъ. Служеніе личнымъ цѣлямъ, фантазіи кружка, утопіи—нелѣпо, ибо не научно и потому не законно. Вотъ почему такая наука наиболѣе демократична, хотя не любитъ революцій, а индивидуализмъ наиболѣе аристократиченъ, хотя гремитъ о переворотахъ. Положительная наука, сознавая свою тѣсную связь съ обществомъ, котораго она есть произведеніе, и его основанія, никогда не выставляетъ положеній противныхъ началамъ общежитія. Отдѣльная личность или даже группа лицъ могутъ уединиться, забыть великое назначеніе науки, необходимую связь всѣхъ областей знанія и увлечься какимъ-нибудь частнымъ представленіемъ. Но въ то время, когда они будутъ высказывать свои положенія, они не будутъ помнить объ обществѣ, не будутъ болѣе принадлежать ему. Пантеистическій нигилизмъ Гегеля могъ быть созданъ только въ кабинетѣ; ученый, забывающій хоть часть великихъ началъ, составляющихъ достояніе умственной жизни человѣчества, тѣмъ самымъ осуждаетъ свою теорію на безплодность. Вотъ почему положительная наука беретъ въ расчетъ все, чѣмъ движется человѣчество въ данную пору, а потому ни на минуту не уклоняется отъ жизни: ея законы *прежде всего должны быть жизненны*. Не знаемъ, можно ли то же самое сказать про школу метафизиковъ.

Изучая общественные законы на такомъ широкомъ полѣ, по отношенію къ самой свободѣ, этому идеалу индивидуализма, реальная наука установляетъ болѣе положительныя основанія, чѣмъ тѣ безпорядочныя мечтанія, которыя справедливо вызываютъ опасенія всѣхъ благомыслящихъ людей. „La vraie liberté, говоритъ Контъ, ne peut consister, sans doute, qu'en une soumission rationnelle à la seule prépondérance, convenablement constatée, des lois fondamentales de la nature, à l'abri de tout arbitraire commandement personnel".

Наконецъ, почти безполезно говорить о томъ, что, выясняя необходимые законы развитія и необходимость самаго развитія обще-

ства, положительная наука умѣетъ отвести должное мѣсто правительству, этому представителю общихъ интересовъ, на которое индивидуалисты смотрятъ какъ на помѣху всякаго прогресса. Таковы начала, которыя, по нашему мнѣнію, должны лечь и отчасти уже легли въ основаніе соціальной науки.

Разумѣется, всѣ эти начала выработались не вдругъ. Можно сказать, что во Франціи они — порожденіе XIX столѣтія и школы С.-Симона, ибо только она дошла до истиннаго сознанія общества, какъ дѣйствительнаго организма. До того времени индивидуализмъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ составлялъ главную основу всѣхъ политическихъ ученій, которыя исходили отъ естественнаго состоянія путемъ соглашенія, контракта, завоеванія и прочихъ смѣшныхъ или вредныхъ ученій. Собственно говоря, всѣ они продолжали дѣло классическихъ писателей, съ бо̀льшими или мѐньшими измѣненіями. Политическая свобода дала Платону и Аристотелю возможность выработать такое ученіе, которое въ общихъ чертахъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ до настоящаго времени не утратило своего значенія. Вотъ почему Бюше останавливается на немъ довольно подробно. Это одна изъ любопытныхъ оцѣнокъ политическихъ ученій древности. Еще теперь, говоритъ онъ, по истеченіи 22 вѣковъ, терминологія, опредѣленія, формулы Платона и Аристотеля, а особенно Аристотеля, составляютъ основаніе политической науки и языка. Отъ Аристотеля получили мы опредѣленіе, что цѣль политическаго общества есть личное благо. Онъ высказалъ мысль, что человѣкъ есть существо общественное и что, вступая въ общество, онъ удовлетворяетъ своей потребности, — аксіому, принятую Гроціемъ и Пуфендорфомъ и сдѣлавшуюся исходнымъ пунктомъ естественнаго права. Конечно, теоріи двухъ древнихъ философовъ подверглись нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ. Они подъ именемъ „гражданъ" разумѣли небольшой кружокъ лицъ, вооруженныхъ политическими правами, въ противоположность иностранцамъ и рабамъ; теперь его даютъ всей массѣ жителей. Далѣе, встрѣчаются различныя опредѣленія блага. Одни полагаютъ его въ добродѣтели или умѣренности, какъ Аристотель; другіе — въ правдѣ, подобно Платону; третьи — въ безопасности, въ богатствѣ, въ могуществѣ. Не всѣ также сходятся относительно происхожденія общества. Теорія христіанская отличается отъ теоріи Аристотеля. Но, каковы бы ни были эти разногласія, всѣ научныя направленія, начиная отъ отцовъ церкви до новѣйшихъ публицистовъ, представляютъ отраженіе греческой науки, если не самую эту науку.

Вліяніе этихъ двухъ мыслителей выражается и въ томъ стремленіи создать вѣчную, незыблемую общественную организацію, которая бы

вѣчно служила идеѣ общаго блага. И Платонъ, и Аристотель выставили, правда, каждый свой идеалъ. Но и то обстоятельство, что два мыслителя, жившіе почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, выставили два различные идеала, не удержало новѣйшихъ ихъ подражателей. Нѣтъ почти публициста, который не стремился бы найти или даже не считалъ бы себя нашедшимъ подобный идеалъ. Для публициста это, конечно, невинное упражненіе; но хуже всего то, что идея неподвижности формъ вошла въ сознаніе правительствъ, изъ которыхъ каждое считаетъ себя представителемъ наилучшей формы въ мірѣ. Послѣдствія такого убѣжденія ведутъ къ систематическому застою, предшествующему самому вредному взрыву сдержанныхъ элементовъ общества. Даже *золотая середина*, которою такъ гордятся практическіе люди, и та оставлена имъ въ наслѣдство Аристотелемъ.

Кромѣ понятія о неподвижности формъ, вліяніе греческой науки отразилось и на томъ убѣжденіи, что всѣ соціальные вопросы могутъ быть разрѣшены тою или другою формой правленія. Три типическія и три извращенныя формы—вотъ что представляютъ собою всѣ государства цѣлаго свѣта [1]). Переходъ отъ одной формы къ другой совершается революціей, непосредственно вытекающею изъ извращенія какой-либо изъ типическихъ формъ. Монархія извращается въ тиранію, тиранія вызываетъ революцію, изъ которой рождается новая форма, въ свою очередь опять извращающаяся и ведущая къ революціи, и т. д., и дѣло оканчивается возвращеніемъ къ первой формѣ. Такъ, вся политическая исторія каждаго народа есть нескончаемый круговоротъ, въ которомъ общество ищетъ спасенія отъ одной формы въ другой, въ свою очередь покидаемой имъ для третьей.

Итакъ, неподвижность формъ ведетъ къ революціямъ, которыя ведутъ ни къ чему иному, какъ къ той же формѣ, отъ которой общество такъ тщательно уходило.

И это еще не все. Теорія круговорота есть только послѣдствіе другой, болѣе общей концепціи. Человѣкъ потому осужденъ вращаться на мѣстѣ, что не можетъ идти впередъ; онъ оставилъ золотой вѣкъ народа, и каждый шагъ, удаляющій его отъ этого, есть переходъ отъ дурного къ худшему. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ, теорія кругового движенія представляется уже шагомъ впередъ; застой все же лучше постояннаго паденія.

---

[1]) Замѣтимъ, впрочемъ, что по отношенію къ Аристотелю это замѣчаніе Бюше справедливо только до нѣкоторой степени. Правда, онъ признаетъ *абсолютно лучшую форму* правленія, но въ то же время онъ говоритъ, что каждый народъ осуществляетъ идеальные типы по-своему. См. *Политика*, VI, 1.

Притомъ, ученіе это, подробно развитое Платономъ и Полибіемъ, представляло нѣкоторое сходство съ исторіею греческихъ республикъ. Выводъ соотвѣтствовалъ наблюдаемымъ фактамъ, но наблюденіе это происходило на слишкомъ тѣсномъ пространствѣ, что сдѣлало самый выводъ узкимъ и одностороннимъ. Но ученіе это сохранило свою силу много вѣковъ; оно жило такъ долго, что даже было забыто, и воскресло.

Прежде всего, оказалась несостоятельность формальной классификаціи государственныхъ формъ. Цицеронъ и Полибій не знали уже, куда отнести римскую республику, и назвали ее четвертою формою. Феодализмъ рѣшительно не укладывался ни въ одну изъ этихъ формъ: государство, выстроенное на несвободной поземельной собственности, сопоставленіе духовной и свѣтской властей, затѣмъ постепенное образованіе представительной системы—всего этого не предвидѣла древняя наука. Далѣе, куда дѣвались рабы, безъ которыхъ немыслимо было древнее государство? Что сдѣлалось съ безграничными правами отца семейства? Далѣе, знали ли древніе кредитъ, эту могущественную силу, вслѣдствіе которой всякое правительство болѣе или менѣе испытываетъ давленіе общественнаго мнѣнія? Они знали городъ, муниципію, но понимали ли національность? Наконецъ, вся ихъ политическая мудрость заключалась въ развитіи личнаго счастія, справедливости, въ правилѣ suum cuique. Неудовлетвореніе этихъ требованій вело къ революціи. Если же это муравьиное блаженство было удовлетворено, то форма общества могла бы существовать безконечно. Что сказали бы они про общественное мнѣніе, которое шагъ за шагомъ подвигаетъ своихъ представителей къ улучшеніямъ и неохотно пускается въ революціи?

Таковы нѣкоторые факты, поступившіе въ обладаніе новой науки хотя далеко не всѣ. Они даютъ возможность открыть новые законы соціальнаго развитія, выяснить другія цѣли общества [1]). Во главѣ такихъ законовъ стоитъ законъ, предчувствованный Лессингомъ и Лейбницемъ, выраженный Кантомъ, Тюрго и Кондорсе и окончательно укрѣпившійся въ области соціальныхъ и естественныхъ наукъ послѣ открытій Ламарка, Конта, Дарвина, Гёте и фонъ-Бера. „Законъ прогресса, говоритъ Бюше, есть отрицаніе нѣкоторыхъ главныхъ основаній древней науки и установленіе совершенно противоположныхъ началъ. Законъ этотъ отрицаетъ, что человѣческая порода осуждена на вѣчное вращеніе въ сферѣ постоянныхъ, однородныхъ явленій; онъ утверждаетъ, что общества должны идти впередъ по прямой дорогѣ къ добру, что новое постоянно должно быть лучше

---

[1]) Ср. Бюше t. I, pp. 23—31, 32—34.

стараго. Этотъ законъ доказываетъ, что ни одно устройство не можетъ претендовать на названіе идеальнаго и лучшаго устройства, что оно видоизмѣняется съ видоизмѣненіемъ общества. Наконецъ, онъ ведетъ къ тому заключенію, что каждое общество отъ своего возникновенія до упадка составляетъ одно цѣлое: оно изображаетъ цѣпь, гдѣ каждое звено, то-есть каждая эпоха получаетъ отъ предшествующей больше, чѣмъ та получила отъ предыдущей, и оставляетъ послѣдующему времени наслѣдство большее, чѣмъ получила сама. Были, конечно, ужасные случаи, попадаются разрушенныя цивилизаціи, движенія вспять, вырожденіе цѣлыхъ обществъ. Но эти несчастія до настоящаго времени были исключительными явленіями; въ настоящее время возможность ихъ уменьшается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія началъ цивилизаціи. Притомъ эти перерывы были только кажущіеся; преданія, привычки, вѣрованія общества оставались неприкосновенными. Этихъ остатковъ часто было достаточно для возрожденія прежняго общества; часто во имя этихъ сохранившихся вѣрованій общество возрождалось въ лучшемъ видѣ и продолжало свое развитіе съ неудержимою силою. Историки и лѣтописцы часто видятъ развалины и разрушеніе въ симптомахъ глубокаго перерожденія и переходѣ отъ одной цивилизаціи къ другой".

Въ чемъ состоитъ этотъ законъ прогресса? Гдѣ причина и условія прогресса? Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время соціальныя науки представляли полную законченную теорію этого закона. Несмотря на основательные труды Конта, Герберта Спенсера и еще двухъ-трехъ мыслителей, много еще пробѣловъ, темныхъ мѣстъ, противорѣчій. Вотъ почему мысли Бюше, кромѣ своего несомнѣннаго внутренняго достоинства, представляютъ еще интересъ, какъ дополненіе къ разрозненнымъ попыткамъ выяснить эту идею. Попытка его тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что его теорія есть логическій выводъ изъ убѣжденій, составленныхъ имъ при занятіи естественными науками. Наконецъ, безъ этой теоріи непонятно будетъ все его соціальное ученіе, а потому мы посвятимъ слѣдующія страницы подробному ея изученію.

Отъ Тюрго и С.-Симона Бюше отличается тѣмъ, что они изучали теорію прогресса только на антропологическихъ и соціальныхъ фактахъ, тогда какъ онъ строилъ свои выводы на данныхъ, принадлежавшихъ всѣмъ сферамъ наукъ. Онъ первый началъ дѣлать сближенія прогрессивныхъ явленій, доказанныхъ историческими науками, съ аналогическими результатами, добытыми геологіею, сравнительною анатоміею и эмбріологіею, и установилъ соотношеніе между однородными законами міра неорганическаго и духовнаго. Сравнительная

анатомія доказывала ему, что всѣ классы животныхъ составляютъ лѣстницу, цѣпь, гдѣ низшія породы тѣсно связаны съ высшими; геологія показала, что всѣ эти классы были созданы послѣдовательно, что твореніе началось съ низшихъ организмовъ, за которыми слѣдовали организмы высшаго порядка. Та же наука доказывала, что первыя растительныя и животныя породы сами способствовали образованію земной коры, внося въ нее элементы, необходимые для развитія послѣдующихъ породъ. Наконецъ, эмбріологія показала, что человѣческій зародышъ переживаетъ рядъ послѣдовательныхъ развитій. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ онъ выводилъ заключеніе, что законъ, проявляющійся въ различныхъ классахъ животныхъ, и въ образованіи земли, есть тотъ же, который управляетъ развитіемъ зародыша, и тотъ, который мы назвали закономъ прогресса.

И такъ, съ физической точки зрѣнія одинъ законъ управляетъ земнымъ шаромъ, одушевленною природою и человѣческимъ организмомъ. Въ этомъ убѣдили Бюше естественныя науки. Изученіе исторіи повело его дальше; оно открыло ему тотъ же самый законъ въ примѣненіи къ умственному и нравственному міру. Историческій прогрессъ человѣчества кажется продолженіемъ, въ другихъ только формахъ, прогрессивныхъ преобразованій, пережитыхъ землею до появленія на ней человѣка. Нѣтъ, слѣдовательно, ни одного существа, которое бы могло уйти изъ-подъ вліянія этого закона.

И такъ, сравненіе результатовъ геологіи, сравнительной анатоміи и эмбріологіи съ общими выводами историческихъ наукъ привело Бюше къ установленію всеобщности закона прогресса. Прогрессъ, слѣдовательно, пересталъ быть для него простымъ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія и успѣховъ просвѣщенія, — которое одни признавали, другіе отрицали, — а сталъ закономъ міроваго порядка.

Но это же сравненіе дало ему возможность понять и характеръ, и смыслъ прогресса. Понятіе прогресса смѣшивали и смѣшиваютъ съ понятіемъ совершенствованія[1]). Для многихъ ученыхъ прогрессъ представляется постояннымъ усовершенствованіемъ личныхъ способностей и соціальныхъ установленій. Но для сравнительной анатоміи и геологіи подобное усовершенствованіе — второстепенный фактъ. „Соціальный прогрессъ, говоритъ Гербертъ Спенсеръ, видятъ въ производствѣ бóльшаго количества и бóльшаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ большемъ огражде-

---

[1]) Всѣ послѣдующія мысли сходны съ положеніемъ, развитымъ Гербертомъ Спенсеромъ въ разныхъ его статьяхъ. Впрочемъ, условія прогресса, выставляемыя имъ, едва ли не ближе къ истинѣ, чѣмъ соображенія Бюше, не смотря на ихъ положительное достоинство въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ.

ніи личности и собственности, въ расширеніи свободы дѣйствій; между тѣмъ правильно понимаемый соціальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ соціальнаго организма, которыя обусловливаютъ *эти послѣдствія.* Обиходное понятіе о прогрессѣ есть телеологическое... Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ". Съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ прогрессъ есть та же математическая прогрессія, каждый членъ которой заключаетъ въ себѣ все предыдущее и нѣчто большее, чего въ нихъ нѣтъ. Такъ, каждый классъ животныхъ заключаетъ въ себѣ всѣ органы низшаго класса, но болѣе развитые и сложные; каждая геологическая эпоха предполагаетъ всѣ предыдущія, безъ которыхъ она была бы невозможна, но отличается отъ нихъ существованіемъ болѣе совершенныхъ животныхъ и растеній. Слѣдовательно, прогрессивность не есть свойство отдѣльнаго члена прогрессіи, но есть достояніе всего ряда. Каждый классъ животныхъ не прогрессивенъ самъ по себѣ; низшія породы ихъ представляютъ то же строеніе, какъ при своемъ появленіи. Но каждый классъ стоитъ между сравнительно низшимъ и высшимъ, и изъ сравненія ихъ можно вывести понятіе прогрессивности. То же самое замѣчаемъ мы и въ соціальной сферѣ. Утверждаютъ, говоритъ Бюше, что соціальная жизнь есть результатъ развитія нашихъ способностей. Это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что всѣ способности, отличающія насъ отъ животныхъ, могутъ проявиться только въ сообществѣ. Но когда утверждаютъ, что самый прогрессъ есть не что̀ иное какъ усовершенствованіе тѣхъ же способностей, это положеніе невѣрно во всѣхъ отношеніяхъ. Греки по развитію своихъ умственныхъ способностей и во всѣхъ предметахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ развитія этихъ способностей, не только были равны современному человѣчеству, но едва ли не превосходили его. Во всѣхъ же отношеніяхъ, зависящихъ отъ степени соціальнаго прогресса, они стоятъ далеко ниже. Чтобы увидѣть истинный прогрессъ, необходимо взять Грецію въ сравненіи съ Египтомъ съ одной стороны и современною цивилизаціею—съ другой. Слѣдовательно, идея эта можетъ быть выяснена путемъ сравненія различныхъ цивилизацій или, по крайней мѣрѣ, поколѣній, но никакъ не отдѣльныхъ личностей. Отдѣльная личность, какова бы ни была ея способность, не могла силою своего мышленія достигнуть нѣкоторыхъ открытій, концепцій, результатовъ, украшающихъ современную науку. Они были бы невозможны безъ массы предшествовавшихъ наблюденій. Эта масса наблюденій, соображеній, гипотезъ, повѣрокъ, аналогій, вычисленій, соединенныхъ для разъясненія одного и того же предмета, дѣлаетъ изъ теоретика, который послѣ другихъ взялся за его разъ-

ясненіе, не только болѣе свѣдущаго или ученаго человѣка, но вліяетъ на силу его изобрѣтательной способности, подсказываетъ ему тѣ геніальныя гипотезы, которымъ наука обязана своими величайшими законами. Теоріи Коперника или Ньютона—неужели продуктъ только ихъ личности [1])?

И такъ, личность способна къ совершенствованію; но прогрессивно—одно общество. Оно выдѣляетъ одно понятіе изъ другого; оно даетъ каждому элементу самостоятельное развитіе; только въ немъ каждой потребности соотвѣтствуетъ отдѣльная организація,—словомъ, только оно удовлетворяетъ коренному условію прогресса, высказанному г. Спенсеромъ—постепенному переходу отъ однородности къ разнородности, отъ смѣшенія къ раздѣльности. Усилій личности не достало бы на такое громадное дѣло. Могли ли бы эти усилія выдѣлить религіозный элементъ изъ свѣтскаго, въ свѣтскомъ отдѣлить экономическія отношенія отъ государственныхъ? Воспитаніе личности продолжительно, жизнь коротка, способности ограничены и продукты ея дѣятельности погибли бы, еслибъ ихъ не сохраняло общество. Оно не теряетъ ничего, не устаетъ, не ослабѣваетъ. Въ немъ вырабатываются истинно прогрессивные элементы.

Благодаря этому великому закону, въ дѣлѣ прогресса участвуютъ все и всѣ, даже тѣ, которые не сознавали своей дѣятельности. Въ геологіи это не требуетъ особенныхъ доказательствъ. Каждая формація сопровождалась появленіемъ извѣстнаго числа новыхъ животныхъ и растеній. Эти животныя могли существовать только потому, что нашли всѣ нужныя для себя условія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ условій не малую роль играли животныя и растенія предшествующей формаціи. Вслѣдствіе этого отъ зародышей органической жизни, приспособленныхъ къ исключительно-минеральному періоду, природа постепенно дошла до возможности высшихъ организмовъ. Одинъ порядокъ животнаго царства подготовляетъ появленіе высшаго порядка, создавая постепенно нужную для того почву, видоизмѣняя моря, очищая воздухъ, реформируя климатъ И что́ же? Для того, чтобы произвести всѣ эти чудеса, всѣмъ этимъ первенцамъ животнаго и растительнаго царства не нужно было обладать особенными способностями. Для поддержанія прогрессивнаго движенія природы имъ нужно было только слѣдовать своимъ инстинктамъ, спокойно жить и умирать. Ихъ простого присутствія на земной поверхности, соединеннаго съ постояннымъ дѣйствіемъ химическихъ и физическихъ силъ, достаточно было для постепеннаго преобразованія этой поверхности. Каждый періодъ творенія имѣлъ такимъ образомъ свою

---

[1]) См. ibid. 35 и слѣд.; также *Введеніе*, LXIV и слѣд.

задачу, въ достиженіи которой участвовало все живущее въ каждой отдѣльной формаціи. Но когда преобразованіе совершилось, когда все было уже готово для принятія новыхъ обитателей, сильнѣйшій переворотъ разрушилъ всѣ отжившія, то-есть покончившія свое назначеніе породы [1]). Онѣ были, такимъ образомъ, слѣпымъ орудіемъ прогресса, въ которомъ сами не участвовали, ибо въ теченіе всего геологическаго періода ихъ организація, инстинкты и потребности не подвергались особеннымъ измѣненіямъ.

По отношенію къ человѣчеству вопросъ этотъ нѣсколько усложняется. Человѣкъ, существо разумное и свободное, не только сознаетъ прогрессивное движеніе, въ которомъ онъ участвуетъ [2]), но и самъ принимаетъ въ немъ участіе, улучшая условія своего быта. Но общія начала геологическаго прогресса примѣняются и здѣсь: такъ, всякая перемѣна совершается въ теченіе долгаго времени, эпохи, имѣющей эту перемѣну своею задачею. Въ исторіи человѣчества постепенно смѣнявшіяся великія цивилизаціи играли роль постепенно смѣнявшихся геологическихъ формацій. Далѣе, хотя человѣчество въ каждую эпоху и сознаетъ болѣе или менѣе свое назначеніе, но цѣль эта лежитъ внѣ современныхъ поколѣній: каждое изъ нихъ работаетъ для будущаго. Каждый человѣкъ есть органъ великаго соціальнаго организма, какъ каждый отдѣльный общественный организмъ есть органъ человѣчества. Такимъ образомъ, никто не созданъ исключительно для достиженія своихъ мелкихъ, эгоистическихъ задачъ; каждый имѣетъ свою задачу въ міровомъ порядкѣ: всѣ мы—работники въ одной великой мастерской и трудимся надъ работой, размѣры и задачи которой далеко переходятъ за предѣлы нашего существованія.

Недостаточно, однако, указать на всеобщность закона прогресса; необходимо показать его примѣненіе къ исторіи человѣчества. Установленіе закона требуетъ повѣрки. Повѣрка даетъ возможность предвидѣнія. Какъ человѣчество двигается впередъ? Какъ опредѣлить его направленіе въ данную минуту? Разрѣшенію этихъ вопросовъ Бюше посвятилъ главнымъ образомъ свое *Введеніе въ науку исторіи* и, кромѣ того, много отдѣльныхъ замѣчаній въ различныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ. Мы изложимъ здѣсь его ученіе о прогрессѣ и выведемъ изъ него исходную точку его соціальнаго ученія. Что же касается его теоріи предвидѣнія, то мы постараемся изложить ее въ

---

[1]) Читатель, вѣроятно, помнитъ, что Бюше находился подъ сильнымъ вліяніемъ Кювье.

[2]) Всегда ли? Кажется, есть періоды, когда въ этомъ сознаніи участвуютъ немногіе; впрочемъ, это нисколько не измѣняетъ мысли Бюше: все-таки есть въ общемъ движеніи доля сознанія. Кто сознаетъ, тотъ ведетъ другихъ.

слѣдующей статьѣ, послѣ разбора основныхъ началъ его общественной теоріи.

Мы уже видѣли, что вся исторія человѣчества состоитъ изъ ряда постепенно смѣнявшихся цивилизацій. Чтó представляетъ собою каждая цивилизація? Почему она составляетъ такое замкнутое цѣлое? Какъ совершается переходъ отъ одной цивилизаціи къ другой?

Подобно всѣмъ теоріямъ Бюше и Конта, и теоріи, касающіяся этихъ вопросовъ, въ зародышѣ находятся уже въ ученіи С.-Симона. Въ общемъ ходѣ знанія и соціальнаго развитія вообще, писалъ онъ, можно замѣтить два постоянно и постепенно смѣняющія другъ друга направленія, или, лучше сказать, метода: методъ a priori и методъ a posteriori. Первый необходимо предшествуетъ второму. Ученые начинаютъ съ того, что подчиняются вліянію какой-нибудь великой системы, основанной геніальнымъ мыслителемъ, и довольствуются приложеніемъ его теоріи къ частнымъ случаямъ. Но постепенно это направленіе смѣняется стремленіемъ анализировать факты и подробности и отъ нихъ восходить къ обобщеніямъ. Эта послѣдняя работа продолжается до тѣхъ поръ, пока не выработаются элементы для новой могущественной системы, не явится снова геніальная личность. Соціальный строй представляетъ, по его мнѣнію, такія же смѣны двухъ направленій; общество постоянно переходитъ отъ синтетическаго къ аналитическому періоду. Европа уже болѣе одного (по мнѣнію Конта, трехъ) столѣтія переживаетъ послѣдній періодъ: пора уже возвратиться къ методу апріористическому и начать эпоху общественной организаціи.

Эта теорія была мало развита С.-Симономъ, но сильно отразилась на ученіи Конта и Бюше. У послѣдняго она приняла форму теоріи *органическихъ* и *критическихъ* періодовъ. Слѣдовательно, каждая цивилизація есть продуктъ положительныхъ и отрицательныхъ факторовъ. Положительные устанавливаютъ и опредѣляютъ задачу извѣстной цивилизаціи; отрицательные разрушаютъ то, чтó въ этой организаціи было временнаго, выдѣляютъ дѣйствительно общія начала и своею политическою работою способствуютъ накопленію новыхъ фактовъ, новыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ сложится будущая цивилизація. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ факторовъ выполняетъ и положительную, и отрицательную задачу. Каждая органическая эпоха цивилизаціи доканчиваетъ отрицаніе стараго зданія, которому она противопоставляетъ новое: она освящаетъ дѣло предшествующей критической эпохи; каждый критическій періодъ отрицаетъ старый порядокъ, но своими положительными трудами подготовляетъ новый органическій періодъ. De omnibus dubito—первое слово картезіанства, оно предшествуетъ его—cogito ergo sum. Но разница между орга-

ническимъ и критическимъ періодами заключается въ большей сосредоточенности сомнѣнія и положительнаго убѣжденія, съ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, тогда какъ критическая эпоха, разбрасываясь въ спеціальностяхъ, отдаваясь изслѣдованію частныхъ вопросовъ и фактовъ, не имѣетъ такой общности сознанія, какъ первая эпоха. Дѣйствительно, если мы возьмемъ какую-нибудь критическую эпоху, то убѣдимся, что отрицаніе растетъ въ ней постепенно и притомъ начинается съ анализа самыхъ мелкихъ, частныхъ и удаленныхъ отъ общаго соціальнаго строя фактовъ. Наиболѣе способны для этого вопросы естественныхъ наукъ, не только потому, что они скорѣе могутъ довести до положительныхъ результатовъ и, слѣдовательно, подготовить новый органическій періодъ, но и потому, что, по трудности усмотрѣть ближайшую связь между ними и общею массою вѣрованій и установленій, они даютъ возможность людямъ, привязаннымъ еще къ тому и другому, совершенно свободно относиться къ своему предмету. По мѣрѣ паденія установленій и вѣрованій органической эпохи, критицизмъ касается болѣе общихъ вопросовъ, и, наконецъ, полное отрицаніе стараго возвѣщаетъ появленіе новаго органическаго ученія. Слѣдовательно, систематическое сомнѣніе есть необходимое условіе возможности новаго органическаго ученія, но никакъ не самое это ученіе. Органическое ученіе создается изъ положительныхъ началъ прежней эпохи, уцѣлѣвшихъ отъ критической работы отрицанія, и положительныхъ фактовъ, добытыхъ аналитическими трудами критической эпохи. Собственно отрицаніемъ мало занимается органическое ученіе. Оно цѣликомъ дается ему критикой непосредственно предшествовавшей ему эпохи. Оно отрицаетъ прошедшее скорѣе догматизмомъ и положительностью своего ученія, чѣмъ критикой этого прошедшаго. Но въ этомъ отношеніи оно идетъ гораздо дальше, чѣмъ самая смѣлая критическая работа. Христіанскій монастырь явился гораздо сильнѣйшимъ отрицаніемъ язычества, чѣмъ всевозможныя насмѣшки скептиковъ послѣднихъ временъ имперіи. Это понятно: въ первомъ случаѣ говорили представители двухъ совершенно различныхъ обществъ; во второмъ только спорили несогласные члены того же самаго общества; здѣсь одно *убѣжденіе* было противопоставлено другому; тамъ *препирались* люди съ различными *мнѣніями*. Вотъ почему представители стараго общества преслѣдовали новое ученіе, оставляя безъ вниманія насмѣшки скептиковъ. Они прощали невѣріе, но не могли вынести новой религіи. Мало того: самые скептики большею частью не только не сочувствовали новому обществу, распространенію котораго они же содѣйствовали, но съ ужасомъ отворачивались отъ него, отчасти потому, что критицизмъ, работая безъ всякой общей цѣли, не всегда предвидитъ результаты

своего направленія, отчасти потому, что они только абстрактно, а не въ дѣйствительности, порвали связь съ старымъ обществомъ, а отчасти потому, что по привычкѣ къ отрицанію они неохотно увлекаются органическимъ ученіемъ. Имъ можетъ увлечься только тотъ, въ комъ сомнѣніе такъ же цѣлостно, какъ цѣлостно новое ученіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребность вѣрованія сильнѣе критическаго стремленія. Исторія христіанства достаточно доказываетъ это: злѣйшими его врагами явились наиболѣе скептическіе писатели эпохи; женщины, юноши простые сердцемъ—первыми его послѣдователями. Эти факты достаточно извѣстны, а потому излишне было бы останавливаться на нихъ. Возвратимся къ Бюше.

Сознавая всѣ вышеизложенныя истины, онъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества не далъ сомнѣнію такой роли, какую навязалъ ему *Бокль*. Не сомнѣніе устанавливаетъ цѣли, не оно даетъ направленіе, господствующее въ извѣстномъ циклѣ цивилизаціи; оно не начинаетъ съ стройнаго ученія, и возвышается до системы уже въ ту минуту, когда старое общество готово смѣниться новымъ, то-есть одно органическое ученіе другимъ, такимъ же органическимъ. Далѣе, критицизмъ есть по преимуществу логическая дѣятельность, имѣющая мало элементовъ нравственнаго чувства, на которомъ, по мнѣнію Бюше, прежде всего строится всякое органическое ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, не только каждая изъ великихъ историческихъ эпохъ открывалась новымъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, но и каждый изъ второстепенныхъ органическихъ періодовъ сопровождался возрожденіемъ нравственнаго и религіознаго чувства. Если бы Бокль, говоря объ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія въ дѣлѣ успѣховъ человѣчества, долѣе остановился на этомъ обстоятельствѣ, чѣмъ на изолированныхъ примѣрахъ римскихъ императоровъ и испанской инквизиціи, онъ, вѣроятно, пришелъ бы къ другимъ результатамъ. Нравственность, говоритъ онъ, состоитъ изъ немногихъ предписаній, неспособныхъ къ прогрессу; въ теченіе вѣковъ къ нимъ нельзя было прибавить ни одной буквы. Напротивъ, умственное развитіе постоянно подвигается впередъ черезъ пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ, расширяющихъ сферу его созерцанія. Пріобрѣтеніе новыхъ фактовъ зависитъ отъ степени сомнѣнія, которое одно можетъ двинуть человѣка къ новымъ открытіямъ. Слѣдовательно, въ итогѣ только сомнѣніе есть факторъ цивилизаціи: чѣмъ больше общество сомнѣвается, тѣмъ больше оно идетъ впередъ. Слѣдовательно, первые 12 вѣковъ христіанства не были прогрессомъ въ сравненіи съ эпохой возрожденія, обратившейся къ язычеству. Много бы можно привести такихъ „слѣдовательно“; но, боясь уклониться отъ предмета, мы сдѣлаемъ лишь немного замѣчаній. Во-первыхъ, нравствен-

ность и ея дѣйствительно немногія начала [1]) способны къ развитію, особенно если подъ нравственностью мы будемъ понимать не правила индивидуальнаго поведенія (какъ это, очевидно, дѣлаетъ Бокль), а совокупность извѣстныхъ началъ общежитія, какъ это дѣлаютъ Контъ и Бюше. Подобно всѣмъ началамъ, прогрессивность нравственности можно усмотрѣть только при сравненіи извѣстнаго ряда смѣнявшихся цивилизацій. Никто, напримѣръ, не станетъ отрицать, что нравственность христіанства рѣзко отличается отъ нравственности греческаго политеизма, отъ нравственности браманизма, что политеизмъ имѣлъ другія нравственныя предписанія, чѣмъ фетишизмъ, и т. д. Далѣе, нравственныя начала, какъ основа цѣлой эпохи человѣческой цивилизаціи, по необходимости должны носить нѣкоторый отпечатокъ неподвижности, безъ чего предписанія эти скоро потеряли бы свой авторитетъ, спустились бы въ шаткую сферу индивидуальнаго усмотрѣнія и мнѣнія, что, конечно, привело бы къ паденію соціальной нравственности,—слѣдовательно, потрясло бы самыя основы общежитія. Неподвижность эта нисколько не доказываетъ, однако, ихъ неспособности содѣйствовать прогрессу. Никто, напримѣръ, не назоветъ ретроградомъ какого-нибудь человѣка только потому, что онъ имѣетъ одну, постоянную цѣль, которой посвятилъ всю жизнь. О прогрессивности или непрогрессивности извѣстныхъ началъ можно судить не столько по ихъ количеству, сколько по тому, скоро ли ихъ можно осуществить или исчерпать. И самъ Бокль не рѣшился утверждать, что начала, высказанныя христіанствомъ, великія цѣли, имъ установленныя, всѣ достигнуты, и что христіанство исчерпано до дна. Напротивъ, прогрессъ до настоящаго времени заключается въ постепенномъ примѣненіи этихъ началъ, этихъ немногихъ заповѣдей, этихъ „возлюби Бога всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго твоего, какъ самого себя“, высказанныхъ за нѣсколько столѣтій. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ постепеннаго примѣненія христіанскихъ началъ заключается пока вся задача соціальныхъ наукъ, и Богъ знаетъ, когда онѣ сдѣлаются достойными этой задачи. Сколько времени нужно было, чтобы рабство, которое христіанство застало, постепенно видоизмѣняясь черезъ крѣпостное состояніе, черезъ феодальныя повинности, черезъ монополіи, дошло до внѣшняго освобожденія человѣка. И теперь конецъ ли христіанскимъ цѣлямъ

---

[1]) Не нужно много проницательности, чтобы догадаться, что если бы нравственность имѣла много началъ и сложный механизмъ, она никогда не дѣйствовала бы такъ на массы; ея немногія правила непосредственно говорятъ чувству, доступны сознанію самаго неразвитого человѣка, тогда какъ та же нравственность, замкнутая въ философскій аппаратъ, была бы достояніемъ немногихъ.

въ этомъ отношеніи? Спросите объ этомъ у рабочихъ и пролетаріевъ Лондона и Парижа. Какая же роль сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ? Оно, конечно, играетъ важную роль въ этой работѣ; оно не даетъ заснуть человѣку; оно наталкиваетъ его на разныя общественныя язвы; оно показываетъ громадное разстояніе между тѣмъ, что̀ сдѣлано, и тѣмъ, что́ нужно еще сдѣлать. Но въ самомъ пылу своихъ критическихъ работъ, сомнѣніе никогда не должно упускать изъ вида великой цѣли, установленной органическимъ ученіемъ своей эпохи. Только тогда оно плодотворно. Сомнѣніе, не имѣющее связи съ этою цѣлью и не подчиненное ей, или вовсе не имѣетъ смысла, или имѣетъ смыслъ очень печальный. Оно не имѣетъ смысла и значенія, когда появляется въ эпоху полной силы установленныхъ цѣлей; оно—печальный симптомъ, когда эти цѣли достигнуты и цивилизація исчерпана: тогда оно доказываетъ близкую гибель стараго общества и явленіе новаго. Пусть простятъ намъ нѣсколько тривіальное сравненіе, которое лучше пояснитъ нашу мысль. Мы сравнимъ роль, принадлежащую, по нашему убѣжденію, сомнѣнію въ дѣлѣ человѣческой цивилизаціи, съ ролью англійской оппозиціи въ дѣлѣ управленія этою страною. Никто такъ рѣзко не осуждаетъ дѣйствій министерства, никто не открываетъ такихъ пробѣловъ и промаховъ въ администраціи; но никогда члены оппозиціи не забывали, что они служатъ общимъ законамъ страны, общенаціональнымъ цѣлямъ Англіи, и гордо носятъ названіе „оппозиціи ея величества“. Только это общее сознаніе дѣлаетъ плодотворною критику оппозиціи и нападки на дѣйствія правительства.

Между всѣми органическими ученіями христіанство отличается тѣмъ, что оно установило цѣли, требующія наибольшаго времени для своего осуществленія. Такого рода нравственность способна установить цѣли для громадной эпохи, общій характеръ которой, конечно, будетъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать основному ея ученію. Такія эпохи, или *возрасты* (âges) человѣчества, могутъ распадаться на нѣсколько второстепенныхъ періодовъ, изъ которыхъ каждый будетъ имѣть свой органическій и критическій моментъ. Такъ, напримѣръ, католицизмъ и протестантско-революціонная эпоха суть, очевидно, два момента громаднаго историческаго періода, далеко не исчерпавшаго христіанскаго ученія, которому общее и систематическое сомнѣніе революціи предвѣщаетъ скорое и полное обновленіе. Напротивъ, когда какое-либо органическое ученіе составляетъ лишь видоизмѣненіе существующихъ системъ, и притомъ извращенное и приспособленное къ отсталымъ понятіямъ въ видахъ политическаго успѣха, тогда за короткимъ и быстрымъ успѣхомъ слѣдуетъ такое же быстрое паденіе. Такъ было съ магометанствомъ, этою помѣсью

еврейства и христіанства. Истинное царствіе Божіе всегда „подобно закваскѣ, которую женщина смѣшала съ тремя мѣрами муки и оставила, пока взойдетъ все тѣсто“.

Кѣмъ устанавливается это нравственное ученіе? Во-первыхъ, нравственный законъ не имѣлъ бы никакого принудительнаго характера, еслибъ онъ былъ простымъ выраженіемъ человѣческой воли. Бюше понялъ, что для того, чтобы нравственность была принята человѣчествомъ какъ непреложный и безусловный законъ, чтобъ она производила истинное убѣжденіе и энергію, необходимыя для выполненія заключающихся въ ней прогрессивныхъ задачъ, она должна быть освящена религіознымъ авторитетомъ. Онъ замѣтилъ, что всѣ философскія системы нравственности не имѣли большого значенія для общества, которое всегда руководилось религіозными убѣжденіями. Только основатель религіи учитъ „какъ власть имѣющій“, только онъ можетъ потребовать отъ человѣчества тѣхъ непомѣрныхъ лишеній, жертвъ и трудовъ, которые необходимы для достиженія указанной имъ цѣли, только его ученіе и направляетъ въ одну сторону общественное сознаніе.

Во-вторыхъ, такое ученіе есть всегда продуктъ личной иниціативы. Для того, чтобъ оно было принято обществомъ, необходимо, чтобы послѣднее находилось въ состояніи сомнѣнія и даже невѣрія, чтобы всѣ прежнія вѣрованія были уничтожены и забыты, чтобы всѣ нравственныя ихъ начала были примѣнены во всѣхъ направленіяхъ, и вездѣ оказалась ихъ несостоятельность. Если этихъ условій не будетъ, если старыя вѣрованія будутъ еще жить,—новое ученіе будетъ отвергнуто. Но въ противномъ случаѣ оно будетъ принято съ тѣмъ бо̀льшимъ жаромъ, чѣмъ больше въ немъ будетъ новыхъ истинъ, чѣмъ рѣзче оно будетъ отличаться отъ стараго ученія.

Но есть и другія, чисто-научныя основанія, почему преимущественно на долю религіозно-нравственныхъ идей выпадаетъ задача обновленія человѣчества. Новое ученіе, овладѣвъ массами, основавъ новыя религіозныя и политическія общества, проникнутыя его духомъ, устанавливаетъ такимъ образомъ общую цѣль для цѣлой эпохи цивилизаціи человѣчества. Но могутъ ли они сразу выразиться въ цѣломъ рядѣ соотвѣтствующихъ учрежденій и установленій? Могутъ ли они перейти тотчасъ въ сферу практической дѣятельности? Исторія доказываетъ противное. Тѣ ученія, которыя стремились тотчасъ захватить въ свои руки практическую дѣятельность, имѣли тѣмъ быстрѣйшій успѣхъ, но и тѣмъ болѣе скоротечное существованіе. Таково тоже магометанство; такова же причина скораго паденія всѣхъ этихъ эфемерныхъ „религій“, которыми съ нѣкотораго времени угощаютъ человѣчество его преобразователи. Такъ и рели-

гіи древности, непосредственно выражаясь въ государственномъ строѣ, исчерпывались вмѣстѣ съ этимъ строемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше, повидимому, ученіе имѣетъ связи съ житейскими вопросами, чѣмъ, слѣдовательно, возвышеннѣе его идеалы, чѣмъ медленнѣе люди привыкаютъ связывать эти начала съ житейскими явленіями, тѣмъ дольше суждено имъ господствовать. Царство не отъ міра сего, конечно, меньше всѣхъ думало о презираемыхъ имъ жизненныхъ интересахъ, и потому, между прочимъ, не перестаетъ распространяться во всѣхъ предѣлахъ вселенной. Прежде чѣмъ извѣстная цивилизація начинаетъ, такъ сказать, кристаллизироваться въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, прежде чѣмъ начала ученія, лежащаго въ ея основѣ, начнутъ выражаться въ будничныхъ, практическихъ актахъ, оно должно предварительно проникнуть собою народное чувство и сознаніе. Слѣдовательно, ученіе, прямо мѣтящее на практическую дѣятельность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя философскія системы), начинаетъ съ конца и не можетъ имѣть такого значенія, какъ доктрина, придерживающаяся общихъ законовъ зарожденія и проявленія идей, дѣйствующая сначала на чувство, воспитывающая затѣмъ сознаніе и, наконецъ, достигающая господства надъ практическою дѣятельностью общества. Такова дѣятельность религіозныхъ понятій; здѣсь причина, почему именно они являются во главѣ каждой цивилизаціи. Бюше дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ ходѣ цивилизаціи, которыя совершенно подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе. Прежде всего, этотъ ходъ находится въ связи съ логическою дѣятельностью человѣка. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, мы остановимся только на нѣкоторыхъ положеніяхъ Бюше. Прежде чѣмъ человѣкъ доходитъ до практической дѣятельности, выражающейся въ какомъ-либо актѣ, въ немъ совершается нѣсколько процессовъ. Предварительно совокупность внѣшнихъ ощущеній зарождаетъ въ немъ стремленіе, сначала неясное, но послѣ постепенно вырабатывающееся въ опредѣленную *цѣль*. Здѣсь кончается та часть общаго логическаго процесса, въ которой главнымъ образомъ преобладаетъ чувство. Установленіе цѣли даетъ волѣ большую энергію, заставляетъ человѣка больше сосредоточиться въ себѣ, выяснить соотношенія этой цѣли съ условіями внѣшняго міра, словомъ, обсудить средства къ ея достиженію: это критическая или чисто-аналитическая работа, переборка отдѣльныхъ фактовъ, частныхъ препятствій, комбинированіе ихъ въ одно цѣлое, сопоставленіе этихъ отрицательныхъ положеній съ положительно-сознанною цѣлью. Въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣль торжествуетъ надъ этими отрицательными побужденіями, начинается практическое ея осуществленіе—дѣятельность. Подобные же факты представляетъ и общество. Оно также

имѣетъ цѣль, хотя она устанавливается органическимъ ученіемъ, а не вырабатывается изъ ощущеній, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ. Она является въ немъ какъ предписаніе нравственно-религіознаго закона. Далѣе, логическій ходъ развитія общества для достиженія этой цѣли совершенно соотвѣтствуетъ тому же процессу въ отдѣльныхъ личностяхъ. Здѣсь даже всѣ эти отдѣльные моменты представляютъ больше раздѣльности, такъ какъ функціи чувства, сознанія и практической дѣятельности, слитыя въ отдѣльномъ человѣкѣ, здѣсь находятъ соотвѣтствующую себѣ организацію. Такъ, религія, искусство, воспитаніе служатъ къ тому, чтобы подготовить человѣчество къ служенію его цѣли. Разуму отдѣльнаго человѣка въ обществѣ соотвѣтствуетъ могущественное установленіе науки; для практическаго осуществленія общественныхъ задачъ мы находимъ экономическія, политическія, административныя установленія.

Сильнѣе аппаратъ, возвышеннѣе цѣль—грандіознѣе результаты. Въ отдѣльной личности чувства, размышленія и дѣйствія состоятъ въ тѣсной связи съ ея частною, индивидуальною цѣлью; здѣсь же дѣло идетъ объ общихъ, возвышенныхъ цѣляхъ, и чѣмъ меньше отражаются и на цѣляхъ, и на установленіяхъ личное вліяніе и эгоистическія цѣли, тѣмъ совершеннѣе и возвышеннѣе самыя учрежденія. Деспотизмъ никогда не будетъ знать великихъ и блестящихъ установленій свободныхъ странъ. Искусство, теряющее изъ вида общественныя цѣли, говоритъ уже не чувству, а чувственности, изъ руководителя дѣлается слугой массы, или, какъ это было при Людовикѣ XIV, властей предержащихъ.

Не смотря на то, что всѣ указанныя установленія должны всегда существовать въ каждомъ обществѣ [1]), построенномъ на идеѣ раздѣленія труда, однакоже въ порядкѣ историческаго развитія имъ не всегда принадлежала одинаковая роль. Они послѣдовательно смѣняли другъ друга въ дѣлѣ главнаго руководительства обществомъ. Въ первые вѣка органическаго періода, когда общество только-что приняло новое религіозно-нравственное ученіе, оно все отдается наплыву свѣжаго, молодого чувства. Изъ новыхъ вѣрованій черпаетъ оно и свои убѣжденія; на ихъ основаніи строитъ оно свои надежды. Всѣ его силы направлены къ распространенію новыхъ истинъ, вся умственная дѣятельность уходитъ на защиту ученія отъ противоположныхъ ученій и ересей. Культъ и пропаганда являются главнымъ общественнымъ дѣломъ. Иначе и быть не можетъ—необходимо покорить всѣ сердца, измѣнить чувствованія, вдохнуть въ людей новыя стремленія. Вотъ почему въ это время все, что говоритъ чувству, дѣйствуетъ сильнѣе

[1]) См. относительно этого главы: L'Enseignement, La Religion и т. д.

всѣхъ другихъ общественныхъ установленій. Церкви принадлежитъ первенствующая роль въ этомъ отношеніи. Здѣсь же великое значеніе искусства, которое группируется главнымъ образомъ около основной религіозной идеи. Это синтетическій періодъ искусства, какъ выражается Бюше. Онъ сходится въ этомъ отношеніи съ О. Контомъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на оцѣнкѣ искусства, сдѣланной Огюстомъ Контомъ. Замѣтимъ здѣсь только, что онъ также смотритъ на искусство какъ на средство подготовленія общества къ умственной жизни, въ ту пору, когда вся духовная жизнь его выражается только въ порывахъ чувства, а вся практическая дѣятельность его идетъ на завоеваніе себѣ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Идея красоты открываетъ дорогу идеѣ истины. Чѣмъ можно было поддержать духовную жизнь, то-есть жизнь идей, въ средневѣковомъ земледѣльцѣ и ремесленникѣ, какъ не этими изящными образами, этими соборами, этими мадоннами, этою величественною музыкою католическихъ храмовъ? Миннезингеры и трубадуры необходимо предшествуютъ юристамъ, алхимикамъ, философамъ. Жаль—скажемъ мы мимоходомъ,—что наши отрицатели искусства не прочли Конта, о которомъ они такъ много писали. Онъ, можетъ быть, привелъ бы ихъ къ другимъ убѣжденіямъ относительно того времени, когда нужно *вводить* искусство, какъ будто можно что-нибудь *ввести* въ духовную жизнь общества. Прежде накормите насъ, а потомъ ведите въ театръ, говорятъ они. Мы не станемъ противорѣчить ихъ личному вкусу. Можно даже наѣсться и вовсе никуда не пойти. Но когда рѣчь заходитъ о законахъ исторіи, подобныя возраженія немного помогутъ разъясненію вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что средневѣковая Европа не была особенно богата и часто голодала; но это не помѣшало замѣчательному развитію всѣхъ отраслей искусства, и—странное дѣло!—ни соборы, ни поэтическія произведенія, ни картины не были произведеніемъ *праздныхъ тунеядцевъ*, а напротивъ, людей народа, которые много любили и много страдали. Оставляя въ сторонѣ наше „доморощенное отрицаніе“, мы не можемъ не подивиться подобному же мнѣнію, выраженному Гербертомъ Спенсеромъ въ его статьяхъ о воспитаніи. По его мнѣнію (которое, кстати сказать, противорѣчитъ его же взглядамъ, выраженнымъ въ другихъ мѣстахъ), искусства предназначены для тѣхъ минутъ, когда человѣкъ *отдыхаетъ*. Таково, по крайней мѣрѣ, то мѣсто, которое онъ отводитъ занятію изящными искусствами въ своей теоріи воспитанія. Извѣстно, что онъ раздѣляетъ всю массу знаній по группамъ, изъ которыхъ каждая должна соотвѣтствовать какой-нибудь потребности человѣка. Отъ того, какой сравнительно важной потребности удовлетворяетъ извѣстная отрасль знаній, зависитъ и ихъ относительное достоинство.

Эта градація, по мнѣнію философа, слѣдующая: знанія, удовлетворяющія потребности самосохраненія, потребности добыванія средствъ къ жизни, потребности исполненія родительскихъ обязанностей, потребности регулированія соціальнаго и политическаго поведенія и, наконецъ, наслажденія искусствами. „Разсмотрѣвъ, говоритъ онъ, какое воспитаніе больше всего подготовляетъ къ удовлетворенію этихъ важнѣйшихъ потребностей, мы должны разсмотрѣть, какое воспитаніе лучше всего подготовляетъ къ различнымъ предметамъ, *не входящимъ сюда*: къ наслажденію природою, литературою и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ". Далѣе, онъ сравниваетъ изящныя искусства съ цвѣткомъ соціальной жизни, который во всякомъ случаѣ долженъ уступить мѣсто корнямъ и стволу, на которыхъ онъ выросъ. Наслаждаться можно уже тогда, когда первыя потребности удовлетворены: „Это есть дѣло досуга. Кто не имѣетъ досуга, тотъ не имѣетъ права наслаждаться". Еслибы мы не знали, что эта теорія принадлежитъ Спенсеру, то мы подумали бы, что она создана однимъ изъ учениковъ Мальтуса и написана для откупщиковъ, ростовщиковъ и биржевыхъ игроковъ. Кому же *наслаждаться*, какъ не имъ, умѣющимъ беречь свое драгоцѣнное здоровье, прекрасно добывающимъ средства къ жизни, примѣрнымъ отцамъ семейства и отличнымъ гражданамъ соединеннаго королевства Великобританіи и... Ирландіи. Но у Спенсера, котораго сочиненія дышатъ любовью къ человѣку, это мнѣніе, очевидно, основано на нѣсколько одностороннемъ пониманіи человѣческаго благосостоянія. Онъ очевидно, не вышелъ изъ сферы индивидуализма. Всѣ цѣли воспитанія установляются имъ исключительно съ индивидуальной точки зрѣнія, и здѣсь онъ совершенно логиченъ. Дайте мнѣ прежде здоровье, потомъ общественное положеніе, потомъ я женюсь, *предложу свои услуги* избирателямъ, сдѣлаюсь мировымъ судьею, членомъ парламента, шерифомъ, коронеромъ, и въ свободное отъ занятій время буду ходить въ оперу, поѣду въ Италію, буду играть на скрипкѣ. Гдѣ же общество и его великія цѣли? Гдѣ сила общественнаго чувства? Такъ ли создаются граждане, настоящіе дѣятели на пользу общую? Во-первыхъ, выше всѣхъ индивидуальныхъ цѣлей стоитъ цѣль общая, выше условій индивидуальнаго совершенствованія— законы общественнаго прогресса. Имѣетъ ли градація, предложенная Спенсеромъ, такое значеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи—это еще вопросъ. Условія самосохраненія, умѣнье добывать средства къ жизни, исполненіе родительскихъ обязанностей только тогда могли бы стоять во главѣ этой іерархіи, еслибы человѣкъ, котораго хочетъ воспитывать Спенсеръ, жилъ въ необитаемой степи. Можно подумать, что онъ писалъ инструкцію для новаго Робинзона. Общественность, здраво построенная, до такой степени облегчаетъ удовлетвореніе всѣхъ этихъ

потребностей, что онѣ далеко не занимаютъ того верховнаго положенія, какое имъ даетъ авторъ. Между дикаремъ, живущимъ охотою и нуждающимся въ громадныхъ пространствахъ земли, и гражданами цивилизованнаго государства—большая разница въ этомъ отношеніи. Общественная гигіена и медицинская полиція, сильное развитіе промышленности, возможность для каждаго отдаться какому-нибудь спеціальному занятію, установленіе общественнаго образованія,—все это значительно облегчаетъ достиженіе перваго разряда задачъ воспитанія. Превосходство соціальнаго строя передъ изолированнымъ положеніемъ человѣка заключается именно въ томъ, что соціальный строй даетъ ему возможность служить болѣе возвышеннымъ цѣлямъ, жить лучшею жизнью, чѣмъ кропотливое добываніе копѣйки. Задача общества, основаннаго на христіанскомъ ученіи, состоитъ въ томъ, чтобы дать эту возможность наибольшему числу людей. Достигнуть этого, конечно, нельзя иначе, какъ при помощи сильнаго развитія матеріальнаго благосостоянія; но эта забота никакъ не можетъ составить постоянной, высшей задачи общества. Если теперь таково его направленіе, это не значитъ, что оно нормально; напротивъ, оно указываетъ на временную, переходную эпоху. Задача современнаго общества несравненно шире, чѣмъ задачи обществъ прежнихъ: слѣдовательно, шире и разнообразнѣе должны быть и средства. Древнее общество призывало къ умственной жизни только тѣсный кругъ гражданъ. Оно могло успокоиться на рабствѣ. Новое общество ведетъ всѣхъ членовъ одинаково къ политической и умственной жизни: у него нѣтъ рабства, оно осудило крѣпостное состояніе; оно построено на идеѣ личнаго труда, на томъ понятіи, что каждый долженъ трудиться за себя; понятно, что оно должно завоевать себѣ *средства* для осуществленія этой великой идеи. Но цѣль все-таки—нравственная и умственная жизнь, въ которой искусство занимаетъ такую видную роль. Самъ Спенсеръ называетъ его цвѣткомъ цивилизаціи. Это отчасти [1]) вѣрно. Но почему? Неужели потому, что оно производитъ *волненія* всякаго рода? Неужели потому, что оно *смягчаетъ* нравы, какъ это говоритъ часто Спенсеръ? Нѣтъ, именно потому, что чрезъ *настоящее* искусство, *истинную* поэзію, человѣкъ начинаетъ отрѣшаться отъ своего чувственнаго, матеріальнаго *я*, что красота прокладываетъ дорогу истинѣ, что здѣсь начинается связь личности съ обществомъ, что здѣсь выясняются для него общія, великія задачи человѣчества, что здѣсь приготовляется онъ служить имъ. Но только приготовляется. Спенсеръ, сверхъ того, ошибается, опредѣляя отношеніе

---

[1]) Говоримъ: отчасти, потому что умственная жизнь все-таки выше эстетической; послѣдняя служитъ частью только приготовленіемъ, частью суррогатомъ первой.

искусства къ жизни отношеніемъ цвѣтка къ растенію. Оно, пожалуй, вѣрно, если вспомнить, что за цвѣткомъ слѣдуетъ плодъ, что, слѣдовательно, послѣ искусства, какъ цвѣтка, долженъ быть какой-нибудь плодъ. Но Спенсеръ смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія именно любителя цвѣтовъ: для него цвѣтокъ—послѣднее выраженіе жизни. Пусть такъ, не будемъ касаться его личныхъ вкусовъ; но дѣло въ томъ, что по отношенію къ искусству это исторически невѣрно. Искусство всегда и вездѣ служило только послѣднимъ выраженіемъ той эпохи, когда чувство было главнѣйшею способностью общества и служило непосредственною ступенью къ чисто-умственной жизни. Наконецъ, задача искусства съ соціальной точки зрѣнія вовсе не есть удовлетвореніе личныхъ вкусовъ, индивидуальное наслажденіе, щекотаніе страстей. Искусство, какъ соціальная сила, есть органъ великихъ идей, лежащихъ въ основѣ данной цивилизаціи, и оно сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока служитъ ихъ провозвѣстникомъ; въ ту минуту, когда оно начинаетъ служить *досугамъ, праздношатающимся*, оно сходитъ съ пьедестала. Хотите ли знать, какая разница между такимъ искусствомъ и искусствомъ Спенсера? Объѣзжайте картинныя галлереи Европы и посмотрите, къ какой эпохѣ относятся лучшія картины, и всякій скажетъ вамъ, что къ той, когда искусство вмѣстѣ съ религіей были во главѣ общественнаго движенія.

Такое значеніе придаетъ искусству и Бюше. Блестящую эпоху искусства относитъ онъ именно къ періоду преобладанія чувства надъ всѣми другими способностями человѣка. За этою эпохою слѣдуетъ эпоха *научная*. Наука, какъ общественный элементъ, играетъ ту же роль, какую размышленіе—въ отдѣльномъ человѣкѣ. Но и форма и задачи этого *соціальнаго размышленія*—выше того же явленія въ сферѣ индивидуальной. Оно имѣетъ въ виду не какой-нибудь отдѣльный актъ, не удовлетвореніе частной потребности, но достиженіе задачи, характеризующей цѣлую эпоху цивилизаціи. Чтобы выполнить эту задачу, наука должна анализировать всѣ понятія, входящія въ составъ этой цивилизаціи. Эпоха исключительнаго господства науки—эпоха безпокойная. Это періодъ теорій, гипотезъ, полемики, изслѣдованій. Всѣ начала извѣстной цивилизаціи провѣряются, подвергаются критикѣ. Ищутъ наилучшія общественныя формы, изучаютъ природу и стараются примѣнить ея законы къ общественному строю. Это время великихъ политическихъ движеній, различныхъ попытокъ улучшенія организаціи и законодательства. Въ теченіе этого научнаго періода мы видимъ борьбу и даже революціи, приводящія общество къ критическому направленію, которое должно господствовать до полнаго примѣненія началъ, возвѣщенныхъ органическимъ ученіемъ.

Этому полному осуществленію задачъ каждой цивилизаціи соотвѣтствуетъ особый періодъ—періодъ *практическихъ* стремленій и заботъ, направленныхъ къ наиболѣе полному примѣненію началъ, характеризующихъ эту цивилизацію. Въ теченіе этой третьей и послѣдней эпохи всѣ послѣдствія религіозно-нравственнаго ученія первой эпохи окончательно выражаются въ экономическихъ и политическихъ установленіяхъ. Христіанская цивилизація вступила въ этотъ періодъ послѣ французской революціи. Вотъ чѣмъ объясняется эта *гоньба за учрежденіями*, которая такъ не нравилась Конту. Конечно, многіе въ этомъ отношеніи, какъ мы указали выше, обращаютъ на форму больше вниманія, чѣмъ на содержаніе; но это не измѣняетъ сущности дѣла: начала, перевоспитавшія чувство и общественное сознаніе, требуютъ себѣ послѣдняго выраженія въ политическомъ и экономическомъ строѣ современной Европы.

Такъ, ходъ цивилизаціи или развитіе человѣчества переходитъ тѣ логическія ступени, какія представляетъ процессъ развитія идеи и ея примѣненія въ отдѣльномъ человѣкѣ. Вотъ почему каждую ступень, каждый періодъ, принадлежащій къ одной и той же цивилизаціи, Бюше называетъ *логическимъ періодомъ* или, вѣрнѣе, *возрастомъ.*

Изъ того, что въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ преобладаетъ одинъ какой-нибудь элементъ, не слѣдуетъ, однако, чтобы въ другихъ они не имѣли значенія. Въ этомъ отношеніи Бюше рѣзко отличается отъ О. Конта, который цѣликомъ оставляетъ теологію въ теологическомъ періодѣ и т. д. У Бюше каждый возрастъ продолжаетъ дѣло своего предшественника, но характеръ ихъ измѣняется по мѣрѣ приближенія времени практическаго осуществленія цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, которое, поэтому, никогда не теряетъ своихъ правъ на верховное положеніе въ обществѣ. Осуществленіе и примѣненіе его началъ остается цѣлью всякой цивилизаціи даже въ то время, когда общество, повидимому, отказывается отъ него и считаетъ истины, которымъ оно служитъ, произведеніемъ своего собственнаго ума.

Далѣе, такимъ же образомъ органическій и критическій періодъ составляютъ одно цѣлое, ибо въ нихъ развивается одна и та же мысль, только различными путями. Даже самый переходъ органической эпохи въ критическую есть то же прогрессивное движеніе человѣчества, отъ котораго оно не можетъ уклониться ни на минуту. Въ первое время господства новаго ученія дѣло управленія, организаціи общества, слѣдовательно его прогресса, выпадаетъ на долю людей, наиболѣе проникнутыхъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ. Мы видѣли, что въ теченіе этого времени общество посвящаетъ себя

пропагандированію, установленію новой организаціи въ противоположность старой, отраженію всѣхъ противныхъ ему ученій, и въ этотъ періодъ, продолжающійся многія столѣтія, управляющіе и управляемые идутъ рука объ руку по пути прогресса. Такъ какъ это движеніе состоитъ въ служеніи идеямъ высшаго нравственнаго порядка, которымъ одинаково подчинены и народы, и правительства, такъ какъ правительства стоятъ во главѣ этого движенія, то очень понятно, что прогресъ совершается здѣсь a priori, то-есть подъ господствомъ сильнаго систематическаго ученія, подчиняющаго себѣ всѣ общественныя силы.

Чрезъ нѣсколько времени правительства, по ученію Бюше, уклоняются отъ своего прогрессивнаго назначенія. Это уклоненіе можетъ зависѣть отъ различныхъ причинъ, но главнѣйшимъ образомъ оно оказывается тогда, когда общественные элементы переростаютъ правительственную форму и требуютъ другой, при которой было бы возможно дальнѣйшее движеніе, между тѣмъ какъ правительства, въ силу обще-человѣческой логики, принимаютъ внѣшнее условіе, способствовавшее прогрессу, за самый прогрессъ, форму—за содержаніе. Къ этому присоединяется и желаніе сохранить руководящую роль даже въ такихъ дѣлахъ, которыя временно были связаны съ задачами извѣстнаго правительства, но не соотвѣтствуютъ его прямому назначенію. Такъ папство считало свѣтскую власть, соединенную съ духовною въ рукахъ первосвященника вслѣдствіе феодальной неурядицы, не только за постоянную задачу римскаго престола, но даже за главнѣйшій его аттрибутъ, прерогативу; поэтому, начиная съ XIV столѣтія, папы, не придавая значенія образованію самостоятельныхъ національностей, усиленію свѣтской власти, видѣли въ этомъ временныя, скоропреходящія попытки мятежа и стали систематически противодѣйствовать каждому прогрессивному движенію, совершавшемуся не въ той формѣ, къ какой издавна привыкло папство. Изъ общественной прогрессивной силы они постепенно сходили на степень индивидуально-консервативнаго явленія. То же самое было съ французскими королями, когда они, освободивъ низшіе классы, стали служить своимъ эгоистическимъ цѣлямъ.

Прогрессивное движеніе, однако, не останавливается, но принимаетъ другую форму и получаетъ другую исходную точку. Въ періодѣ органическомъ общество и правительство дѣйствовали подъ вліяніемъ непосредственныхъ велѣній религіозно-нравственнаго ученія; безотчетное служеніе имъ, подъ верховнымъ руководствомъ власти — вотъ задача такого періода. Въ такія времена слово первосвященника могло посылать сотни тысячъ на смерть въ Палестину. Но какъ только власть уклоняется отъ своей прогрессивной задачи, какъ только апріо-

ристическія начала отождествляются съ ретроградными,—а это бываетъ всегда, потому что общество, подобно правительству, смѣшиваетъ форму съ содержаніемъ, напримѣръ папство съ христіанствомъ, — исходною точкою, мотивомъ прогрессивнаго движенія становится личный, индивидуальный интересъ, частное недовольство тѣми или другими явленіями старой организаціи. Такъ, индивидуально-эгоистическое стремленіе въ одной сферѣ вызываетъ такое же направленіе въ другой. Отождествленіе формы съ началами въ обѣихъ сферахъ и задерживаніе развитія началъ во имя сохраненія формы въ одной сферѣ отзываются нападеніемъ на начала во имя разрушенія ненавистной формы. Есть и еще одно обстоятельство, на которое Бюше мало обратилъ вниманія, именно, что усиленіе эгоистическихъ стремленій въ обѣихъ сферахъ одинаково ведетъ къ подчиненію этихъ началъ органической эпохи индивидуальнымъ интересамъ, слѣдовательно, и тамъ, и здѣсь одинаково возводитъ разумъ на степень судіи всѣхъ принциповъ ученія. Папство, вступившее на ретроградную дорогу, заслонило смыслъ христіанскаго ученія цѣлою массою разныхъ толкованій и комментаріевъ, кипою схоластическихъ тонкостей, такъ что времена первыхъ реформаціонныхъ попытокъ, и особенно великой реформаціи, не знали непосредственно ученія христіанства; этимъ объясняется та энергія, съ которой они стремились возвратить себѣ похищенное у нихъ сокровище. Гуссъ, требовавшій чаши, Лютеръ—евангелія, хотѣли перешагнуть черезъ эту схоластическую пропасть, отдѣлявшую ихъ отъ „Источника живой воды". Вотъ почему православіе свѣжо и сильно до сихъ поръ; оно всѣмъ даетъ пить изъ этого источника истины и правды и не убиваетъ вѣры бездушнымъ силлогизмомъ. И такъ, реформація была попыткою нравственнаго возрожденія общества чрезъ возвращеніе къ первобытной простотѣ ученія. Но понятно, что результаты далеко не соотвѣтствовали намѣренію. Личный интересъ, индивидуальная критика, ставшіе точкой отправленія, отразились на этихъ результатахъ. Общество, проникнутое этими мотивами, стремилось преимущественно къ практическимъ цѣлямъ: все дѣйствительно отвлеченное было ему уже не по силамъ. Вслѣдствіе этого, догматическая сторона ученія была уже слабѣе въ протестантствѣ, чѣмъ въ католицизмѣ. Это, какъ думаетъ Бюше, происходило не отъ того, что въ протестантствѣ началось отрицаніе догматовъ; напротивъ, оно стремилось возсоздать ихъ въ первобытной чистотѣ, но не могло оно, будучи само порожденіемъ схоластики и индивидуально-критическаго духа, вызваннаго индивидуально-ретроградным направленіемъ римскаго престола, выполнить это дѣло. Его работа осуществилась только по отношенію къ *нравственному ученію*, какъ практическому выраженію догматовъ, которые сильно видоиз-

мѣнились. Таковы, по мнѣнію Бюше, результаты всякаго практическаго движенія при самомъ его началѣ; вотъ почему во всякой цивилизаціи онъ видитъ свои *протестантизмы* и даже прямо называетъ ихъ этимъ именемъ, прославленнымъ великою эпохой германской реформаціи. Они состоятъ въ видоизмѣненіи религіозныхъ формулъ и сохраняютъ въ полнотѣ только нравственную сторону ученія. Отсюда моральный ригоризмъ протестантскихъ церквей. Но дѣло отрицанія, начавшееся съ критики догмы, на этомъ не останавливается. Оно продолжаетъ свое дѣло, которое состоитъ въ томъ, что нравственное ученіе постепенно освобождается отъ высшей санкціи догматовъ и вслѣдствіе этого теряетъ свою общность и возвышенность, ограничиваясь сферою формальныхъ человѣческихъ отношеній. Наконецъ, философское систематическое отрицаніе догматовъ окончательно отдѣляетъ нравственное ученіе отъ религіознаго и стремится дать имъ чисто-научную основу. Это—послѣдняя ступень каждой цивилизаціи, не пришедшей еще въ упадокъ. Такимъ образомъ, ни протестантство, ни философія не создаютъ въ дѣлѣ нравственнаго ученія ничего новаго: они имѣютъ смыслъ и жизнь только до тѣхъ поръ, пока они завѣдомо или невольно сохраняютъ связь съ великимъ ученіемъ органическаго періода. Внѣ его они не имѣютъ смысла. Бываютъ времена, когда нравственность, въ смыслѣ общаго ученія, утрачиваетъ свое значеніе не только какъ прогрессивная общественная сила, но и какъ совокупность правилъ индивидуальной дѣятельности. Это бываетъ тогда, когда всѣ учрежденія, всѣ реформы, всѣ улучшенія, предвозвѣщенныя ею, уже осуществились. Въ такомъ состояніи она можетъ еще служить началомъ охранительнымъ, но не прогрессивнымъ. Таково было состояніе нравственнаго ученія древности во времена Цицерона. Когда общество дошло до этого предѣла, оно готово уступить мѣсто высшей цивилизаціи, которая откроется высшимъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ.

Таковы законы, управляющіе, по мнѣнію Бюше, прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества; таково его ученіе о прогрессѣ вообще. Оно состоитъ въ связи со всѣми ученіями, которыя можно назвать теоріями *органическаго развитія*, тѣми системами, для которыхъ столько сдѣлали Контъ и Спенсеръ въ сферѣ соціальныхъ наукъ. Эта теорія научаетъ насъ въ прошедшемъ любить настоящее, въ настоящемъ—будущее, въ будущемъ—всю сумму идей, управляющихъ нашею цивилизаціею. У такой науки нѣтъ слова осужденія ни прошедшему за то, что оно не было настоящимъ, ни настоящему—за то, что оно еще не будущее. Скромное изученіе законовъ развитія, подчиненіе имъ—вотъ ея задача, вотъ прямой результатъ этой теоріи. Къ ней можно примѣнить слова Тиндаля объ индуктивномъ изслѣдованіи, приведенныя

Спенсеромъ. Такая наука „требуетъ терпѣливаго прилежанія и *смиреннаго, сознательнаго* принятія откровеній природы. Первое условіе успѣха есть *честная* воспріимчивость и готовность оставить всѣ предвзятыя понятія, противорѣчащія истинѣ, какъ бы дороги они ни были. Повѣрьте мнѣ, въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго служителя науки нерѣдко высказывается такое благородное самоотреченіе, о которомъ свѣтъ понятія не имѣетъ".

Но, сходясь въ практическихъ результатахъ, эти теоріи все еще представляютъ лишь разрозненныя части великаго цѣлаго, которое создастъ изъ нихъ будущее. Теорія Спенсера рѣзко отличается отъ ученія Бюше и Конта, а обѣ послѣднія теоріи представляютъ много несходнаго между собою. Теорія Спенсера, безъ сомнѣнія, есть одна изъ удачнѣйшихъ попытокъ приложить къ соціологіи выводы естествознанія. Она даетъ теоріи прогресса новую научную поддержку. Но исчерпываетъ ли она все содержаніе этого ученія—это еще вопросъ. Сколько намъ кажется, соотношеніе между организаціею и разрушеніемъ не установлено Спенсеромъ достаточно полно и противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Читатели, знакомые съ трудами Спенсера, припомнятъ, что главнымъ условіемъ прогресса онъ выставляетъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простого къ сложному. Эту мысль онъ проводитъ по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, указывая ея осуществленіе въ прогрессѣ политическихъ учрежденій, въ музыкѣ, поэзіи, наукѣ и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія въ общихъ чертахъ вѣрна и, съ дальнѣйшимъ развитіемъ знаній, подтвердится бо̀льшимъ количествомъ фактовъ. Но что эти условія далеко не единственныя, это ясно даже теперь и также подтвердится съ дальнѣйшими успѣхами историческихъ наукъ. Если принять вполнѣ теорію Спенсера, то выйдетъ, что разрушеніе и организація происходили одновременно, что разрушеніе было именно усложненіемъ прежняго однообразнаго строенія, прежнихъ простыхъ формъ, что выдѣлявшіеся элементы тотчасъ принимали соотвѣтствующую имъ организацію, при чемъ они имѣютъ даже больше стройности, и самый организмъ получаетъ больше единства и системы. Предшествующее дифференцированіе и послѣдующее слитіе частей—вотъ этотъ законъ, данный зоологіею, сравнительною анатоміею и физіологіею. Соціальный организмъ не знаетъ, слѣдовательно, эпохъ, предназначенныхъ преимущественно къ организаціи, и эпохъ, отличающихся разрушительнымъ направленіемъ. Происхожденіе одного изъ другого непрерывнымъ дифференцированіемъ и интегрированіемъ частей—непрерывная организація, непрерывное разрушеніе—вотъ теорія Спенсера. Это сосуществованіе и одновременное развитіе критическаго и органическаго элементовъ въ обществѣ вѣрно настолько, насколько вообще вѣрно поло-

женіе, что въ одномъ періодѣ человѣческаго развитія нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, чего бы не было, хотя въ зародышѣ, in posse, въ періодѣ предыдущемъ. Но подобное сосуществованіе элементовъ не исключаетъ возможности и даже необходимости послѣдовательнаго преобладанія каждаго изъ нихъ. Мы видѣли, какъ, по теоріи Бюше, подтверждаемой всѣми историческими фактами, были періоды, знавшіе преобладающее вліяніе чувства, затѣмъ научно-критическихъ стремленій и, наконецъ, стремленій практическихъ. Тѣ же самые историческіе факты подтверждаютъ существованіе эпохъ, гдѣ преобладало какое-нибудь органическое строеніе, и періодовъ, отличавшихся господствомъ разрушительныхъ стремленій. „Вслѣдствіе необходимости, столь же очевидной, сколько и печальной,—говоритъ О. Контъ,—необходимости, присущей нашей слабой природѣ, переходъ отъ одной соціальной системы къ другой не можетъ совершаться непосредственно и непрерывно. Переходъ этотъ предполагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣсколько поколѣній переживутъ періодъ междуцарствія болѣе или менѣе анархическаго, котораго характеръ и продолжительность зависятъ отъ объема и трудности задачъ новой организаціи. Въ такія времена весь прогрессъ сводится на постепенное разрушеніе стараго, уже потрясеннаго въ своихъ существенныхъ основаніяхъ, зданія". Мы не знаемъ, до какой степени теорія непрерывнаго развитія, выставленная Спенсеромъ, согласуется съ выводами естественныхъ наукъ; но съ точки зрѣнія наукъ историческихъ начала Конта и Бюше кажутся намъ болѣе состоятельными.

Не менѣе отличаются выводы Бюше и отъ теоріи Конта. По мнѣнію послѣдняго, органическое ученіе каждой новой эпохи заключаетъ въ себѣ тѣ элементы, которые послужили къ разрушенію стараго порядка, и дѣйствительно прочная организація новаго зависитъ отъ возможно полнаго разрушенія стараго. Такъ, осуществленіе началъ позитивизма требуетъ полнаго уничтоженія теологическихъ преданій и метафизическихъ пріемовъ. Положительнымъ въ каждомъ періодѣ становится только то, что было отрицаніемъ, элементомъ разрушительнымъ въ старомъ. Сколько намъ кажется, это невѣрно даже по отношенію къ отдѣльнымъ цивилизаціямъ. Даже между такими противоположными цивилизаціями, какъ христіанская и древняя, есть необходимая органическая связь, не только въ томъ смыслѣ, что одна вышла изъ другой, но и въ томъ, что многія *положительныя, органическія начала одной остались такими же положительными, органическими началами другой.* Тѣмъ менѣе возможно допустить это въ отношеніи къ различнымъ періодамъ одной и той же цивилизаціи. Въ ней положительныя начала остаются неизмѣненными уже потому, что одинъ періодъ не въ состояніи исчерпать собою всего ихъ со-

держанія. Ученіе Бюше устанавливаетъ болѣе общую связь между всѣми элементами цивилизаціи, даетъ имъ больше стройности, болѣе выясняетъ ихъ общую цѣль. Нечего и говорить, что оно больше скрѣпляетъ связь между положительною наукою и религіею данной цивилизаціи, слѣдовательно, вноситъ въ цивилизацію больше жизненныхъ началъ, ибо религія и наука суть самая жизнь. Оно, слѣдовательно, ближе къ тому идеалу науки, который такъ прекрасно опредѣленъ Спенсеромъ въ его опытахъ о воспитаніи и который такъ мѣтко выраженъ въ словахъ Гексли, приведенныхъ тѣмъ же авторомъ. Вотъ эти слова: „Истинная наука и истинная религія—близнецы, и разлученіе ихъ непремѣнно поведетъ къ смерти обоихъ. Наука процвѣтаетъ именно пропорціонально ея религіозности, а религія процвѣтаетъ именно пропорціонально научной ея глубинѣ и твердости ея основъ. Великія дѣянія философовъ были плодомъ не столько ихъ ума, сколько направленія, приданнаго этому уму существенно религіознымъ тономъ мысли. Истина поддалась больше ихъ терпѣнію, любви, добродушію, самоотверженности, чѣмъ тонкости ихъ логики".

Въ чемъ же должны состоять начала этой новой, положительной науки объ обществѣ и государствѣ, на основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній?

Прежде всего, необходимо отказаться отъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, оставленныхъ древностью новой политической наукѣ. Изъ предыдущаго изложенія можно уже предвидѣть, какія это положенія. Мы должны оставить предположеніе, что родъ человѣческій осужденъ на вѣчное круговращеніе въ сферѣ однихъ и тѣхъ же явленій. Его назначеніе, напротивъ, вѣчное движеніе впередъ, и мы называемъ зломъ все, что въ данную минуту останавливаетъ или отклоняетъ его отъ этого пути. Древніе, далѣе, допускали неподвижность формъ, неподвижность даже извѣстныхъ породъ. На этомъ основаніи они, во-первыхъ, дробили человѣчество на столько совершенно отдѣльныхъ тѣлъ, сколько было политическихъ обществъ; каждое государство являлось у нихъ совершенно изолированнымъ цѣлымъ во все время отъ своего зарожденія до разрушенія; они допускали существованіе натуръ, предназначенныхъ къ свободѣ и цивилизаціи, къ варварству и даже къ рабству; всѣ временныя различія они возводили въ принципъ, освящали всѣ индивидуализаціи, называемыя теперь ихъ учениками—породами, расами. Бюше, напротивъ, утверждаетъ, что родъ человѣческій составляетъ одно цѣлое, котораго части связаны солидарностью. Отдѣльныя политическія общества суть только органы человѣчества. Что касается до различій, замѣчаемыхъ между ними, то причина ихъ заключается въ относительномъ положеніи этихъ

обществъ на общемъ имъ всѣмъ пути прогресса,—положенiи, которое зависитъ или отъ историческихъ, или отъ физическихъ условiй, влiянiе которыхъ должно смягчиться съ успѣхами цивилизацiи. Аристотель говоритъ, что въ политическомъ обществѣ форма правленiя—все; для новой науки эта форма только средство достигнуть цѣли, составляющей обязанность продолжать прогрессивное движенiе общества. Аристотель доказываетъ, что форма правленiя есть выраженiе нравственныхъ качествъ гражданъ: отсюда вышла гнусная теорiя, что каждый народъ имѣетъ только то, что онъ заслуживаетъ — фраза, которую можетъ сказать или презрѣнiе къ человѣчеству, или временное отчаянiе. Здравая наука утверждаетъ, что первая задача правительства есть постепенное воспитанiе гражданъ къ лучшей политической формѣ.

Ясно, что здѣсь придется разрушить много установившихся теорiй. Ясно, что для солиднаго доказательства вѣрности всѣхъ положенiй, высказанныхъ Бюше въ разныхъ его сочиненiяхъ, въ приложенiи къ соцiальнымъ вопросамъ, нужно еще много спецiальныхъ аргументовъ, глубокiй анализъ всѣхъ соцiальныхъ и государственныхъ явленiй. Для такой науки недостаточно одной теорiи прогресса. Во-первыхъ, въ обществѣ, какъ организмѣ, не всѣ установленiя должны быть предназначены для служенiя прогрессу, подобно тому какъ въ организмѣ отдѣльнаго человѣка не всѣ органы предназначены для движенiя. Есть институты, на которыхъ этотъ прогрессъ долженъ отражаться, которые лучше всего могутъ служить мѣриломъ степени общественнаго развитiя, но которые сами по себѣ не могутъ и не должны играть руководящей роли въ прогрессивномъ движенiи, такъ какъ ихъ задача охранительная, какъ, напримѣръ, семья, собственность, судъ. Во-вторыхъ, если общество движется, то куда оно движется, и какъ выслѣдить это направленiе, и какъ овладѣть этимъ стремленiемъ, чтобы довести его до желанной цѣли?

Другими словами: какъ складывается общество, при какихъ условiяхъ оно движется впередъ, въ чемъ состоитъ это движенiе, кто является его руководителемъ, при какихъ условiяхъ руководитель можетъ выполнить свою задачу?

IV.

До сихъ поръ мы послушно слѣдовали за положенiями Бюше; теперь намъ предстоитъ критическiй разборъ его выводовъ и приложенiе его началъ къ общественно-государственной наукѣ. Его гипотезы изложены въ возможно полной теорiи; необходимо провѣрить ихъ на указанiяхъ науки и жизни.

Одинъ изъ такихъ необходимыхъ выводовъ его теоріи,—выводовъ капитальныхъ, характеризующихъ все его политическое ученіе,—заключается въ томъ, что онъ представляетъ намъ всѣ общественные элементы, со включеніемъ государства, какъ одно цѣлое, въ которомъ всѣ они отправляютъ извѣстныя функціи въ отношеніи общепрогрессивныхъ задачъ общества. Нѣтъ противоположенія и даже разницы между государствомъ и обществомъ въ отношеніи политической жизни послѣдняго. Выводъ этотъ въ сущности не новъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной точки зрѣнія. Древность также не различала этихъ двухъ понятій, и это далеко не ставится ей въ заслугу. Отождествляя общество и государство, она не знала общественныхъ интересовъ независимо отъ государственныхъ; все, что не было необходимо съ государственной точки зрѣнія, или отвергалось, или видоизмѣнялось сообразно потребностямъ государства. Все должно было носить на себѣ государственный отпечатокъ, начиная съ важнѣйшихъ актовъ власти и кончая ничтожными дѣйствіями частныхъ лицъ. Отсюда полное подчиненіе всѣхъ сферъ частной и общественной дѣтельности государственной регламентаціи, то-есть совершенное отсутствіе гражданской и общественной свободы при сильномъ развитіи свободы политической. Далѣе, соціализмъ также не отсталъ отъ древности въ этомъ отношеніи. Въ древности, государство, поглотившее общество, отливало гражданъ въ ту или другую форму. Въ ученіи соціалистовъ общество, замѣнившее государство, занимается тѣмъ же пересозданіемъ людей по своему усмотрѣнію. Свобода совѣсти, экономическихъ отношеній, мысли, все, изъ-за чего человѣчество пролило столько крови, должно, повидимому, погибнуть безвозвратно. Разграниченіе двухъ понятій—общества и государства—составляетъ, быть можетъ, одну изъ важнѣйшихъ заслугъ новой политической науки. Выясненіе идеи общества, съ его свободно устанавливающимися цѣлями, съ добровольнымъ и свободнымъ отношеніемъ его членовъ, выясненіе покровительственной и охранительной роли государства—все это необходимыя условія дальнѣйшаго успѣха политическихъ наукъ. Но разграниченіе не тождественно съ раздѣленіемъ, а тѣмъ болѣе съ противоположеніемъ понятій. Разграниченіе ведетъ къ лучшему выясненію понятій, за которымъ раздѣленіе не слѣдуетъ необходимо, какъ слѣдствіе за причиной. Въ большей части случаевъ наука, выводя понятія изъ смѣшенія, успѣваетъ соединить ихъ въ другомъ, высшемъ понятіи, гдѣ каждое изъ нихъ играетъ дѣйствительно соотвѣтствующую ему роль. Вотъ почему вопросъ о соціальномъ развитіи много проигралъ бы при совершенномъ раздѣленіи общества и государства и особенно при ихъ противоположеніи. Только изслѣдованіе всѣхъ условій и элементовъ раз-

витія во всей ихъ совокупности можетъ привести къ сколько-нибудь прочнымъ выводамъ. Оставить въ сторонѣ какой-нибудь изъ этихъ существенныхъ элементовъ, а тѣмъ болѣе признать руководящую роль только за однимъ изъ нихъ—значитъ лишить себя возможности взвѣсить всѣ факты, входящіе въ составъ цивилизаціи даннаго народа. Милль, въ своей „Логикѣ", уже указываетъ на вредъ такихъ пріемовъ при изученіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. „Только тѣ части соціальныхъ явленій", говоритъ онъ, „могутъ быть съ выгодой обращены, даже временно, въ предметы особыхъ отраслей науки, въ которыя разница въ характерѣ между различными народами или различными вѣками входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина. Напротивъ, тѣ явленія, къ которымъ на каждомъ шагу примѣшиваются вліянія этнологическаго состоянія народа (такъ что связь причинъ и дѣйствій не можетъ быть указана даже грубымъ образомъ, если не принимать въ соображеніе этихъ вліяній), не могутъ быть съ выгодою или даже безъ большой невыгоды разсматриваемы независимо отъ политической этнологіи и, слѣдовательно, отъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на качества народа. По этой причинѣ, между прочимъ, не можетъ быть *особой науки о правительствѣ* [1]), такъ какъ правительство есть фактъ, который больше всѣхъ другихъ, и какъ причина, и какъ дѣйствіе, связанъ съ качествами даннаго отдѣльнаго народа или даннаго вѣка. Всѣ вопросы, относящіеся къ различнымъ формамъ правительства, должны составлять часть общей науки объ обществѣ, а не отдѣльной ея вѣтви".

Къ сожалѣнію, политическія науки еще далеки отъ такой цѣльности воззрѣнія на общественные факты. Не говоря уже о тѣхъ, которые остановились на метафизическихъ воззрѣніяхъ, отъ этого недостатка не свободны даже писатели, умѣющіе слѣдить за успѣхами соціальной науки. Раздѣленіе, или лучше противоположеніе идей общества и государства, ведетъ къ полному пренебреженію общественной науки государствовѣдами—и наоборотъ. И тамъ, и здѣсь стараются прежде всего показать подчиненное положеніе одной формы относительно другой. Защитники правительственной силы уменьшаютъ значеніе общества до крайнихъ предѣловъ: не только полное устраненіе его отъ политической дѣятельности, не только подчиненіе малѣйшихъ проявленій мысли и чувства строгимъ карательнымъ мѣрамъ, но и первенствующая роль власти даже въ такихъ сферахъ, гдѣ частная предпріимчивость есть главное условіе прогресса—вотъ

[1]) Обстоятельство, которое не мѣшало бы знать Іосифу Гельду, автору соч. *Staat und Gesellschaft.*

результатъ ихъ взглядовъ. Въ противоположность имъ, защитники индивидуально-общественнаго развитія старались ослабить значеніе правительства. Опредѣляя общество какъ собраніе отдѣльныхъ личностей (опредѣленіе, по мѣткому замѣчанію Dupon White'a, болѣе идущее къ каравансераю, Баденъ-Бадену или Гомбургу, чѣмъ къ обществу), они давали государству только охранительную роль среди разнообразнаго движенія индивидуальныхъ силъ. Не говоря уже о томъ, что они желали бы изгнать его изъ сферы чисто-экономическихъ отношеній, гдѣ всякое правительственное вмѣшательство, то-есть всякій порядокъ, по ихъ мнѣнію, вредны; не говоря о томъ, что, согласно съ ихъ воззрѣніями, масса задачъ, находящихся въ настоящее время въ рукахъ правительства, должна перейти въ руки общества, даже сфера непосредственнаго дѣйствія правительственныхъ органовъ должна была бы ограничиться лишь самыми важными вопросами.

Строгая политико-юридическая наука не могла остановиться на этихъ двухъ крайностяхъ. Указывать государству слишкомъ узкую задачу— значитъ не признавать одного изъ существенныхъ условій соціальнаго развитія; чрезмѣрно преувеличивать его значеніе, вмѣнять ему въ обязанность удовлетвореніе всѣхъ соціальныхъ потребностей—значитъ требовать отъ государства невозможнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожать всякую нравственную свободу и всѣ условія прогресса. Исходъ изъ этой дилеммы понятенъ. Должно признавать государство за отдѣльный, самостоятельный организмъ,—организмъ, отрѣшенный отъ всѣхъ индивидуально-общественныхъ элементовъ,—что даетъ ему возможность дѣйствовать независимо отъ эгоистическихъ, противоположныхъ интересовъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ приписывать этому организму цѣли, отдѣльной отъ индивидуально-общественныхъ сферъ, что неминуемо повлекло бы закрѣпощеніе всего общества на служеніе этой одной цѣли, а это закрѣпощеніе скоро исчерпало бы всѣ его жизненные элементы. Цѣль государства—*общественное* развитіе, то-есть не одна цѣль, а осуществленіе безконечнаго разнообразія цѣлей. Оно должно доставлять возможность для достиженія всѣхъ цѣлей, присущихъ природѣ каждаго отдѣльнаго человѣка и каждаго общественнаго организма. Оно не только должно охранять сферу дѣятельности каждаго отъ посторонняго вмѣшательства, но и положительными мѣрами поощрять всестороннее развитіе лица и общества. Безъ сомнѣнія, это содѣйствіе должно простираться лишь настолько, насколько возможно осуществленіе общественныхъ цѣлей путемъ принужденія и силы, которой государство есть представитель. Охраняя и поощряя равномѣрное развитіе всѣхъ гражданъ, оно является представителемъ права и вооару-

женно-принудительной силы. Различныя стремленія общественныхъ элементовъ оно сводитъ къ одному знаменателю, для поддержанія гармоніи и единства въ обществѣ. Отношеніе государства и общества есть отношеніе единства къ разнообразію, принужденія—къ свободѣ. Отдѣльные общественные организмы, устанавливаясь для достиженія одной какой-либо цѣли, служа непосредственнымъ продолженіемъ индивидуальной жизни, представляютъ широкій просторъ для эгоистическихъ стремленій; напротивъ, государство имѣетъ въ виду осуществленіе всѣхъ цѣлей и достиженіе этихъ цѣлей всѣми людьми. Вотъ почему оно составляетъ организмъ, отвлекшійся отъ семейнаго, церковнаго и экономическаго порядка въ ихъ разнообразныхъ проявленіяхъ, что̀ и даетъ ему возможность сводить къ одному цѣлому всѣ ихъ противоположныя стремленія [1]).

Нельзя не признать важныхъ услугъ, оказанныхъ государственной и общественной наукѣ трудами послѣдователей органическаго ученія. Нельзя даже не пожалѣть, что Бюше такъ мало знакомъ съ изслѣдованіями нѣмецкихъ государствовѣдовъ. Многое изъ того, что̀ онъ говоритъ, высказано ими лучше и подкрѣплено сильнѣйшими научными доводами. Ученіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ составляетъ необходимый переходъ къ ученію о *прогрессивномъ государствѣ*, не совсѣмъ понятному безъ помощи ихъ сочиненій. Преемственность въ наукѣ, особенно такой жизненной, какъ соціологія, необходима такъ же, какъ въ самой жизни. Это — необходимое условіе того же прогресса, который такъ ярко выступаетъ въ ученіи Бюше; но и независимо отъ этого, труды нѣмецкой школы представляютъ многія важныя заслуги. Они сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее существованіе договорныхъ и контрактныхъ теорій о происхожденіи государства, которое у нихъ является необходимымъ историческимъ продуктомъ постепеннаго развитія формъ человѣческаго общежитія. Государство—по ученію нѣмецкой школы—послѣдній и важнѣйшій фактъ, устанавливающій правовыя отношенія между людьми. Оно даетъ дѣйствительную юридическую жизнь не только крупнѣйшимъ организмамъ общества, но и самымъ незамѣтнымъ его сочленамъ. Это сочетаніе принудительной силы, представляемой государствомъ, и свободы, представляемой обществомъ, обусловливаетъ осуществленіе идеи блага и всесторонняго развитія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ общества. Далѣе, это ученіе оказало двойную услугу самимъ идеямъ общества и государства. Выдѣляя понятіе

---

[1]) Относительно всего изложеннаго здѣсь см. Ahrens—*Cours de droit naturel* и *Organische Staatslehre*; Mohl — *Gesch. und Lit. der Staatswiss.* и *Encyclop. der Staatswiss.*; Lorenz Stein—*Gesellschaftslehre* и *Verwaltungslehre*, Treitschke и другихъ.

общества изъ понятія государства съ его *необходимо* разнообразными цѣлями, слѣдовательно необходимо свободнымъ ихъ осуществленіемъ, оно вноситъ идею свободы туда, гдѣ, по смыслу теорій, построенныхъ по системѣ Платона и Аристотеля, царствовали регламентація и принужденіе. Установленіе въ наукѣ идей свободы труда, религіи, мысли—таковы результаты этого ученія. Затѣмъ, идея государственной власти, съ строгимъ разграниченіемъ ея отъ другихъ общественныхъ элементовъ, съ отрѣшеніемъ ея отъ всѣхъ одностороннихъ эгоистическихъ цѣлей, получаетъ то высокое значеніе, въ силу котораго она дѣлается истинною посредницею въ непрестанной борьбѣ общественныхъ организмовъ, не даетъ имъ исчерпаться и парализировать другъ друга, сохраняетъ здоровыя силы общества и передаетъ дѣло общественнаго развитія изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это послѣднее обстоятельство ставитъ уже послѣдователей органическаго ученія на рубежѣ истинно-соціальной науки; именно, ученіе это даетъ уже возможность установить идею прогресса вмѣсто понятія о простомъ совершенствованіи, но только возможность: самаго понятія оно не установляетъ.

При установленіи идеи прогресса начинается цѣлый рядъ недостатковъ, которыхъ нельзя не усмотрѣть въ современномъ органическомъ ученіи о государствѣ. Мы разсмотрѣли выгоды, проистекающія отъ надлежащаго разграниченія двухъ понятій: общества и государства. Но мы замѣтили также, что одно ихъ разграниченіе, безъ послѣдующаго ихъ соединенія *въ новомъ, высшемъ понятіи* [1]), если не поведетъ къ совершенному раздѣленію и даже противоположенію, то, по крайней мѣрѣ, лишитъ возможности опредѣлить родъ и дѣятельность каждаго изъ выдѣленныхъ факторовъ въ общемъ соціальномъ строѣ. Устраняя многіе изъ недостатковъ школы индивидуалистовъ и древней политической науки, органическое ученіе, или, иначе, ученіе нѣмецкихъ государствовѣдовъ, въ то же время сохраняетъ нѣкоторыя ихъ основныя положенія, къ явному вреду для собственной ихъ теоріи. Во-первыхъ, признавая нѣкоторыя прогрессивныя задачи за государствомъ и въ то же время дѣлая его представителемъ принужденія и силы, послѣдователи органическаго ученія по необходимости видятъ главный двигатель прогресса въ личной

---

[1]) Мы указывали выше на необходимость такого высшаго понятія, какъ на единственное средство объединить понятія: общество и государство. Необходимость же соединенія этихъ понятій, необходимость установленія общихъ цѣлей для образованія общественныхъ организмовъ указана и Молемъ, и Трейчке. Но все-таки въ ученіи ихъ существуютъ только два понятія, выдѣленныя, но не соединенныя: общество и государство.

иниціативѣ, ищутъ его въ той сферѣ, гдѣ *разнообразіе и свобода* являются главными условіями всякой дѣятельности, то-есть, главнымъ образомъ, въ обществѣ, взятомъ отдѣльно отъ государства. Разумѣется, подобный выводъ не въ силахъ устранить ученіе индивидуалистовъ, что личность и ассоціація есть главное орудіе прогресса, а государство—главный представитель охранительныхъ началъ, и что, слѣдовательно, всякій прогрессъ будетъ большею частью побѣдою общества надъ правительствомъ, что, наконецъ, истинно развитое общество дойдетъ до фактическаго упраздненія всякаго правительства. Между тѣмъ несостоятельность этой теоріи очевидна каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ историческими фактами и истинною теоріею прогресса. Несомнѣнно, что главное условіе прогресса состоитъ въ передачѣ общихъ результатовъ экономической и умственной жизни одного поколѣнія другому, слѣдующему за предыдущимъ. Естественно, что такая роль принадлежитъ организму, которому принадлежитъ сведеніе всѣхъ этихъ результатовъ въ одно цѣлое и который постоянно занимаетъ одно и то же положеніе въ обществѣ, не смотря на частую смѣну всѣхъ другихъ общественныхъ организмовъ, то-есть именно государству. Частное лицо и даже общественный организмъ можетъ передать лишь результаты, добытые при достиженіи одной цѣли, и часто съ одной лишь точки зрѣнія. Индивидуалисты могутъ замѣтить, что изъ совокупности частныхъ цѣлей и составляется цѣль общественная, подобно тому какъ изъ отдѣльныхъ лицъ составляется общество. Но первое положеніе такъ же невѣрно, какъ и послѣднее. Еслибы всѣ индивидуально-общественныя цѣли передавались изъ одной эпохи въ другую, съ бо̀льшимъ лишь ихъ развитіемъ, тогда мы не замѣчали бы существенной разницы не только между наиболѣе крупными эпохами одной и той же цивилизаціи, но и между законченными цивилизаціями. Исторія доказываетъ, что не всѣ цѣли и соотвѣтствующіе имъ общественные организмы переходятъ не только изъ цивилизаціи въ цивилизацію, но и изъ эпохи въ эпоху. Только результаты совокупной дѣятельности одной эпохи, годные для такой же совокупной дѣятельности другой эпохи, способны къ передачѣ и дальнѣйшему развитію. Слѣдовательно, только объединяющая дѣятельность государства, сводя къ одному знаменателю результаты эпохи, выдѣляя устарѣвшее, исчерпанное, отъ свѣжаго, неисчерпаннаго, способна къ такой работѣ. Самые сильные общественные организмы могутъ отжить, не исчерпавъ задачъ данной цивилизаціи. Напримѣръ, римско-католическая церковь представляетъ всѣ признаки такого разложенія, а между тѣмъ задачи христіанства далеко не исчерпаны, и осуществленіе ихъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ обязанностей

всѣхъ правительствъ. Государство хранитъ въ чистотѣ общія начала данной цивилизаціи, которыя въ личности потемняются и сбиваются, или, по меньшей мѣрѣ, задерживаются эгоизмомъ или неспособностью лица или группы. И такъ, даже опредѣляя государство только какъ охранительный элементъ, мы не можемъ отказать ему въ великой прогрессивной роли, ибо только черезъ его посредство совершается переходъ изъ одного статическаго состоянія въ другое. Но и въ общественной динамикѣ сильно чувствуется самостоятельная дѣятельность этого организма. Мы уже видѣли, что общество не есть простое продолженіе индивидуальной жизни; точно также права представителя общества — государства — не есть простая совокупность, сумма отдѣльныхъ правъ, какъ его воля не есть воля всѣхъ и каждаго. Въ противномъ случаѣ оно представляло бы только сумму эгоистическихъ интересовъ, освящало бы всѣ печальные результаты антагонизма и своекорыстія отдѣльныхъ его членовъ. Значеніе государства оказывается не столько тамъ, гдѣ оно является представителемъ правъ, сколько тамъ, гдѣ оно дѣйствуетъ во имя обязанностей, возложенныхъ на человѣчество закономъ нравственнымъ. Это—важный признакъ, наиболѣе характеризующій прогрессивное значеніе государства. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая государственный союзъ только съ точки зрѣнія личнаго интереса, нельзя не придти къ заключенію, что въ дѣлѣ прогресса государство составляетъ лишь незамѣтное дополненіе частныхъ усилій, такъ какъ личный интересъ всегда лучше можетъ взвѣсить свои возможныя выгоды. Дѣятельность государства въ этомъ отношеніи начинается тамъ, гдѣ кончается или недостаточна личная дѣятельность. Она выступаетъ только тамъ, гдѣ личная иниціатива не въ состояніи одолѣть преградъ или гдѣ она грозитъ вредомъ другимъ личностямъ или организмамъ. Дѣятельность его опредѣляется недостаткомъ личной иниціативы, потому что въ противномъ случаѣ она вторглась бы въ сферу, законно принадлежащую частной предпріимчивости, и тѣмъ лишила бы настоящей силы этотъ двигатель прогресса. На этомъ же основаніи она ограничивается вопросомъ о вредѣ. Словомъ, она выступаетъ только тамъ, гдѣ начинается или должна кончиться частная (личная или коллективная) дѣятельность. Это положеніе индивидуалистовъ совершенно вѣрно, но они не исчерпали вполнѣ его значенія и не довели его результатовъ до конца. Съ точки зрѣнія индивидуалистовъ дѣятельность государства ограничивается въ указанномъ выше смыслѣ, потому что оно, какъ представитель силы и принудительнаго закона, должно дѣйствовать лишь настолько, насколько возможно и необходимо примѣненіе силы и принудительныхъ предписаній. Дѣло въ томъ, что они и въ этой сферѣ законной дѣятель-

ности государства не сходятъ съ индивидуальной точки зрѣнія: по ихъ воззрѣніямъ, государство приказываетъ дѣйствовать другимъ такъ или иначе, или предписываетъ не дѣлать того или другого; но они совершенно забываютъ, что государство можетъ дѣйствовать само, ничего не предписывая другимъ, и что эта дѣятельность также начинается тамъ, гдѣ кончается дѣятельность частная,—но въ какомъ смыслѣ? Неужели только въ смыслѣ охраненія неприкосновенныхъ правъ личной иниціативы?

Намъ кажется, что индивидуализмъ хорошо поступилъ, опредѣляя границы принудительной дѣятельности государства. Но онъ поступилъ опрометчиво, не изслѣдовавъ той среды, гдѣ вовсе невозможно предписаніе и повелѣніе. Индивидуалисты прекрасно разсмотрѣли, что̀ можетъ предписывать государство, но мало изслѣдовали то, чего нельзя приказать. Не изслѣдовавъ надлежащимъ образомъ этой сферы, они, однакоже, приходятъ къ такому поспѣшному выводу: такихъ-то вещей нельзя предписать, слѣдовательно ихъ должно предоставить частной иниціативѣ; намъ кажется совершенно логичнымъ другой выводъ: этого нельзя предписать, слѣдовательно государство само должно дѣйствовать. Предположимъ, что дѣло идетъ объ улучшеніи плуга, мельницы, машины, объ усовершенствованіи породъ скота, о проложеніи дороги,—словомъ, обо всемъ, гдѣ дѣло идетъ о достиженіи наибольшихъ выгодъ съ наименьшимъ трудомъ: конечно, государство руководится здѣсь тремя правилами—не стѣснять, поощрять, ограждать. Но предположимъ, что дѣло заходитъ, напримѣръ, о благотворительности и другихъ велѣніяхъ нравственнаго закона, которыхъ также нельзя предписать. Кто явится представителемъ ихъ въ обществѣ? Не нужна ли здѣсь положительная дѣятельность государства, именно потому, что человѣку нельзя предписать дѣлать добро? Мы видимъ, слѣдовательно, два рода дѣлъ, имѣющихъ между собою одинъ общій признакъ,—тотъ, что въ нихъ была бы неумѣстна принудительная дѣятельность государства; но послѣдствія этой *непринудительности* весьма различны. Въ первомъ случаѣ государство не принуждаетъ и даетъ просторъ частной предпріимчивости; во второмъ также не принуждаетъ, но по необходимости дѣйствуетъ само. Откуда такая разница? Во-первыхъ, мотивы этого *непринужденія* въ обоихъ случаяхъ различны. Индивидуалисты ошибаются, полагая, что государство въ сферѣ чисто-экономическихъ отношеній не принуждаетъ, потому что принужденіе здѣсь невозможно, такъ какъ гармонія экономическихъ отношеній устанавливается исключительно путемъ свободнаго соглашенія частныхъ лицъ. Принужденіе здѣсь въ *большей части случаевъ безполезно*, такъ какъ личный интересъ является здѣсь достаточно сильнымъ орудіемъ

всякихъ улучшеній. Напротивъ, во второй категоріи вопросовъ принужденіе невозможно, такъ какъ бо̀льшая часть этихъ задачъ не вытекаетъ прямо изъ природы человѣка, а напротивъ, есть плодъ долгой соціальной жизни и ея успѣховъ. Государству только нѣтъ *необходимости* предписывать, чтобы люди стремились къ своему благосостоянію, но оно *уже просто не можетъ предписать*, чтобы они думали о благополучіи другихъ. Эгоизмъ—законъ человѣческой природы, а потому государству остается лишь содѣйствовать тому, чтобы результаты эгоизма однихъ гармонировали съ эгоистическими же усиліями другихъ. Но, безъ сомнѣнія, знаменитое *laisser faire, laisser passer* не составляетъ для него непреложнаго правила. Въ большинствѣ случаевъ оно признаетъ, что всѣ сдѣлки между людьми совершаются по добровольному соглашенію; но его справедливая рука даетъ себя чувствовать всякій разъ, когда безсовѣстный эгоизмъ однихъ и безграничное униженіе другихъ оскорбляютъ высшее нравственное чувство. Оно нарушаетъ принципъ *добровольности*, когда одинъ добровольно продаетъ себя въ рабство другому; оно ограничиваетъ число рабочихъ часовъ дѣтей, *добровольно* отданныхъ фабрикантамъ; оно ограждаетъ интересы и здоровье жильцовъ, добровольно нанявшихъ квартиру въ какомъ-нибудь гнусномъ логовищѣ, и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ государство является крайнимъ мизантропомъ: оно спокойно смотритъ на успѣхи эгоизма и даже расчищаетъ ему дорогу, пока недобросовѣстность однихъ и глупость другихъ не вызываютъ его протеста. Но въ сферѣ чисто-нравственной начинается его истинно-самостоятельная дѣятельность: предписанія нравственнаго закона преимущественно въ немъ находятъ свое осуществленіе. Отдѣльная личность можетъ прожить, не сдѣлавъ ни одного добраго дѣла, и государство не въ правѣ предписать ему благотворительныхъ дѣйствій; но государство и общество, не преслѣдующія никакихъ нравственныхъ цѣлей, очевидно, близки къ погибели. Человѣкъ, посвятившій свою жизнь разврату—явленіе, къ несчастію, весьма обыкновенное, и государство кладетъ предѣлы этому разврату только тамъ, гдѣ начинается общественный соблазнъ. Но государство, посвятившее себя преслѣдованію грязныхъ цѣлей или достигающее своихъ цѣлей грязными средствами, близко къ паденію или къ сильному перевороту. Часто то, что̀ въ отдѣльныхъ лицахъ есть только непохвальное качество, въ государствѣ является страшнымъ порокомъ. Сплетничанье—дурная привычка въ частной жизни; шпіонство и доносъ, возведенные на степень обычнаго орудія государственнаго управленія,—страшные симптомы глубокой общественной болѣзни. Увлеченіе развратными женщинами—скверная черта; господство Помпадуръ и Дюбарри предвѣщало уже рево-

люцію. Эгоизмъ—прискорбный, но часто необходимый двигатель въ частной жизни; но принципъ: *l'état c'est moi*—есть уже преступленіе и грубая ошибка. Такимъ образомъ, нравственность, добродѣтель, то-есть преданность и самоотверженіе, не обязательны для частныхъ лицъ (для которыхъ самосохраненіе есть высшій законъ), но они составляютъ неизбѣжное условіе существованія государства. Это вполнѣ согласно съ природою человѣка и государства. Необходимость завоевывать свое существованіе невольно дѣлаетъ человѣка эгоистическимъ существомъ, но въ то же время удовлетвореніе нравственнаго чувства, осуществленіе высшихъ началъ добродѣтели составляютъ его неизбѣжную потребность, удовлетвореніе которой является какъ реакція противъ обыденныхъ несправедливостей и прозаическаго своекорыстія. Государство, стоящее внѣ и выше борьбы разнообразныхъ интересовъ, по самому своему положенію является представителемъ этого высшаго нравственнаго порядка. Оно одно возводитъ предписанія нравственности на степень положительнаго закона, но возлагаетъ исполненіе ихъ не на частныхъ лицъ,—такъ какъ принужденіе и угроза, подъ вліяніемъ которыхъ они только и могли бы исполнить ихъ, унизили бы значеніе нравственнаго закона свободы,—а на свои органы. Государство не возлагаетъ на людей обязанности помогать слабымъ и бѣднымъ: оно требуетъ отъ нихъ только формальной справедливости, ибо этого одного можно требовать подъ страхомъ наказанія. За то, съ другой стороны, общество переноситъ на представителей государства всѣ тѣ свойства, которыя требуются предписаніями высшаго нравственнаго закона; можно сказать, что государство представляется ему олицетвореніемъ всѣхъ нравственныхъ инстинктовъ человѣчества. Милосердіе, состраданіе, благочестіе,—вотъ свойства, приписываемыя монархамъ всѣми народами не изъ одной вѣжливости или лести. Служеніе высшимъ нравственнымъ началамъ,—вотъ законъ, отъ исполненія котораго не можетъ уклониться самое могущественное правительство.

Нельзя сказать, чтобы новѣйшая государственная наука не сознавала всей важности нравственной роли государства. Но она отводитъ ему въ этомъ отношеніи такое же мѣсто, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то-есть—верховнаго организатора законченныхъ фактовъ. Нравственность, свойственная каждой эпохѣ развитія, должна находить въ немъ свое высшее выраженіе. Въ патріархальномъ государствѣ выражается нравственность патріархальной эпохи, и т. д. Каждая эпоха имѣетъ свою нравственность, и государство должно выражать только эту нравственность. „Die Verfassung eines Staates", говоритъ Моль, „ist weder eine Bewahranstalt für Alterthümer, *noch ein Erziehungsmittel*, sondern die Grundlage des Zusammen-

lebens, wie solches *aus dem concreten* Gesittigungstande des Volkes in der Gegenwart entspringt“. Если, такимъ образомъ, Моль не приписываетъ государству исключительно-консервативной роли, какъ это дѣлаютъ индивидуалисты, то онъ заставляетъ его лишь заканчивать то, что̀ совершилось уже въ обществѣ; слѣдовательно, оно можетъ подвигаться впередъ лишь настолько, насколько подвигается общество, а потому прогрессивное движеніе все-таки остается удѣломъ общества. Въ этомъ отношеніи ему кажется даже неумѣреннымъ требованіе Рота (*Ethik*, B. III, S. 900), что государственное устройство должно стремиться къ „Realisirung der vollendeten sittlichen Gemeinschaft“. Государство, по его мнѣнію, должно проводить только тѣ нравственныя начала, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ нравственному строю даннаго народа въ данную эпоху.

Изъ всего, что̀ нами уже сказано, легко догадаться, что мы не можемъ раздѣлять мнѣніе Роберта Моля. Государству принадлежитъ именно воспитательная, то-есть прогрессивная роль. Если мы припомнимъ здѣсь, что прогрессивныя начала каждой цивилизаціи устанавливаются главнымъ образомъ нравственнымъ ея ученіемъ, то намъ понятно будетъ, что государство, какъ единственный организмъ въ обществѣ, обязанный служить этому ученію, является вслѣдствіе этого прогрессивнымъ элементомъ по самой своей природѣ. Личность, повторяемъ, можетъ прожить безъ высшихъ нравственныхъ задачъ; для государства отсутствіе такихъ цѣлей было бы смертнымъ приговоромъ. Величайшій мыслитель можетъ употребить свою дѣятельность не только исключительно на защиту существующаго порядка, но даже на ретроградныя ученія; государство высоко должно держаться знамени прогресса, и горе, если на этомъ знамени нѣтъ ни одного высоко-нравственнаго, то-есть высоко-прогрессивнаго девиза! Платонъ и Аристотель защищали рабство, или, лучше сказать, не могли мыслить общества безъ рабовъ; это не помѣшало имъ, и особенно Платону, считаться великими учителями нравственности. Клавдій, Неронъ, Каракалла и другія чудовища безнравственности наносятъ первый ударъ рабству, не возмущавшему даже такихъ людей, какъ Тацитъ. Почему?—Ихъ давило, толкало государственное ихъ положеніе: они не могли не идти впередъ. Но развѣ не бываетъ ретроградныхъ правительствъ?—могутъ возразить намъ. Развѣ не бываетъ обществъ умирающихъ, разлагающихся, перерождающихся?—скажемъ мы. Примѣръ ретроградныхъ правительствъ лучше всего доказываетъ непреложность того великаго закона, что нравственность есть неизбѣжное условіе существованія государства. Какъ только въ немъ нѣтъ прогрессивныхъ началъ, оно или уступаетъ мѣсто другимъ элементамъ, если общество еще способно къ прогрессу, или

вмѣстѣ съ обществомъ падаетъ, или на вѣки застываетъ. Развѣ застой не превратилъ въ окаменѣлость Китая, Индіи, древняго Египта? Развѣ Испанія не уступила своего мѣста болѣе прогрессивнымъ народамъ?

Наконецъ,—и это, быть можетъ, самый крупный недостатокъ органическаго ученія о государствѣ,—оно, слишкомъ еще придерживаясь отрицательныхъ пріемовъ при опредѣленіи задачъ государства, признавая положительность почти однѣхъ частныхъ индивидуальныхъ цѣлей въ томъ смыслѣ, что государственная цѣль создается изъ совокупности цѣлей частныхъ, не можетъ выяснить значенія *общенаціональныхъ цѣлей*. Личность и разныя ея сочетанія въ разныхъ общественныхъ кругахъ, ассоціаціяхъ, не представляютъ особенныхъ измѣненій на всемъ пространствѣ земного шара. Какъ бы ни были разнообразны условія частной человѣческой жизни, какія бы различныя степени энергіи, апатіи, хитрости, смѣтливости, разсудительности ни представляли эти отдѣльныя личности, они не въ состояніи объяснить многихъ фактовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло каждому политическому писателю. Почему одинъ народъ отличается отъ другого? почему до настоящаго времени безуспѣшны всѣ попытки всемірной монархіи? Почему одни народы играли видную и продолжительную роль въ человѣчествѣ, а другіе прошли въ немъ едва замѣтнымъ, хотя часто блестящимъ метеоромъ?

Если бы государство было только выраженіемъ личныхъ свойствъ своихъ гражданъ, и его цѣль слагалась бы изъ совокупности ихъ цѣлей, то никакъ нельзя было бы понять, почему, напримѣръ, изъ всей этой массы цѣлей выдѣляется одна, не имѣющая, повидимому, ничего общаго съ ближайшими выгодами каждаго лица, подчиняетъ себѣ и правительство и народъ, которые служатъ ей съ самоотверженіемъ и сильны и видны до тѣхъ поръ, пока продолжается это служеніе. Ясно, что тутъ рѣчь идетъ о какихъ-то цѣляхъ, установляющихся мимо всякой индивидуальной воли,—о цѣляхъ, требующихъ безусловнаго повиновенія, и хотя эти цѣли, вмѣсто выгодъ, часто приносятъ одни страданія, но за то навсегда выдѣляютъ такой избранный народъ изъ массы другихъ, дѣлаютъ изъ него звучный аккордъ въ общей гармоніи человѣчества. Посмотримъ, напримѣръ, на представителей западно-европейской цивилизаціи; всѣ они въ одно время почти начали свою историческую жизнь; всѣ они знали феодализмъ въ той или другой формѣ; всѣмъ дано было христіанство; всѣ они составились изъ смѣшенія различныхъ племенъ; надъ всѣми почти одинаково тяготѣло папское единство, и если бы человѣчество руководилось только личными мотивами, кажется, навсегда можно было бы остаться въ этой безформенности и смѣшеніи среднихъ вѣковъ.

Но вотъ, почти мимо воли отдѣльныхъ личностей и представителей власти, начинаютъ выдѣляться національныя цѣли, и народы занимаютъ свое мѣсто въ исторіи только по мѣрѣ возникновенія этихъ цѣлей. Всемірно-историческая роль выпадала не всѣмъ народамъ въ одно и то же время, хотя условія личнаго образованія были почти вездѣ одинаковы. Представители романскаго племени, напримѣръ, и преимущественно Франція, выступаютъ на сцену главнымъ образомъ въ періодъ господства чувства: вооруженная и литературная пропаганда—ея главная задача. Карлъ Великій, разносящій христіанство въ Германіи и устанавливающій границы западно-европейскаго міра, короли-крестоносцы, Наполеонъ съ его революціонною арміей, энциклопедисты, Вольтеръ, Руссо, жирондисты—вотъ французы по преимуществу. Вотъ почему вообще романское племя предшествуетъ всѣмъ другимъ на пути цивилизаціи. Напротивъ, Англія и Голландія какъ будто ждутъ протестантизма съ его разсудочною моралью, положительнымъ методомъ, чтобы занять свое мѣсто въ человѣчествѣ. Греція съ своею философіею и роскошнымъ политеизмомъ, Римъ, этотъ великій юристъ древности, и среди всей этой массы древнихъ народовъ—евреи, пронесшіе черезъ всю древность скинію единаго Бога—всѣ они имѣли общія цѣли, мало говорившія узкому индивидуальному чувству, болѣе склонному вспоминать о мясѣ и чеснокѣ Египта. Органическая теорія государства, не будучи въ состояніи ни объяснить, ни принять въ расчетъ этихъ общихъ цѣлей, приводитъ къ космополитическому взгляду, такъ какъ главнѣйшій элементъ ея изслѣдованія въ общихъ чертахъ вездѣ одинъ и тотъ же. И во дни Ноевы, какъ нынѣ, пили, ѣли, женились, собирали въ житницы... Различіе національностей основывается именно на различіи ихъ общихъ цѣлей, которымъ соотвѣтствуетъ и особая государственная организація, а не на различіи цѣлей индивидуально-общественныхъ, которыя не только не нуждаются въ такой особой государственной формѣ, но, напротивъ, постоянно стараются перейти за предѣлы даннаго государства, выразиться въ союзѣ международномъ и даже сплотить въ одно всю массу человѣчества. Религія, напримѣръ, вообще мало обращаетъ вниманія на границы государствъ; торговля, по самому существу своему, стремится стать явленіемъ международнымъ; произведенія науки, искусства скоро становятся общечеловѣческимъ достояніемъ. Выясненіе общенаціональной цѣли необходимо еще въ другомъ отношеніи. Только она можетъ установить прочную, дѣйствительную связь между государствомъ и обществомъ, ибо ничто такъ не скрѣпляетъ союза между людьми, какъ совмѣстное служеніе одному возвышенному идеалу, одной цѣли, равно обязательной для всѣхъ. Общество съ его разнообразными цѣлями и

требованіями свободы выдѣлено изъ государства новѣйшею наукою, въ противоположность древнимъ воззрѣніямъ, по которымъ человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. Но можетъ ли человѣкъ совершенно перестать быть гражданиномъ, то-есть отрѣшиться отъ общихъ цѣлей, которымъ онъ обязанъ служить наравнѣ съ правительствомъ? Возможно ли самое общежитіе безъ такихъ цѣлей?

V.

Съ этого начинаетъ Бюше, къ изложенію теоріи котораго мы теперь переходимъ. „Люди, говоритъ онъ, находятся въ состояніи общежитія, когда они имѣютъ общую цѣль для своей дѣятельности, которой посвящены всѣ ихъ мысли и силы; общество разлагается съ устраненіемъ этой цѣли“. Такимъ образомъ, истинное общежитіе начинается съ того времени, когда выяснилась и установилась общая цѣль, то-есть, когда, говоря словами В. И. Ламанскаго [1]), народъ достигъ до самосознанія. Существованіе этой цѣли есть главная основа общежитія и занимаетъ первое мѣсто между всѣми этими основами, или, какъ называетъ ихъ Бюше, constantes sociales. Всѣ остальныя constantes служатъ только для того, чтобы постоянно сохранять, поддерживать сознаніе общей цѣли или содѣйствовать ея осуществленію. Мы увидимъ ниже, какимъ образомъ распредѣлены у него эти функціи между различными общественными установленіями. Теперь остановимся на этомъ коренномъ условіи каждаго общежитія.

Необходимость общей цѣли не есть новость въ государственной наукѣ; Бюше и не говоритъ, чтобъ онъ желалъ быть новаторомъ въ этомъ отношеніи. Всѣ публицисты признавали эту общую цѣль, называя ее справедливостью, общимъ благомъ и т. д. Но у нихъ эта цѣль по своему характеру не предполагала необходимости дѣйствія, пожертвованія со стороны гражданъ. Эта цѣль большею частью была не что̀ иное, какъ гарантія личныхъ интересовъ, блага всѣхъ и каждаго; для такой цѣли достаточно было одной бездѣятельности гражданъ: работай для себя и не трогай другихъ. Въ утѣшеніе обыкновенно увѣряли, что каждый, работая для себя, работаетъ въ то же время для другихъ: „chacun pour soi, chacun pour tous“. Мы уже видѣли, какую роль играетъ эгоизмъ въ прогрессивномъ движеніи человѣчества. Это чувство нисколько не можетъ выработать должнымъ образомъ общую цѣль. Различіе между общею и частною цѣлью заключается именно въ томъ, что первая требуетъ жертвъ и

---

[1]) См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* Январь 1867.

даже самоотверженія, — вторая, напротивъ, льститъ эгоистическому чувству. На этомъ основаніи нельзя назвать общими тѣ цѣли, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ эгоистическихъ стремленій, хотя бы для достиженія ея соединялись многія лица. Армія во время бѣгства, стадо животныхъ, стремящихся за одною и тою же добычею, имѣютъ подобную, но не общую цѣль: подобіе не устанавливаетъ общности.

Такая общая цѣль не предполагаетъ даже подобія дѣятельности; напротивъ, она отличается именно тѣмъ, что въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ можно служить одной и той же цѣли, и даже чѣмъ разнообразнѣе жизнь общества,—слѣдовательно, чѣмъ больше сферъ для проявленія умственной и нравственной жизни,—тѣмъ больше надежды на лучшее осуществленіе этой общей цѣли. Политика и земледѣліе, религія и мануфактура, наука и ремесла, поэзія и промышленность—вездѣ можетъ и должно проявиться гражданское чувство, выразиться сознаніе общей цѣли. Раздѣленіе труда въ различныхъ сферахъ свободно дѣйствующаго общества и дисциплина, организація его подъ вліяніемъ сознанія общей цѣли,—вотъ коренное условіе общежитія и самого прогресса.

Такимъ образомъ, общность цѣли въ томъ смыслѣ, какъ ее принимаетъ Бюше, отличается отъ общей цѣли по прежнимъ теоріямъ именно своимъ прогрессивнымъ характеромъ. Общность цѣли по прежнимъ теоріямъ была скорѣе слѣдствіемъ, чѣмъ принципомъ общежитія, или, по крайней мѣрѣ, была его непосредственнымъ продуктомъ. По мнѣнію Бюше, общія соціальныя цѣли,—цѣли, осуществленіе которыхъ составляетъ славу извѣстнаго народа, опредѣляетъ его мѣсто во всемірной исторіи,—вырабатываются не подъ вліяніемъ постоянно накопляющихся, дробныхъ историческихъ фактовъ. Для того, чтобъ эти цѣли заключали въ себѣ наибольшее количество прогрессивныхъ элементовъ, то-есть могли служить для наиболѣе обширной и глубокой цивилизаціи, необходимо ихъ апріористическое происхожденіе, какъ говоритъ Бюше. Цивилизація, проникнутая идеями высокаго нравственнаго ученія, можетъ подраздѣляться на нѣсколько подчиненныхъ эпохъ, имѣющихъ свои какъ бы отдѣльныя цѣли, но въ сущности осуществляющихъ основныя положенія того же великаго ученія. Европа, стремящаяся въ настоящее время къ свободнымъ учрежденіямъ, вышла изъ Европы, завоевавшей себѣ протестантскую и національную церковь, развившей у себя промышленную и умственную силу въ лицѣ третьяго сословія, возродившагося въ великомъ общинномъ движеніи эпохи предшествующей, и въ концѣ концовъ — изъ Европы, смиренно принявшей христіанство отъ неутомимыхъ просвѣтителей человѣчества, положившихъ основы всему будущему движенію, указавшихъ цѣли, и до настоящаго вре-

мени не достигнутыя! Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы общество не служило цѣлямъ, развившимся исключительно подъ вліяніемъ условій минуты и эгоистическихъ стремленій. Мы видимъ примѣры не только обществъ, но и цѣлыхъ цивилизацій, которыя складываются именно этимъ путемъ. Но что̀ плодотворнѣе, что̀ играетъ наиболѣе видную роль въ исторіи: тѣ ли цѣли, которыя происходятъ a posteriori одна изъ другой, или тѣ, которыя вытекаютъ, видоизмѣняясь сообразно потребностямъ мѣста и времени, изъ сознанія одной, болѣе общей цѣли, которая ихъ всѣ содержитъ въ себѣ?

Такое установленіе цѣлей a posteriori и соотвѣтствующее ему движеніе человѣчества было уже описано Платономъ въ его ученіи о переходѣ отъ одной формы правленія къ другой. Демократическое общество, побуждаемое практическимъ мотивомъ—крайностями охлократіи и демократіи, переходитъ въ монархію: затѣмъ, желая избѣгнуть невыгодъ тираніи и деспотизма, отдается аристократіи, пока она, выродившись въ олигархію, не приводитъ снова къ демократическимъ стремленіямъ. Древніе мыслители излагали не вымышленныя теоріи: они, къ сожалѣнію, вѣрно списывали съ натуры. Кто, однако, не согласится, что подобное движеніе не только не представляетъ никакихъ условій для прогресса, но быстро истощаетъ общество и исчерпываетъ его назначеніе въ общемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи? Такимъ народамъ дается въ удѣлъ осуществить одну и часто узкую идею. Правда, они осуществляютъ ее вполнѣ, проводятъ ее по всѣмъ сферамъ общества; одинъ общественный элементъ смѣняетъ другой въ служеніи этой идеѣ, которая вслѣдствіе этого ярко выступаетъ въ исторіи цивилизаціи вмѣстѣ съ служившимъ ей народомъ. Но какъ быстро сходитъ такой народъ съ своего возвышеннаго положенія, какъ скоро бываетъ онъ принужденъ отказаться отъ руководящей роли въ человѣчествѣ! Еще Гизо замѣтилъ эту недолговѣчность классическихъ народовъ, въ томъ смыслѣ, что назначеніе ихъ быстро исчерпывалось, и послѣ короткаго золотого вѣка наступала продолжительная и печальная агонія.

При всемъ томъ подобный исходъ—еще лучшій исходъ для народа, живущаго преимущественно a posteriori. Смѣна заранѣе опредѣленнаго порядка другимъ съ помощью революцій—все еще доказываетъ высокую жизненность и даровитость общества. Въ обществѣ менѣе одаренномъ подобное преслѣдованіе *практическихъ* цѣлей приведетъ къ застою; такова судьба всѣхъ восточныхъ монархій, гдѣ вѣчная неподвижность и однообразіе изрѣдка нарушаются ни къ чему не ведущею смѣною династій.

Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ эта жизнь a posteriori, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ? Она естественно выходитъ изъ

отрицанія [1]) существующаго порядка, для осуществленія порядка прямо ему противоположнаго, и обыкновенно когда-нибудь уже существовавшаго. Общество, недовольное монархіею, вздыхаетъ о демократіи прежняго времени; утомленная демократія мечтаетъ о старинной монархіи. Истинно-прогрессивная цѣль носитъ совершенно другой характеръ. Изъ самаго понятія прогресса, какъ мы его установили въ первой статьѣ, ясно слѣдуетъ, что прогрессивное движеніе не есть ни отрицаніе настоящаго, ни отреченіе отъ прошедшаго; напротивъ, оно необходимо сохраняетъ съ настоящимъ и прошедшимъ тѣсную связь, такъ какъ только при этомъ условіи новая форма общества будетъ истиннымъ звеномъ въ общей цѣли прогресса. Затѣмъ такое движеніе *необходимо* вноситъ что-нибудь новое, еще не существовавшее, и даже на первый разъ имѣющее мало соотношенія съ обыкновенными практическими взглядами и стремленіями. Если цѣль а posteriori есть всегда продуктъ даннаго порядка вещей и только въ немъ находитъ свое объясненіе, то цѣль а priori всегда выходитъ изъ какой-нибудь общей идеи, которая всегда внѣ дѣйствительности, выше ея и вслѣдствіе этого является постояннымъ и сильнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса.

Изъ этого само собою понятно, что служеніе такой цѣли должно быть задачею организма, стоящаго выше всѣхъ преходящихъ практическихъ цѣлей и стремленій, сохраняющаго постоянную и непрерывную связь съ отдаленнѣйшими эпохами общества, когда сказано было первое слово его цивилизаціи, вынесшаго эти общія начала своей народности изъ всѣхъ испытаній, бурь, частныхъ уклоненій, колебаній, эгоистическихъ увлеченій,—такого организма, въ которомъ прежде всего и лучше всего отразилось народное самосознаніе—это прошедшее, настоящее и будущее народа въ его безкорыстно-идеальной формѣ, то-есть, должно быть задачею государства.

Такое служеніе есть прогрессивное движеніе, такъ какъ стремленіе къ *такой* цѣли есть прогрессъ. Въ другихъ общественныхъ организмахъ мы не замѣчаемъ такой цѣльности сознанія, проходящаго чрезъ всю исторію народа; въ нихъ замѣтно большее преобладаніе эгоистическихъ интересовъ, индивидуальныхъ взглядовъ. На ихъ стремленіяхъ больше отражаются условія мѣста и времени; ихъ условія пригодны, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ, для осуществленія второстепенныхъ цѣлей въ отдѣльныя эпохи цивилизаціи. Общины подняли знамя капитала и труда противъ феодальной іерархіи, но только королевская власть сдѣлала эти элементы

---

[1]) Мы, конечно, беремъ здѣсь не восточныя общества, которыя и на это неспособны.

орудіями національнаго единства и гражданскаго равенства. Католицизмъ совершилъ свое высокое дѣло и отжилъ, передавъ дальнѣйшее осуществленіе христіанскихъ началъ въ обществѣ неумирающему государству. Мало того: отдѣльныя лица и ихъ соединенія въ большинствѣ случаевъ ограничиваются тѣмъ, что становятся въ уровень съ цивилизаціею данной эпохи. Говорить *какъ всѣ*, думать какъ всѣ, поступать какъ всѣ—вотъ идеалъ большинства; больше этого никто и не можетъ требовать отъ отдѣльныхъ лицъ; больше этого они и сами не желаютъ. Вотъ почему отъ общества [1]) трудно ожидать прогрессивнаго движенія; совершенно достаточно, если оно вѣрно сохраняетъ преданія прежняго времени, если въ немъ живетъ сознаніе общей цѣли, если это сознаніе не заглохло въ борьбѣ противоположныхъ общественныхъ элементовъ, эгоистическихъ стремленій, если вся мудрость не сведена въ немъ на формально-діалектическія тонкости, если въ немъ есть условія прогресса. Для общества не только достаточно, если оно консервативно, но даже по природѣ своей оно не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Прогрессивное движеніе, вышедшее изъ общества, въ большинствѣ случаевъ есть революція, то-есть самое безплодное изъ всѣхъ дѣйствій общества; то же прогрессивное движеніе въ правительствѣ всегда есть реформа, болѣе или менѣе благодѣтельная.

Для отдѣльнаго человѣка совершенно достаточно, если онъ, въ борьбѣ съ нуждой и въ заботахъ о своемъ матеріальномъ благосостояніи, сохранитъ сознаніе о высшихъ цѣляхъ государства и національности въ той чистотѣ, какая требуется для истинно-прогрессивнаго движенія. Еслибъ онъ даже переступилъ за эту задачу, движеніе впередъ легко могло бы уклониться съ настоящей дороги, подъ вліяніемъ его эгоистическихъ стремленій, и, слѣдовательно, общество не осталось бы въ выигрышѣ.

Охраненіе своихъ исторически-выработанныхъ идей, передача изъ рода въ родъ великихъ національныхъ цѣлей — вотъ истинное назначеніе общества. Эта задача не такъ легка, какъ кажется на первый разъ. Прогрессивное движеніе, особенно когда національныя цѣли сохранены и поставлены просто и ясно, есть несложная и не особенно трудная логическая дѣятельность a priori, умѣнье дѣлать выводы изъ извѣстныхъ и освященныхъ вѣками положеній. Каждое лицо, стоящее во главѣ правительства, способно на это при благопріятныхъ условіяхъ. Условія же эти совершенно зависятъ отъ общественнаго состоянія, и годность этого состоянія измѣряется именно

---

[1]) Мы употребляемъ здѣсь слово *общество* не въ новомъ его значеніи, а въ смыслѣ простой совокупности отдѣльныхъ лицъ.

бо́льшимъ или ме́ньшимъ развитіемъ охранительныхъ началъ и элементовъ. Сколько видимъ мы обществъ, которыя останавливаются, обращаются вспять и даже гибнутъ, не смотря на то, что во главѣ ихъ стояли способныя и даже прогрессивныя правительства! Почему?— именно потому, что въ нихъ утратились здоровые охранительные элементы, угасло сознаніе національной идеи, что они утратили, такъ сказать, свою международную физіономію, что, говоря словами одного поэта, они не могли сказать въ лицо всѣмъ и каждому: *это я!* Вотъ почему охранительный аппаратъ въ каждомъ обществѣ долженъ быть гораздо сложнѣе и обширнѣе организаціи прогрессивной, которая, собственно говоря, вся можетъ сосредоточиться въ высшихъ представителяхъ правительства. Если отдѣльное лицо, при своемъ появленіи на свѣтъ, не будетъ тотчасъ связано съ предыдущими поколѣніями общностью сознанія, если нравственная дисциплина не пріучитъ его сознательно служить общимъ цѣлямъ, если его экономическое положеніе не дастъ способовъ для всесторонняго развитія его личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для безкорыстнаго служенія общему дѣлу, если религія не свяжетъ его умственной дѣятельности съ высшимъ нравственнымъ порядкомъ, которому всѣ обязаны одинаково подчиняться,—дѣло правительства, какъ представителя прогрессивныхъ началъ, проиграно навсегда. Въ такомъ обществѣ оно по необходимости должно взять на себя исключительно полицейскія обязанности, оставить роль вождя и занять мѣсто часового, въ ожиданіи, пока общество или разрушится, если въ немъ не осталось уже никакихъ жизненныхъ началъ, или обгонитъ его, если общественное неустройство вызвано лишь временными, случайными обстоятельствами.

Бюше, кажется, пришелъ къ этому заключенію; по крайней мѣрѣ, на это указываетъ то обстоятельство, что онъ поставилъ правительство какъ главное прогрессивное установленіе (constante de progression) и обстоятельно доказываетъ это его назначеніе, какъ мы увидимъ ниже. Въ противоположность ему, всѣ остальныя установленія называются constantes de conservation. Сюда входятъ воспитаніе, семья, собственность, религія, армія, судъ и администрація. Но трудно понять, какое отношеніе, по мнѣнію автора, должно существовать между ролью общества и государства въ этой охранительной дѣятельности. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ имъ установленій прямо касаются общественныхъ элементовъ: таково значеніе собственности, семьи, всѣхъ видовъ труда. Другія носятъ смѣшанный характеръ, какъ, напримѣръ, воспитаніе, религія. Третьи прямо говорятъ о государственной дѣятельности, какъ судъ, администрація. Бюше весьма ясно рисуетъ правительство какъ движущую силу прогрессивныхъ установленій; но что же является принципомъ охрани-

тельныхъ установленій? Относительно этого господствуетъ полное смѣшеніе понятій. Какой институтъ мы ни возьмемъ, нигдѣ не выяснено это взаимное отношеніе общества съ его охранительною и правительства съ его прогрессивною ролью. Только въ главахъ о правительствѣ, слѣдовательно во второмъ томѣ, становится яснымъ [1]) это соотношеніе общественныхъ элементовъ. До тѣхъ поръ рѣшительно нельзя понять, во имя какихъ началъ авторъ относитъ разныя установленія къ той или другой группѣ. Правда, онъ объясняетъ, что всѣ они нужны для сохраненія различныхъ общественныхъ идей и элементовъ: воспитаніе (куда онъ относитъ и искусство) передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли и поддерживаетъ любовь и преданность къ ней; другія установленія, какъ семья, трудъ, собственность и т. д., имѣютъ въ виду поддержать и сохранить самую породу людей и обезпечить ихъ развитіе. Но почему именно въ обществѣ должно сохраняться сознаніе національной цѣли? Есть примѣры, что правительства точно также умѣютъ сберечь его отъ всѣхъ бурь и колебаній. Какая связь между сохраненіемъ этой общности сознанія и сохраненіемъ человѣческой породы, между сохраненіемъ человѣческой породы и религіею, какъ высшимъ хранителемъ нравственнаго закона? Отчего вся эта совокупность нравственныхъ, умственныхъ и экономическихъ элементовъ поставлена какъ нѣчто совершенно отдѣльное отъ правительства?

Сколько намъ кажется, въ изложеніе Бюше вкрался важный недостатокъ, на который мы уже намекали выше: *онъ незнакомъ съ германскими теоріями объ обществѣ и государствѣ*. Эти понятія, такъ ясно и подробно разграниченныя знаменитыми представителями германской науки, смѣшиваются въ умѣ разбираемаго здѣсь мыслителя. Сознавая потребность соединить ученія объ обществѣ и государствѣ въ одно цѣлое, онъ дѣлаетъ это скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; соединеніе это является скорѣе результатомъ его ученія, чѣмъ его верховнымъ руководящимъ началомъ. Онъ доходитъ до этихъ результатовъ ощупью, а не вслѣдствіе твердо сознанной цѣли. Еслибы соединеніе общества и государства, сдѣланное авторомъ, было послѣдствіемъ предварительнаго ихъ разграниченія, сдѣланнаго уже, насколько это возможно при современномъ состояніи науки, нѣмецкими учеными, тогда все его ученіе отличалось бы большею ясностью и повело бы къ обильнѣйшимъ результатамъ, чѣмъ теперь, когда классификація эта есть дѣло чутья болѣе чѣмъ сознанія.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, что вышло изъ всей аргументаціи автора. Онъ говоритъ о воспитаніи, о подготовленіи умственныхъ

---

[1]) По крайней мѣрѣ, для насъ.

силъ страны, о характерѣ этихъ умственныхъ силъ, объ общественномъ значеніи искусства, о значеніи семьи, объ организаціи труда, о производительныхъ силахъ страны, о климатѣ и поземельной собственности, о религіи,—словомъ, предъ нимъ все общество со всѣми его разнообразными интересами и многочисленными организмами,—и что́ же? Между всѣми этими капитальными институтами нѣтъ никакой органической, внутренней связи. Все его ученіе объ охранительныхъ установленіяхъ похоже не на истинно-научную теорію, а на примѣрное перечисленіе элементовъ, *между прочимъ*, необходимыхъ для сохраненія общественныхъ силъ. Прочитавъ его разсужденіе, читатель въ правѣ спросить: да все ли тутъ высчитано, и затѣмъ изъ вычисленнаго нельзя ли пропустить чего-нибудь? Дѣло въ томъ, что авторъ не сознаѣъ необходимости посредствующихъ организмовъ между недѣлимымъ и государствомъ,—организмовъ, въ которыхъ совершается развитіе и усовершенствованіе недѣлимыхъ. Быть можетъ, въ его умѣ общество представляется понятіемъ, заключающимъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и государство. Это, какъ мы видѣли, и есть задача соціальной науки. Но для того, чтобы получить право говорить о такомъ обществѣ и создавать *такую* науку, необходимо выяснить значеніе другого общества, другихъ элементовъ,—того общества и тѣхъ элементовъ, которые составляютъ содержаніе нѣмецкой общественной науки. Незнаніе этой науки вредно отразилось на трудѣ Бюше. Во-первыхъ, между государствомъ и недѣлимымъ, по образцамъ прежнихъ ученій *естественнаго права*, у него нѣтъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого всѣ установленія разсматриваются имъ съ точки зрѣнія индивидуальной дѣятельности. Что́ нужно для человѣка, чтобы дѣйствовать въ государствѣ? Нужно быть богатымъ, добродѣтельнымъ, здоровымъ, и т. д. Все это отвѣты давно извѣстные Но какая роль общественныхъ организмовъ по отношенію ко всѣмъ этимъ задачамъ, сравнительно съ ролью государства? Есть ли и должны ли быть эти организмы и элементы? Эти вопросы не рѣшены и даже не затронуты. Вотъ почему авторъ говоритъ о религіи, но не говоритъ о церкви и отношеніи ея къ государству, трактуетъ о собственности, но нисколько не затрогиваетъ вопроса о различныхъ общественныхъ классахъ, и т. д. Все у него остается въ сферѣ отвлеченно-индивидуальной! Нѣтъ сомнѣнія, что по каждому изъ отдѣльныхъ установленій въ его книгѣ высказано много вѣрныхъ и даже глубокихъ замѣчаній. Но всѣ эти замѣчанія не имѣютъ между собою необходимой связи, и читателю кажется, что они попали сюда такъ же случайно, какъ и установленія, которыхъ они касаются. Отсюда странная неопредѣленность понятій. Заходитъ, напримѣръ, важный вопросъ объ администраціи, и

авторъ не касается вопроса о самоуправленіи, слабо и смутно опредѣляетъ значеніе важнѣйшихъ элементовъ, какъ, напримѣръ, общины, ничего не говоритъ о землевладѣніи какъ политической силѣ.

Вслѣдствіе этого его оцѣнка собственности, и преимущественно поземельной, вышла неполная, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже невѣрная. Трудно заподозрить автора въ соціалистическихъ стремленіяхъ: онъ на каждомъ шагу опровергаетъ положенія этой школы. Его мнѣнія о свободѣ (I, стр. 247—295) представляютъ одну изъ лучшихъ оцѣнокъ этого необходимаго условія человѣческаго развитія. Притомъ, писатель, исходящій изъ свободы воли, конечно, ничего не можетъ имѣть общаго съ этими мрачными заблужденіями. Между тѣмъ, онъ по отношенію къ поземельной собственности доходитъ почти до тѣхъ же выводовъ, до какихъ дошелъ Прудонъ въ своихъ первыхъ мемуарахъ объ этомъ предметѣ. Не говоря, что „собственность есть кража", онъ проводитъ, однако, рѣзкую черту между поземельною и движимою собственностью, и старается подчинить все это понятіе одной идеѣ труда. Если мы останемся па почвѣ индивидуализма и примемъ трудъ за единственное мѣрило человѣческихъ правъ, то, пожалуй, выводы Бюше покажутся вѣрными. Человѣкъ— собственникъ настолько, насколько его свобода можетъ выразиться во внѣшнемъ мірѣ посредствомъ труда: вотъ его исходная точка. Посмотримъ, къ какимъ выводамъ онъ пришелъ на основаніи этого положенія. Нужно, говоритъ онъ, различать право собственности отъ власти, проистекающей изъ владѣнія (pouvoir de possession). Право собственности есть право прирожденное. Общество его признаетъ, покровительствуетъ, но не создаетъ. Оно связано съ человѣкомъ подобно его способностямъ; это такой же аттрибутъ его личности, какъ самое стремленіе къ общежитію. Власть владѣнія совершенно условна и есть законодательное установленіе. Право собственности стоитъ выше владѣнія, послѣднее всегда должно уступать первому, хотя до настоящаго времени происходило противное. По общему правилу, владѣніе оканчивается тамъ, гдѣ оно начинаетъ вредить праву собственности. За этимъ предѣломъ оно перестаетъ быть раціональнымъ, справедливымъ и нравственнымъ. Предметомъ права собственности могутъ быть только продукты личнаго труда или продукты труда чужого, полученные посредствомъ обмѣна. Владѣніе можетъ простираться на все, что̀ можетъ быть подчинено могуществу человѣка и санкціи законодательства. Изъ всѣхъ формъ власти оно самое живучее, наиболѣе предпріимчивое, наименѣе доступное къ ограниченію. Многое уже изъято изъ его власти, по крайней мѣрѣ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Рабы, жены, дѣти, большое количество общественныхъ должностей уже ограждены отъ его жад-

ности. Но самая большая и важная половина дѣла еще не сдѣлана: это задача будущаго законодательства.

Это положеніе не вѣрно ни исторически, ни юридически и, наконецъ, не согласно съ выводами самого Бюше относительно другихъ правъ человѣческой личности.

Во-первыхъ, право собственности не составляетъ прирожденнаго права; оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Бюше называетъ владѣніемъ, есть продуктъ исторической жизни человѣчества. Первоначально не существовало даже слова для обозначенія этого понятія. Не вдаваясь въ права иностранныя, мы можемъ прослѣдить это даже по исторіи русскаго права [1]). Въ древности не было никакого общаго наименованія для обозначенія права собственности. Чтобы выразить принадлежность извѣстной вещи лицу въ собственность, употребляли притяжательныя имена и мѣстоименія. Часто понятіе собственности было означаемо наименованіями, заимствованными отъ способовъ ея пріобрѣтенія: жребій, дѣдичина, отчина, купля, прикупъ, примыселъ и т. д. Слѣдовательно, каждая вещь связывалась непосредственно только съ однимъ лицомъ и много уже съ однимъ или двумя поколѣніями (отчина, дѣдичина). Идея же полной наслѣдственной принадлежности не сразу выразилась въ языкѣ и понятіяхъ. Происходило это отчасти потому, что идея наслѣдственности, при бродячемъ, переходномъ состояніи общества, не могла получить надлежащаго развитія даже по отношенію къ движимымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе къ поземельной собственности. Вотъ почему понятіе потомственнаго владѣнія всегда выражалось какимъ-нибудь словомъ дополнительнымъ къ тому, которое означало принадлежность вещи лицу. Въ настоящее время, когда человѣкъ скажетъ: „это вещь моя", никто не спроситъ его, потомственно ли она принадлежитъ ему. Прежде, при шаткости юридическаго быта, необходимо было точно обозначить эту потомственную принадлежность: такъ говорили, что вещь куплена, продана въ дерна, въ вѣкъ, безъ выкупа, безъ отмѣны. Древній пріобрѣтатель собственности выражалъ въ актѣ, что онъ пріобрѣлъ извѣстную вещь себѣ и *своимъ дѣтямъ* отъ такого-то лица и *дѣтей его*, а продавецъ говорилъ, что онъ уступилъ ее *со своими дѣтьми* такому-то лицу и *его дѣтямъ*. Только въ такомъ случаѣ устанoвлялось понятіе о пріобрѣтеніи и отчужденіи имущества изъ потомственнаго владѣнія одного лица въ потомственное владѣніе другого. Съ большимъ еще трудомъ утверждалось понятіе наслѣдственной собственности по отношенію къ поземельному владѣнію. Здѣсь это понятіе весьма долго выражалось сло-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи см. превосходныя замѣчанія покойнаго профессора Неволина въ *Истор. Росс. Гражд. Закон.* т. II, стр. 116 и слѣд.

вами, обозначавшими исключительно физическую власть лица надъ вещью, — словами, между которыми *владѣть* имѣло еще наиболѣе обширный смыслъ. Иногда употреблялось: „сидѣть, держать, вѣдать“ — выраженія, доказывающія только фактическое обладаніе вещью, а не полное, то-есть наслѣдственное право собственности. Иногда, въ особенности по отношенію къ поземельной собственности, употреблялись совершенно частныя выраженія, указывавшія только на трудъ, какъ на единственную связь извѣстнаго участка съ его владѣльцемъ: такъ, напримѣръ, пахать землю, косить лугъ, ловить рыбу, рубить лѣсъ; другого смысла не имѣетъ извѣстное выраженіе: „куда плугъ, соха, серпъ, коса, топоръ ходили“. Вслѣдствіе этого, выраженія, относившіяся къ поземельной собственности, наиболѣе нуждались въ разныхъ дополненіяхъ и распространеніяхъ. Можно сказать, что до XVIII столѣтія она и не получила должной опредѣленности. Во-первыхъ, *владѣніе* навсегда осталось выраженіемъ, обозначившимъ это право; къ нему съ теченіемъ времени приставлялись разныя выраженія, дававшія этому фактическому обладанію значеніе права юридическаго. Прежде въ жалованныхъ грамотахъ обозначалось только право владѣльца продавать свои села и оставлять ихъ своимъ дѣтямъ, какъ, напримѣръ, уже въ нѣкоторыхъ актахъ XVI и XVII стол. мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: „а пожаловалъ есми слугу своего Дмитрія Иванова сына Мирославича тѣмъ селомъ и деревнями въ прокъ, ему и его дѣтямъ; воленъ Дмитрій и его дѣти то село и деревни кому дати, и т. д.“. Впослѣдствіи право поземельной собственности обозначалось выраженіемъ: владѣніе, съ прибавленіемъ: *вѣчное*, вѣчное и потомственное, непремѣнное, непоколебимое, владѣніе въ родъ, въ вѣки неподвижное. Слѣдовательно, *владѣніе*, то-есть фактическое обладаніе, или то, что Бюше называетъ possession, оставалось основнымъ терминомъ, обозначавшимъ право собственника, и только развитіе экономической жизни и развитіе юридическихъ понятій прибавляли къ этому термину выраженія, болѣе соотвѣтствовавшія незыблемости этого юридическаго института. Слово собственность, въ настоящемъ его смыслѣ, употребляется только со времени Екатерины II. Такимъ образомъ, поземельная собственность дѣйствительно есть законодательное учрежденіе, но развитіе ея тѣсно связано съ развитіемъ самого общества и его понятій, т.-е. съ законами прогрессивнаго движенія общества. Бюше впадаетъ въ грубую ошибку, предполагая, что успѣхи общежитія ослабляютъ значеніе этого учрежденія. Мнѣніе это, раздѣляемое не однимъ Бюше, проистекаетъ изъ того, что мыслители эти принимаютъ *ограниченіе сферы правъ за ослабленіе самаго ихъ принципа*; между тѣмъ исторія доказываетъ, что это не только не одно и то же, но

что оба момента находятся между собой въ обратномъ отношеніи. Законодательство очищаетъ сферу правъ отъ постороннихъ примѣсей, вредно отражающихся на государственномъ строѣ; но за этимъ кажущимся или дѣйствительнымъ стѣсненіемъ слѣдуетъ болѣе тѣсное соединеніе съ лицомъ владѣльца того, что̀ осталось, то-есть усиленіе принципа собственности. Строгая римская собственность квиритская не была свободна въ строгомъ смыслѣ. Долгое время римское право не знало, напримѣръ, завѣщанія, и это несвободное состояніе собственности совпадаетъ съ сильнѣйшими правами отца на свободу и жизнь дѣтей. Ограниченіе этого права повело къ освобожденію собственности отъ стѣсненій stricti juris. Средніе вѣка давали землевладѣнію самыя обширныя права; оно было единственнымъ источникомъ политическихъ правъ; съ нимъ были соединены юстиція, законодательство, администрація; оно дѣлало феодала не только обладателемъ земли и ея плодовъ, но и отдавало во власть его все населеніе, находившееся на его почвѣ. Не смотря на это, феодальная собственность не имѣетъ признаковъ полной, неограниченной собственности. Въ принципѣ вся земля принадлежитъ королю; владѣльцы получаютъ ее отъ него или непосредственно, или изъ вторыхъ, третьихъ и т. д. рукъ. Движеніе ея несвободно: она принимаетъ неподвижную форму майоратовъ; поэтому она неотчуждаема; устанавливая крѣпостное состояніе и рабскую зависимость для другихъ классовъ, она сама не представляетъ никакихъ признаковъ самостоятельности и свободы. Государство отняло одно за другимъ всѣ феодальныя права и собрало ихъ въ руки королевской власти; оно *стѣснило*, слѣдовательно, право землевладѣнія, оно ввело въ сферу политическую другіе элементы и дало имъ равныя права съ землевладѣніемъ; оно ввело землевладѣніе въ сферу частно-экономическихъ отношеній. Что̀ же изъ этого вышло? Проигралъ ли отъ этого принципъ поземельной собственности? Напротивъ, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ феодальнаго порядка въ XVIII ст. сопровождалось провозглашеніемъ истинно незыблемаго права собственности со всѣми его признаками. Эти признаки состояли въ независимости, въ равномъ правѣ дѣтей на наслѣдство, въ свободѣ завѣщанія, въ правѣ отчужденія и т. д. Россія не знала феодализма, но исторія поземельной собственности въ ней представляетъ аналогическія явленія. Мы видѣли, что собственность, какъ неотъемлемое право, какъ истинно-юридическій институтъ, установилась только въ XVIII ст.; самое слово укрѣпилось у насъ только въ законодательствѣ Екатерины Великой. Древняя Россія, въ особености Московская, держалась на владѣніи. Между тѣмъ, какія обширныя права давало это владѣніе! Стоитъ прочитать жалованныя грамоты не только монастырямъ, но и част-

нымъ владѣльцамъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ [1]). „На основаніи этихъ грамотъ, говоритъ Неволинъ, поземельный владѣлецъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался — на основаніи жалованной грамоты — частный вотчинникъ по отношенію къ своей вотчинѣ. Онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ. Онъ дѣлался судьею ихъ не только по дѣламъ гражданскимъ, но и по дѣламъ уголовнымъ, исключая дѣлъ о воровствѣ, разбоѣ и душегубствѣ, которыя, впрочемъ, иногда также ему поручались. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ правъ онъ совершенно, или большею частью, освобождался изъ подвѣдомственности мѣстному начальству и поставлялся въ непосредственную зависимость отъ князя; чиновники княжескіе не имѣли права въѣзжать въ его вотчину, чтобъ отправлять здѣсь какія-либо дѣйствія своей власти“. Не смотря на шаткость и неопредѣленность правъ владѣльцевъ, объемъ ихъ постоянно расширялся; можно сказать, что въ мірѣ экономическихъ и юридическихъ отношеній прочность права обратно пропорціональна его обширности и неопредѣленности. Отсутствіе поземельной собственности въ истинномъ смыслѣ этого слова не помѣшало, однако, владѣльцамъ присоединить къ владѣнію землею владѣніе крестьянами, установить крѣпостное право для другихъ въ то время, какъ они сами со всѣмъ своимъ имуществомъ находились въ несвободномъ отношеніи къ государству. Первый шагъ къ опредѣленной поземельной собственности, къ освобожденію владѣльческаго сословія сопровождался первыми попытками ослабить крѣпостное право, то-есть какъ бы ограничить эту собственность. Но ясно, что тутъ дѣло шло объ опредѣленіи понятія, выдѣленіи изъ него несвойственныхъ ему элементовъ, а гдѣ начало опредѣляется, выясняется, тамъ оно тотчасъ становится болѣе прочнымъ. Крѣпостное право постепенно ограничивалось, стѣснялось; каждое царствованіе вносило что-нибудь для огражденія крестьянъ отъ произвола владѣльцевъ; но кто скажетъ, что государи имѣли въ виду ограничить самый принципъ поземельной собственности? Напротивъ, каждый ударъ, нанесенный крѣпостному праву, какъ бы все больше и больше укрѣплялъ начало собственности. Иначе и быть не могло. Крѣпостное право, печальное и вредное явленіе, вызванное и поддерживаемое столь же печальными условіями, открывало постоянный и легальный доступъ вмѣшатель-

---

[1]) См., напримѣръ, *А. А. Э.*, т. I, № 44, жал. грам. вел. кн. Вас. Вас. Марьѣ Копниной и сыну ея Ѳедору; ib., № 46, Ивану Петелину; № 45, митрополита Іоны Андрею Аѳанасьеву, и масса другихъ.

ству правительства и администраціи. Генералъ-губернаторы и губернаторы обязаны были смотрѣть, чтобы помѣщики отечески обращались съ своими крестьянами и не разоряли ихъ. Расточительность и жестокое обращеніе вели къ опекѣ, и т. д. Мы не станемъ высчитывать здѣсь всѣ эти мѣры, но всякій сознается, что если существовали ограниченія поземельной собственности, то именно со стороны или по поводу крѣпостного права. Никто изъ серьезныхъ людей, полагаемъ, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что уничтоженіе этого права будетъ имѣть послѣдствіемъ прочное установленіе и утвержденіе началъ собственности.

Такимъ образомъ, постепенное *ограниченіе* того, что Бюше называетъ поссессіей, по указаніямъ исторіи имѣетъ совершенно не то значеніе, какое онъ ему придаетъ. Это ограниченіе есть послѣдствіе постояннаго выясненія и раздѣленія экономическихъ и юридическихъ понятій съ одной стороны и прогрессивной дѣятельности государства въ видахъ свободы и благосостоянія массы гражданъ—съ другой. Въ этомъ отношеніи *ограниченіе* испытывала не одна поземельная собственность. Не говоря уже о постепенномъ уничтоженіи рабства, которое, впрочемъ, по теоріи Бюше слѣдуетъ отнести въ разрядъ *владѣній*, мы знаемъ законы противъ лихвенныхъ процентовъ, противъ обращенія въ продажѣ вредныхъ предметовъ, массу полицейскихъ постановленій, нормирующихъ дѣятельность гражданъ въ видахъ общаго блага: что же, и это будетъ ограниченіемъ *принципа* собственности? Необходимо, наконецъ, согласиться, что каждое правильное и законное ограниченіе есть опредѣленіе, выясненіе принципа, а такое выясненіе необходимо ведетъ къ его укрѣпленію.

Далѣе, Бюше совершенно неосновательно считаетъ право собственности прирожденнымъ правомъ. Оно образовалось точно такъ же, какъ и то, что онъ называетъ владѣніемъ, вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ и юридическихъ понятій. Будь оно прирожденное право, какъ, напримѣръ, жизнь, оно было бы мыслимо внѣ общежитія; напротивъ, появленіе его необходимо требуетъ столкновенія, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ,—другими словами, оно не мыслимо внѣ общества. Трудно понять, какимъ образомъ Бюше, съ такою ясностью доказывающій невозможность осуществленія и развитія языка, науки, нравственности, свободы, правъ и обязанностей внѣ общества, дѣлаетъ такое исключеніе въ пользу самаго серьезнаго изъ правъ. И движимая, и недвижимая собственность, и владѣніе образовались въ общежитіи и не вдругъ. Но образованіе ихъ началось одновременно и на равныхъ правахъ. Первоначально, напримѣръ, законодательства не знали различія между движимою и недвижимою собственностью потому, что отсутствіе юридическихъ нормъ ставило

и ту и другую подъ совершенно одинаковыя условія. Но съ первымъ появленіемъ какихъ бы то ни было нормъ начинаетъ выясняться различіе между тою и другою. При этомъ понятно, что прежде всего выяснилось положеніе собственности движимой, благодаря тому обстоятельству, что она требовала меньшей строгости и опредѣленности юридическихъ нормъ, безъ которыхъ не могла обойтись собственность недвижимая. Такъ, напримѣръ, первоначальные способы пріобрѣтенія и укрѣпленія могли удовлетворительно служить только въ сдѣлкахъ относительно движимости. При отсутствіи письменности, свидѣтели, торжественная передача вещи изъ рукъ въ руки, произнесеніе разныхъ священныхъ формулъ были единственными актами, утверждавшими за покупателемъ его право. Безъ сомнѣнія, они были достаточны при куплѣ и продажѣ предметовъ движимыхъ, но не могли удовлетворить условіямъ собственности поземельной. Движимый предметъ, имѣя большею частью опредѣленную форму, легко можетъ быть узнанъ, отличенъ отъ массы другихъ предметовъ, слѣдовательно наличность свидѣтелей можетъ служить достаточною гарантіею подлинности этого акта; далѣе если эта движимая вещь будетъ платье, съѣстные припасы, обувь и вообще предметы, подлежащіе немедленному или постепенному уничтоженію не далѣе какъ въ теченіе одного поколѣнія, на памяти у людей, бывшихъ свидѣтелями купли, возможность процесса сомнительна,—слѣдовательно, самое право владѣльца достаточно обезпечено. То же самое можно сказать и относительно предметовъ употребляемыхъ и не истребляемыхъ, какъ, напримѣръ, золотыя и серебряныя вещи. По своей рѣдкости, особенно въ тѣ бѣдныя и грубыя времена, онѣ тотчасъ становятся извѣстными всѣмъ сосѣдямъ и даже цѣлому околотку, вслѣдствіе чего владѣніе ими, даже при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, достаточно обезпечивается общеизвѣстностью и удобоузнаваемостью ихъ. Но по отношенію къ поземельной собственности нужны болѣе сложныя условія. Границы поземельнаго участка должны быть опредѣлены съ точностью; иначе владѣлецъ всегда будетъ въ опасности лишиться части своихъ владѣній въ пользу недобросовѣстныхъ сосѣдей. Затѣмъ единовременнаго опредѣленія этихъ границъ недостаточно: межевые знаки могутъ быть попорчены временемъ или сосѣдями, въ особенности при переходѣ участка отъ отца къ дѣтямъ, мало еще знакомымъ съ своими владѣніями; свидѣтели, помнившіе условія сдѣлки, могутъ умереть или даже забыть эти границы, такъ какъ по несовершенству межевого дѣла онѣ опредѣляются приблизительно. Поземельный участокъ, особенно обширный, не оставляетъ въ умѣ такого яснаго и раздѣльнаго представленія, какъ, напримѣръ, золотая цѣпь

или серебряная ваза. Вся процедура словесно-символическихъ актовъ можетъ обезпечить, и то не всегда, спокойное владѣніе за однимъ, много двумя поколѣніями. Какъ бы ни были торжественны формы и обряды, вродѣ передачи глыбы земли или вѣтви, они не устоятъ передъ дѣйствіемъ времени, недобросовѣстностью и забывчивостью людей. Нужны, слѣдовательно, успѣхи письменности, юридическаго языка и формъ, межевого дѣла, судебной организаціи, чтобы должнымъ образомъ обезпечить права владѣльца. Вотъ почему поземельная собственность, какъ отдѣльный юридическій институтъ, выдѣляется послѣ другихъ видовъ собственности, и выдѣленіе это происходитъ подъ вліяніемъ постояннаго развитія юридическихъ нормъ, что́ и подало поводъ писателямъ, принимающимъ причину за слѣдствіе, считать ее созданіемъ законодательства. Заблужденіе это происходитъ именно потому, что на развитіе и выдѣленіе поземельной собственности сильно вліяло развитіе юридическихъ понятій, сложившихся въ позднѣйшія историческія эпохи и часто на глазахъ живыхъ еще людей. Этому общему правилу, что поземельная собственность развилась позднѣе движимой, не противорѣчитъ то обстоятельство, что многіе народы знали ее даже въ періодъ отсутствія письменности; напротивъ, это даже подкрѣпляетъ наше положеніе. Въ небольшихъ государствахъ вродѣ греческихъ республикъ и первоначальнаго Рима, гдѣ каждый клочокъ земли могъ быть извѣстенъ каждому гражданину, даже словесно-символическіе обряды могли быть совершенно достаточны для совершенія всѣхъ сдѣлокъ. Но въ странахъ обширныхъ, какъ новыя государства, гдѣ долгое время нѣтъ возможности, а часто и необходимости опредѣлять границы участковъ, гдѣ народонаселеніе долго не можетъ выйти изъ бродячаго состоянія, тамъ появленіе и укрѣпленіе поземельной собственности есть продуктъ сильно развитой общественности. Скажемъ больше: развитіе поземельной собственности есть первый несомнѣнный симптомъ освобожденія личности, ея самостоятельности по отношенію къ государству; она дѣлаетъ изъ человѣка полноправнаго гражданина. Она даетъ массѣ гражданъ необходимое самосознаніе. Только при всѣхъ этихъ условіяхъ собственность можетъ сдѣлаться тѣмъ охранительнымъ началомъ, какимъ выставляетъ ее Бюше.

Кажется, въ этомъ отношеніи онъ стоитъ не на надлежащей почвѣ. Изслѣдуя вопросъ о собственности съ узкой точки зрѣнія проявленія личной свободы и труда [1]), онъ не достигъ цѣлей, которыя

---

[1]) Вотъ его подлинныя слова: „Le droit de propriété, tel que nous l'avons défini, n'est point une institution purement sociale. C'est le droit personnel du créateur sur l'oeuvre qu'il a créée... Le droit de propriété est beaucoup plus res-

самъ предположилъ. Собственность въ томъ видѣ, какъ онъ ее предлагаетъ, годна только для поддержанія породы людей и индивидуальнаго ихъ развитія [1]). Слѣдовательно, онъ не даетъ ей того значенія, какое, по его мнѣнію, имѣетъ воспитаніе, которое передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе сознаніе общей цѣли. Это—грубая ошибка. Оставляя такую важную силу, какъ собственность, для сферы индивидуальнаго развитія, Бюше лишаетъ свои охранительныя установленія сильной поддержки. Собственность служитъ главнымъ основаніемъ образованія различныхъ общественныхъ классовъ и группъ, слѣдовательно поддерживаетъ общность интересовъ, даетъ надлежащее развитіе различнымъ общественнымъ элементамъ. Поземельной собственности въ этомъ отношеніи принадлежитъ высокая роль. Она наиболѣе способна именно къ той сторонѣ охранительной дѣятельности, о которой больше всего заботится авторъ, именно къ сохраненію общенаціональной идеи. Эгоистъ въ сферѣ частныхъ отношеній, человѣкъ не можетъ сразу стать героемъ въ общегосударственныхъ вопросахъ. Такой непосредственный переходъ, по меньшей мѣрѣ, былъ бы очень страненъ и даже невозможенъ. „Кромѣ нѣкоторыхъ личностей, говоритъ Ле-Пле (*La Réforme sociale en France*, II, p. 12),—личностей, очень выдвигающихся изъ массы, вслѣдствіе своего особеннаго развитія, люди вообще не увлекаются отвлеченными идеями. Нельзя образовать гражданъ однимъ теоретическимъ понятіемъ государства, какъ нельзя образовать христіанъ безъ положительнаго культа, церкви, съ помощью отвлеченной идеи Божества. Чтобы люди могли возвыситься до національнаго чувства, національность должна проявляться въ массѣ привычекъ, интересовъ, стремленій, привязывающихъ ихъ къ родинѣ“. Между мотивами, порождающими эти разнообразные интересы, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ собственность, которой количество и качество служатъ къ образованію различныхъ классовъ общества, съ разнообразными нуждами, стремленіями, взглядами. Человѣкъ самъ по себѣ не всегда сохраняетъ воспоминаніе о политическомъ прошедшемъ, о современныхъ задачахъ своего отечества. Какъ членъ извѣстнаго сословія, онъ не только сохранитъ ихъ, но и будетъ дѣйствовать подъ ихъ вліяніемъ. Поземельная собственность, какъ извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ политическимъ бытомъ европейскихъ народовъ, наиболѣе способствуетъ къ образованію самостоятельнаго и проник-

---

treint que le pouvoir de possession. Rigoureusement il ne s'applique qu'aux produits du travail... il ne peut s'étendre à la terre; car la terre n'est point une création de l'homme“. I, 337, 338.

[1]) См. стр. 134.

нутаго гражданскимъ чувствомъ класса гражданъ. Она дѣлаетъ возможнымъ и плодотворнымъ мѣстное самоуправленіе, безъ котораго невозможно политическое воспитаніе народа, безъ котораго гражданское чувство испаряется въ отвлеченныхъ формулахъ и теоретическихъ комбинаціяхъ бюрократіи.

Мы привели одинъ изъ примѣровъ того, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привело Бюше незнакомство съ германскими общественными науками. Ихъ можно бы привести больше. Но изъ приведеннаго, кажется, ясно, что даже въ отношеніи основныхъ началъ соціальной науки анализъ его оказывается неудовлетворительнымъ. Государственные вопросы сводятся у него все-таки на почву непосредственныхъ отношеній, а часто и противоположенія государства и недѣлимаго, безъ всякихъ посредствующихъ сферъ и организмовъ. Вслѣдствіе этого онъ не всегда остается вѣренъ даже своимъ собственнымъ положеніямъ. Положенія его большею частью вѣрны, выводы же на столько шатки, что можно подумать, что они соотвѣтствуютъ какимъ-нибудь другимъ положеніямъ. Для примѣра возьмемъ его опредѣленіе національности и сравнимъ его съ выводами, сдѣланными изъ этого опредѣленія. „Національность, говоритъ авторъ, есть результатъ общности вѣрованій, *преданій*, надеждъ, обязанностей, *интересовъ*, *предразсудковъ*, страстей, языка и, наконецъ, нравственныхъ, умственныхъ и даже физическихъ привычекъ, имѣвшихъ точкою отправленія общую цѣль, а центромъ — опредѣленную и постоянную часть человѣческаго рода, преслѣдовавшую эту цѣль въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній". Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эти преданія, интересы, привычки, даже предразсудки, рождающіе національность [1]). Всѣ эти моменты указываютъ на *охранительную* дѣятельность по преимуществу, которая, какъ мы видѣли, болѣе всего свойственна обществу и его многоразличнымъ организмамъ. Національность, какъ это справедливо замѣчаетъ Бюше, не есть какое-нибудь абсолютно-абстрактное начало, сразу раздѣлившее родъ человѣческій на группы. Народъ зарабатываетъ, завоевываетъ ее, какъ отдѣльный человѣкъ, борьбою и трудомъ достигаетъ самостоятельности и оригинальности. Авторъ описываетъ и это постепенное образованіе національности и ея значеніе, съ большимъ знаніемъ дѣла. „Въ каждомъ обществѣ, говоритъ онъ, цѣль устанавливается сначала

---

[1]) Это опредѣленіе національности вполнѣ сходно съ такимъ же опредѣленіемъ у Милля. Впрочемъ, оно врядъ ли заимствовано у него, такъ какъ Бюше имѣетъ привычку указывать свои заимствованія, какъ это онъ сдѣлалъ по поводу теоріи огражденія меньшинства при выборахъ (теоріи Гера и Милля). Притомъ, опредѣленіе это—въ тѣсной связи со всѣмъ его ученіемъ, и выводы, сдѣланные имъ, вполнѣ самостоятельны.

какъ вѣрованіе и догматъ; люди отдаются ей по убѣжденію. Какъ только имъ совершено нѣсколько актовъ въ этомъ направленіи, начинается преданіе, образуются интересы и порождаются страсти, какъ продуктъ этого преданія и интересовъ. Едва смѣнилось нѣсколько поколѣній, какъ уже существуетъ цѣлая система обязанностей, правъ и интересовъ, ученіе, сложившееся изъ всѣхъ тѣхъ идей, которыя поддерживаются между людьми подражаніемъ, *примѣромъ*, исторіею предковъ и составляютъ какъ бы нравственную атмосферу, которою дышатъ и питаются умы. Наконецъ, образуется особенная логика, прилагаемая ко всѣмъ вопросамъ, нарѣчіе, превращающееся въ самостоятельный языкъ, оригинальныя нравственныя привычки; со временемъ появляется еще замѣчательнѣйшій фактъ: физическій характеръ народонаселенія измѣняется. Народонаселеніе это пріобрѣтаетъ не только особенныя привычки, но и особенныя способности, особенный геній и даже видъ, отличающій его отъ другихъ народовъ: появляется новая раса. Кажется, что цѣль націи воплотилась въ ней. Всѣ эти индивидуальныя и общественныя черты такъ положительны и рѣзки, что національныя отличія сохраняются даже послѣ того, какъ цѣль, соединявшая людей, потеряна, достигнута или забыта, и сохраняются до тѣхъ поръ, пока нація не будетъ видоизмѣнена какою-нибудь другою общею цѣлью" (I, стр. 75—76).

Единственные научные выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ положеній, заключаются, сколько намъ кажется, въ слѣдующемъ. Ученія и вѣрованія, устанавливающія національную цѣль, для полнаго своего осуществленія въ національности нуждаются въ силѣ преданія, въ сведеніи къ единству разнообразныхъ интересовъ, въ долговременномъ упражненіи всѣхъ національныхъ силъ въ одномъ и томъ же направленіи, слѣдовательно въ томъ развитіи охранительныхъ элементовъ, на которое мы указывали выше. Бюше самъ высказываетъ эту мысль въ разныхъ мѣстахъ своего труда, и потому можно было надѣяться, что онъ всею силою своего таланта наляжетъ на изслѣдованіе различныхъ элементовъ, наиболѣе способныхъ для этой задачи. Но мы видѣли, что онъ, разсматривая важнѣйшіе элементы общества: собственность, религію, свободу, остается въ сферѣ индивидуальныхъ отношеній и интересовъ, надъ которыми идея національности съ ея цѣлями возвышается какъ что-то недосягаемое, абсолютное. Между тѣмъ безъ подобнаго анализа значеніе національности, даже при превосходной постановкѣ вопроса, сдѣланной авторомъ, будетъ непонятно. Какъ опредѣлить, напримѣръ, въ каждую данную минуту характеръ и направленіе каждой національности? Гдѣ искать несомнѣнныхъ, непогрѣшимыхъ указаній на эту задачу

каждаго народа, этихъ рѣзкихъ, постоянныхъ, характеристическихъ чертъ народа? На основаніи положенія Бюше выводъ кажется намъ яснымъ и несомнѣннымъ, но онъ, по вышеуказаннымъ причинамъ, не сдѣлалъ его. Сколько намъ кажется, все, что сказано имъ, даетъ полное право на слѣдующее заключеніе. Если въ образованіи національности самое видное мѣсто занимаютъ привычка, преданіе, предразсудки [1]), то-есть вообще охранительныя начала, то главнымъ центромъ національнаго чувства, главнымъ средоточіемъ національныхъ преданій и стремленій являются тѣ слои общества, въ которыхъ въ данную минуту заключается наиболѣе охранительныхъ началъ. Ихъ стремленіями главнымъ образомъ характеризуется каждая національность. Безъ изученія этихъ элементовъ невозможно надлежащее пониманіе національности и ея интересовъ; безъ нихъ понятія эти получаютъ характеръ отвлеченный, а человѣкъ, ими увлекающійся, близокъ къ космополитизму. Если, по справедливому замѣчанію автора, національность есть порожденіе, а не причина общественности, то въ самой этой общественности наибольшаго изученія требуютъ тѣ элементы, которые въ теченіе всей исторіи наиболѣе остались вѣрны первоначально-установившейся цѣли. Никто не скажетъ, что эти элементы вездѣ одни и тѣ же, иначе всѣ націи были бы похожи другъ на друга и даже не было бы націй. Именно, благодаря тому обстоятельству, что каждый изъ общественныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, играетъ въ одномъ народѣ одну, а въ другомъ—другую роль, устанавливается различіе національностей.

Исторія и современная практика подтверждаютъ это положеніе многими примѣрами. Между всѣми общественными элементами наибольшее охранительное значеніе имѣютъ религія и собственность: это—положеніе общее и всѣмъ извѣстное. Но, конечно, нельзя разсматривать дѣятельность этихъ элементовъ въ отвлеченномъ ихъ значеніи; изслѣдованіе того, какъ всякая собственность, всякая религія способствуетъ образованію національнаго чувства—дѣло полезное для установленія общихъ понятій, но не для объясненія конкретныхъ фактовъ. Религія вообще поддерживаетъ общеніе между людьми, но не каждая церковь покровительствуетъ развитію національности; собственность вообще сильное охранительное начало, но не каждая ея форма одинаково способна къ этой дѣятельности. Политеизмъ классической древности былъ главною основою національности; онъ отразился на

---

[1]) Бюше весьма основательно даетъ законную роль и этому элементу: декламація противъ предразсудковъ—тоже предразсудокъ. Въ основаніи ихъ часто лежитъ вѣрное и неподкупное чувство народа.

политическомъ строѣ и установленіяхъ, на искусствѣ, на наукѣ. Догматы христіанства уже не при всѣхъ условіяхъ дѣйствуютъ одинаково. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ церковь осталась вѣрною ученію основателя религіи, гдѣ она чуждалась мірского, гдѣ она ограничивалась высокою ролью нравственнаго воспитанія народа, съ которымъ она работала и страдала, она явилась сильною поддержкою національнаго чувства. Гдѣ, напримѣръ, церковь стремилась къ политической роли, дѣло національности выигрывало мало. Теократія, построенная на догматѣ единобожія, вреднѣе отражается на политической судьбѣ народовъ, чѣмъ теократія древняго міра, которая должна была отождествлять себя съ національностью. Въ примѣръ можно привести исламъ и въ особенности католицизмъ, ревностные служители котораго прибѣгали даже къ цареубійству для поддержанія власти папы. То же самое можно сказать и относительно собственности. Люди, останавливающіеся только на томъ общемъ положеніи, что *вообще* собственность—охранительное начало, спѣшатъ сдѣлать изъ него тотъ общій выводъ, что, *ergo*, чѣмъ крупнѣе собственность, тѣмъ, естественнѣе охранительныя, и, слѣдовательно, національныя стремленія ея владѣльцевъ. Такимъ образомъ, количество собственности является для нихъ главнымъ основаніемъ дѣленія общественныхъ классовъ на охранительные и прогрессивные, при чемъ многіе отождествляютъ послѣдній эпитетъ съ понятіемъ *разрушительности*. Затѣмъ другіе публицисты внесли еще одинъ признакъ, который нѣсколько подвинулъ впередъ разъясненіе вопроса. Именно, кромѣ количества они приняли въ расчетъ еще *качество* собственности: движимая и недвижимая собственность—вотъ новое основаніе для дѣленія общественныхъ классовъ. Первой, очевидно, даютъ болѣе охранительную роль, чѣмъ послѣдней [1].

Выходя изъ того общаго и вѣрнаго положенія, что поземельная собственность сохраняетъ за извѣстными классами одно и то же общественное положеніе въ теченіе многихъ поколѣній, и потому вмѣстѣ съ имуществомъ передаетъ имъ извѣстныя преданія, что она меньше располагаетъ къ риску и побуждаетъ держаться за существующій порядокъ и т. д., эти мыслители дѣлали ее главнымъ консервативнымъ элементомъ въ противоположность собственности движимой, капиталу, этому порожденію предпріимчивости, риска, свободы и т. д. Но есть очень крупные историческіе и современные факты, которые говорятъ противъ безусловнаго приложенія такой теоріи. Феодализмъ, то-есть крупное землевладѣніе, возведенное на степень

---

[1]) Изъ нашихъ отечественныхъ публицистовъ этого мнѣнія придерживается и г. Чичеринъ въ своемъ трудѣ: „О народномъ представительствѣ“.

государственнаго порядка, вовсе не отличался національными стремленіями; образованіе національныхъ идей и элементовъ было дѣломъ промышленныхъ классовъ. Феодализмъ не зналъ національности: феодалъ-французъ охотнѣе протягивалъ руку феодалу-нѣмцу, чѣмъ французскому буржуа. Въ Швеціи королевская власть находила гораздо больше поддержки въ низшихъ классахъ, чѣмъ въ аристократіи. То же самое замѣчаемъ мы и въ старой Польшѣ. Въ Россіи охранительные элементы, по признанію всѣхъ лицъ, знающихъ ее, находятся внизу, между тѣмъ какъ прогрессъ всегда приходитъ сверху. Это—явленія, проходящія черезъ цѣлыя эпохи и даже черезъ всю національную исторію нѣкоторыхъ народовъ. Это кажущееся противорѣчіе происходитъ, сколько намъ кажется, отъ того, что политическіе мыслители въ изслѣдованіяхъ своихъ не обращаютъ должнаго вниманія на *третій* признакъ, играющій большую роль въ классификаціи собственности—*на ея форму*. Хотя всѣ сознаютъ, что должна быть нѣкоторая разница между собственностью общинною, феодальною и аллодіальною, но до настоящаго времени эта разница не возведена на степень истинно-научнаго принципа. Между тѣмъ, это способствовало бы разъясненію многихъ историческихъ противорѣчій и самаго понятія національности. Роль собственности опредѣляется не только количествомъ и качествомъ ея, но и самою ея формою: въ особенности отъ этого послѣдняго признака зависитъ прогрессивное или охранительное ея направленіе. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что неотчуждаемая, недѣлимая, несвободная собственность, то-есть неподвижная ея форма, явится сильнѣйшимъ охранительнымъ элементомъ, чѣмъ отчуждаемая, дѣлимая, то-есть свободная собственность. Можно сказать даже, что первая по преимуществу — охранительное начало, тогда какъ послѣдняя раздѣляетъ съ правительствомъ его прогрессивное назначеніе [1]). Провѣримъ это положеніе на нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ. Самый удобный для этого есть, конечно, фактъ образованія французской національности, какъ наиболѣе разъясненный. Феодальная собственность, лишенная своего политическаго значенія, прикрѣпленная государствомъ къ служенію обще-національному дѣлу, образовала сильный консервативный элементъ въ обществѣ, но почему? Неужели вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ или въ своемъ качествѣ *собственности поземельной*? Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ главную роль играетъ сама неподвижная ея форма, выразившаяся въ майоратахъ и другихъ аналогическихъ условіяхъ. Напротивъ, прогрессивные элементы сосредоточились въ классахъ, жив-

---

[1]) Мы просимъ читателя замѣтить это положеніе. Оно намъ пригодится при оцѣнкѣ правительственной теоріи Бюше.

шихъ трудовою, движимою, промышленною собственностью, находившихъ постоянную поддержку въ королевской власти, пока она сама была прогрессивнымъ элементомъ въ странѣ. Но когда изъ прогрессивнаго и организующаго начала она превратилась въ монархію Людовика XIV, тотчасъ майоратная аристократія выступила какъ ея естественная союзница и погибла вмѣстѣ съ нею. Поземельная собственность современной Франціи представляетъ собою скорѣе либеральныя, чѣмъ чисто-консервативныя начала; она консервативна настолько, насколько вообще количество и качество собственности сообщаетъ консервативное направленіе своему владѣльцу; но консервативность, зависѣвшая отъ формы этой собственности, консервативность, породившая тѣ сотни повинностей, которыя такъ стѣсняли развитіе земледѣлія и народной промышленности, такая консервативность или вовсе исчезла, или постепенно исчезаетъ. Тѣмъ не менѣе, охранительныя начала во всей западной Европѣ, не говоря уже объ Англіи, болѣе другихъ удержавшей средневѣковые порядки, сосредоточиваются въ высшихъ классахъ, а всѣ прогрессивныя стремленія—внизу. Устранивъ затруднительный для себя вопросъ о формѣ собственности, прокричавъ о равноправности и свободѣ, распродавъ конфискованныя у дворянства имущества, революція свела весь этотъ трудный экономическій вопросъ на вопросъ о простомъ распредѣленіи этой собственности, забывая, что какъ бы ни было облегчено это распредѣленіе, всегда останутся люди, которыхъ оно не коснется, то-есть которымъ оно ничего не дастъ; а принимая во вниманіе, что распредѣленіе это регулируется простою конкурренціею, то-есть регламентированною силою, и что при такомъ порядкѣ всегда происходитъ страшное скопленіе собственности въ однѣхъ рукахъ, нельзя удивляться тому факту, что такихъ, ничего неполучившихъ при *распредѣленіи*, оказывается масса и даже большинство. Слѣдовательно, изгнаніе неподвижной собственности изъ сферы экономическихъ отношеній, то-есть замѣна собственности феодальной собственностью аллодіальною, много сдѣлавшая для эманципаціи личнаго труда и личности, не разрѣшила всѣхъ затрудненій, а напротивъ, во многихъ отношеніяхъ увеличила раздоръ между классами. Иначе и быть не могло. Прежде поземельная собственность была удѣломъ немногихъ, за которыми она оставалась изъ рода въ родъ. Она, такъ сказать, была изъята изъ народнаго обращенія. Преданіе освящало этотъ порядокъ вещей. Аристократія считалась прирожденнымъ землевладѣльцемъ; другіе классы не стремились и не могли стремиться занять ея положеніе. Общественные элементы дѣйствовали въ сферѣ ремесленной, промышленной, торговой; соперничество и раздоръ классовъ тоже сосредоточивались въ сферѣ этихъ отношеній. Но вотъ

революція бросила лакомый кусокъ въ общее обращеніе и признала laissez-faire. Вышло изъ этого много хорошаго, но и много дурного. Во-первыхъ, охранительные и прогрессивные элементы получили самый печальный оттѣнокъ. *Движеніе*, сосредоточиваясь въ пролетаріатѣ и массѣ рабочихъ, всегда имѣетъ характеръ дикой силы: идеалы принимаютъ часто грубую форму насильственнаго раздѣленія собственности. Высшіе классы, естественно прогрессивные по своему умственному развитію, по самой формѣ своей собственности, сбросившей свой неподвижный феодальный характеръ, невольно останавливаются предъ безобразными замыслами народныхъ вождей. Они должны были принять на себя роль охранительныхъ элементовъ, хотя эта роль, послѣ паденія стараго порядка, не идетъ къ нимъ больше. Отъ страннаго, хотя, къ сожалѣнію, и необходимаго соединенія этихъ естественно-прогрессивныхъ стремленій съ невольно-консервативнымъ направленіемъ произошла та система чудовищно-смѣшныхъ софизмовъ, которая извѣстна подъ именемъ *либерализма*. Софизмъ наверху, необузданное, дикое, непросвѣщенное движеніе внизу—вотъ пока результатъ западной экономической и государственной системы. Притомъ все сказанное относится еще къ лучшимъ представителямъ европейской цивилизаціи—къ Франціи, къ Англіи. Но что̀ представляютъ страны, гдѣ охранительныя начала представляются прусскимъ юнкерствомъ, польскими магнатами?

Печальное, но неразрѣшимое противорѣчіе, скажутъ намъ; зло, но зло необходимое — изъ него не можетъ быть выхода. Не только можетъ, но и есть. Россія не свела вопросъ о своей собственности на простой вопросъ о количествѣ и качествѣ ея. Рядомъ съ ними въ ней сохранилось и различіе *въ формѣ*, и этимъ она *по счастію* отличается отъ всѣхъ другихъ европейскихъ державъ. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время существуютъ въ ней двѣ формы землевладѣнія: одна со всѣми признаками неподвижной формы—неотчуждаемая, недѣлимая, форма общинная; другая, все болѣе и болѣе получающая характеръ свободный — собственность частная. Первая изъ нихъ, въ особенности въ государствѣ московскомъ, появилась раньше послѣдней, общія начала которой выяснились только въ XVIII столѣтіи, а дальнѣйшее развитіе ждало уничтоженія крѣпостного права. Какое было соотношеніе этихъ двухъ формъ землевладѣнія и, сообразно этому, и роль владѣвшихъ ими сословій? Съ самаго уже начала московской исторіи можно было замѣтить, что обѣ эти формы собственности должны были осуществить исконное начало славянскихъ воззрѣній на собственность; это воззрѣніе—общность для неподвижной формы и равноправность и дѣлимость для свободной собственности. Отсюда сильное развитіе общины въ противоположность

свободнымъ стремленіямъ промышленныхъ классовъ западной Европы и равноправность членовъ семьи въ противоположность западнымъ майоратамъ. Отсюда понятна и политическая роль той и другой собственности. Если на Западѣ неподвижность формы и охранительныя начала соотвѣтствовали высшимъ классамъ, у насъ эта форма, съ соотвѣтствующими ей охранительными началами, соотвѣтствуетъ крестьянству. Наоборотъ, прогрессивныя стремленія и свободная собственность, принадлежавшія на Западѣ низшимъ классамъ, у насъ составляютъ удѣлъ высшихъ, которые поэтому могутъ вполнѣ назваться передовыми. Лучше всего это значеніе ихъ можетъ быть разъяснено на исторіи знаменитой попытки Петра создать у насъ нѣчто въ родѣ западной аристократіи со всѣми ея стремленіями. Вотъ почему мы и дозволимъ себѣ здѣсь небольшое отступленіе. Оно кстати разъяснитъ и то, насколько указъ о единонаслѣдіи былъ подражаніемъ англійскому быту.

Съ того времени, какъ служилое сословіе наше, подъ вліяніемъ Московскихъ государей, получаетъ помѣстный характеръ [1]), въ общей массѣ поземельной собственности замѣчается двоякое движеніе. Одна часть земли подчиняется старымъ, историческимъ преданіямъ и понятіямъ народа и служитъ основою общинной жизни, какъ это было во времена удѣльно-вѣчевого періода. Другая представляетъ собою интересы служилаго сословія, даетъ ему возможность участвовать въ политической жизни страны своею службою, быть у государева дѣла вездѣ и всегда; она представляетъ собою личное, старо-дружинное начало. Чѣмъ ближе подходимъ мы къ эпохѣ преобразованій Петра I. тѣмъ рѣзче выдѣляется характеръ той и другой собственности. Та и другая раздѣляютъ участь сословій, представляющихъ ее. По мѣрѣ того какъ сословія образуются, закрѣпляются и получаютъ государственное значеніе, образуется, закрѣпляется и получаетъ такое же значеніе и собственность. Вмѣстѣ съ крестьянскимъ сословіемъ, общинная собственность подчинилась его тяглу, и во время Грознаго и его первыхъ преемниковъ, появившись на время вмѣстѣ съ общинами въ политической сферѣ, сошла съ нея вмѣстѣ съ ними и надолго осталась несвободною и оброчною вмѣстѣ съ этимъ сословіемъ. Напротивъ, владѣльческая собственность продолжала безостановочно свое политическое развитіе. На ней государственныя реформы должны

---

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ кіевской Россіи не было частной поземельной собственности, но она имѣла тамъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ она постепенно лишь создалась дѣятельностью государства. И къ этой кіевской частной собственности примѣнялось начало равноправности членовъ семьи со всѣми его послѣдствіями.

были отразиться еще сильнѣе, чѣмъ на собственности общинной. Послѣдняя, будучи произведеніемъ народнаго духа, входила, такъ сказать, въ сферу обычнаго права и была оставлена на попеченіе народа. Какъ только самыя общины были устранены отъ политической жизни, законодательство уже не заботилось о ихъ судьбѣ, и онѣ должны были ждать много лѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ освобожденнымъ народомъ явиться на политическое поприще съ тѣмъ же народнымъ колоритомъ, съ тою же свѣжестью и бодростью, съ какою нѣкогда общины отвѣчали на призывъ Грознаго. Напротивъ, судьба владѣльческой собственности близко интересовала правительство; съ нею связанъ былъ вопросъ о томъ сословіи, которое ближайшимъ образомъ служило его дѣлу. Такая собственность нуждалась въ регламентаціи, въ приспособленіи ея къ видамъ государственнымъ. Каковъ же долженствовалъ быть характеръ этой собственности? Если она должна была служить государственнымъ интересамъ, то логическій ходъ событій требовалъ, чтобъ она приняла тотъ складъ, какой приметъ владѣющее ею сословіе. Сословіе это стянуто было въ Москву, навсегда прикрѣплено къ государеву дѣлу. Грозные указы выгоняли на службу дворянъ, укрывающихся въ деревняхъ. Они, слѣдовательно, были оторваны отъ хозяйства. Личная экономическая дѣятельность была для нихъ невозможна, слѣдовательно и само государство не имѣло права расчитывать ни на увеличеніе внутренней цѣнности земли, отданной служилому классу, ни на прогрессъ въ хозяйственныхъ операціяхъ, ведущихъ къ увеличенію дохода, то-есть на все то, что можетъ быть достигнуто только при личной хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ и что могло сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ возможнымъ дробленіе собственности между отдѣльными членами семьи. Правительство должно было смотрѣть на каждое помѣстье какъ на неподвижный капиталъ, обреченный весь вѣкъ приносить одни и тѣ же проценты. Въ дробленіи собственности оно *обязано* было видѣть дробленіе одного и того же неизмѣняющагося капитала. Петръ въ своемъ указѣ 1714 г. вѣрно выражаетъ эту мысль. Онъ прямо начинаетъ съ того, что беретъ примѣрную вотчину (1.000 душъ) и разсматриваетъ исторію ея дробленія между наслѣдниками ко вреду государства и самого рода. Очевидно, что каждый правитель и практическій мыслитель того времени, задумавшись надъ этимъ вопросомъ, пришелъ бы къ слѣдующимъ результатамъ. Правительству, сказалъ бы онъ, нужно сословіе, которое отдало бы ему весь свой трудъ. Такое сословіе оно имѣетъ въ дворянствѣ. Существованіе этого сословія обезпечено собственностью, которая представляетъ неизмѣняющійся фондъ, поддерживающій его правительственную дѣятельность. Дѣятельность эта можетъ поддерживаться должнымъ образомъ лишь

тогда, когда фондъ этотъ останется неизмѣннымъ. Но была ли бы возможность не измѣниться этому фонду при равномъ правѣ всѣхъ членовъ дворянской семьи на наслѣдство? Если бы въ землю эту постоянно вкладывались новый трудъ и новые капиталы, то состояніе послѣдующихъ поколѣній было бы обезпечено такъ же, какъ и предыдущихъ. Но этого то и не было въ московскомъ государствѣ. Петръ I прямо говоритъ, что дробленіе собственности вело къ обнищанію семьи, что третьему поколѣнію уже ѣсть нечего. Правительству, слѣдовательно, невольно приходилось сократить сферу служилаго сословія, то-есть обезпечить, какъ слѣдуетъ, если не всю семью, то по крайней мѣрѣ часть ея. Младшихъ (кадетовъ) ожидала естественно военная служба, гдѣ государство прямо брало ихъ на свое содержаніе. Таковъ именно и былъ смыслъ закона о единонаслѣдіи.

Почему онъ не осуществился? На это можно отвѣтить другимъ вопросомъ: почему начало единонаслѣдія должно было вести такую упорную борьбу въ самомъ родѣ князей нашихъ, гдѣ необходимость этого начала была очевидна? Велико было торжество Московскихъ государей, когда единонаслѣдіе утвердилось, наконецъ, по отношенію къ престолу. Но какихъ трудовъ, какой борьбы стоило имъ осуществленіе этой задачи! Если торжество этого начала было достигнуто съ трудомъ въ сферѣ чисто-государственныхъ отношеній, то какихъ усилій нужно было для того, чтобы провести его въ сферѣ права гражданскаго? Экономическія начала, частное право даннаго народа подчиняютъ себѣ направленія законодательства, но никогда правительство не достигаетъ подчиненія ихъ своимъ цѣлямъ. Такъ случилось и съ попыткой Петра. Единонаслѣдіе, основа англійскаго гражданскаго права, укрѣпилось тамъ и въ сферѣ чисто-политическихъ отношеній. Русское единонаслѣдіе, зародившееся въ сферѣ государственнаго права, не могло перейти въ право гражданское и должно было уступить предъ вѣковыми преданіями народа. Законъ о единонаслѣдіи былъ напряженнымъ, громаднымъ усиліемъ подчинить цѣлое сословіе, со всѣми его симпатіями, соціальными взглядами, семейными преданіями, государству. Дѣло Московскихъ царей дошло до апогея — дальше ему идти было некуда. Но здѣсь оно и остановилось. Майораты наши не просуществовали и 17-ти лѣтъ; дробленіе собственности продолжалось, вызывая потребность личной экономической дѣятельности помѣщиковъ, и уже въ царствованіе Екатерины I генералъ-прокуроръ Ягужинскій говоритъ о необходимости отпуска офицеровъ по домамъ, для поддержанія хозяйства. За временнымъ отпускомъ послѣдовалъ роспускъ служилаго сословія, и распущенное по домамъ, вооруженное свободною собственностью, оно подорвало экономическія основы старой централизаціи, положило на-

чало тѣмъ стремленіямъ, которыя такъ удачно выразились въ земскихъ учрежденіяхъ. Такъ высказалось могущество экономическихъ преданій народа надъ всѣми попытками законодательной регламентаціи. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство шло логическимъ путемъ и ясно формулировало государственныя задачи. Но логическая дѣятельность государства столкнулась съ органическимъ процессомъ народнаго экономическаго быта, и первая должна была уступить. Древнее незыблемое начало славянской собственности—общность, выразившаяся въ неподвижной формѣ общиннаго землевладѣнія съ его охранительною ролью, требовало для другой сферы другого исконнаго славянскаго начала, — начала равноправности и дѣлимости, съ его свободными и прогрессивными стремленіями. Между тѣмъ логически проведенное начало единонаслѣдія превратило бы нашу землю въ такое же неподвижное *учрежденіе*, какъ собственность въ Англіи и въ до-революціонной Франціи. Но такое явленіе въ Россіи привело бы къ самымъ печальнымъ результатамъ. Неподвижность поземельной собственности и сила охранительныхъ началъ достаточно закрѣплены у насъ общиннымъ землевладѣніемъ. Въ средѣ общинъ хранится нашъ оригинальный складъ, наше прошедшее, наши историческія преданія. Та же неподвижность, сообщенная другой части собственности, обрекла бы государство на вѣчный застой. Тяжелымъ бременемъ легла бы на народъ эта неподвижная, мало производящая собственность. Она стала бы вѣчнымъ, неизмѣннымъ условіемъ существованія служилаго сословія, на вѣки закрѣпленнаго на государственную службу, а потому направляющаго всю дѣятельность государства. Не было бы, слѣдовательно, надежды на измѣненіе порядка управленія; онъ вѣчно долженъ былъ бы держаться закрѣпленіемъ служилаго сословія государству, а крестьянства—служилому сословію. Но экономическія условія и народныя преданія не допустили утвердиться у насъ единонаслѣдію. Личная собственность получила у насъ свободный характеръ: это — фактъ, недостаточно оцѣненный еще исторіей. Консервативно-общинный элементъ остался фундаментомъ нашего государственнаго зданія, и вслѣдствіе этого государство вмѣстѣ съ высшими классами могло спокойно отдаться своему прогрессивному назначенію. Многіе публицисты замѣчали существованіе у насъ двухъ фактовъ одинаково отрадныхъ. Первый изъ нихъ заключается въ томъ, что у насъ никогда не было серьезныхъ революціонныхъ стремленій; второй—въ томъ, что у насъ всѣ реформы шли сверху внизъ. Объясненія этихъ фактовъ, смѣю думать, должно искать въ томъ, что въ отечествѣ нашемъ установлено правильное соотношеніе между прогрессивнымъ и консервативнымъ элементами. Аристократія Запада выводится изъ своей апатіи рѣзкими криками пролетаріата

массою голодныхъ рабочихъ и другими *прогрессивными* элементами, созданными ея *консервативною* дѣятельностью. У насъ прогрессивныя стремленія вѣнценосцевъ прежде всего находили поддержку въ тѣхъ классахъ, которыхъ свободная собственность, требующая ума предпріимчиваго, нерутиннаго, поддерживающая стремленіе къ постояннымъ улучшеніямъ, заранѣе воспитываетъ къ готовности ко всякимъ реформамъ. Чрезъ нихъ проходятъ всѣ улучшенія до массы народа, залегающей въ общинныхъ учрежденіяхъ, и здѣсь ожидаетъ она себѣ приговора, отъ котораго зависитъ ея дальнѣйшее существованіе.

Если, такимъ образомъ, въ образованіи каждой національности первенствующую роль играютъ охранительные элементы общества, то само собою разумѣется, что ими же главнѣйшимъ образомъ опредѣляется и характеръ этой національности. Прогрессивные элементы каждаго народа должны развивать только тѣ начала, которыя издавна составляютъ достояніе охранительныхъ элементовъ. Только такое движеніе можетъ быть названо органическимъ, правильнымъ развитіемъ. Другими словами, статическія и динамическія явленія въ обществѣ должны представлять развитіе одной и той же идеи. Отсюда мы прямо можемъ сдѣлать заключеніе, согласное и съ общими положеніями соціальной науки, указанными нами въ третьемъ раздѣлѣ первой статьи, и съ только-что высказанными понятіями объ общемъ значеніи національности. Именно, мы говоримъ, что цѣль и значеніе каждой національности могутъ быть опредѣлены только при изученіи *всѣхъ элементовъ* общества, при чемъ особенное вниманіе должно быть обращено на элементы охранительные. Если при такомъ изученіи окажется, что общества руководятся двумя противоположными цѣлями, представляютъ, слѣдовательно, два общества съ различнымъ характеромъ и стремленіями, то мы смѣло можемъ заключить, что здѣсь или нѣтъ національности, или насильственно связаны два обломка разныхъ цивилизацій и націй, изъ которыхъ одинъ постепенно долженъ уступить мѣсто другому. Между тѣмъ Бюше, обходя ближайшій анализъ этого предмета, останавливается на одныхъ соображеніяхъ о цѣли, отчего національность получаетъ у него отвлеченный и нѣсколько мистическій характеръ, Каждое громкое имя является у него полноправною націею. Отсюда его непонятная декламація въ пользу Польши. То, что и Бюше и французы называютъ Польшею (неизвѣстно, какіе размѣры угодно имъ дать этому названію: Польша ли 1772 и 1795, забраный край съ конгрессувкой, или одна конгрессувка? Но мы возьмемъ, пожалуй, Польшу 1772 года), съ давнихъ поръ состояло изъ двухъ элементовъ. Одинъ изъ нихъ—по религіи, по общественнымъ стремленіямъ, по укоренившимся преданіямъ — наиболѣе способенъ былъ составить національный строй съ

такимъ характеромъ, какой мы только-что признали за Россіей. Самая важная часть націи, ея охранительные элементы представляли и здѣсь и тамъ поразительное сходство. Но они были порабощены другимъ элементомъ, не имѣвшимъ съ ними ничего общаго. Это былъ обломокъ другой цивилизаціи, другого общественнаго порядка. Его настоящее мѣсто было среди феодальной западной Европы, а не на славянской почвѣ. Миссіонеры чуждой церкви, поборники чуждыхъ интересовъ, послушные слуги то нѣмцевъ, то французовъ, польскіе паны и ксендзы не прислушивались къ требованіямъ народной жизни. Да и гдѣ былъ для нихъ этотъ народъ? Развѣ онъ сидѣлъ на сеймахъ? Развѣ онъ молился въ одной церкви съ ними? Развѣ онъ сражался за одно общее отечество? Два представителя двухъ разныхъ цивилизацій и національностей рано или поздно должны были разойтись. Угнетенные классы, сохранившіе вѣру отцовъ и старые преданія и обычаи, искали для себя другихъ руководителей, истинно прогрессивныхъ началъ. Они были найдены, когда Русь, задушивъ враждебный Востокъ, прорубивъ себѣ доступъ къ двумъ морямъ, затрубила грозный всеславянскій кличъ и прежде всего для своихъ ближайшихъ братьевъ, польскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Началась вѣковая борьба. Польша скоро увидѣла, что она не на своей почвѣ: ее понимали только на западѣ; никто не сочувствовалъ ей на востокѣ. Теперь Польша не что иное, какъ западно-католическая интеллигенція, кормящаяся православно-восточнымъ хлѣбомъ.

Мы разсмотрѣли невыгодныя стороны научныхъ пріемовъ Бюше. Онѣ сильно вредятъ цѣлостности и полнотѣ его взглядовъ на общественную науку и на такіе крупные ея элементы, какъ понятіе національности. Вслѣдствіе этого связь человѣка съ государствомъ проявляется только тогда, когда онъ выступаетъ изъ сферы своей личной дѣятельности. Правда, Бюше весьма справедливо доказываетъ, что, даже трудясь въ своей индивидуальной сферѣ, человѣкъ работаетъ въ то же время на пользу общую (общее положеніе политической экономіи); но, сколько намъ кажется, для установленія прочной связи между человѣкомъ и государствомъ, необходимо принимать въ расчетъ тѣ посредствующіе между ними организмы, совокупность которыхъ составляетъ общество. Тогда скачокъ отъ индивидуально-экономической къ общественной дѣятельности былъ бы менѣе рѣзокъ. Подобно тому, какъ человѣкъ постепенно дѣлается способнымъ къ общежитію, постепенно теряя свои эгоистическія стремленія въ воспитывающихъ его формахъ общежитія, начиная съ семьи и кончая государствомъ, такъ и въ каждую данную минуту эти эгоистическія стремленія, оставшіяся главнымъ мотивомъ подчиненныхъ жизненныхъ сферъ, должны пройти черезъ длинный рядъ орга-

низмовъ, чтобы возвыситься на степень прогрессивнаго соціальнаго элемента. Не смотря, однако, на такой недостатокъ, отношенія личнаго труда къ государственной дѣятельности выяснены авторомъ весьма удачно. По крайней мѣрѣ, онъ ставитъ личный трудъ на его настоящую почву и, при развитіи нѣкоторыхъ частностей, его ученіе поведетъ къ самымъ богатымъ результатамъ. Главнѣйшія мысли его по этому предмету содержатся въ главѣ о раздѣленіи труда (I, стр. 119—130), а потому мы и остановимся нѣсколько на анализѣ его положеній.

Общество можетъ жить только при одномъ условіи—при условіи одновременнаго и постояннаго производства всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для его политическаго существованія и для нравственной и матеріальной жизни отдѣльныхъ его членовъ. Оно—великое тѣло, никогда не отдыхающее, обязанное исполнять одновременно всѣ свои задачи, а потому нуждающееся въ тысячахъ членовъ, органовъ, которые одновременно работали бы надъ предметами столь же разнообразными и многочисленными, какъ его нужды и задачи. Вслѣдствіе этого *одновременность* и *непрерывность* суть два непреложные закона общественной дѣятельности. Онѣ устанавливаютъ необходимость самой формы этого труда, именно законъ *раздѣленія труда*. Каждый изъ членовъ общества беретъ на себя отдѣльную спеціальную задачу; вслѣдствіе этого достигается одновременность выполненія всѣхъ общественныхъ задачъ и удовлетвореніе всѣхъ его нуждъ. Такимъ образомъ, съ соціальной точки зрѣнія раздѣленіе труда есть не что иное, какъ раздѣленіе и спеціализація общественныхъ функцій для одновременнаго ихъ выполненія. Мы замѣтимъ отъ себя, что это раздѣленіе удовлетворяетъ и другому закону—закону непрерывности, благодаря тому, что ни все общество, ни отдѣльныя его части не бываютъ принуждены бросать одно занятіе для удовлетворенія другихъ потребностей. Затѣмъ, благодаря ему, каждый отдѣльный человѣкъ, удовлетворяя своимъ эгоистическимъ потребностямъ, не перестаетъ работать и на пользу общую, такъ какъ спеціализированіе занятій увеличиваетъ массу производимыхъ предметовъ, такъ что каждый человѣкъ производитъ каждаго предмета больше, чѣмъ нужно для его собственнаго употребленія, и этотъ избытокъ обращается на непрерывное удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Раздѣленіе труда обращаетъ въ сферу личнаго интереса то, что въ итогѣ служитъ для удовлетворенія интереса общаго. Далѣе, это спеціализированіе занятій—при чемъ каждый производитъ только одинъ родъ предметовъ—заставляетъ каждаго нуждаться въ другихъ, и служитъ потому прочною общественною связью. Всѣ эти выгодныя стороны раздѣленія слишкомъ хорошо указаны политическою экономіею, а потому на нихъ нечего долго останавливаться. Для насъ гораздо

важнѣе посмотрѣть на невыгодныя стороны его, которыя оно имѣетъ, подобно каждому человѣческому установленію. Единство, возникающее изъ того обстоятельства, что одинъ нуждается въ другомъ, не единственно возможное и не самое прочное изъ всѣхъ единствъ. Когда одинъ человѣкъ связанъ съ другимъ только потому, что онъ въ немъ нуждается, можно смѣло сказать, что такая форма общежитія еще далека отъ истиннаго единства. Во-первыхъ, и сила, и форма этого соединенія остаются въ состояніи крайней неопредѣленности. Связь будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *больше* одинъ человѣкъ будетъ нуждаться въ другомъ, *слѣдовательно*, тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше этотъ человѣкъ будетъ *нуждаться* въ своемъ собратѣ. Отсюда само собою понятно, что каждый человѣкъ, въ силу своихъ индивидуалистическихъ стремленій, старается поставить себя въ такое положеніе, въ которомъ эта зависимость отъ другихъ наименѣе тяготила бы его. Это стремленіе вполнѣ законно и совершенно согласно съ природой человѣка. *Независимое положеніе*, самостоятельность, свобода—вотъ вѣчный, неизмѣнный идеалъ личности. Такимъ образомъ, индивидуальное развитіе, даже при господствѣ раздѣленія труда, взятое само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ какимъ-нибудь высшимъ цѣлямъ, въ результатѣ даетъ полное обособленіе личности. Этимъ результатомъ собственно и отличается общественная жизнь отъ государственной. Слѣдовательно, простое экономическое начало раздѣленія труда не есть еще главное условіе крѣпости общественнаго союза. Но предположимъ, что оно достаточно сильно; это предположеніе даже будетъ имѣть за себя многія соображенія. Не смотря на все свое желаніе, человѣкъ никогда не достигнетъ такой самостоятельности, чтобы совершенно не нуждаться въ содѣйствіи другихъ; притомъ, еслибъ онъ даже достигъ въ данную минуту такой полной независимости, она не можетъ продолжаться долго. Предположимъ, что онъ достигъ такого состоянія, когда самъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ. Но подобное состояніе будетъ относиться только къ потребностямъ, существующимъ въ данную минуту. Разъ онѣ всѣ удовлетворены, у человѣка, по непреложнымъ законамъ его природы, тотчасъ появляются новыя потребности, удовлетворить которымъ онъ уже не въ состояніи, а потому опять обязанъ прибѣгнуть къ помощи другихъ. Существуетъ, правда, другой путь для завоеванія себѣ независимости: это постепенное сокращеніе своихъ потребностей. Но это во всякомъ случаѣ есть уже насиліе природы и можетъ повести къ удовлетворительнымъ результатамъ только у весьма немногихъ, исключительныхъ натуръ. Масса же людей всегда будетъ жить подъ вліяніемъ безостановочнаго развитія потребностей, удерживающихъ ихъ въ состояніи общежитія. Правда, они

скорѣе будутъ *скованы*, чѣмъ *соединены*, личность всегда будетъ рваться изъ душныхъ оковъ; но связь эта будетъ существовать, пока потребности человѣческія будутъ развиваться и условія существованія человѣка совершенствоваться. Но какое отношеніе установится между людьми, *связанными* такимъ образомъ? Какую форму приметъ человѣческое общество, разсматриваемое только съ точки зрѣнія раздѣленія труда? Всѣ люди чувствуютъ необходимую связь между собою, всѣ признаютъ, что одинъ членъ общества зависитъ отъ другого. Въ этомъ общее мнѣніе и здравый смыслъ совершенно согласны съ выводами науки. Это обстоятельство выставляютъ на видъ. Эту необходимую, невольную связь даже воспѣваютъ подъ именемъ солидарности. Но вотъ чего простой здравый смыслъ не видитъ и на что наука мало обращаетъ вниманія: каждый изъ связанныхъ между собою членовъ общества естественно стремится къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, другіе больше зависѣли отъ него, чѣмъ онъ отъ нихъ. Это понятно: при общемъ неключимомъ рабствѣ одинъ всегда хочетъ быть рабомъ въ меньшей степени, чѣмъ другой. Отсюда естественное стремленіе поставить одинъ классъ, обыкновенно многочисленнѣйшій, въ такое положеніе, чтобъ онъ только давалъ, а себѣ доставить удовольствіе только получать. Этого мало. Великій законъ раздѣленія труда сводится съ нравственно-общественной почвы въ сферу чисто матеріально-производительныхъ отношеній, при чемъ трудъ не столько спеціализируется, сколько дробится, рабочая сила совершенствуется не столько въ смыслѣ всесторонняго развитія личныхъ способностей, сколько въ отношеніи чисто-механической стороны труда. Это обстоятельство вредно отражается и на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, и по отношенію гражданъ къ общегосударственнымъ цѣлямъ. Чѣмъ больше спеціализируется трудъ, тѣмъ больше работа принимаетъ механическій характеръ, тѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ машинѣ. „По мѣрѣ того, говоритъ Токвиль, какъ раздѣленіе труда получаетъ бóльшее примѣненіе, работникъ дѣлается слабѣе, ограниченнѣе и зависимѣе. Ремесло дѣлаетъ успѣхи, ремесленникъ идетъ вспять“. Въ то время, когда одинъ человѣкъ занималъ нѣсколько профессій и легко переходилъ отъ одной къ другой, онъ былъ нравственно выше, пользовался бóльшимъ уваженіемъ, чѣмъ работникъ, всю жизнь выдѣлывающій булавочныя головки. Мы не станемъ останавливаться на этихъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ раздѣленія труда для индивидуальнаго развитія. Это задача политической экономіи. Насъ занимаетъ другая сторона вопроса. Дѣло въ томъ, что при раздѣленіи труда спеціальныя задачи, или, какъ называетъ ихъ Бюше, les intérêts professionnels, до такой степени овладѣваютъ умами людей, что для общихъ государ-

ственныхъ цѣлей почти не остается мѣста. Занимаясь какою-нибудь дробною частью экономическаго труда, они не только подчиняютъ государственную идею своимъ цеховымъ понятіямъ, но даже забываютъ о ней. Чѣмъ бо́льшіе успѣхи дѣлаетъ раздѣленіе труда, тѣмъ больше человѣкъ перестаетъ быть гражданиномъ. Это такая же несомнѣнная истина, какъ та, которую высказалъ Токвиль. Связь, основанная на простой нуждѣ одного въ другомъ, не можетъ замѣнить связи, построенной на общности одной великой національной цѣли, на общности нравственныхъ задачъ. Вотъ почему, какъ бы ни была развита общественная жизнь съ ея спеціальными профессіями, необходимо должна существовать сфера, гдѣ всѣ умственныя, нравственныя, экономическія силы страны, какъ бы онѣ ни были раздѣлены этими спеціальными профессіями, соединялись бы въ одной общей дѣятельности. Купецъ, ремесленникъ, артистъ, профессоръ, земледѣлецъ должны сходиться, напримѣръ, хоть на скамьѣ присяжныхъ или въ земскомъ собраніи. Безъ подобныхъ учрежденій гражданскій духъ глохнетъ, и часто въ великія минуты благо отечества не пробуждаетъ уже гражданъ. Бюше говоритъ, что политическая дѣятельность гражданъ есть главнѣйшее средство предотвратить гибельныя послѣдствія неумѣреннаго раздѣленія труда. Если между членами общества необходимо устанавливается различіе вслѣдствіе разнообразія спеціальныхъ занятій, политическая сфера даетъ имъ всѣмъ одинаковыя занятія. Общество знаетъ банкировъ, негоціантовъ, землевладѣльцевъ, фермеровъ, рабочихъ; государство—только гражданъ. Здѣсь не только не требуется раздѣленія труда, но необходимо допускается соединеніе въ одномъ лицѣ разныхъ обязанностей. Политическая сфера — сфера единства и равенства по преимуществу. Вотъ почему начало раздѣленія труда и система множественности голосовъ, отличающія новыя англійскія приходскія установленія [1]), кажутся скорѣе отраженіемъ промышленно-акціонерныхъ понятій буржуазіи, чѣмъ истинно-политическимъ началомъ. Чѣмъ чаще призываются граждане къ общественной дѣятельности, чѣмъ многочисленнѣе будутъ установленія, гдѣ будетъ воспитываться и поддерживаться гражданскій духъ, тѣмъ устойчивѣе будетъ самое политическое устройство, тѣмъ безопаснѣе будетъ общество отъ раздѣленія и антагонизма, и великія государственныя цѣли тѣмъ съ большимъ усердіемъ будутъ преслѣдоваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Такое участіе гражданъ въ политической дѣятельности необходимо не столько для прогрессивной дѣятельности государства, которая,

---

[1]) См. Gneist—*Geschichte u. heutige Gestalt der englischen Communal verfassung.*

при надлежащей организаціи охранительныхъ элементовъ, вся можетъ принадлежать высшему правительству, сколько именно для той же охранительной дѣятельности, которую мы только-что разсмотрѣли по отношенію къ собственности и другимъ общественнымъ элементамъ. Слѣдовательно, охранительная дѣятельность общества можетъ проникать въ сферу политическихъ отношеній, подобно тому какъ прогрессивная дѣятельность правительства отражается на сферѣ чисто-экономическихъ отношеній. Безъ участія общества въ политикѣ невозможно сохраненіе, поддержаніе національной идеи; безъ прогрессивной дѣятельности правительства сомнительно прогрессивное движеніе въ обществѣ. Если одна дѣятельность, такимъ образомъ, заходитъ въ сферу другой, то очевидно, что и элементы охранительныхъ силъ должны отчасти входить въ составъ прогрессивныхъ учрежденій, и наоборотъ. Но какъ и когда возможно это соединеніе? Въ какой формѣ должно оно происходить? Все это приводитъ насъ къ окончательному анализу соотношенія прогрессивныхъ и охранительныхъ началъ въ обществѣ. Соотношеніе это лучше всего можно выяснить на вопросѣ о правительствѣ, къ которому мы теперь переходимъ.

VI.

Какъ осуществляется прогрессивная дѣятельность правительства? Въ чемъ заключаются ея условія? Это вопросъ весьма важный, безъ разрѣшенія котораго нельзя понять ни организаціи правительства, ни его отношенія къ общественнымъ элементамъ.

Прежде всего здѣсь возникаетъ вопросъ объ организаціи правительства. Подъ именемъ вопроса объ организаціи мы, конечно, не разумѣемъ стариннаго вопроса о формахъ правленія; мы не намѣрены даже входить здѣсь въ ихъ обсужденіе, хотя у Бюше и посвященъ большой отдѣлъ для этого изслѣдованія. Подъ именемъ организаціи мы разумѣемъ здѣсь нѣчто другое. Самъ Бюше различаетъ эти два вопроса: первый изъ нихъ касается всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; онъ тождественъ съ условіями самого прогресса; второй видоизмѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени и почти не представляетъ возможности для безусловной классификаціи.

Каждое правительство, какова бы ни была его форма, должно быть организовано соотвѣтственно своему назначенію. Назначеніе его, какъ мы видѣли, заключается въ осуществленіи національныхъ цѣлей, установленныхъ религіозно-нравственнымъ ученіемъ, исторіей и общественною жизнью. Гдѣ цѣль, тамъ и методъ. Правительство, по ученію Бюше, осуществляя постепенно національную цѣль, со-

вершаетъ извѣстный логическій процессъ, совершенно подобный тому, какой совершается, напримѣръ, въ головѣ ученаго, разрѣшающаго извѣстную задачу. Дѣятельность правительства должна, слѣдовательно, составлять логическій процессъ, а организація его должна заключать въ себѣ установленія, соотвѣтствующія каждому изъ этихъ моментовъ.

Въ чемъ же заключается этотъ методъ? Въ разбираемой нами книгѣ находятся только приложенія общей теоріи Бюше о методѣ къ вопросу о правительствѣ. Самая же теорія изложена въ его философскомъ трактатѣ. Вотъ почему намъ необходимо прежде всего сдѣлать общее замѣчаніе о его методологическихъ понятіяхъ. И въ этомъ отношеніи авторъ продолжаетъ дѣло Тюрго и Сенъ-Симона. Оба эти мыслителя замѣтили уже вредъ того перевѣса, который получило наблюденіе надъ гипотезою, между тѣмъ какъ множество открытій, двинувшихъ науку впередъ, обязаны своимъ происхожденіемъ геніальнымъ гипотезамъ. Бюше, опираясь на свои глубокія познанія въ медицинѣ и естественныхъ наукахъ, старается возвести это замѣчаніе на степень научнаго закона. Онъ доказываетъ, что каждый научный методъ состоитъ изъ двухъ моментовъ—*изобрѣтенія* и *повѣрки*, и что наблюденіе и опытъ, которымъ ученые приписывали всѣ открытія, составляютъ только вторую половину этого полнаго научнаго метода. То, что̀ естественныя науки называютъ *своимъ* методомъ, то-есть наблюденіе и опытъ, составляетъ только моментъ повѣрки, а потому самъ по себѣ методъ не ведетъ ни къ какимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ. Наблюденіе плодотворно только тогда, когда наблюдатель уже сознаетъ тѣ стороны предмета, на которыхъ онъ долженъ остановить свое вниманіе; оно состоитъ только въ провѣркѣ научныхъ началъ, установленныхъ гипотезой; словомъ, оно плодотворно тогда, когда у наблюдателя *есть точка отправленія*; само же по себѣ оно добываетъ только противорѣчивые факты, не имѣющіе научнаго достоинства. Моментъ, относящійся собственно къ открытію, изобрѣтенію, есть гипотеза, посредствомъ которой замѣчается и устанавливается соотношеніе, связь между извѣстными явленіями. Такая гипотеза, конечно, есть продуктъ обширнаго развитія, накопленія большой массы фактовъ. Но эта накопленная масса фактовъ не состоитъ къ открытію въ отношеніи причины къ слѣдствію. Напротивъ, ближайшимъ поводомъ къ гипотезѣ бываетъ часто ничтожный фактъ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ обсужденіе правильности или неправильности этого взгляда. Онъ важенъ для насъ потому, что авторъ примѣнилъ его къ вопросу о правительственной дѣятельности. Что Бюше долженъ былъ примѣнить свой взглядъ въ особенности

къ политикѣ—совершенно понятно. Вы видѣли, что, по его мнѣнію, національныя цѣли устанавливаются a priori, вслѣдствіе какого-нибудь религіозно-нравственнаго ученія, высказывающаго положенія, подлежащія медленному, постепенному осуществленію, примѣняющіяся къ потребностямъ времени. Это и есть гипотеза и провѣрка, то-есть тотъ же логическій процессъ, только на болѣе обширномъ полѣ, въ сферѣ всемірно-исторической. Напротивъ, цѣли, устанавливающіяся исключительно a posteriori, не ведутъ, какъ мы видѣли, ни къ какимъ прогрессивнымъ результатамъ. Что же такое эти цѣли a posteriori, какъ не наблюденіе и опытъ на томъ же всемірно-историческомъ полѣ?

Слѣдовательно, организація правительства должна составлять развитіе этого прогрессивнаго метода, съ моментами гипотезы и провѣрки. У него должны быть средства и для изобрѣтенія, и для осуществленія, для повѣрки извѣстныхъ политическихъ мѣръ. Но несомнѣнно и то, что эти логическіе моменты въ правительственной дѣятельности въ сильной степени отличаются количественно отъ тѣхъ же моментовъ въ сферѣ научной. Гипотеза научная имѣетъ въ виду открыть общее отношеніе между постоянно существующими и дѣйствующими элементами вселенной. Напротивъ, правительственная дѣятельность заранѣе опредѣляется характеромъ данной цивилизаціи, слѣдовательно далеко отстоитъ отъ общихъ цѣлей и элементовъ человѣчества, постепенно осуществлявшихся въ цѣломъ рядѣ цивилизацій предшествующихъ и много оставляющихъ для цивилизацій будущихъ. Вслѣдствіе этого правительство не преслѣдуетъ и не можетъ преслѣдовать цѣлей абсолютныхъ; его дѣятельность всегда направляется двумя факторами: характеромъ цивилизаціи [1]) и національнымъ сознаніемъ. Но этого мало. Изобрѣтательная дѣятельность государства не можетъ касаться и этихъ общихъ національныхъ цѣлей, иначе правительство потеряетъ свой національный характеръ и породитъ массу бѣдствій для себя и для общества. Его задача — найти форму общества и общественной дѣятельности, наиболѣе соотвѣтствующую задачамъ общества въ *данную минуту*, въ виду лучшаго осуществленія великой національной цѣли впослѣдствіи. Слѣдовательно, изобрѣтеніе въ сферѣ политической можетъ касаться только *открытія* второстепенныхъ цѣлей, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ моментамъ постепенно развивающейся національной цивилизаціи. Слѣдовательно, всѣ эти изобрѣтенія будутъ имѣть и должны имѣть лишь относительное достоинство въ

[1]) Подъ именемъ цивилизаціи мы, конечно, разумѣемъ здѣсь великія органическія эпохи, какъ, напримѣръ, христіанство.

томъ смыслѣ, что всѣ установленныя ими цѣли и формы общества будутъ имѣть значеніе лишь для опредѣленной эпохи, хотя, съ другой стороны, результаты, добытые ими, должны имѣть безусловное достоинство и необходимость въ общемъ ходѣ цивилизаціи. Подобно тому, какъ идея прогресса раскрывается только при изученіи всѣхъ мотивовъ цивилизаціи, во всей ихъ совокупности, такъ и безусловное достоинство или недостатокъ каждой политической организаціи или стремленія обнаруживается только въ той же совокупности всѣхъ моментовъ. Если, такимъ образомъ, гипотеза въ области политики получаетъ такое относительное значеніе, то и дѣятельность второго логическаго момента, повѣрки, не можетъ имѣть другого значенія. Наблюденіе и опытъ въ сферѣ науки обыкновенно имѣютъ въ виду провѣрку общихъ основаній данныхъ теорій. Пока есть еще возможность отрицательныхъ инстанцій, какъ называетъ ихъ Бэконъ, до тѣхъ поръ теорію нельзя считать окончательно установленною. Напротивъ, такое абсолютное стремленіе провѣрочной дѣятельности въ области политики повело бы къ самымъ пагубнымъ результатамъ. Мы уже отчасти указали на нихъ въ первыхъ главахъ; мы видѣли, что̀ можно ожидать въ обществѣ, гдѣ самыя основы общежитія постоянно находятся подъ сомнѣніемъ и ударами критики. Если гипотеза должна въ политикѣ ограничиваться второстепенными цѣлями, то-есть безусловно принимать основы общежитія и основныя національныя задачи, ограничиваясь вопросами о примѣненіи и развитіи ихъ въ данную минуту, то и провѣрка должна ограничиваться тѣми же задачами, то-есть изслѣдованіемъ, насколько изобрѣтеніе соотвѣтствуетъ потребностямъ даннаго общественнаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вышло бы при такомъ состояніи вещей, когда органы изобрѣтенія предлагали бы чисто-практическія мѣры, относящіяся къ извѣстному моменту исторіи, къ конкретному состоянію общества, а органы провѣрки обсуждали бы ихъ съ точки зрѣнія общихъ задачъ цивилизаціи, отвлеченныхъ требованій человѣческой природы, абстрактныхъ началъ общежитія? Очевидно, результатомъ такого направленія была бы невозможность придти къ какому бы то ни было практическому выводу, слѣдовательно невозможность дѣйствія, то-есть застой, или, что еще хуже, разрушеніе. Характеръ одного момента долженъ строго соотвѣтствовать характеру другого, иначе логическій процессъ потеряетъ должную правильность, выводы будутъ ложны, дѣйствія ошибочны. На этомъ основаніи провѣрка должна носить по преимуществу охранительный характеръ, имѣть въ виду, главнымъ образомъ, практическій характеръ предлагаемыхъ мѣръ и вопросовъ. Охранительность эта должна составлять отличительный характеръ органовъ повѣрки, даже въ большей степени, чѣмъ органовъ изобрѣ-

тенія, и понятно почему. Изобрѣтеніе всегда имѣетъ въ виду два общихъ понятія, различающихся между собою лишь по объему: съ одной стороны общія задачи цивилизаціи и народа, требующія постепеннаго осуществленія, съ другой—общій характеръ *данной* эпохи, какъ одного изъ моментовъ этой цивилизаціи. Цѣль изобрѣтенія—связать свою эпоху съ будущею, ввести въ существующіе элементы, выработанные прошлымъ, новый терминъ, заканчивающій это прошлое и являющійся началомъ будущаго. Словомъ, такое изобрѣтеніе при опредѣленіи задачъ настоящаго всегда имѣетъ въ виду задачи будущаго, заботится главнымъ образомъ о непрерывномъ движеніи общества. Напротивъ, органы повѣрки основываютъ свою дѣятельность на стремленіи сохранить связь настоящаго съ прошедшимъ, котораго элементы во всей ихъ подробности и въ практическихъ проявленіяхъ могутъ быть имъ извѣстны и приняты ими въ соображеніе лучше, чѣмъ обобщающею дѣятельностью изобрѣтателя, новатора. Вслѣдствіе этого повѣрка всегда есть дѣло такихъ элементовъ, которые наиболѣе сохраняютъ связи съ прошедшимъ, наиболѣе способны къ охранительной, практической дѣятельности. Во-вторыхъ, въ обществѣ ей долженъ соотвѣтствовать болѣе сложный механизмъ, чѣмъ для изобрѣтенія, гдѣ личная дѣятельность наиболѣе удобна.

Въ политикѣ, говоритъ Бюше, повѣрка состоитъ изъ двухъ одинаково необходимыхъ процессовъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобъ узнать, соотвѣтствуетъ ли нововведеніе цѣлямъ, выяснившимся въ прошедшемъ, будетъ ли новая общественная форма логическимъ послѣдствіемъ давно начавшагося прогрессивнаго движенія, необходимымъ звеномъ въ общей цѣпи цивилизаціи. Другая дѣятельность имѣетъ задачею опредѣлить, соотвѣтствуетъ ли реформа настоящему времени, современнымъ общественнымъ стремленіямъ, имѣются ли у общества въ данную минуту средства осуществить эту реформу. Отсюда двѣ различныя системы повѣрки, двѣ организаціи, представляющія собою двѣ различныя потребности. Одна является представительницею прошлаго и представляетъ въ политикѣ логику преданія; другая представляетъ настоящее со всѣми его страстями и интересами.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы можемъ перейти къ подробному изслѣдованію способовъ дѣятельности органовъ изобрѣтенія и повѣрки въ сферѣ политики. Во-первыхъ, замѣтимъ, что оба логическіе момента въ политикѣ носятъ особенное названіе: первый изъ нихъ получилъ уже названіе иниціативы; второй, по мысли Бюше, долженъ получить названіе *принятія* (l'acceptation). Въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ оба эти момента должны получить организацію и законный способъ дѣйствовать. Исторія доказываетъ, что

эти два момента даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ имъ не соотвѣтствуютъ какія бы то ни было установленія, всегда стремятся къ организаціи, что дурная ихъ организація ведетъ къ важнымъ невыгодамъ, но что никогда нельзя довести ихъ до полнаго уничтоженія безъ гибели самого государства. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится на то, правильно или неправильно будутъ они проявляться. Въ деспотическомъ государствѣ инициатива называется революціей, *непринятіе* — мятежомъ. Напротивъ, въ государствахъ наиболѣе совершенныхъ, выставляемыхъ всѣми публицистами за образецъ государственнаго устройства, какъ Римъ въ древности, Англія у новыхъ народовъ, эта тройственная операція формулирована въ стройныхъ установленіяхъ. Въ Римѣ правительство состоитъ изъ трехъ властей: консуловъ, сената и народа. Первые являются совѣтниками [1]); второй представляетъ опытъ и преданіе, третій — нетерпѣливую и пылкую дѣйствительность. Въ Англіи мы видимъ аналогическое явленіе. Инициатива обыкновенно принадлежитъ коронѣ [2]), принятіе зависитъ отъ двухъ властей — наслѣдственной палаты пэровъ, и выборной, представляющей массу народа.

Намъ хотѣлось бы теперь же сдѣлать нѣсколько замѣчаній на это мнѣніе автора; но мы не желаемъ прерывать его изложенія: всѣ его положенія необходимо выставить съ наибольшею подробностью, чтобы тѣмъ удобнѣе было остановиться на анализѣ ихъ. Мы просимъ читателя только замѣтить, что Бюше называетъ общественные элементы, выполняющіе функціи *принятія*, властями, и прямо вводитъ ихъ въ *составъ правительства*. Ниже будетъ разъяснено, насколько правиленъ этотъ взглядъ.

Такое раздѣленіе функцій, такая организація логическихъ моментовъ въ государствѣ, говоритъ Бюше, не установлено частною волею a priori: оно порождено исторіею, которая въ то же время доказала и удобство его. Оно дало государствамъ, имѣвшимъ его, большое значеніе и упрочило постоянный, хотя и медленный, внутренній прогрессъ. Этотъ блестящій примѣръ заставилъ новѣйшіе народы стремиться къ подобному государственному устройству. Неуспѣхъ ихъ въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ того, что они, желая

---

[1]) Не понимаемъ, почему Бюше ограничился одними консулами въ этомъ отношеніи. Инициатива въ Римѣ принадлежитъ всѣмъ сановникамъ; не слѣдуетъ также забывать роль трибуновъ въ плебиситахъ.

[2]) Здѣсь необходимо замѣтить, что Бюше принимаетъ фактъ за право. Дѣйствительно, всѣ преобразованія послѣдняго времени шли отъ короны, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы корона имѣла тамъ исключительное право иниціативы. Напротивъ, оно принадлежитъ палатамъ, и если министры предлагаютъ законы, то скорѣе какъ члены палатъ.

исправлять и улучшать свои образцы, уничтожали то, что составляетъ спеціальность каждаго элемента. Въ чемъ же состоитъ эта спеціальность?

Инціатива между людьми является моментомъ, имѣющимъ громадный авторитетъ. Появляясь въ обществѣ, она тотчасъ пріобрѣтаетъ довѣріе, порождаетъ повиновеніе и согласіе. Вотъ почему правительства энергически удерживали и удерживаютъ за собою это право. Но инціатива не можетъ принадлежать каждому желающему и потому только, что онъ этого желаетъ. Она, конечно, есть продуктъ воли, но главнымъ образомъ генія. Вслѣдствіе этого она часто выходитъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества и часто такъ незамѣтно, что никто не видитъ истиннаго ея источника. Вслѣдствіе этой невозможности опредѣлить заранѣе, гдѣ появится геній инціативы, для организаціи этого момента достаточно было опредѣлить только, *какая власть будетъ его постояннымъ органомъ.*

Такимъ органомъ является правительство. Поэтому для него въ высшей степени важно группировать и объединять всѣ попытки инціативы, проявляющіяся вокругъ него. Это его обязанность, какъ органа прогресса. Это его прямая выгода съ точки зрѣнія упроченія его авторитета и власти. Ни одно прогрессивное стремленіе, ни одна попытка нововведеній *не должна дѣлаться мимо правительства и тайно отъ него* [1]). Въ древнихъ государствахъ это осуществлялось очень легко, такъ какъ инціатива проявлялась въ народныхъ собраніяхъ. Новѣйшія общества, многочисленныя и разселенныя на обширныхъ пространствахъ, не знаютъ собраній всего народа, но знаютъ частныя сходки и въ особенности могущественную силу печати. Кромѣ того, авторъ предлагаетъ еще одно средство, которое, по его мнѣнію, можетъ повести къ весьма полезнымъ результатамъ. Именно онъ предлагаетъ учредить особенное установленіе, которое обязано было бы вызывать политическую инціативу въ обществѣ, подобно тому, какъ ученыя академіи (преимущественно во Франціи) вызываютъ такую инціативу по вопросамъ чисто-научнымъ.

На первый взглядъ кажется, что *принятіе* легче организовать, чѣмъ инціативу. Это оказывается вѣрнымъ и при ближайшемъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе, вопросы, возбуждаемые этою организаціею, чрезвычайно сложны: напримѣръ, сенатъ, палата пэровъ или аналогическія установленія, если, съ одной стороны, они способны установить соотношеніе и связь между преданіемъ и современнымъ движеніемъ, то въ то же время легко могутъ явиться преградою

---

[1]) См. объ этомъ также въ слѣдующей главѣ соч. Бюше — „La souveraineté“, т. II, стр. 206.

прогресса, сдѣлаться центромъ всѣхъ ретроградныхъ стремленій. Исторія представляетъ много такихъ примѣровъ. Въ Римѣ необходимо было исправить сенатъ учрежденіемъ трибуновъ, въ Англіи—предоставленіемъ коронѣ права назначать новыхъ пэровъ. Въ сенатѣ Сѣверно-американскихъ Штатовъ эти невыгоды исправляются выборнымъ началомъ. Впрочемъ, ретроградныя стремленія далеко не составляютъ удѣла только этихъ установленій, хотя общее мнѣніе и укрѣпляетъ за ними эту привилегію. Часто народные представители, даже цѣлый народъ, отказывались сдѣлать малѣйшее усиліе, перенести малѣйшее безпокойство, удѣлить частицу своего времени для осуществленія гражданскаго прогресса, для достиженія величайшаго блага. По лѣни, нетерпѣнію и невѣжеству, народъ часто вѣритъ своимъ врагамъ больше, чѣмъ своимъ собственнымъ стремленіямъ и инстинктамъ.

Опасность, слѣдовательно, есть вездѣ при отсутствіи мудрости и чувства долга. Но „принятіе“, тѣмъ не менѣе, остается существеннымъ моментомъ каждаго политическаго движенія, подобно иниціативѣ.

Еще подробнѣе развиваетъ Бюше эти мысли въ главѣ о суверенитетѣ (II, стр. 165—212). Онъ провѣряетъ свои положенія во всѣхъ ихъ подробностяхъ на историческихъ фактахъ. Но мы остановимся только на этихъ общихъ положеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ этой главѣ авторъ затрогиваетъ чрезвычайно важные вопросы объ отношеніяхъ личной свободы къ общественной власти, объ источникѣ и идеѣ суверенитета, которыхъ мы не можемъ разсмотрѣть, не расширяя нашей статьи до непозволительныхъ размѣровъ.

Не трудно замѣтить, что Бюше, начавъ разсматривать *общіе* элементы *всякаго* государственнаго устройства, въ итогѣ пришелъ къ идеализаціи одной изъ существующихъ формъ—именно представительнаго правленія. Съ какой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ эту форму, какую роль онъ даетъ каждому изъ составляющихъ ее установленій—это другой вопросъ, въ изслѣдованіе котораго мы не намѣрены входить. Для насъ важенъ тотъ результатъ, что авторъ, начавъ съ изслѣдованія общественныхъ элементовъ, сосредоточивается затѣмъ на изслѣдованіи государственныхъ формъ. Это происходитъ вовсе не потому, что онъ придаетъ имъ первостепенную важность: онъ осудилъ это направленіе у древнихъ писателей; это происходитъ именно потому, что онъ между человѣкомъ и государствомъ не признаетъ никакихъ посредствующихъ организмовъ. Вслѣдствіе этого каждая организація общественныхъ силъ должна необходимо принять государственный характеръ: обществу негдѣ организоваться, кромѣ государства; всякая сила общественная должна стать государ-

ственною властью. Вотъ почему оба момента *принятія* называются у него *властями*.

Намъ кажется это мнѣніе невѣрнымъ и несогласнымъ съ понятіями самого Бюше. Если они *власти*, если они правительство, то задача правительства изъ чисто-прогрессивной дѣлается охранительною. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою власти Бюше, изъ которыхъ онъ слагаетъ правительство? Инціатива, принадлежащая коронѣ, ея непосредственнымъ органамъ и нѣсколькимъ сгруппированнымъ подлѣ нихъ геніальнымъ личностямъ изъ массы; затѣмъ *принятіе*, принадлежащее двумъ представителямъ двухъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ одни представляютъ собою прошедшее, другіе — настоящее. Изъ этихъ двухъ моментовъ только одинъ имѣетъ въ виду будущее, и онъ принадлежитъ правительству въ тѣсномъ смыслѣ, безъ администраціи, слѣдовательно меньшинству. Напротивъ, *принятіе* имѣетъ въ виду или прошедшее, или настоящее, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, охранительныя задачи. Имъ соотвѣтствуютъ два могущественныя политическія тѣла, вооруженныя матеріальнымъ могуществомъ: одно для охраненія преданія, другое—современныхъ интересовъ, какъ бы они ни были преходящи и мелки. Не трудно понять, какихъ результатовъ должно ожидать отъ такой организаціи. Складывая сильные охранительные элементы съ слабымъ элементомъ прогрессивнымъ, мы въ результатѣ получимъ, по меньшей мѣрѣ, неподвижное государственное устройство. Неудивительно, если Контъ назвалъ политику новѣйшихъ конституціонныхъ государствъ неподвижною, то-есть охранительною по преимуществу—politique stationnaire. Иначе и нельзя назвать политику странъ, усвоивающихъ себѣ формальную сторону англійскихъ учрежденій. Удивительно только, что даже глубокій умъ Бюше остановился на поверхности вопроса. Причины этого, повторяемъ, заключаются въ его незнакомствѣ съ германскою теоріею общества. Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія различные элементы правительства, выставленные авторомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что охранительныя начала, подобно всякой общественной силѣ, сильно вліяютъ на правительственную дѣятельность; нѣтъ сомнѣнія, что каждое правительство соразмѣряетъ свои дѣйствія съ состояніемъ и направленіемъ этихъ началъ. Но въ чемъ будетъ выражаться это вліяніе одного элемента на другой, въ непосредственномъ ли участіи въ правительственной дѣятельности, или только въ заявленіи своихъ желаній, требованій, нуждъ, при чемъ дѣйствія правительства останутся совершенно свободными? Если, подобно Бюше, не принимать никакихъ посредствующихъ организмовъ между отдѣльнымъ человѣкомъ и государствомъ, если, въ противо-

положность индивидуальной сферѣ съ ея разнообразными подраздѣленіями и стремленіями, принимать только одну соціальную сферу, дѣйствительно объединяющую человѣческія стремленія, сферу государственную, тогда остается принять только выводъ Бюше. Выводъ этотъ, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что участіе охранительныхъ началъ въ общей жизни государства должно проявляться въ непосредственной дѣятельности общества или его представителей въ правительственной сферѣ. Дѣйствуя вмѣстѣ съ властью, они сами должны являться *властью*, такъ какъ участіе въ государственныхъ организмахъ является единственною формою коллективной дѣятельности. Напротивъ, ближайшее изученіе общественныхъ элементовъ открываетъ возможность другихъ комбинацій, способныхъ найти примѣненіе сообразно условіямъ мѣста и времени. Во-первыхъ, многіе элементы общества, по своему экономическому положенію и нравственному вліянію, представляютъ сами по себѣ условіе достаточно сильной организаціи, независимо отъ того, составляютъ ли они часть правительства, или нѣтъ. Таковы—сословія, церковь, общины. Составляя сильный общественный организмъ, они легко могутъ производить давленіе на всѣ части правительственной дѣятельности, даже не участвуя въ ней. Много есть способовъ удовлетворить потребностямъ *повѣрки, принятія*, мимо палатъ. Самъ Бюше сводитъ вопросъ о политической организаціи на такое обширное поле, что непонятно, какимъ образомъ онъ въ результатѣ остановился именно на палатахъ. Намъ кажется, напримѣръ, что одно изъ средствъ, относимое имъ въ сферу иниціативы, могло бы точно такъ же, если не въ большей степени, пригодиться для *повѣрки*. Это именно, печать съ ея необходимымъ условіемъ—свободою слова. Намъ кажется даже, что для задачъ *повѣрки* она идетъ больше, чѣмъ для проявленія иниціативы. Въ самомъ дѣлѣ, если мы безпристрастно сведемъ результаты дѣятельности прессы въ каждой странѣ, то нельзя будетъ не согласиться, что истинно плодотворная сторона ея дѣятельности болѣе выражается во всестороннемъ обсужденіи мѣръ, уже предпринятыхъ или предположенныхъ правительствомъ, чѣмъ въ предложеніи новыхъ мѣръ, въ иниціативѣ. Иначе это и быть не можетъ. Въ журналистикѣ могутъ только обсуждаться идеи, принявшія сколько-нибудь ясное очертаніе, укрѣпившіяся въ общихъ основаніяхъ, получившія уже, такъ сказать, оффиціальный складъ. Изобрѣтеніе идей совершенно выходитъ изъ ея сферы. Если тамъ или здѣсь, въ томъ или другомъ журналѣ, иногда и промелькнутъ новыя соображенія, то они или не имѣютъ достаточной общности, такъ какъ статьи эти обыкновенно пишутся по поводу частныхъ случаевъ, или слишкомъ неопредѣленны, такъ какъ статьи имѣютъ въ виду совершенно другія обсто-

ятельства, не имѣютъ живой связи съ практическою жизнью, и такъ какъ онѣ высказываются въ формѣ простого намека, желанія, безъ выясненія средствъ къ его осуществленію. Словомъ, въ прессѣ всѣ новыя мысли не выходятъ изъ сферы чувства и фантазіи. Это скорѣе зародыши мысли, чѣмъ самая мысль; онѣ не выработались до чистоты и опредѣленности истинной идеи. Такое изобрѣтеніе идей составляетъ удѣлъ научныхъ обобщеній нѣсколькихъ возвышенныхъ умовъ въ сферѣ чистаго знанія или практической государственной дѣятельности, то-есть того небольшого кружка лицъ, куда Бюше помѣщаетъ свою *иниціативу*. Первоначально идея зарождается въ самыхъ отвлеченныхъ сферахъ знанія, является продуктомъ кабинетной дѣятельности геніальнаго мыслителя. Здѣсь вырабатываются ея общія основанія, здѣсь принимаетъ она сколько-нибудь опредѣленный видъ. Но она далека еще отъ практическаго осуществленія; обыкновенно, при появленіи ея въ свѣтъ, никто не замѣчаетъ ея связи съ будничною жизнью. Журналистика первая приводитъ ее въ столкновеніе съ будничными интересами; она спеціализируетъ, ставитъ въ соотношеніе съ разнообразными практическими вопросами, группируетъ страсти подлѣ отдѣльныхъ ея формулъ. Здѣсь идея не совершенно еще теряетъ свою строгую форму, свой отвлеченный характеръ; ей дается только бо́льшее практическое содержаніе. Это и дѣлается въ статьяхъ, брошюрахъ, книгахъ. Наконецъ, эта идея, принявшая тысячу разнообразныхъ формъ, воплотившаяся въ массу разнообразныхъ интересовъ, породившая сотни формулъ, лозунговъ, выходитъ на улицу, дѣлается достояніемъ непосредственнаго движенія страстей. Вмѣсто книгъ и брошюръ появляются памфлеты, живущіе одинъ день, но оставляющіе слѣды на нѣсколько поколѣній; ораторская трибуна, газетныя статьи, разносятъ во всѣ концы земли готовыя уже формулы, въ примѣненіи ихъ къ частному практическому случаю. Подготовленная такимъ образомъ, масса готова, наконецъ, дѣйствовать. Таково поступательное движеніе идеи. Роль прессы оказывается чисто практическою; изобрѣтеніе идей рѣдко можетъ быть ея удѣломъ. Но зато *повѣрка*, выраженіе мнѣній страны по поводу извѣстныхъ вопросовъ—весьма плодотворно въ политикѣ, какъ это доказываетъ исторія всѣхъ народовъ. Относительно этой задачи мы не видимъ необходимости сдѣлать ее удѣломъ какой-нибудь опредѣленной корпораціи, какого-нибудь очерченнаго установленія. Если Бюше замѣчаетъ, что изобрѣтательная дѣятельность, иниціатива, не можетъ быть заключена въ заранѣе опредѣленное установленіе, то тѣмъ менѣе можно допустить подобное ограниченіе относительно дѣятельности охранительной—*повѣрки, принятія. Она должна быть удѣломъ всѣхъ охранительныхъ элементовъ страны во всей ихъ совокупности*. Между тѣмъ,

корпоризація этихъ элементовъ всегда имѣетъ въ результатѣ исключеніе многихъ элементовъ, которые рано или поздно будутъ стремиться войти въ составъ этихъ корпорацій, слѣдовательно составятъ революціонный элементъ. Между верховною властью и народомъ легко можетъ установиться непроницаемая стѣна du pays légal, при чемъ правительство, сознающее свое національное назначеніе, будетъ искать поддержки общественнаго мнѣнія внѣ палатъ, а правительство недальновидное или своекорыстное успокоится на привилегированной корпораціи, что́ и приведетъ его къ паденію. Несмотря на блестящій составъ англійскихъ палатъ въ XVIII ст., Георгъ III сказалъ глубокую истину, что голосъ народа не слышенъ уже въ нихъ. Наполеонъ III прислушивается къ газетнымъ толкамъ и сходкамъ рабочихъ больше, чѣмъ къ болтовнѣ законодательнаго корпуса. Паденіе парламентаризма во Франціи не есть одно и то же, что паденіе свободы, ибо горькій опытъ доказалъ, что свобода—одно, а парламентаризмъ — совершенно другое. Это есть перенесеніе того, что Бюше называетъ „повѣркою", изъ узкой сферы палатъ, скопированныхъ съ англійскихъ учрежденій, гдѣ онѣ являются остаткомъ средневѣковаго корпоративнаго устройства, на болѣе широкую, *общественную* почву. Если охранительная дѣятельность есть общественная задача, если *повѣрка* есть одно изъ важнѣйшихъ проявленій этой дѣятельности въ области политической, то для насъ несомнѣнно и то, что эта дѣятельность должна быть такъ же разнообразна, такъ же безформенна, такъ же свободна, какъ само общество, гдѣ свобода и разнообразіе являются главнымъ условіемъ успѣха. Этотъ законъ, сколько намъ кажется, проявляется въ слабости всѣхъ континентальныхъ конституцій и въ равнодушіи къ нимъ народа. Конституція, какъ бы ни были геніальны ея составители, въ отношеніи важнѣйшей своей части—органовъ повѣрки, можетъ надѣлать грубѣйшихъ ошибокъ. Начнемъ съ самаго капитальнаго вопроса—съ устройства двухъ палатъ. Бюше весьма основательно доказываетъ, что эти двѣ палаты соотвѣтствуютъ двумъ необходимымъ логическимъ моментамъ повѣрки—повѣрки съ преданіями прошедшаго и съ интересами настоящаго. Вслѣдствіе этого всѣ конституціи, отвергавшія двухкамерную систему, усиливали значеніе послѣдняго момента, то-есть всѣ вопросы обсуждались только съ точки зрѣнія потребностей минуты; вслѣдствіе этого палата пэровъ всегда должна существовать для поддержки преданія, палата представителей—для защиты современныхъ интересовъ. Авторъ, слѣдовательно, замыкаетъ преданіе въ палату пэровъ или вообще въ аристократическую организацію. Почему? Очевидно потому, что онъ на охранительность элементовъ смотритъ съ точки зрѣнія количества и качества собственности, а потому пред-

ставители крупной поземельной собственности являются у него главными представителями національныхъ преданій. Мы видѣли, насколько это вѣрно относительно странъ, обладающихъ, напримѣръ, общинною формою землевладѣнія. Въ такихъ странахъ, слѣдовательно, преданія пришлось бы искать въ народныхъ представителяхъ, а объ интересахъ настоящаго спрашивать у верхней палаты. Но почему въ такомъ случаѣ и представители народа не могли бы говорить о современныхъ интересахъ? Такимъ образомъ, явились бы двѣ палаты; изъ нихъ одна была бы устроена въ консервативномъ смыслѣ, но по сущности прогрессивна, другая для прогрессивныхъ задачъ, но въ сущности консервативна, а обѣ вмѣстѣ по необходимости должны исполнять и ту и другую задачу. Отъ этого необходимо произошло бы странное смѣшеніе понятій, борьба, взаимное непониманіе, столкновенія. Затѣмъ каждый элементъ не дѣйствуетъ въ теченіе всей исторіи съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Ни одинъ изъ нихъ не бываетъ неуклонно прогрессивенъ или консервативенъ. Незначительное измѣненіе условій экономическихъ и юридическихъ, бо̀льшая или меньшая доля образованія, тотъ или другой характеръ воспитанія могутъ повести къ самымъ непредвидѣннымъ результатамъ.

Вотъ почему намъ кажется, что правительство никогда не должно лишать себя возможности пользоваться заявленіями всѣхъ народныхъ охранительныхъ элементовъ во всемъ ихъ объемѣ и разнообразіи; это одно даетъ ему возможность понять истинный смыслъ своей эпохи и установить прочную цѣль для себя и для управляемаго имъ общества. Напротивъ, замкнувъ всѣ общественныя начала въ какую-нибудь коллегію, корпорацію, палату, прислушиваясь только къ ихъ толкамъ, правительство отнимаетъ у себя значительную долю своихъ средствъ. Новое общество стоитъ выше средневѣковаго, между прочимъ потому, что больше его имѣетъ средствъ для обмѣна и выраженія мыслей; а потому не нуждается уже такъ въ оффиціальной трибунѣ, какъ древность или средніе вѣка. Газеты, телеграфы, желѣзныя дороги, громадное развитіе книжной торговли, конгрессы, митинги поддерживаютъ непрерывную связь между людьми, вырабатываютъ общественное мнѣніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Средніе вѣка, не знавшіе ничего подобнаго, не видѣли другихъ способовъ дойти до какого-нибудь общаго результата, какъ послать довѣренныхъ людей на одинъ общій съѣздъ, перетолковать и рѣшить извѣстный политическій вопросъ. Разумѣется, эти съѣзды скоро приняли форму корпораціи, такъ какъ тогда все принимало эту форму и нуждалось въ ней. Сравните общественное мнѣніе, вырабатываемое этимъ путемъ, и сравните его съ тѣмъ, которое родится и развивается на

вольномъ воздухѣ, въ прессѣ, на конгрессахъ, на митингахъ! Вслѣдствіе этого мы думаемъ, что право петицій, сходокъ, адресовъ, свобода печати—гораздо надежнѣйшія условія хорошей повѣрки, чѣмъ пресловутыя палаты. Невыгода послѣднихъ заключается и въ томъ, что онѣ составляютъ сами власть или стремятся ее составить, слѣдовательно предоставляютъ правительству лишь ограниченную свободу выбора, что, конечно, невыгодно для него, какъ для прогрессивнаго органа. Оно *обязано* принимать сужденія этихъ палатъ за дѣйствительное мнѣніе страны, хотя изъ заявленій не-оффиціальныхъ, изъ газетъ и митинговъ, оно имѣетъ право думать противное. Наконецъ, подобная организація ведетъ къ тому, что общественные элементы, господствующіе въ данную минуту, возводятся на степень государственнаго устройства. Государственная власть по своей природѣ должна отвлечься отъ всѣхъ общественныхъ элементовъ, дать всѣмъ равное право на развитіе и объединить подъ своею равною для всѣхъ волею.

Такимъ образомъ, Бюше желаетъ внести организацію съ самыми исключительными, замкнутыми формами въ такую сферу, гдѣ должны господствовать полный просторъ и разнообразіе. Съ другой стороны, онъ исключаетъ общественные элементы изъ такой сферы, гдѣ они часто бываютъ необходимы—изъ сферы иниціативы. Совершенно правильно замѣчаетъ онъ, что иниціатива—дѣло отдѣльныхъ личностей, какъ составляющихъ правительство, такъ и группирующихся вокругъ него. Но въ какой сферѣ вырабатываются эти личности, прежде чѣмъ онѣ сдѣлаются органами прогресса? „Если прогрессъ, говоритъ Дюпонъ-Уайтъ [1]), не есть дѣло массъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ непремѣнно былъ дѣломъ однихъ правительствъ. Общество не раздѣляется только на народъ и власти, на силу слѣпую и силу оффиціальную. Есть *классы*, одаренные независимымъ положеніемъ, просвѣщеніемъ, которыхъ содѣйствіе необходимо даже наиболѣе развитому народу... Кто признаетъ могущество идей, тотъ долженъ признать вліяніе высшихъ классовъ. Идеи могутъ родиться только здѣсь. Кто, напримѣръ, заботился бы о наукахъ и свободѣ, какъ не тѣ, за которыми обезпечены уже другія блага жизни? Во Франціи религіозныя и политическія нововведенія прежде всего поддерживались высшею аристократіей. Въ XVI ст. протестантскіе вожди были Бурбонъ, Роганъ, Шатильйонъ, Бульйонъ. Энциклопедія прежде всего завоевала аристократію. Недоставало только короля, но вѣдь этотъ король былъ Людовикъ XV!“

---

[1]) *L'Individu et l'Etat.*

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы какой-нибудь классъ могъ взять на себя великое дѣло прогресса. Только власть государственная можетъ быть его органомъ. Прогрессъ не всегда совершается государствомъ, но не иначе какъ чрезъ государство. Бюше вполнѣ принимаетъ это положеніе, но даетъ ему слишкомъ узкую формулу. Все, что не государство или не выдѣляется изъ толпы какими-нибудь необыкновенными способностями и развитіемъ, есть только охранительный элементъ. Но, какъ мы видѣли, иниціатива не должна ограничиваться тѣснымъ кружкомъ правительственныхъ лицъ или отдѣльныхъ выдвигающихся личностей изъ общества. Мы полагаемъ, что въ этомъ дѣлѣ возможно участіе цѣлыхъ классовъ, прогрессивныхъ по самому своему положенію. Нѣтъ сомнѣнія, что повѣрка требуетъ большого простора, самой обширной сферы; поэтому мы и считаемъ неосновательнымъ стремленіе замкнуть ее въ узкую сферу палатъ. Иниціатива, всегда требующая сильнаго умственнаго развитія и нѣкотораго самоотверженія, не можетъ осуществляться на такомъ обширномъ полѣ; тѣмъ не менѣе, устранить отъ этой дѣятельности всѣ общественные элементы, даже тѣ, прогрессивное значеніе которыхъ доказано исторіей, значитъ жертвовать сущностью дѣла формѣ, чего менѣе всего можно ожидать отъ глубокаго ума и широкаго міросозерцанія Бюше.

О. Контъ [1]) заканчиваетъ первую главу своей позитивной философіи слѣдующимъ образомъ: „Никто больше меня не убѣжденъ въ недостаточности моихъ умственныхъ силъ, хотя бы онѣ были и безконечно выше ихъ настоящаго достоинства, для выполненія обширной и возвышенной задачи установленія новой философіи. Но то, что не можетъ быть выполнено однимъ умомъ и въ теченіе одной жизни, то можетъ быть *предложено* ясно и просто; такова моя задача“. Бюше съ большимъ основаніемъ могъ бы сказать это про себя. Если онъ не разрѣшаетъ какъ слѣдуетъ всѣхъ сложныхъ политическихъ вопросовъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ умѣетъ показать всѣ стороны вопроса, поставить изслѣдованіе его на настоящую почву или затронуть его такъ глубоко, что основательное изученіе его дѣлается потребностью каждаго, кто прочтетъ его книгу. Она по преимуществу шевелитъ мысль—рѣдкое достоинство въ трудѣ, лишенномъ всякаго полемическаго характера, избѣгающемъ парадоксовъ, излагающемъ вопросы догматически и объективно. Поразительное богатство мыслей,

---

[1]) *Cours de phil. pos. I, p. 46.*

удачныхъ сравненій, сближеній, глубина анализа — отличительное свойство автора. Смѣемъ думать, каждый читатель придетъ къ этому заключенію, прочитавъ эту статью. Изъ всей массы вопросовъ, поднятыхъ Бюше, мы выбрали только одинъ, и онъ разроссся въ статью настолько обширную, что мы боимся, не слишкомъ ли мы положились на вниманіе читателя.

II. ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ ВО ФРАНЦІИ [1]).

Б. Констанъ.

(*Cours de Politique constitutionnelle, p. B. Constant. Avec une introduction et des notes par M. Edouard Laboulaye.* II t. Paris. 1861).

Политическая литература не богата сочиненіями, которымъ суждено жить долгій вѣкъ, служить неизсякаемымъ источникомъ „принциповъ и выводовъ“ для цѣлыхъ поколѣній и школъ. Въ наукахъ естественныхъ и историческихъ каждый мелкій фактъ можетъ породить небольшое изслѣдованіе, которое тотчасъ дѣлается достояніемъ „сокровищницы науки“. Ему уже принадлежатъ всѣ права на безсмертіе въ томъ смыслѣ, что его не можетъ обойти ни одинъ изслѣдователь того же самаго предмета. Оно непремѣнно встрѣтится въ цитатахъ, украшающихъ многотомныя и немноготомныя сочиненія. Напротивъ, сочиненія, содержаніемъ которыхъ является не фактъ (или факты), а идея, нуждаются въ болѣе солидныхъ условіяхъ для безсмертія. Они могутъ имѣть огромный успѣхъ въ моментъ своего появленія на свѣтъ. Если они ловко попадаютъ въ тонъ публики, дѣйствуютъ на страсти,—ихъ успѣхъ превосходитъ всякія ожиданія. Ими обозначается цѣлый моментъ въ томъ или другомъ движеніи общества. Дѣйствіе, произведенное ими тогда на публику, дѣлается важнымъ историческимъ фактомъ. Но сами по себѣ они не составляютъ пріобрѣтенія для науки. Историкъ всегда говоритъ о такихъ книгахъ; но никто ихъ не читаетъ болѣе, не исключая, быть можетъ, и того историка, который объ нихъ упоминаетъ. Каждый изслѣдователь эпохи французской революціи говоритъ о брошюрѣ Сійеса „*Что такое третье сословіе*“, но кто же ее читаетъ? Другимъ сочиненіямъ, напротивъ, суждено остаться знаменемъ политическихъ партій въ теченіе долгаго времени. Они какъ бы исчерпываютъ собою все, что можно сказать объ извѣстномъ предметѣ не только въ данную минуту, но и въ теченіе долгаго вре-

[1]) Написана въ 1869 г.

мени послѣ ихъ выхода. Таковы теоріи Монтескьё, Адама Смита. Читая ихъ, невольно задумываешься надъ тѣмъ, сколько разъ повторялись и повторяются ихъ положенія въ трудахъ лицъ, считающихъ себя послѣдователями этихъ мыслителей. И какъ повторяются! Нерѣдко приходится жалѣть о томъ, что познакомился съ тѣми или другими положеніями въ сочиненіяхъ послѣдователей, а не въ трудахъ ихъ великихъ учителей. Для науки эти сочиненія имѣютъ то важное достоинство, что въ нихъ можно изучать принципы извѣстной школы во всемъ ихъ единствѣ, полнотѣ и чистотѣ,—съ полнымъ убѣжденіемъ, что труды послѣдователей немного прибавили ко всему этому.

Къ разряду такихъ сочиненій принадлежатъ и труды Б. Констана. Много было написано французской либеральной школой; много принциповъ провозглашено ею и развито въ томахъ и брошюрахъ. Трибуны законодательнаго корпуса и разныхъ палатъ повторяютъ ихъ на всѣ лады. Но есть ли возможность во всемъ этомъ хаосѣ идей и словъ найти твердую точку опоры для научнаго изслѣдованія? Нѣтъ! одно средство найти ключъ ко всѣмъ этимъ „словамъ"— это взять твореніе человѣка, который заставилъ столько поколѣній повторять его рѣчи и мысли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, французскіе публицисты рѣшились вновь издать политическія сочиненія Констана. Нельзя не признать это важною заслугою для науки. Сочиненія эти даютъ ключъ къ разумѣнію собственныхъ твореній сихъ публицистовъ. Редактируя ихъ, Лабуле оказалъ большую услугу и самому себѣ. Авторъ *Государства и его границъ*, *Либеральной партіи* и т. п. брошюръ — весь въ сочиненіяхъ Констана, къ которому онъ относится, какъ Бастіа — къ Кери и Адаму Смиту. И онъ, и его сотоварищи либеральной школы, всѣ движутся въ кругѣ идей и понятій, оставленныхъ имъ въ наслѣдство Констаномъ и еще двумя, тремя самостоятельными политическими мыслителями.

Въ своемъ предисловіи Лабуле самъ указываетъ на это значеніе Констана. Ничто не старѣется такъ скоро,—говоритъ онъ,—какъ политическія сочиненія, особенно въ странахъ, переживающихъ сильныя революціи. Сочиненія появляются и умираютъ вмѣстѣ съ переворотами. Есть, однако, творенія, переживающія эти перевороты. Это тѣ труды, гдѣ авторъ защищалъ не преходящія политическія формы, но непоколебимыя начала свободы и справедливости. Въ сущности, каждый политическій писатель говорилъ о свободѣ и справедливости, и называлъ ихъ вѣчными началами. Но Лабуле правъ въ своемъ отзывѣ о Констанѣ, въ томъ отношеніи, что дѣйствительно въ трудахъ послѣдняго сформулированы начала свободы и справедливости такъ, какъ понимаетъ ихъ французская либеральная школа,

и сформулированы въ той формѣ, которую она признаетъ за незыблемую и вѣчную.

Вотъ почему разсказать исторію политическихъ трудовъ Констана,—изложить обстоятельства, вліявшія на образованіе его „вѣчныхъ началъ“ свободы и справедливости,—значитъ разсказать исторію большинства тѣхъ идей, кои служатъ основаніемъ статей и брошюръ либеральныхъ публицистовъ. Исторія идей Констана будетъ исторіею многихъ идей Лабуле, Жюля Симона, Реньо, О. Барро, Пикара, Гле-Бизуена и иныхъ многихъ. Она будетъ весьма важною страницею въ исторіи французскаго либерализма вообще. Мы попытаемся сдѣлать здѣсь небольшой очеркъ этой любопытной исторіи.

I.

Мы будемъ излагать исторію идей, а не личную исторію человѣка, ихъ высказавшаго. Вслѣдствіе этого, мы прежде всего познакомимъ читателя съ дѣйствительнымъ героемъ нашего небольшого разсказа. Этимъ героемъ или героями, по праву, должны быть идеи, которымъ Констанъ служилъ цѣлую свою жизнь,—идеи, которыя онъ желалъ сдѣлать животворящимъ принципомъ государственнаго устройства Франціи и цѣлаго свѣта,—идеи, самими его послѣдователями признаваемыя за эти „непоколебимыя начала политики“. Какія же это идеи? Незадолго предъ своею смертью, онъ написалъ нѣсколько страницъ, которыя Лабуле зоветъ его политическимъ завѣщаніемъ. „Въ теченіе сорока лѣтъ, говоритъ Констанъ, я защищалъ одинъ и тотъ же принципъ: *свободу во всемъ*—въ религіи, въ философіи, въ литературѣ, въ промышленности, въ политикѣ,—и подъ свободою я разумѣю торжество личности, какъ надъ авторитетомъ, который вздумалъ бы управлять съ помощью деспотизма, такъ и надъ массами, которыя присвоили бы себѣ право подчинять меньшинство большинству. Деспотизмъ не имѣетъ никакихъ правъ. Большинство имѣетъ право принудить меньшинство уважать порядокъ; но все, что не нарушаетъ порядка,—что относится къ внутреннему міру, какъ, напр., мнѣнія,—что при обнаруженіи этого мнѣнія, не вредитъ другому,... — что, въ промышленности, предоставляетъ возможность свободнаго соперничества,—есть дѣло *личное* и не можетъ быть подчинено законнымъ образомъ власти“.

Это опредѣленіе для Констана есть опредѣленіе не только свободы, но и справедливости, ибо осуществленіе такой свободы есть справедливость и составляетъ цѣль всякаго юридическаго порядка. По крайней мѣрѣ, особыхъ опредѣленій справедливости у Констана не встрѣчается, и всѣ его выводы касательно юридическаго и поли-

тическаго быта подводятся подъ это высшее начало его ученія. Не даромъ онъ служилъ ему сорокъ лѣтъ.

Опредѣленіе Констана не есть новость въ политическихъ наукахъ. Раньше его оно было провозглашено естественною философіею, политическою экономіею и государственными науками въ самой Франціи (Монтескьё).

Идея государства, построеннаго на признаніи правъ личности,— при понятіи о законахъ, какъ средствѣ огражденія личной свободы, и о правѣ, какъ возможности достигнуть равновѣсія между свободою одного и свободою другого,—провозглашалась издавна философіею и наконецъ возвѣщена всѣмъ народамъ французскимъ національнымъ собраніемъ. Признаніе свободы личности, какъ исходной точки и принципа государственнаго порядка, начинается съ того момента, когда субъективное человѣческое мышленіе, въ качествѣ источника знанія, было объявлено независимымъ отъ объективныхъ условій внѣшняго міра,—когда естественная историческая необходимость, направлявшая объективную философію древняго міра и среднихъ вѣковъ, была подвергнута критикѣ, и единственною необходимостью въ мірѣ была признана *логическая необходимость*. Разумъ объявленъ не ученикомъ природы и ея явленій, а ихъ судьею; истинно, дѣйствительно, стало только то, что необходимо по законамъ мышленія,—то, противоположнаго чему разумъ не можетъ себѣ представить. Совокупность началъ, признанныхъ необходимыми разумомъ a priori, составляетъ дѣйствительное знаніе; разумъ, освобожденный отъ содержанія, внесеннаго въ него внѣшнимъ міромъ, и оставленный только при необходимыхъ категоріяхъ, заключенныхъ въ немъ самомъ, есть чистый разумъ, — творецъ всякаго знанія и судья всего существующаго.

Орудіе было приготовлено; оставалось приложить его къ дѣлу. Одна за другою всѣ области знанія, всѣ факты внѣшняго міра, проходили предъ новымъ судьею. Всѣ должны были дать отвѣтъ на грозные вопросы: насколько ихъ начала логически необходимы? Можетъ или не можетъ человѣкъ мыслить противное тому, что представляютъ разныя явленія внѣшняго міра? Имѣютъ ли они себѣ оправданіе въ вѣчныхъ началахъ чистаго знанія? Наиболѣе важные результаты имѣла эта критическая работа для политическихъ и общественныхъ наукъ. Здѣсь, по отношенію къ чистому разуму, внѣшнимъ, объективнымъ матеріаломъ явились историческій порядокъ и строй общества. Предъ безусловнымъ знаніемъ, субъективнымъ, стояло опытное, созданное внѣшнею необходимостью; предъ логическою необходимостью — историческая. Сопоставленіе началъ логической необходимости съ историческимъ порядкомъ вещей должно было при-

вести къ взаимному противорѣчію ихъ и наконецъ къ отрицанію этого порядка. Первымъ результатомъ признанія правъ разума здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, было освобожденіе субъективнаго міра отъ внѣшняго, которому такъ была подчинена человѣческая мысль въ древности. Аристотель сказалъ, что государство существуетъ прежде человѣка. Платонъ опредѣлялъ отношеніе государства къ человѣку, какъ отношеніе необходимаго, истиннаго, вѣчнаго (государство) къ преходящему, частному, ложному, обманчивому. Древніе мыслители не могли мыслить человѣка внѣ государства, безъ государства,—только въ немъ имѣлъ онъ истинное значеніе. Но такое подчиненіе субъективнаго человѣка внѣшнему факту, называемому обществомъ и общественною жизнью, должно было убить личную свободу, и доказательствомъ этому служитъ классическое государство, описанное Аристотелемъ и идеализированное Платономъ. Съ появленіемъ естественной философіи, общество и государство, *какъ внѣшній фактъ*, должны были занять то мѣсто, которое у Платона занимала *личность*. Государство и его историческій складъ, какъ продуктъ опыта, были чѣмъ-то случайнымъ, временнымъ, обманчивымъ предъ непреложными началами субъективнаго знанія. Древніе не могли представить себѣ человѣка внѣ государства. Раціональная философія начинаетъ съ того, что мыслитъ человѣка внѣ всякаго общества. Она выставляетъ ученіе о *естественномъ состояніи*. Ученіе это, по мѣткому замѣчанію Шталя, имѣло одно значеніе: „я могу мыслить человѣка внѣ государства“. Оно имѣло задачею выдѣлить изъ человѣческаго разума все, внесенное въ него внѣшнимъ историческимъ порядкомъ, и оставить только нѣсколько безусловно-*необходимыхъ* положеній, на которыхъ должно было построиться ученіе о государствѣ. Всѣ начала міра нравственнаго и юридическаго получили субъективное, личное значеніе. Всѣ опредѣленія нравственной философіи имѣли въ виду личность и вытекали изъ понятія личности. Понятно, что личность должна была сдѣлаться исходною точкою новой государственной теоріи. Платонъ искалъ идею человѣка въ государствѣ, которое одно могло выразить ее вполнѣ; раціональная философія идею государства искала въ человѣкѣ. Если человѣка можно представить себѣ внѣ государства, то понятно само собою, что государство есть продуктъ человѣческой воли; если оно продуктъ воли, то понятно, что основаніемъ его служитъ *договоръ*. Всякій же договоръ есть актъ *свободной* человѣческой воли. Поэтому договоръ можетъ имѣть въ виду только то, что согласно съ идеею свободы. Слѣдовательно, въ государствѣ можетъ быть осуществлена только личная свобода. Оставалось сдѣлать анализъ понятія свободы и указать средства, которыми государство можетъ ее осуществить. Эти сред-

ства и цѣли, какъ извѣстно, у разныхъ писателей были различны, начиная съ деспотизма (у Гоббеса) и кончая республикой (у Руссо).

Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ изслѣдованіе этихъ разнообразныхъ теорій и причинъ, породившихъ это разнообразіе. Нѣсколькихъ соображеній будетъ достаточно для выясненія идеи той свободы, которую защищалъ Б. Констанъ. Признавая государство продуктомъ воли человѣка, вышедшаго изъ естественнаго состоянія, раціональная философія имѣла въ виду не историческаго, соціальнаго человѣка, а вообще идею человѣка,—и идею, очищенную отъ всякихъ внѣшнихъ, т.-е. историческихъ примѣсей. Эта идея, отвлеченная отъ государственнаго порядка и историческаго строя общества, естественно долженствовала быть одинаковою, равною для всѣхъ людей. Отсюда идея равной для всѣхъ свободы или равенства. Равенство требуетъ установленія одинакихъ для всѣхъ правъ. Люди, внѣ общества, въ идеѣ, имѣютъ одинакія права, и преимущественно равными должны быть тѣ права, которыя тѣсно связаны съ идеею человѣка. Только входя въ общество, люди начинаютъ различаться правами. Слѣдовательно, неравенство между людьми есть продуктъ общественной жизни. Въ качествѣ историческаго, случайнаго факта, различіе это не можетъ касаться правъ, кои принадлежатъ идеѣ человѣка,—безъ которыхъ человѣкъ немыслимъ даже въ естественномъ состояніи. Оно касается только правъ, пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ въ обществѣ. Отсюда различіе между такъ-называемыми прирожденными и пріобрѣтенными правами, jura cognata и jura acquisita. Первыя суть права, принадлежащія человѣку независимо отъ всякаго общественнаго договора, въ силу логической необходимости; вторыя устанавливаются и пріобрѣтаются уже въ обществѣ, происшедшемъ изъ договора. Только первыя имѣютъ безусловное значеніе; вторыя поддерживаются условнымъ соглашеніемъ между людьми. Понятно, что къ послѣднему роду правъ отнесены всѣ институты положительнаго права, наглядно создавшіеся подъ вліяніемъ исторіи и общественной жизни. На этомъ пока и остановился анализъ естественнаго права. Мы видимъ, съ одной стороны, идею личности со всѣми ея неотъемлемыми правами, которыя принадлежатъ ей въ силу логической необходимости, *которыхъ она не можетъ не имѣть*: съ другой стороны — ту же личность, видоизмѣненную общественною жизнью, съ правами, созданными обществомъ; они принадлежатъ ей въ силу общественнаго договора, но не въ силу логической необходимости.

Какъ относятся между собою эти двѣ идеи одной и той же личности? Вопросъ чрезвычайно важный для естественнаго права и по-

пожалуй для всей западной Европы, ибо французская революція уже готова была возвѣстить съ каѳедры выводы этой философіи. Въ самомъ понятіи *свободы* произошло какое-то раздвоеніе. Естественное право какъ будто имѣетъ въ виду двѣ свободы. 1) Подъ свободою можно разумѣть права личности, обезпечивающія независимость ея индивидуальнаго бытія отъ произвола другихъ лицъ; эти условія индивидуальнаго развитія суть продуктъ логической необходимости; ихъ человѣкъ *не можетъ не имѣть*, если онъ хочетъ быть личностью; этотъ видъ свободы относится *къ самому понятію личности*. 2) Другое понятіе свободы имѣетъ въ виду практическое проявленіе ея во внѣшнемъ мірѣ, волю человѣка; воля вывела его изъ естественнаго состоянія, воля создала юридическій бытъ, воля установила отношеніе человѣка къ другимъ людямъ.

Понятіе отвлеченной личности не опредѣляетъ еще мѣста человѣка въ обществѣ. Мѣсто это зависитъ отъ юридическаго порядка, созданнаго человѣческою волею, а въ этомъ порядкѣ понятіе объ идеальной личности можетъ затереться и даже погибнуть.

Какое же должно быть отношеніе между этими двумя видами свободы? Съ точки зрѣнія прирожденныхъ правъ, люди равны и свободны; логическая необходимость для всѣхъ одна и та же, и дѣйствительно въ естественномъ состояніи люди всѣ равны; неравенство создается практическою жизнью, условіями общества, при которыхъ одинъ развивается больше, пріобрѣтаетъ больше, стоитъ выше, чѣмъ другой. Въ естественномъ состояніи видимъ мы равныя между собою personæ; въ обществѣ встрѣчается разница между господиномъ и слугою, имущимъ и неимущимъ, отцомъ и дѣтьми и т. д. Первенство, въ силу логической необходимости, принадлежитъ первому порядку; второй, какъ произведеніе исторической случайности, не имѣетъ такихъ правъ на существованіе. Такъ установилось первое противорѣчіе между *тѣмъ, что есть* и *тѣмъ, что должно быть*. Оно постепенно развивалось дальше. На первый взглядъ совокупность прирожденныхъ правъ есть сфера свободы, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но это тождество только кажущееся. Прирожденныя права принадлежатъ человѣку въ силу логической необходимости, а потому человѣкъ не можетъ отъ нихъ отказаться. Они не могутъ быть предметомъ свободныхъ сдѣлокъ. Воля человѣческая не можетъ ихъ измѣнить. Слѣдовательно, свободный договоръ можетъ касаться только правъ производныхъ; но, съ другой стороны, въ этой-то сферѣ и устанавливается неравенство между людьми.

Если допустить безусловное значеніе прирожденныхъ правъ въ обществѣ и не допускать возможности видоизмѣненія ихъ общественнымъ договоромъ, то какъ примирить практическую личность съ

идеальною личностью естественнаго состоянія? Равенство есть коренное свойство прирожденныхъ правъ. Если мы подчинимъ ихъ условіямъ свободнаго договора, — историческимъ условіямъ,—то равенство исчезнетъ, исчезнутъ прирожденныя права, и въ обществѣ будутъ только права пріобрѣтенныя. Для примиренія этого противорѣчія было на первый разъ два выхода. 1) Можно было признать только формальное значеніе прирожденныхъ правъ, затѣмъ подчинить ихъ всѣмъ условіямъ общественнаго договора, и тѣмъ освятить общественное неравенство и историческій порядокъ, въ какой бы то ни было формѣ. 2) Можно было признать безусловное значеніе прирожденныхъ правъ въ обществѣ, отвергнуть возможность свободнаго распоряженія ими, и затѣмъ подчинить весь общественный порядокъ этимъ *непреложнымъ* началамъ. Первый путь избрала бо̀льшая часть писателей естественнаго права до конца XVIII столѣтія, проповѣдуя силу свободнаго договора относительно даже прирожденныхъ правъ, что должно было повести къ окончательному разрушенію свободы. Если человѣкъ соглашается быть рабомъ, то почему же и не такъ? На то его свободная воля. Господинъ только долженъ кормить этого раба, чтобы не уничтожить формальное существованіе его личности. Только эта формальная личность не можетъ быть отчуждаема (господинъ долженъ кормить своего раба, чтобы не дать ему умереть); всѣ же права, посредствомъ которыхъ она выражается въ практической дѣятельности, могутъ отчуждаться (трудъ раба и всѣ его акты принадлежатъ господину). Та же теорія легко примирилась съ феодальными порядками и даже съ деспотизмомъ. Она соглашалась, конечно, что права прирожденныя принадлежатъ личности въ силу логической необходимости. Но должны ли они быть основаніемъ юридическаго порядка? Должны ли права *человѣка* оставаться и правами *гражданина*? Этотъ вопросъ не былъ пока разрѣшенъ естественною философіею, по очень простой причинѣ. Юридическій порядокъ ея договорнаго государства былъ произведеніемъ *воли*, свободы практической, а не безусловнаго разума и логической необходимости.

Иначе разрѣшилъ этотъ вопросъ Руссо. Онъ отвергъ всякую возможность отчужденія прирожденныхъ правъ. Человѣкъ *обязанъ* ихъ имѣть при себѣ; онъ лично долженъ ими пользоваться; онъ не можетъ ихъ отчуждать, ни переносить на другое лицо. Вотъ почему Руссо отвергъ возможность перенесенія народныхъ правъ на государственную власть и осудилъ народное представительство. Общественный договоръ не можетъ видоизмѣнить идеальную личность. Люди рождаются равными и остаются такими въ обществѣ. Понятно, что всѣ учрежденія, созданныя путемъ договора, должны были рухнуть при первомъ прикосновеніи этой теоріи. Естественный порядокъ

долженъ продолжать свое существованіе и въ юридическомъ бытѣ. Все государственное и общественное устройство имѣетъ значеніе настолько, насколько оно приближается къ естественному порядку. Руссо мало занимался экономическими вопросами, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ противникомъ даже экономическаго неравенства. Такъ, онъ смотрѣлъ на институты гражданскаго права, какъ на первый источникъ неравенства. „Тотъ, кто первый *осмѣлился* огородить часть земли и сказать: „это мое“, ввелъ неравенство въ общество“, говоритъ онъ въ своей „Рѣчи о неравенствѣ“.

Эти слова знаменитаго республиканца приводятъ насъ еще къ одному противорѣчію, присущему раціональной философіи. Мы разсмотрѣли противорѣчіе, произведенное формальнымъ разграниченіемъ правъ на прирожденныя и пріобрѣтенныя. Еще большій споръ долженъ былъ возбудить вопросъ *о содержаніи и объемѣ этихъ правъ*. Какія права могутъ быть отнесены къ прирожденнымъ, какія—къ пріобрѣтеннымъ правамъ? Какое право необходимо логически, тѣсно связано съ существомъ личности, взятой независимо отъ общества, какія права созданы обществомъ? Прежде всего вниманіе философовъ остановилось на собственности. Имѣетъ ли личность безусловное, необходимое право на землю и ея плоды? Въ естественномъ состояніи или въ томъ, которое они считали за естественное, философы не находили собственности. „Послѣ сотворенія міра, говоритъ Гроцій [1]), Богъ далъ человѣческому роду общее право на всѣ предметы нашей природы“. Все принадлежало всѣмъ. Это могло бы продолжаться, если бы люди сохранили первобытную чистоту и простоту нравовъ (т.-е. остались бы въ естественномъ состояніи). Но они не сохранили этой простоты, предались наукамъ и искусствамъ, т.-е. вкусили отъ древа познанія добра и зла, и постепенно возникъ общественный порядокъ со всѣмъ его неравенствомъ. То же самое говорили Вольфъ, Томазій и Пуфендорфъ. Почти всѣ главные философы до Канта согласны были въ томъ, что общность имущества есть первобытный фактъ естественнаго состоянія. То же самое было и съ другими правами. Нѣкоторые философы относили право отца надъ дѣтьми къ правамъ прирожденнымъ, другіе отвергали это и т. д. Пока споръ этотъ оставался въ области логики и имѣлъ своимъ „театромъ“ кварганты и in folio, онъ не могъ имѣть особенно важныхъ практическихъ послѣдствій. Притомъ большинство философовъ-раціоналистовъ довольствовалось признаніемъ формальной личности, очень удобно объясняя всѣ явленія положительнаго права свободою людей и общественнымъ договоромъ. Вслѣдствіе этого, философы могли оставаться

---

[1]) *Le droit de la guerre et de la paix.* II, 2 § 1, и слѣд.

одновременно и смѣлыми мыслителями, и спокойными гражданами полуфеодальныхъ государствъ.

Но скоро этотъ споръ долженъ былъ получить болѣе практическое значенiе, выступить на сцену всемiрной исторiи. Для людей, выводившихъ государство изъ договора первоначально свободныхъ и равныхъ между собою личностей, ясно было, что въ обществѣ люди могутъ пользоваться только тѣми правами, которыя имъ принадлежатъ въ силу ихъ личнаго значенiя. Предъ ними теряютъ всякое значенiе всѣ другiя права. Ни одинъ человѣкъ не можетъ уступить другому ни одной частицы своей свободы, ни равенства. Въ обществѣ не можетъ быть лицъ, которымъ другiя уступили часть своихъ правъ. Когда люди посредствомъ договора создаютъ общество, они должны сохранить и равенство и свободу. Посему, общество должно быть устроено такъ, чтобы, вступая въ него, каждый столько же давалъ всѣмъ, сколько получаетъ отъ нихъ. Если общество передастъ часть своихъ правъ нѣсколькимъ лицамъ, эти лица составятъ привилегированный классъ, а другiя — классъ подчиненный. Слѣдовательно, каждый, вступая въ общество, передаетъ свои права *всему обществу*; а все общество даетъ ему свои права, и онъ получаетъ столько же, сколько далъ. Затѣмъ, каждое лицо, вступая въ договоръ, должно отдать обществу свои права, чтобы имѣть право получить отъ общества ихъ эквивалентъ. Если это лицо удержитъ часть своихъ правъ, оно будетъ не равнымъ, а привилегированнымъ членомъ общества, и послѣднее должно заставить его вступить въ общественный договоръ и сдѣлаться настоящимъ гражданиномъ; on le forcera d'être libre, какъ говорилъ Руссо. Примѣненiе этихъ началъ къ прiобрѣтеннымъ правамъ должно было уничтожить всякое значенiе послѣднихъ и повести къ полной нивеллировкѣ общества. Руссо самъ не сдѣлалъ полнаго примѣненiя высказанныхъ имъ началъ, но прочно установилъ право общества распоряжаться правами своихъ членовъ въ видахъ равенства и свободы. У него находятся уже слѣдующiе выводы: „Ни одинъ гражданинъ не долженъ быть богатъ настолько, чтобы имѣть возможность купить другого, — ни бѣденъ настолько, чтобы имѣть нужду продаваться. Если вы хотите прочности государства, примиряйте эти двѣ крайности: не терпите ни слишкомъ богатыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ людей. Эти два неразлучные между собой класса гибельны для общаго блага. Изъ послѣдняго класса выходятъ виновники тиранiи, изъ другого—тираны; между ними совершается купля и продажа общественной свободы; одни покупаютъ, другiе продаютъ ее". Мабли выражается еще рѣшительнѣе. „Мнѣ трудно отгадать, говоритъ онъ, какъ люди дошли до установленiя собственности... и если бы я не боялся оскорбить нашихъ предковъ, какихъ бы я упре-

ковъ надѣлалъ имъ за ошибку, которую имъ почти невозможно было сдѣлать! Природа требуетъ, чтобы общественное и имущественное равенство было необходимымъ условіемъ процвѣтанія государствъ".

Послѣ такихъ выводовъ естественному праву уже нельзя было оставлять за свободою значеніе индивидуальнаго факта. Она сдѣлалась достояніемъ общества, которое уже въ равной степени сообщаетъ ее всѣмъ своимъ членамъ. Въ этомъ смыслѣ значеніе индивидуальной свободы почти утратилось. Человѣкъ свободенъ лишь какъ часть общества, но не какъ личность сама по себѣ. Все, что составляетъ дѣйствительную свободу,—собственность, религіозная свобода, свобода слова,—поступаетъ въ распоряженіе общества, общей воли, владыки всѣхъ отдѣльныхъ гражданъ. Нѣчто подобное существовало уже въ древнемъ мірѣ. Тамъ каждый человѣкъ имѣлъ значеніе лишь какъ гражданинъ и не пользовался ни однимъ изъ тѣхъ правъ, которыми такъ дорожитъ современное человѣчество. Цицеронъ говоритъ, что никто не долженъ имѣть новыхъ и чуждыхъ боговъ, если они не признаны закономъ. Цензура въ Римѣ касалась мельчайшихъ подробностей обыденной жизни. Терпандръ въ Спартѣ не могъ прибавить одной струны на свою лиру, безъ разрѣшенія эфоровъ. Но мнѣ кажется, что многіе писатели слишкомъ преувеличиваютъ вліяніе греческихъ и римской республикъ на теоріи французскихъ республиканцевъ, преимущественно же на теорію Руссо. Она была, главнымъ образомъ, продуктомъ естественной философіи, подъ вліяніемъ которой и классическія республики получили особенное значеніе для дѣятелей XVIII ст.

Вопросъ о свободѣ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Всѣ были согласны въ томъ, что государство составляется изъ личностей, въ силу свободнаго между ними договора. Но, затѣмъ, какое значеніе сохраняетъ личность въ обществѣ? Какія ея права должны быть здѣсь осуществлены? Насколько они осуществимы? По всѣмъ этимъ вопросамъ господствуетъ полное разногласіе.

Если мы составимъ понятіе свободы изъ нѣсколькихъ практическихъ, реальныхъ правъ на внѣшнюю природу, мы потребуемъ такой организаціи общества, гдѣ потребности всѣхъ должны быть удовлетворены въ равной степени. Въ этомъ случаѣ мы пойдемъ за Руссо, а отъ него—естественный переходъ къ соціализму и коммунизму. Человѣкъ имѣетъ право требовать отъ общества удовлетворенія своихъ потребностей или въ силу того, что онъ работаетъ (соціализмъ), или просто въ силу того, что онъ живетъ на землѣ (коммунизмъ). Съ другой стороны, понятія о формальномъ значеніи личности съ ея прирожденными правами были пока страшно запутаны. Желая дать этимъ прирожденнымъ правамъ дѣйствительное значеніе, философы

подыскивали для нихъ какое-нибудь реальное содержаніе, забывая, что это реальное содержаніе можетъ принадлежать только пріобрѣтеннымъ правамъ,—и по очень простой причинѣ. Понятіе о прирожденныхъ правахъ получается при анализѣ человѣческой природы, взятой независимо отъ общества и внѣшней природы. Ученіе о естественномъ состояніи выясняло значеніе человѣческой личности въ тотъ моментъ, когда она еще не вступала ни въ какія практическія отношенія съ внѣшнею природою [1]). Прирожденныя права суть продуктъ чистаго или безусловнаго разума, а потому не имѣютъ еще никакого реальнаго содержанія. Но вотъ воля или, по Канту, практическій разумъ выводитъ человѣка изъ естественнаго состоянія. Онъ вступаетъ въ отношеніе къ внѣшней природѣ и другимъ людямъ, занимаетъ въ этомъ мірѣ опредѣленное положеніе. Но будетъ ли это положеніе *практической* личности соотвѣтствовать значенію личности идеальной? Сохранитъ ли она свои прирожденныя права? Собственно говоря, всякая личность въ обществѣ можетъ имѣть только пріобрѣтенныя права; ибо каждое право въ обществѣ выражаетъ отношеніе одного лица къ другимъ лицамъ, а въ договорномъ государствѣ (каково государство по понятіямъ естественной философіи) всѣ эти отношенія создаются и опредѣляются тою же волею, которая вывела людей изъ естественнаго состоянія. Вопросъ заключается, слѣдовательно, только въ томъ, до какой степени будетъ измѣнена эта личность общественнымъ порядкомъ. Останется ли отъ нея только имя, форма (какъ въ рабѣ), или прирожденныя права обезпечатъ свободное положеніе человѣка въ обществѣ и составятъ ту сферу индивидуальности, которую не въ силахъ будетъ перешагнуть никакая власть,

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ никакъ нельзя допустить, чтобы въ естественной философіи ученіе о естественномъ состояніи имѣло значеніе историческаго факта, который предшествуетъ образованію государства. Руссо, Гроцій и другіе рисуютъ намъ картины естественнаго состоянія, подкрѣпляютъ ихъ даже примѣрами изъ исторіи; но въ ихъ сочиненіяхъ это—ненужные аксессуары. Главная ихъ цѣль: *выяснить значеніе человѣка внѣ общества.* Вотъ почему мы и должны отличать теорію естественнаго состоянія, необходимую для естественной философіи, отъ историческихъ примѣровъ, которые здѣсь не нужны и большею частью невѣрны. Забавны поэтому тѣ, которые сражаются противъ естественнаго состоянія, доказывая, что его никогда не было; какъ будто философы нуждались въ томъ, чтобы оно было! Теорія естественнаго состоянія возникла изъ потребности *общую теорію идеальной личности противоположить историческому порядку*; а ее опровергаютъ историческими примѣрами! Изложеніе этой теоріи, въ смыслѣ историческаго факта, было только средствомъ провести свои начала въ науку,—формою изложенія,—ни больше, ни меньше. Современная наука не нуждается въ подобныхъ пріемахъ; она можетъ изучать человѣка въ обществѣ, потому что абсолютное значеніе его достаточно уже выяснено. И въ этомъ — великая заслуга раціональной философіи.

не нарушивъ тѣмъ всѣхъ условій юридическаго порядка и началъ справедливости? Слѣдовательно, эти права въ обществѣ имѣютъ совершенно другое значеніе, нежели права пріобрѣтенныя. Послѣднія опредѣляютъ дѣйствительное положеніе человѣка въ обществѣ, а потому имѣютъ положительное значеніе; они означаютъ всегда цифру опредѣленнаго имущества, рангъ человѣка въ *данной* общественной іерархіи, и т. д. Первыя имѣютъ болѣе отрицательный характеръ, указываютъ только на тѣ условія, при которыхъ можетъ установиться правильный юридическій бытъ, безъ нарушенія свободы и самостоятельности отдѣльныхъ личностей. Поэтому подъ прирожденными правами можно разумѣть только условія, безъ коихъ не могутъ быть пріобрѣтены никакія права; это не право, а правоспособность, независимость личнаго бытія и моральнаго существованія. Эти права имѣютъ юридическое значеніе въ томъ смыслѣ, что они: a) обусловливаютъ независимость людей другъ отъ друга, открывая всѣмъ *возможность* полученія всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, и b) устанавливаютъ предѣлы и способы пріобрѣтенія этихъ послѣднихъ правъ, не дозволяя никому уничтожать значеніе личности другого и пользоваться какими-нибудь средствами, вредящими свободному развитію другихъ людей.

Неудивительно, что естественная философія могла опредѣлить эти права только отрицательными признаками. Еслибы прирожденныя права имѣли какое-нибудь реальное содержаніе или, лучше сказать, опредѣленный объектъ въ мірѣ физическомъ или имущественной сферѣ, то, при рожденіи каждаго новаго человѣка на землѣ, приходилось бы передѣлывать весь существующій строй общества, чтобы дать мѣсто новому пришельцу. Когда естественная философія говоритъ о прирожденномъ правѣ человѣка *не быть* средствомъ для другихъ, *не быть* рабомъ, и т. д., она поступаетъ очень логично. Но этотъ отрицательный характеръ имѣетъ и положительное значеніе въ обществѣ. Если одинъ человѣкъ не можетъ быть средствомъ для другого, если никто не можетъ развивать свою личность на счетъ другихъ, то, съ другой стороны, всѣ лица имѣютъ равное право для осуществленія всѣхъ своихъ цѣлей, подъ единственнымъ условіемъ признанія подобныхъ правъ въ другихъ людяхъ. Одно право сдерживается другимъ такимъ же правомъ, или, какъ говорилъ Кантъ, свобода одного совмѣщается съ свободою другого по всеобщему закону свободы.

Если прирожденныя права не имѣютъ опредѣленнаго объекта, а суть только равныя для всѣхъ условія пріобрѣтенія (дозволенными средствами) разныхъ правъ на эти объекты, то очевидно, что и *власть политическая* (imperium) не можетъ составлять содержанія этихъ

правъ. Изъ существа идеальной личности не можетъ быть выведено право на государственную власть. Оно есть право пріобрѣтенное и пріобрѣтаемое, а потому не можетъ составлять прирожденнаго права гражданъ. Личная свобода не есть власть, ибо самые признаки той и другой различны. Можно еще, съ разными натяжками, отнести право собственности къ числу прирожденныхъ правъ; но по отношенію къ политической власти это рѣшительно невозможно. Власть есть право, даваемое ея носителю не для удовлетворенія своихъ личныхъ цѣлей и потребностей, а для общаго блага; поэтому она (составляя право для другихъ лицъ) для человѣка, облеченнаго ею, есть *обязанность,* отъ которой онъ не можетъ отказаться, не покинувши своего поста. Въ древности народъ имѣлъ власть, но не пользовался тѣмъ, что̀ естественная философія называла прирожденными правами, обусловливающими человѣческую свободу. Выдѣлить понятіе *этой* свободы отъ всѣхъ чуждыхъ ей примѣсей было задачею послѣднихъ представителей естественной философіи и нѣкоторыхъ публицистовъ, не относящихся прямо къ этой школѣ.

Во Франціи болѣе всего способствовалъ этому разъясненію Монтескьё. Онъ указываетъ на то, какое различное понятіе о свободѣ имѣли его современники. Нѣтъ слова, говоритъ онъ, которое бы получило столь разнообразное значеніе, какъ слово „свобода". Одни принимаютъ его за возможность низложить тирана; другіе—за право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи—за право быть вооруженнымъ и дѣлать разныя насилія; нѣкоторые связываютъ это слово съ опредѣленною формою правленія, въ противоположность другимъ формамъ. Нѣкоторые называютъ свободою правленіе, согласное съ ихъ обычаями и наклонностями. А такъ какъ въ республикахъ орудія зла не всегда на глазахъ, и законы тамъ, повидимому, говорятъ больше, а исполнители ихъ—меньше, то и свободу помѣщаютъ въ республикѣ, исключая изъ монархій. Наконецъ, такъ какъ въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что̀ хочетъ, то свободу отождествили съ этою формою правленія и *смѣшали власть народа съ его свободою.* Дѣйствительно, въ демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что̀ хочетъ. Но свобода политическая не заключается въ возможности дѣлать все, что̀ хочешь.

Что̀ же такое свобода? Всѣмъ извѣстно опредѣленіе Монтескьё, что свобода есть право дѣлать все дозволенное законами; еслибы гражданинъ могъ дѣлать то, что̀ они запрещаютъ, не было бы свободы, ибо всѣ имѣли бы то же право. Это опредѣленіе Монтескьё было имъ дурно выражено, но еще хуже комментировано послѣдующими учеными. Если остановиться только на этихъ словахъ, то, очевидно, мы не получимъ никакого понятія о свободѣ. Но понятіе Мон-

тескьё о свободѣ заключается не въ этомъ опредѣленіи, а въ нѣсколькихъ дефиниціяхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, которыя разсѣяны въ VI главѣ XI книги его труда, хотя мы напрасно будемъ искать въ нихъ опредѣленія сущности свободы. Во-первыхъ, приведенное выше выраженіе есть неудачное подражаніе изреченію Цицерона (на которое ссылается и Монтескьё): omnes legum servi sumus ut liberi esse possimus. Цицеронъ говоритъ, что свобода гражданъ возможна тогда, когда всѣ будутъ держаться въ предѣлахъ закона. Очевидно, это практическое условіе свободы, а не ея опредѣленіе. Опредѣленіемъ этихъ условій и занимается все время Монтескьё. Въ другомъ мѣстѣ, которое попало и въ знаменитый Наказъ Екатерины II, онъ говоритъ, что политическая свобода состоитъ въ спокойствіи духа, проистекающемъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности; а для того, чтобы достигнуть этой свободы, правительство должно быть таково, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другого. Итакъ, правительство и его законы должны опредѣлять границы дѣятельности каждаго человѣка, дабы одинъ могъ спокойно развиваться подлѣ другого. Гражданскій порядокъ держится на равновѣсіи личныхъ правъ; никто не можетъ вторгнуться въ сферу, подлежащую личной дѣятельности другого. Эти условія вполнѣ согласны съ принципомъ личной свободы по естественному праву. Имѣлъ ли Монтескьё понятіе о самомъ принципѣ? Не только имѣлъ, но и развилъ его довольно подробно, хотя не въ XI книгѣ,—которую обыкновенно цитируютъ, говоря о понятіяхъ Монтескьё о свободѣ,—а въ XII и отчасти въ XIII.

Философская свобода, говоритъ онъ, состоитъ въ осуществленіи своей воли или, по крайней мѣрѣ, въ убѣжденіи, что ее осуществляешь. Политическая свобода состоитъ въ безопасности или въ убѣжденіи, что имѣешь эту безопасность [1]). Выводъ изъ этого краткаго положенія ясенъ. Понятіе о личности требуетъ, чтобы каждый имѣлъ право употреблять свои способности по своему усмотрѣнію; государственное устройство должно быть таково, чтобы за каждымъ была обезпечена эта возможность. Слѣдовательно, политическое устройство есть система гарантій, необходимыхъ для осуществленія этой философской свободы. Въ чемъ же проявляется эта философская свобода? Монтескьё приступаетъ въ дальнѣйшихъ главахъ XII книги къ изслѣдованію гарантій, необходимыхъ для „спокойствія всѣхъ“. Но изъ этихъ главъ видно также, какія стороны человѣческой дѣятельности Монтескьё желалъ обезпечить за философскою свободою. Свобода ре-

[1]) См. *De l'esprit des lois*, XII, 2.

лигіозная [1]), свобода печати, мысли и слова [2]), собственности [3]),— таковы права личности, которыя должна обезпечить каждая государственная власть, будь это демократія или монархія.

Книга XII имѣетъ въ виду выяснить значеніе личности въ частной ея дѣятельности. Государственная власть должна охранять свободу этой дѣятельности. Но каково должно быть устройство самой государственной власти для того, чтобы она могла удовлетворять этому назначенію? Руссо отвѣтилъ бы, что для свободы необходимо, чтобы власть принадлежала всѣмъ гражданамъ, т. е., чтобы граждане были политическою властью. Но Монтескьё хорошо понималъ, что злоупотребленіе власти или, лучше сказать, неюридическое отношеніе ея къ гражданамъ возможно при всякой формѣ правленія, въ томъ числѣ и въ республикѣ; другими словами, перемѣщеніе власти изъ однѣхъ рукъ въ другія не разрѣшаетъ вопроса объ отношеніи личности къ государству. Монтескьё приводитъ примѣры подавленія личной свободы въ Турціи, Венеціанской республикѣ и другихъ формахъ правленія. Много вредныхъ послѣдствій, говоритъ онъ, происходитъ отъ того, что *свободу народа смѣшиваютъ съ властью народа*. Замѣчательныя слова, которыя, къ сожалѣнію, были забыты во время революціи.

Легко было предвидѣть, какъ Монтескьё разрѣшитъ этотъ вопросъ. Философская (или личная) свобода требуетъ установленія равновѣсія между членами общества, съ помощью государственной власти. Цѣль государственной власти есть именно установленіе этого равновѣсія. Поэтому сама государственная власть должна быть построена на началахъ равновѣсія. Государство тогда достигнетъ своей цѣли, когда произойдетъ раздѣленіе между судебною, законодательною и исполнительною властями, и каждая изъ нихъ будетъ служить естественнымъ предѣломъ другой власти. Pour qu'on ne puisse abuser du pouvoir, говоритъ онъ, il faut que, par la disposition des choses, le pouvoir arrête le pouvoir. По мнѣнію Монтескьё, главная причина деспотизма заключается въ томъ, что бо́льшая часть современныхъ этому писателю государствъ представляла полное смѣшеніе всѣхъ властей въ однѣхъ рукахъ. Для Монтескьё все равно, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться совокупность этихъ властей. Республика,— гдѣ собраніе гражданъ можетъ издать законъ, несправедливый для меньшинства или даже для одной личности, привести его въ исполненіе своею властью и за сопротивленіе ему осудить гражданина на

---

[1]) *De l'esprit des lois*, XII, 4 и 5.
[2]) ib. 7, 8, 9, 10, 11, 12, особ. 13.
[3]) Книга XIII, глава 1-я и нѣкоторыя другія.

смерть или изгнаніе,—не обезпечиваетъ личной свободы точно такъ же, какъ ея не обезпечиваетъ и власть падишаха. „Государственное устройство должно быть таково, чтобы никто не могъ быть принужденъ дѣлать то, чего законъ не предписываетъ, и чтобы никому нельзя было запретить дѣлать дозволенное законами".

Изъ всего этого видно также, что̀ такое законъ, по мнѣнію Монтескьё. Это есть норма, установленная государственною властью, для опредѣленія дѣятельности гражданъ. Цѣль этой нормы—обезпечить каждому возможность свободнаго развитія. Подобно государству, законъ имѣетъ чисто-охранительное значеніе. Онъ не указываетъ гражданамъ никакой опредѣленной дѣятельности, никакихъ цѣлей. Онъ, подобно самому государству, существуетъ въ видахъ личной свободы.

Такъ установилось въ Западной Европѣ, предъ самою французскою революціею, два направленія относительно важнаго вопроса о свободѣ. Одни понимали его, какъ совокупность дѣйствительныхъ правъ, принадлежащихъ личности и необходимо требующихъ осуществленія въ обществѣ. Личность имѣетъ право не только на возможность ихъ пріобрѣтенія, равную для всѣхъ, но и на дѣйствительное ихъ осуществленіе. Этому направленію необходима была конфискація всѣхъ пріобрѣтенныхъ правъ, находящихся въ обладаніи разныхъ членовъ современнаго общества, для распредѣленія ихъ между всею массою гражданъ,—необходима была конфискація власти у правительства, для передачи ея народу. О границахъ этой власти не заботились. Если она принадлежитъ всѣмъ, то, очевидно, всѣ ею пользуются одинаково, а потому всѣ равно ограждены отъ злоупотребленій. Другіе писатели думали, что распредѣленіе пріобрѣтаемыхъ правъ лучше всего предоставить личной свободѣ. Человѣкъ, входя въ общество, не получаетъ ничего, кромѣ возможности развитія и пріобрѣтенія разныхъ правъ. Задача власти заключается въ томъ, чтобы эта возможность была обезпечена равно за всѣми. Поэтому для писателей этого направленія вопросъ о границахъ государственной власти былъ вопросомъ первостепенной важности. Имъ все равно было, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться государственная власть; личная свобода, при существованіи законовъ, въ большей или меньшей степени можетъ быть осуществлена при всякой формѣ правленія, кромѣ деспотической или другой негосударственной формы [1]). Необходимо, чтобы дѣятельность каждаго человѣка, равно какъ и

---

[1]) Что въ правильной (т. е. настоящей государственной) формѣ государственная власть можетъ дѣйствовать только чрезъ законы—было доказано еще Платономъ. На этомъ признакѣ и построено раздѣленіе формъ правленія на правильныя и неправильныя, въ его соч. „О политикѣ" (государственномъ человѣкѣ).

право государства, имѣла свои предѣлы; эти предѣлы опредѣляются прирожденными правами каждаго человѣка (отрицательно) и законами (положительно).

Во всякомъ случаѣ, обѣ школы провозгласили одинаково нивеллирующія начала. Свобода, т. е. правоспособность человѣка—одинакова для всѣхъ. Всѣ кастовыя и сословныя различія, вредныя для общей равноправности, осуждаются; всѣ феодальныя повинности, корпораціи и порядки считаются гибельными для свободнаго развитія личности. Но, не смотря на это наружное сходство двухъ направленій, различіе ихъ весьма велико. Первымъ направленіемъ прежній порядокъ уничтожается во имя власти народа, вторымъ—во имя его свободы. Первое конфискуетъ все въ пользу новаго владыки и подчиняетъ ему каждаго гражданина. Второе ничего не конфискуетъ; оно уничтожаетъ исключительное положеніе нѣкоторыхъ видовъ собственности, нѣкоторыхъ классовъ общества,—дѣлаетъ это положеніе доступнымъ всѣмъ и каждому, но отказывается отъ всякихъ положительныхъ мѣръ въ пользу отдѣльныхъ членовъ общества.

Въ то время противоположеніе это не дошло еще до послѣднихъ своихъ границъ, какъ это случилось при концѣ французской революціи и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Но тѣмъ не менѣе важно было, какое изъ этихъ направленій возьметъ верхъ. Учредительное собраніе готово уже провозгласить съ трибуны то, что вырабатывалось въ тишинѣ кабинетовъ.

Учредительное собраніе было созвано для составленія конституціи (для обновленной Франціи) и цѣлаго ряда законовъ, соотвѣтствующихъ новому порядку вещей. Но, прежде чѣмъ оно приступило къ этой работѣ, оно сочло нужнымъ формулировать начала этой конституціи и этихъ законовъ. Начала эти имѣли въ виду утвердить значеніе личности въ новомъ государственномъ порядкѣ. Они были послѣднимъ словомъ того отрицанія феодально-историческаго порядка, которое теоретически развивалось въ естественномъ правѣ, практически—въ движеніи общинъ и третьяго сословія. Декларація правъ должна была выставить начала раціонально-юридическаго порядка, въ противоположность разрушившемуся историческому строю общества. Прочитывая введеніе къ этой декларацiи, нельзя не видѣть сопоставленія (и даже противоположенія) человѣка и порядка историческаго съ человѣкомъ и порядкомъ естественнымъ. О чемъ говоритъ это введеніе? Съ одной стороны,—о порядкѣ, при которомъ невѣжество, забвеніе и презрѣніе уничтожали *права человѣка*; съ другой,—о необходимости возстановить и выразить въ манифестѣ эти естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка,—afin que cette déclaration, constamment présente à tous les membres du corps social, leur

rappelle sans cesse leurs droits et leurs devoirs. Итакъ, надо покончить съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ права личности были презрѣны и забыты, и создать новый, въ которомъ они служили бы главнымъ основаніемъ общественнаго зданія и *опредѣляли бы права и обязанности каждаго*. Новый юридическій порядокъ будетъ построенъ, слѣдовательно, на принципѣ личности, вооруженной разными естественными, неотчуждаемыми и священными правами. Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о правахъ личности, независимыхъ отъ общественнаго порядка,—о тѣхъ правахъ, которыя каждый имѣетъ какъ человѣкъ, а не какъ членъ политическаго общества. Но если они должны послужить основаніемъ юридическаго порядка, то каждый человѣкъ долженъ сохранять ихъ, вступая въ общество, ибо они *неотчуждаемы*. Вотъ почему, въ концѣ введенія, они называются правами *человѣка и гражданина*. Въ этомъ отношеніи декларація является послѣдовательницею Руссо. Естественный порядокъ долженъ продолжать свое существованіе и въ порядкѣ юридическомъ. Задача каждаго политическаго общества,—продолжаетъ декларація правъ (ст. 2),—состоитъ въ охраненіи этихъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Руссо, вѣроятно, призналъ бы эти начала своими. Но вслѣдъ затѣмъ начинается полнѣйшее разногласіе съ положеніями этого мыслителя, равно какъ и съ началами стараго естественнаго права. Противорѣчіе это встрѣчается въ той же 2-й статьѣ. Между естественными и неотчуждаемыми правами человѣка, — т.-е. правами, извѣстными въ естественномъ правѣ подъ именемъ jura cognata, — помѣщена и *собственность*, которая всѣми учителями естественнаго права относится къ правамъ пріобрѣтеннымъ (jura acquisita). Ст. 17 прибавляетъ къ этому, что собственность есть ненарушимое и священное право, которое можетъ быть отчуждено только въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, для общественной пользы и за соотвѣтствующее вознагражденіе. Это постановленіе національнаго собранія является явною уступкою историческому праву. Далѣе, ст. 6 допускаетъ народное представительство [1]), что, конечно, несогласно съ теоріею неотчуждаемости народныхъ правъ, изложенною у Руссо. Наконецъ, декларація объясняетъ, что законы, изданные этими представителями, могутъ опредѣлить мѣру и границы личной свободы (ст. 4), т.-е., въ сущности, распоряжаться „правами человѣка". Такое постановленіе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ положенію Монтескьё, что свобода состоитъ въ правѣ дѣлать все не запрещенное законами.

---

[1]) La loi est l'expression de la volonté générale; „tous les citoyens ont droit de concourir personnellement, ou par leurs représentants, à sa formation".

Такое *примиренiе* самыхъ противоположныхъ философскихъ началъ въ актѣ,—долженствовавшемъ получить *обязательную силу*, какъ основанiе конституцiи,—внесло темноту, противорѣчiя и запутанность въ политическую сферу, въ тѣ времена и безъ того темную. Многiе изъ первоклассныхъ двигателей революцiи высказали опасенiе по поводу этихъ „философскихъ фантазiй Лафайэта", какъ ихъ называли. Нѣкоторыя лица прямо признали ихъ вредными. Таковы были Лалли-Толлендаль, Мунье, Мирабо и Сiйесъ. Но даже и не для такихъ политическихъ умовъ было ясно, что въ политической практикѣ должно произойти столкновенiе между политическими убѣжденiями Монтескьё и республиканствомъ Руссо, и что послѣднее рано или поздно должно будетъ взять верхъ. Какая судьба ожидала идею свободы?

II.

Между тѣмъ эта идея увлекала не только французовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кого „просвѣтительный" XVIII вѣкъ приготовилъ въ адепты революцiи. Множество лицъ спѣшили въ эту чудную страну, гдѣ можно было увидѣть на яву то, что до тѣхъ поръ преподавалось въ учебникахъ философiи и естественнаго права. Къ числу ихъ принадлежалъ и Б. Констанъ. По происхожденiю своему онъ былъ французъ, но гражданиномъ Францiи онъ сдѣлался только послѣ революцiи. Онъ не родился во Францiи. При старомъ порядкѣ онъ не могъ быть ея гражданиномъ. Доступъ на родину въ качествѣ ея гражданина доставила ему одна изъ тѣхъ видовыхъ формъ свободы, которой онъ въ своихъ сочиненiяхъ посвятилъ много превосходныхъ страницъ,—свобода совѣсти. Предки Констана, какъ протестанты, были изгнаны изъ Францiи. Они нашли убѣжище въ той странѣ, гдѣ долго проживала вся мыслящая свободная Францiя,—откуда длинныя руки французской полицiи не могли достать Вольтера,—въ Швейцарiи.

Генрихъ-Бенжаменъ Констанъ де-Ребеккъ родился 23 октября 1767 г. въ Лозаннѣ. Онъ получилъ воспитанiе въ духѣ своихъ семейныхъ, т.-е. протестантскихъ преданiй. Онъ рано усвоилъ себѣ всѣ начала отвлеченной и формальной свободы, къ которой приготовляетъ всякое протестантское воспитанiе. Лучше всего это видно на его религiозныхъ воззрѣнiяхъ. Впослѣдствiи ему много приходилось писать о религiи. Спецiально къ этому вопросу относится большой трудъ его *De la Religion*, въ трехъ томахъ.

Авторъ глубоко проникнутъ религiознымъ чувствомъ. Съ исторiей въ рукахъ доказываетъ онъ всеобщность, а слѣдовательно и необходимость религiознаго сознанiя у всѣхъ людей. Но затѣмъ Констанъ

старается свести религію на степень индивидуальнаго чувства,—одиночнаго, хотя и естественнаго стремленія души къ Богу. Онъ—врагъ религіи въ формѣ положительнаго культа. По его мнѣнію, индивидуальное чувство—живая сущность, а положительный культъ—мертвящая форма религіи. „Всякая положительная форма, говоритъ онъ (т. I, гл. II), хотя бы удовлетворительная для настоящаго времени, заключаетъ въ себѣ зародышъ оппозиціи всякому прогрессу въ будущемъ. Она получаетъ (въ силу своей продолжительности) догматическій и неподвижный характеръ, препятствующій ей слѣдить за открытіями разума и за стремленіями души, которыя съ каждымъ днемъ становятся чище и возвышеннѣе...“ Зародышъ этихъ воззрѣній должно искать въ протестантскомъ воспитаніи Констана. Но политическаго закала (въ миніатюрномъ политическомъ мірѣ Швейцарскихъ кантоновъ) онъ получить не могъ. Единственный политическій „вопросъ“, имѣвшій на него вліяніе въ Швейцаріи, заключался въ борьбѣ противъ бернской аристократіи. Дѣйствительно, онъ долгое время питалъ отвращеніе ко всякимъ аристократическимъ формамъ и стоялъ за равенство гражданъ. Это не помѣшало ему впослѣдствіи писать въ защиту наслѣдственности пэрства [1]. Впрочемъ, бернскія происшествія принадлежатъ къ раннимъ воспоминаніямъ его молодости. Констанъ не могъ принадлежать къ добрымъ гражданамъ маленькой республики и жить ея треволненіями. Его подвижная натура не дозволяла ему долго сидѣть на мѣстѣ. Въ теченіе своей молодости онъ объѣздилъ много странъ, набрался разнообразныхъ свѣдѣній и ощущеній. Въ Парижѣ онъ сошелся съ энциклопедистами; затѣмъ отправился въ Эдинбургъ и долго вращался въ средѣ виговъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ Германію. Его пылкому, впечатлительному уму было надъ чѣмъ здѣсь поработать. Философія Канта уже гремѣла въ ученомъ мірѣ; Шиллеръ написалъ уже многія изъ лучшихъ своихъ произведеній. Констанъ съ жадностью читалъ ихъ произведенія, равно какъ и труды І. Мюллера; въ то же время онъ посѣщалъ Эрлангенскій университетъ. Не одна наука и литература занимали Констана въ Германіи; онъ попалъ къ Брауншвейгскому двору, гдѣ скоро сдѣлался желаннымъ гостемъ во всѣхъ салонахъ. Такимъ образомъ, до 28-лѣтняго возраста онъ успѣлъ побывать гостемъ всѣхъ странъ; каждая страна дала ему много пищи для ума,—и притомъ какой пищи!—сначала творенія энциклопедистовъ, потомъ шотландскую и англійскую философію, наконецъ философію Канта и произведенія Шиллера. Разностороннее образованіе Констана было закончено. Будущій великій публицистъ и литераторъ былъ готовъ. Но

[1]) *Cours de pol. const.*, I, p. 306 и слѣд.; также въ другихъ мѣстахъ.

нельзя не обратить вниманія на то важное обстоятельство, что во все это время онъ нигдѣ не былъ гражданиномъ. Потомокъ изгнанной французской фамиліи, онъ не могъ замѣнить прежнихъ національныхъ преданій швейцарскимъ патріотизмомъ; Германія могла дать ему философію, но понятія о дѣйствительной политической жизни онъ не могъ встрѣтить нигдѣ. Сами нѣмцы увлекались философіей, мистицизмомъ, иллюминатствомъ; но всѣ эти системы и теоріи для массы нѣмецкой публики имѣли пока значеніе не средства, возбуждающаго къ политической дѣятельности, а скорѣе области, гдѣ можно было забыть самое политическое существованіе раздробленной Германіи. Эту дѣйствительность Германіи нѣмцы охотно забывали не только для философіи, но даже для „очаровательныхъ“ призраковъ, возведенныхъ въ философскую систему Лафатеромъ, Гаманомъ [1]), Гиппелемъ [2]) и другими. Все это, по мѣткому выраженію Шлоссера, объясняется наклонностью добродушныхъ нѣмцевъ „уноситься духомъ изъ страны рабства, повиновенія и смиренія, гдѣ живетъ ихъ тѣло, въ воздушныя высоты фантазіи“. Итакъ, въ самой Германіи великія и впослѣдствіи плодотворныя философскія системы не имѣли пока практическихъ результатовъ; онѣ ждали пробужденія національнаго сознанія уже въ XIX столѣтіи. Что же онѣ могли дать уму и сердцу бездомнаго скитальца? Смѣло можно сказать, что Констанъ вывезъ изъ Германіи понятіе формальной, логической свободы, которая и легла въ основаніе всѣхъ его политическихъ воззрѣній. Къ этому элементу его развитія необходимо прибавить другой. Мы замѣтили выше, что Констанъ довольно долго жилъ въ Англіи. Учрежденія этой страны и ея политическое движеніе должны были произвести (и дѣйствительно произвели) на него то впечатлѣніе, которое раньше его испытали Вольтеръ и Монтескьё. Для всякаго ума, не подготовленнаго практическою жизнью къ умѣнью критически относиться къ учрежденіямъ другихъ странъ, развитая и блестящая конституція Англіи XVIII вѣка (вѣка Питтовъ, Фоксовъ, Шеридановъ, Борковъ, Уильберфорсовъ) должна была имѣть значеніе *готоваго образца* политической и индивидуальной свободы, которой начала были уже выяснены школою естественнаго права. Это вліяніе Англіи, какъ готоваго и всесовершеннаго образца свободы, рѣзко обозначается на всѣхъ политическихъ твореніяхъ Констана. Въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, онъ идетъ даже дальше Монтескьё, сильный философскій умъ котораго умѣлъ отвлечь *общія начала* англійской

---

[1]) Johann Georg Hamann.

[2]) Theodor Gottlieb v. Hippel.

конституціи и довольствоваться только ими, тогда какъ Констанъ настаивалъ на цѣлостномъ заимствованіи самыхъ *учрежденій* Англіи.

Всю совокупность политической подготовки Констана можно, слѣдовательно, опредѣлить такимъ образомъ: *философія дала ему идею формальной свободы, Англія—готовый ея образецъ.* Средствъ для повѣрки этой идеи и этого образца въ самомъ Констанѣ не было; критическое отношеніе къ идеямъ и образцамъ установляется только дѣйствительною политическою жизнью и національнымъ самосознаніемъ. Не было этихъ средствъ и внѣ. Народы, послѣ долгаго сна и покоя „просвѣщеннаго абсолютизма", только-что начинали политическую жизнь и приступали къ ней безъ всякаго опыта, но за то съ безграничною вѣрою въ принципы, для осуществленія которыхъ народные представители предлагали тотъ же готовый образецъ—Англію. Констанъ принадлежитъ къ тому поколѣнію, въ которомъ соединились два странныя (и съ національно-исторической точки зрѣнія непонятныя) стремленія: одно—къ осуществленію отвлеченнаго философскаго начала свободы во всѣхъ странахъ одинаково, что привело къ космополитизму; другое—къ осуществленію сей свободы въ формахъ, выработанныхъ Англіею, что неминуемо привело къ англоманіи, этой болѣзни конца XVIII и первой четверти XIX ст. И то, и другое привело къ механическому построенію государства и формальному представленію о государственной власти, что составляетъ третій отличительный признакъ школы Констана.

Во всякомъ случаѣ, идеи Констана были законченны и тверды. Онъ не могъ *думать* о государствѣ и политикѣ иначе, какъ на основаніи этихъ принциповъ. Мыслитель былъ готовъ. Но за то политическій дѣятель въ немъ не выработался, ибо для этого (кромѣ принциповъ) нужны еще твердыя убѣжденія, которыя даются только трезвою политическою жизнью. Убѣжденія же, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поведеніе Констана, были крайне неопредѣленны. Нельзя не удивляться ему, какъ оратору, публицисту, литератору;—трудно похвалить его дѣятельность. Государственнымъ человѣкомъ онъ не былъ никогда, и не могъ имъ быть. Нерѣдко за пышнымъ памфлетомъ слѣдовалъ поступокъ крайне двусмысленный. Лучше всего это видно на слѣдующемъ примѣрѣ. Послѣ возвращенія Бурбоновъ и знаменитой хартіи, Констанъ, долго враждовавшій противъ Наполеона, оживился. Всѣ его надежды на осуществленіе свободы въ англійской формѣ готовы были осуществиться. Понятно, съ какимъ жаромъ присталъ онъ къ королевской партіи. Отъ короля и хартіи ждалъ онъ и свободы и мира. Вдругъ проносится слухъ о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Французскіе граждане пришли въ неописанное волненіе. Куда пристать? Измѣнять или не измѣнять королю? По-

клониться или не поклониться бывшему властелину Франціи и Европы? Констану, казалось, не трудно было сдѣлать выборъ. Онъ, вмѣстѣ съ m-me де Сталь, велъ бумажную войну противъ Бонапарте; онъ былъ изгнанъ Наполеономъ изъ предѣловъ Франціи; отъ короля, напротивъ, онъ ожидалъ всего и для себя, и для Франціи. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, онъ написалъ слѣдующее торжественное объявленіе: „я не стану, какъ презрѣнный перебѣжчикъ, влачиться отъ одной власти къ другой, прикрывать подлость софизмомъ, и пошлыми фразами искупать постыдное существованіе. На сторонѣ короля — свобода, миръ и безопасность; на сторонѣ Бонапарте — рабство, анархія и война". Рѣшеніе очень категорическое. На бѣду Наполеонъ обѣщалъ Франціи конституціонную свободу, и форма правленія немедленно примирила Констана съ правителемъ. Онъ согласился принять мѣсто въ государственномъ совѣтѣ возвратившагося императора. Такъ — „мѣстомъ" — разрѣшилась многолѣтняя и непримиримая вражда Констана къ Наполеону. Чрезъ нѣсколько времени нашему публицисту нужно было снова присягать королю...

Но до всѣхъ этихъ событій было еще далеко. Въ 1795 году, 28-лѣтній Констанъ явился во Францію и требовалъ возвращенія ему права французскаго гражданства, нѣкогда принадлежавшаго его фамиліи. Онъ добился этого безъ труда. За симъ онъ съ жаромъ бросился въ политическую дѣятельность. Въ теченіе долгаго времени она состояла для него въ посѣщеніи клубовъ и въ участіи въ преніяхъ клубистовъ. Но 1795 г. не былъ благопріятнымъ временемъ для Констана и его конституціонно - либеральныхъ воззрѣній. Правительство, низвергшее террористовъ, не отказалось совершенно отъ ихъ политики. Франція того времени представляла для публициста нашего много интереснаго относительно идей той свободы, которую онъ съ такимъ жаромъ защищалъ во всю свою жизнь. Политическія идеи, господствовавшія въ правительствѣ и главнѣйшихъ клубахъ, были выраженіемъ совершенно особыхъ началъ свободы.

Революція пока привела только къ перемѣщенію власти; изъ рукъ короля власть попала къ народу. О личной свободѣ, хотя она и была провозглашена въ декларации правъ, думали еще очень мало. „Свободѣ народа" придали именно тотъ смыслъ, котораго опасался Монтескьё; свободу народа понимали въ смыслѣ власти народа. Немалое вліяніе имѣли на это обстоятельство идеи Руссо; но, главнымъ образомъ, такое настроеніе французской республики объясняется неотразимымъ вліяніемъ античныхъ идеаловъ. Странное дѣло! Мысль, оторванная отъ національной исторіи, — мысль, предоставленная са-

мой себѣ, слѣдовательно, на первый взглядъ *свободная* и даже разрушительная, — мысль эта непремѣнно подчиняется какому-нибудь готовому образцу политическаго быта! Тотъ же самый человѣкъ, — сомнѣвающійся умъ котораго *порѣшилъ* съ своею исторіею, своими обычаями, культурой, семьей и мало ли еще съ чѣмъ,—готовъ до мельчайшихъ подробностей, съ рабскимъ подобострастіемъ, воспроизводить и осуществлять римскую республику, англійскую конституцію, фаланстерію Фурье—всякую практику и теорію, мало-мальски подходящую къ его „направленію". Чѣмъ для конституціоналистовъ была Англія, тѣмъ для республиканцевъ были древній Римъ и Греція. Греческія и римскія представленія всасывались французскою молодежью съ колыбели. Карлъ Нодье въ своихъ „воспоминаніяхъ" разсказываетъ, что, незадолго до революціи, въ школѣ была задана тема для диспута: „сравненіе Брута Старшаго съ Младшимъ". Неизвѣстно, кто остался побѣдителемъ въ этомъ турнирѣ; Нодье только помнитъ, что побѣдитель этотъ былъ поощренъ интендантомъ, обласканъ президентомъ парламента и увѣнчанъ архіепископомъ. Одинъ изъ членовъ конвента, Шазаль, говоря о вліяніи воспитанія на развитіе гражданскаго духа, излагаетъ слѣдующее: „воспитаніе дѣлаетъ все. Благодаря ему, нынѣшняя Греція переноситъ деспотизмъ, а древняя—обожала равенство. Мы сами возвысили наше чело, поникшее подъ деспотизмомъ монархіи, только благодаря тому, что счастливая безпечность королей дозволила намъ образоваться въ школѣ Спарты, Аѳинъ и Рима. Дѣтьми посѣщали мы Ликурга, Солона, двухъ Брутовъ, и удивлялись имъ; возмужавъ, мы старались имъ подражать". Въ 93 году въ конвентъ явилась депутація малолѣтнихъ гражданъ. Одинъ изъ нихъ, *семи лѣтъ отъ роду*, разсказалъ исторію Муція Сцеволы, къ великому утѣшенію собранія. По окончаніи этого спектакля, Дантонъ взошелъ на каѳедру и сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Граждане! Народъ долженъ торжествовать великія событія, украсившія революцію. Надо установить національныя игры. Если въ Греціи были игры олимпійскія, Франція должна праздновать дни санкюлотскіе (jours sans-culottides). *Такими установленіями мы побѣдимъ міръ!*" [1])

Подражаніе древности доходило до того, что французы оставляли свои христіанскія имена и украшались именами Брутовъ, Публиколъ, Муціевъ Сцеволъ и т. д. Причудливый и жеманный костюмъ стараго порядка замѣнялся (у женщинъ и въ оффиціальныхъ костюмахъ мужчинъ) платьемъ, напоминавшимъ туники, хламиды и тоги римскихъ

---

[1]) Относительно этихъ фактовъ и другихъ, см. Laurent, *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, XIII, p. 77 и слѣд.

матронъ и сенаторовъ. Разумѣется, вліяніе древности ближе всего отразилось на государственномъ устройствѣ и политикѣ. И прежде всего—на понятіяхъ о свободѣ. Свобода не была для республиканцевъ тою совокупностью священныхъ и неприкосновенныхъ правъ личности, о которыхъ говоритъ декларація правъ. Республиканцы (вообще) и конвентъ (въ особенности) мало занимались вопросами о границахъ государственной власти и о размежеваніи сферъ свободы индивидуальной и власти общественной. Республиканцамъ довольно было того, что народъ и они, его представители, были вооружены властью, сосредоточенною прежде въ рукахъ монархіи. Упрочить эту власть за народомъ вообще и за собой въ особенности — вотъ на что́ были направлены ихъ главныя заботы. Личность, казалось, была достаточно обезпечена тѣмъ, что ее сдѣлали участницею верховныхъ государственныхъ правъ,—что каждый человѣкъ былъ членомъ самодержавнаго народа. Оборотная сторона этой самодержавной власти ускользала пока отъ вниманія государственныхъ людей и публицистовъ. Мало того, вожди революціи смотрѣли на новую силу, перешедшую въ руки народа, какъ на средство, пригодное пока для утвержденія республиканскаго порядка и необходимое для борьбы съ старымъ порядкомъ. Конвенту некогда было думать о точномъ опредѣленіи границъ государственной власти; напротивъ, ему нужно было страшное и безпримѣрное напряженіе этой власти для того, чтобы выставить и обмундировать нѣсколько армій, — предназначенныхъ для борьбы съ коалиціей европейскихъ державъ, — для подавленія нѣсколькихъ возстаній внутри страны, для добыванія всѣхъ средствъ, потребныхъ для этой гигантской борьбы,—средствъ огромныхъ, особенно для страны, разоренной нѣсколькими десятками лѣтъ дурного управленія. Конвенту не приходило на умъ позаботиться объ утвержденіи личныхъ правъ, провозглашенныхъ конституціею, — этой *теоріи неправильныхъ глаголовъ*, по мѣткому выраженію Карлейля; напротивъ, всѣ его усилія были направлены къ тому, чтобы попрать личныя и имущественныя права враговъ республики; онъ не могъ остановиться предъ собственностью, ибо ему нужно было отбирать имѣнія у эмигрантовъ, секуляризовать имущество церкви, а впослѣдствіи обирать богатыхъ и давать бѣднымъ, тѣснить сытыхъ и насыщать голодныхъ. Не могъ онъ остановиться и предъ гарантіями личной свободы; ему нужно было ослабить основанія правильнаго судопроизводства, чтобы быстрѣе расправляться съ обвиняемыми въ политической неблагонадежности,—исказить институтъ присяжныхъ, чтобы вѣрнѣе отправлять враговъ своихъ на гильотину. Нужно ли говорить о положеніи права, о религіозной свободѣ, о свободѣ политическихъ мнѣній? Достаточно вспомнить ліонскія происшествія, про-

дѣлки Сенъ-Жюста и другихъ эмиссаровъ конвента. Страшное время, когда все вело къ попранію не только декларацiи правъ, но и всякаго права,—къ цѣлому ряду преступленій, и, — что̀ всего хуже, — преступленій нерѣдко безполезныхъ, ибо владычество конвента также легко замѣнилось владычествомъ Наполеона! Какъ бы то ни было, но идея права, руководившая дѣятелями 89 года, весьма скоро замѣнилась идеею общаго блага, понятою по классическимъ образцамъ.

Всѣ лица, имѣвшія дѣйствительное вліяніе на политику республики, забыли или старались забыть декларацію правъ. Карно (впослѣдствіи одинъ изъ директоровъ республики) воскликнулъ въ 1793 г.: „права государства предшествуютъ правамъ гражданъ, и благо народа есть высшій законъ!“ Робеспьеръ выразился еще точнѣе. Ему хотѣлось разъяснить значеніе террора гражданамъ, не совсѣмъ съ нимъ мирившимся. „Терроръ, говорилъ онъ, есть не что́-иное, какъ правосудіе скорое, строгое, непреклонное; слѣдовательно, онъ есть эманація добродѣтели; онъ не есть частный принципъ, *но послѣдствіе общаго принципа демократіи*, примѣненнаго къ самымъ настоятельнымъ нуждамъ отечества... Революціонное правительство есть *деспотизмъ свободы* противъ тираніи“. Знаменитый демагогъ любилъ часто повторять эту мысль. Правда, онъ смотрѣлъ на революціонное правительство и терроризмъ какъ на нѣчто преходящее, долженствующее современемъ уступить мѣсто болѣе правильному правительству. Но пока революція не достигла своей цѣли, задачи революціоннаго правительства остаются неизмѣнны. „Революція, говорилъ Робеспьеръ, есть *война свободы* противъ ея враговъ. Основать свободу есть цѣль революціоннаго правительства. Правительство это нуждается въ чрезвычайныхъ средствахъ, именно потому, что оно ведетъ войну. Оно подчинено правиламъ менѣе общимъ и менѣе твердымъ, потому что обстоятельства, въ которыхъ оно находится, бурны и подвижны, и въ особенности потому, что оно принуждено развивать постоянно новыя и быстрыя средства противъ новыхъ и недопускающихъ отлагательства опасностей“. Но война эта не будетъ продолжаться вѣчно. Она кончится побѣдою свободы. Тогда, по мнѣнію Робеспьера, революціонное правительство уступитъ мѣсто конституціонному, „которое займется преимущественно гражданскою свободою“.

То, что̀ Робеспьеръ развивалъ въ длинныхъ, методическихъ и нерѣдко скучныхъ рѣчахъ, другіе революціонеры выражали въ сжатыхъ и энергическихъ фразахъ. Но смыслъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же. „Дѣйствуйте подобно природѣ, говорилъ Дантонъ; она старается о сохраненіи породы, но мало думаетъ о недѣлимомъ“. Одинъ изъ горячихъ республиканцевъ, Ревбель (Rewbel), утверждалъ, что

„республиканское правительство должно служить тому правосудію, которое спасаетъ общественный организмъ, а не тому, которое занимается недѣлимыми; salut public — прежде всего". Роффронъ присовокуплялъ къ этому: „мы не заботимся объ установленіи какихъ-нибудь правилъ, нормъ (т.-е., попросту, права); мы ведемъ борьбу на жизнь или на смерть". Отъ такихъ положеній недалеко было до извѣстнаго іезуитскаго правила: цѣль освящаетъ средства. И дѣйствительно, это правило во всей его наготѣ высказывалось многими руководителями революціи. Мерленъ де Тіонвилль предложилъ задержать женъ и дѣтей эмигрантовъ, въ качествѣ заложниковъ. Базиръ поддерживалъ это предложеніе тѣмъ аргументомъ, что противъ враговъ революціи всѣ средства хороши и законны. Левассёръ въ своихъ мемуарахъ высказывается еще яснѣе: „намъ ставятъ въ заслугу, что мы защитили Францію противъ ея внутреннихъ враговъ и соединенной Европы; между тѣмъ наши средства порицаются. Какое противорѣчіе! Не революціонными ли средствами отразили мы иностранцевъ? Могли ли мы поразить ихъ безъ всеобщаго ополченія и реквизиціи? Не революціонными ли средствами кормили мы народъ? Можно ли было задавить аристократію безъ закона о подозрительныхъ (loi des suspects), — закона, въ которомъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи? Все это — наши революціонные акты и въ то же время средства управленія. Можно порицать или одобрять результаты этихъ мѣръ; но нельзя, безъ оскорбленія разума, апплодировать нашимъ успѣхамъ и позорить средства, необходимыя для достиженія ихъ".

Словомъ, надо было устранить всѣхъ враговъ свободы и равенства какими бы то ни было средствами. Гдѣ же было тутъ мѣсто праву? Мы могли бы привести еще множество фактовъ, подтверждающихъ, что конституція не только была „покрыта на время покрываломъ", какъ выражались члены конвента, но даже вовсе сдана въ архивъ. Такихъ фактовъ много, и они достаточно извѣстны. Мы желали бы здѣсь указать на общую причину этого явленія; но, не желая отвлекаться теперь отъ изложенія фактовъ, вліявшихъ на развитіе либеральной теоріи, ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ мѣры революціоннаго правительства, кромѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ внѣшней и внутренней политики, зависѣли еще отъ отвлеченности государственнаго идеала республиканцевъ, не допускавшей никакихъ сдѣлокъ съ практическою жизнью. Это прекрасно подмѣчено и выражено г. Эдгаромъ Кине въ его книгѣ о революціи [1]).

„Люди, подобные Сенъ-Жюсту и Робеспьеру, — говоритъ онъ, —

[1]) *La Révolution*, par E. Quinet. II, p. 225 и слѣд.

были одержимы видѣніемъ немедленнаго пришествія правды на землю Имъ казалось, что они уже прикасаются къ этому идеалу. Имъ представлялось, что они отдѣлены отъ него только нѣсколькими головами, мѣшающими имъ. Что же такое эти немногія головы, дерзко воз двигнутыя противъ всего человѣчества? Ничего.

„Тогда они сочли своею обязанностью рубить эти головы и никогда не знали угрызеній совѣсти. Послѣ перваго жертвоприношенія, когда они думали уже овладѣть своимъ призракомъ, оказалось, что они такъ же далеки отъ него, какъ и прежде.

„Они снова бросились, случайно или по капризу, на тѣхъ, кто смѣло представлялся ихъ взорамъ, и рубили еще. Увлекаемые сравненіемъ между идеальнымъ, всеобщимъ и немедленнымъ благополучіемъ и пожертвованіемъ нѣсколькими личностями, они никогда не колебались въ выборѣ. Въ одной чашкѣ ихъ вѣсовъ былъ „подозрительный", въ другой—„человѣчество", провозвѣщенное и обѣщанное всѣми древними мудрецами. Возможно ли колебаться?"

Такое *идеальное* отношеніе къ государственному устройству въ сферѣ правительства—и какого правительства!—немедленно перешло въ презрѣніе къ праву вообще и къ правамъ личности въ особенности. Презрѣніе это быстро дѣлало успѣхи въ обществѣ, и безъ того мало знакомомъ съ дѣйствительнымъ юридическимъ порядкомъ. Общество, воспитанное драгоннадами Людовика XIV и развратнымъ деспотизмомъ Людовика XV, охотно поклонилось деспотизму, объявившему себя защитникомъ народныхъ правъ. Политика террора сдѣлалась преданіемъ французскихъ властей на долгое время. Идеалы были другіе (хотя всѣ они прикрывались маской общаго блага), но средства къ достиженію этихъ идеаловъ остались одни и тѣ же.

Робеспьеръ былъ свергнутъ; директорія провозгласила умѣренную конституцію, но духъ и направленіе правительства остались тѣ же. Начала Робеспьера сдѣлались началами директоріи,—съ тою только разницею, что они высказывались не въ мягкихъ фразахъ велерѣчиваго демагога, а съ наглою безцеремонностью, отличавшею всѣ акты директоріи. Она пошла даже нѣсколько дальше Робеспьера. Послѣдній признавался, что терроръ — временное явленіе во Франціи; онъ соглашался, что комитету общественной безопасности придется уступить мѣсто правительству, дѣйствующему на болѣе твердомъ основаніи, — правительству, коего дѣйствія будутъ подчинены общимъ правиламъ, т.-е. началамъ. Террористъ извинялся, слѣдовательно, передъ принципами 1789 г. Директорія не считала этого нужнымъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ совѣту старѣйшинъ, директоры говорятъ: „вамъ говорятъ о *принципахъ*; это значитъ убивать конституцію, подъ видомъ ея призванія". Понятно, что всѣ

мѣры знаменитаго „комитета“ были усвоены и директоріею. Но, смѣлая и наглая на словахъ, она не рѣшилась дѣйствовать средствами Сенъ-Жюста. Робеспьеръ казнилъ открыто враговъ республики. Директорія ссылала ихъ. Можно сказать, что между Робеспьеромъ и директоріею такая же разница, какъ между Иваномъ Грознымъ и Борисомъ Годуновымъ. Одинъ торжественно казнилъ на площади, другой отправлялъ своихъ враговъ въ отдаленные города и тамъ *доканчивалъ* ихъ въ подземельяхъ. Кромѣ этой существенной разницы, директорія во всемъ сходилась съ террористами. Взглядъ правительства на свободу и ея *принципъ* остался неизмѣннымъ. Директоры, въ видахъ *спасенія республики*, предложили такіе законы, кои сдѣлали бы честь террористамъ. Подкрѣпляя эти предложенія предъ пятисотнымъ совѣтомъ, директоры говорятъ: „можно ли колебаться между судьбою нѣсколькихъ лицъ и благомъ республики?“ Въ самомъ совѣтѣ пятисотъ Буле де-ла Мертъ, въ докладѣ своемъ объ этомъ предложеніи директоріи, излагалъ слѣдующее: „мы находимся на военномъ положеніи. Друзья республики и ея враги стоятъ другъ противъ друга. Должно спасти отечество и обезпечить общее благо. Медленныя формы суда не годятся противъ заговорщиковъ. Сегодня вы *побѣдители*, но, если вы не воспользуетесь своей побѣдой, завтра вы будете *побѣжденные*. Укрѣпите конституцію на ея основахъ, и тогда мы возвратимся къ нашей законодательной дѣятельности“. Другой пылкій другъ республики восклицалъ: „изгонимъ эти нелѣпыя теоріи мнимыхъ принциповъ, эти глупыя воззванія къ конституціи, среди которыхъ республика была бы уничтожена и сами невозмутимые резонеры погибли бы,—подобно философу, который, засмотрѣвшись на звѣзды, упалъ въ колодезь, — если бы болѣе разсудительные люди не позаботились объ ихъ собственномъ спасеніи!“

Должно при этомъ замѣтить, что всѣ эти теоріи провозглашались и мѣры предпринимались во имя свободы. Было бы несправедливостью заподозрить Робеспьера въ какихъ-нибудь грязныхъ эгоистическихъ стремленіяхъ. Но въ пониманіи свободы революціонное правительство рѣзко отличается отъ людей 89 г. Противорѣчіе, указанное нами выше въ деклараціи правъ, готово было разрѣшиться въ пользу Руссо. Декларація правъ, помѣщенная въ конституціи 1793 г., провозглашаетъ право возстанія противъ властей, что тѣсно связано съ ученіемъ Руссо о неотчуждаемости правъ народнаго самодержавія. Но декларація 1793 г. далеко не выражаетъ истинныхъ мнѣній революціонеровъ. Робеспьеръ, во время обсужденія плана конституціи, внесъ въ конвентъ свой проектъ деклараціи правъ, въ которомъ высказываетъ почти все, что впослѣдствіи составляло цѣль соціалистовъ [1].

[1]) См. Richter. *Staats-und Gesellschafts-Recht der Fr. Revolut.* I, 57.

Во-первыхъ, собственность въ этомъ проектѣ теряетъ свое значеніе неотчуждаемаго права людей. Собственность, по опредѣленію Робеспьера, есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрѣнію *долею имущества, обезпеченною за нимъ закономъ*. Итакъ, закону предоставляется право опредѣлять *долю имущества*, поступающую въ распоряженіе гражданъ. Кромѣ формальнаго обезпеченія правъ всѣхъ и каждаго, на общество (или—что, по ученію Руссо, то же самое—государство) возлагается обязанность заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ, или доставляя имъ работу, или обезпечивая существованіе тѣхъ, кто не можетъ работать. Вотъ въ зародышѣ ученіе „права на трудъ"! Робеспьеръ идетъ дальше: „вспомоществованіе тому, кто не имѣетъ необходимаго, есть *долгъ* [1]) того, кто имѣетъ излишекъ". *Закону принадлежитъ право опредѣлить способъ*, которымъ такой *долгъ* имѣетъ быть уплаченъ. Послѣдняя мечта соціализма (о пропорціональномъ налогѣ) также высказана знаменитымъ террористомъ. „Граждане, коихъ доходы не превышаютъ средствъ, необходимыхъ для существованія, избавляются отъ обязанности платить налоги; прочіе обязаны нести ихъ прогрессивно, смотря по величинѣ ихъ имущества".

Начала формальной свободы и равенство предъ закономъ уступаютъ идеямъ матеріальнаго равенства и неограниченной свободы. Отъ идей террористовъ—одинъ шагъ до прокламаціи Бабёфа. У Сенъ-Жюста и Робеспьера всѣ воззрѣнія на собственность выходили, конечно, не изъ желанія воспользоваться, вмѣстѣ съ своею партіею, имуществами, отнятыми у другихъ. Безцеремонное ихъ отношеніе къ праву собственности, признанному священнымъ въ 1789 г., происходило изъ многихъ источниковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ воззрѣніями позднѣйшихъ соціалистовъ и коммунистовъ. Во-первыхъ, они *лично* питали глубокое презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ. Весь комитетъ общественнаго благополучія нерѣдко пѣлъ диѳирамбы нищетѣ и видѣлъ въ богатствѣ развращающее начало. Если были на свѣтѣ анахореты, превращенные въ государственныхъ людей, то это были Сенъ-Жюстъ и его товарищи. Но, съ другой стороны, въ распредѣленіи собственности они видѣли средство организовать революціонную массу и утвердить свободу. Создать классъ земледѣльцевъ-республиканцевъ—вотъ послѣдняя ихъ цѣль. Сенъ-Жюстъ мечталъ о томъ, какъ нѣкогда каждый гражданинъ будетъ владѣльцемъ хижины и клочка земли. Разумѣется, воспоминаніе о Цинциннатѣ и

---

[1]) Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ нельзя передать всей силы выраженія Робеспьера. Въ подлинномъ слово *долгъ* употребляется не въ смыслѣ нравственной обязанности (devoir), а въ смыслѣ юридическаго обязательства (dette).

первыхъ гражданахъ римской республики было не безъ вліянія на эти мечты. Мечты эти не замедлили отразиться на мѣрахъ правительства; Барреръ, въ одномъ изъ своихъ докладовъ о продажѣ національныхъ имуществъ, говоритъ слѣдующее: „въ каждой хорошо устроенной республикѣ каждый гражданинъ имѣетъ какую-нибудь собственность... Продажа національныхъ имуществъ мелкими участками можетъ привязать всѣхъ гражданъ къ собственности, и возвратить землѣ много сильныхъ и праздныхъ рукъ,—много семействъ, погибшихъ и испорченныхъ въ городскихъ фабрикахъ". Итакъ, террористы не были противъ частной собственности; они стремились только: 1) перемѣстить собственность изъ рукъ враговъ республики въ руки ея друзей; 2) раздробленіемъ и пространнымъ распредѣленіемъ собственности устранить причину бѣдности; 3) возвратить народъ къ тѣмъ занятіямъ, которыя (по ихъ мнѣнію) одни способствуютъ развитію гражданскихъ доблестей,—занятіямъ земледѣльческимъ; 4) на классѣ этихъ собственниковъ,—возвышенныхъ нравственно и обезпеченныхъ отъ развращающаго вліянія нищеты, праздности и фабричной промышленности,—построить зданіе республики. Главнымъ средствомъ для осуществленія этой цѣли была конфискація имуществъ дворянскихъ и церковныхъ. Террористы, очевидно, не предвидѣли еще, куда можетъ повести это вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь страны,—до чего можетъ дойти теорія *законнаго*, казеннаго распредѣленія богатствъ.

Теорія Бабёфа скоро открыла глаза всѣмъ недоумѣвавшимъ. Кай-Гракхъ Бабёфъ идетъ дальше аграрныхъ законовъ конвента. „Аграрные законы, говоритъ онъ, или раздѣленіе земель, были необдуманнымъ желаніемъ нѣсколькихъ солдатъ безъ принциповъ,—нѣсколькихъ народцевъ, соединенныхъ болѣе инстинктомъ, чѣмъ разумомъ. Мы стремимся къ болѣе возвышенной и справедливой мѣрѣ—къ общей собственности или къ общности имуществъ. Да не будетъ болѣе частной поземельной собственности: земля принадлежитъ всѣмъ". Тогда, по мнѣнію Бабёфа, установится настоящее равенство. Равенство, провозглашенное декларацією правъ, не есть настоящее равенство. „До настоящаго времени равенство было только красивою и безплодною фикцією закона... Мы хотимъ дѣйствительнаго равенства"...

III.

Таковы были правительственныя практика и теорія въ то время, когда Констанъ возстановилъ свои права французскаго гражданства. Онъ былъ еще далекъ отъ того конституціонализма въ англійской формѣ, который составляетъ главное содержаніе его сочиненій. Констанъ не

дошелъ еще до анализа современныхъ ему политическихъ воззрѣній. Съ безграничною вѣрою въ идею свободы, осуществившуюся во Франціи, пріѣхалъ онъ въ столицу свободы и равенства. По своему образу мыслей, Констанъ присталъ къ партіи, жившей воспоминаніями о жирондистахъ, вѣровавшей въ принципы 1789 г. и требовавшей ихъ возстановленія въ государственной практикѣ. Авторъ *Началъ представительнаго правленія* былъ пока горячимъ другомъ республики безъ Робеспьера. Констанъ еще не стремился опредѣлить границы государственной власти,—повернуть общественное мнѣніе Франціи отъ древнеклассическихъ идеаловъ. Ему, кажется, не приходилось еще задумываться надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что воззрѣнія на свободу могутъ быть различны, и отъ различія этихъ воззрѣній зависитъ самая политика государственной власти. Въ ужасахъ террора онъ видѣлъ простое злоупотребленіе *властью*, направленное противъ свободы,—той именно свободы, которая была провозглашена декларацiею правъ. Въ то время никто не мыслилъ свободы въ другой формѣ; террористы, умѣренные республиканцы, защитники конституціи 89 г.,—всѣ понимали свободу именно въ этой формѣ. Дѣйствительно, въ первыхъ рѣчахъ и памфлетахъ Констана нельзя встрѣтить никакого анализа этого понятія; вездѣ онъ протестуетъ только противъ злоупотребленій власти. Къ сожалѣнію, до насъ дошло немного цѣльныхъ произведеній Констана изъ этой эпохи. И тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, прямо указываютъ, что онъ еще руководствовался *общереспубликанскими* воззрѣніями. Его протесты были направлены противъ нарушенія свободы вообще. Онъ серьезно былъ убѣжденъ, что понятіе свободы одинаково у всѣхъ людей; онъ искренно вѣрилъ, что директорія и Робеспьеръ подъ именемъ свободы разумѣютъ то же, что̀ и онъ, Констанъ,—но преднамѣренно нарушаютъ ее.

Первая его полемика была направлена противъ террора. Говоримъ: противъ террора, потому что террористовъ уже не было. Констанъ пріѣхалъ во Францію какъ бы для того, чтобы привѣтствовать паденіе Робеспьера. Въ журналахъ, клубахъ и въ газетахъ эпоха террора обсуждалась какъ совершившійся фактъ. Разсужденія эти, конечно, имѣли въ виду не одинъ историческій интересъ. Принципы террора, какъ мы видѣли выше, не потеряли значенія и при директоріи, низвергнувшей террористовъ. Въ 1796 г. явился первый памфлетъ Констана, т.-е. первое сколько-нибудь обширное произведеніе его. До тѣхъ поръ онъ ограничивался мелкими газетными статьями. Памфлетъ носитъ заглавіе: *De la force du gouvernement actuel de la France, et de la nécessité de s'y rallier*. Это—первый опытъ систематическаго изложенія идей автора. Онъ не имѣлъ большого успѣха и

замѣчателенъ только тѣмъ, что идеи, высказанныя въ немъ довольно смутно, получили значительное развитіе въ другой брошюрѣ, вышедшей скоро послѣ того. Эта брошюра имѣетъ въ виду терроризмъ директоріи; она носитъ заглавіе: *О политическихъ реакціяхъ* [1]). Слѣдовательно, авторъ поражаетъ терроръ уже въ измѣненномъ его видѣ. Первоначально Констанъ не касался системы С.-Жюста. „Политическія реакціи" вызвали противъ Констана цѣлую бурю въ журналистикѣ. Онъ долго не отвѣчалъ на всѣ нападки. Наконецъ, въ 1797 г., при новомъ изданіи своего труда, авторъ предпослалъ ему, въ видѣ предисловія, разсужденіе: *О послѣдствіяхъ террора* [2]). Разсужденіе это было написано отчасти въ отвѣтъ на критики, направленныя противъ Констана, отчасти по поводу выхода брошюры: *О причинахъ революціи и ея результатахъ*. Авторъ этой брошюры, Адріанъ де-Лезе (de Lezay), весьма талантливый публицистъ своего времени, явился горячимъ защитникомъ Робеспьера. При этомъ важно то, что Лезе выражалъ не одно свое личное мнѣніе, а убѣжденіе значительной части французскаго общества. Констанъ говоритъ, что, издавая свое разсужденіе *О послѣдствіяхъ террора*, онъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать чрезвычайно опасному и ложному ученію, распространившемуся во французскомъ обществѣ. Спеціально же противъ Лезе возражаетъ онъ потому, что послѣдній старается возвести это ученіе въ систему. „Опасное и ложное ученіе", возведенное Лезе въ систему, заключается въ слѣдующемъ. Основатели французской республики не знали, что́ дѣлали. По большей части это были люди, замаранные преступленіями и слышавшіе, что въ республикахъ наиболѣе кредита имѣютъ предводители партій. Основывая республику, они тѣмъ самымъ обусловили необходимость террора. Въ тѣ времена государству представлялась слѣдующая альтернатива: или погибнуть, или установить отвратительное правительство. Революція не поддерживалась уже (какъ въ 1789 г.) усердіемъ народныхъ массъ и не могла еще утвердиться на ихъ утомленіи. Ей грозила гибель, если бы между этими двумя моментами (vers le milieu) она не нашла поддержки. Эта поддержка—терроръ. Онъ утвердилъ республику. Онъ возстановилъ повиновеніе внутри и дисциплину внѣ государства (т.-е. въ арміяхъ). Изъ республиканскихъ армій онъ перешелъ и въ непріятельскія. Онъ охватилъ государей Европы и привелъ къ почетному для Франціи миру съ половиною европейскихъ державъ. Даже послѣдующіе успѣхи Франціи объясняются впечатлѣніемъ, произведеннымъ терроромъ. Онъ разрушилъ обычаи и привычки, сопроти-

---

[1]) *Des Réactions Politiques*, par B. Constant.

[2]) *Des Effets de la Terreur.*

влявшіеся новымъ учрежденіямъ. Ему нужно было насиліе, чтобы отразить насиліе враговъ; нужно было удвоить насиліе, чтобы ихъ поразить. Въ настоящее время утвержденная терроромъ республика— прекрасное учрежденіе; ее нужно принять. Римъ также былъ основанъ разбойниками, и этотъ Римъ сдѣлался владыкою міра.

Слѣдовательно, Лезе понималъ, что начала 1789 г. не были началами террористовъ,—и даже болѣе—что начала эти не были началами республики. Основатели республики внесли въ нее какія-то новыя стремленія. Сила революціоннаго правительства съумѣла придать имъ значеніе. Терроръ удался. Республика имѣетъ значеніе совершившагося факта.

Республиканскія убѣжденія Констана были оскорблены всѣмъ этимъ. Республика—прямое выраженіе идей 89 г. — объявлена дѣломъ нѣсколькихъ разбойниковъ! Она получила всенародное значеніе не въ силу этихъ благородныхъ началъ, а благодаря отвратительнѣйшему изъ правительствъ! Констанъ боялся и другого вывода, не менѣе опаснаго. Апотеоза террора могла возвести его на степень средства, пригоднаго для всякаго правительства. Мало того: брошюра Лезе явно клонилась къ тому, чтобы дать этимъ средствамъ управленія то мѣсто въ политикѣ, которое до тѣхъ поръ занимали принципы. Констанъ, разумѣется, исходитъ изъ того положенія, что принципы революціи были безукоризненны, и основатели республики не имѣли въ виду ничего, кромѣ блага человѣчества. Лезе, называя основателей республики преступниками, очевидно намекаетъ на такихъ людей, какъ Геберъ, Таллвенъ, Колло д'Ербуа; напротивъ, Констанъ считаетъ первыми и единственными республиканцами Верньо, Кондорсе и другихъ жирондистовъ [1]). Этихъ людей и высказанные ими принципы нельзя обвинять въ ужасахъ террора. „Если согласиться съ авторомъ, говоритъ Констанъ, слѣдовало бы прощать преступленія и обвинять одни принципы, — слѣдовало бы сослать Верньо и оправдать Марата“. Всѣ усилія Констана направлены къ тому, чтобы доказать, что терроръ вовсе не былъ нуженъ для утвержденія республики, а, напротивъ, ничего не принесъ ей, кромѣ вреда. „Я постараюсь доказать, говоритъ онъ, что терроръ не былъ нуженъ для республики,—что республика была спасена, несмотря на терроръ,—что терроръ не сломилъ препятствія, а породилъ ихъ,—что препятствія эти могли быть устранены болѣе легкимъ и прочнымъ образомъ, правительствомъ правильнымъ и законнымъ“.

Чтобы доказать это положеніе, онъ установляетъ различіе

---

[1]) Ib., т. II, стр. 68, примѣч. 1.

между тѣми мѣрами, кои необходимы для всякаго правительства, и тѣми, кои были порожденіемъ ложной правительственной системы. Эти два вида мѣръ можно различать въ каждомъ правительствѣ. Каждое правительство располагаетъ извѣстными средствами, необходимыми для его существованія; другія средства, напротивъ, составляютъ исключительное достояніе дурныхъ правительствъ. Первымъ мѣрамъ слѣдуетъ приписать успѣхъ каждаго правительства; вторымъ— его неудачи.

То же самое было и съ террористами; все, что они сдѣлали хорошаго, было сдѣлано тѣми средствами, какими располагаетъ всякое правительство; терроръ же, въ тѣсномъ смыслѣ, произвелъ только опустошенія и преступленія. На нѣкоторыя мѣры террористы имѣли право, и онѣ были необходимы; другія были продуктомъ злоупотребленія власти. Словомъ, въ дѣятельности террористовъ необходимо различать двѣ стороны: правительственную дѣятельность и терроризмъ.

Такъ, террористы имѣли право послать гражданъ противъ враговъ. Это право принадлежитъ каждому правительству. Кромѣ того, каждому правительству принадлежитъ право назначить наказаніе за дезертирство, за уклоненіе отъ службы. Но терроръ не ограничился этимъ. Онъ послалъ Сенъ-Жюстовъ и Леба опустошать послушныя и мужественныя арміи; онъ уничтожилъ всѣ формы суда (даже военнаго); онъ вооружилъ своихъ агентовъ неограниченными правами; онъ предоставилъ судьбу отдѣльныхъ лицъ капризу этихъ агентовъ, а судьбу войны—ихъ ярости.

Правительство имѣло право наблюдать за заговорщиками, преслѣдовать ихъ и привлекать къ суду. Но терроръ создалъ безапелляціонныя судилища, уничтожилъ всѣ формы суда и убивалъ по шестидесяти лицъ въ день. Утверждаютъ, что эти мерзости были не безплодны и что всѣ дрожали, такъ какъ смерть не выбирала. Дѣйствительно, всѣ трепетали; но было бы достаточно, если бы трепетали одни виновные. Казнь же старцевъ и 15-лѣтнихъ дѣвушекъ, обвиненныхъ безъ допроса, не была нужна для устрашенія заговорщиковъ.

Констанъ приводитъ очень много примѣровъ того, въ чемъ террористы сходились съ каждымъ правительствомъ и въ чемъ они уклонялись отъ всякаго образа правленія, — въ чемъ они дѣйствовали по праву и въ чемъ нарушали всякія права. Въ противоположность Лезе, который видитъ въ политикѣ террора цѣльное и послѣдовательное развитіе одной мысли, онъ желаетъ разграничить въ этой политикѣ необходимое отъ случайнаго, зависѣвшаго отъ злоупотребленій Робеспьера и К°. Тѣсная связь, въ которую поставлены

были эти два различные элемента террора, внушаетъ автору серьезныя опасенія. „Когда мы видимъ рядомъ правосудіе и преступленіе, говоритъ онъ, мы не должны рѣшаться дѣлать изъ нихъ одно чудовищное цѣлое. Мы не должны на этомъ смѣшеніи понятій строить систему *безразличія средствъ*; нельзя, безъ всякаго размышленія, приписывать всѣ послѣдствія всѣмъ причинамъ,—расточать свое удивленіе отвратительному и выражать отвращеніе законному“.

Въ итогѣ, всѣ разсужденія Констана могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ. Республика была построена на идеѣ права; революціонное правительство принесло пользу и заслуживаетъ благодарности настолько, насколько оно оставалось вѣрно республиканской конституціи. То, что называютъ терроромъ, не принесло Франціи ничего, кромѣ вреда. Констанъ особенно сильно настаиваетъ на послѣднемъ обстоятельствѣ, ибо извѣстный кружокъ готовъ былъ видѣть именно въ этихъ мѣрахъ причину торжества республики. Напротивъ, по мнѣнію Констана, терроръ ослабилъ уваженіе къ республикѣ [1]).

Итакъ, въ 1797 г. Констанъ былъ горячимъ республиканцемъ. Начала республики, провозглашенной жирондистами, принимались имъ безъ всякой критики. Онъ вѣрилъ въ республику. Понятно, какъ сочувственно отозвался онъ о переворотѣ, низвергшемъ такой порядокъ вещей. 20-го фруктидора, т.-е. черезъ два дня послѣ этого происшествія, Констанъ произнесъ горячую рѣчь въ пользу директоріи. 18-ое фруктидора, по его мнѣнію, было результатомъ патріотическаго, національнаго движенія. Движеніе это направлено къ возстановленію республики. „Директорію призвали республиканцы; ея побѣда есть побѣда республиканцевъ!“

Къ сожалѣнію, надежды Констана не оправдались. Чрезъ нѣсколько времени ему пришлось писать трактатъ *О политическихъ реакціяхъ*...

Реакція же была страшная. Страшная тѣмъ болѣе, что французское общество потеряло вѣру въ республику и, вмѣстѣ съ этой вѣрой, всякія правительственныя убѣжденія и даже простое человѣческое достоинство. Это общество готово было ко всякой формѣ правленія, лишь бы правительство дало ему спокойствіе. Директорія воображала, что ей нужно поддерживать республику. Наполеонъ скоро доказалъ, что она ошибалась. Но, взявшись поддерживать республику, она не оставила „системы искорененія враговъ“, прославив-

---

[1]) Ib., т. II, стр. 63 и слѣд.

шей Робеспьера. Только искала она враговъ не тамъ, гдѣ видѣлъ ихъ знаменитый тріумвиратъ.

Тріумвиратъ думалъ, что республика и революція—одно и то же, и, опираясь на революціонную массу, гналъ все, что имѣло видъ консервативнаго элемента. Напротивъ, директорія хотѣла разыграть роль *правильнаго, законнаго* правительства и принялась ссылать всѣхъ враговъ порядка, какъ будто республика была уже таковымъ *существующимъ, предержащимъ* порядкомъ. Съ другой стороны, директорія не могла дѣйствовать такими кровавыми, рѣшительными средствами, какъ террористы. Законное, *конституціонное* правительство, она не могла уподобляться правительству революціонному. Все, что она дѣлала насильственнаго, происходило какъ бы тайкомъ. Между тѣмъ законность не была еще зрѣлымъ плодомъ тогдашней политической жизни, и сама директорія была плохою формою законнаго правительства. Она была не столько законнымъ, сколько слабымъ правительствомъ. Послѣ террора, говоритъ Э. Кине, директорія была первымъ правительствомъ, котораго французы не боялись. Боязнь исчезла; наступило презрѣніе. Ни одно правительство не пользовалось такимъ всеобщимъ и глубокимъ презрѣніемъ. Ни въ одномъ правительствѣ пышныя фразы о законности не уживались такъ мирно съ самыми беззаконными мѣрами, которыя нисколько не способствовали правительственной силѣ. Насильственныя мѣры противъ „враговъ республики“ принимались часто; но всѣ онѣ не возбуждали въ обществѣ ничего, кромѣ смѣха. Вотъ что, напримѣръ, писалъ одинъ журналъ по поводу разныхъ строгостей, придуманныхъ противъ журналистики: „журналисты должны бы попросить Дону, который оказываетъ имъ нѣкоторое вниманіе, чтобы онъ по крайней мѣрѣ опредѣлилъ случаи, когда они должны получать пощечины, пинки, палки, плети, щелчки и прочія маленькія исправительныя средства, находящіяся во власти полиціи. Каждый бы зналъ, чего ждать, и готовилъ бы свои плечи... Словомъ, всѣ были бы ограждены отъ произвола. Но, главное, необходимо опредѣлить число и количество этихъ вещей, потому что, изволите видѣть, числомъ нельзя пренебрегать въ такихъ случаяхъ“... Жаль, что публицисту этой газеты[1]) не могло быть извѣстно замѣчаніе нашего Гоголя о томъ, что кожаные кончуки въ большомъ количествѣ—вещь нестерпимая! Такое отношеніе къ правительству не было единственнымъ послѣдствіемъ директоріи. Всѣ разнообразныя партіи, затихшія во время террора, подняли снова голову. Разнообразнѣйшія надежды воскресли. Началась самая безцеремонная перекочевка изъ одного лагеря въ другой.

---

[1]) *Grondeur* — она была очень распространена въ свое время.

Партіи, страдавшія во время террора, воспользовались сравнительно большей свободой для того, чтобы отомстить своимъ врагамъ. По мѣрѣ того, какъ эти партіи пріобрѣтали все больше и больше значенія въ обществѣ, старая революціонная партія нисходила на степень простой фракціи. Представители „законнаго" правительства толковали о примиреніи и, примиряясь со старыми врагами своими, невольно принимали нѣкоторые изъ ихъ принциповъ. Разумѣется, это нисколько не вело къ примиренію. Враги республики слишкомъ радикально расходились съ ея началами, чтобы когда-нибудь серьезно примириться съ послѣдователями Барнава и Лафайета. Напротивъ, „примиреніе" оживило упованія и надежды враговъ республики, а вмѣстѣ съ тѣмъ дало нѣкоторую цѣну ихъ притязаніямъ, которыя росли съ каждымъ днемъ. Среди этого всеобщаго броженія, директорія не могла получить значенія примирителя, организатора общественныхъ силъ. Напротивъ, будучи сама произведеніемъ партіи, она сдѣлалась орудіемъ партій и предлагала свои услуги то той, то другой.

Французскій народъ изживалъ вѣру въ идеалы; прочныхъ началъ не было ни въ народѣ, ни въ правительствѣ; сохраненіе своего существованія и вліянія сдѣлалось единственною задачею всѣхъ и каждаго; всѣ средства казались пригодны для этого; терроръ, бывшій совокупностью исключительныхъ мѣръ въ глазахъ самихъ террористовъ, былъ возведенъ на степень общаго правила правительственной системы. Шаткость убѣжденій *новыхъ людей* давала силу тѣмъ, кто имѣлъ еще убѣжденія,—т.-е. старымъ людямъ, а это вело общество къ неизбѣжной реакціи. Вотъ что̀ должно было поразить человѣка, который жилъ еще идеалами.

Показать, какъ правительство должно оставаться твердымъ при общественной шаткости,—какъ люди, дорожащіе принципами, должны дѣйствовать во время общественнаго смущенія,—какъ должно понимать самое значеніе принциповъ, — такова задача брошюры *О политическихъ реакціяхъ*.

Что̀ такое „реакція" сама по себѣ? Съ этого начинаетъ Констанъ свое разсужденіе.

Реакція, говоритъ онъ, есть неизбѣжное послѣдствіе революціи, зашедшей слишкомъ далеко,—переступившей предѣлы своего назначенія. Назначеніе же или, лучше сказать, стремленіе революціи заключается въ установленіи должнаго отношенія между учрежденіями народа и его идеями.

Для того, чтобы учрежденія народа были прочны, они должны стоять на одномъ уровнѣ съ идеями этого народа. Тогда учрежденіямъ этимъ нечего опасаться революцій. Могутъ случаться различ-

ныя столкновенія,—паденія тѣхъ или другихъ личностей, одна партія можетъ давить другую; но пока идеи и учрежденія стоятъ на одномъ уровнѣ, прочность послѣднихъ обезпечена.

Какъ только это равновѣсіе нарушено, революціи неизбѣжны. Онѣ стремятся возстановить его. Если онѣ достигаютъ этой цѣли сразу,—останавливаются, исполнивъ свое назначеніе (т.-е. поставивъ учрежденія въ уровень съ идеями), и не идутъ дальше этого предѣла,—тогда онѣ не влекутъ за собою реакціи. Въ такомъ случаѣ онѣ составляютъ необходимый переходъ отъ одного порядка вещей къ другому и кончаются общимъ успокоеніемъ. Таковы были революціи въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Америкѣ.

Но когда революція переступаетъ за этотъ предѣлъ,—т.-е. когда она даетъ народу учрежденія, превосходящія народныя понятія, или разрушаетъ то, что согласно съ этими понятіями,—реакція неизбѣжна; ибо, при несуществованіи равновѣсія, новыя учрежденія *поддерживаются только рядомъ усилій*. Когда этихъ усилій нѣтъ,—все ослабѣваетъ и идетъ вспять. Такъ англійская революція, направленная противъ папизма, переступила за свой предѣлъ и разрушила королевскую власть. Результатомъ этого была реакція, благодаря которой папизмъ едва не былъ возстановленъ, если бы новая революція не воспрепятствовала этому. Французская революція, направленная *противъ привилегій*, перешла за границу своего назначенія, направясь противъ собственности. Вслѣдствіе этого, вездѣ чувствуется [1]) страшная реакція, и много надо будетъ усилій, чтобы воспрепятствовать возстановленію привилегій.

Остановимся на этихъ положеніяхъ: намъ нужно будетъ извлечь отсюда нѣкоторые выводы величайшей важности, для оцѣнки всей политической системы Констана.

Прежде всего, мы замѣчаемъ, что авторъ исходитъ изъ идеи равновѣсія, которая характеризуетъ всю его конституціонную теорію. Послѣдняя держится на началѣ равновѣсія властей; теперь онъ говоритъ о равновѣсіи идей и учрежденій. Въ каждой странѣ должно быть соотвѣтствіе между идеями и учрежденіями. Когда его нѣтъ, учрежденія рушатся, и революція возстановляетъ это соотвѣтствіе. Изъ этого видно, что революція исходитъ изъ идей, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ,—что цѣль ея достигнута, когда ей удалось установить учрежденія, соотвѣтствующія этимъ идеямъ. Врядъ ли это такъ? Революція не исходитъ изъ такихъ идей, такъ не дѣйствуетъ и на такихъ учрежденіяхъ остановиться не можетъ.

Изъ такихъ идей исходитъ и такъ дѣйствуетъ не революція, а

---

[1]) Констанъ пишетъ какъ очевидецъ.

реформа. Постепенное, правильное движеніе отъ однихъ учрежденій къ другимъ,—движеніе, совершающееся подъ вліяніемъ созрѣвшихъ и общихъ всему обществу идей,—есть характеристическій признакъ не первой, а послѣдней.

Напротивъ, революція исходитъ изъ совершенно новыхъ идей выражающихъ собою убѣжденіе не всего общества, а часто небольшого кружка лицъ. Идеи эти суть не общее убѣжденіе, а крайнее выраженіе общихъ убѣжденій, въ формѣ отвлеченнаго принципа. На этомъ основана ихъ страшная, хотя и кратковременная, сила. Сила эта достигаетъ наибольшаго развитія, когда убѣжденія одного класса общества противополагаются другому *радикально*,—когда между ними готова возгорѣться борьба на жизнь или на смерть. Такъ, напр., идеи французской революціи были крайнимъ, логически доведеннымъ до *конца*, выводомъ изъ убѣжденій той части общества, которая была недовольна привилегіями. Но лица, возстававшія противъ привилегій, не видѣли сами крайнихъ, послѣднихъ выводовъ изъ ихъ убѣжденій, и врядъ ли хотѣли ихъ достигать на практикѣ. Эти лица довольствовались бы сами по себѣ отмѣною тѣхъ учрежденій, которыя ближайшимъ образомъ противорѣчили ихъ убѣжденіямъ. Если бы французская революція ограничилась отмѣною привилегій, то она была бы не революціею, а реформою.

Итакъ, прочность государственнаго порядка зависитъ не отъ одного соотвѣтствія идей съ учрежденіями. Идея, предоставленная самой себѣ, можетъ дойти до крайнихъ результатовъ. Притомъ, и это главное, идей въ обществѣ много;—столько же, сколько есть въ немъ разнообразныхъ интересовъ. Разнообразны интересы—противорѣчивы и идеи, и каждая изъ нихъ стремится къ полному своему торжеству, т.-е. къ уничтоженію всѣхъ другихъ. Государство не можетъ поэтому воплотить въ себѣ одну идею, во всей ея чистотѣ: тогда оно будетъ само партіею. Оно и его учрежденія должны представлять собою не одну общественную идею, а всю совокупность общественныхъ идей, примиренныхъ и объединенныхъ національною идеею. Реформа выражаетъ не одну какую-нибудь идею, а перемѣны, происшедшія во всемъ строѣ общенаціональныхъ убѣжденій. Реформа есть проведеніе въ жизнь идеи, въ ея практической, общенародной формѣ; революція стремится осуществить эту идею въ крайнемъ ея выраженіи.

Въ этомъ заключается первоначальная сила и послѣдующая слабость революціи. Когда начинается борьба между двумя порядками,—борьба, происходящая оттого, что одинъ порядокъ долго не хотѣлъ ничего (даже реформы), а другой, вслѣдствіе этого, захотѣлъ всего (даже революціи), — наибольшее значеніе получаютъ начала, пред-

ставляющія послѣднее выраженіе идей второго порядка. Затѣмъ, во время революціи, наибольшее значеніе получаютъ люди, являющіеся представителями крайнихъ оттѣнковъ новыхъ идей. Эти обстоятельства и вліяютъ на стремленіе всякой революціи. Стремленія эти состоятъ въ доведеніи крайнихъ идей *до конца*. Стремленіе французской революціи не ограничивалось уничтоженіемъ привилегій; это могло бы сдѣлать и правительство, но не хотѣло. 4 августа 1789 г. [1]) революція не достигла до конца; она закончилась провозглашеніемъ республики, санкціею права возстанія, аграрными законами, конфискаціею имуществъ, казнью короля и аристократовъ, религіею разума, и т. д. Къ этому именно и шла революція. Въ этомъ и состоитъ слабость ея, какъ и всякой революціи.

Ни одно общество не можетъ выдержать идей, доведенныхъ до крайняго ихъ выраженія. Изъ каждой идеи общество можетъ сдѣлать въ данную минуту одинъ—два вывода, пригодные для его практическихъ цѣлей въ данную минуту. Всѣхъ же выводовъ оно сдѣлать не въ состояніи. Напротивъ, крайній выводъ изъ извѣстной идеи пугаетъ его воображеніе, вооружаетъ его противъ самой идеи. Французское общество не узнало идей 89 года въ конвентѣ и Бабёфѣ. Оно въ ужасѣ отвернулось отъ Робеспьера, вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ республики, а потомъ и отъ началъ 89 г. Дойдя до такихъ крайнихъ выводовъ, общество невольно поворачиваетъ назадъ, отступается отъ своего дѣла. Отступленіе это бываетъ полное. Благодаря тому, что логическое движеніе революціи связываетъ необходимыя преобразованія съ крайними послѣдствіями извѣстныхъ началъ, общество, отказываясь отъ крайностей, готово отказаться и отъ необходимаго. Во время революціонной горячки общество неспособно къ различенію понятій: оно не дѣлаетъ различія между началами 89 г. и террористами. Убивая послѣднихъ, оно неспособно пощадить первыя.

Кромѣ этого обстоятельства (имѣющаго отрицательное значеніе), доведенію каждой идеи до конца препятствуетъ и то, что, не смотря на всѣ усилія революціи, въ обществѣ всегда остаются обломки стараго порядка со всѣми ихъ убѣжденіями и преданіями. Прежде эти обломки составляли одно органическое цѣлое со всею массою народа. Ихъ идея была частью (оттѣнкомъ) общенаціональной идеи. Единство это поддерживалось тѣмъ, что ни одна партія, ни одинъ классъ общества не могъ довести своихъ началъ до послѣдняго ихъ выраженія,—что начала эти сдерживались идеею, которая была выше ихъ всѣхъ (національною идеею). Когда рушилось это единство, всѣ на-

---

[1]) День уничтоженія привилегій.

правленія стали въ изолированное и враждебное другъ къ другу отношеніе. Сдѣлки между ними дѣлаются невозможны. Каждая партія стремится, подобно революціонной, довести свою идею до конца. Это—новая и характеристическая особенность революціи. *Она превращаетъ всѣ партіи въ революціонныя силы,*—въ томъ смыслѣ, что каждая партія старается сдѣлать для своей идеи то, что революція сдѣлала для своей. Прежніе консерваторы становятся отчаянными агитаторами и дѣлаютъ изъ своихъ началъ такіе выводы, которыхъ они, безъ революціи, не сдѣлали бы. Аристократія стараго порядка довольствовалась сохраненіемъ существующаго порядка и даже готова была на нѣкоторыя уступки; Де-Местръ говоритъ о возвращеніи къ XIII столѣтію. Кавалеры, предъ англійскою революціею, не думали о расширеніи королевской прерогативы; послѣ революціи, пошли въ ходъ теоріи Гоббеса и Фильмера. Все проникается революціоннымъ духомъ. Остатки стараго порядка пользуются даже революціонными средствами. Система террора привела бы въ ужасъ старую аристократію, читавшую энциклопедистовъ; послѣ революціи, эта система стала весьма обыкновеннымъ политическимъ средствомъ.

Всѣ эти обломки стараго порядка въ свое время воспрепятствовали полному осуществленію революціонныхъ идей. Когда революція дошла до крайнихъ предѣловъ, остановилась и отвратила отъ себя общество, старыя начала пожелали занять ея мѣсто. На реакцію нельзя смотрѣть какъ на простое стремленіе возвратиться къ старому порядку. Такія стремленія имѣли лишь самые умѣренные реакціонеры, въ родѣ Бональда. Оттого ихъ сочиненія и не имѣли большого вліянія на общество. Истинные корифеи реакціи, въ родѣ графа де-Местра, хотѣли не того. Если бы ихъ желанія исполнились, былъ бы возстановленъ не только старый порядокъ, но—старый порядокъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ.

Но и стремленія реакціонеровъ не удались. Причина этого заключается въ томъ, что въ числѣ пріобрѣтеній революціи—многія были вполнѣ необходимы,—многія ея преобразованія, рано или поздно, сдѣланы были бы простою реформою.

Таковы результаты революціи. Она заставляетъ народъ—рядомъ съ тѣмъ, что онъ можетъ—дѣлать много такого, чего онъ не въ состояніи вынести. Результатомъ этого бываетъ впослѣдствіи стремленіе навязать ему то, отъ чего онъ давно отказался. И послѣ долгой борьбы этихъ противоположныхъ началъ, общество наконецъ получаетъ то, для чего въ сущности не нужно было никакой революціи. И какъ получаетъ! Нерѣдко для этого нужна новая революція; еще чаще народу возвращается не все, что онъ взялъ и можетъ имѣть; наконецъ, *всегда* эти пріобрѣтенія сохраняютъ характеръ вынужден-

ной уступки, на нихъ набрасывается тѣнь революціоннаго ихъ происхожденія; слѣдовательно, они не получаютъ значенія необходимаго и прочнаго историческаго явленія. Всѣ смотрятъ на нихъ подозрительно. Благодаря революціонному ихъ происхожденію, съ ними невольно соединяется воспоминаніе о крайнихъ послѣдствіяхъ началъ, на которыхъ они построены. Послѣ революціи равенство правъ, напр. (хотя бы оно выразилось въ формѣ уничтоженія только привилегій), напоминаетъ объ уничтоженіи собственности,—личная свобода (даже въ предѣлахъ, указанныхъ Монтескьё) наводитъ на воспоминаніе объ анархіи,—попытка точнаго опредѣленія границъ государственной власти рисуетъ воображенію казнь Людовика XVI.

Констанъ писалъ первыя свои произведенія именно въ тотъ моментъ, когда общество отказывалось уже отъ крайнихъ выводовъ революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самой революціи. Реакція подымала голову и смотрѣла въ XIII столѣтіе. Констанъ стремился удержать общество отъ реакціи, въ смыслѣ возвращенія къ старому порядку. Всѣ стремленія Констана направлены къ защитѣ республики. Съ этою цѣлью обращается онъ къ правительству, къ обществу, къ журналистикѣ. Но, не смотря на весь республиканскій духъ брошюры, Констанъ, самъ того не замѣчая, приходитъ къ нѣкоторымъ реакціоннымъ выводамъ. Нѣкоторая реакція была необходима для самой республики. Послѣдней нужно было отказаться отъ нѣкоторыхъ „выводовъ" террора. Самъ Констанъ указываетъ, что революція переступила какія-то границы. Надо, слѣдовательно, войти въ эти границы. Какія же это границы?

Констанъ могъ бы указать, съ своей точки зрѣнія, границы революцій. Но для этого ему надлежало бы анализировать принципъ свободы, идею власти, права народа, т.-е. сдѣлать много такого, до чего онъ дошелъ лѣтъ черезъ пятнадцать. Теперь онъ не пошелъ и не могъ пойти дальше нѣсколькихъ, довольно избитыхъ, положеній либеральной школы. Для свободы, говоритъ онъ, нужно строгое соблюденіе принциповъ; терроръ грѣшилъ тѣмъ, что отступилъ отъ принциповъ и ввелъ произволъ въ управленіе; опасность реакціи заключается въ томъ, что послѣдняя также ненавидитъ принципы и стремится къ произволу, хотя цѣли ея отличны отъ цѣлей террора.

Итакъ, прежде всего, необходимо уваженіе къ принципамъ. Авторъ стремится возстановить это уваженіе въ обществѣ, въ которомъ принципы потеряли уже свой кредитъ [1]. „Словомъ: *принципы*, говоритъ онъ, злоупотребляли такъ сильно, что на того, кто требуетъ уваженія и повиновенія имъ, смотрятъ какъ на отвлеченнаго мечтателя

---

[1]) См. II т. назв. соч., стр. 108 и слѣд.

и химерическаго резонера. Всѣ партіи ненавидятъ принципы; однѣ приписываютъ имъ всѣ прошедшія бѣдствія, другія—всѣ настоящія затрудненія; однѣ,—не имѣя возможности возстановить того, чего уже нѣтъ,—обвиняютъ принципы *въ разрушеніи*; другія,—будучи не въ состояніи управлять тѣмъ, что̀ есть,—обвиняютъ принципы въ безсиліи“... Констанъ беретъ на себя трудную задачу выясненія истиннаго смысла принциповъ. Онъ не желаетъ пускаться въ подробности; въ будущемъ онъ надѣется выяснить коренныя основанія свободы (или принциповъ); на первый разъ, онъ довольствуется нѣкоторыми общими положеніями.

Принципъ, по мнѣнію Констана, есть общій результатъ нѣсколькихъ частныхъ фактовъ. Когда въ совокупности этихъ фактовъ совершается какое-нибудь измѣненіе,—измѣняется и принципъ; но это измѣненіе само становится принципомъ. Принципъ, слѣдовательно,—результатъ. Результатъ этотъ имѣетъ общее значеніе только по отношенію къ тѣмъ комбинаціямъ, изъ которыхъ онъ является выводомъ. Поэтому, всеобщность его не безусловна, а относительна. Это различіе, по мнѣнію Констана, весьма важно; благодаря тому, что этого различія не дѣлали, существовало много ложныхъ понятій о томъ, что̀ такое принципъ.

Есть принципы общіе, потому что есть первоначальныя данныя, существующія одинаково во всѣхъ комбинаціяхъ. Но это не значитъ, чтобы къ общимъ принципамъ не слѣдовало прибавлять другихъ, вытекающихъ изъ каждой частной комбинаціи фактовъ.

Когда говорятъ, что общіе принципы непримѣнимы, это значитъ, что не открытъ посредствующій принципъ, требуемый частною комбинаціею. Одно звено въ цѣпи потеряно, но цѣпь все-таки существуетъ.

Лица, проповѣдующія, что въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ должно уклоняться отъ принциповъ, впадаютъ въ недоразумѣніе; каждое обстоятельство требуетъ *своего принципа*, ибо сущность каждаго принципа состоитъ не столько въ *его общности*, сколько въ *прочности*, и этимъ качествомъ обусловливается его польза.

Изъ этихъ немногихъ положеній видно, что убѣжденія Констана въ то время, какъ онъ писалъ свою брошюру, уже колебались. Онъ желалъ остаться вѣрнымъ республиканскимъ и революціоннымъ преданіямъ; съ другой стороны, онъ желалъ удержать всѣ партіи (въ томъ числѣ и революціонную) отъ ихъ увлеченій. Онъ и его сотоварищи отличались отъ всѣхъ партій въ одномъ капитальномъ пунктѣ: всѣ партіи требовали возвращенія къ извѣстнымъ учрежденіямъ; Констанъ же требовалъ только возвращенія къ началамъ; слѣдовательно, его ученіе не было связано органически ни *съ какою формою правленія*. Это важное обстоятельство объясняетъ намъ, почему онъ

впослѣдствіи сдѣлался поклонникомъ конституціонной монархіи, подобно ему, удаленной отъ всѣхъ чистыхъ формъ правленія и опирающейся на „началахъ“.

Посмотримъ прежде всего, въ какомъ смыслѣ онъ остался вѣренъ республикѣ и революціи. Онъ вѣритъ въ осуществимость общихъ началъ. По его мнѣнію, они необходимо должны быть проведены въ жизнь, при помощи посредствующихъ принциповъ. *Другими словами, для того, чтобы общія начала государственнаго устройства были связаны съ народною жизнью, необходимо, чтобы принципы всѣхъ подчиненныхъ сферъ общежитія соотвѣтствовали этимъ общегосударственнымъ началамъ.* Для выясненія этой мысли, Констанъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Теорія привилегій, говоритъ онъ, есть предразсудокъ отвлеченный,—столь же отвлеченный, какъ ученіе о равенствѣ. Но въ силу того, что онѣ *существовали,* привилегіи держались на цѣпи учрежденій, привычекъ, интересовъ, нисходившихъ до индивидуальности каждаго человѣка. Напротивъ, равенство, не будучи признано, не имѣло ни въ чемъ опоры, колебало все и проникало въ сферу индивидуальнаго существованія людей только для того, чтобы извратить ихъ образъ жизни. Послѣ такого извращенія, весьма естественна ненависть къ принципу и любовь къ предразсудку.

Но предположимъ, что положеніе вещей измѣнилось; представимъ себѣ, что равенство признано, *организовано*, составляетъ первое звено общественной цѣпи, а потому связано со всѣми интересами, расчетами и условіями частной и общественной жизни. Представьте же себѣ теперь ученіе о привилегіяхъ, брошенное изолированно, въ качествѣ общей теоріи, противъ общей существующей системы; тогда разрушителемъ явится предразсудокъ, охранителемъ—принципъ.

И такъ, неуспѣхъ республиканскихъ теорій зависѣлъ, по мнѣнію Констана, отъ того, что онѣ явились въ общество въ качествѣ изолированнаго начала, отвлеченнаго и не связаннаго ни въ чемъ съ жизнью. Горькое признаніе! Но, во всякомъ случаѣ, изъ него представляется два вывода. Или общество и его органъ—законодательство—должны связать эти общія начала посредствующими принципами съ народною жизнью,—устроить семейный, общественный, экономическій бытъ,—опредѣлить начало собственности, религіи, воспитанія, сообразно съ ними; но въ такомъ случаѣ мы не видимъ, въ чемъ же Констанъ отличается отъ террористовъ, которые именно хотѣли перевоспитать (и отчасти перевоспитали) Францію, сообразно республиканскимъ теоріямъ; они вѣдь именно хотѣли *организовать* равенство и свободу и превратить привилегіи въ отвлеченный и изолированный отъ общественной жизни принципъ. Или положеніе Констана должно

быть понято въ томъ смыслѣ, что посредствующіе принципы должны ослаблять непреклонность общихъ принциповъ и дѣлать возможнымъ ихъ примѣненіе къ жизни, не допуская ихъ крайняго развитія? Другими словами, примѣненіе принциповъ зависитъ не только отъ того, что они связаны со всѣми понятіями народа, но и отъ того, что, благодаря посредствующимъ принципамъ, крайняя общность высшихъ началъ съуживается и поддѣлывается къ практикѣ. Каждый принципъ только тогда можетъ получить практическое значеніе, когда примѣненіе его будетъ ограничено извѣстными условіями. Этого начала не было у террористовъ, но оно проявляется въ брошюрѣ Констана и предвѣщаетъ уже въ немъ будущаго поборника конституціонныхъ началъ.

Сообразно его ученію, должно различать общій принципъ, опредѣляющій организацію общественной жизни, и посредствующее начало, заключающее въ себѣ способъ приложенія перваго къ жизни. Чтобы открыть это посредствующее начало, необходимо хорошо *опредѣлить* общій принципъ. Слѣдуютъ примѣры. Они весьма любопытны (особенно второй, относящійся прямо къ области политики). Первый примѣръ взятъ изъ сферы нравственной философіи. Въ сферѣ нравственности мы встрѣчаемся съ предписаніемъ *говорить правду*. Начало это, взятое само по себѣ, абсолютно и изолированно, говоритъ Констанъ, уничтожило бы всякую возможность общежитія. Одинъ нѣмецкій философъ [1]) вывелъ изъ этого начала такое заключеніе, что еслибы убійцы, преслѣдуя вашего друга, укрывшагося въ вашемъ домѣ, спросили, гдѣ онъ, вы должны были бы сказать правду. Абсолютно этотъ принципъ непримѣнимъ; онъ разрушилъ бы общество; но безъ него общество также разрушится. Поищемъ средство примѣнить его; опредѣлимъ его, какъ слѣдуетъ.

Говорить правду есть обязанность. Но что̀ такое обязанность? Идея обязанности немыслима безъ идеи права: обязанность для одного—то, что̀ соотвѣтствуетъ праву другого. Гдѣ нѣтъ правъ,—нѣтъ и обязанностей. Слѣдовательно, говорить правду есть обязанность по отношенію къ тѣмъ, кто имѣетъ на нее право; а ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права на правду, приносящую вредъ другому. Такъ этотъ принципъ сдѣлался примѣнимымъ.

Другой примѣръ. „Что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть связанъ законами, въ составленіи которыхъ онъ не участвовалъ,—*есть начало общее, одинаково вѣрное во всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣ времена*“. Въ небольшомъ обществѣ принципъ этотъ можетъ быть примѣненъ безъ всякихъ посредствующихъ началъ. Но въ много-

[1]) Кантъ.

численномъ обществѣ такой посредствующій принципъ необходимъ. Такимъ принципомъ, обусловливающимъ возможность примѣненія перваго, по мнѣнію Констана, является *народное представительство*. Непосредственная демократія приведетъ въ большомъ государствѣ къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ.

То, что Констанъ называетъ опредѣленіемъ принципа, съ гораздо большимъ основаніемъ можно назвать *ограниченіемъ его*, въ виду условій мѣста и времени. Но авторъ желаетъ и остаться вѣрнымъ республиканскимъ воззрѣніямъ, и удержать республику отъ увлеченій. Отсюда, съ одной стороны, странная на первый взглядъ, смѣсь вѣрованій въ незыблемость, въ общность и непоколебимость началъ; съ другой—убѣжденіе въ невозможности примѣнить ихъ въ чистомъ видѣ. Будь въ трудахъ Констана хотя малѣйшая доля историческаго элемента, это противорѣчіе сгладилось бы. „Посредствующіе принципы“ явились бы просто условіями мѣста и времени, подъ вліяніемъ которыхъ каждое общее начало не только примѣняется, но и выработывается *постепенно*, а не является изолированною теоріей, требующею „посредствующихъ звеньевъ“. Констанъ вмѣстѣ съ другими республиканцами, убѣжденъ, что основныя начала политическихъ системъ являются вдругъ, и что, затѣмъ, обществу предстоитъ исканіе средства для примѣненія первыхъ къ дѣлу. Напротивъ, исторія доказываетъ, что именно „посредствующія начала“ предшествуютъ общимъ, и что отвлеченность послѣднихъ вырабатывается весьма долго.

Благодаря отсутствію историческаго взгляда на дѣло, Констанъ просмотрѣлъ слѣдующее немаловажное обстоятельство. По его мнѣнію, общія начала революціи явились вдругъ, въ видѣ изолированной теоріи; но начала равенства слышатся при первомъ движеніи общинъ; общинная революція имѣетъ много общаго съ великой революціей. Борьба противъ привилегій велась нѣсколько столѣтій королями, въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ. Начала религіозной свободы возвѣщались еще Боденомъ. Къ 89 году выработалось много общихъ положеній, относительно которыхъ *всѣ* были согласны. Эти начала выразились въ первой конституціи, и они не были изолированною теоріею. „Изолированны“ были только начала чисто-революціонной партіи, и конституція 93 года осталась только на бумагѣ. Началъ этой партіи нельзя было поправить никакими посредствующими принципами. Они и сами не терпѣли никакихъ сдѣлокъ съ практическою жизнью. Конвентъ, вслѣдъ за Руссо, провозгласилъ неотчуждаемость власти народа, которою народъ долженъ былъ пользоваться непосредственно. По отношенію къ такому началу, народное

представительство не могло быть посредствующимъ принципомъ, а только—ограниченіемъ и даже измѣненіемъ этого начала.

Вслѣдствіе изолированности такихъ революціонныхъ началъ, либералы были обречены на ихъ ограниченіе, т.-е. на своего рода реакцію.

Сами по себѣ, либералы и ихъ „ограниченія“ не имѣютъ особаго значенія въ странѣ, переживающей революцію. Во имя чего могутъ они требовать „ограниченій“? Во имя историческаго прошлаго? Но они отказались отъ него вмѣстѣ съ революціею, „вѣрными сынами“ которой они стремятся быть или казаться. Во имя своеобразнаго національнаго развитія? Но они смотрятъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ революціонеры; подобно послѣднимъ, они принимаютъ, съ одной стороны, отвлеченныя начала, неоспоримыя и необходимыя *во всѣ времена и у всѣхъ народовъ* (какъ это утверждаетъ Констанъ, относительно законодательной власти народа), — съ другой, пассивную массу народныхъ элементовъ, требующую *организаціи* на основаніи новыхъ началъ. Прежде эти элементы были организованы подъ вліяніемъ „предразсудковъ“; теперь имъ будетъ дана другая форма, на основаніи „принциповъ“. И такъ все историческое—„предразсудокъ“; все отвлеченное—„истинный, всеобщій принципъ“. Во имя чего же либерализмъ требуетъ (подъ маскою опредѣленія) ограниченія принципа?

Ниже мы возвратимся къ этому важному вопросу, при оцѣнкѣ общаго значенія либерализма. Теперь ограничимся этимъ бѣглымъ замѣчаніемъ, совершенно достаточнымъ для того, чтобы понять, почему брошюра Констана никого не примирила, не ограничила и не успокоила, хотя была прочитана всѣми съ большимъ удовольствіемъ и выдержала нѣсколько изданій, какъ во время революцій и реакцій— брошюра Сійеса (*Qu'est ce que le tiers-état?*), рѣчи Дантона, памфлеты де-Местра...

Нельзя оставить этого вопроса, не указавъ еще на одинъ важный пунктъ, въ которомъ Констанъ расходится съ настоящими революціонерами и даже съ философіею естественнаго права. Для философовъ-раціоналистовъ и для первыхъ революціонеровъ, „принципы“ были верховнымъ началомъ всего существующаго. Все существующее есть или должно быть результатомъ принциповъ. Напротивъ, для Констана, принципъ есть общій *результатъ* частныхъ фактовъ. Какъ *результатъ*, онъ зависитъ отъ этихъ первоначальныхъ фактовъ; поэтому онъ не можетъ имѣть безусловной всеобщности. Всякое измѣненіе въ фактахъ отражается и на принципѣ. Еще одинъ шагъ и — Констанъ могъ бы дойти до началъ историческаго развитія. Но этого съ нимъ не случилось. Хотя принципы и суть резуль-

тать фактовъ, но все-таки они незыблемы, — и не только высшіе принципы, но и посредствующіе. Можно подумать, что всякая комбинація фактовъ можетъ дать только одинъ результатъ. Во всякомъ случаѣ, Констанъ требуетъ для отвлеченныхъ принциповъ реальной основы. Мало того: идя по этой дорогѣ, онъ приходитъ, совершенно невольно, къ положенію, которое какъ-то плохо ладитъ съ отвлеченностью и всеобщностью „началъ". Принципы суть обобщенія частныхъ фактовъ и имѣютъ для нихъ безусловное значеніе; обобщенія же большаго числа фактовъ имѣютъ преимущество предъ принципами, обобщающими меньшее количество. Въ области политики это начало выражается слѣдующимъ образомъ: политическій принципъ [1]) есть результатъ *интереса каждаго* лица или *общаго всѣмъ интереса*; эти начала должны бы быть дороги всѣмъ и каждому и предпочитаться принципамъ, основаннымъ на интересахъ тѣснаго кружка лицъ; но при господствѣ старыхъ порядковъ,— бывшихъ результатомъ *интереса нѣкоторыхъ*, въ противность общему интересу, — они не могли имѣть практическаго значенія.

И такъ, Констанъ противополагаетъ общія начала (соотвѣтствующія общимъ интересамъ) началамъ частнымъ (соотвѣтствующимъ интересамъ нѣкоторыхъ). Очевидно, въ число общихъ интересовъ онъ не включаетъ интересовъ старой аристократіи, роялистовъ, клерикаловъ. Все это, какъ предразсудокъ и привилегія, должно уничтожиться во имя „началъ" равенства и свободы. Исходя, слѣдовательно, изъ общихъ началъ, Констанъ становится на сторону революціонной партіи. Мы не станемъ спорить о томъ — правъ или неправъ былъ онъ въ своемъ предпочтеніи революціонныхъ началъ всѣмъ другимъ. Но насъ поражаетъ его философскій пріемъ измѣренія общности началъ не степенью ихъ внутренняго достоинства, а количествомъ лицъ, раздѣляющихъ тѣ или другія убѣжденія. Этотъ пріемъ можетъ довести до очень странныхъ результатовъ. Было время, когда то, что Констанъ считалъ общимъ интересомъ, считалось за таковой весьма немногими; слѣдуетъ ли изъ этого, что ими нужно было пренебрегать? Напротивъ, полное пренебреженіе этихъ началъ, въ свое время, привело Францію къ революціи,—подобно тому, какъ впослѣдствіи полное пренебреженіе „къ предразсудкамъ" породило реакцію...

Не смотря на эти колебанія во всѣ стороны, Констанъ въ итогѣ остается вѣрнымъ гражданиномъ республики. Съ жаромъ возстаетъ онъ противъ реакціи. Нельзя не отдать справедливости тому благородному сознанію правды и человѣческой независимости, которымъ

---

[1]) Ib., стр. 110.

проникнуты главы его сочиненія, относящіяся къ дѣйствіямъ современнаго ему правительства и къ упадку общества.

Есть два рода реакцій, говоритъ онъ. Однѣ направлены противъ людей, другія—противъ идей. „Я не называю реакціею ни справедливое наказаніе виновныхъ, ни возвращеніе къ здравымъ понятіямъ. Это составляетъ задачу закона (съ одной стороны) и разума (съ другой стороны). То, что по преимуществу отличаетъ реакцію—это произволъ, поставленный на мѣсто закона, страсть — на мѣсто разсудка. Вмѣсто того, чтобъ предавать людей суду,—ихъ изгоняютъ; вмѣсто того, чтобы изслѣдовать идеи, — ихъ отвергаютъ. Реакціи противъ людей длятъ революцію, ибо онѣ продолжаютъ угнетеніе—причину всѣхъ революцій. Реакціи противъ идей дѣлаютъ революціи безплодными, ибо онѣ возобновляютъ прежнія злоупотребленія. Первыя реакціи опустошаютъ поколѣніе, испытывающее ихъ; вторыя тяготѣютъ надъ всѣми поколѣніями. Первыя поражаютъ смертью отдѣльныя личности; отъ вторыхъ тупѣетъ цѣлая порода людей.

Обязанности правительства при такомъ порядкѣ вещей, по мнѣнію Констана, понятны сами собою. Когда реакція направлена противъ людей, въ рукахъ правительства находится одно средство—правосудіе. Правительству необходимо овладѣть реакціею; въ противномъ случаѣ, оно будетъ увлечено ею. Рядъ преступленій можетъ продолжиться до безконечности, если они не будутъ остановлены правительствомъ. Оно должно устранить общественное мщеніе своимъ строгимъ правосудіемъ. Если лицамъ, взывающимъ о справедливомъ наказаніи виновныхъ, оно говоритъ: „мы не можемъ наказать преступленій, которыя сами ненавидимъ",—оно какъ бы говоритъ: „мстите сами!" Если людямъ, жалующимся на беззаконныя жестокости, оно отвѣчаетъ: „мы не можемъ избавить васъ отъ ярости, которой сами боимся",—оно говоритъ: „защищайтесь!" Это ведетъ къ гражданской войнѣ, принуждаетъ невинность къ преступленіямъ,—преступленіе къ сопротивленію,—всѣхъ гражданъ къ смертоубійству; дѣйствуя такъ, правительство провозглашаетъ господство насилія и. въ то же время, беретъ на себя отвѣтственность за всѣ преступленія, совершенныя во имя его слабости. Горе правительству, которое остается нейтральнымъ среди этихъ старыхъ и новыхъ преступленій,—пользуется своею властью только для того, чтобы удержаться въ этомъ постыдномъ нейтралитетѣ, и помышляетъ не объ исполненіи своихъ обязанностей, а о своемъ существованіи! Правительство должно быть безпристрастно, но сильно. Безпристрастное и сильное, оно должно дѣйствовать своею собственною силою,—не взывать ни къ какой посторонней помощи,—держать въ бездѣйствіи какъ партію, которой оно помогаетъ, такъ и партію, которую оно

караетъ, — наказывать одинаково тѣхъ, кто хочетъ предупредить мщеніе закона, какъ и тѣхъ, кто заслужилъ законную кару. Но для этого правительство должно стоять выше партій. Современное же правительство (т.-е. директорія) пришло къ ложному убѣжденію, что ему необходимо имѣть за себя партію. Это одно изъ заблужденій, порожденныхъ революціею. Каждая партія старается эксплуатировать его въ свою пользу. Каждая изъ нихъ хочетъ стать центромъ общественнаго устройства. Правительство не должно увлекаться этимъ заблужденіемъ. Пусть всѣ частные и сословные интересы волнуются и разбиваются у ногъ правительства; пусть его неподвижность заставитъ ихъ окружить его, поладить между собою и содѣйствовать, хотя бы противъ желанія, возстановленію спокойствія и организаціи новаго общественнаго порядка!

Что касается реакціи противъ идей, то, по отношенію къ ней, правительство должно вести себя иначе, чѣмъ по отношенію къ первому роду реакцій. Здѣсь ему прежде всего нужно *сдерживаться*. Въ первомъ случаѣ, ему необходимо дѣйствовать, во второмъ—охранять; въ первомъ оно должно дѣлать все, что̀ предписываетъ законъ; во второмъ оно не должно дѣлать ничего, что̀ не предписано закономъ.

Реакціи противъ идей направлены или противъ учрежденій, или противъ мнѣній. Учрежденія нуждаются во времени, мнѣнія — въ свободѣ.

Между однимъ и другимъ *лицомъ* правительство должно поставить карающую власть; между личностями и установленіями — власть охранительную, между личностями и мнѣніями—никакой.

Когда вы установили учрежденіе, не раздражайтесь тѣмъ, что его порицаютъ. Не препятствуйте никому возражать противъ него, требуйте только повиновенія по формѣ и предъ закономъ. Игнорируйте оппозицію; сохраняйте учрежденіе; съ помощью закона, формъ и времени, оно восторжествуетъ.

Что касается мнѣній, то правительство не должно обращать на нихъ никакого вниманія.

Намъ очень бы желалось изслѣдовать, насколько директорія могла выполнить задачу, указанную Констаномъ; любопытно также было бы провѣрить вѣрность того положенія, что всякое учрежденіе можетъ восторжествовать, съ помощью закона, формъ и времени. Но мы оставляемъ эти вопросы до изслѣдованія позднѣйшихъ сочиненій Констана, гдѣ всѣ мысли его выражены съ большею полнотою и объективностью.

Не менѣе, если не больше, порицаетъ Констанъ и современное ему общество, особенно — писателей. Нигдѣ нельзя встрѣтить такой

ѣдкой и, такъ сказать, негодующей критики журналовъ и журналистовъ, какъ у него.

Пораженный духомъ реакціи, которая охватила всю журналистику, онъ старается объяснить причины этого страннаго явленія. Прежде всего, на это обстоятельство имѣлъ вліяніе, по мнѣнію Констана, тотъ фактъ, что послѣ революціи журналисты утратили значеніе, какое они имѣли при старомъ порядкѣ и въ первое время революціи. Они не могли простить революціи того, что она лишила ихъ извѣстной доли славы, которую уже нельзя возвратить. Они почувствовали, что дерзость революціи превзошла всю ихъ смѣлость и отняла у нихъ возможность легкихъ тріумфовъ надъ отживающимъ порядкомъ. Съ разрушеніемъ монархіи, ихъ полемическія средства сдѣлались безполезными. Журналисты не могутъ, говоритъ Констанъ, помириться съ тѣмъ, что, послѣ террора и революціи, публика потеряла вкусъ къ тонкимъ намекамъ, изящнымъ оттѣнкамъ и колкимъ эпиграммамъ, которые такъ нравились во времена старой монархіи, — во времена мира и бездѣйствія. Теперь журналисты бросились въ реакцію. Подобно тому, какъ духовенство требуетъ возвращенія алтарей, дворянство — феодальныхъ правъ, эти люди мечтаютъ о возстановленіи литературнаго значенія. Послѣ паденія террористовъ и конвента, они думали, что директорія возвратитъ имъ потерянное. Этого не случилось, ибо революція уничтожила не только академію, но даже академическій духъ. Обманутыя надежды раздражаютъ журналистовъ не противъ причинъ, уже не существующихъ, но противъ послѣдствій, которымъ помочь нельзя. Вотъ почему эти люди ненавидятъ существующій порядокъ вещей. При этомъ совершенно новомъ порядкѣ, они мечтаютъ пріобрѣсти прежнее вліяніе съ помощью прежнихъ средствъ. А такъ какъ журналисты потеряли это вліяніе во время анархіи, то, обманувшись въ своихъ надеждахъ, они полагаютъ, что анархія продолжается. Поэтому они поворачиваютъ къ старому порядку.

Журналистовъ, продолжаетъ Констанъ, нельзя назвать роялистами; но они любили въ старомъ порядкѣ правительственную слабость и свою силу. Колеблющаяся власть, нерѣшительные министры, робкая и перемѣнчивая администрація, которая ихъ чтила, боялась, угрожала имъ и преслѣдовала ихъ ровно настолько, насколько это нужно было для ихъ славы, — вотъ какихъ враговъ имъ было нужно! Отсюда естественный переходъ не только къ общему строю, но и къ подробностямъ стараго порядка; отсюда трогательныя воспоминанія о привилегированныхъ сословіяхъ, о католицизмѣ и т. д, Тройное зданіе — королевской власти, дворянства и духовенства — возсоздается постепенно въ общественномъ мнѣніи.

Вторую причину шаткости журналистовъ своего времени Констанъ видитъ въ томъ, что они, воспитанные въ оппозиціи, привыкли относиться къ каждому правительству только критически. Причина этого, по мнѣнію Констана, заключается не только въ томъ, что оппозиція сама по себѣ занятіе пріятное, но и въ томъ, что, чрезъ такой образъ дѣйствія, они надѣялись достигнуть своей единственной цѣли—вліянія на общество. Для того, чтобы удержать за собою *руководящую роль*, имъ необходимо было ослаблять значеніе каждаго правительства. Сильная власть была имъ невыносима. Между тѣмъ, Констанъ *ясно сознавалъ необходимость для всѣхъ умственныхъ силъ страны соединиться вокругъ правительства.* Съ горестью указываетъ онъ [1]), что правительство одно поддерживаетъ еще республику. Но когда республиканская форма поддерживается только властью, власть эта, по необходимости, должна прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя менѣе всего пригодны для республиканскаго правительства.

Но для того, чтобы рѣшиться на такой дѣйствительно патріотическій актъ, журналистамъ [2]) нужно было кое-что, чего у нихъ не было,—нравственное чувство. Съ горькою критикою обращается Констанъ къ газетчикамъ, относительно этого обстоятельства. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такую строгую и правдивую оцѣнку многихъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ журналовъ.

„Я не хочу, говоритъ онъ [3]), порицать вообще существованіе газетъ. Но необходимость писать каждый день кажется мнѣ камнемъ преткновенія для таланта. Эта ежедневная спекуляція, дѣлающая изъ листка доходъ, расчитывающая на подписку и устанавливающая денежное вознагражденіе литератору (который льститъ общественному мнѣнію) отъ читателя (которому льстятъ), не оставляетъ для перваго ни времени, ни независимости, нужныхъ для произведенія серьезныхъ трудовъ. Необходимость поражать сильными аргументами ведетъ къ преувеличеніямъ; необходимость забавлять—къ клеветѣ. Есть журналы очень почтенные; но многіе сдѣлали изъ клеветы промышленную спекуляцію... Сила этихъ послѣднихъ журналовъ возвысилась, какъ бы волшебствомъ, среди общаго разрушенія. Она придаетъ смѣлости самымъ низкимъ и внушаетъ страхъ самымъ мужественнымъ людямъ. Невинность не защищаетъ отъ нея; презрѣніе не можетъ ослабить эту силу. Разрушая всякое уваженіе и опошливая всякую славу, она исказила прошедшее; она опережаетъ буду-

---

[1]) Ib., стр. 89.

[2]) Т.-е. газетчикамъ. Мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что Констанъ подъ именемъ журналистовъ разумѣетъ именно газетчиковъ.

[3]) Ib., стр. 93 и слѣд.

щее, чтобы также исказить его; и, благодаря усиліямъ и успѣхамъ этихъ журналовъ, въ двадцатипятимилліонномъ народѣ, послѣ семилѣтней революціи, не остается ни одного незапятнаннаго имени, ни одного неоклеветаннаго дѣйствія, ни одного чистаго воспоминанія, ни одной успокоительной истины, ни одного утѣшительнаго принципа".

„Эти клевещущіе журналы хотятъ установить свою магистратуру надъ народомъ — побѣдителемъ вселенной. Эта магистратура противоположна *управленію лучшихъ* (т.-е. аристократіи). Эта магистратура есть правительство самыхъ гнусныхъ и продажныхъ людей"...

Между тѣмъ, Констанъ все-таки не терялъ надежды. Онъ думалъ, что для него и для всѣхъ друзей свободы остались еще кое-какія убѣжища.

„Среди этой гибели общественнаго мнѣнія, среди этой кажущейся распущенности національнаго духа, говоритъ онъ [1]), на что могутъ еще надѣяться друзья свободы и просвѣщенія? Въ чемъ состоятъ ихъ средства? Въ чемъ заключается планъ ихъ дѣятельности?"

„Ихъ дѣло не потеряно; они ему не измѣнятъ. Они не войдутъ въ соглашеніе ни съ какимъ видомъ реакціи. Они не примутъ ни деспотизма,—ни умѣренной королевской власти, которая скоро перестанетъ быть умѣренною,—ни произвольной республики, которая была бы мучительна не менѣе королевской власти,—ни униженія, возведеннаго въ догматъ,—ни свирѣпой грубости, возведенной въ принципъ!"

И такъ, первый камень конституціонной теоріи Констана былъ готовъ и положенъ. Этотъ камень—*реакція противъ крайнихъ увлеченій революціи и страхъ предъ настоящею реакціею*, т.-е. предъ возвращеніемъ къ старому порядку. Послѣдующія событія прибавили новую и оригинальную черту къ этой теоріи. Абсолютизмъ Наполеона довершилъ политическое образованіе Констана.

IV.

Паденіе директоріи и установленіе консульства, казалось, не предвѣщали для Констана и всѣхъ членовъ либеральной оппозиціи—ничего дурного. Напротивъ, первые дни консульства обѣщали дать Франціи то законное и стоящее выше всѣхъ партій правительство, о которомъ мечталъ Констанъ. Первыми консулами были Наполеонъ, Сійесъ и Рожеръ-Дюко. Изъ нихъ Наполеонъ былъ пока извѣстенъ только какъ величайшій полководецъ республики, виновникъ выгодныхъ для Франціи трактатовъ и человѣкъ весьма энергическій. Его спо-

---

1) Ib., стр. 95.

собности относительно внутренняго управленія были еще неизвѣстны. Да и захочетъ ли великій солдатъ заниматься скучными законодательными и административными вопросами? Правда, послѣ первыхъ же засѣданій консуловъ, Сійесъ, не безъ нѣкотораго героизма, сказалъ Талейрану и Редереру: „у насъ есть повелитель, который умѣетъ, можетъ и хочетъ—все дѣлать". Но и это обстоятельство не представляло особенной опасности. Диктатура предоставлялась консуламъ на время, всего на три мѣсяца. Въ теченіе этого времени они должны были „возстановить порядокъ во всѣхъ частяхъ управленія, внутреннюю безопасность и доставить Франціи почетный и прочный миръ" [1]). Затѣмъ, въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ законодательныя коммиссіи должны были выработать конституцію, пригодную для тогдашняго положенія Франціи. Общія основанія этой конституціи долженъ былъ выработать Сійесъ.

Личный характеръ и политическія мнѣнія этого человѣка ручались за то, что конституція будетъ составлена въ либеральномъ смыслѣ. Знаменитый аббатъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и сильныхъ дѣятелей революціи. Его брошюра: *Что такое третье сословіе?* значительно способствовала выясненію плановъ и политики буржуазіи на первыхъ же порахъ движенія 89 г. Проникнутый идеями Монтескьё, онъ всегда стремился сдѣлать изъ политической организаціи средство для наилучшей гарантіи личной свободы гражданъ. Онъ сохранилъ это стремленіе и подъ владычествомъ конвента, и при директоріи. Трудно было ожидать, чтобы онъ, въ такой важный для Франціи моментъ, склонился на сторону деспотизма.

Скорѣе можно было опасаться совершенно другого. Именно Сійесъ могъ развить теорію равновѣсія властей до послѣднихъ предѣловъ, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ малѣйшее нарушеніе равновѣсія частей государственнаго механизма повлечетъ за собою преобладаніе одной какой-нибудь власти въ ущербъ другимъ. Такъ это и случилось.

Конституція, предложенная Сійесомъ, основана, въ сущности, на тѣхъ же началахъ, которыя лежатъ въ основаніи ученія Монтескьё и затѣмъ всей либеральной школы. Но никто не довелъ этихъ началъ до такихъ крайнихъ выводовъ. Монтескьё указалъ на нѣкоторыя начала англійской конституціи; но Сійесъ отвлекъ эти начала отъ англійскихъ учрежденій, изолировалъ ихъ отъ практической жизни англійскаго государства и старался придумать такія установленія, которыя бы представляли этотъ принципъ не только въ его отвлеченной чистотѣ, но и въ крайнемъ его выраженіи. Его консти-

---

[1]) Тьеръ, *Hist. du Cons.* p. 21. Я цитирую иллюстрированное изданіе 1865 г.

туція походитъ на англійскую, но настолько же, насколько республика Платона напоминаетъ классическое государство. Въ такомъ же отношеніи стоитъ онъ къ либеральной школѣ. Либеральная школа, послѣ перипетій революціи и въ виду начавшейся реакціи, страшилась двухъ вещей: непосредственнаго господства толпы и возвращенія къ деспотизму. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ страшилищъ, Б. Констанъ, напр., долго и краснорѣчиво толковалъ объ *опредѣленіи* принциповъ. Сіейесъ постарался сдѣлать совершенно безсильнымъ начало народовластія и правительственное начало.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоялъ проектъ Сіейеса?

Революція провозгласила, что народъ есть источникъ власти: всѣ важнѣйшіе ея аттрибуты сосредоточиваются въ народныхъ представителяхъ. Народное избраніе переноситъ на представителя право государственнаго управленія. Либералы находили, что крайнее примѣненіе этого принципа ведетъ къ народному абсолютизму. Сіейесъ предложилъ вовсе уничтожить всякое активное значеніе народнаго избранія. Избраніе не должно давать избраннымъ никакой власти. Правда, онъ пришелъ къ этому выводу подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ практическихъ соображеній. Еслибы онъ жилъ нѣсколькими десятками лѣтъ позже, онъ, можетъ быть, принялъ бы нѣкоторыя мѣры, установленныя впослѣдствіи, съ цѣлью устранить невыгодныя стороны народовластія. Можетъ быть, онъ предложилъ бы высокій цензъ, что уменьшило бы количество избирателей и передало бы власть просвѣщеннымъ классамъ народонаселенія; можетъ быть, онъ предложилъ бы многостепенные выборы. Но Сіейесъ жилъ въ эпоху, когда равенство было единственною политическою страстью; всякое подобіе аристократіи вызвало бы новую революцію. Съ другой стороны, и система прямыхъ выборовъ не имѣла уже того обаянія для умовъ. Всѣ помнили, какъ всевозможныя партіи эксплуатировали всеобщую подачу голосовъ въ свою пользу. Сіейесъ нашелъ выходъ изъ этого затруднительнаго положенія—удовлетворилъ и чувству равенства, и началамъ порядка. Онъ раздѣлилъ избирательное право на два момента; первый моментъ есть облеченіе извѣстныхъ лицъ довѣріемъ общества, такъ сказать, объявленіе ихъ достойными занимать общественныя должности. Второй моментъ есть самое призваніе избранныхъ лицъ къ занятію должностей. Изъ этихъ двухъ моментовъ первый долженъ быть, по мнѣнію Сіейеса, предоставленъ народу, второй—правительству.

Ежегодно всѣ совершеннолѣтніе граждане должны были собираться въ центръ округа (arrondissement) и избирать изъ своей среды десятаго. Такъ какъ количество гражданъ Франціи, пользующихся политическими правами, полагалось въ то время отъ 5 до 6 милл., то сумма избранныхъ должна была составить отъ пяти- до шестисотъ т.

человѣкъ. Эти избранныя лица съѣзжались въ главный городъ департамента и избирали также десятаго изъ своей среды, что должно было дать отъ 50 до 60 т. гражданъ. Наконецъ, послѣдніе съѣзжались въ столицу и избирали отъ 5 до 6 т. гражданъ.

Эти три серіи избранныхъ записывались на особыхъ спискахъ, называвшихся listes de notabilité. Первый списокъ назывался общиннымъ (liste communale), второй—департаментскимъ, третій—національнымъ.

Избранныя такимъ образомъ лица имѣли значеніе только кандидатовъ на различныя общественныя должности. На эти должности они призывались правительствомъ, которое изъ перваго списка выбирало членовъ муниципальнаго управленія, совѣтниковъ окружной администраціи, мэровъ, подпрефектовъ и т. д. Изъ второго списка назначались члены департаментскаго совѣта, префекты, судьи аппелляціонныхъ судовъ и т. д. Послѣдній списокъ доставлялъ кандидатовъ въ государственный совѣтъ, въ законодательный корпусъ, на министерскія должности.

Такъ организованы выборы въ проектѣ, который долженъ былъ положить конецъ народовластію. Какой же смыслъ имѣло это раздѣленіе выборнаго права? Сійесъ самъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: довѣріе должно идти снизу, власть—сверху; le pouvoir vient d'en haut, la confiance d'en bas. Правительство должно избирать своихъ органовъ изъ среды лицъ, облеченныхъ довѣріемъ общества. Но общество не можетъ дать никакой власти своимъ представителямъ. И такъ, облекать какое-либо лицо властью можетъ только правительство. Но какое правительство?

Сійесъ не думалъ, да и не могъ думать о правительствѣ, какъ объ единомъ организмѣ, а тѣмъ болѣе какъ объ одномъ лицѣ, въ которомъ бы были сосредоточены всѣ права власти. Время сосредоточенія власти въ одномъ мѣстѣ, или въ одномъ лицѣ, прошло для Франціи, казалось, безвозвратно. Самъ Сійесъ былъ горячимъ защитникомъ раздѣленія властей; онъ шелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше Монтескьё. Тотъ, кто желалъ бы поострить насчетъ его проекта, съ большой справедливостью могъ сказать: „Монтескьё, излагая теорію раздѣленія властей, говоритъ: il faut que par la disposition des choses le pouvoir arrête le pouvoir; Сійесъ, повидимому, хотѣлъ сказать:—il faut que par la disposition des choses le pouvoir annule le pouvoir". Ни къ какому другому выводу и нельзя придти, послѣ изслѣдованія его теоріи организаціи государственныхъ властей.

Въ проектѣ конституціи мы видимъ два рода установленій, которымъ исключительно принадлежитъ право избранія или, лучше сказать, назначенія на должности. Первое изъ нихъ — сенатъ.

Собраніе это, долженствовавшее состоять изъ 100 членовъ, не имѣло никакого дѣятельнаго участія ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи. Напротивъ, всякое лицо, вступавшее въ сенатъ, тотчасъ лишалось права занимать какую бы то ни было государственную должность. Единственное назначеніе сената должно заключаться въ *охраненіи конституціи*. Посему онъ имѣлъ право уничтожать каждый законъ и каждую мѣру правительства, если они были противны конституціи. Этою охранительною ролью ограничивалась вся его дѣятельность.

За то ему принадлежитъ широкое право выбора на разныя должности. Онъ замѣщалъ всѣ вакантныя мѣста въ своей собственной средѣ, т. е. имѣлъ право кооптаціи; онъ избиралъ и лицъ de la notabilité nationale [1]) въ члены кассаціоннаго суда и законодательныхъ собраній.

Законодательная власть сосредоточивалась не въ рукахъ представителей націи, а лицъ, назначенныхъ сенатомъ. Этого мало. Для полной реформы законодательной власти Сіейесъ счелъ нужнымъ раздѣлить самыя функціи законодательства и поручить ихъ различнымъ установленіямъ. Соединеніе ихъ въ однѣхъ рукахъ казалось ему опаснымъ. Это раздѣленіе функцій состояло въ слѣдующемъ. Инидіатива закона не принадлежитъ законодательнымъ собраніямъ. Она остается въ рукахъ исполнительной власти, которая дѣйствуетъ чрезъ государственный совѣтъ. Въ рукахъ законодательныхъ собраній остается только обсужденіе проекта закона и право—принять и не принять его. Но соединеніе даже этихъ двухъ правъ въ одномъ установленіи страшило Сіейеса. Онъ предложилъ раздѣлить ихъ между двумя учрежденіями. Одно изъ нихъ—трибунатъ—предназначалось спеціально для обсужденія проекта закона. Проектъ закона, составленный въ государственномъ совѣтѣ, представляется въ трибунатъ (состоящій изъ 100 членовъ), который обсуждаетъ его во всѣхъ частяхъ и затѣмъ постановляетъ (посредствомъ подачи голосовъ), должно ли его защищать или опровергать предъ законодательнымъ корпусомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ назначаетъ трехъ членовъ, которые, вмѣстѣ съ тремя членами государственнаго совѣта, вносятъ проектъ въ законодательный корпусъ. Послѣдній (состоящій изъ 300 членовъ) въ молчаніи выслушиваетъ пренія между трибунами и членами государственнаго совѣта и потомъ вотируетъ за или противъ закона.

Такъ должны быть организованы *общественные* элементы, по плану Сіейеса. Не менѣе любопытна организація чисто правитель-

---

[1]) Изъ нихъ же избирались и сенаторы.

ственныхъ установленій. Во главѣ ихъ стоитъ лицо весьма страннаго свойства. Сійесъ называетъ его *Великимъ Избирателемъ* (Grand Electeur). Единственное его назначеніе заключалось въ избраніи двухъ консуловъ—военнаго и гражданскаго. Послѣдніе, въ свою очередь, избирали министровъ; министры избирали всѣ органы исполнительной власти.

Великій Избиратель долженъ былъ, такъ сказать, представлять націю особенно во внѣшнихъ сношеніяхъ. Онъ считался главою управленія. Его именемъ раздавалось правосудіе, издавались законы и административныя распоряженія. Онъ принималъ пословъ, подписывалъ трактаты съ иностранными державами. Но во внутреннее управленіе онъ не вмѣшивался. Ему надлежало только *блистать*. На блескъ же отпускалось ему 6 милліоновъ. И это безобидное главенство нѣсколько смущало Сійеса. Онъ постарался его ограничить. Во-первыхъ, онъ не допускалъ наслѣдственности этой должности. Великій Избиратель избирался сенатомъ. Во-вторыхъ, сенату предоставлялось право во всякое время отозвать его отъ должности. Это дѣлалось довольно простымъ способомъ. Сенату должно было принадлежать право включать въ свою среду, т.-е. обрекать на бездѣйствіе и безсиліе [1]), каждаго гражданина, котораго способности и значеніе могли угрожать республикѣ. Этотъ своего рода остракизмъ могъ быть примѣненъ и къ Избирателю. Еслибы ему вздумалось заявить свои способности къ управленію дѣйствительнымъ участіемъ въ администраціи, сенатъ могъ тотчасъ сдѣлать его сенаторомъ, принять его въ свою бездѣйствующую среду или, какъ выражался Сійесъ, поглотить его (l'absorber).

Если бы планъ Сійеса удался, то какая скука грозила бы народу, трибунамъ, сенату, Избирателю! Одни только смотрятъ и ничего не дѣлаютъ; другіе только говорятъ; третьи только слушаютъ. Какая страна, гдѣ живо еще гражданское чувство, согласится участвовать въ выборахъ, зная, что эти выборы не будутъ имѣть никакихъ прямыхъ результатовъ; какой гражданинъ захочетъ расточать цвѣты краснорѣчія предъ *обязательно*-безмолвнымъ собраніемъ? Кто согласится сидѣть истуканомъ въ то время, когда предъ нимъ спорятъ о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ? Замѣчательно при этомъ, что Сійесъ положилъ въ основаніе своего проекта всѣ начала конституціонной монархіи и даже самой либеральной, но путемъ различныхъ *гарантій* свелъ ихъ къ нулю. Тьеръ сдѣлалъ слѣдующую рѣзкую и мѣткую критику на этотъ пресловутый проектъ [2]).

---

[1]) Такъ какъ сенаторы не могли занимать никакой общественной должности.

[2]) Тамъ же, стр. 37.

„Въ проектѣ Сійеса, говоритъ онъ, можно замѣтить сглаженный и, быть можетъ, преднамѣренно затемненный образъ представительной монархіи. Этотъ законодательный корпусъ, этотъ сенатъ, этотъ Великій Избиратель—это были верхняя и нижняя палата съ королемъ, основанные на всеобщей подачѣ голосовъ, но съ такими предосторожностями, что демократія, аристократія и король были въ одно и то же время приняты и уничтожены".

Таковъ этотъ проектъ, истинный продуктъ реакціи противъ народовластія, страха предъ реакціей, абсолютизмомъ,—боязни всякаго живого начала!

Во всякомъ случаѣ успѣхъ проекта зависѣлъ отъ того — въ какой мѣрѣ различные элементы государственнаго управленія согласятся на пассивную роль, указанную имъ всѣмъ въ проектѣ.

Сопротивленія отъ общества ожидать было трудно — всѣ искали успокоенія и твердой власти. Свобода сдѣлалась уже синонимомъ анархіи. Трудно было только расчитывать на согласіе тѣхъ лицъ, которыя должны были войти въ составъ исполнительной власти. Невозможно было думать, чтобы Наполеонъ согласился на жалкую роль Великаго Избирателя. Между тѣмъ онъ очевидно понималъ, что это первое мѣсто въ будущей республикѣ будетъ предоставлено именно ему.

Съ жаромъ напалъ онъ на эту часть проекта. Сійесъ былъ осыпанъ горькими насмѣшками. Онъ уступилъ. Великій Избиратель превратился въ перваго консула, избираемаго на 10 лѣтъ съ самою широкою властью.

За то другая часть проекта пришлась генералу по вкусу. Ему нравились и законодательный корпусъ, и сенатъ, и трибунатъ; нравились тѣмъ болѣе, что власть сената и его значеніе были ограничены еще болѣе, чѣмъ это предполагалось въ проектѣ Сійеса.

Ничтожество однихъ учрежденій было удержано; права другихъ расширены, сдѣланы почти неограниченными. Конституція VIII года была готова. Обнародуя ее, правительство предпослало ей небольшое введеніе, гдѣ между прочимъ говорилось:

„Конституція эта основана на истинныхъ началахъ представительнаго правленія, на священныхъ правахъ собственности, равенства и свободы.

„Власти, ею установленныя, будутъ сильны и прочны, каковы онѣ и должны быть, для обезпеченія правъ гражданъ и интересовъ государства.

„Граждане, революція утверждена на началахъ, которыя ее начали—она кончена!"

Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ, а послѣ того—импера-

торомъ. Что касается Сійеса, то онъ, говоря его словами, былъ *поглощенъ*: его назначили президентомъ сената.

Мы не станемъ описывать здѣсь результатовъ этой конституціи. Они слишкомъ извѣстны каждому. Неограниченное владычество Наполеона, можетъ быть, было историческою необходимостью, не подлежитъ сомнѣнію, что оно было однимъ изъ самыхъ блестящихъ царствованій не только во Франціи, но и во всемірной исторіи. Но для развитія внутренней свободы во Франціи оно не сдѣлало ничего.

Никто, конечно, не можетъ осуждать великаго императора за то, что онъ не довѣрялъ ораторамъ и идеологамъ, —съ презрѣніемъ смотрѣлъ на трибуну, съ которой, однако, возвѣщено было паденіе стараго порядка. Но трибуна имѣла уже свою исторію, а потому претендовала на уваженіе и нѣкоторыя права. Оппозиція новому правительству была неизбѣжна.

Оппозиція есть одно изъ неизбѣжныхъ, но въ то же время одно изъ самыхъ странныхъ и непонятныхъ явленій государственной жизни. Къ нему нельзя относиться ни съ ненавистью, ни съ равнодушіемъ, а тѣмъ менѣе съ презрѣніемъ. Оппозиція можетъ превратиться въ систематическое противодѣйствіе всему, что предпринимаетъ правительство; но и въ этомъ случаѣ ее нельзя разсматривать—какъ продуктъ „праздныхъ и безпокойныхъ умовъ“.

Есть два рода оппозиціи. Одна не имѣетъ въ виду колебать ни принципа власти, ни противодѣйствовать всякому правительству. Она столь же строго держится началъ законности, какъ и само правительство. Иногда она правительственнѣе самого правительства. Ея критика имѣетъ предѣлы—законы страны, и одно общее руководящее начало—чувство законности. Она является только необходимымъ и всегда полезнымъ противовѣсомъ правительственной силѣ, гарантіею противъ односторонности и преслѣдованія исключительныхъ цѣлей въ политикѣ. Но для того, чтобы оппозиція имѣла такой характеръ, необходимо, чтобы она была признана законнымъ явленіемъ общественной жизни. Необходимо, чтобы она была организована, чтобы правительство смотрѣло на нее какъ на лучшее средство получить свѣдѣнія относительно тѣхъ сторонъ своихъ мѣръ, которыхъ оно само видѣть не можетъ, благодаря своему исключительному положенію. Но если на оппозицію смотрятъ не какъ на правильное, а какъ на ненормальное явленіе; если въ ея членахъ видятъ не людей, преслѣдующихъ тѣ же интересы, что правительство (т.-е., общее благо), а свои эгоистическія цѣли, въ ущербъ всякому порядку; если вся оппозиція разсматривается какъ нѣсколько „неспокойныхъ и недовольныхъ умовъ“,—она получаетъ совершенно

другой характеръ. Характеръ дѣятельности самаго честнаго и твердаго человѣка нерѣдко зависитъ отъ того, какъ на него смотрятъ. Мнѣ кажется, что еслибы извѣстное общество рѣшилось смотрѣть на честнаго человѣка какъ на вора, этотъ честный человѣкъ, вѣроятно, кончилъ бы какимъ-нибудь сквернымъ поступкомъ. Представимъ же себѣ цѣлый классъ лицъ, пораженныхъ систематическимъ недовѣріемъ къ нимъ общества; предположимъ, что каждое ихъ дѣйствіе будетъ разсматриваться какъ продуктъ самыхъ грязныхъ побужденій; что каждое невинное ихъ слово будетъ перетолковываться въ самомъ невыгодномъ смыслѣ; что нѣкоторымъ изъ нихъ будетъ предписано обязательное молчаніе, а другія будутъ постоянно подвергаться самымъ несправедливымъ преслѣдованіямъ: можно ли будетъ удивляться, если эти лица превратятся во всеосуждающую, всепорицающую оппозицію?

Нѣчто подобное случилось съ трибунатомъ. Что законодательный корпусъ, обреченный на нѣмоту, не могъ возбудить никакихъ подозрѣній правительства—понятно само собою. Трибуны же имѣли право обсуждать предложенія правительства; а право обсужденія въ глазахъ перваго консула было равносильно оппозиціи. Они разсуждаютъ—слѣдовательно, они оппозиція; если же они оппозиція, то ихъ должно обуздывать—такова была его исходная точка. Печальныя послѣдствія такого взгляда не замедлили обнаружиться.

Первоначальный составъ трибуната не доказывалъ намѣренія правительства устранить непріятныхъ ему людей. Напротивъ, здѣсь, какъ и во всемъ, правительство обнаруживало стремленіе соединить вокругъ себя людей всѣхъ партій. Таковы были: Шенье, Андріё, Шовеленъ, Дюверье, Констанъ, Дону, Ріуфъ, Ж. Б. Сей, Станиславъ Жирарденъ и т. д. Въ составъ сената вошли, напр., такіе люди, какъ Вольней, де-Траси, Кабанисъ. Но разъ допустивши такихъ лицъ къ государственнымъ должностямъ, правительству нечего было уже удивляться, что они войдутъ въ оппозицію, что авторъ *Развалинъ* (*Les Ruines*) не будетъ апплодировать конкордату, что Кабанисъ будетъ противиться успѣху монархическихъ идей. Но консулы, казалось, разсуждали иначе. Они серьезно полагали, что участіе въ трибунатѣ и законодательномъ корпусѣ есть нѣкотораго рода *служба*,—что если они *приняли* на службу тѣхъ или другихъ лицъ, то послѣднія должны служить вѣрой и правдой именно имъ, а не конституціи. Разумѣется, эти лица, воспитанныя въ школѣ народнаго представительства, не могли помириться съ такимъ положеніемъ. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ ни правительство не могло довѣрять *представителямъ*, ни представители — правительству. При взаимномъ же недовѣріи, каждое дѣйствіе той или другой стороны

возбуждало самыя мрачныя подозрѣнія. Правительству вездѣ мерещилось посягательство на его власть, представителямъ—на ихъ право. Слѣдующіе факты, краснорѣчиво изложенные Тьеромъ [1]), лучше всего доказываютъ это.

Для засѣданій трибуната былъ отведенъ Пале-Рояль. Мѣсто это имѣло двѣ репутаціи—одну весьма скверную, другую блестящую. Во первыхъ, Пале-Рояль издавна былъ извѣстенъ какъ притонъ гулякъ и веселыхъ женщинъ, или, какъ выражался одинъ изъ трибуновъ—„théâtre ordinaire de désordres et d'excès de tout genre". Но, благодаря тому, что толпа избирала это мѣсто центромъ своихъ увеселеній, оно получило большое значеніе во время революціи. Ораторы и демагоги являлись сюда для возбужденія народныхъ страстей. Камиллъ Демуленъ здѣсь началъ свою политическую карьеру. Послѣ революціи, за Пале-Рояломъ осталась только первая его репутація; по крайней мѣрѣ она затмила кратковременный его блескъ во время революціи. Вслѣдствіе этого трибунатъ былъ обиженъ тѣмъ, что для его засѣданій было назначено именно такое мѣсто. Трибуны видѣли въ этомъ тайное желаніе унизить ихъ; правительство, посылая ихъ въ Пале - Рояль, какъ бы хотѣло пріобщить ихъ къ той репутаціи, которою пользовалось мѣсто, гдѣ они засѣдали Такое расположеніе умовъ вызвало, въ одно изъ первыхъ засѣданій, горячую рѣчь трибуна Дюверье. Ораторъ объявилъ, что онъ вовсе не обиженъ тѣмъ, что трибунатъ долженъ засѣдать въ Пале-Роялѣ; что онъ, напротивъ, радъ, что трибуны народа и защитники свободы засѣдаютъ среди народа въ томъ мѣстѣ, гдѣ впервые была провозглашена свобода. Онъ благодаритъ за возможность видѣть съ трибуны то мѣсто, гдѣ говорилъ нѣкогда Камиллъ Демуленъ, гдѣ впервые водружена была трехцвѣтная кокарда. „Я благодарю лицъ, помѣстившихъ насъ здѣсь (такъ заключилъ онъ свою рѣчь), за то, что они дали намъ увидѣть мѣста, которыя, въ случаѣ еслибы кто захотѣлъ *возвысить двухнедѣльнаго идола,* напомнили бы намъ о паденіи пятнадцативѣкового идола".

Можно представить себѣ гнѣвъ Наполеона, который узналъ себя въ „двухнедѣльномъ идолѣ"! Напрасно, въ слѣдующее засѣданіе, трибунатъ, по иниціативѣ Станислава Жирардена, старался поправить дѣло. Недовѣріе перваго консула къ трибунату перешло въ ненависть къ „болтунамъ".

Вскорѣ послѣ того, правительство само подало поводъ къ серьезной оппозиціи. Разсматривая дѣятельность трибуновъ какъ приблизительно безполезную (такова она въ дѣйствительности и была, но вовсе не по тѣмъ соображеніямъ, какія имѣло правительство), оно

[1]) L. c., стр. 53 и слѣд.

предложило весьма странный проектъ закона относительно занятій трибуновъ. Проектъ этотъ состоялъ въ томъ, что правительство требовало для себя права назначить *срокъ*, въ теченіе котораго трибунатъ долженъ былъ обсуждать всѣ предлагаемые ему проекты законовъ; къ назначенному дню онъ долженъ былъ уже выбрать трехъ коммиссаровъ, для окончательнаго обсужденія проекта передъ законодательнымъ корпусомъ. Тайный мотивъ этого проекта заключался въ томъ, что, по мнѣнію перваго консула, всякія пренія только задерживали полезныя мѣры правительства. Уничтожить вовсе пренія нельзя было безъ нарушенія конституціи; поэтому ихъ слѣдовало довести до minimum'а, опредѣленіе котораго зависѣло бы отъ правительства. Понятно, что такое предложеніе оскорбило и удивило либеральныхъ членовъ трибуната. Между ними особенно былъ раздраженъ Б. Констанъ.

Констанъ попалъ въ трибунатъ не потому, что онъ былъ Констанъ, *а хотя* онъ былъ имъ. Онъ сильно желалъ попасть въ учрежденіе, гдѣ такъ или иначе можно было говорить. Онъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго въ своей преданности къ Бонапартамъ вообще и къ Наполеону въ особенности, просилъ вліятельныхъ лицъ, и наконецъ сдѣлался трибуномъ.

Можетъ быть, Констанъ и былъ въ ту минуту искренно расположенъ къ Бонапарту. Геній и военное величіе этого человѣка увлекли не одного Констана. Знаменитая женщина и будущій врагъ Наполеона, г-жа де-Сталь, точно также благоговѣла нѣкогда предъ героемъ. Констанъ, находившійся подъ безусловнымъ вліяніемъ Сталь, легко раздѣлялъ ея удивленіе къ великому человѣку. Къ сожалѣнію, „великій человѣкъ“ иначе думалъ о своихъ обожателяхъ. Онъ, напримѣръ, находилъ, что г-жа Сталь имѣетъ претензіи, не свойственныя ея полу. Ему пришлось нѣсколько разъ оскорбить баронессу [1]). Тогда она сдѣлалась его злѣйшимъ врагомъ. Вмѣстѣ съ нею стали врагами Наполеона и ея друзья. Пылкій Констанъ, и безъ того склонный ко всякой оппозиціи, съ жаромъ сталъ на сторону

---

[1]) Въ первый разъ г-жа Сталь видѣлась съ Наполеономъ въ 1797 г. послѣ Кампо-Форміо. Уже тогда они не взлюбили другъ друга, по крайней мѣрѣ по ея собственнымъ словамъ. Она говоритъ, что ей трудно было дышать въ его присутствіи; она замѣчала въ немъ ту „глубокую иронію, которая, подобно острой и холодной шпагѣ, въ одно и то же время язвила и леденила“. Затѣмъ, первый консулъ подозрѣвалъ Сталь въ томъ, что она доставляла своему отцу нѣкоторыя свѣдѣнія, не совсѣмъ пріятныя правительству. Наконецъ, ея салонъ въ Парижѣ былъ центромъ всѣхъ либеральныхъ умовъ и блестящихъ ораторовъ. Все это вмѣстѣ, съ присоединеніемъ взглядовъ, высказывавшихся г-жею Сталь въ литературѣ, раздражало консула.

враговъ перваго консула. Новый и странный проектъ закона былъ для него прекраснымъ поводомъ заявить свои ораторскія способности.

Въ рѣчи своей онъ доказалъ вредъ всякихъ спѣшныхъ законовъ; приводилъ въ примѣръ тѣ экстренные законы, которые издавались конвентомъ; спрашивалъ не безъ ироніи, зачѣмъ правительство, не желающее быть революціоннымъ, хочетъ сократить срокъ обсужденія его проектовъ? Почему трибунатъ считается такимъ враждебнымъ установленіемъ, что правительство какъ будто боится дать ему возможность обсудить законы со всѣхъ сторонъ? Причина этой политики, говорилъ онъ, коренится въ ложномъ представленіи, которое уже составилось о трибунатѣ, какъ оппозиціонномъ установленіи, имѣющемъ цѣлью постоянно противорѣчить правительству. Между тѣмъ этого нѣтъ, этого не можетъ быть, это уронило бы насъ въ общественномъ мнѣніи. Благодаря этой ложной идеѣ, всѣ статьи проекта запечатлѣны непомѣрнымъ и безпокойнымъ нетерпѣніемъ; проекты правительства предлагаются трибунамъ, такъ сказать, на лету,—въ надеждѣ, что они ихъ не въ состояніи будутъ понять „on veut leur faire traverser notre examen comme une armée ennemie, pour les transformer en lois sans que nous ayons pu les atteindre".

Эта рѣчь Констана произвела сильное впечатлѣніе, но не привела ни къ какимъ результатамъ. Проектъ правительства былъ принятъ большинствомъ 54 противъ 26, т.-е. трибунатъ постановилъ, что онъ будетъ защищать его предъ законодательнымъ корпусомъ.

Гнѣвъ перваго консула обрушился на оппозицію. Онъ велѣлъ напечатать въ *Монитерѣ* ѣдкую выходку противъ непокорныхъ трибуновъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Въ 1802 г. Б. Констанъ былъ удаленъ изъ трибуната. До этого удаленія, онъ постоянно противился всѣмъ деспотическимъ мѣрамъ Наполеона. Такъ, между прочимъ, замѣчательна его рѣчь противъ чрезвычайныхъ и спеціальныхъ судовъ, предложенныхъ правительствомъ съ цѣлью удобнѣйшаго преслѣдованія непріятныхъ ему людей. Онъ принужденъ былъ довольствоваться журнальной и, такъ сказать, разговорной оппозиціей. Въ газетахъ можно было еще говорить понемногу, хотя консульскій декретъ, изданный въ мартѣ 1800 г., сдѣлалъ свободу печати весьма сомнительною [1]). Можно было говорить и въ салонахъ, у г-жи Сталь,

---

[1]) Этотъ декретъ консуловъ (27 нивоза VIII г.) заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „принимая во вниманіе, что журналы, издаваемые въ Сенскомъ департаментѣ, были орудіемъ въ рукахъ враговъ республики", бо̀льшая часть изъ нихъ должна быть уничтожена. Оставлено только 13. Основаніе новыхъ журналовъ было запрещено. Издатели и редакторы уцѣлѣвшихъ журналовъ должны были явиться къ министру по-

которая продолжала собирать у себя всѣхъ либеральныхъ людей вообще и недовольныхъ первымъ консуломъ въ особенности. Но послѣднiй уже косо посматривалъ на эти собранiя. Вскорѣ послѣ удаленiя Констана изъ трибуната, г-жа Сталь уѣхала въ Женеву къ своему отцу, г. Неккеру. Первый консулъ выразилъ *желанiе*, чтобы она осталась тамъ. Можетъ быть, она и не исполнила бы этого желанiя, но скоро желанiе перваго консула превратилось въ формальный приказъ—не оставлять Швейцарiи. Запрещенiе это явилось по поводу книги г. Неккера *Dernières vues de politique et de finance*, которая сильно раздражила перваго консула. Онъ объявилъ, что не пуститъ болѣе г-жу Сталь въ Парижъ. Консулъ Лебрёнъ написалъ въ этомъ смыслѣ къ знаменитой писательницѣ и къ ея отцу. Г-жа Сталь рѣшилась переждать. Осенью 1803 г. она, въ надеждѣ, что правительство ее забыло, отправилась въ Парижъ. Не успѣла она, однако, доѣхать, какъ ее узнали, арестовали и, не смотря на всѣ просьбы оставить ее хотя въ 10 льё отъ Парижа, выслали. Она поѣхала въ Германiю. Б. Констанъ сопровождалъ ее до границы и, какъ свидѣтельствуетъ г-жа Сталь, его удивительный разговоръ, son étonnante conversation, значительно облегчилъ ея горе, хотя на время. Скоро пришлось бѣдному публицисту сопровождать своего знаменитаго друга не до границы, а за границу Францiи. Онъ былъ изгнанъ.

За границей онъ долго жилъ, можно сказать, въ неизвѣстности. Вниманiе Францiи было приковано къ блестящимъ подвигамъ ея великаго повелителя. Блескъ имени Наполеона затемнялъ совершенно значенiе его противниковъ различныхъ партiй. Ихъ голоса не были слышны при громѣ побѣдъ вождя de la grande nation. Что̀ значили интересы либеральной партiи предъ мiровыми вопросами, разрѣшавшимися на поляхъ Фридланда и Аустерлица? Сужденiя и писанiя самого Констана потому еще должны были имѣть мало значенiя для французской публики, что онъ писалъ о событiяхъ, происходящихъ во Францiи, какъ человѣкъ *чужой*. Онъ не могъ раздѣлять съ нацiею ея восторга отъ побѣдъ завоевателя, не переживалъ съ нею сладкихъ чувствъ упоенiя и нацiональной гордости, въ виду внѣшняго величiя Францiи. Iена, Фридландъ, Аустерлицъ, Вѣна, Берлинъ—были для него не тѣмъ, чѣмъ они были для французовъ. Для

лицiи, доказать свое право французскаго гражданства, указать свое мѣстопребыванiе и обѣщать вѣрность конституцiи. За симъ имъ объявлялось, что если они будутъ писать что-либо противъ конституцiи, *славы армiи* или печатать что-либо оскорбительное для иностранныхъ державъ, ихъ журналы тотчасъ будутъ закрыты. См. *Manuel de la liberté de la Presse*, par E. Hatin, p. 59.

послѣднихъ они были торжествомъ революціонной идеи и обновленной Франціи—надъ средневѣковой Европой. Констанъ же, который сжился съ этой Европой, разсматривалъ побѣды и трактаты Наполеона какъ акты международнаго насилія, какъ нарушенія идеи права и свободы. Самое направленіе его измѣнилось. Характеръ каждаго публициста сильно зависитъ отъ той публики, для которой онъ пишетъ. Публикою Констана была уже не Франція, а коалиціонная Европа. Пока Констанъ жилъ во Франціи, онъ писалъ какъ гражданинъ революціонной страны. Въ Европѣ онъ заговорилъ голосомъ „угнетенныхъ“ народовъ и даже роялистовъ. Въ одномъ только Констанъ остался вѣренъ себѣ: и тамъ, и здѣсь онъ требовалъ свободы. Но это понятіе, способное ко всевозможнымъ метаморфозамъ, переродилось и въ сочиненіяхъ Констана, подъ вліяніемъ новой обстановки. Мы видѣли, какъ въ 1797 г. онъ требовалъ только сильнаго республиканскаго правительства; онъ приходилъ въ ужасъ отъ одной мысли о королевской власти и наслѣдственной аристократіи — и все это во имя свободы. Мы увидимъ, какъ во имя той же свободы онъ *всего* надѣялся отъ королевской власти и палаты пэровъ.

V.

Въ 1814 году Наполеонъ проигралъ свое дѣло. Вмѣстѣ съ нимъ проиграла его и Франція. За то громко раздались голоса, которыхъ долго не было слышно. Великій человѣкъ палъ, второстепенныя личности сдѣлались замѣтны. Въ числѣ ихъ былъ и Констанъ. 31 декабря 1813 г. онъ подписалъ предисловіе къ первому изданію своей книги *О завоевательномъ духѣ и узурпаціи*, изданной въ Ганноверѣ въ январѣ 1814 г. Самый заглавный листъ этой брошюры представляетъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, Констанъ выставляетъ на немъ полное свое имя, чего онъ обыкновенно не дѣлалъ, а въ 1796 г. и не подумалъ бы сдѣлать; онъ пишетъ: Benjamin de Constant-Rebecque. Во-вторыхъ, онъ нѣсколько намекаетъ на свое отношеніе къ французскому правительству; къ имени своему онъ прибавилъ: „членъ трибуната, устраненный (éliminé) въ 1802 г.“. Сама по себѣ эта поправка была безполезна: трибунатъ уже не существовалъ. Наполеонъ еще въ 1807 г. соединилъ его съ законодательнымъ корпусомъ. Но она была ему необходима, въ видахъ обозначенія себя, какъ человѣка, обиженнаго правительствомъ.

Предисловіе къ первому изданію не менѣе любопытно. „Этотъ трудъ, говоритъ авторъ, составляетъ часть политическаго трактата, оконченнаго давно. Положеніе Франціи и Европы, казалось, совер-

шенно препятствовали его появленію. Континентъ былъ обширною тюрьмою, лишенною всякаго сообщенія съ этой *благородной* Англіей, великодушнымъ убѣжищемъ мысли, знаменитымъ убѣжищемъ достоинства рода человѣческаго. Вдругъ, съ двухъ противоположныхъ концовъ земли, два великіе народа подали другъ другу руку, и пламя Москвы было зарей свободы цѣлаго міра. Можно надѣяться, что Франція не будетъ исключена отъ всеобщаго освобожденія; Франція, которую уважаютъ націи, воюющія съ нею; Франція, которой воля достаточна, чтобы дать и получить миръ"... Наконецъ, Наполеонъ превратился у Констана въ Buonaparte (см. предисловіе къ 3 изд.).

Брошюра выдержала четыре изданія. Одно было сдѣлано въ Ганноверѣ, другое—въ Англіи и два—въ Парижѣ. Она произвела большое впечатлѣніе. Самому Констану она служила точкою отправленія для всѣхъ его послѣдующихъ трудовъ. Вотъ почему намъ должно изслѣдовать его идеи со всевозможнымъ вниманіемъ.

У Констана не одинъ, а два предмета изслѣдованія. Во-первыхъ, онъ подвергаетъ критикѣ завоевательную систему Наполеона съ точки зрѣнія международнаго права. Во-вторыхъ, онъ разсматриваетъ ту форму правленія, которую Наполеонъ установилъ во Франціи. Внѣшнюю политику Наполеона Констанъ характеризуетъ общимъ именемъ „завоевательной", его правительство онъ называетъ „узурпаціей". Ниже мы увидимъ, почему онъ избралъ послѣдній терминъ, а теперь начнемъ съ того, съ чего начинаетъ самъ авторъ, т.-е. съ внѣшней политики наполеоновской Франціи.

Эта критика весьма замѣчательна; замѣчательна—не потому, что она вѣрна, а потому что она резюмируетъ всѣ доводы, какіе обыкновенно дѣлаются противъ войны писателями либеральной школы. Читатели, вѣроятно, помнятъ изображеніе войны, сдѣланное недавно Лабуле въ его *Prince-Caniche*. То, что Лабуле дѣлаетъ въ формѣ юмористическаго разсказа, Констанъ излагаетъ въ возвышенной и даже нѣсколько отвлеченной формѣ. Внѣшняя политика Наполеона, говоритъ онъ, была политикою завоеванія; главнымъ средствомъ и цѣлью ея была война. Но ни война, ни завоеваніе не пригодны въ настоящее время—ибо духъ народовъ противится имъ. „Я не принадлежу къ числу тѣхъ, говоритъ онъ, которые безусловно порицаютъ войну. Война не всегда была зломъ. Въ нѣкоторыя эпохи рода человѣческаго, она въ природѣ людей. Она способствуетъ тогда развитію лучшихъ и величайшихъ ихъ способностей; она воспитываетъ въ людяхъ величіе души, ловкость, хладнокровіе, мужество и презрѣніе къ смерти,—не имѣя которыхъ, они могли бы совершать всѣ низости и даже преступленія. Война пріучаетъ человѣка къ геройскимъ привязанностямъ и высокой дружбѣ; она связываетъ его болѣе тѣсными узами съ отече-

ствомъ (съ одной стороны) и съ товарищами (съ другой) и т. д. Такъ было нѣкогда. Въ настоящее время война не имѣетъ такого значенія. Новые народы въ ней не нуждаются. Прежде каждый народъ составлялъ племя, по необходимости враждебное другому, въ настоящее время человѣчество, не смотря на различную политическую организацію и разнообразныя названія отдѣльныхъ группъ, его составляющихъ, представляетъ однородную массу. Ему нечего бояться новыхъ варваровъ. Вся эта масса одинаково стремится къ *миру*. Военныя стремленія существуютъ только какъ преданіе или какъ ошибочная политика правительствъ, но не какъ народное убѣжденіе. Мы вступили въ эпоху промышленности, торговли, и эта эпоха должна замѣнить военную эпоху. Война и торговля суть только два различныя средства для достиженія *одной цѣли*—получить то, что хочешь. Торговля—лучшее и вѣрнѣйшее средство для этой цѣли. Она болѣе согласна съ идеею права. Война—первобытное и грубое средство; она предшествуетъ торговлѣ; она—продуктъ дикаго стремленія, тогда какъ торговля есть просвѣщенный расчетъ. Новые народы не воинственны по самому своему характеру.

Поэтому правительство, которое захотѣло бы двинуть свой народъ къ войнѣ и завоеваніямъ, впало бы въ анахронизмъ. Въ настоящее время, продолжаетъ Констанъ, нѣтъ тѣхъ мотивовъ, которые нѣкогда побуждали людей пренебрегать столькими опасностями, переносить всѣ трудности войны. Военные народы прошедшаго времени были воодушевлены мотивами болѣе благородными, чѣмъ матеріальныя выгоды войны. Иногда этимъ мотивомъ была религія, иногда свобода, слава, стремленіе къ какому-нибудь возвышенному идеалу. Людямъ настоящаго времени нужно представлять другія побужденія, болѣе сообразныя съ настоящимъ характеромъ цивилизаціи. Ихъ нужно воодушевлять къ борьбѣ тѣмъ стремленіемъ къ наслажденію, которое, предоставленное само себѣ, расположило бы ихъ къ миру. Люди нашего времени все разсматриваютъ съ точки зрѣнія пользы; ихъ нельзя заманить безплодною славою. На мѣсто славы необходимо поставить удовольствіе, на мѣсто тріумфа—грабежъ. Война, поднятая изъ такихъ побужденій, заключаетъ Констанъ, приведетъ къ страшнымъ послѣдствіямъ.

Нельзя не отдать справедливости Констану, что онъ съ большою силою логики и весьма краснорѣчиво выводитъ всѣ послѣдствія изъ высказаннаго имъ положенія. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ,—именно на тѣхъ, гдѣ онъ по преимуществу имѣетъ въ виду современное ему состояніе Франціи. Разумѣется, главнымъ образомъ, его перуны направлены противъ императора и его арміи. По его мнѣнію, правительство, предавшееся завоевательной политикѣ, дол-

жно создавать, искусственно, средства для этой политики, такъ какъ война противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ стремленіямъ современныхъ народовъ. Въ древности Аттилѣ ничего не стоило двинуть свои полчища на римскую имперію. Новымъ правительствамъ необходимо прибѣгать къ разнымъ уловкамъ. Во-первыхъ, имъ необходимо создать и развратить (corrompre) особый классъ людей, спеціально предназначенный для служенія его политикѣ. Этотъ классъ— армія. Нечего и говорить, къ какимъ результатамъ, по его мнѣнію, приходитъ армія, дѣйствующая въ иностранныхъ государствахъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ интересовъ. Но и въ отношеніяхъ арміи къ своимъ согражданамъ замѣчаются весьма невыгодныя стороны.

Въ ассоціаціяхъ, имѣющихъ цѣль, отличную отъ цѣлей прочихъ людей, всегда образуется исключительный и враждебный корпоративный духъ. Не смотря на кротость и чистоту христіанской религіи, конфедераціи ея служителей нерѣдко образовывали государства въ государствѣ. Вездѣ люди, соединенные въ арміи, отдѣляются отъ націи. Ихъ нравы и идеи постепенно ниспровергаютъ начала порядка и мирной свободы, которыя всякое правительство должно бы охранять. Правительство, опирающееся на армію, наполняетъ военными лицами и гражданскія должности. Вслѣдствіе этого духъ гражданскаго управленія искажается.

Здѣсь краснорѣчіе г. Констана доходитъ до нѣкотораго экстаза.

Облекутся ли они (военные), говоритъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіемъ къ закону и охранительнымъ его формамъ?.. Невооруженные классы кажутся имъ презрѣнною чернью; законы—безполезными тонкостями; формальности—невыносимымъ замедленіемъ. Они уважаютъ больше всего быстроту эволюцій. Единогласіе кажется имъ необходимымъ въ мнѣніяхъ, какъ одинъ мундиръ въ полкахъ. Оппозиція для нихъ—безпорядокъ, разсужденіе—бунтъ, суды—военные совѣты, судьи—солдаты съ извѣстнымъ лозунгомъ, обвиненные—враги, судопроизводство—битва!

Невыносимая для гражданъ, эта масса людей тяготѣетъ и надъ самимъ правительствомъ. Съ такою силою, какъ армія, управляться нелегко—она предлагаетъ свои услуги не даромъ. Она требуетъ военной политики во всемъ. Ее нужно занимать новыми войнами—иначе ея бездѣйствіе грозитъ опасностями; ее должно держать въ отдаленіи и находить ей противниковъ внѣ страны. Такимъ образомъ, военная система, независимо отъ настоящихъ войнъ, содержитъ въ себѣ зародышъ будущихъ войнъ; а правительство, увлекаемое этою силою, никогда не можетъ возвратиться къ мирной политикѣ.

Развращая армію, военная политика дѣйствуетъ не менѣе растлѣвающимъ образомъ и на народонаселеніе. Ложное направленіе,

разъ принятое правительствомъ, принуждаетъ его дѣйствовать ложными средствами, постоянно прибѣгать къ насилію и обману. Если бы правительство, держащееся завоевательной политики, прямо открывало народу свои планы—его ожидала бы неудача. Оно не можетъ сказать: „пойдемъ покорять міръ"; ибо народъ отвѣтитъ ему: „я привыкъ къ мирнымъ занятіямъ и не хочу завоевывать вселенную". Правительству, слѣдовательно, необходимы софизмы. Вмѣсто плановъ всемірнаго завоеванія, оно должно говорить о національной чести и независимости, объ округленіи границъ, о коммерческихъ интересахъ, о мѣрахъ необходимой предосторожности и мало ли еще о чемъ,—говоритъ Констанъ; ибо словарь лицемѣрія и несправедливости неистощимъ.

Правительство, продолжаетъ онъ, будетъ говорить о національной независимости,—какъ будто она компрометируется независимостью другихъ націй.

Оно будетъ говорить о національной чести,—какъ будто эта честь оскорблена тѣмъ, что другіе народы сохраняютъ свое достоинство.

Словомъ, правительство, воспитанное само въ политикѣ обмана и софизмовъ, воспитало бы въ томъ же направленіи и общество. Констанъ краснорѣчиво излагаетъ послѣдствіе этой политики для народа,—въ особенности для той его части, которая не пожелаетъ подчиниться общему настроенію. Констану, нѣсколько знакомому съ военнымъ терроромъ Наполеона, легко было нарисовать мрачную картину внутренняго управленія, при которомъ каждый гражданинъ съ независимымъ образомъ мыслей считался врагомъ правительства.

Не менѣе мрачными красками рисуетъ Констанъ и положеніе завоеванныхъ государствъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми его аргументами, за всѣми его картинами. Мы изберемъ здѣсь одну главу его сочиненія, подъ заглавіемъ: „Объ однообразіи (De l'uniformité)". Это—чрезвычайно важная глава. Въ ней можно найти критику не только завоевательной политики Наполеона вообще, но и общаго направленія законодательства и внутренней политики въ самой Франціи, въ ихъ взаимной связи. Мало того: въ этой главѣ Констанъ излагаетъ совершенно новые для него взгляды на революцію и ея результаты.

Для того чтобы выяснить значеніе этой главы, необходимо напомнить читателю нѣкоторые характеристическіе признаки французской революціи и войнъ временъ революціи и имперіи. Революція, какъ извѣстно, провозгласила господство общихъ началъ государственнаго устройства, прирожденныхъ правъ человѣка и гражданина—противъ историческаго права и различныхъ *пріобрѣтенныхъ* правъ,

бывшихъ, по ея мнѣнію, источникомъ неравенства людей. Въ этомъ стремленіи она весьма естественно столкнулась съ началами стараго порядка, державшагося на разнообразіи общества и на неравенствѣ его классовъ; она должна была пойти противъ всего разнообразія мѣстныхъ учрежденій, какъ остатковъ феодальнаго порядка, — того порядка, когда, говоря словами Бомануара: „chaque seigneurie avait son droit civil, et dans tout le royaume il n'y avait peut-être pas deux seigneuries qui fussent gouvernées de tous points par la même loi". Общее и равное для всѣхъ право, выраженное въ единомъ законодательствѣ; организація сильной центральной власти, какъ единственной представительницы народной воли; одинаковыя и даже однообразныя для всей страны мѣстныя учрежденія—таковъ былъ идеалъ революціи. Отсюда уничтоженіе старыхъ провинцій и провинціальнаго устройства, замѣна его департаментами—чисто механическимъ дѣленіемъ страны; преслѣдованіе жирондистовъ-федералистовъ и т. д. Новый кодексъ Франціи былъ блистательнымъ результатомъ этихъ стремленій. Но революція на этомъ не остановилась. Она объявила войну всему феодальному не только у себя дома, но и за границей. Вездѣ, гдѣ ни появлялись арміи республики, устанавливался новый порядокъ вещей, истинный сколокъ съ порядка, установленнаго во Франціи. Являлись республики Цизальпинская, Лигурійская, Гельветическая и т. д. Всѣ побѣды полководцевъ республики вообще и Бонапарта въ особенности—были не только побѣдою ея армій надъ вражескими силами, но и побѣдою французскаго кодекса надъ учрежденіями старой Европы.

Противъ этого порядка вещей и возстаетъ Константъ; онъ видитъ въ немъ большой вредъ для Франціи и для Европы.

Прежде всего онъ обращается съ горькими упреками къ революціи. Замѣчательно, говоритъ онъ, что начало *однообразія* нигдѣ не нашло бо̀льшей поддержки, чѣмъ въ революціи, сдѣланной во имя правъ и свободы людей. „Не смотря на то, что патріотизмъ возможенъ только подъ условіемъ горячей привязанности къ мѣстнымъ интересамъ, нравамъ и обычаямъ,—наши, такъ-называемые, патріоты объявили войну всему этому. Они изсушили этотъ естественный источникъ патріотизма и мечтали замѣнить его мнимою страстью къ отвлеченному существу, къ общей идеѣ, лишенной всего того, что̀ поражаетъ воображеніе и говоритъ памяти. Воздвигая зданіе, они начали съ разрушенія и превращенія въ прахъ всѣхъ матеріаловъ, необходимыхъ для него. Немногаго недоставало,—чтобы они не начали обозначать цифрами города и провинціи, какъ это было сдѣлано относительно легіоновъ и корпусовъ арміи. До такой степени они,

казалось, боялись, чтобы какая-нибудь нравственная идея не соединилась съ тѣмъ, что они учреждали".

Деспотизмъ, замѣнившій демагогію, охотно продолжалъ ея дѣло. „Интересы и воспоминанія, порожденные мѣстными привычками, содержатъ въ себѣ зародышъ сопротивленія, непріятнаго для власти. Ей легче обращаться съ недѣлимыми; она безъ усилій катитъ по нимъ свою страшную тяжесть, какъ по песку".

Авторъ протестуетъ противъ этого направленія, во имя началъ, которыхъ прежде самъ не раздѣлялъ. Во-первыхъ, онъ бросаетъ свою вѣру во всемогущество закона, которую онъ выразилъ въ первыхъ своихъ трудахъ. „Хорошія качества закона, осмѣливаемся сказать, вещи менѣе важныя—чѣмъ духъ, расположеніе, съ которыми народъ имъ подчиняется и повинуется"... Если народъ видитъ въ законѣ продуктъ прошедшаго, если онъ освященъ дорогимъ для него авторитетомъ, онъ повинуется ему охотно, и нравственное вліяніе его велико; напротивъ, наилучшій законъ, не освященный такимъ авторитетомъ—безсиленъ.

Наилучшій авторитетъ для закона — преданіе. Вслѣдствіе этого Констанъ становится на сторону прошедшаго. „Признаюсь, говоритъ онъ, что я имѣю къ прошедшему большое почтеніе; и почтеніе это увеличивается каждый день по мѣрѣ того, какъ опытъ меня научаетъ и размышленіе просвѣщаетъ. Я долженъ сказать, къ великому скандалу нашихъ новѣйшихъ реформаторовъ, хотя бы они назывались Ликургами и Карлами Великими, что если бы я увидѣлъ народъ, отвергнувшій наилучшія (съ метафизической точки зрѣнія) установленія, для того, чтобы остаться вѣрнымъ преданію отцовъ,—я возымѣлъ бы къ нему уваженіе..." Затѣмъ онъ переходитъ къ изложенію всѣхъ недостатковъ, порожденныхъ революціею и ея системою однообразія, для внутренняго быта Франціи. Система эта убила, по его мнѣнію, настоящую политическую жизнь въ этой странѣ.

„Разнообразіе есть организмъ; однообразіе—механизмъ; разнообразіе — жизнь; однообразіе — смерть", — таково его общее начало. Однообразіе убиваетъ жизнь въ провинціяхъ и стягиваетъ всѣ живыя силы въ столицу. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ уничтожена жизнь частей, въ центрѣ ихъ образуется маленькое государство. Здѣсь сосредоточиваются всѣ интересы; сюда стремятся всѣ честолюбія; остальное неподвижно. Такому государству грозитъ централизація, а съ централизаціею сопряженъ упадокъ истиннаго патріотизма, мѣсто котораго заступаетъ полное равнодушіе къ общественнымъ интересамъ.

Система однообразія вмѣстѣ съ завоевательною политикою гро-

зитъ большими бѣдствіями Европѣ. Она приводитъ къ образованію большихъ государствъ, въ которыхъ замираетъ всякое національное чувство,—въ которыхъ политика центральнаго правительства убиваетъ всякое развитіе мѣстныхъ интересовъ. Неизбѣжная судьба такихъ правительствъ — деспотизмъ, безъ котораго, по мнѣнію Констана, не можетъ держаться ни одно обширное государство...

Нельзя не признать справедливости многихъ положеній Констана. Нельзя не замѣтить, что многія изъ его замѣчаній сдѣлались аксіомами для большей части либеральныхъ публицистовъ. Его критика „однообразія" есть какъ бы зародышъ послѣдующей войны противъ „централизаціи". Скажемъ больше—если въ его трактатѣ вмѣсто слова „однообразіе" поставить „централизація", всякій читатель подумаетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ новѣйшимъ трактатомъ Прево-Парадоля, Жюля Симона или Реньо объ этомъ предметѣ. Но критическіе пріемы знаменитаго публициста, пригодные для оцѣнки крайнихъ послѣдствій завоевательной политики Наполеона, не могутъ дать средствъ для оцѣнки общаго историческаго значенія ни революціи, ни войнъ республики и имперіи. Общая связь и высшій смыслъ этихъ событій какъ бы ускользаютъ отъ него. Констанъ является истиннымъ философомъ раціональной школы, которая, по мѣткому замѣчанію одного германскаго мыслителя, разсматриваетъ каждый единичный фактъ въ связи только съ другими, такими же единичными фактами, а не въ связи съ цѣлымъ и не по отношенію къ общей, абсолютной причинѣ явленій.

Между тѣмъ, съ общей, истинно-исторической точки зрѣнія — основныя положенія Констана не выдерживаютъ критики. Его воззрѣнія на войну оказываются узкими и поверхностными; его оцѣнка завоевательной политики—вѣрною только съ односторонней политико-экономической точки зрѣнія.

Почему, по мнѣнію его, война невозможна въ настоящее время? Вся его аргументація можетъ быть сведена къ одному общему положенію: военная политика необходима и возможна была въ то время, когда она удовлетворяла *индивидуальнымъ* стремленіямъ первобытныхъ людей, когда подъ ея вліяніемъ развивались разныя *индивидуальныя* добродѣтели. Въ то время она удовлетворяла различнымъ потребностямъ и стремленіямъ народовъ и могла имѣть нравственную цѣль. Теперь индивидуальныя стремленія измѣнили свой характеръ; въ современномъ человѣчествѣ всѣ прежнія страсти замѣнились одною— страстью къ пріобрѣтенію. Новые народы — по преимуществу торговые народы. Поэтому всѣ они одинаково стремятся къ миру. Война въ настоящее время—явленіе ненормальное и не можетъ имѣть *никакой нравственной цѣли*; единственною побудительною причиною

къ войнѣ является теперь корысть, и въ этомъ отношеніи новые народы составляютъ истинную противоположность древнимъ [1]).

Неизвѣстно, о какихъ новыхъ народахъ говоритъ здѣсь авторъ; неизвѣстно, какіе народы, по его мнѣнію, относятся къ разряду *прежнихъ* народовъ. Въ такъ-называемой новой исторіи, въ которой дѣйствуютъ все новые народы, я не знаю ни одной войны, поднятой не изъ-за нравственной идеи, или въ которой нравственныя идеи не играли бы большого значенія. „Иногда это была религія, иногда свобода", и всегда люди переносили разныя лишенія не изъ-за однѣхъ матеріальныхъ выгодъ. Война всегда требовала большихъ жертвъ, была жертвою частныхъ выгодъ общему благу. Если сравнивать „нравственное достоинство" войны въ древнія и новыя времена, то перевѣсъ останется, безъ сомнѣнія, на сторонѣ войнъ новаго времени. Слѣдуя теоріи Констана, должно бы придти къ весьма странному заключенію, что войны гунновъ, готовъ и вандаловъ имѣли гораздо больше нравственныхъ цѣлей и идеальныхъ сторонъ, чѣмъ войны временъ французской республики и имперіи;— что походы персовъ гораздо возвышеннѣе тридцатилѣтней войны и борьбы Сѣверной Америки за независимость. Война имѣла большое воспитательное значеніе для народа—какъ въ древности, такъ и въ настоящее время. Констанъ говоритъ, что въ древности война воспитывала въ людяхъ величіе души, хладнокровіе, презрѣніе къ смерти, мужество, — что она соединяла ихъ болѣе тѣсными узами съ отечествомъ и соратниками. Если гдѣ можно наблюдать такое вліяніе войны, такъ это именно въ новой исторіи. Не перечисляя всѣхъ индивидуальныхъ добродѣтелей, мужества, хладнокровія и т. д., мы можемъ сказать, что каждая борьба воспитываетъ народъ, какъ нравственно-политическую единицу. Каждый народъ, достигшій полнаго развитія своихъ нравственныхъ силъ, обязанъ этимъ борьбѣ съ другими; безъ войны, быть можетъ, онъ остался бы политическою посредственностью, не игралъ бы никакой роли во всемірной исторіи. Почему, напр., Пруссія выдвинулась изъ сферы „мѣщанскихъ" государствъ Германіи? Почему она не осталась Баденомъ, Ганноверомъ, Мекленбургомъ? Какую школу прошла она? Сравните положеніе Пруссіи до и послѣ семилѣтней войны! Съ какого времени Россія

---

[1]) См. De l'Esprit de Conquête, p. 143. „Les peuples guerriers, que nous avons connus jusqu'ici, étaient tous animés par des motifs plus nobles que les profits réels et positifs de la guerre. Ils associaient à l'idée de la victoire celle d'une renommée prolongée bien au-delà de leur existence sur la terre, et combattaient ainsi, non pour l'assouvissement d'une soif ignoble de jouissances présentes et matérielles, mais par un espoir en quelque sorte idéal".

стала дѣйствительнымъ членомъ международнаго союза? Со времени великой Сѣверной войны! Судя по опыту прошедшаго, смѣло можно сказать, что каждый народъ развивается окончательно только послѣ какой-нибудь гигантской борьбы. Войны Франциска I и Людовика XIV для Франціи; походы Фридриха II для Пруссіи; борьба съ Испаніею и Франціею для Англіи; „завоевательная политика" Петра I и Екатерины II для Россіи—такова исторія великихъ державъ Европы, — исторія, вслѣдствіе которой онѣ стали *великими* державами. Нѣтъ ничего легче, какъ рисовать картины кроткаго счастья,—картину израильтянъ, сидящихъ подъ своими виноградниками. Но посмотрите, что сдѣлалось съ маленькими странами, избавленными судьбою отъ войны и ея ужасовъ? Имъ выпало на долю хранить остатки добраго стараго времени, феодализма, крѣпостного права, всего средневѣковаго, до тѣхъ поръ, пока цивилизація не заглянетъ къ нимъ изъ великой „военной" державы. Мекленбургъ наслаждался миромъ и сохранялъ средневѣковое баронство и крѣпостное крестьянство. До революціи и ея войнъ, сотня нѣмецкихъ государствъ долго наслаждались миромъ; только семилѣтняя война расшевелила ихъ немного. И чего-чего не было въ этихъ государствахъ! Кромѣ мира, въ нихъ было еще отеческое управленіе, тайное судопроизводство, средневѣковые кодексы, средневѣковыя повинности, лежавшія на народѣ, грубое раздѣленіе сословій и т. д. И вдругъ грозный завоеватель заглянулъ въ эту тину!

Если были войны, начатыя во имя исключительно нравственныхъ идей, то это были войны республики; если были войны, преобразовавшія нравственный строй Европы, — это войны имперіи. Никогда, можетъ быть, въ исторіи два противоположныхъ принципа: принципъ средневѣковаго и новаго государства, не были такъ рѣзко сопоставлены. И представители каждаго изъ этихъ принциповъ понимали очень хорошо, что имъ предстоитъ выдержать борьбу на жизнь или на смерть,—что сдѣлки и компромиссы съ противниками невозможны. Враги новыхъ началъ первые доказали это. Для нихъ мало было оградить Европу отъ революціонныхъ идей — имъ необходимо было задавить революцію въ самой Франціи. Коалиція пошла на Парижъ. Республика, съ своей стороны, сознавала, что для нея недостаточно упрочить господство новыхъ началъ во Франціи; ей нужно было подчинить имъ Европу. Политика конвента заключала въ зародышѣ монархію Наполеона.

Монархія Наполеона была необходимымъ результатомъ революціи. Какъ фактъ всемірно-историческій, — она относится къ разряду тѣхъ явленій, которыя во всеобщей исторіи извѣстны подъ названіемъ *всемірныхъ монархій*.

Всеобщая исторія, написанная исключительно съ точки зрѣнія началъ политической экономіи и международнаго права, относится нерѣдко съ справедливымъ осужденіемъ къ такого рода монархіямъ. Дѣйствительно, какъ постоянная форма человѣческаго общежитія, онѣ не только вредны, но и невозможны. И все-таки, неподкупное чувство народовъ видитъ въ „великихъ солдатахъ" не простыхъ грабителей и разрушителей „мирнаго благосостоянія". Самая пристрастная исторія признаетъ за монархіею Александра Македонскаго, Римскою имперіею и т. д.—великое значеніе въ исторіи цивилизаціи. Въ чемъ же заключается роль этихъ явленій? Почему и въ какомъ отношеніи они—орудіе цивилизаціи?

Кажется, само Провидѣніе отмѣтило ихъ роль и смыслъ во всемірной исторіи самыми наглядными, яркими признаками. Оно какъ бы поставило ихъ особнякомъ среди множества однообразныхъ фактовъ и явленій, окружило ихъ особеннымъ блескомъ, сдѣлало изъ нихъ или заключительное звено, или исходную точку въ развитіи величайшихъ интересовъ человѣчества.

Каждый, кто знакомъ съ исторіею, припомнитъ, что всемірныя монархіи являлись или въ началѣ, или въ концѣ извѣстной эпохи цивилизаціи. Народы, участвовавшіе въ исторической жизни древняго міра, были объединены два раза: сначала отчасти—монархіею Александра Великаго, затѣмъ вполнѣ — Римомъ. Народы, участвующіе въ исторической жизни западной Европы, знали двѣ такихъ монархіи — имперіи Карла Великаго и Наполеона. Что же сдѣлали всѣ эти монархіи? Раскрываемъ опять исторію; она говоритъ намъ, во-первыхъ, что двѣ великія монархіи древности приготовили человѣчество къ принятію христіанства, т.-е. *общихъ* религіозныхъ идей *новой* цивилизаціи. Онѣ положили конецъ племенному, муниципальному разъединенію древнихъ народовъ; онѣ сначала смѣшали, послѣ слили ихъ разнообразныя политическія нравственныя и религіозныя воззрѣнія; онѣ подвели итогъ исторической жизни древняго міра. Римъ снесъ и свезъ всѣхъ боговъ древняго человѣчества и поставилъ ихъ въ Пантеонѣ; жрецы Изиды отправляли богослуженіе рядомъ съ жрецами Юпитера, Солнца, Іеговы. Философія, перенесенная въ Александрію, уразнообразилась новыми элементами; восточный мистицизмъ, еврейская теологія, греческое міросозерцаніе и другіе элементы сдѣлали изъ нея умственный „пантеонъ". Само римское право, строгое и замкнутое, jus strictum, не устояло предъ напоромъ новыхъ идей. Юристы стали философами; въ качествѣ философовъ, они сдѣлались учениками грековъ; греческая философія отразилась на трудахъ Ульпіана, Гая, Лабеона. Jus gentium, основанное на началахъ разума и принципѣ общечеловѣческой личности, съ каждымъ

днемъ дѣлало все болѣе и болѣе успѣховъ. Въ Римѣ и въ Александріи народы узнали другъ друга; сюда принесли они послѣдніе результаты своихъ вѣрованій, нравственныхъ воззрѣній, своей политической жизни, своей философіи; здѣсь эти результаты дошли до своихъ крайнихъ послѣдствій и противорѣчій; здѣсь скептики стали пирронистами, стоики — самоубійцами, эпикурейцы — развратниками; здѣсь авгуры начали смѣяться другъ надъ другомъ. Преданіе говоритъ, что Каракалла хотѣлъ дать человѣчеству одну голову, чтобы затѣмъ отрубить ее; исторія какъ бы собрала всѣ умственныя и нравственныя силы древняго міра въ одно цѣлое, и затѣмъ разомъ покончила съ древнимъ міромъ, на которомъ выросла новая цивилизація [1]). Древній міръ не воспользовался великими открытіями и принципами послѣднихъ вѣковъ. Въ немъ они были началами разрушенія; „принципомъ жизни" стали они въ новой исторіи.

Новый міръ также знаетъ свои всемірныя монархіи. Но если древній міръ кончаетъ единствомъ, новый міръ начинаетъ имъ разныя эпохи своей цивилизаціи. Великіе завоеватели новой исторіи утверждаютъ господство новыхъ идей, долженствующихъ сдѣлаться основами развитія извѣстной группы народовъ, — группы, связанной общими историческими судьбами. Карлъ Великій закрѣпилъ значеніе христіанства, какъ общей идеи новой цивилизаціи; онъ обвелъ границы исторической территоріи; онъ остановилъ наплывъ новыхъ варваровъ; онъ создалъ западную Европу. Если христіанство сдѣлалось знаменемъ Запада противъ Востока; если римскія начала въ новой формѣ возстали какъ элементъ западной цивилизаціи; если германо-романскіе народы составили одну семью; если идея единства западной цивилизаціи никогда не умирала въ народномъ сознаніи — этимъ Европа обязана великому Паладину.

И такъ, мы замѣчаемъ, что всемірныя монархіи замыкаютъ и открываютъ собою величайшія эпохи исторіи человѣчества. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы имъ когда-нибудь суждено было постоянно владычествовать надъ цѣлымъ человѣчествомъ. Во-первыхъ, *цѣлое* человѣчество никогда не подчинялось всемірной монархіи. Римляне овладѣли всѣмъ *извѣстнымъ* свѣтомъ, т.-е. всѣми народами, имѣвшими дѣйствительное значеніе въ древней исторіи,—народами, которые могли имѣть и имѣли вліяніе другъ на друга. Карлъ Ве-

---

[1]) Можно не раздѣлять того убѣжденія, что двѣ древнія монархіи проложили дорогу спеціально христіанству. Относительно Европы это безусловно вѣрно. Но Востокъ не остался вѣренъ христіанству и принялъ исламъ. Но это ничего не доказываетъ. Исламъ также элементъ *единой* цивилизаціи; распространеніе его также обусловливалось предварительнымъ объединеніемъ народовъ.

ликій объединилъ тѣ народы, среди которыхъ впослѣдствіи развилась западно-европейская цивилизація. Слѣдовательно, въ составъ всемірной монархіи входили страны, принадлежавшія къ одному кругу цивилизаціи. Во-вторыхъ, владычество это, по самому своему происхожденію, не могло быть постоянно. Александръ Великій и Римъ объединяли страны древняго міра въ то время, когда эти страны выработали изъ себя все, что можно, — дали міру все, что онѣ могли дать. Пока внутренній процессъ развитія народовъ, т.-е. ихъ жизнь, былъ въ полномъ разгарѣ, всемірная монархія была немыслима; триста спартанцевъ могли остановить полчища Ксеркса. Римское единство обусловливалось безжизненностью частей великой монархіи. Но какъ только въ этихъ частяхъ появились новыя жизненныя начала — распаденіе монархіи и самостоятельность частей была неизбѣжна. Когда римскія провинціи наполнились варварами — этимъ резервомъ цивилизаціи, имперія кончилась. За крайнимъ единствомъ послѣдовало крайнее раздробленіе. Множество племенъ, каждое съ своимъ языкомъ, нарѣчіемъ, правомъ, обычаемъ, культомъ — вотъ что замѣнило единство религіи и права. Но древность оставила среднимъ вѣкамъ нѣсколько элементовъ единой цивилизаціи. Среди разнообразія и разрозненности племенъ остается единство церкви и понятіе о единомъ законѣ и единой власти. Религіозное единство, поддержанное единствомъ свѣтской власти, остается идеаломъ среднихъ вѣковъ. *Среди народовъ появляются понятія, которыя они всѣ одинаково признаютъ.* Сильная рука Карла даетъ этимъ общимъ началамъ практическое значеніе. Одинаковость общихъ началъ устанавливаетъ единство общихъ результатовъ цивилизаціи и возможность вліянія одного народа на другой. Каждый результатъ, добытый однимъ народомъ, можетъ стать достояніемъ другихъ. Уничтоженіе рабства, начатое въ одномъ государствѣ, необходимо отражается на экономическомъ бытѣ другихъ народовъ. Почему? Именно потому, что вездѣ цивилизація исходитъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ, и приложеніе этого общаго начала къ жизни одной страны вызываетъ стремленіе приложить его въ томъ же смыслѣ къ другому государству. Если рабство осуждается въ одной странѣ во имя началъ христіанской религіи, то не естественно ли ожидать, что другая страна сдѣлаетъ то же, во имя тѣхъ же началъ?

Европейская цивилизація имѣла общіе идеалы, къ которымъ одинаково стремились всѣ ея народы, — цѣли, которыхъ всѣ достигали дружными усиліями. Иногда такимъ идеаломъ была христіанская теорія папской и императорской власти; и власть эта была достаточно сильна, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отправлять сотни тысячъ людей на отдаленный востокъ; иногда идеалы классической древности пре-

вращали цѣлый народъ въ римлянъ и грековъ; иногда протестантское начало свободы совѣсти заставляло многія поколѣнія вести борьбу противъ общаго врага свободы — римской куріи. Во всякомъ случаѣ, были и будутъ общія начала, имѣющія значеніе вездѣ; были и будутъ начала, за которыя каждый европейскій народъ готовъ сражаться,—начала, безъ признанія которыхъ нельзя принадлежать къ великой европейской семьѣ.

Но развитіе и примѣненія этихъ началъ въ подробностяхъ, въ ихъ конкретномъ проявленіи, составляютъ задачу свободной дѣятельности каждаго народа. Этою свободною дѣятельностью обусловливается полное и разнообразное развитіе общей идеи. Авторитетъ, и при томъ единый авторитетъ, необходимый для первоначальнаго утвержденія извѣстной идеи, гибельно дѣйствуетъ на ея дальнѣйшее развитіе. Общія начала христіанско-германской цивилизаціи нуждались первоначально въ папѣ и императорѣ. Дальнѣйшее ихъ развитіе нуждалось въ *національныхъ государствахъ*. Только въ нихъ христіанство получило значеніе дѣйствительнаго соціальнаго элемента. Развитіе же это требуетъ гораздо больше времени, чѣмъ первоначальная пропаганда общихъ началъ. Вотъ почему развитіе и осуществленіе всѣхъ элементовъ цивилизаціи нуждается въ національномъ государствѣ, которое является въ исторіи общимъ правиломъ, тогда какъ всемірныя монархіи являются исключеніемъ, хотя и необходимымъ.

Примѣнимъ эти положенія къ монархіи Наполеона. Она соединила въ одно цѣлое или по крайней мѣрѣ подчинила своему вліянію всѣ народы, составляющіе семью народовъ западной Европы; она противопоставила новое государство—государству средневѣковому, какъ нѣкогда Карлъ Великій противопоставилъ христіанскую Европу—Европѣ варварской; она внесла въ государственную жизнь народовъ новыя общія начала, выработанныя XVIII вѣкомъ и выраженныя революціею: мы замѣтили выше, что la grande armée вездѣ появлялась съ code Napoléon. Вездѣ устанавливалось единство воззрѣній и идеаловъ, сильно напоминавшее прежнее единство папства и имперіи. Это единство породило явленія, странныя съ современной точки зрѣнія. Франція республика — окружила себя меньшими республиками, созданными по ея образцу; Франція имперія—породила массу монархій, скопированныхъ съ этого великаго образца. Наконецъ, паденіе современнаго единства обусловливалось тѣми же причинами, какъ и паденіе единства средневѣковаго,—пробужденіемъ національнаго чувства.

Такимъ представляется этотъ вопросъ въ наше время; не такъ смотрѣли на него современники. Власть Наполеона не была въ ихъ глазахъ основана ни на какомъ государственномъ началѣ,—ибо на-

чала новаго государства не были ими признаны; поэтому она была *узурпаціею*. Наполеонъ относился къ другимъ монархамъ Европы— какъ узурпаторъ къ законной власти; монархія его, хотя всѣми признанная и утвержденная многими трактатами, была только насиліемъ, завоеваніемъ, то-есть только фактомъ, а не правомъ. Народы имѣли право и обязанность возстать противъ такого насильственнаго, фактическаго преобладанія,—во-первыхъ, для того, чтобы возстановить свою независимость, во-вторыхъ, чтобы возвратить права законной власти. Возвращеніе монархіи Наполеона къ прежнему порядку было возвращеніемъ отъ завоеванія и узурпаціи къ принципу законности—de la légitimité.

Такъ смотрѣлъ на это дѣло и Констанъ. Но его, разумѣется, не должно смѣшивать съ такими легитимистами, какъ графъ де-Местръ. Констанъ хотѣлъ законности, но не забывалъ и свободы, т.-е. хотѣлъ старой монархіи и революціи. Вѣрнѣе сказать, онъ хотѣлъ Бурбоновъ потому, что они, по его мнѣнію, лучше всего могли обезпечить господство *истинныхъ* началъ революціи. Посмотримъ, какъ онъ соединяетъ эти, повидимому, несоединимыя вещи.

VI.

Монархія Наполеона представлялась завоеваніемъ съ точки зрѣнія международнаго права; съ точки зрѣнія права государственнаго она была названа узурпаціею. Въ первой части своего труда Констанъ подвергъ критикѣ принципъ завоеванія; вторая часть его труда посвящена узурпаціи. По обыкновенію, онъ начинаетъ изслѣдованіе съ общихъ началъ. Эти начала въ высшей степени важны, ибо они показываютъ, какой переворотъ совершился въ понятіяхъ прежняго республиканца.

Я не хочу, говоритъ онъ, изслѣдовать различныя формы правленія. Я хочу только противоположить правильное правительство неправильному.

И такъ, Констанъ признаетъ, что всѣ формы правленія могутъ быть правильными. Мы далеки, продолжаетъ онъ, отъ того времени, когда власть монарховъ признавалась противоестественною [1]); я пишу въ странѣ, гдѣ не предписано провозглашать республику противообщественнымъ установленіемъ. Авторъ не желаетъ возставать ни противъ республики, ни противъ монархіи. Онъ оцѣнилъ достоинство республики въ Швейцаріи, монархіи—въ Англіи. Онъ желаетъ до-

---

[1]) А благодаря кому монархическое начало снова получило право гражданства въ революціонной Франціи? Благодаря узурпатору—Наполеону!

вазать, что узурпація (читай: монархія Наполеона) не есть монархія, т.-е. законная власть одного человѣка.

Слово „законность“ Констанъ понимаетъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ принималъ его вѣнскій конгрессъ,—т.-е. въ смыслѣ légitimité, власти, основанной на преданіяхъ и на началахъ стараго порядка— въ противоположность новому. Всѣ аргументы Констана поэтому сильно напоминаютъ все, что̀ говорилось въ реакціонныхъ кружкахъ.

Узурпація незаконна, во-первыхъ, потому, что она—*новая власть*.

Монархія, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Европѣ, есть установленіе, видоизмѣненное временемъ и смягченное обычаемъ. Она окружена посредствующими установленіями, которыя ее поддерживаютъ и ограничиваютъ; правильная передача власти отъ одного къ другому—дѣлаетъ подчиненіе болѣе легкимъ и власть менѣе подозрительною. Монархъ—существо какъ бы отвлеченное. Всѣ видятъ въ немъ не единичную личность, а цѣлое поколѣніе королей, преданіе многихъ вѣковъ. Узурпація, напротивъ, есть сила, ничѣмъ не видоизмѣненная, ни смягченная. Она по необходимости запечатлѣна личностью узурпатора, и эта индивидуальность, находясь въ противорѣчіи со всѣмъ прежнимъ порядкомъ вещей, относится ко всему подозрительно и враждебно.

Послѣдствія изъ этихъ началъ вывести не трудно. Сильная логика Констана дѣлаетъ эти выводы блистательно. Все, что̀ можно сказать въ пользу установившагося порядка и во вредъ новому, находится въ его трактатѣ. Критика его отзывается личнымъ нерасположеніемъ къ Наполеону; многіе его доводы могутъ быть названы argumentum ad hominem, но, не смотря на это, многія особенности „имперіи“, какъ особенной формы правленія во Франціи, формы, основанной на наполеоновскихъ идеяхъ, подмѣчены весьма удачно.

Узурпаторъ не есть независимый монархъ, поставленный выше партій; онъ всегда—произведеніе партіи; она его держитъ и для него приноситъ въ жертву все остальное. Насиліе вызываетъ реакцію—и борьба партій продолжается при узурпаторѣ, какъ и во время революціи. Вслѣдствіе этого новыя династіи бурны какъ партіи и деспотичны какъ тиранія. Узурпаторъ потому долженъ прибѣгать къ деспотизму, что ему необходимо упрочить свое положеніе среди тысячи препятствій. Монархъ, вступая на престолъ, не возбуждаетъ ничьей зависти, не обязанъ составлять своей репутаціи для поддержанія своей власти. Ее никто не оспариваетъ у него и не можетъ оспаривать. Узурпаторъ, напротивъ, долженъ упрочивать свою власть среди завистливыхъ сравненій и подавленныхъ надеждъ. Затѣмъ, узурпаторъ всегда долженъ пускаться на самыя рискованныя политическія предпріятія; онъ долженъ постоянно оправдывать предъ

націею свое могущество; онъ какъ бы принялъ на себя безмолвное обязательство вознаграждать націю великими результатами за свое высокое положеніе; онъ постоянно боится обмануть общественное мнѣніе, ожидающее отъ него все новыхъ и новыхъ тріумфовъ. Онъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи даже тогда, когда интересы страны этого требуютъ. Ему необходимо вмѣшиваться во все, что происходитъ въ политикѣ. Французамъ, говорилъ Наполеонъ, необходимо давать что-нибудь новое каждые три мѣсяца. Онъ сдержалъ свое слово [1]).

Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Констанъ, очень хорошо быть способнымъ на великія дѣла, когда того требуетъ общее благо, но какое несчастье *быть осужденнымъ* на великія дѣла, для возвышенія своей собственной личности, даже тогда, когда общее благо того не требуетъ! Много декламировали противъ лѣнивыхъ королей (rois fainéants). Еслибы Богъ возвратилъ намъ лѣнивыхъ королей—вмѣсто дѣятельныхъ узурпаторовъ!

Послѣ такого общаго взгляда на новыя династіи вообще и узурпацію въ особенности, можно себѣ представить—какъ Констанъ поражаетъ правительство Наполеона на подробностяхъ. Къ сожалѣнію, объемъ и задача нашей статьи не дозволяютъ намъ остановиться подробно на этихъ блестящихъ страницахъ, проникнутыхъ чувствомъ уваженія къ человѣческой свободѣ и ко всему, что есть хорошаго на этой землѣ. Мы должны пройти молчаніемъ X—XIX главы второй части его трактата по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, аргументы, собранные въ этихъ главахъ, направлены почти спеціально противъ деспотизма Наполеона, слѣдовательно имѣютъ въ виду современныя автору обстоятельства; затѣмъ, аргументы эти большею частью сдѣлались уже достояніемъ науки и достаточно распространены въ публикѣ; наконецъ, главная задача этой статьи—въ изслѣдованіи постепеннаго развитія идей Констана. Посему намъ теперь необходимо указать на новую ступень его политическаго міросозерцанія. Аргументація же его противъ произвола и деспотизма не представляетъ въ немъ особенной новости — онъ всегда былъ врагомъ произвола.

Характеристичная же особенность, отличающая этотъ трактатъ Констана, есть его стремленіе противопоставить всякую узурпацію законному, т.-е. основанному на преданіи правительству. Въ этомъ отношеніи онъ доходитъ до оригинальныхъ выводовъ. Въ одной изъ главъ [2]) своего разсужденія онъ сравниваетъ узурпацію съ формами правленія, имѣющими съ нею большое сходство,—съ деспотизмомъ.

---

[1]) Наполеонъ III тоже держитъ его.

[2]) Въ III гл. II части.

Что лучше—деспотизмъ или узурпація? Констанъ, не колеблясь, отвѣчаетъ:—деспотизмъ. Деспотизмъ изгоняетъ всѣ формы свободы; узурпація нуждается въ этихъ формахъ для того, чтобы прикрыть свое дѣло. Узурпаторы вродѣ Наполеона или Наполеоновъ, ниспровергая извѣстный порядокъ вещей, всегда взывали къ „священнымъ“ началамъ свободы. Узурпація удерживаетъ формы свободы, но опошливаетъ и унижаетъ ихъ; она нуждается въ общественномъ мнѣніи, но въ мнѣніи извращенномъ, такъ сказать, оффиціальномъ. Султанъ, недовольный своимъ министромъ, посылаетъ ему попросту шолковый шнурокъ; узурпаторъ подымаетъ противъ непріятнаго лица общественную клевету и губитъ противника, какъ бы „уступая общественному мнѣнію“.

Эта контрфакція свободы соединяетъ въ себѣ всѣ невыгоды анархіи и рабства. Люди мирные преслѣдуются какъ „равнодушные“, энергическіе—какъ „опасные“. Покорность тирану не вознаграждается спокойствіемъ, дѣятельность остается безъ удовлетворенія. Это „движеніе“ такъ же похоже на настоящую политическую жизнь, какъ судороги нагальванизированнаго трупа—на движеніе живого организма.

Узурпація выдумала всѣ эти парламентскія комедіи, эти „народныя“ санкціи гнуснѣйшихъ правительственныхъ актовъ, эти монотонныя поздравленія и изъявленія признательности за солдатъ, „истраченныхъ“ въ Египтѣ, въ Россіи, за конскрипціи, за разореніе страны, за все—безъ чего узурпація не можетъ держаться. Деспотизмъ подавляетъ свободу печати; узурпація пародируетъ ее. Когда свобода печати подавлена, общественное мнѣніе находится въ усыпленіи, но ничто не вводитъ его въ заблужденіе; узурпація нанимаетъ толпу писакъ, которые горячатся, убѣждаютъ, бранятся, какъ будто въ странѣ есть свободные враги и свободная оппозиція. Деспотизмъ управляетъ молчаніемъ—и люди имѣютъ право молчать. Узурпація осуждаетъ ихъ на болтовню и заставляетъ ихъ лгать.

Когда народъ порабощенъ, но не униженъ внутренно, для него остается возможность лучшаго порядка вещей. Иго Филиппа II и эшафоты герцога Альбы не развратили Голландію; но узурпація по необходимости развращаетъ народъ; она пріучаетъ его попирать ногими все, что онъ уважаетъ,—льститъ тому, что онъ презираетъ,—заставляетъ его презирать самого себя.

И такъ, каждый установившійся порядокъ лучше узурпаціи: такъ далеко идетъ Констанъ въ своей теоріи легитимизма. Констанъ требуетъ возвращенія къ началамъ законности; онъ требуетъ этого, какъ каждый можетъ видѣть, во имя началъ свободы, которая лучше

всего можетъ быть обезпечена твердою и прочною властью. Вотъ почему онъ всего ожидалъ отъ Бурбоновъ и поспѣшилъ во Францію, какъ только Наполеонъ отправился на островъ Эльбу.

Но какой свободы ожидалъ Констанъ отъ Бурбоновъ? Какую власть хотѣлъ онъ имъ дать? Если онъ могъ ожидать свободы отъ Бурбоновъ, то очевидно онъ понималъ ее нѣсколько иначе, чѣмъ старые якобинцы и вообще республиканская партія; если онъ, желая свободы, не задумывался провозгласить Бурбоновъ законною властью,— очевидно, онъ подъ властью разумѣлъ не то, что гг. эмигранты и графъ Артуа.

Констанъ не хочетъ деспотизма, потому что осудилъ его въ Наполеонѣ; не хочетъ и свободы 93 года.

По его мнѣнію, понятіе свободы искажено революціею; идея власти опозорена Наполеономъ. Революція пріучила народъ къ деспотическимъ формамъ; деспотизмъ Наполеона, замаскированный формами свободы, сдѣлалъ ее непонятною обществу.

Въ самомъ дѣлѣ, почему Франція терпѣливо выносила деспотизмъ Наполеона? Констанъ отвѣчаетъ на это категорически:—потому что первоначально французскому обществу грубо, упрямо и невѣжественно были предложены формы свободы, къ которой оно было неспособно, а потомъ подъ видомъ свободы ему предложили самую ужасную тиранію. Нѣтъ ничего удивительнаго, если это общество отказалось отъ свободы, бывшей тираніею, и охотно подчинилось тираніи, прикидывавшейся свободою.

Въ чемъ заключаются невыгодныя стороны свободы, нѣкогда предложенной французскому обществу? Въ чемъ состоитъ ложь тираніи, „возстановившей“ свободу?

Мы приступаемъ теперь къ важнѣйшей новости, внесенной Констаномъ въ его политическую теорію: въ чемъ должна состоять свобода новыхъ обществъ? Констанъ потратилъ много времени на этотъ важный вопросъ; впервые онъ занялся имъ въ трактатѣ объ узурпаціи; въ его началахъ конституціонной политики находится много превосходныхъ замѣчаній относительно этого вопроса; наконецъ, ему посвящена цѣлая рѣчь, произнесенная авторомъ въ 1819 г. въ Атенеѣ и помѣщенная въ курсѣ конституціонной политики подъ заглавіемъ: *О свободѣ древнихъ, сравнительно съ свободою новыхъ народовъ.*

Капитальная ошибка революціонеровъ, по мнѣнію Констана, состояла въ томъ, что они, водворяя во Франціи свободу, имѣли въ виду образцы классической древности. Свобода же въ древности имѣла совершенно другой характеръ и объемъ, чѣмъ она можетъ имѣть въ настоящее время.

Въ древности свобода состояла въ дѣйствительномъ и непосредственномъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ больше, чѣмъ въ спокойномъ пользованіи личною независимостью; этого мало: для того, чтобы обезпечить за собою право участія въ государственныхъ дѣлахъ, гражданамъ необходимо было до нѣкоторой степени отказаться отъ личной независимости.

Въ настоящее время народы больше всего дорожатъ этою независимостью отъ государственнаго авторитета и не захотятъ отказаться отъ нея даже въ томъ случаѣ, если за государственный авторитетъ будетъ признанъ весь народъ.

Небольшой объемъ древнихъ республикъ давалъ каждому гражданину возможность пользоваться лично большимъ политическимъ значеніемъ. Пользованіе политическими правами было занятіемъ и, такъ сказать, забавою всѣхъ гражданъ. *Весь народъ* издавалъ законы, судилъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ. Народный суверенитетъ не былъ фикціею, какъ въ настоящее время; воля каждаго имѣла дѣйствительное вліяніе на политику. Только при такихъ условіяхъ личность соглашалась ограничить свои права въ пользу государства. Это ограниченіе было даже необходимо. Для того, чтобы весь народъ могъ пользоваться политическими правами, чтобы каждый гражданинъ былъ дѣятельною частью государственной власти, — въ древнемъ государствѣ необходимы были учрежденія, поддерживавшія равенство между гражданами, — учрежденія, кои препятствовали непомѣрному увеличенію частной собственности, уничтожали всякія отличія и устраняли вліяніе богатствъ, талантовъ и даже добродѣтелей.

Отсюда остракизмъ, аграрные законы, періодическое уничтоженіе долговыхъ обязательствъ и т. д. Далѣе, государство требовало отъ гражданина всего его времени и всѣхъ его способностей. Но взамѣнъ того нерѣдко отрывало его отъ семьи (какъ въ Спартѣ), заставляло его жить, обѣдать, веселиться внѣ дома. Для того, чтобы пользоваться его способностями, оно брало на себя его воспитаніе, вторгалось въ его нравственную жизнь, предписывало ему тѣ или другія убѣжденія.

Въ современномъ государствѣ принципъ народовластія можетъ имѣть только фиктивное значеніе. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не въ массѣ, не непосредственно, а чрезъ представителей. Онъ не можетъ отдать всего времени государству—его досугъ не обезпеченъ пассивною массою рабочаго сословія. При такихъ условіяхъ народъ не можетъ довольствоваться одними политическими правами. Человѣкъ, который пользуется своимъ политическимъ правомъ въ три года разъ при выборѣ депутатовъ и затѣмъ въ теченіе

трехъ лѣтъ остается простымъ гражданиномъ, долженъ подумать о своей личной свободѣ въ теченіе этого срока. Онъ не является самъ государственною властью; онъ участвуетъ только въ избраніи ея, переноситъ на нее свои политическія права. Затѣмъ онъ превращается въ простого подданнаго. Въ какомъ отношеніи будетъ находиться онъ къ этой власти въ качествѣ подданнаго? Руссо увѣрялъ современное человѣчество, что народъ, передавая власть представителямъ, становится ихъ рабомъ. Это было бы совершенно справедливо, предполагая, что народъ передаетъ правительству ту власть, которая принадлежала нѣкогда классическому государству и которой самъ Руссо требовалъ для народа, т.-е. власть, не ограниченную идеею личной свободы и правами личности въ государствѣ. Поэтому, опредѣленіе границъ государственной власти въ видахъ огражденія личной свободы — вотъ что составляетъ стремленіе современнаго гражданина.

Между тѣмъ французскіе реформаторы стремились предложить обществу именно ту свободу, которая была возможна въ древнее и немыслима въ новое время. Теоріи этихъ мыслителей, во главѣ которыхъ стоитъ Руссо, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

Свобода состоитъ въ личномъ и непосредственномъ участіи всѣхъ и каждаго въ политическихъ дѣлахъ.

Для установленія такой свободы, необходимо дѣйствительное равенство всѣхъ членовъ общества.

Для осуществленія такого равенства, необходимо отчужденіе всѣхъ правъ недѣлимаго и всей его свободы въ пользу общества.

Вслѣдствіе этого общество получаетъ неограниченную власть надъ своими членами.

Не смотря на то, что авторами такихъ теорій руководили самыя чистыя и возвышенныя побужденія, практическое примѣненіе этихъ теорій принесло много вреда личной свободѣ. Констанъ возстаетъ противъ этихъ началъ, въ особенности же противъ сочиненій Руссо и Мабли. Послѣдній довелъ теорію классической свободы до крайнихъ результатовъ. Подобно Руссо, онъ отождествилъ власть народа съ свободою общества и указалъ на двѣ цѣли, къ коимъ должно стремиться каждое государство: 1) распространеніе политическихъ правъ на наибольшее количество лицъ, т.-е. осуществленіе поголовно-народнаго самодержавія; 2) расширеніе правъ этой власти до возможно бо̀льшихъ предѣловъ. Отсюда ученіе о всемогуществѣ закона. Законъ можетъ все, и всѣ отношенія должны быть заранѣе опредѣлены закономъ. Мабли приходилъ въ восторгъ отъ египетскаго государственнаго устройства; тамъ все было предусмотрѣно и опре-

дѣлено закономъ; весь день былъ расписанъ заранѣе. Словомъ, говоритъ Констанъ, ученіе Мабли держится на слѣдующихъ началахъ: законодательная власть неограниченна; личная свобода—зло; если она не можетъ быть уничтожена совершенно, ее необходимо ограничить сильнѣйшимъ образомъ; собственность—зло; если нельзя ее уничтожить, необходимо по возможности ослабить ея вліяніе. „Соединеніе этихъ трехъ началъ дастъ намъ сочетаніе конституціи турецкой и робеспьеровской".

Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжаетъ Констанъ, что примѣненіе этихъ началъ во время революціи произвело сильную реакцію. Общество не хотѣло такой свободы. Оно находило, что фикція народнаго суверенитета—слишкомъ плохое вознагражденіе за тѣ жертвы и лишенія, которыхъ отъ него требовало республиканское правительство. Тщетно это послѣднее твердило гражданамъ слова Руссо, что „законы свободы въ тысячу разъ суровѣе ига тирановъ". Общество неохотно слушало своихъ вождей.

Вожди, однако, считали своимъ долгомъ заставить народъ быть свободнымъ по ихъ плану. Они объявили, что для основанія свободы необходимъ деспотизмъ. Мы видѣли выше плоды такого воззрѣнія. Констанъ представляетъ необыкновенно мѣткую характеристику политики революціоннаго правительства, исказившаго самое понятіе свободы [1].

Что нужно было, спрашиваетъ онъ, сказать народу, предоставляя ему свободу? Вы были подавлены привилегированнымъ меньшинствомъ; большинство приносилось въ жертву нѣсколькимъ лицамъ; несправедливые законы покровительствовали сильному противъ слабаго; вы пользовались своими немногими правами условно: произволъ могъ каждую минуту лишить васъ ихъ; вы не участвовали ни въ составленіи законовъ, ни въ выборѣ должностныхъ лицъ; всѣ эти злоупотребленія исчезнутъ.

Но что говорили лица, основывавшія свободу посредствомъ деспотизма? Всѣ привилегіи будутъ уничтожены, но всѣ лица, объявленныя *подозрительными*, будутъ казнены безъ суда и слѣдствія; добродѣтель будетъ первымъ и единственнымъ отличіемъ, но самые жестокіе граждане захватятъ въ свои руки неограниченную власть и будутъ поддерживать ее посредствомъ террора; законы будутъ охранять собственность, но имущество „подозрительныхъ" и аристократовъ будетъ конфисковано; народъ будетъ выбирать своихъ правителей, но если онъ не выберетъ лицъ, назначенныхъ заранѣе, выборы будутъ объявлены ничтожными; мнѣнія свободны, но каждое

---

[1]) Ib., гл. VIII.

мнѣніе, противное общепринятому воззрѣнію, будетъ наказано какъ покушеніе противъ государства...

Деспотизмъ республиканскаго правительства по наслѣдству перешелъ къ Наполеону. Онъ также провозгласилъ свободу главною задачею своего правительства; но отъ этого объявленія правительство не стало свободнымъ.

Констанъ побѣдоносно опровергаетъ теорію абсолютизма въ формѣ Наполеоновской монархіи [1]). Въ его время такое опроверженіе было настоятельною необходимостью. Оно было необходимо не для того, чтобы противодѣйствовать лично Наполеону. Его монархія колебалась: „первое отреченіе" было уже близко. Союзники готовы уже были бросить титана на маленькій островъ. Теорія абсолютистовъ была опасна именно благодаря союзникамъ. Они пришли возстановлять „порядокъ", нарушенный революціею. „Порядокъ" же, въ противоположность революціи, бо̀льшая часть изъ нихъ принимала за абсолютизмъ. Констанъ, очевидно, не могъ желать такой перемѣны. Мы видѣли уже, что онъ желалъ „свободы и Бурбоновъ для свободы". Онъ старался установить настоящее понятіе о свободѣ, отличить его отъ прежнихъ воззрѣній на этотъ предметъ, именно для того, чтобы абсолютизмъ не восторжествовалъ во Франціи во имя злоупотребленій прежней свободы. Республиканцы ошиблись; они дали народу такой видъ свободы, который ничѣмъ не отличается отъ абсолютизма; не вводите же абсолютизма потому, что Франціи прежде была дана ложная свобода; дайте намъ настоящую свободу и конституціонное правительство,—вотъ заключительное слово Констана.

Онъ справедливо боялся абсолютизма; справедливо видѣлъ въ монархіи Наполеона одинъ изъ его видовъ. Но съ большимъ основаніемъ можно предположить, что если бы трактатъ знаменитаго публициста былъ написанъ не въ такое горячее время, Констанъ увидѣлъ бы, что абсолютизмъ Наполеона отличался отъ абсолютизма стараго порядка не тѣмъ только, что Наполеонъ былъ узурпаторъ, а прежніе короли были монархами законными; онъ увидѣлъ бы, что „узурпація" была не отреченіемъ отъ революціи, а ея естественнымъ выводомъ,—не противоположностью свободы, а одною изъ формъ той свободы, о которой мечтали республиканцы.

Монархія Наполеона была демократическою и республиканскою монархіею. Всѣ начала, провозглашенныя революціею, свято сохранены конституціею VIII и 1804 года. Самодержавіе народа, всеобщая подача голосовъ, участіе каждаго совершеннолѣтняго француза въ общественныхъ дѣлахъ—все это имѣется въ консульской конституціи.

---

[1]) *De l'esprit de conquête*, etc., II, ch. X—XIX.

Она была новымъ опытомъ примѣнить къ дѣлу принципъ народнаго самодержавія, потерпѣвшій неудачу во время конвента и директоріи. Одна форма этого самодержавія потерпѣла крушеніе; оставалось прибѣгнуть къ другой.

Потерпѣло крушеніе начало, по которому каждому гражданину предоставляется право личнаго и непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Должно оно было рушиться потому, что полное и дѣйствительное примѣненіе его требовало предварительнаго уравненія всѣхъ гражданъ не только относительно ихъ правъ (т.-е. равенства предъ закономъ), но и относительно ихъ имущества и другихъ экономическихъ и общественныхъ условій. Не смотря на конфискацію церковныхъ и частныхъ имуществъ и продажу ихъ, не смотря на прогрессивный налогъ и аграрные законы—это не удалось. Принципъ народнаго самодержавія въ этой формѣ остался фикціею. Конституція 93 г. провозгласила его... на бумагѣ; конституція эта была и осталась только бумагою.

Оставалось придумать другую форму для этого принципа. Начало всеобщаго народнаго самодержавія и политическаго равенства можетъ быть осуществлено безъ измѣненія экономическаго и общественнаго строя государства — путемъ сосредоточенія всей суммы власти въ одномъ лицѣ или учрежденіи, дѣйствующемъ во имя народа и по его порученію. Тогда изъ „фикціи" народнаго самодержавія, безполезной въ первомъ случаѣ, можно сдѣлать какое-нибудь полезное употребленіе. Конвентъ первый воспользовался ею. Онъ написалъ конституцію, гдѣ развилъ съ вполнѣ ученымъ догматизмомъ принципъ народовластія и всѣ его послѣдствія, начиная съ всеобщей подачи голосовъ и кончая „священнымъ правомъ возстанія". Затѣмъ, создавъ эту статую свободы, онъ набросилъ на нее покрывало, „до времени", и началъ дѣйствовать, облеченный всею властью, данною ему народомъ. Благодаря его дѣйствіямъ, революція доведена до конца. Вандея усмирена, внѣшніе враги отбиты. Но „фикція" вывѣтривалась все больше и больше; вывѣтривалась въ „Наядахъ" Каррье, въ ліонскихъ „фюзильядахъ", въ законѣ о подозрительныхъ и подъ гильотиною; вывѣтривалась подъ огнемъ Пишегрю и подъ картечью „гражданина" Наполеона Буонапарте, по приказанію того же конвента.

Эту „вывѣтренную фикцію" принялъ Сійесъ въ свой проектъ конституціи VIII года. Онъ не могъ сдѣлать изъ нея ничего, кромѣ фикціи: онъ поставилъ народъ „внизъ" и объявилъ, что снизу идетъ только довѣріе, но не власть. Надо, однако, отдать ему честь—онъ остался вѣренъ своему стремленію къ фикціямъ. Ужъ если самодержавіе народа должно было быть фикціею, то все остальное не имѣло права быть ничѣмъ инымъ. Вотъ почему Сійесъ не допустилъ въ

свою конституцію ни одной *реальности*; она вся составлена изъ уравновѣшенныхъ фикцій. Наполеонъ не захотѣлъ быть фикціею и сдѣлался весьма серьезною реальностью, оставивъ все остальное въ состояніи фикціи. Онъ сдѣлался легально тѣмъ же, чѣмъ комитетъ общественнаго спасенія былъ иллегально.

Констанъ не хотѣлъ *такой* реальности для будущей конституціи Франціи. Между тѣмъ онъ начиналъ приходить къ убѣжденію, что безъ какой бы то ни было реальности ни одна конституція существовать не можетъ. Онъ легко могъ убѣдиться въ этомъ на примѣрѣ проекта конституціи VIII года. Проектъ этотъ, должно согласиться, есть конституціонализмъ, очищенный и отдѣленный отъ всего историческаго и реальнаго. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ формулъ. Констанъ самъ былъ частью одной изъ такихъ формулъ, и когда грозная „реальность" начала войну съ „фикціями", онъ долженъ былъ бѣжать и оплакивать всѣ формулы далеко отъ родины. Что же ему оставалось дѣлать? Отвернуться отъ *реальностей*, развившихся подъ вліяніемъ революціи, и обратиться къ другимъ, уцѣлѣвшимъ отъ революціи реальностямъ. Ихъ было много. Людовикъ XVIII, обломки древняго дворянства, остатки духовенства—вотъ на первый разъ достаточно матеріала для организаціи конституціоннаго короля и палаты пэровъ. Палату представителей уже образовать не трудно, и конституція готова. Идите же, Бурбоны! Несите во Францію миръ, обезпеченный штыками союзниковъ, конституцію, октроированную „отъ полноты нашихъ правъ" Людовикомъ, а главное—свободу, свободу!

И Бурбоны пришли. Наполеонъ отправился на Эльбу. Парижъ наполнился представителями разныхъ партій. Столица представляла зрѣлище, нѣсколько напоминавшее первое время революціи. Аристократія снова начала споры съ буржуазіею, духовенство—съ вольтеріанцами, ройялисты—съ республиканцами и либералами. Теперь имъ можно было говорить болѣе или менѣе свободно, хотя бы о хартіи. Хартія должна была удовлетворить всѣ партіи; но, къ сожалѣнію, не удовлетворила ни одной. Старая аристократія находила, что король сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ революціи; республиканцы, всегда мало ожидавшіе отъ Бурбоновъ, совершенно разочаровались послѣ первыхъ же дней. Духовенство начало жаркую войну противъ конкордата и горевало объ униженіи церкви. Не удовлетворились и либералы, столь много ожидавшіе отъ хартіи.

Либеральный кружокъ, скитавшійся во время владычества Наполеона въ разныхъ государствахъ Европы, соединился, наконецъ, въ Парижѣ. Г-жа Сталь открыла свой салонъ и ревностно доказывала его посѣтителямъ необходимость англійской свободы для Франціи.

Б. Констанъ попрежнему блисталъ остроуміемъ въ гостиной своего стараго друга. Въ это время онъ написалъ одинъ изъ лучшихъ своихъ трудовъ, именно—комментаріи къ проекту хартіи Людовика XVIII съ планомъ конституціи. Здѣсь его конституціонныя убѣжденія выразились окончательно. Мы поговоримъ объ этомъ трудѣ ниже. Лафайетъ оставилъ свое убѣжище и присоединился къ партіи конституціонныхъ монархистовъ. Но англійская свобода не приходила. Самое дорогое для либераловъ право—свобода печати, положительно обѣщанное 8 ст. хартіи, не осуществилось. Правительство не уничтожило предварительной цензуры для книгъ и оставило журналистику въ распоряженіи исправительной полиціи. Положимъ, что главнымъ цензоромъ былъ назначенъ Ройе-Колларъ, извѣстный своими либеральными убѣжденіями; но самый принципъ былъ ненавистенъ не только либераламъ, но и всей Франціи, согласившейся принять Бурбоновъ только подъ условіемъ свободы. Словомъ, Бурбоны оставили почти все, что было при Наполеонѣ, забывъ, что между нимъ и ими была существенная разница. Наполеонъ владычествовалъ, несмотря на свое деспотическое правительство. Бурбоны могли утвердить свою власть только подъ условіемъ значительныхъ уступокъ тому, что придворная партія называла „революціею“.

Уступокъ этихъ не было. Народное представительство проводило время въ отчаянной борьбѣ противъ законовъ о печати, противъ непопулярнаго министерства, противъ разныхъ другихъ невыгодныхъ сторонъ правительства. Борьба эта не приносила никакихъ или почти никакихъ результатовъ. Констанъ ясно начиналъ видѣть, что „реальность“ легитимистическаго свойства мало чѣмъ отличается отъ „узурпатора“.

Узурпаторъ, между тѣмъ, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило во Франціи. Чрезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что въ случаѣ своего возвращенія въ отечество—онъ будетъ имѣть противъ себя развѣ только тѣ партіи, съ которыми Франція еще не примирилась и которыя, въ свою очередь, не хотѣли и не могли помириться съ Франціей. Сообразивъ все это, орелъ вылетѣлъ изъ острова Эльбы, прервавъ мирныя занятія Вѣнскаго конгресса и не мирныя упражненія французскихъ партій. Чрезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ Парижѣ. Смятеніе партій было велико. Особенно безпокоился Констанъ. Онъ зналъ по опыту, что значитъ имѣть Наполеона врагомъ, и понималъ, что послѣ памфлетовъ, въ родѣ вышеприведеннаго, ему нечего расчитывать на особенно пріятную участь. Поэтому онъ былъ очень радъ найти въ Парижѣ безопасное убѣжище, въ коемъ онъ могъ укрыться отъ своего грознаго врага. Страхъ публициста предъ императоромъ былъ тѣмъ сильнѣе, что

Констанъ, во время тревогъ „второго пришествія“ Наполеона, 19 марта 1815 г. напечаталъ въ *Journal des Débats* рѣзкую и рѣшительную статью въ защиту Бурбоновъ. Мы говорили о ней выше [1]). Кромѣ нападокъ на личность Наполеона и порицанія его политики, статья эта заключала въ себѣ положительное завѣреніе, что ея авторъ всегда будетъ упорнымъ врагомъ императора.

Опасенія эти были, впрочемъ, напрасны. Обстоятельства самого императора и общественное настроеніе Франціи значительно измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ Констанъ издалъ свой трактатъ объ узурпаціи, а Наполеонъ подписалъ первое отреченіе. Наполеонъ могъ возвратить себѣ престолъ, но не могъ возстановить имперіи. Первая и кратковременная реставрація Бурбоновъ оказала Франціи значительную услугу въ томъ отношеніи, что страна могла потребовать отъ Наполеона свободныхъ учрежденій—какъ условія его собственнаго существованія. Наполеонъ весьма хорошо понималъ, что французы могли ему сказать: Бурбоны, хотя навязанные намъ реакціей, дали намъ однако нѣкоторую свободу; не въ правѣ ли мы требовать ее отъ васъ—избранника народа? Можетъ быть, отправляясь съ острова Эльбы, Наполеонъ еще не ясно сознавалъ все это; можетъ быть, онъ надѣялся, что Франція, возмущенная вооруженнымъ вмѣшательствомъ иностранныхъ державъ и презиравшая смѣшныхъ Бурбоновъ, охотно приметъ своего знаменитаго повелителя безъ всякихъ условій. Но по пріѣздѣ въ Парижъ онъ ясно сознаалъ—и при своемъ практическомъ геніи не могъ не сознать настоятельной необходимости „передѣлать конституцію“. Говорятъ, будто суровый завоеватель говорилъ, что если бы онъ зналъ—цѣною какихъ уступокъ придется ему купить престолъ, онъ никогда не оставилъ бы Эльбы. Но дѣлать было нечего. Нужно было писать конституцію и писать ее скоро, ибо внѣшнія обстоятельства не оставляли много времени на размышленіе. Притомъ нужно было придать этой конституціи характеръ добровольной и личной уступки со стороны императора, и на основаніи всего этого нужно было лично и съ небольшимъ количествомъ помощниковъ работать надъ конституціею. Къ кому обратиться?

Въ это время Наполеонъ узналъ, что въ Парижѣ находится Констанъ — это „самое блестящее перо конституціонной школы“. Императоръ весьма обрадовался этому обстоятельству — обрадовался до такой степени, что г. Себастьяни, доложившій ему объ этомъ, въ первую минуту подумалъ, что Наполеонъ желаетъ отмстить своему старому врагу. Ah, vous le tenez! воскликнулъ государь. Но радость императора происходила изъ болѣе чистаго источника. Констанъ

---

[1]) См. II главу.

нуженъ былъ ему для конституціи. Онъ приказалъ Себастьяни пригласить къ себѣ знаменитаго публициста.

При такихъ-то обстоятельствахъ бывшій трибунъ увидѣлся съ бывшимъ императоромъ! Исторія и самъ Констанъ въ своихъ мемуарахъ сохранили намъ подробности этого замѣчательнаго свиданія. Императоръ не сказалъ Констану ни слова о прошедшемъ. Для обоихъ собесѣдниковъ нужно было только будущее. Наполеонъ прямо приступилъ къ дѣлу и изложилъ Констану всѣ свои планы и взгляды. Констанъ предъявилъ ему свои требованія. Императоръ охотно уступилъ ему во всемъ. Принципъ народнаго самодержавія, право непосредственнаго выбора представителей (вмѣсто прежняго облеченія довѣріемъ кандидатовъ на представителей), свобода печати и всѣ другіе виды свободы—во всемъ этомъ собесѣдники согласились тотчасъ. Въ одномъ только пунктѣ произошло значительное разногласіе. Констанъ настаивалъ на введеніи палаты перовъ. Наполеонъ не возражалъ противъ принципа этого учрежденія. Аристократія, сказалъ онъ, нужна и нужна именно въ свободномъ государствѣ, гдѣ демократія всегда имѣетъ преобладающее вліяніе. Правительство, которое пробуетъ двигаться въ одномъ элементѣ, подобно воздушному шару, увлекаемому по направленіямъ вѣтра. Напротивъ, правительство, поставленное между двумя элементами, можетъ по своему усмотрѣнію пользоваться то тѣмъ, то другимъ и никогда не будетъ порабощено. Но затѣмъ императоръ предложилъ своему собесѣднику самый простой вопросъ — откуда набрать эту палату перовъ? Гдѣ элементы французской аристократіи? Старая аристократія? Но развѣ она захочетъ служить Наполеону? Новая? Но развѣ ее можно назвать аристократіей? Впрочемъ, впослѣдствіи Констану удалось убѣдить Наполеона и въ этомъ отношеніи. Наполеонъ согласился еще потому, что зналъ французскую аристократію, и помнилъ, какъ она наполняла переднія бывшаго властителя Франціи; тѣмъ охотнѣе, казалось, наполнитъ она палату перовъ, которая— все-таки не передняя.

Результатомъ этихъ разговоровъ было полное очарованіе Констана личностью императора. Онъ согласился принять мѣсто въ его государственномъ совѣтѣ и усердно работалъ надъ проектомъ новой конституціи. Работа шла тѣмъ успѣшнѣе—что его конституціонная теорія была совершенно готова и выражена имъ въ комментаріяхъ на конституцію Людовика XVIII. Въ учрежденіяхъ нечего было мѣнять. Стоило только въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, вмѣсто слова „король“, поставить „императоръ“. Конституція, наконецъ, была издана подъ именемъ „Дополнительнаго акта къ конституціямъ имперіи (Acte additionnel aux constitutions de l'Empire), 23 апрѣля 1815 г.“. Въ

предисловіи къ этому акту, написанномъ Констаномъ, говорится, что новая конституція имѣетъ цѣлью освятить права гражданъ—введеніемъ представительной системы въ самомъ широкомъ объемѣ и сочетаніемъ политической свободы съ силою власти, необходимою для обезпеченія со стороны иностранцевъ независимости французскаго народа и достоинства короны.

Конституція, дававшая такія блага народу и коронѣ, состояла, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ. Императору вручалась исполнительная власть. Законодательную онъ раздѣлялъ съ двумя палатами. Первая палата состояла изъ наслѣдственныхъ перовъ, назначенныхъ императоромъ. Число ихъ было неограниченно. Палата представителей составлялась изъ 629 членовъ, по непосредственному выбору (на 5 лѣтъ) департаментскихъ и окружныхъ избирателей. Нижняя палата выбирала своего предсѣдателя съ утвержденія императора. Палата перовъ была высшимъ судилищемъ въ имперіи, по отношенію къ министрамъ и другимъ государственнымъ сановникамъ. Нижняя палата имѣла особыя привилегіи относительно бюджета, вотировавшагося каждый годъ. Иниціатива закона принадлежала какъ коронѣ, такъ и членамъ палатъ. Министры объявлены отвѣтственными, судьи — не смѣняемыми. Личная и политическая свобода гражданъ обезпечена вполнѣ. Словомъ, „дополнительный актъ“ является не только конституціею, но и конституціонною теоріею, и главнымъ образомъ — теоріею Констана. Знаменитый составитель конституціи выразилъ свои убѣжденія не только въ этомъ актѣ, но и въ особомъ трактатѣ *О принципахъ политики*, изданномъ имъ въ маѣ 1815 г. [1]). Эту полную конституціонную теорію Констана въ связи съ его трудомъ о конституціи Людовика XVIII мы разсмотримъ ниже.

Къ величайшему удивленію, дополнительный актъ произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе на общество. Республиканцы возстали противъ монархической конституціи съ палатою перовъ; аристократія вопіяла противъ нарушенія принциповъ легитимизма, о которомъ такъ хорошо говорилъ Таллейранъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Горячіе либералы возстали противъ наслѣдственной аристократіи. Всѣ вознегодовали на то, что императоръ издалъ новую конституцію тѣмъ же порядкомъ, какимъ издавались прежде его многочисленныя дополненія къ конституціямъ имперіи. Правда, „Дополнительный актъ“ былъ напечатанъ въ *Монитерѣ* въ качествѣ проекта конституціи. Правительство представило его на народное утвержденіе, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Но что такое всеобщая по-

---

[1]) *Principes de Politique, applicables à tous les gouvernements représentatifs* etc., par B. Constant, conseiller d'Etat. Paris. 1815.

дача голосовъ? Граждане прибудутъ въ меріи, къ мировымъ судьямъ и т. д. и на спискахъ напишутъ простое *да* или *нѣтъ*! Имъ дается готовый проектъ закона, написанный 2—3 лицами, не обсужденный въ учредительномъ или иномъ какомъ-нибудь собраніи. Проектъ этотъ не есть результатъ всеобщаго сознанія представителей націи, а продуктъ субъективнаго возрѣнія императора и его помощника!

Былъ ли доволенъ самъ Наполеонъ? Трудно дать на это положительный отвѣтъ. Но не надо обладать особеннымъ знаніемъ человѣческаго сердца, чтобы сказать, что люди вообще не любятъ уступокъ. Особенно же не любилъ ихъ Наполеонъ. Ему ли, еще недавнему властителю Европы, брать политическіе уроки у простого публициста? Сдержанная горечь Наполеона прорвалась однажды весьма сильно и наглядно. Въ засѣданіи государственнаго совѣта, гдѣ въ послѣдній разъ обсуждалась конституція, члены его начали настаивать на внесеніи въ дополнительный актъ статьи, уничтожавшей право конфискаціи имущества политическихъ преступниковъ. Статья эта,—говорили императору,—есть даже въ хартіи Бурбоновъ. Императоръ не соглашался (и не согласился). Совѣтники настаивали; особенно сильно говорилъ Б. Констанъ. Наполеонъ вышелъ изъ себя. Грозно возстала предъ совѣтниками фигура раздраженнаго повелителя. „Вы толкаете меня на дорогу, по которой я никогда не шелъ. Общественное мнѣніе портится съ каждымъ днемъ. Франція, настоящая Франція (т.-е. не вы, гг. совѣтники) ищетъ старой руки императора—и не находитъ ея. Вы предаете меня безоружнаго всѣмъ факціямъ; народъ и армія не любятъ эмигрантовъ; они вознегодуютъ на меня за снисхожденіе къ нимъ и никогда не простятъ мнѣ, если я оставлю въ ихъ рукахъ средства поддерживать коалицію. Конфискація — мѣра, немножко выходящая изъ привычекъ либеральнаго правительства; но обстоятельства Франціи не позволяютъ слишкомъ много либеральничать. Вы хотите сдѣлать изъ меня ангела, но я не ангелъ и никому не позволю нападать на меня безнаказанно!..“ Вообще можно съ большимъ основаніемъ сказать, что Наполеонъ искалъ въ новой конституціи вовсе не того, что видѣлъ въ ней кружокъ Б. Констана, т.-е. не средствъ „утвердить свободу“. Онъ видѣлъ въ ней (и ошибочно) средство привлечь на свою сторону общественное мнѣніе,—опираясь на него, отразить союзниковъ, утвердить свою власть, а тамъ... Будущее темно, и онъ самъ сказалъ, что онъ не ангелъ.

Вполнѣ удовлетворились новою конституціею только старые либералы — приверженцы англійской свободы и, разумѣется, Б. Констанъ, какъ ея авторъ.

Къ сожалѣнію, радость эта была весьма непродолжительна. Ва-

терлоо покончило и съ имперіею, и съ новою конституціею. Побѣдоносные Бурбоны возвращались во Францію. Констану, государственному совѣтнику и составителю конституціи Наполеона, нужно было серьезно подумать о своей участи. Трудно было, чтобы Людовикъ XVIII призвалъ его для совѣщаній о новой конституціи. Констанъ рѣшился бѣжать и дѣйствительно бѣжалъ въ Англію. Оригинальное стеченіе обстоятельствъ: публицистъ, *пятнадцать лѣтъ* враждовавшій противъ Наполеона, теперь бѣжитъ въ Англію изъ-за этого самаго „узурпатора"! Впрочемъ, въ 1816 г. онъ воспользовался амнистіею, объявленною французскимъ правительствомъ, и возвратился въ отечество для новой и блестящей дѣятельности.

По „Дополнительному акту" можно судить, какъ видоизмѣнились политическія убѣжденія Констана. Онъ началъ съ республиканскихъ теорій, требовалъ только представительной республики для ограниченія принципа чистой демократіи. Ему одинаково ненавистны были террористы, аристократы и роялизмъ. Онъ мечталъ о сильной республиканской власти, стоящей подобно гранитной скалѣ среди всѣхъ реакціонныхъ и революціонныхъ партій. Директорія не сдѣлалась такою властью, вывѣтренный конституціонализмъ Сіейеса не могъ ея создать, Наполеонъ ее создалъ. Всѣ партіи сложили свое оружіе къ подножію курульнаго стула перваго консула. Имперія закончила революцію. Но эта сильная власть не удовлетворила главной, по мнѣнію Констана, цѣли государства — свободѣ гражданъ. Первый консулъ превратился въ „узурпатора".

Тогда теорія Констана получила новое развитіе. Онъ долженъ былъ окончательно отказаться отъ республиканской теоріи, какъ наилучшей формы государственнаго устройства. Колебанія Франціи отъ деспотизма конвента къ деспотизму Наполеона заставили Констана искать разрѣшенія государственныхъ вопросовъ не въ той или другой формѣ правленія, *а въ опредѣленіи границъ государственной власти во всякой формѣ правленія.* Опредѣлить границы государственной власти, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, посредствомъ принципа личной свободы—такова цѣль послѣдующихъ трудовъ Констана, прославившихъ его имя. Народное представительство и раздѣленіе властей—таково политическое средство, рекомендуемое имъ для всѣхъ государствъ, желающихъ быть свободными. Замѣчательно, что направленіе, которому теперь слѣдовалъ Констанъ, было направленіемъ общимъ для многихъ великихъ умовъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Такъ, напримѣръ, смотрѣлъ на политику и знаменитый Вильгельмъ Гумбольдтъ; подобно Констану, онъ видѣлъ

развитіе революціонныхъ идей и слѣдилъ за нимъ съ любопытствомъ. Подобно Констану (и раньше его) онъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій во Франціи, пришелъ къ убѣжденію, что свобода достигается путемъ опредѣленія границъ государственной власти вѣрнѣе и лучше, чѣмъ посредствомъ простого перемѣщенія власти изъ однѣхъ рукъ въ другія [1]). Гумбольдтъ идетъ даже дальше Констана. Отмежевавъ государство отъ личности, онъ не даетъ себѣ даже труда говорить объ организаціи государства [2]) и затѣмъ утверждаетъ, что эта организація есть дѣло историческихъ условій и складывается подъ вліяніемъ постепеннаго развитія извѣстнаго народа [3]). Но Констанъ остался вѣренъ конституціонному знамени. Если свобода не воплощалась для него въ народномъ представительствѣ, то послѣднее, по крайней мѣрѣ, служило въ его глазахъ самою надежною ея гарантіею. Принципъ представительства избавлялъ страну отъ непосредственной демократіи и демагогіи, предохранялъ ее отъ деспотизма; давая широкій просторъ мнѣніямъ, устранялъ всѣ попытки реакціи. Такъ, подъ гнетомъ террора и деспотизма и страхомъ предъ реакціею сложилась конституціонная теорія Констана, или его система „ограниченія принциповъ".

Послѣдній періодъ его жизни былъ посвященъ всестороннему развитію этихъ началъ въ сочиненіяхъ и рѣчахъ.

VII.

Констанъ бѣжалъ въ Англію съ готовою конституціонною теоріею и возвратился съ нею во Францію, быть можетъ, еще болѣе утвержденный въ своихъ началахъ новымъ посѣщеніемъ „классической страны конституціонализма". Предъ отъѣздомъ изъ Франціи онъ написалъ комментаріи къ „Дополнительному акту", въ формѣ систематическаго изложенія началъ конституціонной политики; еще раньше онъ написалъ такіе же комментаріи къ королевской хартіи 1814 года [4]), съ планомъ конституціи. Это его главнѣйшіе политическіе труды, къ которымъ примыкаютъ мелкія изслѣдованія по разнымъ вопросамъ, какъ, напр., объ отвѣтственности министровъ (*De la responsabilité des ministres*, 1-е изд. 1815 г., 2-е—1818 г.), о свободѣ

---

[1]) См. его классическое сочиненіе *Ideen zu einem Versuche die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*; написано въ 1791 г., оставалось въ рукописи до 1851 г.

[2]) См. ib., гл. XV.

[3]) Ib., гл. XVI.

[4]) *Réflexions sur les constitutions et les garanties, publiées le 24 mai 1814, avec une esquisse de constitution*, par B. Constant. Paris, 1814.

брошюръ, памфлетовъ и журналовъ (*De la liberté des brochures* etc. 1-е и 2-е изд. 1814 г., 3-е—1818 г.), о политическомъ ученіи, могущемъ соединить всѣ партіи во Франціи (*De la doctrine politique, qui peut réunir les partis en France*, 1-е и 2-е изд. 1816 г., 3-е—1819 г.). Затѣмъ ему приходилось нерѣдко высказываться по поводу разныхъ политическихъ событій. Такъ появились: его письмо къ Одиллону-Барро по поводу извѣстнаго процесса Вильфрида Реньо (Парижъ, 1818 г.), о мотивахъ новаго закона о выборахъ (1820 г.), нѣсколько писемъ къ избирателямъ и т. д. Ему принадлежитъ, далѣе, много передовыхъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, какъ-то: въ *Revue de Paris*, *La Renommée*, *Le Courrier*, въ *Минервѣ*, *Меркуріи*, *Le Temps* и т. д.; онъ читалъ публичныя лекціи въ королевскомъ Атенеѣ, гдѣ, напр., прочитана имъ рѣчь о свободѣ у древнихъ и у новыхъ народовъ. Наконецъ, въ 1819 г., въ министерство Виллеля онъ былъ избранъ депутатомъ въ палату и отличался, какъ дѣятельный членъ оппозиціи. Изъ этого видно, что онъ обладалъ обширнымъ поприщемъ для политической пропаганды и, должно сознаться, дѣйствовалъ на немъ неутомимо. Дѣятельность его замѣчательна тѣмъ болѣе, что въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни, онъ почти ни на шагъ не отступилъ отъ принциповъ той теоріи, которая была имъ выработана подъ вліяніемъ многихъ политическихъ бурь и переворотовъ. Начиная съ 1816 г., когда онъ возвратился во Францію, до 8 декабря 1830 г., когда друзья проводили его тѣло въ могилу, онъ остался вѣренъ теоріи, которую въ 1814 году онъ привезъ во Францію, въ 1815 увезъ въ Англію, и затѣмъ снова привезъ въ свое отечество.

Общую идею этой теоріи можно выразить слѣдующею краткою формулой: цѣль государства есть свобода личности; средствомъ для достиженія этой цѣли являются конституціонныя гарантіи.

Итакъ, идея личной свободы есть высшій принципъ и главная (если не единственная) основа его ученія. Конституція есть только послѣдствіе этого принципа. Что же такое личная свобода?

Прочитывая многочисленные трактаты Констана, читатель невольно пораженъ слѣдующимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ: авторъ весьма много говоритъ о гарантіяхъ свободы и весьма мало о самой свободѣ; нерѣдко онъ отожествляетъ свободу съ ея гарантіями.

Изложимъ здѣсь теорію Констана. Прежде всего,—въ чемъ состоятъ личныя права, т.-е. гражданская свобода людей (въ отличіе отъ свободы политической)? Къ личнымъ правамъ, по его мнѣнію, относятся слѣдующія права, которыми каждый гражданинъ пользуется независимо отъ всякой власти [1]):

---

[1]) *Cours de Politique*, t. I, p. 254.

1) Личная свобода, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которую вѣрнѣе можно назвать личною безопасностью.

2) Право судиться передъ присяжными.

3) Религiозная свобода.

4) Свобода промышленная.

5) Неприкосновенность собственности.

6) Свобода печати.

Подъ именемъ свободы личности Констанъ разумѣетъ право не быть заключеннымъ въ тюрьму, сосланнымъ, арестованнымъ иначе— какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Свобода личности есть, слѣдовательно, обезпеченіе гражданина отъ правительственнаго произвола. На это прямо указываетъ XVIII глава его *Principes de Politique* [1]). Здѣсь, вмѣсто опредѣленія принципа личной свободы, идетъ разсужденіе о вредѣ произвола и о гарантіяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго обезпеченія свободы. Въ строго юридическомъ отношеніи Констанъ совершенно правъ. Въ сферѣ права самое лучшее опредѣленіе личной свободы есть ея неопредѣленіе. Свобода, какъ равная для всѣхъ возможность дѣятельности, не регламентируется. Когда законъ объявилъ, что правительство не будетъ по своему усмотрѣнію лишать людей свободы, ссылать ихъ безъ суда и слѣдствія, — закону больше дѣлать нечего. Тогда каждый гражданинъ можетъ быть увѣренъ, что если онъ не совершилъ преступленія, предусмотрѣннаго закономъ, онъ никогда не попадетъ ни въ тюрьму, ни въ ссылку. Но какая свобода обезпечивается правомъ незаключенія въ тюрьму? Когда мы называемъ гражданина свободнымъ, это значитъ, что ему принадлежитъ право развивать свои способности и достигать различныхъ цѣлей своего существованія, какъ онъ ихъ понимаетъ. Для этого ему мало быть увѣреннымъ, что рука правительства никогда его не коснется, если онъ не совершитъ никакого противозаконнаго акта. Да, если онъ не совершитъ никакого противозаконнаго акта. Слѣдовательно, *безусловно* гарантируется только свобода человѣческой личности, пока она не проявится въ какой-нибудь положительной дѣятельности, т.-е. въ сущности свобода бездѣйствія или, maximum, равная для всѣхъ возможность пріобрѣтенія правъ. Но какъ только человѣческая мысль и воля выразились въ печати, въ религіи или промышленности, она сталкивается съ рядомъ запретительныхъ законовъ, ограничивающихъ ея дѣйствія. Другими словами, если мы не дадимъ свободѣ никакого реальнаго содержанія, она будетъ неограниченна; если мы составимъ это понятіе изъ дѣйствительныхъ правъ, оно всегда будетъ ограниченно.

[1]) Ib., p. 145—152.

Вотъ почему Констанъ стремился впослѣдствіи идею этой свободы, опредѣленной правомъ незаключенія въ тюрьму по произволу, восполнить болѣе дѣйствительными, практическими признаками [1]).

Констанъ довелъ результаты своего принципа до конца. Общимъ принципомъ его политической теоріи постоянно остается личная свобода. Все остальное является только гарантіею этого начала. Это обстоятельство должно было привести къ оригинальному взгляду на общественныя установленія, на дѣятельность лица въ обществѣ и на всѣ элементы общественной жизни.

Такъ, напр., Констанъ разсматриваетъ институтъ присяжныхъ не столько съ судебной, сколько съ индивидуально-общественной точки зрѣнія, и прямо помѣщаетъ его въ число *правъ личности*. Вообще можно сказать, что Констанъ какъ будто оставляетъ въ сторонѣ общественное значеніе личной дѣятельности и, вслѣдствіе этого, многіе элементы общественной жизни низводитъ на степень фактовъ индивидуальныхъ.

Таковъ же его взглядъ на религію. Онъ не видитъ въ ней основы общественнаго порядка; ея вліяніе на развитіе человѣческихъ обществъ ему какъ-будто неизвѣстно. Для него религія—есть одинъ изъ видовъ проявленія свободной человѣческой личности, которому государство ни въ какомъ случаѣ не должно препятствовать. То же самое, и даже въ еще въ большей степени, говоритъ онъ относительно промышленности. Экономическая дѣятельность [2]), съ его точки зрѣнія, есть также только одна изъ формъ проявленія индивидуальной свободы во внѣшнемъ мірѣ. Вотъ съ чего онъ начинаетъ свое изслѣдованіе.

Общество, говоритъ онъ, не имѣетъ другихъ правъ надъ недѣлимыми, кромѣ права препятствовать имъ вредить другъ другу. Тѣ же права имѣетъ власть и относительно экономической дѣятельности. Экономическая же дѣятельность одного человѣка не можетъ вредить дѣятельности другого, пока онъ не требуетъ въ свою пользу помощи, чуждой экономическому міру. Пока промышленность держится на началахъ свободной конкуренціи, правительство не должно въ нее вторгаться. Констанъ не допускаетъ не только промышленныхъ привилегій и монополій, но даже поощренія, которое правительство могло бы оказывать разнымъ отраслямъ промышленности, восполняя тѣмъ недостатокъ частной предпріимчивости. Констанъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи выводамъ крайней экономической школы, начала которой могутъ быть резюмированы такъ: пусть лучше въ обществен-

---

[1]) Здѣсь во 2-мъ изд. этой статьи обширный пропускъ, восполняемый 1-мъ изданіемъ. См. Приложеніе. *Ред.*

[2]) *Cours*, t. I, p. 356 и слѣд.

ной экономіи не будетъ никакого прогресса, если эти улучшенія не могутъ быть достигнуты усиліями частныхъ лицъ.

Общимъ выводомъ ученія Констана о личной свободѣ можетъ быть признано слѣдующее положеніе: невмѣшательство власти въ сферу экономической, религіозной и умственной жизни обусловливается не только тѣмъ, что личность должна пользоваться извѣстными правами, необходимыми для ея свободнаго развитія, но и тѣмъ, что всѣ вышеозначенныя сферы *суть произведенія исключительно личной свободы*[1]).

Констанъ обходитъ общественную сторону экономическихъ и религіозныхъ явленій и беретъ ихъ какъ простые факты индивидуальной жизни, въ которой всѣ вопросы могутъ быть разрѣшены началомъ правомѣрнаго сосуществованія недѣлимыхъ, т.-е. равною для всѣхъ гарантіею личной свободы.

Установить эти гарантіи есть задача и единственная цѣль законоположеній и общественной власти.

Организація этой общественной власти покоится, въ ученіи Констана, на общемъ принципѣ его политической философіи—на принципѣ сосуществованія и равновѣсія. Если личная свобода, по мнѣнію Констана, обусловливается равновѣсіемъ свободы всѣхъ недѣлимыхъ, то правильная организація власти обусловливается раздѣленіемъ и равновѣсіемъ государственныхъ властей.

Итакъ, и въ индивидуальной и въ политической сферѣ мы встрѣчаемся съ одними и тѣми же условіями—съ равновѣсіемъ и гарантіями этого равновѣсія. Но между этими различными *видами равновѣсія* необходимо установить іерархическое различіе. Принципъ равновѣсія въ мірѣ политическомъ, т.-е., главнымъ образомъ, равновѣсіе властей есть послѣдствіе общаго, верховнаго принципа равновѣсія въ сферѣ дѣятельности индивидуальной. Первое устанавливается въ виду послѣдняго, которое является единственною цѣлью политической организаціи. Если же принципъ политической организаціи есть такъ-сказать принципъ производный, зависящій отъ идеи личной свободы, какъ высшаго начала политической жизни, то и самая сфера дѣятельности и объемъ политической власти зависятъ отъ этого же начала. Цѣль политической организаціи—личная свобода; организація эта не должна противорѣчить личной свободѣ; степень власти соразмѣряется съ потребностями личной свободы. Этими общими положеніями сами собой опредѣляются всѣ пріемы политическаго изслѣдованія Констана. Опредѣлить или, вѣрнѣе, ограничить степень и объемъ политической власти идеею личной свободы; организовать власть въ виду потребностей этой свободы—такова задача политиче-

---

[1]) Здѣсь во 2-мъ изд. опять пропускъ. См. Приложеніе. *Ред.*

ской теоріи Констана, къ изложенію которой мы теперь и приступимъ.

Прежде всего необходимо опредѣлить границы государственной власти. Констану для этой цѣли незачѣмъ было останавливаться на власти правительства, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Правительство (le gouvernement) въ конституціонномъ государствѣ всегда болѣе или менѣе ограничено законами, основными и органическими, правами гражданъ, формами судопроизводства и т. д. Поэтому и авторъ „принциповъ политики" могъ говорить только о властяхъ ограниченныхъ. Онъ комментировалъ конституцію 1814 г., дополнительный актъ къ конституціямъ имперіи, т.-е. такіе акты, которые не имѣли ничего общаго съ правительственнымъ абсолютизмомъ стараго и новаго времени. Констану нечего было поражать королевскій абсолютизмъ стараго порядка; Бурбоны отказались отъ него, возвращаясь во Францію. Революціонный абсолютизмъ Наполеона также погибъ—дополнительный актъ служилъ тому яснымъ доказательствомъ. Правительство опредѣлило себя какъ совокупность учрежденій, дѣйствующихъ или во имя народа, или въ предѣлахъ, ограниченныхъ правами народа. Единственнымъ верховнымъ источникомъ власти считалось теперь право народа. Съ этимъ-то политическимъ элементомъ и приходилось считаться Констану. Правительство дѣйствуетъ во имя народа; этотъ принципъ, говоритъ онъ, полезенъ для ограниченія власти правительства, но не обезпечиваетъ самъ по себѣ личной свободы. Нужно еще опредѣлить, какія права имѣетъ самъ народъ, какъ источникъ политической власти,—въ чемъ заключаются права народнаго суверенитета,—какое полномочіе можетъ онъ дать своему правительству. Если права народа (или общества) надъ отдѣльною личностью неограниченны,—если въ системѣ народнаго представительства онъ можетъ передать представителямъ власти это неограниченное право надъ личностью, начало личной свободы отъ этого не укрѣпится. Исторія знаетъ примѣры необузданнаго деспотизма, основаннаго на волѣ народа. Во имя правъ народа и народнаго блага можно казнить людей сотнями, конфисковать ихъ имущество, ссылать ихъ цѣлыми кораблями, какъ это дѣлали террористы и директорія. Не забудемъ, что и военный деспотизмъ Наполеона въ своей основѣ имѣлъ также народную делегацію. Вслѣдствіе этого Констанъ и начинаетъ свои „принципы политики" съ опредѣленія границъ народнаго суверенитета [1]).

„Дополнительный актъ", говоритъ онъ, признаетъ начало народнаго суверенитета, т.-е. верховность общей воли надъ волею всѣхъ

---

[1]) *Cours*, t. I, p. 1 и слѣд. Сравни также ib., p. 273—285.

недѣлимыхъ. Этотъ принципъ совершенно необходимъ въ конституціонномъ государствѣ. Мало того: онъ фактически примѣняется въ каждой государственной формѣ. Теократія, королевская власть, аристократія, когда онѣ господствуютъ надъ умами,—суть общая воля. Если онѣ потеряли господство надъ умами — онѣ суть просто сила. Въ первомъ случаѣ онѣ законны, во второмъ — незаконны. Но признаніе этого принципа въ политикѣ ведетъ къ необходимости опредѣлить природу и объемъ народнаго суверенитета. Безъ точнаго и яснаго его опредѣленія, побѣда теоріи сдѣлалась бы бѣдствіемъ въ практическомъ ея примѣненіи. Абстрактное признаніе народнаго суверенитета не увеличило бы свободы недѣлимыхъ; если бы этому суверенитету былъ приписанъ несоотвѣтствующій объемъ, свобода погибла бы, несмотря на этотъ принципъ, и даже вслѣдствіе его.

Эта предосторожность тѣмъ болѣе необходима, что политическія партіи, какъ бы ни были чисты ихъ намѣренія, отказываются всегда отъ ограниченія суверенитета. Онѣ смотрятъ на себя, какъ на законныхъ наслѣдниковъ суверенитета, и щадятъ, даже въ рукахъ враговъ, свою будущую собственность. Онѣ не любятъ той или другой формы правленія, того или другого правительственнаго класса; но позвольте имъ организовать власть по-своему, поручить ее своимъ представителямъ, и онѣ сочтутъ себя въ правѣ дать ей самые широкіе размѣры.

Когда мы утверждаемъ, продолжаетъ Констанъ, что власть народа неограниченна, мы создаемъ въ человѣческомъ обществѣ и оставляемъ на волю случая—власть саму по себѣ слишкомъ обширную и вредную, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Дайте ее одному, нѣсколькимъ, всѣмъ,—результаты будутъ одинаково дурны. Вы будете обвинять за этотъ произволъ представителей власти, будете нападать, смотря по обстоятельствамъ, на монархію, аристократію, демократію, смѣшанное правленіе, представительную систему. Вы будете неправы; должно обвинять степень власти, а не ея обладателей,—орудіе, а не руку, имъ владѣющую. Исторія представляетъ много примѣровъ деспотической власти, сосредоточенной въ немногихъ рукахъ; власть эта причиняла много зла; зло вызвало реакцію, но реакція направлялась противъ представителей власти, а не противъ самой власти. Вмѣсто того, чтобы ограничить власть, ее перемѣщали изъ однѣхъ рукъ въ другія [1]). Лицамъ этимъ казалось, что они одержали великую побѣду; въ сущности они привели къ новому бѣдствію. Констанъ обвиняетъ Руссо за то, что онъ пустилъ въ ходъ эту теорію. Возражая въ 1820 г. противъ министра иностран-

---

[1]) Констанъ намекаетъ здѣсь на революцію и теорію Руссо.

ныхъ дѣлъ, предлагавшаго какую-то деспотическую мѣру и призывавшаго въ свое оправданіе авторитетъ Руссо, Констанъ говоритъ: „всякая мѣра, имѣвшая въ виду ограниченіе свободы, опиралась на авторитетъ Руссо: несмотря на его любовь къ свободѣ, его сочиненія цитируются всѣми защитниками деспотизма. Руссо служилъ предлогомъ для деспотизма потому, что онъ имѣлъ чувство свободы, но не ея теоріи". Мы видѣли выше, вслѣдствіе какихъ соображеній Руссо присталъ къ своему государственному идеалу, и какое вліяніе этотъ идеалъ имѣлъ на систему террористовъ. Констанъ въ первыхъ же своихъ памфлетахъ [1]) возставалъ противъ абсолютнаго примѣненія принципа народнаго суверенитета, требовалъ ограниченія его посредствомъ „принциповъ". Тогда „принципы" играли въ его твореніяхъ довольно отвлеченную роль; теперь они приняли ясный и опредѣленный образъ—правъ личной свободы. Права личности суть основаніе самой справедливости; поэтому права личности предшествуютъ правамъ общества.

Поэтому ограниченіе правъ народнаго суверенитета совершенно необходимо. Ограниченіе это необходимо въ интересахъ личной свободы и въ силу началъ справедливости. Прежде всего ограниченіе правъ народнаго суверенитета основано на томъ, что *личность вступаетъ въ общество съ извѣстными правами, которыми она пользуется независимо отъ общественнаго авторитета.* Есть сфера личной дѣятельности, куда не можетъ вторгаться самое необузданное народное самодержавіе; есть дѣянія, которыя не могутъ быть оправданы никакими соображеніями государственной пользы. „Народъ не имѣетъ права казнить невиннаго, ни обращаться какъ съ виновнымъ—ни съ однимъ не осужденнымъ гражданиномъ. Посему народъ не можетъ предоставить этого права ни одному изъ своихъ представителей. Народъ не имѣетъ права посягать на свободу мнѣній, на религіозную свободу, на судебныя гарантіи,—и ни одинъ деспотъ и никакое собраніе не могутъ дѣлать этого, ссылаясь на народное полномочіе. Итакъ, каждый деспотизмъ незаконенъ: ничто не можетъ санкціонировать его, даже народная воля".

Но провозгласить ограниченіе народнаго суверенитета въ принципѣ еще недостаточно. Необходимо еще обезпечить эти ограниченія прочными гарантіями личной свободы. Гарантій этихъ Констанъ ищетъ въ организаціи государственной власти. „Ограниченіе народнаго суверенитета, говоритъ онъ, дѣйствительно и возможно. Онъ будетъ гарантированъ, во-первыхъ, силою, обезпечивающею всѣ истины, признанныя общественнымъ мнѣніемъ, во-вторыхъ, болѣе

---

[1]) См. выше II главу.

положительнымъ образомъ, посредствомъ раздѣленія и равновѣсія государственныхъ властей“ [1]).

Въ этомъ стремленіи нельзя не видѣть ключа ко всей государственной теоріи Констана. Вся его теорія государственныхъ властей останется непонятною, если мы не будемъ постоянно имѣть въ виду этой господствующей идеи всей его философіи.

Первымъ результатомъ этой философіи была теорія раздѣленія властей, которую Констанъ заимствовалъ отчасти у Монтескьё, отчасти у одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей революціи—Клермонъ-Тоннера [2]). Онъ прибавилъ къ ней и свои оригинальныя черты, рѣзко отличающія его отъ представителей абстрактной конституціонной теоріи. Отъ Монтескьё онъ отличается тѣмъ, что требуетъ осуществленія не только идеи раздѣленія властей, отвлеченной Монтескьё отъ англійскихъ учрежденій, но осуществленія ея въ формѣ англійскихъ учрежденій, которыя, по мнѣнію Констана, осуществляютъ эту идею вполнѣ. Вотъ почему въ сочиненіяхъ послѣдняго мы не видимъ своеобразныхъ политическихъ комбинацій Сійеса, у котораго отвлеченная идея раздѣленія властей приняла форму, мало напоминавшую англійскія учрежденія. У Констана мы не видимъ стремленія разрѣшить всѣ государственные вопросы путемъ чисто механическихъ комбинацій. Онъ не старается создать искусственныхъ тѣлъ въ родѣ трибуната, сената и т. д., представляющихъ отвлеченныя понятія. Напротивъ, вездѣ у него замѣчается стремленіе дать государственнымъ властямъ реальное содержаніе, чтобы онѣ представляли дѣйствительный общественный интересъ, и сами были бы столько же частью государственнаго механизма, сколько дѣйствительною общественною силою. Это стремленіе естественно привело Констана къ необходимости основать государственныя учрежденія не на простой идеѣ поголовнаго народнаго суверенитета, не на безформенной массѣ гражданъ, какъ это дѣлали его предшественники, а на разныхъ общественныхъ силахъ, имѣющихъ *историческое* значеніе и происхожденіе. Въ этомъ отношеніи ученіе Констана составляетъ переходную ступень отъ школы абстрактныхъ конституціоналистовъ къ школѣ доктринеровъ, развившейся подъ вліяніемъ корифеевъ исторической науки во Франціи.

Болѣе всего оригинальныя воззрѣнія Констана отразились на его ученіи о королевской власти. Понятіе о королѣ, какъ объ особомъ элементѣ государственнаго устройства, совершенно исчезло подъ вліяніемъ революціи и прежнихъ конституціонныхъ теорій. Конститу-

---

[1]) *Cours*, t. I, p. 282.
[2]) Stanislas de Clermont-Tonnerre.

ціонная теорія 1791 г. по отношенію къ монархической власти имѣла одну цѣль—уничтожить ея исключительное, своеобразное положеніе въ ряду государственныхъ установленій и поставить ее на одну линію съ прочими государственными властями, дѣйствующими по народному порученію. Король въ конституціи 1791 г. является частью конституціоннаго механизма, основаннаго на отвлеченной идеѣ народнаго суверенитета. Разумѣется, объ историческомъ значеніи этого элемента не могло быть и рѣчи. „Король“ въ 1791 г. не напоминалъ ничего прошлаго; онъ превратился въ простой терминъ, который съ большимъ удобствомъ могъ быть замѣненъ какимъ угодно названіемъ. Конституція не признавала за королемъ никакого исключительнаго положенія — онъ былъ представителемъ исполнительной власти, т.-е. одной изъ властей, организованныхъ конституціею. Констанъ видитъ въ королевской власти много такого, чего не видѣли его предшественники. Во-первыхъ, онъ ставитъ королевскую власть отдѣльно отъ другихъ государственныхъ властей.

„До настоящаго времени, — говоритъ онъ [1]), — въ политическихъ организаціяхъ различали *три* рода властей. Я различаю въ конституціонномъ государствѣ *пять* властей, по существу своему различныхъ (de natures diverses), именно: 1) власть королевскую, 2) власть исполнительную, 3) постоянную представительную власть (de la durée), 4) власть, представляющую общественное мнѣніе, 5) судебную власть“.

Постоянная представительная власть сосредоточена въ наслѣдственномъ собраніи (т.-е. въ палатѣ перовъ), представительство мнѣнія ввѣряется избирательному собранію, исполнительная власть—министрамъ, судебная — трибуналамъ. Первыя двѣ власти (т.-е. два представительныхъ собранія) издаютъ законы, третья заботится объ ихъ исполненіи, четвертая прилагаетъ ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Королевская власть стоитъ посрединѣ, но *выше* всѣхъ остальныхъ; эта власть—вмѣстѣ посредствующая и верховная, не имѣющая надобности нарушать равновѣсіе властей, а напротивъ, прямо заинтересованная его сохраненіемъ.

Гдѣ же основанія этой власти? Въ чемъ состоитъ ея главная задача?

Для того, чтобы власть эта могла занимать такое верховное и нейтральное положеніе среди другихъ властей, ея права должны быть основаны не на идеѣ народнаго суверенитета и не на началахъ народнаго представительства, а на совершенно самостоятельныхъ основахъ. Констанъ не выяснилъ этихъ особыхъ основаній и принциповъ королевской власти, но по крайней мѣрѣ стремился къ этому.

---

[1]) *Cours*, t. I, p. 19.

„Различіе, установленное мною,—говоритъ онъ,—между исполнительною и королевскою властью, вызоветъ удивленіе. Это различіе, всегда игнорируемое, чрезвычайно важно. Оно, можетъ быть, *есть ключъ* къ каждой политической организаціи. Я не приписываю себѣ честь этого различенія; зародышъ его можно найти въ сочиненіяхъ весьма просвѣщеннаго человѣка, который погибъ во время нашихъ смутъ, подобно почти всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ“ [1]).

„Въ монархической власти, говоритъ Клермонъ-Тоннеръ, есть двѣ различныхъ власти: власть исполнительная, облеченная положительными прерогативами, и власть королевская, опирающаяся на воспоминанія и религіозныя преданія“.

Въ этихъ словахъ К. Тоннера нельзя не замѣтить нѣкоторой реакціи противъ отвлеченныхъ конституціонныхъ теорій, которыя видѣли въ королѣ только главу исполнительной власти. Онъ полагалъ, что въ королѣ есть что-то кромѣ „народной делегаціи“. За это онъ и поплатился 10 августа. Но чрезъ двадцать лѣтъ Констанъ воспользовался указаніемъ своего предшественника. Конституціонная монархія, говоритъ онъ, создала нейтральную власть въ лицѣ короля, окруженнаго *преданіями* и *воспоминаніями*, облеченнаго силою мнѣнія, на которомъ основано его политическое могущество. Когда Гизо въ своей исторіи французской цивилизаціи выяснилъ—какія *преданія* и *воспоминанія* связаны съ идеею королевской власти, теорія конституціоннаго монархизма была готова.

Итакъ, Констанъ требуетъ для короля верховнаго и независимаго положенія; требуетъ же онъ этого именно въ интересахъ дѣйствительнаго равновѣсія всѣхъ другихъ властей, которое безъ этого никогда не установится. Различныя конституціонныя власти, говоритъ онъ, власть судебная, исполнительная и законодательная—суть три пружины, долженствующія (каждая въ своей сферѣ) содѣйствовать общему движенію; но когда эти три двигателя разстроены, пришли въ столкновеніе, мѣшаютъ другъ другу, необходима новая сила, которая могла бы поставить ихъ на мѣсто. Эту силу нельзя помѣстить ни въ одну изъ названныхъ властей, ибо это приведетъ къ уничтоженію другихъ властей. Капитальный недостатокъ прежнихъ конституцій заключался именно въ томъ, что въ нихъ не было такой нейтральной власти, уравновѣшивающей всѣ другія. Сумма власти, которою долженъ бы быть облеченъ монархъ, сосредоточивалась въ рукахъ одной изъ трехъ государственныхъ властей. Иногда такое

[1]) Авторъ говоритъ о Клермонъ-Тоннерѣ. Онъ былъ дважды предсѣдателемъ учредительнаго собранія и погибъ въ 1792 г., 10 августа, во время ужаснаго возстанія, положившаго конецъ монархическому правленію во Франціи.

значеніе получала законодательная власть (долгій парламентъ въ Англіи, конвентъ во Франціи); иногда перевѣсъ переходилъ на сторону административной власти; въ обоихъ случаяхъ значеніе другихъ властей ослабѣвало, и деспотизмъ одной власти уничтожалъ всѣ гарантіи личной свободы. Напротивъ, въ настоящемъ конституціонномъ государствѣ (Констанъ указываетъ на Англію) равновѣсіе властей поддерживается значеніемъ короля. Каждая власть имѣетъ опредѣленное значеніе въ государственномъ управленіи; ни одинъ законъ не можетъ быть изданъ безъ участія двухъ палатъ; ни одно распоряженіе не можетъ быть исполнено безъ подписи министра; ни одинъ приговоръ не можетъ быть произнесенъ иначе—какъ независимымъ судомъ. Но разъ эти предосторожности приняты, посмотрите—какъ англійская конституція пользуется королевскою властью для прекращенія борьбы между властями и устраненія ихъ увлеченій. Если исполнительная власть грозитъ порядку, король увольняетъ министровъ. Если дѣятельность верхней палаты уклоняется отъ своего назначенія, король даетъ ей новое направленіе, назначая въ ея среду новыхъ перовъ; палата ли депутатовъ принимаетъ угрожающее положеніе, король пускаетъ въ дѣло свое veto или распускаетъ палату.

Такъ конституціонная монархія создаетъ эту нейтральную, уравновѣшивающую власть, столь необходимую для правильной свободы. Существованіе такой власти заставляетъ всѣ прочія держаться въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ. Этого мало: благодаря независимости и верховности короля, устанавливается настоящая самостоятельная и отвѣтственная исполнительная власть. Конституція, объявляя монарха неотвѣтственнымъ и министровъ—отвѣтственными, проводитъ *рѣзкую черту различія между властью монархическою и исполнительною* [1]). Отвѣтственность въ государственномъ правѣ всегда предполагаетъ самостоятельность въ той сферѣ дѣятельности, за которую лицо несетъ отвѣтственность; отвѣтственность исполнительной власти обусловливается тѣмъ, что ей отведена опредѣленная сфера дѣятельности, въ которой она дѣйствуетъ самостоятельно. Если бы министры были только пассивными органами, было бы нелѣпо и несправедливо обязывать ихъ отвѣтственностью предъ палатами.

Какова же сфера, въ которой министры дѣйствуютъ самостоятельно? Въ чемъ должна состоять отвѣтственность министровъ?

Намъ кажется, что на послѣдній вопросъ нельзя отвѣтить, не отвѣтивъ предварительно на первый. Отвѣтственность министровъ устанавливается въ виду ихъ дѣятельности, а не наоборотъ. Между

---

[1]) Подъ именемъ исполнительной власти Констанъ всегда разумѣетъ министровъ.

тѣмъ, Констанъ слѣдуетъ совершенно другому пути. Онъ выводитъ самостоятельность исполнительной власти изъ ея отвѣтственности. Вслѣдствіе этого въ его конституціонной теоріи нѣтъ ученія объ исполнительной власти во всемъ ея объемѣ. Ни принципъ, ни предметы дѣятельности исполнительной власти, ни значеніе ея въ ряду другихъ властей не выяснены авторомъ. Его исключительно занимаетъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что вообще ученіе объ исполнительной власти входитъ въ конституціонныя теоріи только своею отрицательною стороною; конституціоналисты останавливаются только на гарантіяхъ, необходимыхъ для устраненія произвола администраціи. Въ качествѣ такой *системы гарантій*, какъ самъ Констанъ опредѣляетъ конституцію, конституціонное право мало обращаетъ вниманія на положительную сторону учрежденій вообще и исполнительной власти въ особенности. Должно при этомъ замѣтить, что настоящаго ученія объ исполнительной власти во времена Констана еще не существовало. Оно обязано своимъ происхожденіемъ теоріямъ административнаго права, которыя были разработаны такими людьми, какъ Кормененъ, Макарель, Фукаръ, Серриньи, Вивьенъ, Батби, Гнейстъ, Л. Штейнъ и друг. Констанъ по-неволѣ долженъ былъ остановиться исключительно на „системѣ гарантій“.

Зато эта сторона вопроса разработана имъ довольно подробно. Онъ посвятилъ ей много мѣста въ своихъ изслѣдованіяхъ о конституціи [1]) и кромѣ того особый трактатъ [2]). Всѣ разсужденія Констана относительно этого предмета проникнуты тою же мыслью, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ его политическихъ воззрѣній. Министры, по его мнѣнію, должны быть отвѣтственны потому же, почему монархъ долженъ быть неотвѣтственъ въ видахъ конституціонной свободы. Отвѣтственность министровъ, говоритъ Констанъ, есть необходимое условіе каждой конституціонной монархіи. Не безъ намѣренія помѣстилъ онъ въ концѣ своего трактата „объ отвѣтственности министровъ“, главу, посвященную вопросу о личной свободѣ [3]).

Нельзя однако сказать, чтобы Констанъ разсматривалъ вопросъ объ отвѣтственности министровъ исключительно съ точки зрѣнія индивидуальной свободы. Онъ устанавливаетъ различные виды отвѣтственности министровъ, сообразно различному характеру ихъ дѣйствій. Министры могутъ быть привлечены къ отвѣтственности:

1) за злоупотребленіе власти;

---

[1]) *Cours*, t. I, p. 70—89; ib., p. 192—196 etc.

[2]) *De la responsabilité des ministres*, p. 383—440.

[3]) Глава XIV.

2) за незаконныя распоряженія, вредныя для общественнаго блага, но не касающіяся интересовъ частныхъ лицъ;

3) за посягательство противъ свободы, безопасности и собственности частныхъ лицъ.

Въ первыхъ двухъ случаяхъ, по мнѣнію Констана [1]), министръ является общественнымъ дѣятелемъ, нарушившимъ довѣріе націи и правительства, въ третьемъ—обыкновеннымъ преступникомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ частныхъ лицъ, совершившихъ преступленіе. Въ первыхъ двухъ случаяхъ его должно преслѣдовать какъ министра, въ послѣднемъ—какъ частное лицо. Вслѣдствіе этого, въ первыхъ двухъ случаяхъ онъ отвѣтственъ предъ палатами, въ послѣднемъ—предъ обыкновенными судами.

Послѣдній разрядъ преступленій, говоритъ Констанъ, не имѣетъ ничего общаго съ кругомъ правъ и обязанностей министровъ. Если министръ, въ припадкѣ страсти, похититъ женщину, или, въ припадкѣ гнѣва, убьетъ человѣка,—онъ, какъ простой нарушитель общихъ законовъ, долженъ быть наказанъ обыкновенными судами. То же должно сказать относительно другихъ подобныхъ преступленій. Министръ, посягающій на свободу или собственность гражданина, дѣйствуетъ не какъ министръ, а потому отвѣтственность его не должна опредѣляться никакими особыми правилами; онъ долженъ отвѣтствовать предъ обыкновенными судами.

Вѣдомству палатъ подлежатъ, слѣдовательно, только политическія дѣйствія министровъ. Въ этомъ отношеніи Констанъ является защитникомъ наибольшей умѣренности палатъ во всѣхъ политическихъ процессахъ. Онъ считаетъ эту умѣренность за одинъ изъ отличительныхъ признаковъ конституціонной свободы. Строгія мѣры противъ министровъ, вродѣ казни графа Страффорда, суть признаки неразвитой политической жизни. Онѣ несогласны съ самымъ понятіемъ политической отвѣтственности, и узаконеніе ихъ значительно затруднило бы широкое примѣненіе началъ отвѣтственности къ конституціонной жизни.

Всѣ начала политической свободы требуютъ, по мнѣнію Констана, чтобы поводы и предметы политической отвѣтственности министровъ не были точно и строго опредѣлены закономъ. Обвинительной власти палатъ должна быть предоставлена самая широкая свобода; такою же свободою долженъ пользоваться и верховный судъ, при опредѣленіи степени виновности министровъ. Обвинительная власть и судъ,

---

[1]) Онъ развиваетъ это мнѣніе особенно подробно въ своей брошюрѣ *Объ отвѣтственности министровъ*.

замкнутые въ тѣсныя рамки закона, который не можетъ всего предусмотрѣть, не достигали бы своей цѣли.

Есть, говоритъ авторъ, тысячи способовъ начать безполезную или несправедливую войну, направлять начатую войну или слишкомъ медленно, или поспѣшно, или небрежно, вести переговоры или слишкомъ настойчиво, или слишкомъ слабо, потрясать государственный кредитъ рискованными предпріятіями, или плохо задуманными экономическими мѣрами, или наконецъ, разными злоумышленіями, искусно маскированными. Если бы каждый изъ этихъ способовъ вредить государству—долженъ былъ предусматриваться и специфироваться закономъ, кодексъ отвѣтственности превратился бы въ политическій и историческій трактатъ; да и въ этомъ случаѣ законъ могъ бы предусмотрѣть только прошедшее, но не будущее. А въ будущемъ— каждый министръ, не уклоняясь отъ буквы закона, нашелъ бы возможность повредить государству. Вотъ почему даже такой строго-юридическій народъ, какъ англичане, не создалъ точныхъ правилъ для отвѣтственности министровъ. Вся совокупность возможныхъ министерскихъ преступленій обозначается у нихъ общимъ и нѣсколько темнымъ терминомъ high crimes and misdemeanours.

Благодаря такой неопредѣленности отвѣтственности министровъ, палаты какъ будто пріобрѣтаютъ надъ ними неограниченную и безконтрольную власть. Но этотъ произволъ по необходимости долженъ быть смягченъ парламентскою практикою. Палаты облекаются такою властью не для того, чтобы казнить и уничтожать своихъ противниковъ, а для того, чтобы вредныхъ для государства лицъ устранять отъ дѣлъ. Устраненіе же это не предполагаетъ позорной казни провинившагося министра. Для интересовъ страны, свободы и справедливости совершенно достаточно произнесенія надъ министромъ приговора, лишенія его должности, или простого выраженія недовѣрія со стороны палатъ. Свобода націи и ея интересы не нуждаются въ казни министра, лишеннаго власти, т.-е. всякой возможности вредить. В. Гастингсъ не былъ наказанъ; но этотъ тиранъ Индіи явился на колѣняхъ предъ палатою перовъ,—и голоса Фокса, Шеридана и Борка отомстили за оскорбленное человѣчество. Лордъ Нортъ не былъ даже обвиненъ. Но одной угрозы въ обвиненіи было достаточно для полнаго паденія его самого и его политики. Каждый подобный процессъ приводитъ къ торжеству началъ здравой политики, безъ жалкихъ сценъ казни государственныхъ лицъ.

Ни смерть, ни ссылка того или другого лица,—такъ заключаетъ Констанъ,—никогда не были нужны для спасенія народа. Спасеніе народа—въ немъ самомъ. Народъ, боящійся жизни или свободы министра, лишеннаго власти, — презрѣнный народъ. Онъ похожъ на

рабовъ, убивающихъ своихъ господъ изъ страха, чтобы они не явились къ нимъ съ хлыстомъ въ рукахъ.

Итакъ, гражданская свобода ограждается отвѣтственностью министровъ предъ обыкновенными судами; политическая свобода обезпечивается широкою властью палатъ и юридическою неопредѣленностью министерскихъ преступленій. Эта же неопредѣленность и отсутствіе регламентаціи министерской дѣятельности даютъ послѣдней тотъ необходимый просторъ, какимъ вообще должна пользоваться исполнительная власть.

Эти разсужденія объ отвѣтственности министровъ были бы неполны, если бы въ конституціонномъ государствѣ отвѣтственность сосредоточивалась въ лицѣ однихъ министровъ. Вся администрація должна раздѣлять съ ними эту отвѣтственность; въ противномъ случаѣ свобода и безопасность гражданъ въ большинствѣ случаевъ не будетъ обезпечена. Поэтому отвѣтственность подчиненныхъ агентовъ администраціи должна служить необходимымъ продолженіемъ и дополненіемъ къ отвѣтственности министровъ [1]).

Такъ установляетъ Констанъ различіе и раздѣленіе между королевскою и исполнительною властью, необходимыя, по его мнѣнію, для конституціонной свободы. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи онъ пошелъ гораздо дальше своихъ предшественниковъ, которые видѣли въ королѣ главу исполнительной власти, или главу законодательной и исполнительной власти [2]), но никто не признавалъ короля властью—по природѣ и цѣли своей отличною отъ другихъ конституціонныхъ властей.

Такъ же рѣзко отличается королевская власть и отъ власти законодательной. Послѣдняя сосредоточивается въ рукахъ двухъ палатъ. Онѣ же служатъ и высшею гарантіею политической свободы.

Являясь представителями общественнаго мнѣнія, онѣ служатъ главнымъ выраженіемъ общей воли; ихъ можно назвать націею въ миніатюрѣ. Понятно, что ученіе о народномъ представительствѣ есть центръ тяжести конституціонной теоріи вообще и теоріи Констана въ особенности.

Какіе элементы общества должны войти въ составъ палатъ? Какъ должны быть они организованы? Констанъ требуетъ, какъ мы видѣли выше, двухъ палатъ: одной наслѣдственной, другой выборной. Мы

---

[1]) Этому важному вопросу посвящена XI глава *Принциповъ политики*. *Cours*, t. I, p. 90 и слѣд.

[2]) Такъ Блакстонъ въ своихъ комментаріяхъ на англійскіе законы говоритъ, что законодательная власть принадлежитъ королю и парламенту вмѣстѣ, а исполнительная—одному королю.

остановимся сначала на послѣдней, такъ какъ она главнымъ образомъ связана съ ученіемъ о народномъ суверенитетѣ, которое Констанъ сдѣлалъ исходною точкою своей теоріи.

Палата представителей состоитъ изъ извѣстнаго количества депутатовъ отъ гражданъ. Слѣдовательно, необходимо опредѣлить прежде всего, кто можетъ избирать и быть избраннымъ въ число представителей. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что этимъ правомъ, по мнѣнію Констана, исчерпываются всѣ политическія права гражданъ. Политическія права, говоритъ онъ, состоятъ въ правѣ быть членомъ различныхъ государственныхъ и мѣстныхъ властей и участвовать въ ихъ избраніи [1]). Это положеніе какъ бы совершенно согласуется съ опредѣленіями „деклараціи правъ", гдѣ, между прочимъ, говорится, что каждый гражданинъ имѣетъ право участвовать въ составленіи законовъ—лично или чрезъ своихъ представителей. Но нечего вдаваться въ слишкомъ большія подробности, для того, чтобы увидѣть, какъ глубоко различіе между началами Констана и принципами 89 г. „Принципы" узаконяютъ непосредственную демократію столько же, сколько и представительное правленіе; Констанъ видитъ въ представительствѣ единственное спасеніе для страны; „принципы" даютъ понятію гражданина довольно широкій объемъ, Констанъ съуживаетъ его. Понятіе „народа", по его мнѣнію, не можетъ быть распространено на всѣхъ лицъ, живущихъ на государственной территоріи.

Констанъ никогда не былъ сторонникомъ всеобщей подачи голосовъ и равныхъ политическихъ правъ всѣхъ гражданъ. Ему приходилось высказываться нѣсколько разъ относительно этого предмета; онъ касается его въ своихъ комментаріяхъ на „Дополнительный актъ", и въ разсужденіяхъ о конституціи Бурбоновъ.

„Дополнительный актъ" сохраняетъ старое начало конституцій имперіи—всеобщую подачу голосовъ, но сохраняетъ и многостепенные выборы. Имперія, какъ мы видѣли, была построена на фикціи поголовнаго суверенитета народнаго, но ослабляла значеніе этого принципа посредствомъ многостепенныхъ выборовъ и тѣмъ, что выборы не давали избраннымъ никакой делегаціи, которую они получать только „сверху". Дополнительный актъ возстановилъ значеніе выборовъ, т.-е. уничтожилъ положеніе Сіейеса, что le pouvoir vient d'en haut, но сохранилъ многостепенные выборы. Констанъ объявляетъ себя врагомъ такихъ выборовъ [2]). По его мнѣнію, прямые выборы

---

[1]) *Cours*, t. I, p. 249.
[2]) Ib., p. 39 и слѣд.

одни могутъ дать Франціи настоящее конституціонное правительство. Но система прямыхъ выборовъ требуетъ, по мнѣнію Констана, ограниченія числа активныхъ гражданъ и установленія особыхъ условій для пользованія политическими правами. Главнѣйшее изъ такихъ условій есть цензъ или имущественныя условія политической правоспособности. Дополнительный актъ, говоритъ Констанъ, не требуетъ никакихъ имущественныхъ условій для права активнаго гражданства, потому что при многостепенныхъ выборахъ оно *фактически* сосредоточивается въ рукахъ собственниковъ; но если бы избирательныя коллегіи были замѣнены прямыми выборами, введеніе ценза было бы необходимо [1]).

Ни одно государство, продолжаетъ онъ, не признаетъ своимъ полноправнымъ членомъ—всякаго, кто находится на его территоріи. Самая абсолютная демократія различаетъ два класса лицъ: въ одномъ помѣщаются иностранцы и недостигшіе гражданскаго совершеннолѣтія, въ другомъ—совершеннолѣтніе и родившіеся въ странѣ граждане. Есть, слѣдовательно, принципы, на основаніи коихъ устанавливается различіе правоспособныхъ отъ неправоспособныхъ гражданъ. Эти принципы состоятъ, между прочимъ, въ томъ, что необходимо обладать извѣстной степенью просвѣщенія и быть прямо заинтересованнымъ въ пользахъ государства, чтобы участвовать въ его дѣлахъ. Въ демократіяхъ принципы эти не имѣютъ широкаго примѣненія; они должны имѣть его въ государствахъ конституціонныхъ и вообще въ государствахъ новаго времени. Рожденіе въ странѣ и зрѣлый возрастъ—недостаточныя условія для политической правоспособности. Лица, по бѣдности своей, находящіяся въ постоянной зависимости отъ другихъ, обреченныя на ежедневный трудъ,—эти лица не просвѣщеннѣе дѣтей въ общественныхъ дѣлахъ и столько же заинтересованы въ нихъ, какъ и иностранцы. Констанъ не думаетъ вредить рабочимъ классамъ. Онъ не отрицаетъ въ нихъ ни патріотизма, ни готовности пожертвовать жизнью за родину. Онъ отрицаетъ въ нихъ то сознаніе пользъ и нуждъ государства, которое могутъ получить лишь лица, имѣющія досугъ. Посему собственность (какъ главное условіе досуга) одна можетъ служить основаніемъ политической правоспособности.

Удивительно странное дѣло! У Констана хватило мужества объявить религію индивидуальнымъ фактомъ, а не стало рѣшимости объявить политическія права такимъ же фактомъ! Этотъ странный, фальшивый принципъ приводитъ его къ нѣкоторымъ положеніямъ, которыя съ бо̀льшимъ правомъ могли бы принадлежать какому-ни-

---

[1]) Ib., p. 53 и слѣд.

будь свирѣпому олигарху, чѣмъ либеральному Констану. Съ величайшею горестью читаемъ мы, напримѣръ, слѣдующее мѣсто:

Обращаясь къ общественному мнѣнію Франціи, онъ говоритъ: „замѣтьте, что необходимая цѣль не-собственниковъ есть пріобрѣтеніе собственности — всѣ средства, которыя вы имъ дадите, они употребятъ для этой цѣли. Если къ свободѣ умственной и экономической, которую вы имъ должны дать, вы присоедините политическія права, *которыхъ вы имъ не должны*, эти права въ рукахъ массы послужатъ къ *захвату собственности*. Одинъ знаменитый писатель замѣтилъ (Констанъ не говоритъ, кто этотъ писатель), что когда классъ не-собственниковъ облеченъ политическими правами, въ политикѣ случается одно изъ трехъ: или они дѣйствуютъ сами по себѣ и тогда разрушаютъ общество, или они дѣйствуютъ по внушенію власти и тогда являются орудіемъ тираніи, или они подчиняются вліянію претендентовъ на власть и дѣлаются орудіемъ партій“.

Итакъ, заключаетъ Констанъ, необходимо, чтобы во всѣхъ представительныхъ государствахъ — всѣ собранія представителей были составлены изъ собственниковъ.

Мы далеки отъ мысли заподозрить Констана въ какихъ-нибудь нечистыхъ намѣреніяхъ. Скорѣе всего мы склонны назвать это странное положеніе естественнымъ выводомъ изъ общаго ложнаго принципа. Кромѣ того, можно представить нѣсколько объясненій относительно того, какъ Констанъ дошелъ до такого взгляда, и многія изъ этихъ объясненій могутъ говорить въ его пользу.

Во-первыхъ, Констанъ, выставляя классъ собственниковъ какъ общую основу представительства, становился въ рѣзкое противорѣчіе съ воззрѣніемъ прежняго времени. Онъ требуетъ, чтобы члены палаты депутатовъ представляли извѣстный реальный интересъ. Прежнія конституціи дѣлали изъ депутатовъ представителей извѣстнаго количества гражданъ, между которыми было распредѣлено общее количество всѣхъ депутатовъ.

Констанъ не желаетъ, чтобы депутатъ представлялъ только отвлеченное число и говорилъ про себя: „я столько-то тысячъ гражданъ“. Онъ хочетъ, чтобы каждый депутатъ могъ сказать: „я представляю то-то, такую-то силу“. Вотъ почему Констану не нравится и система многостепенныхъ выборовъ. Эта система удовлетворяетъ началамъ поголовнаго суверенитета, при которомъ законодательство можетъ успокоиться, если каждая секція гражданъ обезпечена депутатомъ. Какъ выберутъ граждане этихъ депутатовъ — все равно. Напротивъ, когда законодатель требуетъ, чтобы каждый депутатъ представлялъ *нѣчто*, тѣсная и непосредственная связь между депутатами и избирателями совершенно необходима, и она достигается

только съ помощью прямыхъ выборовъ. Многостепенные выборы удаляютъ депутата отъ массъ, которыя онъ представляетъ, на столько, что онѣ его не знаютъ и мало имъ заинтересованы, а онъ знаетъ только кругъ своихъ ближайшихъ избирателей и заинтересованъ только ихъ интересами.

Дать народному представительству реальную почву, сдѣлать изъ него дѣйствительную, разумную силу,—такова задача Констана.

Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ бы умѣреннѣе въ своихъ выводахъ, если бы воспоминанія о временахъ террора изгладились изъ его памяти. Но какъ только призракъ 1793 года представлялся ему, его консервативная ревность не знала границъ [1]. Ему казалось, что единственный классъ, заинтересованный сохраненіемъ государства, есть классъ собственниковъ; всѣ остальные суть только орудія разрушенія. Итакъ, первоначальная мысль Констана состояла въ замѣнѣ формальнаго представительства, возведеннаго въ перлъ созданія Сійесомъ, началами реальнаго представительства, — представительства не извѣстной цифры гражданъ, ничего не выражающей, а представительства извѣстныхъ интересовъ. Но воспоминанія о террорѣ заставили Констана признать единственнымъ законнымъ интересомъ— интересъ собственниковъ.

Этого мало. Представительство *собственности вообще* не кажется Констану достаточною гарантіей прочности государственнаго устройства. Онъ различаетъ недвижимую и движимую собственность. Только первая (т.-е. поземельная собственность), по его мнѣнію, составляетъ истинно консервативный элементъ [2], и только этотъ элементъ долженъ составлять все содержаніе палаты депутатовъ. Съ большимъ основаніемъ можно предположить, что эта часть теоріи Констана развилась подъ вліяніемъ англійскихъ учрежденій, построенныхъ главнымъ образомъ на элементѣ землевладѣльческой аристократіи.

И этихъ ограниченій мало для Констана. Сосредоточить всю законодательную власть въ рукахъ одного собранія, даже составленнаго изъ собственниковъ, опасно. Только распредѣленіе законодательной дѣятельности между двумя палатами можетъ обезпечить правильный порядокъ.

Главное сосредоточіе консервативнаго элемента составляетъ палата перовъ. Она главнымъ образомъ заинтересована спокойствіемъ гражданъ [3]; она составляетъ главную опору монархіи. Ни одинъ англичанинъ не вѣрилъ бы въ прочность конституціи—будь палата

---

[1]) См., напр., ib., p. 56.

[2]) Ib., p. 57 и слѣд. Впослѣдствіи Констанъ отказался отъ этой теоріи.

[3]) Ib., p. 35 и слѣд.

перовъ уничтожена. Составленная изъ лицъ, наслѣдственно облеченныхъ высшими почестями, она прямо заинтересована строгимъ соблюденіемъ конституціи и составляетъ надежный противовѣсъ увлеченіямъ палаты депутатовъ. Эта наслѣдственная палата главнымъ образомъ представляетъ всѣ преданія страны, поддерживаетъ неприкосновенность ея основныхъ законовъ и противится каждому неконституціонному акту.

Въ рукахъ этихъ двухъ палатъ сосредоточиваются важнѣйшія функціи государственнаго управленія: законодательство, высшій надзоръ за администраціею, верховный судъ по политическимъ процессамъ и т. д. Но для того, чтобы дѣятельность палатъ не выходила изъ границъ, не грозила свободѣ гражданъ и самой конституціи,—необходимо создать для нихъ надежный противовѣсъ въ королевской прерогативѣ. Существованіе палатъ безъ такого противовѣса грозитъ странѣ многими бѣдствіями. Констанъ возстаетъ противъ прежнихъ воззрѣній на народное представительство. Прежніе представители разсматривали себя какъ средоточіе народнаго суверенитета, а потому считали себя неограниченными повелителями Франціи. Конституціонная теорія Констана не даетъ неограниченной власти даже народу—тѣмъ менѣе можно допустить неограниченность представителей.

Во-первыхъ, они могутъ увлечься своимъ правомъ издавать законы до такой степени, что страна будетъ наводнена законами не только ненужными, но даже вредными. Каждое учрежденіе, говоритъ Констанъ, имѣющее спеціальную задачу, любитъ выказывать свою дѣятельность, изъ удовольствія дѣйствовать и изъ желанія доказать свою необходимость. Лица, коимъ поручено останавливать бродягъ, способны захватить даже мирнаго путешественника. То же происходитъ и съ представительными собраніями. Можно сказать, что многочисленность законовъ есть болѣзнь представительныхъ правленій. Посему королевское veto является необходимымъ средствомъ для ограниченія излишняго усердія палатъ.

Но veto есть средство скорѣе пальятивное, чѣмъ радикальное. Притомъ его нельзя употреблять слишкомъ часто. Для полнаго обезоруженія палатъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, король долженъ имѣть право *распускать* ихъ.

Если бы король не имѣлъ права распускать палату представителей, она скоро сдѣлалась бы неограниченною властью въ государствѣ. Въ такомъ случаѣ представители народа были бы не защитниками свободы, а кандидатами въ тираны,—и тиранія, ими установленная, была бы самою ужасною изъ всѣхъ тираній. Въ представительномъ правленіи народъ можетъ быть свободенъ только тогда,

когда палата представителей будетъ сдержана въ надлежащихъ предѣлахъ.

Силу же, сдерживающую палату, нельзя сыскать въ ея средѣ. Доказываютъ, говоритъ Констанъ, что въ хорошо составленной палатѣ всегда можно расчитывать на благоразумное большинство. Но горькій опытъ доказалъ, что это надежда тщетная.

Учредительное собраніе во Франціи состояло изъ самыхъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ людей. Въ средѣ его не было ста членовъ, желавшихъ уничтоженія монархіи; и несмотря на это, имъ было сдѣлано все, что нужно было для цѣлей радикальной революціонной партіи.

Большинство никогда не можетъ дѣйствовать какъ слѣдуетъ, если оно не найдетъ опоры въ силѣ, стоящей внѣ собранія. Крѣпко сплоченное и рѣшительное меньшинство легко завладѣетъ большинствомъ и будетъ вести его по своему усмотрѣнію. Только королевская власть, независимая и стоящая внѣ собранія, можетъ возстановить надлежащій порядокъ.

Если право роспуска является достаточною мѣрою противъ палаты представителей, то по отношенію къ палатѣ перовъ необходимы другія мѣры. Она состоитъ изъ наслѣдственныхъ членовъ; поэтому роспускъ ея въ данную минуту не устранилъ бы опасности. При новомъ созывѣ палатъ, прежніе члены явились бы на свои мѣста. Поэтому каждая конституція должна предоставить королю право возобновлять составъ палаты перовъ введеніемъ въ ея составъ новыхъ членовъ. Конституція не должна ограничивать числа членовъ этой палаты; король долженъ имѣть неограниченное право создать во всякое время нѣсколько новыхъ перовъ, которые измѣнятъ общее направленіе ея политики.

Такова, въ общихъ чертахъ, конституціонная теорія Констана. Она во многихъ отношеніяхъ сходна со всѣми коституціонными теоріями, но представляетъ въ то же время многія черты, составляющія отличительные признаки не столько теоріи Констана, сколько той эпохи, въ которую приходилось ему дѣйствовать.

Мы остановимся на этихъ характеристическихъ чертахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ окончательной оцѣнкѣ его теоріи. Черты эти, какъ легко можно припомнить, состоятъ въ слѣдующемъ:

Идея личной свободы и ограниченіе всѣхъ государственныхъ властей во имя этой идеи развиты имъ до конца. Прежнія конституціонныя теоріи довольствовались ограниченіемъ верховной власти правами народа. Констанъ требуетъ ограниченія народныхъ правъ правами личности.

Организація государственной власти имѣетъ одну цѣль—гарантію

личной свободы. Въ виду этого требованія построена имъ теорія раздѣленія властей.

Предложенное имъ раздѣленіе властей рѣзко отличается однако отъ всѣхъ предыдущихъ попытокъ въ этомъ родѣ. Въ конституціи 1791 года, въ конституціи Сійеса, всѣ власти основаны прямо на народной делегаціи; онѣ представляютъ собою волю народа, дѣйствующую въ томъ или другомъ направленіи; онѣ дѣйствуютъ во имя народа, во имя закона, во имя разныхъ отвлеченныхъ принциповъ. Въ конституціонной теоріи Констана только одна власть или, вѣрнѣе, одинъ отдѣлъ власти построенъ прямо на народной делегаціи—это палата представителей. Всѣ другія власти построены на другихъ началахъ; онѣ представляютъ не народъ, а извѣстный элементъ общества и государственнаго устройства, и дѣйствуютъ прямо отъ *своего имени*. Таково значеніе королевской власти и палаты перовъ. Исполнительная и судебная власти имѣютъ одинъ общій источникъ—королевскую власть. Правда, онѣ поставлены въ независимое положеніе, но далеко не имѣютъ того верховнаго значенія, какое давалось имъ въ прежнихъ конституціонныхъ теоріяхъ.

Мы видѣли уже, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ сложилась эта теорія Констана. Абстрактное, чисто логическое построеніе государства на отвлеченной идеѣ поголовнаго народнаго суверенитета, казалось, отжило свой вѣкъ. Констанъ сочеталъ конституціонныя категоріи и принципы съ историческими элементами французскаго общества, возвратившимися въ эту страну послѣ паденія Наполеона. Потребность подобной организаціи ощущалась давно. Сійесъ мечталъ уже о подобіи монархической конституціонной власти; но при отсутствіи всякихъ историческихъ элементовъ во Франціи, изъ этой идеи вышелъ „великій избиратель". Констанъ создалъ уже настоящаго „короля". Сенатъ Сійеса,—„отвлеченное понятіе о палатѣ перовъ", долженъ былъ превратиться въ настоящую палату перовъ.

Но имѣли ли эти нововведенія какое-нибудь вліяніе на конечные результаты конституціонной теоріи? Для чего Констанъ далъ новыя основанія королевской власти, палатѣ депутатовъ и т. д.? Нельзя не замѣтить, что цѣль его ничѣмъ не отличается отъ цѣли другихъ конституціоналистовъ—государственное міросозерцаніе его осталось то же самое. Эта цѣль—обезпеченіе личной свободы путемъ формальныхъ гарантій. Почему онъ требуетъ для короля особеннаго положенія? Потому что власть короля должна поддерживать равновѣсіе между другими государственными властями. Это маятникъ огромной государственной машины. Констанъ видитъ въ королѣ эту уравновѣшивающую власть (pouvoir régulateur). Аттрибуты этой власти въ концѣ концовъ выводятся имъ изъ этой потребности равновѣсія. Въ преж-

нихъ конституцiяхъ, говоритъ онъ, нѣкоторыя изъ государственныхъ властей, кромѣ обыкновенныхъ своихъ аттрибутовъ, пользовались еще извѣстною степенью власти, необходимою для установленія *единства* въ государственномъ управленіи. Вслѣдствіе этого такія власти получили преобладающее вліяніе, нарушали *равновѣсіе* въ государственномъ управленіи. Посему эта излишняя сумма власти должна быть сосредоточена въ рукахъ лица, стоящаго внѣ другихъ государственныхъ властей. Чѣмъ же становится король—представителемъ единства въ управленіи или средствомъ для равновѣсія властей? Все ученіе Констана стремится къ тому, чтобы дать королю только послѣднее значеніе. Если бы король служилъ представителемъ единства въ государственномъ управленіи, ему необходимо было бы дать извѣстную степень положительнаго вліянія на ходъ администраціи. Но „королю" Констана не предоставляется ничего подобнаго. Всѣ его аттрибуты отличаются чисто отрицательнымъ характеромъ, суть такъ-сказать коррективныя мѣры относительно властей, нарушившихъ равновѣсіе. Таковы: право роспуска палатъ, veto, право назначенія новыхъ перовъ, смѣны министровъ и т. д. Пока власти находятся въ равновѣсіи, король можетъ бездѣйствовать, ибо власть законодательная вручена палатамъ, власть исполнительная — министрамъ, судебная—судамъ и т. д. Король же царствуетъ, но не управляетъ.

То же должно сказать относительно другихъ властей. Для чего Констанъ ввелъ „настоящую" палату перовъ? Чтобы устроить противовѣсъ палатѣ депутатовъ и т. д.

Во всей этой массѣ властей не видно только одной—власти, представляющей единство управленія. Прежнія конституціи имѣли такія власти. Конвентъ былъ дѣйствительно верховнымъ повелителемъ Франціи; Наполеонъ былъ настоящимъ императоромъ. Конституціонныя же власти Констана должны наблюдать равновѣсіе.

Результатомъ такого равновѣсія будетъ полная свобода; результатомъ свободы — полное примиреніе всѣхъ партій, общественное единство Франціи, разрозненной революціею, и соединеніе всѣхъ въ одинъ свободный народъ.

Констанъ сильно расчитывалъ на этотъ результатъ. Въ 1816 г., возвращаясь во Францію, онъ написалъ небольшую брошюру [1]), въ которой онъ горячо и убѣдительно доказываетъ, что конституціонная свобода соединитъ всѣ партіи вокругъ трона и конституціи. Достаточно обезпечить равенство предъ закономъ, свободу совѣсти, лич-

---

[1]) *De la doctrine politique, qui peut réunir les partis en France*, 1-е и 2-е изд. 1816 г., 3-е—1819 г.

ную безопасность, свободу слова, и страна будетъ обезпечена отъ всѣхъ партій.

Ему не пришлось однако увидѣть осуществленія этого предсказанія.

При Людовикѣ XVIII онъ горячо боролся противъ старыхъ партій. Онѣ заставили его удалиться отъ дѣлъ при Карлѣ X. Онъ удалился, и въ тишинѣ кабинета занимался исторіею религій. Іюльская революція, казалось, снова призывала его къ политической дѣятельности. Къ сожалѣнію, 8 декабря 1830 г. онъ умеръ. Въ 1831 г. его тѣло перенесено въ Пантеонъ. Но оставленная имъ конституціонная теорія не умерла и не похоронена въ Пантеонѣ. До настоящаго времени его имя служитъ знаменемъ для лицъ, понимающихъ свободу и начала государственнаго устройства такъ, какъ понималъ ихъ Констанъ. Поэтому мы и постараемся сдѣлать общую оцѣнку значенія его теоріи для современной Франціи.

VIII.

13 апрѣля 1655 г. молодой король Франціи Людовикъ XIV явился въ парламентъ, въ охотничьихъ сапогахъ, съ бичемъ въ рукѣ, и объявилъ смущеннымъ его членамъ, что онъ не потерпитъ съ ихъ стороны никакого противодѣйствія. 21 января 1793 г. голова послѣдняго неограниченнаго короля была показана народу. Въ 1614 г. на соборѣ земскихъ чиновъ ораторъ третьяго сословія сравнилъ всѣ сословія Франціи съ тремя братьями. Ораторъ отъ дворянства, отвѣчая предъ королемъ на эту рѣчь, говорилъ слѣдующее про третье сословіе: „сословіе, составленное изъ люда городского и сельскаго, причемъ послѣдній находится въ феодальной зависимости отъ дворянства и духовенства, а первый состоитъ изъ мѣщанъ, купцовъ, ремесленниковъ и нѣсколькихъ чиновниковъ;—и этотъ людъ, забывая свое положеніе и всѣ свои обязанности, безъ согласія тѣхъ, кого онъ представляетъ, осмѣливается равняться съ нами!“ Въ 1789 г. третье сословіе объявляетъ себя *всѣмъ*, и первыя два вѣрятъ ему, и не только вѣрятъ ему, но добровольно накладываютъ на себя руки.

Не надо быть особенно проницательнымъ политикомъ и историкомъ, чтобы усмотрѣть, что между тѣмъ временемъ, когда король говорилъ: „государство—это я“, и тѣмъ, когда онъ превратился въ Людовика Капета, а его жена въ veuve Capet,—между тою эпохою, когда vilain было браннымъ словомъ, и тою, когда ces chiens d'aristocrates сдѣлались всѣ „подозрительными“—разница не во времени и прогрессѣ, а разница въ принципахъ. Этого мало. Каждое время имѣетъ свои принципы и даже свои преобладающіе принципы. Но

разница между различными періодами французской исторіи заключается въ томъ, что въ каждомъ изъ нихъ мы видимъ *одинъ*, не просто преобладающій, а безусловно господствующій принципъ. Прочіе „принципы" лежатъ въ это время подъ спудомъ, дожидаясь случая и времени, когда имъ можно будетъ добиться безусловнаго господства.

Что̀ бы ни говорили про французовъ, а это самый логическій народъ въ свѣтѣ,—въ томъ смыслѣ, что ни одинъ народъ не умѣетъ довести каждую идею до конца и дать ей полное практическое примѣненіе такъ. какъ они. Дайте имъ организовать монархію—и они организуютъ ее такъ, что ни одному „элементу" рѣшительно нечего будетъ дѣлать въ государствѣ. Вручите имъ теорію раздѣленія властей—и они раздѣлятъ такъ, что властямъ придется или бездѣйствовать, или захватывать чужія права. Другіе народы тоже имѣли дѣло съ принципами; но они не забывали жизни, а потому и не видѣли никогда такого полнаго господства принциповъ. Королевская власть монарховъ Германіи была въ принципѣ столь же абсолютна, какъ и власть королей Франціи,—палка Фридриха II стоила хлыста Людовика XIV. Но de facto короли эти никогда не уничтожали вполнѣ ни сословной, ни муниципальной жизни. Принципы сіяли здѣсь не такъ ярко, но жизнь была гораздо полнѣе; реформы были менѣе послѣдовательны, но прогрессъ—непрерывнѣе и постояннѣе.

Въ качествѣ самаго логическаго народа въ свѣтѣ, французы являются и самымъ революціоннымъ. Разсматриваемая съ логической точки зрѣнія, революція есть доведеніе извѣстной идеи до крайнихъ ея выводовъ, и притомъ выводовъ не жизненныхъ (т.-е. не вызываемыхъ требованіями жизни), а логическихъ, требуемыхъ силлогизмомъ. Какой бы общественный переворотъ ни переживала Франція, общественное сознаніе не останавливалось только на однѣхъ практическихъ причинахъ, вызвавшихъ реформу, и на ея ближайшихъ практическихъ послѣдствіяхъ, а вело дѣло туда, куда можетъ вести его отвлеченная и безпощадная логика.

Эта логическая способность отличала французовъ во всѣ эпохи ихъ развитія. Благодаря ей каждая часть общества рано достигала полнаго самосознанія и умѣла опредѣлить свое положеніе среди другихъ. Нигдѣ сословное раздѣленіе не было такъ глубоко, и нигдѣ каждое сословіе не видѣло съ такою ясностью, чѣмъ ему предстоитъ быть въ силу логической необходимости. Въ XIV столѣтіи можно было предсказать, чѣмъ сдѣлается третье сословіе въ XVIII. Политическіе планы Этьена Марселя ничѣмъ не отличаются отъ плановъ людей 1789 г. „Общественное единство и административное однообразіе; равное распространеніе политическихъ и гражданскихъ правъ;

передача суверенитета изъ рукъ короля въ руки народу; превращеніе сословныхъ земскихъ чиновъ въ народное представительство; безграничное вліяніе Парижа; демократическая диктатура и терроръ во имя общаго блага; введеніе національныхъ цвѣтовъ и т. д. [1])". Такъ думалъ человѣкъ въ 1355 г.! Знаменитый историкъ, у котораго мы заимствуемъ это извѣстіе, прибавляетъ: „Марсель жилъ и умеръ во имя идеи ускорить, посредствомъ народныхъ массъ, дѣло общей нивеллировки... Но его несчастіе и преступленіе состояло въ томъ, что онъ имѣлъ *безпощадныя убѣжденія*". Эти „безпощадныя убѣжденія" были идеею третьяго сословія. Когда ему пришлось сказать свое рѣшительное слово въ эпоху революціи 1789 г., оно сказало то, что̀ было сказано въ 1355 г.

То же самое можно сказать и о другихъ элементахъ французскаго государства. Феодальная аристократія понимала свое призваніе такъ же, какъ и третье сословіе. Въ теоріи Марселя не было мѣста дворянству и духовенству; въ феодальномъ обществѣ не было мѣста третьему сословію. Феодаламъ нужны были порабощенный народъ и безгласная центральная власть—они добились полнаго угнетенія вилллановъ и королей-лѣнивцевъ. И міръ не представлялъ, да врядъ-ли и представитъ когда-нибудь такое униженіе королевской власти. Первые Капетинги владѣли только пятью департаментами нынѣшней Франціи, да и на этомъ пространствѣ власть ихъ была стѣснена разными Монфорами, Монлери, Пюизе, Куси и т. д. На народъ Капетинги не имѣли никакого вліянія—врядъ-ли они имѣли съ нимъ какія-нибудь отношенія. Владѣлецъ послѣдняго замка имѣлъ для народа большее значеніе, чѣмъ король. Дѣлать королямъ было нечего, да они ничего и не дѣлали. Современныя хроники говорятъ о нихъ мало и въ юмористическомъ тонѣ. Анжуйская лѣтопись дѣлаетъ слѣдующій отзывъ о двухъ короляхъ: „мы видѣли праздное правленіе короля Роберта; сынъ его, нынѣшній *королекъ*, не уступаетъ отцу въ постыдной лѣни" [2]). Обновителю французской монархіи Людовику VI пришлось дѣйствовать съ слабыми средствами и направлять ихъ на довольно незначительныя предпріятія. Но молодой король и всѣ его преемники сразу почувствовали, что они представители какой-то великой идеи, или, вѣрнѣе, что королевская власть—великая идея. Оттого всѣ свои предпріятія они выполняли съ такимъ достоинствомъ и важнымъ видомъ, что предпріятія ихъ стали дѣйствительно великимъ дѣломъ. Взятіе какого-нибудь замка Пюизе имѣло для исторіи Франціи такое же значеніе, какъ завое-

---

[1]) См. A. Thierry. *Essai sur l'histoire du tiers-état*, I, p. 53—54.
[2]) См. Грановскаго, *Аббатъ Сугерій*.

ванія Людовика XIV. Причина этого заключается въ томъ, что Людовикъ VI бралъ замокъ Пюизе съ тѣмъ же духомъ и тѣми же идеями, съ какими Людовики XI и XIV брали обширныя области. Людовикъ VI разрушалъ замки феодаловъ потому, что „обязанность государей—подавлять могущественною рукою, *по первобытному праву своей должности*, кичливость тирановъ“. Прелаты уже на колѣняхъ молятъ короля, „какъ намѣстника Божія, какъ живой образъ Божества“, избавить ихъ отъ притѣсненій феодаловъ. Если бы Людовикъ бралъ замки, какъ брали ихъ другіе сильные феодалы, монархическая власть не развилась бы во Франціи въ такихъ объемахъ. Но онъ совершилъ всѣ эти предпріятія, во имя высокихъ представленій о королевской власти, и его ничтожные походы положили основаніе могущественному государству. Народъ началъ вѣрить въ эти громадныя притязанія, и короли сдѣлались средоточіемъ народной жизни. Логика довершила остальное. Людовикъ XIV былъ естественнымъ выводомъ изъ такихъ посылокъ, какъ Филиппъ Красивый и Людовикъ XI.

Чтѡ насъ поражаетъ въ исторіи Франціи — это то, что каждый элементъ ея государства имѣетъ свою особенную, исключительную идею, осуществленіе которой парализировало или уничтожало другіе элементы. Можетъ быть, эта исключительность происходитъ отъ того, что зарожденіе идей каждаго элемента совпадаетъ съ эпохою крайняго его упадка, и является какъ реакція противъ господствовавшаго до тѣхъ поръ элемента. Людовикъ VI начинаетъ дѣйствовать немедленно послѣ такихъ монарховъ, какъ Филиппъ и Генрихъ I. Идеи третьяго сословія образуются подъ вліяніемъ неслыханнаго феодальнаго гнета. Слѣдовательно, и идея каждаго элемента была не только продуктомъ обыкновеннаго самосознанія, а еще результатомъ отрицанія предшествующаго порядка. Каждый элементъ, вступая на политическую арену, стремится не только занять въ государствѣ извѣстное положеніе, но и устранить другія начала. Короли не только объединили Францію, но и убили всякую мѣстную жизнь,—не только подчинили своей власти феодаловъ, но сдѣлали изъ нихъ ливрейную аристократію,—не только подвели общины подъ контроль своей администраціи, но и уничтожили всякое самоуправленіе. Словомъ, каждый элементъ не только старался получить мѣсто для себя, но и захватить то, чтѡ законнымъ образомъ принадлежало другимъ,—каждый стремился занять то мѣсто, которое до тѣхъ поръ занималъ его противникъ. Каждый предпринималъ обширную работу „отрицанія“. Въ этомъ смыслѣ всѣ элементы французскаго государства были элементами революціонными; торжество каждаго изъ нихъ приводило къ полному уничтоженію всего предшествовавшаго, и развитіе „тор-

жествующаго“ останавливалось у предѣловъ нелѣпости, послѣ утраты всѣхъ жизненныхъ началъ. Были ли признаки жизни въ аристократіи и королевской власти — въ моментъ появленія Мирабо, Дантона и Робеспьера? Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если новые элементы не только стремились совершенно поставить себя на мѣсто прежнихъ, но по необходимости становились на это мѣсто.

Для того, чтобы стать на мѣсто своихъ противниковъ, всѣ элементы прибѣгали къ одному средству — захватывали въ свои руки всю государственную власть и дѣлали изъ нея орудіе для своихъ цѣлей. Посему нечего удивляться, что во всѣ времена власть имѣла во Франціи какой-то абсолютный, почти деспотическій характеръ. Всѣ партіи имѣли одинаковыя представленія о власти: онѣ расходились между собою только въ двухъ пунктахъ: кому должна принадлежать эта власть? Что̀ составляетъ задачу этой власти?

Понятно, къ чему приводило различное пониманіе этихъ двухъ вопросовъ, при одинаковости воззрѣній на силу и право власти. Каждая партія, захватывая власть въ свои руки, считала себѣ дозволеннымъ *все*; она объявляла себя послѣднею цѣлью и послѣднею инстанціею политики. Vae victis!

Каждый элементъ, дѣлаясь *властью*, выступалъ всегда съ претензіями на безграничное, абсолютное господство; претензіи эти возводились въ отчетливую, ясную теорію. Нигдѣ феодальное землевладѣніе не достигло такого самосознанія — какъ во Франціи. Феодисты въ своихъ сочиненіяхъ высказываютъ такіе принципы, которые сдѣлали бы честь Людовику XIV. „Между тобою и твоимъ вилланомъ нѣтъ никого, кромѣ Бога“, говоритъ Пьеръ-де-Фонтенъ.

Воззрѣнія Людовика XIV извѣстны всѣмъ. Онъ выработалъ даже цѣлую теорію „просвѣщеннаго абсолютизма“. Его теорія осталась въ наслѣдство и послѣдующимъ государственнымъ людямъ Франціи. Аббатъ Дюбуа, разговаривая съ лордомъ Стенгопомъ, объяснилъ ему, что король Франціи всегда будетъ богаче англійскаго короля, ибо можетъ по своему произволу располагать имуществомъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Благородный лордъ спросилъ аббата, не въ Турціи ли онъ обучался политическимъ наукамъ?

Нужно ли доказывать, что и народные представители въ 1789 г. имѣли такое же отчетливое представленіе о своихъ правахъ?

Вотъ, сколько намъ кажется, первое основаніе, почему Франція неспособна усвоить начала конституціонной монархіи—этого зданія воздвигнутаго на мирномъ и параллельномъ развитіи самыхъ разнообразныхъ элементовъ. До настоящаго времени, каждый „элементъ“ во Франціи стремился къ безусловному господству надъ всѣми другими. Будетъ ли иначе впослѣдствіи, мы не знаемъ; но опытъ исто-

ріи показываетъ, что Франція не знала „теоріи сдѣлокъ“. Феодалы, дѣйствовавшіе по праву завоеванія, смѣнились королями съ ихъ божественнымъ правомъ, и эти послѣдніе пали передъ народнымъ самодержавіемъ.

Сдѣлаемъ еще шагъ въ глубину этого вопроса.

Установленіе того, что конституціонная теорія называетъ сочетаніемъ и равновѣсіемъ элементовъ, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы всѣ части общества принимали постоянное и дѣятельное участіе въ государственной жизни. Только въ этомъ случаѣ возможно одновременное, параллельное движеніе во всѣхъ классахъ общества, совокупная работа ихъ надъ всѣми политическими вопросами и разрѣшеніе этихъ вопросовъ, сообразно интересамъ не одного класса, а всѣхъ слоевъ общества. При этомъ только условіи, каждый политическій актъ будетъ имѣть истинно-національное или *земское* значеніе. Такой же *земскій* характеръ получаетъ и все государственное устройство. Являются учрежденія, которыя всѣми частями общества одинаково признаются за свои, родныя. Франція же — страна прежде всего *не земская*. Если какой-нибудь классъ или элементъ не имѣетъ въ ней преобладающаго значенія, онъ или вовсе устраненъ отъ участія въ политической жизни, или воздерживается отъ нея по расчету, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Дождавшись этого времени, „элементъ“ становился во главѣ государства и дѣлалъ свое дѣло, къ которому онъ считалъ себя призваннымъ, доводилъ его до конца при помощи своихъ государственныхъ установленій, можно сказать — своего государства. Затѣмъ онъ какъ бы оканчивалъ свое политическое поприще. Страна отрекалась отъ него навсегда. Феодальная аристократія имѣла большое значеніе въ свое время. Весь міръ казался созданнымъ для феодаловъ. Королевская власть держалась въ сторонѣ, третье сословіе молчало. Королевская власть была *ничѣмъ*, въ ожиданіи того времени, когда она стала *всѣмъ*.

То, что Сійесъ сказалъ про третье сословіе, можно примѣнить ко всѣмъ „элементамъ“ французскаго государства. Каждый изъ нихъ былъ *ничѣмъ* (rien), прежде чѣмъ онъ сдѣлался *всѣмъ* (tout). Каждый изъ нихъ колеблется между этими двумя крайностями — онъ или все, или ничего, и, повидимому, не желаетъ быть ничѣмъ другимъ. „Пока я не буду всѣмъ, я не желаю вовсе участвовать въ государственной жизни“, — вотъ что говоритъ каждый „элементъ“.

Аристократія имѣла свою идею и свои учрежденія, равно какъ монархія и послѣ буржуазія; всѣ онѣ оставались вѣрны своей идеѣ и не могли принять никакой другой; примиреніе ихъ съ какимъ бы то ни было другимъ порядкомъ было невозможно.

Про Бурбоновъ говорили, что они ничему не научились и ничего

не забыли. Это выраженіе съ полнымъ правомъ можетъ быть примѣнено ко всѣмъ политическимъ партіямъ, дѣйствовавшимъ во Франціи. Иначе это и быть не могло. Во Франціи каждая партія являлась представительницею не только извѣстнаго политическаго ученія, но и извѣстнаго государственнаго порядка, построеннаго исключительно на ея идеѣ. Съ паденіемъ этого порядка, съ замѣною его другимъ, построеннымъ на противоположныхъ началахъ, — ея существованіе дѣлалось нелѣпостью, и нелѣпость этого положенія сильнѣе всего сознавалась отжившими элементами. Отъ нихъ требовали, чтобы они заняли мѣсто въ новомъ обществѣ и въ новомъ государствѣ. Да развѣ это было возможно? Они могли принести въ это новое государство безмѣрныя претензіи, основанныя на воспоминаніяхъ о прежнемъ порядкѣ, и сожалѣніе о томъ, что эти претензіи не могутъ быть осуществлены. Въ этомъ смыслѣ никто ничего не забывалъ и никто ничему не научался. Всѣ были для этого слишкомъ логичны. Феодальный порядокъ палъ, но Буленвилье въ самый разгаръ королевскаго могущества утверждаетъ, что государственный суверенитетъ принадлежитъ аристократіи. Фулонъ наканунѣ революціи провозглашаетъ, что народу надлежитъ ѣсть сѣно. Эти люди не могли думать иначе; тысячи гильотинъ не могли превратить ихъ въ „патріотовъ". Когда они оставляли Францію при первомъ взрывѣ революціи, они были логичны — у нихъ не было ничего общаго съ отечествомъ. Когда они думали воздвигнуть зданіе конституціи „на всѣхъ элементахъ страны", они были нелогичны, какъ это доказали послѣдствія.

Каждая партія, выносившая свою идею и сдѣлавшая изъ нея всѣ выводы, теряла свое значеніе, дѣлалась безполезною, такъ-сказать, вывѣтривалась и теряла почву. Это случилось съ монархизмомъ, съ аристократіею, происходитъ теперь съ буржуазіею.

На смѣну послѣдней все больше и больше выступаетъ рабочее сословіе. Поступь, воззрѣнія и образъ дѣйствія этого сословія носятъ тѣ же характеристическіе признаки, какъ и дѣятельность предшествовавшихъ элементовъ. Послушайте, напримѣръ, одного изъ самыхъ энергическихъ ораторовъ этого класса—Прудона.

„До 1840 г. рабочіе классы были *ничто*; ихъ не отличали отъ буржуазіи, хотя и de facto и de jure они были отдѣлены отъ нея еще съ 1789 г. Теперь они вдругъ, вслѣдствіе своего противоположенія собственникамъ и капиталистамъ, превратились въ *нѣчто* и, какъ буржуазія въ 1789 г., стремятся сдѣлаться *всѣмъ*".

Сдѣлается ли рабочій классъ всѣмъ? Прудонъ въ этомъ не сомнѣвается. Онъ одинъ, по его мнѣнію, сознаетъ себя и имѣетъ опредѣленную идею, тогда какъ буржуазія потеряла сознаніе и идею.

„Что̀ сдѣлалось съ буржуазіею съ 1789 г., спрашиваетъ онъ? Гдѣ ея сознаніе, гдѣ ея стремленія? Между тѣмъ какъ бѣдный рабочій классъ хочетъ *пересоздать политическій строй*, богатой и образованной буржуазіи нечего сказать. У нея нѣтъ ни назначенія, ни политической роли—нѣтъ ни мысли, ни воли. Она то революціонна, то консервативна, легитимна, доктринерна, то слѣдуетъ *золотой срединѣ*; одну минуту она увлекается представительнымъ правленіемъ, послѣ теряетъ самый разумъ. Знаетъ или не знаетъ это буржуазія, но ея роль кончена; она не можетъ идти далеко, не можетъ воскреснуть. Да почіетъ она съ миромъ!"

Правъ или неправъ Прудонъ—это другой вопросъ, но несомнѣнно то, что онъ вѣрно выражаетъ взглядъ новаго „элемента" на прежніе, а воззрѣнія эти очень ясны и вполнѣ гармонируютъ со всѣмъ ходомъ французской исторіи. Является новый элементъ, всѣ другіе должны быть имъ поглощены, и весь государственный порядокъ долженъ быть построенъ на новыхъ началахъ. Новая сила приноситъ новый порядокъ—вотъ формула политической исторіи Франціи. Прудонъ высказываетъ это съ поразительною ясностью.

Для политической дѣятельности, говоритъ онъ, нужно три вещи: *самосознаніе*, т.-е. ясное представленіе о своемъ достоинствѣ, значеніи, о своемъ положеніи въ обществѣ, о задачѣ своей и т. д.

Какъ продуктъ этого самосознанія, является ясное представленіе объ *идеѣ* извѣстнаго класса, т.-е. общая формула всѣхъ принциповъ, задачъ и проч. извѣстнаго класса.

Наконецъ, классъ, обладающій самосознаніемъ и идеею, долженъ умѣть вывести и примѣнить въ жизни всѣ практическія послѣдствія идеи.

Въ какомъ же положеніи находится рабочій классъ?

Съ 1848 г. онъ достигъ самосознанія; онъ обладаетъ идеею—и идеею *прямо противоположною* (qui est en parfait contraste) буржуазной идеѣ.

Но рабочіе еще не умѣютъ дѣлать выводовъ, *ибо* они вотируютъ вмѣстѣ съ буржуазіей и повинуются многимъ буржуазнымъ предразсудкамъ.

И это ясно. Великій публицистъ въ этихъ немногихъ словахъ охарактеризовалъ все прошедшее и, можетъ быть, все будущее Франціи.

Итакъ, является классъ, котораго стремленія прямо противоположны началамъ прежняго порядка. До тѣхъ поръ, пока этотъ классъ не достигъ настоящей зрѣлости, онъ долженъ сдѣлать „всѣ выводы" и поглотить дряхлые остатки стараго общества.

Такіе принципы плохая основа для принциповъ конституціонныхъ.

При такой безпощадной борьбѣ партій, изъ коихъ каждая нуждалась въ неограниченной власти, личная свобода не могла получить никакого развитія. Самая идея ея принадлежитъ не Франціи. Личная свобода развивается лишь тамъ, гдѣ личность можетъ дѣйствовать, такъ-сказать, въ одиночку; а этого можно достигнуть въ странѣ, гдѣ, благодаря отсутствію классовъ, радикально противоположныхъ другъ другу, личность можетъ принадлежать къ націи вообще, а не только къ одному изъ ея отдѣловъ. Напротивъ, въ странѣ, раздѣленной на партіи, личность должна пристать тѣломъ и душою къ одной изъ партій, дѣлить съ нею удачи и неудачи, подчиняясь въ неудачѣ— неограниченной власти противниковъ, господствуя надъ ними такъ же неограниченно въ случаѣ удачи. Вотъ почему личность во Франціи никогда не дѣйствуетъ сама, но въ массѣ, въ партіи, и любитъ неограниченную власть этой партіи.

Затѣмъ конституція требуетъ сочетанія разныхъ силъ. Французская политическая жизнь всегда строилась на одной силѣ, которой и принадлежала вся полнота государственной власти. Эта сила или эта власть не любила никакихъ дробленій, ограниченій, формулъ, раздѣленій. Она любила однородность и единство.

Каждый элементъ, достигшій преобладанія становится властью и притомъ властью исключительною. Она не допускала раздѣловъ и не любила сочетаній.

Теорія раздѣленія властей нравилась людямъ 1789 г.; но они допускали ее съ тѣмъ, чтобы въ государствѣ была собственно одна власть — народные представители. Мы не видимъ въ конституціи 91 г. ни одной власти, построенной на какомъ-нибудь иномъ началѣ, кромѣ начала народной делегаціи. Король—одинъ изъ уполномоченныхъ народа; онъ облеченъ исполнительною властью и оставленъ при одномъ суспензивномъ veto. Палаты перовъ или вообще второй палаты не существуетъ. Почему? Потому что „нація подобна недѣлимому: у нея можетъ быть одна, а не двѣ воли. Если двѣ палаты согласны между собою—одна изъ нихъ безполезна; если не согласны— одна изъ нихъ вредна“!

Этотъ взглядъ выработался во Франціи задолго до революціи. Еще Тюрго писалъ къ доктору Прейсу по поводу конституцій отдѣльныхъ Штатовъ Сѣверной Америки: „я недоволенъ этими конституціями. Въ большей части изъ нихъ я вижу слѣпое подражаніе Англіи; вмѣсто того, чтобы свести всѣ власти къ одной—народной, вы установили нѣсколько политическихъ тѣлъ—палату представите-

лей, совѣтъ и губернаторовъ, только потому, что въ Англіи есть двѣ палаты и король“.

Пока народное представительство было властью, представители желали быть единою и концентрированною властью, безъ всякаго равновѣсія.

И это было совершенно логично. Конституція для массы французовъ не была средствомъ уравновѣшенія властей, въ видахъ огражденія личной свободы. Она была для буржуазіи средствомъ сдѣлаться *всѣмъ*, что̀ и случилось. Случилось это потому, что буржуазія стала властью, а сдѣлавшись властью, отрѣзала отъ Франціи дворянство и духовенство и возвела на эшафотъ королевскую власть.

Потребовать отъ буржуазіи „равновѣсія“, значило потребовать, чтобы она отказалась отъ своихъ державныхъ правъ, дала частичку всей своей власти королю, духовенству и дворянству. Въ 1814 г. она могла сдѣлать эту уступку; во времена имперіи она отвыкла отъ своего самодержавія и стремилась *хотя* къ „свободѣ“, которую Бурбоны такъ или иначе должны были дать ей.

Притомъ она не теряла надежды сдѣлаться „властью“. Констанъ, провозглашая свободу, провозгласилъ въ то же время и господство „собственниковъ“. Что̀ означали „избирательныя условія“, какъ не господство буржуазіи?

Конституція обманула надежды конституціоналистовъ; они думали создать свободу, а пришли къ возстановленію буржуазіи какъ „власти“. Возстановленіе это случилось не вдругъ. Сначала и королевская власть, и два старшихъ сословія попытались возвратить себѣ кое-что изъ потеряннаго. Подобно буржуазіи они думали, что конституція нужна не для огражденія личной свободы, а для достиженія власти. Сдѣлаться властью имъ не удалось, но задержать окончательное торжество буржуазіи удалось. Зато іюльская революція окончательно порѣшила съ королемъ и аристократіею, какъ элементами стараго порядка. Іюльская монархія была „коронаціею буржуазіи“, какъ говоритъ Прудонъ.

Что̀ же дальше?

Въ 1848 г. рабочему классу растолковали, что народъ, peuple,— онъ. Точно такъ же въ 1789 г. Сіейесъ толковалъ это буржуазіи. Что̀ станетъ дѣлать рабочее сословіе? Отвѣтъ несомнѣненъ—постарается сдѣлаться властью, и для этой цѣли выступитъ съ собственнымъ государственнымъ устройствомъ. Будетъ ли это государственное устройство представительнымъ правленіемъ, этого нельзя сказать навѣрное. Навѣрное можно сказать только, что торжество рабочаго сословія дастъ Франціи новыя собственныя формы, а вмѣстѣ съ ними и новое государственное устройство. Будетъ ли это непосредственная демократія,

представительство съ одной или двумя палатами, цесаризмъ съ образчиками палатъ, федерализмъ, централизація—этого никто сказать не можетъ.

Всѣ требуютъ только для Франціи новаго общества и новаго государства. Всѣ понимаютъ, что настоящее зданіе не крѣпко и что *увѣнчаніе* его врядъ-ли помогло бы дѣлу.

Ни расширеніе правъ законодательнаго корпуса, ни преобразованіе сената, ни серьезная отвѣтственность министровъ — не въ силахъ вселить вѣры въ настоящее государственное устройство Франціи.

Повернетъ ли Франція къ учрежденіямъ іюльской монархіи? Но оцѣнка этимъ учрежденіямъ окончательно сдѣлана въ 1848 г. „Подобно тому, говоритъ Прудонъ, какъ Наполеонъ I желалъ передѣлать старый порядокъ посредствомъ своихъ солдатъ, Людовикъ-Филиппъ стремился пересоздать его посредствомъ своихъ мѣщанъ. Онъ управлялъ не посредствомъ религіи, силы, инстинктовъ, но посредствомъ интересовъ. При немъ образовался промышленный феодализмъ, царствованіе котораго продолжается и по сей день“.

Возвратится ли страна къ установленіямъ 1793 г.? Этого также не желаютъ. Капитальный недостатокъ движенія 1848 г., говоритъ Лабуле, состоитъ въ стремленіи подражать идеаламъ прошедшаго времени. Всѣмъ хотѣлось поиграть въ революцію—игра не удалась. Хуже всего то, продолжаетъ онъ, что республиканцы хотѣли пересоздать общество. Рѣчь шла объ измѣненіи идей и взглядовъ цѣлаго общества, объ извращеніи условій труда, о преобразованіи началъ кредита и т. д.

Можетъ быть, это очень дурно; но несомнѣнно, что въ этомъ состояло главное стремленіе людей 1848 г., и теперь оно остается главнымъ стремленіемъ рабочаго сословія. Когда эти идеи осуществятся въ той или другой формѣ, общество получитъ и новое государственное устройство.

Въ настоящее время масса образованныхъ и необразованныхъ людей смотритъ на современное правительство какъ на нѣчто временное, преходящее. Само правительство такъ смотритъ на свои учрежденія; въ глазахъ самого императора конституція Франціи недостроенное зданіе; достроить же его теперь нельзя.

Нельзя его достроить, потому что теперь Франція хочетъ строить новое зданіе, а каждое новое зданіе строится снизу; строить же политическое зданіе снизу, значитъ измѣнять его общественныя условія.

Чего же можетъ надѣяться конституціонная теорія въ такой

странѣ, въ такомъ обществѣ, при такомъ политическомъ устройствѣ?

Она хочетъ пересоздать страну посредствомъ свободы и надѣется, что свобода сольетъ всѣ партіи въ одно цѣлое. Особенно рельефно высказываетъ эту надежду Э. Лабуле [1]). „Партіи, говоритъ онъ, многочисленны во Франціи. Это очень понятно въ странѣ, пережившей столько революцій. Каждая партія имѣла власть въ своихъ рукахъ; каждая въ своемъ паденіи унесла съ собою надежды и желанія, которыхъ не оставляютъ въ одинъ день. Главнѣйшія изъ этихъ партій суть: легитимисты, клерикалы, орлеанисты, конституціоналисты и соціалисты. Каждая изъ этихъ партій враждебно смотритъ на другія. Вражда эта усиливается тѣмъ гнетомъ, который поочереди испытываетъ каждая партія. Введите свободу—все измѣнится. Будучи преслѣдуемы, партіи живутъ въ тѣни, какъ мученики; выведите ихъ на широкую сферу политической жизни — *онѣ умрутъ*. Пусть легитимисты примутъ участіе въ политической жизни—они забудутъ свои вѣковыя преданія и сдѣлаются гражданами свободной Франціи. То же сдѣлаютъ и всѣ другія партіи—онѣ полюбятъ свободныя учрежденія и поставятъ ихъ выше стремленій своихъ партій".

Выставлять такія теоріи—значитъ надѣяться, что всѣ партіи откажутся отъ стремленія къ государственной власти. Надежда—возможная только для тѣхъ, кто, повидимому, забываетъ вѣковой характеръ французской исторіи.

Конституціонная партія думаетъ разрѣшить всѣ трудности политики раздѣленіемъ властей. Вся политика партій держится на стремленіи создать единство власти, построенной на одномъ началѣ.

Партія эта думаетъ ограничить объемъ правъ власти, въ чьихъ бы рукахъ власть эта ни находилась. Всѣ партіи всегда понимали власть какъ средство доводить свои идеи до конца.

Спеціально г. Лабуле надѣется, что будущее либеральное тѣло французской народности составится изъ умѣренныхъ представителей каждой партіи, причемъ представители крайнихъ воззрѣній потеряютъ всякое значеніе. Г. Лабуле не видитъ въ этихъ крайнихъ представителяхъ каждой партіи ничего важнаго. Исторія Франціи показываетъ, что во всѣ времена, во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, наибольшую важность представляли именно представители крайнихъ воззрѣній каждой партіи, стремившейся стать властью. Не было бы монархіи безъ Людовика XI и Ришельё, революціи—безъ террористовъ.

---

[1]) *Le parti libéral, son programme et son avenir.*

Не сольются всѣ партіи въ одно мирное общество тамъ, гдѣ общество это не сплочено исторіею, гдѣ каждая партія представляетъ идею, радикально противоположную идеямъ другихъ партій, и имѣетъ особое историческое призваніе, несогласное съ видами другихъ общественныхъ сферъ.

Дѣйствительно, то, что мы называемъ исторіею Франціи, не есть исторія параллельнаго развитія всѣхъ общественныхъ силъ, а какъ бы исторія различныхъ элементовъ, одинъ за другимъ дѣйствовавшихъ во Франціи. Въ каждую эпоху своего развитія Франція вліяла на человѣчество одною какою нибудь-идеею, представляемою однимъ изъ элементовъ ея государственнаго строя. Въ этомъ отношеніи у нея не было соперниковъ: идея, выработанная ею въ извѣстную минуту, достигала полнаго и всесторонняго развитія. Нигдѣ идеи не принимали такихъ истинно-грандіозныхъ формъ, какъ здѣсь. Это понятно. Каждая идея была продуктомъ всей массы общественныхъ силъ, направленныхъ въ одну сторону. Повидимому, всѣ силы Франціи уходили на то, чтобы послѣдовательно давать міру типы рыцаря, короля, республиканца. Кто могъ въ XIII и XIV вѣкѣ сравниться съ грандіозно-изящнымъ типомъ французскаго рыцаря? Не всѣ ли монархи XVII и XVIII столѣтія были блѣдною копіею съ „великаго короля“ Людовика XIV? Кто изъ демократовъ и демократиковъ разныхъ народовъ сравнится съ величіемъ царственнаго Мирабо или льва-Дантона?

Велико было историческое значеніе Франціи, разсматриваемое съ этой стороны. Многимъ обязано человѣчество этимъ идеямъ, принимавшимъ плоть и кровь въ такихъ типахъ. Но чего стоили Франціи эти услуги, оказанныя человѣчеству? Увы! Нерѣдко Франція проигрывала въ той же мѣрѣ, въ какой выигрывало человѣчество. Франція выработала типъ изящнѣйшаго рыцаря—какъ бы для того, чтобы послѣ изгнать аристократическій элементъ изъ своей общественной организаціи; давала міру блестящіе образцы королей, и послѣ отсѣкала королевскую власть отъ своего государства; выставляла фалангу блестящей демократіи и всю ее приносила въ жертву тупоумной демагогіи.

Съ такими пріемами Франціи никогда не удавалось создать земскаго государства. Эпохи ея исторіи суть циклы развитія и исключительнаго господства извѣстныхъ началъ. Послѣдній изъ такихъ цикловъ начинается эпохою революціи.

Великая революція имѣетъ то роковое значеніе, что она не только закончила историческое развитіе трехъ силъ, на которыхъ держался старый порядокъ, но и заключила на время историческое развитіе Франціи. Ни одна изъ прежнихъ историческихъ партій не можетъ

дать ничего новаго. Онѣ сами со страхомъ ждутъ чего-то новаго отъ невѣдомой еще силы. Вслѣдствіе этого почти никто не ждетъ конституціи, а всѣ ждутъ революціи.

Старыя партіи хотятъ революціи для себя, и боятся ея другъ отъ друга; всѣ вмѣстѣ опасаются ея отъ новой партіи, которую зовутъ четвертымъ сословіемъ, пролетаріями, соціалистами и рабочими и которая сама себя зоветъ народомъ. *Въ виду* этой революціи, партія, обладающая властью, хочетъ удержать за собою неограниченное господство, и думаетъ, что оно недостаточно неограниченно; другія партіи согласны лучше на неограниченное господство военной диктатуры, чѣмъ на успѣхъ другой партіи; *для этой* революціи новая партія выноситъ господство диктатора, во-первыхъ, потому что онъ давитъ другія партіи,—во-вторыхъ, потому что онъ приберегаетъ неограниченную власть для нея.

И зданіе конституціи остается недостроеннымъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ

ГЕГЕЛЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ ГЕГЕЛЯ [1].

I. Задача Гегелевской философіи [2].

Начиная свои лекціи въ Берлинскомъ университетѣ 22-го октября 1818 года, Гегель доказывалъ своимъ новымъ слушателямъ, что именно въ эту эпоху философія могла обратиться къ истиннымъ своимъ за-

---

[1]) Задача этой и послѣдующихъ статей очень скромна. Авторъ не имѣлъ въ виду представить въ нихъ исторію философіи и еще менѣе пространную критическую оцѣнку отдѣльныхъ философскихъ системъ. Единственная цѣль его труда заключается въ краткомъ, но по возможности полномъ воспроизведеніи системъ величайшихъ политическихъ мыслителей, съ тѣмъ чтобы каждый, прочитавъ подобную статью, могъ получить удовлетворительное понятіе о томъ, *что и на какомъ философскомъ основаніи сказалъ извѣстный мыслитель.* Рядъ статей, написанныхъ по этому плану, составитъ, по мнѣнію автора, полезную справочную книгу для студентовъ, которымъ часто приходится встрѣчаться съ отдѣльными мнѣніями великихъ мыслителей, и которые лишены возможности ознакомиться съ ихъ системами, во всей ихъ цѣлости. Знакомство съ мыслителями въ подлинникѣ часто нашимъ студентамъ не подъ силу. Сочиненія по исторіи философіи, если они обширны, не могутъ служить справочными книгами; краткія же, по мнѣнію автора, приносятъ мало пользы, такъ какъ изъ нихъ можно получить понятіе только о хронологической послѣдовательности системъ. Притомъ каждая исторія философіи, слѣдя за развитіемъ философскихъ понятій во всѣхъ ихъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, во множествѣ разныхъ системъ, нерѣдко лишаетъ читателя возможности выдѣлить систему одного мыслителя изъ массы другихъ и рельефно представить ее себѣ. Между тѣмъ имена Канта, Фихте, Гегеля, Конта и т. д. заслуживаютъ того, чтобы каждый могъ, не пускаясь въ долгія изслѣдованія, отчетливо представить себѣ, какое философское міросозерцаніе скрывается за ними. Облегчить публикѣ, и преимущественно студентамъ, этотъ трудъ и есть задача этихъ статей.

[2]) Георгъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Гегель родился въ 1770 году; умеръ отъ холеры 24-го ноября 1831 года. Въ теченіе своей жизни онъ былъ домашнимъ учителемъ, профессоромъ, ректоромъ гимназіи, издателемъ журналовъ и газетъ. Послѣднею должностью, на которой онъ пріобрѣлъ міровую извѣстность, было мѣсто профессора въ Берлинскомъ университетѣ. Онъ поступилъ сюда послѣ изданія своей знаменитой *Энциклопедіи философскихъ наукъ*, въ 1818 году. Изъ сочиненій

дачамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ занять подобающее ей положеніе среди образованнаго общества. Великая борьба за независимость Германіи, говорилъ Гегель, отвлекла силы и вниманіе народа къ внѣшнимъ событіямъ, къ внѣшней дѣятельности. „Борьба, имѣвшая цѣлью возстановить и спасти государство и политическую цѣлость народной жизни, овладѣвала всѣми способностями духа, силами всѣхъ состояній, а также и внѣшними средствами, такъ что внутренняя жизнь духа не могла найти должнаго спокойствія“. Но, продолжаетъ онъ, „такъ какъ въ настоящее время поставлена преграда этому потоку дѣйствительности, и нѣмецкій народъ спасъ свою *національность эту основу всякой живой жизни*, то наступило время, когда, вмѣстѣ съ порядкомъ въ дѣйствительномъ мірѣ, можетъ расцвѣсти въ государствѣ свободное царство мысли“. Мысли Гегель обѣщаетъ полное господство и торжество въ практическомъ мірѣ. Рѣдкій мыслитель выступалъ съ такою громадною вѣрою въ духъ и его могущество, какъ знаменитый Берлинскій философъ. „Духъ, — говоритъ онъ, — ужъ обнаружилъ свое могущество, такъ что въ настоящее время *прочны однѣ идеи и то, что̀ согласуется съ идеями*, и только то имѣетъ цѣнность, что̀ можетъ оправдать себя предъ умомъ и предъ мыслію“. Дѣло обновленія философіи было предоставлено, по мнѣнію Гегеля, Германіи вообще и Прусскому государству въ особенности. Другіе народы какъ бы отказались отъ жизни духа: „Состояніе философіи и значеніе этой науки у другихъ народовъ показываетъ, что ея имя еще сохранилось у нихъ, но что смыслъ этого имени измѣнился, и самый предметъ исчезъ, такъ что у нихъ едва осталось воспоминаніе о ней или предчувствіе ея. Эта наука нашла себѣ убѣжище въ Германіи и живетъ только въ ней“.

Но при какихъ же условіяхъ Германія могла, по мнѣнію Гегеля, исполнить лежавшую на ней задачу? Историческое призваніе не есть еще залогъ того, что призванный народъ выполнитъ задачу, выпавшую ему на долю. Евреи были призваны къ охраненію догмата единобожія, но сколько разъ забывали они Іегову и приносили жертву идоламъ! Чего же требовалъ Гегель отъ своего народа?

Его мысли относительно этого предмета можно изложить въ немногихъ словахъ.

Для того, чтобы философское движеніе, начавшееся въ Германіи,

---

его, кромѣ *Энциклопедіи*, наиболѣе замѣчательны: *Логика*, *Философія духа*, *Исторія философіи*, *Философія исторіи* и *Философія права*. Это послѣднее сочиненіе носитъ заглавіе: *Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse*. Оно составляетъ главный источникъ для изученія политической философіи Гегеля. Кромѣ того многія указанія относительно этого предмета заключаются въ его *Философіи духа*.

могло достигнуть своей цѣли, необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, философія должна обратиться къ своему истинному предмету, къ познанію истины вообще; и во-вторыхъ, она должна найти методъ, посредствомъ котораго можетъ быть открыта эта истина.

Двѣ опасности грозили возрождавшейся философіи: во-первыхъ, эмпиризмъ, полагавшій, что истина, общая сущность и причина міра не доступны знанію, и что разумъ можетъ изслѣдовать одни явленія, и во-вторыхъ, историческое направленіе, полагавшее объяснить законы человѣческаго развитія при помощи однихъ внѣшнихъ историческихъ событій. Эти опасности, по мнѣнію Гегеля, были весьма велики въ то время, какъ онъ открывалъ свои чтенія въ Берлинѣ.

„Поверхность и пошлость мысли, — говоритъ онъ, — дошли до того, что нашлись люди, которые утверждали и считали доказаннымъ, что знаніе истины невозможно, что сущность міра и духъ есть непостижимое и непонятное существо. Они увѣряли, что знаніе неприложимо къ абсолютному, къ тому, что̀ есть истиннаго и абсолютнаго въ природѣ и въ духѣ; они пришли къ двоякому результату—съ одной стороны, что истина не доступна знанію, но что одно ложное, одно случайное и преходящее пользуется этимъ преимуществомъ, а съ другой стороны, что собственный предметъ науки составляютъ внѣшнія историческія событія или случайныя обстоятельства, среди которыхъ явилась эта мнимая истина... Можно сказать, продолжаетъ Гегель, что съ тѣхъ поръ, какъ философія начала развиваться въ Германіи, она никогда еще не находилась въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, потому что никогда еще такое ученіе, такое пренебреженіе къ разумному знанію не пріобрѣтало такихъ размѣровъ и не обнаруживало такихъ притязаній“.

Но время это проходитъ [1]. „Душа чистая и здоровая еще жаждетъ знать истину, а философія живетъ въ царствѣ истины, и занимаясь ею, мы становимся соучастниками этого царства. Все, что̀ есть истиннаго, великаго и божественнаго въ жизни, все это есть дѣло *идеи*, и предметъ философіи состоитъ въ томъ, чтобъ узнать идею въ ея истинной и всеобщей формѣ“.

Итакъ, философія, по ученію Гегеля, должна быть направлена на познаніе абсолютнаго. Если предметы видимаго міра суть только необходимыя проявленія абсолютнаго, то они, очевидно, не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Обращая свое изслѣдованіе на міръ со стороны его явленій, мы ничего не узнаёмъ. Истинное знаніе есть

[1]) Какъ горько ошибся въ этомъ отношеніи Гегель! Онъ не подозрѣвалъ, что ему суждено быть однимъ изъ послѣднихъ представителей философскаго движенія въ Германіи, и что въ этой странѣ *исторія философіи* именно и займетъ мѣсто философіи.

знаніе всеобщей сущности, раскрывающейся въ предметахъ. Оставляя міръ частнаго, преходящаго, мы должны возвыситься до идеи всеобщаго, не преходящаго. Но абсолютное въ природѣ есть духъ, а абсолютное проявленіе духа есть идея.

Итакъ, философія есть духъ, сознавшій себя въ своей абсолютной формѣ, то-есть въ формѣ идеи. Поэтому нѣтъ философіи, если она не построена на самосознаніи духа; нѣтъ самосознанія духа, если онъ не направленъ на познаніе идеи. Идея, какъ причина міра; саморазвитіе идеи, какъ міровой процессъ, какъ жизнь міра; познаніе этой идеи и законовъ ея саморазвитія, какъ задача мыслящаго духа: такова исходная точка и задача Гегелевской философіи.

На какихъ же основаніяхъ Гегель утвердилъ свою философію и построилъ свою систему?

II. Общія основанія философіи Гегеля.

Философская система Гегеля обыкновенно называется *пантеистическою*. Пантеизмомъ называется всякая система, признающая одну внутреннюю (имманентную), а не внѣшнюю причину міра, субстанцію. Субстанція эта есть причина самой себя и всего міра; но она есть причина не произвольная, а *необходимая*. Природа есть слѣдствіе субстанціи, а не ея *твореніе*. Но такъ какъ субстанція по существу своему абсолютна, такъ какъ она есть безконечная и вѣчно дѣйствующая причина сущаго, то міръ не только произошелъ отъ нея, но и постоянно происходитъ, измѣняя свои формы. Субстанція постоянно *дѣйствуетъ* въ природѣ. Это дѣйствованіе не имѣетъ характера *свободныхъ* актовъ, направленныхъ къ извѣстнымъ *цѣлямъ*. Субстанція дѣйствуетъ по законамъ *причинности*; изъ необходимыхъ, вѣчно присущихъ основаній, аттрибутовъ субстанціи, вѣчно происходятъ извѣстныя послѣдствія. Міръ, такимъ образомъ, есть законченное, само на себя опирающееся и саморазвивающееся цѣлое. Всѣ части его, и въ состояніи покоя, и въ міровомъ процессѣ, состоятъ въ необходимыхъ, законосообразныхъ отношеніяхъ, въ непрерывной связи. Эта необходимая связь вещей и ихъ законосообразность есть міровой разумъ; познать міровой разумъ значитъ познать міровой порядокъ; это и есть задача философіи. Вотъ сущность пантеизма въ его самомъ общемъ выраженіи.

Гегель, какъ мы сейчасъ увидимъ, вращался въ этомъ кругу идей. Но опредѣлять его систему просто названіемъ пантеизма значило бы не дать ей точнаго опредѣленія. Какъ опредѣлялъ онъ субстанцію, процессъ міроваго развитія, законы, опредѣляющіе отношеніе между предметами? Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ его

ученіе представляетъ вполнѣ оригинальную и законченную систему.

Мы можемъ искать сущности всего въ реальной субстанціи, которая есть какъ-бы *универсальная вещь*, къ которой всѣ другія относятся какъ ея видоизмѣненіе, какъ проявленіе ея свойствъ. Это будетъ точка зрѣнія Спинозы. Задача философіи, основанной на такомъ воззрѣніи, будетъ состоять въ исчисленіи аттрибутовъ субстанціи и свойствъ существъ (модусовъ), происходящихъ отъ субстанціи. При такомъ методѣ познаванія, дѣятельность мыслящаго духа, разума, остается незамѣченною. Разумъ не спрашиваетъ себя, можетъ ли онъ знать аттрибуты, свойства сущности и самую сущность; онъ не задаетъ себѣ вопроса, какъ онъ открылъ извѣстные аттрибуты. Онъ какъ-бы безотчетно слѣдуетъ за выводами, вытекающими изъ первоначальныхъ аксіомъ. Эту систему можно назвать системою *догматическаго пантеизма*.

Но мы можемъ и иначе отнестись къ природѣ. Міръ лежитъ предъ нами какъ матерія, свойствъ которой мы не можемъ понять изъ нея самой, посредствомъ простого вывода изъ ея аттрибутовъ, какъ первоначальныхъ данныхъ. Мы можемъ познавать вещи посредствомъ категорій, присущихъ нашему разуму, или понятій, созданныхъ имъ. Всѣ вещи имѣютъ протяженіе. Откуда взялось понятіе о протяженіи? Спиноза отвѣчаетъ на это: протяженіе есть аттрибутъ субстанціи; аттрибутъ познается изъ ея сущности. Раціоналистическая философія возражаетъ: мы не можемъ знать сущности вещей; мы знаемъ только явленія; слѣдовательно, мы не можемъ дѣлать никакихъ выводовъ изъ аттрибутовъ субстанціи о ней самой. Стало быть, та всеобщая связь вещей, тотъ міровой порядокъ, который въ философіи Спинозы выводится изъ свойствъ субстанціи, можетъ быть конструированъ только при помощи категорій нашего разума. Такъ, понятіе причинности (связи причины съ послѣдствіемъ), по ученію Спинозы, вытекаетъ изъ понятія субстанціи; по ученію раціонализма, понятіе причинности есть категорія разума. По ученію Спинозы, протяженность есть аттрибутъ субстанціи; по ученію раціонализма—категорія разума. При помощи этихъ категорій, мы составляемъ себѣ понятія о порядкѣ и законахъ природы, на основаніи понятій строимъ сужденія. Такова точка зрѣнія Канта. Ученіе о категоріяхъ разума, о понятіяхъ и сужденіяхъ составляетъ содержаніе логики, какъ науки *познаванія*.

Итакъ, мы отъ изслѣдованія субстанціи обратились къ изслѣдованію орудія познанія — разума. Вмѣсто субстанціи и ея аттрибутовъ, какъ первыхъ аксіомъ, мы получаемъ категоріи разума, какъ первыя достовѣрности. Мы прежде всего имѣемъ понятіе объ этихъ

категоріяхъ, а чрезъ нихъ уже познаемъ міръ. Но такъ какъ при помощи категорій мы познаемъ вещи только въ ихъ явленіяхъ, а не по самому ихъ существу, то вопросъ о субстанціи исчезаетъ самъ собою. Подобно тому какъ въ догматизмѣ Спинозы субстанція заслонила собою вопросъ о дѣятельности разума, въ критическомъ раціонализмѣ Канта вопросъ о дѣятельности разума и система его категорій заслонили собою вопросъ о субстанціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлена была невозможность познанія вещей въ ихъ сущности.

Но можетъ ли такое познаніе удовлетворить философствующій духъ? Что̀ мы познаемъ при помощи нашихъ категорій? Одни явленія,—стало быть, нѣчто преходящее, случайное, а не вѣчное, необходимое. Философія же можетъ удовлетвориться только познаніемъ послѣдняго.

Какъ же мы достигнемъ этого познанія? На міръ природы, на явленія во всемъ ихъ разнообразіи намъ нечего расчитывать. Не доказала ли критика Канта, что общее въ природѣ, ея порядокъ и причинная связь явленій суть категоріи разума? А высшее обобщеніе понятій, идея, не есть ли продуктъ мышленія? Итакъ, пусть философія ищетъ общаго, необходимаго въ категоріяхъ и понятіяхъ разума. Но для этого должно подняться выше критицизма Канта. Разумъ, изъ простого орудія познанія, долженъ превратиться въ сущность вещей. Только онъ имѣетъ реальное существованіе, все остальное есть его проявленіе, его представленіе. Какой же разумъ положимъ мы въ основаніе новой философіи? Раціонализмъ строилъ свои системы на понятіи индивидуальнаго разума, на понятіи субъективнаго мышленія. Ближайшая реформа раціонализма была построена на этой же основѣ. Фихте въ разумѣ, считавшемся до тѣхъ поръ совокупностью категорій и понятій, призналъ творческую силу, единственное самостоятельное бытіе въ природѣ. Все остальное имѣетъ значеніе только *представленій* мыслящаго субъекта. Познавая внѣшній міръ, я познаю только свои представленія, мною же созданныя. Таково основаніе *субъективнаго идеализма*. Но несостоятельность этой системы обнаружилась весьма скоро: она не удовлетворяла коренному условію философіи, построенной на понятіи единой сущности. Признавая одну сущность, мы должны признать тождество ея проявленій съ нею самою. Тождественъ ли объективный міръ съ субъективною сущностью? Въ чемъ состоитъ связь мыслимаго объекта съ мыслящимъ субъектомъ? Представленіе о предметѣ есть произведеніе мыслящаго *я*; слѣдовательно, представленіе, какъ проявленіе мыслящаго духа, тождественно съ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и предметъ представленія, существующій въ природѣ, соединяется съ мыслящимъ субъектомъ въ этомъ представленіи. Такимъ образомъ, внѣшній міръ (*поп-*

ego) и мыслящій субъектъ отождествляются въ представленіяхъ послѣдняго. Немного нужно было усилій, чтобы выяснить всю призрачность этого тождества. Система Фихте была только переходною ступенью къ двумъ громаднымъ системамъ Шеллинга и Гегеля. Шеллингъ призналъ одинаково реальность и мыслящаго субъекта и объекта. Но затѣмъ онъ объявилъ, что оба они суть произведенія высшей мірообразующей силы, абсолютнаго *я*, которое проявляется въ мірѣ, какъ безусловный разумъ. Въ немъ *ego* и *non-ego* отождествляются вполнѣ. Познавая этотъ разумъ, мы познаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и міръ въ его явленіяхъ. Каждое явленіе можетъ быть познано не въ отношеніяхъ его къ другимъ явленіямъ или къ нимъ самимъ, а въ отношеніи его ко всеобщему и какъ одно изъ проявленій всеобщаго. Міръ можетъ быть познанъ какъ *міровой разумъ* въ его безконечныхъ и разнообразныхъ проявленіяхъ. Это—основаніе философіи *объективнаго идеализма*.

Но что̀ такое этотъ міровой разумъ? Есть ли это аттрибутъ какого нибудь существа? Есть ли это самостоятельное бытіе? Если мы признаемъ, что это есть аттрибутъ высочайшаго индивидуальнаго существа, то мы придемъ къ религіозному міросозерцанію; если признать его за аттрибутъ субстанціи, мы придемъ къ спинозизму. Ни то, ни другое воззрѣніе не согласно съ началомъ раціоналистической философіи. Нельзя также признать за нимъ самостоятельнаго, индивидуальнаго бытія. Бытіе разума, какъ мыслящей субстанціи, предполагаетъ *мыслимый объектъ*, нѣчто̀ отъ него отличное; стало быть, такой разумъ не можетъ быть *всеобщимъ* въ мірѣ, а это именно и предполагается отождествленіемъ субстанціи и ея проявленій. Итакъ, разумъ не можетъ быть признанъ способностью, аттрибутомъ какого-нибудь субъекта; онъ не можетъ быть самъ субъектомъ. Остается, слѣдовательно, признать *безличность* разума, такое состояніе его, въ которомъ нѣтъ ни мыслящаго субъекта, ни мыслимаго объекта, но въ которомъ все существуетъ какъ чистое понятіе. Но для того, чтобы такой разумъ могъ быть дѣятельною причиною міра, необходимо разсматривать его какъ совокупность не неподвижныхъ, а развивающихся понятій, необходимо разсматривать разумъ въ его дѣятельности. Дѣятельность разума есть *мышленіе*. Итакъ, дѣятельность безличнаго разума, *чистое мышленіе*, вотъ первое мірообразующее начало. Это почва *абсолютнаго идеализма*, отысканная Гегелемъ.

Если чистое мышленіе признается мірообразующимъ началомъ, то мы неизбѣжно должны дойти до того результата, что жизнь міра подчинена законамъ мышленія; другими словами, что законы бытія тождественны съ законами мышленія. Слѣдовательно, объясняя процессъ міроваго развитія, мы должны прежде всего объяснить путь,

по которому движется мысль, то-есть исходную точку, моменты движенія и результатъ мышленія.

Чистое мышленіе первоначально заключаетъ въ себѣ абстрактныя понятія, не имѣющія никакого содержанія, не воплощенныя ни въ какомъ конкретномъ представленіи. Лучше сказать, чистое мышленіе содержитъ въ себѣ идею въ ея абстрактныхъ понятіяхъ. Дѣятельность мышленія заключается въ раскрытіи содержанія понятія, то-есть въ опредѣленіи, посредствомъ конкретныхъ представленій, заключающихся въ понятіи признаковъ. Но мысль, давая идеѣ конкретное опредѣленіе, тѣмъ самымъ ограничиваетъ ее, такъ какъ абсолютное не можетъ быть заключено въ одностороннее опредѣленіе. Первое положеніе мысли (*thesis*), выражающее извѣстное понятіе, ограничивается другимъ положеніемъ, прямо ему противоположнымъ. а потому отрицающимъ его. Безъ такого противоположенія (*antithesis*) не было бы даже возможности составить первое. Мы не могли бы составить понятіе о бытіи, если бы мышленіе не содержало въ себѣ понятія о небытіи. Итакъ, первое положеніе ограничивается своимъ противоположеніемъ, тѣсно связаннымъ съ нимъ и отрицающимъ его. „Omnis determinatio est negatio“, говорилъ еще Спиноза, и Гегель согласенъ съ нимъ. Но положеніе и противоположеніе суть только два термина одного и того же понятія, представляющіе различныя формы его бытія. Мысль не можетъ оставаться въ этомъ противоположеніи представленій; она возвращается къ первоначальному единству идеи и находитъ новый высшій терминъ, соединяющій два первыя противоположенія (*synthesis*). Такъ понятія бытія и небытія соединяются въ понятіи происхожденія (Werden), которое есть переходъ отъ одного къ другому, соединеніе того и другого. Но первый синтезъ, хотя и содержитъ уже въ себѣ нѣкоторыя опредѣленныя понятія, есть еще нѣчто абстрактное, подлежащее новому анализу. Здѣсь повторяется тотъ же процессъ, тѣ же три момента мышленія. Процессъ этотъ повторяется до безконечности, до тѣхъ поръ, пока всѣ признаки, заключающіеся въ абстрактномъ понятіи, не будутъ объектированы въ конкретныхъ понятіяхъ и не будутъ сведены ко всеобщему синтезу, въ которомъ мысль можетъ созерцать первоначальную идею во всемъ ея содержаніи, получившемъ конкретную объективность. Другими словами, конечный результатъ мыслительнаго процесса состоитъ въ анализѣ всего содержанія идеи, вслѣдствіе чего объективное представленіе ея будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ея абстрактной всеобщности. Это тождество между идеею въ абстрактѣ и идеею въ ея объективномъ содержаніи и будетъ абсолютная идея. Абсолютность идеи, то-есть соотвѣтствіе между идеею, какъ она существуетъ въ чистомъ понятіи, и какъ она существуетъ въ объектѣ, обусловливаетъ ея *дѣйстви-*

тельность (Wahrheit), то-есть идея получаетъ настоящее бытіе. Идея въ абстрактномъ понятіи, то-есть безъ опредѣленнаго представленія, не имѣетъ дѣйствительности, бытія; конкретныя понятія, не соотвѣтствующія абсолютному содержанію идеи, также не имѣютъ настоящей дѣйствительности (напримѣръ, разныя химерическія понятія). „Дѣйствительная идея",—по опредѣленію Гегеля—„это истина, какъ она есть въ самой себѣ и для себя; она есть абсолютное единство понятія и объекта. Ея идеальное содержаніе есть не что иное, какъ понятіе въ его опредѣленіяхъ; ея реальное содержаніе есть только раскрытіе ея самой въ формѣ внѣшняго существованія, которое она объединяетъ въ своей власти и въ своемъ тождествѣ".

Таковъ этотъ діалектическій процессъ мышленія или знаменитый законъ трехъ моментовъ, который составилъ славу Гегелевской философіи. Примѣнимъ его къ міровому процессу.

Ф. Шталь, въ своей *Исторіи философіи права*, отчасти справедливо замѣтилъ, что воззрѣнія Гегеля на первую причину міра и законы его развитія могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ: логическій законъ трехъ моментовъ есть Богъ. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, Гегель признаетъ мірообразующимъ началомъ чистое мышленіе; слѣдовательно, понятія, заключающіяся въ чистомъ мышленіи, суть истинная сущность всѣхъ вещей; понятія осуществляются въ мірѣ по логическимъ законамъ мышленія, то-есть діалектическимъ путемъ.

Міровой процессъ есть не что иное, какъ вѣчное діалектическое развитіе идеи. Первоначально существуютъ только чистыя понятія бытія, или другими словами, міръ первоначально существуетъ въ понятіяхъ, не имѣющихъ реальнаго содержанія [1]). Бытіе въ абстрактныхъ понятіяхъ есть *чистое бытіе*. Здѣсь нѣтъ реальныхъ предметовъ, представляющихъ собою понятія, въ ихъ разнообразіи и противоположеніи; нѣтъ различія между субъектомъ и объектомъ, идеальнымъ и реальнымъ, и т. д. Идея существуетъ въ себѣ абстрактно, не сознавая себя. Понятія предметовъ въ чистомъ бытіи тождественны съ необходимыми категоріями мысли (категоріи количества, качества,

---

[1]) Вотъ какъ это объясняетъ самъ Гегель: „Понятія существуютъ прежде предметовъ, и предметы обязаны своими качествами тому понятію, которое живетъ и обнаруживается въ нихъ. *Религія признаетъ то же самое*, когда она учитъ, что Богъ создалъ міръ изъ ничего, или другими словами, что весь міръ и всѣ вещи произошли изъ одного общаго источника, изъ полноты Божественныхъ мыслей и предначертаній. Это значитъ *что мысль*, или точнѣе, понятіе есть безконечная форма или *свободная творческая дѣятельность, которая осуществляетъ свое содержаніе, не нуждаясь во внѣшнемъ матеріалѣ*". *Энциклопедія философскихъ наукъ* и *Логика*, § 163.

причины, дѣйствія, жизни, желанія, добра и т. д.). Поэтому ученія о мірѣ въ его отвлеченныхъ понятіяхъ и ученія о категоріяхъ, законахъ мышленія, совпадаютъ и одинаково составляютъ предметъ Гегелевской логики. Затѣмъ, дѣятельностью чистаго мышленія, понятія чистаго бытія объективируются, становятся *внѣшнимъ міромъ, природою.* Содержаніе идеи раскрывается въ совокупности реальныхъ предметовъ. Первоначальное безразличіе, тождество понятій превращается въ систему реальныхъ противоположностей, различій видимаго міра, внѣшнихъ предметовъ. Единство абстрактной идеи исчезаетъ въ разнообразіи природы. Но тѣмъ же самымъ діалектическимъ путемъ реальная природа переходитъ къ первоначальному единству. Мышленіе, раскрывъ содержаніе идеи во всемъ ея разнообразіи, возвращается въ себя, то-есть дѣлаетъ само себя предметомъ созерцанія, можетъ созерцать идеальное и реальное содержаніе идеи, *понятіе* и *бытіе.* На этой ступени идея становится *духомъ,* въ которомъ соединяются два предыдущіе момента идеи, абстрактный и реальный, тезисъ и антитезисъ. Духъ есть, слѣдовательно, высшій синтезъ міра, абсолютное въ природѣ. Эти двѣ послѣднія ступени развитія идеи даютъ содержаніе двумъ отдѣламъ философіи—философіи природы и философіи духа.

Порядокъ діалектическаго процесса идеи указываетъ на его сущность. Если законы мірового процесса тождественны съ законами мышленія, то-есть съ логическими законами, то мірозданіе и жизнь міра не обусловливаются никакою внѣшнею, свободною причиной. Причина міра присуща, имманентна ему; она дѣйствуетъ по законамъ необходимости. Философіи Гегеля чужда идея творенія и міроправленія; жизнь міра есть *діалектическое саморазвитіе идеи.* Сущность этого саморазвитія состоитъ въ стремленіи къ абсолютному, то-есть къ тому моменту развитія идеи, когда мышленіе, объективировавъ все ея содержаніе, достигнетъ полнаго тождества понятія и бытія, абстрактнаго и реальнаго, когда объективное выраженіе идеи будетъ соотвѣтствовать ея абстрактному опредѣленію. Поэтому идея необходимаго и непрерывнаго *прогресса,* состоящаго въ безпрерывномъ разрѣшеніи постоянно обнаруживающихся противорѣчій въ жизни, лежитъ въ основаніи Гегелевской философіи. Міръ не знаетъ покоя, какъ не знаетъ его мысль.

Несмотря на этотъ логическій результатъ Гегелевской философіи, ее постоянно упрекаютъ въ такъ-называемомъ *квіетизмѣ.* Основанія этого упрека заключаются въ томъ *отношеніи,* какое Гегель устанавливаетъ между субъективною дѣятельностью, субъективною волею, и историческимъ прогрессомъ. Понятіе саморазвитія идеи, какъ мы видѣли, исключаетъ понятіе свободно дѣйствующихъ причинъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ, и возможности участія личной воли въ міровомъ развитіи.

Прогрессъ совершается *въ мірѣ* необходимо, безъ участія постороннихъ силъ. Отдѣльная личность, незамѣтный и преходящій сосудъ идеи, можетъ только познать, въ чемъ состоятъ законы прогресса, и затѣмъ подчиниться неизбѣжному ходу вещей. *Созерцаніе* (спекуляція) — вотъ единственно возможное для разумной личности отношеніе къ ходу исторіи. Если міръ есть осуществленіе идеи по законамъ мышленія, если сущность этого осуществленія состоитъ въ развитіи понятій, заключающихся въ идеѣ, то изъ этого ясно можно понять задачу науки, задачу философіи. Задача философіи заключается въ раскрытіи того, что̀ заключается въ понятіи; задача науки въ наблюденіи надъ тѣмъ, какъ это понятіе раскрывается само собою въ міровомъ процессѣ [1]). И въ томъ и въ другомъ случаѣ мыслитель относится къ предмету познанія какъ къ чему-то необходимому. Философъ, анализируя понятіе, находитъ только то, что̀ въ немъ есть по самой необходимости, чего въ немъ не можетъ не быть. Ученый, наблюдая міровой процессъ, видитъ, какъ понятіе *реализируется* во внѣшнемъ бытіи, какъ идея проходитъ всѣ необходимые моменты своего развитія. Онъ не можетъ строить себѣ никакихъ идеаловъ, говорить о томъ, что̀ должно бы быть; его дѣло понять то, что̀ *есть*. Осуществленіе идеи есть осуществленіе разума; каждый моментъ его развитія есть извѣстная форма бытія разума. Все существуетъ такъ, какъ требуетъ того разумъ въ его необходимомъ логическомъ осуществленіи. Поэтому первою аксіомою для настоящаго мыслителя должно быть слѣдующее положеніе: „Что̀ разумно, то существуетъ; что̀ существуетъ, то разумно“ [2]).

III. Основаніе и задачи науки права и государства.

Зная исходную точку и методъ философа, мы знаемъ всю его систему; особенно это вѣрно по отношенію къ такому систематическому и послѣдовательному мыслителю, каковъ Гегель. Поэтому мы и остановились такъ долго на общемъ характерѣ его философіи. Фило-

---

[1]) Вотъ какъ самъ Гегель опредѣляетъ задачу философіи: „Der ganze Fortgang des Philosophirens als methodischer, das heisst, als nothwendiger, ist nichts Anderes als nur bloss das Setzen dessjenigen, was in einem Begriffe schon enthalten ist“. *Энциклопедія философскихъ наукъ*, § 88.

[2]) *Philosophie des Rechts*. Vorrede, стр. 17. Изъ этого положенія поверхностные умы обыкновенно заключають, что Гегель проповѣдывалъ теорію подчиненія существующимъ фактамъ. Ниже мы увидимъ, что̀ онъ разумѣлъ подъ этими словами. Объ отношеніи философствующаго духа къ предмету см. тамъ же, § 31, стр. 65 и слѣд.

софія права и государства (какъ часть философіи права) должна имѣть ту же задачу, какъ и философія вообще; въ изслѣдованіяхъ своихъ она должна пользоваться общефилософскимъ методомъ. Послѣдуемъ теперь за Гегелемъ въ эту сферу знанія.

„Философская наука права"—говоритъ онъ—„имѣетъ своимъ предметомъ *идею* права, понятіе права и его осуществленіе" [1]).

Такимъ образомъ, философія не пускается въ изслѣдованіе, чѣмъ должно быть право и какъ оно должно быть осуществлено въ общежитіи, не ищетъ внѣшняго критеріума права и средствъ къ его установленію. Она также беретъ идею права въ *данныхъ* ея опредѣленіяхъ и показываетъ, какъ она *осуществляется*.

Съ этой же точки зрѣнія Гегель смотритъ и на науку о государствѣ. „Задача этого труда"—говоритъ онъ—„состоитъ не въ томъ, чтобы показать, чѣмъ должно быть государство, но въ томъ, какъ оно можетъ быть познано" [2]).

Въ этомъ смыслѣ философія Гегеля имѣетъ дѣло *съ дѣйствительными, осуществившимися идеями.* Въ чемъ же Гегель видитъ дѣйствительность идеи? Пока идея существуетъ только въ своихъ абстрактныхъ опредѣленіяхъ, она не имѣетъ дѣйствительнаго бытія. Конкретные факты, представляющіе собою частныя, преходящія понятія, также не имѣютъ такого бытія. Только тогда, когда конкретное выраженіе идеи вполнѣ соотвѣтствуетъ ея понятію, она имѣетъ дѣйствительное бытіе. Гегель одинаково врагъ какъ абстрактныхъ представленій, если философствующій умъ останавливается только на нихъ, такъ и *фактовъ*, взятыхъ сами по себѣ. Онъ далекъ и отъ утопій, и отъ освященія совершившихся фактовъ. Фактъ, несогласный съ понятіемъ, есть призрачное существованіе; идея, не осуществившаяся въ конкретномъ мірѣ, не есть еще бытіе. „Все,—говоритъ онъ,—что не есть дѣйствительность, установленная самимъ понятіемъ, есть преходящее бытіе, внѣшняя случайность, мнѣніе, не имѣющее бытія явленіе, неправда", и т. д. [3]). Теперь намъ будетъ понятно странное, повидимому, выраженіе Гегеля, что все существующее—разумно, и все, что разумно, существуетъ. Гегель сдѣлалъ ошибку, выразивъ свою философскую мысль вульгарнымъ языкомъ. Въ переводѣ на философскій языкъ означенная формула имѣетъ слѣдующій смыслъ:

Разумно только то, что существуетъ не только въ понятіи, но и въ бытіи, ибо идея безъ конкретнаго выраженія ея не есть осуществившійся разумъ. Утопія не разумна.

---

1) *Philosophie des Rechts*, стр. 22.

2) Тамъ же, стр. 18.

3) Тамъ же, стр. 22.

Дѣйствительно только то, въ чемъ можно видѣть осуществившійся разумъ, то-есть единство бытія и понятія. Неправда, преступленіе, насиліе суть явленія ничтожныя, призраки, не имѣющіе дѣйствительности и права существованія [1]).

Итакъ, познаніе идеи въ ея отвлеченныхъ опредѣленіяхъ не есть настоящее знаніе; познаніе однихъ фактовъ безъ отношенія къ идеѣ не есть знаніе. Знаніе дается намъ познаніемъ идеи въ фактахъ. Согласно этому задача науки заключается въ томъ, чтобы „развить идею, какъ разумъ предмета, изъ понятія, или, что то же самое, наблюдать самостоятельное развитіе предмета“ [2]).

Обратимся же къ идеѣ права. Идея права есть *свобода* [3]). Но свобода есть только свойство *духа*. Духъ, какъ абсолютное въ мірѣ [4]), осуществляется въ постепенномъ сознаніи человѣчества. Въ своемъ саморазвитіи духъ проходитъ три ступени: 1) Ступень субъективнаго (или въ себѣ) бытія; на этой ступени духъ существуетъ какъ всеобщее субъективное сознаніе и можетъ быть разсматриваемъ въ коренныхъ своихъ свойствахъ и способностяхъ; разсмотрѣніе этихъ способностей (души, разума и воли) въ себѣ составляетъ задачи антропологіи, психологіи и феноменологіи духа. 2) Моментъ бытія для себя, когда духъ объективируетъ себя во внѣшнемъ мірѣ, въ правѣ, въ морали и въ нравственности; это ступень объективнаго развитія духа, на которой онъ становится предметомъ *философіи права*. 3) Субъективный моментъ соединяется съ объективнымъ въ высшихъ проявленіяхъ духа— въ искусствѣ, религіи и философіи; на этой ступени духъ возвышается до полнаго самосознанія, дѣлается абсолютнымъ: онъ сознаетъ себя какъ идею.

Изъ этого видно, какое мѣсто занимаетъ ученіе о правѣ и государствѣ въ философіи Гегеля. Право и общественно-юридическіе институты суть формы *объективнаго бытія духа*. Поэтому ученіе о правѣ и государствѣ имѣетъ духовную почву [5]). Но кромѣ общаго основанія, нужно найти общее ближайшее понятіе, которое подлежало бы анализу нашей науки. Въ силу какого аттрибута духъ изъ момента субъективнаго переходитъ въ объективный? Для объективированія себя во внѣшнемъ мірѣ недостаточно субъективнаго сознанія,

---

[1]) Гегель самъ очень хорошо объясняетъ свою мысль на слѣдующемъ примѣрѣ. Онъ беретъ понятіе человѣка. Когда оно *дѣйствительно?* Когда мы видимъ въ немъ единство двухъ его аттрибутовъ—души и тѣла. Одна душа (идея) и одно тѣло (фактъ) не составятъ человѣка.

[2]) *Phil. des R.*, стр. 23.

[3]) Тамъ же.

[4]) См. выше.

[5]) Тамъ же, стр. 34: „Der Boden des Rechts ist überhaupt das Geistige“.

нужна еще практическая дѣятельность, способность самоопредѣленія. Эта способность есть *воля*. Такимъ образомъ, мы нашли ближайшую исходную точку философіи права: это понятіе *воли* [1]). Воля есть абсолютная возможность самоопредѣленія. Ея коренная сущность и ея опредѣленіе есть *свобода* (Substanz und Bestimmung). Свобода такъ же содержится въ понятіи воли, какъ тяжесть въ понятіи тѣла. „Воля безъ свободы—говоритъ Гегель—есть пустое слово, точно такъ же какъ свобода дѣйствительна только какъ воля, какъ субъектъ... Слѣдовательно, самоопредѣляющійся духъ, свободная воля, вотъ понятіе, осуществляющееся въ правѣ и государствѣ... Система права есть царство (Reich) осуществившейся свободы, міръ духа, произведенный изъ него самого, какъ вторая природа (то-есть подобно тому, какъ природа происходитъ изъ чистаго бытія)". Изслѣдовать, какъ это понятіе реализируется, есть задача философіи права.

IV. Воля и ступени ея развитія.

Мы добыли понятіе, реализирующееся въ правѣ и государствѣ, спеціальное понятіе для спеціальной сферы. Но не надобно забывать, что воля есть только одинъ изъ аттрибутовъ всеобщаго, а право и государство одна изъ ступеней развитія абсолютнаго. Укажемъ прежде всего связь этого понятія съ общими понятіями мірового процесса. Движущая сила мірового процесса есть мышленіе. Въ какомъ отношеніи стоитъ воля къ мышленію? Мышленіе и воля, говоритъ Гегель, не суть двѣ различныя вещи. Различіе между мышленіемъ и волею есть различіе между теоретическимъ и практическимъ отношеніями: они не суть двѣ способности (Vermögen), но воля есть особый видъ мышленія: она есть мышленіе, переводящее себя въ бытіе, чтобы дать себѣ существованіе [2]). Сущность процесса остается, слѣдовательно, та же; порядокъ его также не измѣняется; законъ трехъ моментовъ примѣняется къ осуществленію воли, какъ и къ реализаціи абсолютнаго. Нетрудно теперь будетъ опредѣлить общее значеніе понятія воли и указать на моменты ея развитія.

Воля есть понятіе, взятое изъ сферы абсолютнаго; поэтому она, подобно чистому бытію, разуму, не есть воля существа конечнаго или безконечнаго, она есть чистое понятіе, реализирующееся въ извѣстной сферѣ, какъ чистое бытіе реализируется въ мірѣ [3]). Подобно

---

[1]) *Phil. des R.*, стр. 34.

[2]) Тамъ же, стр. 35.

[3]) Для уясненія взгляда Гегеля на безсубъективность воли полезно имѣть въ виду его критику государственной теоріи Руссо. Руссо, говоритъ Гегель, точно такъ же выставилъ идею воли какъ основаніе своего государства. Но онъ при-

чистому мышленію, она не имѣетъ *субъекта*. Она—воля, отвлеченная отъ всякой индивидуальности, и развивается по *необходимымъ* логическимъ моментамъ. Эти моменты суть:

a) Моментъ отвлеченный, въ которомъ воля существуетъ какъ абсолютное стремленіе, не сдержанное и не опредѣленное никакими дѣйствительными стремленіями, потребностями. Въ примѣръ воли въ такомъ моментѣ развитія, Гегель приводитъ религіозный и политическій фанатизмъ, обнаруживающійся въ разрушеніи *всякаго порядка*. Воля эта дѣйствительна, по скольку она разрушаетъ, но она не въ силахъ объектироваться, обнаружиться въ новомъ порядкѣ, ибо не хочетъ его сознательно; она не хочетъ ничего положительнаго, или лучше сказать, хочетъ всего, а потому ничего не желаетъ [1].

b) Отъ этого отвлеченнаго безразличія, абсолютнаго стремленія, воля переходитъ въ моментъ безконечнаго различія конкретности,—антитезисъ перваго момента. Здѣсь воля принимаетъ форму воли индивидуальной, единичной, хочетъ уже чего-нибудь *опредѣленнаго*, но стремленіе это опредѣляется извѣстными страстями, желаніями, предметами природы и т. д. Воля какъ-бы теряетъ сознаніе своей безконечности, своей свободы, и дѣлается конечною, направляемою только на извѣстные предметы [2].

c) Воля возвращается въ себя, и стремясь къ конкретному, опредѣленному, въ то же время не теряетъ сознанія своей личности и абсолютности. Такая воля, по мнѣнію Гегеля, обнаруживается, напримѣръ, въ дружбѣ и любви. „Здѣсь человѣкъ не остается односторопенъ въ себѣ, но ограничиваетъ себя охотно по отношенію къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ *сознаетъ* себя въ этомъ ограниченіи“ [3]. Единство абстрактнаго момента воли (понятія) и внѣшняго его проявленія (бытія) есть признакъ воли дѣйствительной, абсолютной и всеобщей.

Первые два момента развитія воли односторонни; воля не проявляется въ нихъ какъ нѣчто разумное и свободное.

Въ первомъ, абстрактномъ моментѣ воля есть только понятіе; она не имѣетъ опредѣленнаго содержанія. Она можетъ направиться на одинъ предметъ точно такъ же, какъ и на другой. Всѣ проявленія ея случайны, вслѣдствіе чего она не зависитъ безусловно отъ самой себя.

далъ ей значеніе воли недѣлимыхъ, воли субъективной: въ этомъ состояла его ошибка. См. *Phil. des R.*, § 258, стр. 314 и слѣд.

[1]) Тамъ же, стр. 38 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 40.

[3]) Тамъ же, стр. 42 и слѣд.

Поэтому она столько же свободна, сколько и несвободна [1]). *Абсолютная возможность все дѣлать не есть еще свобода.*

Во второмъ моментѣ воля получаетъ опредѣленное содержаніе. Это содержаніе суть стремленія, потребности и зависящія отъ нихъ цѣли. Но воля, направляемая къ дѣйствію этими непосредственными стремленіями и страстями, подпадаетъ подъ владычество внѣшнихъ фактовъ, перестаетъ зависѣть отъ себя; проявленія ея конечны и случайны, и потому не разумны и не свободны. *Изъ того, что я совершилъ тотъ или другой поступокъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ актомъ моей воли.*

Итакъ, одно субъективное сознаніе абсолютной возможности дѣйствія не есть еще свобода воли, а *произволъ*. Воля, принявшая форму индивидуальнаго хотѣнія, опредѣляемаго единичными потребностями и страстями, не будетъ разумна, согласна съ своимъ понятіемъ. Такимъ образомъ, Гегель осуждаетъ волю на всѣхъ ступеняхъ ея индивидуальности, субъективности. Оставаясь субъективною, индивидуальною, она — или абстрактъ, или грубая физическая необходимость. Только воля, отвлеченная отъ корня индивидуальности и сознающая себя во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ, будетъ разумна и свободна [2]). Нельзя не привести одного мѣста изъ *Философіи права*, въ которомъ Гегель съ особенною ясностью формулируетъ свои воззрѣнія на сущность и содержаніе свободной воли. „Когда я хочу разумнаго, то дѣйствую *не какъ частное недѣлимое*, а по понятіямъ нравственности вообще. Въ нравственномъ дѣяніи я осуществляю не себя самого, но самый предметъ. Когда человѣкъ дѣлаетъ нѣчто противное, онъ выдвигаетъ больше всего свою особенность (Partikularität). *Разумное есть большая дорога* (Landstrasse), *по которой каждый идетъ, и на которой никто не отличается.* Когда великіе художники выполняютъ какое-нибудь произведеніе, то мы можемъ сказать: *такъ должно быть.* Это значитъ, что особенность художника совершенно исчезла, и въ его произведеніи не проявляется никакой „манеры“. Фидій не имѣетъ никакой „манеры“; образъ самъ живетъ и выступаетъ впередъ. *Но чѣмъ хуже художникъ*, тѣмъ больше можно видѣть его самого, его особенность и произволъ“ [3]).

Изъ всего вышеизложеннаго мы должны вывести слѣдующія положенія:

а) *Дѣйствительное* бытіе имѣютъ только тѣ акты воли, въ которыхъ проявляется не частное воззрѣніе и не частный мотивъ, а абсолютная идея воли.

---

[1]) *Phil. des R.*, стр. 47.

[2]) Тамъ же, § 15, стр. 50 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 52—53.

b) *Разумны* только дѣянія, необходимо вытекающія изъ самосознанія мыслящаго духа.

c) *Свободны* дѣянія, зависящія не отъ личныхъ стремленій и конкретныхъ предметовъ, а отъ общихъ опредѣленій воли.

Другими словами, разумна, свободна и дѣйствительна только *всеобщая* воля [1]).

Единичная воля на столько разумна и свободна, на сколько въ ней проявляется общая воля, и на сколько она согласна съ требованіями послѣдней.

Эта всеобщая воля осуществляется въ правѣ и государствѣ; она и есть предметъ философіи права.

V. Развитіе воли въ правѣ, морали и нравственности.

Такимъ образомъ, философія Гегеля стала въ разрѣзъ съ понятіями, господствовавшими въ его время о правѣ и его значеніи. Естественная философія и школа Канта разсматривали право какъ совокупность нормъ, необходимыхъ для обезпеченія личной свободы людей. Обезпеченіе это заключается въ опредѣленіи мѣры свободы каждой отдѣльной личности и въ запрещеніи каждому вторгаться въ сферу свободы другого лица. Такимъ образомъ, право разсматривалось какъ совокупность условій, установлявшихъ возможность законнаго сосуществованія людей, путемъ ограниченія ихъ произвола. Гегель очень опредѣленно выступаетъ противъ этого воззрѣнія. Если мы примемъ этотъ принципъ, говоритъ онъ, то разумное явится чѣмъ-то ограничивающимъ свободу, слѣдовательно, не какъ нѣчто присущее общежитію и осуществляющееся въ немъ, а какъ внѣшнее, формальное. Между тѣмъ свободное и разумное одно и то же. Ошибка Кантовской школы состоитъ въ томъ, что она дѣлаетъ свободу принадлежностью недѣлимаго и противополагаетъ ее внѣшнему порядку, праву [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое право получаетъ условное, относительное значеніе, значеніе средства. Для того, чтобъ уничтожить это противорѣчіе, необходимо измѣнить самый принципъ права, разсматривать право не какъ совокупность внѣшнихъ нормъ, ограничивающихъ волю въ ея индивидуальной формѣ, а какъ сферу непрерывнаго осуществленія свободной воли въ ея абсолютной формѣ. Въ

---

[1]) Не надобно забывать, что подъ именемъ *всеобщей* воли Гегель разумѣетъ не волю всѣхъ и каждаго и не волю большинства, а ту безличную идею, которая осуществляется въ мірѣ, независимо отъ всякой субъективной воли, большинства или меньшинства. Цѣлый народъ можетъ совершить преступленіе, и актъ его воли будетъ произволенъ, ничтоженъ предъ требованіями воли абсолютной.

[2]) *Phil. des R.*, § 29, стр. 63.

первомъ случаѣ право и его институты имѣютъ характеръ ограничительныхъ, отрицательныхъ опредѣленій; во второмъ институты права получаютъ значеніе положительныхъ формъ бытія воли и духа, формъ, имѣющихъ абсолютное значеніе, независимое отъ воли единичной. Въ первомъ случаѣ институты права суть средства; во второмъ они сами себѣ цѣль.

Идея воли, переходящей въ дѣйствительность чрезъ самосознаніе и воплощеніе себя въ объективныхъ институтахъ права,—вотъ господствующая идея философіи Гегеля. Ступени развитія воли въ сферѣ права вполнѣ соотвѣтствуютъ указаннымъ имъ моментамъ идеи воли, взятой сама по себѣ.

а) Абстрактный моментъ бытія воли въ себѣ, моментъ, когда она существуетъ какъ всеобщее субъективное сознаніе, какъ абстрактная возможность все дѣлать, — соотвѣтствуетъ первой ступени развитія воли въ правѣ. Воля прежде всего объективируетъ себя въ идеѣ *личности* и въ идеѣ непосредственнаго обладанія внѣшнимъ объектомъ. Права *личности* и *собственности* — такова первая ступень развитія воли. Эту ступень Гегель называетъ абстрактнымъ правомъ [1]). Воля, сознавая себя личностью и обладая собственностью, получаетъ *возможность* дѣйствовать во внѣшнемъ мірѣ [2]). Эти права составляютъ сферу *права* въ тѣсномъ смыслѣ. Обыкновенно юристы считаютъ ихъ почти единственнымъ содержаніемъ юриспруденціи; опредѣленіе личныхъ и имущественныхъ правъ, охраненіе ихъ посредствомъ гражданскаго процесса и уголовныхъ законовъ, вотъ что̀ считается предметомъ юридическихъ наукъ по преимуществу. По ученію Гегеля, право въ тѣсномъ смыслѣ есть низшая ступень развитія воли. На ней она не можетъ достигнуть ни самосознанія, ни самоудовлетворенія.

На этой ступени воля не даетъ еще себѣ *опредѣленнаго содержанія*. Личность, вооруженная формальнымъ правомъ, имѣетъ возможность дѣйствовать; но она еще не создала себѣ опредѣленныхъ цѣлей, общихъ мотивовъ къ дѣйствованію, ничего, что̀ направляло бы ее къ конкретнымъ дѣяніямъ. Что же можетъ дать волѣ содержаніе, или, лучше сказать, какъ она можетъ получить его? Пока воля не противополагаетъ себя внѣшнему міру какъ субъективное сознаніе, она не можетъ ни выработать себѣ опредѣленныхъ цѣлей, ни достигать ихъ въ силу сознательнаго намѣренія. Пока воля существуетъ абстрактно въ идеѣ личности, она есть, такъ-сказать, часть объективнаго міра, не отличаетъ себя отъ него и не можетъ сознательно на-

---

[1]) Объ абстрактномъ правѣ см. *Phil. des R.*, §§ 34—104.

[2]) Такимъ образомъ, Гегель видитъ въ пріобрѣтеніи *собственности* не удовлетвореніе извѣстной потребности, а только возможность дѣйствованія.

правлять на него свою дѣятельность. Но она не остается въ этомъ моментѣ. Она отражается въ себѣ, противополагаетъ свою субъективную сущность абстрактной всеобщности. На этой ступени воля образуетъ сферу *морали* [1]).

b) Воля въ сферѣ морали отъ отвлеченнаго понятія *лица* переходитъ къ понятію *субъекта*. Субъективность есть первое условіе осуществленія воли [2]).

Воля, какъ дѣйствующій субъектъ, проходитъ слѣдующія ступени развитія. Во-первыхъ, она сознаетъ себя непосредственно въ произведенномъ ею фактѣ; она совершаетъ извѣстное дѣяніе и признаетъ его за свое. Слѣдовательно, она знала, на что̀ она была направлена, хотѣла направиться на извѣстный предметъ и произвести въ немъ такую-то перемѣну. Она знаетъ свое дѣяніе и совершаетъ его намѣренно. Но такое знаніе своего дѣйствія еще не достаточно для сознающей себя воли. Она знаетъ свое дѣяніе въ его непосредственной конкретности, но не видитъ еще связи его ни со всеобщимъ, ни съ совокупностью своихъ собственныхъ интересовъ; она не знаетъ его во всѣхъ его послѣдствіяхъ, и совершая его, не руководится никакимъ общимъ планомъ. Поэтому отношеніе воли къ совершонному ею дѣянію будетъ простымъ *намѣреніемъ* (Vorsatz) [3]).

Затѣмъ воля возвышается до большей сознательности. Я знаю не только свое дѣяніе, но и всѣ его послѣдствія относительно меня самого и другихъ; не только знаю, но хочу этихъ послѣдствій; зная и желая ихъ, я предпринимаю это дѣяніе Поэтому я дѣйствую не въ силу простого намѣренія, а по сознательному *умыслу* (Absicht). Такая умышленная дѣятельность вызывается не конкретнымъ предметомъ видимой природы, возбуждающимъ во мнѣ желаніе удовлетворенія, а общимъ представленіемъ объ интересахъ какъ моихъ, такъ и другихъ лицъ Я имѣю въ виду удовлетвореніе своихъ потребностей, наклонностей, страстей, мнѣній и т. д. Удовлетвореніе ихъ и будетъ *благомъ* (Wohl) или счастіемъ (Glückseligkeit). Итакъ, на этой ступени воля руководится понятіемъ *блага* и обнаруживаетъ себя въ умышленныхъ дѣяніяхъ. Человѣкъ имѣетъ право на такія дѣянія, ибо онъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей. Но и на этой ступени субъективная воля не возвышается до полнаго самосознанія. Понятіе блага и умыселъ, какъ обнаруженіе воли, стремящейся къ его достиженію, суть понятія чисто индивидуальныя, а потому конечныя, ограниченныя. Воля, руководимая понятіемъ блага,

---

[1]) См. тамъ же, §§ 105—141.

[2]) Тамъ же, § 106.

[3]) *Phil. des R.*, §§ 115—118.

постоянно приходитъ въ столкновеніе съ идеею воли въ ея чистомъ, абстрактномъ понятіи, обнаружившеюся въ правѣ. Понятіе блага входитъ въ противорѣчіе съ понятіемъ права. Рѣшительное противорѣчіе между этими понятіями выражается, напримѣръ, *въ правѣ необходимости* (Nothrecht), когда требованія жизненныхъ цѣлей приводятъ къ нарушенію формальнаго юридическаго порядка. Воля, руководимая только этимъ понятіемъ, ставитъ себя выше права, нарушаетъ его. Она руководится субъективными воззрѣніями, а не идеею долга, обязанности [1]).

Наконецъ, субъективная воля достигаетъ полнаго самосознанія. Она знаетъ въ своемъ дѣяніи не только свой умыселъ и свой личный мотивъ, но и всеобщее, разумное и необходимое, раскрывающееся въ этомъ дѣяніи. Она знаетъ его и хочетъ обнаруженія этого разумнаго. Такимъ образомъ, частная воля совпадаетъ съ своею идеей. Она руководится въ своихъ дѣйствіяхъ уже не понятіемъ блага, а идеей *добра* (das Gute). Добро есть единство блага, какъ высшаго субъективнаго мотива и права [2]). Оно есть столько же благо, сколько и право; поэтому добро есть абсолютная міровая цѣль [3]). Стремясь къ добру, человѣкъ столько же преслѣдуетъ свои субъективныя цѣли, сколько и цѣль всеобщую, а потому въ этомъ стремленіи онъ чувствуетъ себя *абсолютно свободнымъ*. Его дѣянія будутъ актомъ не намѣренія и не умысла, а *сознанія* [4]), совѣсти (Gewissen). Совѣсть, по опредѣленію Гегеля, есть расположеніе хотѣть того, что̀ добро въ себѣ и для себя, то-есть абсолютно. Абсолютное добро есть нѣчто, требуемое совѣстью для него самого. Поэтому оно имѣетъ для нея значеніе *долга, обязанности.*

Если бы Гегель принадлежалъ къ школѣ *индивидуалистовъ*, онъ остановился бы на этомъ моментѣ развитія воли. Она достигла полнаго самосознанія въ субъектѣ; послѣднему указаны высшія цѣли; его воля подчинена идеѣ долга, и стало быть, всѣ условія для осуществленія нравственнаго порядка готовы. Такъ и поступилъ Кантъ. Но Гегель не могъ остановиться на этомъ моментѣ. Сфера морали есть сфера воли субъективной, противополагающей себя всеобщему; слѣдовательно, мораль есть все-таки моментъ *развитія*, въ которомъ конкретныя проявленія идеи не достигаютъ полнаго тождества съ ея понятіемъ. Мы имѣемъ идею добра, какъ высшей нравственной цѣли. Осуществленіе ея зависитъ отъ совѣсти, высшаго нравственнаго сознанія. Но какова должна быть форма этого сознанія, чтобъ его

---

[1]) *Phil. des R.*, §§ 119—128.
[2]) Тамъ же, §§ 129 и 130.
[3]) Тамъ же, § 129. Die realisirte Freiheit, der absolute Endzweck der Welt.
[4]) Тамъ же, § 136 и слѣд.

акты соотвѣтствовали идеѣ добра? Въ какой формѣ должна представляться идея добра нашему сознанію, чтобы мы могли сознавать ее во всей ея всеобщности?

Идея добра, въ сферѣ субъективнаго сознанія, то-есть морали, есть понятіе абстрактное, не имѣющее опредѣленнаго содержанія; она способна объективироваться въ самыхъ различныхъ представленіяхъ, то-есть способна къ самому разнообразному содержанію. Содержаніе это дается идеѣ индивидуальнымъ сознаніемъ, совѣстью. Совѣсть утверждаетъ, что то или другое есть добро, то-есть согласно съ тѣмъ представленіемъ о добрѣ, которое она имѣетъ, согласно съ нею самою. Но дѣйствительно ли то, что согласно съ индивидуальною совѣстью, есть добро? Для этого пока нѣтъ никакого критеріума. Поэтому содержаніе идеи добра въ моральномъ моментѣ будетъ *произвольно*, ибо оно зависитъ отъ безконечнаго разнообразія индивидуальнаго сознанія. Послѣднее, считая себя единственнымъ источникомъ моральныхъ представленій, судьей добраго, возвышаетъ себя надъ всѣмъ моральнымъ и юридическимъ міромъ. Право, обязанность, все существующее въ опредѣленныхъ формахъ теряетъ предъ нимъ всякое значеніе [1]). Сознавая свое верховенство среди всего окружающаго, индивидуальное сознаніе можетъ, наконецъ, сдѣлать свою *особенность* (Besonderheit) всеобщимъ принципомъ и реализировать ее своею дѣятельностью. Тогда моральный принципъ добра переходитъ къ своему противоположному—*злу* [2]). Зло, слѣдовательно, есть произведеніе индивидуальной воли, сдѣлавшей свою личную особенность всеобщимъ принципомъ дѣятельности.

Такимъ образомъ, абстрактность идеи добра, случайность и произвольность ея содержанія, доходящія до возможности зла, вотъ существенные признаки воли въ субъективномъ моментѣ ея развитія. Добро не имѣетъ дѣйствительности; воля, въ формѣ индивидуальной совѣсти, не направляется необходимо къ разумному и всеобщему. Слѣдуя индивидуальнымъ представленіямъ, она переходитъ отъ одного къ другому, и въ этомъ колебаніи не зависитъ только отъ себя; поэтому она не вполнѣ свободна.

Идея добра отождествляется съ своимъ содержаніемъ въ моментѣ *нравственности* [3]).

[1]) *Phil. des R.*, § 138.

[2]) Тамъ же, § 139: „Das Selbstbewusstsein in der Eitelkeit aller sonst geltenden Bestimmungen und in der reinen Innerlichkeit des Willens, ist ebenso sehr die Möglichkeit, das an und für sich Allgemeine, *als die Willkür, die eigene Besonderheit über das Allgemeine zum Principe zu machen*, und sie durch Handeln zu realisiren—*böse* zu sein“.

[3]) Ученію о нравственности посвящена остальная часть *Философіи права*, начиная съ § 142.

c) Нравственность есть идея свободы, сдѣлавшаяся дѣйствительнымъ міромъ (нравственнымъ) и природою самосознанія [1]). Остановимся на этомъ опредѣленіи.

Идея свободы, какъ живого добра, становится видимымъ міромъ. Это значитъ, что идея добра получаетъ опредѣленное, объективное содержаніе. Содержаніе это прочно, необходимо и стоитъ выше субъективнаго мнѣнія и произвола; оно выражается въ формѣ *законовъ* и *учрежденій*, существующихъ въ себѣ и для себя, то-есть абсолютно [2]). Нравственность есть система *опредѣленій* высшей идеи; въ этомъ состоитъ ея разумность. Она не есть нѣчто чуждое субъекту; напротивъ того, она есть проявленіе духа, части его собственнаго существа; поэтому, подчиняясь имъ, субъектъ не теряетъ чувства самого себя. Но система нравственности не произведена имъ, его личнымъ сознаніемъ о долгѣ, добрѣ и т. д. Она произведена всеобщимъ сознаніемъ общества, народа; другими словами, въ нравственныхъ предписаніяхъ проявляется духъ не въ его индивидуальной формѣ, а какъ духъ цѣлаго народа [3]). Поэтому отношеніе недѣлимаго къ системѣ нравственности строится иначе, чѣмъ отношеніе его къ требованіямъ морали. Подчиняясь абстрактному понятію добра, какъ чему-то созданному моимъ сознаніемъ согласному съ *моею* совѣстью, я остаюсь къ нему въ отношеніяхъ произвольныхъ, и съ другой стороны, никогда не могу достигнуть полной увѣренности въ согласіи моего представленія объ идеѣ съ ея понятіемъ. Поэтому, руководствуясь такимъ представленіемъ, я не могу достигнуть полной нравственной свободы; я завишу отъ непосредственныхъ стремленій моей природы и отъ неопредѣленности моего собственнаго сознанія. Система объективныхъ обязанностей, предписаній нравственности, освобождаетъ личность отъ того и другого, вселяетъ въ нее увѣренность, что личность дѣйствительно осуществляетъ идею добра. Поэтому она относится къ такимъ предписаніямъ съ вѣрою и довѣріемъ (Glaube und Zutrauen) [4]). Подъ вліяніемъ объективныхъ предписаній заканчивается и нравственное совершенствованіе человѣка. Нравственное (das Sittliche), отражаясь въ индивидуальномъ *характерѣ* недѣлимаго, становится добродѣтелью (Tugend). Добродѣтель, по скольку она доказываетъ сообразность дѣяній недѣлимаго съ обязанностями, есть *честность* [5]).

Такимъ образомъ, если въ сферѣ морали человѣкъ направлялся къ добру совѣстью, то-есть простымъ *расположеніемъ* хотѣть добраго,

---

[1]) *Phil. des R.*, § 142.
[2]) Тамъ же, § 144.
[3]) Тамъ же, § 156.
[4]) Тамъ же, §§ 147—149.
[5]) Тамъ же, § 150.

то въ сферѣ нравственности онъ направляется *добродѣтелью*, то-есть расположеніемъ къ добру въ его объективной формѣ, сдѣлавшимся *характеромъ* человѣка, его *второю природою* (zweite Natur), привычкою, *нравомъ* (Sitte). Въ этомъ состоитъ смыслъ второй части приведеннаго выше опредѣленія нравственности, что она есть идея свободы, сдѣлавшаяся *природою самосознанія.* Гегель мало расчитываетъ на индивидуальное самосознаніе, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ. „Добродѣтель,—говоритъ онъ,—есть нѣчто большее, чѣмъ нравственная виртуозность". Мы можемъ по вдохновенію совершить нѣсколько добрыхъ дѣлъ, но это еще не докажетъ, что мы дѣйствительно добродѣтельны. Добродѣтель есть прежде всего извѣстный складъ характера; а этотъ послѣдній образуется подъ вліяніемъ положительныхъ учрежденій и предписаній нравственности. Гегель объясняетъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ. Одинъ отецъ спросилъ философа пиѳагорейской школы, чтó онъ долженъ дѣлать для того, чтобы дать своему сыну хорошее нравственное воспитаніе? Философъ отвѣчалъ: „Сдѣлай его гражданиномъ государства, обладающаго хорошими законами" [1]).

Этимъ не исчерпывается значеніе системы нравственности. Она не только направляетъ волю недѣлимыхъ къ высшему сознанному добру, но и возвышаетъ особенныя стремленія недѣлимыхъ, даетъ имъ бóльшую дѣйствительность. Чувствуя себя членомъ великаго цѣлаго, человѣкъ лучше сознаетъ и свою внутреннюю сущность, и внутреннюю всеобщность. Его личность получаетъ высшее освященіе; его особенныя стремленія, приведенныя въ гармонію со всеобщимъ, получаютъ бóльшую дѣйствительность и разумность. Поэтому въ сферѣ нравственности мы видимъ полное осуществленіе всѣхъ объективныхъ моментовъ воли — момента абстрактнаго, всеобщаго понятія личности, объективированнаго въ правѣ, и момента субъективнаго, объективировавшагося въ морали. Эти двѣ сферы противоположны между собою, какъ два момента логическаго развитія идеи (тезисъ и антитезисъ). Въ сферѣ абстрактнаго права я замкнутъ въ кругу принадлежащихъ мнѣ правъ; имъ противополагаются *обязанности* другихъ. Въ сферѣ морали я дохожу до идеи долга, обязанности, но противополагаю ее понятію права. Въ сферѣ нравственности понятія права и обязанности соединяются. Каждое право осмысливается обязанностью, каждая обязанность предполагаетъ право. „Человѣкъ,—говоритъ Гегель, — чрезъ нравствен-

---

[1]) Тамъ же, § 153.

ное имѣетъ столько правъ, сколько онъ имѣетъ обязанностей, и наоборотъ" [1]).

Воля, сознавшая себя въ нравственности, достигшая единства понятія и содержанія, становится дѣйствительнымъ субстанціальнымъ *духомъ*, осуществляющимся въ объективныхъ учрежденіяхъ—семьѣ, гражданскомъ обществѣ и государствѣ [2]). Процессъ объективированія *духа* подчиняется тѣмъ же діалектическимъ законамъ, какъ и объективированіе воли.

VI. Движеніе духа въ сферѣ нравственности.

Духъ, какъ нравственная субстанціальность (сущность), проявляется сначала въ своей непосредственности, въ естественномъ сознаніи своего единства; затѣмъ онъ переходитъ въ моментъ разнообразія, частныхъ явленій, среди которыхъ теряетъ сознаніе своего единства; наконецъ, онъ возвращается въ себя, сознаетъ свое единство и въ этомъ разумномъ сознаніи достигаетъ высшей степени своего объективнаго развитія.

Первый моментъ развитія духа есть *семья*. Въ основаніи семьи лежитъ непосредственное сознаніе единства ея членовъ, основанное на *любви*. Любовь есть сознаніе моего единства съ другимъ, такъ что я чувствую себя не изолированнымъ лицомъ, но членомъ цѣлаго, которое для меня имѣетъ самостоятельное бытіе и является самостоятельною цѣлью. Развитіе семьи завершается:

a) бракомъ, устанавливающимъ постоянныя нравственныя отношенія между мужчиною и женщиною;

b) пріобрѣтеніемъ семейнаго имущества, необходимаго для внѣшняго существованія семьи, для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей и для ея самостоятельности по отношенію къ другимъ семьямъ, и

c) въ воспитаніи дѣтей, какъ будущихъ самостоятельныхъ лицъ, которымъ предстоитъ вести отдѣльную гражданскую и семейную жизнь. Воспитаніемъ дѣтей завершается жизнь семьи; члены ея отдѣляются одинъ отъ другого и чувствуютъ себя обособленными субъектами. Размноженіе ихъ ведетъ къ полной разрозненности, къ индивидуальному бытію. Достигнувъ этого момента, духъ переходитъ въ слѣдующій моментъ, который называется *гражданскимъ обществомъ* (bürgerliche Gesellschaft).

Принципомъ гражданскаго общества является конкретная личность, которая служитъ себѣ особенною цѣлью; она есть совокуп-

---

[1]) *Phil. des R.*, § 155.

[2]) **Тамъ же**, §§ 156, 157.

ность потребностей, смѣшеніе естественной необходимости и произвола [1]). Но эта личность существуетъ не изолированно; удовлетвореніе ея потребностей зависитъ не только отъ нея самой, но и отъ другихъ личностей, услугами которыхъ она пользуется. Точно такъ же и отдѣльная личность, работая на себя, трудится и для другихъ, чтобы получить ихъ услуги, въ обмѣнъ на свои. Поэтому гражданское общество есть система всесторонней зависимости личностей (ein System allseitiger Abhängigkeit), преслѣдующихъ свои частныя цѣли. Въ этой системѣ каждая личность смотритъ на себя какъ на единственную цѣль всѣхъ дѣйствій; съ этой же точки зрѣнія разсматриваетъ она и дѣятельность другихъ лицъ. Эта дѣятельность есть какъ-бы средство для достиженія цѣлей каждой отдѣльной личности. При такой разрозненности недѣлимыхъ и ихъ личныхъ интересовъ, общество можетъ сохранить только чисто внѣшнее, формальное единство. Оно основано на совокупности индивидуальныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ недѣлимыя принуждены вступить въ союзъ съ остальными членами общества. Нравственный порядокъ проявляется въ системѣ установленій и предписаній, имѣющихъ въ виду охранить свободу личности и неприкосновенность собственности и обезпечить удовлетвореніе всѣхъ потребностей.

Человѣческія потребности разнообразны и развиваются безпрерывно. Средства къ ихъ удовлетворенію заключаются въ трудѣ. Но сообразно различію потребностей, и трудъ долженъ быть разнообразенъ по своему качеству и роду [2]). Личный трудъ всѣхъ и каждаго накопляетъ всѣ полезности, необходимыя для удовлетворенія всѣхъ потребностей. Совокупность этихъ полезностей будетъ общественнымъ имуществомъ, богатствомъ (Vermögen). Но распредѣленіе этого богатства зависитъ отъ личнаго труда каждаго; поэтому личное имущество недѣлимыхъ, или, какъ выражается Гегель, степень ихъ участія въ общественномъ имуществѣ, весьма различно. Разнообразіе занятій и имуществъ приводитъ къ раздѣленію общества на *сословія* (Stände). Недѣлимыя, подъ вліяніемъ однородныхъ занятій, одинаковаго количества и качества имущества, соединяются въ группы, преслѣдующія одинаковые интересы. Въ основаніи такой общественной группы лежитъ личный интересъ, своекорыстіе, приводящее къ соединенію съ другими лицами. Поэтому сословія суть объективированныя различія недѣлимыхъ [3]).

---

[1]) *Phil. des R.*, § 182.
[2]) Тамъ же, § 196.
[3]) Тамъ же, §§ 201—206.

Система потребностей и различныхъ видовъ труда, соотвѣтствующихъ этимъ потребностямъ, составляетъ содержаніе конкретной личности, то-есть идеи личности въ ея безконечномъ разнообразіи. Отъ общихъ моментовъ развитія воли, отъ понятія лица, развившагося въ абстрактномъ правѣ, понятія субъекта, развивающагося въ морали, и отъ общихъ моментовъ проявленія субъективной воли въ общихъ понятіяхъ блага, добра, мы дошли до *конкретныхъ личностей*, членовъ общества, съ ихъ разнообразными потребностями; мы видимъ проявленіе ихъ воли въ различныхъ формахъ *труда*. Такое же конкретно-частное содержаніе получаютъ абстрактные аттрибуты, права лица. Понятіе *собственности*, которое мы разсматривали въ абстрактномъ правѣ, объективируется въ *имуществѣ даннаго лица*. Въ имуществѣ внѣшнимъ образомъ выражается свобода личности, ея дѣятельность. Поэтому охраненіе имущественныхъ правъ есть условіе внѣшняго огражденія свободы; въ этомъ огражденіи состоитъ назначеніе *законовъ*.

Законъ есть не что иное, какъ сознанная и получившая реальное содержаніе идея права. Поэтому законъ и называется положительнымъ правомъ. Законъ, какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью огражденіе имущественныхъ правъ членовъ гражданскаго общества. Значеніе и сила закона поддерживаются *судомъ*.

Дѣятельность и собственность частныхъ лицъ, поставленныя подъ защиту закона и суда, обезпечиваютъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей личными усиліями. Но предоставленіе полной свободы личной дѣятельности не обезпечиваетъ еще всеобщаго блага. Въ свободѣ личной дѣятельности лежитъ возможность вреда для другихъ лицъ; этотъ вредъ есть нѣкоторый видъ преступнаго дѣянія. Поэтому общество не только обезпечиваетъ свободу частной дѣятельности, но и подчиняетъ ее извѣстному порядку, регламентаціи въ виду требованій общаго блага. Затѣмъ личная дѣятельность, подчиненная всѣмъ условіямъ случайности и субъективнаго произвола, не можетъ быть абсолютнымъ условіемъ обезпеченія общаго блага. Несчастія, собственное неразуміе, слабость физическихъ и имущественныхъ средствъ недѣлимыхъ постоянно грозятъ обществу многими бѣдствіями. Эти явленія, несогласныя съ требованіями общаго блага, могутъ быть или общія (бѣдность, пролетаріатъ), или частныя (расточительность, дурное обращеніе съ дѣтьми). Гражданское общество противопоставляетъ всѣмъ этимъ случайностямъ, во-первыхъ, свой надзоръ, во-вторыхъ, положительную дѣятельность своихъ органовъ. Въ этомъ состоитъ назначеніе и идея *полиціи* [1]).

---

[1]) *Phil. des R.*, §§ 230—249.

Мы имѣемъ сословную организацію, охранительную дѣятельность законодательства и суда, силу полиціи, обезпечивающую неприкосновенность личности и собственности. Такое богатое содержаніе не соотвѣтствуетъ ли уже понятію государства? Если бы Гегель остановился на точкѣ зрѣнія индивидуальной школы, на воззрѣніяхъ Локка, Канта, Монтескьё и т. д., онъ удовольствовался бы идеей гражданскаго общества и его институтами. Но съ точки зрѣнія Гегелевской философіи, можетъ ли гражданское общество считаться послѣднею ступенью объективированія духа? Гражданское общество есть союзъ лицъ, внѣшнимъ, формальнымъ образомъ связанныхъ между собою извѣстными потребностями; идея лица объективировалась въ безконечномъ разнообразіи личностей. Свобода этихъ личностей обезпечена закономъ и судомъ во внѣшнемъ ея проявленіи, въ институтѣ, который составляетъ внѣшній аттрибутъ свободы, въ *имуществѣ*. Такое формальное единство есть ли дѣйствительное единство, требуемое сущностью саморазвивающагося духа? Законъ и судъ, ограждающіе свободу единичной дѣятельности, могутъ ли быть условіями внутренняго единства общества? Воля, субстанціальный духъ могутъ ли сознавать себя въ безконечномъ разнообразіи личностей?

Гражданское общество остается для Гегеля вторымъ діалектическимъ моментомъ саморазвитія духа — моментомъ безконечнаго разнообразія, внѣшняго для себя бытія. Отъ этого момента безконечнаго различія духъ возвращается къ своему единству въ *государствѣ*. Переходною ступенью отъ гражданскаго общества къ государству является *корпорація*. Корпорація есть соединеніе сословныхъ элементовъ въ одно цѣлое, имѣющее самостоятельное бытіе и преслѣдующее свои интересы. Только въ корпораціи отдѣльная личность получаетъ возможность пользоваться всѣми принадлежащими ей правами. Не будучи членомъ корпораціи, недѣлимый не обезпеченъ въ своей сословной чести (Standesehre) и обреченъ на полную изолированность; его дѣятельность получаетъ односторонній эгоистическій характеръ. Корпорація есть какъ-бы вторая семья, второй нравственный корень государства [1]). Но цѣль корпораціи сама по себѣ ограниченна и конечна; поэтому и корпорація не есть форма, пригодная для объективированія абсолютнаго духа. Такую форму духъ находитъ *въ государствѣ*. „Государство есть дѣйствительность нравственной идеи,— проявившійся нравственный духъ, сама для себя ясная субстанціальная воля, которая себя знаетъ и то, что она знаетъ, и по скольку

---

[1]) Тамъ же, § 252 и слѣд.

она знаетъ, осуществляетъ“ [1]). Другими словами, государство есть продуктъ сознавшаго себя духа, продуктъ народнаго самосознанія. Остановимся на этой послѣдней ступени саморазвитія воли.

VII. Государство, его значеніе. Идея государства. Отношеніе къ ней политической философіи.

Государство есть дѣйствительность субстанціальной воли. Мы видѣли выше, что̀ такое, по ученію Гегеля, дѣйствительность (das Wirkliche или die Wirklichkeit). Дѣйствительность есть единство бытія и понятія, когда идея осуществилась въ явленіяхъ, а явленія вполнѣ соотвѣтствуютъ идеѣ въ понятіяхъ. Государство есть дѣйствительность идеи воли. Поэтому мы видимъ въ немъ осуществленіе всѣхъ ея понятій и единство всѣхъ моментовъ ея развитія. Въ государствѣ осуществляется понятіе *свободы*: оно есть дѣйствительность конкретной свободы [2]). Конкретная свобода состоитъ въ согласіи и единствѣ недѣлимаго и его интересовъ со всеобщимъ, такъ что „ни всеобщее не имѣетъ значенія и не можетъ быть осуществлено безъ единичнаго интереса знанія и желанія, ни частныя лица не живутъ только въ виду этого послѣдняго интереса“. Принципъ современнаго государства, продолжаетъ Гегель, имѣетъ ту необыкновенную крѣпость и глубину, что онъ дозволяетъ началу субъективности развиваться до самостоятельной крайности (zum selbständigen Extreme), личной особенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ его къ субстанціальному единству и удерживаетъ его въ немъ. Идея государства, въ новое время, имѣетъ ту особенность, что государство есть осуществленіе свободы не по субъективному усмотрѣнію, а по понятію воли, то-есть по ея всеобщности и божественности [3]).

Итакъ, элементъ субъективный приводится къ полному единству съ понятіемъ воли. Но мы видѣли, что субъективный элементъ (стремленіе, цѣль) даетъ волѣ содержаніе; слѣдовательно, содержаніе приводится къ единству съ понятіемъ. На такой ступени развитія воля не преслѣдуетъ уже какихъ-нибудь отдѣльныхъ цѣлей, но сама себѣ служитъ цѣлью и своею дѣятельностью осуществляетъ все свое содержаніе и свою идею. Поэтому государство, какъ воплощеніе такой воли, есть само себѣ цѣль. Эта цѣль есть абсолютная, неподвижная и конечная цѣль (Endzweck), въ которой свобода достигаетъ высочайшаго своего права. Предъ цѣлью государства и его правами те-

---

[1]) *Phil. des R.*, § 257.
[2]) Тамъ же, § 260.
[3]) Тамъ же, стр. 322.

ряютъ значеніе всѣ частныя цѣли и права. „Конечная цѣль (государства) имѣетъ высшее право по отношенію къ недѣлимымъ, которыхъ высшая *обязанность* состоитъ въ томъ, чтобъ *быть членами государства*" [1]). Съ этой точки зрѣнія Гегель категорически отрицаетъ ученіе мыслителей, утверждавшихъ, что цѣль государства состоитъ въ огражденіи правъ частныхъ лицъ. „Когда государство смѣшиваютъ съ *гражданскимъ обществомъ*, — говоритъ онъ, — и полагаютъ его назначеніе въ защитѣ и безопасности собственности и личной свободы, то интересы недѣлимыхъ сами по себѣ дѣлаются послѣднею цѣлью, для которой они соединяются; а изъ этого слѣдуетъ, что быть или не быть членами государства зависитъ отъ ихъ доброй воли. Но государство имѣетъ совершенно другое отношеніе къ недѣлимому; такъ какъ государство есть объективный духъ, то самъ недѣлимый имѣетъ по стольку объективности, истинности и нравственности, по скольку онъ есть его членъ" [2]).

Наконецъ, единство всеобщаго и частнаго, понятія и бытія, есть продуктъ полнаго самосознанія, дѣйствительная идея, то-есть разумное. Государство, какъ совершенное проявленіе идеи, есть въ себѣ и для себя *разумное*, вѣчное и необходимое. Съ этой точки зрѣнія и долженъ относиться къ нему наблюдатель, философъ. Обыкновенно государство разсматриваютъ какъ историческое явленіе, объясняютъ его происхожденіе внѣшними историческими причинами. Наука показываетъ, какъ то или другое государство развилось изъ патріархальнаго быта, изъ корпораціи, подъ вліяніемъ страха или довѣрія; какъ его права основались на божественномъ или положительномъ правѣ, на договорѣ или обычаѣ. При такомъ способѣ изслѣдованія мы можемъ объяснить только происхожденіе отдѣльныхъ государствъ, какъ частныхъ историческихъ явленій, но не можемъ достигнуть до *идеи* государства, которая одна имѣетъ дѣйствительное значеніе для мыслящаго духа, одна имѣетъ абсолютное и необходимое бытіе.

Такимъ образомъ, Гегель одновременно отвергаетъ и пріемы раціонально-индивидуалистической философіи, и методъ школы исторической. Для объясненія государства мы не должны исходить ни изъ идеи личности, ни изъ историческаго изученія государствъ, какъ отдѣльныхъ фактовъ. Государство есть продуктъ не индивидуальнаго, а всеобщаго сознанія. Отдѣльный человѣкъ можетъ не сознавать идеи государства, и несмотря на то, она будетъ осуществляться въ мірѣ, такъ какъ она есть продуктъ сущности самосознанія. Эта сущность реализируется какъ самостоятельная власть, а отдѣльныя личности

---

1) *Phil. des R.*, § 258, стр. 313.

2) Тамъ же.

суть только моменты ея: реализированіе этой сущности есть шествіе Бога въ мірѣ. Ея основаніе есть власть разума, осуществляющагося какъ воля.

Государство не есть только конкретная, исторически образовавшаяся форма извѣстнаго общежитія. Философъ, познающій государство, не долженъ имѣть въ виду отдѣльныя государства, частные институты, но его идею, этого дѣйствительнаго Бога (diesen wirklichen Gott). Эта идея присуща каждому государству въ отдѣльности, какова бы ни была его форма и частные недостатки. Мы можемъ, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, порицать эти недостатки, но не должны забывать положительнаго, необходимаго содержанія, присущаго всѣмъ государствамъ—содержанія, которое дается имъ идеей, въ нихъ проявляющеюся. Конкретное государство, какъ всякое другое бытіе, подчиняется всѣмъ условіямъ внѣшняго міра; случай, произволъ, заблужденіе, злой умыселъ могутъ исказить его во многихъ отношеніяхъ. Но преступникъ, больной или калѣка все-таки еще живые люди; положительное, *жизнь*, остается въ нихъ не тронутымъ, несмотря на всѣ недостатки; ради этого *положительнаго* они не могутъ быть исключены изъ понятія *человѣка*.

Мы дошли до послѣдней цѣли политической философіи Гегеля, до познанія идеи государства. Въ какомъ же отношеніи должно находиться положительное государственное устройство къ этой идеѣ? Какъ можетъ конкретное государство достигнуть идеальнаго совершенства?

Изъ краткаго знакомства съ общимъ характеромъ философіи Гегеля мы можемъ заранѣе вывести заключеніе, что знаменитый мыслитель не станетъ заниматься этими вопросами. Задача его философіи заключается не въ построеніи конкретнаго государственнаго идеала на основаніи общихъ требованій идеи, а въ изученіи саморазвитія идеи въ конкретныхъ государственныхъ формахъ. Въ этомъ состоитъ глубокая разница между Платономъ и Гегелемъ. Платонъ видѣлъ въ матеріи, въ мірѣ явленій, средство для подражательнаго осуществленія высшей идеи. По его понятію, конкретное государство, будучи организовано сообразно требованіямъ божественной идеи добра и справедливости, можетъ достигнуть идеальнаго совершенства; оно можетъ воплотить въ себѣ идею, сдѣлаться до нѣкоторой степени идеей. Поэтому построеніе государственнаго идеала есть необходимое требованіе философіи Платона. Философія Гегеля приводитъ къ другому результату. Идея не есть нѣчто существующее внѣ видимаго міра, какъ нѣчто законченное и завершившееся. Она осуществляется въ самомъ мірѣ, въ его явленіяхъ. Поэтому идея не можетъ быть познана въ своей отвлеченности (въ понятіи), но въ своемъ конкрет-

номъ выраженіи (въ понятіи и бытіи). Идея въ понятіи не есть нѣчто дѣйствительное, завершившееся. Вотъ почему познаніе такой идеи не можетъ привести къ полному самосознанію, не можетъ сдѣлаться мотивомъ практической дѣятельности. Строить какіе-нибудь планы, теоріи на основаніи абстрактныхъ понятій идеи значитъ требовать не дѣйствительнаго, не разумнаго. Государственные идеалы не имѣютъ практическаго значенія. Они суть продуктъ ума, остановившагося на половинѣ дороги, ума, познавшаго не дѣйствительную идею, а одинъ моментъ ея развитія. Но познавая идею въ ея конкретныхъ формахъ, въ понятіи и бытіи, можемъ ли мы требовать, чтобы каждая конкретная форма воплощала всю идею, чтобы данное государство было идеей государства? Ходъ развитія идеи зависитъ ли отъ извѣстной философской системы, отъ воли членовъ даннаго государства, отъ самого государства? Если нѣтъ, то философствующій умъ долженъ отказаться отъ построенія идеаловъ, плановъ государственнаго устройства; онъ долженъ ограничиться простымъ *познаваніемъ* идеи въ ея саморазвитіи. Частное, особенное всегда останется особеннымъ и не сдѣлается всеобщимъ, несмотря на всѣ усилія теоретическаго духа. Поэтому философія должна смотрѣть на отдѣльныя государства, какъ на моменты развитія идеи. Все, что можетъ сдѣлать философія, это—познать, какая идея развивается въ государствахъ, и какъ она развивается.

Мы видѣли уже, *какая* идея развивается въ государствахъ. Это идея свободы, въ высшемъ, нравственномъ значеніи,—такой свободы, при которой воля и права недѣлимаго тождественны съ волей и правами всеобщаго. Теперь слѣдуетъ разрѣшить вопросъ, какъ она развивается.

VIII. Ступени развитія идеи государства.

Идея государства развивается: а) въ отдѣльномъ государствѣ, взятомъ само въ себѣ,—въ его учрежденіяхъ, управленіи, законодательствѣ; б) въ отношеніяхъ отдѣльныхъ государствъ между собою—въ международномъ союзѣ, и в) въ ходѣ всемірной исторіи.

А) Прежде всего намъ нужно найти общія основанія внутренней организаціи государства. Сущность государства, какъ мы видѣли, состоитъ въ томъ, что личная единичность, со всѣми ея правами и интересами, получаетъ возможность полнаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, приводится къ полному единству со всеобщею и конечною цѣлью—государствомъ. Поэтому государство, относительно сферы частнаго права и благосостоянія семьи и гражданскаго общества, есть, съ одной стороны, внѣшняя необходимость и ихъ высшая сила, которой под-

чинены ихъ законы и ихъ интересы; съ другой стороны, оно есть для нихъ внутренняя имманентная цѣль, и сила его основывается на единствѣ его общей конечной цѣли и частныхъ интересовъ недѣлимаго [1]). Такимъ образомъ, въ государствѣ достигается не внѣшнее единство недѣлимыхъ, какъ въ гражданскомъ обществѣ, а внутреннее, субстанціальное единство. Сознаніе этого единства проявляется объективно въ политическомъ настроеніи гражданъ и въ организаціи государственныхъ властей. Политическое настроеніе гражданъ выражается въ томъ, какъ они относятся къ государству. Отношеніе это не есть уже естественное, непосредственное чувство—любовь, на которой основана связь членовъ *семьи*, не есть и формальное чувство законности, опредѣляющее отношенія членовъ *гражданскаго общества*, но разумное, сознанное чувство народнаго единства, довѣрія и уваженія къ государственнымъ учрежденіямъ, *патріотизмъ* [2]).

То же сознаніе единства проникаетъ и государственное устройство. Государственное устройство, по ученію Гегеля, есть не что иное, какъ *организація власти*. Организація власти состоитъ въ выдѣленіи и развитіи моментовъ, въ ней заключающихся [3]). Развитіе каждаго момента предполагаетъ, что онъ становится дѣйствительною, отдѣльною властью, оставаясь въ то же время цѣлымъ, то-есть воплощая въ себѣ идею власти вообще. Эти моменты и соотвѣтствующія имъ власти суть, во-первыхъ, опредѣленіе и установленіе всеобщаго порядка—законодательная власть, и во-вторыхъ, согласованіе частныхъ сферъ и отдѣльныхъ случаевъ со всеобщимъ—исполнительная власть. Но дѣятельность этихъ властей не имѣетъ настоящаго значенія безъ акта высшей субъективной воли, которая даетъ высшую санкцію всѣмъ актамъ власти и приводитъ къ единству самыя власти. Эта субъективная воля должна быть воплощена въ дѣйствительномъ субъектѣ, личности, то-есть въ *монархѣ*. Чрезъ него государственная воля получаетъ практическое значеніе и сохраняетъ свое единство.

Монархическая власть содержитъ въ себѣ всѣ три момента всеобщей власти: всеобщности закона, исполненія и окончательнаго рѣшенія. Исполнительная власть поддерживаетъ единство государства и его законодательства въ отдѣльныхъ сферахъ общественной жизни. Въ составъ законодательной власти входятъ какъ монархическій мо-

---

[1]) *Phil. des R.*, § 261.

[2]) Тамъ же, § 268.

[3]) Тамъ же, § 269, стр. 331. „Der Staat ist Organismus, das heisst Entwickelung der Idee zu ihren Unterschieden. Diese unterschiedenen Seiten sind so die verschiedenen Gewalten und deren Geschäfte und Wirksamkeiten, wodurch das Allgemeine sich fortwährend auf nothwendige Weise hervorbringt, und indem es eben in seiner Produktion vorausgesetzt ist, sich erhält".

ментъ, такъ и власть исполнительная, какъ власть, знакомая съ общими потребностями государства и частными условіями и фактами, и, наконецъ, въ качествѣ главнаго совѣщательнаго элемента, сословія [1]).

Изъ этого видно, что Гегель приходитъ къ теоріи *конституціонной монархіи*, которую онъ считаетъ произведеніемъ новаго времени, и притомъ такимъ произведеніемъ, въ коемъ идея государства получила свою абсолютную форму [2]). Можно ли, на этомъ основаніи, заключить, что Гегель выставилъ извѣстный, опредѣленный идеалъ государственнаго устройства? Самъ философъ не желаетъ, чтобъ его ученіе было понято такимъ образомъ. Конституціонная монархія, по его мнѣнію, есть абсолютная, безконечная форма власти, которая можетъ получить самое разнообразное содержаніе. Поэтому нельзя *a priori* выдумать абсолютно-годную *конституцію*; каждая отдѣльная конституція есть произведеніе народной жизни, народнаго самосознанія и духа. Конституціи, нафабрикованныя Наполеономъ I для покоренныхъ имъ народовъ, не имѣли никакого успѣха [3]). Далѣе, конституціонная монархія, какъ безконечная форма государственнаго устройства, исключаетъ необходимость прежняго подраздѣленія формъ правленія на *монархіи*, *аристократіи* и *демократіи*. Это подраздѣленіе имѣло свое значеніе въ классической древности и въ тѣ времена, когда государственная власть была сознана только въ своемъ непосредственномъ субстанціальномъ единствѣ, и содержащіеся въ ней моменты еще не раскрылись и не выдѣлились. Съ такой точки зрѣнія различіе между видами власти могло быть только внѣшнее: оно выражалось въ *количествѣ лицъ*, которымъ принадлежала власть. Смотря по тому, принадлежитъ ли власть одному, нѣсколькимъ или многимъ, государство будетъ монархіей, аристократіей или демократіей. Эти формы, соотвѣтствовавшія въ древности особымъ отдѣльнымъ государствамъ, въ конституціонной формѣ превращаются въ моменты одного и того же государства. Монархъ есть *одно лицо*; члены административной власти—*нѣкоторые*; въ законодательствѣ участвуютъ *многіе*. Кромѣ того, древнее дѣленіе на формы правленія основывалось на количественномъ различіи; внутренняя сущность власти вездѣ оставалась въ моментѣ безразличнаго единства. Напротивъ того, въ конституціонной монархіи власть различается уже въ своихъ моментахъ; между представителями властей административной и законодательной существуетъ не только количественное (въ числѣ лицъ), но и каче-

---

[1]) *Phil. des R.*, §§ 273, 275, 287, 298 и слѣд.
[2]) Тамъ же, § 273, стр. 355.
[3]) Тамъ же, § 274.

ственное различіе, какъ двухъ особыхъ функцій, особыхъ моментовъ, представляемыхъ ими въ государственномъ организмѣ.

Такимъ образомъ, конституціонная монархія, по мнѣнію Гегеля, есть такая форма государства, въ которой власть достигаетъ полнаго расчлененія, соотвѣтствующаго раздѣльности функцій, и въ то же время—полнаго единства. Другими словами, только въ конституціонной монархіи власть становится дѣйствительнымъ *организмомъ*.

Государству, какъ замкнутому, законченному организму власти, принадлежитъ право внутренняго и внѣшняго *верховенства* (суверенитета). Внутри оно полный распорядитель и устроитель своихъ судебъ; внѣ оно независимая международная личность. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію внѣшняго государственнаго права (das äussere Staatsrecht).

Б) Гегель посвящаетъ этому важному вопросу весьма немного мѣста [1]). Но несмотря на это, его изложеніе содержитъ въ себѣ довольно много оригинальныхъ замѣчаній. Государства относятся другъ къ другу какъ отдѣльныя единицы; но было бы ошибочно сравнивать ихъ отношенія со взаимными отношеніями отдѣльныхъ лицъ. Лица живутъ подъ защитою закона, охраняемаго судомъ; поэтому ихъ права опредѣлены высшею властью, охраняются высшимъ учрежденіемъ. Надъ государствами же нѣтъ высшей власти; опредѣленіе ихъ отношеній зависитъ отъ нихъ самихъ, отъ ихъ доброй воли; охраненіе признанныхъ отношеній предоставляется также ихъ собственнымъ средствамъ. Такимъ образомъ, международный союзъ основанъ на принципѣ произвола, дошедшаго до соглашенія съ другимъ равнымъ ему произволомъ. Это соглашеніе выражается въ договорахъ, трактатахъ, которые и служатъ основаніемъ международныхъ сношеній. Трактаты не содержатъ въ себѣ настоящаго *права* государствъ по отношенію другъ къ другу: ихъ право всегда предполагаетъ внѣшнюю санкцію. Право, выраженное въ трактатѣ, всегда остается простымъ долженствованіемъ (Sollen), не дѣйствительнымъ, а требовательнымъ правомъ (Stipulation). Въ случаѣ нарушенія трактата, требованіе можетъ быть поддержано только *войною*. Этимъ не ограничиваются особенности междугосударственныхъ отношеній. Принципы, руководящіе государственною политикою, также оригинальны. Одно государство относится къ другому, какъ одна самостоятельная частность къ другой. Поэтому всѣ вопросы международныхъ сношеній разрѣшаются *частною волею* каждаго государства. Содержаніе же частной воли, взятое въ отдѣльности, есть понятіе *блага* дѣйствующаго субъекта. Мы видѣли выше, какое

---

[1]) *Phil. des R.*, §§ 330—340, стр. 424—430.

значеніе имѣетъ этотъ моментъ въ развитіи идеи воли вообще. Это есть моментъ, переходный къ тому, когда воля опредѣляется не понятіемъ блага, какъ конкретнымъ мотивомъ, а понятіемъ добра (das Gute), мотивомъ абсолютнаго, всеобщаго. Государство не можетъ руководиться такими всеобщими, или, какъ ихъ называетъ Гегель, филантропическими мотивами. Его воля есть воля единичная; мудрость его правительства есть мудрость частная, а не всеобщее предвидѣніе; принципъ его дѣятельности есть *благо* въ его опредѣленной особенности.

Все, что̀ до сихъ поръ сказалъ Гегель, не есть новость въ литературѣ международнаго права. Не онъ первый провозглашалъ благо каждаго государства руководящимъ принципомъ международной политики. Многіе публицисты, начиная съ Гроція, дѣлали то же. Но они, признавая существованіе нравственнаго порядка, независимаго отъ государства, ограничивали право государства его требованіями, видѣли въ нихъ средство противъ грубаго эгоизма государственной политики. Но по ученію Гегеля, государство само по себѣ *есть* нравственный порядокъ (das sittliche Universum); содержаніе его воли по необходимости есть нравственное (das Sittliche). Гдѣ же мы будемъ искать ограниченія противъ крайностей государственнаго своекорыстія, противъ жестокостей, совершаемыхъ во время войны, и т. д.? Внѣшнихъ, самостоятельныхъ принциповъ, могущихъ ограничить волю государства, не существуетъ. Поэтому мы можемъ расчитывать только на внутреннее самоограниченіе, происходящее отъ возвышенія уровня нравственности въ самомъ народѣ.

Такимъ образомъ, воля, возвысившаяся въ государствѣ до сознанія своего могущества и своей свободы, дѣйствуетъ въ международныхъ сношеніяхъ безъ всякаго ограниченія. Но полнаго своего развитія и абсолютнаго могущества она достигаетъ во всемірной исторіи.

B) Во внутренней жизни государства и въ международномъ союзѣ жизнь духа еще выражается въ частныхъ явленіяхъ и понятіяхъ, которыми ограничивается его абсолютность. Особенности извѣстнаго народа, учрежденія даннаго государства, таланты его правителей, частныя стремленія обществъ, борьба политическихъ партій, страданія и интересы извѣстнаго класса наполняютъ жизнь отдѣльныхъ государствъ. Субстанціальный духъ проявляется какъ опредѣленный, ограниченный духъ извѣстныхъ народовъ. Послѣдній не можетъ воплотить въ себѣ абсолютной идеи, возвыситься на степень абсолютнаго духа. Только во всемірной исторіи духъ достигаетъ послѣдняго момента своего развитія, своего мо-

гущества и свободы. Во всемірной исторіи, въ торжествующемъ саморазвитіи абсолютнаго, разрѣшаются всѣ частныя противорѣчія, примиряются въ безпрерывно смѣняющихся синтезахъ, сглаживаются всѣ особенности отдѣльныхъ народовъ и сливаются въ одну общую идею безконечнаго развитія. Предъ саморазвивающимся абсолютомъ всѣ частныя права, особенности, свойства народовъ не имѣютъ никакого значенія. Если народы недостаточно сильны, чтобъ участвовать въ поступательномъ движеніи абсолюта, если ихъ особенности противорѣчатъ единству общей идеи, всемірная исторія осуждаетъ ихъ, уничтожаетъ, подобно тому, какъ судебный приговоръ осуждаетъ единичную волю, уклоняющуюся отъ воли общей. Вотъ почему Гегель называетъ всемірную исторію всемірнымъ судомъ (Weltgericht).

Но кто же явится представителемъ абсолютной идеи? Кто будетъ исполнителемъ ея всемірно-историческихъ приговоровъ? Въ исторіи являются народы, въ которыхъ какъ бы воплощается всемірно-историческая идея въ данную минуту ея развитія. Такой народъ даетъ общій характеръ своей эпохѣ; поэтому онъ и является господствующимъ народомъ между всѣми другими. Относительно его абсолютнаго права быть представителемъ даннаго момента развитія всемірнаго духа, духъ другихъ народовъ безправенъ (rechtlos); они не считаются болѣе во всемірной исторіи (sie zählen nicht mehr in der Weltgeschichte). Но господствующій народъ воплощаетъ въ себѣ только всемірно-историческое сознаніе; для того, чтобъ онъ былъ дѣйствующимъ народомъ, нужна еще субъективная воля, которая переводила бы сознаніе въ дѣйствіе. Эта субъективная воля воплощается въ лицѣ великихъ людей. Четыре государства до настоящаго времени имѣли такое господствующее значеніе во всемірной исторіи—древне-восточное, греческое, римское и германское. Послѣднее завершаетъ собою всемірную исторію; оно есть послѣднее слово саморазвивающагося духа.

IX. Заключеніе.

Такова политическая философія Гегеля. Мы прослѣдили ее, насколько это возможно, отъ начала до конца. Мы не упустили главныхъ ея положеній. Каждое положеніе этой удивительной системы до такой степени зависитъ отъ общаго ея принципа, каждый выводъ такъ связанъ съ предшествующимъ положеніемъ, что пропустить одно звено изъ этой цѣпи значитъ оставить не объясненною всю систему. Такова уже сила Гегелевской діалектики. Мысль, отправившись отъ основного положенія философіи, *должна* пройти всѣ сту-

пени діалектическаго процесса, прежде чѣмъ дойдетъ до предмета, обращающаго на себя главное вниманіе изслѣдователя. Она должна пройти весь міровой процессъ, прежде чѣмъ въ состояніи будетъ понять отдѣльную его часть.

Но вслѣдствіе обширности изложенія и изслѣдованія мысль нерѣдко не въ состояніи сосредоточиться на главныхъ положеніяхъ и выводахъ системы и можетъ растеряться. Постараемся же сгруппировать главныя положенія Гегелевской философіи, необходимыя для нашей цѣли.

Главнымъ результатомъ каждой философіи должно признать способъ разрѣшенія тѣхъ началъ и вопросовъ, которые самъ философъ положилъ въ основаніе своей системы. Мы не въ правѣ задавать философской системѣ вопросы, которыхъ она не бралась разрѣшать; мы не въ правѣ судить ее по отношенію къ тѣмъ результатамъ, которые лежатъ внѣ ея міросозерцанія.

Чтó же составляетъ основной вопросъ политической философіи Гегеля? Онъ отвѣчаетъ на это категорически: *свобода*. Философія права имѣетъ дѣло съ идеей права; идея права есть свобода, какъ сущность и опредѣленіе воли. Вотъ, слѣдовательно, вопросъ, исчерпывающій всѣ задачи политической философіи Гегеля. Отъ разрѣшенія его ставится въ зависимость и разрѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ—о происхожденіи государства, о его цѣли, его отношеніи къ недѣлимому и т. д. Какъ же разрѣшенъ этотъ вопросъ?

То понятіе о свободѣ, которое господствуетъ въ политическихъ наукахъ, не сходится съ ученіемъ Гегеля. Онъ иначе смотритъ и на *основанія* свободы и на *условія ея осуществленія*.

Общепринятыя теоріи видятъ основанія свободы въ свойствахъ или потребностяхъ индивидуальнаго духа. Это есть или сущность, или форма проявленія индивидуальной воли [1]). Условіе ея осуществленія состоитъ въ огражденіи личной дѣятельности отъ внѣшнихъ стѣсненій и отъ произвольнаго вмѣшательства другихъ личностей.

Гегель стоитъ на совершенно другой почвѣ. Свобода, о которой онъ говоритъ, есть аттрибутъ не личной воли, а воли абсолютной, воли, какъ идеи. Воля есть одна изъ формъ дѣятельности чистаго

---

[1]) Мы даемъ такую общую формулу принятымъ воззрѣніямъ на свободу, потому что, какъ извѣстно, не всѣ согласны между собою относительно самыхъ основаній свободы. Одни признаютъ свободу самою сущностью воли (воля свободна); другіе, отрицая свободу воли по существу, требуютъ однако же свободы ея актовъ, какъ условія правильнаго развитія человѣка и удовлетворенія всѣхъ его потребностей. Въ этомъ состоитъ сущность различія между идеализмомъ и реализмомъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ критику и оцѣнку этихъ воззрѣній. Для насъ достаточно того, что обѣ школы, расходясь относительно внутренней сущности воли, требуютъ свободы внѣшняго ея проявленія.

мышленія. Чистое мышленіе не есть мышленіе опредѣленнаго субъекта, направленное на извѣстный объектъ, а мышленіе вообще, какъ сущность міроваго процесса, одинаково содержащее въ себѣ и субъектъ и объектъ. Точно такъ и воля не есть воля извѣстнаго лица, субъекта, а воля, отрѣшенная отъ всякой индивидуальности, *воля безличная*. Сущность безличной воли состоитъ въ томъ, что она опредѣляется къ дѣятельности сама собою, сама для себя составляетъ цѣль; поэтому она абсолютна и сохраняетъ свою абсолютность въ каждомъ конкретномъ дѣяніи. *Возможность быть абсолютною въ каждомъ частномъ проявленіи и есть свобода воли* [1]).

Итакъ, воля, для того чтобъ быть свободною, должна сдѣлаться абсолютною въ понятіи и бытіи. Она достигаетъ этой ступени, пройдя діалектическій процессъ своего развитія. Мы знаемъ уже моменты этого развитія; моментъ абстрактный, моментъ конкретной особенности и моментъ абсолютно-конкретный.

Въ моментѣ абстрактномъ воля есть безусловная возможность самоопредѣленія. Но не имѣя опредѣленной цѣли, мотивовъ дѣятельности, она не обладаетъ собою въ своихъ проявленіяхъ. Безцѣльная дѣятельность не свободна. Проявленія ея случайны и потому не свободны.

Въ моментѣ субъективно-особенномъ воля получаетъ содержаніе, выработываетъ мотивы и цѣли своей дѣятельности. Но эти мотивы и цѣли, сами по себѣ, не могутъ быть условіями свободы. Человѣкъ можетъ совершать извѣстный актъ подъ вліяніемъ гнетущей необходимости, неотразимаго вліянія страсти. Далѣе, даже руководствуясь общими, высшими началами, идеей добра, онъ можетъ дѣйствовать несогласно съ понятіемъ воли и свободы. Свободѣ грозитъ здѣсь вліяніе внѣшней необходимости и личнаго произвола. Такимъ образомъ, воля, опредѣляемая къ дѣятельности внѣшнею цѣлью или индивидуальнымъ усмотрѣніемъ, *не свободна*.

Воля дѣлается абсолютною и свободною, когда дѣятельность ея опредѣляется не частными побужденіями, а общими цѣлями, и когда она осуществляетъ послѣднія не по личному усмотрѣнію, а согласно съ требованіями своей абсолютной сущности. Въ этомъ моментѣ воля осуществляется, какъ нѣчто необходимое, разумное, само себѣ служащее цѣлью.

Такая самоцѣльная воля одна имѣетъ абсолютное право на суще-

---

[1]) Изъ этого видно, что такъ-называемый вопросъ „о свободѣ воли“ не могъ получить самостоятельнаго значенія на почвѣ Гегелевской философіи именно потому, что школы, ведущія споръ объ этомъ вопросѣ, имѣютъ въ виду свободу *личной воли*. Гегель косвенно разрѣшаетъ этотъ вопросъ на совершенно особыхъ основаніяхъ. Онъ признаетъ свободу личной воли какъ фактъ; но въ то же время, онъ считаетъ эту свободу отрицаніемъ настоящей свободы, *произволомъ*.

ствованіе. Предъ ея требованіями преклоняется воля единичная. Она одна свободна, ибо зависитъ только отъ себя, осуществляетъ не единичныя цѣли, а сама себѣ служитъ цѣлью. Единичная воля, желающая быть свободною, должна дѣйствовать такъ, какъ поступила бы въ данномъ случаѣ воля общая. *Подчиненіе абсолютной волѣ есть свобода.*

Основанія свободы найдены. Остается узнать, какъ она можетъ быть осуществлена во внѣшнемъ мірѣ. Принявъ основаніе, отличающееся отъ общепринятыхъ воззрѣній, Гегель и въ средствахъ осуществленія свободы отличается отъ другихъ мыслителей. Индивидуалисты ищутъ разрѣшенія этого вопроса во внѣшнихъ средствахъ, ограждающихъ свободу человѣческой дѣятельности. Право, судъ, государство суть такія средства. Установивъ ихъ, индивидуалисты не заботятся ужъ о томъ, будетъ ли дѣятельность недѣлимыхъ свободна по своему существу; они довольствуются тѣмъ, что она свободна формально, то-есть по внѣшнимъ признакамъ. Гегель стремится къ осуществленію дѣйствительной свободы, то-есть такой, при которой воля оставалась бы свободна и по внутреннему содержанію и по формѣ.

По ученію индивидуалистовъ, внутреннее содержаніе дается волѣ моральными воззрѣніями и стремленіями недѣлимаго. По ученію Гегеля, субъективныя воззрѣнія, какъ нѣчто единичное, конечное, не могутъ возвести волю на степень абсолютнаго, всеобщаго. Человѣкъ можетъ сознавать идею всеобщаго, но сознавать ее по своему, слѣдовательно, только въ конечной и произвольной формѣ. Поэтому совокупность такихъ субъективныхъ мотивовъ, которые Гегель называетъ моралью, не достаточна для осуществленія свободы. Свобода осуществляется только въ сферѣ *нравственности*, въ которой требованія морали принимаютъ объективную форму внѣшнихъ предписаній, и самыя условія ихъ реализированія не оставляютъ мѣста личному усмотрѣнію.

Въ сферѣ нравственности недѣлимый не предоставляется самъ себѣ; онъ теряетъ, такъ сказать, свою исключительную особенность. Чувствуя себя членомъ семьи, государства, онъ отождествляетъ свои личныя цѣли съ ихъ цѣлями и въ достиженіи послѣднихъ находитъ полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ стремленіямъ. Всѣ колебанія индивидуальнаго духа между разными стремленіями и воззрѣніями на благо и добро прекращаются. Онъ довѣрчиво повинуется правиламъ семейной и государственной жизни и въ этомъ повиновеніи достигаетъ полнаго обладанія собою и своею волею. Участіе въ жизни государства, повиновеніе его законамъ *есть свобода.* „Государство есть осуществленное царство свободы“.

Изъ этого видно, что Гегель ищетъ условій для осуществленія свободы не во внѣшнемъ огражденіи индивидуальной дѣятельности,

а во внутренней эманципаціи человѣческой воли. Поэтому государство, въ глазахъ Гегеля, имѣетъ значеніе установленія, не только обезпечивающаго свободныя формы человѣческой дѣятельности, но осуществляющаго внутреннюю сущность свободы, то-есть самую свободу и волю. Вотъ почему онъ и не останавливается на опредѣленіи государства, сдѣланномъ школой индивидуалистовъ; онъ говоритъ, что это опредѣленіе прилично гражданскому обществу. Онъ даетъ ему новое, высшее опредѣленіе [1]).

Итакъ, государство есть воля, достигшая своего абсолютнаго момента, вполнѣ свободная и всеобщая воля. Человѣкъ можетъ быть свободенъ, по скольку онъ принадлежитъ къ государству и повинуется его законамъ. Какъ же мы опредѣлимъ отношенія государства къ личности и его цѣль?

Философія индивидуальная говоритъ: люди соединяются въ государство для лучшаго опредѣленія и обезпеченія своей личной свободы. Философія Гегеля утверждаетъ, что государство дѣлаетъ людей свободными, подчиняя ихъ своей общей волѣ, *освобождая* ихъ отъ случайностей и колебаній личнаго произвола. На основаніи своего положенія, индивидуалисты утверждаютъ, что чѣмъ меньше ограниченій личной свободы содержится въ государственномъ авторитетѣ, тѣмъ ближе государство къ своей цѣли. Гегель приходитъ къ другому выводу: чѣмъ крѣпче государственный авторитетъ, чѣмъ разностороннѣе его дѣятельность и вмѣшательство въ сферу личной свободы, тѣмъ ближе личность къ свободѣ.

Гегель осуждаетъ, слѣдовательно, свободу въ ея личныхъ, единичныхъ актахъ и цѣляхъ. Только абсолютная воля можетъ быть свободна, ибо она одна направляется къ дѣятельности своею разумною сущностью. Поэтому она одна и имѣетъ верховное право на существованіе. По отношенію къ волѣ личной она есть безусловная необходимость, конечная цѣль, абсолютно разумное. У человѣка нѣтъ высшихъ цѣлей, независимыхъ отъ государства; государство обнимаетъ всѣ стороны человѣческой жизни въ ихъ высшемъ синтезѣ.

[1]) Въ этомъ опредѣленіи обнаруживается глубокая разница между Гегелемъ и другими философскими школами. Обыкновенно говорятъ, что „государство есть союзъ лицъ, подчиненныхъ общимъ юридическимъ законамъ, которые имѣютъ цѣлью огражденіе личной свободы всѣхъ и каждаго". По ученію Гегеля, государство не есть „союзъ лицъ", то-есть нѣчто произвольно установленное, въ виду извѣстной цѣли. Государство есть ступень саморазвитія воли, сама себѣ служащая цѣлью. Оно не имѣетъ цѣлью „огражденіе свободы". Оно осуществляетъ свободу, есть осуществившаяся свобода. Поэтому Гегель и даетъ государству опредѣленіе, согласное съ его сущностью, или лучше сказать, опредѣляетъ самую его сущность: „государство есть дѣйствительность нравственной идеи, нравственный духъ, сама себѣ ясная субстанціальная воля" и т. д.

ЧТО ТАКОЕ КОНСЕРВАТИЗМЪ?

ЧТО ТАКОЕ КОНСЕРВАТИЗМЪ?

„Haec didici, haec vidi, haec scripta legi, haec de sapientissimis et clarissimis viris, et in hac re publica, et in aliis civitatibus monimenta nobis et litterae prodiderunt, non semper easdem sententias ab eisdem, sed, quascumque rei publicae status, inclinatio temporum, ratio concordiae postularet, esse defendendas“ [1]).

Cicero, pro Cn. Plancio, XXXIX.

I.

Вопросъ, поставленный въ началѣ этой статьи, имѣетъ большое значеніе не только для теоріи, но и для практики, и для послѣдней, можетъ быть, больше, чѣмъ для первой. Словами — консерваторъ, консерватизмъ, опредѣляется не столько складъ теоретическихъ понятій общественнаго дѣятеля, сколько практическое направленіе его дѣятельности, не столько складъ его ума, сколько направленіе его воли. Эпитетъ „консервативный“ совершенно не идетъ къ философіи, къ поэзіи, къ наукѣ. Философская система характеризуется ея исходною точкою и методомъ, но никакъ не отношеніемъ философствующаго ума къ разнымъ явленіямъ общественной жизни. Въ области философіи можно говорить объ идеализмѣ, реализмѣ, позитивизмѣ; соотвѣтственно этому можно быть философомъ—реалистомъ, идеалистомъ, позивитивистомъ. Но нельзя быть философомъ—консерваторомъ или прогрессистомъ, либераломъ или абсолютистомъ. Конечно, и эти термины могутъ быть примѣнены къ

---

[1]) Я научился, я видѣлъ, я читалъ; писанія свидѣтельствуютъ намъ о мудрѣйшихъ и сильнѣйшихъ мужахъ, какъ этой республики, такъ и другихъ государствъ, что тѣ же люди не должны постоянно защищать тѣхъ же мнѣній, но должны отстаивать то, что требуется положеніемъ государства, направленіемъ времени и духомъ согласія.

извѣстнымъ философскимъ системамъ, но на столько, на сколько творецъ данной системы касался практическихъ вопросовъ общественной жизни и, по-своему, разрѣшалъ ихъ. Но подобное отношеніе къ общественнымъ вопросамъ нисколько не опредѣляетъ существа *философской* системы, какъ таковой. На почвѣ идеализма могутъ одинаково развиться направленія, въ общественномъ отношеніи, и консервативныя и прогрессивныя. Существо, напримѣръ, Гегелевой философіи опредѣляется не тѣмъ, что Гегель лично идеализировалъ прусскій государственный строй; такъ-называемая *лѣвая* сторона гегельянцевъ сдѣлала иное практическое примѣненіе изъ его философскихъ началъ. Когда Контъ въ своей системѣ положительной философіи говорилъ о „революціонной метафизикѣ", онъ могъ имѣть въ виду только ту школу раціоналистической философіи, которая въ XVIII вѣкѣ отрицательно отнеслась къ учрежденіямъ стараго порядка. Но тотъ же раціонализмъ служитъ основою и для доктрины полицейскаго государства въ Германіи.

Если центръ тяжести консерватизма, либерализма, абсолютизма и т. д. опредѣляется характеромъ *отношеній* каждаго изъ этихъ направленій къ явленіямъ общественной жизни, то спрашивается, чѣмъ характеризуются эти отношенія, чѣмъ опредѣляется ихъ существо?

Вопросъ этотъ любопытенъ въ наше время и особенно въ Россіи, гдѣ значеніе всѣхъ этихъ иностранныхъ словъ мало выяснилось и гдѣ они прилагаются вкривь и вкось. Напримѣръ, у насъ очень принято противополагать термины *консервативный и либеральный*, не подозрѣвая, что противоположеніе этихъ понятій представляетъ порядочный абсурдъ. Либерализмъ есть извѣстная теорія *устройства* государства, *формъ* и *предѣловъ* его дѣятельности. Либерализмъ, въ отношеніи государственнаго *устройства*, исходитъ изъ требованія обезпеченія извѣстныхъ правъ личности (личная свобода, неприкосновенность имуществъ, свобода печати, вѣроисповѣданій и т. д.) отъ государственнаго всемогущества; въ отношеніи *формъ* и *предѣловъ* дѣятельности государства, онъ исходитъ изъ предположенія, что личная предпріимчивость и самодѣятельность есть нормальный источникъ всякаго прогресса и что поэтому дѣятельность государства должна ограничиваться охраненіемъ свободно проявляющихся личныхъ силъ и восполненіемъ этихъ личныхъ усилій тамъ, гдѣ они оказываются недостаточными. Въ этомъ смыслѣ либерализмъ противополагается *абсолютизму* и *гувернаментализму* (правительственной опекѣ).

Если на практикѣ понятіе либерала и сопрягается съ понятіемъ прогрессиста, а абсолютиста съ идеею консерватора, то это зависитъ или, лучше сказать, *зависѣло* отъ чисто *историческихъ* причинъ.

Именно, либеральныя государственныя учрежденія западной Европы создались подъ вліяніемъ требованій новаго времени, въ видѣ противоположности учрежденіямъ стараго порядка, построеннаго на началахъ абсолютизма. Но эта связь прогрессивнаго направленія съ либерализмомъ въ настоящее время уже порывается на западѣ Европы. Либеральная партія уже выступаетъ тамъ въ качествѣ *консервативнаго* элемента, въ противоложность требованіямъ *соціалистовъ,* возвращающихся къ началамъ государственнаго *вмѣшательства*.

Если либерализмъ противополагается абсолютизму и системѣ государственной опеки, то *консерватизмъ* обыкновенно противополагается направленію прогрессивному. Какъ ни странно покажется это на первый взглядъ, но послѣднія два направленія (консервативное и прогрессивное) не только не могутъ быть *противоположены* первымъ двумъ, но даже могутъ быть съ ними *соединены*. Либералъ можетъ быть консерваторомъ; сторонникъ государственной опеки можетъ быть прогрессистомъ. Напримѣръ, Боденъ въ XVI вѣкѣ былъ прогрессистомъ, сравнительно съ защитниками средневѣковыхъ „вольностей", хотя онъ и выступилъ защитникомъ абсолютной монархіи, въ которой онъ видѣлъ единственное средство умиротворенія Франціи и основанія новаго государственнаго порядка. Для объясненія этой видимой „странности", необходимо понять *самостоятельное значеніе* консервативнаго и прогрессивнаго направленій, въ ихъ независимости отъ либерализма, абсолютизма и гувернаментализма. Обращаясь къ этому предмету, мы позволимъ себѣ пригласить читателя въ область нѣсколько отвлеченныхъ различій.

Всякія разсужденія и дѣйствія человѣка о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ могутъ относиться, въ общемъ своемъ объемѣ, къ двумъ различнымъ вопросамъ. Во-первыхъ, они могутъ относиться *къ формѣ государственнаго устройства и управленія*, т.-е. къ вопросу о пригодности для даннаго общества тѣхъ или иныхъ учрежденій, того или иного объема личной свободы, той или иной степени государственнаго вмѣшательства и т. д. Эти разсужденія относятся, такъ сказать, къ *догматической* сторонѣ государственнаго устройства; подъ ихъ вліяніемъ выработываются опредѣленные *идеалы* политическихъ формъ. На этой почвѣ выработывается различіе между либералами и абсолютистами, монархистами и республиканцами, демократами и аристократами и т. д. Во-вторыхъ, они могутъ относиться къ самому *процессу перехода* государства отъ одного типа къ другому въ то время, когда этотъ переходъ уже совершается силою вещей.

Либералы и абсолютисты, монархисты и республиканцы, демо-

краты и аристократы, сторонники самоуправленія и защитники правительственной опеки, ведутъ между собою споръ относительно *принциповъ* государственнаго устройства и управленія. Споръ же между консерваторами и прогрессистами бываетъ споромъ не столько о принципахъ, сколько *о приложеніи* этихъ принциповъ къ условіямъ даннаго общества. Вопросъ времени и мѣста играетъ въ этомъ спорѣ гораздо бо́льшую роль, нежели вопросы принципіальной годности того или иного начала.

Не должно однако думать, что распри между консерваторами и прогрессистами не имѣютъ никакого *принципіальнаго различія* и сводятся исключительно къ вопросамъ цѣлесообразности и удобствъ. Не должно думать, что консерваторъ отличается отъ прогрессиста тѣмъ, что послѣдній хочетъ произвести государственную реформу вдругъ и разомъ, а первый постепенно и по частямъ. Въ основаніи каждаго направленія лежитъ опредѣленное міросозерцаніе, извѣстная совокупность мыслей, чувствованій и стремленій, какими опредѣляется отношеніе консерваторовъ и прогрессистовъ къ движенію общественной жизни.

Консерваторъ исходитъ изъ убѣжденія въ *годности* основныхъ началъ даннаго общественнаго устройства. Онъ ихъ хранитъ не подобно лукавому рабу, закопавшему данный ему талантъ въ землю, а подобно вѣрному слугѣ, пускающему таланты въ оборотъ, ради пользы своего господина. Онъ знаетъ очень хорошо, что государство XIX вѣка не можетъ жить въ учрежденіяхъ XV. Онъ желаетъ, чтобы установленія его родины всегда соотвѣтствовали ихъ историческимъ началамъ; но онъ знаетъ также, что сохраненіе этихъ началъ зависитъ отъ правильнаго видоизмѣненія ихъ формъ, соотвѣтственно условіямъ времени; что общественный организмъ, такъ же какъ организмъ индивидуальный, не можетъ развиваться безъ обновленія тканей и измѣненія въ своихъ формахъ. Весь вопросъ только въ томъ, какія ткани сдѣлались непригодными, какія формы отжили свой вѣкъ. Исходя изъ убѣжденія въ годности основныхъ началъ своего общественнаго строя, консерваторъ соглашается на отмѣну только такихъ учрежденій, которыя сдѣлались абсолютно-непригодными для государства, препятствовали бы его дальнѣйшему развитію, и старается, чтобы новыя учрежденія, сколько возможно, соотвѣтствовали бы началамъ историческимъ. Онъ не измѣняетъ своимъ богамъ, но ищетъ для нихъ новаго храма. Онъ не допуститъ ни изгнанія боговъ, ни упраздненія ихъ храмовъ. Но онъ не допуститъ также, чтобы его богъ помѣщался въ полуразвалившемся отъ времени храмѣ и принималъ бы поклоненіе вѣрныхъ въ мѣстѣ мерзости и запустѣнія. Его богъ есть богъ историческій, который растетъ и возвеличивается

вмѣстѣ съ временемъ, переходя изъ скромной средневѣковой обстановки въ пышныя палаты новыхъ временъ. И когда храмъ выстроенъ, консерваторъ сдѣлается его вѣрнымъ стражемъ. Онъ не дастъ замѣнить его ни средневѣковою постройкою, ни зданіемъ во вкусѣ XXII вѣка. Онъ будетъ ждать, чтобы его осудило время, которому онъ остается вѣренъ.

Если консерваторъ старается связать прошедшее съ настоящимъ, то *прогрессистъ* думаетъ о связи настоящаго съ *будущимъ*; консерваторъ направляетъ свои усилія къ тому, чтобы учрежденія прошедшаго видоизмѣнились согласно требованіямъ настоящаго, и чрезъ это пріобрѣли бы новую свѣжесть и прочность; прогрессистъ старается внести въ настоящее иныя требованія *будущаго*, которое онъ предвидитъ и работу котораго онъ старается облегчить. Его требованія всегда шире, пріемы рѣзче, критика глубже, чѣмъ у консерватора. Какъ консерваторы, такъ и прогрессисты понимаютъ, что люди мѣняются съ временами и что новымъ временамъ нужны и новыя учрежденія. Но консерваторъ видитъ, главнымъ образомъ, людей *своей* эпохи, понимаетъ и старается осуществить ихъ требованія, насколько они подготовлены прошлымъ страны. Прогрессистъ въ чертахъ современнаго ему человѣка умѣетъ уловить неясныя еще для другихъ черты человѣка будущаго; въ общемъ хорѣ современныхъ требованій ему слышится и „музыка будущаго“, пришествіе которой онъ подготовляетъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Но и консерваторы и прогрессисты сходны въ томъ, что они одинаково стоятъ на почвѣ историческаго развитія народа. Если прогрессисты и думаютъ о требованіяхъ *будущаго* больше, чѣмъ консерваторы, то и они дѣйствуютъ для него въ предѣлахъ настоящаго. Они выражаютъ тѣ требованія, которыя, не осуществляясь немедленно, желательны однако для ближайшаго будущаго и удовлетворяются въ первую удобную минуту. Напримѣръ, требованія прогрессивной партіи въ Англіи относительно избирательной реформы не осуществились вполнѣ въ 1832 году; но эти требованія оказались удобоисполнимыми въ 1867—1872 годахъ, когда было расширено избирательное право и введена система тайной подачи голосовъ.

При сравненіи этихъ двухъ партій, трудно сказать, которая изъ нихъ приноситъ больше пользы государству и обществу. Благодаря дѣйствію обѣихъ, тѣ государства, въ которыхъ этому дѣйствію данъ былъ просторъ, развивались дѣйствительно исторически, въ органической связи прошедшаго, настоящаго и будущаго. „Нынѣшняя конституція Англіи, говоритъ Маколей, — относится къ конституціи, подъ которою процвѣтало государство за 500 лѣтъ, какъ относится дерево къ ростку, возмужалый человѣкъ—къ ребенку. Но не было

момента, въ который какая-нибудь существенная часть нашихъ учрежденій не существовала бы съ незапамятныхъ временъ".

Въ дѣйствіи своемъ, оба направленія идутъ рука объ руку, поддерживая и двигая учрежденія своей родины. Жестокая борьба, происходящая иногда между ними, не свидѣтельствуетъ противъ того, что они дѣлаютъ одно и то же дѣло и дѣлаютъ его вмѣстѣ. Каждая реформа является результатомъ ихъ соглашенія. Она показываетъ мѣру уступокъ, сдѣланныхъ партіею консервативною, подъ вліяніемъ *общаго* сознанія о необходимости перемѣны. *Неосуществимыя* требованія партіи прогрессивной не заключаютъ въ себѣ никакихъ разрушительныхъ началъ. Обыкновенно въ нихъ содержатся desiderata, осуществимыя и осуществляющіяся въ близкомъ будущемъ, слѣдовательно, *согласныя* съ историческими условіями страны.

Отсюда понятно, что консервативную и прогрессивную партіи не слѣдуетъ смѣшивать съ такими партіями и направленіями, съ которыми ихъ часто смѣшиваютъ, особенно у насъ. Консерваторъ проникнутъ уваженіемъ къ историческимъ началамъ національныхъ учрежденій; но онъ признаетъ необходимость ихъ развитія, слѣдовательно, и видоизмѣненія тѣхъ учрежденій, въ которыхъ воплощаются эти начала. Когда эти начала видоизмѣнены, вслѣдствіе общепризнанной необходимости, онъ не станетъ подъ нихъ подкапываться, не будетъ содѣйствовать ихъ разрушенію во имя „преданія", т.-е. онъ не явится *реакціонеромъ*. Консерваторъ хранитъ старину, но въ предѣлахъ требованій настоящаго, и обновленныя, согласно этимъ требованіямъ, учрежденія становятся въ его глазахъ *частью* учрежденій историческихъ, слѣдовательно, достойныхъ всяческаго охраненія. *Реакціонеръ*, напротивъ, живетъ *стариною*, не признавая никакихъ требованій настоящаго. То, что совершается сегодня, кажется ему самымъ злымъ оскорбленіемъ для почтенной старины. За это оскорбленіе онъ мститъ, мститъ зло и съ бѣшенствомъ, стараясь разбить въ прахъ ненавистную ему „новизну". Не должно, впрочемъ, думать, что этотъ далеко не любезный типъ не имѣетъ своего бытового и историческаго основанія. Онъ выработывается и выступаетъ на историческую сцену обыкновенно послѣ глубокихъ общественныхъ потрясеній, послѣ насильственныхъ переворотовъ, переступившихъ мѣру нужнаго и полезнаго, оскорбившихъ много святого и почтеннаго и породившихъ на первое время, по крайней мѣрѣ, бездну золъ. Въ эту годину народнаго бѣдствія, спасеніе видится въ старинѣ; глазъ не видитъ еще осадковъ добраго, какъ не видитъ глазъ путника тучнаго ила, оставляемаго разлитіемъ Нила. Онъ видитъ только наводненіе и разрушеніе; боязливо ищетъ онъ убѣжища на высотѣ вѣковѣчныхъ пирамидъ и тоскливо ждетъ

спасительной лодки. Но безсильны вздохи о старомъ; напудренный маркизъ, въ шелку и кружевахъ временъ Людовика XV, не проснется въ маркизѣ, облеченномъ во фракъ и круглую шляпу. Все стало новымъ, начиная съ приверженцевъ старины. Напрасно Людовикъ XVIII старался связать свою конституціонную хартію съ „майскими полями" и „земскими чинами" временъ давно минувшихъ. „Хартія" останется произведеніемъ XIX вѣка, и Людовикъ XVIII не обратится ни въ Людовика IX, ни въ Людовика XIV. Правда, Карлъ X захочетъ немножко разыграть роль послѣдняго, но событія покажутъ ему, что онъ стоитъ внѣ своего вѣка, въ качествѣ обломка почтеннаго, быть можетъ, но отжившаго порядка. Его ошибка состояла въ томъ, что онъ принялъ увѣщанія Де-Местровъ, Бональдовъ и Полиньяковъ за истинныя выраженія требованій своего времени, тогда какъ они относились къ эпохѣ, когда на папскомъ престолѣ сидѣлъ Иннокентій III, а во Франціи Капетинги основывали всемогущество королевской власти.

У *прогрессиста* есть также собратъ, котораго съ нимъ часто смѣшиваютъ, котораго голосъ какъ будто сливается съ его голосомъ и произноситъ одни съ нимъ слова. Въ прогрессистѣ часто думаютъ открыть черты *революціонера*. Но эти кажущіеся братья—дѣти разныхъ родителей. Прогрессистъ рождается въ странѣ, спокойно совершающей свое историческое развитіе, и порождается временемъ, когда равновѣсіе поступательныхъ и охранительныхъ силъ въ обществѣ достигло возможной полноты. Онъ смѣло идетъ навстрѣчу будущаго, съ опредѣленнымъ багажемъ изъ прошедшаго и настоящаго; онъ представляетъ поступательное движеніе своей родины въ его исторической полнотѣ. Онъ признаетъ и чувствуетъ живую связь свою съ своими отцами, дѣдами и прадѣдами, считаетъ себя ихъ наслѣдникомъ и продолжателемъ, не стыдится этой кровной связи. Но это потому, что отцы, дѣды и прадѣды дѣлали свое дѣло, доходили до извѣстнаго „предѣла", отъ котораго и отправлялись ихъ преемники. Прогрессистъ есть дитя *исторически* развивающейся страны, порожденіе непрерывно видоизмѣняющагося общественнаго порядка.

Революціонеръ—порожденіе иныхъ обществъ и временъ. Предположите общество, почему-либо застывшее въ своихъ формахъ, сдѣлавшихся мало-по-малу обременительными, утратившихъ нравственную власть надъ умами и душами милліоновъ людей, которые не черпаютъ уже въ нихъ силъ для исполненія своего долга, относятся къ нимъ скептически и равнодушно и переносятъ ихъ или по необходимости, или ради приличія. Словомъ, предположите общество,

резюме котораго представлено Карлейлемъ въ его *Исторіи французской революціи.*

Обрисовывая эпоху Людовика XV, онъ говоритъ: „Когда въ эти времена упадка, гдѣ никакой идеалъ не возрастаетъ и не процвѣтаетъ, когда вѣрованіе и вѣрность исчезли и отъ нихъ остается только жаргонъ и ложный отзвукъ, когда всякое торжество обращено во внѣшній парадъ, когда всякая вѣра въ авторитетъ сдѣлалась однимъ изъ двухъ: или глупостью, или лицемѣріемъ — увы! отъ такихъ временъ исторія должна отвращать свои взоры. На нихъ не стоитъ останавливаться. Ихъ нужно сокращать все больше и больше и, наконецъ, вычеркнуть ихъ изъ лѣтописей человѣчества, вытереть, какъ незаконныя, что они и суть на самомъ дѣлѣ. Времена безъ надежды, когда, болѣе чѣмъ въ другое время, родиться есть несчастье! Родиться для того только, чтобы по всякому преданію и по всякому примѣру узнавать, что Божій свѣтъ есть ложь, міръ Беліала, и что высшее шарлатанство есть верховный іерархъ человѣчества!“

Въ этихъ мощныхъ словахъ очерчена facies hippocratica вымиравшей Франціи стараго порядка, когда слово „ложь“ могло быть приложено ко всякому учрежденію, вѣрованію и отношенію и притомъ не въ смыслѣ бранномъ, а въ смыслѣ точнѣйшаго опредѣленія существа дѣла. Все было ложь, ибо все казалось, но не существовало въ дѣйствительности. Церковь, съ ея развращенными и вольнодумными прелатами, не была церковью; салонная аристократія не была аристократіею; суды не были судами; король не былъ королемъ, и т. д. Все обратилось въ какой-то невѣроятный призракъ, но призракъ, продолжавшій взимать тяжкія феодальныя повинности, требовавшій барщины, десятины, всякихъ приношеній, устраивавшій сатурналіи, отъ которыхъ покраснѣлъ бы римскій Лупанаръ. Общество задолго до революціи лишилось живого правоправящаго начала, воплощеннаго въ кругъ людей, съ плотью и кровью, умомъ и сердцемъ. Три капитальнѣйшія основы стараго порядка—монархія, церковь и знать были уже покойниками, лежавшими въ дорогихъ гробницахъ. Дѣйствительная власть упала на улицу, гдѣ ее подняла бушующая и разъяренная голодомъ толпа, руководимая „евангеліемъ отъ Жанъ-Жака Руссо“ и семнадцатью заповѣдями деклараціи правъ. Гробницы были сброшены, и стихійная сила вырыла ту страшную пропасть, куда слетѣли десятины, титулы, гербы, алтари и троны.

Если вы вглядитесь въ черты революціонера, разложите его природу на существенные элементы, вы откроете въ немъ только двѣ вещи: во-первыхъ, отвлеченный принципъ, во имя котораго онъ порвалъ всѣ связи съ прошедшимъ; во-вторыхъ, совокупность стра-

стей, инстинктовъ, похотей—всего того, что принято называть стихійною силою, ставшею на службу отвлеченной формулѣ. Здѣсь все не тронуто исторіею: „принципы“ свѣжи, гладки, вылощены, какъ новенькій экипажъ, не знающій ни исторической пыли, ни опыта отъ тренія, ухабовъ и толчковъ: они выработались въ обществѣ, давнымъ давно оттѣсненномъ отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ, привыкшемъ рѣшать судьбы міра въ салонахъ и кабинетахъ и упрощавшемъ всѣ „формулы“ до предѣловъ возможнаго. Въ этотъ воздушно-легкій экипажъ впряжены страшные кони, неукротимые и дѣвственные, какъ тѣ, что гуляли въ американскихъ пампасахъ. Куда занесутъ они колесницу? Всѣ пробитые пути брошены, весь міръ обратился въ одинъ безпредѣльный путь, „принципы“ безграничны и необъятны—и кони бодро несутся въ тотъ волшебный край, гдѣ всѣ люди равны, гдѣ они „рождаются и остаются свободными“, гдѣ они, бросивъ все то, чему предки ихъ вѣрили въ теченіе тысячелѣтій, поклоняются богинѣ разума, ставшей таковою по приказу „всеобщей воли“. Горе тому, кто попадется на дорогѣ!—а сколько народу попадется колесницѣ, выскочившей изъ общепринятыхъ путей и несущейся „по пространству вообще?“ Знатные и незнатные, мужчины и женщины, взрослые и дѣти одинаково попадутъ подъ колеса и подъ копыта коней, и текущая кровь будетъ первымъ историческимъ слѣдомъ на эѳирно-легкомъ „принципѣ“. Много прольется этой крови, и груды тѣлъ помѣшаютъ торжественному ходу колесницы человѣчества. Легкіе принципы сдѣлаются страшнымъ грузомъ, который еле-еле будутъ влачить усталые кони, тоскливо понуря голову и помышляя о покойномъ стойлѣ и сѣнѣ. Великое „возвращеніе къ природѣ и къ ея священнымъ правамъ“ окажется порядочною фальшью и поступкомъ противоестественнымъ, т.-е. противнымъ *природѣ*. Нѣтъ, природа такъ не поступаетъ; она не строитъ искусственныхъ принциповъ и не совершаетъ жертвоприношеній во имя послѣднихъ. Она *живетъ* и другихъ призываетъ къ жизни.

Карлейль, описавъ кровавую драму террора и участь разныхъ ci-devant, продолжаетъ: „Молодой Шатобріанъ одинъ бродитъ между натчесами, среди шума Ніагары и стона безпредѣльныхъ лѣсовъ. Будь благословенна, о ты, великая природа, дикая, но не фальшивая, не злая, не мачиха! Ты не формула, не бѣшеная борьба гипотезъ, не парламентское краснорѣчіе, не фабрика конституціи и гильотины. Говори мнѣ, о мать! Пой моему больному сердцу, чтобы усыпить его, твою пѣсню вѣчной и таинственной кормилицы, и пусть все остальное убирается далеко!“

Но зачѣмъ бросаться въ объятія „матери-земли“, прислушиваться къ шуму ея водопадовъ и безпредѣльныхъ лѣсовъ, искать въ ней

жизни, правильнаго біенія сердца и пульса, когда эта жизнь можетъ ключемъ бить въ самомъ человѣческомъ обществѣ, если ее не будутъ гнать изъ него! Развѣ самъ человѣкъ не часть природы и притомъ не лучшая его часть, не послѣднее слово творенія? Развѣ онъ не творитъ и не создаетъ самъ, работая умомъ и руками, изъ поколѣнія въ поколѣніе? Дайте ему мыслить, работать, вѣровать, веселиться, страдать, любить и ненавидѣть, быть довольнымъ и недовольнымъ, и вы увидите, что изъ этой свободной игры противоположныхъ силъ, чувствованій и вѣрованій выйдетъ та гармонія, которую тщетно будемъ мы установлять запретами и понуканіями, указаніями и штрафами.

Общество, работая изъ поколѣнія въ поколѣніе, постоянно хочетъ новаго и, конечно, не въ силу „разврата человѣческой природы“. Нѣтъ и не можетъ быть такого состоянія общества, когда наличныя его учрежденія, политическія, церковныя и гражданскія, удовлетворяли бы всѣмъ потребностямъ человѣческаго ума и матеріальной его природы. Предположить противное значило бы—признать, что люди всегда и во всемъ остаются равными себѣ; что всѣ изобрѣтенія человѣческаго ума не имѣютъ ровно никакого вліянія на развитіе самого человѣка; что современники Перикла, Фидія, Платона, Ѳукидида и Софокла, видѣвшіе пышный расцвѣтъ наукъ, искусствъ и политической свободы, ничѣмъ не отличались отъ пелазговъ, съ ихъ циклопическими постройками; что потребность въ чтеніи и образованіи не возрасла послѣ изобрѣтенія книгопечатанія; что современникъ Вольтера и энциклопедистовъ смотрѣлъ на міръ тѣми же глазами, какъ толпы крестоносцевъ, внимавшихъ проповѣди Петра-Пустынника.

Поэтому ни одинъ общественный строй, если подъ послѣднимъ разумѣть не только *формы* народнаго быта, но и складъ убѣжденій, привычекъ, вѣрованій и надеждъ, никогда не представляетъ безусловно цѣльнаго и законченнаго типа. Рядомъ съ ярко обрисованными чертами „существующаго порядка“, опытный глазъ всегда можетъ различить постепенно обрисовывающійся силуэтъ порядка новаго и, по мѣрѣ накопленія новыхъ привычекъ, взглядовъ и стремленій, черты эти выступаютъ все ярче и ярче. Задача мудрой политики заключается именно въ томъ, чтобы въ свое время признать эти черты и перевести ихъ въ дѣйствительность. Иначе новыя стремленія, не получившія законнаго признанія и не введенныя въ предѣлы нормальныхъ общественныхъ силъ, останутся силами *стихійными*, способными произвести взрывъ и разрушить порядокъ, долго не обновлявшійся, а потому сдѣлавшійся анахронизмомъ.

Но общество, при нормальномъ своемъ развитіи, не только *обновляется*, но и *капитализируетъ*, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть

развитія, эволюціи. Безъ этой драгоцѣнной способности, нравственныя, умственныя и матеріальныя богатства, накопленныя предками, не сдѣлались бы достояніемъ ихъ потомства, и каждому поколѣнію приходилось бы начинать *сызнова*, т.-е. въ дѣйствительности оставаться на одномъ пунктѣ съ предками. Страна, періодически выгорающая, не можетъ идти *впередъ* въ экономическомъ отношеніи, ибо идти *впередъ* значитъ *прибавлять* что-либо новое къ существующему. Если человѣкъ сожжетъ свой домъ для того, чтобы идти „впередъ", онъ совершитъ великую глупость. Вмѣсто того, чтобы вносить новыя богатства въ существующій домъ, онъ долженъ будетъ строить вновь самый домъ, не думая уже о новыхъ пріобрѣтеніяхъ — и дай Богъ, если ему удастся выстроить этотъ домъ.

Обновленіе и *капитализація*—надъ этими двумя условіями нормальнаго и историческаго роста трудятся двѣ нормальныя общественныя партіи: *прогрессивная* и *консервативная*. И вотъ почему обѣ онѣ одинаково отличаются отъ партій, принадлежащихъ къ временамъ *застоя* или *революціонныхъ* переворотовъ, ибо тогда не можетъ быть рѣчи ни объ обновленіи, ни о капитализаціи, въ ихъ тѣсной связи и правильномъ соотношеніи.

II.

Никакія теоретическія разсужденія о консерватизмѣ не выяснятъ, однако, его существа такъ, какъ изученіе типовъ государственныхъ людей этого порядка. Ихъ практическая дѣятельность можетъ послужить лучшимъ освѣщеніемъ началъ такъ-называемой „консервативной политики". Для этой цѣли мы остановимся здѣсь на дѣятельности одного изъ величайшихъ людей этого типа, именно Р. Пиля (1788—1850 г.).

Уже при одномъ имени Пиля могутъ возникнуть сомнѣнія относительно его консервативнаго значенія. Съ нимъ связано воспоминаніе о многихъ полезныхъ *реформахъ*, въ числѣ коихъ двѣ имѣли очень важное значеніе: политическая эманципація католиковъ (1829 г.) и отмѣна хлѣбныхъ законовъ (1846 г.). Консерваторъ и реформаторъ — эти два названія не вяжутся другъ съ другомъ. Между тѣмъ, въ личности Пиля они „вязались", и удачное сочетаніе этихъ двухъ качествъ заслужило ему, послѣ смерти, названіе „мудраго и славнаго совѣтника свободнаго народа", данное ему вовсе не въ видѣ комплимента.

Мы не намѣрены излагать здѣсь ни біографіи Пиля, достаточно извѣстной, ни обозрѣвать всей его дѣятельности, что завело бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи. Мы ограничимся анализомъ

его отношенія къ вопросамъ, по которымъ ему приходилось выступать въ роли реформатора, и на томъ умственномъ или душевномъ процессѣ, который приводилъ его къ сознанію необходимости реформы. Для этой цѣли лучшимъ пособіемъ, независимо отъ біографій, могутъ служить его собственные мемуары, гдѣ онъ предлагаетъ свою исповѣдь со всею искренностью высокой души [1]).

По рожденію и семейнымъ своимъ отношеніямъ, Пиль принадлежалъ къ *торіямъ*. Это одно еще не помѣшало бы ему впослѣдствіи стать на сторонѣ реформъ, какъ ни крѣпки въ Англіи семейныя преданія. Но политическое воспитаніе Пиля усложнилось однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію англійской молодежи, которое родилось и взросло въ эпоху гигантской борьбы консервативной Англіи съ революціонною Франціею. Въ такія эпохи всѣ мнѣнія обостряются и страсти разгораются. Французская революція коснулась довольно близко и самой Англіи. Броженіе внутри страны, волненіе въ Ирландіи, подавленное вооруженною силою, страшное напряженіе всѣхъ національныхъ силъ въ борьбѣ съ Наполеономъ—вотъ что видѣлъ Пиль въ своемъ дѣтствѣ и въ молодости. Его отецъ былъ дѣятельнымъ пособникомъ политики Питта, устраивалъ контръ-революціонные митинги, жертвовалъ огромныя суммы для поддержки Питта — воспиталъ своего сына въ духѣ торіевъ и „высокой церкви". Наконецъ, первое время его политической карьеры (1810—1822 г.) совпало съ полнымъ и безспорнымъ господствомъ этой партіи, вознесенной къ власти борьбою съ французскою республикою и оставшейся у дѣлъ въ эпоху всеобщаго утомленія. Пиль сразу получилъ дѣятельную роль и въ парламентѣ и въ администраціи.

Такимъ образомъ, семейныя преданія, духъ эпохи, партіи и первые уроки практической политики—все должно было развить въ Пилѣ строгаго и безповоротнаго „охранителя". Но мы увидимъ, какъ онъ, оставаясь вѣрнымъ консервативнымъ началамъ, умѣлъ удовлетворять и требованіямъ жизни, которая развивалась вовсе не по программамъ партій.

Борьба съ французскою революціею и колоссальныя войны временъ консульства и имперіи надолго остановили въ Англіи процессъ ея внутренняго развитія, подготовлявшій существенныя перемѣны въ отношеніяхъ государства къ вѣрѣ, въ системѣ народнаго представительства и въ организаціи разныхъ частей мѣстнаго управленія.

---

[1]) Я пользовался извѣстною книгою Гизо *Sir Robert Peel* (2-е изд. 1858 г.) и приложеніями къ ней, а также *Конституціонною исторіею Англіи* (1760—1860 г.), соч. Т. Э. Мея.

Періодъ борьбы (1793—1815 г.) и время послѣдующаго утомленія не только задержали этотъ процессъ, но отразились и на характерѣ господствовавшей партіи. Если она проявляла необыкновенную энергію во внѣшней борьбѣ, то въ отношеніяхъ ея къ внутреннимъ вопросамъ эта „энергія" обнаруживалась главнымъ образомъ въ отрицательныхъ и репрессивныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ охраненію существующаго, во что бы то ни стало. Консервативная программа, прежде представляемая такими лицами, какъ Питтъ младшій, совмѣщавшая въ себѣ и твердое охраненіе главныхъ началъ англійскаго государственнаго устройства, и требованіе пересмотра законовъ церковныхъ, выборнаго права и т. д., выродилась въ „программу" Лондондерри, т.-е. программу рѣшительнаго застоя. Но партія, усвоившая такую программу, не могла сохранить положеніе партіи руководящей и дѣйствующей; при первомъ пробужденіи общественной жизни, она оказалась бы вполнѣ безсильною и неспособною къ политической роли. Пилю и его ближайшимъ друзьямъ, Веллингтону и другимъ, принадлежитъ двойная честь. Во-первыхъ, они видоизмѣнили положеніе своей собственной партіи, вывели ее изъ заколдованнаго круга, въ который она попала подъ руководствомъ ультра-торіевъ, и доставили ей новый почетъ, основанный прежде всего на уваженіи къ ихъ великимъ именамъ. Во-вторыхъ, они открыли эру реформъ, хлынувшихъ въ Англію послѣ того, какъ Пиль пробилъ первую брешь актомъ объ эманципаціи католиковъ. Виги не могли бы пробить этой бреши: они еще не пользовались достаточнымъ авторитетомъ ни у короля, ни въ обществѣ, видѣвшемъ въ нихъ тайныхъ друзей революціонныхъ началъ. Первый ударъ долженъ былъ выйти отъ партіи, обладавшей авторитетомъ и властью; она сама должна была дать сигналъ къ преобразованіямъ и тѣмъ возстановить въ Англіи нормальный ходъ общественной жизни, завершить эпоху реакціи. Для нормальнаго хода жизни было бы весьма вредно, если бы правительственная система была измѣнена усиліями оппозиціи, если бы реформа была плодомъ побѣды оппозиціонныхъ элементовъ: единство правительства и страны было бы нарушено, и неизвѣстно, какой ходъ получила бы новѣйшая исторія Англіи безъ сильной руки Пиля. Онъ наложилъ свою печать на все дальнѣйшее развитіе своей родины и далъ толчокъ всѣмъ послѣдующимъ реформамъ. Онъ не участвовалъ во всѣхъ преобразованіяхъ; къ инымъ, какъ, напримѣръ, къ парламентской реформѣ 1832 года, онъ относился недружелюбно. Но если преобразовательное движеніе пошло въ этой странѣ правильно, то этимъ она обязана тому, что первый толчокъ данъ былъ ему Пилемъ.

Вопросъ, на которомъ прежде всего показалъ свои силы этотъ

„консервативный реформаторъ", былъ вопросъ великой государственной важности: дѣло шло объ уравненіи католиковъ съ членами англиканской церкви въ ихъ *политическихъ правахъ.* Для пониманія существа и важности этого вопроса, необходимо припомнить историческую постановку его въ Англіи.

Съ тѣхъ поръ какъ Генрихъ VIII разорвалъ церковныя отношенія съ Римомъ, а Елизавета окончательно организовала англійскую епископальную церковь, отношеніе государства къ вѣроисповѣданіямъ „неустановленнымъ", особенно къ „папистамъ", было поставлено на почву вражды и недовѣрія, вызывавшихъ страшныя репрессивныя мѣры. Конечно, онѣ вытекали прежде всего изъ чувства *религіозной* нетерпимости, свойственной „протестантамъ" такъ же, какъ и католикамъ. Англійскій епископъ Кранмеръ говорилъ королю Эдуарду VI: „такъ какъ король есть представитель Бога — онъ долженъ карать нечестіе". Но этотъ совѣтъ епископа не имѣлъ бы значенія безъ особенныхъ отношеній государства къ церкви, установившихся въ Англіи. Во-первыхъ, послѣ реформы, свѣтскій и духовный суверенитетъ слились здѣсь одинаково въ лицѣ короля. Король сдѣлался главою церкви такъ же, какъ и главою государства. Поэтому приверженность къ иной религіи, особенно къ римско-католической, разсматривалась не только какъ „нечестіе", но и какъ „измѣна" законному государю. Во-вторыхъ, религіозная нетерпимость сдѣлалась оружіемъ въ рукахъ самихъ *политическихъ партій*, въ эпоху борьбы англійскаго парламента и націи съ домомъ Стюартовъ, представлявшихъ начало абсолютизма и явно искавшихъ точки опоры въ католическихъ элементахъ націи. Въ царствованіе Карла II парламентъ, посредствомъ знаменитаго test-act'а (1673 г.), устранилъ дисидентовъ вообще и католиковъ въ особенности отъ занятій общественныхъ должностей, куда ихъ призывала королевская милость въ обходъ законовъ. Іаковъ II, явный католикъ, палъ въ борьбѣ съ привилегіями „установленной церкви". Билль о правахъ 1688 г. и актъ объ утвержденіи 1701 года навсегда устранили католиковъ отъ права занимать англійскій престолъ. Интересы націи и парламента тѣсно связаны съ правами протестантскихъ государей, Вильгельма, Анны и ганноверской династіи. Католики обратились, въ глазахъ закона, господствующихъ партій и царствующаго дома, не только въ враговъ „установленной церкви", но и въ приверженцевъ павшей династіи, въ „якобитовъ". Попытки претендентовъ въ 1715 и въ 1745 годахъ, поддержанныя католическими симпатіями, подкрѣпляли этотъ взглядъ.

Такимъ образомъ, основанія англійскаго государственнаго права слились съ началами церковнаго устройства страны, и права короны покоились на этихъ протестантскихъ принципахъ, поколебать кото-

рые, значило, повидимому,—поколебать авторитетъ протестантскаго короля и протестантскаго парламента. Въ этомъ смыслѣ высказался, при обсужденіи биля объ эмансипаціи (1829 г.), лордъ Эльдонъ: „если вашъ принципъ вѣренъ, говорилъ онъ своимъ противникамъ:— если религіозныя мнѣнія ничего не значатъ въ политикѣ, то король Великобританіи не имѣетъ никакого права занимать престолъ, ибо онъ занимаетъ его въ силу опредѣленныхъ и особенныхъ религіозныхъ мнѣній“.

Если эти принципы имѣли такую силу для Англіи, гдѣ огромное большинство принадлежало къ государственной церкви, то значеніе ихъ возрастало въ примѣненіи къ Ирландіи, гдѣ, среди 3/4 католическаго населенія, „установленная церковь“ представляла не только интересы государства, но и интересы владычествующаго племени относительно порабощенной массы туземцевъ. Здѣсь католицизмъ былъ не только религіознымъ мнѣніемъ, но и символомъ политической независимости; здѣсь онъ побуждалъ угнетенныхъ ирландцевъ становиться на сторону Стюартовъ и враговъ протестантской династіи.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій создались тѣ исключительные законы, воспоминаніе о которыхъ ложится пятномъ на исторію „свободной“ Англіи. Эти законы могутъ быть подведены подъ три главныя категоріи: 1) законовъ, воспрещавшихъ, подъ страхомъ тяжкаго уголовнаго наказанія, *отправленіе богослуженія* по обрядамъ римско-католической церкви; 2) законовъ, ограничивавшихъ *гражданскую* правоспособность католиковъ [1]), и 3) законовъ, исключавшихъ католиковъ отъ пользованія *политическими* правами.

Конечно, эти три разряда законовъ не сохранились неизмѣнными до той минуты, когда Пиль провелъ свой законъ объ эмансипаціи. Первые два разряда потерпѣли существенное измѣненіе; нѣкоторые изъ этихъ законовъ были прямо отмѣнены, другіе не примѣнялись [2]). Даже третья категорія ихъ потерпѣла существенныя измѣненія. Новые законы открывали католикамъ возможность занимать разныя общественныя должности, при соблюденіи извѣстныхъ условій. Въ

---

[1]) Напримѣръ, актъ 1700 года назначалъ награду въ 100 фунтовъ стерлинговъ тому, кто откроетъ католическаго священника, отправляющаго свою должность; объявлялъ неспособнымъ всякаго католика покупать и наслѣдовать земли, если онъ не отречется отъ своей вѣры. Въ случаѣ отказа, имущество переходило къ его протестантскимъ родственникамъ и т. д.

[2]) Хотя каждую минуту эти законы могли быть выведены изъ забвенія, какъ это случилось съ католическимъ священникомъ Малоне, который, вслѣдствіе доноса, былъ приговоренъ судомъ къ пожизненному заключенію. Этотъ случай произвелъ страшный скандалъ въ парламентѣ, и министерство освободило несчастнаго подъ своею отвѣтственностью.

Ирландіи, еще въ концѣ XVIII столѣтія, они были допущены къ *участію* въ выборахъ. Этимъ они обязаны были какъ успѣхамъ начала вѣротерпимости, такъ и тому, что „протестантское государство“ съ его протестантскою династіею окрѣпло настолько, что уже не боялось „католическихъ заговоровъ“.

Оставался, однако, важный вопросъ: могутъ ли католики быть *избраны* въ члены парламента и затѣмъ занимать мѣста въ кабинетѣ, въ тайномъ совѣтѣ, въ палатѣ лордовъ? Трудно было дать утвердительный отвѣтъ, пока Ирландія сохраняла свой отдѣльный парламентъ, въ которомъ преобладаніе протестантскаго элемента считалось безусловно необходимымъ. Но съ 1801 года положеніе дѣлъ измѣнилось. Послѣдовало соединеніе Англіи съ Ирландіею; послѣдняя должна была посылать своихъ депутатовъ въ *англійскій* парламентъ, гдѣ протестантское большинство было заранѣе обезпечено. Слѣдовательно, тѣ мотивы, которые вызывали исключеніе католиковъ изъ ирландскаго парламента, теряли свою силу относительно англійскаго. На этой почвѣ думалъ дѣйствовать Питтъ, если бы рѣшительный отказъ короля Георга III не побудилъ его отказаться отъ своего намѣренія. Съ тѣхъ поръ инициатива по этому великому дѣлу перешла въ руки оппозиціи; вопросъ сдѣлался предметомъ агитаціи, вызывалъ парламентскія бури, народныя сборища, схватки, подавлявшіяся вооруженною силою, процессы и держалъ въ напряженіи всю страну, воспламененную краснорѣчіемъ О'Коннелля.

Мнѣніе Пиля, въ тотъ моментъ, когда онъ началъ свою политическую карьеру, достаточно опредѣлялось мнѣніями его партіи и указанными выше условіями, подъ вліяніемъ которыхъ создались исключительные законы противъ католиковъ. Онъ твердо держался этихъ мнѣній и откровенно высказывался противъ всякой попытки измѣнить положеніе дѣлъ. Но разница между нимъ и ультра-торіями состояла въ томъ, что онъ способенъ былъ принимать въ расчетъ новые факты политической жизни, наблюдать ихъ со вниманіемъ и свободою государственнаго человѣка и приходить на помощь государству съ совѣтами, соотвѣтствующими истинному положенію дѣлъ, а не съ „формулами“ лорда Эльдона.

Онъ имѣлъ время наблюдать эти факты; онъ самъ былъ статсъ-секретаремъ по ирландскимъ дѣламъ; его управленіе не только оставило добрую память въ этой странѣ, но и показало ему самому, что „ирландскія дѣла“ находятся въ положеніи ненормальномъ; онъ, какъ членъ нижней палаты, внимательно слѣдилъ за видоизмѣненіемъ мнѣній въ народномъ представительствѣ; наконецъ, онъ видѣлъ ростъ внѣ-парламентской агитаціи и дѣйствія „католической ассоціаціи“, принимавшей грозные размѣры.

Настроеніе нижней палаты способно было навести на размышленіе. „Съ 1807 года,—писалъ онъ въ своемъ превосходномъ мемуарѣ, представленномъ королю 12-го января 1829 г., — было пять парламентовъ. Общіе выборы происходили въ 1807, 1812, 1818, 1820 и 1826 годахъ. Въ каждомъ изъ этихъ парламентовъ, за исключеніемъ одного, палата общинъ высказалась за разсмотрѣніе вопроса о католикахъ. Палата, избранная въ 1818 году, составляетъ исключеніе; но и въ ней этотъ вопросъ былъ отвергнутъ большинствомъ *двухъ* голосовъ (243 противъ 241). Палата общинъ, избранная въ 1820 г., два раза посылала въ палату лордовъ били, отмѣнявшіе неправоспособность католиковъ. Нынѣшняя палата высказалась въ 1827 году противъ этой мѣры большинствомъ *четырехъ* голосовъ (276 противъ 272), но въ послѣднюю сессію она высказалась за нее большинствомъ 272 противъ 266". Это показывало ясно, что народное представительство вступаетъ въ рѣшительный разладъ съ правительствомъ и съ системою, въ которой оно упорствовало.

Агитація въ ирландскихъ массахъ принимала угрожающіе размѣры, требовавшіе великаго напряженія *военныхъ* силъ. Въ 1828 году она завершилась рѣшительнымъ вызовомъ правительству, именно, шумнымъ выборомъ О'Коннелля, вмѣсто Фитцджеральда, въ графствѣ Клеръ (Clare). Вопросъ былъ поставленъ ребромъ. Будетъ или нѣтъ избранный депутатомъ *католикъ* допущенъ въ палату общинъ? Любопытно прежде всего посмотрѣть, какъ отнесся къ этому происшествію Пиль. М-ръ Фитцджеральдъ, пораженный на выборахъ и взволнованный сценами, которыми они сопровождались, написалъ къ Пилю исполненное отчаянія письмо, гдѣ онъ восклицалъ: „всѣ великіе интересы побѣждены и отступленіе всеобщее. Какія сцены видѣли мы! Какая ужасная перспектива открывается предъ нами!"

Но Пиль предался размышленіямъ, совершенно независимымъ и отъ личности О'Коннелля, и отъ частныхъ безпорядковъ въ графствѣ Клеръ. Онъ усмотрѣлъ въ нихъ симптомъ общаго положенія дѣлъ, надъ которымъ долженъ былъ задуматься государственный человѣкъ.

„Выборы въ Клерѣ, — пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—были яснымъ доказательствомъ ненормальнаго и болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находился общественный духъ въ Ирландіи;—яснымъ доказательствомъ, что сознаніе общаго неудовольствія и общихъ интересовъ ослабило силу узъ, соединявшихъ различные планы лицъ, и силу чисто мѣстныхъ и личныхъ привязанностей для того, чтобы соединить разрозненные элементы общества въ однородную и дисциплинированную массу, добровольно подчиняющуюся авторитету высшей умственной силы. враждебной закону и правительству, предписывающему исполненіе этого закона.

„Есть великое разстояніе (хотя нѣкоторая экзальтированная партія и отрицаетъ это) между *уступками*, сдѣланными поспѣшно безпорядочной агитаціи, и *мѣрами*, принятыми предусмотрительно для того, чтобы остановить взрывъ общественнаго чувства, постепенно пріобрѣтающаго силу, которая скоро сдѣлаетъ его непреодолимымъ.

„Не уступайте ничего агитаціи", вотъ кликъ, издаваемый всегда тѣми, кто не несетъ отвѣтственности и кто вноситъ часто въ свои опредѣленія рѣшимость, пропорціональную ихъ личному удаленію отъ опасности и недостаточному знанію истиннаго положенія вещей.

„Прежде чѣмъ рѣшиться не дѣлать никакой уступки, ничего не уступать или ничего не измѣнять въ старыхъ мнѣніяхъ, благоразумный министръ долженъ основательно обсудить то, чему ему предстоитъ противиться, и какими силами сопротивленія онъ располагаетъ. Его задача была бы очень легка, если бы ему достаточно было рѣшенія ничего не уступать насилію или угрозѣ матеріальною силою".

Но дѣло въ томъ, что великій министръ, конечно, не боявшійся ни угрозъ, ни насилія, счелъ своимъ долгомъ принять въ расчетъ тѣ *общія* и *нравственныя* условія, въ которыхъ находилось правительство Георга IV. Правда, послѣдній заранѣе высказался противъ всякихъ уступокъ католикамъ. Еще въ 1824 году онъ писалъ Пилю: „мнѣнія короля объ эманципаціи католиковъ суть мнѣнія его почтеннаго и любезнаго родителя. Король не можетъ и не захочетъ *никогда* отъ нихъ отказаться". Но Пиль расчитывалъ на поддержку Веллингтона, имѣвшаго такое вліяніе на короля, и на силу обстоятельствъ, для которой человѣческое „никогда" имѣетъ очень слабое значеніе. Въ 1829 году онъ представилъ королю свой знаменитый мемуаръ, въ которомъ онъ просилъ его величество разрѣшить кабинету заняться разсмотрѣніемъ католическаго вопроса. Мемуаръ былъ представленъ 12 января, незадолго до собранія парламента, съ созывомъ котораго можно было ожидать серьезнаго кризиса. Мы остановимся на этомъ мемуарѣ, ибо рѣдко какое произведеніе оффиціальнаго пера заслуживаетъ такого вниманія и уваженія.

„Я убѣжденъ,—писалъ онъ,—что католическій вопросъ не можетъ болѣе оставаться въ положеніи вопроса „открытаго" и что слуги его величества должны сообща принять опредѣленную политику по этому предмету.

„Страна не можетъ быть предоставлена самой себѣ относительно католическаго вопроса; министры его величества не могутъ долѣе сохранять нейтралитетъ среди подобныхъ преній и воздерживаться отъ выраженія ихъ общаго мнѣнія о такомъ предметѣ, безъ того, чтобы честь правительства, отправленіе его власти въ Ирландіи и

постоянные интересы протестантской колоніи не были сильно поколеблены.

„Опытъ долженъ былъ намъ показать, что въ Ирландіи ни разъединенное правительство, ни правительство, согласное въ мнѣніи, но направляемое въ Англіи раздѣленнымъ правительствомъ, не можетъ предписывать исполненія законовъ съ твердостью и авторитетомъ, необходимыми при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Ирландіи.

„По отношенію къ преніямъ въ парламентѣ, положеніе администраціи несостоятельно.

„Предполагая, что она сохранитъ положеніе, принятое ею по этому дѣлу, ей, при открытіи парламента, по необходимости будетъ предстоять слѣдующая альтернатива:

„Она должна будетъ или остаться въ бездѣйствіи по ирландскимъ дѣламъ, или предложить репрессивныя мѣры, не подавая никакой надежды на уступки.

„Оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи, ничего не предлагать, не выражать никакого мнѣнія объ Ирландіи — безусловно невозможно.

„Возможенъ ли второй образъ дѣйствій? Возможно ли налагать новыя стѣсненія, требовать, отъ имени правительства, расширенія власти, признаваясь, что ничего другого она не имѣетъ въ виду?“

Дѣйствительно, многолѣтній застой по ирландскимъ дѣламъ въ правительственныхъ сферахъ привелъ послѣднія къ выбору между дальнѣйшимъ молчаніемъ, при которомъ движеніе шло мимо правительства и во вредъ ему, и новыми репрессивными мѣрами, которыя Пиль считалъ невозможными, при данномъ настроеніи англійскаго общества и палаты общинъ. Установивъ полную несостоятельность политики „сопротивленія во что бы то ни стало“, онъ резюмировалъ свои доводы въ пользу разсмотрѣнія католическаго вопроса, во всемъ его объемѣ, въ слѣдующихъ пунктахъ:

„Во-первыхъ, продолжительное (въ теченіе шестнадцати лѣтъ) разногласіе и раздѣленіе между двумя палатами парламента по важному конституціонному вопросу есть великое зло.

„Во-вторыхъ, вліяніе католиковъ возрасло чрезмѣрно, вслѣдствіе непрерывно повторявшихся рѣшеній палаты общинъ въ ихъ пользу. Мнѣніе протестантской части общества относительно католицизма и поведенія католиковъ въ Ирландіи было бы согласно, если бъ не пренія, возникающія по поводу ихъ политической неправоспособности.

„Въ-третьихъ, въ теченіе послѣдней осени, изъ 30,000 регулярной пѣхоты, которою располагаетъ соединенное королевство, для поддержанія спокойствія въ Ирландіи нужно было собрать 25,000, какъ

въ Ирландіи, такъ и на берегахъ Англіи, а послѣдняя была въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ.

„Въ-четвертыхъ, хотя исходъ возстанія не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго опасенія, хотя я убѣжденъ, что послѣднее можетъ быть немедленно подавлено, я думаю, однако, что состояніе раздѣленія по католическому вопросу, въ коемъ находятся правительство и обѣ палаты, и необходимость быть постоянно готовымъ къ вооруженной борьбѣ, есть бо̀льшее зло, чѣмъ самая борьба.

„Въ-пятыхъ, политическое возбужденіе, въ коемъ находится Ирландія, скоро сдѣлаетъ невозможнымъ отправленіе здѣсь правосудія въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ затронуты вопросы политическіе или религіозные. Жюри перестанетъ быть обезпеченіемъ справедливости и безопасности, особенно въ дѣлахъ, гдѣ стороною является правительство.

„Таковы практическіе и возрастающіе недуги, для коихъ я не вижу лѣкарства, если нынѣшнее положеніе продолжится, а давленіе теперь настолько велико, что оно вполнѣ оправдываетъ, по моему мнѣнію, обращеніе къ инымъ мѣрамъ".

Отмѣтимъ еще одну черту въ этомъ замѣчательномъ мемуарѣ. Легко видѣть, что Пиль, разсуждая о недугахъ, порожденныхъ католическимъ вопросомъ и о средствахъ ихъ врачеванія, ни разу не упомянулъ о такихъ мѣрахъ, которыя стоятъ внѣ законныхъ и конституціонныхъ полномочій правительства. Какъ истинный консерваторъ и высокій практическій умъ, онъ разсуждалъ о мѣрахъ, дозволяемыхъ данными основными законами, которыхъ невозможно было мѣнять по частному случаю, и приличныхъ данному положенію вещей, независимо отъ абсолютной годности тѣхъ или иныхъ „принциповъ". Для него важно было, чтобы правительство, нація и парламентъ вышли изъ затрудненія обновленными и укрѣпленными, и чтобы лихорадка, въ которой страна жила въ послѣднія шестнадцать лѣтъ, уступила, наконецъ, мѣсто здоровымъ отправленіямъ общественнаго тѣла.

На эту почву онъ поставилъ вопросъ и въ палатѣ, куда онъ былъ перенесенъ послѣ долгихъ переговоровъ съ королемъ, въ теченіе которыхъ Пиль и Веллингтонъ подавали въ отставку, возвращенную имъ, впрочемъ, въ тотъ же вечеръ.

Открывая, 5 марта 1829 года, пренія въ палатѣ общинъ, Пиль далъ слѣдующую постановку этому вопросу:

„Я знаю,—говорилъ онъ,—что говорю предъ палатой, большинство которой расположено подать голосъ въ пользу этой мѣры, по мотивамъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ тѣ, на которые я намѣренъ опираться... Я воздержусь отъ всякаго разсужденія объ естествен-

ныхъ или общественныхъ правахъ человѣка; я не пущусь въ изслѣдованіе теорій правительства. Озабоченный не тѣмъ, что̀ можно *сказать*, но тѣмъ, что̀ слѣдуетъ *дѣлать* въ такихъ затрудненіяхъ, я ограничусь практическимъ разсмотрѣніемъ нынѣшняго положенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ я силился поддержать исключительные законы, устранявшіе католиковъ отъ парламента и высшихъ государственныхъ должностей. Я не думаю, чтобы это было несправедливое или неразумное усиліе. Я отказываюсь отъ него, придя къ убѣжденію, что на немъ нельзя настаивать съ пользою. По моему мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ средствъ, дѣйствительныхъ для этой борьбы. Я уступаю *нравственной необходимости*, которую я не въ силахъ превозмочь. Существуетъ ли такая необходимость? Что̀ опаснѣе для протестантскихъ установленій, которыя я хочу защищать:—упорное ли сопротивленіе, или уступки, обставленныя извѣстными предосторожностями? Это все, что̀ я намѣренъ доказать".

Когда вопросъ былъ поставленъ на такую почву, всѣ споры о принципахъ были устранены. Дано извѣстное положеніе дѣлъ;—какой изъ него выходъ, согласный съ практическими выгодами правительства и націи? На этотъ вопросъ нельзя уже было отвѣчать „трансцендентальною" аргументаціею. Можно было отвергнуть *практическую* мѣру, предложенную Пилемъ, но не иначе, какъ предложивъ другую, тоже *практическую* мѣру, взамѣнъ предложенной. Оставаться же при чистомъ отрицаніи нельзя было потому, что правительство спрашивало палаты не объ ихъ мнѣніи о принципіальномъ достоинствѣ католицизма и свободѣ совѣсти, а дѣлового совѣта объ исходѣ изъ явно затруднительнаго положенія.

Для противниковъ мѣры оставался одинъ главный ресурсъ—ресурсъ *личныхъ* нареканій на ея автора, и изъ этого драгоцѣннаго источника было извлечено два аргумента противъ Пиля: 1) онъ обвинялся въ *отступничествѣ* отъ своихъ прежнихъ мнѣній, въ *измѣнѣ* великому дѣлу протестантской церкви и протестантскаго государства; 2) его уступка объяснялась страхомъ предъ силою католической агитаціи.

На то и другое обвиненіе онъ далъ полновѣсные отвѣты.

Обращаясь къ торіямъ, обвинявшимъ его въ *отступничествѣ*, онъ говорилъ:—„Я не рѣшусь покупать поддержки моихъ достопочтенныхъ друзей обѣщаніемъ упорствовать, въ качествѣ совѣтника короны, во всякое время и на всякій рискъ, въ мнѣніяхъ и аргументахъ, которые я когда-либо поддерживалъ предъ этою палатою. Я положительно удерживаю за собою право опредѣлять мое поведеніе по требованіямъ момента и интересовъ страны... Это дѣлали всѣ государственные люди всѣхъ временъ и странъ, и я выражу

мою мысль словами лучшими, чѣмъ бы я могъ найти ихъ самъ— словами Цицерона: „я научился, я видѣлъ, я читалъ; писанія свидѣтельствуютъ намъ о мудрѣйшихъ и славнѣйшихъ мужахъ, какъ этой республики, такъ и другихъ, что тѣ же люди не должны постоянно защищать тѣхъ же самыхъ мнѣній, но должны отстаивать то, что требуется состояніемъ государства, направленіемъ времени и духомъ согласія".

Оставалось обвиненіе въ „страхѣ". Ему противопоставилъ Пиль слѣдующее безсмертное возраженіе.—„Я не знаю болѣе низкаго мотива для поведенія, какъ страхъ. Но есть расположеніе духа, можетъ быть, болѣе опасное, хотя и менѣе низкое—это страхъ быть заподозрѣннымъ въ трусости. Какъ ни презрѣнъ трусъ, но человѣкъ, боящійся, что съ нимъ обойдутся какъ съ трусомъ, выказываетъ не бо̀льшее мужество. Министры его величества не боятся и не боялись „католической ассоціаціи"; они безъ труда подавили бы всякую попытку запугиванія... Но есть опасенія, вовсе не противныя характеру человѣка самаго твердаго, constantis viri; есть вещи, которыхъ онъ не можетъ видѣть безъ страха. Не должно смотрѣть безъ страха на разстройство въ Ирландіи, и тотъ, кто дѣлалъ бы видъ, что не боится этого, доказалъ бы равнодушіе къ счастью или несчастью страны".

Вся эта внутренняя драма, разыгравшаяся въ душѣ великаго предводителя консервативной партіи, все его поведеніе служатъ довольно яснымъ доказательствомъ того, что консерватизмъ не есть „охраненіе" во что̀ бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Напротивъ, они свидѣтельствуютъ о томъ, что консерватизмъ есть важный регуляторъ въ процессѣ общественнаго *обновленія* и является могущественнымъ средствомъ сохранить за правящими классами и правительствомъ руководящую роль въ преобразованіяхъ. Поэтому такіе консерваторы, какъ Пиль, не могутъ подвергнуться упреку въ „непостоянствѣ", и вполнѣ могутъ примѣнить къ себѣ слова Цицерона, изъ той же рѣчи, цитированной нѣкогда Пилемъ: „Neque enim inconstantis puto, sententiam tanquam aliquod navigium atque cursum ex rei publicae tempestate moderari" [1]).

III.

Государственный человѣкъ, проводя какую-нибудь реформу, говоритъ обыкновенно иначе, чѣмъ тогда, когда ему приходится имѣть дѣло съ реформой, совершонной его политическими противниками. Поэтому личность Пиля необходимо подвергнуть нѣкоторому практи-

---

[1]) Я никогда не сочту признакомъ непостоянства сообразовать свои мнѣнія и поступки, подобно какому-нибудь кораблю, съ попутнымъ вѣтромъ въ государствѣ.

ческому испытанію. Какъ онъ поведетъ себя не во власти, а въ оппозиціи? Случай къ испытанію представится скоро. Въ 1829 году кабинетъ Веллингтона-Пиля былъ на верху могущества; 16 ноября 1830 года онъ подалъ въ отставку и уступилъ свое мѣсто вигамъ. Толчокъ, данный кабинету, пришелъ отчасти извнѣ: 27 іюля 1830 года совершилась французская революція, свергшая Бурбоновъ и пробившая огромную брешь въ зданіи, созданномъ трактатами 1815 года. Но этотъ толчокъ для Англіи важенъ былъ потому, что многія чувствованія и стремленія, присущія какъ вигамъ, такъ и демократической партіи, пробудились теперь съ новою силою. Георгъ IV умеръ, и ультра-торіи лишились важной опоры; направленіе новаго короля еще не выяснилось. Наконецъ, само консервативное министерство сдѣлало первый шагъ на пути реформъ. Преобразовательное движеніе должно было обратиться съ новою силою на одно по истинѣ больное мѣсто англійскаго государственнаго устройства — на условія *парламентскаго представительства*.

Существо стараго представительства состояло въ томъ, что оно вполнѣ находилось въ рукахъ поземельной аристократіи. Несмотря на то, что нижняя палата носила имя палаты *общинъ*, собственно „общинъ“ въ этомъ парламентѣ было менѣе всего. Благодаря тому, что избирательное право было изстари прикрѣплено къ „мѣстечкамъ“, постепенно утратившимъ значеніе городовъ, а въ послѣднихъ оно принадлежало привилегированнымъ корпораціямъ,—что эти „мѣстечки“ и города находились подъ рѣшительнымъ вліяніемъ аристократіи, которой они даже продавали свои услуги, можно сказать, что аристократія господствовала какъ въ графствахъ, такъ и въ городахъ одинаково [1]). До биля о реформѣ, изъ 658 парламентскихъ мѣстъ, располагали:

87 англійскихъ перовъ	218
21 шотландскій перъ	31
36 ирландскихъ перовъ	51
123 крупныхъ землевладѣльца	171
Министерство	16
Другія лица	171

Все это было совершенно понятно въ ту эпоху, когда англійская поземельная аристократія была главнымъ и даже единственнымъ фундаментомъ государства, когда она, кромѣ того, несла на своихъ

---

[1]) Напримѣръ, знаменитое мѣстечко Old Sarum въ 1832 году имѣло 5—6 плохихъ домиковъ и 12 „избирателей“. Между тѣмъ оно посылало въ палату 2 представителей, коихъ фактически назначалъ владѣлецъ мѣстечка, лордъ Камельфордъ. Въ 1790 году было 30 мѣстечекъ съ 375 избирателями, посылавшихъ въ палату 60 депутатовъ. Между тѣмъ Лондонъ, съ 495,550 жителями, имѣлъ четырехъ депутатовъ. У 500 городовъ вовсе не было представителей.

плечахъ всю тягость мѣстнаго управленія и когда всѣ отношенія были проникнуты до извѣстной степени феодальнымъ характеромъ. Наконецъ, аристократія въ Англіи долго держалась на высотѣ своего призванія. Она располагала депутатскими мѣстами не для того, чтобы замѣщать ихъ услужливыми бездарностями. Въ XVIII столѣтіи, въ эпоху полнаго развитія ея могущества, въ парламентѣ ораторствовали Питты, Фоксы, Шериданы, Борки. Но англійское общество не избѣгло перерожденія. Сильное развитіе промышленности и торговли, колоніальная политика Питта создали такой торгово-промышленный классъ, какого не знаетъ ни одна страна въ мірѣ, и онъ менѣе всего расположенъ былъ отказаться отъ представительства своихъ „интересовъ", вполнѣ законныхъ. Одно богатство не хотѣло видѣть себя безправнымъ предъ другимъ богатствомъ. Но не одно новое „богатство" возвышало свой голосъ. Возвышала его бѣдность, въ видѣ рабочихъ въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ видѣ рабочихъ ирландскихъ, для которыхъ экономическое горе обострялось политическими и религіозными условіями. Коротко говоря, послѣ того, какъ первая реформа Пиля взрѣзала одряхлѣвшій государственный строй Англіи, изъ взрѣза показались головки многихъ иныхъ реформъ, долженствовавшихъ не только покончить извѣстные старые счеты, но и обновить государство. Пиль — дитя старой торійской Англіи, вдругъ увидѣлъ силуэтъ Англіи новой, промышленной, да еще съ соціальнымъ вопросомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи. Мы видѣли, что онъ рѣшительно шелъ навстрѣчу мѣрамъ, вызываемымъ условіями времени. Но теперь рѣчь шла не о мѣрахъ къ исправленію разныхъ общественныхъ и политическихъ отношеній, а объ *измѣненіи состава и качества силъ*, на которыя онъ привыкъ опираться и съ которыми, несмотря на различіе мнѣній, онъ могъ идти рука объ руку. Всѣ расчеты его политики, всѣ его шансы были расчитаны на опредѣленныя, исторически сложившіяся силы, которыя онъ видѣлъ предъ собою въ палатѣ общинъ. Теперь всѣ расчеты должны были измѣниться; почва теряла прежнюю твердость. Онъ зналъ, что скажетъ и какъ будетъ дѣйствовать каждая партія въ палатѣ, избранной такими-то, искони установившимися избирательными собраніями. Но что скажетъ и какое направленіе приметъ палата, составленная иначе и изъ другихъ элементовъ? Куда поведетъ она Англію? Приступивъ разъ къ измѣненію состава избирателей, можно ли будетъ оставаться на скользкой почвѣ? Начавъ перемѣщеніе власти, перемѣстивъ ее сегодня изъ однѣхъ рукъ въ другія, можно ли ручаться, что завтра ее не придется перемѣщать въ третьи? Не дойдетъ ли Англія до полнаго осуществленія требованій

чартистовъ, т.-е. до демократіи, столь несогласной съ ея историческимъ прошлымъ?

Конечно, всѣ опасенія Пиля и его сторонниковъ были неумѣстны; билль о реформѣ 1832 года не былъ биллемъ „демократическимъ"; его пришлось восполнять и расширять въ 1867 и 1872 годахъ. Но о состояніи государственнаго дѣятеля нельзя судить по фактамъ послѣдующимъ. Въ моментъ возбужденія вопроса объ избирательной реформѣ, когда планы самихъ реформаторовъ были еще неясны, когда агитація предъявляла требованія довольно неумѣренныя, консервативная партія имѣла основаніе отнестись къ этому вопросу скептически.

Между тѣмъ вопросъ въ парламентѣ былъ поставленъ такъ рѣзко, что министерство Веллингтона-Пиля должно было дать категорическій отвѣтъ и, потерпѣвъ неудачу, подать въ отставку. Еще незадолго до смерти Георга IV, О'Коннелль, занявшій свое мѣсто въ нижней палатѣ, внесъ сюда проектъ парламентской реформы, въ коемъ предлагалось сокращеніе депутатскихъ полномочій до 3 лѣтъ (вмѣсто 7), всеобщая и тайная подача голосовъ. Это предложеніе было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ. Но вслѣдъ затѣмъ *Джонъ Россель* внесъ предложеніе, приглашавшее палату объявить, „что слѣдуетъ расширить основанія народнаго представительства". Это предложеніе также было отвергнуто, но меньшинство достигло уже почтенныхъ размѣровъ (117 противъ 213). Въ слѣдующемъ году, незадолго до новой сессіи парламента, послѣдовалъ „внѣшній толчокъ", въ видѣ французской революціи; страсти обострились въ ту и другую сторону. Во время преній по отвѣтному адресу на тронную рѣчь 2 ноября 1830 года, лордъ *Грей* заявилъ въ верхней палатѣ, что онъ считаетъ избирательную реформу настоятельною и пригласилъ правительство приготовиться къ ней. Герцогъ Веллингтонъ торжественно объявилъ, что онъ считаетъ существующую систему наилучшею, вполнѣ соотвѣтственною интересамъ Англіи, и что, „пока онъ министръ", онъ всегда будетъ противиться этой мѣрѣ, если ее предложатъ другіе.

Послѣ этого Веллингтону не долго пришлось говорить „пока я министръ". Недовѣріе къ министерству было выражено голосованіемъ по другому вопросу 15-го ноября; на другой же день министерство подало въ отставку, и управленіе перешло къ партіи виговъ, въ лицѣ Грея и Росселя. Пиль вышелъ въ отставку съ другими своими товарищами, хотя онъ и не былъ такимъ „трансцендентальнымъ" противникомъ реформы, какъ Веллингтонъ, котораго онъ даже упрекалъ за поспѣшность и рѣзкость его заявленій. „Что касается меня,— говорилъ онъ,—то мое поведеніе предопредѣлено: я врагъ только радикаловъ. Новое правительство также ихъ врагъ; въ этомъ я буду

его поддерживать. Остальное зависитъ отъ политической програмы министровъ; тогда я увижу, долженъ ли я быть въ оппозиціи или нѣтъ“.

Несмотря, однако, на такое свободное отъ всѣхъ предвзятыхъ мыслей заявленіе, онъ выступилъ сильнымъ и открытымъ врагомъ реформы, когда проектъ ея былъ предложенъ парламенту. Онъ осуждалъ реформу потому, что она предпринята въ дурную минуту, когда общество находится подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ французской революціи, повліявшей на возбужденіе демократическихъ страстей и въ Англіи; онъ находилъ, что она идетъ противъ существенныхъ основаній англійскаго государственнаго устройства. „Я буду противъ этого биля,—говорилъ онъ,—потому что я считаю его роковымъ для нашей счастливой смѣшанной формы правленія, для авторитета палаты лордовъ, для того духа преемственности и осторожности, доставившаго Англіи всеобщее довѣріе; роковымъ—для дѣйствія правительства, которое, доставляя полную защиту собственности и свободѣ частныхъ лицъ, дало исполнительной власти этого государства мощь, невѣдомую въ другія времена и въ другихъ странахъ... Если биль, предложенный министрами, будетъ принятъ—онъ введетъ у насъ худшій и низшій изъ всѣхъ видовъ деспотизма, деспотизмъ демагоговъ, деспотизмъ журнализма, тотъ деспотизмъ, который привелъ сосѣднія страны (т.-е. Францію), нѣкогда счастливыя и цвѣтущія, на край пропасти“.

Пиль, очевидно, былъ слишкомъ задѣтъ въ своей привязанности къ учрежденіямъ Англіи, къ Англіи, консолидированной въ 1688 г. Изъ-за этой Англіи Болингброковъ, Вальполей, Питтовъ и Борковъ онъ не видѣлъ другой, промышленной Англіи, пробивавшей себѣ дорогу и клавшей основаніе ея будущему. Если бы онъ могъ заглянуть въ это будущее, онъ не увидѣлъ бы въ немъ ни „деспотизма демагоговъ, ни деспотизма журнализма“. Онъ, въ ближайшемъ будущемъ, увидѣлъ бы самого себя, служащаго интересамъ этой промышленной Англіи провозглашеніемъ начала свободы торговли и отмѣною хлѣбныхъ законовъ! Такова сила здоровой государственной и общественной жизни!

Для *прогрессистовъ* вопросъ ставился слѣдующимъ образомъ: должны ли новые классы быть пріобщены къ нормальной государственной жизни путемъ представительства ихъ интересовъ, или остаться внѣ ея, въ качествѣ элементовъ, враждебныхъ установленному порядку, а потому опасныхъ? Побѣда новыхъ стремленій въ ближайшемъ будущемъ казалась имъ несомнѣнною; но они не хотѣли, чтобы эта побѣда была побѣдою надъ основными началами англійской конституціи. Они желали, напротивъ, чтобы торжество новыхъ классовъ послужило на пользу государству, обновивъ его и обогативъ новыми

элементами, въ немъ дѣйствующими. И въ порядкѣ примѣненія своей реформы, они выказали тотъ „духъ преемственности и осторожности“, который, по словамъ Пиля, „заслужилъ Англіи всеобщее довѣріе“.

Любопытно сопоставить приведенную выше рѣчь Пиля съ рѣчью Маколея, сказанною въ защиту биля о реформѣ. „Посмотрите,—говорилъ онъ,—вдаль отъ васъ, вокругъ васъ, всюду: все предсказываетъ вѣрное пораженіе тѣмъ, кто упорствуетъ въ тщетной борьбѣ противъ духа времени. Паденіе самаго пышнаго изъ континентальныхъ троновъ еще раздается въ ушахъ нашихъ; кровля англійскаго дворца даетъ печальное убѣжище наслѣднику сорока королей (Карлу X); повсюду мы видимъ старыя учрежденія ниспровергнутыми, великія общества разрушенными. Теперь, пока сердце Англіи еще здорово, пока старыя чувства, старыя учрежденія еще сохраняютъ у насъ власть и обаяніе, которыя скоро могутъ исчезнуть, въ эту минуту, еще благопріятную, въ этотъ спасительный часъ, спросите совѣта не у предразсудковъ, не у духа партіи, не у постыдной гордости рокового упрямства, но у исторіи, у разума, у прошедшихъ вѣковъ, у грозныхъ признаковъ будущаго. Обновите государство; спасите разъединенную противъ себя самой собственность; спасите толпу, преданную буйнымъ страстямъ; спасите аристократію, компрометированную ея непопулярною властью; спасите величайшее, прекраснѣйшее и наилучше образованное, изъ когда-либо жившихъ, общество отъ бѣдствій, которыя въ нѣсколько дней могутъ поглотить это богатое наслѣдіе столькихъ вѣковъ мудрости и славы. Опасность велика, а время кратко. Если этотъ биль будетъ отвергнутъ, я прошу Бога, чтобы никто изъ тѣхъ, кто будетъ этому содѣйствовать, не пожалѣлъ горько и тщетно о своемъ голосованіи среди крушенія законовъ, смѣшенія классовъ, грабежа имуществъ и паденія общественнаго порядка“.

Министерство одолѣло. Биль о реформѣ, послѣ разныхъ вводныхъ затрудненій, прошелъ, и послѣдній парламентъ, избранный по старому порядку, былъ распущенъ. Новые выборы обезпечили Грею и Росселю огромное большинство въ нижней палатѣ. Парламентъ собрался 5 февраля 1833 года и, вступая въ него, Пиль увидѣлъ себя во главѣ слабаго меньшинства побѣжденныхъ торіевъ. Эта минута, для опредѣленія его личности какъ *консерватора*, еще важнѣе той, когда онъ выступалъ въ качествѣ противника не принятаго еще законопроекта. Теперь парламентская реформа стала совершившимся фактомъ. Какъ отнесется къ ней вождь консервативной партіи? Употребитъ ли онъ всѣ свои усилія на то, чтобы доказать ея несостоятельность и несвоевременность? Будетъ ли онъ подставлять ногу министерству, совершившему эту реформу? Нужно замѣтить, что такая

политика могла бы имѣть порядочный успѣхъ въ новомъ парламентѣ. Правда, консерваторы были въ меньшинствѣ; огромное большинство состояло изъ прогрессивныхъ и даже радикальныхъ депутатовъ. Но это нисколько не означало, что министерство располагаетъ надежнымъ большинствомъ и имѣетъ твердую почву подъ ногами. Напротивъ, виги, получившіе теперь власть, находились въ обновленной палатѣ въ такомъ же новомъ и непривычномъ положеніи, какъ и побѣжденные ими торіи. Обѣ партіи одинаково создались на почвѣ старыхъ отношеній и старинной избирательной системы. Границы ихъ борьбы и споровъ были заранѣе опредѣлены кругомъ извѣстныхъ вопросовъ; поэтому каждая изъ двухъ партій могла имѣть строго очерченную программу, и борьба между ними, хотя бы весьма жестокая по своимъ формамъ, не могла вызвать серьезнаго замѣшательства въ странѣ. Теперь министерство виговъ имѣло предъ собою новую палату; оно должно было обезпечить свое положеніе, найти себѣ точку опоры. Его положеніе было затруднительнѣе положенія побѣжденныхъ консерваторовъ. Послѣдніе могли оставаться самими собою; напротивъ, на виговъ возлагалось теперь множество надеждъ, изъ которыхъ они могли осуществить только опредѣленную часть. Будь на мѣстѣ Пиля ловкій честолюбецъ, онъ превосходно воспользовался бы этимъ затруднительнымъ положеніемъ своихъ противниковъ, ловко вызвалъ бы всякія парламентскія и непарламентскія бури, пожалуй даже и народныя волненія, и затѣмъ съ торжествомъ воскликнулъ бы: вотъ къ чему привела парламентская реформа!

Но человѣкъ, находившійся во главѣ побѣжденнаго меньшинства, иначе понималъ свои отношенія къ странѣ и къ коронѣ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій обновленной палаты, онъ ясно опредѣлилъ свою программу. „Мой долгъ,—говорилъ онъ,—поддерживать корону, и поддержка, которую я даю, предписывается мнѣ соображеніями вполнѣ извѣстными и безкорыстными. Я не имѣю другого намѣренія, какъ защищать законы, порядокъ, собственность и общественную нравственность... Пусть не говорятъ, что я дѣйствую такъ изъ желанія возвратиться къ власти; я чувствую, что между мною и властью существуетъ бо̀льшая пропасть, чѣмъ для всякаго другого члена этой палаты... Я былъ бы счастливъ давать мою поддержку почтеннымъ главамъ нынѣшняго правительства въ силу моего довѣрія къ нимъ, какъ политическимъ дѣятелямъ; съ сожалѣніемъ говорю, что я дѣлаю это не по означенному мотиву. Я даю имъ мою поддержку потому, что они министры короля и въ ней нуждаются“. Указавъ затѣмъ, что составъ палаты общинъ измѣнился и что поэтому и тактика партій должна измѣниться, онъ продолжалъ: „Когда палата общинъ была раздѣлена на двѣ большія партіи, изъ коихъ одна

обладала властью, другая была въ оппозиціи, но объ были тверды и увърены въ извъстныхъ принципахъ, тогда было естественно и справедливо, что оппозиція принимала образъ дѣйствій, наиболѣе способный низвергнуть противника. Обстоятельства измѣнились, и я не признаю за собою права на то, что было прежде законною и необходимою тактикою партій". Онъ объявилъ, что будетъ поддерживать правительство и въ его стремленіяхъ поддерживать существующій порядокъ, и въ его желаніяхъ произвести всякія полезныя реформы. Такое согласное дѣйствіе необходимо теперь именно потому, что большинство новыхъ депутатовъ явилось въ палату съ преувеличенными надеждами, которыхъ правительство осуществить не можетъ. Что касается реформы, то Пиль относился къ ней какъ къ установленному факту.

Но рѣчь, произнесенная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ реформы и въ первую сессію обновленнаго парламента, не могла выражать истинныхъ взглядовъ Пиля, во всей ихъ полнотѣ. Скоро ему представился случай высказаться опредѣленнѣе. Министерство виговъ оказалось въ затруднительномъ положеніи. Его средства не соотвѣтствовали требованіямъ, ему предъявляемымъ; правда, ему удалось совершить нѣсколько преобразованій, но главныя силы его уходили на внутреннюю борьбу въ парламентѣ, длившуюся около двухъ лѣтъ. Утомленные этою борьбою, видные члены министерства, одинъ за другимъ, уходили изъ него. Лорды Дургамъ и Стэнли, сэръ Грагамъ, герцогъ Ричмондъ и графъ Рипонъ покинули свои посты; наконецъ, покинулъ его и глава кабинета—лордъ Грей. Мельбурнъ, призванный встать во главѣ правительства, испыталъ полную неудачу. Король обратился къ Веллингтону для составленія новаго кабинета; герцогъ объявилъ, что это мѣсто можетъ занять только Пиль, подъ руководствомъ котораго онъ готовъ служить его величеству. Пиль, вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ тогда находился, 9 декабря 1834 года принялъ возложенное на него порученіе. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объясниться съ своими избирателями и съ парламентомъ. Обращеніе его къ избирателямъ г. Тамворта особенно замѣчательно.

„Я никогда не принялъ бы власти,—говорилъ онъ,—подъ условіемъ отреченія отъ началъ, до сихъ поръ управлявшихъ моими дѣйствіями. Въ то же время я не допускаю, чтобы я былъ прежде или послѣ билля о реформѣ, защитникомъ злоупотребленій или врагомъ справедливыхъ реформъ. Съ спокойною совѣстью указываю я на участіе, принятое мною въ вопросѣ о монетной системѣ, въ улучшеніи нашихъ уголовныхъ законовъ и отправленія суда присяжныхъ, и на мнѣнія, которыя высказывалъ и коимъ слѣдовалъ во

всемъ, что касается до управленія страной... Что касается самаго билля о реформѣ, я повторю сказанное мною при вступленіи моемъ въ преобразованный парламентъ: я смотрю на этотъ билль, *какъ на окончательное и безповоротное рѣшеніе великаго конституціоннаго вопроса, рѣшеніе, которому ни одинъ другъ мира и счастія нашей страны не долженъ причинять ущерба ни прямо, ни обходными путями*".

Коротко говоря, онъ смотрѣлъ на измѣненіе основъ народнаго представительства, состоявшееся съ согласія страны и подъ авторитетомъ короны, какъ на общую почву дѣйствія для консерваторовъ и прогрессистовъ одинаково, на почву, на которой ни той, ни другой партіи не слѣдуетъ рыть ямъ.

Пилю, впрочемъ, не пришлось, на этотъ разъ, выяснить свою программу на практикѣ. Сила его партіи была еще незначительна, а сила оппозиціи слишкомъ велика, чтобы министерство могло спокойно управлять страною, опираясь на парламентъ. Потерпѣвъ пораженіе по частному вопросу, оно, 8 апрѣля 1835 года, подало въ отставку. Власть снова перешла къ вигамъ, образовавшимъ министерство подъ главенствомъ Мельбурна. Въ теченіе шести лѣтъ (1835—1841), Пиль находился въ оппозиціи, въ которой онъ росъ самъ и возвышалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе своей партіи. Онъ служилъ своей странѣ, предостерегая ее отъ преобразованій радикальныхъ и въ то же время поддерживая правительство на пути всѣхъ разумныхъ и необходимыхъ реформъ. Это привело къ тому результату, что въ тотъ моментъ, когда страна сознала необходимость глубокой реформы, когда общественное недовольство снова приняло тѣ размѣры, какіе оно имѣло въ концѣ царствованія Георга IV, всѣ взоры обратились снова къ Пилю, котораго сильная и осторожная рука одна могла вывести страну изъ затрудненія. Въ 1841 году королева призвала его встать во главѣ управленія, и онъ остался на этомъ постѣ до 1846 года, памятнаго для промышленной и торговой исторіи Англіи.

Вопросы, съ которыми Пилю пришлось теперь стать лицомъ къ лицу, были уже не церковно-политическіе, но соціальные. Въ обновленномъ промышленно-торговомъ классѣ Англіи громче, чѣмъ когда-нибудь, выражалось требованіе свободы торговли и высказывалось отвращеніе отъ прежней покровительственной системы; послѣдняя близко затрогивала и участь рабочихъ классовъ, ибо одною изъ самыхъ тяжкихъ пошлинъ являлась пошлина на привозный хлѣбъ, „поощрявшая" мѣстное земледѣліе, т.-е. обезпечивавшая интересы землевладѣльческой аристократіи. Далѣе, отношенія между предпринимателями и рабочими, положеніе послѣднихъ, безконтрольное пользованіе трудомъ

женскимъ и дѣтскимъ, агитація въ средѣ рабочихъ классовъ — озабочивали правящіе классы. Виги успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи довольно много, но главная тяжесть работы выпала на долю Пиля.

По свидѣтельству Гизо, видѣвшагося въ 1840 году съ Пилемъ, послѣдній былъ чрезвычайно озабоченъ участью рабочихъ классовъ. „Тамъ, говорилъ онъ Гизо:—слишкомъ много страданій и смущенія; это стыдъ и опасность для нашей цивилизаціи. Необходимо сдѣлать участь этого рабочаго люда менѣе тяжкою и болѣе обезпеченною. Конечно, всего сдѣлать нельзя; но должно сдѣлать то, что́ можно“.

Такова была господствующая мысль, съ которою онъ вступилъ въ должность перваго министра Великобританіи. Мы не послѣдуемъ за нимъ на это поприще. Намъ пришлось бы перечислить слишкомъ много принятыхъ имъ мѣръ, разсказать всю великую драму борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, исторію кобденовской лиги, парламентскихъ и уличныхъ волненій, описать картины голода и страданій, воспоминанія себялюбивыхъ и упорныхъ „интересовъ“, противъ которыхъ пришлось идти Пилю, когда онъ сознала необходимость отмѣны хлѣбныхъ законовъ и провозглашенія началъ свободы торговли. Такая задача была бы слишкомъ обширна и потребовала бы нѣсколькихъ томовъ.

Мы остановимся на возрѣніяхъ Пиля въ тотъ моментъ, когда великая борьба приходила къ концу; когда палата общинъ приступила къ окончательному обсужденію правительственнаго проекта; когда Пиль увидѣлъ, что великій вопросъ, волновавшій націю, не можетъ быть рѣшенъ путемъ частныхъ уступокъ и законодательство должно усвоить совершенно новыя начала.

Прежде всего онъ встрѣтился съ знакомымъ уже намъ обвиненіемъ въ измѣнѣ началамъ и интересамъ своей партіи, которая возвела его на высшій постъ въ государствѣ. Дѣйствительно, ея интересы были теперь затронуты ближе, чѣмъ даже во времена парламентской реформы: новые законы шли противъ кажущихся основаній ея матеріальнаго могущества. Пилю нужно было объясниться на чистоту, что́ онъ и сдѣлалъ. „Объяснимся, сказалъ онъ своимъ обвинителямъ: — и я говорю не только за себя, но и за всѣхъ моихъ почтенныхъ предшественниковъ на этомъ высокомъ посту—объяснимся относительно природы обязательствъ, которыя мы принимаемъ на себя, занимая этотъ постъ! Я служилъ четыремъ государямъ—Георгу III и тремъ его преемникамъ; я служилъ имъ въ трудныя времена. Я служилъ имъ съ неизмѣнною вѣрностью; я говорилъ каждому изъ нихъ, что есть только одна милость, одно отличіе, одна награда, которыхъ я желалъ бы для себя и которыя они могли бы мнѣ дать— это простое признаніе, что я всегда былъ для нихъ честнымъ и вѣр-

нымъ министромъ. Въ этомъ, говорю я вамъ, состоятъ обязанности, возлагаемыя на людей, облеченныхъ властью... Повѣрьте мнѣ, управленіе этою страною задача трудная; я могу сказать это, не оскорбляя никого. Старыя учрежденія наши, подобно нашему организму, суть вещь чудная и нѣжная, заставляющая трепетать за нихъ. Нелегко поддержать активное единство между старою монархіею, гордою аристократіею и преобразованнымъ представительствомъ. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ, все, что̀ я считалъ согласнымъ съ *истинною консервативною политикою*, для того, чтобы эти три элемента государства шли согласно. Я полагалъ, что съ истинною консервативною политикою согласуется распространеніе въ народѣ чувства довольства и счастія, достаточныя для того, чтобы голосъ недовольства не слышался и чтобы изгнать мысль о нападкахъ на наши учрежденія. Принимая власть, я имѣлъ въ виду эту цѣль—бремя слишкомъ великое для моихъ физическихъ и умственныхъ силъ; вынести его съ честью будетъ для меня величайшимъ благомъ. Пока честь и долгъ повелѣваютъ мнѣ, я буду готовъ нести его. Но я не вынесу его съ властью изувѣченною и связанною; я не останусь у руля въ бурныя ночи, какія я видѣлъ, если кораблю не дадутъ слѣдовать по направленію, какое я счелъ нужнымъ ему дать... Я не прошусь быть англійскимъ министромъ; но пока имѣю честь занимать эту благородную должность, я не буду занимать ее на основаніяхъ рабскихъ; я сохраню ее, пока на меня не будетъ возложено никакого обязательства, кромѣ обязательства сообразоваться съ пользою общею и содѣйствовать безопасности государства“.

Для лучшей иллюстраціи этой мысли великаго министра, полезно будетъ привести слѣдующее мѣсто изъ рѣчи Джонъ Брайта, сказанной имъ въ защиту правительственнаго проекта:

„Отвѣтственность за отправленіе власти имѣетъ кое-какое значеніе; обратите ваши взоры на населеніе Іоркшира или Ланкашира, и, несмотря на всю вашу храбрость, несмотря на ваши возгласы о водруженіи знамени протекціонизма, спросите себя: есть ли въ вашихъ рядахъ люди, которые пожелали бы занять мѣсто, занимаемое почтеннымъ баронетомъ, подъ условіемъ сохранить хлѣбные законы? Вызываю васъ!“

Слова Брайта стоили той рѣчи Пиля, по поводу которой они были сказаны. Это было 16-го февраля 1846 года; Пиль развернулъ передъ палатой весь свой планъ, объяснилъ всѣ его подробности, финансовыя и экономическія. Въ заключеніи, онъ поднялъ вопросъ на высоту исторической минуты, которую переживала Англія; консерваторъ наносилъ сильный ударъ отжившей системѣ, стѣснявшей свободное и правильное развитіе его отечества; онъ вышелъ уже за

предѣлы условій настоящаго: въ его рѣчи послышались торжественныя, пророческія ноты.

„Эта ночь,—говорилъ онъ: — рѣшитъ между шагомъ къ свободѣ и возвращеніемъ къ запретительной системѣ; въ эту ночь вы выберете девизъ, въ которомъ выразится торговая политика Англіи. Будетъ ли это „впередъ“ или „назадъ?“ Которое изъ двухъ словъ соотвѣтствуетъ этому великому государству? Разсмотрите наше положеніе, выгоды, данныя намъ Богомъ и природою, судьбу, насъ ожидающую. Мы поставлены на краю западной Европы, какъ главное звено, соединяющее старый свѣтъ съ новымъ. Научныя открытія и улучшенія въ мореплаваніи поставили насъ въ 10 дняхъ отъ Петербурга и скоро поставятъ насъ въ 10 дняхъ отъ Нью-Іорка. Береговая линія, бо̀льшая относительно числа народонаселенія и поверхности страны, чѣмъ какою располагаетъ другой народъ, обезпечиваетъ намъ превосходство нашихъ морскихъ силъ. Желѣзо и уголь, эти нервы промышленности, даютъ нашимъ мануфактурамъ великое преимущество надъ сосѣдями. Наши капиталы превосходятъ тѣ коими могутъ располагать наши соперники. Въ изобрѣтеніи, искусствѣ и энергіи мы не уступаемъ никому. Нашъ національный характеръ, свободныя учрежденія, подъ которыми мы живемъ, наша свобода мысли и дѣйствія, нестѣсненная печать, быстро распространяющая всѣ открытія и усовершенствованія,—всѣ эти обстоятельства ставятъ насъ во главѣ націй, взаимно развивающихся чрезъ свободный обмѣнъ произведеній. Это ли страна, долженствующая бояться конкурренціи, страна, могущая процвѣтать только въ искусственной атмосферѣ запретительныхъ тарифовъ. Избирайте вашъ девизъ: „впередъ“ или „назадъ“... Я же совѣтую вамъ показать другимъ странамъ примѣръ свободы. Дѣйствуйте такъ, и вы дадите великой массѣ нашего народа новыя обезпеченія довольства и благосостоянія. Дѣйствуйте такъ, и вы сдѣлаете все, что̀ можетъ сдѣлать человѣческая прозорливость на пользу торговаго благосостоянія. Вы можете потерпѣть неудачу. Ваши мѣры могутъ оказаться недѣйствительны. Онѣ не могутъ дать вамъ увѣренности, что развитіе промышленности и торговли пойдетъ безъ перерывовъ. Дурныя времена, мрачныя зимы, эпохи бѣдствій могутъ возвратиться; можетъ быть, вамъ придется опять предлагать англійскому народу тщетныя выраженія вашихъ симпатій и настоятельные совѣты терпѣнія. Но вопросите ваши сердца и отвѣчайте мнѣ на слѣдующій вопросъ: будутъ ли ваши заявленія, ваши сочувствія и ваши увѣщанія къ терпѣнію менѣе дѣйствительны, если *теперь*, въ силу вашего свободнаго согласія, хлѣбные законы перестанутъ существовать? Не будетъ ли для васъ великимъ удовлетвореніемъ думать, что вы сняли съ себя тяжкую отвѣтственность ре-

гулировать количество и цѣну предметовъ потребленія? Развѣ вы не скажете себѣ *тогда*, съ глубокою радостью, что *теперь*, въ минуту относительнаго благосостоянія, не уступая никакому ропоту, никакому страху — если не страху предусмотрительности, который есть отецъ безопасности—вы предупредили тяжкіе дни и что, задолго до ихъ наступленія, вы устранили всѣ препятствія къ свободному обращенію благъ Творца?“

Неужели этотъ государственный человѣкъ былъ консерваторомъ? Да, онъ былъ консерваторъ.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО.

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО.

(Теоретическіе очерки).

I.

Либерализмъ и соціализмъ.

„Человѣкъ есть существо общежительное по своей *природѣ!*“ Вотъ слова, неустанно повторяемыя всѣмъ образованнымъ міромъ вслѣдъ за Аристотелемъ. Ни одинъ серьезный трактатъ о политикѣ, ни одинъ памфлетъ, ни одна рѣчь или вступительная лекція по наукамъ политическимъ не обходятся безъ ссылки на изреченіе древняго философа.

Между тѣмъ ни одна фраза не вызывала столько споровъ и комментаріевъ. Одни приводили ее въ качествѣ безспорной истины, другіе отвергали гипотезу общежительной *природы* человѣка и видѣли въ обществѣ произведеніе человѣческаго искусства, нѣкоторую комбинацію разума, третьи выражали сомнѣніе въ томъ, что государство есть „среда вполнѣ счастливой жизни“, какъ говорилъ Аристотель. Во всякомъ случаѣ, общество и государство до настоящаго времени остаются нѣкоторыми загадками, гипотезами для человѣческаго ума. Каждый оригинальный мыслитель съизнова начиналъ теорію происхожденія человѣческихъ обществъ и развитія государствъ; каждая великая культурная эпоха начиналась съ того, что вся прежняя аргументація подвергалась сомнѣнію, оставлялась въ сторонѣ, и рядъ новыхъ мыслителей закладывалъ новый фундаментъ для общественной науки.

Человѣческое безуміе! Непростительное самомнѣніе! Какъ будто отъ того, что мы такъ или иначе будемъ разсуждать объ основахъ общества, что по нашему разумѣнію оно представляется необходимымъ или безполезнымъ абсолютно, полезнымъ или безполезнымъ въ той или иной степени, общество, въ самомъ дѣлѣ, или переста-

неть существовать или продолжить свое бытіе „въ извѣстной степени“. „Глядя на эти попытки, говоритъ Гегель, можно подумать, что до сихъ поръ не бывало государства въ мірѣ, что теперь должно все начинать въ первый разъ и что общество только и ждетъ такихъ построеній“. Задача философіи, говоритъ Гегель, состоитъ въ воспроизведеніи государства какъ сущаго, какъ оно есть въ дѣйствительности.

Дѣйствительно, общество не ждетъ чьихъ-либо „построеній“: оно живетъ и развивается по своимъ *законамъ*. Наука должна изслѣдовать именно *эти* законы и не дѣйствовать такъ, какъ будто „до сихъ поръ государства не бывало въ мірѣ“. Но во всѣхъ „попыткахъ“, о которыхъ скорбѣлъ Гегель, была своя доля разума, правды, а слѣдовательно, и свой законъ. Приведенныя выше слова Гегеля были только предисловіемъ къ собственному государственному „построенію“ знаменитаго философа, не совершенно совпадавшему съ тѣмъ, что̀ было на самомъ дѣлѣ. Не поставимъ ему этого въ вину, ибо его построеніе, какъ и всякое другое, было вызвано неизбѣжными причинами.

Человѣкъ есть существо общежительное по своей природѣ: это фактъ. Нигдѣ человѣкъ не живетъ *внѣ* общества, хотя форма этого бываетъ крайне несовершенна. Слѣдовательно, общество, само по себѣ, есть также природный фактъ. Но затѣмъ остается и извѣстное пространство для „построеній“. Отъ того, какъ люди будутъ смотрѣть на задачи общества, на его отношеніе къ личности, на существо и предѣлы власти, зависитъ *формъ* человѣческаго общества въ данную эпоху его развитія. Въ этомъ отношеніи человѣкъ и общество, въ которомъ онъ живетъ, *измѣняются*. Мѣняется міросозерцаніе человѣка, измѣняются и общественныя формы.

Построенія Гегеля относились къ иному обществу, чѣмъ то, что̀ воспроизведено въ „политикѣ“ Аристотеля; теорія Монтескьё свидѣтельствовала объ иныхъ общественныхъ условіяхъ, чѣмъ теорія Ѳомы Аквинскаго. Произведенія великихъ мыслителей разныхъ эпохъ неизбѣжно должны были начинаться съ изслѣдованія *существа, коренныхъ основъ* человѣческихъ обществъ. Въ этомъ нѣтъ ничего прискорбнаго; это неизбѣжно и полезно, ибо политическая мысль, руководящая дѣйствіями людей, должна быть результатомъ условій *данной* эпохи, а не какой-либо иной. Формы общества и государства *вообще* не существуетъ, какъ не существуетъ человѣка „вообще“. Общественныя и государственныя формы являются слѣдствіемъ общенія людей даннаго времени, съ его экономическими условіями, вѣрованіями, страстями и умственными стремленіями.

Предпринимая здѣсь эти очерки теоріи общества и государства,

мы, конечно, будемъ имѣть въ виду условія *современнаго* намъ общества. Изслѣдованіе основныхъ вопросовъ общежитія въ настоящее время и съ точки зрѣнія современнаго общества представляется безусловно необходимымъ уже потому, что всѣ тѣ основанія, коими прежде объяснялось человѣческое общежитіе, и всѣ аргументы, какими оправдывались общественныя формы, отступаютъ на задній планъ, подъ давленіемъ всеобщаго сомнѣнія и, что̀ самое главное,— подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій. Не говоримъ уже здѣсь о богословскихъ теоріяхъ и построеніяхъ общества, имѣвшихъ такую силу для человѣка „стараго порядка“. Они рушились подъ ударами раціоналистической критики. Но даже теоріи, ставшія въ свое время на мѣсто побѣжденной теократической политики, значительно обветшали и утратили свой авторитетъ. Тѣ идеи, что̀ нѣкогда вдохновляли арміи республиканской Франціи, что̀ заставляли биться сердце Шиллера и Фихте, что̀ составили славу Монтескьё и Конта,— эти идеи не двинутъ теперь ни одного батальона и отъ нихъ не забьется сердце современнаго поэта. Слова: свобода, авторитетъ, право, имѣвшія, повидимому, такой опредѣленный и точный смыслъ еще недавно, въ устахъ лучшихъ людей XVIII и начала XIX вѣка, теперь потускнѣли, утрачиваютъ свое значеніе и даже вызываютъ вражду. Названіе либерала, составлявшее гордость Констана, Мануэля и Фуа, теперь произносится или съ снисходительною улыбкой или съ презрѣніемъ. Идея права, вдохновлявшая людей великой революціи, считается пустою формулой. Алтари недавняго прошлаго покинуты толпой, и немногіе сѣдые жрецы еще приходятъ къ нимъ помечтать о деклараціи правъ 1789 года.

Крушеніе, повидимому, полное. Но должны ли мы, въ самомъ дѣлѣ, откинуть всѣ эти понятія, въ ихъ чистомъ и общечеловѣческомъ значеніи? Должны ли мы усомниться въ будущности человѣческихъ обществъ и терпѣливо ждать конца свѣта? Нѣтъ. И авторитетъ, и свобода, и право останутся существенными элементами общества, несмотря на грозные симптомы настоящаго. Послѣдніе указываютъ только, что мы должны дать имъ иное основаніе, найти въ нихъ иной смыслъ, согласный съ дѣйствительнымъ положеніемъ обществъ. Скажемъ больше. Мы убѣждены, что подобныя изслѣдованія приведутъ къ лучшему и болѣе гармоническому пониманію существа свободы, роли авторитета и значенія права. Не должно закрывать глазъ на тотъ безспорный фактъ, что пониманіе всѣхъ существенныхъ принциповъ общества было довольно одностороннее и не могло быть инымъ, ибо каждое „пониманіе“ приноравливается къ условіямъ даннаго времени.

Остановимся здѣсь на простѣйшихъ вопросахъ и посмотримъ, какъ

они разрѣшаются съ точки зрѣнія теорій, еще не особенно давно бывшихъ въ ходу, исключавшихъ всякое иное пониманіе дѣла.

Какъ произошло общество? Что такое общество? Какъ относится человѣкъ къ общественному союзу? Въ чемъ состоитъ роль власти? На эти вопросы еще недавно можно было получить самые точные отвѣты, оказывающіеся теперь неудовлетворительными.

На вопросъ о происхожденіи общества, можно было получить отвѣтъ, что оно составилось вслѣдствіе добровольнаго соглашенія лицъ, т.-е. что въ основаніи общества лежитъ *первобытный* договоръ, заключенный людьми, прежде того жившими въ первобытномъ состояніи. Мотивъ, въ силу котораго люди вышли изъ этого состоянія, состоялъ въ потребности обезпеченія ихъ безопасности и личныхъ правъ, непрерывно нарушавшихся въ состояніи естественномъ. Если человѣкъ выходилъ изъ естественнаго состоянія по своей волѣ и вступалъ въ соглашеніе съ другими людьми, то очевидно, что условія общественнаго договора должны быть *равны* для всѣхъ участниковъ общества. Каждый ищетъ въ обществѣ равнаго для всѣхъ огражденія правъ и охраненія безопасности. Дальше этого не идутъ притязанія человѣка. Обезпеченный въ своей безопасности и правахъ, онъ достигнетъ цѣлей своего благосостоянія. Слѣдовательно, общество можетъ быть разсматриваемо какъ совокупность *самостоятельныхъ* лицъ, стоящихъ, относительно осуществленія своихъ цѣлей, *другъ подлѣ друга*, и связанныхъ единственно повиновеніемъ общимъ законамъ. Назначеніе общества состоитъ, поэтому, въ огражденіи тѣхъ естественныхъ прирожденныхъ правъ, которыя человѣкъ имѣетъ уже въ состояніи естественномъ, но *гарантіи* которыхъ онъ ищетъ въ состояніи общественномъ. Роль власти состоитъ въ томъ, чтобы осуществить указанную цѣль общества. Она должно заботиться о томъ, чтобы члены общества дѣйствительно стояли „другъ подлѣ друга", не вторгаясь въ чужую „сферу свободы", чтобы направленіе ихъ дѣятельности давало параллельныя линіи, не встрѣчающіяся на безконечномъ пространствѣ. Для этого государственный авторитетъ долженъ опредѣлить мѣру свободы каждаго, провести „границы" между всѣми участниками общества. При проведеніи этихъ границъ, онъ долженъ руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: свобода одного оканчивается тамъ, гдѣ начинается свобода другого; слѣдовательно, каждый имѣетъ право на все, что не вредитъ другому. Но для того, чтобы законъ, какъ мѣра свободы каждаго, дѣйствительно, заключалъ въ себѣ только *эти* ограниченія, необходимо, чтобы общество принимало участіе въ его составленіи. Только при этомъ условіи государственные законы будутъ законами свободы и изданными въ интересахъ свободы. Слѣдовательно, народное пред-

ставительство и политическая свобода суть средства обезпеченія *свободомѣрной* дѣятельности государства.

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, кодексъ либерализма, въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ героическую эпоху либеральныхъ идей, т.-е. въ XVIII и началѣ XIX ст. Если бы рѣчь шла о критикѣ этихъ принциповъ an und für sich, то мы могли бы быть довольно кратки.

Мы сказали бы: нѣтъ, общество не основано договоромъ, а развилось и установилось мимо человѣческой воли; человѣческая воля и разумѣніе пригодны только для того, чтобы давать обществу *форму*, наиболѣе пригодную условіямъ даннаго времени. Люди не пришли въ общество съ готовыми правами, а, напротивъ, вырабатывали ихъ упорнымъ трудомъ въ обществѣ и при его помощи. Члены общества не стоятъ въ немъ „другъ подлѣ друга", въ качествѣ „самодовлѣющихъ" единицъ. Каждый связанъ съ другими тысячами крѣпкихъ узъ, помимо „повиновенія общимъ законамъ", и безъ этихъ узъ общество не было бы достойно своего названія. Дѣятельность людей въ движеніи своемъ не даетъ параллельныхъ линій, не встрѣчающихся на безконечномъ пространствѣ. Напротивъ, на самомъ маломъ пространствѣ и въ самый краткій промежутокъ времени наша дѣятельность пересѣчется дѣятельностью десятковъ лицъ, и не въ силу ихъ злой воли, а по необходимости, ибо мы работаемъ не „другъ подлѣ друга", а другъ съ другомъ и другъ для друга. Законъ не можетъ, какъ говоритъ Іерингъ, имѣть въ виду только „проведеніе границъ" между свободою одного и другого, подобно тому какъ звѣрей разсаживаютъ въ разныя клѣтки, чтобы они не растерзали другъ друга. Законы, имѣющіе въ виду „мѣры свободы", обыкновенно не многочисленны и въ общей перспективѣ занимаютъ не первое мѣсто: законы, касающіеся промышленности, торговли, земледѣлія, лѣсного хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, здравія, продовольствія и т. д., гораздо многочисленнѣе и всѣ они создаются подъ вліяніемъ того факта, что обезпеченіе „свободы каждаго" еще недостаточно для общаго благосостоянія. Поэтому и участіе народа въ законодательствѣ, гдѣ оно существуетъ, не имѣетъ въ виду только обезпеченіе свободы и созданіе „свободомѣрныхъ" законовъ. Напротивъ, въ данномъ случаѣ имѣется въ виду созданіе законовъ *полезныхъ*, прямо содѣйствующихъ общему благосостоянію.

Но эта теорія имѣла свой смыслъ въ данное время; она была результатомъ очень опредѣленныхъ условій, которыя извѣстны настолько, что мы можемъ ограничиться краткими указаніями.

II.

Либерализмъ былъ доктриною просвѣщенныхъ среднихъ классовъ европейскаго общества, желавшихъ сбросить съ себя и съ народа иго привилегій и бремя абсолютизма, въ которыхъ они видѣли единственный источникъ всѣхъ бѣдствій стараго порядка. Оглядываясь назадъ, мы не имѣемъ права сказать, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время, что европейская буржуазія *придумала* либеральные принципы для упроченія своего могущества и наилучшей эксплуатаціи „четвертаго сословія". Если многіе обвинительные пункты прикладываются къ современнымъ *либеральнымъ партіямъ* въ разныхъ странахъ Европы, то они окажутся вполнѣ несправедливы относительно либерализма, какъ *доктрины*, вдохновившей лучшіе умы XVIII столѣтія.

Трудно найти доктрину, которая бы въ такой степени стремилась быть ученіемъ *общечеловѣческимъ*, какъ ученіе философовъ XVIII вѣка. Во-первыхъ, оно отвлекло понятіе „человѣка" не только отъ всѣхъ *сословныхъ* различій, установленныхъ вѣками въ данномъ народѣ, но и отъ всѣхъ различій расъ и народностей, зависящихъ не только отъ исторіи, но и отъ естественныхъ условій. Въ понятіи общечеловѣческаго пропадали не только маркизы, герцоги, графы, бароны, прелаты, крестьяне, мастера и подмастерья, но и французы, нѣмцы, турки, индусы, негры и готтентоты. Въ этомъ отношеніи и современный соціализмъ есть прямой наслѣдникъ и послѣдователь либерализма; онъ также хочетъ быть всемірною доктриною, примѣнимою ко всѣмъ людямъ, на всемъ пространствѣ земного шара. Идея „общечеловѣка" такъ же лежитъ въ основаніи соціалистическихъ доктринъ, какъ и въ основѣ деклараціи 1789 года. Конечно, въ данномъ случаѣ есть и существенное различіе. Философы XVIII в. въ самомъ дѣлѣ провозглашали братство всѣхъ людей; современный соціализмъ провозглашаетъ прежде всего братство рабочихъ классовъ и объявляетъ войну буржуазіи цѣлаго свѣта. Откуда вышло это различіе, мы увидимъ ниже. Но, во всякомъ случаѣ, возможность провозглашенія братства рабочихъ классовъ всѣхъ націй подготовлена общечеловѣческою доктриною старыхъ либераловъ.

Во-вторыхъ, понятіе „общечеловѣка", съ его *прирожденными* и *неотчуждаемыми* правами, было сдѣлано исходною точкою всякой политической теоріи и противоположено всему *историческому* порядку, выработавшемуся *надъ* этимъ естественнымъ человѣкомъ. Историческій, а слѣдовательно, и существовавшій порядокъ разсматривался не какъ плодъ постепеннаго развитія человѣка въ исторіи и еще менѣе какъ плодъ *коллективнаго* развитія даннаго народа, а какъ

результатъ *уклоненія* общественныхъ формъ отъ того, что перво-начально дано было человѣку. Общественныя бѣдствія обусловливаются тѣмъ, что прирожденныя права человѣка были *забыты* или *попраны*. Задача либеральной доктрины состояла именно въ томъ, чтобы *напомнить* объ этихъ правахъ, изложить ихъ въ точныхъ формулахъ и сдѣлать изъ нихъ масштабъ для всякаго государственнаго и общественнаго устройства. Поэтому либеральные принципы въ отношеніи къ своему времени были не только преобразовательными, но и *разрушительными* началами, и въ этомъ отношеніи они не уступали доктринамъ соціализма.

Въ-третьихъ, либеральная проповѣдь обращалась не къ одному опредѣленному классу, а къ цѣлому народу, даже къ цѣлому человѣческому роду. И въ этомъ отношеніи „проповѣдники" дѣйствовали съ такимъ же убѣжденіемъ и съ такою же искренностью, какъ проповѣдники новѣйшихъ идей. Они имѣли весьма серьезное намѣреніе распространить на всѣхъ людей то благо, которое они считали лучшимъ, драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ благъ—именно *свободу*, въ отсутствіи которой они видѣли главную причину всѣхъ современныхъ имъ золъ. Въ свое время они имѣли достаточное къ тому основаніе. Собственность низшихъ классовъ общества была сдавлена феодальными повинностями; промышленный трудъ вымиралъ въ средневѣковыхъ корпораціяхъ и подъ гнетомъ административной опеки; торговля жалась въ рамкахъ фискальныхъ и узко-покровительственныхъ мѣръ; духовная и умственная жизнь общества изнывала отъ религіозной нетерпимости и строгихъ цензурныхъ условій; личная безопасность не была ограждена отъ произвольныхъ поступковъ правящихъ лицъ; правосудіе не существовало, благодаря дѣйствію исключительныхъ судовъ. Такимъ образомъ, разсматривая причины страданій общества отъ нижняго и до верхняго его края, можно было прити къ убѣжденію, что вездѣ онѣ сводятся къ двумъ вещамъ—къ привилегіямъ и произволу, т.-е. къ дурнымъ *юридическимъ* и *политическимъ* условіямъ общества.

Этотъ взглядъ не былъ исключительною принадлежностью небольшого круга лицъ. Онъ проникъ въ массы и былъ усвоенъ цѣлыми націями. Начиная отъ крестьянина, тяготившагося повинностями, которыя онъ отбывалъ въ пользу духовной и свѣтской знати, продолжая ремесленниками, подавленными привилегіями корпорацій, учеными и литераторами, чувствовавшими тяжесть цензурныхъ условій, заканчивая высшими классами, тяготившимися произволомъ бюрократіи, всѣ откликнулись на призывъ. Мирабо, развившій свои политическія страсти подъ гнетомъ отцовскаго деспотизма и закончившій свое воспитаніе въ тюрьмахъ и изгнаніи, былъ проникнутъ, въ

сущности, тѣми же убѣжденіями, какъ и крестьянинъ, сжигавшій пергаменты, на которыхъ были записаны его повинности; маркизъ Лафайетъ смотрѣлъ на дѣло такъ же, какъ послѣдній фабрикантъ; Ламеты говорили такъ же, какъ Дантонъ. Раздѣленіе и распри партій пришли позже, но первоначальный толчокъ былъ одинаковъ для всѣхъ. Третье сословіе въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось *всею* націею; оно еще не раздвоилось на буржуазію и „четвертое сословіе“. Въ свободѣ, возвѣщенной учредительнымъ собраніемъ, еще не содержалось раздвоенія и неравенства. Напротивъ, *равенство* вытекало изъ свободы съ полною, повидимому, логикою.

Мы остановились здѣсь на этомъ пунктѣ, такъ какъ онъ является однимъ изъ самыхъ спорныхъ между либеральною и соціальною партіями. Либерализмъ обыкновенно упрекаютъ въ томъ, что онъ провозгласилъ *юридическое* равенство гражданъ (т.-е. равенство предъ закономъ), но отвернулся отъ равенства *фактическаго* (т.-е. отъ равенства въ пользованіи благами жизни). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о теоретическомъ значеніи этихъ двухъ теорій равенства, посмотримъ, почему въ *данную* минуту либерализмъ не могъ провозгласить ничего другого, какъ равенство юридическое, вѣрнѣе— *равноправность*.

Форма угнетенія низшихъ классовъ высшими, на которую жаловались защитники „правъ человѣка“, была построена *не на фактическихъ* преимуществахъ одного класса надъ другимъ и не вытекала изъ фактическихъ *отношеній* трудовыхъ личностей, каковы, напримѣръ, отношенія современнаго фабриканта къ современному рабочему. Господскія права землевладѣльческой аристократіи не были основаны на томъ, что аристократія эта была *богаче* крестьянства: они были именно *правами*, вытекавшими изъ юридическаго положенія аристократіи, какъ привилегированнаго сословія; церковная десятина была *правомъ* церкви, какъ привилегированнаго въ государствѣ учрежденія; ремесленный людъ видѣлъ въ гнетѣ мастеровъ не результатъ ихъ богатства и „капиталистическаго производства“, а послѣдствіе юридической монополіи, данной цеховымъ корпораціямъ закономъ. Въ глазахъ огромной части общества старый порядокъ грѣшилъ именно отсутствіемъ равной для всѣхъ *свободы*, равнаго признанія *правъ* всѣхъ и каждаго. Равенство въ свободѣ и въ правахъ признавалось единственнымъ условіемъ человѣческаго благополучія, какъ неравенство въ этихъ вещахъ считалось главною причиною всѣхъ бѣдствій. Признать и оградить естественныя права каждаго, которыя суть „свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію“,—такова единственная задача законодателя и все, что отъ него требуетъ свободный человѣкъ. Гражданское обще-

ство должно быть тѣмъ же *естественнымъ состояніемъ*, отъ котораго оно отличается единственно тѣмъ, что въ состояніи естественномъ прирожденныя права человѣка не обезпечены отъ нарушеній, а общество гражданское даетъ имъ такое обезпеченіе.

Приведемъ слова писателя, который болѣе всѣхъ другихъ защитниковъ свободы приближался къ идеѣ „равенства" въ соціалистическомъ смыслѣ—Руссо. Что̀, по его мнѣнію, составляло главную заботу людей въ тотъ моментъ, когда они рѣшились выйти изъ состоянія естественнаго въ состояніе гражданское? „Найти форму ассоціаціи, которая бы защищала и охраняла всею общею силою *личность* и *имущество* каждаго и въ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы однако только себѣ и оставался бы столь же свободенъ, какъ и прежде" [1]).

Средства, предложенныя Руссо, конечно, не гармонируютъ съ этою цѣлью; но намъ нужно имѣть въ виду эту цѣль, какъ главную заботу эпохи. Станемъ на точку зрѣнія человѣка, исходящаго изъ понятія естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка, опредѣляющихъ прежде всего его свободу,—человѣка, твердо убѣжденнаго, что при равномъ обезпеченіи правъ каждаго, личная энергія и предпріимчивость будутъ достаточны для осуществленія благополучія каждаго; что, при свободной организаціи общества, человѣкъ будетъ наслаждаться всѣми выгодами естественнаго состоянія безъ его невыгодъ, устраненныхъ равнымъ для всѣхъ закономъ: тогда мы поймемъ, почему люди XVIII столѣтія не требовали ничего, кромѣ *свободы*.

Свобода, въ ихъ глазахъ, была не только требованіемъ времени; она имѣла для нихъ *высшее* значеніе, какъ естественное состояніе человѣка и какъ природное его качество. Провозглашеніе свободы, въ ихъ понятіи, было равносильно возвращенію къ *природѣ*, признанію условій и законовъ природы, *искаженныхъ* искусственною организаціею общества. Мы знаемъ, какое значеніе для людей XVIII столѣтія имѣло слово „природа", „естественность". Законъ природы есть законъ вѣчный, совершенный, въ противоположность преходящимъ и плохимъ законамъ искусственныхъ обществъ; это законъ разума, въ противоположность предписаніямъ невѣжества, суевѣрія и недобросовѣстности, поддержанной людскимъ легковѣріемъ; для того, чтобы возвратиться къ законамъ природы, человѣкъ долженъ обратиться къ здравому, вѣрнѣе *общему* смыслу (sens commun), освобожденному отъ всего, что̀ даетъ искусственное воспитаніе, преданія,

---

[1]) *Du contrat social*, кн. I, гл. VI.

обычаи. Воззваніе къ природѣ было сильнымъ оружіемъ противъ общественнаго строя, съ его искусственною іерархіею, условными нравами, фижмами, париками, мушками, парадами и салонною жизнью. Какое потрясающее впечатлѣніе произвели среди этого общества проповѣди страстнаго защитника „природы"—того же Руссо!

„Все хорошо, исходя изъ рукъ Творца", говорилъ онъ, „все вырождается въ рукахъ человѣка. Онъ заставляетъ одну почву питать произведенія другой, одно дерево приносить плоды, свойственные другому; онъ смѣшиваетъ и путаетъ климаты, элементы, времена года; онъ калѣчитъ свою собаку; онъ переворачиваетъ и искажаетъ все; онъ любитъ уродства и уродовъ; онъ не хочетъ ничего въ состояніи природномъ—даже человѣка; его нужно дрессировать для него, какъ лошадь въ манежѣ; его нужно искривить по модѣ, какъ дерево въ саду.

„Безъ этого все пошло бы еще хуже, и наша порода не желаетъ быть обработанною наполовину. При настоящемъ положеніи вещей, человѣкъ, предоставленный самому себѣ отъ рожденія среди другихъ, будетъ наиболѣе обезображеннымъ. Предразсудки, авторитетъ, необходимость, примѣръ, всѣ общественныя учрежденія, въ которыхъ мы тонемъ, подавили бы въ немъ природу и поставили бы ничего на ея мѣсто. Онъ былъ бы подобенъ кусту, случайно выросшему по дорогѣ и скоро погибающему отъ прохожихъ, попирающихъ его со всѣхъ сторонъ и сгибающихъ его во всѣхъ направленіяхъ". (Эмиль).

Все хорошо—исходя изъ рукъ Творца; все искажается въ обществѣ; воспитаніе должно исправить это зло, насколько возможно. Итакъ, возвращеніе къ природѣ, возстановленіе природы человѣка становится заповѣдью вѣка. Но какое первое, существенное и отличительное качество человѣка, взятаго въ природномъ состояніи,—человѣка, взятаго внѣ общества и открытаго чистымъ разумомъ? *Человѣкъ по природѣ своей есть существо свободное*: этимъ тезисомъ замѣнился теперь старый Аристотелевскій тезисъ—человѣкъ по природѣ своей есть существо общежительное. Слѣдовательно, все, что нарушаетъ или стѣсняетъ свободу человѣка, *противно* природѣ, оскорбляетъ человѣка, попираетъ права разума и природы. Единственная разумная граница свободы—*въ свободѣ*. Свобода одного ограничивается только свободою другого; за этою границею она переходитъ въ произволъ и насиліе. Люди соединились въ общество для того, чтобы провести и обезпечить границы свободы каждаго. Цѣль общества достигнута, когда эти границы проведены и обезпечены на равныхъ для всѣхъ условіяхъ, и самое общественное искусство есть не что иное, какъ умѣнье совмѣстить множество свободъ множества людей, составляющихъ это общество.

Съ этой точки зрѣнія намъ будетъ понятно, почему одинъ изъ виднѣйшихъ ораторовъ Жиронды въ Конвентѣ—*Верньо*—съ такою страстью напалъ на представителей крайнихъ фракцій и „уравнителей“. „Ты, несчастный народъ, сказалъ онъ, долго ли ты будешь жертвою обмана лицемѣровъ, больше желающихъ *получить* рукоплесканія, чѣмъ *заслужить* ихъ? Контръ-революціонеры обманываютъ тебя словами: свобода и равенство! У одного древняго тирана [1]) была желѣзная кровать, на которую онъ приказывалъ класть своихъ жертвъ, отсѣкая члены тѣмъ, кто былъ больше кровати, и жестокими мученіями растягивая тѣхъ, кто былъ меньше, чтобы заставить ихъ достигнуть уровня. Этотъ тиранъ любилъ равенство, и это—равенство тѣхъ негодяевъ, что́ раздираютъ тебя своею яростью. Равенство для человѣка общественнаго есть только равенство въ правахъ, но не состояній, такъ же какъ не роста, не силъ, не ума, не дѣятельности, не промышленности, не труда. Подъ видомъ свободы представляютъ распущенность; подобно ложнымъ богамъ, она имѣетъ своихъ друидовъ, желающихъ питать ее человѣческими жертвами. Пусть эти жестокіе жрецы испытаютъ участь своихъ предшественниковъ! Пусть позоръ запечатлѣетъ навсегда обезчещенный камень, который покроетъ ихъ прахъ!“

Въ этихъ словахъ не выразилось „буржуазное“ чувство; они не были плодомъ своекорыстной политики класса. Они были логическимъ послѣдствіемъ и опредѣленной теоріи, и опредѣленнаго чувства, весьма искренняго и неподдѣльнаго—чувства свободы. Кто хочетъ свободы, свободы прежде всего, свободы какъ принципа общественнаго устройства, тотъ долженъ принимать *разнообразіе* въ положеніяхъ, созданныхъ свободною борьбою личныхъ силъ, какъ прямое послѣдствіе общихъ своихъ посылокъ. Природа свободна и разнообразна въ своихъ проявленіяхъ; естественно растущій лѣсъ не напоминаетъ систематически разбитаго и подстриженнаго версальскаго сада. Общество, построенное на началахъ *естественной* свободы, должно быть столь же разнообразно; всякая попытка къ „уравненію“ есть нарушеніе свободы, т.-е. перваго закона природы.

Оставляя въ сторонѣ попытку „уравненія“, мы не можемъ, однако, не указать на коренные недостатки системы, провозглашенной въ XVIII вѣкѣ и выродившейся, затѣмъ, въ жиденькій либерализмъ современныхъ намъ партій.

---

[1]) Прокустъ.

III.

Существенный порокъ либерализма, какъ теоріи и какъ практики, можно опредѣлить въ немногихъ словахъ: онъ разсматриваетъ общество и его учрежденія, какъ совокупность *внѣшнихъ* условій, необходимыхъ только для *сосуществованія* отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ это общество. Самое общество является простымъ *механическимъ* собраніемъ недѣлимыхъ, не имѣющихъ между собою внутренней связи. Корни такого взгляда довольно наглядны. Общественныя теоріи XVIII вѣка отправлялись отъ гипотезы *единичнаго* человѣка, взятаго внѣ общества. Размышляя о томъ, какъ этотъ единичный человѣкъ устраивалъ свою жизнь и обезпечивалъ свое существованіе, мыслители эти пришли къ слѣдующему заключенію. Человѣкъ вышелъ изъ рукъ Творца, одаренный разумомъ, свободною волею, способнымъ къ совершенствованію; предъ нимъ лежала необозримая земля, съ ея лугами, лѣсами, водами и всякими богатствами, которыми онъ могъ овладѣть при помощи своего разума и энергіи. Поставленный въ челѣ природы и во главѣ животнаго царства, чего не достигнетъ человѣкъ, съ своимъ богоподобнымъ разумомъ? Одно только обстоятельство мѣшаетъ его благополучію. *Онъ не одинъ*. Рядомъ съ нимъ, на пышный пиръ природы бросаются другіе люди. Кто поручится, что поле, имъ засѣянное, не сдѣлается жертвою грабежа? Что запасъ дичи не будетъ похищенъ? Что его жилище не будетъ разрушено и самъ онъ не будетъ убитъ? Никто, потому что въ естественномъ состояніи нѣтъ границъ, отдѣляющихъ свободу одного отъ свободы другого, нѣтъ и обезпеченія для этихъ границъ. Такимъ образомъ, человѣкъ ищетъ въ обществѣ именно этихъ границъ и такого обезпеченія. Соединяясь съ другими, онъ, однако же, желаетъ прежде всего остаться самимъ собою, даже самъ по себѣ. Общественныя условія принимаются имъ, какъ необходимое ограниченіе его естественной свободы, слѣдовательно, какъ необходимое *зло*, и чѣмъ меньше будетъ порція этого зла, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе будетъ человѣкъ къ законамъ природы. Вступая въ общество, человѣкъ жертвуетъ частью своей *вольности*, для того, чтобы удобнѣе и безопаснѣе пользоваться остальною. При образованіи общества происходитъ довольно мудреный процессъ выдѣленія „разумной свободы“ изъ области „произвола“; лучше сказать, „естественная вольность“, посредствомъ нѣкотораго химическаго анализа, раздѣляется на два элемента: на *произволъ*, который общество обязуется подавить, и *свободу*, которую оно должно охранять. Отсюда естественный антагонизмъ между „обществомъ“, которое желаетъ какъ можно точнѣе опредѣлить границы свободы, т.-е. ограничить ее въ интересахъ цѣлаго, и недѣлимымъ,

который желаетъ какъ можно меньше отдать изъ своей „вольности“ во всеобщее пользованіе.

При такихъ условіяхъ, теорія, конечно, не могла возвыситься до воззрѣнія на общество, какъ на *цѣлое*, предполагающее зависимость всѣхъ его частей. Напротивъ, оставаясь вѣрными своей отправной точкѣ, теорія и практика великой революціи должны были *атомизировать*, такъ сказать, общество, обратить его въ простое *число*, составленное изъ такого-то количества единицъ. Во Франціи это число равнялось тогда 24,000,000 citoyens, гражданъ: количество, способное навести на размышленіе о томъ, что не все въ этомъ числѣ „одинаково“ и что „разность“ имѣетъ въ немъ извѣстныя права. Но дѣлу пособить было нечѣмъ. Citoyen, въ силу означенной теоріи, соприкасался съ обществомъ только *формальною* стороною своей жизни и своего существа, т.-е. своими *правами*, огражденія которыхъ онъ требовалъ отъ общества. Самое общество явилось нѣкоторою *формою*, безъ дѣйствительнаго и самостоятельнаго содержанія: „гражданинъ“ съ полнымъ правомъ могъ видѣть въ немъ только совокупность *законовъ*, т.-е. юридическихъ формулъ, установляющихъ „границы“ и воспрещающихъ переходъ чрезъ эти границы подъ страхомъ наказанія. По странному, но очень понятному въ то время, стеченію обстоятельствъ, законы и наука права были оторваны отъ внутренняго существа человѣка и сдѣлались теоріею внѣшнихъ „границъ“ и соотвѣтствующихъ имъ „гарантій“. Либеральная революція боялась иного общества, общества съ самостоятельнымъ содержаніемъ, съ организаціею; во всякой попыткѣ увидѣть въ обществѣ что-нибудь иное, кромѣ „суммы“ свободныхъ недѣлимыхъ, собранныхъ непосредственно въ государство, она усматривала остатки феодальныхъ предразсудковъ, привилегій и деспотизма. Свою ненависть къ цехамъ она перенесла даже на ассоціаціи, сколько-нибудь постоянныя; свою ненависть къ феодализму—на провинціи и общины.

Къ иному взгляду можно было прити только послѣ внимательнаго изслѣдованія условій *человѣческаго труда въ обществѣ*, причемъ оказалось бы, что личный трудъ не есть только проявленіе „индивидуальности“, взятой въ отдѣльности, какъ законченное цѣлое, а часть и функція труда *общественнаго*, причемъ каждая изъ этихъ частей зависитъ отъ всѣхъ другихъ и отъ цѣлаго. Разрушая старый порядокъ, либерализмъ совершенно не взглянулъ на эту сторону дѣла. Онъ жилъ гипотезами и формулами, ничего не доказывающими. „Общее благосостояніе, гласила одна изъ такихъ формулъ, складывается изъ благосостояній частныхъ“. Обезпечимъ каждому возможность трудиться безпрепятственно, и цѣлое процвѣтетъ. Превосходно! Но „теорія“ не замѣчала того, что ея формула относится скорѣе къ

обществу дикарей, нежели къ обществу цивилизованному. Если бы данному обществу была обезпечена возможность пользоваться „правами“ и плодами трудовъ, то оно, *сравнительно* съ обществами другихъ дикарей, достигло бы высшей степени процвѣтанія. Каждый дикарь, въ отдѣльности взятый, могъ бы накопить большее число кожъ, плодовъ, орудій, посуды и т. д. Но въ примѣненіи къ цивилизованному обществу, означенная формула оказывается чистою безсмыслицею. Современный земледѣлецъ не будетъ богатъ, т.-е. не будетъ въ состояніи удовлетворять своимъ потребностямъ, хотя бы закромы его были переполнены хлѣбомъ, если ткачи, рудокопы, плотники, фабричные рабочіе не будутъ изготовлять для него одежду, добывать желѣзо для его орудій, приготовлять утварь и т. д. Фабрикантъ не будетъ богатъ, если предварительно не разовьется обработка сырья, не будутъ обезпечены средства его доставки и сбыта готовыхъ произведеній. Столяръ умретъ отъ голода безъ труда множества лицъ, занимающихся рубкою, перевозкою и торговлею лѣсными матеріалами. Дѣло въ томъ, что въ дикомъ состояніи каждый добываетъ самъ все, что́ нужно для его первыхъ потребностей; въ обществѣ цивилизованномъ *никто* не можетъ обойтись безъ труда всѣхъ другихъ лицъ. Слѣдовательно, *тамъ* мы можемъ сказать, что общественное богатство равняется суммѣ всѣхъ частныхъ достояній; здѣсь мы должны сказать, что частное благосостояніе зависитъ отъ условій организаціи труда *въ цѣломъ*.

Въ современномъ обществѣ люди не работаютъ „другъ подлѣ друга“, а силою вещей, работаютъ другъ *для* друга, въ томъ смыслѣ, что трудъ одного является *условіемъ* благосостоянія цѣлаго ряда другихъ лицъ, а слѣдовательно и цѣлаго общества. Отсюда понятно само собою что и *отношенія* членовъ общества опредѣляются болѣе сложными условіями, чѣмъ „свободное самоопредѣленіе“. Съ точки зрѣнія либеральной доктрины всѣ человѣческія отношенія въ обществѣ сводились къ понятію „обмѣна услугъ“. Этотъ обмѣнъ будетъ правиленъ, если онъ будетъ результатомъ свободнаго соглашенія, обезпеченнаго „законами“. Такая формула также пригодна для „естественнаго состоянія“, которое люди XVIII вѣка желали продолжить и въ состояніи гражданскомъ, но непримѣнима къ дѣйствительному, современному обществу. Разница между этими двумя „состояніями“ въ томъ, что въ естественномъ бытѣ (если таковой существовалъ) такъ называемый „обмѣнъ услугъ“ не предполагалъ установленія между „обмѣнивающимися“ постоянныхъ или продолжительныхъ связей, что, при равномъ приблизительно уровнѣ благосостоянія, обмѣнъ совершался при равныхъ условіяхъ и, при несложности „услугъ“, каждый могъ судить объ ихъ качествѣ. Обмѣнъ „услугъ“ даже между

мужчиной и женщиной не велъ тогда къ тѣмъ отношеніямъ, которыя теперь мы называемъ *брачными*. Равные въ благосостояніи дикари свободно обмѣнивали кожи на стрѣлы, т.-е. шансы договаривающихся были одинаковы. Каждый могъ обсудить свойство кожъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ за хлѣбъ, и наоборотъ.

Совершенно не то происходитъ въ обществѣ цивилизованномъ. Не говоримъ уже о томъ, что общество не смотритъ на отношенія между мужчиной и женщиной какъ на обмѣнъ „половыхъ услугъ", а установило для нихъ особую форму общенія, называемую бракомъ. Но оно имѣетъ основаніе интересоваться такими „услугами", въ силу которыхъ между людьми установляются опредѣленныя *отношенія* лица къ лицу. Когда человѣкъ продаетъ мѣшокъ муки за чистыя деньги, онъ обмѣнивается „услугами", и законъ въ правѣ предоставить этотъ обмѣнъ „свободному соглашенію", хотя и здѣсь есть свои границы. Именно, онъ въ правѣ устранить съ рынка злокачественные продукты, хотя бы „потребители" и желали ими питаться, и это право основано на весьма правильныхъ соображеніяхъ. Предполагая, что человѣкъ въ правѣ располагать своимъ здоровьемъ и жизнью, мы все-таки согласимся, что онъ не въ правѣ располагать жизнью и здоровьемъ другихъ лицъ. Но болѣзнь, развившаяся отъ дурного питанія въ одномъ субъектѣ, можетъ обратиться въ эпидемію, унести множество жертвъ. Въ „естественномъ состояніи" такой фактъ былъ бы встрѣченъ равнодушно: какое дѣло суммѣ недѣлимыхъ" до судьбы извѣстной части этой суммы? Но общество, не представляющее изъ себя только „суммы", не можетъ остаться равнодушнымъ къ судьбѣ своихъ частей.

Еще съ большею силою выступаютъ соображенія *общественности* при такомъ „обмѣнѣ услугъ", который имѣетъ своимъ объектомъ не вещи, а *дѣйствія* людей, и влечетъ за собою установленіе между ними опредѣленныхъ отношеній. Таковъ, напримѣръ, обмѣнъ услугъ между предпринимателями и рабочими на фабрикахъ. Въ силу рабочаго контракта, рабочій обязанъ не только „обмѣниваться услугами" съ нанимателемъ, но и отдаетъ, въ значительной мѣрѣ, свою *личность* въ распоряженіе хозяина и подчиняется опредѣленнымъ условіямъ фабричной жизни. Поэтому законодательство въ правѣ контролировать условія, при коихъ установляются отношенія этого рода, и даже опредѣлять самое *содержаніе* контракта. Оно въ правѣ воспретить пріемъ дѣтей, ниже опредѣленнаго возраста, въ видахъ общественной гигіены и для цѣлей народнаго образованія; въ тѣхъ же видахъ, оно въ правѣ установить maximum числа часовъ дѣтской работы и совершенно воспретить пріемъ женщинъ и дѣтей на работы, особенно опасныя для здоровья; оно въ правѣ потребовать отъ

хозяина фабрики, чтобы рабочіе помѣщались въ помѣщеніяхъ достаточно просторныхъ, съ достаточно хорошимъ воздухомъ и т. д. Западно-европейскія законодательства перестали уже разсматривать рабочій контрактъ какъ одинъ изъ видовъ „частныхъ договоровъ“ и подчинили его дѣйствію *публичнаго* права, опредѣляемаго соображеніями общей пользы.

Современное общество дѣйствуетъ такъ потому, что оно не можетъ видѣть въ извѣстныхъ порядкахъ „отношеній“ извѣстнаго „обмѣна услугъ“ между единичными личностями. Напротивъ, оно принимаетъ въ расчетъ, что эти отношенія опредѣляются условіями, въ которыя поставлены опредѣленные *классы* общества, а эти условія не на столько одинаковы, чтобы „свобода“ личности, взятой изъ одного класса, равнялась „свободѣ“ другого лица, принадлежащаго къ иному слою, и чтобы эти личности были между собою *равны*, какъ двѣ единицы. Въ дѣйствительной жизни одна единица соединяетъ въ себѣ иногда въ двадцать и тридцать разъ больше элементовъ ума, способности, богатства, знанія и опыта, а слѣдовательно и *свободы*, чѣмъ другая. Въ „естественномъ состояніи“ было тоже, хотя и въ меньшихъ пропорціяхъ. Но тамъ и исходъ столкновенія двухъ неравныхъ силъ логически вытекалъ изъ общихъ условій: побѣдитель пожиралъ побѣжденнаго или, при дальнѣйшихъ успѣхахъ человѣческой расчетливости, обращалъ его въ рабство. Цивилизованныя общества не хотятъ ни каннибальства, ни рабства; они думаютъ объ обезпеченіи *общихъ* условій благосостоянія, о распространеніи благъ знанія, религіознаго просвѣщенія и матеріальнаго благосостоянія въ наибо̀льшемъ числѣ людей.

Средневѣковыя корпораціи и союзы, несмотря на всю свою исключительность и сословный характеръ, выражали именно эту идею. При общей слабости центральной власти, задачи народнаго образованія, развитіе ремеслъ, торговли, знаній, были приняты на себя церковью и многочисленными корпораціями и союзами городовъ. Все, что̀ въ настоящее время составляетъ предметъ государственнаго попеченія, зародилось въ этихъ промышленныхъ, торговыхъ, ученыхъ и религіозныхъ корпораціяхъ. Даже абсолютизмъ XVII и XVIII вѣка, несмотря на всѣ свои злоупотребленія, въ значительной мѣрѣ былъ условіемъ и органомъ *общественнаго* развитія. Одно имя Кольбера служитъ достаточнымъ объясненіемъ этой мысли.

Либеральная доктрина, покончивъ съ корпораціями, во имя ихъ привилегій, и съ обширною дѣятельностью власти, во имя ея старинныхъ злоупотребленій, обратила все свое вниманіе на вопросъ объ *организаціи* общества на началахъ личной свободы. Но она оставила безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, какъ будетъ *дѣйствовать*

человѣкъ въ новой организаціи, и должно ли „общество" быть не только „собраніемъ недѣлимыхъ", но и дѣйствительною организаціею, способною также къ *дѣйствію* на общую пользу — этотъ вопросъ остался открытымъ. Между тѣмъ жизнь шла своимъ порядкомъ, требуя организаціи не только свободомѣрной, но и *дѣеспособной*. Въ то время какъ въ парламентахъ происходила борьба различныхъ партій, возвышались и падали министерства, воздвигались и низвергались монархіи, когда крупнѣйшіе, повидимому, политическіе вопросы заслоняли собою всѣ другіе, въ это время *жизнь* изъ обыденныхъ, мелкихъ и будничныхъ „отношеній" и изъ мельчайшихъ фактовъ „обмѣна услугъ" слагала крупные вопросы, предъ которыми поблѣднѣли вопросы о возвышеніи и паденіи министерствъ. „Свободная игра личныхъ силъ подъ общею гарантіею закона" оказалась довольно азартною игрою.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, англичанинъ Карлейль сдѣлалъ мимоходомъ слѣдующее зловѣщее замѣчаніе: „Корпораціи всѣхъ родовъ исчезли. Вмѣсто своекорыстныхъ союзовъ у насъ (во Франціи) очутилось двадцать четыре милліона людей, не связанныхъ никакими корпораціями, такъ что правило: „человѣкъ помогай самъ себѣ"—произвело тѣсноту, давку, изъ которой люди выходятъ съ помертвѣлыми лицами и раздробленными членами—словомъ, изображаютъ такой хаосъ, куда страшно и заглянуть".

IV.

На почвѣ этихъ будничныхъ отношеній и ежедневнаго „обмѣна услугъ" между свободными лицами, возникли сложные вопросы, породившіе, въ свою очередь, опредѣленную теорію, извѣстную подъ именемъ *соціализма*.

Мы не намѣрены разсматривать здѣсь соціализма съ его революціонной, такъ сказать, стороны, т.-е. соціализма воинствующаго, распаленнаго гнѣвомъ противъ буржуазіи, выходящаго на улицу съ краснымъ знаменемъ. Мы остановимся на его основной идеѣ такъ же, какъ мы остановились на основной идеѣ либеральной теоріи, оставляя въ сторонѣ баррикады и событія 1793 года. Точно такъ же мы не коснемся здѣсь *коммунизма*, такъ какъ коммунизмъ, по существу своему, есть крайнее выраженіе того же *индивидуализма*, т.-е. является примѣненіемъ теоріи отвлеченной личности не только къ области „правъ", но и матеріальныхъ благъ. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы договорилъ то, что̀ содержалось implicite въ индивидуалистической теоріи „естественнаго состоянія", и въ крайнемъ своемъ развитіи приводитъ къ уничтоженію личности.

Исходною точкою соціализма является именно понятіе объ *обществѣ*, какъ о *цѣломъ*, въ которомъ человѣкъ не является „самодовлѣющею единицею", соприкасающеюся съ цѣлымъ только въ вопросѣ объ огражденіи правъ. Напротивъ, *все положеніе* человѣка, судьба каждой личности опредѣляется общими условіями, въ которыхъ находится цѣлое. Конечно, воззрѣніе на общество, какъ на цѣлое, не есть исключительное достояніе соціализма. Теоріи естественнаго состоянія, первоначальнаго договора и т. д. давно отошли въ вѣчность. Ни одинъ изъ видныхъ представителей государственной науки въ XIX ст. не видѣлъ въ обществѣ и государствѣ только простого „собранія недѣлимыхъ". Не было недостатка въ сравненіяхъ государства съ человѣческимъ тѣломъ, простиравшихся иногда до смѣшного. Тѣсная связь между разными отраслями человѣческой дѣятельности разъяснена трудами экономистовъ, которыми въ значительной мѣрѣ воспользовались и соціалисты. Но въ соціализмѣ звучитъ особенно сильно одна нота, которой не попадается въ такой рѣзкой формѣ въ симфоніяхъ противоположнаго лагеря; и эта нота есть основная, дающая тонъ всему ученію.

Именно, ни одно ученіе не выдвигало съ такою силою фактъ *зависимости* человѣка и отдѣльныхъ частей общества отъ устройства цѣлаго и условій распредѣленія въ немъ благъ духовныхъ и матеріальныхъ. Всѣ ученія признавали и даже воспѣвали выгоды общежитія, пользу соединенія отдѣльныхъ человѣческихъ силъ для достиженія общихъ цѣлей. Всѣ говорили о *безпомощности* человѣка въ одинокомъ состояніи и распространялись на тему „не добро человѣку быти одному". Но въ глазахъ либеральной экономической школы, фактъ установленія общества уже выводилъ человѣка изъ состоянія безпомощности, обезпечивалъ ему всю полноту пользованія его силами и дѣлалъ его истиннымъ царемъ природы.

Для характеристики воззрѣній этого рода, мы позволимъ себѣ привести одно мѣсто изъ *Экономическихъ гармоній Фр. Бастіа*. Оно лучше всякихъ разсужденій уяснитъ нашу мысль. Показывая, какія великія услуги доставляетъ общество человѣку, онъ говоритъ:

„Возьмемъ человѣка, принадлежащаго къ скромному классу общества, напримѣръ, деревенскаго столяра... Онъ проводитъ свой день въ струганіи досокъ, въ приготовленіи столовъ и шкафовъ; онъ жалуется на свою участь, а на самомъ дѣлѣ, что̀ получаетъ онъ отъ общества въ обмѣнъ за свой трудъ?

„Во-первыхъ, каждый день, вставая, онъ одѣвается, не изготовивъ лично ни одной изъ многочисленныхъ принадлежностей своей одежды. Для того, чтобы эта одежда, какъ бы ни была она скромна,

находилась въ его распоряженіи, требовалось громадное количество труда, промышленнаго искусства, перевозокъ, остроумныхъ изобрѣтеній. Американцы должны были произвести хлопокъ, индусы—индиго, французы—шерсть и ленъ, бразильцы—кожу; всѣ эти матеріалы должны были быть перевезены въ разные города и тамъ обдѣланы, размотаны, сотканы, выкрашены и т. д.

„Потомъ онъ завтракаетъ. Для того, чтобы хлѣбъ, который онъ ѣстъ, доходилъ къ нему каждое утро, необходимо, чтобы земли были расчищены, огорожены, унавожены, вспаханы и засѣяны; чтобы жатвы были тщательно предохранены отъ грабежа; чтобы извѣстная безопасность воцарилась среди необозримой толпы; чтобы пшеница была убрана, смолота и испечена; чтобы желѣзо, сталь, дерево и камень были обращены трудомъ въ орудія труда; чтобы извѣстные люди овладѣли одни силою животныхъ, другіе тяжестью паденія воды и т. д.... вещи, изъ которыхъ каждая, взятая въ отдѣльности, предполагаетъ неизмѣримую массу труда, пущеннаго въ ходъ, не только въ пространствѣ, но и во времени...

„Онъ пошлетъ своего сына въ школу для полученія образованія, хотя ограниченнаго, но предполагающаго тѣмъ не менѣе предварительныя изслѣдованія, изученіе, знанія, отъ которыхъ пугается воображеніе.

„У него оспариваютъ собственность; онъ найдетъ адвокатовъ для защиты своихъ правъ, судей, чтобы поддержать ихъ, агентовъ правосудія, чтобы привести въ исполненіе приговоръ; всѣ эти вещи предполагаютъ сумму пріобрѣтенныхъ знаній, слѣдовательно, просвѣщеніе и средства къ существованію.

„Онъ идетъ въ церковь: это чудесное зданіе; а книга, которую онъ туда несетъ, есть, быть можетъ, еще болѣе чудесный памятникъ человѣческаго разума. Его обучаютъ нравственности, просвѣщаютъ его умъ, возвышаютъ его душу; и для того, чтобы все это случилось, нужно, чтобы другой человѣкъ могъ посѣщать библіотеки, семинаріи, черпать изъ всѣхъ источниковъ человѣческаго преданія, чтобы онъ могъ жить, не озабочиваясь непосредственно потребностями своего тѣла.

„Если нашъ ремесленникъ пускается въ дорогу, онъ находитъ, что другіе люди, для сохраненія его времени и уменьшенія его труда, выровняли почву, засыпали долины, срѣзали горы, соединили берега рѣкъ, уменьшили треніе, поставили колесные экипажи на шоссе или рельсы, укротили лошадей или покорили паръ и т. д.

„Нельзя не быть пораженнымъ непропорціональностью, дѣйствительно неизмѣримою, существующею между удовлетвореніемъ, которое этотъ человѣкъ черпаетъ въ обществѣ, и тѣмъ, что могъ бы онъ доста-

вить себѣ, будучи предоставленъ собственнымъ силамъ. Смѣю сказать, что онъ въ одинъ день потребляетъ столько, сколько онъ не могъ бы произвести въ теченіе десяти вѣковъ".

Эта длинная выписка оправдывается тѣмъ, что въ ней содержится, такъ сказать, квинтэссенція взглядовъ опредѣленной школы, изложенная перомъ одного изъ талантливѣйшихъ ея представителей.

Не трудно замѣтить, что картина, нарисованная Бастіа, отличается нѣсколько буколическимъ характеромъ. Это ода въ честь „обмѣна услугъ", совершающагося не только между наличными членами общества, но и между смѣняющимися его поколѣніями;—не только между членами и поколѣніями данной націи, но и между всѣми народами всѣхъ пространствъ и временъ. Какъ таковая, т.-е. какъ *ода*, она содержитъ въ себѣ много истиннаго. Дѣйствительно, каждый изъ насъ ежедневно потребляетъ плоды трудовъ многихъ поколѣній и множества наличныхъ членовъ общества; дѣйствительно, каждому изъ насъ приходилось бы сызнова начинать трудное дѣло человѣческаго развитія, если бы общество не умѣло и не могло капитализировать труды каждаго изъ насъ и всѣхъ нашихъ предковъ; дѣйствительно, каждый изъ насъ не могъ бы, личнымъ своимъ трудомъ, создать въ десять вѣковъ всѣ блага, коими мы пользуемся, по той простой причинѣ, что эти блага въ самомъ дѣлѣ создавались въ теченіе не десяти, а даже двадцати вѣковъ. Дѣйствительно, бѣднѣйшій столяръ можетъ пользоваться и, въ извѣстной мѣрѣ, пользуется тѣмъ, что сдѣлано этими вѣковыми усиліями.

Но какъ всякая ода, она содержитъ въ себѣ извѣстное преувеличеніе, стало быть и внутреннее противорѣчіе, раскрывъ которое, мы можемъ обернуть аргументацію автора противъ предположенной имъ цѣли. Главная мысль автора, какъ легко замѣтить, состоитъ въ слѣдующемъ: *каждый изъ насъ, въ удовлетвореніе своихъ потребностей, пользуется трудомъ другихъ лицъ, т.-е. тѣмъ, чего онъ самъ не дѣлалъ*. Для своего питанія, одѣянія, жилища, образованія, религіознаго утѣшенія, путешествій, защиты своихъ правъ и т. д., мы черпаемъ запасы изъ чудной и великой машины, называемой человѣческимъ обществомъ. Въ этомъ нельзя не видѣть великаго блага. Попробуемъ, однако, посмотрѣть не содержится ли въ этомъ процессѣ „обмѣна услугъ" чего-нибудь иного, кромѣ всесторонняго черпанія благъ.

Это *иное* раскроется намъ безъ особенныхъ умственныхъ усилій съ нашей стороны. Если столяръ „проводитъ весь свой день въ струганіи досокъ и изготовленіи столовъ и шкафовъ", если онъ, для полученія средствъ, необходимыхъ для его матеріальной и умствен-

ной жизни, можетъ предлагать только эти „столы и шкафы“, то очевидно, что онъ, въ отношеніи всѣхъ условій своего существованія, *зависитъ* отъ цѣлаго. То же должно сказать о каждомъ изъ насъ. Каждый членъ современнаго общества, по необходимости отдается какому-нибудь спеціальному труду и, слѣдовательно, *складываетъ* съ себя заботу объ условіяхъ своего существованія, въ расчетѣ на трудъ другихъ. Никто изъ насъ не заботится лично объ обезпеченіи своей безопасности, объ изготовленіи одежды, мебели, посуды, экипажей, объ устройствѣ школъ, церквей, библіотекъ, музеевъ; о проведеніи дорогъ, установленіи монетныхъ единицъ, мѣръ и вѣсовъ; объ организаціи медицинской помощи, оздоровленіи жилищъ, мѣрахъ противъ пожаровъ, наводненій и заразительныхъ болѣзней. Каждый изъ насъ дѣлаетъ что-нибудь *одно*, и иногда это *одно* можетъ быть $^1/_{18}$ частью булавочной головки въ булавочномъ производствѣ или $^1/_{108}$ частью часовъ на фабрикѣ часовъ. Во всемъ остальномъ мы полагаемся на *общество*, т.-е. надѣемся найти все остальное готовымъ и обезпеченнымъ.

Отсюда слѣдуетъ, что каждое колебаніе въ цѣломъ, каждое разстройство одной изъ существенныхъ его частей, неизбѣжно отразится на судьбѣ *единицы*, стругающей доски, вертящей машинное колесо, обтачивающей булавки, приготовляющей проповѣди, рѣчи и сочиняющей книги. Хлѣбъ, „приходящій къ намъ каждое утро“, неожиданно можетъ вовсе не „прити“ или повыситься въ цѣнѣ до такой степени, что весь нашъ домашній бюджетъ перевернется вверхъ дномъ. Здоровье и самая жизнь наша, которыя необходимы намъ для труда, а слѣдовательно, и для „обмѣна“, неожиданно могутъ быть унесены какою-нибудь заразительною болѣзнью, развившеюся благодаря отсутствію санитарныхъ условій, лежащихъ на попеченіи *другихъ*. Засореніе рѣкъ или разстройство путей сообщенія остановитъ подвозъ сырья, произведетъ переполохъ на фабрикахъ, повыситъ цѣны на предметы первой необходимости и понизитъ задѣльную плату, если вовсе не оставитъ безъ работы тысячи людей. Въ какую бы сторону мы ни обратились, вездѣ ежедневный опытъ приведетъ насъ къ сознанію, что мы, въ отношеніи всѣхъ условій своего существованія, не только *зависимъ* отъ цѣлаго, но и несемъ на себѣ *отвѣтственность* за все, что̀ совершается въ этомъ цѣломъ и чего мы предотвратить обыкновенно не можемъ. Общество, эта дѣйствительно великая и чудная машина, разсматриваемая со стороны взаимнаго обмѣна услугъ, можетъ оказаться опасною и страшною машиной, способною задавить человѣка, низвести его на степень животнаго, оставить его столь же безпомощнымъ, какимъ является дикарь въ пустынѣ.

Если столяръ, о которомъ говоритъ Бастіа, пошлетъ своего сына въ школу, послѣдній въ самомъ дѣлѣ получитъ тамъ сразу такой запасъ знаній, какого онъ самъ не выработалъ бы въ теченіе вѣковъ. Но для того, чтобы столяръ послалъ своего сына въ школу, нужно нѣсколько вещей, а именно: 1-е) чтобы онъ сознавалъ необходимость ученія; 2-е) чтобы онъ имѣлъ къ тому экономическую возможность; 3-е) чтобы школа была учреждена и доступна для людей его класса.

Сознаніе необходимости умственнаго образованія проникаетъ въ массы весьма туго, что̀, въ свою очередь, зависитъ отъ многихъ причинъ. Не говоримъ уже о томъ, что вообще потребность интеллектуальной жизни просыпается въ человѣкѣ довольно поздно, но и нѣкоторыя *общественныя* условія составляли къ тому важныя препятствія. Очевидно, массы не могли стремиться къ „образованію“ до тѣхъ поръ, пока онѣ были несвободны. Просвѣщеніе для раба или крѣпостного не благо, а *ядъ*, заставляющій его чувствовать сильнѣе всю горечь своего положенія. Слѣдовательно, нуженъ былъ длинный историческій процессъ освобожденія массъ отъ личной зависимости, въ которой онѣ находились отъ привилегированныхъ сословій. Этотъ процессъ былъ совершонъ усиліями государства и стоилъ повсемѣстно великихъ жертвъ. Но даже освобожденная масса не сразу чувствуетъ потребность просвѣщенія. Подавленная матеріальными заботами, она, собственными усиліями, рѣдко можетъ расширить свой кругозоръ за предѣлы хозяйственной нужды. Необходимы или внѣшнее давленіе, или посторонняя иниціатива, чтобы провести элементарное образованіе въ массы. Система *обязательнаго* обученія, дѣлающая такіе успѣхи на континентѣ Европы, и примѣръ Америки, двинувшей, вслѣдъ за арміями Шермана и Гранта, *освободившими* негровъ, цѣлую армію народныхъ учителей для просвѣщенія освобожденныхъ,—лучшія иллюстраціи этой мысли.

Общество, своимъ коллективнымъ трудомъ, накопляетъ массу богатствъ, знаній, религіозныхъ и нравственныхъ понятій, средствъ и орудій обмѣна, охраненія здоровья, условій просвѣщенія; оно образуетъ изъ себя громадную силу, въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Но затѣмъ остается открытымъ вопросъ: какимъ образомъ каждая отдѣльная личность будетъ пользоваться этимъ запасомъ благъ, усвоивать себѣ элементы просвѣщенія, религіи, нравственности, *культуры* вообще, при существующемъ разнообразіи въ положеніи недѣлимыхъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ? Не останется ли значительная часть общества внѣ пользованія культурными благами, внѣ просвѣщенія и даже внѣ матеріальнаго довольства?

Въ этомъ вопросѣ главная сила, главная причина обаятельнаго

дѣйствія *соціализма*, какъ идеи. На этой почвѣ онъ борется съ индивидуализмомъ и съ его политическимъ выраженіемъ—либерализмомъ.

Въ то время, какъ индивидуализмъ обратилъ главное свое вниманіе на условія *созиданія* народнаго богатства и всяческаго благосостоянія и открылъ ихъ въ творческой дѣятельности и предпріимчивости человѣка, для котораго онъ и потребовалъ свободы, соціализмъ обратилъ главное свое вниманіе на *распредѣленіе* богатствъ, какъ условіе равномѣрнаго пользованія всѣми благами матеріальной и нравственной культуры. Поэтому, съ индивидуалистической точки зрѣнія, *организація* государства и общества должна быть прилажена къ понятію творческой и свободной личности человѣка, т.-е. представлять наибольшую сумму гарантій для личной свободы. Съ соціалистической точки зрѣнія, организація общества должна быть прилажена къ идеѣ общественной силы, дѣйствіемъ своимъ *распредѣляющей* блага матеріальныя и нравственныя въ массѣ недѣлимыхъ.

Въ государствѣ индивидуалистическомъ вопросъ производства, основаннаго на свободномъ творчествѣ каждаго, вытѣсняетъ всѣ остальные. Въ государствѣ соціалистическомъ вопросъ производства самъ подчиняется высшему вопросу о распредѣленіи богатствъ, и условія производства должны сообразоваться съ условіями распредѣленія, т.-е., какъ принято выражаться, трудъ долженъ быть *организованъ.* Индивидуалистическая теорія не предполагала и не могла предполагать никакой *организаціи* труда, кромѣ той чисто *естественной* связи, какая соединяетъ одну трудовую личность съ другою. Установить какую-нибудь искусственную организацію лицъ, трудящихся въ той или другой отрасли производства, значило бы, съ индивидуалистической точки зрѣнія, посягнуть на личную свободу трудовой личности, возвратиться къ системѣ средневѣковыхъ корпорацій, или къ правительственной опекѣ XVII и XVIII ст., т.-е. подорвать условія производительности труда. Оставить трудъ неорганизованнымъ значило бы, съ соціалистической точки зрѣнія, освятить борьбу личныхъ интересовъ, безграничную конкурренцію, безконтрольное поглощеніе слабыхъ сильными, войну классовъ и жалкое положеніе массъ.

Въ этой постановкѣ вопроса, какъ мы видѣли, заключается главная сила соціализма, какъ ученія *критическаго*, направленнаго противъ извѣстной господствующей доктрины. Но въ этомъ же и его слабость, какъ доктрины *положительной.* Несмотря на всѣ усилія учителей и проповѣдниковъ соціализма, человѣческая личность останется фундаментомъ общества, и оттого, въ какой мѣрѣ эта личность будетъ крѣпка, просвѣщена, свободна, обезпечена въ своихъ правахъ, зависитъ благосостояніе и нравственное достоинство самого общества. Если мы, отбросивъ этотъ фундаментъ, станемъ исключительно на

точку зрѣнія „общества распредѣляющаго“, если мы потребуемъ, чтобы трудъ каждаго сообразовался съ требованіями „распредѣленія благъ“, то мы легко придемъ къ такому состоянію, когда эти блага не будутъ имѣть *никакой цѣны для личности*, ихъ получающей.

Для того, чтобы человѣкъ, дѣйствительно, могъ *наслаждаться* не только нравственными, но даже матеріальными благами, необходимо, чтобы онъ находился въ *полномъ сознаніи своей личности*. Какую цѣну могутъ имѣть для человѣка утѣшенія религіи, эстетическія наслажденія, поэзія, музыка, живопись, умственныя удовольствія, если онъ не чувствуетъ въ себѣ нравственной личности, способной воспріять, усвоить и оцѣнить эти блага? Въ этомъ смыслѣ глубоко вѣрно евангельское слово: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, но утратитъ свою душу?“ Да и „міра“ онъ не пріобрѣтетъ. Для того, чтобы человѣкъ могъ цѣнить даже матеріальныя блага (за исключеніемъ грубѣйшихъ чувственныхъ наслажденій), необходима извѣстная доля нравственной въ немъ жизни. Комфортъ англичанина, обстановка зажиточнаго американца или француза свидѣтельствуютъ объ ихъ нравственномъ уровнѣ, о сознаніи ихъ человѣческаго достоинства такъ же громко, какъ Шекспиръ, Диккенсъ, Теккерей, Монтескьё, Вольтеръ, Гюго, Куперъ, Эмерсонъ, какъ ихъ объявленія правъ и политическія учрежденія. Отнимите у человѣка это сознаніе, и онъ сразу утратитъ пониманіе всѣхъ благъ и обратится въ ту „гнусную бѣдность“, въ которой, по свидѣтельству Тацита, пребывали блаженные Гипербореи, достигшіе самаго труднаго — *отсутствія всѣхъ желаній*.

Этого мало. Какъ бы мы ни старались обратить человѣка въ незамѣтную часть великой общественной машины, все же мы потребуемъ отъ этой „части“ извѣстной *дѣятельности* въ пользу цѣлаго. Но чѣмъ будетъ вызвана эта дѣятельность, когда въ человѣкѣ вкоренится понятіе о всесиліи и всемогуществѣ этого цѣлаго? Для того, чтобы человѣкъ былъ дѣятельною и производительною частью цѣлаго, въ немъ должно жить сознаніе его *свободы* и *отвѣтственности* за его дѣла. Заставьте человѣка всегда и во всемъ полагаться на общество, ожидать отъ него всего добраго и дурного, хлѣба и труда, здоровья и болѣзни, вѣры и знанія, и вы сразу убьете въ немъ ту силу, которая изъ бѣдныхъ рыбаковъ сдѣлала основателей новой религіи, изъ горсти пуританъ—основателей новаго государства, изъ философовъ XVIII вѣка—основателей новаго политическаго міросозерцанія, ту силу, которая ежедневно приноситъ намъ новыя изобрѣтенія, приспособленія и знанія, покрываетъ землю желѣзными дорогами, улучшаетъ методы преподаванія, способы техническихъ производствъ и безъ которой обществу нечего было бы „распредѣлять“.

Такимъ образомъ, двѣ идеи поставлены въ настоящее время другъ противъ друга: идея *индивидуальности* и идея *общественности*. Это противуположеніе не ново; мы встрѣчаемъ его на разныхъ ступеняхъ европейской исторіи и въ разныя ея эпохи, только подъ разными названіями.

Въ средніе вѣка, когда между всѣми интересами человѣчества на первомъ планѣ стояли интересы *религіозные*, противоположеніе это выразилось въ борьбѣ *церковнаго авторитета* съ началомъ *свободы совѣсти*. Церковь хотѣла быть единою хранительницею и раздавательницею всѣхъ религіозныхъ и даже умственныхъ благъ и строго блюла единство церковнаго общества, преслѣдуя всякія уклоненія и ереси. Она встрѣтила отпоръ въ реформаціи, провозгласившей свободу совѣсти.

Позднѣе, съ образованіемъ новыхъ государствъ, дѣйствіемъ сильной королевской власти, явилось противоположеніе между правами государства, какъ представителя политическихъ интересовъ цѣлаго, и свободнаго недѣлимаго въ области политической. Старое полицейское государство постепенно обращается въ государство правомѣрное, построенное на признаніи извѣстной совокупности личныхъ правъ гражданъ въ ихъ отношеніи къ государству. Политическое преобразованіе западно-европейскихъ государствъ на началахъ, завѣщанныхъ 1789 годомъ, теперь заканчивается.

Но въ настоящее время вопросъ объ отношеніи личности къ обществу переходитъ на другую почву, на почву экономическую. Старое противоположеніе авторитета и свободы въ области политической теперь видоизмѣняется въ противоположеніе индивидуализма и соціализма. Тяжба между двумя началами находится въ полномъ разгарѣ. Какой будетъ ея исходъ, трудно предвидѣть. Она усложняется еще тѣмъ, что старыя формы противоположенія, хотя и отступили на задній планъ, но далеко не отжили. Римскій дворъ еще не такъ давно проклялъ свободу совѣсти и ведетъ дѣятельную агитацію въ католическихъ массахъ. Начало государственнаго авторитета попрежнему противополагается личной свободѣ, и видные представители государственной практики готовы повторять слова Наполеона III: „нѣтъ ничего труднѣе, какъ *помирить* порядокъ со свободой“.

Но дѣйствительно ли эти начала до такой степени противоположны? Въ самомъ ли дѣлѣ ихъ должно „мирить“, какъ старыхъ, исконныхъ враговъ, какъ Цезаря съ Помпеемъ, Наполеона съ Питтомъ, Пія IX съ Викторомъ-Эммануиломъ? Мы постараемся дать на это отвѣтъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

СОЦІАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ

И ВЪ РОССІИ.

СОЦІАЛИЗМЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ И ВЪ РОССІИ.

Когда русскому человѣку приходится писать, говорить или просто думать о русскомъ соціализмѣ, онъ невольно чувствуетъ всю затруднительность своего положенія. Свѣдѣнія объ „ученіяхъ“ русскихъ соціалистовъ доходятъ до него отрывками. Онъ знакомится съ этими доктринами по большей части изъ отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ по политическимъ процессамъ, гдѣ эти ученія только затрогиваются, по скольку они нужны для освѣщенія той или другой стороны обвинительнаго акта. Но такія отрывочныя свѣдѣнія нисколько не объясняютъ *особенностей* русскаго соціализма, причинъ его происхожденія, развитія и несомнѣнныхъ успѣховъ въ извѣстной части нашего общества. Мы не знаемъ даже, насколько русскіе пропагандисты могутъ быть названы „соціалистами“ и насколько они заслуживаютъ другого названія.

Изъ изложенія русскаго соціализма и условій его возникновенія и роста возникаетъ другое явленіе, не менѣе характеристичное. Мы привыкли считать нашъ соціализмъ нѣкоторымъ отпрыскомъ соціализма западно-европейскаго и полагаемъ, что эти ученія могутъ быть низложены распространеніемъ здравыхъ экономическихъ понятій. Такъ, нѣкоторые писатели выступили съ критическими разборами теоріи Карла Маркса, но едва-ли они достигли и могли достигнуть предположенной цѣли. Съ внѣшней стороны они, пожалуй, и правы. Въ самомъ дѣлѣ, наши соціалисты питаются твореніями Лассаля и Маркса, прислушиваются къ рѣчамъ и манифестамъ Бебеля и Либкнехта и составляютъ свои понятія о „рабочемъ вопросѣ“ по западно-европейскимъ книгамъ и брошюрамъ. Но едва-ли изъ этого можно заключить, что русскій соціализмъ есть только отпрыскъ извѣстныхъ западныхъ ученій. Тѣмъ менѣе можемъ мы думать, что эти доктрины могутъ быть низложены при помощи „политической экономіи“.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что русскій человѣкъ, задумавъ бороться съ соціализмомъ, возьмется за изученіе иностранныхъ книгъ по политической экономіи. Онъ начнетъ, конечно, съ Адама Смита, Рикардо, Сэя и, въ послѣдовательномъ порядкѣ, дойдетъ до новѣйшихъ трудовъ по политической экономіи, каковъ, напримѣръ, учебникъ Рау-Вагнера [1]). При такомъ послѣдовательномъ изученіи, онъ натолкнется, однако, на знаменательный фактъ. Онъ узнаетъ, что новые представители политической экономіи отступили отъ одного изъ главныхъ догматовъ старой школы, именно отъ догмата невмѣшательства государства въ области экономическихъ отношеній. Сэй разсматривалъ правительство какъ несущественный органъ общества; въ учебникѣ Рау-Вагнера государству и „принудительному хозяйству" отводится почетное мѣсто.

Кромѣ этого открытія, русскій читатель сдѣлаетъ еще и другое. Онъ найдетъ нѣкоторое соотношеніе между новѣйшими воззрѣніями на государство и идеями крупныхъ представителей западнаго соціализма, каковы Луи-Бланъ и Лассаль. Онъ услышитъ, что Лассаль громитъ буржуазію за ея враждебныя отношенія къ государственному вмѣшательству, а представители либеральной буржуазіи нападали на соціализмъ именно за его наклонность къ „принудительному хозяйству".

Сообразивъ это явленіе, русскій читатель придетъ къ тому заключенію, что нѣкоторые новѣйшіе экономисты, каковы Вагнеръ, Шмоллеръ, Брентано и другіе, сдѣлали *уступку* соціализму, и его выводъ подтвердится тѣмъ, что эти экономисты въ своемъ отечествѣ называются „соціалистами отъ каѳедры" (Kathedersocialisten). Тогда онъ рѣшится бросить эти новѣйшія книги и утвердиться на принципахъ прежней школы. Но для этого ему нужно преодолѣть нѣкоторыя затрудненія.

Вдумываясь въ творенія Адама Смита, Сэя, останавливаясь на дѣятельности Манчестерской лиги вообще и Кобдена въ особенности, перелистывая Бастіа и заглядывая въ Молинари, онъ почувствуетъ, что вся эта доктрина была выработана людьми, которые или подготовили *либеральное* движеніе нашего вѣка, или выросли подъ вліяніемъ этого движенія. Онъ увидитъ, что экономическій либерализмъ есть общій продуктъ либеральнаго движенія въ области политики, религіи, науки, искусства,—всего, въ чемъ проявляется жизнь человѣка. Экономическая формула „laissez faire, laissez passer" выражаетъ тотъ же принципъ, что и формулы: вѣроисповѣданія свободны, наука свободна, мысль свободна; а всѣ эти формулы заключаются

---

[1]) *Lehrbuch der Politischen Oekonomie*. 1876 г.

въ одной общей:—каждый человѣкъ имѣетъ право дѣлать все, что не вредитъ другому.

Предположимъ, что русскій читатель усвоитъ себѣ это міросозерцаніе и что во имя этихъ идей и формулъ онъ выступитъ на борьбу съ отечественнымъ соціализмомъ. Но здѣсь именно онъ наткнется на весьма существенныя недоразумѣнія. Надѣясь найти въ массѣ русскихъ соціалистовъ Лассалей, громящихъ „либеральную буржуазію" и требующихъ государственнаго вмѣшательства, онъ горько ошибется. Напротивъ, онъ услышитъ рѣчи о необходимости разрушенія какъ государства, такъ и современнаго экономическаго строя. Онъ увидитъ странное сочетаніе идей Лассаля и соціальныхъ демократовъ съ идеями людей 1789 года, соединеніе требованій либеральной буржуазіи съ мечтами соціалистовъ, т.-е. соединеніе того, что на Западѣ не только разлучено, но и враждебно, непримиримо. Онъ найдетъ людей, сочувствующихъ „пропагандѣ" и вовсе не сочувствующихъ проектамъ раздѣла имуществъ и общности женъ. Онъ услышитъ, что современное соціалистическое движеніе есть движеніе *либеральное* не только въ смыслѣ „освободительномъ" вообще, но и въ смыслѣ „принциповъ 1789 года".

Правда, русскіе соціалисты отъ времени до времени торжественно заявляютъ, что цѣль ихъ—разрѣшеніе извѣстныхъ экономическихъ вопросовъ и что къ вопросамъ политическимъ они „равнодушны". На дѣлѣ же, ихъ „равнодушіе" къ политическимъ вопросамъ подвержено сильному сомнѣнію. До сихъ поръ всѣ „пропаганды" имѣли по преимуществу политическій характеръ, возбуждали политическія страсти, и убійства совершались не надъ „буржуа", а надъ государственными должностными лицами.

Коротко говоря, русскій человѣкъ, изучившій западную экономію, встрѣтится на родинѣ съ такою путаницей понятій, съ такими соединеніями разнороднаго, что едва-ли онъ можетъ поставить себѣ цѣлью низлагать соціализмъ при помощи политической экономіи. Практика скоро приведетъ его къ иному выводу, который можетъ показаться парадоксальнымъ человѣку, незнакомому съ дѣломъ. Именно, онъ придетъ къ заключенію, что соціализмъ является въ Россіи *знаменемъ*, взятымъ изъ чужихъ рукъ и служащимъ для иныхъ, своеобразныхъ цѣлей. Вотъ почему это знамя соединяетъ вокругъ себя столько разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ *экономическихъ* воззрѣніяхъ.

Выводъ кажется парадоксальнымъ, а потому доказательству его и посвящена эта статья. Конечно, она не преслѣдуетъ теоретическихъ цѣлей, ибо „теоретическій" разборъ нашихъ „хитрыхъ механикъ" слишкомъ легкое дѣло. Задача ея—показать бытовыя особен-

ности нашего соціализма, бытовыя условія его возникновенія и практическія мѣры къ устраненію тѣхъ чувствъ недовольства, опасенія, переходящаго въ панику, подъ вліяніемъ которыхъ зло не только не уменьшится, но выростетъ до серьезныхъ размѣровъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

РАЗВИТІЕ РАБОЧАГО ВОПРОСА НА ЗАПАДѢ.

I.

Если бы мы пожелали излагать исторію соціалистическихъ ученій, то намъ пришлось бы шагнуть далеко въ глубь вѣковъ, ибо каждый вѣкъ имѣлъ своихъ богатыхъ и бѣдныхъ, предпринимателей и рабочихъ, высшихъ и низшихъ. Но современный соціализмъ есть порожденіе новыхъ условій промышленности, создавшихся по мѣрѣ паденія средневѣковыхъ формъ общества. Подъ вліяніемъ этихъ условій получилъ своеобразную постановку тотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго направлены усилія современныхъ соціалистовъ, именно *рабочій вопросъ*.

Чтó же такое рабочій вопросъ на Западѣ? Съ точки зрѣнія лица, которое смотритъ на дѣло издалека, рабочее движеніе имѣетъ въ виду ниспроверженіе существующаго порядка вещей, истребленіе богатыхъ и раздѣлъ ихъ имущества. Такой взглядъ подтверждается, повидимому, закономъ противъ соціалистовъ, изданнымъ въ послѣднее время въ Германіи. Но есть нѣкоторое основаніе не вполнѣ довольствоваться такимъ взглядомъ. Именно лицо, предложившее этотъ законъ и руководящее его примѣненіемъ, — князь Бисмаркъ сказалъ въ рейхстагѣ, что онъ, преслѣдуя нѣкоторыя стремленія соціалистовъ, готовъ удовлетворить другимъ, признавая ихъ законность. Стало быть, германскій канцлеръ смотритъ на рабочій вопросъ не трансцендентально, такъ сказать, не съ той высоты, на которой пропадаютъ всѣ различія отдѣльныхъ моментовъ вопроса, а старается различить эти моменты, указать на законныя и незаконныя требованія труда.

Тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать такія различія въ статьѣ, посвященной какъ общему разъясненію вопроса, такъ и указанію разницы соціализма у насъ и на Западѣ. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не указавъ предварительно на историческія основанія современнаго рабочаго вопроса.

Съ того времени, какъ промышленные классы начали свою само-

стоятельную жизнь на западѣ Европы, строй промышленности пережилъ три главныя эпохи: 1-е, эпоху самостоятельныхъ городскихъ корпорацій; 2-е, эпоху регламентированныхъ корпорацій; 3-е, эпоху экономической свободы. Эта послѣдняя эпоха началась въ концѣ XVIII столѣтія и длится до нашего времени. Всѣ три эпохи находятся между собою въ исторической связи и всѣ вмѣстѣ подготовили современный рабочій вопросъ. Опредѣлимъ здѣсь главные моменты этого процесса.

Городскіе классы вообще были тою силою, которая нанесла первый ударъ вотчинному государству феодальной эпохи, положила основаніе новому государственному порядку и создала промышленно-торговое богатство Запада. Но въ самой массѣ городского населенія существовали разнородные элементы, которые вели между собою неустанную борьбу, закончившуюся паденіемъ старой общественной организаціи.

Для того, чтобы понять процессъ этой борьбы, мы должны представить роль дѣйствовавшихъ въ ней силъ въ нѣкоторой сжатой формулѣ, на которую мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей, такъ какъ безъ нея не будетъ понятно все послѣдующее.

Каждый общественный строй предполагаетъ наличность извѣстной организующей силы, интересы и принципы которой опредѣляютъ организацію общества, даютъ ему тотъ или другой характеръ. Такою силою является или извѣстная преобладающая часть общества, или совокупность извѣстныхъ политическихъ учрежденій. Преобладающая роль ихъ опредѣляется интересами и условіями каждой эпохи. Пока эта организующая сила дѣйствительно связана съ условіями времени и выражаетъ его потребности, она имѣетъ право считать себя представительницею цѣлаго общества, и послѣднее признаетъ ея главенство. Но, съ теченіемъ времени, интересы и условія общества измѣняются. Принципы прежней организаціи не удовлетворяютъ уже новымъ потребностямъ. Мало-по-малу, руководящія общественныя силы перестаютъ уже выражать идею своего общества, перестаютъ вести его по пути развитія. Онѣ замыкаются въ области своихъ *частныхъ* интересовъ, которые уже не могутъ быть отождествлены съ общими. Политика ихъ, силою вещей, становится эгоистическою, а не общественною. Новыя общественныя силы растутъ сами по себѣ, не имѣя еще никакихъ организаціонныхъ началъ. Поэтому въ первое время своего развитія онѣ являются силами разрушительными, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ содержится отрицаніе стараго порядка. Но, какъ всякая дѣйствительная и нарождающаяся сила, онѣ группируютъ вокругъ себя все общество, кромѣ, конечно, отживающихъ элементовъ. Наконецъ, побѣда за ними. Старый порядокъ палъ, и міръ ждетъ обновленія. Но обновленіе, въ смыслѣ общественномъ,

можетъ быть произведено только новою *организацiею* общества. И вотъ, изъ смутныхъ и слитныхъ элементовъ разрушенiя выдѣляется новый организацiонный элементъ, въ свое время руководившiй разрушенiемъ, а теперь берущiй на себя роль устроителя. Въ основанiе новаго зданiя полагаются начала первенствующаго класса, который и остается „во главѣ", пока его принципы могутъ считаться выраженiемъ общихъ нуждъ, пока изъ-подъ его ногъ не выростетъ новое общество со своими требованiями и, въ свою очередь, не сброситъ отжившiй порядокъ. Это—старая и вѣчно новая исторiя, хотя въ каждую эпоху люди думаютъ, что они дѣлаютъ что-то новое. Такъ было и съ феодализмомъ, и съ старою и съ новою буржуазiею на Западѣ.

II.

Когда закончилась эпоха великаго передвиженiя народовъ, когда настало время подумать объ установленiи прочной связи человѣка съ землей, о защитѣ этой земли отъ внѣшнихъ вторженiй, объ обращенiи дикихъ бургундовъ, франковъ, саксовъ, аллемановъ, фризовъ и прочихъ приматовъ въ людей, имѣющихъ нравственныя понятiя, двѣ силы выступили впередъ въ качествѣ организующихъ элементовъ зарождавшихся обществъ — военная аристократiя и церковь. Послѣдняя, въ качествѣ духовнаго элемента, въ качествѣ власти надъ душами и понятiями, имѣла мало влiянiя на внѣшнюю организацiю общества. Напротивъ, она сама, въ значительной степени, подчинилась чужой, т.-е. феодальной организацiи. Послѣдняя покоилась на вотчинномъ принципѣ, на извѣстной системѣ поземельныхъ отношенiй, и находила свое оправданiе въ военной защитѣ, въ нѣкоторыхъ элементахъ правосудiя и администрацiи, которые феодальный господинъ доставлялъ безпомощному населенiю, лѣпившему свои хижины вокругъ неприступныхъ за̀мковъ.

Но чрезъ нѣсколько времени подъ ногами свѣтскихъ и духовныхъ господъ выростаетъ новая сила, странная пока и невѣдомая—сила торгово-промышленная. Въ старыхъ городахъ, находившихся по большей части во владѣнiи прелатовъ, и въ новыхъ, выросшихъ подлѣ за̀мковъ, зарождается постепенно торговый классъ, который уже плохо ладитъ съ прежними условiями. Конечно, „господинъ" съ своими дружинниками защищаетъ торговцевъ отъ враговъ; но не грабятъ ли эти дружинники своихъ купцовъ, не тѣснятъ ли горожанъ княжескiе слуги своими поборами, не давятъ ли торговлю стѣснительныя пошлины, защищена ли торговля хоть какими-нибудь правилами? Возстанiе городовъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ имѣло двоякую цѣль: 1-е, освободить городское населенiе отъ вотчинной власти преж-

нихъ господъ; 2-е, организовать городское управленіе согласно интересамъ и цѣлямъ торгово-промышленнаго сословія.

При осуществленіи первой цѣли, все городское населеніе выступило какъ одинъ человѣкъ, какъ *община,* члены которой клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности и любви. Но, при осуществленіи второй, оказалось, что „община" далеко не слитное цѣлое, спаянное любовью. Руководящая роль въ „освободительной" работѣ принадлежала нѣкотораго рода городской аристократіи, собственникамъ и торговцамъ, старожильцамъ, соединеннымъ въ гильдіи. За ними же осталась эта роль и въ организаціонной работѣ. Они мало-по-малу образовали ядро полноправнаго гражданства, выдѣлились изъ массы „общинниковъ" въ качествѣ привилегированной и замкнутой наслѣдственной корпораціи и, по своимъ притязаніямъ, скоро сравнялись съ феодальною аристократіей. Между тѣмъ, подлѣ этой знати, этихъ *патриціевъ,* стояла масса промышленнаго люда, исключеннаго пока отъ пользованія политическими правами въ городѣ. „Мастерства" играли плебейскую роль въ аристократизировавшихся муниципіяхъ. Между тѣмъ, они уже имѣли свою организацію и значительное число сочленовъ. Мастерства или цехи—происхожденія стариннаго. Лучшія изслѣдованія по этому предмету доказываютъ, что организація промысловъ относится еще къ эпохѣ вотчинной. Феодальные господа давали соотвѣтствующее устройство извѣстнымъ группамъ своихъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ тому или другому дѣлу по волѣ господина. Конечно, это не исключало образованія цеховъ и между вольными людьми.

Въ эпоху возрожденія городовъ, а съ ними вмѣстѣ и промышленности, цехи играли видную и главную роль. Прежде всего, они были корпораціями, приноровленными для цѣли самозащиты. Но они имѣли и большое нравственное значеніе. Въ эпоху конкурренціи между трудомъ крѣпостнымъ и трудомъ вольнымъ, послѣдній могъ взять только высшимъ качествомъ продукта, точностью и честностью въ исполненіи заказовъ, нравственнымъ достоинствомъ мастеровъ. Поэтому цеховая организація явилась какъ бы школой промышленнаго труда. Каждый ремесленникъ долженъ былъ пройти чрезъ ученическіе годы, послужить подмастерьемъ и только послѣ извѣстнаго испытанія дѣлался мастеромъ. Отношенія между членами цеха, отношенія къ заказчикамъ, порядокъ исполненія работъ и т. д. опредѣлялись цеховымъ уставомъ, за исполненіемъ котораго наблюдало цеховое управленіе. Члены цеховъ были связаны между собою какъ бы круговою порукою въ нравственномъ смыслѣ. Цехъ имѣлъ свою честь, хранилъ свое достоинство и наблюдалъ за нравственностью своихъ сочленовъ.

Такая нравственная сила должна была съиграть свою роль въ жизни городовъ, она требовала для себя участія въ „гражданствѣ" и, наконецъ, добилась его, сломивъ сопротивленіе городской знати. Эпоха торжества цеховъ совпадаетъ со временемъ процвѣтанія городовъ, роста ихъ промышленности и богатства. Къ сожалѣнію, это время было непродолжительно. Уже въ XIV столѣтіи показываются признаки новаго смущенія.

Въ героическую эпоху цеховъ, каждый изъ нихъ составлялъ слитное и крѣпкое цѣлое. Уставы не проводили юридическаго различія между учениками, подмастерьями и мастерами. Ученичество было необходимою *стадіею* для каждаго вступившаго въ цехъ, и каждый ученикъ могъ, въ свое время, сдѣлаться мастеромъ. Но послѣ окончательнаго торжества цеховъ, мастера какъ бы выдѣляются изъ нихъ, требуя для себя особыхъ преимуществъ. Они одни становятся полноправными членами цеха и съ великимъ трудомъ открываютъ доступъ къ этому званію другимъ. Доступъ къ мастерству сопряженъ съ такими же препятствіями, какія преодолѣваетъ въ сказкахъ какой-нибудь принцъ для полученія руки своей возлюбленной. Долгіе ученическіе годы, годы странствованія подмастерьевъ по разнымъ городамъ Германіи или Франціи, пробныя работы, громадныя издержки при пріемѣ въ цехъ—все это ожидало юношу, не имѣвшаго связей въ средѣ мастеровъ. Но сынъ мастера или подмастерье, женившійся на дочери или вдовѣ мастера, освобождался отъ этихъ мытарствъ. Неудивительно, что мастерство сдѣлалось фактически наслѣдственнымъ въ довольно тѣсномъ кругѣ лицъ, примкнувшихъ къ старой гильдейской знати.

Низшіе слои цехового населенія отдѣлились отъ мастеровъ. Между ними образовались уже новыя товарищества; уже накоплялись элементы недовольства. Неизвѣстно, что̀ было бы дальше, ибо самостоятельная жизнь городовъ начала замирать подъ вліяніемъ новой силы, вступавшей въ свои права—подъ вліяніемъ королевской власти, принявшей форму абсолютной монархіи и внесшей въ экономическую жизнь новый элементъ: *административную регламентацію.*

Королевская власть, подобно промышленному классу, возвысилась на счетъ феодализма. Мало того: въ борьбѣ съ феодальною аристократіей она дѣйствовала въ *союзѣ* съ городскими классами. Но не должно забывать, что городскія общины, являясь разрушительнымъ элементомъ въ средѣ феодальнаго общества, по *организаціи* своей остались, однако, *частью* этого общества, какъ это видно изъ характера гильдейскаго и цехового устройства. Между тѣмъ, короли и ихъ администрація являлись носителями *новой* идеи—идеи государ-

ства въ современномъ смыслѣ. Понятно само собою, что, добивая остатки феодализма, они не могли оставить его и въ городахъ. Средневѣковое городское самоуправленіе уступило мѣсто государственной *опекѣ.* Королевская администрація сдѣлалась организующимъ элементомъ новаго общества, общества XVI и слѣдующихъ вѣковъ, т.-е. до нашего столѣтія.

Система административной опеки имѣла серьезныя историческія основанія. Во-первыхъ, антагонизмъ между знатнымъ и полноправнымъ гражданствомъ—съ одной стороны, и низшими городскими классами—съ другой, злоупотребленія городскихъ властей и жалобы низшихъ—давали всѣ поводы къ вмѣшательству королевской администраціи. Во-вторыхъ, развитіе новаго государства предполагало больше единства въ правѣ, въ направленіи администраціи, въ охраненіи общихъ государственныхъ интересовъ, какихъ не знали прежнія времена. Между тѣмъ, суверенныя „общины" являлись такими же элементами „розни" и политическаго раздробленія, какъ и феодальныя вотчины. Въ-третьихъ, наконецъ, примѣнительно къ промышленной жизни, государственная опека являлась необходимою реакціею противъ застоя въ промышленности, порожденнаго цеховыми монополіями, косностью мастеровъ и полнымъ отсутствіемъ личной предпріимчивости.

Между тѣмъ, новыя государственныя потребности, промышленная борьба уже не между отдѣльными городами, а цѣлыми націями,—требовали великаго напряженія народныхъ силъ, хотя бы при помощи внѣшняго толчка. Къ этой цѣли направилась государственная опека, открывая новыя отрасли производства, установляя образцы для промышленности, подчиняя дѣятельность мастеровыхъ строгому надзору, опредѣляя ихъ отношенія къ ученикамъ и рабочимъ.

Но, конечно, такая политика представляла и свою опасную сторону. Новый „организующій элементъ" былъ великимъ орудіемъ въ рукахъ такихъ людей, какъ Кольберъ, и сдѣлался орудіемъ злоупотребленій въ рукахъ другихъ. Впрочемъ, эти злоупотребленія не были случайными явленіями. Они тѣсно связаны съ общими условіями стараго порядка, разрушеннаго движеніемъ либеральныхъ идей.

Во-первыхъ, королевскій абсолютизмъ сломилъ прежнія политическія силы настолько, насколько это нужно было въ интересахъ единства власти. Но онъ не тронулъ *общественныхъ* преимуществъ прежней аристократіи—дворянства, духовенства и буржуазіи. Феодализмъ, сломленный какъ *политическая сила,* продолжалъ существовать какъ общественное установленіе, находя себѣ опору въ *юридическихъ* различіяхъ отдѣльныхъ классовъ общества. Феодальная

знать, т.-е. первыя два сословія, утратила свои верховныя права, конфискованныя теперь центральною властью. Но она сохранила за собою право на множество поборовъ и повинностей, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на крестьянской землѣ и на личномъ трудѣ крестьянина. Моро-де-Жоннесъ высчитываетъ, что сумма феодальныхъ и церковныхъ поборовъ превышала сумму государственныхъ налоговъ. Послѣдніе были распредѣлены между сословіями до такой степени неравномѣрно, что главная ихъ тяжесть лежала на тѣхъ же низшихъ классахъ. Въ городахъ, абсолютизмъ, сломивъ суверенное гражданство, подчинивъ городское хозяйство, торговлю и промыслы государственной опекѣ, не только не тронулъ корпоративныхъ привилегій и монополій, но сдѣлалъ изъ цеховъ *фискальное* орудіе, служившее казеннымъ интересамъ. Право труда, объявленное регальнымъ правомъ, концессіонировалось, т.-е. просто продавалось государственною администраціею, и цеховыя монополіи утвердились на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что объ нихъ сломилась вся энергія Тюрго.

Во-вторыхъ, дѣйствіе государственнаго абсолютизма не было ограничено предѣлами какихъ бы то ни было правъ частныхъ лицъ и обществъ, которыя государство обязывалось бы уважать. Личная и домашняя безопасность, неприкосновенность имуществъ, не говоря уже о такихъ предметахъ, какъ свобода совѣсти, слова и тому подобное, погибли въ этой системѣ.

Все это, вмѣстѣ взятое, давало право приписывать всѣ бѣдствія существующему политическому строю, а послѣдній, какъ мы видѣли, заключалъ въ себѣ два главные признака — абсолютизмъ и привилегіи. Ограничить одинъ и отмѣнить другія — такова была задача революціонной философіи XVIII столѣтія, основавшей свои требованія на принципахъ такъ-называемаго *естественнаго права*.

III.

Среди этого общества, учрежденія котораго представляли рядъ историческихъ наслоеній, наслоеній временъ феодализма въ тѣсномъ смыслѣ, феодализма, видоизмѣненнаго движеніемъ городскихъ общинъ, временъ постепеннаго роста и торжества королевской власти, — т.-е. среди общества, жившаго въ учрежденіяхъ двѣнадцативѣковой организаціи, вдругъ раздалась проповѣдь, требовавшая пересмотра всѣхъ этихъ учрежденій съ точки зрѣнія естественныхъ правъ человѣка.

Школа естественнаго права заставила одряхлѣвшее общество возвратиться мысленно на лоно природы, посмотрѣть на человѣка

въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ Творца. Здѣсь, на этомъ лонѣ природы, мы видимъ человѣка существомъ *свободнымъ* и *равнымъ* со всѣми подобными ему существами. Онъ одаренъ разумомъ и инстинктами, руководясь которыми онъ достигнетъ благосостоянія, если его свобода будетъ обезпечена, если другое лицо не захватитъ его въ свою власть. Какимъ же образомъ случилось, что человѣкъ, первоначально свободный, попалъ подъ иго деспотизма?—первоначально равный со всѣми другими, страдаетъ отъ тяжкаго неравенства?

Если бы „школа" стояла на почвѣ исторической, она увидѣла бы причины возникновенія феодализма, городскихъ корпорацій, королевской власти. Не оправдывая тогдашняго строя, она, по крайней мѣрѣ, объяснила бы его; а гдѣ есть объясненіе, тамъ открыта возможность соглашенія и реформы. Но съ догматической точки зрѣнія естественнаго права, весь старый порядокъ *не могъ* быть объясненъ: онъ былъ только нелѣпъ, противенъ всѣмъ требованіямъ разума и природы, а потому *насильственъ*. Нельзя не замѣтить, что, съ другой стороны, и представители старыхъ партій стояли на такой же догматической почвѣ, не допускавшей никакихъ сдѣлокъ съ новыми требованіями и условіями. Привилегія есть вѣчное и принципіальное нарушеніе естественнаго права,—говорили „философы". Привилегія есть вѣчное изъятіе изъ общаго права, и потому не можетъ быть отмѣнена,—говорили сторонники стараго порядка. Привилегія есть насиліе,—говорили одни; отмѣна привилегіи есть беззаконіе — говорили другіе. Боссюэтовское: „нѣтъ права противъ права" — составляло существо аргументаціи той и другой стороны. Естественное право священно и неотчуждаемо; всякое отступленіе отъ него есть безправіе,—слышалось съ одной стороны; всякое существующее и законно пріобрѣтенное право священно и неотчуждаемо, — слышалось съ другой. И вотъ, предъ началомъ новой эры, лицомъ къ лицу встрѣтились двѣ абсолютныя идеи, не допускавшія никакихъ сдѣлокъ и уступокъ. Началась величайшая изъ когда-либо бывшихъ трагедій, и міръ услышалъ новыя заповѣди, изложенныя въ 17-ти статьяхъ деклараціи правъ гражданина.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ изложить здѣсь этой трагедіи. Мы должны уловить только главныя руководящія идеи этого движенія и опредѣлить главные его результаты.

Силы, дѣйствовавшія во французской революціи, были направлены, какъ мы сказали, противъ двухъ установленій стараго порядка—противъ абсолютизма и привилегій. Коротко говоря, двигатели революціи видѣли причину всѣхъ бѣдствій въ ненормальномъ *полити-*

ческомъ строѣ и думали разрѣшить всѣ вопросы, въ томъ числѣ и вопросы *экономическіе*, при помощи *политическихъ* реформъ.

Вотъ что гласитъ введеніе въ знаменитую декларацію: „Представители французскаго народа, соединенные въ національное собраніе, принимая во вниманіе, что невѣдѣніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть *единственныя* причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить, въ формѣ торжественнаго объявленія, естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка".

Для своего времени, даже съ экономической точки зрѣнія, они были правы. Трудъ, сдавленный монополіями, феодальными повинностями, внутренними заставами и административными регламентами, стремился ближайшимъ образомъ и въ общей своей массѣ къ юридическому и политическому освобожденію. Таковъ былъ и завѣтъ великихъ экономистовъ XVIII вѣка, отъ Кене до Адама Смита, основателя новой политической экономіи. Отмѣните общественное неравенство, монополіи, заставы, феодальныя повинности, и вы увидите, на что способна человѣческая личность, свободно располагающая своими силами, руководимая разумно понятымъ личнымъ интересомъ и обезпеченная въ своихъ правахъ! Laissez faire, laissez passer!

Но для послѣдующихъ судебъ Европы было важно, что, подъ вліяніемъ этихъ условій стараго порядка, сложилось *общее* политическое и экономическое міросозерцаніе новой школы. Человѣкъ вступаетъ въ общество съ суммою извѣстныхъ готовыхъ правъ— свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію. Назначеніе государства состоитъ въ *охраненіи* этихъ правъ, т.-е. оно обезпечиваетъ каждому свободное распоряженіе его личными силами и плодами его трудовъ. Отсюда вытекаетъ то послѣдствіе, что все не имѣющее отношенія къ цѣлямъ права, т.-е. къ опредѣленію „мѣры свободы", стоитъ внѣ политической сферы, слѣдовательно, и внѣ дѣйствія государственной власти. Къ числу этихъ *внѣ* стоящихъ сферъ относится и область *экономическихъ* отношеній.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что экономическія отношенія должны стоять внѣ всякихъ законовъ, слѣдовательно, представлять анархію? Экономисты были далеки отъ подобной мысли. Они утверждали, напротивъ, что экономическія явленія управляются болѣе точными и болѣе разумными законами, чѣмъ всякія нормы, изобрѣтенныя государствомъ,—именно законами *естественными*. Экономическая жизнь имѣетъ своею исходною точкою личную дѣятельность каждаго человѣка, руководимую его *личнымъ интересомъ*. Но движеніе личныхъ интересовъ всѣхъ этихъ атомовъ общественнаго тѣла не рождаетъ

хаоса и безсмысленной борьбы, гдѣ одинъ поѣдаетъ другого. Экономическое производство, обмѣнъ, распредѣленіе—принимаютъ правильную форму подъ вліяніемъ условій спроса и предложенія, конкурренціи и т. д. Борьба личныхъ интересовъ, являющаяся въ глазахъ неопытнаго наблюдателя борьбою бездушныхъ эгоистовъ, при ближайшемъ изслѣдованіи приводитъ къ гармоніи интересовъ и къ осуществленію общаго блага.

Вся экономическая жизнь представляется, такимъ образомъ, рядомъ отношеній *отдѣльныхъ* производителей, которыхъ интересы приводятся къ гармоніи естественными экономическими законами. Поэтому государство, какъ представитель и охранитель *права*, должно имѣть въ виду только *исходную точку* этого процесса, т.-е. свободную человѣческую личность, которую оно и должно обезпечить въ ея юридическихъ правахъ. Другими словами—государство должно разсматривать весь строй экономическихъ отношеній какъ рядъ *частно-гражданскихъ* сдѣлокъ, возникающихъ на почвѣ свободно-осуществляемыхъ частныхъ интересовъ. Поэтому либеральная школа требуетъ отъ государства только *гражданскаго* права (jus privatum); но всякая тѣнь права публичнаго (jus publicum) изгоняется изъ этой области естественной свободы.

Естественная свобода была возвращена милліонамъ человѣческихъ существъ, и идеи 1789 года постепенно распространялись во всѣхъ концахъ западной Европы вплоть до 1848 года, когда съ политическою революціей столкнулась революція *соціальная*, и Ледрю-Ролленъ неожиданно не понялъ Луи-Блана. Что произошло въ теченіе этого періода? Повидимому, весь народъ принималъ участіе въ революціонныхъ движеніяхъ 1789 года и считалъ *своими* всѣхъ главныхъ вожаковъ революціи. Вся масса прониклась формулами деклараціи правъ, разрушала замки, гнала дворянство и духовенство, разрывала пергаменты, на коихъ изображены были „привилегіи", отмѣняла корпораціи и монополіи. Послѣ всей этой операціи, въ каждой странѣ оказывалось, что вся масса народонаселенія обращалась въ равныхъ и свободныхъ гражданъ, подчиненныхъ государству только въ отношеніи опредѣленій „мѣры свободы", и „естественнымъ законамъ" во всемъ остальномъ. Что же такое произошло? Какимъ образомъ этотъ великій народный океанъ, поглотившій всѣ старыя сословія, вдругъ снова оказался раздѣленнымъ на два враждебные элемента—на *буржуазію* и *рабочій классъ?*

Произошло то, что уже происходило давно. Въ минуту *разрушенія* всѣ элементы казались слитными и нераздѣльными. Но въ эпоху *организаціи* новаго общества выступила и новая сила, сила, отрѣшенная отъ всякихъ юридическихъ и политическихъ условій и дѣйствую-

щая по „естественнымъ законамъ", — сила *капитала*, на которую оперлась преобразованная буржуазія.

Такъ какъ намъ много придется говорить о преобразованной буржуазіи, то здѣсь небезполезно сказать нѣсколько словъ о значеніи этого термина. Мы встрѣчаемся съ буржуазіею, съ бюргерами, и въ средніе вѣка. Но старая буржуазія была совокупностью привилегированныхъ городскихъ корпорацій, общественное значеніе которыхъ опиралось на *юридическія* ихъ преимущества. Экономическое преобладаніе старой буржуазіи было послѣдствіемъ, главнымъ образомъ, извѣстнаго юридическаго порядка. Такая буржуазія была разрушена революціоннымъ движеніемъ, ея привилегіи были отмѣнены и корпораціи уничтожены. Современный буржуа самъ горячо ратуетъ противъ юридическихъ привилегій, противъ цеховыхъ монополій, противъ регламентаціи труда. Онъ хочетъ жить по естественнымъ экономическимъ законамъ, первое слово которыхъ есть свобода, а послѣднее — гармонія.

Мы не можемъ говорить о современной буржуазіи какъ о *сословіи*, отличенномъ отъ другихъ корпоративными правами и обязанностями. Современная буржуазія есть *классъ* общества, отличающійся отъ другихъ классовъ же количественно, а не качественно. Она опирается на фактическія преимущества капитала. Но это вліяніе есть также *фактъ*, а не привилегія въ юридическомъ смыслѣ. Затѣмъ и современный юридическій порядокъ есть послѣдствіе и выраженіе извѣстныхъ экономическихъ условій. Вотъ почему современный *соціализмъ* обращаетъ свои усилія на экономическую реформу, говоря о политикѣ на столько, на сколько это нужно для его главной цѣли.

Съ другой стороны, современный рабочій не есть средневѣковой ученикъ или подмастерье. Онъ не связанъ съ своимъ патрономъ ни корпоративными связями, ни цеховыми іерархическими отношеніями. Современный рабочій — свободный человѣкъ, обмѣнивающійся съ патронами экономическими услугами, по свободному договору и притомъ въ условіяхъ спроса, предложенія, конкурренціи и т. д. Одно и то же гражданское право защищаетъ какъ патрона, такъ и рабочаго въ ихъ „естественной свободѣ". Даже политическія привилегіи капитала падаютъ быстро. Рабочій участвуетъ въ Германіи и во Франціи во всеобщей подачѣ голосовъ, вотируетъ за своихъ кандидатовъ и можетъ провести ихъ въ парламентъ.

Итакъ, рабочій, въ политическомъ и юридическомъ смыслѣ, есть свободный человѣкъ, обмѣнивающійся услугами съ другимъ, такимъ же свободнымъ человѣкомъ, т.-е. съ патрономъ. Но гдѣ же черта, раздѣляющая буржуазію и рабочій классъ на два враждебные лагеря? Прежде она была такъ рѣзко обрисована, что каждый могъ сказать—

вотъ она! и могъ прибавить: сотрите эту черту и вы получите массу благоденствующаго народа. Но теперь эту черту нельзя уже открыть невооруженнымъ глазомъ.

Мы можемъ, правда, сказать, что различіе между буржуазіею и рабочими классами есть различіе между богатыми и бѣдными. Но такое различіе существовало во всѣ времена, во времена Хеопса такъ же, какъ и при Гамбеттѣ съ Ласкеромъ. Въ сущности, это объясненіе ничего не объясняетъ. Существо дѣла лежитъ именно въ объясненіи *причинъ* такого различія, а причины эти объяснялись разно въ различныя времена. Въ 1789 году говорили, что причина этого различія заключается въ сословныхъ привилегіяхъ и абсолютизмѣ. Что̀ скажутъ теперь, когда нѣтъ ни привилегій, ни абсолютизма, когда всѣ призваны одинаково къ достиженію своего благосостоянія?

Очевидно, что теперь причина неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ и зависимости низшихъ классовъ отъ высшихъ могла быть открыта только въ области экономическихъ отношеній, въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ рабочій *предлагаетъ* свой трудъ хозяину, а послѣдній *пользуется* этимъ трудомъ.

Съ юридической точки зрѣнія, отношеніе между свободнымъ рабочимъ и его свободнымъ нанимателемъ опредѣляется какъ отношеніе *договорное*—do ut facias. Съ точки зрѣнія либеральной экономіи, трудъ рабочаго является нѣкоторымъ *товаромъ*, предлагаемымъ на общественномъ рынкѣ и подчиненнымъ только естественнымъ условіямъ спроса-предложенія и конкурренціи.

Что̀ можетъ быть проще подобнаго объясненія? Но мы увидимъ, что на дѣлѣ оно не такъ просто, что, напротивъ, рабочій вопросъ заключаетъ въ себѣ много „моментовъ" простыхъ и сложныхъ, вызывающихъ законодательное вмѣшательство, приводящихъ къ столкновеніямъ и наталкивающихъ на революціонныя попытки.

Подобно тому, какъ *политическое* движеніе прежняго времени представляло нѣсколько партій — консервативныхъ, умѣренныхъ и крайнихъ, — такъ и въ рабочемъ движеніи мы видимъ рядъ оттѣнковъ между Шульце-Деличемъ и Геделемъ съ Нобилингомъ. Мы разсмотримъ эти элементы рабочаго вопроса въ слѣдующей главѣ. Теперь, въ заключеніе, должно указать на нѣкоторыя условія, осложнившія этотъ вопросъ.

IV.

Экономическій строй современной Европы явился результатомъ попытки оставить экономическую жизнь *безъ юридической организаціи* ея участниковъ. Прежняя корпоративная связь между мастерами,

обратившимися въ патроновъ, и подмастерьями съ прочимъ рабочимъ людомъ—пала. Воспоминанія о старомъ порядкѣ, только-что разрушенномъ, были такъ живы, что даже революціонное правительство во Франціи строго преслѣдовало образованіе всякихъ товариществъ между рабочими, усматривая въ этихъ товариществахъ воспроизведеніе „феодальныхъ" корпорацій. Между тѣмъ, либеральное законодательство было безсильно противъ реальныхъ условій экономической жизни, которыя привели къ *обособленію* рабочихъ классовъ и вызвали въ нихъ стремленіе къ новой *организаціи*

Во-первыхъ, нельзя не обратить вниманія на то, что масса рабочаго населенія значительно увеличилась какъ вслѣдствіе возраставшаго преобладанія крупной собственности во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы и обезземеленія массы народонаселенія, такъ и вслѣдствіе быстраго роста промышленныхъ предпріятій. Въ царствующей странѣ промышленнаго міра, въ Англіи, количество городского населенія переросло количество сельскаго; во Франціи и въ Пруссіи промышленное народонаселеніе достигло уже свыше 30% народонаселенія земледѣльческаго, и приростъ продолжается въ большихъ пропорціяхъ. Далѣе, нельзя не видѣть того важнаго обстоятельства, что новыя *условія* производства содѣйствуютъ централизаціи промышленности, уменьшая число мелкихъ предпріятій и привлекая массы рабочихъ въ фабричные центры.

Изобрѣтеніе и быстрое усовершенствованіе машинъ сдѣлало весьма трудными мелкія предпріятія въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности. Съ одной стороны, предварительныя затраты по устройству фабрикъ или заводовъ недоступны мелкимъ капиталистамъ; съ другой—крупное и машинное производство, удешевляя продукты, дѣлаетъ невозможнымъ конкурренцію съ нимъ мелкой промышленности. Отсюда всеобщее явленіе:—мелкіе промышленники уступаютъ мѣсто крупнымъ „домамъ"; дома, въ свою очередь, принуждены сливаться въ еще крупнѣйшія общества; наконецъ, нѣкоторыя изъ современныхъ предпріятій недоступны мелкимъ капиталистамъ и по громадности предварительныхъ затратъ (желѣзныя дороги, газовое освѣщеніе, водоснабженіе и т. д.).

Вмѣстѣ съ сосредоточеніемъ фабричнаго производства, въ фабричные центры потянулись массы рабочихъ, оторванныхъ отъ дома вслѣдствіе двухъ причинъ: во-первыхъ, вслѣдствіе централизаціи производства, они могутъ получить работу только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; во-вторыхъ, вслѣдствіе замѣны ручного труда машинными операціями, рабочіе не могутъ производить пряжу, ткать и т. д. по домамъ, какъ они это дѣлали прежде по заказу патрона. Они должны проводить свой рабочій день при машинахъ, т.-е. на фабрикѣ. Мно-

жество рабочаго люда, прежде разбросаннаго и занятаго въ многочисленныхъ мѣстностяхъ, теперь собирается въ компактныя массы, связанныя общими интересами и, какъ мы увидимъ ниже, готовыя повиноваться сигналу своихъ вожаковъ. Фабрики и заводы обращаются въ порядочныя казармы и даже въ военныя поселенія съ 4-мя, 5-ю и даже 10-ю тысячами человѣкъ промышленной арміи.

Въ Англіи, напримѣръ, по одному фабричному производству, не считая другихъ промысловъ, въ 1870 году имѣлось 6,811 фабрикъ, состоявшихъ подъ наблюденіемъ правительства. На этихъ фабрикахъ дѣйствовало 41.051,079 веретенъ, 610,010 паровыхъ станковъ, въ 478,484 лошадиныя силы и 907,249 рабочихъ. Стало быть, на каждую фабрику *среднимъ* числомъ приходилось слишкомъ 133 рабочихъ.

Въ Пруссіи, по исчисленію 1875 года, сообщенному докторомъ *Энгелемъ*, имѣлось по всѣмъ отраслямъ промышленности 1.799,601 предпріятіе. Изъ нихъ на мелкую промышленность (т.-е. на предпріятія съ пятью и меньшимъ числомъ рабочихъ и служащаго персонала) приходилось предпринимателей 1.301,421 мужского и 329,067 женскаго пола, помощниковъ, рабочихъ и учениковъ 2.246,959; на крупныя предпріятія (свыше пяти рабочихъ и проч. служащихъ), общимъ числомъ приходилось 43,513 предпринимателей, 48,633 м. п. и 1,576 ж. п., и 1.378,959 рабочихъ и прочихъ служащихъ. Такимъ образомъ, общее число рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ промыслахъ, было меньше занятыхъ въ мелкихъ. Но, во-первыхъ, процентное отношеніе предпринимателей къ рабочимъ въ тѣхъ и другихъ значительно разнится. Между тѣмъ какъ въ первомъ разрядѣ приходится менѣе чѣмъ два рабочихъ на предпринимателя, во второмъ ихъ приходится *среднимъ* числомъ около 27½. Но это среднее число не даетъ еще понятія о конкретномъ, такъ-сказать, распредѣленіи рабочихъ по фабрикамъ. Именно, изъ 43,513 предпріятій пользовались:

Число предпріятій.	Число рабочихъ.
17,685	отъ 6— 10
20,474	„ 11— 50
1,362	„ 51— 200
905	„ 201 —1000
87	свыше 1000.

Во-вторыхъ, должно обратить вниманіе, что въ крупныхъ предпріятіяхъ, кромѣ постоянныхъ рабочихъ, было занято еще временно въ теченіе 1875 года 1.407,447 лицъ, что значительно увеличитъ массу, съ которою проходится имѣть дѣло предпринимателямъ.

Итакъ, подобно тому, какъ во времена феодализма рыцарскіе замки группировали подлѣ себя промышленный и земледѣльческій людъ, какъ во время регламентированныхъ монополій „привилеги-

рованныя“ корпораціи собирали подъ свое крыло учениковъ, подмастерьевъ и рабочихъ,—такъ теперь фабрика или заводъ являются „организаціоннымъ“ элементомъ новаго промышленнаго общества. Изъ общей массы свободныхъ и равноправныхъ атомовъ общественнаго тѣла выдѣлились болѣе сильные атомы, съ необыкновенною силою притяженія, и потянули къ себѣ легковѣсную мелкоту. Притомъ это притяженіе теперь отличается особыми свойствами. И прежде, рядомъ съ центростремительными силами, дѣйствовали силы центробѣжныя. И прежде, вмѣстѣ съ притяженіемъ къ феодальнымъ замкамъ, развивались чувства „противоположенія“, питавшія городской классъ и породившія возстаніе общинъ. Но прежде центровъ было множество, а потому и центробѣжныя и центростремительныя силы дѣйствовали на множествѣ разныхъ мѣстъ и въ довольно ограниченномъ пространствѣ. Теперь всѣ эти вотчины и общины собраны въ громадныя политическія тѣла, съ десятками милліоновъ народонаселенія, сознающихъ свое политическое единство. Поэтому теперь „раздѣляются“ уже не тысячи жителей какого-нибудь Амьена или Нюренберга, а милліоны, населяющіе Францію, Англію или Германію. Теперь противопоставлены другъ другу вся буржуазія—съ одной, и *весь* рабочій классъ—съ другой стороны, сотни тысячъ—противъ милліоновъ.

Но особенно характеристичнымъ является то обстоятельство, что ни эти сотни тысячъ предпринимателей, ни эти милліоны рабочихъ, въ классическіе годы „экономической свободы“ не имѣли общественной организаціи. Въ каждомъ предпріятіи *одинъ* имѣлъ дѣло съ *однимъ* же, взятымъ въ одиночку, и эти одиночныя отношенія должны были регулироваться только общими постановленіями гражданскаго права, нормирующаго именно дѣятельность одиночнаго человѣка, и естественными экономическими законами. Въ какой мѣрѣ эти условія были практически примѣнимы, мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЭЛЕМЕНТЫ РАБОЧАГО ВОПРОСА.

I.

Мы уже замѣтили, что рабочій вопросъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нѣкоторое слитное понятіе, не допускающее подраздѣленій и оттѣнковъ. Умъ, не способный къ анализу, понимаетъ

подъ рабочимъ вопросомъ такое соотношеніе двухъ враждебныхъ сословій, при которомъ рабочіе, вооружась пистолетами, кинжалами и факелами, желаютъ раздѣлить собственность буржуазіи, а послѣдняя принуждена заряжать пушки для защиты своей жизни и собственности. Къ сожалѣнію, должно сказать, что тѣ понятія о „соціальномъ вопросѣ", какія можно получить изъ *русской* привозной литературы, способны утвердить въ такомъ взглядѣ. Мы увидимъ, однако, впослѣдствіи, какое мѣсто занимаетъ „русское соціальное ученіе" въ общемъ ходѣ соціальнаго движенія. Но для того, чтобы понять существо *нашего* соціализма, мы должны разложить, съ безпристрастіемъ спокойнаго наблюдателя, рабочій вопросъ на его составные элементы, понять, въ чемъ состоятъ законныя и осуществимыя требованія труда и гдѣ начинаются опасныя стремленія его— опасныя не только для существующаго порядка вещей, но и для *элементарныхъ* условій человѣческаго общежитія, какова бы ни была его форма. Кромѣ того, мы должны указать и на различные способы рѣшенія рабочаго вопроса, ибо этотъ вопросъ есть практическая задача, надъ рѣшеніемъ которой трудится много силъ и партій. Соціализмъ далеко не есть *самъ рабочій вопросъ*: онъ отличается отъ него такъ, какъ вообще *задача* отличается отъ способовъ ея рѣшенія. Берлинскій конгрессъ *рѣшилъ* восточный вопросъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такое рѣшеніе было наилучшее и чтобы чрезъ нѣсколько времени не понадобилось иного.

Поэтому не мѣшаетъ, по многимъ причинамъ, предостеречь отъ отождествленія рабочаго вопроса съ соціализмомъ. Вообще говоря, каждый человѣкъ, принимающій близко къ сердцу судьбу низшихъ классовъ населенія и интересы рабочаго люда въ его отношеніи къ предпринимателямъ, часто безцеремоннымъ, можетъ заслужить названіе *соціалиста*. Когда русскій публицистъ негодуетъ на обращеніе съ русскими погонцами въ Румыніи, то сторонники недобросовѣстныхъ подрядчиковъ легко могутъ обвинить его въ соціализмѣ. Въ этомъ смыслѣ, названіе соціалиста можетъ быть примѣнено даже къ тому лицу, который началъ теперь отчаянную борьбу противъ нѣмецкой соціальной демократіи, именно къ князю *Бисмарку*.

Именно въ 1865 году, когда прусская нижняя палата была занята вопросомъ о рабочихъ сообществахъ (Coalitionen), министерство, вмѣстѣ съ консерваторами, желало разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу рабочихъ, при сильнѣйшемъ сопротивленіи со стороны либераловъ и прогрессистовъ. Тогда же, либералъ и позитивистъ *Твестенъ* воскликнулъ, что „консервативная партія покровительствуетъ коммунистической агитаціи и желала бы соединиться съ крайней лѣвой, чтобы подавить либераловъ". „Мы можемъ,—сказалъ онъ

дальше,—помочь нѣсколькимъ рабочимъ, но не сословію". Но еще характеристичнѣе другой эпизодъ изъ той же борьбы. Бисмаркъ допустилъ къ королю депутацію рабочихъ съ фабрики Рейхенгейма, либерала, и король пожаловалъ имъ нѣкоторую сумму денегъ для основанія ассоціаціи. Это вызвало страшную бурю въ либеральномъ лагерѣ, и воинственный Рейхенгеймъ обозвалъ рабочихъ „лжецами", а Бисмарка устроителемъ „политическихъ пуффовъ". Нечего говорить, что Бисмаркъ не остался въ долгу и обрушился на Рейхенгейма всею силою своего краснорѣчія. Его рѣчь [1]) замѣчательна во многихъ отношеніяхъ, но мы ограничимся однимъ мѣстомъ, именно отвѣтомъ на упрекъ за *допущеніе* депутаціи къ королю.

„По какому праву, спрашиваю я, преградилъ бы я этимъ людямъ путь къ трону? Изъ того, что я слышалъ изъ вчерашняго заявленія г. депутата (Рейхенгейма), мнѣ почти кажется, что корона нуждается въ *оправданіи* предъ нимъ, когда она преклоняетъ ухо къ голосу бѣдности. Но прусскіе короли никогда не были предпочтительно *королями богатыхъ*. Уже Фридрихъ II, будучи кронпринцемъ, сказалъ: Quand je serai roi, je serai un vrai roi de gueux, королемъ неимущихъ,—и онъ принялъ на себя защиту бѣдности. Это начало практиковалось нашими королями и впослѣдствіи. У ихъ трона всегда были выслушиваемы и находили прибѣжище страданія, рождавшіяся при такихъ условіяхъ, гдѣ *писанный законъ становился въ противорѣчіе съ естественнымъ человѣческимъ правомъ*. Наши короли осуществили освобожденіе крѣпостныхъ, они создали цвѣтущее крестьянское сословіе. Можетъ быть, имъ удастся—серьезныя стремленія къ тому на лицо—помочь улучшенію быта рабочихъ. Но заграждать жалобамъ рабочихъ доступъ къ трону, по моему мнѣнію—путь неправильный, и я не имѣю къ тому призванія. Можно было бы предложить вопросъ: какъ *богата* должна быть депутація, чтобы пріемъ ея королемъ не произвелъ на г. Рейхенгейма впечатлѣнія „пуффа?""

Послѣ такой рѣчи легко можно спросить: какимъ образомъ тотъ же Бисмаркъ сталъ на путь преслѣдованія соціальной демократіи? Мы найдемъ этотъ отвѣтъ ниже и не желаемъ забѣгать впередъ. Теперь достаточно указать, что Бисмаркъ признавалъ извѣстныя *законныя* требованія рабочихъ классовъ и, какъ показываетъ его рѣчь по поводу новаго закона противъ соціальной демократіи, признаетъ ихъ и *теперь*. Но въ отдѣленіи этого „законнаго" отъ „незаконнаго" состоитъ труднѣйшая обязанность науки и политики, и мы *никогда* не разрѣшимъ вопроса, если будемъ стоять на какой-нибудь исключительной точкѣ зрѣнія: на точкѣ ли зрѣнія „священныхъ правъ

---

[1]) *Reden*, изд. 1870, I, стр. 117 и слѣд.

труда", или „священныхъ правъ капитала". Всякое право, если оно дѣйствительно *право*,—священно и перестаетъ быть таковымъ, переступая свою границу. А всякое право обращается въ безправіе, когда охраняемый имъ *интересъ* претендуетъ на *исключительное* господство.

Приступая къ подробному анализу элементовъ рабочаго вопроса и соціальнаго движенія, мы предпошлемъ ему краткую классификацію, въ рубрики которой могутъ быть уложены всѣ элементы вопроса съ точки зрѣнія *объема требованій* рабочаго класса и его руководителей изъ лагеря соціалистовъ.

Во-первыхъ, рабочій вопросъ представляетъ извѣстную совокупность требованій, которыя могутъ и должны быть разрѣшены при совокупномъ дѣйствіи государства, рабочаго класса и самихъ предпринимателей путемъ мирнымъ, безъ насильственныхъ дѣйствій и безъ измѣненія государственнаго порядка, въ широкомъ смыслѣ этого слова (ибо частныя измѣненія формъ правленія въ томъ или другомъ государствѣ не могутъ быть принимаемы въ расчетъ и не свидѣтельствуютъ о ниспроверженіи государственности. Такъ, установленіе республики во Франціи, вмѣсто императорскаго режима, не только не повело къ торжеству соціализма, а скорѣе содѣйствовало ослабленію этого движенія).

Во-вторыхъ, рабочіе классы и ихъ руководители предъявляютъ такія требованія, осуществленіе которыхъ предполагаетъ рядъ насильственныхъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ и насильственныхъ политическихъ переворотовъ, хотя и не ведутъ къ ниспроверженію государства *вообще*, какъ извѣстной исторической формы человѣческаго общежитія. Существенный признакъ этихъ требованій, опредѣляющій вмѣстѣ съ тѣмъ *насильственность* ихъ осуществленія, состоитъ въ томъ, что организующимъ интересомъ новаго общества и государства предполагаютъ сдѣлать исключительно *трудъ*, въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ рабочіе классы и ихъ руководители.

Третій, наконецъ, разрядъ требованій можетъ осуществиться только подъ условіемъ совершеннаго отрѣшенія отъ *всякихъ* формъ *государственности* и организаціи общества на *коммунистическихъ* началахъ.

Понятно само собою, что только два послѣдніе разряда могутъ быть подведены подъ понятіе *соціальной революціи*. Понятно также, что развитія перваго и двухъ послѣднихъ разрядовъ находятся въ обратномъ отношеніи. Чѣмъ больше дѣлается на почвѣ законныхъ требованій, тѣмъ больше съуживается почва „соціальной революціи" и соціальной утопіи. Нагляднымъ тому примѣромъ служитъ Англія. Повидимому, нигдѣ нѣтъ такой почвы для развитія соціалистическаго движенія, какъ тамъ; нигдѣ промышленность не достигла такого

развитія и поземельная собственность не сосредоточилась въ столь немногихъ рукахъ, какъ тамъ. Между тѣмъ соціализмъ въ Англіи держится, главнымъ образомъ, на практической почвѣ, и событія парижской коммуны немыслимы въ Лондонѣ.

Представленная выше классификація послужитъ намъ руководствомъ при разсмотрѣніи отдѣльныхъ элементовъ рабочаго вопроса и требованій соціальныхъ партій. Съ точки зрѣнія практической, эти требованія могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: требованія политическія и требованія экономическія.

Политическія требованія сводятся прежде всего къ требованію участія рабочихъ въ политической жизни, коротко говоря,—къ расширенію избирательнаго права. Нельзя не признать законность этого требованія. Можно спорить о томъ—должно или не должно общество участвовать въ законодательствѣ и вліять на государственное управленіе. Но когда европейскія конституціи рѣшили этотъ вопросъ въ *положительномъ* смыслѣ, изъятіе рабочихъ классовъ отъ избирательнаго права принципіально явилось несправедливостью. Благодаря этому исключенію, посредствомъ высокаго избирательнаго ценза, страна раскололась на два класса: политически полноправное меньшинство и политически безправное большинство,—и меньшинство явилось политическою властью надъ массою народонаселенія.

Но этотъ упрекъ, для главныхъ государствъ Европы, не имѣетъ уже мѣста или вовсе, или въ прежнемъ объемѣ. Во Франціи и Германіи восторжествовала система всеобщей подачи голосовъ; въ Англіи, закономъ 1867 г., избирательное право чрезвычайно расширено; Италія находится наканунѣ всеобщаго голосованія. Поэтому преобладающее значеніе имѣютъ теперь вопросы экономическіе.

Объектомъ экономическаго движенія является *трудъ* рабочаго, поставленнаго въ извѣстныя отношенія къ предпринимателю или вообще къ хозяйственнымъ предпріятіямъ. Стало быть, рѣчь идетъ объ извѣстной массѣ лицъ, которыя могутъ предлагать на общественномъ рынкѣ *только* свой личный трудъ, слѣдовательно, не имѣютъ опоры въ собственномъ хозяйствѣ или въ собственномъ предпріятіи, но привлекаются къ *чужому* хозяйству и предпріятію, въ качествѣ одного изъ элементовъ производства. Какъ опредѣлить отношеніе этой массы къ другой массѣ, дающей ей занятіе? Мы видѣли, что, съ отвлеченной точки либеральной экономіи, это отношеніе опредѣлялось просто. Юридически, отношеніе между предпринимателемъ и рабочимъ опредѣлялось свободно заключеннымъ договоромъ. Экономически, трудъ рабочаго является *товаромъ*, предлагаемымъ на рынкѣ, въ общихъ экономическихъ условіяхъ спроса—предложенія и конкурренціи.

Но ежедневный опытъ и внимательный анализъ условій труда показалъ, что эти отношенія не такъ „просты". Послѣ долголѣтняго изслѣдованія обнаружились нѣкоторые отличительные признаки этого „товара", отдѣляющіе его отъ булокъ, „предлагаемыхъ" хлѣбопекомъ, сукна, „предлагаемаго" купцомъ, и т. д. Эти отличительные признаки могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ, практическое и историческое значеніе которыхъ мы увидимъ ниже:

1. Трудъ рабочаго не можетъ быть отдѣленъ отъ его *личности*, въ томъ смыслѣ, что размѣръ его труда (число рабочихъ часовъ), условія труда (ночная работа, тѣсное помѣщеніе, дурная пища и т. д.) неотразимо вліяютъ на физическое, нравственное и умственное развитіе какъ самого рабочаго, такъ и его потомства. Безконтрольное „предложеніе труда" можетъ привести къ тому результату, что въ государствѣ начнется вырожденіе цѣлыхъ классовъ народонаселенія (Брентано).

2. Трудъ рабочаго является единственнымъ средствомъ его существованія, а потому нуждается въ постоянномъ помѣщеніи. Трудъ, не „помѣщенный" сегодня, пропадаетъ даромъ и не можетъ быть вознагражденъ ничѣмъ. Непомѣщенный рабочій день вычеркивается безслѣдно (Торнтонъ). Правда, трудъ раздѣляетъ это свойство съ нѣкоторыми другими „предметами". Такъ, домохозяинъ, не сдавшій одну изъ квартиръ, терпитъ чистый убытокъ. Но свойство труда получаетъ особенное значеніе въ рабочемъ вопросѣ, именно въ предположеніи, что рабочій получаетъ средства къ жизни только отъ своего дневного труда.

3. Трудъ рабочаго поставленъ въ своеобразныя условія относительно опредѣленія способовъ его *вознагражденія*. Общее экономическое положеніе рабочаго видоизмѣняетъ фактическія условія формальной свободы опредѣленія размѣра платы за его трудъ и ставитъ его въ зависимость отъ многихъ внѣшнихъ фактовъ, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ *низкій размѣръ* задѣльной платы и ея *колебаніе*.

4. Трудъ привлекается къ *производству* въ качествѣ одного изъ элементовъ послѣдняго. Вся совокупность цѣнностей, вышедшихъ изъ извѣстнаго предпріятія, создана при его участіи. Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ о степени его участія въ *прибыли* предпріятія. Долженъ ли онъ довольствоваться одною задѣльною платою, т.-е. вознагражденіемъ за извѣстное число механическихъ движеній при машинахъ, или требовать себѣ опредѣленной доли въ барышѣ? Вотъ, конечно, самый жгучій, самый трудный изъ вопросовъ современнаго рабочаго движенія. Вопросъ жгучій—потому что онъ подаетъ поводъ къ самымъ неумѣреннымъ требованіямъ. Трудный — потому, что выдѣлить изъ общаго барыша справедливую долю рабочаго затрудни-

тельно, и потому, что съ нимъ связанъ вопросъ о предпринимательномъ рискѣ.

Таковы главные пункты рабочаго вопроса, которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, послужили мотивомъ къ сложнымъ явленіямъ и дѣйствіямъ въ практической жизни.

II.

Начала либеральнаго производства получили свое примѣненіе *фактически* раньше французской революціи — особенно въ Англіи. Замѣчательно, что новыя фабрики, въ современномъ смыслѣ этого слова, основывались *внѣ* городовъ и, во всякомъ случаѣ, внѣ городовъ, подчиненныхъ дѣйствіямъ старыхъ цеховыхъ уставовъ.

Это и не удивительно. Развитіе фабрично-машиннаго производства, требовавшаго бо́льшаго количества рабочихъ рукъ и бо́льшей свободы отношеній предпринимателей къ рабочимъ, не могло имѣть мѣста въ старыхъ городахъ. Тамъ каждый предприниматель подчинялся строгимъ правиламъ устава, опредѣлявшимъ число учениковъ и подмастерьевъ, которое онъ могъ держать, и число рабочихъ часовъ, которымъ онъ могъ пользоваться; тамъ наемная плата опредѣлялась таксой, установляемою или городскимъ начальствомъ, какъ въ Германіи, или мировымъ судьей, какъ въ Англіи. Таксы эти были обыкновенно стѣснительны, какъ для предпринимателей, такъ и для рабочихъ. Иное дѣло — внѣ города. Здѣсь предпріимчивости данъ полный просторъ. Предприниматель властенъ привлекать къ себѣ неограниченное число рабочихъ и опредѣлять свои отношенія къ нимъ по свободному соглашенію. Дѣйствительно, крупные промышленные центры въ Англіи возникли по большей части изъ незначительныхъ поселковъ и выросли до громадныхъ размѣровъ по количеству промышленнаго люда. „Промышленность“ ждала отмѣны законовъ объ ученичествѣ (утвержденныхъ Елисаветою), чтобы распространить свои нравы повсемѣстно (1814 г.).

То же видимъ мы и во Франціи. „На востокѣ, сѣверѣ и въ центрѣ Франціи, — говоритъ Леруа-Болье, — имѣются значительныя агломераціи, образовавшіяся вокругъ нѣсколькихъ большихъ установленій. Въ этихъ мѣстностяхъ буржуазія, такъ-сказать, отсутствуетъ. Нѣтъ ни трибуналовъ, ни должностныхъ лицъ, ни богатыхъ собственниковъ, ни старыхъ зажиточныхъ семействъ, которыя пріобрѣли бы себѣ неоспоримый авторитетъ своею честностью и вѣковымъ трудомъ. Тысячи рабочихъ, нѣсколько сотенъ мелкихъ торговцевъ, удовлетворяющихъ привычкамъ, часто непочтеннымъ, директоры и служебный

персоналъ заводовъ — вотъ все, что заключаютъ въ себѣ эти новые города". Дѣйствительно, „новый міръ!"

Новый міръ предполагаетъ и новыя явленія. Конечно, въ числѣ этихъ новостей должно назвать неимовѣрное развитіе промышленности и вывозной торговли, а слѣдовательно, и возвышеніе общей цифры національнаго богатства. Но рядомъ съ этимъ возникли и другія отношенія, породившія тревогу какъ въ промышленномъ мірѣ, такъ и въ цѣломъ государствѣ.

Трудъ сталъ стекаться въ новые центры въ большихъ размѣрахъ. Но способы пользованія этимъ трудомъ и отношенія его къ предпринимателямъ не были приведены въ ясность.

Во-первыхъ, въ трудовой массѣ, привлекаемой на фабрики, иногда не добровольно, оказалась значительная доля *женскаго* и *дѣтскаго* труда, а такъ какъ пользованіе трудомъ означаетъ въ то же время и пользованіе трудовою личностью, то „общество" скоро увидѣло, какъ фабричный трудъ вообще дѣйствуетъ на дѣтей, а извѣстные виды этого труда — и на женщинъ. Общество увидѣло, какъ на этихъ фабрикахъ растутъ поколѣнія, притупляемыя механическимъ трудомъ, какъ разрушается здоровье молодыхъ существъ, какъ, „сростаясь" съ машинами, подобно тому, какъ Квазимодо сросся съ своимъ любимымъ колоколомъ на церкви Парижской Богоматери, они растутъ безъ всякихъ понятій объ окружающемъ человѣка мірѣ. Оно увидѣло, какъ разрушается семейный бытъ рабочаго, когда вслѣдъ за нимъ пошла на фабричную работу его жена и мать его дѣтей, какъ надрывалось здоровье этой матери, рождавшей худосочныхъ дѣтей и бросавшей ихъ на произволъ судьбы, пока они не умрутъ или не подростутъ для „фабричной" работы, которая также заморитъ ихъ въ юномъ возрастѣ.

Не станемъ приводить здѣсь фактовъ, обрисовывающихъ положеніе этихъ двухъ видовъ труда. Они достаточно описаны и переописаны, чтобы намъ нужно было прерывать наше теоретическое изложеніе фактическими разсказами. Но характеристическая особенность этихъ „трудовъ" состояла въ томъ, что къ нимъ не примѣнялся принципъ „свободнаго соглашенія". Особенно это должно сказать относительно труда дѣтскаго. Первоначально дѣти какъ бы покупались англійскими фабрикантами у приходовъ, у коихъ они находились на попеченіи въ качествѣ „бѣдныхъ". Потомъ „свободный договоръ" вступилъ въ свои права, но онъ заключался, разумѣется, съ родителями, *отдававшими* своихъ дѣтей на фабрику. Ясно само собою, что женскій и дѣтскій трудъ могъ быть регулированъ только государственными законами, берущими подъ свое покровительство тѣхъ, кто не можетъ самъ оказать себѣ защиты и состоитъ подъ чужою властью.

Но и въ положеніи взрослыхъ рабочихъ имѣлись извѣстныя черныя точки, также требовавшія извѣстныхъ нормъ. Въ данномъ случаѣ опять не слѣдуетъ забывать, что пользованіе личнымъ трудомъ человѣка является неизбѣжно пользованіемъ самою его *личностью*; что, слѣдовательно, этимъ путемъ установляется извѣстная *власть* хозяина надъ рабочимъ и извѣстная *зависимость* послѣдняго отъ перваго. Этотъ простой и неизбѣжный фактъ влечетъ за собою много послѣдствій прямыхъ и косвенныхъ. Во-первыхъ, современный рабочій трудъ совершается на фабрикахъ, т.-е. въ извѣстныхъ фабричныхъ *помѣщеніяхъ*. Ясно само собою, что рабочій долженъ провести опредѣленное число часовъ въ опредѣленной атмосферѣ, дышать воздухомъ, составъ котораго отъ него не зависитъ, подвергаться дѣйствію вредныхъ испареній, что неизбѣжно въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности, и т. д. Коротко говоря, жизнь и здоровье рабочаго поставляются въ зависимость отъ суммы извѣстныхъ *гигіеническихъ* условій на данной фабрикѣ, которой онъ предложилъ свой трудъ. Этого мало. При современныхъ условіяхъ труда, рабочій долженъ проводить всю жизнь свою *при* фабрикѣ, т.-е. не только работать въ фабричномъ помѣщеніи, но и свободное свое время, свою домашнюю жизнь устроить при заведеніи. Мы знаемъ, что большія фабричныя учрежденія устраивались, да и теперь устраиваются, внѣ городовъ, а потому жилье для рабочихъ устраивалось при этихъ мѣстахъ. Какъ будетъ помѣщенъ рабочій, и не только онъ самъ, но и его семья? Какимъ количествомъ воздуха будетъ онъ располагать, какое количество свѣта проникнетъ въ его покои, будетъ ли его помѣщеніе сухо или оно сдѣлается гнѣздомъ лихорадокъ и тифовъ?—вопросы не безразличные, особенно послѣ того времени, какъ промышленные центры разрослись въ громадные города, а промышленность наводнила и города старые.

Что происходило въ этихъ „центрахъ промышленности“ до того времени, какъ англійское законодательство взялось за санитарную часть, свидѣтельствуетъ Леонъ Фоше. Въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ средняя продолжительность человѣческой жизни понизилась до 17-ти лѣтъ. Это обстоятельство находится въ тѣсной связи съ помѣщеніемъ рабочихъ. „Рабочіе живутъ въ тѣсныхъ дворахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, наполненными всякою нечистотою, гдѣ воздухъ, никогда не перемѣняющійся, зараженъ вредными испареніями; часто—въ подвалахъ. Подвалы эти такъ низки, что человѣкъ не можетъ въ нихъ стоять прямо; въ нихъ нѣтъ ни оконъ, ни половъ, такъ что здѣсь господствуютъ мракъ, сырость и зловоніе“.

Въ 1843 г. была учреждена королевская слѣдственная комиссія для изученія этого вопроса. Она пришла къ слѣдующимъ неутѣши-

тельнымъ результатамъ. „Города не представляютъ хорошихъ санитарныхъ условій, ибо: 1-е, они не обладаютъ дренажами для осушенія домовъ и улицъ; 2-е, улицы, площади и проходы плохо вымощены; 3-е, нечистоты и вредные предметы не вычищаются; 4-е, вездѣ чувствуется недостатокъ хорошей воды; 5-е, дома устроены вообще дурно и не обладаютъ вентиляціею".

Вотъ новый рядъ „условій", не устранимыхъ безъ законодательнаго вмѣшательства. Затѣмъ рабочій, получающій задѣльную плату, можетъ быть поставленъ въ такія условія, что вознагражденіе это будетъ сведено къ ничтожнымъ размѣрамъ. Предположимъ, что хозяинъ принялъ на себя обязанность снабженія рабочихъ своей фабрики или своего завода разными предметами для ихъ домашняго обихода, и для этой цѣли открылъ лавку. Чего лучше? Но горькій опытъ показалъ, къ чему ведутъ подобныя предпріятія. Оказывается, что рабочіе обыкновенно *обязаны* обращаться къ хозяйской лавкѣ, не смѣя обращаться къ постороннимъ торговцамъ. Этимъ путемъ рабочіе „снабжаются" и худшимъ, и болѣе дорогимъ товаромъ къ явному ихъ ущербу. Сверхъ того, рабочіе, не имѣя наличныхъ денегъ, обыкновенно кредитуются въ хозяйской лавкѣ, а этотъ „кредитъ" приводитъ къ тому, что рабочіе, къ концу мѣсяца, не только ничего не получаютъ изъ своей задѣльной платы, но еще оказываются должными хозяину. Но „лавки"—невинное предпріятіе сравнительно съ „питейными заведеніями", открываемыми хозяевами. Здѣсь рабочіе спаиваются, спаиваются „въ кредитъ", оставляя Бахусу, въ видѣ хозяина, не только задѣльную плату, но и пожитки свои.

Этихъ примѣровъ достаточно для указанія той почвы, на которой должно было развиться и развилось государственное законодательство, касающееся положенія рабочаго класса. Во главѣ различныхъ законодательствъ находится, конечно, англійское. Здѣсь уже выработана опредѣленная система, съ извѣстными руководящими принципами. Именно, англійское законодательство полагаетъ различіе между трудомъ лицъ несамостоятельныхъ (дѣти, женщины) и трудомъ лицъ самостоятельныхъ и взрослыхъ. Первая категорія лицъ взята государствомъ подъ его непосредственную защиту. Интересы второй категоріи ограждаются мѣрами косвенными, устраняющими извѣстныя злоупотребленія.

Женскій и дѣтскій трудъ *регламентированы* закономъ. Опредѣленъ возрастъ, съ котораго дѣти могутъ быть отдаваемы на фабрику, опредѣлены роды работъ, на которыя не могутъ быть употребляемы дѣти и женщины, ограничено число рабочихъ часовъ, воспрещена ночная работа, приняты мѣры для доставленія элементарнаго образованія дѣтямъ школьнаго возраста, и т. д. Для инте-

ресовъ взрослыхъ рабочихъ служатъ: образцовое санитарное законодательство и воспрещеніе такихъ хозяйскихъ предпріятій, которыя открываютъ путь къ злоупотребленіямъ; приняты мѣры и для огражденія расчетовъ рабочаго съ хозяиномъ.

Прочія европейскія законодательства, уступая англійскому, идутъ, однако, по той же дорогѣ, совершенствуясь съ каждымъ поколѣніемъ. Мѣры эти, встрѣченныя первоначально съ великимъ недовѣріемъ, какъ вторженіе въ сферу свободныхъ экономическихъ отношеній, получили теперь полное право гражданства. Ни одна европейская держава не можетъ себѣ представить промышленности безъ фабричнаго и заводскаго законодательства, безъ извѣстной совокупности нормъ, касающихся такихъ условій, гдѣ человѣкъ не можетъ быть предоставленъ самому себѣ, гдѣ провозглашеніе „личной свободы" было бы насмѣшкою надъ человѣческимъ достоинствомъ, надъ обществомъ и надъ элементарными нравственными понятіями.

Но всѣ указанные вопросы суть только преддверіе къ болѣе жгучимъ пунктамъ рабочаго вопроса. Къ указанію на эти пункты мы теперь и переходимъ.

III.

Рабочій можетъ быть поставленъ въ сносныя гигіеническія условія, можетъ быть обезпеченъ отъ злоупотребленій патроновъ и пользоваться содѣйствіемъ государства для воспитанія своихъ дѣтей и, несмотря на это, чувствовать всю необезпеченность своего положенія. Его средства существованія обезпечиваются единственно *задѣльною платою.* Надъ этимъ простымъ элементомъ умъ рабочаго трудится съ такимъ же вниманіемъ, какъ трудъ дипломата надъ рѣшеніемъ сложнаго политическаго вопроса. Въ дѣйствительности, это простое, повидимому, явленіе—задѣльная плата—содержитъ въ себѣ много затруднительныхъ пунктовъ.

Рабочій вознаграждается задѣльною платою потому, что онъ, какъ говорятъ, не участвуетъ въ предпріятіи съ его рискомъ, а приглашается къ исполненію извѣстныхъ механическихъ операцій надъ сырьемъ, при помощи машинъ, находящихся въ распоряженіи предпринимателя. Стало быть, онъ вознаграждается за механическую работу, производимую имъ въ теченіе опредѣленнаго числа часовъ. Остановимся пока на этомъ положеніи и разсмотримъ его послѣдствія.

Задѣльная плата есть опредѣленная и постоянная величина вознагражденія, за которое рабочій можетъ помѣщать свой трудъ. Но, во-первыхъ, возможность помѣщенія труда не обезпечивается и не можетъ быть обезпечена рабочему. Тутъ необходимо указать на полную несостоятельность того „права на трудъ", которое такъ шумно

было провозглашено въ 1848 году, съ учрежденіемъ пресловутыхъ „національныхъ мастерскихъ". Предполагая, что государство обратило всѣ существующія фабрики въ „національныя мастерскія", или что оно, выгнавъ настоящихъ ихъ владѣльцевъ, отдало ихъ въ распоряженіе рабочихъ, мы нисколько не разрѣшимъ вопроса. Ни одна страна не можетъ занять бо̀льшаго количества рабочихъ рукъ, чѣмъ этого требуютъ потребности ея производства, т.-е. возможность *сбыта* ея продуктовъ. Искусственное увеличеніе размѣровъ производства, съ цѣлью занятія наибольшаго количества рабочихъ рукъ, приведетъ къ излишку производства, т.-е. къ работѣ въ ничью, къ непроизводительному труду, вознаграждаемому, однако, изъ общественнаго достоянія. Какая же страна выдержитъ непроизводительное производство съ обязательнымъ вознагражденіемъ труда?

За всѣмъ тѣмъ вопросъ о непомѣщенномъ трудѣ имѣетъ чрезвычайное значеніе какъ для рабочаго класса, такъ и для всего государства. Непомѣщенный трудъ—это прежде всего лишенія, потомъ нужда, наконецъ, нищета цѣлыхъ массъ. Непомѣщенный трудъ ничѣмъ не можетъ быть вознагражденъ. Если я, получая средства къ существованію отъ своего дневного труда, вознаграждаемаго задѣльной платой, остался безъ работы сегодня, то я не вознагражу себя тѣмъ, что получу ее завтра. День пропалъ, и я долженъ покрыть вчерашнія издержки сегодняшнимъ заработкомъ, т.-е. раздѣлить свою дневную плату на два дня. Но „непомѣщеніе" можетъ продолжаться и дольше. Я могу, по болѣзни или по другимъ причинамъ, просидѣть безъ работы нѣсколько недѣль. Тогда мое существованіе можетъ быть обезпечено или предшествующими сбереженіями, если они есть, или чужою помощью, если ихъ нѣтъ. Возможность же сбереженій зависитъ прежде всего отъ того, какая доля задѣльной платы можетъ быть отдѣлена отъ издержекъ, необходимыхъ для дневного пропитанія, слѣдовательно, прежде всего, отъ высоты задѣльной платы, получаемой рабочимъ въ то время, когда его трудъ „помѣщенъ" [1]).

Отъ труда непомѣщеннаго, мы переходимъ, слѣдовательно, къ условіямъ труда помѣщеннаго. Чѣмъ опредѣляется размѣръ задѣльной платы, вознаграждающей помѣщенный трудъ? Съ формальной точки зрѣнія—свободнымъ соглашеніемъ предпринимателя съ рабочимъ. Но „свободное соглашеніе" характеризуетъ только послѣдній

---

[1]) Мы не останавливаемся здѣсь на помощи, оказываемой неимущимъ отъ государства (общественное призрѣніе). Здѣсь идетъ рѣчь объ условіяхъ самостоятельнаго дѣйствія рабочихъ классовъ. Государство выступаетъ только въ случаяхъ совершенной безпомощности лица, постоянной или временной.

актъ сдѣлки, форму, при которой оно получаетъ юридическій характеръ. Сказать, что отношенія между людьми опредѣляются договоромъ, значитъ опредѣлить, при какихъ условіяхъ сдѣлка считается *законною*, съ формально-юридической точки зрѣнія. Но терминомъ „свободное соглашеніе" нисколько не характеризуется фактическій процессъ возникновенія договора, а этотъ процессъ можетъ въ значительной мѣрѣ ограничить значеніе свободнаго соглашенія. Такъ, одна изъ договаривающихся сторонъ можетъ быть фактически поставлена въ возможность *предписывать* свои условія, а другая, по своему положенію, должна ихъ принять, за неимѣніемъ другого выбора. Такимъ образомъ, это фактически несвободное соглашеніе облечется въ форму свободнаго договора.

Нечего говорить, что въ первое время свободы промышленности размѣръ задѣльной платы опредѣлялся одностороннею волею предпринимателя, и въ рабочей средѣ возникали сожалѣнія о томъ времени, когда трудъ вознаграждался по таксѣ, установленной мѣстными властями.

Наконецъ, трудъ помѣщенъ, и рабочій можетъ расчитывать на задѣльную плату. Обезпечено ли его положеніе, даже если оставить въ сторонѣ случайныя несчастія, какъ, напримѣръ, болѣзнь? Оно было бы обезпечено при извѣстной устойчивости предпріятія, при извѣстной правильности веденія дѣла, дающей возможность предусматривать вѣроятные его результаты. Но кто можетъ сказать, что эти условія дѣйствительно существуютъ и, въ особенности, существовали въ золотые годы промышленной свободы?

Предпріятія возникали въ неограниченномъ размѣрѣ, подгоняемыя духомъ *спекуляціи*, безъ серьезнаго расчета, и лопались какъ мыльные пузыри; иногда предпріятія задумывались въ слишкомъ широкомъ размѣрѣ, и предприниматель вынуждался къ „сокращенію" производства; иногда онъ вовсе оставлялъ предпріятіе, какъ невыгодное, или прекращалъ его, желая отдохнуть отъ трудовъ. Легко понять, что всякое сокращенное, прекращенное или лопнувшее предпріятіе оставляло за собой тысячи рабочихъ рукъ, лишенныхъ труда. Въ 1875 году, напримѣръ, извѣстный заводъ Круппа, дававшій до тѣхъ поръ работу 16,000 рабочихъ, сократилъ свое производство и далъ отставку 8,000 лицъ. Кромѣ этихъ случаевъ, когда часть рабочихъ совершенно остается безъ дѣла, можно указать на рядъ другихъ, когда предприниматель вынужденъ прибѣгнуть къ *уменьшенію* задѣльной платы. Предприниматель запутывается въ дѣлахъ, не можетъ свести концовъ съ концами—онъ долженъ уменьшить задѣльную плату; внѣшнія обстоятельства ограничиваютъ сбытъ произведеній, въ странѣ оказывается излишекъ продуктовъ—новое умень-

шеніе задѣльной платы; неурожай или другія обстоятельства повышаютъ цѣну на сырье, и это повышеніе отзывается на той же задѣльной платѣ.

Итакъ, прекращеніе работы или *колебанія* задѣльной платы—таковы двѣ опасности, постоянно грозящія „помѣщенному" труду. Легко также замѣтить, что, во всѣхъ этихъ случаяхъ, рабочій, не принимая участія въ предпріятіи и не имѣя надъ нимъ никакого контроля, не можетъ *предусмотрѣть* опасности, а тѣмъ болѣе *предупредить* ее. Какъ снѣгъ на голову, являются эти банкротства, эти прекращенія и сокращенія производства, это „несведеніе концовъ съ концами", это возвышеніе цѣнъ на сырье и т. д. Всѣ эти казусы въ промышленномъ мірѣ имѣютъ характеръ какихъ-то физическихъ бѣдствій, въ родѣ наводненія, градобитія и т. п.

Здѣсь мы приходимъ къ другому вопросу, имѣющему нѣкоторую связь съ предыдущимъ, именно къ вопросу о степени участія рабочихъ въ производствѣ и ихъ правѣ на участіе въ *прибыли* отъ предпріятія. Мы видѣли, что задѣльная плата, какъ форма вознагражденія рабочаго труда, установилась въ слѣдующемъ предположеніи: рабочій избавленъ и долженъ быть избавленъ отъ предпринимательскаго *риска*, а потому долженъ получать *постоянное* и опредѣленное вознагражденіе. Съ этой точки зрѣнія, задѣльная плата является прямымъ послѣдствіемъ *раздѣленія труда* въ области производства. Три элемента дѣйствуютъ во всякомъ предпріятіи: капиталъ, умственный трудъ, руководящій предпріятіемъ, и трудъ физическій. Эти три элемента могутъ быть соединены, и въ эпоху мелкой промышленности соединялись въ одномъ лицѣ. Мелкій промышленникъ, на свои сбереженія, основывалъ предпріятіе, самъ велъ его, и самъ представлялъ весь физическій трудъ предпріятія (обыкновенно съ своею семьею).

Но въ наше время крупныхъ предпріятій, товариществъ и акціонерныхъ компаній, „три элемента" раздѣлились, и каждый изъ нихъ играетъ свою роль въ производствѣ. Въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ акціонерными компаніями, различаются: капиталисты, вложившіе въ предпріятіе свой капиталъ, дирекція предпріятія и физическіе работники. Конечно, соединеніе капиталиста и предпринимателя (умственный трудъ) дѣло обыкновенное. Только физическій трудъ отдѣленъ отъ другихъ элементовъ рѣзкою гранью. Соотношеніе ихъ относительно участія въ прибыли опредѣляется, повидимому, чисто и ясно участіемъ въ рискѣ.

Капиталистъ-предприниматель, вкладывая въ предпріятіе свой капиталъ, участвуетъ въ рискѣ и имѣетъ, слѣдовательно, право на прибыль. Рабочій, ограничивающійся механическими операціями и

участвующій въ предпріятіи только этими операціями, не рискуетъ. Худо или хорошо пойдетъ предпріятіе, получитъ ли предприниматель свою прибыль или понесетъ убытки, рабочій, все равно, получитъ свою задѣльную плату. Не неся риска, онъ не имѣетъ права и на прибыль.

Это разсужденіе вѣрно только въ одномъ отношеніи. Именно, вознагражденіе рабочаго, какъ физическаго работника, за его механическій трудъ, должно быть *опредѣлённо* и *постоянно* [1]). Со стороны самихъ рабочихъ было бы величайшимъ неразуміемъ связать судьбу этого своего вознагражденія съ рискомъ предпріятія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы рабочіе не несли на себѣ риска предпріятія и не имѣли *никакого* права на прибыль.

Мы видѣли, до какой степени судьба рабочаго связана съ судьбою предпріятія, до какой степени на задѣльной платѣ отражаются всѣ судьбы промышленности со всѣми ея кризисами. Если рабочій терпитъ отъ дурного веденія дѣлъ на фабрикѣ, отъ слишкомъ „спекулятивнаго“ предпріятія, отъ всякаго сокращенія или частнаго прекращенія производства, то мы не знаемъ, какого еще участія „въ рискѣ“ требуется отъ человѣка. Связывая свою судьбу съ предпріятіемъ, рабочій такъ же „рискуетъ“, какъ и другіе элементы производства.

Затѣмъ, при всей наглядности раздѣленія трехъ вышеуказанныхъ элементовъ производства, никакъ нельзя сказать, чтобы только *нѣкоторые* изъ нихъ рождали то, что мы называемъ *прибылью* отъ предпріятія. Производительная сила фабрики или завода зависитъ, конечно, отъ того, въ какой мѣрѣ она будетъ снабжена всѣми орудіями производства, въ какой степени она будетъ обезпечена своевременно и выгодно закупленнымъ сырьемъ, насколько обработка сырья будетъ правильно распредѣлена между рабочими силами, насколько оборотный капиталъ заведенія будетъ расходоваться разумно и производительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сила капитала и предпринимательское руководство создаютъ возможность прибыли. Но не создается ли она также и дѣятельностью рабочаго, умѣло обра-

---

[1]) См. развитіе этой темы у Леруа-Больё, *La question ouvrière au XIX siècle*. P. 1872 г., стр. 173 и слѣд. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сама задѣльная плата не только способна къ видоизмѣненіямъ, но и видоизмѣняется въ современныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Именно, въ массѣ предпріятій она опредѣляется не общимъ количествомъ рабочихъ часовъ, а поштучно, что значительно возвышаетъ ея размѣръ, поощряя дѣятельность рабочаго. Кромѣ того, въ современныхъ фабрикахъ выработалась система *премій* или прогрессивной задѣльной платы. Но во всѣхъ этихъ системахъ вознагражденіе рабочаго остается *постояннымъ*, т.-е. рабочій получаетъ и плату и премію независимо отъ прибыли или убытка предпріятія.

щающагося съ машинами, дающаго возможность экономизировать расходы на топливо и на другіе текущіе расходы, не задерживающаго правильнаго теченія и обмѣна всѣхъ рабочихъ операцій, а потому экономизирующаго время, обезпечивающаго возможность срочнаго исполненія заказовъ и своевременнаго сбыта продуктовъ?

Вотъ почему вознагражденіе рабочаго не можетъ быть разсматриваемо только какъ вознагражденіе извѣстной совокупности исключительно „механическихъ операцій“. Напротивъ, въ этихъ механическихъ операціяхъ имѣется громадная доля чисто нравственныхъ и умственныхъ качествъ, требующихся отъ работника, чтобы промышленное дѣло шло хорошо. Честность, трезвость, прилежаніе, разсудительность, точность—все это требуется для того, чтобы машины не портились или не стояли даромъ, чтобы рабочіе, занятые одною операціей, не ждали другихъ, чтобы каменный уголь или дрова не жглись по-пусту, чтобы сырье какъ слѣдуетъ обращалось въ продуктъ и своевременно поступало въ продажу. И все это, вмѣстѣ взятое, на ряду съ силою капитала и руководящимъ трудомъ предпринимателя, создаетъ *прибыль*.

Истина эта до такой степени очевидна, что въ современномъ *предпринимательскомъ* мірѣ возникло и укрѣпилось движеніе, имѣющее въ виду дать рабочимъ извѣстное участіе въ прибыли. Именно, предприниматели сказали себѣ, что они не желаютъ имѣть дѣла съ рабочими, какъ съ физическою только силою, безучастно относящеюся къ предпріятію. Напротивъ, они захотѣли привязать рабочую силу къ предпріятію, вызвать въ ней ту энергію, ту умственную работу, тѣ нравственныя силы, которыя однѣ способны дать предпріятію настоящую производительность. Такимъ побудительнымъ средствомъ и явилось участіе въ прибыли (независимо отъ задѣльной платы), въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, не приведенныхъ еще къ одной общей системѣ. Вообще эти формы могутъ быть подведены, какъ это дѣлаетъ *Бёмертъ* [1]), подъ двѣ главныя категоріи: участіе въ прибыли съ участіемъ въ предпріятіи [2]) и участіе въ прибыли безъ участія въ предпріятіи [3]).

---

[1]) *Die Gewinnbetheiligung*, 1878 г.: содержитъ спеціальное и основательное изслѣдованіе этого труднаго вопроса. Ср. также Леруа-Больё, въ указ. соч. Послѣдній экономистъ является, впрочемъ, противникомъ участія въ прибыли.

[2]) Такова система, принятая на каменноугольныхъ копяхъ гг. Бриггсовъ въ Англіи, на латунномъ заводѣ б. Борхерта въ Берлинѣ, на машинной фабрикѣ Моллеровъ въ Вестфаліи и т. д.

[3]) Послѣдняя система, имѣющая много разнообразныхъ формъ, служитъ къ возвышенію платы, получаемой рабочимъ. Изъ множества примѣровъ возьмемъ одинъ—систему, принятую на фортепіанной фабрикѣ Борда въ Парижѣ. Съ 1865 г. ра-

Таковы главные движущіе мотивы рабочаго вопроса. Его можно выразить въ двухъ словахъ: *обезпеченіе* своего существованія въ настоящемъ и *улучшеніе* своего положенія въ будущемъ, при помощи видоизмѣненія существующихъ отношеній рабочаго класса къ предпринимателямъ. Исходною точкою явился вопросъ о задѣльной платѣ, конечною цѣлью—участіе въ предпріятіи и его прибыляхъ. Правильная постановка вопроса о задѣльной платѣ, какъ средство обезпеченія физическаго работника въ его существованіи; участіе въ прибыли и въ предпріятіи, какъ средство *возвышенія* рабочаго класса надъ настоящимъ его уровнемъ, обращеніе „физическихъ" рабочихъ въ самостоятельный экономическій классъ съ обезпеченною будущностью, съ возможностью нравственнаго и умственнаго совершенствованія — вотъ предѣлы, въ которыхъ вращается рабочее движеніе, принимая самыя разнообразныя формы, возбуждая надежды, опасенія, сочувствіе и отвращеніе, то поражая правильностью своего развитія, то угрожая страшнымъ революціоннымъ взрывомъ.

Мы видѣли, что часть вопросовъ, возбужденныхъ положеніемъ рабочаго класса, подпала разрѣшенію законодательной власти. Но прочіе вопросы вызвали движеніе *самого* рабочаго класса, были поводомъ къ образованію рабочихъ *ассоціацій*, принимавшихъ различныя формы и преслѣдовавшихъ разнообразныя цѣли.

Когда мы произносимъ слово: „ассоціація" рабочихъ, въ умѣ многихъ читателей рождается представленіе о противозаконномъ сообществѣ, о нѣкоторомъ грозномъ военномъ средствѣ рабочаго класса противъ предпринимателей. Само законодательство западно-европейскихъ державъ долгое время смотрѣло на такія ассоціаціи съ этой точки зрѣнія, воспрещая ихъ подъ страхомъ наказанія. Кромѣ того, извѣстные виды ассоціацій дѣйствительно были военнымъ средствомъ противъ предпринимателей. Такова, между прочимъ, дѣятельность англійскихъ ассоціацій, извѣстныхъ подъ именемъ trades-unions. Эта дѣятельность находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о способахъ опредѣленія размѣра задѣльной платы и количествѣ рабочихъ часовъ.

Послѣ отмѣны старыхъ ремесленныхъ законовъ, установленіе нормъ задѣльной платы сдѣлалось предметомъ „свободнаго соглаше-

---

бочіе были допущены къ участію въ прибыли, и вознагражденіе ихъ возвысилось въ процентахъ:

1865—10%	1869—18%	1873—20%
1866—17 „	1870—15 „	1874—22 „
1867—13 „	1871—15 „	1875—20 „
1868—20 „	1872—20 „	1876—17 „

нія". Но фактически оно сосредоточилось въ рукахъ предпринимателей, благодаря ихъ матеріальной обезпеченности и зависимому положенію каждаго отдѣльнаго рабочаго. Отсюда возникло стремленіе найти для рабочаго точку опоры для всѣхъ его соглашеній съ предпринимателемъ. Такою точкою опоры явились союзы, какъ средство коллективнаго воздѣйствія на хозяевъ ради возвышенія задѣльной платы и уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Орудіемъ борьбы явились такъ-называемыя *забастовки*, т.-е. коллективные отказы отъ работы до тѣхъ поръ, пока хозяева не согласятся исполнить требованія рабочихъ. Но забастовка могла быть дѣйствительнымъ орудіемъ только при томъ условіи, чтобы союзъ располагалъ средствами содержать рабочихъ во все время „прекращенія работъ". Средства эти составлялись изъ взносовъ, дѣлаемыхъ рабочими въ союзную кассу. Но не всегда средства отдѣльнаго союза были достаточны для подобной цѣли. Это вынуждало союзы вступать въ соглашеніе между собою, ассоціація росла, рабочіе каждой отрасли производства сплачивались въ одну армію, отдѣльные корпусы которой поддерживали другъ друга въ промышленной битвѣ. Забастовки назначались и производились по указанію центральнаго или областного совѣта, какъ назначаются сраженія по планамъ главной квартиры или начальника отдѣльной части. Гдѣ нужнѣе поразить врага? Какая мѣстность имѣетъ болѣе важное стратегическое значеніе? Изъ какой битвы можно извлечь наибольшую выгоду для „комбаттантовъ?" Эти тактическіе и стратегическіе вопросы разрѣшались руководителями союзовъ, и по данному сигналу забастовка начиналась то здѣсь, то тамъ, сопровождаясь нерѣдко насильственными дѣйствіями и противозаконными угрозами.

Законодательства первой половины XIX столѣтія относились къ составленію сообществъ, имѣвшихъ цѣлью возвышеніе задѣльной платы и уменьшеніе числа рабочихъ часовъ, какъ къ проступкамъ, подлежавшимъ наказанію. Воспрещенія сообществъ (coalitions), особенно если они сопровождались стачками и забастовками (grèves), продержались особенно долго на континентѣ Европы. Въ Англіи, карательные законы по этому предмету были отмѣнены еще въ 1824 г., и съ тѣхъ поръ англійское законодательство развивалось въ иномъ смыслѣ. Принципы, усвоенные этимъ законодательствомъ, состоятъ въ томъ, что сообщества дозволяются какъ рабочимъ, такъ и предпринимателямъ, съ цѣлью возвышенія или пониженія задѣльной платы, съ тѣмъ, чтобы они не сопровождались никакими насильственными дѣйствіями и угрозами. Эти принципы воспроизведены въ законѣ французскомъ (1864), въ германскомъ промысловомъ уставѣ (1869) и въ австрійскомъ законѣ (1870).

Но законодательства признали эти „сообщества“ уже тогда, когда цѣли ассоціацій расширились, формы ихъ сдѣлались разнообразнѣе, и польза „военныхъ средствъ“ подверглась сильному сомнѣнію въ средѣ самихъ рабочихъ классовъ. Въ самомъ дѣлѣ; что такое забастовки рабочихъ и противозабастовки хозяевъ? Средство заставить подчиниться требованіямъ одной изъ сторонъ подъ угрозой разоренія или даже голодной смерти. Въ иныхъ случаяхъ рабочіе одолѣвали хозяевъ, въ другихъ—хозяева рабочихъ, но каждая изъ забастовокъ стоила страшно *дорого* и особенно для рабочихъ. Вотъ почему съ расширеніемъ цѣлей ассоціацій и образованіемъ значительныхъ капиталовъ, которыми располагаютъ теперь союзы, послѣдніе прибѣгаютъ къ забастовкамъ какъ къ крайнему и всегда опасному средству. Они не хотятъ рисковать своимъ достояніемъ для достиженія сомнительныхъ результатовъ. Забастовки — единственное отчаянное средство *зарождавшихся* рабочихъ ассоціацій и союзовъ—переходятъ въ область крайнихъ мѣръ въ средѣ ассоціацій развившихся.

Развитая система ассоціацій имѣетъ въ виду не частную побѣду надъ нѣсколькими фабрикантами, которая обыкновенно дорого стóитъ самому побѣдителю, а улучшеніе общихъ условій положенія рабочихъ. Мало того. Хотя рабочіе союзы имѣютъ своею исходною точкой *экономическія* цѣли рабочаго класса, но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи они теряютъ характеръ чисто-экономическихъ ассоціацій. Интересы, связывающіе членовъ ассоціаціи, и цѣли, которыя онѣ преслѣдуютъ, такъ разнообразны, въ такой мѣрѣ касаются всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, что въ нихъ нельзя не видѣть зародыша новой *организаціи* общества, раздробленнаго индивидуалистическимъ либерализмомъ въ порошокъ, въ которомъ роль порошинокъ играла отдѣльная человѣческая личность, безъ всякой точки опоры въ организованной общественной силѣ. Современная ассоціація открываетъ рабочему возможность помѣщенія своихъ сбереженій, приходитъ къ нему на помощь въ случаѣ болѣзни или старости, принимаетъ мѣры къ отысканію ему работы, если онъ ея не имѣетъ или лишился, изыскиваетъ способы къ удешевленію средствъ къ жизни, устраиваетъ сравнительно дешевыя и удобныя помѣщенія, трудится надъ постепеннымъ соединеніемъ предпринимательскаго и рабочаго элемента въ *производительныхъ ассоціаціяхъ*, направляетъ свои усилія къ умственному развитію и къ поднятію нравственнаго уровня рабочихъ массъ. Организація обществъ трезвости, народныхъ читаленъ, устройство чтеній по математикѣ, механикѣ, политической экономіи, къ которымъ приглашаются лучшіе профессора страны, попеченіе объ элементарномъ образованіи дѣтей—таковы цѣли, осуществляемыя

теперь на средства рабочихъ классовъ, составившіяся изъ ихъ взносовъ и сбереженій, и на этой почвѣ онѣ встрѣчаются какъ съ дѣятельностью государства, такъ и съ заботами лучшихъ изъ предпринимателей и капиталистовъ. Попеченія, повторяемъ, направились теперь не на одну сторону экономическихъ отношеній, а на *всего человѣка*, съ его экономическими и духовными потребностями. Въ этомъ смыслѣ *Брентано* назвалъ современныя ассоціаціи „рабочими гильдіями", т.-е. воспроизведеніемъ старыхъ корпорацій, но на болѣе широкихъ основаніяхъ.

Поэтому совокупность всѣхъ усилій направляется теперь не только къ тому, чтобы охранить, такъ-сказать, извѣстный уровень благосостоянія рабочихъ классовъ, но и къ тому, чтобы открыть рабочему возможность *возвышенія* надъ этимъ уровнемъ, возможность приближенія къ другимъ классамъ общества. Если бы эти усилія и мѣры были направлены только къ гарантированію „задѣльной платы", то рабочій классъ остался бы классомъ, навсегда отдѣленнымъ отъ прочихъ слоевъ и экономически и умственно.

Но когда рѣчь заходитъ объ участіи труда въ прибыли, то здѣсь видно уже стремленіе стереть черту, раздѣляющую предпринимателя отъ рабочаго, стремленіе къ сліянію различныхъ элементовъ предпріятія и возвышенію труда надъ современною его ролью. Когда затѣмъ умъ рабочаго просвѣщается, нравственное сознаніе его возвышается, духовныя стремленія поддерживаются и питаются, то въ этомъ нельзя не видѣть стремленія сдѣлать изъ рабочихъ классовъ культурную силу, отличную отъ той „стихіи", какою явились рабочіе въ XIX вѣкѣ.

Благодаря бо̀льшей организаціи, бо̀льшимъ матеріальнымъ средствамъ союзовъ, высшему умственному и нравственному уровню рабочихъ, наконецъ, бо̀льшей свободѣ всякихъ сообществъ, открывается возможность мирнаго соглашенія между двумя сторонами, не знавшими прежде никакихъ средствъ, кромѣ забастовокъ и контръ-забастовокъ, съ насиліями, угрозами, кордонами, съ ломаньемъ машинъ, похищеніемъ инструментовъ, даже съ увѣчьями и убійствомъ. Теперь, въ прежней классической странѣ забастовокъ, въ Англіи, нельзя скомандовать стачку по усмотрѣнію и безъ объясненія мотивовъ. Морализированный рабочій чувствуетъ, что его „военныя мѣры" нуждаются въ оправданіи предъ великою нравственною силою, которую онъ выучился понимать и уважать—предъ *общественнымъ мнѣніемъ*. Послѣднее, благодаря бо̀льшей свободѣ ассоціацій и гласности ихъ дѣйствій, получило возможность зорко слѣдить за всѣми важными явленіями промышленнаго міра. Каждая стачка и вызвавшіе ее мотивы подробно обсуждаются въ печати и въ общественныхъ

собраніяхъ; общественное мнѣніе произноситъ свой судъ надъ требованіями и дѣйствіями заинтересованныхъ сторонъ, и нерѣдко неправая сторона принуждена бываетъ или уступить или умѣрить свои требованія.

Кромѣ того, сама практика выработала серьезныя средства для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими. Таково давнее уже учрежденіе французскихъ прюдомовъ (conseils de prud'hommes), нашедшихъ себѣ подражаніе и въ другихъ странахъ и воспроизведенныхъ, mutatis mutandis, въ посредническихъ палатахъ Мунделлы и Кетля, въ англійскомъ законѣ 15-го августа 1867 года, и т. д.

Конечно, всѣ эти усилія и мѣры еще далеки отъ предположенной цѣли. Но мы и не думаемъ, чтобы рабочій вопросъ могъ быть разрѣшенъ однимъ взмахомъ и однообразнымъ порядкомъ. Условія каждой отрасли производства до такой степени различны, нравы, привычки и требованія каждаго отдѣла промышленнаго населенія такъ разнообразны, даже каждая отдѣльная фабрика или заводъ представляетъ столько индивидуальныхъ особенностей,—что подчинить всю эту пеструю массу „общему регламенту“ было бы предпріятіемъ рискованнымъ. Даже теперь, когда системы прогрессивной задѣльной платы и участія въ прибыли только зарождаются, когда онѣ примѣняются въ сравнительно небольшомъ числѣ предпріятій, формы ихъ весьма разнообразны, и никто не рѣшится сказать—которая изъ нихъ лучше. Только послѣ долгаго опыта, необходимаго въ такомъ чисто практическомъ дѣлѣ, могутъ выработаться общіе типы, пригодные для отдѣльныхъ *отраслей* промышленности, но не для всей промышленности, въ общемъ ея объемѣ. Только время можетъ привести къ тому, что новыя формы, являющіяся пока *исключеніями*, сдѣлаются общимъ правиломъ, и никакая сила не можетъ убѣдить людей, что такой-то планъ есть единственно вѣрное средство отъ всѣхъ золъ.

Мы можемъ сказать только, что, съ точки зрѣнія указанныхъ выше фактовъ и отношеній, западная Европа переживаетъ процессъ преобразованія, и въ этомъ смыслѣ рабочее движеніе не можетъ быть названо *болѣзнью* нашего вѣка, а является симптомомъ здороваго и развивающагося организма. Нѣтъ сомнѣнія также, что соціалистическія ученія играли свою роль въ этомъ процессѣ, въ качествѣ научной системы, служившей противовѣсомъ „манчестерской“ экономіи. Но органическій процессъ получаетъ совершенно иной видъ, если мы предположимъ, что въ основаніе новаго общественнаго устройства будутъ положены *исключительно* принципы, выра-

ботанные соціализмомъ, къ чему именно и стремится *соціальная революція*. Къ разсмотрѣнію этого движенія мы обратимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Рабочій вопросъ есть практическая задача, надъ рѣшеніемъ которой работаютъ люди различныхъ партій и которая открываетъ возможность различныхъ способовъ ея рѣшенія.

Въ прошлой главѣ мы старались показать, что въ европейскомъ обществѣ и въ массѣ рабочихъ классовъ содержится много условій для рѣшенія этого вопроса путемъ новой организаціи рабочихъ классовъ, оставшихся въ атомистическомъ и безпомощномъ состояніи въ концѣ XVIII вѣка. Теперь намъ предстоитъ говорить о другомъ способѣ „немедленнаго и радикальнаго“ рѣшенія этого вопроса, именно о *соціальной революціи*.

Можетъ быть, Европѣ вообще и Германіи въ частности *фактически* и предстоитъ пройти чрезъ подобное испытаніе. Но это не исключаетъ вопроса о степени *пригодности* такого пути.

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны составить себѣ ясное понятіе о свойствахъ революціонныхъ движеній вообще. Существеннымъ признакомъ революціи считается *насильственное* ниспроверженіе существующаго порядка. Но насиліе есть только послѣдствіе и орудіе революціоннаго движенія. Существо дѣла лежитъ именно въ *цѣляхъ* революціонной партіи; этимъ революція отличается отъ реформы, а не тѣмъ, что реформа совершается „мирно“, а революція съ насиліемъ и рѣзней.

Для уясненія этого качества *цѣлей* революціоннаго движенія, необходимо принять въ расчетъ слѣдующія соображенія. Каждая *форма* общества представляетъ извѣстный рядъ учрежденій, выражающихъ интересы и идеи, такъ-сказать, общечеловѣческіе, или присущіе цѣлому кругу культурныхъ народовъ; другой рядъ учрежденій выражаетъ идеи, присущія данному народу, т.-е. выработанныя его исторіей и вошедшія въ его плоть и кровь. Наконецъ, третій рядъ установленій удовлетворяетъ потребностямъ *даннаго* времени, живетъ и отживаетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Несовершенства установленій каждой эпохи зависятъ оттого, что

они невѣрно выражаютъ общія культурныя идеи, пониманіе которыхъ расширяется съ каждымъ поколѣніемъ, неполно выражаютъ національныя стремленія и, наконецъ, въ томъ, что учрежденія, составляющія ея особенность, отживаютъ свой вѣкъ. Поэтому, *преобразованіе* можетъ коснуться *всѣхъ* учрежденій, но въ различной степени и разнымъ способомъ. Реформа преобразуетъ учрежденія общечеловѣческія, не только не изгоняя живущихъ въ нихъ общихъ идей, но давая послѣднимъ болѣе широкое и осмысленное выраженіе; она преобразуетъ особенныя учрежденія своей народности, не только не отрекаясь отъ прошлаго, но воплощая традиціонныя идеи въ новомъ фазисѣ ихъ развитія. Наконецъ, она отмѣняетъ явно отжившія установленія данной эпохи. Съ этой точки зрѣнія, нѣкоторыя движенія, по формѣ своей революціонныя, по существу были преобразовательными. Таковы политическія движенія въ Англіи. Страна эта пережила много внутреннихъ бурь, но никогда она не отрекалась ни отъ основаній общеевропейской культуры, ни отъ исходныхъ точекъ своего національнаго развитія. Но зато она умѣла во-время отмѣнить хлѣбные законы и измѣнить отжившую систему народнаго представительства.

Революціонныя движенія отличаются именно тѣмъ, что они исходятъ изъ міросозерцанія, начала котораго діаметрально противоположны не только принципамъ *существующаго* порядка, но и всей совокупности идей, воплотившихся въ учрежденіяхъ страны. Почему у революціонеровъ складывается такое міросозерцаніе—довольно понятно. Недовольство видимымъ *выраженіемъ* извѣстныхъ идей, недовольство, доходящее при извѣстныхъ условіяхъ до фанатизма, заставляетъ ихъ переносить свою ненависть съ „выраженія“ на самую идею, утверждать, что эта идея и неспособна породить ничего, кромѣ такого-то ненавистнаго учрежденія. Французскіе атеисты XVIII столѣтія серьезно полагали, что христіанство ничего не способно породить, кромѣ развращеннаго духовенства, инквизиціи, духовной цензуры и отупленія массъ. Революція декретировала уничтоженіе христіанской религіи и установила культъ Разума. Но *христіанинъ*, взросшій и окрѣпшій въ теченіе вѣковъ, не могъ быть уничтоженъ декретомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, папа Пій VII, прибывшій въ Парижъ для коронаціи Наполеона I, былъ встрѣченъ колѣнопреклоненнымъ народомъ...

„Пій VII, — говоритъ Тьеръ, — нѣсколько разъ показывался на тюльерійскомъ балконѣ, сопровождаемый всякій разъ Наполеономъ, привѣтствуемый громкими кликами, и видѣлъ народъ Парижа, народъ, совершившій 10-е августа и обожавшій богиню Разума, ожидающимъ на колѣняхъ благословенія первосвященника. Замѣчатель-

ное непостоянство людей и народовъ, доказывающее, что слѣдуетъ прилѣпляться къ великимъ истинамъ, на которыхъ покоится человѣческое общество, и утверждаться на нихъ: ибо нѣтъ ни достоинства, ни покоя въ этихъ капризахъ дня, принимаемыхъ и оставляемыхъ съ изумительною поспѣшностью".

Нельзя отрицать, что мiровоззрѣнiе, противоположное системѣ господствующихъ понятiй, имѣетъ свое серьезное значенiе. Оно является точкою опоры для цѣльной критики существующихъ установленiй не только въ ихъ частностяхъ, но и въ общей сложности, именно какъ системы. Оно является и полезнымъ противовѣсомъ иному порядку идей, который принято называть консервативнымъ, но который вѣрнѣе бы характеризовать именемъ *застоя.* Если революцiонеры переносятъ свою ненависть съ учрежденiй, въ данной ихъ формѣ, на общiя идеи, воплощенныя въ нихъ, то люди иного порядка переносятъ свою „любовь" къ извѣстнымъ идеямъ на учрежденiя, выражающiя ихъ въ данную минуту. Съ точки зрѣнiя послѣдовательнаго и историческаго развитiя общества (а иного *развитiя* не бываетъ), оба направленiя стоятъ на ложной почвѣ и оба требуютъ *насилiя.* Когда человѣкъ застоя утверждаетъ, что весь запасъ общечеловѣческихъ и нацiональныхъ идей уже воплотился въ данныхъ учрежденiяхъ, что общественная исторiя уже сказала свое послѣднее слово, онъ логически приходитъ къ поддержанiю данныхъ установленiй силою, въ противность всѣмъ новымъ понятiямъ и требованiямъ общества. Когда революцiонеръ утверждаетъ, что всѣ общiя идеи, лежащiя въ основанiи общественнаго строя,—ложны, что общество должно отказаться отъ нихъ и съизнова начать свою исторiю, онъ логически приходитъ къ необходимости не только разрушенiя существующихъ формъ общества, но и къ насильственному проведенiю неизвѣданныхъ принциповъ общественнаго устройства.

Но исторiя показываетъ тщету усилiй какъ того, такъ и другого направленiя. Она заставляетъ революцiонные и консервативные элементы служить цѣлямъ общаго развитiя, но вовсе не въ смыслѣ революцiи или застоя. Консервативные элементы утилизируются въ исторiи не въ смыслѣ удержанiя всякихъ существующихъ учрежденiй, а въ смыслѣ удержанiя основныхъ началъ общечеловѣческой и нацiональной культуры. Революцiонные элементы имѣютъ свою роль въ исторiи, но не въ революцiонномъ смыслѣ, не для насажденiя совершенно новыхъ „началъ", а для видоизмѣненiя *формъ*, въ которыхъ выражаются общiя стремленiя и понятiя общества. Консерватизмъ можетъ служить культурѣ не своимъ желанiемъ сохранить во что бы то ни стало данныя формы семьи, собственности, договоровъ, администрацiи, суда, законодательства и т. д., а тѣмъ, что онъ под-

держиваетъ извѣстную систему экономическихъ, нравственныхъ и юридическихъ понятій, которыя непремѣнно найдутъ себѣ выраженіе въ институтахъ права, какова бы ни была форма послѣднихъ. Революціонныя движенія имѣютъ практическій успѣхъ настолько, насколько они содѣйствуютъ устраненію отжившихъ формъ, и всегда терпятъ крушеніе въ попыткахъ „радикальнаго" пересозданія общественнаго порядка. Великая французская революція успѣла въ своемъ предпріятіи, поскольку она разрушила старыя формы общества и открыла возможность новой общественной и государственной организаціи. Но ея система обязательнаго атеизма и „цивизма", террористическая система Робеспьера и Сенъ-Жюста, ея экономическія и финансовыя операціи,—разбились не о „старыя преданія", а объ элементарныя требованія человѣческой природы. Исторія не замыкаетъ жизнь общества въ такія-то формы и не заставляетъ его начинать свое развитіе съизнова—она *преобразуетъ* человѣческія учрежденія, въ которыхъ общія понятія, стремленія и потребности человѣка находятъ болѣе полное и вѣрное выраженіе. Историческій духъ есть духъ *преобразовательный* по самому своему существу, и только тѣ дѣятели оставляютъ прочный слѣдъ въ исторіи, которые являются выраженіемъ и воплощеніемъ этого духа. Ихъ имена связываются со всею національною исторіей, ибо ихъ дѣла связаны со всѣми преданіями страны, и ими будутъ жить грядущія поколѣнія. Таковы имена Пилей, Штейновъ, Кавуровъ. Имена же людей застоя или „чистой революціи" связываются только съ ихъ эпохой, безъ всякой органической связи съ прошедшимъ и будущимъ. Таковы имена герцога Альбы, Филиппа II, Франца I и Меттерниха, Марата и членовъ комитета „общественнаго спасенія".

II.

Соціальная революція имѣетъ всѣ черты сходства съ революціонными движеніями, которыя пережила Европа и въ особенности съ великою французскою революціей 1789 года. Сходство это выражается какъ во внѣшнихъ пріемахъ, такъ и въ содержаніи новыхъ революціонныхъ идей. Оно проявляется въ мелочахъ и въ вещахъ крупныхъ одинаково. Вездѣ, въ мелкой полемикѣ и въ общемъ міросозерцаніи, выражается старая и унаслѣдованная ненависть *классовъ*; буржуазія продолжаетъ кичиться тѣмъ, что она нѣкогда сломила дворянство и духовенство; соціальная партія претендуетъ на уничтоженіе буржуазіи. Начнемъ съ мелкихъ примѣровъ.

Сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго романиста Густава Фрейтага подали поводъ къ интересному замѣчанію *Аугсбургской Всеобщей*

Газеты и къ не менѣе интересной репликѣ газеты *Соціалъ-демократъ.*

Вотъ что̀ писала *Аугсбургская Газета:* „Въ романахъ Фрейтага виденъ тріумфъ бюргерства надъ разваливающеюся аристократіей, въ нихъ слышатся трубные звуки этого сословія, этого *избраннаго* класса народа, предъ которымъ падаютъ стѣны предразсудковъ. Когда поземельная аристократія увлекается въ одномъ мѣстѣ современными стремленіями промышленности и начинаетъ спекулировать, то это столь же мало служитъ ей на пользу, какъ въ другомъ мѣстѣ государямъ и придворной аристократіи, когда они предаются наукамъ, которыя могутъ только выродиться въ ихъ средѣ. Пропасть не можетъ быть засыпана, и въ общественномъ ульѣ неизбѣжна война между *трутнями* и *рабочими пчелами,* которымъ однѣмъ принадлежитъ скипетръ будущаго".

Итакъ, по мнѣнію *Аугсбургской Газеты,* трутни суть: государи, придворная и поземельная аристократія. Одно только бюргерство имѣетъ право называться рабочими пчелами. Посмотримъ, что̀ на это возразилъ *Соціалъ-демократъ.* Вотъ его слова:

„Справедливо говорите вы о трутняхъ и рабочихъ пчелахъ. Но пчелы *мы,* а не *вы.* Вы—общественные трутни не меньше, чѣмъ старые юнкеры и попы! Вы не нація, но опять-таки отдѣльный, своекорыстный классъ, и ваше управленіе есть не что иное, какъ владычество одного класса для ограбленія другихъ. Противъ *васъ* должно призвать народъ, дабы онъ сбросилъ величайшій изъ олигархическихъ деспотизмовъ, когда-либо существовавшихъ. Каковы бы ни были ваши заслуги въ томъ, что вы сломили самостоятельную мощь духовенства и аристократіи, но теперь вы сами стали на мѣсто этихъ сословій и относитесь къ народной партіи не дружественнѣе, но, можетъ быть, враждебнѣе, чѣмъ они".

Въ этомъ маленькомъ случаѣ отражается цѣлое міросозерцаніе двухъ партій, со всѣмъ ихъ прошлымъ. Революція 1789 года наложила свои формы на современную Европу.

Французская революція противопоставила права „третьяго сословія", которому присвоено было названіе „народа", привилегіямъ высшихъ классовъ, подлежавшихъ усѣченію отъ народнаго тѣла.

Соціальная революція противопоставляетъ „четвертое сословіе", т.-е. рабочій классъ, третьему, унаслѣдовавшему, какъ говорятъ, привилегіи старой аристократіи. При этомъ за „четвертымъ" сословіемъ признано исключительное право называться „народомъ", т.-е. цѣлымъ, по отношенію къ другимъ классамъ общества.

Французская революція противопоставила „естественное право" человѣка, какъ единственную норму всѣхъ человѣческихъ отношеній,

историческому различію сословій. Съ точки зрѣнія естественнаго права, историческія привилегіи не находили себѣ оправданія и объясненія; онѣ являлись плодомъ насилія и обмана. Духовенство выдумывало разные догматы, обманывало воображеніе массъ и при помощи этого обмана создало свои привилегіи. Дворянство происходитъ отъ завоевателей, подчинившихъ себѣ народныя массы и насиліемъ утвердившихъ свое первенство въ государствѣ. Общество должно уничтожить этихъ „трутней" и признать первенство „рабочихъ пчелъ".

Соціальная революція противопоставляетъ „естественное право" рабочаго класса фактическимъ преимуществамъ буржуазіи, опирающейся на силу капитала. Подобно тому, какъ привилегіи старой аристократіи объяснялись исключительно насиліемъ и обманомъ, такъ и происхожденіе капитала объясняется исключительно *обманомъ* и *эксплуатаціей*, процессъ которой такъ картинно изображенъ въ произведеніяхъ Лассаля и Маркса. Предки нынѣшней буржуазіи обвиняли духовенство въ томъ, что оно обманывало „народъ" при помощи библіи и таинствъ. Нынѣшняя буржуазія обвиняется въ томъ, что она обманываетъ народъ при помощи политической экономіи и хитростей капиталистическаго производства.

Но есть и существенная разница между этими направленіями. Французская революція поразила старое общество въ его отжившихъ политическихъ и юридическихъ учрежденіяхъ, не коснувшись (въ общемъ своемъ движеніи) основныхъ элементовъ человѣческаго общества: государственности, семьи, собственности. Напротивъ, государство, семья и собственность вышли обновленными и укрѣпленными изъ этого страшнаго процесса. Соціальная революція не имѣетъ уже дѣла съ политическими и юридическими неравенствами. Она совершается среди обществъ, гдѣ всѣ классы пользуются равными политическими правами и равной защитой закона. Поэтому она направляетъ свои усилія противъ элементарныхъ и простѣйшихъ, такъ сказать, принциповъ современной цивилизаціи. Рѣчь заходитъ не только о томъ, какую форму приметъ собственность, но о томъ, будетъ ли существовать собственность вообще; говорятъ не о томъ, какая форма государства соотвѣтствуетъ требованіямъ рабочаго класса, а о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить его иною формою общежитія, напримѣръ, союзомъ „производительныхъ ассоціацій" и т. д.

Слѣдовательно, человѣческимъ обществамъ предлагаются иныя *начала* организаціи, которыя не только не могутъ быть *осуществлены* безъ насильственнаго и страшнаго переворота, но и не могутъ *держаться* безъ постояннаго *насилія* надъ человѣческою личностью. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, элементарная

и общая цѣль ихъ *организаціи* состояла въ томъ, чтобы обезпечить возможность *совмѣстнаго существованія* людей, путемъ обезпеченія ихъ гражданскихъ правъ, ихъ личной неприкосновенности, ихъ имущественной независимости, ихъ безпрепятственнаго проявленія въ области мысли, вѣры, искусства—словомъ, человѣческой *свободы* [1]).

Эта цѣль осуществлялась въ разное время дурно, неполно, въ ущербъ однимъ, въ барышъ другимъ, доводилась до минимума или переходила за всѣ предѣлы. Въ иныхъ мѣстахъ абсолютизмъ оставлялъ за подданными свободу только въ частно-гражданскихъ отношеніяхъ, въ другихъ выработывались „суверенныя" личности привилегированнаго класса, какъ, напримѣръ, въ польскомъ шляхетствѣ съ его liberum veto; въ одномъ государствѣ свобода и самостоятельность обезпечивались только однимъ классамъ, а другіе были обречены на рабство, какъ въ республикахъ классическаго міра; въ другомъ свобода дѣлается общимъ достояніемъ, какъ въ Америкѣ. Скажемъ больше: въ самомъ феодальномъ обществѣ „привилегіи" были выраженіемъ, одностороннимъ и фальшивымъ, той же свободы. Опираясь на свои привилегіи, вассалы отстаивали свою личную и имущественную неприкосновенность противъ несправедливыхъ притязаній сюзерена; опираясь на свои привилегіи, города отстаивали свою промышленную и торговую свободу противъ феодальныхъ господъ. Въ этомъ смыслѣ „привилегіи" не умерли: онѣ отжили вѣкъ въ своей исключительной формѣ, но заключавшаяся въ нихъ *общая* идея выдѣлилась и была возведена на степень общаго права.

Какъ бы ни была мала доля свободы, какъ бы ни было мало число людей, ею пользующихся, но общество живетъ этою долею и дѣлами этихъ людей, какъ Аѳины жили своимъ демосомъ, Римъ — своимъ гражданствомъ, средневѣковыя общества—своимъ рыцарствомъ, прелатами и городскими корпораціями. Назначеніе обществъ состоитъ именно въ томъ, чтобы распространять это благо въ наибольшей массѣ людей, воспитывать ихъ въ сознаніи права и собственнаго достоинства, вызывать къ дѣятельности личную предпріимчивость и всю творческую силу, таящуюся въ человѣкѣ, открыть имъ широкую возможность наполнять новымъ и болѣе богатымъ содержаніемъ формулы права и нравственности. Если лучшіе умы въ Европѣ сочувственно относятся къ развитію рабочихъ ассоціацій, то причину этого должно искать какъ въ сознанной потребности *организаціи* промы-

---

[1]) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что мы говоримъ о принципахъ *организаціи* государствъ, а не о принципахъ ихъ *дѣятельности*. Ошибка индивидуалистической школы состоитъ именно въ томъ, что она ограничиваетъ дѣятельность государства охраненіемъ правъ личной свободы, а не въ томъ, что она признаетъ личную свободу элементарнымъ условіемъ общественнаго устройства.

шленныхъ классовъ, такъ и въ томъ, что люди эти видятъ въ ассоціаціи новую форму *свободнаго* общенія людей, болѣе свободнаго и плодотворнаго, чѣмъ всѣ средневѣковыя „общенія“ въ гильдіяхъ и цехахъ. И вотъ почему, какъ ни странно это покажется, *рабочія ассоціаціи*, по существу своему, стоятъ гораздо ближе къ учрежденіямъ „стараго міра“, чѣмъ къ „международной ассоціаціи рабочихъ“. Вотъ почему эта „международная ассоціація“ и „соціальная демократія“, съ одной, а рабочіе союзы—съ другой стороны, не суть понятія тождественныя и другъ друга покрывающія. Напротивъ, *большинство* рабочихъ союзовъ не входитъ въ „интернаціональ“. Не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что значительнѣйшая, лучшая и здоровая часть рабочаго класса остается въ *своихъ* союзахъ, а солдаты арміи, состоящей подъ главнымъ начальствомъ Маркса, набираются изъ наименѣе здоровой части рабочаго класса. Пассаменте, посягающій на жизнь короля Гумберта, и рабочіе союзы, устраивающіе оваціи сыну Виктора Эммануила,—хорошая иллюстрація этой мысли. Рабочіе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, крѣпко связаны съ своею родиной, они любятъ въ Савойскомъ домѣ національную династію, символъ національнаго единства и политической свободы. Пассаменте освободилъ себя отъ всѣхъ этихъ воспоминаній, чувствъ и симпатій и остался при одномъ „желудочномъ“ космополитизмѣ, гдѣ уже пропадаетъ всякая народность, всякіе національные и политическіе идеалы.

Но развитіе свободной организаціи общества возможно только при томъ условіи, чтобы человѣкъ имѣлъ опредѣленную точку опоры въ своей индивидуальной обстановкѣ; чтобы онъ находилъ ее въ своемъ имуществѣ, въ своей семьѣ, въ общемъ строѣ своихъ убѣжденій, имъ выработанныхъ, а не пассивно усвоенныхъ. Конечно, это широкое развитіе индивидуальности можетъ дойти до крайнихъ предѣловъ, до такого состоянія, когда личность отвергнетъ весь стоящій надъ нею объективный порядокъ общественныхъ нравовъ и государственныхъ учрежденій и поставитъ свою индивидуальную волю выше общественныхъ требованій. Индивидуализмъ имѣетъ свой подводный камень—*анархію*, гдѣ о совмѣстномъ существованіи людей не можетъ уже быть рѣчи и гдѣ индивидуальная *сила* рѣшаетъ суверенно всѣ вопросы права и нравственности. Мы видѣли уже образчики такой анархіи въ той экономической безурядицѣ, которая наступила въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Но соціализмъ также имѣетъ свой подводный камень, и камень этотъ—*коммунизмъ*, къ которому приводитъ крайнее развитіе соціалистическихъ идей.

III.

Система коммунизма предполагаетъ уничтоженіе всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыми обусловливаются самостоятельное существованіе и самобытное развитіе человѣческой личности: собственности, семьи и семейнаго воспитанія, и государства—какъ нейтральной силы, охраняющей права каждаго. Частныя имущества исчезаютъ въ общности имуществъ; частныя хозяйства сливаются въ хозяйство общее, съ *равнымъ* распредѣленіемъ продуктовъ; брачный союзъ замѣняется вольными и преходящими отношеніями; дѣти становятся достояніемъ общества чуть не съ самаго момента ихъ рожденія; оно даетъ имъ однообразное воспитаніе и образованіе; самый человѣкъ дѣлается нѣкоторымъ аттрибутомъ общества, нумеромъ въ общемъ числѣ „рабочихъ пчелъ", безъ собственной иниціативы, безъ права выбора занятій, безъ права распоряженія своимъ временемъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о коммунизмѣ является не только вопросомъ *экономическимъ*, но касается *всѣхъ* условій человѣческаго существованія. Дѣло не только въ томъ, что коммунизмъ грозитъ богатымъ расхищеніемъ ихъ имущества; не въ томъ также, что, какъ утверждаютъ экономисты, коммунистически устроенное общество будетъ производить меньше и хуже, чѣмъ общество, допускающее промышленную свободу. Пусть оно производитъ лучше и больше, насыщая своихъ сочленовъ такъ, какъ не насыщался ни одинъ человѣческій желудокъ въ мірѣ, со временъ Вителлія или Геліогабала. Пусть богатые согласятся отдать свое достояніе въ общее владѣніе. Остается еще вопросъ о мало-имущихъ, полу-сытыхъ, т.-е. о массѣ общества; остается узнать, существуютъ ли мотивы для привлеченія ихъ въ коммунистическую общину?

Я имѣю мало, мнѣ нечего дѣлить съ моими „братьями"; проникнутый чувствами любви къ ближнему, я готовъ отдать свою послѣднюю рубашку въ „общее" пользованіе. Но есть одна вещь, которую я не могу, не пожелаю сдѣлать общимъ достояніемъ до тѣхъ поръ, пока считаю себя человѣкомъ, и этотъ предметъ — *моя собственная личность.*

Коммунизмъ стремится, повидимому, къ обезпеченію полной личной свободы всѣхъ и каждаго, къ устраненію малѣйшей тѣни превосходства человѣка надъ человѣкомъ и средствомъ для этого избираетъ общность имущества съ общностью производства и потребленія. Повидимому, вопросъ разрѣшается категорически и радикально: *имущество и трудъ будутъ общіе, личности будутъ свободны.* Вѣрно ли это? Нѣтъ ли въ этомъ „принципѣ" какого-нибудь ужасающаго софизма?

Увы! Присмотритесь внимательно къ условіямъ этой „общности“ и вы легко откроете первородный грѣхъ коммунизма; софизмъ, лежащій въ основаніи этой системы, бьетъ въ глаза. Подумайте немного — и вы увидите, *что нельзя сдѣлать имущество и трудъ общими, не сдѣлавъ въ то же время общею личность каждаго человѣка.* Одна „общность“ обусловливаетъ всѣ другія.

Полемика Прудона, бившаго направо и налѣво, поражавшаго и правовѣрную экономію и соціалистическую утопію, ударила и на этотъ софизмъ. Въ *Системѣ экономическихъ противорѣчій* (т. II, стр. 277 и слѣд.), обращаясь къ „своему другу, Вильгарделю, коммунисту“, Прудонъ говоритъ слѣдующее:

„Общность, говорите вы, обращается на *вещи,* но не на *лица.* Позвольте вамъ сказать, что это передержка. Общность или общеніе лицъ совершается чрезъ посредство вещей: предполагая, что люди не ѣдятъ другъ друга, общность устанавливается между ними чрезъ пользованіе одними и тѣми же предметами. Такимъ образомъ, общность моей комнаты, моей постели, моей одежды, добытая мимо моей воли, дѣлаетъ мою личность *общею,* т.-е., говоря языкомъ библіи, оскверняетъ и порабощаетъ ее. То же должно сказать относительно всего, что̀ касается моего труда, моихъ наклонностей и удовольствій. Я тѣмъ чище, свободнѣе и неприкосновеннѣе, чѣмъ *отдаленнѣе* эта прикосновенность при моемъ общеніи съ мнѣ подобными, примѣромъ чему можетъ служить общность солнца, отечества и языка. Наоборотъ, я чувствую себя тѣмъ болѣе униженнымъ и профанированнымъ, чѣмъ *ближе,* при подобномъ общеніи, мое непосредственное соприкосновеніе съ людьми, какъ, напримѣръ, при общеніи по способу Платона. Въ любви, замѣтьте это хорошенько, обоюдное согласіе необходимо: на этомъ началѣ зиждется общеніе супруговъ. Итакъ, если эта женщина, моя жена, сообщается даже добровольно съ другимъ; если, предаваясь разврату, она въ то же время раздѣляетъ мое ложе и спитъ на моей груди, не правда ли, что она *меня* предаетъ позору и безчестью! Foeda lupanaris tulit ad pulvinar odorem [1]. Только смерть виновной можетъ смыть такое оскорбленіе, и если оно „разрѣшается“ общиной, я возстану противъ общины. Дыханіе человѣка,—говоритъ де-Местръ,—смертельно для подобныхъ ему, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ; такъ, общность женщинъ есть организація чумы. Прочь отъ меня, коммунисты! Для меня ваше присутствіе—зловоніе, и вашъ видъ производитъ во мнѣ отвращеніе!“

---

[1]) „Загаженная, принесла она вонь публичнаго дома на брачное ложе“ (VI сатира Ювенала, стихъ 131).

Изъ чьей груди вырвался этотъ крикъ? Изъ груди экономиста манчестерской школы? Нѣтъ, Прудонъ цитируется этими экономистами въ числѣ соціалистовъ. Онъ вышелъ изъ сердца человѣка, сказавшаго, что „равновѣсіе свободы должно придти не извнѣ, а изнутри“ [1]), что въ основаніе нравственныхъ наукъ должно лечь понятіе *человѣческаго достоинства*, принципъ *самоуваженія*, имѣющій своимъ послѣдствіемъ и уваженіе къ другимъ [2]). Этотъ принципъ вдохновлялъ его цѣлую жизнь,—жизнь, исполненную тяжкихъ трудовъ и страданій. Во имя этого принципа онъ возсталъ противъ свободы „безъ противовѣса“ (манчестерство) и противъ внѣшнихъ, насильственныхъ „противовѣсовъ“, убивающихъ человѣческое достоинство. Его сильная душа возмущалась противъ всякихъ проектовъ человѣческаго благосостоянія, предполагающихъ диктатуру или иной способъ приниженія личности. Пусть вспомнятъ его грозную филиппику противъ сенсимонизма и „положительной религіи“ А. Конта; пусть вспомнятъ, какую бурю вызвала въ его душѣ идея сенсимонистскаго „отца“, съ его правомъ „воздавать каждому по способностямъ и каждой способности по ея дѣламъ“. Вотъ небольшое мѣсто изъ этой филиппики.

„Пусть я буду *бѣденъ*, вслѣдствіе необходимости, или случайности, или по волѣ Божіей: я могу покориться, разсудивъ, что это касается, въ концѣ-концовъ, только внѣшности моего существа, поверхности моей личности. Покоряясь, я чувствую, что, чрезъ мою покорность и преданность, я стóю самаго добродѣтельнаго изъ моихъ братьевъ“.

„Но когда „первосвященникъ“, г. Анфантенъ и его супруга, г. Ламберъ или всякій другой—люди, которыхъ я готовъ уважать, пока имъ угодно будетъ оставаться людьми,—позволятъ себѣ таксировать мои способности, опредѣлять мое мѣсто подъ солнцемъ, назначать мнѣ порцію, присуждая себѣ милліоны, я признàюсь, что это меня возмущаетъ, и еслибы я имѣлъ честь жить въ церкви Сенъ-Симона, мое первое движеніе было бы надавать пощечинъ *первосвященнику*“ [3]).

Таковъ крикъ *неимущаго* Прудона, и онъ останется крикомъ всякаго человѣка, сознающаго свое *достоинство*. Съ какой бы стороны мы ни подошли къ коммунизму, выводъ не измѣнится. Съ какого бы конца мы ни начали разрушать человѣческую личность, результатъ будетъ тотъ же. Коммунизмъ подбирается къ этому че-

---

[1]) *De la Justice*, etc. II étude, p. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 4 и слѣд.
[3]) Тамъ же, стр. 46.

ловѣческому „я“ со стороны экономической, увѣряя, впрочемъ, что онъ не дойдетъ до конца. Посмотримъ, насколько онъ можетъ сдержать слово.

Имущество дѣлается общимъ. Но имущество есть не что иное, какъ плодъ и основаніе труда. Человѣкъ производитъ цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ извѣстной матеріальной основѣ своего хозяйства. Сдѣлать имущество общимъ, оставивъ трудъ раздѣльнымъ, было бы вопіющимъ противорѣчіемъ. Какой смыслъ имѣлъ бы раздѣльный трудъ, если бы человѣкъ не имѣлъ самостоятельной хозяйственной основы и права на плоды своихъ трудовъ? До сихъ поръ коммунизмъ вполнѣ логиченъ. Но почему онъ не хочетъ сказать послѣдняго слова, лучше сказать, почему онъ не видитъ логическаго послѣдствія первыхъ двухъ посылокъ? Если общность имущества влечетъ за собою общность труда, то послѣдняя приводитъ къ общности *лицъ*. Не говорятъ ли сами соціалисты, что трудъ не можетъ быть отдѣленъ отъ личности работника; не требуютъ ли они государственной и ассоціаціонной защиты рабочаго именно во имя этого факта? Почему же этотъ фактъ, естественный и неизбѣжный, вдругъ измѣнится въ коммунистической системѣ? Кто пользуется трудомъ рабочаго, тотъ неизбѣжно пользуется и его личностью. Разница только въ пользующемся субъектѣ.

Теперь личностью работника пользуется предприниматель, и противъ нѣкоторыхъ вредныхъ послѣдствій такого пользованія вооружается фабричное законодательство и борются ассоціаціи. Тогда— человѣческая личность поступитъ въ распоряженіе общины, и кто въ состояніи будетъ бороться противъ ея всемогущества?

Каждый членъ такой общины долженъ будетъ принадлежать ей безраздѣльно, „всѣмъ помышленіемъ своимъ и всею крѣпостью своею“. Внѣ ея онъ не будетъ и не долженъ будетъ имѣть никакой точки опоры, какъ опирается онъ теперь на государство и на свою ассоціацію противъ „фабрики“. Онъ не въ состояніи будетъ вознестись надъ общиною, вступить въ какую-нибудь высшую сферу жизни, въ силу своихъ умственныхъ и эстетическихъ стремленій. Подобно Богу въ Апокалипсисѣ, община скажетъ про себя: „Я начало, середина и конецъ“. Я — все! Внѣ меня нѣтъ семьи, потому что я—семья; внѣ меня нѣтъ труда, потому что каждый трудъ, не посвященный непосредственно мнѣ, есть преступленіе и оскорбленіе моего величества. Каждый долженъ трудиться какъ *всѣ*. Но первый удѣлъ и первая обязанность *всѣхъ* членовъ общины—трудъ *физическій*, потому что только онъ необходимъ общинѣ. Труды умственный и эстетическій не суть труды, а забава, развлеченіе. Эти виды труда не воспрещаются, но постольку, поскольку они могутъ быть согласованы съ

исполненіемъ первѣйшей обязанности человѣка—съ трудомъ физическимъ. Леверье, Вирховы, Гаусы, Момзены, Ренаны и т. д. могутъ заниматься своими глупостями, но послѣ того, какъ они накололи и наносили дровъ, вспахали извѣстное количество земли, наносили воды, словомъ—послѣ того, какъ они послужили „міру".

Кто не видитъ и кто не чувствуетъ, что вся эта „система" предполагаетъ невиданное „общеніе" *лицъ*, что мое *я* дѣлается общимъ достояніемъ, подобно проѣзжимъ дорогамъ. тротуарамъ, улицамъ и площадямъ? Кто не видитъ, что это человѣческое *я* дѣлается безсильною принадлежностью всемогущей общины? Найдите же человѣка, который, сознавая свое *я*, подчинится порядку, при которомъ онъ никогда не будетъ работать на себя и вѣчно станетъ служить другимъ, при которомъ онъ никогда не будетъ имѣть ничего *своего*, даже своей собственной мысли.

Золотой вѣкъ, счастливое время, когда всякій будетъ вставать, работать, ѣсть, ложиться и опять вставать по звонку; когда каждое его движеніе, каждое его слово, каждый его поступокъ будутъ „контролироваться" и обсуждаться „міромъ"; когда этотъ назойливый „міръ" будетъ проникать въ тайники его души, касаться своими безцеремонными руками его святѣйшихъ чувствъ; когда отъ этого „міра" некуда будетъ уйти, ибо, съ наступленіемъ золотого коммунистическаго вѣка, вся вселенная распадется на такіе же „міры".

Есть одно чудное мѣсто въ „Мертвомъ домѣ" Ѳ. М. Достоевскаго. Отчего болѣзненно сжалось сердце заключеннаго при первомъ вступленіи въ „Мертвый домъ"? „Я никогда уже не буду одинъ",—думалось ему. Вотъ что страшно! Всегда, при всякомъ случаѣ, тогда ли, когда человѣку взгрустнулось, или когда онъ хочетъ задать себѣ „праздникъ мысли", какъ говорятъ нѣмцы, или когда, въ порывѣ веселья, ему хочется затянуть пѣсню, или въ припадкѣ горя уткнуть голову въ подушку—предъ нимъ стоятъ одинъ или нѣсколько „братьевъ", готовыхъ на расспросы, на толки, пересуды и совѣты. Что же дѣлать! Вѣдь они „братья", а у братьевъ все общее, и радость и горе; кто таитъ свои мысли, тотъ „обособляется", тотъ извлекаетъ изъ „общаго достоянія" извѣстный запасъ мыслей и чувствъ; онъ низкій эгоистъ, готовый, пожалуй, возстановить собственность. Не думаетъ ли онъ объ этомъ? Не извѣстить ли міръ о подозрительномъ поведеніи „брата"? Не повѣсить ли его, въ назиданіе другимъ?

Вотъ почему бѣднѣйшій человѣкъ, живущій въ сыромъ, но *своемъ* углѣ, возстанетъ противъ коммунизма всѣми силами своей души.

Одно изъ двухъ. Или соціализмъ говоритъ объ *освобожденіи* рабочаго, т.-е. о воспитаніи его къ матеріальной и нравственной *свободѣ*,

тогда онъ долженъ идти по пути, проложенному вѣковою культурою Европы, и на этомъ пути онъ встрѣтится и встрѣтился уже съ лучшими силами того стараго міра, который онъ проклинаетъ. Или онъ хочетъ „общности“, испытанной уже въ католическихъ монастыряхъ и въ острогахъ, но тогда пусть онъ не профанируетъ имени свободы.

Еще одно, послѣднее замѣчаніе. Къ чему такъ много говорить о коммунизмѣ, который, повидимому, не грозитъ Европѣ? Но, во-первыхъ, хотятъ или не хотятъ того „соціальные революціонеры“, а ихъ программы и системы фатально тяготѣютъ къ этому подводному камню; а Бебели и Либкнехты тяготѣютъ къ нему даже не фатально, а по доброй волѣ. Во-вторыхъ, и для меня это самое важное, *наши* программы соціальной революціи суть не что иное, какъ программы *чистаго коммунизма*, освобожденнаго отъ всѣхъ „предразсудковъ“ западной Европы. Въ виду такихъ программъ и даже иныхъ „поступковъ“ и написаны эти строки.

IV.

Въ соціальномъ движеніи на западѣ Европы есть коммунистическіе элементы. Но было бы ошибочно смѣшивать всѣ соціалистическія ученія съ коммунизмомъ. Напротивъ, мы увидимъ ниже, что русскіе пропагандисты и революціонеры упрекаютъ Маркса и Лассаля за то, что они остаются въ нѣкоторыхъ старыхъ рамкахъ (хотя Марксъ близко подходитъ къ коммунистамъ).

Тѣмъ не менѣе соціалистическіе планы рѣшенія рабочаго вопроса исходятъ изъ принциповъ, прямо противоположныхъ началамъ существующей организаціи, и имѣютъ въ виду цѣли, осуществленіе которыхъ немыслимо безъ полнаго разрушенія существующей общественной системы.

Мы уже замѣтили выше, что это противоположеніе соціалистическихъ принциповъ началамъ либеральнаго экономизма, какъ орудіе теоретической критики извѣстной системы экономическихъ отношеній, имѣло и имѣетъ свое историческое значеніе. Соціализмъ, какъ теорія, явился противовѣсомъ и „поправкою“ къ одностороннимъ выводамъ манчестерской школы. Послѣдняя дѣлала рычагомъ всего экономическаго оборота *личный интересъ*; соціализмъ съ особенною силою указывалъ на принципъ общественной *солидарности*. Манчестерская школа видѣла въ экономической жизни систему организованныхъ „своекорыстій“ и оставляла въ сторонѣ нравственные принципы общественной организаціи; соціализмъ настаивалъ на подчиненіи экономическихъ отношеній общимъ нравственнымъ принципамъ. Экономизмъ полагался на дѣйствіе „естественныхъ законовъ“ и дово-

дилъ до минимума вмѣшательство государства въ ихъ сферу; соціализмъ превозносилъ роль государства въ дѣлѣ регулированія экономическихъ отношеній. Экономизмъ съ гордостью указывалъ на громадное развитіе производства и увеличеніе общей массы богатствъ, какъ на послѣдствіе его принциповъ; соціализмъ указывалъ на бѣдственное положеніе рабочихъ массъ и доказывалъ, что, кромѣ вопроса объ увеличеніи производства, имѣется еще вопросъ о правильномъ распредѣленіи богатствъ, и т. д.

Въ этомъ видѣ соціализмъ давалъ серьезныя точки опоры для критики экономическихъ отношеній; онъ обогатилъ экономическую науку въ общемъ ея объемѣ, новыми и плодотворными положеніями; онъ далъ толчокъ многимъ полезнымъ практическимъ мѣрамъ. Такъ, рабочее движеніе въ Англіи и ростъ фабричнаго законодательства въ этой странѣ,конечно, связаны съ именемъ Р. Оуэна.

Но не должно забывать, что принципы соціализма столь же односторонни, какъ и положенія манчестерской школы; что Бебель есть, такъ-сказать, Бастіа соціализма, какъ Карлъ Марксъ является соціалистическимъ Адамомъ Смитомъ. Иное дѣло видѣть въ соціализмѣ теорію, дополняющую и исправляющую недостатки другой, и иное—утверждать, что его принципы должны быть *исключительными* началами общественнаго устройства. Одно дѣло—утверждать, вмѣстѣ съ соціалистами, что рабочій имѣетъ право на извѣстную *долю* прибыли отъ предпріятія, и стараться, чтобы эта доля опредѣлялась наиболѣе справедливо; другое дѣло—доказывать, что рабочимъ принадлежитъ *вся* прибыль предпріятія, и требовать, чтобы общество было устроено такъ, чтобы за рабочими обезпечивалась эта „вся“ прибыль.

Между тѣмъ, знаменитая „международная ассоціація рабочихъ“, руководимая Карломъ Марксомъ, выставляетъ именно такія требованія отъ „новой“ общественной организаціи. Такъ, на конгрессѣ 1868 года (Брюссель) былъ заявленъ и принятъ слѣдующій принципъ:

„Машины и коллективная сила, существующія теперь *исключительно* для выгоды капиталистовъ, на будущее время должны приносить выгоду единственно (uniquement) рабочему, и для этого нужно, чтобы всякая промышленность, гдѣ необходимы эти двѣ экономическія силы, была отправляема группами (рабочихъ), освобожденными отъ условій задѣльной платы“.

Итакъ, интересъ рабочихъ дѣлается исключительнымъ и единственнымъ предметомъ попеченія общества. Но какъ достигнуть этой цѣли? Она, очевидно, не будетъ достигнута, если капиталы и орудія крупнаго производства останутся въ рукахъ нынѣшнихъ

собственниковъ. Еще въ первомъ статутѣ М. А. Р., [1]), принятомъ Женевскимъ конгрессомъ (1866 г.), было заявлено, что „экономическое подчиненіе рабочаго собственнику сырья и орудій труда (машинъ) есть источникъ рабства во всѣхъ его формахъ: общественной нищеты, умственнаго упадка и политическаго подчиненія“.

Отсюда можно сдѣлать только одинъ выводъ: частная собственность должна быть отмѣнена и всѣ объекты собственности войти въ общественное достояніе. Такой выводъ и былъ сдѣланъ М. А. Р. въ рядѣ резолюцій, касающихся каменноугольныхъ и другихъ копей, желѣзныхъ дорогъ, сельской собственности, лѣсовъ, собственности вообще и наслѣдственности имуществъ въ частности [2]).

Въ чьихъ рукахъ сосредоточится, однако, эта собственность? Въ рукахъ государства, какъ представителя соціальной „общности“, а оно уже будетъ концессіонировать всѣ предпріятія отдѣльнымъ ассоціаціямъ рабочихъ. Но для того, чтобы государство выполняло эту задачу, оно само должно быть „возрождено“ въ соціальномъ смыслѣ [3]). Эта идея „возрожденнаго“ государства особенно усердно разработана германскими „соціалъ-демократами“ и выражена въ извѣстной ихъ программѣ [4]).

Экономическія цѣли соціальной революціи указаны здѣсь согласно общимъ принципамъ М. А. Р. Первою цѣлью является предоставленіе рабочимъ всей прибыли [5]). Существенное отступленіе отъ программъ М. А. Р. состоитъ въ признаніи необходимости государственнаго *кредита* для основанія производительныхъ ассоціацій, какъ это предлагалъ Лассаль. Но важнѣйшая сторона „соціалъ-демократической“ программы есть сторона политическая. Принимая общія экономическія цѣли революціоннаго соціализма, соціальные демократы заявляютъ, что эти цѣли могутъ быть осуществлены *только* въ *демократическомъ* или въ „свободно-народномъ“ государствѣ [6]).

Существенными признаками такого государства „соціалъ-демократы“ считаютъ: 1-е, распространеніе избирательнаго права (съ прямою и тайною подачею голосовъ) на всѣхъ лицъ мужского пола, достигшихъ 20-ти лѣтъ, и опредѣленіе содержанія депутатамъ [7]);

---

[1]) М. А. Р.—международная ассоціація рабочихъ.

[2]) Резолюціи конгрессовъ Брюссельскаго и Базельскаго.

[3]) Резолюція Брюссельскаго конгресса: „l'État régénéré et soumis lui-même à la loi de justice“.

[4]) R. Meyer, *Der Emancipationskampf des Vierten Standes*, I, 236 и слѣд.

[5]) „Den vollen Arbeitsertrag für jeden Arbeiter“.

[6]) Der freie Volksstaat.

[7]) Въ настоящее время депутаты нѣмецкаго рейхстага не получаютъ содержа-

2-е, введеніе *прямого* законодательства, т.-е. перенесеніе права иниціативы и санкціи законовъ на народъ [1]); 3-е, уничтоженіе всѣхъ привилегій, пріобрѣтаемыхъ рожденіемъ, принадлежностью къ извѣстному сословію или вѣроисповѣдованію; 4-е, учрежденіе народнаго ополченія, вмѣсто постоянной арміи; 5-е, отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви; 6-е, обязательное элементарное обученіе и даровое обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; 7-е, полная независимость судовъ, расширеніе института присяжныхъ, устное и гласное судопроизводство, безвозмездность правосудія и учрежденіе спеціальныхъ судовъ для промышленныхъ отношеній (Fachgewerbegerichte); 8-е, отмѣна *всѣхъ* законовъ о печати, собраніяхъ и ассоціаціяхъ; 9-е, установленіе нормальнаго рабочаго дня; ограниченіе женской и воспрещеніе дѣтской работы; устраненіе конкурренціи свободной работѣ, представляемой рабочими и смирительными домами; 10-е, уничтоженіе *всѣхъ* косвенныхъ налоговъ и введеніе одной прямой и прогрессивной подати съ доходовъ и съ наслѣдствъ; 11-е, государственное поощреніе ассоціацій и государственный кредитъ для свободныхъ производительныхъ ассоціацій подъ демократическою гарантіею".

Конечно, и въ этой „политической" программѣ требованія политическія перепутаны съ экономическими: нормальный рабочій день съ выборнымъ правомъ, женскій и дѣтскій и трудъ съ судомъ присяжныхъ. Но, выдѣляя чисто политическія начала, мы получимъ совокупность такихъ требованій, которыя противорѣчатъ принципамъ не только монархической части германскаго общества, но и конституціонной партіи демократическаго характера. Въ республиканской Америкѣ нѣтъ рѣчи о „непосредственномъ" законодательствѣ. Тамъ свободная масса народа избираетъ изъ своей среды законодательную *власть*, которой и принадлежитъ какъ иниціатива, такъ и принятіе законопроектовъ. Такими требованіями, конечно, и объясняется возможность жестокой борьбы между партіями, которая уже началась въ Германіи. Дѣйствительны ли мѣры, избранныя для такой борьбы, это другой вопросъ, на который едва-ли можно отвѣтить утвердительно.

Но насъ интересуетъ не эта борьба, а самая идея такого „непосредственнаго" законодательства, такой милиціи и всего, что содержится въ программѣ соціальной демократіи. „Возрожденное госу-

---

нія, чѣмъ косвенно ограничивается *пассивное* избирательное право для неимущихъ кандидатовъ.

[1]) Намекъ на такъ-называемые „референдумъ" и „иниціативу", существующіе въ Швейцаріи, хотя здѣсь они вовсе не равносильны „прямому законодательству".

дарство“, очевидно, должно служить средствомъ для проведенія извѣстныхъ экономическихъ цѣлей, а цѣли эти тождественны съ принципами М. А. Р., *отдѣломъ* которой признала себя соціальная демократія. Провозгласить принципы и избрать внѣшнее *орудіе* для ихъ проведенія не значитъ еще найти практическія мѣры къ ихъ практическому *осуществленію.*

Что скажетъ народъ, вооруженный правомъ „непосредственнаго“ законодательства и собранный въ свои „комиціи“? Для того, чтобы „законодательствовать“, мало сознавать свое всемогущество и имѣть въ своей головѣ нѣсколько общихъ „принциповъ“. Лучшіе съ перваго взгляда принципы могутъ оказаться пустѣйшими фантазіями, если не имѣется практическихъ и справедливыхъ мѣръ къ ихъ осуществленію. М. Бакунинъ, въ своей *Государственности и анархіи*, разсуждая о необходимости уничтожить привилегированное положеніе *приморскихъ* націй, ведетъ расчетъ на грядущіе успѣхи *воздухоплаванія.* Не окажется ли и „народъ“ въ положеніи „воздухоплавателя“, если въ его головѣ ничего не будетъ, кромѣ общихъ принциповъ?

Вся прибыль должна принадлежать рабочему,—гласитъ первый и существенный изъ этихъ принциповъ. Но гдѣ способы организовать производство такъ, чтобы эта прибыль въ самомъ дѣлѣ доставалась рабочему? При существующей *раздѣльности* элементовъ производства, мы можемъ говорить только объ извѣстной *долѣ* этой прибыли, приходящейся рабочему. Стало быть, для присужденія ему *всей* прибыли, необходимо предположить, что капиталистъ, предприниматель и рабочій соединились въ одномъ лицѣ, именно въ лицѣ нынѣшняго рабочаго. Но какъ достигнуть такого соединенія?

Соціальная демократія ведетъ, повидимому, главный расчетъ на производительныя ассоціаціи рабочихъ, основанныя при помощи государственнаго кредита (Лассаль). Но государство, открывая „кредитъ“, должно имѣть свободные капиталы. Государственные же капиталы составляются исключительно изъ налоговъ, взимаемыхъ имъ съ общества. Но въ демократическомъ государствѣ всѣ налоги отмѣняются, за исключеніемъ прямого и *прогрессивнаго* налога съ доходовъ и съ наслѣдствъ, стало быть, налога, падающаго почти исключительно на зажиточные классы. Не явится ли, такимъ образомъ, государственный „кредитъ“ средствомъ легальнаго обиранія однихъ классовъ общества въ пользу другихъ? Если въ настоящее время Карлъ Марксъ написалъ изслѣдованіе о процедурѣ обиранія рабочихъ капиталистами, то не явится ли въ грядущемъ „государствѣ“ публицистъ, который столь же остроумно изобразитъ процессъ обиранія высшихъ классовъ низшими, и едва-ли онъ назоветъ такое го-

сударство „un État régénéré et soumis lui-même à la loi de justice". Система эксплуатаціи не измѣнится отъ того, что несправедливость будетъ совершаться массою, вмѣсто небольшого круга лицъ. Или мы додумались до того, что несправедливость, совершаемая массами и потому *выгодная* для „большинства", въ силу этого становится справедливостью?

Манифесты М. А. Р. рѣшаютъ вопросъ радикальнѣе, предлагая „возвращеніе" объектовъ частной собственности въ общее достояніе. На какихъ условіяхъ совершится это „возвращеніе"? Существующій и „отжившій" юридическій міръ знаетъ только одинъ способъ отчужденія частной собственности на общественное употребленіе—*экспропріацію*, подъ условіемъ предварительнаго и справедливаго *вознагражденія*. „Отжившій" міръ выработалъ этотъ способъ и занесъ его въ декларацію правъ 1789 года по слѣдующему соображенію, довольно основательному. Государство, отчуждая частную собственность, должно относиться къ праву собственника именно какъ къ *праву*, законно пріобрѣтенному, и котораго собственникъ не можетъ быть *лишенъ*. Государство, при экспропріаціи, *не лишаетъ* собственника этого *права*; напротивъ, оно признаетъ его и потому считаетъ себя обязаннымъ дать собственнику извѣстный *эквивалентъ* за отчуждаемый *объектъ* его права.

Останется ли „непосредственно" законодательствующій народъ въ кругу тѣхъ же идей? Если *да*, то какими средствами должно располагать государство, чтобы произвести экспропріацію *всей* недвижимой собственности въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, съ ея милліардами годового дохода! Какія финансовыя способности нужны для преодолѣнія такой операціи! Какія тягости долженъ будетъ взять на себя каждый плательщикъ, чтобы покрыть расходы по „справедливому и предварительному вознагражденію собственниковъ!"

Но если *нѣтъ*? Если народъ, собранный въ свои „комиціи", рѣшитъ, что вознагражденія не требуется, что экспропріація должна совершиться *безвозмездно*, стало быть, обратиться въ *конфискацію?* Тогда... но пусть уже самъ читатель судитъ о томъ, что будетъ *тогда*. Мы не имѣемъ охоты дѣйствовать на воображеніе читателя и рисовать ему картины съ потоками крови и трупами. Мы думаемъ, что, къ чести человѣчества, сцены въ родѣ Варѳоломеевской ночи и сентябрьскихъ убійствъ перешли въ область исторіи и напоминаютъ о себѣ только операми и романами, написанными на эти сюжеты.

Конечно, *фактически*, соціальная революція возможна, и она *вѣроятна*, если ее не предупредятъ совокупныя усилія всѣхъ здоровыхъ силъ общества и правительства, усилія, направленныя къ тому,

чтобы воспитать рабочія массы въ духѣ права и свободы, чтобы удовлетворить всѣмъ законнымъ требованіямъ труда. Мы расчитываемъ, въ этомъ отношеніи, гораздо больше на *положительныя*, чѣмъ на отрицательныя мѣры, ибо всякая отрицательная мѣра равносильна оставленію вопроса „безъ разсмотрѣнія" и фактической передачѣ дѣла въ другія руки, обыкновенно враждебныя.

Во всякомъ случаѣ исходъ такой революціи, если ей суждено осуществиться, никто предвидѣть не можетъ. Еще меньше можно утверждать, что результатомъ ея будетъ торжество соціалистическихъ идей. Нынѣшніе вожаки революціонной партіи могутъ сдѣлать одно: вызвать взрывъ *стихійныхъ* силъ націи, тѣхъ силъ, что не разсуждаютъ и съ которыми никто разсуждать не можетъ. Ни Марксъ, ни Бебель, ни Либкнехтъ не могутъ поручиться, что послѣ того какъ шлюзы будутъ открыты, плотины прорваны и народный океанъ затопитъ „существующій порядокъ", имъ не придется быть организаторами порядка *новаго*, какъ не пришлось быть такими организаторами Марату, Дантону и Робеспьеру. Нѣтъ большей загадки какъ „народъ", а особенно тогда, когда онъ обращенъ въ стихію. Что выброситъ онъ на поверхность? Кого поставитъ во главу угла? Этого не знаетъ онъ самъ. Кто въ 1793 году могъ предугадать, что народъ, разрушившій вѣковую монархію, склонится сначала предъ m-me Кабарюсъ, а потомъ воздвигнетъ тронъ Наполеону? Кто могъ прозрѣть въ ярыхъ якобинцахъ будущихъ архиканцлеровъ и министровъ полиціи побѣдоноснаго императора? Между тѣмъ, все это случилось, какъ будто въ назиданіе будущимъ временамъ, если бы „времена" способны были назидаться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУССКІЙ СОЦІАЛИЗМЪ.

I.

Соціально-революціонная партія на западѣ Европы есть, несмотря на всѣ свои „крайности", извѣстная сторона и элементъ опредѣленнаго общественнаго процесса, т.-е. рабочаго движенія. Она имѣетъ тамъ твердую почву, она выработана извѣстными условіями, и эти обстоятельства даютъ ея ученіямъ самостоятельное и довольно богатое содержаніе. Отъ этого она всегда выиграетъ въ сравненіи съ соціальною партіею въ Россіи. Это видно будетъ изъ самаго бѣглаго сравненія условій соціализма здѣсь и тамъ. Тамъ—организованная

и многочисленная соціальная партія, пользующаяся всѣми средствами современнаго политическаго строя Европы: всеобщею подачею голосовъ, правомъ сходокъ и ассоціацій, свободою печати. Здѣсь—горсть людей, пребывающихъ въ мѣстахъ скрытныхъ или на чужбинѣ. Тамъ—движеніе располагаетъ силами значительныхъ массъ народа, *исторически* подготовленныхъ къ воспріятію „идеи четвертаго сословія". Здѣсь—нѣсколько сотъ пропагандистовъ стараются разогрѣть восьмидесятимилліонную массу, въ противность всей русской исторіи. Тамъ—соціализмъ, долгою работою выдающихся умовъ и великихъ талантовъ, возведенъ на степень особой науки, поэзіи и религіи. Съ словомъ соціализмъ соединяются представленія о грандіозной фантазіи С. Симона и Фурье, мистическомъ экстазѣ Пьера Леру, бурномъ краснорѣчіи Лассаля и грузной учености Карла Маркса. Здѣсь—нѣсколько плохихъ брошюръ, странныхъ прокламацій и снотворныхъ журналовъ. Тамъ—соціальная идея, пропущенная, такъ-сказать, чрезъ всѣ историческія и бытовыя условія, чрезъ всѣ слои общества, преломилась и разложилась въ разные цвѣта, начиная съ консервативныхъ соціалистовъ, продолжая соціальными демократами, соціалистами христіанскими, соціалистами-государственниками, соціалистами католическими, соціалистами отъ каѳедры, и т. д. Здѣсь все выкрашено въ одну краску, хотя г. Лавровъ и ссорится съ г. Ткачевымъ, а *Земля и Воля* чурается отъ *Набата*. Тамъ соціальное движеніе имѣетъ всѣ признаки движенія историческаго: *практическія условія, теорію* и *программу*. Здѣсь—приходится довольствоваться одною нехитрою *программой*. Читая программы западно-европейскихъ соціалистовъ, невольно чувствуешь, что каждая ихъ статья содержитъ въ себѣ практическое требованіе, осуществимое или неосуществимое—это другой вопросъ, но соотвѣтствующее извѣстному реальному условію и выведенное изъ опредѣленной теоріи. Здѣсь — всякая программа производитъ впечатлѣніе *заимствованія*, приправленнаго фантастическими соображеніями о русской исторіи. Заимствованіе дѣлается изъ программъ самыхъ крайнихъ партій, а историческія основы разыскиваются въ идеализированныхъ „движеніяхъ" Стеньки Разина и Емельяна Пугачева, этихъ великихъ русскихъ „соціалистовъ", по завѣренію *Земли и Воли*.

Оторванная отъ всякихъ практическихъ условій, „освобожденная" отъ всякой теоріи, „программа", несмотря на это, или вѣрнѣе, именно поэтому, предъявляетъ такія требованія, которыхъ, вѣроятно, не признала бы своими нѣмецкая соціальная демократія. Послѣдняя относится къ государству и къ современной культурѣ какъ къ фактическимъ силамъ. Рѣчь идетъ именно о томъ, чтобы *воспользоваться*

этими силами на пользу рабочихъ классовъ и для такой цѣли перестроить государство и существующія экономическія отношенія. У насъ дѣло идетъ не о чемъ другомъ, какъ о разрушеніи всего „стараго" міра и созданіи міра новаго, неимѣющаго ничего общаго со всѣмъ, еже есть сущаго. Всѣ наши программы и програмки суть не что иное, какъ варіаціи на общую тему Бакунина:

„Разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, вольная организація *снизу вверхъ* посредствомъ вольныхъ союзовъ—организація разнузданной чернорабочей черни всего освобожденнаго человѣчества, *созданіе новаго общечеловѣческаго міра*" [1]).

Бакунинъ зналъ, что говорилъ. Онъ выносилъ эту „идею" и твердилъ о ней задолго до появленія его *Анархіи и Государственности*. Въ 1869 году намъ пришлось читать прокламацію его, озаглавленную *Нѣсколько словъ молодымъ друзьямъ въ Россіи*, написанную по поводу студенческихъ волненій въ Петербургѣ (мартъ 1869 года). Она весьма замѣчательна и въ теоретическомъ и въ историческомъ отношеніяхъ. Въ историческомъ—потому, что она собственно дала сигналъ къ движенію „въ народъ". Въ теоретическомъ—потому, что заключала въ себѣ короткую программу дѣйствій, впослѣдствіи развитую въ книгѣ того же Бакунина *Анархія и Государственность*. Въ числѣ афоризмовъ, которыми изобиловала прокламація, тамъ находился и такой: „Студенческія движенія—говорилъ Бакунинъ,—думаютъ объяснить польскими вліяніями. Но это вздоръ (съ этимъ и мы согласны). Идеалы поляковъ не могутъ имѣть,—продолжалъ онъ,—ничего общаго съ идеалами русскихъ революціонеровъ. Послѣдніе сочувствуютъ полякамъ только въ ихъ стремленіи разрушить „всероссійское государство". Но затѣмъ идеалы двухъ партій расходятся. Поляки хотятъ возстановить свое *польское государство*; русскіе юноши должны стремиться къ разрушенію государства въ цѣломъ мірѣ".

И въ самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего общаго. Революціонеръ-полякъ мечтаетъ о своей старой „Рѣчи-Посполитой"—значитъ, на немъ лежитъ клеймо *государственности*.

Гарибальди всю жизнь бился за свою единую Италію. Правда, онъ демократъ и даже былъ подстрѣленъ войсками Ратацци... но онъ живетъ Италіею, бился за нее противъ иноземцевъ, отдалъ ее Савойскому дому—слѣдовательно, на немъ лежитъ позоръ *государственности* и *народности*.

Гамбетта демократъ и радикалъ. Но онъ дышитъ своею belle

---

[1]) *Анархія и Государственность*, стр. 302.

France, онъ плакалъ надъ несчастіями отечества въ 1870 году, онъ сурово отнесся къ сепаративнымъ стремленіямъ южныхъ департаментовъ. Стало быть, онъ запачканъ государственностью, національностью и централизаціею.

Бакунинскіе люди должны жить по другому катехизису. Кто не читалъ Бакунинскаго катехизиса, тотъ не имѣетъ понятія о томъ, чѣмъ долженъ быть „революціонеръ" и какъ онъ долженъ относиться *ко всему*, что его окружаетъ: къ государству, обществу, семьѣ, друзьямъ.

„Революціонеръ—говоритъ Бакунинъ,—человѣкъ, принявшій постригъ. Въ глубинѣ своего существа,—и не на словахъ, а на дѣлѣ,—онъ разорвалъ съ гражданскимъ порядкомъ, со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, съ признанными въ этомъ мірѣ законами, нравами, моралью и обычаями. Онъ ихъ непримиримый врагъ, и если онъ продолжаетъ жить въ этомъ мірѣ, то для того, чтобы вѣрнѣе его разрушить. Революціонеръ ненавидитъ всякое доктринерство и отрекается отъ нынѣшней *науки*, которую онъ предоставляетъ будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку—*разрушеніе*. Для этой, и только для этой цѣли изучаетъ онъ механику, физику, химію и, пожалуй, медицину (!). Для этой же цѣли изучаетъ онъ, день и ночь, живую науку—людей, характеры и отношенія... Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ существующую общественную мораль во всѣхъ ея мотивахъ и проявленіяхъ. *Для него нравственно все, что содѣйствуетъ торжеству революціи, безнравственно и преступно все, что тому препятствуетъ*".

Далѣе говорится, что революціонеръ долженъ освободить себя отъ всякихъ чувствъ дружбы, любви, родственныхъ привязанностей и т. д. Да не подумаютъ, впрочемъ, что это привлекательное существо должно выдавать себя за то, что оно есть на самомъ дѣлѣ. О, совершенно напротивъ! Не даромъ „революціонная мораль" разрѣшаетъ всѣ средства для благой цѣли. Ради успѣшнаго „разрушенія", революціонеръ „можетъ, а часто долженъ жить въ обществѣ и дѣлать видъ, что онъ совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ. Онъ долженъ открыть себѣ доступъ всюду: въ высшее общество и въ среднее сословіе, въ купеческія лавки и въ церковь, въ аристократическія палаты, въ бюрократическій, военный и литературный міры, тайную полицію и даже во дворцы государей".

Здѣсь онъ „сортируетъ" людей и составляетъ списки лицъ, подлежащихъ уничтоженію. Все „общество", подлежащее уничтоженію, дѣлится на пять категорій, согласно постепенности ихъ „истребленія" (женщины составляютъ особую категорію съ тремя подраздѣленіями). Одни должны быть истребляемы немедленно; другихъ приберегаютъ

до лучшихъ дней; съ третьими наружно вступаютъ въ союзъ, для послѣдующаго уничтоженія (либералы); съ четвертыми живутъ въ нѣжной дружбѣ, подготовляя и имъ погибель (политическіе революціонеры).

Чѣмъ же, однако, руководствуется разрушитель? Что̀ должно выйти изъ разрушенія? *Благо народа,*—отвѣчаетъ главнокомандующій революціи. Но процессъ осуществленія этого „блага" представляетъ такія оригинальныя черты, что мы должны остановиться на нихъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

„Революціонная ассоціація — говоритъ Бакунинъ, — не имѣетъ другой цѣли, какъ полное освобожденіе и благо народа, т.-е. чернорабочаго люда. Но признавая, что эта эманципація и это благо могутъ быть осуществлены только всеразрушающею народною революціей, ассоціація приложитъ всѣ силы и средства къ *увеличенію* золъ и народныхъ страданій, чтобы, наконецъ, истощить народное терпѣніе и возжечь возстаніе массъ".

Стало быть, „революціонеры" должны постараться, чтобы въ данную минуту народу стало какъ можно хуже. Этимъ объясняется помѣщенное въ другомъ мѣстѣ правило, по которому революціонеры должны беречь *вредныхъ,* т.-е. злыхъ, безнравственныхъ и хищныхъ государственныхъ людей, ибо они ухудшаютъ положеніе вещей и увеличиваютъ всеобщее недовольство. Наконецъ, народное возстаніе началось. Что̀ скажутъ народу революціонеры, сдѣлавшіеся всесильными вожаками? Да ничего. Стихійная сила будетъ предоставлена себѣ самой, безъ всякой идеи, безъ всякаго плана. Бакунинъ съ отвращеніемъ говоритъ о западно-европейскихъ революціяхъ, останавливавшихся предъ всякими глупыми преданіями и предразсудками. Его революціонная ассоціація не имѣетъ намѣренія навязать народу какую бы то ни было ассоціацію (слава Богу!). Будущая организація, *безъ сомнѣнія,* выйдетъ изъ движенія и жизни народа, но *это дѣло будущихъ поколѣній.* Наше дѣло — страшное, полное, безпощадное и всеобщее разрушеніе.

Но вотъ самая оригинальная „черта" программы. Восклицая о „благѣ" народа и о сближеніи съ нимъ, Бакунинъ относится, однако, къ этому народу безъ особеннаго довѣрія. Его нужно „поднять"— это правда. Но непосредственный расчетъ ведется вовсе не на народныя силы, а на кое-что другое. Это „другое" объясняетъ намъ самъ Бакунинъ. „Мы должны—говоритъ онъ,—вступать въ союзъ съ тѣми народными элементами, которые, съ самаго основанія Московскаго государства, непрестанно—и не на словахъ только, а на дѣлѣ—протестовали противъ всего, что̀ прямо или косвенно было связано съ государствомъ".

Какіе же это элементы? Съ кѣмъ это нужно заключить „союзъ“?

„Мы должны—восклицаетъ патріархъ русской революціи,—соединиться съ міромъ *разбойниковъ*, единственныхъ и дѣйствительныхъ *русскихъ революціонеровъ*“ [1]).

Мы остановились на идеяхъ Бакунина не потому, чтобы его „труды“ исчерпывали всю нашу революціонную литературу, но потому, что они выражаютъ наши революціонные принципы въ энциклопедической полнотѣ и краткости. Кромѣ того, Бакунинъ, безъ сомнѣнія, былъ самою крупною личностью въ нашемъ соціально-революціонномъ лагерѣ. Онъ выработалъ свое революціонное міросозерцаніе еще въ крѣпостной и до-реформенной Россіи и проявилъ его, участвуя во множествѣ западно-европейскихъ революцій, со всѣмъ пыломъ своей страстной, необузданной натуры. На Западѣ пріобрѣлъ онъ репутацію человѣка, драгоцѣннаго наканунѣ революціи, но подлежащаго повѣшенію на другой день. Вездѣ Бакунинъ стоялъ на сторонѣ самыхъ крайнихъ элементовъ, какъ человѣкъ „разрушенія“ по преимуществу. Въ немъ—слова не расходились съ дѣломъ, и его личность будетъ чрезвычайно важна для опредѣленія характера нашего „соціальнаго движенія“, въ отличіе отъ западно-европейскаго.

Вотъ почему Бакунинъ наложилъ свою печать на всѣ произведенія нашей революціонной литературы, какъ заграничныя, такъ и издающіяся въ Россіи. Конечно, въ этой литературѣ воинствуютъ различныя направленія. Такъ, партія журнала *Впередъ* (нынѣ *Община*) настаиваетъ на необходимости предварительнаго воспитанія народа въ революціонныхъ понятіяхъ и не отвергаетъ необходимости „ученія“ для вожаковъ революціи. Г. Ткачевъ рѣзко отвернулся отъ редакціи *Впередъ*, доказывая, что ея „революція съ подготовкой“ есть не что иное, какъ *реформа*, что, слѣдовательно, г. Лавровъ повиненъ въ шулерствѣ, подставляя одно понятіе, вмѣсто другого, и обманывая тѣмъ революціонную молодежь. Революціи—говорилъ г. Ткачевъ,—совершаются именно *меньшинствомъ*, достигшимъ сознанія несостоятельности существующаго порядка, не дожидаясь страдающаго, но несознательнаго большинства. Во имя этихъ „идей“ и былъ основанъ *Набатъ*. Отсюда различіе между „пропагандистами“ въ собственномъ смыслѣ, посвящающими себя „революціи съ подготовкой“, и „бунтарями“, выходящими на площади для революціи „безъ подготовки“, и т. д.; всѣхъ „оттѣнковъ“ довольно много, хотя во всѣхъ звучитъ одна и та же нота.

Несмотря на это различіе во взглядахъ на процессъ революціи, обѣ главныя партіи не имѣютъ двухъ взглядовъ на ея цѣль. Такъ,

---

1) R. Meyer, назв. соч., т. II, стр. 391—395.

въ одномъ изъ нумеровъ журнала *Впередъ* (въ книгѣ) была помѣщена статья, посвященная параллели американской войны за независимость и... *пугачевщины* (по поводу столѣтія американской войны). Оказывается, что Вашингтонъ и его сподвижники были, конечно, люди почтенные, но ихъ идеалы были въ *прошломъ*. Бойцы за политическую только свободу, они повторяли зады, и идеи ихъ отжили свой вѣкъ. Напротивъ, Пугачевъ положилъ начало будущему. Онъ одинъ изъ первыхъ и великихъ пророковъ „новаго міра". Его дѣянія показываютъ, что нужно дѣлать для *полнаго* освобожденія страждущаго человѣчества. Затѣмъ, то же изданіе (какъ газета) настаивало на томъ, что Гарибальди и даже Феликсъ Піа—отсталые дѣятели. Даже парижская коммуна не вполнѣ удовлетворила пророковъ будущаго. Правда, она дала страшный урокъ старому міру, показавъ, что общество не нуждается въ спеціалистахъ по части управленія, суда и т. д., и что каждый „гражданинъ" можетъ браться за всякое дѣло. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ образчикѣ „новаго міра" имѣются зловредные признаки государственности. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго между этими людьми „гнилого старья", какъ выражается *Впередъ*, и тѣми людьми, предъ усиліями которыхъ, по выраженію того же изданія, должна пасть троица нашего времени: религія, собственность и государство?

Разинъ и Пугачевъ—вотъ альфа и омега нашей соціальной революціи. Въ теченіе десяти лѣтъ революціонная партія не выработала ничего другого. Недавно вышелъ первый нумеръ тайнаго изданія *Земля и Воля*. Здѣсь (стр. 3 и слѣд.) помѣщена программа соціальной пропаганды. Она замѣчательна особенно потому, что редакція *Земли и Воли* отрицается отъ *Набата* и заявляетъ сочувствіе *Общинѣ*, т.-е. „революціи съ подготовкой". Но подготовка должна имѣть въ виду слѣдующіе принципы:

„Отобраніе всей земли у помѣщиковъ и бояръ; поголовное изгнаніе, а мѣстами и истребленіе начальства и всѣхъ представителей государства; образованіе „казачьихъ круговъ", т.-е. вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова, говоритъ *Земля и Воля*, была всегда неизмѣнная программа народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ, Разина и Пугачева. Такова же, *безъ сомнѣнія* (а если нѣтъ?), остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа". Поэтому ее принимаемъ и мы, „революціонеры-народники", гордо заявляетъ „редакція". Затѣмъ, исходя изъ того убѣжденія, что революціонеры сильны только тогда, когда они являются представителями народныхъ массъ (что совершенно справедливо), *Земля и Воля* проповѣдуетъ не только совлеченіе одеждъ, чуждыхъ народу,

но и отреченіе отъ идей и языка, ему непонятныхъ. Поэтому революціонеръ долженъ окунуться въ народъ, чтобы пропитаться его вѣковыми стремленіями, думать и чувствовать вмѣстѣ съ нимъ. Прочь всякіе учебники и катехизисы! Бросайте науку и бросайтесь въ народный океанъ! Такимъ вразумительнымъ воззваніемъ кончается „программа“.

Да, есть маленькое различіе между этими людьми и Лассалемъ, который съ гордостью говорилъ про себя: „я не написалъ ни одной строки, не будучи вооруженъ *всѣмъ знаніемъ* моего вѣка“. Но зато онъ и попалъ въ „отсталые“.

Въ этой программѣ ясно и удобоисполнимо одно: бросанье учебниковъ и катехизисовъ. Впрочемъ, они никогда и не держались крѣпко въ рукахъ просвѣтителей народа. Чѣмъ другимъ, а научными предразсудками мы не богаты, и не они, конечно, станутъ поперекъ нашей соціальной революціи.

Затѣмъ, объ остальной части программы едва-ли возможно „теоретическое“ разсужденіе и едва-ли она можетъ дать пищу для серьезной полемики. Такія вещи опровергаются простымъ фактомъ ихъ напечатанія, свидѣтельствуя о томъ, до чего можно додуматься и договориться. Теоретическое же опроверженіе этихъ воззрѣній безполезно уже потому, что, несмотря на завѣреніе *Земли и Воли*, остается недоказаннымъ, что народъ исповѣдуетъ вѣру Стеньки Разина и Пугачева. Напротивъ, есть основаніе думать, что онъ держится иной вѣры, опираясь на которую, государство било Разиныхъ и Пугачевыхъ. Иначе не было бы нужды въ „соціальной пропагандѣ“.

II.

Прочитавъ всѣ эти программы и кахетизисы, читателю, можетъ быть, придетъ охота махнуть рукой и сказать — „родная дичь!“ О, еслибы всѣ вопросы рѣшались такъ легко, и исцѣленіе всѣхъ бѣдствій зависѣло бы отъ маханья руками! Но, подъ покровомъ всеобщаго равнодушія и поголовнаго маханья руками, программы распространяются быстро, кахетизисы выучиваются наизусть, становятся настоящимъ исповѣданіемъ вѣры, ради которой гибнутъ десятки и сотни юношей. Вспышки, то здѣсь, то тамъ, вызываютъ строгія мѣры; суды гражданскіе и военные произносятъ приговоры; полиція пользуется своими полномочіями — и глухая, неслышная борьба, отъ времени до времени, нарушаетъ „общественное спокойствіе“. Развѣ еще мало процесса съ 200 подсудимыхъ, длившагося нѣсколько мѣсяцевъ?

Дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы доказывать обществу несо-

стоятельность такихъ „ученій“. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, стать въ ораторскую позу и доказывать, что планъ отобранія всей земли у „помѣщиковъ и бояръ“ нелѣпъ, что поголовное истребленіе всѣхъ представителей государства не будетъ допущено, что обращеніе русскаго государства въ федерацію „казацкихъ круговъ“ будетъ актомъ народнаго самоубійства. Но почему же такое ученіе распространяется, находитъ горячихъ поклонниковъ, вдохновляетъ проповѣдниковъ? Почему ни одинъ отецъ не можетъ быть увѣренъ, что его сынъ не попадетъ, такъ или иначе, въ какую-нибудь „двойку“ или „тройку“, а тамъ и на скамью подсудимыхъ? Почему самое общество присутствуетъ при этомъ зрѣлищѣ въ качествѣ равнодушнаго зрителя, которому, повидимому, нѣтъ дѣла до всѣхъ этихъ происшествій?

На эти довольно существенные вопросы мы не имѣемъ отвѣта до настоящаго времени. А они заслуживаютъ его вполнѣ. Произведенія нашей соціалистической литературы и ихъ успѣшное распространеніе обращаютъ на себя вниманіе не сами по себѣ, а какъ *симптомъ* извѣстнаго общественнаго состоянія, какъ нумеръ градусника, показывающій, до какого кипѣнія достигла извѣстная часть нашего общества, какою атмосферою дышатъ молодые люди, бросающіе семьи, школьныя скамьи и идущіе въ „народъ“.

Молодежь „увлекается“,—говорятъ одни. Но молодость увлекалась съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ въ мірѣ молодость и молодое чувство. Почему же, однако, наша молодежь увлекается именно этими предметами, а не другими? Почему она не увлекается спиритизмомъ, лордомъ Редстокомъ, биржевою игрой и т. п. предметами „увлеченія“, только не молодого поколѣнія? Молодежь не учится,—говорятъ другіе. Но, въ данномъ случаѣ, мы не имѣемъ дѣла съ юношами „неучащимися“, въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. предающимися праздности по лѣни и поставившими себѣ цѣлью получить дипломъ по оригинально понятому экономическому правилу: достиженіе наибольшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями. Эти господа сидятъ въ учебныхъ заведеніяхъ, предаются невиннымъ упражненіямъ на зеленомъ полѣ и по части эротической, а если и говорятъ о какихъ-нибудь „правахъ“, то развѣ о правѣ на лѣнь. Напротивъ, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ лицами, *бросающими* ученіе по принципу, ради извѣстныхъ цѣлей, съ которыми, по ихъ мнѣнію, не ладитъ ученіе. „Молодежь начиталась разныхъ соціалистическихъ книжекъ“,—говорятъ третьи. Но почему же именно эти, а не другія „книжки“ волнуютъ молодежь, почему на нихъ является великій запросъ, и онѣ однѣ фигурируютъ въ библіотекахъ „новыхъ людей“?

Здѣсь уже прекращаются средства поверхностнаго объясненія занимающаго насъ явленія. Оно останется непонятнымъ, если мы не обратимся къ болѣе глубокимъ причинамъ. Одно, чтò мы можемъ объяснить, такъ сказать, на глазомѣръ, это *форму* нашихъ соціалистическихъ доктринъ. Рѣдкая соціалистическая программа на западѣ Европы представляетъ такой широкій, безшабашный, такъ-сказать, размахъ, какъ наши. Нигдѣ дѣянія людей, подобныхъ Стенькѣ Разину и Пугачеву, не возведены на такую идеальную высоту. Но причины такой удачи заключаются именно въ томъ, что нашъ соціализмъ развивался и развивается въ чисто теоретической области, гдѣ изъ каждой посылки могутъ быть сдѣланы всѣ *логическіе* выводы, безъ всякаго соображенія о практической ихъ пригодности. На Западѣ выставляются иногда самые крайніе принципы, но практическое примѣненіе „выводовъ" встрѣчается съ серьезными препятствіями въ лицѣ преданій, привычекъ, историческаго опыта и т. д. Съ этими вещами нельзя не считаться, особенно съ тѣхъ поръ, какъ соціализмъ изъ области умозрѣнія перешелъ на практическую почву. Въ Россіи крайность его практическихъ выводовъ опредѣляется именно его теоретическимъ характеромъ. Разъ въ „теоріи" признано, что „капиталистическое производство" служитъ на пагубу рабочимъ, то, говоря теоретически, почему же не „отобрать" всѣхъ фабрикъ у хозяевъ и не разрѣшить, такимъ образомъ, рабочаго вопроса радикально и разомъ?

Но гораздо затруднительнѣе объяснить то, чтò даетъ *содержаніе* этимъ программамъ, т.-е. соціалистическое *направленіе* извѣстной части нашей молодежи. Рѣшеніе этого вопроса трудно въ особенности потому, что самаго *движенія* нашей революціонной молодежи мы не можемъ считать продуктомъ нашихъ *соціальныхъ* условій.

Серьезный общественный дѣятель и серьезная печать должны судить о значеніи каждой партіи не потому только, чтò „заявляютъ" и проповѣдуютъ ея представители, но потому, главнымъ образомъ, чтó она представляетъ на самомъ дѣлѣ, какими реальными условіями она порождена. Съ этой точки зрѣнія, къ великому сожалѣнію, еще никто не разсматривалъ нашего соціальнаго движенія. Всѣ безмолвно соглашались съ названіемъ, даннымъ себѣ „новыми людьми". Они называютъ себя соціалистами, они пишутъ соціальныя программы— стало быть, они въ самомъ дѣлѣ соціалисты. А если нѣтъ? Если соціалистическимъ знаменемъ прикрывается нѣчто другое? Весь вопросъ, повторяемъ, именно въ характерѣ *условій*, породившихъ движеніе. Если мы не найдемъ у насъ условій для соціальнаго движенія, то намъ нужно будетъ поискать другихъ его причинъ. Посмотримъ, въ чемъ дѣло.

На западѣ Европы соціализмъ засталъ уже двѣ раздѣленныя силы: землевладѣльческій и капиталистическій классъ—съ одной, и обезземеленное рабочее населеніе—съ другой стороны. Первый изъ этихъ классовъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, богатъ и вліятеленъ не только въ экономическомъ, но и въ *политическомъ* отношеніи. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ парламентскія мѣста, высшую и мѣстную администрацію; онъ, опираясь на свою землю и на свои капиталы, сдѣлалъ государственную власть орудіемъ своихъ цѣлей. Тамъ понятна была вражда и борьба классовъ; тамъ рабочій имѣлъ основаніе искать причины своего угнетеннаго состоянія въ эгоистической политикѣ высшихъ классовъ.

Но когда рѣчь заходитъ о борьбѣ *классовъ* въ Россіи, мы прежде всего ищемъ вокругъ себя этихъ *классовъ*. Мы можемъ еще говорить о различіяхъ *сословныхъ*, т.-е. вытекающихъ изъ различія юридическаго положенія тѣхъ или иныхъ группъ, но не найдемъ условій для той глубокой экономической розни, изъ которой рождались бы и политическія страсти. Можно утверждать, что *общее* экономическое состояніе Россіи неудовлетворительно (и противъ этого едва-ли кто будетъ возражать), но оно неудовлетворительно для всѣхъ.

Гдѣ это крупное и гордое землевладѣніе, являющееся дѣйствительною силою въ государствѣ, держащее въ своихъ рукахъ власть и повелѣвающее всей страной? Увы! У насъ довольно много толкуютъ о бѣдственномъ положеніи крестьянскаго хозяйства, и не мы, конечно, станемъ доказывать противное. Но еще меньше можемъ мы толковать о „независимомъ“ землевладѣніи. Если крестьяне оставляютъ мѣстами свои надѣлы и предаются „отхожимъ промысламъ“, то тѣ же „промыслы“ существуютъ и для землевладѣльцевъ, только въ иной формѣ. Крестьянинъ идетъ на покосы въ южныя степи, землевладѣлецъ добивается мѣстечка въ департаментѣ или въ банкѣ. Крестьянинъ идетъ на фабрику, землевладѣлецъ—въ желѣзно-дорожную администрацію. Крестьянинъ закладываетъ свои пожитки ростовщику, землевладѣлецъ закабаляетъ свое имѣніе въ банкъ. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ возможности говорить о землевладѣніи могущественномъ и повелѣвающемъ. Скорѣе есть основаніе удивляться другому явленію. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ міръ, нигдѣ не было видно такого безсильнаго землевладѣнія, такого нуля въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніи, какъ землевладѣніе русское.

Не станемъ говорить, чье положеніе хуже: невыгода останется, конечно, на сторонѣ крестьянина. Но она вовсе не вытекаетъ изъ *отношеній* двухъ *классовъ*: землевладѣльческаго и крестьянскаго. Она есть плодъ многихъ другихъ условій, которыя вообще понизили зна-

ченіе „землевладѣнія“, — условій, благодаря которымъ земледѣліе наше не только не повысилось въ послѣднія двадцать лѣтъ, но даже пришло въ упадокъ.

Въ Англіи, Франціи и Германіи земледѣліе поставлено на коммерческую ногу, приноровлено къ потребностямъ промышленнаго производства, увеличиваетъ всѣ предметы отпускной торговли, участвуетъ въ возвышеніи національнаго богатства—и само есть богатство, растущее съ каждымъ годомъ. Мы же, какъ сѣяли пшеницу, такъ и сѣемъ ее до сихъ поръ; какъ пасли овецъ, такъ и пасемъ ихъ донынѣ, и рады когда эта „земля“ обезпечитъ наше пропитаніе, что она не всегда желаетъ дѣлать. Гдѣ, въ какой части Европы, земледѣльцы и землевладѣльцы пришли къ тому рѣдкостному заключенію, что земледѣліе становится *невыгодно*, что земля нерѣдко является бременемъ, которое необходимо или заложить, или продать на сносныхъ условіяхъ? И это совершается въ той странѣ, гдѣ до сихъ поръ живутъ убѣжденіемъ, что земледѣліе „основа“ нашего національнаго богатства!

Да, оно было бы и основою, и источникомъ богатства, если бы его роль не ограничивалась доставленіемъ „средствъ пропитанія“ и нѣкотораго количества „сырья“ для вывоза, а имѣла бы въ виду *промышленныя* цѣли, если бы промышленность явилась дѣятельнымъ подспорьемъ земледѣлію. Но гдѣ наша промышленность? Гдѣ классы, опирающіеся на промышленное богатство, передающіе изъ рода въ родъ власть, почесть и вліяніе?

Съ другой стороны, гдѣ это фабричное населеніе, тѣснящееся въ громадныхъ фабричныхъ центрахъ, прикованное къ фабрикамъ, живущее отъ машинъ и не знающее деревенскаго воздуха? Правда, такое народонаселеніе зарождается въ Россіи, какъ зарождаются промышленные центры, и мы увидимъ ниже, что законодательству нашему не слѣдуетъ пренебрегать этими явленіями, какъ оно это дѣлало до сихъ поръ. Но говорить о русскихъ Манчестерахъ, Лидсахъ и Шеффильдахъ можно развѣ въ томъ смыслѣ, какъ Сумароковъ называлъ себя „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“.

Въ этомъ сознаются даже русскіе революціонеры-соціалисты, по крайней мѣрѣ ихъ новый органъ—*Земля и Воля*. Редакція этой газеты заявляетъ, что она „выдвигаетъ на первый планъ вопросъ *аграрный*“. Вопросъ же фабричный—продолжаетъ она,—„мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что *исторія*, поставившая на первый планъ въ западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула *вовсе, замѣнивъ* его вопросомъ аграрнымъ“.

А не извѣстно ли редакціи, почему это „*исторія*“ выдвинула въ

Европѣ на первый планъ вопросъ фабричный? Подумавъ немного объ этомъ предметѣ, она пришла бы къ заключенію, что фабричный вопросъ былъ главнымъ двигателемъ соціализма, ибо здѣсь, въ этихъ фабричныхъ центрахъ, скучилось громадное число обезземеленнаго рабочаго люда, люда неорганизованнаго, поставленнаго въ условія „спроса-предложенія“; здѣсь выяснились со всею ихъ рѣзкостью отношенія труда къ капиталу, здѣсь послышались громкіе вопли на задѣльную плату. Этимъ и объясняется, что соціалистическое движеніе, развившись и укрѣпившись въ промышленныхъ центрахъ, проникло въ массы сельскихъ рабочихъ только въ послѣднее время. И такой *промышленной* почвы для соціализма не *замѣнитъ* „аграрный“ вопросъ.

Каково значеніе и численное развитіе нашихъ „промышленныхъ“ сословій, лучше всего доказываетъ слѣдующій фактъ. На Западѣ города обязаны своимъ развитіемъ сильному промышленному и торговому движенію, и понятіе о городскихъ классахъ изстари связано тамъ съ понятіемъ о промышленности и торговлѣ. У насъ громадное большинство городовъ явилось на свѣтъ Божій вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, повелѣвавшихъ тѣмъ или другимъ „поселеніямъ“ именоваться городами. Но, разумѣется, такія „распоряженія“ не въ силахъ были обратить означенныя поселенія въ промышленные центры, хотя, въ противность всѣмъ естественнымъ и историческимъ законамъ, правительство и принимало мѣры „къ очищенію городовъ отъ всего имъ несвойственнаго“, какъ выражались указы. А такимъ „несвойственнымъ“ правительство считало занятіе *земледѣліемъ*, которому предавались городскіе обыватели, несмотря на желаніе законодательства сдѣлать ихъ *исключительно* промышленнымъ населеніемъ.

Здѣсь источникъ нѣкоторыхъ поразительныхъ явленій, немыслимыхъ на западѣ Европы ни въ какую эпоху ея развитія. Главною мѣрою, подъ вліяніемъ которой жители вновь созданнаго „города“ должны были оставить замледѣліе и обратиться къ „промысламъ“, было *отобраніе* у нихъ земли, что сопровождалось прискорбными происшествіями. „Такъ какъ обращеніе крестьянъ въ мѣщанское званіе — говоритъ одинъ оффиціальный источникъ, — большею частью дѣлалось безъ ихъ на то согласія, то эта мѣра правительства иногда встрѣчала открытое сопротивленіе со стороны крестьянъ, которые и приводились въ повиновеніе посредствомъ военной команды, какъ это случилось, напримѣръ, въ 1836 году, при обращеніи слободы Царевки въ уѣздный городъ, тогда Саратовской, а нынѣ Астраханской губерніи“.

Но „промышленность“, даже подгоняемая воинскими командами,

не являлась въ города. Несмотря на переименованіе крестьянъ въ „мѣщанъ“, послѣдніе продолжали заниматься хлѣбопашествомъ на наемныхъ земляхъ. Когда въ 1862 году повелѣно было приступить къ преобразованію общественнаго управленія городовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло необходимымъ ознакомиться прежде всего съ дѣйствительнымъ состояніемъ городскихъ поселеній. Подробныя свѣдѣнія о 595 поселеніяхъ дали слѣдующіе результаты:

„Въ общемъ числѣ 595 городскихъ поселеній, находится едва *шестая* часть такихъ, которыя по занятіямъ ихъ жителей имѣютъ, въ бо́льшей или меньшей степени, значеніе *исключительно* промышленныхъ пунктовъ. Затѣмъ, около 1/3 поселеній носитъ характеръ *частью* промышленный, частью же земледѣльческій; а во всѣхъ остальныхъ жители или *исключительно* занимаются земледѣліемъ, или, если по недостатку земли занимаются имъ въ ограниченныхъ размѣрахъ, то снискиваютъ себѣ пропитаніе разными мелкими промыслами, преимущественно на сторонѣ“.

Характеристична также и *величина населенія* этихъ городовъ (кромѣ двухъ столицъ и Одессы). Указанныя выше свѣдѣнія дали слѣдующій результатъ:

Число поселеній.	Отъ	До
27	—	— 1,000
74	1,000	— 2,000
194	2,000	— 5,000
179	5,000	— 10,000
55	10,000	— 15,000
35	15,000	— 25,000
23	25,000	— 50,000
8	50,000	— и выше

Эти цифры даютъ уже намъ опредѣленное понятіе о значеніи нашихъ городскихъ поселеній и городскихъ классовъ.

Но значеніе это опредѣлится еще лучше, если мы остановимся на % отношеніи городского населенія къ сельскому. По даннымъ *Военно-статистическаго сборника*, въ *Европейской Россіи* [1]) приходилось 6.087,070 городскихъ жителей на 54.822,239, слѣдовательно, 9,99% на общее число жителей. Въ Англіи на городскія поселенія приходится болѣе 1/2 всего народонаселенія. Во Франціи и Германіи свыше 30%. Но наша скромная цифра становится еще скромнѣе, если мы разсмотримъ распредѣленіе нашего городского населенія по губерніямъ.

---

[1]) Безъ Царства Польскаго, В. К. Финляндскаго, Кавказа и Сибири.

Именно въ одной губерніи (С.-Петербургской) городское населеніе значительнѣе сельскаго (54,4% на 45,6). Въ Московской и Херсонской оно свыше 25%. Затѣмъ, въ трехъ свыше 15, въ 14 свыше 10, въ 23 отъ 5 до 9, въ 7 менѣе 5%.

По новѣйшимъ даннымъ, представленнымъ г-мъ Янсономъ [1]), число народонаселенія, помѣщающагося въ большихъ поселеніяхъ вообще (какъ городскихъ, такъ и не-городскихъ), т.-е. съ числомъ жителей свыше 20,000, представляетъ слѣдующее процентное отношеніе по государствамъ:

Въ Великобританіи	37,5
„ Франціи	15,6
„ Германіи	12,9
„ Австріи	7,6
„ Венгріи	6,7
„ Европ. Россіи	5,9

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли, что принадлежность къ городскому населенію въ Россіи вовсе не предполагаетъ промышленныхъ занятій. Для полноты картины слѣдовало бы воспроизвести сравнительныя данныя о числѣ нашего дѣйствительно промышленнаго населенія, къ чему, къ сожалѣнію, у насъ мало средствъ.

Но данныя для другихъ государствъ отчасти уяснятъ намъ истинную „почву“ рабочаго вопроса. *По англійской* переписи 1871 года, все народонаселеніе распредѣлено по слѣдующимъ рубрикамъ:

1) Профессіональный классъ [2])	684,102
2) Домашній классъ [3])	5.905,171
3) Торговый	815,424
4) Земледѣльческій	1.657,137
5) Промышленный	5.137,725
6) Неопредѣленный [4])	8.512,706

Здѣсь особенно любопытно соотношеніе земледѣльческаго класса къ промышленному, который превышаетъ первый почти пять разъ.

Во Франціи, по иному способу исчисленія (1872 г.), къ земледѣльческому населенію отнесено 18.513,325 жит. съ женщинами, дѣтьми и прислугой, т.-е. 52,71% всего народонаселенія, а къ промышленному 8.451,344, т.-е. 24,06%, и къ торговому 2.960,342, т.-е. 8,43%. Остальная часть приходится на прочія занятія.

---

[1]) *Сравнительная статистика*, т. I. 1878 г.

[2]) Чиновники, войско, ученые, духовные, врачи и т. д.

[3]) Женщины, занятыя дома (4.271,657), и прислуга.

[4]) Сюда относятся: а) лица съ неопредѣленными занятіями—802,303; б) лица, живущія своими доходами—168,895, и в) *школьники* и *дѣти* безъ производительныхъ занятій—7.541,508.

Для России мы не имѣемъ подобныхъ точныхъ свѣдѣній и должны довольствоваться приблизительными данными, почерпнутыми изъ свѣдѣній нашего центральнаго статистическаго комитета. По исчисленію 1866 года, въ предѣлахъ имперіи числилось 84,944 мануфактурныхъ заведенія по всѣмъ отраслямъ производства [1]) съ 919,025 рабочими.

Эти данныя сообщаются *Военно-статистическимъ сборникомъ*. Но нельзя не имѣть въ виду, что *сборникъ* сообщаетъ данныя для *всей* Россіи, съ Царствомъ Польскимъ, Финляндіею, Кавказомъ и Сибирью, а это обстоятельство значительно измѣняетъ значеніе приведенныхъ общихъ цифръ для Европейской Россіи. Такъ, для обработки волокнистыхъ веществъ въ Европейской Россіи названо 3,666 фабрикъ съ 294,866 рабочихъ, а для Царства Польскаго 4,997 фабрикъ съ 252,532 рабочихъ.

Г. Янсонъ, имѣя въ виду данныя для Европейской Россіи, полагаетъ число рабочаго населенія въ 575,000 рабочихъ въ *крупной* промышленности, не считая заводовъ горныхъ и всей горнозаводской промышленности. Эта приблизительная цифра признается имъ ниже дѣйствительной, но при этомъ должно принять въ расчетъ то обстоятельство, что для огромнаго большинства рабочихъ „фабричный трудъ“ является однимъ изъ видовъ „отхожихъ промысловъ“, имѣющихъ значеніе зимою, а не лѣтомъ. Большинство рабочаго люда имѣетъ еще свою осѣдлость въ деревнѣ, и только въ рѣдкихъ мѣстностяхъ образовался фабричный людъ, въ собственномъ, европейскомъ смыслѣ, оторванный отъ „деревни“ и прилѣпленный къ фабрикѣ. Немногія мѣстности Россіи переработываютъ человѣка деревенскаго въ фабричнаго—таковы: Петербургъ, Москва, Нарва, Ивановъ-Вознесенскъ и нѣкоторыя другія. Въ нихъ зарождается „промышленная“ Россія, можетъ зародиться и „соціальный вопросъ“ при извѣстныхъ экономическихъ и *политическихъ* условіяхъ. Но до сихъ поръ промышленность наша слишкомъ слаба, чтобы быть самостоятельнымъ источникомъ соціальнаго движенія.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе рабочихъ на нашихъ фабрикахъ хорошо;—по всей вѣроятности, оно хуже положенія англійскаго рабочаго. Мы не отрицаемъ массы злоупотребленій въ отношеніяхъ предпринимателей къ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ предпріятій. Но мы утверждаемъ, что неудовлетворительное положеніе нашего крестьянскаго и рабочаго класса *не есть* результатъ извѣст-

[1]) Именно распредѣленныхъ по 9 группамъ: 1) фабрики и заводы по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, 2) по обработкѣ дерева, 3) животныхъ продуктовъ, 4) минеральныхъ продуктовъ, 5) металловъ, 6) химическихъ веществъ, 7) табаку, 8) питательныхъ продуктовъ, 9) предметовъ, не подходящихъ подъ предыдущія группы.

ныхъ отношеній класса къ классу, а коренится въ другомъ порядкѣ условій.

Россія не прошла еще того процесса, который пережила западная Европа. Огромная масса народонаселенія имѣетъ еще твердую точку опоры въ собственной осѣдлости и въ собственномъ надѣлѣ. Болѣе *половины* (55,3%) всѣхъ удобныхъ земель въ государствѣ находится въ рукахъ крестьянства. Затѣмъ—и это весьма важно—крестьянство не представляется въ видѣ неорганизованной массы, въ видѣ простого собранія „недѣлимыхъ", какимъ явился рабочій классъ на западѣ Европы. Нашему крестьянину не приходится *искать* новыхъ формъ для своей организаціи, выработывать невѣроятными усиліями союзы и ассоціаціи, какъ это пришлось дѣлать рабочимъ классамъ на Западѣ. Русское крестьянство имѣетъ свою вѣковую и прочную организацію. Его „міры" являются союзами готовыми, приноровленными и къ экономическимъ, и къ другимъ нуждамъ крестьянства. Они, по выраженію Брентано, обнимаютъ „всего человѣка"; на міру рѣшаются всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ быту хозяйственному, къ мѣстному благоустройству, благочинію, и даже къ семейнымъ отношеніямъ.

Коротко говоря—крестьянство *организовано*, и нашему законодательству предстоитъ только улучшать эту организацію, устраняя изъ нея тѣ элементы, которые явились въ ней въ качествѣ продукта старой финансовой политики государства или устарѣлыхъ полицейскихъ соображеній. Со стороны организаціи силъ и возможности коллективнаго дѣйствія, крестьянская масса поставлена въ сравнительно лучшія условія, чѣмъ тотъ жиденькій кисель (да простятъ намъ это выраженіе), который называется у насъ „высшими слоями" и изъ котораго набираются притомъ ревностные послѣдователи соціальныхъ программъ.

Пойдемъ дальше. Народъ обремененъ податями и всякими повинностями, скажутъ намъ. Противъ этого *факта* мы, конечно, возражать не станемъ. Онъ подтверждается всѣми данными неоффиціальными, оффиціальными полуоффиціальными, и мы возвратимся къ нему впослѣдствіи. Но въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ существенная черта различія между положеніемъ дѣлъ у насъ и въ западной Европѣ. Извѣстно, что въ числѣ грѣховъ, которые Лассаль ставилъ на счетъ буржуазіи и ея эгоистической политики, была именно система *косвенныхъ* налоговъ, посредствомъ которыхъ буржуазное государство эксплуатируетъ „рабочіе классы". Въ числѣ требованій соціально-демократической партіи поставлена отмѣна всѣхъ налоговъ, кромѣ *прямого* и *прогрессивнаго* налога съ имуществъ и наслѣдствъ. У насъ же самымъ непопулярнымъ и отсталымъ во всѣхъ отношеніяхъ на-

логомъ является именно налогъ *прямой*—т.-е. подушная подать. Не есть ли и онъ произведеніе „русской буржуазіи"? Почитайте, подумайте!

Россія, повторяемъ, не пережила той эпохи, когда классъ (въ соціальномъ смыслѣ) владычествуетъ надъ классомъ, даетъ ему законы, устраиваетъ страну въ своихъ интересахъ, кладетъ на все государственное устройство свой отпечатокъ. Россія пережила эпоху *сословій*, какъ государственныхъ установленій, и эпоху крѣпостного права. Съ отмѣною послѣдняго вся сословная организація пошатнулась и распадается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ актомъ законодательной власти. Затѣмъ организація *классовъ* въ русскомъ обществѣ есть дѣло будущаго, и организація эта зависитъ отъ того, какое направленіе примутъ русская промышленность, торговля и земледѣліе, т.-е. три загадки, которыя никто не можетъ разрѣшить въ настоящее время. До сихъ поръ мы живемъ *остатками* старыхъ временъ, т.-е. эпохи сословной и крѣпостной. Мы находимся въ процессѣ перерожденія, совершающемся чрезвычайно медленно, съ многочисленными задержками, естественными и искусственными, переносящими желаемое „будущее" съ насъ на нашихъ дѣтей. Но говорить о вліяніи классовъ, о борьбѣ съ ними, значитъ говорить о борьбѣ съ несуществующимъ и о вліяніи ненародившагося.

Положимъ, это и такъ, скажутъ намъ. Но неужели ждать той блаженной эпохи, когда земля выйдетъ изъ крестьянскихъ рукъ, когда въ угоду нашимъ охранителямъ разовьется крупная собственность, образуются „промышленные центры" съ десятками тысячъ бездомныхъ рабочихъ, когда Россія продѣлаетъ все капиталистическое производство и „аграрный вопросъ" западной Европы?

Если такъ, то вопросъ получаетъ иную постановку и иное содержаніе. Онъ становится слѣдующимъ образомъ: должна ли Россія, сбросившая съ себя формы стараго сословнаго общества, идти экономически по тому пути, по которому шла Европа, и придти къ тѣмъ промышленнымъ формамъ, которыя дали рабочій вопросъ, или она должна выбрать для себя другую дорогу, которая приведетъ ее къ благосостоянію массъ?

Въ такой формѣ вопросъ имѣетъ очень опредѣленный и почтенный смыслъ. Дѣйствительно, мы не должны желать, чтобы экономическое состояніе нашего отечества уподобилось состоянію западноевропейскихъ государствъ съ чрезвычайно высокою цифрою общаго національнаго богатства, но съ бѣдностью низшихъ классовъ. Мы должны крѣпко держаться за имѣющіяся еще у насъ условія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства и улучшать эти условія. Мы должны помнить, что никакія *политическія* реформы не дадутъ намъ

счастья (какъ народу), если рядомъ съ ними не будетъ развиваться попеченіе объ экономическомъ бытѣ народа.

Но для того, чтобы усвоить и проводить эти простыя и безспорныя понятія, не нужно быть соціалъ-демократомъ. И не только не нужно, но и не *слѣдуетъ*. Къ чему выхватывать соціально-революціонное знамя изъ рукъ чужихъ людей, борющихся при совершенно иныхъ условіяхъ, при сложившихся классахъ, опредѣлившихся интересахъ? Этимъ путемъ можно только испортить дѣло; набросить соціалистическую окраску на дѣло, не имѣющее съ соціализмомъ ничего общаго; заранѣе подкосить усилія человѣка, который сталъ бы говорить объ облегченіи народныхъ нуждъ, объ устройствѣ крестьянскихъ переселеній, о развитіи артельнаго начала въ промышленномъ производствѣ, объ улучшеніи условій общиннаго землевладѣнія, обо всемъ, что на Западѣ, при данныхъ условіяхъ, является „соціалистическимъ“ требованіемъ, а у насъ будетъ вытекать изъ условій нашего народнаго быта.

Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ, что „соціальное движеніе“ не имѣетъ пока у насъ самостоятельныхъ источниковъ, и самая соціальная партія наша не выражаетъ собою (въ смыслѣ соціализма) ничего, кромѣ собственной своей программы.

На этомъ, кажется, и можно бы успокоиться. Если соціализмъ не имѣетъ у насъ почвы, то къ чему же дѣлать его предметомъ изслѣдованія, разсужденія? Да по очень простой причинѣ. Несмотря на то, что соціализмъ въ собственномъ смыслѣ пока не имѣетъ у насъ „почвы“, что программа нашихъ соціалистовъ явно несостоятельна, что длинныя теоретическія ихъ разсужденія суть варіаціи на европейскія темы и по европейскимъ матеріаламъ,—ученіе это распространяется быстро, овладѣваетъ массою молодыхъ умовъ, порождаетъ энтузіастовъ, пропагандистовъ, фанатиковъ. Стало быть, въ немъ есть *жизнь*, и мы не прекратимъ этой жизни, доказавъ, что въ Россіи нѣтъ условій для соціальнаго движенія. Мы „*докажемъ*“ этимъ только, что наше „движеніе“ не есть, въ существѣ своемъ (т.-е. по мотивамъ и условіямъ, его вызвавшимъ), движеніе соціальное. Но это только *отрицательная* сторона работы. Остается еще и *положительная*: разсмотрѣть, какими *другими* причинами вызвано это движеніе, выкинувшее соціалистическое знамя, и что оно *есть* въ самомъ своемъ существѣ?

Этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ до настоящаго времени, несмотря на то, что многія практическія явленія заставляютъ предполагать, что онъ изслѣдованъ и рѣшенъ. Наши „пропагандисты“ дѣйствуютъ такъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ соціалисты и живутъ въ отечествѣ Бебеля и Газенклевера. Противъ нихъ при-

нимаются мѣры, заставляющія думать, что Россія въ самомъ дѣлѣ идетъ по пути соціальной революціи.

Но нѣтъ ли здѣсь оптическаго обмана? Не стрѣляютъ ли съ той и другой стороны въ пустое пространство? Не тратятъ ли силъ, необходимыхъ на настоящее, практическое дѣло? Надъ этими вопросами стоитъ подумать хотя бы по слѣдующему соображенію. Всѣ наши „программы" суть продуктъ сравнительно небольшого круга лицъ, предписывающихъ, направляющихъ и „посылающихъ". Объ этихъ лицахъ и ихъ программахъ не стоило бы говорить, ибо въ каждомъ обществѣ найдется нѣкоторое количество людей, тратящихъ по-пусту свое время. Но затѣмъ остается гораздо большее число лицъ, увлекаемыхъ, „посылаемыхъ" и уплачивающихъ каждую букву преподанной имъ программы наличною валютой. Если полемика съ лицами первой категоріи представляется незанимательной и даже безполезной, если разборъ ихъ программъ, изобрѣтаемыхъ на досугѣ и въ безопасности на берегахъ Темзы или Женевскаго озера, явится безплоднымъ упражненіемъ, то всякая попытка объясненія *истиннаго* положенія тѣхъ, которые увлекаются программами у насъ дома, и настоящихъ *причинъ* ихъ увлеченій—будетъ весьма полезна и для увлекающихся, а также и для тѣхъ, кто имѣетъ съ ними дѣло.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

I.

Русскій соціализмъ разсматривается обыкновенно какъ *новая* болѣзнь, въ родѣ трихинозиса или какъ неожиданное бѣдствіе, въ родѣ колорадскаго жука. Затѣмъ эта новая болѣзнь признается „мѣстнымъ" недугомъ, поразившимъ извѣстную часть нашего общества, именно учащуюся молодежь. Этотъ несложный діагнозъ наводитъ и на простѣйшіе пріемы лѣченія. Обнести зараженную мѣстность карантиномъ, установить строжайшій надзоръ за „больными" — и развитіе болѣзни остановится само собою. Но произведенные уже опыты заставляютъ думать, что пріемы врачеванія не совершенно удачны, и это наводитъ на мысль, что и діагнозъ поставленъ неправильно.

На самомъ дѣлѣ, русскій соціализмъ, по *существу* своему, не есть что-то *новое*, и если онъ долженъ быть признанъ за недугъ, то ни-

какъ не за *мѣстный*. Вѣрнѣе сказать, нашъ соціализмъ не есть самъ по себѣ недугъ, но въ немъ должно видѣть *симптомъ* недуга общаго.

Укажемъ, для доказательства нашей мысли, на одинъ поразительный фактъ. Соціалисты и пропагандисты выходятъ изъ рядовъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества; каждый изъ нихъ имѣетъ, въ средѣ этого „взрослаго" и „развитого" общества, отцовъ, матерей, дядей, старшихъ братьевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти „взрослые" не смотрятъ и не могутъ смотрѣть равнодушно, какъ ихъ потомство увлекается „опасными" ученіями, попадаетъ въ мѣста предварительнаго заключенія и поселяется на восточныхъ окраинахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это взрослое общество, изъ простой человѣческой любви къ своимъ дѣтямъ, готово употребить всѣ усилія, чтобы удержать ихъ отъ „необдуманныхъ поступковъ". Нѣтъ, наконецъ, сомнѣнія, что оно *не сочувствуетъ* программѣ нашей соціальной революціи съ ея Пугачевыми и „казачьими кругами". Между тѣмъ оно оказывается *безсильнымъ*. Происходитъ ли это отъ недостатка доброй воли, отъ неразумія, невѣжества? Конечно, нѣтъ. Взрослая часть общества, конечно, разсудительнѣе, опытнѣе, привычнѣе къ дѣлу и образованнѣе подростающаго и учащагося поколѣнія. Отчего же зависитъ это загадочное явленіе? На нашъ взглядъ—отъ двухъ причинъ, далеко не новыхъ: отцы и дѣти говорятъ на разныхъ языкахъ; общественныя учрежденія не имѣютъ пока самостоятельнаго воспитательнаго значенія.

Нигдѣ не существуетъ такого *разрыва* между поколѣніями, т.-е. такого отсутствія преемственности, какъ въ интеллигентныхъ классахъ Россіи. Двадцатилѣтній сынъ смотритъ на своего пятидесятилѣтняго отца какъ на человѣка не только иного *поколѣнія*, но и другого *вѣка*, а этотъ отецъ, вѣроятно, такъ же относился къ своему родителю. Причина этого явленія довольно наглядна. Она кроется прежде всего въ характерѣ нашего умственнаго образованія.

Наука въ Россіи вообще молода, и теоретическія направленія въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ являются результатомъ нашихъ домашнихъ условій и еще рѣже провѣряются данными русской жизни. Общимъ источникомъ всѣхъ нашихъ теоретическихъ направленій остается до сихъ поръ *западная Европа*. Что̀ выработано тамъ, что̀ тамъ считается за послѣднее выраженіе мысли, то и къ намъ является въ качествѣ послѣдняго и безапелляціоннаго слова науки и жизни, изъ котораго мы уже дѣлаемъ своеобразные „выводы".

Судьба этихъ господствующихъ направленій довольно оригинальна: они быстро распространяются, господствуютъ деспотически, но затѣмъ бросаются такъ же легко, какъ и были усвоены. Это вполнѣ

понятно: система не пережитая, а заимствованная всегда оставляется такъ же легко, какъ и получается. Если мой отецъ кланялся Канту, то почему мнѣ не бросить Канта и не поклониться Гегелю, въ ожиданіи, что мой сынъ низвергнетъ Гегеля и падетъ ницъ предъ А. Контомъ? На Западѣ также существуютъ разныя „системы“, но вотъ въ чемъ разница: тамъ поклонникъ Милля знаетъ, что его учитель шелъ отъ Бентама, а Бентамъ чрезъ рядъ мыслителей XVIII вѣка связанъ съ Локкомъ, а Локкъ, чрезъ другихъ философовъ, соприкасается съ Бекономъ. Стало быть, Милль имѣетъ тамъ и отца, и дѣда, и прадѣда. Онъ занимаетъ мѣсто, уготованное ему предками и въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно уготовано. Рядомъ съ нимъ и другія школы, развивавшіяся столь же преемственно, занимаютъ свое мѣсто и стоятъ на немъ твердо. У насъ же Канты, Шеллинги, Гегели, Милли и Конты являются безъ отцовъ, какъ не помнящіе родства, потому и умираютъ безпотомственно.

Но зато въ періодъ своего кратковременнаго владычества, они царятъ безраздѣльно, диктаторски, повелѣваютъ умами и душами подобно тому, кто сказалъ: „Азъ есмь сый“. Кто поражается тѣмъ, что въ настоящее время никто не смѣетъ возвысить голоса противъ Карла Маркса, не навлекши на себя гнѣва его юныхъ поклонниковъ, тотъ пусть вспомнитъ, что болѣе взрослые люди такъ же ревниво охраняли честь Милля, а еще старѣйшіе не могли вынести возраженій противъ теоріи „свободы торговли“. Затѣмъ нечего удивляться тому, что Аркадій Кирсановъ вынулъ изъ рукъ своего отца „устарѣлаго“ Пушкина; порывшись въ собственныхъ воспоминаніяхъ, старикъ Кирсановъ припомнилъ бы, что онъ самъ косо смотрѣлъ на *своего* отца, читавшаго „Бѣдную Лизу“ Карамзина.

Вотъ первая и важная „причина“: поколѣнія говорятъ на разныхъ языкахъ и не понимаютъ другъ друга. У насъ нѣтъ духовныхъ отцовъ и не будетъ духовныхъ дѣтей, чувствующихъ свою неразрывную связь съ ними, пока не установится преемственности въ нашемъ умственномъ развитіи, пока мы будемъ жить послѣдними словами чужой науки и пока каждое поколѣніе будетъ начинать свое умственное развитіе съизнова, „творяй изъ ничего“.

Къ этой причинѣ присоединяется еще и другая. Несмотря на то, что разныя теоретическія направленія усвоиваются и бросаются съ необыкновенною легкостью, т.-е., въ сущности, имѣютъ довольно мало значенія для нашего нравственнаго существа, они являются, однако, главнымъ источникомъ нашего *нравственнаго* воспитанія. Въ нихъ мы ищемъ отвѣтовъ не только на вопросы знанія, но и на всѣ проблемы общественной и государственной жизни.

На Западѣ человѣкъ не воспитывается одною теоріею, хотя она

и играетъ важную роль въ воспитаніи. Но характеръ человѣка образуется тамъ дѣйствіемъ крѣпкихъ государственныхъ и общественныхъ установленій, давленіемъ общественнаго мнѣнія, участіемъ въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ общественной жизни, и жизнь эта кладетъ печать на самую науку. Тамъ ни одинъ мыслитель не понятенъ безъ общественной обстановки, которая его *произвела*. Для того, чтобы понять теорію экономической свободы въ Англіи, нужно воспроизвести всю промышленную, торговую, общественную и политическую исторію этой страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякая теорія можетъ имѣть тамъ вліяніе постольку, поскольку она согласна съ жизненными условіями. Роберту Оуэну не удалось осуществить свои соціалистическіе планы, но онъ имѣлъ несомнѣнное и серьезное вліяніе на разрѣшеніе рабочаго вопроса. Оттого каждая серьезная теорія въ извѣстной мѣрѣ входитъ тамъ въ содержаніе жизни, обогащая нравственный и умственный капиталъ страны, и каждое серьезное жизненное явленіе даетъ толчокъ теоретическому развитію. Оттого, наконецъ, при взаимодѣйствіи теоріи и жизни, тамъ образуются *характеры*, являются люди цѣльные, съ прочувствованными мыслями и продуманными чувствами.

У насъ трудно еще указать на учрежденія, которыя бы могли дѣйствовать *воспитательно*, образуя характеръ и направляя самые теоретическіе помыслы человѣка. Вслѣдствіе этого, вліяніе „теоріи" на молодые умы особенно велико у насъ, въ Россіи. Нравственный складъ юноши, не *воспитываемаго жизнью и обстановкою общественныхъ учрежденій*, образуется подъ вліяніемъ теоретическихъ началъ. А при такихъ условіяхъ не образуются *характеры*, способные трудомъ упорнымъ, изо дня въ день, проводить въ практику извѣстныя начала и передавать ихъ своему потомству для дальнѣйшаго и преемственнаго развитія. Увлеченіе теоріей способно въ лучшемъ случаѣ породить *энтузіаста*, человѣка внѣ пространства и времени и не пригоднаго ни для какого времени и пространства. Энтузіастъ съ ужасомъ помышляетъ о томъ времени, когда ему придется войти въ практическую жизнь, и это не удивительно. При томъ глубокомъ разрывѣ, какой существуетъ между „теоріею" и „практикой", вступленіе въ жизнь требуетъ отъ юноши отреченія отъ того, что̀ онъ такъ или иначе усвоилъ въ качествѣ нравственнаго идеала, а это не легко, даже при той легкости, съ какою усвоиваются у насъ разныя системы, и совершенно не нормально. Въ иныхъ мѣстахъ вступленіе въ „жизнь" считается радостнымъ днемъ, котораго жадно ждетъ юноша, набравшійся силъ и знанія и рвущійся на живое дѣло. У насъ же „практическая жизнь" для „теоретически" подготовленнаго юноши представляется какимъ-то монастыремъ или тюрьмой,

при входѣ въ которую нужно забыть то, оставить это, отречься отъ третьяго, махнуть рукой на четвертое. Голосъ „практическаго человѣка“ кажется ему голосомъ искусителя, проповѣдью Молчалина, поучавшаго Чацкаго житейской мудрости.

Вотъ почему „теоретическая“ молодежь всегда относилась къ жизни въ качествѣ *протестующаго* элемента и всегда разсматривалась какъ элементъ не совсѣмъ „надежный“. Явленіе не новое, а, напротивъ, очень старое. Мотивы и знамена „протестовъ“ были различны, но сущность дѣла не измѣнялась. Третьяго дня протестовали по Гегелю, потомъ по Миллю, наконецъ, по Карлу Марксу. Бѣда только въ томъ, что всѣ протесты эти были протестами не силы, а безсилія, сознанія своей полной отчужденности отъ наличныхъ требованій жизни, выраженіемъ глубокаго субъективнаго горя, которое народъ не могъ признать своимъ. Таково положеніе дѣлъ сегодня, таково было оно вчера. Припомните скорбную исповѣдь, вылившуюся въ *Мертвыхъ душахъ* Гоголя.

Всякій, кто прочелъ это великое произведеніе и прочувствовалъ его, навѣрное понялъ, что подъ „мертвыми душами“ поэтъ разумѣлъ не души, скупавшіяся Чичиковымъ. Этотъ міръ мертвыхъ душъ обнималъ и покойниковъ Неуважай-Корыто съ Степаномъ Пробкой, и Селифана съ Петрушкой, и Манилова съ Собакевичемъ, и Бетрищева съ Пѣтухомъ, и Тентетникова съ сосѣдями. Разница была только въ томъ, что одни рождались со всѣми свойствами мертвыхъ душъ, какъ, напримѣръ, неладно скроенный, да крѣпко сшитый Собакевичъ; это мертвыя души первой, такъ-сказать, формаціи; другіе приходили въ тотъ же „предѣлъ“ послѣ предварительныхъ барахтаній и безплодныхъ порываній: таковъ Тентетниковъ. Въ свое время, онъ куда-то рвался, даже согрѣшилъ, попавъ въ нѣкоторое таинственное „общество“, куда затянули его „два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, но которые, отъ тостовъ частыхъ во имя науки, просвѣщенія и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами“. Потомъ онъ завязъ, наконецъ, въ своей деревнѣ, въ качествѣ мертвой души „вторичной формаціи“, т.-е. порядочно надломленной и совершенно отрѣзанной отъ настоящаго, примитивнаго слоя, на которомъ процвѣтали Собакевичи, какъ законные сыны своего вѣка. Изрѣдка только просыпалось въ нихъ воспоминаніе о прошломъ, возбуждая страшную тоску по себѣ, по убывшей и замершей „живой душѣ“ своей, и ждали они того, говоритъ Гоголь:

„Кто былъ бы въ силахъ воздвигнуть и поднять, шатаемыя вѣчными колебаніями, силы и лишенную упругости, слабую, немощную волю,—кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, крик-

нулъ душѣ пробуждающее слово *впередъ*! котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, и званій, и промысловъ русскій человѣкъ".

„Гдѣ же тотъ,—съ горькой грустью спрашиваетъ поэтъ,—кто бы, на родномъ языкѣ русской души нашей, умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*? Кто, зная всѣ силы и свойства, и глубину нашей природы, однимъ чародѣйскимъ мановеніемъ можетъ устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы онъ ему! Но вѣки проходятъ за вѣками; *полмилліона* сидней, увальней и болвановъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произнести его, это всемогущее слово!"

Страшное слово объ этомъ *полумилліонѣ* „сидней, увальней и болвановъ", т.-е. объ *интеллигентномъ слоѣ* „мертвыхъ душъ" первичной, вторичной, третичной и всякой иной формаціи! Но были же и въ омутѣ люди, не мирившіеся и не вступавшіе ни въ какой изъ означенныхъ „слоевъ". Да, были. Но и они, въ извѣстномъ смыслѣ, не уходили отъ общей участи. Спасая свою душу отъ всеобщаго омертвенія, они замыкались въ своемъ субъективномъ мірѣ, питаясь привозною литературою, поддерживая ею слабый огонекъ, который они бережно и съ трудомъ охраняли отъ дуновенія воздуха, приводимаго въ движеніе могучими легкими Ноздревыхъ, Собакевичей, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Держимордъ. Въ этомъ „объективномъ" мірѣ они жили, какъ *чужіе*, и могли относиться къ нему только *отрицательно*. Они не могли крикнуть ему *впередъ*! во-первыхъ, „по независящимъ обстоятельствамъ", а во-вторыхъ, потому, что „міръ" не понялъ бы ихъ, *чужихъ* людей. И они кричали не *впередъ*, а *вонъ отсюда*! Они искали себѣ мѣста успокоенія и находили его, кто въ домашнемъ отшельничествѣ, какъ Чаадаевъ, кто за-границей, гдѣ они жили, любуясь на родную ихъ душѣ цивилизацію. Но, въ общественномъ смыслѣ, они обращались въ тѣ же „мертвыя души", въ блуждающіе огни, безслѣдно пролетѣвшіе надъ родною землей.

Вотъ гдѣ корень „болѣзни", и онъ показываетъ, что она не *нова*, хотя и приняла новыя формы, даже получила болѣе острый характеръ. Не новизну слѣдуетъ видѣть въ ней, а остатокъ старины, яркій отблескъ міра „мертвыхъ душъ", и мы избавимся отъ нея только тогда, когда сотрется послѣдній слѣдъ этого міра, когда изсякнетъ послѣднее его дыханіе. До тѣхъ поръ, „отцы" не будутъ имѣть духовной власти надъ „дѣтьми", и каждый отецъ будетъ, съ безмолвною тоской, глядѣть на „увлеченіе" сына, ведущее его къ гибели.

Но вѣдь міръ „мертвыхъ душъ“ уже затрещалъ и отступилъ назадъ? Вѣдь, 19-го февраля 1861 года, уже произнесено было мощное слово, предъ которымъ разсыпалось въ прахъ то, что̀ служило основаніемъ, сущностью и опорою этому міру, т.-е. *крѣпостное право*? Теперь уже никто не продаетъ Степана Пробку ни мертваго, ни живого, ибо Степанъ Пробка сталъ человѣкомъ, свободнымъ сельскимъ обывателемъ, съ своими правами „личными и по имуществу“. Теперь, „храмъ уединеннаго размышленія“, воздвигнутый Маниловымъ, или разрушился, или обратился въ амбаръ для ссыпки хлѣба, а сынъ Манилова ѣздитъ въ земское собраніе, гдѣ сидитъ съ нимъ вмѣстѣ сынъ Пробки. Какимъ же образомъ старая болѣзнь сохранилась въ новыхъ общественныхъ формахъ? Почему она приняла даже болѣе острый характеръ?

II.

О реформѣ, произведенной въ 1861 году, говорили и говорятъ очень много. Но нельзя сказать, чтобы все ея значеніе было понято и всѣ ея послѣдствія признаны. Между тѣмъ, и это значеніе, и эти послѣдствія необходимо понять и признать, если мы вообще хотимъ понять переживаемую нами эпоху, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Тотъ, кто хочетъ идти по прямой дорогѣ и видѣть ясно цѣль своего путешествія, тотъ долженъ имѣть предъ глазами реформу 1861 года во весь ея ростъ, какъ исходную точку всего современнаго развитія. Попытаемся нарисовать, въ немногихъ словахъ, хотя бы контуръ этого акта, но во весь ростъ. Посмотримъ, что̀ содержалось въ этомъ царскомъ призывѣ, гласившемъ: „освобождайте крестьянъ!“

Царскій призывъ былъ направленъ на самый *фундаментъ* стараго зданія, на почву, ростившую мертвыя души всѣхъ типовъ. Перестройка фундамента не могла не отозваться на самомъ зданіи. Это увидѣли одинаково и общество, и правительство. Именно, они увидѣли въ отмѣнѣ крѣпостного права не одно упраздненіе барщины, дворни, крѣпостныхъ гаремовъ, сѣченія на конюшняхъ, т.-е. всего, въ чемъ проявлялась власть человѣка надъ человѣкомъ. Въ великомъ актѣ нельзя было не увидѣть многаго *другого*, ибо само крѣпостное право не было *только* барщиной, гаремомъ и сѣченіемъ. Оно было основаніемъ для цѣлаго общественнаго и государственнаго *міросозерцанія*, которое можно охарактеризовать словомъ—*вотчинное*. Такое міросозерцаніе имѣло своимъ послѣдствіемъ, что люди вообще разсматривались какъ вещи, а вещи не бываютъ „субъектами правъ“, даже гражданскихъ. При такой основѣ, всѣ отношенія опредѣлялись

и устраивались по образу и подобію вотчинныхъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Окружной начальникъ, батальонный командиръ, исправникъ, предсѣдатель палаты, городничій были тѣми же вотчинниками въ своихъ отношеніяхъ къ государственнымъ крестьянамъ, къ солдатамъ и „къ обывателямъ" всякаго рода. Наоборотъ, отъ этого „закрѣпощенія" не уходила и *казна*, когда, по какому-нибудь случаю, она попадала въ распоряженіе служащаго или частнаго лица. И эта черта не ушла отъ наблюдательности Гоголя. Его городничій былъ, по-своему, правъ, придя въ негодованіе на жаловавшихся на него купцовъ. „Сдѣлаешь—кричалъ онъ имъ,—подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставишь гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это!... Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это?"—Свои люди!

Стало быть, отмѣна крѣпостного права, въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей, пережившихъ это незабвенное время, влекло за собою установленіе новаго порядка, построеннаго на признаніи *правъ личности*, какъ формальнаго обезпеченія „живой души", призванной къ новому и живому дѣлу. Это сознаніе не было какимъ-нибудь „мечтательнымъ стремленіемъ", но и перешло въ дѣло, въ *законодательные* акты. Положеніе о крестьянахъ дало имъ личную свободу, надѣлъ и общинное самоуправленіе. Вслѣдъ затѣмъ, сознана была необходимость подвести всю массу крестьянства подъ одни общія начала управленія, и эти начала были заимствованы не изъ прежняго учрежденія о государственныхъ крестьянахъ, а изъ положенія новаго. Установленія бывшихъ государственныхъ или, вѣрнѣе, казенныхъ крестьянъ оказались несостоятельными и пали. Послѣ признанія за крестьянами правъ свободныхъ членовъ русскаго общества, прежняя система мѣстнаго управленія, построенная на узкосословномъ началѣ, съ преобладаніемъ одного сословія надъ другими, должна была замѣниться *всесословнымъ* земскимъ самоуправленіемъ. Старый „слѣдственный" процессъ и сословное раздѣленіе органовъ суда, подчиненныхъ всесильной администраціи, обанкротились; оказалась необходимость въ выборной земской юстиціи, въ независимыхъ коронныхъ судахъ, въ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей. Тѣлесное наказаніе плетьми—этотъ символъ народнаго рабства—отмѣнено. Воинская повинность изъ рекрутчины, тяготѣвшей надъ податными классами, обратилась въ повинность всесословную. Новыя понятія хлынули всюду, въ правительственную практику, въ частныя отношенія, въ воспитаніе. Общество, призванное къ самодѣятель-

ности, къ развитію закономѣрному, нуждалось и въ новой просвѣтительной, контролирующей, такъ-сказать, силѣ, въ силѣ печатнаго слова; 1865 годъ принесъ извѣстныя льготы нашей печати, освобожденной, до нѣкоторой степени, отъ старыхъ цензурныхъ стѣсненій.

Таковы главныя черты этой „новой эпохи". Оглядываясь назадъ, можно сказать, что, въ смыслѣ внутреннихъ реформъ, за эти благодатныя десять лѣтъ, было сдѣлано больше, чѣмъ во сто предшествующихъ годовъ. Не свидѣтельствуетъ ли это не только о силѣ даннаго толчка, но и о томъ, что все, слѣдовавшее за толчкомъ, т. е. за упраздненіемъ крѣпостного права, было логическимъ его послѣдствіемъ? Не въ правѣ ли мы сказать, что „Положеніе о крестьянахъ" останется, выражаясь языкомъ музыкантовъ, *доминантою* эпохи, начатой въ 1861 году. Все, согласное съ этою основною нотою, дастъ гармонію; все несогласное—произведетъ диссонансъ, котораго нельзя будетъ сгладить никакими ритурнелями.

Въ началѣ этой великой эпохи, Россія выступила впередъ, какъ вся, какъ единая земля. Въ великомъ дѣлѣ нашли себѣ удовлетвореніе всѣ „души". Встрепенулись крестьяне, почуявшіе сладкую волю свободнаго труда; вскинулись, на время замерзшіе въ непробудномъ снѣ, отставные поручики и штабъ-ротмистры; мощный духъ времени пробудилъ въ нихъ человѣка, они пріосанились и браво исполнили должность мировыхъ посредниковъ. Ободрились и „огорченные—чужіе" и „пострадавшіе" люди всякихъ эпохъ. Старые декабристы писали уставныя грамоты и приводили къ соглашенію „на выкупъ", на ряду съ петрашевцами, съ „огорченными" новѣйшаго типа. На этомъ чудномъ пирѣ не было чужихъ людей: всѣмъ было мѣсто, и великое царское слово — свобода нашло отзвукъ во всѣхъ душахъ. Кто не помнитъ эти дни? Кто забылъ это чудное лѣто, обильное тепломъ, дождями, урожаемъ и свѣтлыми надеждами на будущее? Жаль нынѣшней молодежи: она не пережила этихъ дней, не провела ихъ среди народа; у нея нѣтъ этихъ воспоминаній, смягчающихъ сердце человѣка на всю жизнь. Она взросла и растетъ подъ вліяніемъ *другого* времени, наступившаго скоро, очень скоро, послѣ свѣтлыхъ лѣтнихъ дней 1861 года.

Это *другое* время принято называть временемъ *переходнымъ*. Да, мы живемъ въ *переходное время*, говорятъ всѣ, и это „счастливое" выраженіе служитъ одновременно средствомъ и объясненія, и осужденія, и оправданія того, что совершается кругомъ насъ. Нужно ли объяснить какую-нибудь явную несообразность, вопіющее противорѣчіе—ссылка на „переходное время" готова. Но какой же смыслъ заключается въ этомъ выраженіи? Нельзя не сознаться, что надъ нимъ очень мало думали. Люди, употребляющіе его ежедневно и

ежечасно, способны объяснить его только слѣдующимъ образомъ: старое еще не отжило своего вѣка, новое только начинаетъ нарождаться. Эта борьба стараго съ вытѣсняющимъ его „новымъ“ и даетъ ту совокупность явленій, которая, для удобства и краткости, характеризуется словомъ—переходное время. Но въ вещахъ этого рода краткость не всегда удобна.

Ссылка на переходное время, какъ на нѣкоторую краткую формулу, отъ слишкомъ частаго ея употребленія, получила значеніе столь же извѣстной ссылки на „среду“, на „независящія обстоятельства“ и т. п. Смыслъ этихъ „ссылокъ“ одинъ: *устраненіе* всякой личной *отвѣтственности* за все совершающееся кругомъ, оправданіе полнаго равнодушія, бездѣйствія и лѣни въ томъ „полумилліонѣ“, о коемъ такъ скорбѣлъ Гоголь. Растраты, хищенія, казнокрадство, дутыя предпріятія, вялое содѣйствіе народному образованію, упадокъ земледѣлія, истребленіе лѣсовъ, финансовыя тягости народа, безотчетность и безконтрольность,—все это только симптомы переходнаго времени, а тамъ—перемелется, мука будетъ. Превосходное утѣшеніе, умилительное слово! Но вѣдь для „перемола“ нужны и хорошіе жернова, и порядочные мельники, не расхищающіе зерна, и доброкачественное зерно,—иначе изъ этой „муки“ не испечешь ничего, кромѣ плохихъ сухарей, причемъ опять придется расчитывать, что все „переваритъ“ крѣпкій русскій желудокъ. Коротко говоря, отъ этихъ ссылокъ на „переходное время“ жутко становится, ибо въ нихъ слышится поворотъ къ старому, какъ будто пережитому нами времени, ко времени „мертвыхъ душъ“.

Не пора ли посмотрѣть на дѣло пристально, разглядѣть его во всѣхъ подробностяхъ, не пропуская ни одной? Да, мы должны сдѣлать это безбоязненно, хотя бы мы увидѣли „подробности“ мрачныя, хотя бы мы пришли къ убѣжденію, что наше время, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, *хуже* времени чистыхъ, безпримѣсныхъ мертвыхъ душъ. Только тогда, когда зло будетъ понятно въ цѣломъ и въ подробностяхъ, мы будемъ знать, что̀ дѣлать и чѣмъ намъ быть. Мы достаточно страдали мыслебоязнью, достаточно долго думали, что наилучшее средство излѣченія зла — не думать о немъ и не говорить; что отъ молчанія и недуманія зло изгонится изъ дѣйствительной жизни, какъ мы выгнали его изъ нашего мышленія. Дѣти! мы какъ будто не подозрѣваемъ, что отъ молчанія и недуманія гаснетъ не зло, а гаснемъ мы, что въ этомъ молчаніи и недуманіи слабѣютъ наши мысль и воля, и что съ каждымъ годомъ мы становимся все менѣе и менѣе способными для борьбы съ „обстоятельствами“. „Memoriam quoque ipsam cum voce perdidissemus,

si tam in nostra potestate esset oblivisci, quam tacere“, какъ сказалъ по другому случаю Тацитъ [1]).

III.

Освобожденіе крестьянъ, давши толчокъ ко всѣмъ другимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, явилось совершенно *неожиданно* для нашего общества. Мы не хотимъ сказать этимъ, что паденіе крѣпостного права не было вызвано настоятельными причинами: напротивъ по нашему глубокому убѣжденію, мѣра эта явилась довольно *поздно*, и этимъ объясняются многія важныя ея послѣдствія. Мы хотимъ только указать на всѣмъ извѣстный фактъ, что *общество* наше не ожидало этой реформы, и Высочайшій рескриптъ 20-го ноября 1857 года грянулъ какъ громъ изъ яснаго неба. Въ послѣдніе годы предъ вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя, крѣпостное право было взято какъ бы подъ особое покровительство, въ качествѣ „фундаментальнаго“ учрежденія нашего государства.

Приведемъ въ доказательство замѣчательное мѣсто изъ записки о „крѣпостномъ состояніи“, принадлежащей покойному Ю. Ѳ. Самарину, написанной и пущенной въ ходъ за годъ до появленія Высочайшаго рескрипта, т.-е. осенью 1856 года. Вотъ что̀ говоритъ этотъ видный дѣятель крестьянской реформы:

„Еще недавно, лѣтъ двадцать тому назадъ, правительство и общество признавали крѣпостное право за несомнѣнное зло. Противъ этого никто не возражалъ, никто за него не заступался и спорили только о томъ: наступило ли время упразднить его, какимъ путемъ изъ него выйти, чѣмъ замѣнить существующій порядокъ. *Прискорбно сознаться, что теперь* (1856 г.) *уже не то*. Правительство приняло крѣпостное право подъ свое особенное покровительство: оно изъято безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно: самые отдаленные намеки на вредныя его стороны преслѣдуются цензурою съ безпощадною строгостью; наконецъ, въ нашей литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ стали являться *апологіи* крѣпостного права, выведенныя не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ *общихъ*, религіозно-нравственныхъ началъ—апологіи самаго *существа* крѣпостного права. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи, продолжаетъ Самаринъ, одно мѣсто въ наставленіи для образованія *воспитанницъ* женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 году. Въ пользу крѣпостного

---

[1]) „Вмѣстѣ съ словомъ, мы потеряли бы самую память, еслибы въ нашей власти было бы такъ же забывать, какъ молчать“.

права приведены тексты изъ священнаго писанія — единственный, небывалый примѣръ въ нашей литературѣ. Въ немногихъ словахъ, совѣтъ, предлагаемый авторомъ инструкціи воспитанницамъ, можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: „берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его какъ власть родительскую надъ дѣтьми“ [1].

Итакъ, призывъ къ отмѣнѣ крѣпостного права послѣдовалъ непосредственно послѣ того времени, когда начальство женскихъ учебныхъ заведеній было приглашено ростить Коробочекъ по апостолу Павлу, и когда всѣ Коробочки и ихъ супруги заснули въ увѣренности, что никогда и ничья рука не посягнетъ на „Божественное установленіе“. Реформа застала общество врасплохъ. Къ этому должно прибавить и то, что оно не *было подготовлено* законодательными и практическими мѣрами прежняго времени. Хотя въ царствованіе Александра I и въ началѣ царствованія Николая I правительство и лучшая часть общества и признавали крѣпостное право за „несомнѣнное зло“, хотя законы 1803 и 1842 годовъ и имѣли въ виду вызвать въ средѣ дворянства движеніе къ его отмѣнѣ, тѣмъ не менѣе оно вышло изъ этихъ двухъ царствованій, т.-е. послѣ 55 лѣтъ скептическаго къ нему отношенія, не только непоколебленное, но еще и съ „апологіею“. Наконецъ, бытовыя обстоятельства получили такой острый характеръ, что потребовалась немедленная отмѣна *крѣпостного* состоянія, отмѣна разомъ, однимъ взмахомъ. Другого исхода не было.

Все это, вмѣстѣ взятое, положило неизгладимый отпечатокъ и на крестьянскую реформу, и на всѣ послѣдовавшія за нею преобразованія, и на характеръ общества, вышедшаго изъ реформы, и на настроеніе самихъ правительственныхъ сферъ, словомъ, на все, отъ чего зависитъ характеръ нашего „переходнаго времени“.

Всякое преобразованіе, совершенное внезапно и разомъ, несомнѣнно производитъ серьезное потрясеніе въ общественномъ организмѣ и вызываетъ особый, несовершенно довѣрчивый на него взглядъ въ самомъ законодателѣ. Это неизбѣжно, и служитъ наилучшимъ доказательствомъ тому, что общество страдаетъ отъ реформъ *преждевременныхъ* гораздо *меньше*, чѣмъ отъ преобразованій *запоздалыхъ*. Преждевременная реформа произведетъ, правда, нѣкоторую смуту, но она не потрясетъ общественнаго организма, а просто не *привьется* къ нему, какъ это случилось съ иными „преждевременными“ реформами Іосифа II Австрійскаго. Напротивъ, когда общество долго и долго остается безъ преобразованій самыхъ необходимыхъ, когда

---

[1]) *Полное собр. соч.*, т. II, стр. 21.

оно готово застыть въ отжившихъ формахъ, и когда эти формы, ради спасенія организма, необходимо разбить вдругъ, тогда въ обществѣ происходятъ явленія, вызывающія скептическое отношеніе къ самой реформѣ.

Посмотримъ, какъ эти обстоятельства отразились на нашей практической жизни.

IV.

Потрясеніе, произведенное въ *обществѣ* отмѣною крѣпостного права, не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствіе его ощущается до настоящаго времени, хотя обыкновенно мы не можемъ дать себѣ отчета, въ чемъ оно состояло и состоитъ. Между тѣмъ, глазу сколько-нибудь внимательнаго наблюдателя оно представляется въ видѣ связнаго процесса, и характеръ этого процесса опредѣляется однимъ словомъ: *разложеніе* высшихъ классовъ нашего общества. Страшный процессъ, сопряженный съ гибелью и съ извращеніемъ многихъ, порождающій, на ряду съ свѣтлыми, много уродливыхъ явленій. „Такъ, тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Обратимъ здѣсь вниманіе прежде всего на „стекло“, ибо „булата“ у насъ, въ день освобожденія крестьянъ, было немного.

Когда формы прежняго быта разбиваются разомъ, когда сотни тысячъ людей выбиваются изъ колеи, по которой шли ихъ отцы, и дѣды, и прадѣды, первая забота этихъ людей—устроить свое *личное* положеніе, пристроиться такъ или иначе. Въ прежнее время молодой „интеллигентный“ человѣкъ росъ на даровомъ хлѣбѣ, въ дѣдовской обстановкѣ и ясно предвидѣлъ все теченіе своего бытія. Сначала его „отдадутъ въ ученье“, потомъ онъ исполнитъ стародавній долгъ „дворянина“—послужить отечеству, и, наконецъ, выйдетъ въ отставку, въ чинѣ поручика или коллежскаго асессора, и засядетъ въ деревнѣ, для бесѣдъ съ приказчикомъ, псовой охоты и „рощенія“ себѣ подобныхъ, которыхъ ожидала та же судьба. Эта нехитрая программа выполнялась всѣми одинаково, жизнь шла гладко, хоть и глупо, и каждый зналъ свой „предѣлъ“. Но вдругъ, съ 19-го февраля 1861 года оказалось, что судьба каждаго человѣка отнынѣ будетъ зависѣть отъ него самого, отъ его личныхъ способностей, трудолюбія, предпріимчивости. Нехитрое сельское хозяйство прежняго времени вдругъ нужно было поставить на „коммерческую ногу“, какъ всякое иное промышленное предпріятіе, расчитывать, оборачиваться, подчиняться закону „спроса и предложенія“, умѣть обращаться съ вольнонаемнымъ трудомъ и т. п.

Это новое „требованіе времени“ было съ общеисторической точки

зрѣнія высоко-нравственно, ибо оно призывало человѣка жить своимъ трудомъ, а не высасывать чужой, творить, а не покоиться на крѣпостныхъ душахъ, предпринимать, а не засыпать въ формахъ прадѣдовскаго хозяйства, однимъ словомъ, идти впередъ, обогащая не только себя, но и окружающихъ, возвышая не только свой умственный и нравственный уровень, но и содѣйствуя усовершенствованію другихъ.

Но не должно забывать, къ какому обществу было обращено это требованіе. Правда, все русское общество рванулось впередъ въ шестидесятыхъ годахъ, съ самыми свѣтлыми, даже съ преувеличенными надеждами на будущее. Въ то время казалось, что все возможно, все осуществимо. Но всѣ порыванія быстро разбились о практическую и неотложную нужду каждаго: устроить какъ-нибудь свое *личное* существованіе. Эта нужда обострялась, такъ-сказать, серьезнымъ экономическимъ кризисомъ. Помѣщики, превратившіеся въ „землевладѣльцевъ", оказались на этой землѣ въ довольно оригинальномъ положеніи: безъ оборотнаго капитала, безъ кредита и безъ хозяйственной опытности, т.-е. безъ тѣхъ условій, которыя нужны для всякаго предпріятія. Многіе (если не большинство) не имѣли даже утѣшенія расчитывать на выкупныя свидѣтельства, ибо они были обременены долгами — наслѣдіемъ прежней нерасчетливой и безпутной эпохи. Если прибавить къ этому, что крымская война оставила послѣ себя тяжкій финансовый и экономическій кризисъ, то мы будемъ имѣть предъ собою довольно полную картину крушенія, и крушенія столь же внезапнаго, какъ и радикальнаго.

Среди такого внезапнаго крушенія естественно рождалась потребность *немедленнаго* опредѣленія и устройства своей личной участи. Эта потребность развивалась въ страстное, неудержимое стремленіе, если принять въ расчетъ, что лица, ее почувствовавшія, не имѣли понятія о трудѣ, о томъ *процессѣ*, какимъ накопляется богатство и устраивается „участь"; что они издавна удовлетворяли своимъ потребностямъ безъ усилій, при помощи крѣпостного труда или въ долгъ, и что они попали въ новыя условія съ широкими привычками даровой и безрасчетливой жизни.

При такихъ усложненіяхъ на Руси раздался страшный, раздирающій крикъ: дайте намъ обезпеченное положеніе, дайте его сейчасъ, безъ всякихъ нашихъ усилій и въ надлежащемъ размѣрѣ! И пошла *погоня за наживой*, какой давно не видѣло наше общество. На помощь къ этой погонѣ пришла масса новыхъ „предпріятій", народившихся на свѣтъ вмѣстѣ съ новой эрой: акціонерныя компаніи, желѣзныя дороги, банки, товарищества всѣхъ сортовъ. Все бросилось въ спекуляціи, въ ажіотажъ, въ чаяніи легкой и богатой добычи.

Замѣтимъ при этомъ, что „идеалы“ этого новаго „промышленнаго“ общества создавались при значительной помощи примѣра западной Европы. Русскій „просвѣщенный“ дѣлецъ жадно присматривался къ промышленной и биржевой оргіи, устроенной западно-европейскою буржуазіею. Биржевая и акціонерная горячка, охватившая Западъ и завершающаяся теперь всякими „крахами“, проникла и къ намъ, въ качествѣ „послѣдняго слова“ культуры, и попала на благодарную почву.

Конечно, весьма многія изъ этихъ предпріятій по существу своему были полезны, необходимы: государство-вотчина должно было, наконецъ, приладиться къ промышленной Европѣ съ ея путями сообщенія, средствами кредита, съ ея способами соединенія личныхъ силъ для всякаго рода промышленныхъ цѣлей. Но у насъ это движеніе было, такъ-сказать, ручьемъ, попавшимъ въ потокъ болѣе мощнаго движенія, слагавшагося изъ неудержимаго стремленія многихъ тысячъ, выбитыхъ изъ колеи, людей захватить себѣ „приличное“ положеніе, съ еще болѣе приличнымъ состояніемъ. Стало-быть, новыя предпріятія должны были прежде всего служить этимъ цѣлямъ личнаго „благополучія“ старыхъ по существу и духу, но новыхъ по внѣшнему положенію людей, стремившихся *наверстать* на этихъ предпріятіяхъ то, что было утрачено ими на крѣпостномъ правѣ. Здѣсь источникъ ожесточеннаго характера спекуляціи, дутыхъ предпріятій, растратъ, безцеремоннаго обращенія съ акціонерами, съ вкладчиками, съ публикой, словомъ, всего, что производитъ негодованіе и тошноту при взглядѣ на нашъ промышленный міръ. Юханцевъ, попавшій изъ офицеровъ Преображенскаго полка въ кассиры банка, изъ кассировъ въ червонные валеты, только образчикъ, и не изъ крупныхъ, этого міра. Въ этой сферѣ встрѣтились старые откупщики и подрядчики, строившіе мосты, съ „написаніемъ дерева на двадцать тысячъ“; графы, князья, бароны, тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, вымаливающіе мѣста у этихъ новыхъ „строителей“, или продающіе свое вліяніе для испрошенія концессіи; ловкія дамы, „проводящія дѣла“, и всякаго рода высоко и низко поставленные люди, пущенные судьбой по скату, въ концѣ котораго стоитъ высокій столбъ съ надписью — *червонный валетъ.*

На такой подкладкѣ и въ такой атмосферѣ, конечно, не могло быть рѣчи о выработкѣ какого-нибудь „міросозерцанія“, тѣмъ болѣе „міросозерцанія“ нравственнаго. Когда масса людей приведена въ хаотическое состояніе, когда каждый атомъ этой массы принужденъ думать объ устройствѣ своихъ личныхъ дѣлъ, онъ привыкаетъ ставить себя и свое матеріальное благосостояніе началомъ и концомъ всего сущаго и мало-по-малу отбрасываетъ въ сторону всѣ нравствен-

ныя понятія, ибо всякій нравственный принципъ выводится изъ предположенія связи человѣка съ его „ближними“ и является *нормою* отношеній къ этимъ ближнимъ: „не убій, не укради, не прелюбы сотвори, возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. Но когда человѣкъ обращенъ въ естественное состояніе, когда принципъ „самосохраненія“ выступаетъ во всей своей наготѣ, человѣкъ бросаетъ всѣ эти нравственныя понятія, какъ ненужный баластъ, какъ препятствіе къ достиженію цѣли. Человѣкъ становится *практическимъ*, не въ смыслѣ, раскрытомъ *Бэкономъ*, призывавшимъ умственныя силы человѣка къ побѣдѣ надъ природой и къ возвышенію общаго уровня человѣческаго благосостоянія, а въ смыслѣ умѣнья жить взаимнымъ разореньемъ.

Мы не должны удивляться, что этотъ „практическій“ вѣкъ увидѣлъ такое пониженіе нравственнаго уровня и такое паденіе умственныхъ интересовъ, какого не видѣлъ даже міръ мертвыхъ душъ. Тамъ былъ искусственно созданный, искусственно поддерживаемый интеллигентный слой, съ искусственно обезпеченнымъ досугомъ, которымъ онъ пользовался для своего личнаго духовнаго развитія и выработалъ въ себѣ душу, способную откликнуться на все живое и откликнувшуюся на призывъ къ освобожденію крестьянъ. Теперь жизни больше, больше людей снующихъ, суетящихся. Но весь вопросъ въ томъ, что живетъ въ этихъ людяхъ, какая часть человѣческаго существа говоритъ въ нихъ и заставляетъ ихъ суетиться? Есть ли это часть духовная, образъ и подобіе Божіе, исканіе правды и преподобія истины, или голосъ плоти, взывающій—устраивайся и насыщайся, какъ кричалъ онъ во время великаго переселенія народовъ? Мы не ошибемся, сказавъ, что *этотъ* послѣдній голосъ кричитъ сильнѣе перваго, если только не кричитъ онъ одинъ.

Когда всѣ отношенія и занятія поставлены подъ одинъ уголъ зрѣнія и когда этимъ угломъ зрѣнія является вопросъ объ устройствѣ личной „судьбы“, самая жизнь *общественныхъ* учрежденій принимаетъ своеобразный характеръ.

Реформы новаго времени открыли много новыхъ путей къ общественной дѣятельности. Между этими путями первое мѣсто занимаетъ, конечно, поприще *мѣстнаго самоуправленія*. Здѣсь могли показать себя интеллигентныя силы, накопленныя въ прежнее время. Къ сожалѣнію, это мѣстное самоуправленіе до настоящаго времени остается вопросомъ,—по причинамъ, лежащимъ какъ внѣ „интеллигентной“ массы, такъ и въ ней самой. Здѣсь мы намѣрены сказать о причинахъ второго порядка; о первыхъ будетъ сказано ниже.

„Интеллигенція“ могла дать силу и значеніе мѣстнымъ установленіямъ, сдѣлать изъ нихъ основу для дальнѣйшихъ реформъ, подъ

однимъ условіемъ: сойтись съ народомъ, сдѣлаться его естественнымъ, законнымъ и довѣреннымъ представителемъ. Но для этого ей слѣдовало быть на мѣстахъ, крѣпко сидѣть на этой землѣ, сдѣлать ее источникомъ своего богатства и вліянія, полюбить свой уголъ, сродниться съ мѣстными интересами, понимать ихъ такъ, чтобы ихъ пониманіе было, такъ-сказать, квинтэссенціею разумѣнія всего мѣстнаго населенія. На дѣлѣ этого не случилось.

Конечно, „интеллигенція" явилась въ мѣстныя „собранія" не безъ идей. Но эти идеи были результатомъ предварительнаго теоретическаго образованія и плохо ладили съ мѣстными нуждами. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ и ихъ дѣйствіи они искали удовлетворенія на свои субъективные запросы, составленные по самоновѣйшимъ сочиненіямъ, и когда эти запросы оставались безъ удовлетворенія, они махали рукою на „мѣстные вопросы". Въ существѣ они оставались людьми чужими мѣстному населенію, производили впечатлѣніе господъ прежняго времени, неожиданно попавшихъ на крестьянскую свадьбу.

Таково было положеніе сравнительно лучшихъ людей, не говоря уже о массѣ. Въ глазахъ массы, служба по земскимъ выборамъ была поставлена въ одинъ рядъ съ прочими „мѣстами", способными обезпечить положеніе ихъ обладателей. Но, весьма естественно, что съ *этой* точки зрѣнія „мѣста" по земской службѣ не могли конкурировать съ другими „мѣстами" на службѣ желѣзнодорожной, банковой, и даже государственной, поскольку она сопряжена съ хорошими окладами и акциденціями. При всеобщемъ исканіи „мѣстъ", произошло нѣчто, напоминающее процессъ распредѣленія поземельной собственности, какъ его описываетъ Рикардо. Сначала заняты были тучныя и плодородныя мѣстности, въ видѣ акцизныхъ управленій, разныхъ „правленій" въ акціонерныхъ компаніяхъ, потомъ слѣдовали мѣстности уже насиженныя, но продолжавшія привлекать „интеллигентныя" силы—таковы департаменты въ разныхъ центральныхъ управленіяхъ; наконецъ, въ самомъ низу іерархіи были помѣщены песчаныя, лѣсистыя и болотистыя мѣста земскаго самоуправленія, дававшія „ренту" развѣ въ томъ случаѣ, если дѣятелямъ удавалось примазать земство къ общей понтировкѣ по дѣламъ желѣзнодорожнымъ, банковымъ, водопроводнымъ и другимъ. Весьма естественно, что эти мѣстности населялись людьми не перваго и даже не второго, а третьяго разбора, тогда какъ „сливки" бросали мѣстности и родныя деревни для „рентъ" болѣе высокихъ.

При такомъ положеніи вещей весьма трудно говорить объ обществѣ, *знающемъ*, откуда и куда оно идетъ, чего оно хочетъ въ общественномъ смыслѣ, и *могущемъ* осуществить свои желанія.

Когда всякія мѣста и поприща оцѣниваются съ точки зрѣнія

„ренты“, можно ли ожидать, что человѣкъ поклонится мѣстному самоуправленію, какъ зародышу новаго бытія, и отвернется отъ иного „поприща“, выражающаго отживающую идею, напримѣръ, идею централизаціи и административной опеки? Самоуправленіе возможно только въ той странѣ, гдѣ люди смотрятъ на общественное служеніе, какъ на естественное дополненіе и послѣдствіе своего личнаго положенія на мѣстахъ; когда они видятъ въ занятіи этихъ мѣстъ *обязанность*; когда они идутъ на эти мѣста такъ же вольно и непринужденно, какъ наши предки шли въ полки; когда, однимъ словомъ, на человѣка, не служащаго, такъ или иначе, земству, будутъ смотрѣть такъ же удивленно, какъ прежде смотрѣли на „неслужащаго дворянина“.

Тогда „мѣстное самоуправленіе“ дѣйствительно обратится въ *твердую* исходную точку нашего развитія къ новому и лучшему. До тѣхъ же поръ всякія разсужденія о сравнительныхъ достоинствахъ децентрализаціи и централизаціи, земскаго представительства и бюрократіи, самоуправленія и опеки, останутся *разсужденіями*, не имѣющими практическаго значенія. Кромѣ того, они будутъ *вредными* разсужденіями, въ томъ смыслѣ, что всегда будутъ набрасывать тѣнь на искренность разсуждающаго и даже на достоинство проповѣдуемыхъ имъ принциповъ. Когда человѣкъ, въ силу теоретической привычки, твердитъ о пользѣ самоуправленія и, въ то же время, ради „ренты“, занимаетъ мѣсто, съ которымъ сопряжены мѣропріятія въ духѣ централизаціи и опеки, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка, дѣлающаго не то, что̀ думаетъ, и думающаго не то, что̀ дѣлаетъ, словомъ, *призрака*, человѣка *лжи*, лгущаго другимъ и себѣ.

Не требуйте отъ него, чтобы онъ сказалъ вамъ, *куда мы идемъ*: онъ этого не знаетъ и едва-ли думалъ серьезно объ этомъ. Еще меньше можетъ онъ отвѣтить на вопросъ, куда мы *должны* идти. При той привычкѣ прилаживаться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, согласовать несогласуемое и примирять непримиримое, какая выработывается въ личной „борьбѣ за существованіе“ въ передѣлкѣ на русскій ладъ, онъ не въ состояніи будетъ поставить себѣ вопросъ прямо и отвѣтить на него откровенно. Явятся наши знаменитыя: „съ одной стороны, съ другой стороны, принимая во вниманіе то и это, не упуская изъ виду другого и третьяго“,—однимъ словомъ, все, что̀ изобрѣтено для успокоенія совѣсти современнаго человѣка.

Такимъ образомъ, интеллигенція наша живетъ еще въ видѣ *неорганизованной* массы, т.-е. въ видѣ атомовъ, не имѣющихъ крѣпкой точки опоры въ мѣстности, въ видѣ безпорядочной толпы, снующей по всѣмъ направленіямъ, въ погонѣ за обезпеченнымъ положеніемъ, безъ коллективнаго міросозерцанія и безъ признанной всѣми *обще-*

ственной цѣли. Если она и имѣетъ какіе-нибудь теоретическіе идеалы, то въ качествѣ остатка и воспоминанія отъ временъ юности, ни для кого не обязательнаго, удобнаго для частной *критики*, но непригоднаго для дѣйствія. Въ немъ нѣтъ существеннаго признака дѣйствительнаго міросозерцанія: *цѣльности*. То, что̀ называется нашимъ міросозерцаніемъ, есть не что иное, какъ механическое собраніе разныхъ *мнѣній*, часто противорѣчивыхъ. Въ немъ найдется и отрывокъ изъ деклараціи правъ 1789 года, и кусокъ изъ рѣчей Лассаля, и мѣста изъ *Жирондистовъ* Ламартина, изъ *Экономическихъ Противорѣчій* Прудона, изъ *Свободы* Милля и изъ *Общественнаго Договора* Руссо, и цитаты изъ Монтескьё и Гнейста. Все это придаетъ игривость частной бесѣдѣ—variatio delectat — но непригодно для дѣйствій, ибо въ мірѣ „дѣйствій", по выраженію Милля, одинъ человѣкъ съ *убѣжденіями* стоитъ девяносто девяти съ *мнѣніями*.

Египетъ, съ его рабствомъ и рабскимъ трудомъ надъ пирамидами, остался позади насъ, и самый слѣдъ въ него залитъ волнами Чермнаго моря. Но обѣтованная земля еще далеко и, повидимому, надъ новымъ Израилемъ тяготѣетъ Божій запретъ: не войдетъ онъ въ эту землю, пока не истлѣютъ кости тѣхъ, кто вышелъ изъ Египта и зналъ египетское рабство. И какъ имъ войти? Они сами не вѣрятъ въ дѣло своего освобожденія, сами оглядываются назадъ, вспоминая о яствахъ египетскихъ, сами отвертываются отъ скрижалей завѣта и сливаютъ себѣ золотого тельца, и оборачиваютъ свои немощныя головы къ мѣдяному змію только въ годину бѣдствій, и идутъ по пустынѣ, задыхаясь, съ проклятіями, безъ сознанія цѣли и причины своего странствія. Переходное время!

V.

Не одно общество было застигнуто врасплохъ крестьянской реформою. Правительственныя и законодательныя сферы находились въ томъ же положеніи. Теперь, на разстояніи пятнадцати лѣтъ, на это положеніе можно и должно взглянуть объективно.

Когда человѣкъ собирается дать толчокъ извѣстному предмету, онъ, разумѣется, расчитываетъ всѣ послѣдствія толчка, какъ ближайшія, такъ и отдаленныя. Иныхъ онъ желаетъ, другія—старается предотвратить. Эти соображенія, когда толчокъ слишкомъ силенъ, заставляютъ его относиться скептически къ самому толчку, дабы онъ не произвелъ послѣдствій, нежелательныхъ, въ данную минуту, по тѣмъ или другимъ причинамъ. Наконецъ, когда толчокъ требовалъ большого напряженія силъ, когда рядъ послѣдствій добытъ нѣсколькими сильными ударами, человѣкъ склоненъ думать, что дальнѣй-

шіе удары поведутъ къ послѣдствіямъ нежелательнымъ, и онъ останавливается въ своей работѣ.

Это сравненіе объяснитъ многіе изъ фактовъ, на которые намъ придется указать.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда рѣчь зашла о перемѣнѣ фундамента нашего общественнаго зданія, въ обществѣ родились всевозможныя стремленія и надежды, частью преувеличенныя. Объективно разсуждая, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и прискорбнаго. Если рѣчь зашла о существенномъ фундаментѣ стараго времени, то почему нельзя было разсуждать о разныхъ иныхъ фундаментахъ и зданіяхъ, на нихъ воздвигнутыхъ? Напротивъ, это слѣдовало сдѣлать, ибо крѣпостное право, какъ мы видѣли, давало тонъ всѣмъ установленіямъ, накладывало печать на всѣ явленія. Новый міръ, очевидно, могъ выйти только изъ новыхъ условій и новаго міросозерцанія. И эти „міросозерцанія" со всею страстью разрабатывались и въ домашнихъ кружкахъ, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ газетахъ, и въ толстыхъ журналахъ. Разумѣется, само собою, что только часть этихъ стремленій могла сдѣлаться общею и для массы общества, и для правительства. Ими опредѣлился кругъ совершонныхъ реформъ, и всѣ онѣ были *задуманы* приблизительно въ одно и то же время: реформа крестьянская, земская, судебная, городская и по дѣламъ печати.

Но преувеличенныя надежды, возлагавшіяся на „новое время", нѣкоторые симптомы броженія, нѣкоторыя „новыя слова", шедшія въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, вызывали опасенія какъ за самыя реформы, такъ и за ихъ послѣдствія. Все это было въ порядкѣ вещей. Не нужно забывать, кромѣ того, что по мѣрѣ движенія преобразованій подымала голову партія, вовсе не думавшая разрывать съ преданіями стараго порядка. Она была составлена изъ людей разныхъ типовъ: крѣпостниковъ безпримѣсныхъ, не тронутыхъ „культурою" и даже отрицавшихъ эту культуру, какъ источникъ всякихъ „неустройствъ", и людей quasi-культурныхъ, отрицавшихъ реформы во имя „порядка", образецъ котораго они видѣли въ имперіи Наполеона III. Аргументація людей перваго типа была довольно проста: мужиковъ не слѣдовало освобождать, ибо что́ же будутъ дѣлать мужики безъ помѣщика, какъ не безчинствовать и воровать. „Слова" другихъ людей, при общемъ мотивѣ съ первыми, были хитрѣе. Они съумѣли умственно отвлечь понятія общества и правительства и доказывали, что въ совершонныхъ реформахъ содержится рядъ „уступокъ", сдѣланныхъ правительствомъ „обществу"; что эти уступки ведутъ къ ослабленію правительственнаго авторитета, и что поэтому правительство должно вооружиться новыми

средствами для предстоящей ему борьбы съ обществомъ. Нельзя сказать, чтобы эти слова проходили безслѣдно, и вліяніе ихъ легко объясняется тѣми условіями, среди которыхъ совершились наши реформы.

Мы не станемъ излагать исторію примѣненія реформъ; это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но наша цѣль будетъ достигнута, если мы представимъ здѣсь рядъ крупныхъ фактовъ, характеризующихъ современное положеніе вещей и объясняющихъ свойства нашего времени, какъ времени „переходнаго". Существенные признаки такого времени состоятъ въ томъ, что иныя новыя учрежденія остаются недостроенными, что рядомъ съ новымъ держится много стараго, съ нимъ несогласуемаго, и настолько еще живого, что оно пускаетъ свои ростки даже въ область новаго. Всѣ эти признаки можно найти и въ современномъ положеніи вещей.

Впечатлѣніе *незаконченности* производитъ, прежде всего, самая важная изъ всѣхъ совершившихся реформъ—реформа крестьянская. „Положеніе о крестьянахъ" намѣтило двѣ главныя цѣли преобразованія: освобожденіе крестьянской личности (цѣль юридическая) и хозяйственное обезпеченіе крестьянства (цѣль экономическая). Конечно, обѣ эти ближайшія цѣли, при надлежащемъ осуществленіи ихъ, должны были привести къ одному общему результату: къ образованію изъ крестьянства *самостоятельнаго* и равнаго со всѣми другими элемента русскаго общества. Но такой результатъ могъ получиться только при помощи ряда мѣръ, дополнявшихъ и развивавшихъ „Положеніе 19 февраля".

До отмѣны крѣпостного права, въ обществѣ и законодательствѣ существовалъ одинъ цѣльный взглядъ на крестьянство. Именно „крестьянинъ" вообще разсматривался какъ извѣстная рабочая сила, прикрѣпленная къ землѣ для отбыванія повинностей всякаго рода, и эти „повинности" являлись какъ-бы специфическимъ признакомъ „податной" Россіи, рѣзко отдѣленной отъ Россіи неподатной, привилегированной. Въ дѣйствительности, на крестьянствѣ лежало не одно, а два крѣпостныхъ права: *частное и государственное.* Безобразный, острый характеръ частнаго крѣпостного права былъ причиной, что второй видъ отступалъ на задній планъ и, такъ-называемые, государственные крестьяне производили впечатлѣніе *свободныхъ* поселянъ. Но, по упраздненіи помѣщичьей власти, государственное крѣпостное право выступило изъ тѣни съ рѣзкими чертами стараго порядка.

Старое раздѣленіе Россіи на податную и неподатную, на Россію, имѣющую только финансовое значеніе, и другую, активно живущую, осталось во всей силѣ. Поэтому, и законодательный терминъ:

„свободный сельскій обыватель“ не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, особенно въ эпоху *всесословную*. „Свободный сельскій обыватель“ отдѣленъ отъ другихъ „обывателей“ платежомъ подушной подати, лишеніемъ права поступать на государственную службу, примѣненіемъ къ нему наказанія розгами, какъ за „провинности“, такъ и за неплатежъ податей, особенно строгою паспортною системой и т. д. Всѣ эти различія имѣютъ не только важное *юридическое* значеніе, въ томъ смыслѣ, что они препятствуютъ сліянію сословій и ослабляютъ до minimum'а самостоятельность и безопасность крестьянской личности, но и влекутъ за собою важныя экономическія послѣдствія.

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что осуществленіе экономической стороны крестьянской реформы, т.-е. *выкупной операціи*, даже при весьма благопріятныхъ условіяхъ, требовало большихъ усилій со стороны крестьянскаго сословія, такъ какъ, говоря простымъ языкомъ, крестьяне купили землю въ долгъ и за занятыя деньги платятъ проценты. Поэтому, экономическое развитіе крестьянства зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ ему удастся *подняться надъ тѣмъ уровнемъ*, въ которомъ его застало освобожденіе. При такомъ условіи чрезвычайно важенъ тотъ фактъ, что крестьянство осталось въ положеніи податной массы на прежнемъ основаніи, т.-е., что на немъ лежитъ главная часть финансовой тягости, и что оно прикрѣплено къ землѣ, какъ въ лучшія времена „вотчиннаго“ государства.

Результаты такого положенія не замедлили обнаружиться. Труды правительственной податной комиссіи засвидѣтельствовали, что крестьянское хозяйство не въ состояніи покрывать съ надѣловъ крестьянскаго бюджета, со включеніемъ податей, и что крестьянинъ принужденъ отдаваться отхожимъ промысламъ, въ расчетѣ на заработокъ. Податная комиссія засвидѣтельствовала фактъ, подтверждаемый всѣми наблюденіями, что уровень крестьянскаго благосостоянія не только не повысился, а скорѣе понизился. Объясненіе этого факта кроется во множествѣ причинъ, хотя иные публицисты видятъ только одну: народное *пьянство*.

Они забываютъ, что по *размѣру* потребленія вина Россія стоитъ далеко не на первомъ мѣстѣ въ ряду европейскихъ государствъ, и что *пьянство* вовсе не тождественно съ большимъ *годовымъ* потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, если это потребленіе равномѣрно. Пьянство есть фактъ гораздо болѣе *психическій*, чѣмъ матеріальный, и, въ качествѣ таковаго, является *результатомъ*, а не причиной. Не потому человѣкъ находится въ ненормальномъ состояніи, что онъ пьянствуетъ, а наоборотъ. Какъ фактъ психическій или, вѣрнѣе, психіатрическій, пьянство является обыкновенно результатомъ та-

кихъ условій, при которыхъ человѣкъ не можетъ подняться надъ своимъ низкимъ матеріальнымъ и нравственнымъ уровнемъ, когда онъ не можетъ „поправиться“ и обращается въ гулящаго человѣка.

Именно эти условія „поправленія“ и остались внѣ дѣйствія законодательства, несмотря на то, что многія реформы въ этомъ смыслѣ задуманы давно. Много лѣтъ трудится податная комиссія; долго работала комиссія о пересмотрѣ паспортной системы; чрезвычайно долго идетъ дѣло и о новомъ порядкѣ укрѣпленія правъ на имущество, настоятельно необходимомъ для нуждъ сельскихъ обывателей, ибо только тогда откроется для нихъ возможность пріобрѣтенія мелкихъ земельныхъ участковъ, совершенно необходимыхъ при недостаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Мы упомянули здѣсь только о тѣхъ вопросахъ, настоятельность рѣшенія которыхъ признана оффиціально. Но имѣется рядъ другихъ вопросовъ, тѣсно соприкасающихся съ „народнымъ бытомъ“ и не затронутыхъ въ такой мѣрѣ даже „въ проектахъ“. Сюда относится прежде всего *фабричный вопросъ*.

Несмотря на то, что Россія не есть страна промышленная въ западно-европейскомъ смыслѣ, было бы, однако, заблужденіемъ думать, что она живетъ исключительно „земледѣліемъ“. Напротивъ, фабрики и фабричное населеніе растутъ, но остаются внѣ всякаго законодательнаго вліянія. Наше дѣйствующее законодательство по этому предмету относится цѣликомъ къ эпохѣ *крѣпостного права*, когда вольнонаемный трудъ былъ *исключеніемъ*, при крѣпостномъ или „приписномъ“ трудѣ, какъ общемъ правилѣ. Тогда законодатель могъ ограничиться немногими статьями, изображенными въ уставѣ фабричномъ и въ законахъ гражданскихъ, т.-е. поставить вольнонаемный трудъ подъ дѣйствіе общихъ правилъ о личномъ наймѣ.

Но теперь условія измѣнились, вольнонаемный трудъ сдѣлался общимъ правиломъ: массы рабочихъ видятъ въ фабричномъ трудѣ постоянное средство существованія или одинъ изъ „отхожихъ промысловъ“. Измѣнилось ли законодательство сообразно этимъ условіямъ? Ни на одну букву. Вся эта важная область отдана въ безконтрольное распоряженіе „хозяевъ“, и ни одинъ глазъ не осмѣливается заглянуть сюда подъ опасеніемъ упрека въ „соціализмѣ“. У насъ нѣтъ законовъ, ограждающихъ *дѣтскій трудъ* и ограничивающихъ пользованіе трудомъ *женскимъ*. Сколько же тысячъ женскихъ и дѣтскихъ существованій замкнуто въ фабричной атмосферѣ, вырождаясь физически и извращаясь нравственно? Статистика административная и медицинская молчатъ, и только частныя наблюденія приподымаютъ завѣсу съ картины, далеко непривлядной. Чѣмъ дышатъ рабочіе на фабрикахъ, чѣмъ питаются, какая вода попадаетъ

имъ въ желудокъ? Новое молчаніе, несмотря на то, что частныя наблюденія намекаютъ и на зараженный воздухъ, и на недоброкачественные припасы, и на злокачественную воду. Какъ расчитываются хозяева съ рабочими? Новая неизвѣстность. Правда, законъ воспрещаетъ хозяевамъ расчитываться съ рабочими товарами и вообще „натурой". Но ничто не препятствуетъ хозяину „продавать" рабочимъ разные предметы изъ открытой имъ лавки и даже фактически обязывать ихъ къ „пріобрѣтенію" товаровъ изъ своей лавки или напитковъ изъ своего кабака. Тѣ же частныя наблюденія свидѣтельствуютъ, насколько грубы и безцеремонны пріемы для извлеченія изъ кармана рабочаго его заработка. Коротко говоря, элементарные пріемы для огражденія здоровья, жизни и скромнѣйшихъ правъ фабричнаго населенія еще не проникли въ наше законодательство. Не говоримъ уже о болѣе сложныхъ вопросахъ регулированія задѣльной платы: они начисто устраняются дѣйствующимъ закономъ.

Съ страннымъ чувствомъ обращаемся мы къ 1861 году. Онъ похожъ на „либеральную" мать, неожиданно родившую „свободнаго" ребенка и затѣмъ оставившую его на попеченіи чужихъ людей, вовсе нерасположенныхъ пещись о немъ. Оставленный безъ призора, онъ растетъ въ бѣдности, бросаясь съ своего оскудѣвшаго „надѣла" то на фабрики, гдѣ онъ встрѣчается съ сильнымъ аппетитомъ „хозяевъ", то въ рискованные отхожіе промыслы, усваиваетъ дурныя привычки, пьетъ, заражается сифилисомъ. Гдѣ противоядіе злу? Въ школѣ?

Да, она была бы нужна, эта школа. Въ 1861 году законъ освободилъ милліоны людей, но не надо забывать, что люди эти по закону назывались *крѣпостными* и росли среди условій, приближающихъ человѣка къ животному. Когда, въ 1863 году, сѣверъ Америки освободилъ рабовъ южныхъ штатовъ, онъ двинулъ туда, вслѣдъ затѣмъ, цѣлую армію народныхъ учителей, ибо видѣлъ въ этомъ главное средство подготовить „цвѣтныхъ" людей для гражданской жизни. Мы освободили не цвѣтныхъ, а себѣ подобныхъ, единокровныхъ и единовѣрныхъ людей, тѣхъ, рядомъ съ которыми мы идемъ въ церковь, тѣхъ, что мы называемъ „православными",—и гдѣ же наши школы? До свѣдѣнія общества доходитъ гораздо больше слуховъ о разныхъ „препятствіяхъ" по школьному дѣлу, претерпѣваемыхъ земствами, чѣмъ о „прогрессахъ" народнаго образованія.

Мы указали на нѣкоторые примѣры *недоконченности* реформъ 1861 года, заставляющіе думать о томъ, что же, наконецъ, выйдетъ изъ этого огромнаго и прекраснаго по натурѣ своей ребенка, именуемаго русскимъ народомъ? Къ какому результату приведетъ школа

первобытнаго и скудѣющаго хозяйства, безпризорныхъ фабрикъ, отхожихъ промысловъ, сильнаго развитія акцизной системы, безграмотства и омертвенія церкви?

Не меньше раздумья рождаетъ и другое обстоятельство: серьёзный *разладъ* между новыми учрежденіями и сильными остатками старыхъ порядковъ. Разладъ этотъ не формальный только, а принципіальный, вслѣдствіе чего иногда являются опасенія за судьбу не только новыхъ учрежденій, но и принциповъ въ нихъ вложенныхъ.

Укажемъ на одинъ элементарный примѣръ. Судебные уставы 1864 года произвели на общество свѣтлое впечатлѣніе между прочимъ потому, что въ нихъ оно прочло подобіе знаменитаго англійскаго адажіо: „nullus liber homo capiatur vel imprisonetur aut dissaisiatur aut utlagetur aut exuletur aut aliquo modo destruatur.... nisi per legale judicium parium suorum,vel per legem terrae". На самомъ дѣлѣ судебные уставы заключали въ себѣ существенныя гарантіи личной безопасности, домашняго покоя и чести. Но изданные въ замѣну второй части XV тома, они не распространили свое дѣйствіе на прочіе томы; спеціально же внѣ ихъ вліянія остался томъ XIV и еще спеціальный уставъ „о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій", сложившійся въ эпоху административнаго полновластія, слѣдовательно, не заключавшій въ себѣ обезпеченій ни для личности, ни для ея дома.

Этотъ разладъ, въ его практическомъ дѣйствіи, естественно рождаетъ горькое чувство, гораздо болѣе горькое, чѣмъ въ то время, когда и XIV и XV томы были построены на однихъ и тѣхъ же началахъ, когда власть судебная была поставлена въ зависимость отъ административной и слѣдственная часть находилась въ рукахъ полицейскихъ властей. Но въ настоящее время порядокъ дѣйствія, установленный для судебныхъ властей, какъ будто долженъ оттѣнять иной порядокъ, оставшійся для полицейскихъ властей, и оттѣнять съ невыгодной для послѣднихъ стороны. Едва-ли это выгодно для поддержанія авторитета самой полицейской власти, если подъ „авторитетомъ" разумѣть не физическую только силу, а „*власть*", основанную на нравственномъ довѣріи и убѣжденіи. И судебная, и полицейская власти должны быть органами одного и того же государства, слѣдовательно одинаково должны соотвѣтствовать тому *типу*, который государство приняло или желаетъ принять въ данную минуту. При различномъ же типѣ учрежденій, установленія стараго типа и старой „практики" дѣлаютъ впечатлѣніе *контраста*, и контраста довольно раздражающаго характера.

Но разладъ и контрасты идутъ гораздо дальше, выражаясь въ цѣлой системѣ учрежденій. Земскія и городскія учрежденія дѣй-

ствуютъ — первыя въ теченіе 14-ти, вторыя въ теченіе 8-ми лѣтъ. За это время ихъ положеніе въ ряду другихъ учрежденій опредѣлилось настолько, что мы можемъ высказаться о впечатлѣніи, производимомъ всею „системою“, старою и новою. Въ моментъ своего появленія, *земскія* учрежденія привѣтствовались какъ первый шагъ къ преобразованію всего мѣстнаго управленія. Такъ на нихъ смотрѣли, такое значеніе они должны были имѣть. Дѣствительно, земскія учрежденія, какъ *будущее*, какъ цѣль реформы, имѣли высокій смыслъ, и общество взглянуло на нихъ именно съ этой точки зрѣнія. Но въ данномъ своемъ объемѣ, и въ данномъ кругѣ *практическаго* дѣйствія, учрежденія эти произвели не перемѣну системы, а внесли *разладъ* въ существующія отношенія.

Въ губерніи, а особенно въ уѣздѣ явились какъ бы двѣ *системы* установленій; система общественно-земская и система правительственная; первая воплотила въ себѣ идеи новаго времени, вторая — стараго. Первая основывала свои дѣйствія на положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, вторая держалась на почвѣ полицейскихъ наказовъ и уставовъ прежняго времени, не пересмотрѣнныхъ и вовсе не согласованныхъ съ первыми, хотя *устройство* полиціи и было преобразовано временными правилами 1862 года. Такое „несогласованіе“ было особенно важно потому, что полицейскіе уставы содержатъ въ себѣ множество предметовъ вѣдомства, тождественныхъ съ предметами, предоставленными земству. По новому порядку земство печется о народномъ продовольствіи, здравіи, путяхъ сообщенія и т. д. По старымъ правиламъ о томъ же „печется“ полиція. При такой совмѣстности невольно рождается вопросъ: „кто же“ будетъ пещись въ дѣйствительности и не представляется ли въ этомъ опасности „недоразумѣній и пререканій?“ Соображая, однако, наличныя средства законодательства и практики, нельзя не придти къ заключенію, что шансы расположены въ пользу полиціи, ибо она есть истинная *правительственная* власть въ мѣстности и разсматривается закономъ какъ таковая, а „земство“ разсматривается какъ элементъ *внѣшній*, особый, даже частный, въ родѣ акціонерной компаніи. Для него изобрѣтено даже особое слово: *общественное* учрежденіе. Стало быть, оно есть представитель нѣкотораго „общества“, въ отличіе и даже противоположеніе къ „правительству“. Отсюда само собою понятно, что всякое „разномысліе“ земства съ коронными органами получаетъ характеръ борьбы двухъ „элементовъ“, нѣкотораго „антагонизма“ противъ устава благочинія.

Итакъ, мы присутствуемъ при „существованіи“ двухъ системъ и двухъ порядковъ учрежденій. Земство призвано къ развитію и понемногу развивается; но рядомъ съ нимъ развиваются и исправникъ,

и становой, имѣющіе свои корни въ совершенно иной, дореформенной почвѣ. Начало раздвоенія не только не разсматривается какъ нѣчто временное, но вошло органически въ послѣдующее законодательство. Новый актъ — городовое положеніе 1870 года построено на тѣхъ же началахъ различенія правительственнаго и общественнаго. Но кромѣ этихъ двухъ системъ, не найдемъ ли мы еще третьей?

Она на лицо. *Сословно-крестьянское* самоуправленіе стоитъ рѣшительнымъ особнякомъ отъ управленія земскаго, хотя земство и должно бы быть центромъ единенія всѣхъ сословій. Куда примыкаютъ волости и сельскія общества? Свое истинное развитіе они могли бы получить, конечно, въ связи съ установленіями земскими. Но такой связи не существуетъ, хотя, по нѣкоторымъ дѣламъ, они и *подчинены* земскимъ управамъ и собраніямъ, хотя губернскія земства и выбираютъ непремѣнныхъ членовъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Но зависимость не есть единеніе, особенно если прибавить, что эта зависимость отдаленна и случайна, сравнительно съ дѣйствительною зависимостью крестьянскихъ властей отъ полицейскихъ властей.

При такомъ положеніи, трудно говорить объ опредѣленной *системѣ* нашихъ мѣстныхъ учрежденій, ибо система предполагаетъ единство основанія и началъ. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрое размноженіе всякихъ „присутствій", предназначенныхъ сглаживать и соединять то, что̀ въ натурѣ разрознено и шероховато. Крестьянскія учрежденія имѣютъ главу въ уѣздномъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, подъ главнымъ смотрѣніемъ присутствія губернскаго; города имѣютъ свое губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе; земства поставлены подъ прямой надзоръ губернатора. Если прибавить къ этому училищные совѣты, присутствія по воинскимъ дѣламъ, распорядительные и всякіе другіе комитеты, то мы получимъ понятіе о нашемъ мѣстномъ управленіи, какъ о совокупности разныхъ зданій и пристроекъ, сооруженныхъ въ разное время и даже въ виду различныхъ нравовъ людей, въ нихъ обитающихъ.

Какой стиль возобладаетъ, наконецъ, въ этомъ архитектурномъ смѣшеніи, какіе нравы возьмутъ верхъ, какіе элементы сдѣлаются почвою? На эти вопросы нѣтъ пока отвѣта, хотя проектовъ не мало.

Нельзя далѣе не видѣть, что, въ послѣднее время, въ проектахъ, какъ по этой, такъ и по другимъ частямъ управленія, господствуетъ скептическое отношеніе къ исходнымъ началамъ реформъ.

Въ этомъ отношеніи, пробивается стремленіе, такъ-сказать, къ *поправкамъ* всего, что̀ совершилось съ 1861 года, духъ *пересмотра*

разныхъ новыхъ уставовъ и учрежденій. Не стоитъ перечислять всего, что́ подверглось пересмотру,—это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно указать, въ качествѣ выдающихся примѣровъ, на существенныя измѣненія въ законѣ о печати 1865 года, на предположенные „пересмотры“ многихъ другихъ новыхъ уставовъ, на сильное видоизмѣненіе требованій судебныхъ уставовъ въ практикѣ послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, и т. д.

Мы указали на главныя черты нашего времени и органичились даже формальною, такъ-сказать, стороною, т.-е. движеніемъ *законодательства*, не вдаваясь въ практику, гдѣ эти черты выступили бы еще рѣзче. Но даже приведенные факты достаточно объясняютъ, почему ни одинъ человѣкъ, самый прозорливый, наиболѣе вѣрующій въ силу толчка, даннаго Россіи въ 1861 году, не въ состояніи опредѣлить, *куда мы идемъ*? Люди же, непрозорливые и мало имѣющіе дѣла къ какими-нибудь „началами“, не только не въ состояніи отвѣтить на *этотъ* вопросъ, но едва-ли они отвѣтятъ на другой, менѣе сложный: *откуда мы идемъ*? Но путешествіе, въ которомъ не видно ни начала, ни конца, производитъ странное впечатлѣніе на человѣческую душу. Человѣкъ уже такъ созданъ, что ему хочется видѣть ясно начало и конечную цѣль своего бытія, ибо, только при этомъ условіи, жизнь получаетъ для него опредѣленное *содержаніе* и смыслъ, и только тогда онъ чувствуетъ себя бодрымъ, счастливымъ и готовымъ на трудъ.

VI.

Свойства „переходнаго времени“ достаточно объясняютъ, почему старая болѣзнь приняла въ настоящее время болѣе острый характеръ. Будемъ надѣяться, что этотъ острый характеръ свидѣтельствуетъ о кризисѣ, о переломѣ недуга, о поворотѣ дѣла къ лучшему. Но, во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду *истинное* положеніе дѣлъ и причины, его создавшія.

Когда общество поглощено медленною и трудною работой своего перерожденія, когда значительная часть этого труда посвящена устройству личной судьбы каждаго—сила умственныхъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ должна была *оскудѣть* въ этомъ обществѣ, и притомъ въ двоякомъ отношеніи.

Во-первыхъ, жаркая „борьба за существованіе“ создала изъ части общества, именно изъ „земнородныхъ“ въ Платоновомъ смыслѣ, людей „практическихъ“, дѣльцовъ, цѣли, идеалы и процедура которыхъ не могутъ, конечно, сдѣлаться почвой нравственныхъ стремленій. Во-вторыхъ, при общей неопредѣленности положенія, даже люди не

„земнородные“ не могутъ опредѣленно и ясно формулировать нравственныя требованія своей эпохи.

При такихъ условіяхъ, вліяніе *западно-европейскихъ* теченій на людей, живущихъ теоретическими интересами, должно было усилиться въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, и всякое первенствующее теченіе *тамъ* должно было получить первенство и у насъ. Но, между всѣми вопросами, поставленными на очередь западно-европейскою цивилизаціею, первое мѣсто, въ послѣднее время, занималъ *рабочій вопросъ*, а между всѣми теоріями его рѣшенія, соціализмъ затемнялъ всѣ другія. Не должно забывать притомъ, что соціализмъ не есть только теорія рѣшенія рабочаго вопроса. Рѣшая, въ извѣстномъ смыслѣ, *этотъ* вопросъ, онъ ставитъ въ зависимость отъ его рѣшенія коренное измѣненіе всѣхъ человѣческихъ отношеній и стремленій. Онъ даетъ своимъ адептамъ цѣльное и новое *міросозерцаніе*, становится не только ихъ „экономикою“, но и поэзіею, и наукою, и религіею.

Опредѣленное и *цѣльное* міросозерцаніе—есть мощное оружіе тамъ, гдѣ интеллигенція представляется въ видѣ *неорганизованной* массы, безъ коллективнаго идеала, безъ общаго знамени и опредѣленной цѣли. Гдѣ жизнь общественная богата содержаніемъ, гдѣ она даетъ существованіе многимъ теченіямъ, одинаково самостоятельнымъ и крѣпкимъ, тамъ каждое изъ „теченій“ имѣетъ свое русло, и каждый, участвующій въ потокѣ, знаетъ, куда онъ плыветъ. Но при скудости общественной жизни, каждый ручей способенъ сдѣлаться потокомъ и залить окрестные луга, ибо въ него, за неимѣніемъ другихъ ручьевъ, попадаетъ множество изолированныхъ капель, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго.

Таково положеніе дѣлъ именно у насъ. На Западѣ соціализмъ выступаетъ въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, какъ опредѣленное и ясное направленіе. Онъ бьетъ, прежде всего, на *экономическую* революцію, гремитъ противъ капитала и капиталистическаго производства, ибо въ нихъ онъ видитъ и, по-своему, можетъ видѣть причину существующихъ золъ. Соціалисты составляютъ тамъ опредѣленную партію, и всѣ знаютъ, что̀ такое соціализмъ. Съ своей стороны, „экономисты“ составляютъ такой же опредѣленный и организованный лагерь. Противники понимаютъ другъ друга, и каждому новому дѣятелю предоставляется выбирать между двумя опредѣленными теоріями.

Въ Россіи, соціализмъ является знаменемъ, подъ которое собираются люди, побуждаемые самыми разнообразными практическими мотивами. Огромное большинство ихъ движется, конечно, любовью къ народу. Это фактъ неопровержимый. Но въ этой любви, или, вѣрнѣе, состраданіи къ народу, глазъ посторонняго наблюдателя легко

можетъ различить двоякій практическій мотивъ. Въ дѣйствительности, только небольшая часть „соціалистовъ“, агитаторовъ въ собственномъ смыслѣ, говоритъ о народѣ по Карлу Марксу и Бебелю. Значительное большинство проникнуто не соціалистическою, а *юридическою*, такъ сказать, любовью къ народу.

Именно, его стремленіе опредѣляется, прежде всего, тѣми условіями народнаго быта, которыя коренятся въ законодательныхъ опредѣленіяхъ.

Русскій народъ, какъ мы видѣли, донынѣ отличается отъ „общества“ не только *фактическими* признаками степени богатства и образованія, но и степенью своихъ *гражданскихъ* правъ. Онъ отличается отъ высшихъ сословій какъ масса *податная*, въ противоположность классамъ, свободнымъ отъ податей. Выраженіе же: „податное состояніе“ нигдѣ не имѣетъ такого прискорбнаго смысла, какъ въ Россіи. „Податной человѣкъ“ не только несетъ на себѣ все бремя финансовыхъ тягостей, но и подверженъ многимъ другимъ неудобствамъ. Онъ не избавленъ отъ наказанія розгами, и эта мѣра примѣняется къ нему въ довольно обширныхъ размѣрахъ, для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Онъ не имѣетъ свободы передвиженія, ибо на немъ тяготѣютъ всѣ неудобства нашей паспортной системы. Его отношенія въ области *фабричнаго* труда доселѣ разсматриваются съ точки зрѣнія временъ, предшествовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права. Вопросъ объ *образованіи* податной массы до сихъ поръ является вопросомъ именно потому, что эта масса *податная*, не принадлежащая къ привилегированнымъ сословіямъ, такъ какъ самое *право* образованія въ свое время разсматривалось какъ *привилегія*, не свойственная людямъ низкаго происхожденія.

Такимъ образомъ, въ Россіи мотивы увлеченія соціализмомъ въ большинствѣ случаевъ и для большинства вытекаютъ не изъ „соціальнаго вопроса“, не имѣющаго еще у насъ почвы, а изъ вопросовъ скромно-*юридическихъ*, и они вооружаютъ агитаторовъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ, весьма пригодныхъ для ихъ цѣли. Конечно, въ моментъ „увлеченія“ юноша не имѣетъ возможности различить и угадать истинныхъ мотивовъ своего „поступка“, ибо онъ не имѣетъ предъ собою *другого* міросозерцанія, столь же цѣльнаго, и не чувствуетъ вліянія другого направленія, столь же послѣдовательнаго. Онъ добросовѣстно принимаетъ за „соціализмъ“ то, что въ сущности есть юридическая и законодательная реформа. Такое стѣсненіе не можетъ быть поставлено ему въ особенную вину, ибо, съ другой стороны, нѣкоторые изъ „охранителей“ смѣшиваютъ лицъ, мечтающихъ о податной реформѣ и отмѣнѣ паспортовъ, съ заговорщиками, а г. Чичеринъ отождествляетъ князя Васильчикова съ Мостомъ и Марксомъ.

Но не пора ли „различить“ и тѣмъ убавить у нашей агитаціи количество ея снарядовъ? Мы особенно настаиваемъ на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ, по нашему глубокому убѣжденію, 9/10 нашей „соціальной“ партіи состоитъ изъ соціалистовъ по недоразумѣнію. А они-то и составляютъ самую важную часть нашей молодежи, ту часть, которою слѣдуетъ дорожить, благодаря ея несомнѣннымъ нравственнымъ качествамъ.

Пойдемъ дальше. Указанные только-что элементы нашей соціальной партіи не исчерпываютъ ея состава. Въ ея средѣ можно найти, не въ качествѣ *активнаго*, конечно, элемента, не мало молодыхъ и не совсѣмъ молодыхъ людей, нисколько не воспламененныхъ любовью исключительно къ народу, даже любовью юридическою. По крайней мѣрѣ „соціалистическая“ любовь совсѣмъ не идетъ къ ихъ моднымъ пиджакамъ, къ удобнымъ и прекрасно меблированнымъ квартирамъ, къ веселому образу жизни и ко всему, „еже есть отъ міра сего“. Къ ихъ разсужденіямъ о соціализмѣ и соціальной революціи нельзя относиться серьезно, а иногда они вызываютъ улыбку. Но есть область разсужденій, гдѣ „пиджакъ“ можетъ говорить серьезно и гдѣ рѣчи его не возбуждаютъ смѣха; есть точка зрѣнія, съ которой онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ существо истинно горюющее.

Не слѣдуетъ забывать, что въ это существо влитъ извѣстный напитокъ, сильно возбуждающій психическую и умственную дѣятельность человѣка, даже преобразующій его содержаніе—именно *образованіе*. Съ этимъ напиткомъ нельзя, въ извѣстномъ смыслѣ, обращаться безнаказанно. Человѣкъ, впитавшій въ себя философскія теоріи великихъ мыслителей, напоенный Шиллеромъ, Гёте, Шекспиромъ, В. Гюго, прочувствовавшій музыку Бетховена, Моцарта и Глинки, воспитанный зрѣлищемъ чудесъ живописи и архитектуры, — чувствуетъ, какъ въ немъ пробуждается иное существо, разумно-нравственное, и результатомъ возрожденія этого существа является сознаніе *личнаго достоинства* и признаніе его въ другихъ. Это сознаніе, при нормальномъ теченіи вещей, можетъ сдѣлаться драгоцѣннымъ элементомъ общественнаго развитія, ибо оно, а не что другое, лежитъ въ основаніи *законности*, какъ внѣшняго условія сосуществованія людей, какъ твердой границы между моимъ и твоимъ и мѣры свободы каждаго, во всѣхъ отношеніяхъ. Напротивъ, положеніе человѣка, „испорченнаго“ образованіемъ внѣ формъ законности, по всей справедливости можетъ быть названо трагическимъ. Вложить въ человѣка извѣстныя стремленія, дать ему новое содержаніе, съ тѣмъ, чтобы это содержаніе никогда не выразилось во внѣ, чтобы субъектъ и объектъ были въ разладѣ и чтобы субъектъ жилъ въ сознаніи полнаго своего безсилія и негодности, т.-е. какъ *при-*

зракъ—развѣ это не значитъ создать для „субъекта“ истинно-трагическое положеніе?

Послушаемъ исповѣдь такого „субъекта“, написанную давно, еще въ 1813 году, именно, когда, послѣ времени надеждъ и реформъ Сперанскаго, настало время Балашовыхъ, Аракчеевыхъ и Магницкихъ. Исповѣдь эта принадлежитъ гр. Уварову и изложена имъ въ письмѣ къ великому обновителю Пруссіи, барону Штейну. Вотъ что̀ писалъ онъ, утомившись и даже измучившись занятіями по званію попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа:

„Путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣянная мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и, между прочимъ, дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями. Нѣтъ ничего неблагодарнѣе, или, точнѣе, невозможнѣе ихъ. Я не мечтатель, какъ вы знаете: я люблю дѣла, и находился при нихъ, такъ-сказать, съ самаго моего дѣтства; вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; несмотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что̀ мнѣ всего дороже на свѣтѣ: честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ. Не думайте, чтобы въ моихъ словахъ было хотя малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ *просвѣщенія безопаснаго*, т.-е. огня, который бы не жегъ; другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу Наполеона и Монтескьё, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, бредни Ш. и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франъ-масонъ, фанатикъ и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометтироваться или сдѣлаться исполнительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей... Наконецъ, все разсказать было бы слишкомъ длинно. Animus meminisse abhorret. Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ“.

Съ 1861 года нѣкоторыя послѣдствія образованія были, однако, признаны въ законодательныхъ актахъ. Признаніе человѣческаго достоинства, т.-е. фундамента всякаго *мирнаго* и *законнаго* развитія, нашло мѣсто и въ крестьянскомъ положеніи, и въ судебныхъ уста-

вахъ, и въ земскихъ учрежденіяхъ. Но, при несогласованіи новыхъ началъ со старыми, подъ вліяніемъ духа „пересмотра“ и при полной дезорганизаціи нашей интеллигенціи, послѣдняя не является опредѣленнымъ и активнымъ элементомъ, твердо стоящимъ на опредѣленномъ пути, въ полной увѣренности, что она служитъ интересамъ законности и что ея цѣль отличается принципіально отъ цѣлей соціальной партіи.

Обстоятельства сложились пока такъ неудачно, что всякій сколько-нибудь прогрессивный элементъ обращается во что-то оппозиціонное и при томъ не имѣющее *своего* опредѣленнаго знамени, *своего* законнаго пути—своей индивидуальности, наконецъ. И все это хаотическое собраніе безсильныхъ атомовъ влечется „дѣломъ, устами или помышленіемъ“ къ сравнительно крѣпкому и организованному тѣлу соціальной партіи, которая даетъ своимъ адептамъ хоть не *свое*, но *опредѣленное знамя* съ готовымъ ученіемъ и программой и даже съ возможностью *дѣйствія*, ибо она не нуждается въ „легальныхъ“ путяхъ.

Въ общемъ итогѣ, для соціальной партіи создается чрезвычайно выгодное положеніе. Среди общества бездѣйствующаго, въ общественномъ смыслѣ, она одна получила монополію какого-то „дѣйствія“; среди всеобщаго колебанія и сомнѣнія, она одна имѣетъ видъ опредѣленности; въ періодъ остановки и роздыха она присвоила себѣ монополію „толканія“ и нѣкотораго „протеста“. И значеніе ея заключается вовсе не въ томъ, что ея программа выведена изъ нашихъ *соціальныхъ* условій (чего нѣтъ), а въ томъ, что въ программѣ этой находятъ себѣ отзвукъ совершенно иныя стремленія и не только иныя, но прямо противоположныя „соціальному ученію“ — стремленія *буржуазныя*, но только не въ экономическомъ, а въ юридическомъ смыслѣ.

VII.

Положеніе завидное! Быть единственнымъ „протестующимъ“ элементомъ во время всеобщаго затишья; говорить, когда другіе молчатъ; дѣйствовать, когда другіе покоятся; обращать на себя вниманіе, когда все прочее оставляется безъ разсмотрѣнія; затмѣвать собою и восточный вопросъ, и афганское столкновеніе; приковывать къ себѣ всѣ уши и очи—чья голова не закружится отъ такой роли? Чье самолюбіе устоитъ отъ такой перспективы?

Не могутъ ли эти юноши сказать: „вы жалуетесь на насъ, но вамъ слѣдовало бы жаловаться на себя. Мы дѣлаемъ то, чего не хотите или не можете дѣлать вы. Въ насъ жизнь, а въ васъ сонъ

или омертвеніе. У насъ характеры, а у васъ слова, слова и слова! Мы бросаемъ всѣ выгоды жизни и идемъ въ народъ, гдѣ насъ ожидаютъ лишенія и тысячи опасностей; наши женщины снимаютъ свои наряды, надѣваютъ сермягу и босыя идутъ жать, стряпать, молотить наряду съ женщинами изъ народа. Мы не Рудины и не Гамлеты стараго поколѣнія съ ихъ міровою скорбью и дрянною волею. Мы люди слова и дѣла!"

На это можно кое-что возразить. Положеніе, въ данную минуту, завидно, но оно создано не вами, не силою и правдою вашего ученія, а разными *иными* обстоятельствами, о коихъ говорено выше. Но даже и rebus sic stantibus оно представляетъ серьезныя *опасности* — не съ полицейской точки зрѣнія, она не входитъ въ кругъ тѣхъ „точекъ", на основаніи которыхъ написана эта статья. Есть опасности болѣе существенныя, чѣмъ всѣ полицейскія опасности, которыя притомъ, по зрѣломъ размышленіи, не всегда и бываютъ таковыми. Мы будемъ разсуждать здѣсь объ опасности, достойной вниманія человѣка, и на нее просимъ обратить вниманіе.

Соціализмъ, а особенно преобразованный въ програму *соціальной революціи*, рѣзко отличается отъ предшествующихъ *теорій*, которыми питались наши отцы и дѣды. Философскія теоріи, овладѣвавшія ихъ умами, не требовали отъ нихъ *непремѣнной и непосредственной практической дѣятельности* въ опредѣленномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ именно такой-то теоріи. Такого требованія и не могло возникнуть по существу самыхъ теорій: онѣ предлагали человѣку извѣстныя формы *мышленія*, формы до такой степени *общія*, что изъ нихъ могли быть выведены самыя разнообразныя практическія направленія. Достаточно указать на примѣръ Гегелевой философіи, давшей бытіе и консервативному лагерю (правые гегельянцы) и радикальной „лѣвой", гдѣ видное мѣсто занимаетъ Лассаль. Вотъ почему нашъ „гегельянецъ" могъ остаться гегельянцемъ въ своемъ мышленіи, могъ утверждать, что Sein und Nichtsein ist dasselbe, что все сущее развивается по тремъ логическимъ моментамъ, и въ то же время приноравливаться къ практикѣ, утѣшаясь превратно понятой формулой учителя: „все существующее разумно, и все разумное существуетъ".

Напротивъ, соціализмъ, особенно въ данный моментъ его развитія, когда онъ съ мистическихъ высотъ сенсимонизма перешелъ въ область дѣйствія и сдѣлался *соціальною революціею*, непремѣнно требуетъ отъ своихъ адептовъ „поступковъ", практическаго проявленія. Человѣкъ, именующій себя соціальнымъ революціонеромъ, *долженъ* пропагандировать, подстрекать, устраивать демонстраціи, „вспыхи-

вать“ — иначе онъ будетъ „ничто“, какое-то гегелевское „въ себѣ бытіе“.

Вотъ существенное различіе, и оно ведетъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Если человѣкъ силою ученія обрекается къ практическому дѣйствію, то его твердости въ самомъ ученіи посылается важное испытаніе. Предположите, что „практическая дѣятельность“ окажется неудачною, что „среда“, на которую направлено дѣйствіе, окажется неспособною воспріять ученіе, что она отвѣтитъ на проповѣдь равнодушіемъ и даже враждою — и вы легко предусмотрите послѣдствіе: практическая неудача поведетъ къ *разочарованію* въ самомъ ученіи.

Съ Гегелемъ этого случиться не могло, во-первыхъ, потому, что, какъ сказано, онъ не опредѣлялъ формъ практическаго дѣйствія, а во-вторыхъ (и это еще важнѣе) потому, что его ученіе воспринималось каждымъ субъектомъ *для себя* и могло быть оставлено *въ себѣ*. Соціалистомъ же, а особенно соціалистомъ революціонеромъ нельзя быть для себя и въ себѣ. Соціализмъ есть *общественная* теорія и можетъ имѣть смыслъ только въ общественной дѣятельности. Если же „общество“ держится на другихъ началахъ до такой степени, что къ нему нельзя подойти; если всѣ пункты соціальной программы оказываются неосуществимыми и нелѣпыми съ точки зрѣнія вопіющихъ требованій общественной практики, что̀ же остается дѣлать?

Въ такомъ именно положеніи находятся наши соціальные революціонеры. Вкусивъ въ юношескихъ годахъ соціальнаго напитка, бросивъ „ученье“ и отправившись „въ народъ“, они (говоримъ о большинствѣ) жестокими опытами убѣждаются, насколько ихъ политическія, религіозныя и экономическія теоріи ладятъ съ народными воззрѣніями. Что̀ же потомъ? Для иныхъ прозябаніе въ образѣ сапожника, кузнеца, жницы или кухарки, въ народной массѣ, для которой они остаются чужими, ибо барышня, даже переряженная въ русскій сарафанъ, все-таки будетъ нѣмецкой, а не русской кухаркой. Для другихъ — страданіе въ центральныхъ тюрьмахъ и иныхъ мѣстахъ заключенія. Для третьихъ — отказъ отъ соціальной практики и вступленіе въ настоящую, житейскую практику, въ видѣ дѣятелей, дѣльцовъ и промышленниковъ.

Вотъ что̀ страшно — страшнѣе даже всякихъ крушеній въ смыслѣ полицейскомъ. Необходимо, наконецъ, понять существенное въ злѣ и посмотрѣть на его источникъ безъ предубѣжденія. *Страданіе, прозябаніе* или *развращеніе* — этими немногими словами опредѣляется судьба многихъ и многихъ людей, въ коихъ можно бы видѣть *надежду* Россіи. Положеніе этой *надежды*, дѣйствительно, таково, что заставитъ подумать каждаго, у кого голова и сердце на мѣстѣ. Конечно, это

крушеніе одного идеала было бы не опасно, если бы вліяніе здоровой общественной среды могло сразу замѣнить его другимъ. Но этого нѣтъ на дѣлѣ.

Обращаясь къ „зрѣлому" обществу, это юношество слышитъ отъ него много поученій и упрековъ, но не слышитъ отъ него серьезнаго запроса на все, что̀ есть лучшаго въ человѣческой натурѣ. Слышится упрекъ въ нерелигіозности и безбожіи, но упрекъ этотъ получаетъ оригинальный смыслъ, если вспомнить, что *Богъ* играетъ вообще довольно малую роль въ нашемъ міросозерцаніи, и что имя Божіе призывается въ видѣ элемента „порядка", а не въ качествѣ животворящей силы, проникающей все нравственное существо человѣка. Слышатся восклицанія о неуваженіи къ *наукѣ* и къ *ученію*, но серьезнаго запроса на „науку", какъ необходимаго условія для общественной дѣятельности, не видно. Напротивъ, въ дѣйствительности, „наука" является скорѣе ненужнымъ грузомъ, плохою рекомендаціею, нежели благомъ, котораго жаждутъ. Говорятъ объ отрицаніи *эстетическихъ* стремленій въ человѣкѣ. Но гдѣ же это искусство и эта эстетика, вдохновляющія „зрѣлаго" человѣка? Настаиваютъ на практическихъ и неотложныхъ задачахъ нашего времени; но глазъ наблюдателя тщетно ищетъ этихъ задачъ, серьезно и прямо поставленныхъ въ качествѣ дѣйствительнаго призванія человѣка. Напротивъ, онъ часто можетъ видѣть, какъ лучшее и святое дѣло вырождается въ пустѣйшую „формальность" и становится предметомъ скверной игры самолюбія. Твердятъ объ уваженіи къ родинѣ, къ ея преданіямъ, къ ея исторіи. Но кто же въ настоящее время можетъ похвалиться, что онъ воспитанъ въ извѣстныхъ преданіяхъ и сознаетъ свою связь съ исторіею, которую онъ не знаетъ, да и не имѣетъ возможности узнать?

Страшно сказать, но люди дореформенные были людьми народными въ бо́льшей мѣрѣ, нежели мы. Они не были образованы какъ слѣдуетъ; они жили инстинктами больше, нежели разумомъ; но эти инстинкты складывались въ народной средѣ. Няня, дядька, окружающіе крестьяне—давали первый толчокъ нравственной жизни ребенка, и этотъ толчокъ давалъ себя чувствовать всю жизнь. А теперь? Мы понимаемъ, что одними инстинктами жить нельзя; но народныхъ теоретическихъ формулъ еще нѣтъ, какъ нѣтъ русской гаммы для русской музыки. Осталось одно теоретическое и чужое отношеніе къ „народу", при чемъ эти теоріи многоразличны. Кто смотритъ на народъ съ точки зрѣнія прусскаго юнкера, кто глядитъ на него глазами французскаго префекта, кто любитъ его по Марксу и Бебелю и если не находитъ въ немъ требуемыхъ его „теоріей" качествъ, готовъ клеймить его за неспособность „къ культурѣ".

Конечно, „протестующая молодежь“ любитъ народъ по Бебелю, можетъ быть, горячѣе Бебеля. Но любовь эта теоретическая, любовь по программѣ и рецепту, принятымъ потому, что никто не могъ вложить въ эту молодую душу любовь къ народу *какъ онъ есть*, со всѣми его достоинствами и недостатками, съ его вѣрованіями и надеждами, съ его прошлымъ и будущимъ. И осѣкается эта теоретическая любовь, какъ только одинъ изъ пунктовъ программы оказывается несбыточнымъ или одинъ изъ ингредіентовъ рецепта не имѣется въ „пейзанѣ“. Осѣклась любовь, рухнулъ идеалъ, погибъ внутренній человѣкъ. Ходитъ онъ какъ неприкаянный, толкаясь то туда, то сюда, пытая свои силы то въ качествѣ *учителя*, то *кузнеца*, то служащаго въ какомъ-нибудь *предпріятіи*, всюду терпитъ неудачу, дѣлается киселемъ, неспособнымъ ни на доброе, ни на злое, и живетъ „яко человѣкъ, не слышай и имый въ устахъ своихъ обличенія“.

Мы говоримъ еще о лучшихъ людяхъ, неспособныхъ повернуть круто въ иной лагерь, въ станъ дѣльцовъ и фортунщиковъ—о такихъ не стоитъ говорить, ибо они никогда не имѣли никакого убѣжденія. Намъ дороги дѣйствительно погибающія *силы*, тѣ, что жаждутъ призыва отъ жизни, тѣ, которыхъ томитъ общественная пустота и ложь. Въ средѣ этой лжи и пустоты, молодая душа не находитъ удовлетворенія всѣмъ человѣческимъ своимъ стремленіямъ и не воспитывается къ жизни духовной, умственной и эстетической. Она *дичаетъ*, обращается въ первобытное состояніе, низводится на степень души какого-нибудь кафра или готтентота. Поразительная вещь! На западѣ мы также видимъ нѣкоторое „одичаніе“, но въ средѣ низшихъ городскихъ классовъ, придавленныхъ нищетою, лишенныхъ возможности участвовать въ культурномъ движеніи. Но зато юноша культурнаго слоя сразу охватывается тамъ всѣми живыми элементами культуры. У насъ, при призрачности и даже лживости культурныхъ элементовъ, молодая душа ихъ не воспринимаетъ, а „отметаетъ“ и остается безъ всякой культурной одежды. Но молодости нужна вѣра, нужны идеалы, и она со всею страстью бросается къ соціалистическому знамени. Когда же оно выпадетъ изъ рукъ (а выпадетъ оно непремѣнно), то останется одна душевная пустота, озлобленіе и непригодность ни къ какому дѣлу.

Вотъ почему мы не можемъ стать на точку зрѣнія тѣхъ тепловатыхъ, кисельныхъ и вялыхъ мудрецовъ, которые утверждаютъ, „что молодежи нужны какіе-нибудь идеалы; пусть они увлекаются чѣмъ угодно и отдадутъ дань молодости“.

Да, молодежи нужны идеалы, но не „всякіе“, а въ особенности не такіе, которыми бы увлекались лишь въ видѣ „дани молодости“, и которые затѣмъ оставлялись бы какъ негодная ветошь. Намъ нужны

идеалы иного сорта. Они должны быть таковы, чтобы человѣкъ, усвоивъ ихъ теоретически на школьной скамьѣ, понявъ ихъ своею свѣжею душой, затѣмъ переходилъ бы съ ними въ *жизнь*; чтобы онъ не бросалъ ихъ, вспоминая о нихъ потомъ какъ о „грѣхѣ молодости“, а видѣлъ бы въ осуществленіи ихъ задачу всей своей жизни; чтобы онъ и всѣ подобные ему „зрѣлые“ люди не обращали эту жизнь въ какое-то пугало для молодого чувства или въ помойную яму, отвратительную не для одной молодежи. Служеніе такимъ идеаламъ способно образовать *людей* въ настоящемъ смыслѣ слова, образовать *характеры* твердые, могущіе влiять и на развитіе молодого поколѣнія.

Но появленіе такихъ идеаловъ у насъ, въ Россіи, особенно въ данную минуту, зависитъ отъ того, насколько всѣ мы, отъ верхняго края и до нижняго, поймемъ значеніе переживаемой нами эпохи, вникнемъ въ смыслъ движенія, начавшагося съ 1857 года, и проникнемся этимъ движеніемъ не „трансцендентально“, т.-е. не со стороны его общихъ принциповъ, а со стороны *практическихъ*, *неотложныхъ* задачъ нашего времени

Достроить крестьянскую реформу, т.-е. преобразовать податную систему, обезпечить свободу передвиженій и открыть возможность правильнаго переселенія крестьянъ; привести въ правильную систему новыя судебныя и „общественныя“ учрежденія, пересмотрѣвъ разные старые уставы, остающіеся еще въ силѣ и даже пускающіе свои ростки въ учрежденія новыя; устранить разныя „поправки“, внесенныя въ новые законы во имя старыхъ требованій; обратить къ дѣятельности по мѣстнымъ учрежденіямъ лучшія силы страны, зная, что въ этихъ учрежденіяхъ—школа и фундаментъ всей будущей Россіи; воспитывать общество въ сознаніи *права*, въ уваженіи къ себѣ и къ другимъ, въ чувствахъ личной безопасности и достоинства, ибо безъ нихъ невозможна никакая общественная дѣятельность; поднять уровень народнаго образованія широкимъ распространеніемъ школъ и другихъ орудій грамотности,—таковы главныя задачи нашего времени.

Постановку этихъ задачъ мы понимаемъ въ смыслѣ не только *законодательномъ*, но и *общественномъ*. Законодательство можетъ поставить какія угодно задачи, но эта „постановка“ останется пустымъ звукомъ, если законъ ударится объ общество, живущее хищническими инстинктами, легкою сатирой и еще болѣе легкимъ отрицаніемъ. Всѣ элементы нашего строя должны одинаково понять, какіе продукты родятся на ихъ почвѣ; всѣ одинаково и общими усиліями должны водрузить знамя, подъ которое соберутся всѣ живыя силы.

Съ того момента, когда наши неотложныя задачи будутъ поставлены серьезно, какъ *задачи*, все общество вспомнитъ свое прошедшее, т.-е. 1861 годъ; оно будетъ знать, *откуда* и *куда* оно идетъ. У него

явятся опредѣленныя стремленія, явится и серьезный запросъ на общественныхъ дѣятелей, серьезно подготовленныхъ; бóльшая и лучшая часть молодежи увидитъ въ жизни не пугало и могилу, а плодотворное *призваніе*, долгъ—и долгъ высокій, сладкій, облагороживающій человѣка, охватывающій все его существованіе.

Тому, кто сомнѣвается въ нравственной силѣ такихъ минутъ, когда въ жизни указывается великая задача и серьезный долгъ, мы напомнимъ одинъ моментъ изъ нашего недавняго прошлаго — Сербскую войну и войну 1877 года. Есть лица, утверждающія, что русское общество рванулось въ сербское движеніе просто отъ скуки, отъ вялости своей внутренней жизни. Пусть такъ! Но развѣ это не доказываетъ, что даже фиктивная (какъ ее называютъ) задача способна была поднять лучшія чувства во всемъ нашемъ обществѣ, заставила его жить въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова? Во сколько же кратъ способнѣе сдѣлать это внутреннія задачи, серьезно, прямо и откровенно поставленныя?

Слава Богу! Мы не имѣемъ нужды искать вопросовъ и нравственныхъ утѣхъ внѣ себя, внѣ нашей родины, какъ это дѣлалось въ эпоху „Мертвыхъ Душъ". Жизнь наша обогатилась новымъ содержаніемъ, выдвинула впередъ столько задачъ, что для рѣшенія ихъ понадобятся усилія нѣсколькихъ поколѣній. Весь вопросъ въ томъ, чтобы эти задачи были, наконецъ, признаны и поставлены на очередь. Всякая „непризнанная" задача мститъ за себя и порождаетъ рядъ ненормальныхъ явленій. Такъ, пока *задача* національнаго единства Италіи была задачею непризнанною, она практиковалась тайными обществами съ революціонными программами и сумбурными стремленіями. Но съ той минуты, какъ крѣпкая рука Кавура взялась за дѣло, оно было введено въ свое русло и всѣ „общества" или исчезли, или служили цѣлямъ великаго реформатора.

Думаете ли вы, что въ этотъ счастливый день уничтожатся всѣ соціалистическія стремленія, спросятъ насъ? Нѣтъ, не думаемъ. Человѣческія идеи и стремленія не уничтожаются по приказу; лучше сказать, они менѣе всего могутъ быть уничтожены какими бы то ни было внѣшними мѣрами. Но мы не только думаемъ, но увѣрены, что въ этотъ счастливый день „соціализмъ" сдѣлается достояніемъ немногихъ сектантовъ, и что отъ него отпадетъ та масса *несознательныхъ* соціалистовъ, которая пристаетъ къ движенію или смотритъ на него не безъ удовольствія, по причинамъ не *соціалистическимъ*, а глубоко *юридическимъ*. А въ этомъ вся задача. Пока мы будемъ желать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ Россіи не сочувствовалъ соціализму — мы будемъ желать невозможнаго. Но когда мы пожелаемъ

указать обществу его прямую задачу, откроемъ ему всѣ законные пути къ ея осуществленію и обезпечимъ ему возможность идти по этому пути, въ сознаніи своихъ законныхъ правъ,—наша цѣль будетъ достигнута. Мы создадимъ общество, крѣпкое *въ правѣ* и отвращающееся отъ насилія, какую бы обольстительную форму оно ни принимало.

МЕЖДУ

РОБЕСПЬЕРОМЪ И БОНАПАРТОМЪ.

МЕЖДУ РОБЕСПЬЕРОМЪ И БОНАПАРТОМЪ.

(*Histoire du XIX siècle*, par J. Michelet, t. I—III).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Первый приступъ реакціи.

Нѣтъ ничего любопытнѣе исторіи переходныхъ эпохъ. Именно—любопытнѣе. Здѣсь все окружено таинственнымъ полумракомъ.

Въ залѣ дѣйствія какой-то хаосъ; двери раскрыты съ двухъ сторонъ; въ одну спасаются актеры только-что конченной пьесы. Въ общемъ смятеніи и тьмѣ нельзя уже разглядѣть ихъ образовъ; они обратились въ какія-то тѣни. Изъ другой двери показывается процессія „дѣйствующихъ лицъ", идущихъ на смѣну прежнимъ актерамъ. Въ ожиданіи, какіе-то люди хлопочутъ, убираютъ сцену. Какъ и для кого—этого они сами не знаютъ. Имъ хочется назвать себя законными наслѣдниками людей, только-что покинувшихъ мѣсто дѣйствія; они говорятъ ихъ словами, подражаютъ ихъ жестамъ, голосу. Но ни слова, ни жесты, ни голосъ не дѣлаютъ пьесы. Въ пьесѣ нуженъ планъ, идея и характеры, а все это унесено былыми дѣятелями туда, откуда никто не приходитъ. Дѣло кончено, и первое дѣйствіе не будетъ вторымъ. Забудьте ихъ вы, оставшіеся на сценѣ! Не надѣвайте на себя республиканской тоги, когда васъ ожидаетъ мундиръ, тебя, Сійесъ, сенаторскій, тебя, Камбасересъ, архиканцлерскій, васъ, прочихъ, министерскіе, совѣтскіе и прочая.

Не затягивайте старой пѣсни: она уже спѣта. Если бы вы хотѣли ее пѣть дѣйствительно, то зачѣмъ вамъ оглядываться со страхомъ на „ушедшихъ", зачѣмъ принимать мѣры „предосторожности" противъ возвращенія мертвецовъ? Присматривайтесь лучше къ надвигающейся толпѣ новыхъ людей. Видите ли вы выраженіе ихъ лицъ? Понятны ли вамъ ихъ замыслы? Нѣтъ? Это не мудрено. Новые люди—

пока что—прикидываются старыми. Они называютъ себя „гражданами“, говорятъ другъ другу *ты*, въ ожиданіи той минуты, какъ только одинъ будетъ говорить это *ты* всѣмъ, а всѣ будутъ называть его государемъ. Они говорятъ о революціи, свободѣ и равенствѣ, но никто еще не знаетъ, какъ понимаютъ они эти слова — потому что всякое слово можно понимать на тысячу ладовъ. Но вамъ не понять этого вплоть до 18 брюмера, когда Наполеонъ, при помощи своихъ гренадеровъ, раскроетъ изумленной Франціи истинный смыслъ „деклараціи правъ“.

Затѣмъ, промежуточная эпоха, отдѣляющая смерть Робеспьера отъ смерти „совѣта пятисотъ“, любопытнѣе всѣхъ другихъ „переходныхъ“ временъ. Въ каждую минуту можно указать нѣчто отходящее въ вѣчность и нѣчто нарождающееся. Но и отходящее и нарождающееся можетъ быть различныхъ величинъ и различнаго значенія. Въ смутные годы, отъ 1794 до 1799, мы присутствуемъ при вымираніи общественныхъ силъ, выработавшихъ всѣ идеи XVIII вѣка, и зарожденіи трехъ величинъ XIX столѣтія: *милитаризма*, *индустріализма* и *соціализма*. Въ эти годы изъ рядовъ республиканскихъ генераловъ выдвинулся Наполеонъ Бонапартъ, давшій иное направленіе войнамъ республики и сдѣлавшій изъ арміи единственную основу гражданскаго порядка. Тогда же „старая веселая Англія“ окончательно получила обликъ промышленной и торговой державы. Если примѣръ Наполеона вліялъ на систему управленія во всѣхъ державахъ Европы, то вліяніе Англіи положило неизгладимый отпечатокъ на экономическую жизнь всѣхъ странъ. Но въ то время, какъ Наполеонъ организовалъ армію и преобразовывалъ гражданское управленіе на армейскій ладъ, какъ Англія увлекала всѣхъ на путь промышленныхъ предпріятій и банкирскихъ операцій, въ тѣни этихъ колоссальныхъ „дѣлъ“, зарождалось другое, не менѣе важное. Бабёфъ, Сенъ-Симонъ, Фурье почти одновременно были выпущены изъ тюрьмы термидоріанцами. Бабёфу было тридцать лѣтъ, Сенъ-Симону тридцать-четыре, Фурье двадцать-два. Вотъ, на первый разъ, три мечтателя, но ихъ мечты скоро дадутъ пищу многимъ умамъ и доставятъ много скверныхъ минутъ экономистамъ англійской школы.

Присутствовать при зарожденіи такихъ „дѣтей вѣка“, конечно, весьма поучительно, и все это даетъ особенный интересъ книгѣ Мишле. Это новое (посмертное) его сочиненіе отличается всѣми достоинствами и всѣми недостатками произведеній знаменитаго историка. Къ числу первыхъ несомнѣнно относится художественное воспроизведеніе описываемой имъ эпохи. Поэтому въ его книгѣ можно найти, такъ-сказать, *психологію* реакціи, охватившей Францію по смерти Робеспьера и подготовившей Бонапарта. Я рѣшился, на

основанiи книги Мишле (дополненной, гдѣ нужно, трудами другихъ историковъ революцiи) представить читателямъ описанiе этой любопытной и мало изслѣдованной эпохи. Силы, дѣйствовавшiя во время революцiи, изслѣдованы полнѣе и глубже. Но тайныя пружины и стремленiя реакцiоннаго времени нуждаются еще въ изслѣдованiи. Кромѣ того, время, отдѣляющее паденiе Робеспьера отъ возвышенiя Бонапарта, представляетъ и другой интересъ, болѣе общiй, какъ мы видѣли.

Прежде всего необходимо посмотрѣть на составные элементы общества, оставшагося послѣ Робеспьера.

I.

Тюрьмы раскрыты.

Въ Парижѣ было много мѣстъ, какъ будто не принадлежавшихъ не только къ городу, но даже къ мiру живыхъ. Система террора прiучила французовъ къ слѣдующей мысли: кто заподозрѣнъ,—попадаетъ въ тюрьму; кто попалъ въ тюрьму, тому одна дорога — на эшафотъ. Слѣдовательно, гражданамъ, свободнымъ отъ заключенiя, остается оплакать заключеннаго въ моментъ ареста. Плакать два раза не въ характерѣ французовъ. Оплаканный заранѣе забывался послѣ того, какъ двери тюрьмы закрывались за нимъ навсегда. Онъ присоединялся къ царству мертвыхъ, обитавшихъ въ Плесси, въ Консьержери, Люксамбургѣ и т. д. Затѣмъ никто не интересовался его участью. Да и какъ было интересоваться? Во-первыхъ, къ смерти давно всѣ привыкли. Смерть сдѣлалась событiемъ заурядным, не вызывавшимъ ни удивленiя, ни состраданiя. Во-вторыхъ, никто не зналъ объ участи заключенныхъ. Можетъ быть, они отвезены уже на одной изъ многочисленныхъ повозокъ, ежедневно препровождавшихъ кого-нибудь на гильотину; можетъ быть, они перебиты даже безъ соблюденiя „повозочнаго" обряда; можно предположить также, что они отправлены въ Гвiану. Но къ чему всѣ эти предположенiя, когда все равно нѣтъ никакой возможности узнать въ, чемъ дѣло?

Паденiе Робеспьера напомнило Парижу, что въ средѣ его есть какiя-то живыя существа, какiе-то забытые родственники и знакомые. Эти находились въ печальномъ положенiи. Они ничего не знали о происшествiяхъ 9 термидора. Напротивъ, въ тюрьмахъ, отрѣшенныхъ отъ всего живого, прошелъ страшный слухъ. Кто-то сказалъ, что заключеннымъ грозитъ всеобщее избiенiе, безъ предварительнаго участiя революцiоннаго трибунала. Слуху повѣрили—да

и можно ли было не повѣрить? Въ 1794 году число заключенныхъ достигло страшныхъ размѣровъ [1]). Расправляться съ ними судебнымъ порядкомъ, даже при помощи революціоннаго трибунала, было трудно. Почему не возобновить сентябрьскіе дни? Въ тюрьмѣ Плесси заключенные готовились къ отчаянной оборонѣ; устроили баррикады изъ скамей и стульевъ. Ждали сигнальнаго набата съ церкви парижской Богоматери. Но набата не было—вмѣсто того, пришла вѣсть о паденіи Робеспьера.

„Робеспьеръ умеръ, слѣдовательно, мы живы", говоритъ каждый. Мужчины разламываютъ, разбиваютъ всѣ преграды и бросаются искать своихъ женъ, дочерей, сестеръ, заключенныхъ въ той же тюрьмѣ. Восторгъ не знаетъ границъ. Наконецъ, двери тюремъ разламываются народомъ. Это великая минута въ исторіи революціи; она имѣла важныя послѣдствія для республики. Зрѣлище тюремъ и заключенныхъ уронило окончательно систему террора и партію, на которую она опиралась, т.-е. якобинцевъ.

Народу говорили, что законъ о подозрительныхъ изданъ противъ роялистовъ и аристократовъ. Но тюрьмы раскрылись, и народъ увидѣлъ огромное большинство республиканцевъ, умѣренныхъ и даже крайнихъ. Въ числѣ ихъ были Гошъ, Томасъ Пэнъ и Пашъ, и много другихъ. Затѣмъ слѣдовало много писателей, артистовъ, поэтовъ, актеровъ и пѣвцовъ, любимыхъ публикой; здѣсь были Парни, Делиль, Дюпонъ де-Немуръ, Мерсье. Слѣдовательно, народъ былъ обманутъ. И въ какомъ видѣ были эти заключенные, особенно женщины! Оборванные, голодные, грязные, безпріютные. Народъ встрѣтилъ ихъ взрывомъ состраданія. Старые слуги предлагаютъ свои скромныя жилища прежнимъ господамъ; знакомые и незнакомые дѣлятся послѣднимъ съ нищими узниками, не разбирая, къ какой „партіи" они принадлежатъ. Возможно ли было разбирать? Тюрьма и тюремная жизнь уравняли всѣхъ. „Въ этой тюремной юбкѣ, каждая женщина казалась дочерью народа. Слезы выступали на глазахъ. Какое побужденіе спасти ее во что бы то ни стало!" Республиканцы обнимались съ бывшими аристократами. Состраданіе перешло въ восторгъ, въ карнавалъ. Суровые республиканцы позволяютъ себѣ буффонады. Лежандръ врывается въ тюрьму, находитъ тамъ молодого Русселена, котораго „забыли" гильотинировать. Онъ выбрасываетъ его пинкомъ, съ восклицаніемъ: „что ты тутъ дѣлаешь?... Убирайся, шутъ!" [2]).

Парижъ радовался не за однихъ „заключенныхъ", но и за себя.

---

[1]) Круглымъ счетомъ 12,000 человѣкъ.

[1]) Въ подлинникѣ выраженія, неудобныя для печати.

Террористы наложили на него великій постъ, невыносимый для веселаго города. Парижъ былъ въ опалѣ. Робеспьеръ лишилъ его выборнаго управленія, назначилъ ему администраторовъ и отдалъ на жертву якобинцамъ. Но не потеря этихъ вольностей огорчала парижанъ. Терроръ подавилъ въ нихъ охоту къ политическимъ размышленіямъ, по крайней мѣрѣ на время. Парижанинъ вздыхалъ о той свободной и непринужденной жизни, къ которой онъ привыкъ издавна. Террористы требовали отъ него „цивизма", подобно тому, какъ пуритане требовали отъ лондонцевъ благочестія. Пуритане и торрористы замѣнили всѣ жизненныя наслажденія проповѣдью, съ тою только разницею, что одни проповѣдывали по библіи, а другіе по Руссо. Такая діэта возможна только до нѣкоторой степени.

„Я часто спрашивалъ, — говоритъ Мишле, — людей, видѣвшихъ это время:—что́ думали, чего хотѣли въ августѣ 1794 г., послѣ этого страшнаго потрясенія?—*Житъ*,—отвѣчали мнѣ.

„И чего еще?—*Житъ*.

„Что́ понимаете вы подъ этимъ?—Гулять по солнцу на набережныхъ, на бульварахъ, дышать, смотрѣть на небо, на желтѣющій тюльерійскій садъ, ощупывать себя, чувствовать голову на плечахъ и говорить себѣ: „однако я живу еще!"

„Приходили на площадь Согласія [1]), любовались на свободѣ гильотиной. Послѣ казни мнимой коммуны [2]), она была отставлена, начинался долгій роздыхъ. Что́ будетъ съ Самсономъ? [3]). Сочинили картинку, изображавшую, какъ несчастный, въ отчаяніи, что ему нечего дѣлать, гильотинируетъ самъ себя.

„Давно было пора", слышалось кругомъ. „Никто не остался бы въ живыхъ". Давидъ [4]) сказалъ: „двадцать человѣкъ едва-ли останется на „Горѣ". Вадье находилъ, что это слишкомъ много. Онъ видѣлъ только четверыхъ, достойныхъ жить".

Жизнь просыпалась медленно, за недостаткомъ средствъ и отъ остатковъ страха. Начались приглашенія на обѣды, сначала къ близкимъ родственникамъ. Обѣды были не роскошны. Рынки не были снабжены припасами. Гости приносили съ собой хлѣбъ къ обѣду. За обѣдомъ болтали, но не слишкомъ; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (августъ—ноябрь) не всѣ успокоились. Женщины въ особенности

---

[1]) Бывшая „площадь революціи", гдѣ возвышалась гильотина.

[2]) Т.-е. 71-го члена не старой коммуны (уже подавленной Робеспьеромъ), другой, имъ организованной и составленной изъ его приверженцевъ. Казнь была совершена на другой день послѣ казни Робеспьера, т.-е. 29-го іюля 1794 г.

[3]) Палачъ.

[4]) Жакъ-Луи, живописецъ и террористъ. Не должно смѣшивать съ Пьерромъ-Жакомъ Давидомъ (1789—1856), ваятелемъ.

дрожали. Торговля находилась въ застоѣ — въ теченіе пятнадцати предъидущихъ мѣсяцевъ никто ничего не покупалъ. Теперь можно было открыть лавки, но некому было покупать, за недостаткомъ денегъ. Дамы усердно чинили свое единственное платье, а когда нужно было отдать его въ мытье—оставались въ рубашкѣ.

Мало-по-малу жизнь вступала въ свои права, а съ жизнью—реакція; не реакція въ принципахъ, которыхъ было уже мало и съ каждымъ днемъ становилось меньше, но реакція въ стремленіяхъ, въ инстинктахъ. „Слово „термидоріанцы",—говоритъ Мишле,—означало не столько партію, сколько темпераментъ". Множество инстинктовъ составляли этотъ темпераментъ—но надъ всѣмъ царилъ инстинктъ жизни. Онъ проснулся, наконецъ, во всей своей силѣ и началъ мстить всему, что мѣшало жить. „Смѣшно, — продолжаетъ Мишле,—искать для начавшейся реакціи плоскихъ объясненій, объясненій робеспьеристовъ: „Тальенъ, Кабарюсъ и т. д., и т. д. дѣлали реакцію". Не ищите мелкихъ причинъ, когда предъ вами громадныя,—фактъ болѣе крупный, чѣмъ горы. Какой? Взрывъ жизни послѣ царства смерти, отместка природы послѣ чудовищнаго и безчувственнаго угнетенія". Кто же, однако, мѣшалъ жить, какъ не люди безпощаднаго принципа, лунатики демократіи—якобинцы? На нихъ и обрушилась всеобщая ненависть, на этотъ разъ грозная. Передъ якобинцами стояла уже не старая аристократія, искалѣченная салоннымъ воспитаніемъ, неумѣвшая ходить пѣшкомъ, незнавшая порывовъ естественнаго чувства. Въ Пале-Роялѣ, на улицѣ Вивьенъ, подлѣ биржи разгуливала теперь другая молодежь: приказчики банкирскихъ конторъ, маклеры, мѣнялы. Разодѣтые по „послѣдней модѣ", они чванно расхаживаютъ вечеромъ въ галлереяхъ Пале-Рояля, волочатся за модистками и разыгрываютъ „маркизовъ". Измѣненіе моды свидѣтельствуетъ о глубокой перемѣнѣ въ нравахъ. Въ 1793 г. мужчины ходили въ красныхъ шапкахъ и въ деревянныхъ башмакахъ. Въ концѣ 1794 года красныхъ шапокъ нѣтъ. „Гражданки" облеклись въ древне-греческій костюмъ, въ цвѣтной тюникъ, сандаліи и украсились изящными прическами. „Кавалеры" любуются новыми богинями. Не мѣшайте имъ: это не кружевные виконты, безропотно шедшіе въ тюрьму; у нихъ крѣпкіе кулаки и толстыя палки. Они хвастаются своею ловкостью; никто лучше ихъ не играетъ въ мячъ; никто скорѣе ихъ не пробѣжитъ по Марсову Полю. Физическая сила вошла въ моду и пошла на службу первобытнымъ инстинктамъ человѣка. Не мѣшайте имъ наслаждаться жизнью; имъ нужны хорошіе обѣды, вино, женщины. Если хорошенькая якобинка начнетъ говорить съ ними о „принципахъ", они отвѣтятъ ей циническими ласками—революція пріучила ихъ къ простотѣ обращенія.

Съ якобинцами обращеніе еще проще: вмѣсто всякой аргументаціи, дюжіе молодцы пускаютъ въ ходъ свои кулаки и палки. Для соблюденія общественныхъ и политическихъ приличій, для нихъ изобрѣли и новую пѣсню; когда якобинцы затягиваютъ марсельезу, они горланятъ „пробужденіе народа“ (le réveil du peuple). Такова была эта „золотая молодежь“, la jeunesse dorée, организованная экс-терристомъ Фрерономъ. Мы увидимъ, какъ она будетъ дѣйствовать при закрытіи якобинскаго клуба. Но спасетъ ли она республику?

Принципы безпощадны, это правда. Но Франція уже пустилась безъ оглядки на этотъ путь. Якобинцевъ можно разогнать, но въ другую дверь вползаютъ роялисты, у которыхъ тоже есть свои „принципы“ и сильное желаніе замѣнить красный терроръ бѣлымъ. Что̀ противопоставить умирающему, но страшному въ своей агоніи якобинству съ одной, и поднявшему голову роялизму съ другойстороны? Объ этомъ никто не думалъ. 20-го сентября 1794 года Р. Ленде́ (Lindet) докладывалъ конвенту: „каждый сосредоточивается въ своемъ семействѣ и расчитываетъ свои средства“. Политическія страсти не существуютъ въ огромномъ большинствѣ народонаселенія. Онѣ живутъ еще въ средѣ якобинцевъ и роялистовъ, и обѣ партіи могутъ играть роль, благодаря общей косности. Конвентъ справится съ ними, но что̀ противопоставитъ онъ другой, грядущей, не партіи, а силѣ, воспитывающейся пока на Рейнѣ, въ Голландіи, въ Италіи, у Пиренеевъ? Что̀ скажетъ онъ *арміи*, въ которой имя Наполеона уже очень извѣстно? Правда, термидоріанцы свергли и этого друга Робеспьера младшаго. Онъ не у дѣлъ и ждетъ своей участи въ Парижѣ. Но термидоріанцы снова пошлютъ его къ арміи, которую онъ поведетъ къ побѣдамъ, на этотъ разъ болѣе серьёзнымъ, чѣмъ всѣ успѣхи Пишегрю, Гоша, Марсо, Моро и другихъ.

Парижу нѣкогда думать о будущемъ; онъ думалъ о немъ слишкомъ много съ 1789 года; тысячи головъ скатились на площади Революціи за то, что думали не такъ, какъ слѣдуетъ. Парижъ живетъ настоящимъ; а что̀ такое настоящее, какъ не возможность пить, ѣсть, гулять, плясать, не опасаясь прокурорскихъ взглядовъ Фукье-Тэнвиля? Очаровательная Кабарюсъ, не столько жена, сколько повелительница Тальена, вознаградила себя за долгій постъ и тюремное заключеніе. Она дала сигналъ и карнавалу, котораго веселье и блескъ очаровывали самыхъ суровыхъ республиканцевъ. „Женщины,—говоритъ Мерсье, въ своей книгѣ *Новый Парижъ*—нимфы, султанши, иногда Минервы, Юноны, даже Діаны“ [1]). Танцы возобновились съ какимъ-то лихорадочнымъ увлеченіемъ. Они—не только

[1]) Карлейль, *Исторія фр. революціи*, т. III.

дань общему веселью, но и грозный протестъ противъ ненавистныхъ якобинцевъ. Большинство разряженной молодежи носитъ черный крепъ на рукѣ [1]). Каждый изъ нихъ оплакиваетъ какую-нибудь жертву террора; можетъ быть, безъ термидора, онъ самъ былъ бы жертвой. Крепъ въ модѣ. Черная повязка знакъ „хорошаго общества“; она открываетъ доступъ на очаровательные балы.

Не одни танцы занимаютъ, однако, общество. Въ немъ появились или, лучше сказать, сбросили маску разные „дѣльцы“ обоего пола. Банкиры, поставщики на армію, скупщики собирали свое состояніе въ тиши. Теперь настало время показать свое значеніе и расширить кругъ „операцій“. Ажіотажъ сдѣлался общимъ занятіемъ, какъ нѣкогда въ эпоху регентства. Сама Кабарюсъ усердно играла на разные фонды. Бонапартъ, пользуясь своимъ невольнымъ досугомъ, ухаживалъ за банкирами; они устроили ему итальянскую кампанію. Политика, внѣшняя и внутренняя, переставала быть дѣломъ принциповъ; она становилась дѣломъ интересовъ. Финансовая аристократія выдвинулась изъ прежней массы уравненныхъ „гражданъ“. Ей неизвѣстно еще, чего она хочетъ; но она знала очень хорошо, чего она не хочетъ. Она не хотѣла якобинства, потому что каждый якобинецъ былъ живой угрозой ея состоянію, вліянію, ея „дѣламъ“. Она не хотѣла роялистовъ, свѣтскихъ и духовныхъ, потому что каждый роялистъ олицетворялъ собою извѣстную долю конфискованныхъ имуществъ, попавшихъ въ руки денежныхъ людей, родовую привилегію, уничтоженную въ пользу буржуазіи. Каждое правительство, достаточно сильное для огражденія *этихъ* интересовъ, могло надѣяться на сочувствіе новыхъ властителей Парижа, какова бы затѣмъ ни была его форма.

II.

Конвентъ.

Въ первые дни послѣ 9-го термидора конвентъ находился въ положеніи, напоминавшемъ состояніе парижскаго народонаселенія. Даже больше того. Простые граждане могли уйти отъ комитета общественнаго спасенія, но выдающіеся члены конвента были заранѣе намѣчены для краснорѣчія С.-Жюста. Шестьдесятъ депутатовъ въ послѣдніе дни террора не смѣли ночевать дома, боясь ареста. Многіе выходили изъ дому вооруженные съ ногъ до головы. Хо-

---

[1]) Тамъ же.

дили слухи о таинственномъ спискѣ депутатовъ, предназначенныхъ для гильотины. Карно удалось видѣть списокъ изъ сорока именъ, между которыми онъ нашелъ и свое. Возлюбленная Тальена, Кабарюсъ, уже арестована,—отъ возлюбленной къ возлюбленному всего одинъ шагъ. Страхъ сдѣлалъ изъ Тальена героя. Строго говоря, Робеспьеръ достоинъ былъ лучшаго противника.

„Тальенъ,—говоритъ Мишле,—всегда былъ маской, актеромъ, самымъ фальшивымъ и тѣмъ болѣе гремящимъ, что онъ былъ совершенно пустъ. Фальшь была его природой до такой степени, что онъ не нуждался въ расчитанномъ лицемѣріи.... Его хорошенькая голова, кроткое лицо составляли контрастъ съ его кровожадною яростью. Онъ добровольно напускалъ на себя это опьяненіе и ему удавалось дѣлаться полу-сумасшедшимъ. Онъ отличался въ гнѣвѣ припадками чувствительности, разыгранными такъ хорошо, что они обманывали его самого, и тогда онъ считалъ себя добрымъ... Въ своемъ царствѣ, въ Бордо [1]), этотъ чувствительный гильотинщикъ казался Генрихомъ IV, подбитымъ Калигулой".

Въ Бордо онъ выучился обирать негоціантовъ и понялъ, что деньги лучше крови. Байонка Кабарюсъ, освобожденная имъ въ Бордо, плѣнила его своей красотой и укрѣпила въ немъ инстинкты „веселой жизни".

„Въ рѣшительный день избытокъ страха сдѣлалъ его храбрымъ, самымъ мужественнымъ изъ всѣхъ. Насмѣшка судьбы!

„Худшій, можетъ быть, изъ всѣхъ взялъ на себя починъ, сказалъ слово Парки, убилъ Робеспьера и С.-Жюста".

„Въ этой сценѣ,—продолжаетъ Мишле,—двое „блѣдныхъ", Робеспьеръ и С.-Жюстъ, представляли смерть. Тальенъ, въ своей горячности, красный, грубый, въ кровожадномъ опьяненіи, въ отчаяніи, представлялъ, однако, жизнь".

Въ этомъ была его сила. Раньше его, Гельвецій, конечно, не „лучшій" изъ энциклопедистовъ, былъ, однако, превознесенъ за свою книгу „О духѣ". „Онъ высказалъ секретъ всѣхъ", говорили въ салонахъ. Тальенъ тоже высказалъ „секретъ" всѣхъ своихъ товарищей. Что могли сказать Робеспьеру болѣе строгіе и чистые республиканцы—Лекуантръ, Мерленъ, Бэнтаболь, Тюріо, Лежандръ? Упрекнуть его за порабощеніе республики, за искаженіе принциповъ? Но не въ нихъ было дѣло. Всѣ хотѣли *жить*, и на этой струнѣ разыгралъ Тальенъ свой погребальный маршъ Робеспьеровскому „тріумвирату". Вся его фигура, жесты, грубыя восклицанія дополняли

---

[1]) Гдѣ онъ былъ коммисаромъ конвента.

впечатлѣніе рѣчи—она выражала страхъ грядущей смерти и жажду жизни.

Не одна увѣренность въ жизни возвратилась къ конвенту послѣ 9 термидора. Созданные имъ, въ 1793 г., исполнительные комитеты и главный между ними комитетъ общественнаго спасенія лишили его державной власти. Изъ „источника" всякой власти въ государствѣ онъ сдѣлался едва замѣтнымъ спутникомъ комитетовъ. Странное полномочіе, данное комитету спасенія даже надъ членами конвента, держало въ страхѣ это тѣло, грозное, по имени, для всей Франціи. Теперь онъ можетъ взять назадъ свои права, можетъ жить какъ политическое тѣло.

Но что́ сдѣлаетъ онъ изъ своихъ правъ? На первый разъ ему необходимо опредѣлить самого себя, уяснить себѣ свое нравственное и политическое *я.* А это было теперь трудно. *Я* каждаго политическаго собранія опредѣляется его выдающимися, типическими вожаками, умѣющими выразить общій символъ вѣры. Но гдѣ были теперь эти люди? Не было уже пламенныхъ ораторовъ Жиронды, не стало Дантона и Камилла Демулэна, сошелъ со сцены Робеспьеръ.

„Мрачно было собраніе,—говоритъ Мишле. — Ка́кое вдовство! Былъ ли на правой даже сторонѣ или въ центрѣ хоть одинъ, не оплакивавшій эти горячія, искреннія сердца; этого несчастнаго Фелиппо, открывшаго намъ Вандею, добраго и великодушнаго Базира?... Но Камиллъ Демулэнъ; но его трогательная Люсиль, но добрый Анахарсисъ (Клоотцъ), такъ влюбленный во Францію,... ихъ не смѣли даже называть... Самый черствый къ воспоминаніямъ задохнулся бы отъ рыданій.

„Остерегайтесь смотрѣть на извѣстное мѣсто на „Горѣ"—страшная пустота... Пустота? Въ плохо освѣщенные часы, въ этой большой темной залѣ, на томъ мѣстѣ всегда появлялось что-то страшное. Всѣ невольно поворачивались и смотрѣли. Сколько разъ громъ и молнія неслись оттуда! И въ то же время, сколько великодушныхъ идей—„комитетъ милосердія", всеобщій банкетъ, за который сѣли бы всѣ партіи, Франція и весь міръ... *Дантонъ* остался тамъ въ своемъ мрачномъ величіи. Въ угасшемъ собраніи, самымъ живымъ былъ этотъ мертвый. Его жаръ остался въ измученной группѣ, засѣдавшей подлѣ него; она невольно выражала его конвульсивными движеніями, демоническими жестами, яростными взглядами. Отъ вида этихъ „одержимыхъ" Робеспьеръ сохъ и худѣлъ. Онъ томился при видѣ Дантона, столь живучаго и неразрушимаго; онъ изводилъ себя на задачѣ гильотинировать его два раза и самъ собой умеръ отъ невозможности его умертвить".

Но, съ другой стороны, можно ли разорвать съ Робеспьеромъ? Можно ли было сказать: здѣсь кончается революція и начинается система комитета общественнаго спасенія? „Этотъ Робеспьеръ,— продолжаетъ Мишле,—до такой степени смѣшался съ существомъ революціи, въ добрѣ и въ злѣ, въ идеѣ, въ управленіи, что вырывая одного, трудно было не вырвать другую. Тѣ, кто больше всѣхъ способствовали низверженію тирана, участвовали и въ послѣднихъ дѣйствіяхъ, погубившихъ его навсегда. Чтобы докончить, вырвать Робеспьера, желѣзо должно было пройти чрезъ сердца тѣхъ, кто его низвергъ“ [1]).

Что́ же дѣлать? Реакція противъ террора открыла тюрьмы и освободила множество людей всѣхъ партій. Приметъ ли ихъ конвентъ въ свою среду? Одинъ депутатъ предложилъ вновь отправить въ тюрьмы всѣхъ арестантовъ, выпущенныхъ „неосновательно“; Луше́ предлагаетъ продолжить терроръ. Оба предложенія были отвергнуты конвентомъ. Люди „всѣхъ партій“ вышли изъ тюремъ. Мало того. Конвентъ рѣшится, „вырывая“ Робеспьера, коснуться тѣхъ, кто раздѣлялъ съ нимъ его власть — Бильо-Варрена, Колло-д'Эрбуа, Вадье, несмотря на то, что они способствовали его низверженію. Могли ли подойти всѣ террористы подъ одно общее обвиненіе? Не было ли разницы между терроромъ 1793 и 1794 года? Мишле старается указать ее.

Колло-д'Эрбуа,—говоритъ онъ,—раздѣлилъ два террора, „одинъ варварски-мстительный (Колло, Фреронъ, Карье), а другой страшно предательскій, постепенно измышлявшій преступленія ради ихъ наказанія“. Колло сказалъ Робеспьеру: „что́ намъ останется, если вы *деморализируете* эшафотъ?“ Терроръ зналъ палачей, но онъ зналъ и убійцъ, расплодившихся въ 1794 году. Отвѣтственность за этотъ годъ остается, по мнѣнію Мишле, на Робеспьерѣ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ „процедуру“ террористовъ 1794 года.

Германъ, судья Дантона, управляющій тюрьмами и старый товарищъ Робеспьера по Аррасу, приказывалъ Ланну (изъ Арраса) составлять по тюрьмамъ списки приговоренныхъ. Шпіоны (ихъ звали тогда „les moutons“) указывали Ланну имена мнимыхъ заговорщиковъ. Списки должны были быть подписаны однимъ изъ комитетовъ. Ихъ несли въ Тюльери. Тамъ ихъ подносили кому-нибудь изъ членовъ, другой разъ изъ наименѣе террористическихъ. Могли ли они не

---

[1]) Первый сигналъ къ низверженію Робеспьера подали именно сами страшные комитеты. Относительно хода революціи 9 термидора можно рекомендовать вниманію читателей недавно вышедшую книгу: *La Révolution de Thermidor*, par Ch. d'Héricault. 1876 г. Она сообщаетъ много новыхъ данныхъ.

подписать? Они боялись один другого. За всѣми ними наблюдалъ Давидъ, приспѣшникъ Робеспьера—или другой шпіонъ, слѣдовательно, Робеспьеръ, „ни во что не вмѣшивавшійся" („qui ne se mêlait de rien",—собственное выраженіе Робеспьера). Вечеромъ, публичный обвинитель—Фукье-Тэнвиль бралъ списки изъ Тюльери. Могъ ли онъ воздержаться отъ обвиненія по всѣмъ этимъ спискамъ? Въ трибуналѣ онъ находился подъ надзоромъ Коффингаля, Дюма, „ока" Робеспьера. Оба были каждый вечеръ у послѣдняго, знавшаго все, „но не мѣшавшагося ни во что". „Колесо роковымъ образомъ катилось отъ Германа къ Дюма, т.-е. отъ Робеспьера къ Робеспьеру".

Но, конечно, въ тѣ времена довольно трудно было различать между „палачами и убійцами". Конвентъ былъ охваченъ всеобщимъ движеніемъ; ему слѣдовало отмстить не человѣку только, посланному уже на плаху, но *системѣ*, противъ которой возстали термидоріанцы. На первый разъ, однако, мщеніе заставило себя ждать. Послать на эшафотъ Бильо-Варрена, Вадье, Амара и Вулана, причастныхъ къ смерти Дантона, значило сразу разорвать со всею якобинскою партіею. Такой разрывъ былъ пока неудобенъ. Мы увидимъ, почему конвентъ нуждался еще въ поддержкѣ якобинцевъ. Теперь важно то, что онъ искалъ ея. Конвенту желалось продолжить собственное существованіе. „Никто не хочетъ умирать. Конвентъ полагалъ, какъ полагаетъ всякое правительство, что его жизнь была спасеніемъ. Онъ спрашивалъ себя, на кого оставитъ онъ республику? Онъ не жилъ до сихъ поръ, т.-е. не совершилъ великихъ дѣлъ революціи, проектированныхъ во время террора. Они оставались на бумагѣ". Не было еще кодекса, надъ которымъ трудились его знаменитые юристы, ничего не было сдѣлано для народнаго образованія и т. д. Оставить ли эти планы кому-нибудь другому?

При сильномъ желаніи жить, конвентъ, конечно, не могъ обойтись безъ якобинской партіи. Оставаясь правительствомъ республиканскимъ, онъ не могъ обойтись безъ якобинцевъ, сослужившихъ, несмотря на свои кровавыя заблужденія, большую службу республикѣ. Поэтому обвиненіе, выставленное противъ крайнихъ террористовъ, было отвергнуто конвентомъ. Камбонъ, врагъ Робеспьера, сказалъ, что нельзя касаться этихъ обвиняемыхъ, не коснувшись конвента. Послѣдній принялъ резолюцію Тюріо: „что собраніе, исполненное негодованія, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Дружба якобинцевъ была сохранена. Но принесетъ ли она пользу конвенту? Продолжитъ ли онъ, опираясь на ихъ содѣйствіе, дѣло 1793 г.? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависѣло теперь отъ разрѣшенія другого, болѣе общаго. Имѣла ли сама якобинская партія задатки для дальнѣйшаго существованія? Якобинцы полагали, что да. Событія дали иной отвѣтъ.

III.

Новые и старые вопросы.

Конвентъ хочетъ продлить свое существованіе. Если такъ, то ему необходимо прежде всего рѣшить нѣкоторые вопросы, переданные ему отъ Робеспьера. Во время террора всѣ внутренніе и внѣшніе интересы Франціи сосредоточивались на одномъ—на спасеніи республиканской Франціи отъ неслыханныхъ опасностей. Слова „отечество въ опасности“ не были пустой фразой, когда войска коалиціи грозили отечеству извнѣ, вандейское возстаніе требовало усиленныхъ мѣръ, Тулонъ былъ во власти англичанъ и т. д. Передъ этимъ верховнымъ интересомъ теряли свое значеніе всѣ интересы второстепенные, всѣ формулы права. Диктатура комитетовъ объяснялась просто; вмѣстѣ съ этою диктатурой понятно было преобладаніе „республиканской церкви“, пуританъ демократіи—якобинцевъ.

Но переворотъ 9 термидора былъ произведенъ противъ диктатуры; республиканскія войска отразили враговъ, и война изъ оборонительной готова была сдѣлаться наступательною. Отечество уже внѣ опасности. Оно можетъ подумать и о своихъ внутреннихъ дѣлахъ, которыми давно никто не занимался, обратиться къ вопросамъ, отложеннымъ въ долгій ящикъ. Пользуясь своими диктаторскими правами, Робеспьеръ уничтожилъ муниципальную свободу, отмѣнилъ выборное право. Онъ убилъ парижскую общину, замѣнивъ выборныя должности назначенными. Останется ли этотъ порядокъ вещей навсегда? Получатъ ли Парижъ и другіе города свои выборныя права? Конституція 1793 года была принята народомъ, терроръ пріостановилъ ея дѣйствіе. Останется ли она на бумагѣ? Если да, то дастъ ли конвентъ новую конституцію для Франціи, и какова будетъ эта конституція? Рядомъ съ этими вопросами, длилъ свое существованіе еще одинъ, не менѣе существенный: будетъ ли у жителей Парижа и другихъ городовъ хлѣбъ? Вопросъ очень важный въ данную минуту. Никогда еще этотъ предметъ „первой необходимости“ не былъ такъ рѣдокъ во Франціи, какъ теперь. Исторія „стараго порядка“ наполнена страшными сценами голода. Многія неистовства революціи объясняются тѣмъ, что они совершались *голодными* массами. Этотъ упадокъ земледѣлія до 1789 года объясняется существовавшимъ распредѣленіемъ поземельной собственности, особенностями привилегированныхъ сословій и т. д. Революція должна была помочь этому злу, конфисковавъ имущества духовенства, эмигрантовъ и обративъ ихъ въ національное достояніе. На дѣлѣ вышло не то.

Земля не сдѣлается производительною отъ того, что ее объявятъ національною. Нужно еще, такъ или иначе, передать ее въ руки производителей. И этотъ великій процессъ „передачи" былъ пріостановленъ событіями 1793—1794 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріостановилась и обработка земли. Въ теченіе двухъ лѣтъ она была заброшена, и по очень понятной причинѣ. Никто не зналъ, кому она принадлежитъ. Она не принадлежала болѣе ни духовенству, ни эмигрантамъ, но она еще не продана и не распредѣлена между крестьянами. „На огромныхъ пространствахъ трудъ пріостановился". Всѣ находились въ ожиданіи. „Но жизнь не ждетъ. Голодъ, особенно въ городахъ, достигъ невиданныхъ предѣловъ". Для кого же, наконецъ, совершилась революція?

Такимъ образомъ, вопросъ о „голодѣ" не былъ теперь только обыденнымъ вопросомъ о „народномъ продовольствіи". Онъ былъ симптомомъ болѣе серьёзнаго порока, порока цѣлаго экономическаго строя. Анализируя голодъ, внимательный наблюдатель возвышался до высшихъ экономическихъ принциповъ, до вопроса о новой организаціи собственности. Этотъ вопросъ былъ чуждъ чистокровному якобинству, погруженному въ исключительно политическіе принципы. Но на этихъ вопросахъ и выросло то движеніе, котораго Бабёфъ былъ первымъ представителемъ.

Всѣмъ знакома фраза: „источники многихъ большихъ рѣкъ теряются въ неизвѣстныхъ пространствахъ". Она съ полнымъ основаніемъ можетъ быть примѣнена къ движенію, извѣстному подъ именемъ соціализма и коммунизма. Начатки политическихъ движеній представляютъ для изслѣдователя даже менѣе благопріятныя условія, чѣмъ „источники большихъ рѣкъ", по той причинѣ, что они смѣшаны, слиты съ движеніями иного порядка. Идеи, выразившіяся въ дѣятельности Бабёфа, первоначально трудно отличить отъ якобинства, какъ парижскую общину трудно было отличить отъ Робеспьера, ея смертельнаго врага. Поэтому, необходимо остановиться на личности знаменитаго агитатора и опредѣлить его отношенія къ якобинству [1]).

Франсуа-Ноэль (назвавшій себя впослѣдствіи Кайемъ-Гракхомъ) Бабёфъ родился въ С.-Кантенѣ (Пикардія) въ 1764 году. Объ его ранней молодости намъ извѣстно очень мало. Его отецъ былъ воспитателемъ Леопольда, герцога Тосканскаго, впослѣдствіи императора германскаго. Франсуа-Ноэль рано потерялъ отца и въ 16 лѣтъ сдѣ-

---

1) Соціализмъ и коммунизмъ, какъ *ученія*, конечно, гораздо старше Бабёфа, Сенъ-Симона и Фурье. Но здѣсь рѣчь идетъ о попыткахъ практическаго примѣненія народившихся доктринъ.

лался землемѣромъ, таксаторомъ. Первыя впечатлѣнія, полученныя имъ на этой должности, касались того несправедливаго способа обложенія земель, какой практиковался при старомъ порядкѣ. Нечего настаивать на несовершенствахъ этого порядка, при которомъ низшіе классы одни несли всѣ государственныя тягости. Недостатки эти сознавались всею Франціею. Но спеціально для Бабёфа эти впечатлѣнія имѣли особенную цѣну. Подъ ихъ вліяніемъ составилась его первая книга съ очень длиннымъ заглавіемъ: *Cadastre perpétuel, ou démonstration des procédés convenables à la formation de cet important ouvrage* и т. д. Разсуждая о кадастрѣ, онъ затронулъ и общіе экономическіе вопросы, руководствуясь мнѣніями Руссо и Рэйналя. Книга была написана въ концѣ 1789 г. (въ печати она появилась въ 1790 г.) и представлена національному собранію, которое приняло ее съ похвалами. Былъ ли онъ въ это время коммунистомъ практическимъ? Книга о *Кадастрѣ* не доказываетъ этого. Конечно, онъ принимаетъ, подобно очень многимъ, гипотезы Руссо о первобытномъ равенствѣ и правѣ всѣхъ на землю. Но практическіе выводы его не представляютъ ничего коммунистическаго. Книга о *Кадастрѣ* безконечно невиннѣе писаній Морелли, съ которыми Бабёфъ, кажется, не былъ знакомъ.

Успѣхъ перваго литературнаго труда открылъ ему и практическую дѣятельность. Декреты національнаго собранія, состоявшіеся послѣ знаменитой ночи 4-го августа, плохо исполнялись въ провинціи. Бабёфъ отправился на родину и тамъ сдѣлался защитникомъ низшихъ классовъ. Очень скоро онъ попалъ въ политическій процессъ, кончившійся его оправданіемъ и популярностью (14-го іюля 1790 г.). Затѣмъ его назначили администраторомъ въ департаментъ Соммы. Здѣсь его управленіе возбудило противъ себя всеобщее неудовольствіе. Онъ предложилъ раздѣлить и обработать общинныя земли, значительная часть которыхъ лежала безъ всякаго употребленія. Но бѣдные пользовались ими какъ пастбищемъ для скота, и богатымъ не трудно было возбудить противъ Бабёфа преслѣдованіе. Онъ долженъ былъ бѣжать и направился въ Парижъ (іюль 1793 года).

Положеніе партій въ республиканскомъ городѣ уже опредѣлилось. Робеспьеристы уже съ гнѣвомъ смотрѣли на парижскую общину и ея синдика Шометта. Въ этомъ процессѣ между робеспьеристами и общиной трудно опредѣлить, кто правъ, кто виноватъ. Робеспьеръ обвинялъ своихъ противниковъ въ крайнемъ, „развратномъ“ республиканствѣ. Конечно, дѣйствія Ру, Шометта, Эбера отзывались „анархіей“. Но довольно трудно провести различіе между дѣйствіями общины, съ одной—, и мѣрами комитета спасенія, съ другой стороны.

Дѣло шло просто о прекращеніи двоевластія, о конфискаціи власти, фактически раздѣленной между конвентомъ и коммуной, въ пользу диктатора. Между тѣмъ Бабёфъ присталъ именно къ Шометту и получилъ мѣсто секретаря въ „бюро продовольствія“ (bureau des subsistances). Если таксаторство было первою политическою школою Бабёфа, то бюро продовольствія было второю и очень важною. Новая дѣятельность поставила его лицомъ къ лицу съ голодными массами. Послѣднія находились, дѣйствительно, въ ужасномъ положеніи. Съ утра до вечера осаждали онѣ бюро, требуя хлѣба, котораго администрація не могла имъ дать. Ходили слухи, что прокуроръ коммуны, Манюэль, „организовалъ“ голодъ въ Парижѣ; Бабёфъ обвинилъ его публично. Но обвиненіе мало помогло дѣлу. Комитеты конвента въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (іюнь—августъ 1793 г.) не дѣлали ничего, и массу приходилось сдерживать словами и обѣщаніями. Шометтъ и Ру не скупились на слова и планы. Но въ тѣ времена ни тѣ, ни другіе не могли быть достаточно опредѣленны. Мы можемъ, однако, понять ихъ смыслъ, имѣя въ виду вопросъ „продовольствія“, оставленный на попеченіе парижской общины. Коммунистическія идеи имѣли свой центръ именно здѣсь. Впослѣдствіи Ру, Шометтъ и прочіе погибли, главнымъ образомъ, за нихъ, и Робеспьеръ явился спасителемъ порядка.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ теоретическое обсужденіе этихъ идей; онѣ уже нашли свой судъ въ событіяхъ и въ экономической наукѣ. Для нашей цѣли важно опредѣлить ихъ практическій источникъ и ихъ отношеніе къ условіямъ времени.

Учредительное и законодательное собранія одинаково освятили принципъ частной собственности; декларація правъ 1789 года помѣстила право собственности въ числѣ *естественныхъ* и неприкосновенныхъ правъ человѣка. Но провозгласить принципъ, хотя бы законодательнымъ порядкомъ, не значитъ еще дать ему практическую силу и значеніе. Между тѣмъ, практическій смыслъ правъ собственности въ эпоху революціи далеко не былъ опредѣленъ. Доказать это не трудно. Съ экономической точки зрѣнія революція была не чѣмъ инымъ, какъ переходомъ отъ старинной, *феодальной* собственности къ собственности современной. Переходъ этотъ имѣлъ характеръ переворота, въ которомъ погибли бывшія имущества церкви и множество владѣній эмигрантовъ. Изъ нихъ составились на первый разъ національныя имущества, дальнѣйшая судьба которыхъ далеко не опредѣлилась. Принципъ собственности нуждался, стало быть, въ органическомъ *законѣ* о собственности; между тѣмъ гражданское уложеніе французовъ было еще впереди. Но и закона недостаточно. Принципъ долженъ былъ воплотиться въ массѣ конкретныхъ правъ,

принять опредѣленный образъ данныхъ участковъ, принадлежащихъ даннымъ лицамъ. Безъ этого, принципъ оставался теоретическимъ тезисомъ и тезисомъ не безспорнымъ, особенно когда революція сама нарушала его на практикѣ.

Далеко не всѣ партіи согласились относительно источника этого права и его содержанія; даже члены одной и той же партіи, сходясь въ принципахъ политическихъ, расходились въ воззрѣніяхъ экономическихъ. Жирондистъ Бриссо, въ своей книгѣ *Философскія изслѣдованія о правѣ собственности и воровствѣ* (1780 г.), сказалъ, что „исключительная собственность есть кража въ природѣ“ (la propriété exclusive est un vol dans la nature). Другой жирондистъ, великій ораторъ Верньо, въ засѣданіи 8-го мая 1793 года, говорилъ, что „каждая декларація противъ собственности осуждаетъ какую-нибудь землю на безплодіе, какое-нибудь семейство на нищету“. Раньше того, Мирабо доказывалъ, что собственность не можетъ быть признана *естественнымъ* установленіемъ; она обязана своимъ существованіемъ законамъ. Эта мысль проникаетъ всѣ рѣчи Робеспьера, выступившаго впослѣдствіи противъ „аграрныхъ законовъ“. Въ своей декларацiи правъ онъ далъ слѣдующее опредѣленіе собственности: это есть „право каждаго гражданина пользоваться и располагать долею имуществъ, обезпеченныхъ ему *закономъ*“. Если государство создаетъ собственность, оно можетъ наложить на собственника извѣстныя обязанности какъ по отношенію къ себѣ, такъ и по отношенію къ согражданамъ. Во-первыхъ, общество само имѣетъ обязанности относительно неимущихъ; поэтому оно возлагаетъ извѣстныя тягости на богатыхъ. „Помощь, необходимая для бѣдности, есть *долгъ* (dette) богатаго относительно неимущаго; закону принадлежитъ опредѣленіе способовъ его выполненія“ (Декларація Робеспьера, ст. 7, 11 и 12). Еще дальше шелъ ближайшій сотрудникъ Робеспьера — С.-Жюстъ. Въ „отрывкахъ“, найденныхъ послѣ его смерти, сохранились мечтанія юнаго диктатора. Всѣ они вращаются около одного вопроса: какъ воспитать общество, какъ дать ему республиканскіе *нравы*, безъ которыхъ, конечно, республиканская форма не устоитъ. Эти нравы должны быть, между прочимъ, созданы новымъ экономическимъ порядкомъ.

„Для преобразованія нравовъ,—говоритъ онъ,—должно начать съ удовлетворенія интересовъ и потребностей; должно дать всѣмъ нѣкоторое количество земли... Я не вѣрю, чтобы свобода установилась, если возможно будетъ поднять несчастныхъ противъ новаго порядка вещей; я не вѣрю, чтобы не было несчастныхъ, если не сдѣлаютъ такъ, чтобы у каждаго была земля. Не можетъ быть иного добродѣтельнаго и свободнаго народа, кромѣ народа земледѣльческаго.

Ремесло плохо ладитъ съ истиннымъ гражданиномъ; рука человѣка сотворена для земли или для оружія". Республика, составленная изъ мелкихъ землевладѣльцевъ,—таковъ идеалъ С.-Жюста.

Мы привели эти различные взгляды для доказательства того, какая неопредѣленность царствовала между руководителями революціи относительно самыхъ капитальныхъ экономическихъ вопросовъ. Не мудрено, что якобинцевъ пока довольно трудно было отдѣлить отъ партіи Шометта и Бабёфа; и не только якобинцевъ, но и жирондистовъ. Жирондистъ Рабо, напримѣръ, въ своей теоріи равенства имуществъ шелъ гораздо дальше всякаго якобинца. Раздѣляясь въ отношеніи принциповъ политическихъ, масса французскаго народа, возставшая противъ „стараго порядка", составляла еще одно цѣлое, одно „третье сословіе", совмѣстно противополагавшее себя двумъ „привилегированнымъ". Только много лѣтъ спустя третье сословіе раздвоилось, выдѣливъ изъ себя буржуазію и „четвертое сословіе", съ различными экономическими воззрѣніями. Распря между комитетомъ спасенія и парижской общиной, Эберомъ, Шометтомъ, Ру, Бабёфомъ, оставалась пока домашней распрей двухъ фракцій одной и той же партіи. Члены общины погибли въ качествѣ *крайнихъ* республиканцевъ,—терминъ, не выражающій ничего опредѣленнаго.

Въ эту минуту всеобщаго смятенія для насъ важны только нѣкоторыя черты будущаго движенія. Французскій соціализмъ и коммунизмъ, какъ практическія явленія, возникли на почвѣ *земельныхъ* вопросовъ, при разрѣшеніи судьбы національныхъ имуществъ. Бабёфъ воспитался въ „бюро продовольствія"—тогда какъ система Р. Оуэна выросла на почвѣ фабричныхъ вопросовъ. *Индустріальный* соціализмъ (если можно такъ выразиться) явился во Франціи гораздо позже. Аграрные вопросы стояли на первомъ планѣ. С.-Симонъ въ это время занимался, главнымъ образомъ, судьбою національныхъ имуществъ. Фурье, по замѣчанію Мишле, былъ наведенъ на свою систему примѣромъ юрскихъ сыроваренныхъ ассоціацій. Его мечты постоянно обращались къ ассоціаціи земледѣльческой, къ „деревенскимъ братствамъ", образцы которыхъ онъ видѣлъ на родинѣ.

Бабёфъ въ 1794 г. еще не былъ Бабёфомъ 1796-го года, оракуломъ чистаго, безпримѣснаго коммунизма. Его мысли вращались еще подлѣ практическихъ задачъ „бюро продовольствія" и интересовъ его кружка. Онъ пострадалъ вмѣстѣ съ своими товарищами: комитетъ спасенія послалъ его въ тюрьму. Но случай, на первый взглядъ непріятный, спасъ его. Мы видѣли, что онъ бѣжалъ изъ департамента Соммы. Въ то время, какъ онъ работалъ въ бюро продовольствія, его враги по Соммѣ подняли противъ него обвиненіе въ подлогѣ. Амьенскій судъ постановилъ заочно обвинительный при-

говоръ. Это осужденіе и спасло его отъ Робеспьера. Законодательный комитетъ послалъ его въ Лаонъ, гдѣ судъ отмѣнилъ прежній приговоръ и постановилъ приговоръ оправдательный. Оправданный Бабёфъ возвратился въ Парижъ, гдѣ все уже было готово къ низверженію террористовъ. 9-е термидора окончательно дало ему свободу. Вмѣстѣ съ свободой явилось новое произведеніе Бабёфа, направленное противъ террористовъ вообще, и особенно противъ кровожаднаго Каррье. Памфлетъ этотъ называется: *Система обезлюденія* (de dépopulation) *или жизнь и преступленія Каррье.* Авторъ выставилъ здѣсь страшное обвиненіе, что террористы, для утвержденія своей власти, хотѣли обезлюдить Францію, оставивъ въ ней только своихъ единомышленниковъ. Справедливо ли такое обвиненіе,—другой вопросъ, хотя подвиги Каррье и Колло д'Эрбуа „индуктивно" могли заронить такую мысль. Но оно показываетъ отношеніе Бабёфа къ якобинцамъ. Сочиненіе это объясняетъ и дальнѣйшую дѣятельность автора. Онъ не выступалъ еще ни съ какими аграрными законами или коммунистическими теоріями. Первый вопросъ, поднятый имъ, касался правъ Парижа, конфискованныхъ терроромъ. Возвратятъ ли Парижу его выборную администрацію? Другими словами, въ Бабёфѣ, на первый разъ, воскресла коммуна, обезглавленная Робеспьеромъ.

„Бабёфъ жилъ въ центрѣ улицы С.-Оноре, въ секціи музеума. Въ серединѣ августа (30 термидора) эта секція, подъ его вліяніемъ, постановила рѣшеніе отправиться въ конвентъ и присягнуть тамъ, что намѣрена отнынѣ признавать только права человѣка". Это, по ея объясненію, означало, что „ничто не воспрепятствуетъ народу, какъ учредительной власти, собираться и выбирать; что Парижъ не могъ оставаться безъ выбранныхъ имъ властей; что 9 термидора должно заставить трепетать тѣхъ, кто предложитъ кровожадные законы, тѣхъ, кто узурпируетъ избирательное право". Этотъ адресъ былъ подхваченъ всѣмъ Парижемъ, и городъ постановилъ послать петицію въ конвентъ. Другими словами, Парижъ полагалъ, что 9 термидора совершилось, между прочимъ, и въ пользу его муниципальныхъ правъ [1]). Но конвентъ думалъ объ этомъ предметѣ иначе.

Самый слухъ о движеніи въ Парижѣ возбуждалъ безпокойство собранія. Всеобщее молчаніе, водворившееся при террорѣ, вошло въ

---

[1]) Зибель, къ сожалѣнію, не различаетъ якобинцевъ отъ Бабёфа и его партіи. Онъ говоритъ: „*дружественный* имъ (якобинцамъ) клубъ выборовъ, находившійся подъ управленіемъ горячаго фанатика Бабёфа, проповѣдывалъ открытое неповиновеніе конвенту". Что Бабёфъ не былъ въ *дружбѣ* съ якобинцами, это доказывается его книгою о *Каррье*; что „выборы" были не только безполезны, но *опасны* якобинцамъ, это доказывается тѣмъ, что выборная коммуна была принесена въ жертву ихъ диктатурѣ. Могли ли они пойти противъ себя?

привычку: спокойствіе собранія возмущалось этимъ неожиданнымъ движеніемъ города, и какого города! Въ немъ работали „крайніе“ республиканцы, съ которыми Робеспьеръ велъ ожесточенную войну, при помощи самого конвета. Эбертизмъ, шометтизмъ, воспоминанія о коммунѣ наводили на конвентъ не меньшій страхъ, чѣмъ воспоминаніе о Робеспьерѣ. Подача петиціи замедлилась на 20 дней (до 6 сентября 1794 г.). Въ теченіе этого времени якобинцы въ послѣдній разъ сошлись съ конвентомъ.

IV.

Якобинцы.

Якобинцы также были властью, и властью, не желавшею прекращать свое существованіе. Обладаніе властью не было для нихъ вопросомъ одного политическаго честолюбія. Она, въ данную минуту, была для нихъ условіемъ самосохраненія, безопасности!

„Въ теченіе цѣлаго года они пользовались неограниченною диктатурою: въ ихъ абсолютномъ распоряженіи находились не только всѣ мѣста, но и капиталъ Франціи. Ихъ комитеты производили вездѣ реквизиціи людей, лошадей, повозокъ, хлѣба, запасовъ всякаго рода, безъ малѣйшей отвѣтственности, безъ правильныхъ записей, назначали, кто, сколько и какъ долженъ платить въ каждомъ городѣ и деревнѣ.

„Раскладка, взиманіе, храненіе, посылка всѣхъ вещей—все дѣлалось ими по ихъ усмотрѣнію. Безъ выгоды?—должно быть. Не безпристрастно?—Сомнѣваюсь.

„Другая операція, гораздо опаснѣйшая, была—задержаніе людей, которыхъ они арестовывали. Сколько здѣсь искушеній! Имъ, входившимъ внезапно въ эти богатые отели, въ эти роскошныя жилища, нужна была рѣдкая доблесть, чтобы уважать столько вещей, цѣнныхъ или соблазнявшихъ своей красой. Нужно было, чтобы строгія описи вполнѣ доказывали честность и точность тѣхъ, кто дѣйствовалъ безъ надзора и въ увѣренности, что ихъ никто не обвинитъ“.

Коротко говоря — якобинцы были люди, обязанные дать отчетъ, но не имѣвшіе къ тому возможности: ils étaient des comptables qui ne pouvaient rendre compte,—какъ говоритъ Мишле.

Всеобщее недовѣріе, даже ненависть къ нимъ объяснялись именно этою безотчетною, безконтрольною властью, имъ принадлежавшею. Кто *все* можетъ, о томъ *всему* повѣрятъ—таковъ уже неизмѣнный

психологическій законъ, не измѣнившійся и для якобинцевъ. „Это страшное право задерживать, кого они хотѣли, заставляло вѣрить (о самыхъ чистыхъ) вещамъ низкимъ, отвратительнымъ. При видѣ низости, трепетной покорности тѣхъ, кого они не арестовывали, предполагали постыдныя сдѣлки. Сдѣлки эти, что бы ни говорили, были рѣдки и безпощадно наказываемы террористическимъ правительствомъ. Все равно—тѣмъ, кто могъ все, ненависть и воображеніе безъ всякихъ доказательствъ приписывали все".

„Продолжись ихъ царство—они развратились бы больше. Но оно было кризисомъ, грозой, и грозой, возвышающей человѣка надъ нимъ самимъ. По бо́льшей части, они были искренними фанатиками, безъ расчета и предосторожностей. Они въ массѣ могли отвѣчать своимъ врагамъ славною бѣдностью. Но ей не вѣрили. Воображали постоянно, что они спрятали, скрыли или перевели на чужое имя. На ихъ прошлыя звѣрства, гордость, ярость отвѣчали оскорбленіемъ, говоря: „выверните ваши карманы".

Трудное положеніе, особенно когда дѣло идетъ о продолженіи полновластія. Камбонъ, ихъ недругъ, еще въ ноябрѣ 1793 года предлагалъ ввести нѣкоторую отчетность въ дѣйствія. Робеспьеръ отказался. Отчетность унизила бы его „святыхъ", его безупречныхъ республиканцевъ.

Другой недугъ, не менѣе важный. Число ихъ, несмотря на всю заманчивость власти, быстро уменьшалось отъ причинъ естественныхъ и искусственныхъ. Первоначально якобинскіе клубы быстро распространились не только по городамъ, но и по деревнямъ. Во Франціи было не менѣе 40,000 революціонныхъ комитетовъ. Но въ началѣ 1794 года деревенскіе клубы отпали; пора было думать о землѣ, которую крестьяне постепенно пріобрѣтали. Деревни не только отпали отъ своихъ прежнихъ городскихъ товарищей, но возненавидѣли ихъ за реквизиціи, которыми ихъ мучили, препятствуя земледѣлію. Къ причинамъ естественнымъ присоединились искусственныя. Якобинство перестало уже выражать убѣжденія огромной массы народа. Оно все болѣе и болѣе превращалось въ секту. Сектанты усердно „очищали" свою среду, изгоняя, исключая „сомнительныхъ", оставляя мѣсто однимъ „чистымъ". Чистые, оторванные отъ соприкосновенія съ живыми массами, уединялись въ своихъ принципахъ и безплодно повторяли свою республиканскую „мессу", формулы которой вывѣтривались все больше и больше.

Много нужно было твердости, даже отваги, чтобы удержаться при такихъ условіяхъ. На первый разъ счастье улыбнулось якобинцамъ. Шансы, повидимому, были на ихъ сторонѣ. Они не могли дать отчета въ своемъ управленіи; но кто потребуетъ его? Конечно,

но конвентъ. Развѣ его всемощные коммиссары не пользовались своими правами безъ всякой отчетности? Кому представили свои отчеты хотя бы тѣ же „термидоріанцы“ Тальенъ и Фреронъ? Конечно, города, добившись выборной администраціи, могутъ предложить нѣсколько неудобныхъ вопросовъ революціоннымъ комитетамъ. Но конвентъ врядъ ли удовлетворитъ этимъ притязаніямъ.

Во-вторыхъ, якобинцы могли быть обвиняемы за сообщничество съ Робеспьеромъ. Они были его арміею, его избранными; чрезъ нихъ управлялъ онъ государствомъ; съ ихъ помощью онъ исторгалъ у конвента согласіе на всѣ мѣры террора. Теперь главнокомандующій подвергся опалѣ, объявленъ „внѣ закона“, посланъ на плаху. Раздѣлятъ ли „вѣрные“ участь пастыря? Они поспѣшили отвергнуть свою солидарность съ „преступленіями“, въ которыхъ конвентъ обвинилъ Робеспьера. Преступленія одного человѣка могутъ ли быть вмѣнены цѣлому якобинскому обществу? Но тогда конвентъ долженъ вмѣнить всѣ поступки падшаго диктатора прежде всего самому себѣ. Не онъ ли далъ согласіе на все, что впослѣдствіи было позоромъ террористовъ? Если послѣдніе акты Робеспьера были преступленіями, то въ нихъ было два соучастника—якобинцы и конвентъ.

Солидарность въ интересахъ, солидарность въ отвѣтственности за прошлое: эту связь трудно разорвать. Конвентъ еще боялся затронуть эти щекотливые вопросы, щадя самого себя. Ко всему этому присоединялся страхъ предъ роялистами—страхъ еще напрасный, такъ какъ возвращеніе „настоящихъ“ эмигрантовъ началось только съ ноября 1794 г. Но правительство съ положеніемъ неопредѣленнымъ боится всего. Несчастный случай далъ поводъ къ преувеличеннымъ слухамъ. Въ одномъ изъ пороховыхъ складовъ произошелъ взрывъ; много убитыхъ и раненыхъ. Кто произвелъ взрывъ, какъ не роялисты, какъ не враги республики, выпущенные изъ тюремъ по милости Тальена? Толки растутъ, Тальенъ долженъ оправдываться, принужденъ выйти изъ комитета общественнаго спасенія, куда онъ только-что поступилъ. Чрезъ нѣсколько времени, Тальенъ, проходя по глухой улицѣ, былъ слегка раненъ изъ пистолета. Его друзья стали кричать о якобинскомъ покушеніи. Враги утверждали, что „выстрѣлъ“—комедія, устроенная Тальеномъ по наущенію Кабарюсъ, ради пораженія якобинцевъ. Дѣло осталось неразъясненнымъ и разрѣшилось всеобщимъ смѣхомъ. Якобинцы торжествовали [1])

Скоро конвентъ доставилъ имъ новое торжество. Заслышавъ, что

---

[1]) У Зибеля случай этотъ разсказанъ иначе. По словамъ этого историка, Тальенъ былъ раненъ какимъ-то незнакомцемъ при входѣ въ свой домъ. Но это нисколько не измѣняетъ загадочности происшествія.

клубъ Бабёфа и весь Парижъ готовятъ петицію анти-террористическую, съ требованіемъ выборовъ и свободы печати, якобинцы изготовили другой адресъ (составленный въ Дижонѣ), съ ходатайствомъ объ увеличеніи правъ революціонныхъ комитетовъ. Адресъ требовалъ, чтобы предписаніе *каждаго* революціоннаго комитета имѣло обязательную силу на всемъ пространствѣ Франціи; приказъ объ арестѣ, изданный въ какомъ-нибудь ничтожномъ городкѣ, поражалъ обвиняемыхъ, гдѣ бы они ни жили. Такъ далеко не пошелъ бы и С.-Жюстъ. 5 сентября конвентъ принялъ депутацію съ почетомъ, выслушалъ всѣ предложенныя ею нелѣпости и препроводилъ ихъ на разсмотрѣніе законодательнаго комитета.

Иначе была встрѣчена петиція Бабёфа, представленная на другой день (6 сентября). „Президентъ собранія, Дюмонъ, разгромилъ петицію. Термидоріанцы, Фреронъ и Тальенъ, молчали. Депутацію не пригласили сѣсть, какъ это было въ обычаѣ. Рѣшенъ былъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Бильо-Вареннъ нашелъ, что это „недостаточно строго“. „Петиція была отправлена не въ законодательный комитетъ, а въ комитетъ безопасности, что пахло арестомъ... Дѣйствительно, „челобитчикъ“, читавшій петицію, былъ арестованъ.

Все было сдѣлано для примиренія, но оно не состоялось. Якобинцы, ободренные успѣхомъ, преувеличили его значеніе; конвентъ, поддержавшій знаменитое общество, ошибся въ его настроеніи. Конвенту казалось, что якобинцы ищутъ его защиты; послѣдніе полагали, что конвентъ можетъ опираться только на нихъ. Но важнѣйшая ошибка тѣхъ и другихъ состояла въ томъ, что они были мало знакомы съ настроеніемъ общества, преувеличивали свои силы.

Претензіи якобинцевъ увеличивались по мѣрѣ того, какъ умалялись ихъ силы и вліяніе. Внѣ своего клуба они могли располагать въ Парижѣ только знаменитымъ отрядомъ марсельцевъ, ихъ гвардіею. Между тѣмъ они грозились задушить реакцію и говорили о „милліонѣ“ *Сцеволъ*, съ милліономъ кинжаловъ, готовыхъ на защиту республики. Угрозы ихъ обратились и на союзниковъ, на конвентъ. Депутатъ и якобинецъ Дюгемъ (Duhem) припомнилъ выраженіе Робеспьера объ его врагахъ въ конвентѣ. „Пусть они поднимутъ голову, болотныя жабы (les crapauds du marais),—сказалъ онъ въ клубѣ,—тѣмъ лучше: тѣмъ легче будетъ ее отрѣзать!“ [1]). Чрезъ нѣсколько времени онъ повторилъ эту выходку въ самомъ конвентѣ, предъ самимъ „болотомъ“.

Якобинцы и особенно якобинки наводняли трибуны конвента, оскорбляли „реакціонеровъ“ и даже депутатовъ. Рѣчи прерывались

[1]) Робеспьеръ называлъ болотомъ *центръ* конвента.

дерзкимъ смѣхомъ и восклицаніями, въ родѣ: „смотри на это блѣдное лицо“, или: „видишь эту измѣнническую физіономію?“ и т. д. „Центръ“ начиналъ задумываться. Дюранъ-Малльянъ спрашивалъ, не представляетъ ли нѣкоторую опасность для свободы общество, покрывающее всю Францію? Термидоріанцы колебались. Но скоро всѣмъ колебаніямъ былъ положенъ конецъ.

V.

Легенда Каррье.

Пока конвентъ и якобинцы препирались о томъ, „кто кому нуженъ“, въ обществѣ готовился новый взрывъ, на этотъ разъ унесшій якобинцевъ въ вѣчность.

Въ тюрьмахъ были еще кое-какіе „остатки“, и остатки уже не безмолвные, но заявлявшіе рѣшительное желаніе возвратиться въ среду живыхъ людей. Таковы были сто-тридцать-два нантійца, засаженныхъ въ одну изъ парижскихъ тюремъ, неизвѣстно за что. Самъ Фукье-Тэнвиль не зналъ, что съ ними дѣлать. Хотя бы одна бумажка, хоть бы одинъ свидѣтель! Кромѣ того, всѣ сто-тридцать-два считались отличными патріотами; они боролись съ возставшею Вандеею, защищали Нантъ. Фукье въ изумленіи, но ничего не можетъ сдѣлать,—„ни во что не мѣшающійся“ Робеспьеръ зорко слѣдитъ за своими орудіями. Единственное средство спасти ихъ—предать забвенію. Такъ и поступилъ Фукье; онъ разсадилъ ихъ по разнымъ тюрьмамъ. Настало 9-е термидора и „процессъ“ 132 выплылъ наружу. Онъ заинтересовалъ массу въ высшей степени. Революціонный трибуналъ, составленный теперь изъ другихъ членовъ, произнесъ оправдательный приговоръ. Восторгъ былъ всеобщій. Но и не восторгъ только, а негодованіе. Кто послалъ на смерть 132 патріотовъ? Нантскій революціонный комитетъ. Кто направлялъ его дѣйствія? Каррье, полномочный коммиссаръ конвента, посланный на Луару для искорененія враговъ республики.

При этомъ имени „Каррье“ въ обществѣ рождаются страшныя воспоминанія. Давно уже ходили темные слухи о неистовствахъ нантской коммисіи. Вездѣ гильотина дѣйствовала хорошо. Фреронъ, Тальенъ, Тальеферъ, Лебанъ, Фуше доставляли ей работу. Но нантская легенда превосходила все остальное. Гильотина поѣдала женщинъ, старцевъ и дѣтей. Палачи и ихъ дюжіе помощники выбивались изъ силъ. Для сокращенія процедуры, „подозрительныхъ“ разстрѣливаютъ сотнями. Но и этого было мало. Смерть чрезъ „отсѣченіе головы“ или „разстрѣляніе“—все-таки обыкновенные способы

казни; они недостаточны для терроризованія враговъ республики. Правда, „разстрѣлянія“ имѣютъ дѣло теперь съ субъектами не совсѣмъ обыкновенными. Разстрѣливаютъ дѣтей, женщинъ съ грудными младенцами. Но и этого мало. Какъ ни страшенъ трескъ выстрѣловъ и видъ текущей крови, но мало ли къ чему не привыкаетъ человѣкъ? „Устрашеніе“ можетъ потерять свои средства; гильотина опошлится, сдѣлается общимъ мѣстомъ. Каррье идетъ, однако, на выручку гильотинѣ. Онъ выдумываетъ оригинальныя барки съ опускнымъ дномъ. На первый разъ на одной изъ такихъ барокъ отправилось 90 священниковъ, предназначенныхъ къ „депортаціи“. Какъ только барка вышла на середину рѣки, дно провалилось, и 90 священниковъ пошли на дно. 132 патріота были счастливѣе ихъ! „Приговоръ депортаціи,—доносилъ Каррье,—исполненъ *вертикально*“. Въ комитетѣ спасенія поймутъ, что это значитъ. Первый шагъ былъ удаченъ. Второй также; вторая „ноаяда“ унесла 138 человѣкъ. Каждое дѣло можно разнообразить. Комитетъ спасенія не будетъ имѣть ничего противъ. Людей (подразумѣвая подъ людьми и женщинъ) бросаютъ въ воду съ связанными руками, и помогаютъ имъ умирать посредствомъ града пуль, посылаемыхъ въ догонку. Женщины умоляютъ, чтобы съ нихъ не снимали по крайней мѣрѣ рубашки; онѣ, умирая, жаждутъ сохранить нѣкоторые „предразсудки“ своего пола. Матери умоляютъ палачей не бросать имъ вслѣдъ ихъ дѣтей. „Эти волченята могутъ сдѣлаться волками“, отвѣчаютъ имъ. Все это происходитъ пока ночью. Но „ноаяды“ теряютъ скромность и доставляютъ гражданамъ невиданныя увеселенія и днемъ. Женщинъ и мужчинъ, связанныхъ по-парно, бросаютъ въ воду; патріоты называютъ это „республиканскими браками“.

Такова была повѣсть, выслушанная жадною толпой на процессѣ 132. „Массы, неинтересовавшіяся политическими преніями, съ пламеннымъ участіемъ отнеслись къ процессу. Мужчины, женщины, дѣти, всѣ, отъ стараго до малаго, бредили ноаядами, видѣли по ночамъ туманную Луару, ея бездны и слышали крики медленно тонувшихъ. Во всемъ этомъ не было ничего подстроеннаго. Журналы того времени, даже Бабёфа и Фрерона, говорятъ о дѣлѣ довольно плоско. Конечно, не они потрясли до такой степени народное воображеніе. Весь народъ шелъ, бросался въ эти суды и разражался здѣсь плачемъ и рыданіями“ [1]).

Раздраженный народъ требовалъ мщенія. Но рука конвента долго не поднималась. Противъ кого поднялъ бы онъ ее, какъ не противъ самого себя? Неистовства Каррье возмущали человѣческое чувство.

---

[1]) Мишле, т. I, стр. 79 и слѣд.

Но Тальенъ, но Фреронъ—термидоріанцы—развѣ были агнцами въ Бордо и Тулонѣ? Самъ Фуше, будущій „министръ полиціи", не былъ ли въ числѣ кровожаднѣйшихъ коммиссаровъ конвента? Карье, можетъ быть, былъ лучше Фуше въ нравственномъ отношеніи. Онъ не былъ расчетливымъ и дѣлающимъ карьеру истребителемъ. Врядъ ли могъ онъ вообще вести какіе-нибудь расчеты. Онъ производилъ впечатлѣніе лунатика, „одержимаго". Его длинная, тощая фигура, судорожные тики, бѣшеная и несвязная декламація обличали человѣка „ненормальнаго". Притомъ, за самими гильотинирующими стояла угроза гильотины. Въ минуту общественной опасности, когда иностранное вторженіе грозило съ одной, а возстанія въ Ліонѣ и Вандеѣ съ другой стороны, конвентъ вотировалъ грозные, преисполненные кровавой декламаціи, декреты объ истребленіи враговъ республики. Декламація была въ духѣ времени, и „Анакреонъ гильотины", Барреръ, не скупился на выраженія. Но что̀ было дѣлать коммиссарамъ? Должны ли они примѣнять декреты „по точному и буквальному" ихъ смыслу, или, руководствуясь „общимъ ихъ духомъ", оставлять въ сторонѣ всѣ риторическіе обороты?

Но съ конвентомъ и его комитетами нельзя было шутить. Они не довольствовались формальнымъ исполненіемъ ихъ воли. Въ своемъ республиканскомъ экстазѣ, они требовали „цивизма", т.-е. *полной* гражданской доблести отъ каждаго гражданина. Кто не соединяетъ въ себѣ *всѣхъ* признаковъ республиканца, тотъ „подозрителенъ", а законъ о подозрительныхъ на лицо. Чего же требовать отъ „чистыхъ изъ чистыхъ", отъ членовъ конвента, да еще получившихъ полномочія на истребленіе враговъ республики? Они должны были ужаснуть своими дѣйствіями, чтобы доказать, что „воля пославшаго" ими исполнена. Никто не уклонился отъ этой обязанности „ужасать", но вотъ въ чемъ разница. Иные обманывали конвентъ, приписывая себѣ „ужасы", никогда ими не совершенные. Фреронъ разсказываетъ про себя слѣдующее. По взятіи Тулона, дано было приказаніе снести мятежный городъ съ лица земли. „Не зная,—говоритъ Фреронъ,—какъ различить невинныхъ отъ виновныхъ, мы [1]) составили жюри изъ патріотовъ; оно указало и осудило 250 человѣкъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я написалъ комитетамъ, что убито 800, и получилъ выговоръ за этотъ избытокъ человѣчности. Городъ надлежало снести. Я объявилъ и написалъ, что мною будетъ созвано 12,000 каменщиковъ. Это понравилось. Но я не сдѣлалъ ничего и не тронулъ ни одного дома". Коммиссары тщательно упрочивали за собою славу крово-

---

[1]) Фреронъ былъ въ Тулонѣ съ Баррасомъ, Салицетти и Робеспьеромъ-младшимъ.

пійцъ своею бѣшеною декламаціею и наружною яростью. Андре Дюмонъ писалъ такія письма изъ Амьена, что, судя по нимъ, онъ годился бы въ соперники злѣйшимъ янычарамъ. На дѣлѣ онъ совершалъ „избіеніе“ статуй, мощей, ракъ. По всей вѣроятности, многіе изъ ужасовъ террора выдуманы самими террористами.

Другіе (Колло-д'Эрбуа, Каррье, Вадье) оказались вѣрны духу и буквѣ декретовъ. Но была ли для конвента возможность накинуться на нихъ, осудить самого себя? Онъ могъ сказать, что декреты вотированы имъ по слабости, подъ давленіемъ комитетовъ. Но кто же сознается въ своей слабости? Конечно, не правительство, желающее продлить свое существованіе, нуждающееся въ упроченіи своего авторитета. Несмотря на грозу общественнаго негодованія, конвентъ держался долго. Только 13 октября онъ допустилъ процессъ нантскаго революціоннаго комитета, и только въ ноябрѣ дозволилъ судить Каррье.

Дѣйствительно, минута была серьёзна. Конвентъ попалъ въ безвыходное положеніе. Онъ осудилъ систему террора, т.-е. безпощадную политику „государственной необходимости“ (raison d'État), диктатуры во имя человѣчности и свободы. До сихъ поръ дѣло шло хорошо. Сторонники Робеспьера гибли при всеобщемъ сочувствіи. Но терроръ воплощался не въ одномъ робеспьеризмѣ. Волею-неволею, террором былъ самъ конвентъ, и ему предстояло осудить самого себя, открыть всему міру „государственныя тайны“ республики, оффиціально подтвердить всѣ темные слухи о неистовствахъ „коммиссаровъ“, сказать всему свѣту: „да, во имя республики, во имя началъ 1789 года, свободы, равенства и братства, совершены величайшія неистовства“. Такія признанія врядъ ли подъ силу какому бы то ни было правительству; они способны дискредитировать всякую систему.

„Людовикъ XI,—замѣчаетъ Кине,—дѣлалъ ли процессъ своему Тристану-Пустыннику? Валуа считалъ ли удары кинжала и ружейные выстрѣлы въ Вареоломеевскую ночь? Что̀ случилось бы съ Ришельё, еслибы онъ, изъ-подъ своей красной рясы, долженъ былъ показать потомству, каплю по каплѣ, кровь французскаго дворянства? Людовикъ XIV приказалъ ли своимъ исторіографамъ распространиться относительно убійствъ и проскрипцій временъ отмѣны нантскаго эдикта? Всѣ эти изгнанія, убійства были покрыты молчаніемъ и не безпокоили потомства“.

Конвентъ, какъ правительство, „желавшее жить“, понималъ, куда поведутъ „процессы“. Близорукіе понимали, что потерпитъ авторитетъ конвента; дальновидные предусматривали опасности для *республики*, съ которою отождествилъ себя конвентъ. Мишле предполагаетъ, что если бы конвентъ имѣлъ великодушіе сложить съ себя полно-

мочія въ сентябрѣ 1794 года, новые выборы были бы произведены въ республиканскомъ духѣ. Можетъ быть. Но, оставаясь на мѣстѣ, конвентъ роковымъ образомъ долженъ былъ спасать себя безпощаднымъ обличеніемъ своихъ коммиссаровъ, раскрытіемъ ужасающихъ подробностей террора, изъ которыхъ слагались страшныя народныя легенды, которыми пользовались ловкія перья де-Местра, Бональда и другихъ корифеевъ реакціи.

Термидоріанцы увидѣли, что 9-мъ термидора они сдѣлали мало. Для примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ имъ нужно было отличиться въ отместкѣ террору такъ же, какъ прежде они отличались въ терроризованіи. На первый разъ, однако, конвентъ думалъ удержаться, подавивъ, съ одной стороны, партію Бабёфа, съ другой— ослабивъ якобинцевъ, полагая, что якобинцы, *ослабленные*, не будутъ уже вызывать общественнаго озлобленія.

20 сентября Ленде внесъ въ конвентъ докладъ, требовавшій всеобщаго примиренія и забвенія; исключеніе было сдѣлано для „нѣкоторыхъ преступленій“,—легкій намекъ на то, что конвентъ готовъ пожертвовать Карье для успокоенія общественнаго мнѣнія. Послѣднее предполагали развлечь разными республиканскими празднествами. Устроили торжественное перенесеніе тѣла Марата въ Пантеонъ; устраивали театральныя зрѣлища въ республиканскомъ вкусѣ. Но примиреніе не удавалось. Конвенту приходилось подавить двѣ революціонныя силы: партію парижской коммуны, руководимую Бабёфомъ, —и якобинцевъ . Иначе онъ не могъ быть главою *умѣренной* республики, которой требовала Франція.

VI.

Ко дну.

Парижъ требуетъ выборовъ, якобинцы желаютъ сохранить свою гегемонію. Городъ собирался представить конвенту петицію, въ которой бы говорилось, что Парижъ готовъ защищать собраніе всѣми силами, но требуетъ для себя выборнаго общиннаго управленія и отмѣны обременительной системы реквизицій, ненужныхъ съ тѣхъ поръ, какъ война изъ оборонительной сдѣлалась наступательной. Конвентъ предупредилъ петицію. 28 сентября у клуба Бабёфа была отнята зала засѣданія, а 29 изданъ декретъ, по которому конвентъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ право назначенія должностныхъ лицъ. Исторія 6 сентября повторилась 28-го.

Но для союзниковъ требовалась иная тактика. Конвентъ еще

берегъ якобинцевъ. Свергнуть ихъ гегемонію — другое дѣло; но остаться безъ нихъ, не провозгласивъ въ то же время другихъ политическихъ принциповъ, невозможно. На первый разъ дѣло ограничивается нѣкоторымъ ослабленіемъ якобинской организаціи. Случай скоро представился. Одинъ изъ вожаковъ марсельскихъ якобинцевъ поговаривалъ о 2-мъ сентября. Правительство приказало его арестовать и привезти въ Парижъ. По дорогѣ онъ былъ освобожденъ вооруженными якобинцами. Конвентъ, по предложенію Тюрьо, объявилъ арестованнаго внѣ закона и, кромѣ того, приказалъ изгнать изъ Парижа такъ-называемыхъ марсельцевъ, служившихъ охранною стражей для якобинскаго клуба. Затѣмъ, комитетъ безопасности приказалъ сократить число членовъ въ 48-ми секціонныхъ комитетахъ. Во-первыхъ, число комитетовъ было сокращено съ 48 на 12; во-вторыхъ, число членовъ ихъ сократилось съ 300 на 36; эти 36 сдѣлались усердными слугами конвента.

Но каждый день приносилъ новыя доказательства въ пользу того, что конвентъ долженъ пожертвовать якобинцами, что ему необходимо провозгласить принципы новой республики, отличной отъ декларацiи Робеспьера. 2 октября „золотая молодежь“, граждане секціи Лепеллетье, иначе des Filles-Saint-Thomas, нагрянули въ конвентъ и совершили здѣсь внушительную демонстрацію. 4 октября якобинскіе члены конвента предложили уступку: они потребовали „очищенія“ парижскагоклуба. Но уступокъ было мало. Принципы, наконецъ, были провозглашены. 9 октября Камбасересъ, будущій архиканцлеръ имперіи, представилъ конвенту, отъ имени комитетовъ, адресъ, гдѣ, съ одной стороны, подвергались осужденію ультра-патріоты, говорящіе такъ много объ эшафотахъ, а съ другой—защитники коммунистическихъ идей. Адресъ напоминалъ, что ультра-патріоты держали въ своихъ рукахъ все, что многіе изъ нихъ были скупщиками (acquéreurs) и что можно бы потребовать отчета у этихъ „обогатившихся патріотовъ“. Затѣмъ адресъ провозглашалъ, что собственность священна. „Прочь отъ насъ эти системы безнравственности, лѣни, умаляющія ужасъ воровства и возводящія его въ доктрину“.

Этотъ двойной ударъ былъ направленъ какъ на якобинцевъ, такъ и на Бабёфа. Послѣдній, дѣйствительно, былъ арестованъ (25 октября); члены его клуба подверглись преслѣдованію, президентъ и секретари—заключенію, бумаги захвачены. Адресъ предназначался для успокоенія общественнаго мнѣнія. Но главный его врагъ — якобинцы еще были на лицо: Каррье, Бильо-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа еще были на свободѣ.

Умѣренный Парижъ требовалъ суда надъ нантскимъ комитетомъ, совершавшимъ ноаяды. 13 октября Мерленъ внесъ, наконецъ, пред-

ложеніе въ конвентъ. Собраніе вотируетъ отдачу подъ судъ. Новый процессъ, новое волненіе въ обществѣ, новая опасность для якобинцевъ. Собственный президентъ ихъ Дельмà (Delmas) видитъ необходимость дальнѣйшихъ уступокъ, обезоруженія грознаго общества. По предложенію его друзей, конвентъ воспретилъ всѣ сношенія между отдѣльными клубами и всякія коллективныя прошенія (16 октября).

Но народъ не смотрѣлъ на то, чтò происходило въ собраніи, и мало интересовался искусственными способами „спасти якобинцевъ, ослабивъ ихъ". Его вниманіе было приковано къ процессу нантскаго комитета; послѣдній, ради собственнаго спасенія, обратилъ его на конвентъ, т.-е. на Карье. Нантскій комитетъ думалъ сбросить тяжесть лежавшаго на немъ обвиненія на плечи бывшаго „коммиссара". Они исполняли только его приказанія; отвѣтственны ли орудія за дѣйствія машиниста? Все общество было какъ въ огнѣ. Конвентъ не могъ хранить молчанія и 29 октября (8 брюмера) назначилъ коммиссію изъ 21 депутата для разсмотрѣнія дѣйствій Карье.

Лунатикъ былъ въ большой опасности, и не онъ одинъ. „Точные" исполнители террористическихъ декретовъ почувствовали, что очередь дойдетъ и до нихъ. Если Карье, коммиссаръ, подвергнется осужденію, то какъ избѣгнуть преслѣдованія Бильо-Варенну, члену комитета спасенія? Остается отчаянное средство: поднять въ послѣдній разъ якобинскую армію. Бильо отправился въ клубъ и произнесъ угрожающую рѣчь. Но было уже поздно. Многими членами конвента овладѣвала, такъ-сказать, ярость раскаянія. Эта черта прекрасно подмѣчена Мишле. „Пусть,—говоритъ онъ,—глупцы пишутъ и говорятъ, что всѣ эти движенія были разыграны, что Лежандръ, что Фреронъ были только лицемѣры... Но сами они, скажутъ намъ, развѣ не проливали крови? О, бѣдные невѣжды сердца, природы человѣческой! Именно поэтому они и предавались теперь ярости. Видѣли ли вы главную картину тѣхъ временъ, большую картину Геннекена— *Орестъ въ рукахъ фурій?* Вотъ истинная идея эпохи. Многіе мучились, отчаявались отъ того, что они были жестоки отъ страха, обвиняли одинъ другого, разрывали другъ друга, кусались".

Накипѣвшая ярость разражалась грозными, трагическими движеніями. Лежандръ поднялъ противъ Бильо цѣлый конвентъ, негодовавшій уже за рѣчь, произнесенную послѣднимъ въ клубѣ якобинцевъ. Глядя на желтую, угрюмую физіономію Бильо, похожаго на кошку въ западнѣ, Лежандръ вдругъ закричалъ: „они говорятъ, что я требую ихъ головы... Народъ, будь мнѣ свидѣтелемъ! Напротивъ, я желалъ бы, чтобы Богъ осудилъ ихъ никогда не умирать!" Затѣмъ онъ опрокинулся на Карье. Картина ноаядъ развернулась предъ конвентомъ въ новомъ и страшномъ свѣтѣ. Въ порывѣ бѣшенаго красно-

рѣчія, Лежандръ звалъ въ свидѣтели Луару и самый океанъ, устрашенный такимъ количествомъ крови и оскверненный до такой степени, что подъ тропиками нельзя уже было совершать классическаго „крещенія“ [1]). Конвентъ замолкъ отъ ужаса. Казалось, что багровая и окровавленная Луара заливаетъ скамьи... Пока Лежандръ гремѣлъ въ конвентѣ, Фреронъ свирѣпствовалъ въ своемъ журналѣ. Для образчика его краснорѣчія стóитъ привести одно мѣсто, написанное нѣсколько позже (31 декабря). противъ „четырехъ“, т.-е. Колло-д'Эрбуа, Бильо-Варенна, Вадье и Баррера. „Ему видится громадный амфитеатръ, гдѣ возсѣдаетъ вся Франція и воздвигнуто четыре эшафота для нихъ. Народъ судитъ. Для обвиненія является сначала толпа плачущихъ сиротъ; за ними слѣдуетъ толпа вдовъ. Потомъ, сколько отцовъ и матерей! Всѣ требуютъ своихъ. Обвиняетъ сама Франція; торговля, искусства, города уничтожены, свобода похищена. Народъ готовъ уже осудить четырехъ. Стойте, кричитъ одинъ голосъ:—вы забываете самое ужасное. Сколько невинныхъ гильотинировано прежде своего рожденія! Сколько убито беременныхъ женщинъ! Младенцы жили еще по смерти мужей, двигались послѣ казни въ утробѣ матери. Они были варварски задушены въ могилѣ. Народъ разражается рыданіями и хочетъ разорвать чудовищъ. Но небо не допускаетъ человѣческаго правосудія; ударъ молніи обращаетъ ихъ въ прахъ и кровавый дождь наводняетъ устрашенный амфитеатръ“...

Такія „видѣнія“ не были успокоительны для якобинцевъ. Но они приняли вызовъ и стали горой за Карръе. Это погубило ихъ окончательно. 11 ноября было роковымъ днемъ и для Карръе, и для нихъ. Уже раньше общественное негодованіе дало имъ себя почувствовать. Якобинцевъ и якобинокъ оскорбляли на улицахъ. 9 ноября „золотая молодежь“ проникаетъ уже въ „святая святыхъ“, т.-е. въ клубъ. Сначала нѣсколько десятковъ дюжихъ молодцовъ помѣстились на улицѣ С.-Онорѐ, подлѣ дверей клуба, и сопровождали входившихъ якобинокъ разными замѣчаніями, въ родѣ: „иди-ка домой, бездѣльница“, и т. п. Затѣмъ, нѣкоторые проникли въ залу засѣданій и усѣлись между женщинами. Пренія уже начались. Дѣло шло, конечно, о Карръе. Жаркіе якобинцы доказывали, что тронуть Карръе значитъ тронуть якобинцевъ. Мало-по-малу началась ссора, кончившаяся дракой. Незваныхъ гостей вытолкали за дверь и заперли ее; но большая толпа ломилась уже извнѣ. Кулачный бой перешелъ на улицу. Якобинкамъ, „фуріямъ гильотины“, какъ ихъ называли, досталось отъ „золотой молодежи“. Ихъ ловили и сѣкли.

---

[1]) Baptême de ligne или de tropiques, особая церемонія, совершаемая при переходѣ кораблей черезъ тропики.

Якобинцы снова укрылись въ залу засѣданій. Прибытіе стражи и депутатовъ конвента дозволило якобинцамъ обоего пола ретироваться болѣе или менѣе благополучно. Только одна, слишкомъ смѣлая якобинка, подвергалась оскорбленію. Не побоямъ, нѣтъ: ее, такъ-сказать, заласкали.

Зала якобинцевъ не опустѣла, однако, совершенно. Наиболѣе усердные остались слушать рѣчи Бурдона въ пользу Карье; ораторъ говорилъ на немного странную теперь тему, что „якобинцы должны спасти народъ“ противъ собственной его воли. Это неожиданное предложеніе разогнало многихъ, не возвратившихся уже въ клубъ.

Якобинцы не остались безъ защитниковъ въ конвентѣ, но защитниковъ не сильныхъ. Заговорилъ Дюгемъ; но конвентъ помнилъ недавнее его предложеніе „отрѣзать головы у болотныхъ лягушекъ“. Дюруа порицалъ конвентъ за недостаточное покровительство якобинцамъ и требовалъ возобновленія состава комитета безопасности. Предложеніе было выслушано холодно. Рёбель (Rewbell), предсѣдатель комитетовъ, замѣтилъ, что „якобинцы получили должное. Они виновники всѣхъ несчастій. Необходимо закрыть это общество на время“.

Общество закрылось не „на время“. Сами якобинцы доконали его. На другой день послѣ извѣстной намъ свалки они принялись кричать, что „сестры ихъ были изнасилованы и опозорены“. Парижъ отвѣчалъ смѣхомъ. Насталъ роковой вечеръ 11 ноября. Въ этотъ день комитетъ, назначенный по дѣлу Карье, долженъ былъ дѣлать свой докладъ. Къ 7 часамъ клубъ началъ наполняться якобинками, негодовавшими на „умѣренность“ мужчинъ. Послѣдніе оставались во дворѣ, ожидая вѣстей изъ конвента.

Вѣсти, наконецъ, пришли. Даже „гора“ отказалась отъ Карье. Конвентъ приказалъ его арестовать. Якобинцы бросились въ клубъ. Въ эту минуту опасности, они захотѣли въ послѣдній разъ взглянуть на свои „принципы“. Приказали читать „декларацію правъ человѣка“. Во время чтенія раздались крики: шапки долой! Но въ средѣ „вѣрныхъ“ были уже и „невѣрные“. Раздалась „марсельеза“, но другіе голоса запѣли „пробужденіе народа“. Диссонансъ оглушающій, но скоро потерявшійся въ общемъ хорѣ.

Въ восьмомъ часу дворъ былъ наводненъ толпою, кричавшею: „долой якобинцевъ!“ Женщины были въ страшномъ испугѣ. Что дѣлать? Одни предлагаютъ защищаться, другіе уйти. Началась свалка, прекращенная появленіемъ войска, сдержавшаго „золотую молодежь“.

Якобинцы заперлись въ залѣ и открыли засѣданіе. Но положеніе ихъ не сдѣлалось отъ того лучше. *Своихъ* силъ у нихъ уже не было.

Не было дюжихъ марсельцевъ, охранявшихъ „церковь“, да и сама церковь не насчитывала многихъ вѣрующихъ. Оставалась одна надежда, одно средство—обратиться къ Парижу, къ предмѣстьямъ, когда-то слушавшимся ихъ властнаго голоса. Послали ораторовъ въ секціи, въ „городъ“, въ С.-Антуанское предмѣстье. Ничего. Парижъ не двинулся.

Выходите якобинцы обоего пола! Началась послѣдняя процессія. Якобинцы и якобинки попарно выходили изъ залы. Войска сплошными колоннами стояли съ двухъ сторонъ. „Представители“ разъѣзжали, успокоивая народонаселеніе. Толпа провожала уходившихъ якобинцевъ проклятіями, но не могла учинить никакой, болѣе существенной расправы. Улицы были полны до трехъ часовъ утра. Наконецъ, двери клуба были заперты и запечатаны. Старый монастырь, упраздненный нѣкогда якобинцами, снова упразднился. Много лѣтъ въ немъ отправлялась служба въ честь Бога христіанскаго; потомъ стали отправлять службу богинѣ Разума; потомъ замаскированному „высочайшему существу“. Что же теперь?

VII.

Поживемъ!

Бабёфъ арестованъ, якобинцы запечатаны, умѣренные принципы провозглашены. Конвентъ отдѣлался отъ 1793 года, старался примириться со всѣмъ, что было оскорблено во дни террора. Примиреніе стоило ему большихъ нравственныхъ усилій надъ собою. Идти на мировую съ тѣми, кого осудили террористы, значило признаться въ своей слабости, въ своемъ ничтожествѣ предъ „комитетами“. Правда, у конвента были нѣкоторыя средства показать, что „примиреніе“ было актомъ не слабости, а великодушія. Внѣшнія дѣла шли хорошо. Войска республики торжествовали надъ войсками коалиціи. Внутри авторитетъ конвента не оспаривался никѣмъ [1]). Правительству не было уже основанія идти путемъ революціоннымъ, опираясь на одну партію. Настала минута обратиться въ правительство *національное*, всенародное. 9-е термидора не было ли протестомъ противъ революціонной диктатуры комитетовъ, поработившихъ конвентъ? Если такъ,

---

[1]) Только не оспаривался. Приверженность къ конвенту народонаселенія въ провинціяхъ была крайне сомнительна. Послѣ столькихъ политическихъ бурь, массы сдѣлались равнодушны ко всѣмъ формамъ правленія, хотя при появленіи правительственныхъ агентовъ продолжали кричать: „да здравствуетъ республика“.

то гдѣ же основаніе держать въ заключеніи депутатовъ, исключенныхъ изъ конвента послѣ 31-го мая 1793 г., т.-е. послѣ паденія „жиронды"? Что сдѣлали эти 73 депутата? Они протестовали противъ насильственнаго исключенія „жиронды", отстаивали начало неприкосновенности народныхъ представителей, т.-е. сдѣлали то, что впослѣдствіи съ бо̀льшимъ успѣхомъ совершили термидоріанцы. Гдѣ основаніе продолжать ихъ опалу?

Они были, говорятъ, союзниками „жиронды", а жирондисты осуждены за федерализмъ, за намѣреніе разбить политическое единство Франціи. Но справедливо ли это обвиненіе? „Въ неизданныхъ замѣткахъ террориста Ленде́,—говоритъ Мишле.—я читаю, что послѣ термидора, въ сентябрѣ 1794 г., онъ сдѣлалъ въ тишинѣ комитетовъ слѣдующее печальное признаніе: *никогда жирондисты не думали о раздробленіи Франціи.* Комитеты вздрогнули и попросили его молчать. У всѣхъ сжалось сердце. Каждый сказалъ: „я солгалъ: я пролилъ кровь неповинную"...

Осужденіе жирондистовъ было, можетъ быть, актомъ политической необходимости, какъ партіи, парализовавшей революціонную энергію, необходимую при внѣшнихъ и внутреннихъ опасностяхъ, грозившихъ республикѣ. Но что̀ такое „политическая необходимость", какъ не результатъ временныхъ обстоятельствъ, преходящихъ и забываемыхъ? Забываемыхъ особенно въ эпохи страшнаго народнаго напряженія, когда недѣли должно считать за годъ. „Конвентъ,—говоритъ Мишле,—прожилъ цѣлый вѣкъ. Его члены сдѣлались столѣтними старцами". Гдѣ же имъ было помнить всѣ „политическія необходимости",—имѣвшія смыслъ въ 1793 году, т.-е. за годъ съ небольшимъ по общепринятому счету, а за нѣсколько десятковъ лѣтъ по обстоятельствамъ эпохи? Когда политическая необходимость забыта, остается вопросъ о справедливости. А передъ справедливостью исключеніе 73-хъ нельзя было оправдать. Притомъ настала другая „необходимость": примирить партіи, укрѣпить себя во всеобщемъ довѣріи, призвать на службу республики людей всѣхъ республиканскихъ оттѣнковъ. 8-го декабря конвентъ возстановилъ 73-хъ въ ихъ правахъ, принялъ ихъ въ свою среду.

Состоялось ли примиреніе, соединеніе партій? Это мы увидимъ впослѣдствіи. Но пока готовился медовый мѣсяцъ умѣренной республики. Крики якобинцевъ уже не запугивали общество, желавшее жить и пожить.

Мишле приводитъ замѣчательный устный разсказъ одного изъ своихъ знакомыхъ, современниковъ этой эпохи.

„Якобинцы,—разсказывалъ онъ,—столько говорили о смерти, что съ закрытіемъ казалось, что самая смерть упразднена, что умирать

больше не будутъ. Намъ казалось, что мы родились въ этотъ день, что мы молоды, останемся молодыми и никогда не состарѣемся. О прошлыхъ годахъ уже не заботились. Все прошедшее потускнѣло. Нынѣшніе люди глупы, думая, что мы были ретрограды. Нѣтъ, мы были въ настоящемъ. Конечно, былъ какой-то „старый порядокъ". Вчера былъ кризисъ террора. Но мы охотно бросали въ глубокое забвеніе и терроръ и монархію".

Никто не понялъ и не описалъ этой минуты, когда не было уже убійственныхъ якобинцевъ и не совершилось еще шумное возвращеніе эмигрантовъ, язвительныхъ и нахальныхъ, мстительныхъ и дерзкихъ. Ссоры, дуэли возвратились только съ ними, въ 1795 году. Въ 1794 году не было никакой аристократической гордости. Всѣ классы смѣшались. Партіи (исключая немногихъ лицъ) сближались. Въ конвентѣ, многіе изъ самыхъ свирѣпыхъ переходили черезъ залу и садились на правой сторонѣ среди враговъ своихъ. Они казались болѣе тронутыми горестью, жалостью ко всему, что́ пострадало, чѣмъ „центръ".

Франція какъ бы воскресла и „прощала вся воскресеніемъ". Самые враги не поднимали еще главы; остатки „стараго порядка" замѣшались въ толпѣ и несчастіями своими возбуждали всеобщее состраданіе. „Такая-то графиня шила рубашки. Такая-то маркиза занималась штопаньемъ. Другія смиренно предлагали уроки музыки, или принуждали васъ позволить снять вашъ портретъ. Но часто ихъ маленькіе „talents d'agrément", нѣкогда столь восхитительные, теперь подвергнуые серьёзнымъ испытаніямъ, стоили имъ грубыхъ комплиментовъ. Послѣ долгихъ хожденій по грязи, дурно принятыя, дурно оплаченныя, онѣ съ плачемъ возвращались на свой чердакъ ѣсть черствый хлѣбъ".

Понятно, что имъ не было резону напоминать о старомъ порядкѣ. Онѣ жили съ народомъ, съ нимъ же и веселились. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1794 года, онѣ вмѣстѣ съ другими являлись на республиканскіе балы, въ своемъ единственномъ бѣломъ платьицѣ. Здѣсь находили онѣ себѣ и жениховъ, благо страсть женитьбы овладѣла всѣми. Мерсье свидѣтельствуетъ, что никогда не было столько браковъ, какъ послѣ террора. Женились безъ расчета, по страсти, не справляясь „о приданомъ". Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ террора, улицы Парижа были запружены дѣтьми; ихъ было больше, чѣмъ взрослыхъ. Все это плодъ браковъ, заключенныхъ въ 1794 г. Всѣ какъ будто старались забыть время испытаній и насладиться настоящимъ. Стѣны покрылись сотнями разноцвѣтныхъ афишъ, возвѣщавшихъ о разнообразнѣйшихъ увеселеніяхъ. Тысячи танцовальныхъ вечеровъ манили молодежь, и не одну молодежь. Танцовали въ вос-

поминаніе „гильотинированныхъ“ и называли эти балы „балами жертвъ“ (bals des victimes). Каждый классъ имѣлъ своихъ жертвъ; бывшіе аристократы, можетъ быть, даже меньше, чѣмъ люди изъ народа. Здѣсь сближались эти классы въ общемъ чувствѣ состраданія, въ общемъ взрывѣ жизни.

Шумъ новой жизни оглушалъ на улицахъ и дорогахъ. Рестораны наполнены, трактиры полны прохожими, дилижансы снуютъ во всѣ стороны. Торговля оживаетъ по-немногу. Всѣ ловятъ минуты, всѣ живутъ настоящимъ. Но что́ такое настоящее? Вагонъ мчитъ путешественника, засмотрѣвшагося на мирный, веселый сельскій пейзажъ. Его привлекаютъ эти бѣлые домики, утонувшіе въ землѣ, эти пестрѣющіе луга, эта свѣтлая, искрящаяся рѣка. Но вагонъ неумолимо летитъ впередъ. Вдали обрисовываются уже контуры грозныхъ скалъ, съ бѣшеными водопадами, вершины горъ съ вѣчными снѣгами, темнымъ лѣсомъ, а за ними, можетъ быть, безплодная пустыня. Оглушительный шумъ новой жизни покажется журчаніемъ ручья передъ грядущимъ барабаннымъ боемъ, ревомъ пушекъ, стономъ умирающихъ. Можетъ быть, всѣ эти дѣти, зачатыя въ 1794 году, будутъ оплакивать своихъ отцовъ и братьевъ, ушедшихъ на новый „покосъ“, болѣе существенный, чѣмъ покосъ, произведенный террористами. Они увидятъ войну нескончаемую, Францію уничтоженную и эмигрантовъ не въ „бѣлыхъ платьицахъ“, а во всемъ величіи нахальства, со всѣми претензіями „стараго порядка“.

Но это время еще впереди. Еще Наполеонъ проживаетъ въ Парижѣ въ качествѣ опальнаго генерала; Гошъ еще не умеръ, войска еще служатъ республикѣ и не сотворили себѣ кумира. Эмигранты, съ ихъ Людовикомъ XVIII, еще скитаются по Европѣ, забытые и презираемые. Конвенту пока развязаны руки. Онъ можетъ дать Франціи республиканскую конституцію и выполнить замыслы, отложенные въ 1793 году до „болѣе удобнаго времени“. Если Франція живетъ однимъ настоящимъ, то не подумаетъ ли конвентъ о будущемъ?

НАТУРАЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРІИ.

НАТУРАЛИЗМЪ ВЪ ИСТОРІИ.

(H. Taine, *Les origines de la France contemporaine*. II. *La Révolution*.)

Всѣмъ еще памятно впечатлѣніе, произведенное первымъ томомъ сочиненія Тэна, посвященнымъ „старому порядку". Отъ только-что вышедшаго второго тома, посвященнаго *революціи*, слѣдуетъ ожидать еще бо̀льшаго впечатлѣнія и, притомъ, различнаго, во всѣхъ смыслахъ. Люди, привыкшіе видѣть въ великой французской революціи зарю новой политической жизни Европы, будутъ непріятно поражены картиною внутренней жизни, нарисованною Тэномъ густыми красками и рѣзкими чертами. Нѣтъ сомнѣнія, что эта картина подѣйствуетъ и пріятно на весьма многихъ. Говоря словами Карамзина, многіе и многіе „мигософы" восторжествуютъ. Одни признаютъ въ Тэнѣ чуть не врага современной культуры, реакціонера, врага свободы. Другіе примутъ его въ свои объятія, какъ обличителя революціонной „canaille", друга порядка и всякихъ основъ. Но и тѣ, и другіе будутъ глубоко неправы. Тэнъ остался и останется *ученымъ*, производящимъ свои изслѣдованія при помощи опредѣленной методы и неотвѣчающимъ за результаты своего изслѣдованія. Для того, чтобъ понять Тэна, необходимо обратиться не къ его личнымъ взглядамъ, а къ его *методѣ*.

Мы постараемся сдѣлать это. Желаніе наше обратить вниманіе читателей на путь къ разумѣнію Тэна весьма понятно. Его книга прочтется многими; можно сказать, что она побываетъ въ рукахъ у каждаго образованнаго человѣка. По массѣ сообщаемыхъ ею фактовъ, по таланту изложенія, по множеству мѣткихъ замѣчаній, она достойна всякаго вниманія. Но необходимо, чтобъ она принесла дѣйствительную *пользу* читающему обществу. Было бы очень грустно, еслибъ одни, въ порывѣ негодованія, бросили ее подъ столъ, а другіе сдѣлали бы изъ нея евангеліе реакціи. Зная методу писателя, мы

будемъ знать, чего можно требовать отъ его книги и что̀ можно въ ней найти для своего поученія.

Тэнъ хочетъ быть *натуралистомъ въ исторіи*—вотъ его задача и претензія, которой онъ не только не скрываетъ, но которую постоянно выставляетъ на показъ, хвалится ею, какъ своимъ отличительнымъ качествомъ. Каждый, кто прочелъ его исторію англійской литературы (а кто же не читалъ ея?), помнитъ, ка̀къ онъ объясняетъ свою естествоиспытательную методу во введеніи къ этой книгѣ. Въ новомъ своемъ сочиненіи онъ остается вѣренъ тѣмъ же пріемамъ. Вотъ что̀ онъ говоритъ во введеніи къ первому тому этого труда:

„Что̀ такое современная Франція? Для отвѣта на этотъ вопросъ, должно знать, ка̀къ *образовалась* эта Франція, или, что̀ еще лучше, присутствовать въ качествѣ *зрителя* при ея образованіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія, подобно *насѣкомому*, она подвергается *превращенію* (метаморфозѣ). Ея старая организація распадается; она сама раздираетъ самыя драгоцѣнныя ткани и падаетъ въ конвульсіяхъ, которыя кажутся смертельными. Потомъ, послѣ многократныхъ подергиваній и тяжкой летаргіи она выпрямляется. Но ея организація уже не та: вслѣдствіе глухой внутренней работы, новое *существо* заняло мѣсто стараго... Я постараюсь *съ точностью описать* эти три *состоянія*—старый порядокъ, революцію, новый порядокъ. Осмѣливаюсь заявить, что я не имѣю другой цѣли: пусть позволятъ историку дѣйствовать подобно *натуралисту*; я стоялъ предъ моимъ предметомъ, какъ предъ метаморфозою насѣкомаго“ (*L'ancien régime*, pp. IV, V).

Итакъ, Тэнъ относится къ революціи, какъ къ опредѣленному *естественному процессу*, совершившемуся въ опредѣленномъ существѣ, и существо это—Франція. Уже однимъ этимъ указывается, чего мы не можемъ искать въ его книгѣ. Если Тэнъ видитъ во французской революціи извѣстный „процессъ“, совершившійся спеціально въ тѣлѣ Франціи, то, очевидно, онъ не можетъ разсматривать эту революцію, какъ *всемірно историческое* явленіе, имѣвшее огромное значеніе для всей Европы. Дѣйствительно, Тэнъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ *эту* сторону революціи. А съ *исторической* точки зрѣнія именно эта сторона имѣетъ важное значеніе, и вотъ почему: революція не была *только* „естественнымъ процессомъ“, совершившимся въ тѣлѣ французскаго народа. Революціи предшествовала выработка извѣстнаго цикла *идей*, ставшихъ въ той или другой степени достояніемъ всего круга европейскихъ народовъ. Сама Франція, провозгласившая эти идеи, не воспользовалась ими вполнѣ; лучше сказать, она не воспользовалась ими сразу. До настоящаго времени она не исчерпала ихъ вполнѣ; до настоящаго времени, въ минуты

усталости, отчаянія или радости, она обращается къ 1789 году, какъ къ исходной точкѣ своего современнаго развитія. Вотъ что оставлено авторомъ въ сторонѣ; съ *исторической* точки зрѣнія, это большая ошибка. Но въ этомъ виноватъ уже не авторъ, а его метода—онъ хотѣлъ остаться *только натуралистомъ*.

Сдѣлаемъ еще одинъ шагъ по этому пути. Авторъ видитъ въ революціи извѣстный „процессъ". Но какой? Тэну хочется сравнить его съ процессомъ превращенія насѣкомаго: червякъ, куколка, бабочка—процессъ физіологическій. Но книга, написанная имъ, пока производитъ впечатлѣніе „точнаго описанія" процесса *патологическаго*, даже больше того: процесса смерти и разложенія. Читая первый томъ, мы присутствуемъ при описаніи смерти „стараго порядка"; во второмъ, доведенномъ до конвента 1793 года—при разложеніи трупа. Страшно читать этотъ томъ! Синѣетъ и смердитъ трупъ; ткани разлагаются; кости обнажаются, и съ дикимъ воемъ пляшетъ надъ нимъ разнузданная чернь, точно бѣсовскій хоръ надъ тѣломъ нераскаяннаго грѣшника... Но гдѣ же признаки жизни? гдѣ въ этомъ „процессѣ" элементы обновленія? Аристократія бѣжитъ, національное собраніе не вѣдаетъ, что творитъ, дикая и разнузданная толпа въ изступленіи безчинствуетъ. Гдѣ же животворящій духъ? Тэнъ не открылъ его ножичками и щипчиками „естествоиспытателя". Можетъ быть, онъ откроетъ его въ слѣдующихъ томахъ. Посмотримъ; но теперь сомнѣваемся, и сомнѣніе наше основано на заключительной главѣ разсматриваемаго тома. Описавъ припадокъ бѣлой горячки, охватившей Францію съ 1789 по 1792 годъ, охарактеризовавъ это время, какъ періодъ „веселаго помѣшательства" (délire joyeux), Тэнъ заканчиваетъ томъ слѣдующею страницею, которую здѣсь полезно выписать вполнѣ:

„Есть,—говоритъ онъ,—странная болѣзнь, встрѣчающаяся, обыкновенно, въ бѣднѣйшихъ частяхъ города. Рабочій, изнеможенный работою, бѣдный, дурно накормленный, началъ пить. Онъ пьетъ каждый день и каждый разъ все болѣе крѣпкіе напитки. Чрезъ нѣсколько лѣтъ его нервный аппаратъ, уже истощенный голодомъ, возбужденъ чрезъ мѣру и разстраивается. Наступаетъ минута, когда мозгъ, пораженный внезапнымъ ударомъ, перестаетъ руководить машиною. Напрасно онъ приказываетъ—его болѣе не слушаютъ; каждый членъ, каждое сочлененіе, мускулъ, дѣйствуя сами собою и для себя, конвульсивно вздрагиваютъ въ безпорядочныхъ судорогахъ. Между тѣмъ, человѣкъ веселъ; онъ воображаетъ себя милліонеромъ, королемъ, который всѣми любимъ и которому всѣ удивляются; онъ не чувствуетъ зла, которое онъ себѣ дѣлаетъ, не понимаетъ даваемыхъ ему совѣтовъ, отказывается отъ предлагаемыхъ ему лѣкарствъ,

поетъ и кричитъ цѣлые дни и особенно пьетъ больше, чѣмъ когда-нибудь. Но, наконецъ, его лицо омрачается, и глаза наливаются кровью. Радужныя видѣнія уступили мѣсто чернымъ и чудовищнымъ призракамъ; онъ видитъ вокругъ себя только угрожающія фигуры измѣнниковъ, скрывающихся, чтобъ внезапно напасть на него, убійцъ, поднимающихъ руку, чтобъ его задушить, палачей, приготовляющихъ ему муки, и ему кажется, что онъ идетъ въ лужѣ крови. Тогда онъ кидается и, чтобы не быть убитымъ, убиваетъ. Нѣтъ человѣка опаснѣе его: изступленіе поддерживаетъ его, силы его чрезвычайны, движенія внезапны, и онъ переноситъ безъ всякаго вниманія бѣдствія и раны, подъ которыми палъ бы человѣкъ здоровый. *Такова и Франція*, истощенная лишеніями при старомъ порядкѣ, опьяненная скверною водкою „Contrat social" и двадцатью другими подмѣшанными и жгучими напитками, потомъ внезапно пораженная параличемъ головы: она тотчасъ падаетъ всѣми своими членами, вслѣдствіе безпорядочнаго дѣйствія и судорожныхъ движеній всѣхъ своихъ разстроенныхъ органовъ. Теперь она прошла періодъ изступленія веселаго (1789—1792 годы) и готова войти въ періодъ изступленія мрачнаго. Она уже способна дерзнуть на все, все вынести и все совершить—неслыханные подвиги и отвратительныя варварства, какъ только ея вожди, столь же омраченные, какъ и она сама, укажутъ ея ярости врага или препятствіе".

Такова эта *психопатологія* революціи. Мы намѣренно привели такую длинную выписку. Во-первыхъ, она оправдываетъ наши замѣчанія относительно взгляда Тэна на характеръ процесса, совершавшагося въ организмѣ французской націи. Во-вторыхъ, она заключаетъ въ себѣ квинтэссенцію всего его труда. По прочтеніи всей книги и ея заключительныхъ словъ, становится непонятнымъ, какимъ образомъ конечнымъ результатомъ такого процесса явилась жизнь, а не смерть, какимъ образомъ „изнеможенное тѣло пьянаго и изступленнаго человѣка", опоенное ядомъ contrat social, нетолько удержалось среди живыхъ тѣлъ, но сдѣлалось могущественнымъ орудіемъ обновленія Европы. Сѣмена жизни скрыты отъ глазъ наблюдателя; напрасно среди всеобщаго разрушенія и разложенія будетъ онъ искать живыхъ побѣговъ и молодой травы. Вотъ въ чемъ односторонность книги Тэна и вотъ гдѣ причина этой односторонности.

Несмотря на все это, она имѣетъ великое значеніе и достойна самаго внимательнаго изученія. Читатель, знающій, чего ему искать въ книгѣ Тэна, найдетъ въ ней много поучительнаго. При умѣломъ обращеніи съ фактами, столь обильно сообщаемыми авторомъ, самые рѣзкіе и односторонніе его выводы получаютъ огромное значеніе.

Объяснимся. Французская революція есть всемірно-историческій

процессъ, начавшійся задолго до XVIII-го столѣтія, совершившійся не въ одной Франціи и незакончившійся событіями 1789—1799 годовъ. Корней французской революціи должно искать и въ реформаціи, и въ общемъ движеніи философскихъ и научныхъ идей, и въ политическихъ движеніяхъ какъ Англіи XVII-го, такъ и Америки XVIII-го вѣковъ. Въ концѣ прошлаго вѣка, этотъ процессъ изъ *мѣстнаго*, какимъ онъ былъ для Англіи и Америки, сдѣлался всеевропейскимъ во Франціи и чрезъ Францію, умѣвшую обобщить новыя формулы и популяризовать ихъ всякими средствами. Эта сторона дѣла, какъ мы уже замѣтили. упущена изъ вида Тэномъ. Но потомъ остается другая сторона: *непосредственное дѣйствіе новыхъ идей на Францію*, когда она взялась за *свое* перерожденіе въ концѣ XVIII-го вѣка. Здѣсь этотъ процессъ, при данныхъ условіяхъ французской исторіи и по качеству дѣйствовавшихъ въ ней силъ, долженъ былъ получить характеръ патологическій, который только современемъ и подъ вліяніемъ великихъ усилій уступилъ мѣсто процессу физіологическому.

Старый порядокъ держался на королевской прерогативѣ и вліяніи привилегированныхъ классовъ. Эти историческія силы постепенно вымирали, вывѣтривались, такъ сказать, и процессъ этого вымиранія превосходно изображенъ Тэномъ въ первомъ томѣ его труда. Уединенные отъ народа, замкнувшіеся въ свой заколдованный мірокъ, жившіе церемоніями, пріемами, выѣздами, праздниками, мечтательными интересами, дворъ и привилегированные классы потеряли всякую способность къ практическому дѣйствію, а тѣмъ болѣе къ *управленію*. На сценѣ оставался народъ, сила нетронутая, но и опасная. Оставленный въ теченіе вѣковъ безъ всякаго попеченія, безъ средствъ умственнаго и нравственнаго воспитанія, обремененный налогами и феодальными повинностями, нищій и грубый, привыкшій къ состоянію полнаго безправія, а потому готовый самъ злоупотреблять своею силою, никогда и нигдѣ невидѣвшій къ себѣ состраданія, а потому самъ неспособный къ жалости, этотъ народъ, оставленный въ положеніи *стихійной силы*, готовился выступить на историческую сцену *безъ руководителя*. Правда, у него были руководители; но что̀ могли они сдѣлать? Лишенные всякаго политическаго опыта, знавшіе о свободныхъ учрежденіяхъ изъ книгъ и по наслышкѣ, видѣвшіе въ политикѣ только идеи въ ихъ отвлеченныхъ формулахъ, а въ прошломъ Франціи только злоупотребленія, экзальтированные одновременно и новыми идеями, и чувствомъ ненависти къ старому порядку, они могли руководить народомъ не своимъ опытомъ, не своими практическими способностями, а именно силою своей *экзальтаціи*. Горе имъ, если на одну минуту они „охладѣютъ“ и попы-

таются внести въ бурный потокъ силу умѣряющаго расчета, чувство мѣры! Они „отстанутъ“ отъ движенія, они обращаются въ реакціонеровъ, въ аристократовъ, а реакціонерамъ уже указано мѣсто на гильотинѣ. Она съѣстъ Барнавовъ, Петьоновъ, Верньо, Дантона, Камилла Демулена и цѣлый легіонъ народныхъ вождей. Пока Дантонъ былъ только страстью, онъ стоялъ впереди. При малѣйшей попыткѣ сдѣлаться разумомъ, онъ „отсталъ“ и остался безъ головы. Владычество въ революціяхъ дается только этою цѣною—превосходить страстью и смѣлостью выводовъ всѣхъ соперниковъ. Робеспьеръ побѣдилъ учредительное собраніе, собраніе законодательное, конвентъ этимъ способомъ. Революція нашла въ немъ свое крайнее выраженіе—l'expression la plus simple. Онъ и дѣлалъ свое дѣло, пока сила экзальтаціи была жива въ народѣ. Но при малѣйшихъ признакахъ утомленія предъ возрождавшеюся потребностью жить обыкновенною гражданскою жизнью, изо дня въ день и не оглядываясь на гильотину, онъ палъ свергнутый уже не гигантами революціи, а веселымъ Тальеномъ, хотѣвшимъ пожить, и Кабарюсъ, желавшею потанцовать. Но спокойная жизнь и танцы требуютъ личной безопасности и твердой власти. Термидоріанцы не дали Франціи власти, но уже подлѣ дѣятелей революціи обрисовывается фигура Наполеона Бонапарта, готовая подвести свои итоги революціи.

Предположите, что „новыя идеи“ столкнулись бы въ дореволюціонной Франціи съ твердою властью и хорошо организованными правящими классами, тѣсно связанными съ народомъ, идущими навстрѣчу его законнымъ нуждамъ, понимающими требованія времени и владѣющими практикою управленія. Предположите это—и революція обращается въ *реформу*, а „скверная водка“ разныхъ теорій, о которой говоритъ Тэнъ, въ здоровый напитокъ, потому что онъ доходитъ до народа уже не въ видѣ туманной теоріи, говорящей не столько разуму, сколько страстямъ, а въ видѣ практическихъ учрежденій, приноровленныхъ къ требованіямъ времени и провѣренныхъ опытомъ. Бѣда учредительнаго собранія, надъ которымъ такъ зло и часто такъ мѣтко глумится Тэнъ, заключалась вовсе не въ томъ, что оно провозглашало разные принципы политической философіи; бѣда была въ томъ, что это собраніе думало обратить принципы философіи въ предписанія *положительнаго* законодательства, думало управлять Франціею не при помощи учрежденій, а чрезъ „формулы“, и полагало, что стоитъ только провозгласить принципъ, и онъ немедленно войдетъ въ жизнь.

Но вина такого направленія лежитъ не на „принципахъ“ и не на учредительномъ собраніи, а на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ, въ теченіе столѣтій, образованнѣйшая часть общества была устра-

нена отъ всякой политической практики и въ своемъ „философскомъ досугѣ“ жила только принципами и формулами. Отъ этого, въ моментъ великаго переворота, „общіе принципы“, въ сущности невинные и вѣрные, явились лозунгами анархіи, а учредительное собраніе, полагавшее, что оно созидаетъ, въ дѣйствительности разрушало. Объяснимъ эту мысль примѣромъ.

Тэнъ, демонстрируя анархическое дѣйствіе принциповъ „декларацiи правъ“, воспроизводитъ слѣдующія сужденія возставшей массы и ея вожаковъ: „Законодатель провозглашаетъ, что „общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго агента его администраціи“: пойдемъ же въ ратушу (Hôtel de Ville) и допросимъ нашихъ „равнодушныхъ и подозрительныхъ“ чиновниковъ, будемъ наблюдать за ихъ засѣданіями, провѣримъ, преслѣдуютъ ли они поповъ и обезоруживаютъ ли они аристократовъ; помѣшаемъ имъ интриговать противъ народа и заставимъ этихъ скверныхъ повѣренныхъ дѣйствовать“ (стр. 276).

Принципъ, что „общество имѣетъ право требовать отчета отъ всякаго агента его администраціи“—принципъ крайне общій и вѣрный съ точки зрѣнія публичнаго права, признанный теперь всею Западною Европою и издавна признававшійся Англіей. Весь вопросъ состоитъ въ практическомъ приложеніи этого принципа, т.-е. въ указаніи законныхъ поводовъ отвѣтственности исполнительной власти, ея способовъ, порядка и послѣдствій. Анархическое дѣйствіе принципа зависѣло отъ того, что во Франціи не было уже государственныхъ учрежденій съ дѣйствительною властью. Власть не принадлежала ни королю, ни его министрамъ, ни самому учредительному собранію. Она принадлежала первому встрѣчному, всякому „гражданину“ съ ружьемъ и пикой, всякому сборищу „гражданъ“, наэлектризованныхъ рѣчами шумливаго клубнаго оратора или статьею экзальтированнаго публициста.

Въ эпоху созванія земскихъ чиновъ 1789 года, вся прежняя правительственная машина лопнула, пріостановила свое дѣйствіе, терпѣливо ожидая, когда ураганъ унесетъ ее въ вѣчность. Національное собраніе созидаетъ конституцію изъ самыхъ общихъ и самыхъ неопредѣленныхъ философскихъ формулъ, но не можетъ и не смѣетъ управлять. Задолго до провозглашенія формулы народнаго самодержавія, дѣйствительная власть перешла къ народу. Но народъ, неимѣющій еще никакихъ общихъ учрежденій, не имѣетъ даже средствъ осуществлять свои новыя права въ видѣ цѣльной, организованной, а потому правильно дѣйствующей массы. „Народное самодержавіе“ осуществляется каждымъ городомъ, каждою деревней, каждымъ сборищемъ, сбѣжавшимся на призывъ уличнаго оратора съ

пламенною рѣчью и страстными жестами. Каждая группа новыхъ самодержцевъ дѣйствуетъ по-своему, не соображаясь съ интересами и стремленіями другихъ группъ. Если городъ великъ, въ немъ образуется нѣсколько десятковъ самостоятельныхъ республикъ, шумящихъ, чинящихъ судъ и расправу, издающихъ предписанія объ арестѣ „подозрительныхъ“ или просто вѣшающихъ ихъ на фонаряхъ. Это страшное распаденіе подмѣчено не одними людьми „порядка“, но самими вожаками революціи, популярнѣйшими публицистами. Извѣстный Лустало такъ описываетъ состояніе Парижа въ эти тяжелые дни:

„Представьте себѣ человѣка, у котораго каждая нога, каждая рука, каждый членъ имѣли бы свое разумѣніе и свою волю, у котораго одна нога желала идти, а другая отдыхать, у котораго горло закрывается, когда желудокъ требуетъ пищи, ротъ поётъ, когда глаза отягощены сномъ, и вы будете имѣть поразительную картину состоянія столицы“ (стр. 108).

Но изображеніе это примѣняется не къ одной столицѣ. То же самое представляетъ вся Франція. Тэнъ посвящаетъ описанію этого состоянія цѣлую первую книгу второго тома (l'anarchie spontanée). На основаніи достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, извлеченныхъ имъ какъ изъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ источниковъ, онъ рисуетъ эту картину анархіи, или, вѣрнѣе, *всевластія*, держащаго въ осадномъ положеніи національное собраніе, обсуждающее проектъ новой конституціи.

Что же дѣлаетъ національное собраніе? Въ то время, какъ вся Франція объята огнемъ—не огнемъ страстей, а настоящимъ огнемъ, пожирающимъ замки, монастыри, правительственныя зданія, когда нигдѣ уже нѣтъ безопасности лицъ и имуществъ и страна идетъ къ банкротству—въ это время національное собраніе посвящаетъ множество засѣданій на философскія пренія по поводу проекта „декларации правъ человѣка и гражданина“. Наконецъ, оно догадывается, и въ одну ночь уничтожаетъ всѣ привилегіи, титулы и повинности, которыми пользовались высшіе классы. Но эта рѣшительная и поспѣшная мѣра совершилась въ такой формѣ, что она породила всеобщія недоразумѣнія, а „недоразумѣнія“ въ такія времена опасны. „Народное самодержавіе“ разрѣшаетъ его новыми избіеніями, пожарами и грабежами. Вся практика революціи совершается мимо собранія, воодушевленнаго наилучшими намѣреніями, но преданнаго чистѣйшему пустословію, тому, что Карлейль зло и мѣтко назвалъ теоріей „неправильныхъ глаголовъ“.

Собраніе выработываетъ конституцію и отказывается отъ всякой практической власти, которая давно уже находится въ другихъ ру-

кахъ. Но эти крѣпкія „другія руки“ схватываютъ за воротъ самое собраніе и руководятъ имъ даже въ составленіи конституціи. Шумная толпа наполняетъ галлереи собранія, криками и аплодисментами поддерживаетъ своихъ любимыхъ ораторовъ, угрозами заставляетъ молчать ораторовъ нелюбимыхъ. Это бы еще ничего. Но толпа, наполняющая галлереи, есть представительница революціонныхъ клубовъ, покрывающихъ всю Францію, уличныхъ сборищъ, знаменитаго Пале-Рояля. По сигналу, ею данному, улица волнуется, клубы приходятъ въ движеніе, депутаты дрожатъ за свою жизнь, за жизнь своихъ женъ и дѣтей, находящихся въ провинціи, гдѣ мѣстные „граждане“ готовы насадить ихъ головы на пики. Нервное, дрожащее и безсильное національное собраніе производитъ невозможную, никого неудовлетворяющую, всѣхъ раздражающую, а потому мертворожденную конституцію 1791 года. Она нетолько ничего не организовала, но и не остановила дальнѣйшаго разложенія анархіи. Тэнъ обстоятельно описываетъ примѣненіе этой конституціи въ третьей и послѣдней книгѣ второго тома. Въ сущности, ее легко смѣшать съ первою, гдѣ описывается, такъ сказать, предварительная анархія. На сценѣ тѣ же силы, движимыя тѣми же мотивами и страстями—голодомъ, религіозными распрями, сословною ненавистью, финансовою нуждою. Тэнъ не пожалѣлъ красокъ и фактовъ. Страшно читать эти страницы; каково же было пережить описываемыя событія, въ ихъ ужасномъ однообразіи—пожары, истязанія, убійства, грабежи; грабежи, убійства, истязанія, пожары и т. д.?

Умъ человѣческій способенъ потеряться среди этого хаоса. Но на разстояніи почти цѣлаго столѣтія, при нѣкоторой долѣ хладнокровія, можно видѣть истинную его причину. Она заключается не въ свойствѣ идей, возвѣщенныхъ революціей и, мало-по-малу, сдѣлавшихся достояніемъ всего образованнаго міра, а во временномъ качествѣ силъ, дѣйствовавшихъ въ первую революцію. То, что прежде называлось правительствомъ и высшими классами, давно перестало функціонировать, отказалось отъ великой задачи подготовлять народъ къ новымъ формамъ жизни и въ роковую для страны минуту утратило всякую возможность направлять событія и руководить людьми. На сценѣ осталась сила стихійная, отуманенная новыми идеями, которыхъ она не могла переварить и возбужденная чувствами ненависти, озлобленія, зависти, накоплявшимися цѣлые вѣка. Съ этой точки зрѣнія книга Тэна способна служить для проповѣди *реформы*, требующей, чтобъ правительственная власть и правящіе классы ни на одну минуту не забывали своей органической связи съ націей, чтобъ каждую минуту эта сила не забывала своего назначенія удовлетворять всѣмъ законнымъ нуждамъ, служить авто-

ритетнымъ посредникомъ между всѣми интересами, идти навстрѣчу всякому движенію, какъ бы грозно оно ни казалось, внося силу умѣряющаго расчета въ среду общественныхъ страстей и осуществляя все требуемое временемъ въ предѣлахъ и условіяхъ этого времени.

Власть, какъ и всякая живая сила, живетъ и развивается въ дѣйствіи, растетъ вмѣстѣ съ ростомъ общества, имѣетъ значеніе тогда, когда она дѣйствительно стоитъ во главѣ всѣхъ здоровыхъ общественныхъ силъ и здоровыхъ стремленій общества. Въ застоѣ власть теряетъ свою силу, застываетъ въ своихъ быстро остывающихъ формахъ, остается однимъ именемъ безъ содержанія, выпускаетъ силу изъ своихъ рукъ—и тогда ее хватаетъ первый встрѣчный.

„Въ 1789 году (говоритъ Тэнъ) власть была брошена на землю, въ руки выпущеннаго на волю народа, толпы, возбужденной и буйной, сборищъ, поднимавшихъ ее, какъ оружіе, оставленное на улицѣ. На дѣлѣ правительства не было болѣе; искусственное зданіе стараго общества разрушалось вполнѣ; люди возращались къ *естественному* состоянію. Это была не революція, а распаденіе (ce n'était pas une révolution, mais une dissolution)".

Вотъ истинный ключъ къ патологическому процессу, такъ старательно описанному Тэномъ.

СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.

СИСТЕМА МЕТТЕРНИХА.

Aus Metternich's nachgelassenen Papieren. I-VII B. Wien, 1880—1883.

Сынъ князя Меттерниха оказалъ истинную услугу исторіи новѣйшаго времени. Изданныя имъ „бумаги" отца вводятъ насъ въ кабинетъ знаменитаго дипломата. Мы можемъ по нимъ слѣдить, какъ выработывались тѣ мемуары и ноты, послѣдствія которыхъ отзывались во всѣхъ концахъ Европы. Для того, кто не вѣритъ искренности дипломатическихъ отписокъ (а такихъ людей много въ наше скептическое время), издатель предлагаетъ частную переписку князя съ близкими ему людьми, съ которыми онъ говоритъ на распашку, насколько вообще дипломатъ можетъ быть „разстегнутымъ". Наконецъ, для крайнихъ скептиковъ, не довѣряющихъ даже дружеской перепискѣ, предлагается матеріалъ рѣдкой достовѣрности—дневникъ супруги Меттерниха, княгини Меланіи,—дневникъ, который она вела для себя, и гдѣ, незримо отъ мужа, записывала каждое его слово и отмѣчала каждое душевное его движеніе въ теченіе 18 лѣтъ (1831—1848).

Нужно ли говорить о томъ, какой интересъ представляетъ изученіе этихъ семи томовъ? Помѣщенные въ нихъ документы обнимаютъ обширную эпоху исторіи нашего вѣка; въ теченіе этого времени, въ особенности же въ періодъ времени съ 1815 по 1848 годъ, новѣйшая исторія тѣсно связана съ человѣкомъ, давшимъ свое имя политической системѣ, преобладавшей повсюду. „Система Меттерниха"—выраженіе очень опредѣленное и вполнѣ понятное для каждаго образованнаго человѣка. Кому не извѣстно *въ чемъ* она *выражалась*? Но не всякому извѣстны нравственные мотивы, руководившіе ея авторомъ и побуждавшіе его держаться своей „системы" до послѣдней возможности и часто вопреки возможности. Теперь они объясняются самимъ авторомъ системы; онъ излагаетъ предъ нами не только свои административные и политическіе взгляды, но предла-

гаетъ намъ цѣлое міросозерцаніе, своего рода философію человѣческаго общества. Онъ говоритъ о призваніи государственной власти, объ условіяхъ процвѣтанія народовъ, о міровомъ порядкѣ—словомъ, о такихъ предметахъ, которые обыкновенно являются удѣломъ философіи.

Если бы эти теоріи были изложены обыкновеннымъ философомъ и представлены въ видѣ курса политики, они, вѣроятно, были бы своевременно разобраны безпощадной критикой. Но князь Меттернихъ, въ качествѣ первенствующаго министра австрійской имперіи, руководителя Германіи и фактическаго диктатора въ Италіи, имѣлъ такіе способы доказывать истинность своихъ воззрѣній, какими не располагали Фихте или Роттекъ. Критика его понятій могла быть сдѣлана только временемъ и событіями. Съ этой стороны они представляются особенно интересными.

Не многимъ государственнымъ людямъ дано было столько времени и столько средствъ для проведенія ихъ идей, какъ князю Меттерниху. Съ 1809 года онъ занимаетъ министерскій постъ и пріобрѣтаетъ неограниченное довѣріе императора Франца. Съ 1815, онъ дѣлается главною опорою системы, установленной вѣнскими трактатами, и руководитъ ея примѣненіемъ во всѣхъ частяхъ европейскаго материка. Онъ сохраняетъ свое первенствующее вліяніе до 1848 года. Итакъ, 39 лѣтъ дается ему для утвержденія и упроченія „системы". Обильны были и средства. Онъ располагалъ всѣми способами обширной монархіи, довѣріемъ германскихъ правительствъ, почти постоянною поддержкою Россіи и встрѣчалъ пассивное повиновеніе въ Италіи. Востокъ и центръ Европы принимали его указанія почти безъ разсужденій. Франція, связанная трактатами 1815 года при Бурбонахъ и обреченная на политику мира „во что бы то ни стало" при Людовикѣ-Филиппѣ, не могла поставить серьезной преграды австрійской политикѣ. Англія, по своему географическому положенію, не могла имѣть прямого вліянія на континентъ Европы, а для образованія союза не было твердой точки опоры: знаменитая entente cordiale между Британіей и Франціей при Людовикѣ-Филиппѣ не привела къ плодотворнымъ результатамъ. Испанія давно уже не считалась въ ряду великихъ державъ Европы. Удивительно ли, что Меттерниху по временамъ казалось, что онъ безграниченъ—„je finis par me croire immense" [1]).

Несмотря на это, „система" рушилась почти внезапно. Достаточно было нѣсколькихъ дней 1848 года, чтобы выказать всю несостоятельность плана, который проводился съ такою настойчивостью од-

---

[1]) Т. III, стр. 346.

нимъ изъ самыхъ настойчивыхъ людей въ мірѣ. Реакція, послѣдовавшая за 1848 годомъ, могла только отчасти и на короткое время возстановить обрывки грандіозной системы. Окончательное ея паденіе сдѣлалось вопросомъ времени. Войны 1859 и 1866 гг. довершили то, чего не сдѣлали революціонные дни 1848 г.

Гдѣ причина этого знаменательнаго факта? Въ недостаткѣ ли настойчивости и послѣдовательности въ главномъ руководителѣ европейской политики съ 1815—1848? Собраніе документовъ, которымъ мы располагаемъ теперь, свидѣтельствуетъ о противномъ. Князь Меттернихъ былъ человѣкъ весьма проницательный, и многія его замѣчанія являются по-истинѣ пророческими; онъ былъ послѣдователенъ, поскольку это зависѣло отъ него; онъ былъ настойчивъ, поскольку ему позволяли средства. *Ни разу* онъ не измѣнилъ своимъ принципамъ. То, что̀ онъ писалъ въ 1848 году, наканунѣ своего паденія, тождественно съ написаннымъ во времена полнаго блеска его политики. Онъ послѣдователенъ до однообразія, можно сказать, до скуки. Среди величайшихъ замѣшательствъ и усложненій онъ настойчиво повторяетъ главныя начала своей программы; среди совершенно новыхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ, онъ твердитъ одно и то же. Время было надъ нимъ безсильно. Совершались революціи, падали династіи, новыя ученія овладѣвали умами, новыя потребности и стремленія возникали со всѣхъ сторонъ—онъ оставался вѣренъ себѣ.

При этихъ условіяхъ остается предположить, что причина катастрофы, постигшей Меттерниха, содержится въ его системѣ. Для изложенія и оцѣнки послѣдней мы имѣемъ обильныя данныя въ изданныхъ теперь матеріалахъ. Всѣ семь томовъ представляютъ для историка одинаковый интересъ. Но для насъ особенно важны послѣдніе пять—обнимающіе періодъ времени отъ вѣнскаго конгресса до 1848 года, т.-е. періодъ безраздѣльнаго почти владычества Меттерниха и его системы.

I.

Программа.

Былъ монархъ, расположеніемъ котораго пользовался князь Меттернихъ, но который не всегда, по мнѣнію послѣдняго, былъ твердъ „въ принципахъ". Это былъ нашъ императоръ—Александръ I. Онъ разрушилъ могущество Наполеона; онъ возстановилъ европейскій миръ и былъ главною опорою священнаго союза; онъ оказывалъ Австріи дѣятельную поддержку въ знаменитую эпоху конгрессовъ. Тѣмъ

не менѣе онъ же былъ — государь, проникнутый въ началѣ своего царствованія преобразовательными идеями и навсегда оставленный въ Вѣнѣ въ извѣстномъ сомнѣніи относительно „либерализма". Поворотъ, совершившійся въ немъ съ 1815 года, также не удовлетворялъ вѣнскій дворъ. Австрійская политика, направленная къ установленію внѣшняго, будничнаго, такъ сказать, порядка, не могла съ удовольствіемъ смотрѣть на мистическое направленіе, овладѣвшее усталою и много страдавшею душою Александра. Вдохновленный, въ свое время, идеями XVIII вѣка, онъ отказался отъ нихъ не для того, чтобы успокоиться въ условіяхъ внѣшняго покоя и тишины. Его душа искала другого выхода: она нашла его въ извѣстной религіозной экзальтаціи. Это новое направленіе совершенно не нравилось Меттерниху: въ мистицизмѣ онъ усматривалъ элементъ безпокойства, извѣстнаго нравственнаго безпорядка. Поэтому покровительство, оказанное Александромъ библейскимъ обществамъ, а также масонамъ, возмутило Меттерниха. Вотъ, что докладывалъ Меттернихъ императору Францу въ 1817 году, по поводу переписки о закрытіи библейскихъ обществъ въ Австріи.

„В. в—ство безъ сомнѣнія убѣдились, что духъ императора Александра никогда не можетъ удержаться въ обыкновенномъ направленіи (in einer gewöhnlichen Richtung). Съ 1815 года онъ оставилъ чистый *якобинизмъ* (!), чтобы броситься въ *мистицизмъ*. Такъ какъ его направленіе всегда *революціонно*, то и религіозное его настроеніе таково же" [1]).

Сверхъ того, императоръ Александръ несомнѣнно сдерживалъ во многихъ отношеніяхъ своихъ союзниковъ. Онъ не далъ унизить и разграбить въ конецъ Францію; онъ вносилъ нѣкоторыя смягченія въ мѣры, придумывавшіяся въ Вѣнѣ для Германіи и Италіи. Иначе говоря—онъ *портилъ* ясную и послѣдовательную политику Меттерниха. Вотъ, что писалъ послѣдній послѣ знаменитыхъ Карлсбадскихъ конференцій 1819 г., которыми Меттернихъ руководилъ вполнѣ свободно, безъ участія и вліянія русскаго двора.

„Въ первый разъ явилась совокупность такихъ анти-революціонныхъ, правильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. То, что я хотѣлъ сдѣлать съ 1813 года, и что этотъ ужасный императоръ Александръ всегда портилъ (a toujours gâté), сдѣлано мною, потому что *его* тамъ не было" [2]).

Такому опасному союзнику нужно было часто напоминать о „прин-

---

[1]) № 239.—NB. Я буду цитировать документы по №№, подъ которыми они помѣщены въ собраніи.

[2]) № 334.

ципахъ“, и Александръ I получалъ отъ Меттерниха въ важныя для послѣдняго минуты мемуары весьма обстоятельные. Два изъ нихъ особенно важны. Одинъ былъ представленъ Александру 15 декабря 1820 года [1]), по окончаніи конгресса въ Троппау, въ видѣ нѣкотораго напутствія и приготовленія къ Лайбахскому конгрессу 1821 г., по окончаніи котораго императоръ получилъ новый мемуаръ, ради подготовленія его къ конгрессу Веронскому [2]).

Первый мемуаръ гораздо обширнѣе второго и не безъ основанія названъ Меттернихомъ его profession de foi. Сверхъ препроводительнаго письма, въ немъ содержится общій очеркъ положенія вещей, изслѣдованіе *причинъ* зла (ибо положеніе было признано плачевнымъ), путей его распространенія и, наконецъ, средствъ врачеванія. Во всякомъ препроводительномъ письмѣ трудно найти что-нибудь кромѣ обычныхъ фразъ вѣжливости и почтенія. Но въ письмѣ Меттерниха есть фраза, дающая тонъ всему мемуару.

Упоминая объ откровенности и свободѣ, съ коими составленъ мемуаръ, канцлеръ продолжаетъ: „В. в—ство найдете эту откровенность во всѣхъ вопросахъ, наиболѣе достойныхъ размышленія всякаго государственнаго дѣятеля, всякаго человѣка, обязаннаго важными интересами, всякаго, наконецъ, человѣка, достаточно просвѣщеннаго, чтобы чувствовать, что міру, находящемуся въ безуміи (en folie), долженъ быть *противупоставленъ* другой міръ, исполненный мудрости, разума, справедливости и правильности“.

Это мѣсто даетъ уже предчувствовать содержаніе мемуара. Онъ начинается съ слѣдующихъ словъ:

„Европа, сказалъ когда-то одинъ знаменитый писатель, составляетъ теперь предметъ сожалѣнія для человѣка умнаго, и — отвращенія для человѣка добродѣтельнаго.

„Трудно представить въ болѣе короткихъ словахъ болѣе точную картину положенія вещей въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки!

„Короли принуждены расчитывать вѣроятности своего существованія въ самомъ ближайшемъ будущемъ; страсти разнузданы и соединились для низверженія всего, что общество уважало какъ основу своего существованія: религія, общественная нравственность, законы, обычаи, права и обязанности—все подверглось нападенію, приведено въ смятеніе, ниспровергнуто или сдѣлано сомнительнымъ. Масса народа остается спокойнымъ зрителемъ стольких нападеній, перево-

---

[1]) №№ 487 и 488.

[2]) № 552. Конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ собирались, какъ извѣстно, по поводу революціонныхъ движеній въ Италіи и Испаніи.

ротовъ и полнаго отсутствія защиты. Одна часть населенія блуждаетъ въ неопредѣленности, тогда какъ огромное большинство желаетъ поддержанія покоя, уже не существующаго и первыя условія котораго, повидимому, утрачены".

Такова картина положенія вещей, установившагося (странно сказать!) чрезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ Европа невѣроятными усиліями Вѣнскаго конгресса была приведена въ состояніе мира и спокойствія. Гдѣ же причины этого безмѣрнаго зла? Существуетъ ли средство къ его устраненію? Этимъ вопросамъ посвящены двѣ слѣдующія части мемуара, въ коихъ Меттернихъ возноситъ или старается вознести своего читателя въ область высшей политической философіи. Первая изъ нихъ озаглавлена: „Источники зла". „Природа человѣка неизмѣнна" — такъ начинается эта глава. Отсюда слѣдствіе: „основныя потребности обществъ вездѣ и всегда однѣ и тѣ же". Различія между обществами объясняются вліяніемъ естественныхъ условій: различіемъ въ климатѣ, географическимъ положеніемъ страны, свойствами почвы, и т. д. Эти *мѣстныя* условія вліяютъ не только на физическія потребности народа, они производятъ различіе и въ духовныхъ его стремленіяхъ, не исключая и религіи. Таковы два разряда условій нормальной жизни человѣческихъ обществъ; таковы и два непреходящіе элемента ихъ существованія. Если бы люди всегда сознавали силу этихъ началъ и условій, на землѣ царствовалъ бы желанный порядокъ и связанное съ нимъ благополучіе. Но какъ только люди уклоняются отъ этихъ основъ и возстаютъ противъ этихъ верховныхъ началъ, общество ощущаетъ разстройство, которое рано или поздно приведетъ его въ судорожное состояніе.

Остается узнать причины, по которымъ люди „возстаютъ" противъ такихъ ясныхъ и благодѣтельныхъ началъ. Отвѣтъ на это должна дать исторія. Князь Меттернихъ не останавливается на древней исторіи, и нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній относительно Греціи и Рима не даютъ намъ понятія объ его взглядахъ. Онъ спѣшитъ ко временамъ новѣйшимъ.

„Вѣка мрака послѣдовали послѣ вторженія варваровъ, разрушившихъ западную имперію; но эта часть свѣта была спасена отъ варварства христіанствомъ, положившимъ основы для новой и высшей цивилизаціи.

„За образованіемъ новыхъ государствъ послѣдовали крестовые походы, странная смѣсь добраго и худого.

„Три открытія оказали вслѣдъ затѣмъ рѣшительное вліяніе на судьбу цивилизаціи: изобрѣтеніе книгопечатанія, пороха и открытіе новаго свѣта.

„Позже явилась реформація — другое событіе, имѣвшее неисчислимыя послѣдствія по своему вліянію на нравственный міръ. Видъ вселенной съ тѣхъ поръ измѣнился.

„Изобрѣтеніе книгопечатанія облегчило обмѣнъ мыслей; способы нападенія и защиты были измѣнены изобрѣтеніемъ пороха; условія собственности измѣнились вслѣдствіе массы драгоцѣнныхъ металловъ, вывезенныхъ изъ Америки и пущенныхъ въ обращеніе; возможность обогащенія въ новомъ свѣтѣ возбудила духъ приключеній; всѣ эти перемѣны были увѣнчаны переворотомъ, произведеннымъ реформаціею въ мірѣ нравственномъ.

„Такимъ образомъ, продолжаетъ Меттернихъ, движеніе человѣческаго ума совершалось въ послѣдніе три вѣка съ чрезвычайною быстротой. Такъ какъ это движеніе шло скорѣе, чѣмъ могло быть дѣйствіе *мудрости* — этого единственнаго противовѣса страстямъ и заблужденію,—то революція, подготовленная ложными ученіями и роковыми заблужденіями, въ которыя впали многіе изъ славнѣйшихъ государей прошлаго вѣка, вспыхнула наконецъ въ странѣ, наиболѣе подвинувшейся въ просвѣщеніи, наиболѣе ослабленной наслажденіями,—въ странѣ, обитаемой народомъ, который можетъ быть названъ наиболѣе легкомысленнымъ, принимая во вниманіе легкость, съ которою онъ понимаетъ, и трудность, которую онъ испытываетъ для спокойнаго сужденія".

Вотъ „первыя причины". Но всякій читатель, а въ томъ числѣ и императоръ Александръ I, затруднились бы, вѣроятно, связать эти „причины и слѣдствія" въ одно связное цѣлое. Что общаго между такими вещами, какъ изобрѣтеніе пороха и открытіе Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія и реформація съ точки зрѣнія *зла*, противъ котораго боролся Меттернихъ?

Онъ открываетъ намъ загадку.

„Бросивъ,—говоритъ онъ,—бѣглый взглядъ на первыя причины нынѣшняго состоянія общества, необходимо ближе указать на природу зла, грозящаго лишить это общество всѣхъ дѣйствительныхъ благъ, плодовъ истинной цивилизаціи и смутить его среди пользованія этими благами". Это зло опредѣляется однимъ словомъ: *самомнѣніе* (présomption),—въ которомъ князь видитъ „естественное послѣдствіе столь быстраго движенія человѣческаго ума къ усовершенствованію столькихъ вещей".

Итакъ, въ самомъ „введеніи" къ политической философіи австрійскаго канцлера, мы видимъ не совсѣмъ понятное противуположеніе между „быстрыми успѣхами человѣческаго ума съ одной, и „мудростью", которая должна была бы сдерживать „слишкомъ быстрые успѣхи ума", съ другой стороны. Загадка остается неразъясненной,

и читатель долженъ былъ принять на вѣру, что „умъ“, не сдержанный „мудростью“, привелъ къ „самомнѣнію“ и къ сатанинской гордости.

Гордость одинъ изъ смертныхъ грѣховъ. Заранѣе можно предсказать ея дѣйствіе на умы и направленіе людей. Поэтому мы не будемъ воспроизводить картины бѣдственныхъ послѣдствій зла,—картины, старательно нарисованной Меттернихомъ. Самомнѣніе въ источникѣ, разрушеніе въ результатѣ — такова, въ двухъ словахъ, характеристика того безумнаго міра, которому Меттернихъ хотѣлъ противупоставить міръ мудрости.

Безуміе, однако, заразительно. Почему оно распространилось столь быстро въ Европѣ; почему оно, несмотря на полную, повидимому, побѣду реставраціи надъ революціею, продолжало распространяться?

Причины этого печальнаго явленія, по мнѣнію Меттерниха, могутъ быть раздѣлены на два рода.

„Однѣ изъ нихъ такъ тѣсно связаны съ природою вещей, что никакая человѣческая предусмотрительность не въ состояніи была бы ихъ предупредить.

„Другія должны быть подраздѣлены на два класса, какъ ни сходны могутъ онѣ показаться въ ихъ послѣдствіяхъ.

„Изъ нихъ однѣ суть причины отрицательныя, другія положительныя. Мы ставимъ во главѣ первыхъ слабость и бездѣятельность правительствъ“.

Ни одно изъ правительствъ XVIII вѣка не подозрѣвало ни болѣзни, ни кризиса, къ которому шло общество. Напротивъ, враги правительства, люди, къ сожалѣнію, одаренные большими талантами, съумѣли воспользоваться своимъ вліяніемъ и слабостью противниковъ. Они приготовили революцію. Внѣшнія событія довершили остальное. Въ теченіе долгаго времени Франція находилась подъ вліяніемъ Англіи. Неблагоразумное участіе французскаго правительства въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ упрочило демократическую пропаганду. Французская революція вспыхнула и быстро совершила свой круговоротъ.

„Ужасныя событія, сопровождавшія первые фазисы революціи, препятствовали быстрому распространенію ея разрушительныхъ началъ за границами Франціи, и завоевательныя войны послѣдующаго времени дали общественному духу направленіе, неблагопріятное революціонному принципу. Такимъ образомъ, якобинская пропаганда потерпѣла крушеніе въ своихъ первыхъ преступныхъ надеждахъ.

„Но революціонный зародышъ проникъ, однако, во всѣ страны

и болѣе или менѣе распространился въ нихъ. Онъ еще больше развился подъ дѣйствіемъ военнаго деспотизма Бонапарта.

„Его завоеванія устранили много законныхъ началъ, учрежденій и обычаевъ, разорвавъ связи, священныя для всякаго народа и удерживающіяся противъ дѣйствія времени больше, чѣмъ нѣкоторыя благодѣянія, навязываемыя иногда новаторами. Эти смуты произвели то, что революціонный духъ въ Германіи, Италіи и, позже, въ Испаніи, легко прикрывается искреннею любовью къ отечеству".

Мы сдѣлаемъ здѣсь небольшое замѣчаніе, необходимое для пониманія послѣдующихъ соображеній Меттерниха.

Въ послѣднихъ словахъ выписки содержится ясный намекъ на *національное* движеніе, начавшееся подъ игомъ Наполеона въ Италіи, Германіи и Испаніи. Послѣдняя нанесла первый ударъ могуществу завоевателя. Въ Германіи вообще и въ Пруссіи особенно послѣ Іенскаго погрома началось преобразовательное движеніе, тѣсно связанное съ возрожденіемъ національности. Имена Штейна—государственнаго человѣка, и Фихте—философа достаточно опредѣляютъ смыслъ этого поворота. Съ точки зрѣнія Меттерниха, это движеніе было вредно.

Мемуаръ обвиняетъ прусское правительство въ покровительствѣ тайнымъ обществамъ, которыми оно думало воспользоваться противъ ига иноземцевъ. „Пруссія,—говоритъ мемуаръ,—первая дала сильный толчекъ революціонному духу въ своихъ областяхъ", и этотъ духъ сдѣлалъ быстрые успѣхи въ остальной Германіи.

Настала освободительная война, которую Меттернихъ называетъ союзною войною. Была ли она благомъ для Германіи? Не вполнѣ, потому что, какъ говоритъ Меттернихъ, „эта война, положивъ предѣлъ преобладанію Франціи, была въ Германіи горячо поддержана тѣми самыми людьми, которыхъ ненависть къ Франціи была въ дѣйствительности ненавистью къ военному деспотизму Бонапарта, а также къ законной власти ихъ собственныхъ государей".

Несмотря на все вышеизложенное, счастливый конецъ войны 1814 года могъ бы обезпечить міру болѣе покойное и счастливое будущее, если бы у правительства было больше мудрости и твердости въ принципахъ. Но судьба рѣшила иначе. Людовикъ XVIII, давъ французамъ хартію, сдѣлалъ уступку революціоннымъ началамъ. Возвращеніе Бонапарта съ острова Эльбы причинило еще больше зла. „Въ теченіе „ста дней", онъ уничтожилъ трудъ четырнадцати лѣтъ своего правленія. Онъ разнуздалъ революцію, которую ему удалось было подавить во Франціи; онъ возвратилъ умы не ко времени 18 брюмера, но къ принципамъ, которые учредительное собраніе 1789 года приняло въ своемъ плачевномъ ослѣпленіи".

Послѣдующія ошибки французскаго и другихъ правительствъ ухудшили положеніе вещей. Все грозитъ полнымъ крушеніемъ дѣлу реставраціи, этого плода великихъ усилій союзныхъ монарховъ. Сами правительства подкапываютъ его и какъ бы помогаютъ тайнымъ обществамъ, всюду ведущимъ свою разрушительную и преступную работу.

Отмѣтимъ еще разъ особенность взгляда, проведеннаго въ мемуарѣ Меттерниха. Революціонный духъ усилился въ Европѣ послѣ того, какъ революціонный порядокъ былъ сломленъ во Франціи — вотъ тема, на которую написанъ мемуаръ. „Мы осмѣливаемся утверждать, не опасаясь возраженій, что тщетно искали бы эпоху, когда зло распространяло свое разрушительное дѣйствіе на болѣе обширное поприще, чѣмъ въ настоящее время".

Эти слова опять способны повергнуть читателя въ нѣкоторое недоумѣніе. Изъ предыдущихъ объясненій Меттерниха вытекаетъ, что французская революція, въ ея террористической и якобинской формѣ, *не* имѣла сильнаго вліянія на Европу, и что она, такъ сказать, исчерпала сама себя и была обуздана Наполеономъ. Послѣдній также палъ подъ усиліями коалиціи. И вотъ, именно въ то время, когда Робеспьеръ, Маратъ, С. Жюстъ и даже Наполеонъ отходили, повидимому, въ область миѳологическихъ преданій, революція начала грозить Европѣ больше, чѣмъ когда-нибудь...

Для объясненія этой загадки слѣдуетъ припомнить, что Меттернихъ подъ именемъ „революціи" разумѣлъ не только французское „якобинство", но и то, что въ 1813 году одухотворяло нѣмецкіе народы на борьбу съ Наполеономъ, т.-е. *національное* чувство, тѣсно связанное тогда съ извѣстными стремленіями къ свободѣ политической. Эти стремленія и чувства не только „остались" послѣ событій 1813—1815 гг., но они были вызваны именно борьбою съ Наполеономъ и раздражены реакціею 1815 г. Можно ли было соединять столь различныя вещи въ общее понятіе „революціи"—это другой вопросъ. Но съ своей точки зрѣнія Меттернихъ былъ правъ, утверждая, что революціонныя страсти разыгрались въ Германіи и Италіи послѣ побѣды союзниковъ надъ Наполеономъ, т.-е. послѣ того, какъ усилія народовъ были награждены трактатами вѣнскаго конгресса.

Важность зла налагаетъ серьезныя обязанности на правительства. Что должны они дѣлать? Правила, предлагаемыя Меттернихомъ, могутъ быть раздѣлены на общія и особенныя. Одни изъ нихъ опредѣляютъ основанія правительственнаго дѣйствія вообще; другія указываютъ на мѣры относительно разрушительныхъ элементовъ общества.

Сущность первыхъ выражена въ слѣдующей формулѣ: „среди движенія страстей не должно думать *о преобразованіяхъ*; мудрость требуетъ, чтобы въ такія эпохи правительства ограничивались *охраненіемъ* существующаго“. Правительства должны провозгласить и установить принципъ *устойчивости* (de la stabilité) среди всеобщаго движенія къ перемѣнамъ. Эта мысль, изложенная довольно пространно, но не всегда ясно, въ первомъ мемуарѣ, съ особенною ясностью изложена во второмъ. Вотъ, что говорится здѣсь:

„Ясная и опредѣленная цѣль революціонеровъ едина и однообразна: она состоитъ въ ниспроверженіи *всего*, законно существующаго... Принципъ, который монархи должны противупоставить этому плану всеобщаго разрушенія, есть сохраненіе *всего* законно существующаго.

„*Единственное* средство для достиженія этой цѣли можетъ состоять въ томъ, чтобы *не вчинять новаго* (ne pas innover)“.

„В. и. в-ство достаточно знакомы со мною, чтобы знать, что никто болѣе меня не удаленъ отъ узкихъ административныхъ взглядовъ. Нѣтъ того развитія истиннаго блага, котораго бы я не желалъ пламенно, и котораго я не считалъ бы долгомъ поддерживать при всякомъ случаѣ. Но чѣмъ болѣе я раздѣляю это чувство, тѣмъ болѣе я убѣжденъ, что невозможно одновременно сохранять и преобразовывать, въ смыслѣ справедливости и разума, когда масса народа находится въ движеніи. Народъ въ это время, подобно отдѣльному человѣку, находится въ состояніи раздраженія; ему—или угрожаетъ лихорадка, или онъ уже подвергся ея пароксизмамъ.

„*Пусть правительства управляютъ*; пусть авторитетъ не впадаетъ въ иллюзіи: онъ ничто безъ власти.

„Управляя, правительства *фактически* будутъ улучшать положеніе вещей. Но пусть они не измѣняютъ ничего въ основахъ, на которыхъ они покоятся; пусть они *дѣйствуютъ*, но *не уступаютъ* (ne concèdent pas); пусть они отправляютъ свои права, но не обсуждаютъ ихъ; пусть они будутъ справедливы (а для этого они должны быть сильны), и они будутъ уважать всѣ дѣйствительныя права, такъ же какъ всѣ станутъ уважать права, имъ принадлежащія“.

Такова общая основа дѣйствія. Остаются спеціальныя правила относительно разрушительныхъ элементовъ. Прежде всего должно ихъ опредѣлить.

Мы видѣли уже, что главный нравственный двигатель всѣхъ разрушительныхъ стремленій есть *самомнѣніе*. Порожденное „слишкомъ быстрыми успѣхами ума“, оно болѣе всего, однако, присуще полузнанію и безмѣрному честолюбію, которое такъ легко удовлетворяется во время смутъ и переворотовъ.

Но это зло присуще, главнымъ образомъ, *среднимъ* классамъ общества. Народъ всегда хочетъ покоя. Изъ высшихъ классовъ къ революціонной партіи пристаютъ немногіе честолюбцы и извращенные умы. Во всѣхъ странахъ партію движенія составляютъ капиталисты, эти настоящіе космополиты, обезпечивающіе свои выгоды въ ущербъ всякому порядку вещей; затѣмъ, чиновники, литераторы, адвокаты и учащіе.

Этотъ враждебный лагерь, въ свою очередь, можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Къ одной принадлежатъ „уравнители“ (niveleurs; позже, Меттернихъ называетъ ихъ радикалами); къ другой доктринеры (позже, князь называетъ ихъ либералами). Соединенные въ день переворота, эти люди раздѣляются во время бездѣйствія. Правительства должны распознать и распредѣлить ихъ по достоинству.

„Въ классѣ „уравнителей“ встрѣчаются люди сильные и рѣшительные; доктринеры никогда не имѣютъ таковыхъ въ своихъ рядахъ. Первые представляютъ больше опасности въ день дѣйствія; вторые—во время обманчивой тишины, предшествующей общественнымъ бурямъ такъ же, какъ и физическимъ. Доктринеры, постоянно преданные отвлеченнымъ идеямъ, всегда непримѣнимымъ къ реальнымъ потребностямъ и даже противорѣчащимъ имъ, непрерывно волнуютъ народы своими воображаемыми или притворными опасеніями и возбуждаютъ правительства, стремясь уклонить ихъ съ хорошей дороги“.

Мы уже видѣли эту дорогу.

„Первое и самое важное дѣло для огромнаго большинства всякой націи есть твердость законовъ, ихъ непрерывное дѣйствіе, а никакъ не ихъ измѣненіе. Пусть правительства управляютъ, охраняютъ основы ихъ учрежденій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ.

„Пусть правительства выкажутъ своимъ народамъ это намѣреніе и докажутъ его фактами. Пусть приведутъ они къ молчанію доктринеровъ въ своихъ государствахъ и выкажутъ презрѣніе къ доктринерамъ иноземнымъ.

„Пусть во время смятенія они болѣе чѣмъ когда-нибудь *воздерживаются въ своемъ стремленіи къ улучшеніямъ дѣйствительнымъ*, но не вызваннымъ неотразимыми требованіями минуты, дабы самое благо не обратилось противъ нихъ, а это случается всякій разъ, какъ правительственная мѣра покажется внушенною страхомъ“.

Программа, изложенная съ такою ясностью, не требуетъ продолжительныхъ объясненій. Она вся построена на томъ предположеніи, что современная Меттерниху Европа не представляла ничего, кромѣ противуположенія двухъ началъ: порядка и анархіи, и двухъ

элементовъ: правительства и революціи. Начало порядка естественно призвано бороться съ началомъ анархическимъ; всякое правительство естественно должно подавлять революцію. Оставалось узнать, насколько дѣйствительная жизнь народовъ представляла противуположность элементовъ, которые могли бы быть обращены въ отвлеченныя понятія и обозначены миѳологическими терминами: порядокъ, анархія, сохраненіе, разрушеніе, авторитетъ, революція и т. д.

На первый разъ важенъ тотъ фактъ, что противуположеніе „міра мудрости“ и „міра безумія“ утвердилось въ понятіяхъ Меттерниха и обратилось въ нѣкоторую „одержащую идею“, овладѣвшую всѣмъ существомъ этого государственнаго человѣка. Онъ самъ раскроетъ намъ, что̀ произвело оно въ его душѣ, и какую невѣдомую міру тоску испытывалъ блестящій, любезный и по наружному виду легкомысленный канцлеръ, какъ будто скользившій по жизни. Другимъ казалось, что онъ идетъ по своей дорогѣ, какъ по паркету; а онъ былъ убѣжденъ, что онъ самъ и весь „міръ мудрости“ спятъ на волканѣ, который рано или поздно разрушитъ все охраняемое имъ зданіе [1]).

II.

Idée fixe.

„Два элемента, — писалъ Меттернихъ въ своемъ завѣщаніи, — противустоятъ и будутъ противустоять въ человѣческомъ обществѣ: *положительный* и *отрицательный*, охранительный и разрушительный“.

Въ 1839 году, скорбя о положеніи *Англіи*, Меттернихъ отвергалъ тотъ глубокій историческій смыслъ, который всѣ, знакомые съ исторіею этой страны, видѣли въ ея двухъ великихъ партіяхъ — виговъ и торіевъ. Мало того: онъ видѣлъ въ названіяхъ этихъ партій величайшую опасность для Англіи, ибо этими названіями прикрывается то, чего нѣтъ уже въ дѣйствительности.

„То, что увеличиваетъ опасность (революціи) въ Англіи, писалъ онъ, это существованіе названій партій, уже не существующихъ въ дѣйствительности. Названіе виговъ и торіевъ есть приманка, фантасмагорія. Въ Англіи, какъ и во всякой другой странѣ, есть только двѣ партіи, достойныхъ вниманія: партія *охраняющая* и партія *раз-*

---

[1]) Документы, обнародованные теперь, показываютъ, что Меттернихъ вовсе не былъ такимъ „легкомысленнымъ и лѣнивымъ“ человѣкомъ, какимъ его обыкновенно выставляли. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться и съ г. Надлеромъ, отдавая полную честь его прекрасному труду (*Меттернихъ и Европейская реакція.* Харьковъ, 1882 года. Сочиненіе автора доведено только до событій 1830 г.).

рушающая то, что существуетъ, т.-е. двѣ партіи, изъ коихъ одна желаетъ торжества *извѣстнаго*, а другая стремится къ неизвѣстному". Эти „факты" приводятъ Меттерниха къ мысли, „что Англія идетъ большими шагами къ революціи" [1]).

Извѣстно, что Англія подвигается къ этой цѣли до сихъ поръ. Но для насъ важенъ тотъ фактъ, что Меттернихъ видѣлъ только элементы охраненія и разрушенія даже въ этой странѣ, представляющей образецъ медленнаго и историческаго развитія.

Итакъ, или *охраненіе*, или *разрушеніе*; между этими двумя терминами нѣтъ ничего средняго. Пользуясь Гегелевой терминологіей, мы могли бы сказать, что Меттернихъ признавалъ только абстрактныя понятія Sein und Nichtsein, бытія и небытія. Но то, что составляетъ синтезъ этихъ понятій, das Werden, становленіе, было совершенно чуждо его уму. Между тѣмъ оно и есть понятіе міровового процесса вообще и историческаго процесса въ особенности. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы народъ сохранялся, *не* развиваясь; мы не можемъ понять развитія безъ сохраненія. Но съ точки зрѣнія Меттерниховской теоріи, которую онъ тщетно желаетъ назвать историческою, вся исторія, т.-е. все развитіе, есть уклоненіе отъ неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ человѣчествомъ. Поэтому все, неподходящее подъ понятіе „неизмѣннаго", обозначается имъ однимъ словомъ—*революція*, разрушеніе.

Подобная философія рождаетъ мрачный взглядъ на вещи. Если бы человѣкъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, что тѣла *должны* быть холодны, и видѣлъ бы на каждомъ шагу, что они подвергаются дѣйствію тепла, онъ несомнѣнно пришелъ бы въ уныніе и предрекъ бы скорую гибель вещей. „Тѣла должны быть холодны, сказалъ бы онъ; между тѣмъ они согрѣваются; слѣдовательно, идутъ къ своей гибели".

То же случилось и съ Меттернихомъ. Создавъ для себя опредѣленный кругъ понятій о началахъ, коими держится и долженъ держаться міръ, онъ при своей несомнѣнной проницательности не могъ не видѣть, какъ каждый годъ и даже каждый мѣсяцъ приносятъ нѣчто новое, какъ сама жизнь стучится въ двери того искусственнаго зданія, въ которомъ обиталъ канцлеръ австрійской монархіи. Разница между тѣмъ, чѣмъ долженъ бы быть міръ по его понятіямъ, и тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, съ каждымъ годомъ становилась глубже, и засыпать эту пропасть не могли никакія человѣческія усилія. Прибавимъ къ этому, что каждое событіе, не входившее въ расчеты вѣнскаго двора, разсматривалось какъ революція и какъ угроза европейскому миру; что ни одинъ изъ государствен-

[1]) № 1357.

ныхъ людей, въ Европѣ и въ самой Австріи, даже наиболѣе наклонныхъ къ системѣ Меттерниха, не могли удовлетворить его вполнѣ. Мы видѣли, какъ смотрѣлъ онъ на императора Александра; мы увидимъ, какъ смотрѣлъ онъ на императора Николая, на королей прусскихъ и на ихъ министровъ, на государей и министровъ въ остальной Европѣ. Мы не удивимся поэтому, узнавъ, что самъ Меттернихъ *не вѣрилъ* въ успѣхъ своего дѣла.

Въ 1830 году, подъ впечатлѣніемъ іюльской революціи въ Парижѣ, онъ писалъ къ графу Нессельроде:

„Я втайнѣ думаю, что старая Европа находится при началѣ конца. Рѣшившись погибнуть съ нею, я съумѣю исполнить свой долгъ; это слово не только мое, но и императора (Франца II). Новая же Европа, съ другой стороны, еще не начиналась: между концомъ и началомъ находится *хаосъ*“ [1]).

Въ 1848 году, послѣ мартовской революціи въ Вѣнѣ, извѣщая о своей отставкѣ императора Николая, онъ писалъ ему, между прочимъ:

„Европа, государь, находится въ кризисѣ, далеко превосходящемъ движеніе политическое; кризисъ совершается въ общественномъ тѣлѣ. Я предчувствовалъ событіе; я боролся противъ него постоянно въ продолженіе моего почти сорокалѣтняго министерства; остановить потокъ—не во власти людей, они могутъ только ставить ему преграды (l'endiguer)“ [2]).

Такія мысли высказывались имъ и его сотрудниками не только въ минуты сильныхъ кризисовъ: въ 1818 году, сотрудникъ Меттерниха Фридрихъ Генцъ, по порученію перваго, составилъ мемуаръ, въ коемъ описывалось состояніе Европы предъ Ахенскимъ конгрессомъ.

„Всѣ европейскія государства, безъ исключенія,—писалъ Генцъ,—одержимы сильной лихорадкой, спутницей или предвѣстницей жесточайшихъ потрясеній, какія только видѣлъ міръ со времени паденія римской имперіи. Это борьба, это война на жизнь и на смерть между старыми и новыми началами, между старымъ и новымъ общественнымъ порядкомъ. Въ силу рока, такъ сказать *неизбѣжнаго,* реакція 1813 г., пріостановившая, но не закончившая революціонное движеніе во Франціи, *пробудила* его въ другихъ государствахъ. Всѣ элементы въ броженіи, всѣ власти въ опасности потерять равновѣсіе; наиболѣе прочныя учрежденія потрясены въ своихъ основахъ, какъ зданія

---

[1]) Т. V, стр. 25, прим.

[2]) № 1692.

города, пораженнаго первыми ударами землетрясенія, которое готово разрушить все чрезъ нѣсколько мгновеній“ [1]).

Неаполитанская революція 1820 года не была событіемъ міровой важности. Между тѣмъ, подъ 1 октября 1820 года, мы находимъ слѣдующую выписку изъ писемъ Меттерниха: „Ничто не остается спокойнымъ ни въ нравственномъ, ни въ физическомъ мірѣ, и общество достигло своего *зенита*. При этихъ условіяхъ идти впередъ значитъ идти внизъ. Точно такъ же и зло достигло высшей своей точки и потому идетъ внизъ“.

Затѣмъ 6 октября онъ пишетъ:

„Мнѣ пришлось жить въ отвратительный періодъ. Я пришелъ въ свѣтъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно; теперь я не чувствую себя на что-либо годнымъ. Раньше я пользовался бы временемъ; позже я служилъ бы для возсозданія разрушеннаго; теперь я посвящаю свою жизнь *на поддержку прогнившихъ зданій*. Я долженъ былъ бы родиться въ 1900 году и имѣть предъ собою XX столѣтіе“ [2]).

Вообще въ его замѣткахъ и нотахъ можно найти, въ разные годы, увѣренія, что *никогда* Европа не была такъ близка къ гибели, какъ именно въ такомъ-то году.

Такъ, въ 1821 году онъ писалъ:

„Міръ находится или наканунѣ своего спасенія, или на порогѣ пропасти, готовой его поглотить“. Это по поводу Неаполитанской революціи. Послѣ того, какъ она была подавлена, Меттернихъ примѣшивалъ къ своему торжеству значительную дозу горечи;

„Величайшее благо,—писалъ онъ Стадіону,—осуществилось, оно даетъ намъ возможность *продолжать* жить. Не слѣдуетъ себя обманывать: мы не стоимъ ни на одинъ шагъ дальше *этой* возможности. При помощи благоразумія, при твердомъ и спокойномъ поведеніи, при большой правильности и послѣдовательности въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, можно будетъ сдѣлать еще много добра въ Европѣ. *Но зло достигло необычайной высоты*. Общественный духъ положительно гангренированъ, и если бы было достаточно одного изолированнаго факта, чтобы не сомнѣваться въ этомъ, я указалъ бы вамъ настроеніе умовъ въ нашей собственной столицѣ. Будьте увѣрены, что въ Вѣнѣ, такъ же какъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ, во всей Германіи и Италіи, въ Россіи и въ Америкѣ — наши успѣхи будутъ названы преступленіями, наши соображенія—заблужденіями, наши виды—преступными безумствами [3])“.

---

[1]) № 303.

[2]) №№ 441, 442. Ср. также № 670.

[3]) № 551.

Канцлеръ имѣлъ привычку писать своего рода „новогоднія обозрѣнія“, въ видѣ депешъ къ разнымъ австрійскимъ посламъ. Таковыя получалъ особенно графъ Аппони, посолъ при французскомъ дворѣ, ибо лицо, находившееся въ такомъ опасномъ мѣстѣ, чаще другихъ нуждалось въ соотвѣтствующихъ наставленіяхъ. Въ началѣ 1827 года, онъ писалъ къ Аппони:

„Мы считаемъ нынѣшнюю минуту сильнѣйшимъ изъ кризисовъ, бывшихъ въ послѣдніе годы. Этотъ кризисъ есть послѣдствіе и какъ бы необходимое условіе общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, ошибокъ всякаго рода, совершенныхъ правительствами, и, наконецъ, двухъ случайныхъ обстоятельствъ, именно, призванія г. Каннинга въ министерство иностранныхъ дѣлъ [1]) и перемѣны царствованія въ Россіи [2]).

„Революція, совершившись въ умахъ, вышла на свѣтъ во Франціи, въ 1789 году. Ея неистовство ограничило явное ея существованіе краткимъ временемъ; человѣкъ, одаренный необыкновенными способностями, возвысился изъ среды самого французскаго народа; крѣпкій умомъ и характеромъ и не менѣе сильный слабостью своихъ противниковъ, онъ нуждался лишь въ короткомъ времени и большомъ счастьи, чтобы обратить анархію въ военный деспотизмъ, безпримѣрный въ исторіи. Но тѣ же качества и тѣ же недостатки, которые составляли его силу въ періодъ возвышенія, должны были привести его къ паденію, когда онъ достигъ своего апогея. Желая возвыситься еще, онъ палъ, и такъ какъ возстановленіе принципа легитимности (съ 1814 г.) совершилось только въ отвлеченномъ смыслѣ,—оно привело, вслѣдствіе громадныхъ ошибокъ, къ новому разнузданію революціи. Послѣдняя, такъ сказать, облагородилась, и радикализмъ выкинулъ флагъ либерализма“. Затѣмъ Меттернихъ описываетъ, какъ англійское, французское и новыя правительства потворствуютъ злу, и какъ самъ императоръ Николай увлеченъ на ложную дорогу Каннингомъ [3]).

Прошелъ и 1827 годъ, оставивъ въ князѣ не лучшее впечатлѣніе. 1 января 1828 года онъ писалъ своему сыну Виктору:

...„Что касается другихъ предположеній о моей жизни, то я нахожу ихъ очень мрачными на 1828 годъ. Ничто не улыбается мнѣ кругомъ. *Одинъ среди міра въ безуміи*, я имѣлъ бы по крайней мѣрѣ

---

[1]) Знаменитый англійскій министръ Каннингъ возбуждалъ особенное негодованіе Меттерниха, какъ мы увидимъ ниже.

[2]) Императоръ Николай, какъ мы увидимъ ниже, уклонился отъ пути, намѣченнаго Меттернихомъ по греческимъ и восточнымъ дѣламъ, и на которомъ австрійскій дворъ удерживалъ Александра I.

[3]) № 853.

право скучать въ моемъ уединеніи, если бы чувство скуки было совмѣстимо съ чувствами гнѣва и презрѣнія"[1]).

Это расположеніе духа не было аффектировано. Мы имѣемъ достовѣрнаго свидѣтеля его тоски, который самъ раздѣлялъ ее. Третья жена Меттерниха, княгиня Меланія (рожденная Зичи), вышла за него замужъ въ январѣ 1831 года. Въ мартѣ она уже настолько посвящена въ горести мужа, что пишетъ въ своемъ дневникѣ:

„Генцъ [2]) и Климентъ [3]) болѣе чѣмъ обезпокоены совершающимся на свѣтѣ..... Въ Англіи дѣла, кажется, идутъ плохо, но хуже всего то, что мой бѣдный Климентъ (mein armer Klement), изготовивъ съ величайшимъ трудомъ планъ, чтобы уловить единственныя остающіяся намъ средства спасенія, никѣмъ не поддерживается и вездѣ встрѣчаетъ препятствія" [4]).

Подъ 23-мъ апрѣля, она пишетъ:

„Сегодня, за завтракомъ, Климентъ и Генцъ говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ во время управленія Стадіона, Кобенцеля и Коллоредо. Ядъ революціи уже тогда распространялся между нами" [5]).

Причину этой тоски понять не трудно. Далеко не всѣ дворы были согласны съ слѣдующимъ мнѣніемъ Меттерниха: „въ Европѣ имѣется только одно серьезное дѣло, и это дѣло — революція. Ее не нужно терять изъ виду, и правители не должны попадать въ ловушки, непрерывно разставляемыя имъ революціонерами, желающими отвлечь правительство отъ истинной опасности, т.-е. отъ революціи" [6]).

Въ каждомъ горѣ, однако, можно найти и утѣшеніе. Оно, можно сказать, заключалось въ самихъ свойствахъ печали, овладѣвшей канцлеромъ. Когда человѣкъ сознаетъ, что онъ одинъ владѣетъ разсудкомъ среди міра, впавшаго въ безуміе, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ видѣть въ себѣ существо особенное и призванное на неизмѣримо великія дѣла. Это чувство, когда оно питается благопріятными обстоятельствами, можетъ доставить не малыя утѣшенія, что̀ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Меттерниха.

Въ 1817 году, пожавъ нѣсколько лавровъ на германскомъ союзномъ сеймѣ, онъ писалъ къ своей женѣ:

„... Нельзя составить себѣ понятія о дѣйствіи, произведенномъ моимъ появленіемъ на сеймѣ. То, что, можетъ быть, никогда не кончилось бы, завершилось въ три-четыре дня. Я каждый день все бо-

---

[1]) № 881.
[2]) Ближайшій пріятель и сотрудникъ Меттерниха.
[3]) Имя Меттерниха.
[4]) т. V, стр. 93.
[5]) Тамъ же, стр. 96.
[6]) № 1060.

лѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что великія дѣла совершаются только лично. Все, находящееся во вторыхъ рядахъ, волнуется, томится и не двигается. Я сдѣлался нѣкоторой нравственной силой въ Германіи, можетъ быть даже въ Европѣ,—силою, которая, исчезнувъ, оставила бы пустоту. Между тѣмъ она исчезнетъ, какъ все зависящее отъ слабой и бѣдной природы человѣка. Надѣюсь, что небо дастъ мнѣ достаточно времени, чтобы сдѣлать нѣсколько добра: это мое пламенное желаніе“ [1]).

Чрезъ недѣлю онъ пишетъ:

„Мое пребываніе здѣсь увѣнчалось величайшими успѣхами. Я прибылъ во Франкфуртъ какъ *Мессія* для избавленія грѣшниковъ. Сеймъ принялъ новый видъ, какъ только я вмѣшался въ дѣло“ [2]).

Слово „Мессія“ употреблено въ этой выпискѣ только въ видѣ нѣкотораго сравненія, хотя и неумѣстнаго. Но вотъ уподобленія, болѣе существенныя.

Въ 1824 году (2-го іюля) Меттернихъ писалъ: „Я нахожусь въ хаосѣ, подобно человѣку, который уцѣлѣлъ бы стоя на островѣ, во время всемірнаго потопа. Я твердо стою на своемъ мѣстѣ, не бросаясь въ волны, но жду, чтобы онѣ подошли ко мнѣ ближе или отошли. Однихъ я призываю стать подлѣ меня, другихъ умоляю не бросаться безполезно въ воду. Всѣ меня слышатъ, но никто не хочетъ меня понять; иногда отъ меня требуютъ, чтобы я покинулъ свой постъ, но я работаю надъ тѣмъ, чтобы класть камень на камень и, гдѣ можно, стать еще выше“.

Понятно, какъ при такомъ убѣжденіи Меттернихъ относился къ другимъ государственнымъ людямъ. Между ними особенное въ немъ неуваженіе вызывалъ извѣстный Каннингъ, прервавшій въ Англіи узко-торійскую политику застоя и проложившій дорогу Р. Пилю. Ненавистный Меттерниху, вслѣдствіе своихъ уступокъ „либерализму“ и потворствъ возставшимъ грекамъ, Каннингъ вызвалъ въ умѣ австрійскаго министра слѣдующую параллель, очень выгодную для послѣдняго.

„Въ мірѣ есть два рода умовъ. Одинъ касается всего и не углубляется ни во что; другой опирается на факты и проникаетъ ихъ. Каннингъ въ высшей степени обладаетъ умомъ перваго рода; я, конечно, обладаю имъ въ меньшей степени, но скорѣе принадлежу, съ моими слабыми средствами, ко второй категоріи. Каннингъ летаетъ, я хожу; онъ подымается въ область, въ которой люди не живутъ, я нахожусь на уровнѣ человѣческихъ вещей. Послѣдствіемъ

1) № 259.
2) № 260.

этого различія будетъ то, что Каннингъ будетъ имѣть за себя романтиковъ, я буду причисленъ къ обыкновеннымъ прозаикамъ. Его роль блестяща какъ молнія, но столь же преходяща; моя не ослѣпляетъ, но она сохраняетъ то, что̀ первая уничтожаетъ!

„Такова простая, но несомнѣнная истина. Она всегда открывается историкамъ, но часто ускользаетъ отъ современниковъ. Люди, подобные Каннингу, падаютъ и подымаются по двадцати разъ; люди, подобные мнѣ, избавлены отъ труда подыматься, потому что они не подвержены столь частымъ паденіямъ. Первые занимаютъ и забавляютъ всегда партеръ; вторые часто ему надоѣдаютъ.

„Я долженъ быть очень скученъ для огромнаго большинства наблюдающихъ мою дѣятельность; но имъ придется поскучать, потому что я не перемѣнюсь“ [1]).

Другимъ современникамъ Меттернихъ не посвящалъ и такихъ параллелей. Его отзывы о нихъ были кратки, но выразительны. Напримѣръ, о графѣ Каподистрія онъ писалъ: „Каподистрія не дурной человѣкъ, но правильно говоря—основательный, круглый дуракъ“ [2]).

Нельзя не сказать, что современники Меттерниха весьма содѣйствовали укрѣпленію въ немъ подобныхъ чувствъ. Люди весьма охотно нарушаютъ заповѣдь: „не сотвори себѣ кумира“, и сами виноваты, если кумиръ возмнитъ себя Богомъ. Меттернихъ разсказываетъ намъ случаи такого идолопоклонства, предметомъ котораго былъ онъ.

Въ 1821 году, послѣ подавленія неаполитанской революціи австрійскими силами, Меттернихъ отправился въ поѣздку по Германіи и здѣсь принималъ поклоненіе, о которомъ повѣствуетъ весьма краснорѣчиво, причемъ въ его разсказѣ слышится та презрительная иронія, которою каждый *умный* кумиръ награждаетъ своихъ поклонниковъ.

Въ Ганноверѣ онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ англійскимъ и ганноверскимъ Георгомъ IV. Пріемъ, по словамъ Меттерниха, былъ дружественный. „Я не помню,—говорилъ онъ,—чтобы меня такъ нѣжно обнимали, и сколько я живу, мнѣ не приходилось выслушивать такихъ прекрасныхъ вещей“.

„Послѣ настоящаго потока похвалъ—причемъ король милостиво сравнивалъ меня со всѣми великими людьми древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени—я, наконецъ, дождался разговора о дѣлахъ, и тогда мнѣ не осталось желать ничего бо̀льшаго. Я совершу великія и хорошія дѣла, не имѣя притязанія превзойти Миноса,

---

[1]) № 818. Ср. №№ 833—864 и 865.
[2]) № 457.

Ѳемистокла, Катона, Цезаря, Густава-Адольфа, Мальборо, Питта, Веллингтона, и т. д., и т. д.—имена, названныя мнѣ его величествомъ такъ, какъ произносятъ литанію святыхъ“.

Здѣсь иронія прозрачна, но все же соотвѣтствуетъ высокому положенію англійскаго и ганноверскаго короля. Какъ говорилъ бы Меттернихъ о дружескомъ пріемѣ Георга IV, еслибы послѣдній былъ только ганноверскимъ королемъ,—это видно изъ его отзывовъ о торжественныхъ пріемахъ, сдѣланныхъ ему другими государями Германіи.

„Путешествіе, — говорилъ онъ,—ужасная вещь въ нынѣшнемъ моемъ положеніи. Я скучаю какъ монархъ при дворахъ, празднующихъ мой пріѣздъ, и какъ оракулъ, ибо каждый проситъ у меня совѣта. Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ счастіе уничтожить карбонаріевъ, думаютъ, что мнѣ стоитъ только появиться, чтобы уничтожить все, стоящее на дорогѣ тому или другому. Всѣ правительства теперь больны, и каждое—по своей винѣ; со времени моихъ нѣмецкихъ конференцій [1]), они видятъ во мнѣ высшаго законодателя Германіи, а съ 1821 года—истребителя революціонеровъ. Каждый проситъ меня истребить его революціонеровъ или, по крайней мѣрѣ, сообщить ему мой рецептъ“ [2]).

О прочихъ посѣтителяхъ и поклонникахъ Меттернихъ отзывается еще рѣзче. Одинъ изъ разрядовъ этихъ посѣтителей вызываетъ его справедливое презрѣніе. Тѣ, которыхъ онъ считалъ радикалами и якобинцами, являлись къ усмирителю итальянскихъ карбонаріевъ съ заявленіемъ чистоты своихъ намѣреній и чувствъ. Меттернихъ описываетъ эти привѣтствія съ неподдѣльнымъ юморомъ. Къ собственно народнымъ восторгамъ онъ относится снисходительно.

„Цѣлый день,—пишетъ онъ,—толпа людей стояла подъ моими окнами, и куда бы я ни шелъ, меня сопровождали дружественные клики. Когда этихъ людей спрашиваютъ, для чего они здѣсь, они отвѣчаютъ: „мы хотимъ его видѣть“. Этотъ родъ знаменитости въ Германіи доставленъ мнѣ итальянскими дѣлами. Любопытные хотятъ знать, какъ смотритъ человѣкъ, который проникся убѣжденіемъ, что карбонаріи просто сволочь, и не понимаютъ, какъ онъ устроился рѣшеніемъ такой легкой загадки. Народъ вездѣ добръ, но—дитя“.

Но болѣе всего достается отъ канцлера тѣмъ людямъ, въ средѣ коихъ онъ жилъ и, конечно, болѣе всего встрѣчалъ поклоненія. Въ февралѣ 1820 года, онъ проболѣлъ недѣли двѣ. По выздоровленіи и наканунѣ открытія своихъ пріемовъ, онъ написалъ слѣдующія строки:

---

[1]) Карлсбадскихъ 1819 г., и вѣнскихъ 1819 и 1820 гг.

[2]) № 543 и 544.

„Я опять возвращенъ свѣту; завтра вечеромъ открываю я мои салоны. Уже заранѣе дрожу я по поводу множества скучныхъ людей, которыхъ я долженъ буду принять. Ничто не привлекаетъ подобныхъ людей, какъ смерть или возвращеніе къ жизни, т.-е. *поводъ выразить соболѣзнованіе или поздравить.* Если бы эта проклятая порода ограничилась первымъ изъ этихъ поводовъ, по крайней мѣрѣ, относительно меня! Умереть—ничего, *но жить для этихъ людей* — хуже смерти" [1]).

Жить „для этихъ людей" приходилось, однако, по-неволѣ. Больше того: для нихъ приходилось работать.

„Мое положеніе,—писалъ онъ въ 1820 году,—представляетъ ту особенность, что всѣ взоры, всѣ ожиданія обращены туда, гдѣ я нахожусь" [2]).

„Моя голова утомлена, мое сердце уныло, и съ такими элементами я чувствую, *что міръ покоится на моихъ плечахъ.* Если бы я забылъ объ этомъ на одну минуту, то мнѣ напомнилъ бы о томъ каждый прибывшій курьеръ. „Что вы сдѣлаете"? спрашиваютъ меня. „Мы довѣряемъ только вамъ; наша судьба въ вашихъ рукахъ—что намъ дѣлать?" Таково содержаніе всѣхъ получаемыхъ депешъ" [3]).

„Почему,—восклицалъ онъ въ 1819 году,—между столькими милліонами людей, именно *я* долженъ думать тамъ, гдѣ другіе не умѣютъ думать, дѣйствовать, гдѣ другіе не дѣйствуютъ, и писать, потому что другіе этого не могутъ?" [4]).

Итакъ, ужасъ предъ грядущимъ и неизбѣжнымъ крушеніемъ, гордое сознаніе своей міровой „охранительной" роли, наслажденіе отъ всеобщаго поклоненія, переходившаго иногда въ идолопоклонство, и тоска отъ „привѣтствій" разныхъ „скучныхъ" людей—таковы разнообразныя и даже противорѣчивыя впечатлѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ жилъ князь Меттернихъ. Но какъ ни многочисленны и какъ ни разнообразны впечатлѣнія, все же они образуютъ въ человѣкѣ извѣстное *общее* настроеніе, даютъ извѣстный духовный *итогъ.* Меттернихъ самъ подвелъ его и выразилъ въ одномъ неожиданномъ признаніи. Съ страннымъ чувствомъ читаемъ мы его замѣтку, написанную наканунѣ новаго 1821 года.

„Счастливая минута хороша не только тѣмъ, что она счастлива (что само по себѣ хорошо), но и тѣмъ, что она укрѣпляетъ душу. При этомъ мнѣ живо вспомнились слова Наполеона. Во время про-

---

1) № 384.
2) № 432.
3) № 433.
4) № 366.

должительной бесѣды, мы разговорились о недавнемъ времени; внезапно онъ воскликнулъ: „ахъ, вы не знаете, какая сила — счастье! Оно одно даетъ мужество. Не смѣть (ne pas oser) значитъ не сдѣлать ничего достойнаго, а смѣть можно только при счастьи. Несчастье утомляетъ и ослабляетъ душу, и съ этой минуты не дѣлаешь ничего добраго“...

Почему слова падшаго императора пришли на память Меттерниху въ минуту его величайшаго могущества? Это видно изъ словъ, непосредственно слѣдующихъ за восклицаніемъ Наполеона.

„Я чувствую себя теперь одинокимъ, какъ обитатель пустыни; ничто мнѣ не улыбается и ничто меня не занимаетъ, кромѣ того, что меня утомляетъ. Пошлости мнѣ невыносимы, безсодержательныя слова ненавистны, плоское добродушіе обращается въ стоячую воду. А это образъ того, что здѣсь (въ Вѣнѣ) называется *обществомъ*. Слова и всегда слова; сколько я ихъ ни слышу — нечего отъ нихъ сохранять—стоитъ только забыть ихъ шумъ. Когда я, затѣмъ, спрашиваю себя, чѣмъ это кончится, и заключаю, что конецъ этого положенія будетъ, вѣроятно, обыкновеннымъ концомъ всѣхъ вещей, то я испытываю неописанный гнетъ въ душѣ и въ сердцѣ. *Не подлежитъ сомнѣнію, что пустота у людей увеличивается пропорціонально высотѣ ихъ положенія.* Если бы я могъ спрятаться туда, гдѣ столь многіе чувствуютъ себя довольными, мое нравственное состояніе было бы, можетъ быть, другое...“ [1]).

Судьба подымала, однако, другихъ людей на высоту, не меньшую той, на которой стоялъ Меттернихъ, и *пустота* не сопровождала ихъ на эту высоту. Не въ пустотѣ скончался Великій Петръ; не пустоту унесъ съ собою въ свое сельское уединеніе Вашингтонъ послѣ великихъ трудовъ по освобожденію Америки и славнаго президентства; не пустоту ощущалъ Робертъ Пиль, и не отъ нея страдалъ Кавуръ.

Все зависѣло, конечно, отъ содержательности началъ, во имя которыхъ дѣйствовалъ Меттернихъ, и свойствъ той среды, въ которой и для которой онъ долженъ былъ жить и дѣйствовать. Въ этомъ и состоитъ своеобразная трагедія Меттерниха. Онъ кончилъ свою политическую карьеру въ сознаніи полной тщетности всѣхъ своихъ многолѣтнихъ усилій. Онъ не сошелъ съ нея исполненный, подобно нашему Петру, великихъ плановъ и замысловъ: напротивъ, въ бѣгствѣ своемъ онъ ощущалъ, что онъ *весь вышелъ*, протвердивъ лѣтъ сорокъ одни и тѣ же „принципы“. Онъ удалился въ уединеніе, не имѣя возможности предвидѣть, подобно Вашингтону, будущаго ве-

---

[1]) № 546.

личія отечества; онъ не видѣлъ вдали, подобно Кавуру, обѣтованной земли—единства и свободы родины. Пустота сопровождала его въ изгнаніе такъ же, какъ давала себя знать и во время его могущества, въ тѣ минуты, когда онъ оставался одинъ, безъ поклонниковъ и льстецовъ, безъ тѣхъ людей, которыхъ онъ такъ презиралъ, но безъ которыхъ не могъ обходиться. Впрочемъ, и „эти люди", какъ мы увидимъ ниже, показали канцлеру, что они ищутъ не однихъ поводовъ „выразить соболѣзнованіе и поздравить", но что они умѣютъ также язвить и издѣваться. У „пустоты" оказались змѣиное жало и ослиныя копыта, какъ только недавній кумиръ получилъ отставку и пробирался тайкомъ по улицамъ Вѣны, объятой мятежомъ.

Истинная причина „пустоты" наглядно объясняется ея же жертвою. „Зло", противъ котораго боролся Меттернихъ, представлялось ему неизбѣжнымъ; ему можно было только ставить „преграды", задерживая разрушительный потокъ и охраняя, при помощи ловкихъ маневровъ, „ветхія зданія". Другими словами, министру предстояло жить изо-дня въ день, отсрочивая съ минуты на минуту паденіе общественнаго порядка, который рано или поздно, по глубочайшему убѣжденію самого охранителя, долженъ былъ пасть, оставивъ послѣ себя „хаосъ". Дѣятельность, направленная по такой дорогѣ, очевидно, должна была привести къ „пустотѣ", такъ какъ въ ней не было ничего творческаго и жизненнаго. Болѣе плодотворною была бы, вѣроятно, дѣятельность, направленная къ сочетанію историческихъ началъ государствъ съ новыми потребностями, разумными и законными, иначе говоря, къ обновленію государственнаго устройства. Но тогда пришлось бы разбирать, нѣтъ ли чего разумнаго и законнаго въ новыхъ стремленіяхъ, не слѣдуетъ ли различать элементы разрушенія и элементы обновленія, и не помѣщать ихъ одинаково въ „міръ безумія". Но такая работа не могла имѣть мѣста въ системѣ, первое слово которой было: „ничего не должно измѣнять".

III.

Девизъ.

„Система Меттерниха", въ общей своей цѣли, безъ сомнѣнія, удовлетворяла нѣкоторымъ насущнымъ потребностямъ тогдашней Европы. Европа только-что вышла изъ двадцатидвухлѣтняго (1792—1814) періода войнъ революціи и имперіи. Въ теченіе этого періода, война была послѣдствіемъ не только частныхъ причинъ и поводовъ. Она явилась плодомъ причинъ общихъ и была, до извѣст-

ной степени, возведена въ принципъ. Основное ея условіе—революціонная Франція, противупоставленная исторической Европѣ. Условіе ея продолженія—положеніе Наполеона, этого укротителя, но и солдата революціи, вѣнчаннаго представителя начала народовластія. Честолюбіе Наполеона только усиливало дѣйствіе этихъ причинъ. Наполеонъ былъ „завоевателемъ по положенію" гораздо больше, чѣмъ Людовикъ XIV или Карлъ V. Нужно ли доказывать, что послѣ такого страшнаго напряженія силъ, послѣ многихъ лѣтъ ежедневной тревоги, когда исторія, повидимому, замѣнилась военными реляціями—*миръ* и *покой* были первѣйшими потребностями народовъ?

Меттернихъ былъ правъ, указывая на эту цѣль, какъ на главнѣйшій предметъ европейской политики. Сверхъ того, какъ современникъ революціи и Наполеона, онъ имѣлъ основаніе связать во-едино два элемента этихъ событій—революцію и войну. Опытъ недавнихъ лѣтъ говорилъ ему: революція рождаетъ войну. Послѣ войнъ революціи и имперіи въ окрестныхъ государствахъ говорили: война ведетъ къ внутреннимъ переворотамъ.

Такія правила, конечно, не могутъ быть названы всеобщими, такъ какъ они были выведены Меттернихомъ изъ событій его времени. Но это не мѣшало ихъ практическому значенію въ эпоху, когда запросъ на миръ и покой былъ столь же великъ, какъ прежде на войну и революцію. Въ этомъ отношеніи устами Меттерниха говорила, до извѣстной степени, его эпоха.

Но онъ остановился, такъ сказать, на заглавныхъ буквахъ эпохи. Онъ прочелъ въ нихъ слова „миръ и покой" и не заглянулъ дальше. Дальше же онъ увидѣлъ бы много поучительнаго. Онъ узналъ бы, что эпоха мира, которой онъ думалъ быть провозвѣстникомъ, вовсе не считала себя предназначенной для одного *отрицанія* эпохи предшествовавшей. Подобно послѣдней, она была преемницею не только просвѣщенія XVIII вѣка, но и всѣхъ трехъ послѣднихъ столѣтій, съ ихъ „слишкомъ быстрыми успѣхами ума", на которые жаловался Меттернихъ. Французская революція была самымъ сильнымъ и самымъ крайнимъ выраженіемъ умственнаго и общественнаго движенія прошлаго вѣка, но революція и просвѣщеніе XVIII вѣка не были явленіями тождественными и первая не исчерпала послѣдняго.

Французская пропаганда, въ видѣ армій имперіи, была отражена. Но въ народахъ, освобожденныхъ отъ ига Наполеона, осталось нѣчто существенное, порожденное духомъ XVIII вѣка и окрѣпшее въ эпоху гигантской борьбы съ завоевателемъ. Такимъ „нѣчто" было національное чувство, тѣсно связанное съ стремленіями къ болѣе свободнымъ политическимъ формамъ. Существовала извѣстная доля законныхъ и здоровыхъ потребностей, которыя должно было принять въ

расчетъ при сооруженіи новаго политическаго зданія, если оно въ самомъ дѣлѣ предназначено было служить убѣжищемъ миру и покою.

Извѣстно, что этого не случилось. Акты вѣнскаго конгресса произвели формальное, чисто внѣшнее размежеваніе народовъ Европы, создали искусственную систему государствъ, построенную на началѣ нѣкоторой „легитимности", поправленной соображеніями знаменитаго „политическаго равновѣсія". Безъ особенной проницательности можно было видѣть, что дипломаты вѣнскаго конгресса, обезпечивая условія мира и покоя, посѣяли много сѣмянъ войны и революціи.

Въ видахъ „мира", на сѣверной границѣ Франціи созданъ былъ оплотъ въ видѣ Голландіи и Бельгіи, соединенныхъ въ одно государство; на дѣлѣ подготовлена была почва для бельгійской революціи. Въ видахъ мира, Австрія захватила лучшія провинціи Италіи, подѣлила среднюю часть полуострова между родственными ей династіями и возстановила неаполитанскихъ Бурбоновъ; на дѣлѣ она создала почву для непрерывнаго національнаго движенія, имѣвшаго постоянный революціонный характеръ, пока имъ не овладѣла сильная рука Кавура, и австрійцы не были изгнаны изъ этой благодатной страны. Въ видахъ мира, изъ 38 нѣмецкихъ государствъ, была образована конфедерація, съ ея безсильнымъ „сеймомъ", тотчасъ разочаровавшимъ всѣхъ патріотовъ, а потомъ сдѣлавшимся предметомъ презрительнаго равнодушія; на дѣлѣ были посѣяны сѣмена грознаго неудовольствія, выбросившаго, наконецъ, Австрію изъ Германіи.

Въ видахъ мира на испанскомъ престолѣ былъ возстановленъ ограниченный и жестокій Фердинандъ VII, безъ всякихъ гарантій для порядочнаго управленія страной; на дѣлѣ брошены были сѣмена не только революціи, но и анархіи, полвѣка терзавшей эту несчастную страну.

Но въ системѣ Меттерниха не было мѣста самымъ законнымъ потребностямъ, если только онѣ были отмѣчены печатью новизны. Его разсужденія были очень просты. Система публичнаго права создана для европейскихъ народовъ актами вѣнскаго конгресса. Она построена на началахъ легитимности и порядка, какъ эти начала были поняты уполномоченными правительствъ. Затѣмъ правительствамъ и народамъ остается твердо держаться этихъ началъ, не отступая отъ нихъ ни на одну букву. Прежде всего Меттернихъ призналъ эту обязанность для себя и для своего правительства, что и выразилось въ знаменитомъ его девизѣ, которымъ онъ такъ гордился: Kraft im Recht—сила (или твердость) въ правѣ. Девизъ этотъ является очень возвышеннымъ и привлекательнымъ, если бы только вторая его по-

ловина соотвѣтствовала дѣйствительному положенію вещей въ Европѣ. Къ сожалѣнію, то, что̀ австрійскій канцлеръ разумѣлъ подъ именемъ Recht, слишкомъ часто казалось Unrecht тѣмъ, къ которымъ означенное „право“ примѣнялось. Это обстоятельство сообщало „системѣ“ не только характеръ насилія, съ которымъ люди мирятся при извѣстныхъ условіяхъ, но и *неподвижности; застоя*, при которыхъ малѣйшее проявленіе жизни считается опаснымъ и подавляется. Kraft im Recht сдѣлалось девизомъ, противупоставленнымъ не началу „разрушенія“, но самой *жизни*, въ самыхъ естественныхъ ея проявленіяхъ.

Для характеристики этого направленія достаточно припомнить, съ какою ревностью Меттернихъ старался отвратить императора Александра I не только отъ „идей 1789 года“, отъ которыхъ императоръ отвратился самъ, но даже отъ покровительства библейскимъ обществамъ, и какъ онъ указывалъ на опасности „мистицизма“, просвѣщая императора то чрезъ Лебцельтерна (австрійскаго посланника въ Петербургѣ), то чрезъ гр. Нессельроде.

„Человѣческому уму,—писалъ онъ Лебцельтерну,—нравятся обыкновенно крайности. За вѣкомъ невѣрія, вѣкомъ, когда мнимые философы и ихъ ложныя ученія стремились стать на мѣсто всего, что̀ человѣческая мудрость признала тѣсно связаннымъ съ вѣчными началами нравственности, послѣдовала эпоха нравственной и религіозной реакціи. Но духъ всякой реакціи по необходимости ложенъ, и только людямъ мудрымъ и, слѣдовательно, сильнымъ, дано не сдѣлаться игрушкой ни лже-философовъ, ни святошъ“.

При нѣкоторой чуткости къ жизненнымъ условіямъ, Меттернихъ легко могъ бы понять, что „религіозная реакція“ и связанный съ нею романтизмъ были единственными движеніями и направленіями, способными вложить какую-нибудь *идею* въ то, что̀ называлось „реставраціею“; что они были главнымъ въ то время выходомъ изъ міра пошлости, выходомъ, котораго жадно искали души, не могшія успокоиться въ условіяхъ наружнаго „порядка“, созданнаго вѣнскими трактатами. Но въ этихъ движеніяхъ обнаружилась извѣстная *самостоятельность* человѣческаго духа, а потому они могли неожиданно вывести народы на новые и невѣдомые пути. Словомъ, они были подозрительны и опасны. Вотъ почему Меттернихъ счелъ нужнымъ обратить на нихъ особенное вниманіе.

Изложивъ дошедшія до него свѣдѣнія о нѣкоторыхъ безчинствахъ разныхъ сектъ и опасномъ вліяніи г-жи Крюднеръ (!) въ Швейцаріи, канцлеръ заключаетъ:

„Мудрости великихъ державъ, безъ сомнѣнія, достойно обратить вниманіе на зло, которое возможно и даже легко подавить въ началѣ,

но которое усилится при распространеніи. Дворы не должны забывать, что въ Европѣ существуетъ классъ нарушителей общественнаго спокойствія, обманутыхъ въ своихъ расчетахъ твердостью и постоянствомъ, а также вѣрными и великодушными принципами монарховъ, спасшихъ Европу. Эти люди, отчаявшіеся и прижатые въ своихъ послѣднихъ окопахъ, смотрятъ, какъ на свой удѣлъ, на всѣ вопросы какого-нибудь безпорядка, и намъ суждено, быть можетъ, видѣть редакторовъ *Nain Jaune* и *Vrai Libéral*, проповѣдующихъ о тщетѣ этого міра, и Карно съ Барeромъ, сдѣлавшихся апостолами новаго Іерусалима. Этотъ предметъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія; онъ связанъ больше, чѣмъ думаютъ, съ общественнымъ и государственнымъ спокойствіемъ, и великія державы должны не замедлить обсужденіемъ средствъ поставить преграды замысламъ зачинщиковъ революціи новаго рода“ [1]).

Если методисты, Крюднеръ и мистики могли сдѣлаться зачинщиками „революціи новаго рода“, то тѣмъ бо́льшую опасность представляли настоящія возстанія, хотя и происходившія внѣ круга державъ, занесенныхъ въ протоколы вѣнскаго конгресса. Таково было возстаніе *грековъ*. Нѣтъ нужды доказывать, что изъ всѣхъ возстаній, происходившихъ на материкѣ Европы, возстаніе грековъ объяснялось наиболѣе уважительными причинами. Нѣтъ также нужды объяснять, почему греческое возстаніе вызвало сильнѣйшее сочувствіе во всѣхъ образованныхъ классахъ Европы. Но, съ точки зрѣнія вѣнскаго двора, это событіе могло быть отнесено только въ разрядъ „революцій“, требующихъ немедленнаго подавленія.

Свой взглядъ на это событіе Меттернихъ выразилъ тотчасъ по полученіи о немъ извѣстія въ Лайбахѣ, гдѣ тогда былъ собранъ конгрессъ по поводу революцій въ Неаполѣ и въ Пьемонтѣ. Вотъ что́ писалъ Меттернихъ графу Рехбергу:

„Новое событіе, долженствующее, въ эту минуту всеобщаго кризиса, сильно содѣйствовать возбужденію умовъ, есть возстаніе грековъ... Князь Ипсиланти, генералъ-майоръ русской службы, сталъ во главѣ этого возстанія, и князь Сутцо, молдавскій господарь, объявилъ себя за него. Само собою разумѣется, что возстаніе есть дѣло тайнаго общества, приготовлявшаго для него матеріалы въ теченіе двухъ лѣтъ. Это общество тождественно съ обществомъ карбонаріевъ, и *задолго мы указывали на него турецкому правительству*; но послѣднее не придавало ему никакой цѣны“.

Затѣмъ Меттернихъ съ торжествомъ говоритъ, что императоры австрійскій и русскій приказали объявить въ Константинополѣ, что,

---

[1]) № 238.

„вѣрные публично выраженнымъ ими принципамъ, они никогда и нигдѣ не будутъ поддерживать враговъ общественнаго порядка и никогда не подадутъ помощи возставшимъ грекамъ; что, съ другой стороны, они предоставляютъ самой Портѣ заботиться о своей безопасности“ [1]).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ показать, основываясь на письмахъ и депешахъ Меттерниха, какъ велось европейскими дворами греческое дѣло. Какъ, „съ одной стороны“, вѣнскій дворъ искусно удерживалъ Россію отъ вмѣшательствъ въ турецкія дѣла, въ противность всѣмъ интересамъ и преданіямъ Россіи, какъ, „съ другой стороны“, велась дипломатическая переписка съ Портой съ цѣлью ея „умиротворенія“, т.-е. та жалкая игра, надъ которой Порта привыкла смѣяться.

Между тѣмъ, греки и турки, „предоставленные сами себѣ“, рѣзались безпощадно, и первые, конечно, истреблялись съ истинно турецкою жестокостью. Негодованіе въ Европѣ росло. Имена добровольныхъ мучениковъ за греческую свободу увеличились именемъ Байрона. Общественное мнѣніе во Франціи и въ Англіи громко требовало прекращенія позорной бойни. На русскомъ престолѣ появился молодой и бодрый государь, нерасположенный приносить интересы Россіи въ жертву видамъ вѣнскаго двора. Въ это время (въ 1826 г.), Меттернихъ составилъ „историческую записку о греческихъ дѣлахъ и способахъ умиротворенія Турціи“. Начало этой записки свидѣтельствуетъ, до какой степени Меттернихъ оставался вѣренъ своимъ „принципамъ“.

„Возстаніе грековъ,—писалъ онъ,—съ самаго начала было осуждено всѣми главными христіанскими державами, однѣми явно, другими молчаливо, какъ революціонная попытка, которую не могло бы никогда оправдать самое явное угнетеніе (если бы виновники возстанія могли его доказать), и какъ событіе, которое должно было прибавить массу новыхъ затрудненій и опасностей къ критическому безъ того положенію Европы. Во всякихъ другихъ обстоятельствахъ, державы, ради вѣрности принципамъ, торжественно ими провозглашеннымъ и примѣненнымъ не къ одной революціи нашего времени (Неаполь, Пьемонтъ, Испанія), и ради интересовъ мира, добраго порядка и права, могли бы оказать поддержку оскорбленному правительству и помочь ему затушить какъ можно скорѣе пожаръ, грозившій покою трехъ частей свѣта... Единственное соображеніе остановило государей: ихъ отвращала мысль о вооруженной помощи господству власти, исповѣдующей догматы, враждебные христіанству, противъ поддан-

[1]) № 548.

ныхъ, хотя виновныхъ, но христіанъ и несчастныхъ. Это соображеніе бросило ихъ въ трудную дилемму — ни имѣть возможности помочь грекамъ, не нарушая публичнаго права, ни сражаться съ ними, не оскорбляя религіозныхъ чувствъ. *Пассивное выжиданіе* (отличное отъ нейтралитета въ собственномъ смыслѣ) было единственнымъ средствомъ примирить эти два великіе интереса (!). Съ этой минуты роль державъ ограничивалась пользованіемъ тѣмъ, что̀ могла дать имъ просвѣщенная, доброжелательная и искусная дипломатія, и что̀ ихъ соединенное вліяніе могло сдѣлать для прекращенія борьбы, въ которую имъ не дозволено было вмѣшиваться матеріальными силами" [1]).

Но пока „просвѣщенная, доброжелательная и искусная" дипломатія держала такія рѣчи, событія шли съ ужасающею быстротой. Дикія полчища Ибрагима-паши наводнили Морею. Все было опустошено и вырѣзано. Съ паденіемъ Миссолонги должно было, повидимому, исчезнуть самое имя грековъ. Но въ это время три державы (Россія, Англія и Франція) нашли, что имъ „дозволено" вмѣшаться въ борьбу. Блестящее наваринское дѣло было отвѣтомъ на звѣрство Ибрагима.

Получивъ извѣстіе о гибели турецкаго флота, Меттернихъ пришелъ въ ужасъ. Въ своемъ докладѣ императору Францу онъ доказывалъ, что Каннингъ повелъ Англію, Россію и Францію по революціонной дорогѣ. Еще больше жаловался онъ графу Нессельроде, нѣсколько иронически отозвавшемуся о Меттернихѣ въ *частномъ* письмѣ къ Татищеву, которое послѣдній показалъ Меттерниху.

Выходка Нессельроде интересна, какъ нѣкоторый крикъ жизни, раздавшійся оттуда, куда жизнь рѣдко находитъ себѣ доступъ—изъ кабинета дипломата. Но Нессельроде, очевидно, былъ подъ вліяніемъ восторга, охватившаго весь Петербургъ при извѣстіи о славномъ наваринскомъ днѣ. Вотъ что̀ писалъ онъ Татищеву.

„Что̀ скажетъ нашъ другъ Меттернихъ объ этомъ огромномъ торжествѣ? Онъ будетъ твердить о своихъ старыхъ и скучныхъ принципахъ; онъ будетъ говорить о правѣ; — да здравствуетъ сила! Она управляетъ теперь міромъ, и я былъ бы доволенъ, если бы я и всѣ мои сотоварищи предоставили заботы о дѣлахъ адмираламъ. Вотъ люди, умѣющіе рѣшать вопросы!"

Эта неумѣстная, можетъ быть, подъ перомъ дипломата, но невинная выходка вызвала слѣдующее замѣчаніе Меттерниха, съ которымъ согласился и императоръ Францъ: „такъ думали и говорили Карно и Дантонъ и ихъ позднѣйшіе подражатели" [2]). И въ самомъ

---

[1]) № 828.

[2]) № 880.

дѣлѣ, наваринское дѣло явилось некстати: Меттернихъ въ своемъ докладѣ пространно разсуждалъ о выборѣ двухъ путей для воздѣйствія на Порту: или médiation или pacification; первый почему-то представлялъ „революціонный“ принципъ, второй—принципъ „вѣчнаго права“. И вдругъ, вмѣсто pacification или médiation, явилось destruction турецкаго флота.

Можно представить себѣ, что̀ почувствовалъ и что̀ высказалъ Меттернихъ послѣ русско-турецкой войны и славнаго для насъ адріанопольскаго мира. Для этого нужно бы было привести цѣликомъ всю его депешу къ князю Эстергази, австрійскому послу въ Лондонѣ [1]). Эта депеша—настоящій крикъ отчаянія, вполнѣ понятнаго, такъ какъ Австрія разыграла въ греческомъ дѣлѣ весьма жалкую роль, и настоятельныя требованія жизни обошли „Kraft im Recht“, оставивъ въ сторонѣ главнаго представителя начала „неизмѣнности“ всего легально существующаго. Меттернихъ могъ утѣшить себя впослѣдствіи, когда подъ вліяніемъ польскаго возстанія и революціи 1830 г., вѣнской дипломатіи удалось опутать русскую политику, за что̀ потомъ мы такъ дорого заплатили. Свиданіе въ Мюнхенгрецѣ (1833) и заключенный здѣсь договоръ о вмѣшательствѣ на время послужили вознагражденіемъ за Наваринъ и Адріанополь.

IV.

Девизъ на дѣлѣ.

Если нѣкоторыя движенія, каковы были возстаніе грековъ или, впослѣдствіи, бельгійская революція, выходили изъ той сферы, въ которой могли быть непосредственно примѣняемы начала вѣнской политики, то другія совершались именно въ этой сферѣ. Меттернихъ долго былъ хозяиномъ въ Германіи и въ Италіи. Здѣсь могъ онъ обнаружить всю силу своего девиза. Но примѣненіе каждаго принципа обусловливается рядомъ соотвѣтствующихъ практическихъ мѣръ. Въ политикѣ Меттерниха эти мѣры опредѣлялись свойствомъ ея принципа.

Общая цѣль политики состояла въ сохраненіи всего, законно существующаго, въ противупоставленіи начала „устойчивости“ началу движенія, приносящаго новизну. Отсюда слѣдовало, что всякое движеніе, начинавшееся внутри государствъ, должно быть подавляемо съ самаго начала; если же правительство данной страны не въ со-

---

[1]) № 949.

стояніи само справиться съ такимъ движеніемъ, то прочія державы, заинтересованныя въ охраненіи тишины, обязаны вмѣшаться въ его дѣла и подать ему вооруженную помощь. Такимъ образомъ, *репрессія* и *вмѣшательство* сдѣлались двумя главными, если не единственными средствами поддержанія мира и тишины въ Европѣ. Сила репрессіи обнаружилась, главнымъ образомъ, въ Германіи; сила вмѣшательства—въ Италіи и въ Испаніи.

Исторія репрессивныхъ мѣръ въ Германіи настолько извѣстна, что едва ли необходимо возстановлять ее въ продолжительномъ разсказѣ. Здѣсь достаточно будетъ напомнить главные факты и указать на обстоятельства, характеризующія дѣятельность Меттерниха и ближайшихъ его сотрудниковъ: Генца и Адама Миллера.

Признаки неудовольствія и броженія обнаружились въ Германіи, какъ извѣстно, тотчасъ послѣ того, какъ въ дѣяніяхъ вѣнскаго конгресса и въ первыхъ дѣйствіяхъ союзнаго сейма проявились черты политики, усвоенной вѣнскимъ дворомъ и другими державами относительно внутреннихъ дѣлъ германскаго союза. Уже въ 1817 году, по случаю празднованія 300-лѣтія реформаціи, въ день годовщины лейпцигской битвы (1813 г.), въ Вартбургѣ была устроена довольно шумная демонстрація членами студенческаго буршеншафта, прибывшими на праздникъ. Подражая Лютеру, торжественно сжегшему папскую буллу, участники празднествъ сожгли заглавные листы сочиненій Кампца, Коцебу, Галлера и другихъ писателей реакціоннаго направленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сожжены и другіе „символы реакціи“, какъ ихъ называли. Эта шумная демонстрація не имѣла серьезныхъ послѣдствій уже по одному тому, что между стремленіями „буршеншафта“ и цѣлями настоящихъ тайныхъ обществъ нельзя было установить прямой связи. Меттернихъ не преминулъ, впрочемъ, послать къ одному изъ любимцевъ прусскаго короля, кн. Витгенштейну, особый мемуаръ, въ которомъ доказывалось, что Германія вообще и Пруссія въ особенности находятся въ революціонномъ броженіи, и что нѣмецкіе профессора составили, если не заговоръ, то планъ воспитанія будущихъ поколѣній къ революціи [1]).

Это представленіе не произвело желаннаго дѣйствія. Король Фридрихъ-Вильгельмъ не измѣнилъ существенно своей внутренней политики, а въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ (Баваріи, Баденѣ, Виртембергѣ), по волѣ ихъ государей, были введены представительныя учрежденія (1818—1819). Но черезъ два года послѣ вартбургскаго празднества совершилось событіе, давшее Меттерниху сильный поводъ къ проведенію давно задуманныхъ мѣръ.

---

[1]) Мемуаръ 1818 г. (№ 306).

Коцебу, на котораго смотрѣли какъ на агента русскаго двора, былъ убитъ въ Мангеймѣ (Баденъ) молодымъ фанатикомъ Зандомъ. Убійца былъ осужденъ и казненъ, при чемъ тщательно произведенное слѣдствіе не раскрыло какихъ-либо сообщниковъ Занда, тѣмъ болѣе оно не открыло слѣдовъ тайнаго общества, по волѣ котораго будто бы Зандъ совершилъ свое преступленіе.

Но эти факты были безсильны надъ рѣшительностью Меттерниха и его сотрудниковъ—Генца и А. Мюллера. Генцъ, сообщая о мангеймскомъ событіи Меттерниху, находившемуся тогда въ Римѣ, не скрывалъ своей радости, такъ какъ мангеймская катастрофа должна была „вызвать рѣшенія и содѣйствовать мѣрамъ, которыя безъ этого были бы приняты гораздо позже, а можетъ быть, и никогда бы не осуществились“ [1]).

Меттернихъ раздѣлялъ этотъ взглядъ. „Я, съ своей стороны,—писалъ онъ,—не сомнѣваюсь, что убійца дѣйствовалъ не по собственному побужденію, а подъ вліяніемъ тайнаго союза. Здѣсь изъ истиннаго зла произойдетъ и нѣкоторое добро, ибо бѣдный Коцебу предстоитъ въ видѣ argumentum ad hominem, котораго не въ состояніи будетъ устранить даже либеральный герцогъ веймарскій. *Я постараюсь дать дѣлу наилучшій оборотъ и извлечь изъ него возможно больше*“ [2]).

Но какъ можно было назвать убійство „наилучшимъ оборотомъ дѣла“, и какая „польза“ могла быть изъ убійства извлечена? Въ этомъ отношеніи, судя по бумагамъ Меттерниха, его воззрѣнія расходились съ ближайшими цѣлями его сотрудниковъ. Генцъ и Мюллеръ (особенно послѣдній) видѣли въ мангеймской катастрофѣ удобный предлогъ наложить руку на университетъ и на печать, видоизмѣнить самый духъ нѣмецкаго просвѣщенія. Меттернихъ, конечно, согласился съ ними относительно характеристики нѣмецкихъ университетовъ и печати, но его стремленія шли гораздо дальше. Своимъ „argumentum ad hominem“ онъ хотѣлъ воспользоваться для того, чтобы остановить преобразовательныя стремленія, сигналъ къ которымъ былъ данъ изъ южной Германіи, и особенно привлечь на свою сторону Пруссію, гдѣ духъ реформъ Штейна еще былъ силенъ.

Съ высоты такихъ цѣлей, стремленія какого-нибудь Мюллера казались Меттерниху довольно мелкими, а иногда и смѣшными. Перечитывая его переписку, можно убѣдиться въ томъ, что онъ въ тайнѣ не придавалъ серьезнаго значенія волненіямъ буршеншафтовъ, „пропагандѣ“ профессоровъ и всему тому, на чемъ настаивалъ Мюл-

---

[1]) № 335.
[2]) № 338.

леръ, въ которомъ странность или узкость взглядовъ соединялась съ мелкимъ желаніемъ отомстить нѣкоторымъ профессорамъ. Приведемъ нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Меттерниха.

Въ апрѣлѣ 1819 онъ подшучиваетъ надъ мнѣніемъ Мюллера, что „университетскіе безпорядки порождены собственно *реформаціею*, и что поэтому они могутъ быть устранены только упраздненіемъ послѣдней". Соглашаясь вообще съ правильностью этого взгляда, Меттернихъ замѣчаетъ, что ему никакъ нельзя состязаться съ Мартиномъ Лютеромъ, и что можно сдѣлать кое-что полезное, не затрогивая протестантизмъ въ его источникѣ. „Послѣдняя, впрочемъ замѣчательная, записка Мюллера,—заключаетъ онъ,—напомнила мнѣ предложеніе Головкина изслѣдовать „les causes primitives de la révolution française" [1]).

Затѣмъ, отвѣчая на проекты своихъ друзей о преобразованіи университетовъ [2]), Меттернихъ высказываетъ слѣдующій взглядъ на значеніе этихъ учрежденій въ дѣлѣ революцій.

„Буршъ, взятый самъ по себѣ,—дитя, а буршеншафты—непрактическая, кукольная забава. Поэтому я никогда—вы тому свидѣтель—не говорилъ о студентахъ, а останавливалъ мое вниманіе на профессорахъ. Но нѣтъ болѣе неподходящихъ заговорщиковъ, какъ профессора, отдѣльно или вмѣстѣ взятые... Поэтому я никогда не боялся, что революція будетъ произведена университетами, но мнѣ кажется достовѣрнымъ, что въ нихъ можетъ образоваться поколѣніе революціонеровъ, если злу не будетъ положено предѣловъ". Но и относительно этихъ предѣловъ Меттернихъ высказываетъ довольно успокоительные взгляды.

„Величайшее и поэтому настоятельнѣйшее зло, въ настоящее время,—писалъ онъ,—есть *печать*". Противъ нея онъ считаетъ нужнымъ подготовить самыя серьезныя мѣры. Но выше даже этихъ мѣръ должно поставить способы обуздывать отдѣльныя нѣмецкія правительства, потворствующія вольномыслію. Для этого должно дать соотвѣтствующее толкованіе XIII ст. Союзнаго акта, возвѣщавшей, что во всѣхъ германскихъ государствахъ будетъ введено земское представительство (Landständische Verfassung).

Для проведенія этихъ мѣръ, сеймъ представлялся неудобнымъ. Нѣкоторыя государства выказывали явно оппозиціонный духъ, какъ, напримѣръ, Саксенъ-Веймаръ и Виртембергъ. Сверхъ того, совѣщанія сейма, хотя и негласныя, не представлялись настолько секретными, чтобы слухъ о нихъ не могъ проникнуть въ общество и не

---

[1]) № 342.
[2]) №№ 343, 346.

взволновать общественнаго мнѣнія. Поэтому путь министерскихъ конференцій, рѣшенія которыхъ передавались бы сейму для формальнаго утвержденія, представлялся наиболѣе удобнымъ. Такую конференцію и предположено было созвать въ Карлсбадѣ. Но для успѣха совѣщаній необходимо было заручиться согласіемъ сильнѣйшей нѣмецкой державы, т.-е. Пруссіи, король которой все еще оставался на „дурной дорогѣ“.

Обращеніе Фридриха-Вильгельма III на хорошую дорогу состоялось на свиданіи, которое имѣлъ съ нимъ Меттернихъ въ Теплицѣ (28 іюля 1819 г.). Донесеніе объ этомъ свиданіи, представленное императору Францу, имѣетъ высокій интересъ и живо рисуетъ тѣ „пути“, которыми дѣйствовалъ Меттернихъ.

„Императоръ, — говоритъ Меттернихъ Фридриху-Вильгельму,— убѣжденъ, что смута въ Германіи достигла такихъ размѣровъ, что *наступилъ день выбора между началомъ охраненія и совершеннымъ подчиненіемъ революціи*, т.-е. политическою смертью. Императоръ готовъ ставить преграды потоку, но для этого необходимы соединенныя усилія... *Въ Пруссіи имѣется король, но мы не находимъ въ ней королевской власти.* Если король предоставитъ злу, которое грозитъ его трону и его личности, свободное теченіе, то императоръ долженъ будетъ пойти по своей дорогѣ, отказавшись отъ общихъ дѣлъ“.

Король былъ потрясенъ; онъ горячо заявилъ о своемъ желаніи добра. Но у него нѣтъ людей, и онъ проситъ содѣйствія Меттерниха. Послѣдній обѣщаетъ свою помощь, но указываетъ, что въ Пруссіи нѣтъ людей, способныхъ осуществить предложенныя мѣры, даже—хуже того. „Я могу говорить съ В. В. откровенно. Совѣты, данные вамъ до сихъ поръ, были или нехороши, или дурно осуществлены. Заговоръ, открытый нынѣ... имѣетъ свое начало и свое пребываніе въ Пруссіи. Низшіе заговорщики теперь открыты, но высшіе еще неизвѣстны, *а они несомнѣнно находятся въ высшихъ разрядахъ вашихъ слугъ.* Вамъ извѣстно, какъ я думаю, о князѣ Гарденбергѣ [1]); онъ оказалъ В. В. большія услуги, но теперь онъ старъ и немощенъ тѣломъ и духомъ. Онъ всегда желаетъ добра, но слишкомъ часто поддерживаетъ зло“.

Смущеніе короля достигло высшей степени. Заговоръ среди его высшихъ слугъ! Сообщники революціи среди сотрудниковъ князя Гарденберга! Не сразу, однако, отказался король отъ послѣдняго. Онъ просилъ Меттерниха войти съ нимъ въ соглашеніе на предстоящихъ конференціяхъ. Меттернихъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы на конференціи, кромѣ кн. Гарденберга, были присланы князь Вит-

---

[1]) Прусскомъ канцлерѣ.

генштейнъ и графъ Бернсторфъ, какъ люди надежные. Король не только изъявилъ свое согласіе, но и сверхъ того просилъ Меттерниха „связать этихъ людей письменными условіями, прибавивъ, впрочемъ, что на князя Витгенштейна вполнѣ можно положиться [1]).

Съ особеннымъ торжествомъ доложилъ Меттернихъ императору Францу о результатахъ свиданія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ на его усмотрѣніе мотивированный планъ своихъ дѣйствій на предстоящихъ конференціяхъ. Здѣсь онъ высказывается со всею полнотою и откровенностью [2]).

„Почти непонятная неправильность политики большинства нѣмецкихъ правительствъ (съ прусскимъ во главѣ),—писалъ онъ,—дала революціонному духу въ Германіи такое развитіе, что теперь, можетъ быть, наступилъ періодъ, когда помощь еще возможна.

„Прежде нѣмецкіе революціонеры были раздѣлены подобно государствамъ, въ коихъ они жили. Но заговорщикамъ скоро стало ясно, что при такихъ условіяхъ не могло быть сдѣлано никакого рѣшительнаго удара. *Прусская военная партія* думала сначала увеличить Пруссію завоеваніями; *прусская гражданская партія* ограничилась усиліями преобразовать Пруссію. Нѣкоторые (и замѣчательно, что всѣ они принадлежатъ къ сословію учащихъ) скоро пошли дальше и, съ революціонной точки зрѣнія, правильнѣе. Они устремили свое вниманіе *на соединеніе нѣмцевъ въ единую Германію*.

„Для этой цѣли не могло служить поколѣніе, *воспитавшееся*; они тотчасъ обратили вниманіе на поколѣніе *воспитывающееся*. Этотъ планъ не представляетъ узкаго поприща для нетерпѣливыхъ умовъ, такъ какъ поколѣніе студентовъ обнимаетъ срокъ—самое бо̀льшее—четырехлѣтній. Такая систематическая обработка юношества для указанной цѣли продолжается уже болѣе одного поколѣнія; цѣлый классъ будущихъ чиновниковъ, народныхъ учителей и ученыхъ подготовляется къ революціи.

„Если принять во вниманіе, что въ Прусскомъ государственномъ управленіи бо̀льшее число и притомъ важнѣйшихъ мѣстъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціяхъ (особенно въ Рейнскихъ), занято *чистыми* революціонерами, то неудивительно, что Пруссію можно считать готовою къ революціи.

„Два обстоятельства оказали этому плану содѣйствіе, послѣдствія котораго теперь трудно еще предвидѣть: дошедшая до безумія распущенность печати во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и введеніе

---

[1]) № 351.
[2]) № 352.

демагогическихъ (!) государственныхъ учрежденій въ южной Германіи [1]). То, что слабость подготовляла годами въ Пруссіи,—Баварія совершила однимъ ударомъ; Баденъ сдѣлалъ то же въ подражаніе Баваріи, а Виртембергъ старается теперь расширить" [2]).

Итакъ, понятіе „революціи" было распространено на широкій кругъ вещей и лицъ. Мы находимъ здѣсь не только настоящихъ революціонеровъ, но и прусскія „партіи"—военную и гражданскую, прусскихъ министровъ, оберъ-президентовъ и президентовъ, королей баварскаго и виртембергскаго, в. г. баденскаго, и т. д. Не говоримъ уже объ „учащихъ и учащихся".

Зло, пошедшее такъ далеко, очевидно, требовало самыхъ серьезныхъ мѣръ. Обсужденіе и принятіе ихъ Меттернихъ предположилъ раздѣлить на два періода. Въ первый—онъ полагалъ обсудить и принять мѣры, касающіяся обузданія печати, упорядоченія университетовъ и искорененія „демагоговъ". Эти вопросы предполагалось обсудить на карлсбадскихъ конференціяхъ. Затѣмъ предположено созвать министерскія конференціи въ Вѣнѣ, для окончательнаго разъясненія цѣли и назначенія германскаго союза и смысла XIII ст. Союзнаго акта 1815 года. Императоръ Францъ одобрилъ съ нѣкоторыми измѣненіями планъ Меттерниха, для котораго настала минута величайшаго торжества.

Конференціи въ Карлсбадѣ открылись въ концѣ августа 1819 г. [3]). Какъ конференція, такъ и сеймъ приняли слѣдующія четыре предложенія: 1) временныя правила объ экзекуціи противъ государствъ, неисполняющихъ своихъ обязанностей относительно союза; 2) правила относительно печати; 3) временныя правила объ университетахъ; 4) учрежденіе центральной слѣдственной коммиссіи въ Майнцѣ, для разслѣдованія демагогическихъ происковъ. Члены конференціи, предъ отъѣздомъ, поднесли Меттерниху благодарственный адресъ [4]). Но, конечно, эти выраженія благодарности не достигли высоты того самодовольствія, которое ощущалъ Меттернихъ [5]).

Несмотря на скуку, которую онъ ожидалъ отъ конференцій въ Вѣнѣ, канцлеръ готовился къ нимъ какъ къ новому торжеству. Предъ открытіемъ ихъ, онъ писалъ къ одному изъ своихъ друзей:

---

[1]) Эти „демагогическія" учрежденія дѣйствуютъ въ южной Германіи и по сей день.

[2]) Виртембергъ получилъ свою хартію 25 сентября 1819.

[3]) Въ нихъ приняли участіе уполномоченные Австріи, Пруссіи, Баваріи, Виртемберга, Саксоніи, Ганновера, Бадена, Мекленбурга, Нассау, Кургессена и Саксенъ-Веймара.

[4]) № 355.

[5]) Ср. №№ 360, 365.

„Дѣла по конференціи подвигаются впередъ и идутъ хорошо... Я сказалъ моимъ 25 друзьямъ прямо и рѣшительно, чего мы хотимъ и чего мы не хотимъ. Это заявленіе вызвало всеобщее одобреніе, и каждый объявилъ, что онъ никогда не хотѣлъ бо̀льшаго, меньшаго или вообще другого, какъ чего хотѣли мы. Итакъ, я окруженъ людьми, которые восхищены собственною силою воли, и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ нихъ за нѣсколько дней предъ этимъ не зналъ, чего онъ хочетъ или долженъ хотѣть. Это обыкновенная судьба подобныхъ съѣздовъ [1]). Я давно убѣдился въ томъ, что между извѣстнымъ числомъ лицъ находится только одно, которому ясно, о чемъ идетъ дѣло. Я останусь побѣдителемъ здѣсь, какъ и въ Карлсбадѣ, т.-е. всѣ захотятъ того, чего хочу я, а такъ какъ я хочу только справедливаго, то думаю, что заслужу свою побѣду. Но замѣчательно будетъ то, что эти люди возвратятся домой въ глубокомъ заблужденіи, что они оставили Вѣну съ тѣми же воззрѣніями, съ какими они въ нее пріѣхали“ [2]).

Можно предположить, что эта характеристика „25 друзей“ Меттерниха была довольно вѣрна, потому что ему удалось провести свои главныя воззрѣнія на цѣль и устройство союза, также на значеніе XIII ст. Союзнаго акта 1815 года, толкованіе которой особенно его безпокоило. Правда, австрійское предложеніе, основанное на изслѣдованіяхъ ученаго Генца [3]), не могло пройти во всей его чистотѣ. Австрія, устами Генца, доказывала, что XIII статья дозволяетъ только сословно-совѣщательныя собранія, въ духѣ среднихъ вѣковъ, и *воспрещаетъ* представительное устройство въ новомъ смыслѣ. Но принятіе такого предложенія, независимо отъ ограниченія суверенитета отдѣльныхъ государей, повлекло бы за собою отмѣну пожалованныхъ уже хартій въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, что вызвало бы разныя безпокойства, которыхъ не хотѣлъ Меттернихъ.

Но допуская новыя формы представительствъ, въ принципѣ, можно было установить общія правила для ихъ примѣненія. Ст. 55 „вѣнскаго заключительнаго акта“ предоставляла каждому отдѣльному правительству вводить у себя представительныя учрежденія въ старой или въ новой формѣ, но при этомъ постановлялось общимъ правиломъ (ст. 55), что каждая хартія должна быть согласована „съ общимъ типомъ германскихъ государствъ“, т.-е. съ типомъ монархическимъ.

---

[1]) Можетъ быть, поэтому Меттернихъ и любилъ ихъ, и предпочиталъ подобныя конференціи съѣздамъ другого рода.

[2]) № 369.

[3]) Исполнявшаго должность секретаря конференціи.

Это правило само по себѣ не вводило ничего новаго, такъ какъ всѣ хартiи въ Германiи могли быть только октроированы (другихъ хартiй Союзный актъ не признавалъ), а потому онѣ естественно согласовались съ принципомъ монархическимъ. Но въ толкованiи этого правила могли быть разныя направленiя.

Въ австрiйскомъ предложенiи вообще проводилась та мысль, что первѣйшею задачею сейма должно быть такое истолкованiе XIII-й ст., которое было бы примѣнимо ко всѣмъ нѣмецкимъ государствамъ и выведено „не изъ общихъ теорiй и не изъ чужихъ образцовъ, но изъ нѣмецкихъ понятiй, нѣмецкихъ правъ и нѣмецкой исторiи“. Но были нѣкоторыя начала, не имѣвшiя ничего общаго ни съ „нѣмецкими“, ни съ „чужими“ понятiями, и устраненiя которыхъ австрiйскiй кабинетъ требовалъ во имя простого „общественнаго спокойствiя“. Такъ, въ числѣ условiй, несогласныхъ съ господствующимъ типомъ германскихъ государствъ и вредныхъ для общественнаго спокойствiя, Меттернихъ называлъ публичность засѣданiй палатъ и стенографированiе протоколовъ засѣданiй [1]). Согласно этому, 59 ст. „вѣнскаго заключительнаго акта“ постановила, что „каждое правительство должно заботиться, чтобы законныя границы свободы слова, какъ въ пренiяхъ палатъ, такъ и въ обнародованiи ихъ, не были переступаемы въ ущербъ спокойствiю отдѣльнаго государства и всей Германiи“.

Постановленiями, вышедшими изъ карлсбадской и вѣнской конференцiи, опредѣлилось существо и кругъ мѣръ, которыми вѣнскiй дворъ поддерживалъ спокойствiе въ Германiи. Ограниченiе печати, давленiе на университеты, сыскныя коммиссiи и запугиванiе правительствъ, рѣшавшихся идти по другой дорогѣ, — таковы единственныя мѣры, дальше которыхъ не шла изобрѣтательность австрiйской дипломатiи. Позднѣйшiя событiя не прибавили къ нимъ ничего новаго. Когда въ 1824 г. открыто было существованiе разныхъ тайныхъ обществъ, Меттернихъ воспользовался этимъ случаемъ для продленiя срока дѣйствiя карлсбадскихъ постановленiй [2]). Подъ влiянiемъ iюльской революцiи во Францiи и переворотовъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, крайняя партiя произвела свою извѣстную (и очень нелѣпую) демонстрацiю на праздникѣ у Гамбахскаго замка и затѣмъ во Франкфуртѣ, гдѣ попытка всеобщей революцiи закончилась нападенiемъ на двѣ гауптвахты (1832 и 1833 гг.). Опять собрались министерскiя конференцiи, снова учреждена была сыскная ком-

---

[1]) № 469.

[2]) №№ 721—727.

миссія, усилены цензурныя строгости, изгнаны нѣкоторые профессора и стѣснены права народнаго представительства [1]).

Какое, однако, значеніе имѣла эта политика для будущаго Германіи и Австріи? Нѣтъ ничего легче, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ указаніемъ на позднѣйшія событія, которыя, можетъ быть, трудно было предусмотрѣть въ двадцатыхъ или тридцатыхъ годахъ. Но мы имѣемъ и въ бумагахъ Меттерниха нѣкоторыя указанія на то, что его работа не принадлежала къ числу производительныхъ.

Такъ, въ минуту великаго его торжества, между карлсбадскими и вѣнскими конференціями, онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, мимоходомъ замѣчаетъ, что „все, сдѣланное имъ до сихъ поръ, было отрицательно; что онъ больше боролся съ явнымъ зломъ, чѣмъ создавалъ доброе“ [2]). Но могли ли однѣ „отрицательныя“ мѣры устранить зло, противъ котораго онѣ были направлены, или, наоборотъ, зло росло вмѣстѣ съ энергіею отрицанія? Довольно прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ записка Меттерниха о тайныхъ обществахъ, представленная императору Александру I послѣ веронскаго конгресса (1822 года).

Указывая на всесвѣтный, космополитическій, такъ сказать, характеръ, принятый тайными обществами, на ихъ преступныя цѣли и средства, на связь ихъ съ революціонными обществами въ Парижѣ, Меттернихъ продолжаетъ:

„Организація тайныхъ обществъ во Франціи, въ томъ видѣ какъ они существуютъ теперь, *не восходитъ*, кажется, раньше *1820 года*. Процессы, начатые въ Германіи въ 1819 и 1820 гг., и труды слѣдственной коммиссіи въ Майнцѣ представили много доказательствъ тому, что нѣмецкіе революціонеры въ это время имѣли лишь *косвенныя* сношенія съ парижскимъ революціоннымъ центромъ. Только послѣ того, какъ мѣры, принятыя въ Карлсбадѣ (1819), принудили вожаковъ нѣмецкихъ тайныхъ обществъ искать убѣжища во Франціи, многіе изъ нихъ отправились въ Парижъ, гдѣ они *не нашли*, однако, способовъ согласиться съ французскими либералами. *Ненависть къ Бонапарту* была первымъ толчкомъ къ образованію нѣмецкихъ тайныхъ обществъ; въ этомъ фактѣ они встрѣтили препятствіе къ сближенію съ французскими вожаками. Съ другой стороны, *филантропическая безсмыслица* нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ сдѣлала ихъ презрѣнными въ глазахъ заговорщиковъ, слишкомъ практическихъ, чтобы останавливаться на такихъ пошлостяхъ. *Только съ 1821 года* могли установиться прямыя сношенія между нѣмецкими

---

[1]) Изъ бумагъ Меттерниха сюда относятся №№ 1091—1093.
[2]) № 370.

и французскими революціонерами, *и во главѣ первыхъ стоятъ нѣмецкіе бонапартисты*" [1]).

Этотъ отрывокъ показываетъ, что было бы весьма любопытно прослѣдить, какъ нѣмецкій буршеншафтъ, зародившійся въ эпоху французскаго ига, вдохновленный національною идеею, питаемый нѣмецкимъ идеализмомъ и романтизмомъ (или „филантропическою безсмыслицею", по Меттерниху), преисполненный странностями и даже дикостями, но довольно невинный въ началѣ, вдругъ выдвинулъ „практическихъ" заговорщиковъ и еще съ „бонапартистами" во главѣ. Во всякомъ случаѣ, движеніе, очевидно, приняло болѣе острый и преступный характеръ [2]).

Еще важнѣе было другое обстоятельство. „Отрицательныя мѣры", направленныя противъ всякаго движенія къ новизнѣ, въ дѣйствительности поражали только пѣнку, выбрасываемую этимъ движеніемъ, т.-е. революціонеровъ. Но онѣ были безсильны надъ тѣмъ, что̀ создаетъ новыя понятія, что̀ вызываетъ новыя стремленія и даетъ имъ прочность, т.-е. надъ экономическимъ, умственнымъ и общественнымъ ростомъ народовъ. Меттернихъ царилъ въ области антидемагогическихъ мѣръ, но онъ не могъ остановить экономическаго роста Пруссіи; онъ поздно замѣтилъ дѣйствіе ея таможенной политики; онъ не могъ наложить запрета на удивительное научное и философское движеніе въ Германіи, на Гриммовъ, Эйхгорновъ, Гервинусовъ, Шлоссеровъ, Гегелей, Шеллинговъ, на просвѣтительную дѣятельность Альтенштейна и т. д. Между тѣмъ, каждая экономическая мѣра прусскаго правительства, каждое новое государство, входившее въ составъ „цольферейна", каждый научный трудъ и каждое литературное произведеніе, каждая новая школа и каждый новый читатель создавали ту новую *Германію*, борьба съ которой, разумѣется, была тщетнымъ предпріятіемъ.

Подъ-конецъ Меттернихъ долженъ былъ сложить оружіе и называть врага, его побѣдившаго, революціей. Но дѣйствительно ли врагъ носилъ это имя? Если судить по внѣшнимъ признакамъ и ближайшимъ поводамъ — да. Въ ту минуту, когда Меттернихъ подалъ въ отставку, революція была всюду. Но за этою внѣшностью можно было разсмотрѣть нѣчто другое: совокупность идей, потребностей, стремленій и надеждъ, естественно накопившихся въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ „системѣ"

---

[1]) № 636.

[2]) Эта перемѣна кратко, но очень наглядно представлена въ названномъ выше трудѣ г. Надлера, стр. 32 и слѣд.

1815 года и схваченныхъ, въ минуту страшнаго кризиса, революціею, которая дала имъ уродливое выраженіе.

Въ то время, какъ въ Германіи шла упорная работа мысли, то спускавшейся въ темные закоулки древности, то возвышавшейся до Гегелева абсолюта; въ то время, какъ пересоздавался экономическій бытъ Европы и вопросы политическіе блѣднѣли предъ соціальными, Австрія не выходила изъ спокойной области „трактатовъ". Ей казалось, что она „охраняетъ". Въ дѣйствительности она отчуждалась отъ Германіи, давно возстановила противъ себя Италію и привела самое себя въ неописанное разстройство, изъ котораго вывела ее (и то на время) сила русскаго оружія.

V.

Эспланада.

„Для вѣнскаго кабинета,—говоритъ Шпрингеръ,—всѣ окрестныя государства являлись какъ бы эспланадой, на которой, въ интересахъ крѣпости, запрещается строить". Въ особенности же такою эспланадой являлась Италія, гдѣ всякія постройки въ новомъ политическомъ стилѣ не могли быть допущены, ибо мода на этотъ стиль могла легко перейти въ Ломбардію и въ Венецію и смутить спокойствіе австрійскихъ властей. Но сама Италія, равно какъ сосѣднія германскія государства, могли быть увлечены примѣрами странъ болѣе далекихъ и менѣе склонныхъ къ началамъ вѣнскихъ трактатовъ. Словомъ, программа Меттерниха имѣла ту особенность, что для осуществленія ея не было достаточно рѣшимости одного вѣнскаго двора и даже державъ, сплотившихся въ священный союзъ. Кромѣ Австріи и другихъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ священнаго союза, существовали другія державы и народности; смятеніе, начавшееся въ одной изъ нихъ, могло обратить въ ничто всѣ усилія вѣнскаго двора.

Ради подобныхъ случаевъ и было провозглашено одно начало, игравшее очень важную роль въ системѣ Меттерниха, именно начало *вмѣшательства*. Самъ Меттернихъ считалъ его непремѣннымъ условіемъ своей системы и многократно объяснялъ это правительствамъ, его непонимавшимъ, каково было, напримѣръ, правительство англійское.

„Идея нейтралитета,—писалъ онъ князю Эстергази (австрійскому послу въ Лондонѣ) по поводу испанскихъ дѣлъ (1823 г.),—*несовмѣстима* съ нашею политическою системою... Императоръ не можетъ

объявить себя нейтральнымъ, когда дѣло идетъ о поддержаніи принципа, на которомъ покоится существованіе его имперіи и благоденствіе его народовъ,—принципа, на который мы не переставали смотрѣть какъ на главную основу священнаго союза, и который послѣ четверти вѣка смутъ и переворотовъ далъ, наконецъ, миръ Европѣ“ [1]).

Англійскіе государственные люди, очевидно, остались при своемъ непониманіи, потому что чрезъ семь лѣтъ Меттернихъ писалъ тому же лицу по поводу бельгійской революціи:

„Императоръ никогда не допуститъ принципа невмѣшательства въ виду активнаго дѣйствія революціонной пропаганды. Е. И. В. считаетъ не только своимъ правомъ, но обязанностью давать каждой законной власти, подвергшейся нападенію общаго врага, всякаго рода помощь, употребленіе которой позволятъ обстоятельства“ [2]). Въ другой депешѣ онъ выражается еще рѣзче: „Разбойники отвергаютъ жандармовъ, а поджигатели протестуютъ противъ пожарныхъ. Мы никогда не допустимъ домогательства, столь разрушительнаго для всякаго общественнаго порядка. Напротивъ, мы всегда будемъ признавать за собою право отвѣчать на призывъ всякой законной власти, какъ мы признаемъ за собою право тушить пожаръ въ домѣ сосѣда, чтобы воспрепятствовать огню охватить наше жилище“ [3]).

Недостатокъ мѣста не дозволяетъ привести всѣ относящіяся сюда мѣста изъ депешъ и записокъ Меттерниха [4]); мы остановимся на одной изъ депешъ, такъ какъ въ ней содержится полное объясненіе системы вмѣшательства въ томъ видѣ, какъ понималъ ее Меттернихъ. Депеша была написана послѣ лайбахскаго конгресса и послана ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Указавъ на опасности, грозящія Европѣ отъ революціонной партіи, депеша продолжаетъ:

„Союзные монархи не могли не признать, что этому разрушительному потоку можетъ быть поставлена только одна преграда. Сохранять все, законно установленное—таковъ принципъ ихъ политики, точка отправленія и конечная цѣль ихъ рѣшеній. Они не могли быть остановлены тщетными возгласами невѣжества или злобы, обвиняющими ихъ въ намѣреніи обречь человѣчество на застой и неподвижность, несогласные съ естественнымъ и прогрессивнымъ ходомъ цивилизаціи и съ усовершенствованіемъ общественныхъ учрежденій. Никогда эти монархи не выражали ни малѣйшаго расположенія про-

---

[1]) № 674.
[2]) № 976.
[3]) № 977.
[4]) См. №№ 997, 999, 1000, 1001, 1003 и мн. друг.

тивиться дѣйствительнымъ улучшеніямъ или устраненію злоупотребленій, которыя могутъ вкрасться въ наилучшія правительства. Они постоянно были воодушевляемы иными взглядами, и если покой, который правительство и народы могли считать обезпеченнымъ чрезъ умиротвореніе Европы, не могъ принести всего добра, которое должно было отъ него произойти, то это потому, что правительства должны были сосредоточить всѣ свои мысли на средствахъ поставить преграду успѣхамъ партіи, которая, распространяя вокругъ себя заблужденія, недовольство, фанатизмъ нововведеній, скоро поставила бы вопросъ о существованіи какого бы то ни было политическаго порядка.

„Полезныя или необходимыя перемѣны въ законодательствѣ и въ управленіи государствъ должны исходить изъ свободной воли, изъ обдуманнаго и просвѣщеннаго направленія тѣхъ, на которыхъ возложена отъ Бога отвѣтственность за власть. Все, что̀ выходитъ за эти предѣлы, неизбѣжно ведетъ къ безпорядку, къ переворотамъ и къ бѣдствіямъ, болѣе невыносимымъ, чѣмъ тѣ, которыя думаютъ исцѣлить. Проникнутые этою вѣчною истиною, монархи не поколебались провозгласить ее откровенно и твердо. Они объявили, что, уважая право и независимость всякой законной власти, они разсматриваютъ всякую попытку преобразованія, совершенную возстаніемъ или открытою силою, какъ юридически ничтожную и осуждаемую началами европейскаго публичнаго права“.

Легко замѣтить, что въ этой депешѣ весьма искусно смѣшаны два совершенно различныхъ вопроса: именно, вопросъ о правахъ законной власти въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ и вопросъ о правѣ *вмѣшательства* другихъ державъ во внутреннія дѣла другой страны. По первому вопросу не подлежитъ сомнѣнію, что „преобразованія должны быть плодомъ обдуманнаго и зрѣлаго рѣшенія правительствъ“; что *право* возстанія не признается въ современныхъ условіяхъ европейской политической жизни; что возстанія суть явленія бѣдственныя. Но иной вопросъ, насколько одно государство можетъ силою вмѣшиваться въ дѣла другого, для возстановленія того, что̀ *оно* считаетъ законнымъ порядкомъ? Этотъ существенный вопросъ нисколько не рѣшается приведенною выше депешою.

Несомнѣнно одно: провозглашеніе права вмѣшательства неизбѣжно налагало на союзныхъ монарховъ обязанность гарантировать существующій порядокъ во всѣхъ государствахъ Европы не только отъ попытокъ самовольнаго его измѣненія населеніемъ, но и отъ возстаній бѣдственныхъ и нерѣдко вызываемыхъ дурнымъ и жестокимъ управленіемъ. Поэтому успѣхъ системы вмѣшательства зависѣлъ не только отъ возможности подавлять попытки насильствен-

ныхъ переворотовъ (какъ это было сдѣлано въ Неаполѣ и въ Сардиніи), но и отъ возможности руководить нѣкоторыми правительствами, дѣйствія которыхъ приводили къ переворотамъ.

Достаточно извѣстно, что въ такихъ совѣтахъ нуждались правительства неаполитанское, сардинское и испанское, т.-е. именно тѣ, въ защиту коихъ поднялись конгрессы, по поводу событій 1820 г. Это понималъ самъ Меттернихъ. Въ 1821 году, отправляя экспедицію въ Неаполь для возстановленія Фердинанда I въ его правахъ, отнятыхъ у него революціею, онъ думалъ объ условіяхъ, при коихъ, возстановленное правительство Фердинанда можетъ успокоить страну. Онъ изложилъ свои мысли въ письмѣ къ графу Стадіону.

Отвергая мысль объ удержаніи въ Неаполѣ конституціоннаго порядка, созданнаго революціею, Меттернихъ говоритъ: „Мы исключили для Неаполя этотъ всеобщій рецептъ, особенно въ виду того, что мы не можемъ сдѣлать въ этой странѣ то, въ чемъ должны будемъ постоянно отказывать у насъ. Съ другой стороны, было бы неблагоразумно возстановлять отмѣненное. Мы искали и призвали къ себѣ на помощь принципъ *умѣренной монархіи* (monarchie tempérée), дабы исключить и произволъ, и представительную систему.

„Король *съ трудомъ* подчинился нашимъ взглядамъ, но кончилъ тѣмъ, что подчинился и даже понялъ, что съ системой организаціи, достойной этого имени, онъ найдетъ больше шансовъ для мира и спокойствія, чѣмъ при возвращеніи къ откровенному произволу (franc arbitraire), отъ котораго онъ испыталъ уже слишкомъ много опасностей и въ Неаполѣ, и въ Сициліи“ [1]).

Въ „бумагахъ“ Меттерниха нѣтъ, къ сожалѣнію, проекта государственнаго устройства, предложеннаго Фердинанду. Но этотъ проектъ, очевидно, могъ имѣть для короля ровно столько же значенія, какъ и конституція, навязанная ему генераломъ Пепе. Въ Неаполѣ, подъ давленіемъ вооруженнаго возстанія, онъ призналъ поднесенную ему хартію; въ Лайбахѣ, предъ лицомъ могущественныхъ союзниковъ, онъ согласился, хотя и съ трудомъ, на принципъ „умѣренной монархіи“. Но, возстановленный въ полнотѣ своихъ правъ, онъ немедленно возвратился къ тому „откровенному произволу“, который мало-по-малу подточилъ королевство и чрезъ сорокъ лѣтъ привелъ его династію къ плачевному концу.

То же самое случилось и въ Испаніи, гдѣ французская экспедиція, направленная ультра-роялистическою партіею и освященная согласіемъ веронскаго конгресса, возстановила Фердинанда VII въ его прежнихъ правахъ (1823 г.). Безъ сомнѣнія, три года, прошедшіе

---

[1]) № 547.

со времени провозглашенія хартіи 1820 года, были годами тяжкихъ испытаній для этой страны, доведенной наконецъ до междоусобной войны. Но тѣмъ болѣе слѣдовало позаботиться объ измѣненіи правительственныхъ пріемовъ Фердинанда, вызвавшихъ революцію 1820 года. Этого не было сдѣлано, и страна отдана была на жертву новымъ потрясеніямъ и новой междоусобной войнѣ.

Картины управленія въ Испаніи при Фердинандѣ VII, въ Неаполѣ при Фердинандѣ I, какъ извѣстно, оставляютъ за собою изображенія худшихъ правительствъ. Но что могла сдѣлать въ этомъ отношеніи система „вмѣшательства"? Признавая свободу и независимость каждаго правительства, нельзя было ни предлагать ему реформы, не исходившія изъ его „свободнаго рѣшенія", ни называть злоупотребленіемъ то, что оно считало благомъ. Нельзя было порицать возстановленіе инквизиціи со всѣми ея ужасами въ Испаніи и въ Папской области, нельзя было разрушать вліянія недостойной камарильи, управлявшей Фердинандомъ VII, нельзя было воздерживать его отъ кровавыхъ жестокостей, въ коихъ онъ доходилъ до нѣкоторой виртуозности. Безсильная въ этомъ, система „вмѣшательства" являлась на дѣлѣ средствомъ застрахованія всѣхъ неспособныхъ правительствъ отъ послѣдствій ихъ ошибокъ и злоупотребленій. Можно сказать даже, что она являлась нѣкоторымъ средствомъ поощренія ихъ къ злоупотребленіямъ и бездѣйствію по части преобразованій, самыхъ необходимыхъ. Въ Неаполѣ, въ Сардиніи, въ Моденѣ, въ Испаніи, въ Римѣ, были увѣрены, что иноземная сила вмѣшается по поводу, всякаго преобразованія, не исходящаго отъ свободнаго рѣшенія правительства, а потому послѣднее откладывало всякое рѣшеніе, живя со дня на день и допуская всеобщее разложеніе, плоды котораго и обнаружились впослѣдствіи. Такимъ образомъ, „начало вмѣшательства" силою вещей приводило консервативныя державы къ союзу съ *дурными* правительствами, всегда находившими оправданіе для своихъ злоупотребленій или бездѣйствія, часто столь же вреднаго, какъ и самыя злоупотребленія.

Невыгода такого союза падала, однако, не на австрійскій дворъ. Россія и Пруссія (въ особенности же Россія) не извлекали никакихъ выгодъ изъ того, что Фердинанду Испанскому, Фердинанду Неаполитанскому, Францу Моденскому и т. д. была обезпечена „полная свобода дѣйствій"; точно такъ же они не потерпѣли бы никакого ущерба отъ водворенія иного порядка вещей на полуостровахъ Аппенинскомъ и Пиренейскомъ. Но, благодаря искусной политикѣ вѣнскаго двора, весь odium реакціонной политики падалъ именно на наше отечество, которое являлось въ глазахъ европейскихъ народовъ символомъ и опорою застоя и реакціи. Только послѣдствія крымской войны и

мудрая политика Александра II начали выводить насъ изъ этого ненавистнаго положенія.

Напротивъ, вѣнскій дворъ, силою вещей, обреченъ былъ *не желать* какихъ бы то ни было улучшеній ни въ Италіи, ни въ Германіи, по той простой причинѣ, что всякое „улучшеніе“ въ Сардиніи или въ Неаполѣ произвело бы непріятную тревогу въ австрійскихъ провинціяхъ Италіи. Можно повѣрить Меттерниху, что онъ старался внушить Фердинанду Неаполитанскому принципы „умѣренной монархіи“; но несомнѣнно и то, что онъ желалъ видѣть эту монархію менѣе „умѣренною“ въ Неаполѣ или въ Сардиніи, чѣмъ въ Австріи. Это видно изъ совѣтовъ, которые онъ отъ времени до времени преподавалъ разнымъ государямъ Италіи, воздерживая ихъ отъ опасныхъ нововведеній.

Примѣненіе начала вмѣшательства имѣло, однако, свои границы, уже по одному тому, что въ конечномъ своемъ результатѣ это начало есть принципъ не права, но силы, и бываютъ случаи, когда одной силѣ можетъ быть противупоставлена другая сила. Австрія могла проявлять свою силу въ Италіи, пользуясь разрозненностью и своекорыстіемъ правительствъ, и въ Германіи, гдѣ она пользовалась поддержкою Пруссіи съ перспективою русскаго вмѣшательства. Но совершенно иначе ставился вопросъ тамъ, гдѣ „вмѣшательство“ могло встрѣтить сильное противодѣйствіе и вызвать серьезную войну.

Іюльская революція во Франціи, съ общеевропейской точки зрѣнія, была событіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ революціи 1820 г. въ Италіи и въ Испаніи. Сверхъ того, во время свиданія Меттерниха съ Нессельроде въ Карлсбадѣ было рѣшено, что три восточныя державы немедленно выставятъ въ Италіи, на Рейнѣ и на западныхъ границахъ имперіи, довольное число войска и не признаютъ Людовика-Филиппа [1]). Несмотря на это, Меттернихъ, послѣ переговоровъ съ уполномоченнымъ Людовика-Филиппа (генераломъ Бельяромъ), переговоровъ, болѣе забавныхъ, чѣмъ существенныхъ, посовѣтовалъ своему императору признать новую монархію, полагаясь на выраженное Людовикомъ-Филиппомъ намѣреніе „соблюдать трактаты“ [2]), хотя низверженіе Бурбоновъ и перемѣна правленія во Франціи были очевиднымъ и весьма существеннымъ нарушеніемъ „трактатовъ“ 1815 г. Но Людовикъ-Филиппъ обѣщалъ не нарушать ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Переговоры между Австріею и Россіею относительно сдерживанія Франціи и противодѣйствія провозглашенному ею прин-

---

[1]) См. Мартенсъ, *Собр. тр.* т. IV, ч. I, стр. 422 и слѣд.

[2]) №№ 965—967. Собственноручное письмо имп. Франца на таковое же Людовика-Филиппа, см. подъ № 969.

ципу *невмѣшательства,* происходили уже позже, причемъ императору Николаю приходилось отклонять слишкомъ усердные совѣты Меттерниха, въ родѣ совѣта противупоставить Людовику-Филиппу сына Наполеона I—герцога Рейхштадтскаго [1]). Но всѣ означенные переговоры не давали серьезныхъ практическихъ результатовъ, благодаря двуличности того же Меттерниха. Нарушенія трактатовъ произошли и въ другихъ мѣстахъ. Революція началась въ средней Италіи и была подавлена австрійскими силами такъ же, какъ и раньше. Но исходъ бельгійской революціи былъ иной. По здравой логикѣ, къ Бельгіи должно было примѣнить ту же мѣру, какую испытывали итальянцы. Но отношеніе державъ къ этому вопросу было иное. Австрія была занята Италіей; Россія не имѣла возможности къ дѣятельному вмѣшательству, равно какъ и Пруссія. Притомъ Франція и Англія не допустили бы вмѣшательства восточныхъ державъ въ дѣло страны, въ которой онѣ имѣли серьезные интересы. Результатомъ этого соотношенія державъ была попытка дипломатическаго рѣшенія бельгійскаго вопроса, отданнаго на разсмотрѣніе конференціи изъ уполномоченныхъ великихъ державъ въ Лондонѣ. Различіе интересовъ этихъ державъ и упорство голландскаго короля тормазили дѣло конференціи; ея дѣло не было бы кончено безъ военной демонстраціи, произведенной англійскимъ флотомъ, и „вмѣшательства“ французской арміи, принудившей голландцевъ очистить территорію Бельгіи, независимость которой была провозглашена конференціей. Во всемъ этомъ дѣлѣ Австрія разыграла незавидную роль, какъ это видно изъ горькихъ жалобъ Меттерниха, особенно сильныхъ въ тотъ моментъ, когда Франція рѣшилась подать вооруженную помощь бельгійцамъ (конецъ 1832 года). Съ самаго начала, по ея мнѣнію, державы уклонились отъ истиннаго пути.

„Нидерландская исторія,—писалъ онъ Кламъ-Мартиницу [2]) въ Берлинѣ—испорчена ab ovo. Это произошло отъ грубой ошибки *прусскаго* кабинета, который не бросился тотчасъ въ распрю, какъ мы это сдѣлали относительно итальянскихъ смутъ... Соединеніе Нидерландовъ (т.-е. Бельгіи) съ Голландіею было однимъ изъ рѣшеній конгресса (вѣнскаго) и рѣшеній важнѣйшихъ. Пруссія и Англія имѣли величайшій интересъ его поддерживать; въ полной солидарности, но относительно интереса на второмъ планѣ, стояли Австрія и Россія; германскій союзъ должно было разсматривать

---

[1]) Мартенсъ, тамъ же.

[2]) Графъ Кламъ-Мартиницъ находился въ Берлинѣ съ порученіемъ военнаго характера. Ср. также № 1126.

какъ главную заинтересованную сторону. Въ тотъ день, когда вспыхнуло возстаніе, Пруссія должна была предложить помощь голландскому королю и *навязать* ее (aufdringen), если бы онъ ея не захотѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссія, по полномочію союза, должна бы была занять Люксембургъ. Представьте себѣ Маастрихтъ, Венлоо и Маасъ, занятые прусскими войсками, такъ же какъ и Люксембургъ, голландскій гарнизонъ Маастрихта свободный въ своихъ движеніяхъ—насколько иначе расположились бы обстоятельства?" [1]).

Но вещи расположились не такъ; бельгійскій вопросъ былъ переданъ въ обсужденіе конференціи. Послѣдняя, несмотря на всю любовь Меттерниха къ собраніямъ этого рода, вызываетъ его негодованіе.

„Конференція—писалъ онъ Траутмансдорфу въ Берлинъ,—учредилась въ Лондонѣ, такъ сказать, самопроизвольно. Три континентальныя державы вступили въ нее по довѣрію. Ея истинная цѣль никогда не была опредѣлена. „Бельгія возмутилась, нужно уладить это дѣло"—мы никогда не слышали другой формулы...

„... Конференція собралась съ цѣлью „уладить дѣло"; но какое? Дѣло ли голландскаго короля или бельгійскихъ мятежниковъ? Трудно было бы отвѣчать на этотъ вопросъ опредѣлительно, потому что, насколько я помню, французскій уполномоченный былъ на сторонѣ возстанія; уполномоченные австрійскій, русскій и прусскій на сторонѣ короля, на сторонѣ консервативныхъ началъ, неизмѣнно исповѣдуемыхъ ихъ кабинетами. Англійскій уполномоченный одинъ долго оставался въ неопредѣленности, къ которой даютъ поводъ слишкомъ общія слова. Онъ хотѣлъ видѣть дѣло устроеннымъ" [2]).

На это же соотношеніе державъ Меттернихъ указывалъ и раньше, въ концѣ 1831 года [3]). Но при такомъ различіи интересовъ можно было только затянуть бельгійское дѣло, не измѣнивъ его окончательнаго рѣшенія. Сила событій привела къ необходимости признанія независимости Бельгіи: національный бельгійскій конгрессъ выработалъ и принялъ конституцію новаго королевства (7 февраля 1831); бельгійская корона была поднесена Леопольду саксенъ-кобургскому и принята послѣднимъ (11 іюня 1831). Формально бельгійцы не могли уже считаться мятежниками. Но опредѣленія пограничныхъ отношеній, условій судоходства по Шельдѣ и т. д. подавали поводъ, при упорствѣ голландскаго короля, оттягивать рѣ-

---

[1]) № 1102.
[2]) № 1101.
[3]) № 1045.

шеніе вопроса, хотя короля формально и убѣждали сдѣлать необходимыя уступки.

Не успѣлъ новый бельгійскій король явиться въ эту страну, какъ она была уже наводнена голландскими войсками. Что должны были дѣлать двѣ державы, принявшія Бельгію подъ свое покровительство? То, что и было ими сдѣлано: подать помощь Леопольду I, т.-е. *вмѣшаться.* Англійскій флотъ совершилъ угрожающую демонстрацію противъ Голландіи, а французскія войска разбили голландцевъ въ Бельгіи и вырвали изъ ихъ рукъ Антверпенъ. Итакъ, вмѣшательство совершилось, но въ иномъ духѣ. Любопытно, что въ этомъ случаѣ Меттернихъ пространно писалъ о *невмѣшательствѣ* (!) и громко говорилъ противъ „принудительныхъ мѣръ", принятыхъ Англіею и Франціею.

Что оставалось, однако, дѣлать противъ этихъ мѣръ? Въ знаменитую „эпоху конгрессовъ" Меттернихъ не затруднился бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Но теперь, когда пушки генерала Жерара „восполняли" представленія дипломатіи, Меттернихъ рѣшился смирно ждать дальнѣйшихъ событій.

„Практическая истина, единственно примѣнимая къ положенію дня, есть необходимость выжидать развитія событій". Почему же именно? Отвѣтъ былъ простъ: всякая попытка выйти изъ выжидательнаго положенія повлекла бы за собой войну съ Франціею, а на эту возможность Меттернихъ смотрѣлъ слѣдующимъ образомъ:

„При томъ нравственномъ состояніи, въ которомъ находится Франція, *нападеніе* на эту страну было бы величайшею ошибкою. Наступательная война, направленная противъ Франціи, удвоитъ ея матеріальныя силы и насильственно броситъ правительство въ направленіе „лѣвой". Если бы нація не была такъ отвращена отъ анархіи—рискъ былъ бы не такъ великъ; анархія дурное орудіе для защиты, но кто можетъ знать, что она не разольется всюду? Я, съ своей стороны, считаю весьма вѣроятнымъ, что изъ этого возникла бы болѣе сильная связь между націей и правительствомъ, а не паденіе послѣдняго" [1]).

Итакъ, онъ долженъ былъ „ждать". Но чего? Много предположеній проносилось предъ нимъ. Ему казалось, что изъ французскаго вмѣшательства ничего не выйдетъ; ему представлялось, что Франція бросится въ наступательную войну; что либеральное министерство лорда Грея въ Англіи можетъ пасть. Ничего этого, какъ извѣстно не случилось. Вмѣшательство Франціи кончилось благополучно, и лондонской конференціи опять пришлось возобновить свои занятія

---

[1]) № 1104.

по частнымъ вопросамъ, которые она покончила едва къ 1839 году.

Въ утѣшеніе оставалось острить надъ англійскими государственными людьми, подпавшими будто бы подъ вліяніе Талейрана, сыгравшаго по бельгійскому дѣлу свою послѣднюю дипломатическую партію. Эти остроты интересны особенно въ виду лицъ, къ которымъ онѣ относятся.

„Я не знаю,—писалъ Меттернихъ,—худшихъ людей, какъ тѣ, которые составляютъ нынѣшнее англійское правительство. Самомнѣніе и наивность, дерзость и неловкость образуютъ отличительный характеръ лорда Пальмерстона; лордъ Грей не имѣетъ никакого вѣса и слабъ. Прочіе члены кабинета—либералы, болѣе или менѣе неспособные уловить здравую практическую идею и слѣдовать ей“ [1]). Нужно ли напоминать, что этотъ отзывъ относится къ кабинету, который (не говоря уже о другомъ) провелъ знаменитую парламентскую реформу 1832 года?

Въ бельгійскомъ дѣлѣ „вмѣшательству“ помѣшала перспектива войны съ Франціею. Въ дѣлѣ испанскомъ, къ соображеніямъ о „недостаткѣ средствъ“ присоединились другія, болѣе важныя, съ точки зрѣнія *права*.

Напомнимъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ состояло это дѣло. Фердинандъ VII, желая обезпечить право на престолъ за потомствомъ своимъ отъ Маріи-Христины, отмѣнилъ (1830) своимъ указомъ (прагматическою санкціею) *салическій* законъ о престолонаслѣдіи, дѣйствовавшій въ Испаніи съ 1713 г., и возстановилъ старый кастильскій законъ, допускавшій къ престолонаслѣдію дочерей короля. Эта предосторожность была не лишнею, потому что вскорѣ послѣ возстановленія стараго закона, Марія-Христина разрѣшилась отъ бремени дочерью—Изабеллою. Чрезъ это былъ устраненъ отъ престола братъ короля—донъ-Карлосъ, протестовавшій противъ новаго закона, вызвавшій даже возстаніе противъ брата и изгнанный изъ Испаніи. Въ заключеніе, прагматическая санкція была утверждена нарочно собранными кортесами (1833). Вскорѣ послѣ этого Фердинандъ умеръ, оставивъ престолъ мололѣтней дочери подъ регентствомъ ея матери.

Повидимому, все было въ порядкѣ. Измѣненіе закона о престолонаслѣдіи совершено было „свободнымъ рѣшеніемъ“ Фердинанда, и прочія державы не имѣли основанія вступаться въ домашнее дѣло Испаніи. Но такъ только казалось! Донъ-Карлосъ, устраненный отъ престола, былъ главною опорою реакціонной и клерикальной партіи;

[1]) № 1111.

Марія-Христина естественно должна была опираться на либеральную партію, т.-е. на тѣ элементы, которые Меттернихъ называлъ революціонными. Не успѣлъ Фердинандъ VII закрыть глазъ, какъ страна раздѣлилась на два лагеря, и началась страшная междоусобная война. Австріи предстояло рѣшить, какое направленіе должна она избрать въ этомъ дѣлѣ.

Уже въ 1833 году, вскорѣ послѣ смерти Фердинанда, Меттернихъ объявилъ Компуцанэ (испанскому уполномоченному) слѣдующее рѣшеніе своего двора. „Австрія не признаетъ донъ-Карлоса настолько же, насколько она не признаетъ королеву Изабеллу. Австрія не имѣетъ претензіи рѣшать между прагматическою санкціею Филиппа V (1713) и санкціею Фердинанда VII. Она рѣшилась не дѣлать вопроса изъ лицъ; но если измѣненіе порядка престолонаслѣдія поведетъ къ торжеству революціи въ Испаніи,— Австрія, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть право отказать въ признаніи порядка вещей, прямо противуположнаго самымъ дорогимъ ея интересамъ и началамъ, на которыхъ покоится ея существованіе“ [1]).

Поставить вопросъ такимъ образомъ значило предрѣшить его. Вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ, правительство Маріи-Христины должно было явиться представителемъ „революціи“, какъ понималъ ее Меттернихъ. Онъ не затруднился высказать это въ депешѣ къ Аппони (посл. въ Парижѣ), въ 1834 году. Въ этой депешѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же громкими словами и съ тою же бѣдностью въ выводахъ, какою отличаются депеши по бельгійскому дѣлу.

„Проникнитесь прежде всего,— писалъ онъ Аппони,— убѣжденіемъ, что испанское дѣло имѣетъ высокое значеніе въ глазахъ нашихъ и нашихъ союзниковъ. Это дѣло занимаетъ *первое мѣсто* (!) между всѣми усложненіями дня, потому что оно касается почвы принциповъ, и потому что рѣшеніе его объемлетъ будущее (!). Установивъ это, безполезно останавливаться на нравственной сторонѣ вопроса, рѣшенной въ нашихъ глазахъ. *Королева Изабелла есть воплощеніе революціи въ самой опасной ея формѣ; донъ-Карлосъ представляетъ монархическій принципъ въ борьбѣ съ чистою революціею*“ [2]).

Если такъ, то „вмѣшательство“ представлялось столь же необходимымъ, какъ въ 1823 году. Къ сожалѣнію средствъ къ тому уже не существовало. По выраженію Меттерниха, „революція“ въ Испаніи была прикрыта Франціею и фланкирована Англіею [3]), т.-е.

---

[1]) № 1141.
[2]) № 1173.
[3]) № 1160.

двумя державами, съ которыми не безопасно было вступать въ бой. Оставался средній и довольно жалкій путь: не признавать Изабеллы, ради вѣрности принципамъ; не признавать и донъ-Карлоса, страха ради французскаго, и *тайкомъ* помогать претенденту деньгами, оружіемъ и совѣтами, т.-е. поддерживать въ несчастной Испаніи анархію и междоусобную войну. Этотъ именно путь и былъ избранъ, какъ свидѣтельствуетъ приведенная депеша [1]).

Когда дѣло, повидимому, было улажено усиліями четвернаго союза (Англія, Франція, Испанія, Португалія, 22 апрѣля 1834) и донъ-Карлосъ долженъ былъ отправиться въ Англію, неизвѣстные друзья помогли послѣднему бѣжать, пробраться чрезъ Францію и явиться въ сѣверной Испаніи, гдѣ онъ снова началъ продолжительную междоусобную войну. Меттернихъ зналъ о благополучномъ отбытіи донъ-Карлоса. Объ этомъ свидѣтельствуетъ княгиня Меланія. Вотъ что она писала въ своемъ дневникѣ (20 іюля 1834):

„Климентъ сообщилъ мнѣ подъ печатью глубочайшаго молчанія, что донъ-Карлосъ тайно оставилъ Лондонъ, проѣхалъ чрезъ Парижъ и благополучно прибылъ въ Испанію, гдѣ онъ намѣренъ нанести рѣшительный ударъ. Климентъ боится, что это предпріятіе не удастся“.

Предпріятіе удалось только въ томъ смыслѣ, что претендентъ могъ поддерживать междоусобную войну, а слѣдовательно и анархію еще нѣсколько лѣтъ, при quasi-выжидательной политикѣ консервативныхъ державъ. Въ теченіе этого времени, Меттернихъ не уставалъ твердить о томъ, что „Испанія продолжаетъ быть театромъ открытой и ожесточенной борьбы между принципомъ сохраненія и разрушенія“, и „что Испанія, повидимому, предназначена Провидѣніемъ къ тому, чтобы пройти жестокія испытанія и дать, въ то же время, великіе уроки міру“ [2]). „Или анархія, или донъ-Карлосъ, таковы,—писалъ онъ другой разъ,—таковы были первыя слова, которыя я произнесъ, услышавъ о прагматической санкціи Фердинанда VII“. Но кто же не зналъ донъ-Карлоса, и кто могъ повѣрить, что именно онъ представляетъ собою начало „порядка“? Самъ Меттернихъ не думалъ этого. „Не думайте,—писалъ онъ,—чтобы я видѣлъ *покой* Испаніи въ торжествѣ донъ-Карлоса: вовсе нѣтъ. Я ищу въ этомъ торжествѣ консервативнаго направленія въ правительствѣ, въ противность пагубному вліянію королевы въ пеленкахъ и ея матери, замѣчательной болѣе излишествами своего темперамента, чѣмъ серьезными свойствами“ [3]).

---

[1]) № 1173.
[2]) № 1242.
[3]) № 1254. Ср. также № 1312.

Несмотря на это, Меттернихъ, даже заручившись согласіемъ с.-петербургскаго кабинета, не рѣшился признать донъ-Карлоса (въ 1836 г.) и поспѣшилъ успокоить Людовика-Филиппа, что это „признаніе“ можетъ послѣдовать только послѣ бѣгства или совершеннаго паденія правительства королевы Христины [1]).

Послѣ этихъ странныхъ и бездушныхъ разсужденій, по поводу событій, стоившихъ такъ много несчастной странѣ, не безъ удовольствія можно прочесть краткое извѣстіе, занесенное княгинею Меланіею въ свой дневникъ: „15 іюля, 1840. Кабрера бѣжалъ во Францію, и дѣло донъ-Карлоса потеряно навсегда“ [2]).

Подобные извороты вѣнской дипломатіи показывали, что начало „вмѣшательства“, очевидно, отступало предъ началомъ *невмѣшательства,* которое имѣло на своей сторонѣ Францію и Англію. Дѣйствительно, ослабленіе принципа „вмѣшательства“ выразилось въ фактахъ двоякаго рода: во-первыхъ, въ слабомъ и боязливомъ его примѣненіи; во-вторыхъ, въ ограниченіи круга державъ, оставшихся ему вѣрными. Въ послѣднемъ отношеніи весьма поучительна исторія договора, заключеннаго въ Мюнхенгрецѣ между тремя восточными державами, и направленнаго „*противъ* принципа невмѣшательства“.

Въ августѣ 1833 года должно было состояться въ Мюнхенгрецѣ (Богеміи) свиданіе монарховъ австрійскаго, русскаго и прусскаго. Здѣсь предполагалось обсудить общія мѣры противъ послѣдствій революціи 1830 года и соглашеніе относительно дѣлъ турецко-египетскихъ; здѣсь долженъ былъ утвердиться тѣсный союзъ между тремя восточными державами, о необходимости котораго Меттернихъ говорилъ давно. Но къ осуществленію этой цѣли встрѣтились нѣкоторыя препятствія, и самое осуществленіе не дало блестящихъ результатовъ.

Съ самаго начала было видно, что Пруссія неохотно согласилась на участіе въ совѣщаніи. Императоръ Николай I опоздалъ своимъ пріѣздомъ, и Фридрихъ-Вильгельмъ III уѣхалъ, не дождавшись его. Меттернихъ досадовалъ на этотъ отъѣздъ и иронически намекалъ, что причина его въ томъ, что свиданіе монарховъ должно было совпасть съ военными смотрами въ Магдебургѣ и Берлинѣ: „а вы знаете,—писалъ онъ Гюгелю,—что значитъ въ Пруссіи назначенный и объявленный смотръ“. Впрочемъ, оба монарха встрѣтились и видѣлись по пути. Но хуже всего было то, что г. Ансилльонъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшій сначала Фридриха-

---

[1]) № 1247.
[2]) Т. VI, стр. 381.

Вильгельма, никакъ не хотѣлъ возвратиться въ Мюнхенгрецъ. „Невозможно было,—писалъ Меттернихъ тому же лицу,—побѣдить нежеланія г. Ансилльона возвратиться въ Богемію и принять личное участіе въ трудахъ двухъ императорскихъ кабинетовъ".

Меттернихъ пользуется этимъ случаемъ для начертанія характеристики Ансилльона, конечно, не лестной для послѣдняго.

„Это нежеланіе возвратиться въ Богемію,—пишетъ Меттернихъ,—проистекало изъ слабости характера г. Ансилльона и нѣкоторыхъ достойныхъ сожалѣнія особенностей въ направленіи его ума. Этотъ министръ въ высшей степени боязливъ и постоянно одержимъ страхомъ компрометтировать себя. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, онъ хотѣлъ сохранить себѣ роль наблюдателя за мюнхенгрецкими актами и устроить себѣ положеніе, дозволяющее ему осуществлять этотъ контроль вмѣстѣ съ графомъ Бернсторфомъ".

Но мюнхенгрецкіе акты показываютъ, что Ансилльонъ имѣлъ основаніе быть „боязливымъ" и не желалъ „компрометтировать" не столько себя, сколько свое государство. Можетъ быть, онъ раскаивался въ томъ, что вынужденъ былъ подписать мюнхенгрецкій протоколъ, присланный для этой цѣли въ Берлинъ (15 октября 1833).

Мюнхенгрецкій договоръ направленъ, какъ сказано выше, противъ начала невмѣшательства; слѣдовательно, онъ содержитъ въ себѣ провозглашеніе начала вмѣшательства, въ слѣдующихъ условіяхъ и формахъ. Ст. 1-я гласитъ, что каждый независимый государь въ правѣ призвать себѣ на помощь другого независимаго государя въ случаѣ внутреннихъ смутъ или внѣшней опасности. Послѣдній въ правѣ подать эту помощь или отказать въ ней, руководствуясь своими интересами. Но въ случаѣ, если такая помощь будетъ подана, другая держава, не приглашенная государствомъ, находящимся въ опасности, не имѣетъ права вмѣшаться, съ цѣлью ли воспрепятствовать помощи, или съ цѣлью противодѣйствовать ей. Ст. 2-я гласитъ, что если бы помощь была испрошена у одной изъ трехъ договаривающихся сторонъ, и если бы другая держава хотѣла воспротивиться ей силою оружія, то обѣ другія державы сочтутъ это за вызовъ себѣ и поступятъ соотвѣтственно.

Изъ этого видно, что начало „вмѣшательства", съ одной стороны, провозглашается въ болѣе скромной формѣ, чѣмъ прежде, въ „эпоху конгрессовъ". Прошло уже время, когда „помощь" подавалась безъ воли вспомоществуемаго, и когда, напримѣръ, Фердинандъ Неаполитанскій былъ вызванъ въ Лайбахскій конгрессъ для объясненій. Сверхъ того державѣ, призываемой на помощь, предоставляется поступить согласно съ ея интересами. Но, съ другой стороны, если ея интересъ побудитъ ее подать требуемую помощь, посторонняя держава

не въ правѣ противодѣйствовать вмѣшательству, подъ страхомъ вызвать коалицію двухъ другихъ контрагентовъ.

Оба послѣднія постановленія были, очевидно, составлены въ интересахъ Австріи: ни Россіи, ни Пруссіи не представлялось перспективы „вмѣшательства", вызваннаго *ихъ* интересами. На нихъ ложилась только обязанность обезпечить Австріи возможность „вмѣшиваться" въ итальянскія дѣла и ограждать ее отъ противувмѣшательства Франціи. Этотъ договоръ являлся нѣкоторымъ вознагражденіемъ за трактатъ о гарантіи взаимныхъ владѣній польскими областями и конвенціи относительно оттоманской имперіи и Египта, заключенные 6 и 19 сентября 1833 г. также въ Мюнхенгрецѣ. Но онъ оставленъ былъ въ секретѣ, между подписавшими его державами, и не имѣлъ важныхъ послѣдствій.

Впрочемъ, всѣ означенныя гарантіи нисколько не препятствовали кн. Меттерниху вести интриги и противъ Россіи, когда это ему было выгодно. Такъ, въ 1839 году, по поводу поведенія Австріи въ турецкихъ дѣлахъ, русскій кабинетъ вынесъ то заключеніе, „что какъ только вѣнскій кабинетъ считаетъ себя безопаснымъ въ отношеніи страшнаго призрака революціи и не видитъ опасности для соціальнаго порядка, онъ тотчасъ же меньше чувствуетъ потребности опираться на Россію и на союзъ съ нею" [1]). Остается сожалѣть, что это заключеніе не повело къ болѣе практическимъ послѣдствіямъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что система 1815 года опиралась уже на соглашеніи трехъ восточныхъ державъ, изъ коихъ одна (Пруссія) испытывала нерѣдко страхъ „быть компрометтированной", а другая (Россія) начинала подозрѣвать, что ею пользуются единственно для устращенія революціонеровъ, пренебрегая ея союзомъ во времена мирныя. Несмотря на это, Меттернихъ продолжалъ свое воздѣйствіе всюду, гдѣ только предвидѣлась опасность перемѣнъ. Такъ, онъ усиленно воздѣйствовалъ на Швейцарію (сожалѣя, что вѣнскіе трактаты, по непонятной ошибкѣ, обезпечили этой странѣ нейтралитетъ), гдѣ съ 1830 г. шло движеніе, направленное къ болѣе демократическому устройству отдѣльныхъ кантоновъ и къ бо̀льшему единству союза,—движеніе, закончившееся федеральною конституціею 1848 года. Мѣсто не позволяетъ намъ изложить всѣ усилія вѣнскаго двора, направленныя къ поддержанію швейцарскихъ партикуляристовъ, олигарховъ и необходимыхъ въ этомъ дѣлѣ іезуитовъ; мы познакомились бы и съ усиліями Меттерниха (равно какъ и дружественнаго ему Гизо) поддержать „зондербундъ", этого собиратель-

---

[1]) Мартенсъ, тамъ же, стр. 478.

наго донъ-Карлоса. Если мы не дѣлаемъ этого, то потому, что „die schweizer Wirren“ для предмета нашей статьи представляютъ меньше интереса, чѣмъ австрійскіе Wirren, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

VI.

Пустота.

Успѣшна или неуспѣшна была внѣшняя политика Меттерниха, но, во всякомъ случаѣ, веденіе ея требовало большой самоувѣренности. Для того, чтобы поддерживать порядокъ, миръ и тишину во всей Европѣ, вмѣшиваясь постоянно въ чужія дѣла, посылая войско туда, подавая совѣты здѣсь, присутствуя, такъ-сказать, вездѣ и во всемъ,—нужно было имѣть твердую увѣренность въ силѣ и благоустройствѣ собственнаго государства. Имѣлъ ли Меттернихъ такую увѣренность? Повидимому, да.

Въ 1819 году, онъ не безъ гордости говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Талейранъ сказалъ однажды: Австрія есть европейская палата пэровъ; пока она не будетъ распущена, она сдержитъ палату общинъ“. Совершенно справедливо.

Но 1819 годъ былъ моментомъ полнаго упоенія успѣхомъ „конференцій“. Однако и въ 1817 году, когда безъ особенной прозорливости можно было предвидѣть „нѣчто“ въ ближайшемъ будущемъ, Меттернихъ, въ одной изъ своихъ депешъ, слѣдующимъ образомъ описывалъ цвѣтущее состояніе австрійской монархіи. „Австрійское государство обвиняютъ въ неподвижности. Это обвиненіе не имѣетъ смысла. Въ этомъ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, кромѣ *принциповъ*, которые не могутъ подвергаться перемѣнамъ, потому что истина останется всегда одною и тою же. Если обвиненіе направлено на наше постоянство въ поддержаніи принциповъ, на которыхъ покоится миръ и общественный порядокъ, оно обращается намъ въ похвалу, и мы были бы готовы его принять. Но дѣло не въ томъ; духъ приключеній, овладѣвающій теперь міромъ, упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не идемъ съ временемъ. Это невѣрно: мы идемъ съ временемъ, но въ такомъ направленіи, которое не подвергаетъ насъ опасности удалиться отъ принциповъ, и въ этомъ различіи направленій лежитъ исходная точка борьбы, завязавшейся между нами и партіями,—борьбы, которую мы поддерживали въ теченіе 60 послѣднихъ лѣтъ, и въ которой, съ помощью Божіей, мы не склонимся! Пусть бросятъ безпристрастный взглядъ на нашу имперію: все находится въ прогрессѣ; все хорошее и полезное идетъ впередъ; мы

не можемъ покровительствовать только опасности, ведущей къ злу. Всѣ законныя требованія, проповѣдуемыя людьми движенія, давно выполнены у насъ. Наша имперія признаетъ полное равенство гражданъ предъ закономъ; у насъ нѣтъ привилегій и феодальныхъ повинностей; въ ней имѣется равенство въ налогахъ и независимость правосудія. Всѣ части, составляющія имперію, имѣютъ сословныя собранія и муниципальную систему, гораздо болѣе либеральную, чѣмъ страны, поставленныя подъ дѣйствіе новой представительной системы. Ни въ какой имперіи національности не уважаются больше, чѣмъ въ нашей; уваженіе къ національностямъ имѣетъ даже значеніе условія, желательнаго для нашего существованія; правительственный абсолютизмъ нигдѣ не существуетъ въ меньшей степени, чѣмъ у насъ, и онъ не могъ бы даже проявиться, не вызвавъ реакціи, подобной той, какую вызвало къ нашей имперіи управленіе Іосифа II. Если это изложеніе нашего положенія вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью фактовъ, то единственныя страны, составляющія исключеніе, суть конституціонныя по преимуществу земли—Венгрія и Трансильванія, оставшіяся неподвижными вслѣдствіе духа оппозиціи, неразлучнаго съ дурно понятымъ конституціоннымъ духомъ“ [1]).

Эта идиллическая картина соотвѣтствуетъ, конечно, цѣлямъ дипломатической депеши, предназначенной для вразумленія иностранныхъ правительствъ. Но даже и дипломатическая отписка должна, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, соотвѣтствовать убѣжденію ея автора. Существовало ли соотвѣтствіе между тѣмъ, что̀ писалъ Меттернихъ, и тѣмъ, что̀ онъ думалъ, даже (это еще важнѣе) тѣмъ, что̀ онъ *зналъ?* На этотъ важный и щекотливый вопросъ дадутъ отвѣтъ его собственныя бумаги.

Уже въ 1817 году онъ предусматривалъ, что система управленія въ австрійской монархіи нуждается въ существенныхъ улучшеніяхъ.

Конечно, онъ искалъ средствъ къ этимъ улучшеніямъ „въ направленіи, согласномъ съ принципами“, и результатомъ его размышленій явилась записка, представленная имъ императору Францу [2]).

Изучая этотъ любопытный документъ, нельзя безъ изумленія видѣть, что всѣ разсужденія автора направлены противъ *одного* принципа, который, повидимому, былъ благопріятенъ его системѣ, именно противъ начала *административной централизаціи.* Но преды-

---

1) № 1614.
2) См. № 243 и 244.

дущая исторія Австріи и собственные аргументы Меттерниха объясняютъ тѣсную связь разсужденій послѣдняго съ его общими политическими принципами.

Въ странѣ, составленной изъ столь различныхъ народностей, имѣвшихъ свою политическую исторію, свой общественный строй, свои преданія, обычаи и интересы, всякая попытка централизаціи управленія на общихъ для всѣхъ началахъ, съ одной стороны, нашла бы почти неодолимыя препятствія въ мѣстныхъ условіяхъ, а съ другой—примѣненіе этой системы непремѣнно имѣло бы характеръ нѣкоторой революціи сверху. Судьба реформъ Іосифа II показала это. Его просвѣтительныя и задуманныя въ наилучшемъ духѣ преобразованія претерпѣли и должны были претерпѣть крушеніе. Въ этомъ смыслѣ, понятія Меттерниха были совершенно вѣрны. Не говоря уже о Венгріи и Трансильваніи съ ихъ вѣковыми учрежденіями, Чехія, Галиція, собственная Австрія, Ломбардія и Венеція не представляли такихъ элементовъ, которые бы можно было слить въ одно цѣлое путемъ централизаціи по французскому образцу. Система, сложившаяся во времена Маріи-Терезіи и Іосифа II и любезная Францу II (хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ Іосифу), казалась Меттерниху не только неудобной, но и опасной.

„Существующая правительственная система, — писалъ онъ, — покоится на слишкомъ широкомъ въ ежедневномъ его примѣненіи началѣ централизаціи. Государственная машина идетъ, потому что подчиненныя колеса хорошо сдѣланы и направлены, и во главѣ правительства стоитъ способный къ управленію монархъ. Но, — продолжаетъ Меттернихъ,—это положеніе можетъ измѣниться; необходимо теперь, при жизни императора Франца, приступить къ перемѣнамъ, могущимъ предотвратить грядущія опасности“. Дальнѣйшій ходъ его разсужденій состоялъ въ слѣдующемъ. Австрія болѣе другихъ европейскихъ государствъ нуждается въ примѣненіи силъ, необходимыхъ для самосохраненія. Эта сила можетъ быть только плодомъ ясно выраженныхъ и хорошо примѣняемыхъ правительственныхъ нормъ. Въ стремленіяхъ къ означенной цѣли для Австріи представляется два пути:

„Или совершенное сліяніе всѣхъ частей монархіи въ одну правительственную форму.

„Или сохраненіе разумныхъ, освященныхъ языкомъ, климатомъ, нравами и обычаями старинныхъ особенностей частей монархіи, подъ сильнымъ и хорошо устроеннымъ центральнымъ правительствомъ“.

Меттернихъ рекомендуетъ послѣдній путь, и здѣсь мѣсто разсмотрѣть, что заключаетъ въ себѣ его совѣтъ. Уваженіе „къ разумнымъ особенностямъ“ разныхъ частей государствъ есть, конечно,

первый долгъ правительства. Для правительства австрійскаго это правило особенно важно, такъ какъ Австрія состоитъ изъ обломковъ историческихъ народностей. Но уваженіе къ мѣстнымъ особенностямъ можетъ получить, такъ сказать, археологическій характеръ, приноровленный къ цѣлямъ сбереженія болѣе, чѣмъ къ цѣлямъ развитія государственныхъ силъ. При такомъ условіи, „сохраненіе" мѣстныхъ особенностей дѣлается однимъ изъ самыхъ могущественныхъ способовъ устраненія всякой общей „новизны". Поддерживая различія, поддерживаютъ между частями государства рознь, препятствующую ихъ взаимодѣйствію, ихъ соглашенію, ихъ стремленію къ извѣстнымъ общимъ цѣлямъ, которыхъ не можетъ не быть у народовъ, составляющихъ одно государство. Иначе говоря, почтенное начало уваженія къ мѣстнымъ особенностямъ является покровомъ другого лозунга хитрыхъ, но не глубокихъ политиковъ—divide et impera.

Эта мысль очень откровенно выражена императоромъ Францомъ II въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ. „Мои народы,—говорилъ онъ,—чужды другъ другу: тѣмъ лучше. Они не заболѣваютъ одновременно тѣми же болѣзнями. Когда во Франціи является лихорадка, она охватываетъ всѣхъ васъ въ тотъ же день. Я ставлю венгерцевъ въ Италію, итальянцевъ—въ Венгрію. Каждый сторожитъ своего сосѣда. Они не понимаютъ и ненавидятъ другъ друга. Изъ ихъ нерасположенія рождается порядокъ, изъ ихъ вражды—общій міръ". Событія показали, однако, что изъ этихъ элементовъ „родилось" нѣчто другое.

Философія Франца II была, въ сущности, философіею Меттерниха. Вотъ почему его мемуаръ, пространный и широковѣщательный оканчивается не чѣмъ инымъ, какъ предложеніемъ учредить нѣсколько „канцлеровъ", поставленныхъ подъ общее наблюденіе главы внутренняго управленія—высшаго канцлера или министра внутреннихъ дѣлъ. Таковыхъ канцлеровъ предположено четыре: 1-й—для Чехіи, Моравіи и Галиціи; 2-й—для земель австрійскихъ; 3-й—для Илливіи и Далмаціи; 4-й—для Ломбардіи и Венеціи. Вмѣстѣ съ высшимъ канцлеромъ они образуютъ одно министерство внутреннихъ дѣлъ. Каждый канцлеръ представляетъ въ министерствѣ интересы своихъ провинцій, а по отношенію къ провинціямъ—интересы государства. Этимъ путемъ будетъ созданъ центральный органъ, съ одной стороны, охраняющій мѣстныя права и особенности, а съ другой—обезпечивающій силу центральнаго правительства. Легко замѣтить, что въ этомъ планѣ не было рѣчи о Венгріи и Трансильваніи, коихъ „мѣстныя особенности" были особенно важны и не ладили съ правительственною системою Австріи. Меттернихъ, какъ онъ самъ говоритъ, умышленно оставилъ эти земли въ сторонѣ, въ надеждѣ

„цивилизовать" ихъ впослѣдствіи. На первый разъ онъ выражаетъ надежду, что, съ учрежденіемъ предположенныхъ имъ канцлеровъ для всѣхъ австрійскихъ земель, венгерское и семиградское канцлерства снизойдутъ съ своей высоты на степень общихъ учрежденій, и чрезъ это откроется путь къ постепенному измѣненію учрежденій Венгріи и Трансильваніи.

Предположеніе Меттерниха было осуществлено. Императорскій патентъ учредилъ, такъ-назыв., „vereinigte Hofkanzlei", съ четырьмя канцлерами, причемъ перемѣна противъ плана Меттерниха произведена только въ комбинаціи земель [1]).

Мы увидимъ ниже и на основаніи собственныхъ показаній канцлера, насколько эта реформа соотвѣтствовала предположенной цѣли. Замѣтимъ здѣсь, что его планы не ограничивались этой перемѣной. Къ разсмотрѣнному мемуару приложены извлеченія изъ позднѣйшихъ замѣтокъ князя, изъ коихъ видно, что онъ мечталъ о нѣкоторой формѣ центральнаго представительства. Именно, онъ считалъ полезнымъ учредить нѣчто вродѣ conseil d'état renforcé, т.-е. государственный совѣтъ, состоящій изъ лицъ, назначенныхъ императоромъ, и депутатовъ отъ мѣстныхъ чиновъ.

„Императоръ Францъ, — говоритъ Меттернихъ, — понималъ важность этого предмета, откладывалъ, однако, разсмотрѣніе его съ году на годъ. Но, по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни, постигшей его въ 1827 году, онъ открылъ мнѣ твердое свое рѣшеніе обсудить мое представленіе. Въ концѣ 1834 года императоръ объявилъ мнѣ, что онъ упрекаетъ себя въ томъ, что не далъ дѣлу никакого хода, но что рѣшеніе должно состояться до конца 1835 года. Два мѣсяца спустя императора уже не было въ живыхъ!"

Для объясненія этого мѣста нужно припомнить, что свойства сына и наслѣдника Франца II были довольно ясны какъ Меттерниху, такъ и императору. Канцлеръ, съ откровенностью, возможной въ такомъ деликатномъ вопросѣ, докладывалъ императору, что дѣла въ монархіи, при существующей системѣ, могутъ идти хорошо, пока во главѣ управленія стоитъ способный монархъ, но что все можетъ измѣниться при другихъ условіяхъ. Указывая на будущее и призывая Франца II подумать о томъ, онъ воздавалъ хвалу свѣтлому и безпристрастному взгляду своего государя, какъ монарха и какъ *отца*.

Ясность и безпристрастіе взглядовъ Франца II обнаружились, какъ

---

[1]) Графъ Сарау назначенъ министромъ внутр. дѣлъ и высшимъ канцлеромъ; графъ Лозанскій чешско-мораво-силезскимъ канцлеромъ; баронъ Гейслеръ—замѣстителемъ канцлера австро-иллирійскаго, и графъ Меллеріо—канцлеромъ ломбардо-венеціанскимъ.

видно изъ приведенной выписки, съ особенною силою два раза. Въ первый разъ, послѣ тяжкой болѣзни, едва не унесшей его въ могилу; во второй—въ предчувствіи смерти, послѣдовавшей чрезъ два мѣсяца. Въ эти моменты, когда императору открывалась перспектива новаго царствованія, умъ его обращался къ остававшемуся безъ движенія проекту.

Въ завѣщаніи Франца II своему наслѣднику нѣтъ, однако, ни одного слова объ этомъ предметѣ [1]). Выдающіяся мѣста завѣщанія слѣдующія: „не измѣняй ничего въ основахъ государственнаго зданія; управляй и не перемѣняй; держись твердо и непоколебимо началъ, соблюдая которыя, я не только провелъ монархію чрезъ бури тяжелыхъ временъ, но и обезпечилъ подобающее ей высокое положеніе, которое она занимаетъ въ мірѣ... Перенеси на князя Меттерниха, моего вѣрнѣйшаго слугу и друга, довѣріе, которымъ онъ пользовался отъ меня въ теченіе столькихъ лѣтъ. Не рѣшай ничего ни о дѣлахъ, ни о лицахъ, не выслушавъ его“.

Такимъ образомъ, къ новому императору перешла система, которая, по признанію Меттерниха, могла дѣйствовать только при правителѣ, подобномъ Францу.

Фердинандъ IV не только не наслѣдовалъ административныхъ способностей своего отца, но сверхъ того онъ былъ такъ слабъ тѣломъ и духомъ, что вообще занятія управленіемъ превышали его силы. Поэтому, чрезъ нѣсколько времени послѣ смерти Франца, для завѣдыванія высшими дѣлами, былъ учрежденъ особенный совѣтъ, подъ именемъ государственной конференціи (Staatskonferenz). Въ составъ его вошли: Меттернихъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кламъ-Мартиницъ (по военнымъ дѣламъ), графъ Коловратъ, и эрцъгерцоги Людвигъ и Францъ-Карлъ.

Съ этого момента начинаются испытанія Меттерниха. По существу своему конференція была временнымъ, а потому слабо организованнымъ учрежденіемъ; между тѣмъ, по болѣзни новаго императора, она должна была дѣйствовать постоянно. Успѣхъ ея дѣйствія зависѣлъ, конечно, отъ согласія ея членовъ. Кламъ-Мартиницъ былъ другомъ и опорою Меттерниха. Послѣдній умѣлъ ладить также съ двумя эрцъ-герцогами. Но отношенія его къ графу Коловрату были весьма натянутыя, какъ это видно изъ горькихъ упрековъ, которыми осыпали Коловрата и Меттернихъ, и княгиня Меланія.

Изъ дневника послѣдней можно бы было составить любопытный отдѣлъ подъ заглавіемъ: „Тоска княгини Меланіи“, причемъ эта тоска являлась отраженіемъ другой тоски—ея супруга.

---

[1]) № 1187. Завѣщаніе помѣчено 28-мъ февраля 1835.

Прежде всего Коловратъ представляется весьма безтолковымъ человѣкомъ, который можетъ работать только подъ руководствомъ Меттерниха [1]). Затѣмъ вся тяжесть внутреннихъ дѣлъ лежитъ какъ бы на одномъ послѣднемъ [2]). Разстройство внутреннее и внѣшнія усложненія давятъ несчастнаго канцлера. Между извѣстіями о балахъ, пріемахъ, парадахъ, родинахъ, крестинахъ и именинахъ, обѣдахъ и прогулкахъ, княгиня заноситъ постоянно извѣстія о горестяхъ мужа и рѣдко повѣствуетъ объ его радостяхъ [3]). Приведемъ наиболѣе характерныя мѣста.

Подъ 29-мъ марта 1839 г., княгиня пишетъ:

„Климентъ очень печаленъ или, лучше сказать, ему опротивѣло все, что у насъ дѣлаютъ, я могла бы даже сказать, не дѣлаютъ. Лѣнь, медлительность и небрежность дѣлаются съ каждымъ днемъ досаднѣе. Конференціями гнушаются, потому что знаютъ, что послѣ конференціи предложенія моего мужа будутъ приняты, а это не нравится графу Коловрату. Такъ распадается наша прекрасная монархія, т.-е. *она приходитъ въ гнилость, потому что у насъ есть только элементы разрушенія, но не сохраненія.* Боже, сжалься надъ нами, ибо мы очень больны, весьма жалки, очень несчастливы и безъ помощи Божіей скоро будемъ совсѣмъ покинуты“ [4]).

Въ 1840 году (18 января), она изливаетъ свои жалобы въ слѣдующихъ словахъ:

„Уныніе моего мужа относительно внутреннихъ дѣлъ ужасаетъ меня. Я знаю, что онъ чувствуетъ, и это причиняетъ мнѣ горькія заботы. Онъ чувствуетъ себя слишкомъ старымъ, чтобы бороться, не вѣритъ въ свои силы, чтобы продолжать борьбу, и не умѣетъ вести мелкой войны, которая была бы нужна. Онъ не хочетъ стоять во главѣ какой-либо партіи. Онъ видитъ, что зло увеличивается и не въ состояніи ему воспрепятствовать. Не въ томъ дѣло, чтобы у него не было нравственныхъ силъ,—онѣ угаснутъ только съ его жизнью, но у него нѣтъ физической выдержки, потому что при всѣхъ этихъ вопросахъ имъ овладѣваетъ чувство омерзѣнія. Онъ презираетъ мелочность, проявляющуюся въ иныхъ жалкихъ проискахъ, коихъ виновники, хотя и знаютъ, что они ведутъ чрезъ это монархію къ гибели, руководствуются только личными мотивами и своекорыстіемъ. Климентъ надѣется еще на помощь Божію. Богъ одинъ можетъ спасти эту старую монархію, допустивъ событія, на которыя никто не расчитывалъ. Если этого не случится скоро, Климентъ не сне-

---

[1]) Т. VI, стр. 18, 123.
[2]) VI, 120, 309.
[3]) VI, стр. 163, 164, 168, 231 и друг.
[4]) VI, 301.

сетъ напряженія, отвращенія и заботъ, причиняемыхъ ему неблагодарностью, глупостью и слабостью“ [1]).

Причину всѣхъ этихъ горестей объясняетъ ближайшимъ образомъ одна изъ секретнѣйшихъ записокъ Меттерниха, относящихся къ тому времени:

„Различіе и разнородность взглядовъ и стремленій двухъ руководящихъ министровъ съ каждымъ днемъ дѣлается все болѣе и болѣе „публичной“ тайной... Учрежденія въ высшей сферѣ теряютъ прочность и довѣріе: *государственный совѣтъ*—потому, что кругъ его дѣятельности ограничиваютъ, важнѣйшія дѣла отнимаются у него или предоставляются ему въ обрывкахъ, и самая организація его сдѣлалась вопросомъ; *конференція*—потому, что ей недостаетъ всѣхъ условій органической жизни и правильной дѣятельности. Съ каждымъ днемъ становится яснѣе и явственнѣе, что дѣла, составляющія нервъ государственной жизни, именно высшее руководство финансами, личный составъ и система внутренняго управленія, или вовсе не представляются на обсужденіе высшаго правительства, или представляются обрывками и случайно. Напротивъ, они сосредоточиваются въ рукахъ того министра, который причисляетъ къ предметамъ своего вѣдомства всѣ дѣла внутренняго управленія, и котораго власть съ каждымъ днемъ опредѣляется съ большимъ правомъ, какъ *абсолютизмъ* кабинетъ-министра. Такой абсолютизмъ тѣмъ опаснѣе, что ему недостаетъ обыкновенныхъ компенсацій такого всепоглощающаго и исключительнаго режима, ибо для каждаго, кто видитъ ясно, не тайна, что этотъ абсолютизмъ направляется не къ послѣдовательнымъ и сильнымъ стремленіямъ, къ ясно сознанной и великой государственной цѣли, но къ прихотливымъ желаніямъ удовлетворить мелкіе расчеты тщеславія, и что онъ (абсолютизмъ) имѣетъ своимъ представителемъ не сильную, самостоятельную и вліятельную личность, но человѣка рѣшительно зависимаго отъ нѣкоторыхъ интригановъ и эгоистовъ“ [2]).

Эти жалобы являются какъ бы выводомъ изъ подобныхъ обвиненій, изложенныхъ Меттернихомъ въ его письмахъ къ графу Кламу-Мартиницу (1837).

„Конференція“ является, по его мнѣнію, необходимостью; но она остается мертвой буквой. Графъ Коловратъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ внутреннее управленіе. Канцлеръ не отрицаетъ его прекрасныхъ качествъ и заслугъ. Но онъ неспособенъ руководить дѣлами. „Онъ принадлежитъ къ людямъ, которые думаютъ, что они руководятъ, когда ихъ самихъ ведутъ... Графъ родился быть орудіемъ, а

---

[1]) VI, стр. 368 и слѣд.

[2]) VII, 628 и слѣд.

не рукою" [1]). Человѣкъ, являющійся такою „рукою", есть баронъ Эйхгофъ, завѣдующій финансами: онъ терроризируетъ графа Коловрата и дѣйствуетъ подъ его прикрытіемъ. Завѣдуя финансами, онъ не имѣетъ ни обширныхъ финансовыхъ свѣдѣній, ни широкаго государственнаго взгляда. Свою дѣятельность онъ обставляетъ глубочайшей тайной и считаетъ каждый вопросъ, къ нему обращенный, за личное оскорбленіе. Все должно подчиниться его мудрости и умолкать предъ нею.

Между тѣмъ финансовыя и экономическія мѣры этого барона оказывались примѣненіемъ нехитрыхъ и отсталыхъ началъ запретительной и „покровительственной" системы. Въ то время какъ Пруссія выступила на путь разумной свободы торговли, что̀ и дало ей возможность основать знаменитый таможенный союзъ, въ Австріи происходили слѣдующія явленія, о коихъ Меттернихъ сообщалъ Кламу:

„Я только что проѣхалъ Богемію въ разныхъ направленіяхъ и говорилъ съ самыми различными людьми. Итогъ этихъ разговоровъ— масса жалобъ на бо̀льшую часть фискальныхъ распоряженій. Страна усѣяна зелеными сюртуками [2]), и контрабанда увеличилась вмѣстѣ съ массою надсмотрщиковъ. За границею смѣются надъ мѣрами, не приводящими ни къ какому результату; дома столь же громко раздаются жалобы на таможенные законы. Главные фабриканты стеклянныхъ издѣлій—я называю здѣсь Мейера—говорятъ, что если не будутъ приняты мѣры, эта важная отрасль производства значительно упадетъ. Точно то же происходитъ и съ производствомъ фарфора [3]).

„Зло, проистекающее изъ неясности нашего финансоваго положенія, — говоритъ онъ дальше, — разнообразно и явственно проявляется какъ недугъ. Ему долженъ быть положенъ конецъ; иначе— недугъ разрушитъ государство, которое—Богъ знаетъ это—можетъ быть защищено и проведено чрезъ бури времени только сомкнутыми рядами.

„Ежедневнымъ бременемъ и даже больше того—истинною опасностью—признаю я тотъ *страхъ*, который, постоянно усиливаясь, распространяется въ различныхъ классахъ общества, и которому дѣйствія графа Коловрата, непонятнымъ—для незнающихъ дѣлъ—образомъ, даютъ пищу" [4]).

Можно замѣтить только, что направленіе экономической и финансовой политики Австріи нельзя приписать ни графу Коловрату, ни „ужасному" барону Эйхгофу. Еще при жизни императора Франца,

---

[1]) № 1300.

[2]) Таможенные чиновники.

[3]) № 1303.

[4]) Тамъ же.

самъ Меттернихъ обращалъ его вниманіе на необходимость существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи, по поводу быстраго развитія и успѣховъ знаменитаго таможеннаго союза, основаннаго въ Германіи по инициативѣ Пруссіи. Въ прекрасной и очень убѣдительной запискѣ, Меттернихъ указывалъ на экономическія и финансовыя выгоды, полученныя Пруссіею отъ этой мѣры, и предвѣщалъ серьезныя политическія опасности для Австріи, если она останется внѣ этого движенія [1]).

Изъ этихъ указаній видно, что „цвѣтущее состояніе имперіи" было вопросомъ довольно спорнымъ и что „отсталое состояніе" Венгріи и Трансильваніи едва-ли было исключеніемъ. Что касается „отсталости" послѣднихъ, то и она имѣетъ свои объясненія. Если бы вѣнскій дворъ помирился съ существованіемъ въ этихъ странахъ вѣковыхъ представительныхъ учрежденій, и если бы государственные люди Австріи рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ съ этими учрежденіями въ направленіи преобразовательномъ, то, по всей вѣроятности, обновленіе коснулось бы не только внутренняго быта этихъ странъ, но и самаго средневѣковаго ихъ представительства. На дѣлѣ вся политика вѣнскаго двора была направлена къ постепенному уничтоженію государственнаго устройства этихъ областей; всѣ усилія послѣднихъ направились къ охраненію своей „пошлины", своей старины, такъ какъ безъ сохраненія ихъ исчезли бы всѣ условія дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Въ теченіе долгаго времени Венгрія, такъ сказать, лежала подъ спудомъ, пока накопившіеся десятилѣтіями элементы недовольства не произвели, наконецъ, революціоннаго взрыва 1848 года.

Возвращаясь къ жалобамъ Меттерниха на внутреннее состояніе имперіи и подводя имъ итогъ, нельзя не замѣтить, что онѣ касаются прежде всего неустройства *центральнаго* управленія, особенно въ эпоху Фердинанда IV. Власть какъ бы исчезаетъ въ центрѣ, и составить ее почти невозможно. Ее не могло сосредоточить въ своихъ рукахъ какое-либо одно лицо.

„Долженъ ли,—писалъ Меттернихъ графу Кламу,—одинъ человѣкъ, рядомъ съ монархомъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть? Но гдѣ этотъ человѣкъ? Эрцгерцогъ Людвигъ? Онъ не желаетъ! Я? Тоже не хочу. Графъ Коловратъ? Онъ не можетъ! Баронъ Эйхгофъ? За нимъ никто не пойдетъ! Итакъ—совѣтъ! Пусть противятся этому сколько хотятъ, но иначе дѣло не пойдетъ" [2]). Мы видѣли, однако, что дѣло не пошло. Остался произволъ отдѣльныхъ

---

[1]) № 1135.
[2]) № 1298.

лицъ, безпорядочныя дѣйствія которыхъ порождали безотчетный страхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Но если „центръ“ былъ разстроенъ, то, можетъ быть, мѣстныя учрежденія и мѣстные органы власти восполняли недостатки управленія высшаго? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить изъ замѣчательной депеши, написанной Меттернихомъ въ разгаръ итальянскаго возстанія къ графу Фикельмону, посланному для „умиротворенія“ Ломбардіи. Жалуясь вообще на слабость и бездѣйствіе мѣстныхъ властей, Меттернихъ представляетъ слѣдующую характеристику австрійскаго управленія.

„Наша административная машина стара, и поэтому она должна покоиться на основаніи практическомъ. Движеніе времени ослабляетъ не основу, но практику. Сила и слабость правительствъ зависятъ отъ привычки, и именно привычка, въ ихъ примѣненіи, есть первая причина зла, носящаго имя бюрократіи.

„Бюрократія не двигается, она неподвижна по самой своей природѣ. Въ ней низшіе слои, вмѣсто того, чтобы поддерживать высшіе, сами опираются на послѣдніе. Администрація занимаетъ мѣсто правительства, правительство исчезаетъ подъ бременемъ подробностей, которыя его подавляютъ. Но что̀ происходитъ съ слоемъ, который долженъ бы быть администраціей. Онъ беретъ на себя бремя правительства, что̀ превышаетъ его способности. Придя къ этому, онъ ограничиваетъ свое дѣйствіе испрошеніемъ приказаній отъ высшихъ, а это, въ видѣ *восходящаго каскада* (этой нравственной и физической безсмыслицы), потопляетъ главу государства въ потокѣ частныхъ вопросовъ и *лишаетъ государство всякаго дѣйствія*“ [1]).

Неудивительно, если „восходящій каскадъ“ потопилъ самого Меттерниха; но онъ сдѣлалъ съ нимъ нѣчто худшее, какъ это явствуетъ изъ его прощальнаго письма къ графу Фикельмону, занявшему его постъ послѣ событій 13 марта.

„Австрія,—писалъ онъ,—находится на пути преобразованія. *Она должна была къ нему прити*, но она избрала дурную дорогу. Врагъ вошелъ въ станъ потому, что послѣдній не охраняли! Не вамъ нужно сообщать что-либо относительно прошлаго: вы его знаете, равно какъ и то, чего я хотѣлъ и чего не могъ достигнуть. То, чего я требовалъ прежде всего въ теченіе годовъ, прошедшихъ со времени общаго мира (1815),—это созданіе правительственной силы, безъ которой нѣтъ государства. Меня не поняли, и изъ этого факта должно было произойти то, что̀ дѣйствительно было его послѣдствіемъ. Мой кабинетъ и даже моя личность представляли австрій-

---

[1]) № 1674.

ское могущество во внѣ, тогда какъ *внутри образовалась пустота. Я сдѣлался* такимъ образомъ (что̀ противно моему нравственному существу) *фантасмагоріей, существомъ воображаемымъ, духомъ безъ тѣла, представителемъ того, что̀ должно бы существовать и что̀ не существовало.* Вотъ исторія, а не романъ“ [1]).

13 марта 1848 года, Меттерниха постигла судьба всѣхъ „фантасмагорій“: онъ исчезъ отъ простого дуновенія вѣтра. Это случилось, можно сказать, неожиданно. До самой послѣдней минуты, князю менѣе всего могло прити въ голову, что „врагъ“ нанесетъ ему пораженіе въ самой Вѣнѣ, въ этомъ городѣ утѣхъ и забавъ. Онъ сражался со врагомъ въ Италіи, писалъ инструкціи ломбардо-венеціанскимъ властямъ, подавалъ совѣты Пію IX, заботился о швейцарскихъ дѣлахъ, разсуждалъ о положеніи, которое три восточныя державы должны занять въ виду провозглашенія республики во Франціи, и былъ спокоенъ относительно Вѣны. Еще 11 марта многіе были увѣрены въ спокойствіи столицы.

Но 12 марта врагъ высказалъ послѣднее свое предостереженіе устами одной совсѣмъ нереволюціонной дамы, которая, по отзыву княгини Меланіи, „не всегда понимала, что̀ говоритъ“. Вечеромъ этого дня у князя Меттерниха собралось больше посѣтителей, чѣмъ обыкновенно. За чаемъ, княгиня Ф. Эстергази неожиданно предложила княгинѣ Меланіи лаконическій вопросъ: „правда ли, что вы удаляетесь завтра?“ — „Почему“, спросила Меланія? — „Намъ говорятъ, что мы должны купить свѣчей для устройства иллюминаціи, потому что произойдетъ великое событіе!“.

На другой день Вѣна приняла дѣйствительно революціонный видъ. Бунтующія толпы спѣшили занять то пустое мѣсто, которое было оставлено обратившимся въ „фантасмагорію“ правительствомъ. Послѣднее, дойдя до послѣдней степени разложенія и слабости, спѣшило спасти себя уступками. Первою изъ такихъ уступокъ сдѣлался князь Меттернихъ. Подъ давленіемъ шумныхъ революціонныхъ сборищъ, эрцгерцогъ Людвигъ объявилъ Меттерниху, что спокойствіе резиденціи зависитъ отъ его удаленія. Меттернихъ, оставленный всѣми, какъ говоритъ кн. Меланія, повиновался.

„Не могу сказать,—продолжаетъ кн. Меланія,—сколько испытала я въ этотъ день неблагодарности и низости. Я никогда не ожидала многаго отъ людей, но признаюсь, что никогда не представляла ихъ себѣ столь низкими. Какъ крысы покидаютъ тонущій корабль, такъ убѣжали отъ насъ многіе перепуганные друзья. Какъ растаяло число оставшихся намъ вѣрными, сравнительно съ повернувшими намъ

---

[1]) № 1698.

спину въ минуту опасности!.. Весь свѣтъ радовался тому, что Климентъ былъ униженъ въ общественномъ мнѣніи Европы; но для меня онъ сталъ выше, чѣмъ когда-нибудь".

Такимъ образомъ, „скучные люди", которые когда-то такъ надоѣдали Меттерниху своими „поздравленіями", успѣли показать, что и они умѣютъ быть злыми. Но имъ не было дано много времени на проявленіе своихъ истинныхъ свойствъ. На другой день (14 марта), положеніе Меттерниха въ Вѣнѣ сдѣлалось на столько небезопасно, что онъ долженъ былъ бѣжать съ разными предосторожностями.

„Какая минута! — восклицала княгиня Меланія. — Этотъ отъѣздъ, это бѣгство — и за что? Что̀ мы сдѣлали? Заслужили ли мы это?... Онъ, который полагалъ свою славу въ томъ, чтобы поддержать монархію дольше, чѣмъ другіе, видитъ сегодня все зданіе своей трудовой жизни разрушеннымъ въ двадцать четыре часа" [1]).

На эти „warum" княгиня не могла дать себѣ отвѣта.

Но Меттернихъ старался дать себѣ полный отчетъ въ происшедшемъ. Въ оставленныхъ имъ объясненіяхъ мы встрѣчаемъ одно мѣсто, весьма удивительное въ его устахъ.

Обсуждая на досугѣ причины мартовской революціи въ Австріи, онъ призналъ, что одна изъ главныхъ цѣлей его „трудовой" жизни обратилась въ *элементъ революціи*. Исчисляя эти элементы, Меттернихъ ставитъ во главѣ ихъ:

„Тридцатичетырехлѣтнюю эпоху *мира*, однимъ ударомъ положившую конецъ 22-лѣтней эпохѣ войны и открывшую умамъ, возбужденнымъ соціальною революціею, начатою въ 1789 году, поприще, на которомъ охраняющія власти могли меньше распознаться, чѣмъ ихъ враги" [2]).

Это заключеніе тѣмъ удивительнѣе, что, повидимому, всѣ усилія охраняющихъ властей, руководимыхъ Меттернихомъ, были направлены къ „распознаванію" элементовъ и признаковъ развивавшагося зла. Остается предположить одно изъ двухъ: или предметы „распознаванія" были избраны невѣрно, или подъ именемъ мира разумѣлась одна наружная тишина, далеко не тождественная съ дѣйствительнымъ миромъ. Но еще вѣрнѣе предположить, что между „сохраненіемъ" и „разрушеніемъ" есть нѣчто третье, очень важное, въ исторіи и въ жизни, но всегда какъ-то ускользающее отъ политиковъ, — подобныхъ Меттерниху.

КОНЕЦЪ III-ГО ТОМА.

---

[1]) VII, стр. 539 и слѣд.
[2]) VII, стр. 623 и слѣд.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Какъ указано въ предисловіи, второе изданіе этюдовъ „Государство и Прогрессъ“ и „Парламентаризмъ во Франціи“, помѣщенное въ сборникѣ *Политика, исторія и администрація*, отличается отъ первыхъ изданій ихъ—въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867-й годъ и въ *Зарѣ* за 1869-й годъ—нѣкоторыми пропусками. Приводимъ здѣсь наиболѣе существенные:

С. 234 наст. изд. Послѣ словъ: „восполнить болѣе дѣйствительными, практическими признаками“, въ 1-мъ изд. (*Заря*, 1869 г., апрѣль, стр. 4—15) читается:

Первою изъ такихъ сферъ является область религіи. По его мнѣнію [1]), единственный разумный принципъ въ этомъ отношеніи есть полная свобода всѣхъ вѣроисповѣданій, безъ всякихъ ограниченій, безъ привилегій для той или другой церкви. Современное государство, продолжаетъ онъ, избавлено отъ церковной нетерпимости въ дѣлахъ вѣры. Но вмѣсто этой нетерпимости, государство едва было не впало въ другую, именно въ политическую нетерпимость. Основателемъ этой теоріи онъ считаетъ Руссо. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ философъ, вообще дававшій обществу деспотическую власть надъ личностью, говоритъ слѣдующее: „есть чисто гражданское исповѣданіе вѣры (profession de foi), причемъ государству (т.-е. souverain—народу) принадлежитъ право опредѣлить его содержаніе. Статьи этого исповѣданія не будутъ догматами вѣры, но какъ бы общественными чувствами. Не имѣя возможности заставить кого-либо вѣрить въ эти догматы, государство можетъ изгнать каждаго, кто имъ не вѣритъ,—изгнать не за безвѣріе, а за необщественность (comme insociable). Если же кто признаетъ эти догматы и затѣмъ будетъ себя вести такъ, какъ будто онъ имъ не вѣритъ, онъ долженъ быть наказанъ смертью, ибо такой человѣкъ совершилъ величайшее изъ преступленій—солгалъ предъ законами“. Разумѣется, эта теорія не могла нравиться Констану, тѣмъ болѣе, что она не оставалась теоріею во время Террора. Политическая нетерпимость въ дѣлахъ вѣры, говоритъ Констанъ, такъ же опасна, болѣе нелѣпа и болѣе несправедлива, чѣмъ нетерпимость церковная. Она такъ же опасна, ибо приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, подъ другимъ только предлогомъ; она нелѣпѣе первой, такъ какъ не имѣетъ въ основѣ своей никакого убѣжденія; несправедливѣе, ибо вредитъ людямъ только по расчету. Констанъ требуетъ полной религіозной свободы,

---

[1]) Ib., стр. 128 и слѣд.

не только для всѣхъ существующихъ религій, но и для всѣхъ будущихъ ихъ развѣтвленій, сектъ, и даже совершенно новыхъ культовъ. Онъ требуетъ такой свободы на слѣдующемъ основаніи.

Религія сама по себѣ чувство чисто индивидуальное, свободное, и не выноситъ авторитета. Какъ такое индивидуальное чувство, она составляетъ насущную потребность для каждаго человѣка. Она—единственное средство утѣшенія для несчастныхъ, гонимыхъ судьбою; когда люди преслѣдуютъ насъ, мы ищемъ утѣшенія внѣ людей. Когда лучшія наши надежды разбиваются, когда мы не находимъ нигдѣ справедливости, свободы и отечества, мы льстимъ себя надеждою (nous nous flattons), что существуетъ гдѣ-то существо, которое наградитъ насъ за вѣрность справедливости, свободѣ и отечеству, сохраненную нами, несмотря на людей. При потерѣ любимаго существа, мы перекидываемъ мостъ чрезъ пропасть вѣчности и переходимъ ее мыслью. Наконецъ, когда жизнь насъ покидаетъ, мы стремимся къ новой жизни. Въ такомъ смыслѣ религія есть самое естественное чувство. Мы можемъ себѣ представить образованнаго человѣка безъ религіи; но народъ неспособный къ религіи—самый жалкій народъ.

Почему же это прекрасное само по себѣ учрежденіе — вызвало такія ожесточенныя нападенія въ XVIII вѣкѣ и именно со стороны самыхъ просвѣщенныхъ и независимыхъ людей? Причина этого, по мнѣнію Констана, заключается въ томъ, что религія была искажена. Она превратилась въ рукахъ авторитета въ опасное учрежденіе. Догматическая религія, враждебная и преслѣдующая сила, захотѣла подчинить себѣ воображеніе въ его представленіяхъ, сердце—въ его потребностяхъ. Изъ средства утѣшенія она сдѣлалась страшнымъ бичемъ. Вслѣдствіе этого люди возстали противъ религіи, во имя своей нравственной свободы. Они возстали не столько противъ религіи, сколько противъ тираніи. Нетерпимость, поставивъ на сторонѣ вѣры силу, заставила мужество перейти на сторону сомнѣнія.

Посему лучшее средство возвратить людей къ вѣрѣ — объявить свободу вѣроисповѣданій. При такой свободѣ никому не придетъ въ голову нападать на религію. Государство не должно само держаться и брать подъ свое покровительство никакихъ догматовъ. Пусть секты размножаются сами собою безъ всякаго вмѣшательства власти. Утверждаютъ, говоритъ Констанъ, что ни одна изъ признанныхъ церквей не можетъ измѣнять своихъ догматовъ безъ согласія государственной власти. Но если эти догматы будутъ отвергнуты большинствомъ членовъ церкви, можетъ ли власть заставить ихъ исповѣдывать эти догматы?

Мы не беремъ на себя трудной задачи представить критику этой теоріи. Вопросъ о религіозной свободѣ имѣетъ обширную литературу, разсмотрѣнъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Для насъ достаточно указать на тотъ фактъ, что Констанъ разсматриваетъ религію, какъ исключительно индивидуальное чувство, свободное и въ своихъ *представленіяхъ*, и въ своихъ стремленіяхъ и проявленіяхъ. Другими словами, каждому человѣку должно быть предоставлено право создавать себѣ догматы и обряды своей религіи. Мы не знаемъ—куда бы пришло человѣчество, если бы этотъ принципъ когда-нибудь былъ примѣненъ къ общественной жизни. Но исторія показываетъ, что человѣкъ вѣрилъ (если онъ вѣрилъ) не самъ по себѣ, а всегда въ церкви, и не самъ себѣ создавалъ догматы, а подчинялся догматамъ установленнымъ. Причина этого заключается, во-первыхъ, въ томъ, что религія не есть мнѣніе человѣка о томъ или другомъ предметѣ, а есть *вѣра* въ такія вещи, которыя недоступны никакому обсужденію и никакому мнѣнію. Поэтому индивидуаль-

ное *представленіе* и стремленіе не можетъ создать догмата и дать человѣку утѣшеніе, ибо человѣкъ не можетъ относиться безъ критики и безъ сужденія къ произведенію своей собственной фантазіи. *Такая* религія не принесла бы никакой пользы человѣчеству; она не дала бы ему сознанія высшаго нравственнаго порядка. Есть много правды въ ученіи Платона, что истина не заключена въ человѣкѣ, а отчасти отражается въ немъ, и часто — невѣрно. Философъ этотъ создалъ міръ идей, стоящій выше и внѣ людей. Дѣло послѣднихъ осуществить идею на землѣ, но осуществленіе это не можетъ быть дѣломъ отдѣльныхъ лицъ. Приблизительной полноты достигаетъ осуществленіе идеи только въ обществѣ. Личное сознаніе, предоставленное самому себѣ, никогда не достигаетъ ни опредѣленныхъ, ни истинно возвышенныхъ нравственныхъ представленій. Религія, говоритъ Констанъ, есть стремленіе къ высшему и всесправедливому существу. Но для того, чтобы стремиться къ этому существу, надо прежде всего сознать его. Можетъ ли недѣлимый самъ по себѣ возвыситься до этого сознанія? Констанъ говоритъ, что во всѣхъ горестяхъ человѣкъ „льститъ себя надеждой“ на бытіе высшаго и милосердаго существа, и получаетъ утѣшеніе. Пока человѣкъ „льститъ себя такой надеждой“, онъ не получитъ никакого утѣшенія. Необходимо, чтобы онъ твердо вѣрилъ въ такое существо, а вѣра эта не дается простому индивидуальному сознанію; она устанавливается только откровеніемъ или убѣжденіемъ — что то или другое понятіе о Божествѣ установлено самимъ высшимъ существомъ. Другими словами, нѣтъ религіи безъ догматовъ, нѣтъ догматовъ безъ вѣры въ откровенное ихъ происхожденіе. Констанъ вѣритъ далѣе въ какое-то Высочайшее Существо. Но неужели онъ думаетъ, что человѣкъ можетъ достигнуть самъ собою этого понятія во всей его чистотѣ? Исторія знаетъ вполнѣ индивидуальную религію,—но это фетишизмъ. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе и полнѣе развивалась религія, какъ вѣроисповѣданіе, чѣмъ выше дѣлались представленія о Божествѣ и нравственномъ порядкѣ, тѣмъ меньше замѣчаемъ мы въ ней индивидуальнаго элемента. Правда, намъ могутъ возразить, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, кромѣ сонма разныхъ божествъ, было еще сознаніе о какомъ-то высшемъ существѣ, понятіе о „великомъ духѣ“ и т. п. Но какое сознаніе? Самое смутное и имѣющее мало практическаго значенія. Великій Духъ заслонялся отъ сознанія людей Олимпами и другими аггрегатами божествъ. Укажите намъ на культъ, обращенный прямо къ Высочайшему Существу? Языческая Греція, говорятъ, посвящала алтари „невѣдомому Богу“. Дѣйствительно, онъ былъ ей невѣдомъ, хотя сознаніе о немъ и жило подъ языческимъ мусоромъ. Ни высокая образованность, ни сильная культура не могутъ дать этого яснаго сознанія. Робеспьеръ поклонялся „Высочайшему Существу“, но вѣрилъ ли онъ ему? Вѣрили ли тѣ, которые поклонялись вмѣстѣ съ нимъ? Философы древняго міра сознавали единаго Бога; но имѣли ли они вѣру—ту вѣру, которая передвигаетъ горы, или по крайней мѣрѣ, преобразуетъ міръ? Нѣтъ— философское единобожіе разложило древнее язычество, заставило авгуровъ смѣяться другъ надъ другомъ, но не дало міру новой вѣры. Ее принесли христіане. И эта новая вѣра „подчинила себѣ воображеніе въ его представленіяхъ и сердце въ его потребностяхъ“, какъ говоритъ Констанъ.

Сила религіи и нравственныхъ представленій заключается именно въ томъ, что они стоятъ выше индивидуальнаго сознанія — что они шагъ за шагомъ воспитываютъ человѣчество. Приведемъ здѣсь слова человѣка, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ религіозной нетерпимости,—Прудона. „Идеи,—говоритъ онъ,—медленно подымаются на горизонтъ человѣчества, особенно идеи,

доказывающія прогрессъ сознанія. Было время, когда ремесло вора—синонимъ героя, считалось весьма почетнымъ. Слово, написанное Моисеемъ въ десяти заповѣдяхъ, „не укради“, lo thi-gnob, было настоящею общественною революціею. Въ самомъ дѣлѣ, воровство, въ нѣкоторые моменты исторіи, является, говоря словами Гоббеса, естественнымъ правомъ“ [1]).

Если же религія (и основанная на ней нравственность) должна быть авторитетомъ, то она является не индивидуальнымъ, а общественнымъ фактомъ. Она даетъ обществу извѣстныя начала, на которыхъ оно держится, и отрицаніе этихъ началъ во всѣ времена приводило къ разрушенію существующаго порядка. Государство, какъ представитель общества, должно быть построено на такихъ началахъ. Государство, не признающее никакихъ религіозныхъ началъ, до настоящаго времени существовало только въ теоріи—и слава Богу. Никто не можетъ указать христіанскаго государства, которое бы не оставалось таковымъ въ основныхъ положеніяхъ законодательства. Ни одно христіанское государство не рискнетъ освятить многоженства, кровосмѣшенія, прелюбодѣянія, не потому, чтобы эти явленія были противны „соціальному порядку“, а просто потому, что это противно Евангельскому ученію. Ни одно государство не сдѣлаетъ уступокъ „свободѣ индивидуальныхъ концепцій“, ибо это противно интересамъ христіанской цивилизаціи, проникающей весь общественный и государственный бытъ новыхъ народовъ.

Каждое государство должно держаться и держится какого-нибудь положительнаго вѣроисповѣданія. Оно можетъ и должно терпѣть въ своихъ предѣлахъ всѣ вѣроисповѣданія, можетъ разрѣшать отдѣльнымъ лицамъ держаться какой угодно вѣры,—но само оно и его законодательство должно быть проникнуто одною религіозною идеею. Какъ ни далеко зашла свобода вѣроисповѣданія на западѣ Европы, но никому не прійдетъ въ голову утверждать, что король Англіи можетъ быть евреемъ, императоръ французовъ — магометаниномъ, король Пруссіи—буддистомъ. Мало того. Ни одно государство не объявило себя даже государствомъ христіанскимъ *вообще*. Русскій монархъ не можетъ быть протестантомъ; англійскій король не имѣетъ права быть католикомъ. То же примѣняется до нѣкоторой степени и къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Религіозная свобода во Франціи открыла доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Но когда еврей Кремьё сдѣлался въ 1848 г. министромъ юстиціи, министерство духовныхъ дѣлъ, прежде соединенное съ министерствомъ юстиціи, было отдѣлено и соединено съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Никто не удивился, когда французскій сенатъ наполнился кардиналами и епископами; но никто не подумалъ посадить туда главнаго раввина.

Исторія государствъ доказываетъ, что нерѣдко судьба ихъ зависитъ отъ того, какой религіи они держатся. Тою или другою религіею опредѣляется весь характеръ національнаго развитія. Нерѣдко особенности и, слѣдовательно, самостоятельность народности удерживаются, благодаря особенности религіознаго начала. Россіи не все равно было исповѣдывать православіе или другую религію, напр., латинство. Православіе и донынѣ—оплотъ русскаго народа противъ такъ-называемыхъ цивилизаторовъ шляхетско-баронскаго свойства. Франція сильна въ политикѣ, именно какъ представительница католическо-романскаго начала, въ противоположность германо-протестантскому.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы правительству принадлежало право

---

[1]) *De la capacité pol. des classes ouvrières*, p. 102.

религіозной инквизиціи,—чтобы оно должно было преслѣдовать религіозныя убѣжденія и подвергать отдѣльныхъ лицъ строгой духовной цензурѣ. Но между наступательными враждебными дѣйствіями въ область другихъ религіозныхъ убѣжденій и между простымъ охраненіемъ признанныхъ религіозныхъ догматовъ—есть разница. Государство не въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія убѣжденія человѣка, но въ правѣ требовать, чтобы онъ, принося присягу въ судѣ, призывалъ Того, кого призываетъ его церковь.

Итакъ, религіозная свобода не можетъ быть отождествлена съ индивидуализмомъ въ религіи. По дѣламъ вѣры каждое государство соглашается имѣть дѣло только съ церковью, т.-е. съ внѣшнимъ авторитетомъ религіи, а не съ мнѣніями особей. Имѣя же дѣло съ авторитетами, нерѣдко весьма сильными, оно можетъ, въ видахъ собственной безопасности, выбирать между этими авторитетами и устранять опасныя для него церкви. Никто не станетъ отрицать, что государство имѣло право изгнать іезуитовъ. Государство можетъ быть поставлено въ необходимость защищаться всѣми мѣрами отъ извѣстнаго вѣроисповѣданія. Представимъ себѣ, съ одной стороны, церковь, никогда не имѣвшую притязаній на политическую власть, — церковь, не искушенную въ борьбѣ, а потому нерѣдко пассивную; предположимъ, что, вслѣдствіе разныхъ причинъ, духовенство этой церкви находится въ крайней бѣдности, лишено блестящаго образованія; что, вслѣдствіе этого, высшіе классы извѣстнаго общества недостаточно укрѣплены въ правилахъ вѣры и готовы поддаться всякой ловкой рѣчи проповѣдника чуждаго вѣроисповѣданія; предположимъ, наконецъ, что, несмотря на все это, церковь сія составляетъ главную опору государственной національности. Въ правѣ ли государство гостепріимно и наивно открыть двери для пропаганды другого вѣроисповѣданія, которое отличается стремленіемъ къ политическому господству, искусилось въ борьбѣ, употребляло въ этой борьбѣ всѣ средства, и какія средства! Маколей съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ говоритъ объ этихъ могущественныхъ орудіяхъ пропаганды [1]. „Непреклонные только въ вѣрности къ церкви, они (іезуиты) одинаково готовы были обращаться, для достиженія своихъ цѣлей, къ духу вѣрноподданничества и къ духу свободы. Крайнія ученія о повиновеніи и крайнія ученія о свободѣ, право монарховъ угнетать народъ, право каждаго подданнаго вонзить ножъ въ сердце худого правителя—были проповѣдуемы одними и тѣми же людьми, смотря по тому, обращались ли они къ подданнымъ Филиппа (II), или къ подданнымъ Елисаветы (англійской). Нѣкоторые описывали ихъ самыми строгими, другіе—самыми снисходительными изъ духовныхъ отцовъ. И оба описанія были справедливы. Истинно набожный человѣкъ внималъ со страхомъ высокой и святой нравственности іезуитовъ. Веселый дворянинъ, убившій на дуэли своего соперника; красавица, забывшая свой супружескій обѣтъ,—находили въ іезуитѣ развязнаго, хорошо воспитаннаго свѣтскаго человѣка, умѣющаго прощать маленькіе грѣшки свѣтскихъ людей...“

Государство, которое бы, при такихъ данныхъ, поставило свой народъ подъ условія „свободной религіозной конкурренціи“, врядъ ли было бы достойно названія государства. Изгоняя изъ своихъ предѣловъ всѣ вѣроисповѣданія, кромѣ одного, оно поступило бы противъ всѣхъ началъ человѣческой свободы и справедливости; предавая главнѣйшую изъ своихъ церквей на жертву другимъ, оно погрѣшило бы противъ всѣхъ правилъ здраваго смысла.

Воззрѣнія Констана на религіозную свободу ясно доказываютъ, что подъ

---

[1]) См. его разборъ сочиненія Ранке „О римскихъ папахъ“.

именемъ свободы онъ разумѣлъ право сопротивленія противъ всякаго авторитета, и это право должно имѣть своимъ результатомъ передачу разныхъ общественныхъ элементовъ въ безусловное распоряженіе недѣлимаго. Религіозная свобода представляется сильнымъ камнемъ преткновенія для этой теоріи. Зато другіе виды свободы представляютъ гораздо меньше поводовъ къ сомнѣнію. Поэтому, можетъ быть, Констанъ и распространяется о нихъ гораздо меньше. Но слѣдующія немногія слова о свободѣ печати могутъ считаться образцовымъ приговоромъ человѣка, который достаточно былъ знакомъ съ литературнымъ поприщемъ, чтобы правильно судить о томъ, куда ведетъ система угнетенія печатнаго слова.

„Вопросъ о свободѣ печати,—говоритъ онъ,—съ нѣкотораго времени такъ хорошо выяснился, что о немъ можно сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній".

Нельзя сказать, конечно, чтобы эти слова знаменитаго публициста были совершенно справедливы. Вопросъ о свободѣ печати считался спорнымъ въ его время и остается такимъ до настоящаго времени. Самъ Констанъ употребилъ много времени и трудовъ для разъясненія его своимъ современникамъ. Правительство Наполеона I не давало журналамъ никакой свободы. Бурбоны не хотѣли ее дать. Наполеонъ давилъ журналистику потому, что, по его мнѣнію, она могла продолжить революцію, имъ „законченную". Бурбоны боялись свободы печати потому, что она могла привести къ новой революціи. Воспоминанія о 1793 и 1789 годахъ пугали и перваго и послѣднихъ, и, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ основаній. Такія газеты, какъ *Другъ Народа* Марата или *Отецъ Дюшенъ* Гебера, не могутъ благопріятно дѣйствовать на умы и поддерживать существующій порядокъ вещей. Но Констанъ и не требовалъ такой свободы печати: подъ газетой онъ разумѣлъ не прокламацію, не воззваніе къ огню и топору; подъ свободою сужденія онъ не разумѣлъ права указывать на лицъ, подлежащихъ гильотинѣ. Онъ стремился къ той свободѣ печати, которая составляетъ гордость Англіи и силу всѣхъ образованныхъ государствъ. Такая свобода печати, по его мнѣнію, не была и не могла быть причиною революціи 1789 года [1]). Ближайшею причиною этого переворота было разстройство финансовъ, и если бы за полтораста лѣтъ до революціи во Франціи существовала свобода печати, она положила бы конецъ разорительнымъ войнамъ и безпутному мотовству. Не свобода печати возбудила ненависть къ административному произволу и къ lettres de cachet; напротивъ, существуй свобода печати при Людовикѣ XVI, она показала бы, насколько его управленіе было мягко, умѣренно; воображеніе не было бы возбуждено противъ „ужасовъ" Бастиліи, коимъ всѣ вѣрили, благодаря тайнѣ и мраку, окружавшимъ администрацію. Не свобода печати, наконецъ, привела къ ужасамъ и неистовствамъ революціи, а отсутствіе этой свободы въ прежнія времена, сдѣлавшее толпу невѣжественною, легковѣрною и потому подозрительною и свирѣпою. Преступленія свободы были подготовлены деспотизмомъ прежняго времени.

Когда свобода печати войдетъ въ привычки народа, отъ нея нельзя ожидать дурныхъ послѣдствій. Она опасна только въ первое время послѣ долгаго вынужденнаго молчанія. Констанъ объясняетъ это съ помощью весьма остроумнаго сравненія. „Представимъ себѣ,—говоритъ онъ [2]),—общество прежде изобрѣтенія языка; не имѣя этого легкаго и быстраго способа обмѣна мыслей,

---

[1]) Ib., стр. 259.
[2]) Ib., стр. 258.

оно восполняетъ сей недостатокъ способами, менѣе легкими и быстрыми. Изобрѣтеніе языка произвело бы въ немъ внезапный взрывъ. Всѣ видѣли бы въ этихъ новыхъ звукахъ страшныя опасности; многіе осторожные и благоразумные умы, важные сановники, старые администраторы сожалѣли бы о добромъ старомъ времени мира и всеобщаго молчанія. Но постепенно удивленіе и страхъ утратили бы свою силу. Языкъ сдѣлался бы средствомъ, ограниченнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ; благодѣтельная недовѣрчивость, плодъ опыта, предостерегала бы слушателей отъ необдуманнаго увлеченія. Все вошло бы въ прежній порядокъ, съ тою разницею, что общество пріобрѣло бы новое средство для своего развитія и прогресса. То же будетъ и съ печатью, когда власть перестанетъ бороться противъ нея. Англійское государство не поколебалось отъ писемъ Юніуса. Свобода печати ни въ чемъ не стѣсняла Фридриха II".

Чрезъ годъ послѣ появленія этой брошюры [1]), когда свобода печати была возстановлена до нѣкоторой степени во Франціи, Констанъ писалъ: „мое предсказаніе сбылось. Никогда свобода, или лучше сказать, распущенность печати не была сильнѣе; никогда злостные памфлеты (libelles) не были многочисленнѣе, разнообразнѣе и распространеннѣе. И никогда, въ то же время, эти презрѣнныя произведенія не обращали на себя меньше вниманія. Я серьезно думаю, что теперь больше памфлетистовъ, чѣмъ читателей".

Провозглашая свободу печати, Констанъ выставляетъ въ то же время два условія для ея осуществленія: судъ присяжныхъ и хорошее уголовное законодательство.

Карательныя мѣры необходимы не потому, чтобы брошюрки грозили обществу опасностью; онѣ необходимы въ интересахъ самой печати. Уголовный законъ долженъ отличать преступное дѣйствіе отъ невиннаго, запрещенное—отъ дозволеннаго. Воззванія къ убійству, къ гражданской войнѣ, къ иностраннымъ державамъ, оскорбленія главы государства—не могутъ быть дозволены ни въ одной странѣ.

Но если преступленія противъ печати подлежатъ наказанію, то призывать виновныхъ къ отвѣтственности и карать ихъ можетъ только судъ—и притомъ судъ присяжныхъ. Преступленія по дѣламъ печати рѣзко отличаются отъ другихъ въ томъ отношеніи, что они состоятъ не въ какомъ-нибудь осязательномъ фактѣ, прямо указывающемъ на намѣренія преступника и выражающемъ результаты его дѣянія. Въ преступленіяхъ по дѣламъ печати опредѣлить намѣренія автора и указать на результаты его сочиненія—труднѣе; вотъ почему судить о намѣреніи автора, на основаніи внутренняго убѣжденія, и взвѣсить результаты его книги, посредствомъ сближенія и изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ, могутъ только присяжные. Всякій трибуналъ, произносящій свои приговоры на основаніи точныхъ законовъ, поставленъ въ необходимость или употреблять произволъ, или освящать безнаказанность.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ дальше останавливаться на мнѣніяхъ Констана относительно свободы печати. Въ этомъ нѣтъ и особенной необходимости: они давно сдѣлались достояніемъ не только всей либеральной публицистики, но и всего образованнаго общества.

Никто не станетъ оспаривать того, что журнальная статья есть только мнѣніе, а не дѣйствіе; что свобода мнѣній возможна только при карательной, а не предупредительной цензурѣ, и что единственнымъ органомъ карающей власти государства можетъ быть правильный и независимый судъ. Несмотря,

---

[1]) Вышеприведенныя строки были написаны Констаномъ въ 1814 г.

однако, на общеизвѣстность этихъ положеній, многія изъ сочиненій Констана по этому предмету имѣютъ всю прелесть новизны и съ большою пользою могутъ быть прочитаны и въ настоящее время [1]).

Мы стараемся выставить оригинальныя стороны ученія Констана, а въ числѣ этихъ оригинальностей не послѣднее мѣсто занимаетъ его ученіе о собственности. Онъ помѣстилъ ее въ числѣ видовъ личной свободы. Но онъ не основываетъ ее на общемъ принципѣ личной свободы. Онъ, повидимому, далекъ въ этомъ отношеніи отъ деклараціи правъ, которая объявляетъ собственность прирожденнымъ и неотчуждаемымъ правомъ лица, наравнѣ съ свободою, безопасностью и съ правомъ сопротивленія насилію. Этотъ принципъ деклараціи правъ не былъ какою-либо новостью. За цѣлое столѣтіе до революціи Локкъ доказывалъ,—въ противоположность многимъ философамъ естественнаго права, говорившимъ другое (напр. Гроцію, Гобессу, Вольфу и т. д.),—что право собственности существуетъ еще въ естественномъ состояніи. Онъ основывалъ это право на началѣ, сдѣлавшемся впослѣдствіи предметомъ цѣлой науки,—на трудѣ. „Еще въ то время,—говоритъ онъ,—когда земля и низшія животныя были въ общемъ владѣніи, каждый имѣлъ право на свою личность. Трудъ его тѣла и работа его рукъ—его собственное имущество. Все, что онъ извлекъ изъ природы своимъ трудомъ и промышленностию, принадлежитъ ему одному". Локкъ, такимъ образомъ, первый ввелъ это начало для опредѣленія права собственности, которое до него основывали на законѣ или на оккупаціи. Ученіе его было внесено въ политическую экономію, сдѣлавшую уже большіе успѣхи въ то время, когда писалъ Констанъ. Послѣдній самъ объявляетъ себя экономистомъ и любитъ ссылаться на замѣчательнѣйшихъ представителей этой науки. Несмотря на все это, онъ отличаетъ право собственности отъ прочихъ индивидуальныхъ правъ.

„Я сказалъ,—говоритъ онъ,—что граждане имѣютъ личныя права, коими они пользуются независимо отъ каждой общественной власти. Въ числѣ этихъ находится и право собственности. Тѣмъ не менѣе я отличаю право собственности отъ другихъ личныхъ правъ. Многіе изъ сторонниковъ собственности, защищавшіе ее отвлеченными соображеніями, впали, сколько мнѣ кажется, въ важную ошибку: они представили собственность чѣмъ-то таинственнымъ, предшествующимъ обществу, независимымъ отъ него. Эти положенія невѣрны. Собственность не предшествуетъ обществу, ибо безъ ассоціаціи, дающей ей гарантію, она была бы только правомъ перваго завладѣвшаго, или правомъ силы, т.-е. не правомъ. Собственность независима отъ общества, ибо мы можемъ себѣ представить общественное состояніе, правда, очень скверное, безъ собственности, но не можемъ себѣ представить собственности безъ общественнаго состоянія. Собственность существуетъ по волѣ общества (de par la société). Общество *нашло*, что лучшее средство пользоваться имуществомъ, общимъ всѣмъ и оспариваемымъ всѣми до его установленія, есть предоставленіе каждому части этого имущества или, скорѣе, удержаніе за каждымъ той части имущества, которою онъ пользовался по праву перваго занятія" [2]).

---

[1]) Таковы: *De la liberté des brochures* etc. (t. I, p. 443—472). *Observations sur le discours, prononcé par s. e. le min. de l'intérieur en faveur du projet de loi sur la liberté de la presse* (ib., p. 475—500). *Questions sur la législation actuelle de la presse en France* (ib., 504—556) и т. д.

[2]) Ib., стр. 112 и слѣд.

Констанъ часто повторяетъ это положеніе. Собственность есть общественный договоръ; поэтому общество имѣетъ надъ нею права, которыхъ оно не имѣетъ надъ другими личными правами, и т. д. Несмотря на это, Констанъ далекъ отъ мысли предоставить собственность въ безотчетное распоряженіе общества. Установленное обществомъ право собственности является, однако, священнымъ и неприкосновеннымъ правомъ. Произволъ, допущенный по отношенію къ собственности, скоро перейдетъ въ произволъ надъ лицомъ и поведетъ къ уничтоженію всѣхъ правильныхъ условій экономическаго быта. Отдать собственность въ неограниченное распоряженіе правительства—значитъ убить производительное значеніе народнаго труда, уничтожить всѣ условія правильнаго накопленія богатства. Если правительство считаетъ себя неограниченнымъ властелиномъ имущества подданныхъ, то подданные или расточаютъ свое богатство, или скрываютъ его, кладутъ подъ спудъ. Въ первомъ случаѣ капиталы уходятъ не на полезныя отрасли народной промышленности, а на удовольствія грубыя, легкомысленныя и непроизводительныя; въ послѣднемъ случаѣ капиталы остаются безъ всякаго употребленія и потеряны для земледѣлія, торговли и промышленности. При отсутствіи безопасности экономія дѣлается обманомъ, умѣренность—неблагоразуміемъ...

Нельзя не обратить вниманія на этотъ пріемъ Констана. Онъ доказываетъ необходимость неприкосновенности собственности не на основаніи ея собственныхъ свойствъ, а въ виду экономическихъ удобствъ. Другими словами, онъ принимаетъ во вниманіе не *принципъ* собственности, а *цѣль*, которой можно достигнуть посредствомъ этого учрежденія. Въ этомъ отношеніи пріемъ Констана имѣетъ большое сходство съ пріемомъ знаменитаго Прудона. Въ своей теоріи собственности [1]) послѣдній доказываетъ, что институтъ собственности можетъ быть оправданъ не въ принципѣ, а въ цѣли этого института, — что цѣль эта заключается въ укрѣпленіи свободы личности противъ государственнаго абсолютизма. Констанъ доказывалъ то же самое за пятьдесятъ лѣтъ до Прудона. Одинаковость взглядовъ этихъ двухъ публицистовъ объясняется, сколько намъ кажется, тѣмъ, что оба они исходили изъ одного принципа— личной свободы, и на всѣ установленія, окружающія личность, смотрѣли съ этой точки зрѣнія.

С. 235. Послѣ словъ: „суть произведенія исключительно личной свободы“, въ 1-мъ изд. (*Заря*, 1869 г., апрѣль, стр. 16—17) читается:

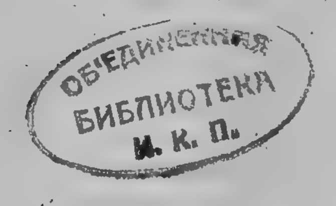
Если бы Констанъ требовалъ невмѣшательства государства только на первомъ основаніи, тогда а) опредѣленіе степени личной свободы было бы предоставлено государству, въ видахъ условій мѣста и времени, а равно и въ виду политическаго значенія религіи, экономической и умственной дѣятельности, б) явилась бы возможность отвести государству извѣстную долю положительнаго участія во всѣхъ этихъ сферахъ,—долю, необходимую въ виду именно этого общественнаго значенія религіи и народной экономіи.

Повторяемъ, проявленіе личной свободы въ области умственной, религіозной и экономической не можетъ быть разсматриваемо только какъ индивидуальный актъ того или другого лица и оцѣниваемо единственно съ точки зрѣнія формальнаго сосуществованія (коэкзистенціи) недѣлимыхъ. Для госу-

---

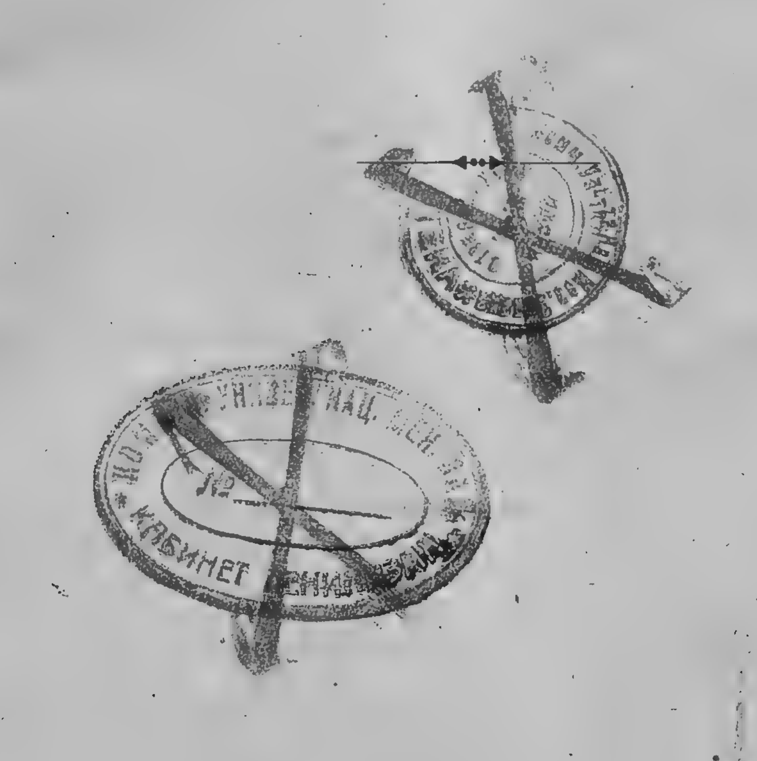
[1]) *Théorie de la propriété*, par P. J. Proudhon. 2-me éd., см. главу VI и слѣд.

дарства вопросъ о религіи будетъ всегда вопросомъ о церквахъ, какъ общественной силѣ,—экономическая дѣятельность возбуждаетъ всегда массу сложныхъ общественныхъ отношеній между работникомъ и предпринимателемъ, между поземельнымъ собственникомъ и капиталистомъ, между производителемъ и потребителемъ и т. д.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
6	11 снизу	практическую	критическую
463	9 снизу	являться	появляться
4	2 сверху	небывалый	доселѣ небывалый

ОГЛАВЛЕНІЕ.

